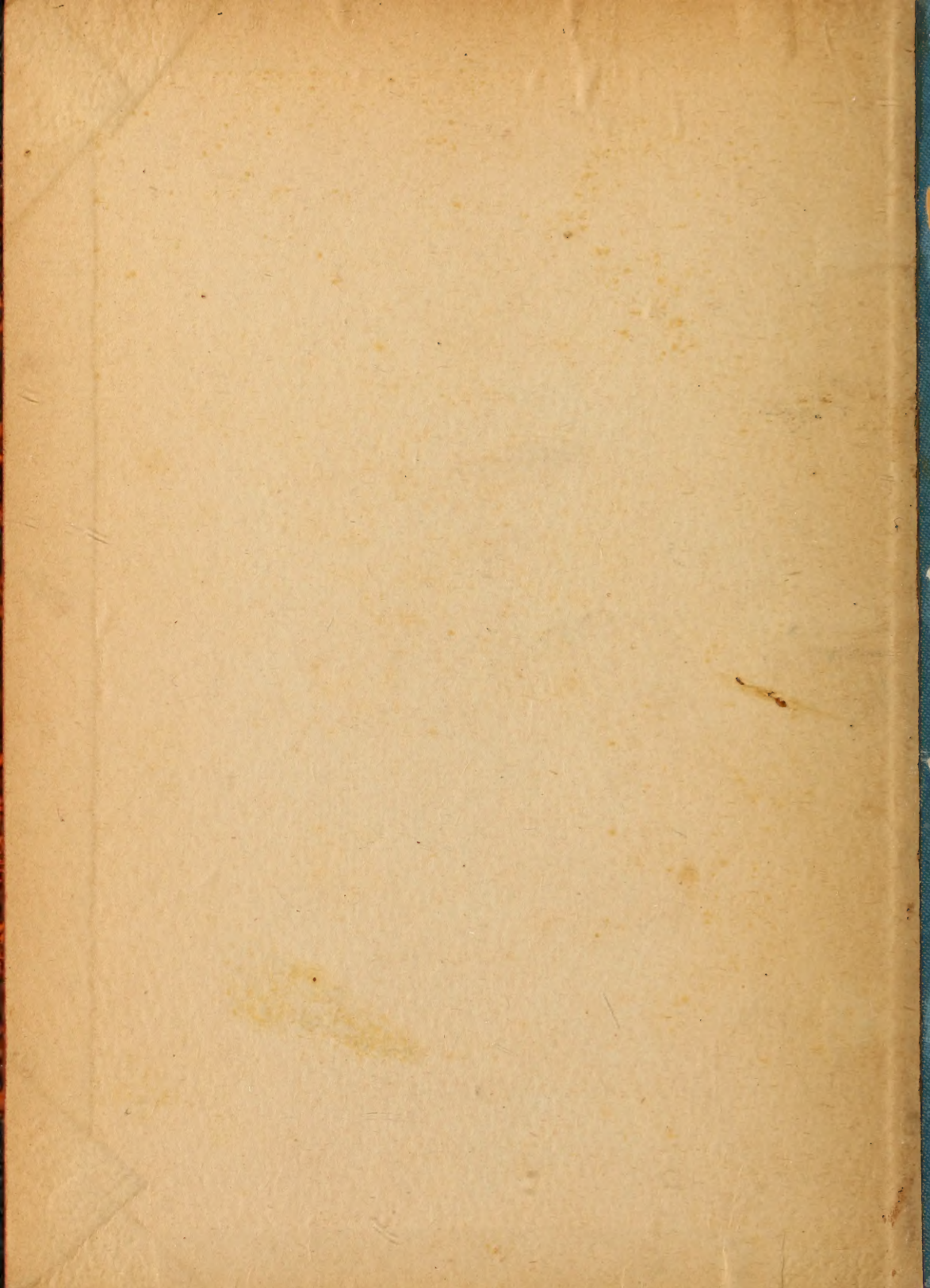

3 1761 08821266 7

ИЗ КЊИЖНИЦЕ

» М. С. М. БУБЕВЦА «

☆ №. ☆

» Београд «

LR 1 Byeliŭsky, Vissarion Stepanovich
B9936s d'ul' Svetozarevich Turevich

СОЧИНЕНІЯ

Sochineniya

В. Г. БѢЛИНСКАГО

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

Съ портретомъ и факсимиле автора.)

Степановичъ
т. 2
ТОМЪ ВТОРОЙ

1840 — 1842

556359
9.1.53

Михаилъ Степановичъ
ИЗЪ КНИЖНИ Е

⇒ М. С. М. БУБЕВЦА ⇐

☆ №. ☆

⇒ Београд ⇐

МОСКВА.

Изданіе С. С. МОШКИНА.

1898

В. Т. ЕРДННСКАТО

ВЪ РЕПЕРЪДЪ ТОМАЪДЪ

ТОМАЪДЪ ВТОРОЙ

1810—1812

Типографія И. А. Баландина, Волхонка, д. Михалкова.

І. КРИТИЧЕСКІЯ СТАТІИ.

Михаилъ Светозаревичъ
Грудеваго

ДВѢ СТАТІИ О ЛЕРМОНТОВѢ.

І.

Герой нашего времени. Соч. Лермонтова. Спб. 1840.
Двѣ части.

Отличительный характеръ нашей литературы состоитъ въ рѣзкой противоположности ея явленій. Возьмите любую европейскую литературу, и вы увидите, что ни въ одной изъ нихъ нѣтъ скачковъ отъ величайшихъ созданій до самыхъ пошлыхъ: тѣ и другія связаны лѣстницею со множествомъ ступеней, въ нисходящемъ или восходящемъ порядкѣ, смотря потому, съ котораго конца будете смотрѣть. Подлѣ гениальнаго художественнаго созданія вы увидите множество созданій, принадлежащихъ сильнымъ художническимъ талантамъ; за ними безконечный рядъ превосходныхъ, примѣчательныхъ, порядочныхъ и т. д. беллетрическихъ произведеній, такъ что доходите до порожденій дюжинной посредственности не вдругъ, а постепенно и незамѣтно. Самыя посредственныя произведенія иностранной беллетристики носятъ на себѣ отпечатокъ большей или меньшей образованности, знанія общества, или, по крайней мѣрѣ, грамотности авторовъ. И потому-то всѣ европейскія литературы такъ плодотворны и богаты, что ни на мигъ не оставляютъ своихъ читателей безъ достаточнаго запаса умственнаго наслажденія. Самая французская литература, бѣдная и ничтожная художественными созданіями, едва ли еще не богаче другихъ беллетрическими произведеніями, благодаря которымъ она и удерживаетъ свое исключительное владычество надъ европейскою читающею публикою.

Напротивъ того, наша молодая литература по справедливости можетъ гордиться значительнымъ числомъ великихъ художественныхъ созданий, и до нищеты бѣдна хорошими беллетрическими произведеніями, которыя естественно должны бы далеко превосходить первыя въ количествѣ. Въ вѣкъ Екатерины литература наша имѣла Державина—и никого, кто бы хотя нѣсколько приближался къ нему; полузабытый нынѣ Фонвизинъ и забытые Хемницеръ и Богдановичъ были единственными примѣчательными беллетристами того времени. Крыловъ, Жуковскій и Батюшковъ были поэтическими корифеями вѣка Александра I; Капнистъ, Карамзинъ (говоримъ о немъ не какъ объ историкѣ), Дмитріевъ, Озеровъ и еще немногіе блестящимъ образомъ поддерживали беллетристику того времени. Съ двадцатыхъ до тридцатыхъ годовъ настоящаго вѣка литература наша оживилась: еще далеко не кончили своего поэтическаго поприща Крыловъ и Жуковскій, какъ явился Пушкинъ, первый великій народный русскій поэтъ, вполнѣ художникъ, сопровождаемый и окруженный толпою болѣе или менѣе примѣчательныхъ талантовъ, которыхъ неоспоримымъ достоинствомъ мѣшаетъ только невыгода быть современниками Пушкина. Но зато пушкинскій періодъ необыкновенно (сравнительно съ предшествовавшими и послѣдующимъ) былъ богатъ блестящими беллетрическими талантами, изъ которыхъ нѣкоторые въ своихъ произведеніяхъ возвышались до поэзіи, и хотя другіе теперь уже и не читаются, но въ свое время пользовались большимъ вниманіемъ публики и сильно занимали ее своими произведеніями, большею частью мелкими, помѣщавшимися въ журналахъ и альманахахъ. Начало четвертаго десятилѣтія ознаменовалось романическимъ и драматическимъ движеніемъ и—несбывшимися яркими надеждами: „Юрій Милославскій“ подаль большія надежды, „Торквато Тассо“ тоже подаль большія надежды. и многіе подавали большія надежды, только теперь оказались совершенно безнадежными... Но и въ этомъ періодѣ надеждъ и безнадежностей блеститъ яркая звѣзда великаго творческаго таланта,—мы говоримъ о Гоголѣ, который, къ сожалѣнію, послѣ смерти Пушкина ничего не печатаетъ, и котораго послѣднія произведенія русская публика прочла въ „Современникѣ“ за 1836 годъ, хотя

слухи о новыхъ его произведеніяхъ и не умолкаютъ... Тридцатый годъ былъ роковымъ для нашей литературы: журналы начали прекращаться одинъ за другимъ, альманахи наскучили публикѣ и прекратились, и въ 1834 году „Библіотека для Чтенія“ соединила въ себѣ труды почти всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ поэтовъ и литераторовъ, какъ бы нарочно для того, чтобы показать ограниченность ихъ дѣятельности и бѣдность русской литературы... Но обо всемъ этомъ мы скоро поговоримъ въ особой статьѣ; на этотъ разъ прямо выскажемъ нашу главную мысль, что отличительный характеръ русской литературы—внезапные проблески сильныхъ и даже великихъ художническихъ талантовъ и, за немногими исключеніями, вѣчная поговорка читателей: „книгъ много, а читать нечего“... Къ числу такихъ сильныхъ художественныхъ талантовъ, неожиданно являющихся среди окружающей ихъ пустоты, принадлежитъ талантъ Лермонтова.

Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ на 1835 годъ напечатано было нѣсколько (очень немного) стихотвореній Пушкина и Жуковского; послѣ того русская поэзія нашла свое убѣжище въ „Современникѣ“, гдѣ, кромѣ стихотвореній самого издателя, появлялись нерѣдко и стихотворенія Жуковского и немногихъ другихъ, и гдѣ помѣщены: „Капитанская дочка“ Пушкина, „Носъ“, „Коляска“ и „Утро дѣловаго человѣка“, сцена изъ комедіи, Гоголя, не говоря уже о нѣсколькихъ замѣчательныхъ беллетрическихъ произведеніяхъ и критическихъ статьяхъ. Хотя этотъ полу-журналъ и полу-альманахъ только годъ издавался Пушкинымъ, но какъ въ немъ долго печатались посмертныя произведенія его основателя, то „Современникъ“ и долго еще былъ единственнымъ убѣжищемъ поэзіи, скрывшейся изъ періодическихъ изданій съ началомъ „Библіотеки для Чтенія“. Въ 1835 году вышла маленькая книжка стихотвореній Кольцова, послѣ того постоянно печатающаго свои лирическія произведенія въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ до сего времени. Кольцовъ обратилъ на себя общее вниманіе, но не столько достоинствомъ и сущностью своихъ созданій, сколько своимъ качествомъ поэта-самоучки, поэта-прасола. Онъ и доселѣ не поймать, не оцѣнить, какъ поэтъ, внѣ его личныхъ обстоятельствъ, и только немногіе созна-

ють всю глибину, обширность и богатырскую мощь его таланта, и видять въ немъ не эфемерное, хотя и примѣчательное явленіе періодической литературы, а истиннаго жреца высокаго искусства. Почти въ одно время съ изданіемъ первыхъ стихотвореній Кольцова явился съ своими стихотвореніями и Бенедиктовъ. Но его муза гораздо больше произвела въ публикѣ толковъ и восклицаній, нежели обогатила нашу литературу. Стихотворенія Бенедиктова—явленіе примѣчательное, интересное и глубоко поучительное: они отрицательно поясняютъ тайну искусства и въ то же время подтверждаютъ собою ту истину, что всякій внѣшній талантъ, ослѣпляющій глаза внѣшнею стороною искусства и выходящій не изъ вдохновенія, а изъ легко воспламеняющейся натуры, такъ же тихо и незаметно сходитъ съ арены, какъ шумно и блистательно является на нее. Благодаря странной случайности, вслѣдствіе которой въ „Библіотеку для Чтенія“ попали стихи Красова и явились въ ней съ именемъ Бернета, Красовъ, до того времени печатавшій свои произведенія только въ московскихъ изданіяхъ, получилъ общую извѣстность. Въ самомъ дѣлѣ, его лирическія произведенія часто отличаются пламеннымъ, хотя и неглубокимъ чувствомъ, а иногда и художественною формою. Послѣ Красова заслуживаютъ вниманіе стихотворенія подъ фирмою — о —; они отличаются чувствомъ скорбнымъ, страдальческимъ, болѣзненнымъ, какою-то однообразною оригинальностью, нерѣдко счастливыми оборотами постоянно господствующей въ нихъ идеи раскаянія и примиренія, иногда плѣнительными поэтическими образами. Знакомые съ состояніемъ духа, которое въ нихъ выражается, никогда не пройдутъ мимо ихъ безъ душевнаго участія; находящіеся въ томъ же самомъ состояніи духа естественно преувеличатъ ихъ достоинства; люди же, или незнакомые съ такимъ страданіемъ, или слишкомъ нормальные духомъ, могутъ не отдать имъ должной справедливости: таково вліяніе и такова участь поэтовъ, въ созданіяхъ которыхъ общее слишкомъ заслонено ихъ индивидуальностью. Во всякомъ случаѣ стихотворенія — о — принадлежатъ къ примѣчательнымъ явленіямъ современной имъ литературы, и ихъ историческое значеніе не подвержено никакому сомнѣнію.

Можетъ быть многимъ покажется странно, что мы ничего не говоримъ о Кукольникѣ, поэтѣ, столь превознесенномъ „Библіотекою для Чтенія“. Мы вполне признаемъ его достоинства, которыя неподвержены никакому сомнѣнію, но о которыхъ новаго нечего сказать. Поэтическія мѣста не выкупаютъ ничтожности цѣлаго созданія, точно такъ же, какъ два, три счастливые монолога не составляютъ драмы. Пусть въ драмѣ, состоящей изъ 3000 стиховъ, наберется до тридцати или, если хотите, и до пятидесяти хорошихъ лирическихъ стиховъ, но драма оттого не менѣе скучна и утомительна, если въ ней нѣтъ, ни дѣйствія, ни характеровъ, ни истины. Многочисленность написанныхъ къ-мъ-либо драмъ также не составляетъ еще достоинства и заслуги, особенно, если всѣ драмы похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды. О талантѣ ни слова, пусть онъ будетъ; но степень таланта — вотъ вопросъ! Если талантъ не имѣетъ въ себѣ достаточной силы стать въ уровень съ своими стремленіями и предпріятіями, онъ производитъ только пустоцвѣтъ, когда вы ждете отъ него плодовъ. — Чтобы насъ не подозрѣвали въ пристрастіи, мы, пожалуй, упомянемъ еще и о Бернетѣ, во многихъ стихотвореніяхъ котораго иногда проблескивали яркія искорки поэзіи; но ни одно изъ нихъ, какъ изъ большихъ, такъ и изъ маленькихъ, не представляло собою ничего цѣлаго и оконченаго. Къ тому же талантъ Бернета идетъ сверху внизъ, и послѣднія его стихотворенія послѣдовательно слабѣе первыхъ, такъ что теперь уже перестаютъ говорить и о первыхъ. Можетъ быть мы пропустили еще нѣсколько стихотворцевъ съ проблескомъ таланта; но стоитъ ли останавливаться надъ однолѣтними растеніями, которыя такъ не рѣдки, такъ обыкновенны, и цвѣтутъ одно мгновеніе! стоитъ ли останавливаться надъ ними, хоть они и цвѣты, а не сухая трава? Нѣтъ!

Спящій въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

И потому обратимся къ живымъ. Но изъ нихъ только одинъ Кольцовъ обѣщаетъ жизнь, которая не боится смерти, ибо его поэзія есть не современно-важное, но безотносительно примѣчательное явленіе. Никого изъ явившихся вмѣстѣ съ

нимъ и послѣ него нельзя поставить съ нимъ наряду, и долго стоялъ онъ въ просторномъ отдаленіи отъ всѣхъ другихъ, какъ вдругъ на горизонтѣ нашей поэзіи взошло новое яркое свѣтило и тотчасъ оказалось звѣздою первой величины. Мы говоримъ о Лермонтовѣ, который, безъ имени, явился въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ 1838 года съ поэмою „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“, а съ 1839 года постоянно продолжаетъ являться въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Поэма его, не смотря на ея великое художественное достоинство, совершенную оригинальность и самобытность, не обратила на себя особеннаго вниманія всей публики и была замѣчена только немногими; но каждое изъ его мелкихъ произведеній возбуждало общій и сильный восторгъ. Всѣ видѣли въ нихъ что-то совершенно новое, самобытное; всѣхъ поражало могущество вдохновенія, глубина и сила чувства, роскошь фантазіи, полнота жизни и рѣзко ошутительное присутствіе мысли въ художественной формѣ. Пока, оставляя въ сторонѣ сравненія, мы, замѣтимъ теперь только то, что, при всей глубинѣ мыслей, энергіи выраженія, разнообразіи содержанія, по которымъ Кольцову едва ли можно бояться чьего либо соперничества, форма его стихотвореній, несмотря на свою художественность, всегда однообразна, всегда одинаково безыскусственна. Кольцовъ не есть только народный поэтъ: нѣтъ, онъ стоитъ выше; ибо если его пѣсни понятны всякому простолюдину, то его думы недоступны никому; но въ то же время онъ не можетъ назваться и поэтомъ національнымъ, ибо его могучій талантъ не можетъ выйти изъ магическаго круга народной непосредственности. Это гениальный простолюдинъ, въ душѣ котораго возникаютъ вопросы, свойственные только людямъ, развитымъ наукою и образованіемъ, и который высказываетъ эти глубокіе вопросы въ формѣ народной поэзіи. Поэтому онъ непереволимъ ни на какой языкъ и понятенъ только у себя дома, только своимъ соотечественникамъ. „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ показываетъ, что Лермонтовъ умѣетъ явленія непосредственной русской жизни воспроизводить въ народно-поэтической формѣ, единственно свойственной имъ,

тогда какъ прочія его произведенія, проникнутыя русскимъ духомъ, являются въ той обще-міровой формѣ, которая свойственна поэзіи, перешедшей изъ естественной въ художественную, и которая, не переставая быть національною, доступна для всякаго вѣка и всякой страны.

Въ то время какъ какія-нибудь два стихотворенія, помѣщенные въ первыхъ двухъ книжкахъ „Отечественныхъ Записокъ“ 1839 года, возбудили къ Лермонтову столько интереса со стороны публики за нимъ имя поэта съ большими надеждами, Лермонтовъ вдругъ является съ повѣстью „Бѣла“, написанною въ прозѣ. Это тѣмъ пріятнѣе удивило всѣхъ, что еще болѣе обнаружило силу молодого таланта и показало его разнообразіе и многосторонность. Въ повѣсти Лермонтовъ явился такимъ же творцомъ, какъ и въ своихъ стихотвореніяхъ. Съ перваго раза можно было замѣтить, что эта повѣсть вышла не изъ желанія заинтересовать публику исключительно любимымъ ею родомъ литературы, не изъ слѣпого подражанія дѣлать то, что всѣ дѣлаютъ, но изъ того же источника, изъ котораго вышли его стихотворенія—изъ глубокой творческой натуры, чуждой всякихъ побужденій, кромѣ вдохновенія. Лирическая поэзія и повѣсть современной жизни соединились въ одномъ талантѣ. Такое соединеніе повидимому столь противоположныхъ родовъ поэзіи не рѣдкость въ наше время. Шиллеръ и Гёте были лириками, романистами и драматургами, хотя лирическій элементъ всегда оставался въ нихъ господствующимъ и преобладающимъ. Самъ „Фаустъ“ есть лирическое произведеніе въ драматической формѣ. Поэзія нашего времени по преимуществу — романъ и драма; но лиризмъ все-таки остается общимъ элементомъ поэзіи, потому что онъ есть общій элементъ человѣческаго духа. Съ лиризма начинается почти каждый поэтъ, такъ же, какъ съ него начинается каждый народъ. Самъ Вальтеръ-Скоттъ перешелъ къ роману отъ лирическихъ поэмъ. Только литература Сѣверо-американскихъ штатовъ началась романомъ Купера, и это явленіе такъ же странно, какъ и общество, въ которомъ оно произошло. Можетъ быть это оттого, что сѣверо-американская литература есть продолженіе англійской. Наша литература представляетъ тоже совершенно собственное явленіе:

мы вдругъ переживаемъ всѣ моменты европейской жизни, которые на Западѣ развивались послѣдовательно. Только до Пушкина наша поэзія была по преимуществу лирическою. Пушкинъ недолго ограничивался лиризмомъ и скоро перешелъ къ поэмѣ, а отъ нея—къ драмѣ. Какъ полный представитель духа своего времени, онъ также покушался на романъ: въ „Современникѣ“ 1837 года помѣщено шесть главъ (съ началомъ седьмой) изъ неоконченнаго романа его подъ названіемъ „Арапъ Петра Великаго“, изъ которыхъ четвертая глава была первоначально помѣщена въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1829 года. Повѣсти Пушкинъ началъ писать уже въ послѣдніе годы своей недоконченной жизни. Однакожъ очевидно, что настоящимъ его родомъ былъ лиризмъ, стихотворная повѣсть (поэма) и драма, ибо его прозаическіе опыты далеко не равны стихотворнымъ. Самая лучшая его повѣсть, „Капитанская Дочка“, при всѣхъ ея огромныхъ достоинствахъ, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ его поэмами и драмами. Это не больше, какъ превосходное беллетристическое произведеніе съ поэтическими и даже художественными частностями. Другія его повѣсти, особенно „Повѣсти Бѣлкина“, принадлежатъ исключительно къ области беллетристики. Можетъ быть въ этомъ заключается причина того, что и романъ, такъ давно начатый, не былъ конченъ. Лермонтовъ и въ прозѣ является равнымъ себѣ, какъ и въ стихахъ, и мы увѣрены, что съ большимъ развитіемъ его художнической дѣятельности онъ непременно дойдетъ до драмы. Наше предположеніе не произвольно: оно основывается сколько на полнотѣ драматическаго движенія, замѣтнаго въ повѣстяхъ Лермонтова, столько же и на духѣ настоящаго времени, особенно благопріятнаго соединенію въ одномъ лицѣ всѣхъ формъ поэзіи. Послѣднее обстоятельство очень важно, ибо и у искусства всякаго народа есть свое историческое развитіе, вслѣдствіе котораго опредѣляется характеръ и родъ дѣятельности поэта. Можетъ быть и Пушкинъ былъ бы такимъ же великимъ романистомъ, какъ лирикомъ и драматургомъ, если бы явился позже и имѣлъ подобнаго себѣ предшественника.

„Бэла“, заключая въ себѣ интересъ отдѣльной и оконченной повѣсти, въ то же время была только отрывкомъ изъ

большого сочиненія, равно какъ и „Фаталистъ“, и „Тамань“. въ послѣдствіи напечатанные въ „Отечественныхъ же Запискахъ“. Теперь они являются вмѣстѣ съ другими, съ „Максимомъ Максимовичемъ“, „Предисловіемъ къ журналу Печорина“ и „Княжной Мери“, подъ однимъ общимъ заглавіемъ „Героя нашего времени“. Это общее названіе — не прихоть автора; равнымъ образомъ по названію не должно заключать, чтобы содержащаяся въ этихъ двухъ книжкахъ повѣсти были разсказами какого-нибудь лица, на котораго авторъ навязалъ роль разсказчика. Во всѣхъ повѣстяхъ одна мысль, и эта мысль выражена въ одномъ лицѣ, которое есть герой всѣхъ разсказовъ. Въ „Бэлѣ“ онъ является какимъ-то таинственнымъ лицомъ. Героиня этой повѣсти вся передъ вами, но герой какъ будто бы показывается подъ вымышленнымъ именемъ, чтобы его не узнали. Изъ за отношеній его къ Бэлѣ вы невольно догадываетесь о какой-то другой повѣсти, заманчивой, таинственной и мрачной. И вотъ авторъ тотчасъ показываетъ вамъ его при свиданіи съ Максимомъ Максимовичемъ, который разсказалъ ему повѣсть о Бэлѣ. Но ваше любопытство не удовлетворено, а только еще болѣе раздражено, и повѣсть о Бэлѣ все еще остается для васъ загадкою. Наконецъ, въ рукахъ автора журналъ Печорина, въ предисловіи къ которому авторъ дѣлаетъ намекъ на идею романа, но намекъ, который только болѣе возбуждаетъ ваше нетерпѣніе познакомиться съ героями романа. Въ высшей степени поэтическомъ разсказѣ „Тамань“ герой романа является автобіографомъ, но загадка отъ этого становится только заманчивѣе, и отгадка еще не тутъ. Наконецъ, вы переходите къ „Княжнѣ Мери“, и туманъ разсѣвается, загадка разгадывается, основная идея романа, какъ горькое, чувство мгновенно овладѣвшее всѣмъ существомъ вашимъ, пристаётъ къ вамъ и преслѣдуетъ васъ. Вы читаете наконецъ „Фаталиста“, и хотя въ этомъ разсказѣ Печоринъ является не героемъ, а только разсказчикомъ случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ; хотя въ немъ вы не находите ни одной новой черты, которая дополнила бы вамъ портретъ „Героя нашего времени“, но — странное дѣло! — вы еще болѣе понимаете его, болѣе думаете о немъ, и ваше чувство еще грустнѣе... Эта полнота впечатлѣнія, въ которомъ

всѣ разнообразныя чувства, волновавшія васъ при чтеніи романа, сливаются въ единое общее чувство, въ которомъ всѣ лица, каждое столько интересное само по себѣ, такъ полно образованное, становятся вокругъ одного лица, составляютъ съ нимъ группу, которой сосредоточіе есть это одно лицо,—вмѣстѣ съ вами смотрятъ на него, кто съ любовью, кто съ ненавистью—какая причина этой полноты впечатлѣнія? Она заключается въ единствѣ мысли, которая выразилась въ романѣ, и отъ которой произошла эта гармоническая соотвѣтственность частей съ цѣлымъ, это строго соразмѣрное распредѣленіе ролей для всѣхъ лицъ, наконецъ, эта оконченность, полнота и замкнутость цѣлаго.

Сущность всякаго художественнаго произведенія состоитъ въ органическомъ процессѣ его явленія изъ возможности бытія въ дѣйствительность бытія. Какъ невидимое зерно, западаетъ въ душу художника мысль и изъ этой благодатной и плодородной почвы разворачивается и развивается въ опредѣленную форму, въ образы, полные красоты и жизни, и, наконецъ, является совершенно особнымъ, цѣльнымъ и замкнутымъ въ самомъ себѣ міромъ, въ которомъ всѣ части соразмѣрны цѣлому, и каждая, существуя сама по себѣ и сама собою, составляя замкнутый въ самомъ себѣ образъ, въ то же время существуетъ для цѣлаго, какъ его необходимая часть, и способствуетъ впечатлѣнію цѣлаго. Такъ точно живой человѣкъ представляетъ собою также особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ: его организмъ сложенъ изъ безчисленнаго множества органовъ, и каждый изъ этихъ органовъ, представляя собою удивительную цѣлость, оконченность и особенность, есть живая часть живого организма, и всѣ органы образуютъ единый организмъ, единое недѣлимое существо—индивидуумъ. Какъ во всякомъ произведеніи природы, отъ ея низшей организаціи—минерала, до ея высшей организаціи—человѣка, нѣтъ ничего ни недостаточнаго, ни лишняго; но всякій органъ, всякая жилка, даже недоступная невооруженному глазу, необходима и находится на своемъ мѣстѣ: такъ и въ созданіяхъ искусства не должно быть ничего ни недоконченнаго, ни недостающаго, ни излишняго, но всякая черта, всякій образъ и необходимъ, и на своемъ

мѣстѣ. Въ природѣ есть произведенія неполныя, уродливыя, вслѣдствіе несовершенства организаціи; если они, не смотря на то, живутъ—значить, что получившіе ненормальное образованіе органы не составляютъ важнѣйшихъ частей организма, или что ненормальность ихъ не важна для цѣлаго организма. Такъ и въ художественныхъ созданіяхъ могутъ быть недостатки, причина которыхъ заключается не въ совершенно правильномъ ходѣ процесса ихъ явленія, т. е. въ большемъ или меньшемъ участіи личной воли и разсудка художника, или въ томъ, что онъ недостаточно выносилъ въ своей душѣ идею созданія, не далъ ей вполнѣ сформироваться въ опредѣленные и окончательные образы. И такія произведенія не лишаются чрезъ подобные недостатки своей художественной сущности и цѣнности. Но, какъ въ произведеніяхъ природы слишкомъ неправильное развитіе органовъ производитъ уродовъ, которые, родясь, тотчасъ и умираютъ, такъ и въ сферѣ искусства есть произведенія, непереживающія минуты своего рожденія. Вотъ такія то произведенія искусства могутъ быть и передѣлываемы, и принаравляемы къ случаю и къ обстоятельствамъ, и о такихъ-то произведеніяхъ говорится, что въ нихъ есть и красоты, и недостатки. Но истинно-художественныя произведенія не имѣютъ ни красотъ, ни недостатковъ: для кого доступна ихъ цѣлость, тому видится одна красота. Только близорукость эстетическаго чувства и вкуса, неспособная обнять цѣлое художественнаго произведенія и теряющаяся въ его частяхъ, можетъ въ немъ видѣть красоты и недостатки, приписывая ему собственную свою ограниченность.

Все, что ни есть въ дѣйствительности, есть обособленіе общаго духа жизни въ частномъ явленіи. Всякая организація есть свидѣтельство духа: гдѣ организація, тамъ и жизнь, а гдѣ жизнь, тамъ и духъ. И потому, какъ всякое произведеніе природы, отъ минерала и былинки до человѣка, есть обособленіе общаго духа жизни въ частномъ жизни, такъ и всякое созданіе искусства есть обособленіе общей міровой идеи въ частный образъ, въ самомъ себѣ замкнутый. Организація есть сущность того процесса, чрезъ который является все живое и нерукотворное, слѣдовательно и всѣ произведенія

природы и искусства. И потому-то тѣ и другія такъ цѣлостны, такъ полны, окончены, — словно замкнуты въ самихъ себѣ.

Но что же такое эта „замкнутость?“ спросать насъ наконецъ. Отвѣчаемъ: это вещь столько же простая, сколько и мудреная, — и удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ столько же легко, сколько и трудно. Что такое духъ? Что такое истина? Что такое жизнь? Какъ часто предлагаются такіе вопросы, и какъ часто дѣлаются на нихъ отвѣты! Вся жизнь человѣческая есть не что иное, какъ подобные вопросы, стремящіеся къ разрѣшенію. И что же? — для многихъ ли рѣшена загадка и найдено слово? Отчего же такъ? Да оттого, что всѣ вопросы и предлагаются, и рѣшаются словомъ, а слово есть или мысль, или пустой звукъ; кто въ самой натурѣ своей, внутри самого себя, въ таинственномъ святилищѣ духа своего носитъ возможность рѣшенія такихъ вопросовъ, — возможность, которая называется предощущеніемъ, — предчувствіемъ, чувствомъ, внутреннимъ созерцаніемъ, внутреннимъ ясновидѣніемъ истины, врожденными идеями, и проч., — для того слово есть мысль, и, услышавъ его, онъ принимаетъ въ себя значеніе, заключенное въ этомъ словѣ. Причина такой понятливости заключается въ сродствѣ или, лучше сказать, въ тождествѣ познающаго съ познаваемымъ. Но и самое это тождество требуетъ большого развитія: иначе понятливость тупѣетъ, и вопросы остаются безотвѣтны. Но у кого нѣтъ этого тождества съ предметами его познанія, для того слово — пустой звукъ: ухо его услышитъ слово, но разумъ останется глухъ для него. Вотъ почему вопросы, о которыхъ мы говоримъ, столько же просты, сколько и мудрены, и отвѣчать на нихъ столько же легко, сколько и трудно. Однако-жъ мы попытаемся здѣсь навести читателей на идею того, что мы называемъ, въ природѣ и искусствѣ, замкнутостью. Посмотрите на цвѣтущее растеніе: вы видите, что оно имѣетъ свою опредѣленную форму, которою отличается оно не только отъ существъ въ другихъ царствахъ природы, но даже и отъ растеній разнаго съ нимъ рода и вида; его листики расположены такъ симметрически, такъ пропорціонально, каждый изъ нихъ такъ тщательно, съ такою заботливостью, съ та-

кимъ безконечнымъ совершенствомъ отдѣленъ и изукрашенъ до малѣйшихъ подробностей... Какъ роскошно прекрасенъ его цвѣтокъ, сколько на немъ жилочекъ, оттѣнковъ; какая нѣжная и яркая пыль... И какое наконецъ упоительное благоуханіе!.. Но все ли тутъ? О, нѣтъ! Это только внѣшняя форма, выраженіе внутренняго: эти чудныя краски вышли изнутри растенія, этотъ обаятельный ароматъ есть его бальзамическое дыханіе... Тамъ, внутри его ствола, цѣлый новый міръ: тамъ самодѣятельная лабораторія жизненности, тамъ по тончайшимъ сосудцамъ дивно правильной отдѣлки, течетъ влага жизни, струится невидимый эфиръ духа... Гдѣ же начало и причина этого явленія? Въ немъ самомъ: оно было уже, когда еще не было растенія, когда было только зерно. Уже въ этомъ зернѣ заключался и корень, и стволъ, и красивые листочки, и пышный ароматическій цвѣтъ! Видите ли, въ этомъ цвѣткѣ все, что ему нужно: и жизнь, и источникъ жизни, и явленіе, и причина явленія, и растительность, и всѣ орудія, органы и сосуды растительности; а между тѣмъ гдѣ вы усмотрите начало или конецъ всего этого? Вы видите, что это растеніе полно и совершенно само въ себѣ, не имѣетъ ничего недостающаго ему и ничего лишняго, что оно живо и индивидуально; но гдѣ же пружина его жизни, исходный пунктъ его индивидуальности? гдѣ? Они замкнуты въ немъ, и потому оно есть совершенно-цѣлое, оконченное—словомъ, замкнутое въ самомъ себѣ органическое существо. Но растеніе связано съ землею, въ которой первоначально развивается и изъ которой получаетъ питаніе, дающее ему матеріалы для развитія и поддержанія его бытія; посмотрите на животное: оно одарено способностью произвольнаго движенія, оно всегда носитъ себя съ самимъ собою: оно есть и растеніе, которое растетъ изъ почвы и на почвѣ, оно есть и почва, изъ которой и на которой растетъ. Смотря на него извнѣ, мы видимъ явленіе; вскрывъ его организмъ, мы видимъ источникъ явленія: тамъ кости связаны сухими жилами, сгибы членовъ смазаны пѣсокою, которая готовится въ особыхъ железахъ, мускулы протканы нервами... Но и тутъ вы еще не все видите; возьмите микроскопъ, увеличивающій въ миллионъ разъ,—и васъ поразитъ благоговѣйнымъ изум-

леніемъ эта безконечность организаціи: вы увидите, что и тысячи вашихъ жизней недостаточно, чтобы только перечислить эти тончайшія нити, полныя первосущныхъ силъ природы,—и каждая ниточка, каждая фибра необходима для цѣлаго, и не можетъ быть ни исключена, ни замѣнена безъ искаженія цѣлой формы; между малѣйшими органами нѣтъ и такого пустого пространства, гдѣ бы могъ улеяться невидимый для простаго глаза атомъ; все внутреннее такъ тѣсно и неразрывно слито внѣшнею формою, что одно замыкаетъ въ себѣ другое, а цѣлое есть замкнутое въ самомъ себѣ существо... Человѣкъ представляетъ въ этомъ отношеніи несравненно высшее и поразительнѣйшее зрѣлище: сообщенный и слитый со всею природою и тайною жизни природы, — онъ во всемъ, внѣ себя, видитъ осуществившіеся законы собственнаго разума, и великое *все* нашло въ немъ свой органъ, отдѣлившись въ немъ отъ самого себя, чтобы взглянуть на себя и сознать себя. Общее и безразличное стало въ немъ частнымъ и особнымъ, чтобы чрезъ эту частность и особность снова возвратиться къ своей общности, сознавъ ее. Законъ обособленія и замкнутости въ частномъ явленіи общаго есть основной законъ міровой жизни!.. И въ искусствѣ онъ открывается съ такимъ же полновластіемъ, какъ и въ природѣ: въ уразумѣніи тайны закона обособленія заключается разгадка тайны искусства. Творческая мысль, запавъ въ душу художника, организуется въ полное, цѣлостное, оконченное, особое и замкнутое въ себѣ художественное произведеніе. Обратите все ваше вниманіе на слово „организуется“: только органическое развивается изъ самого себя, только развивающееся изъ самого себя является цѣлостнымъ и особнымъ, съ частями пропорціонально и живо сочлененными и подчиненными одному общему. Вотъ почему, напр. романъ Вальтеръ-Скотта, наполненный такимъ множествомъ дѣйствующихъ лицъ, нисколько непохожихъ одно на другое, представляющій такое сдѣпленіе разнообразныхъ происшествій, столкновений и случаевъ, поражаетъ васъ однимъ общимъ впечатлѣніемъ, даетъ вамъ созерцаніе чего-то единого — вмѣсто того чтобы спутать и сбить васъ этимъ калейдоскопическимъ множествомъ характеровъ и событій. По той же при-

чинъ и каждое лицо въ романѣ существуетъ для васъ само по себѣ; вы видите его передъ собою во весь ростъ, во всей его характерической особности и никогда уже не забудете его, а если и забудете, то, перечитывая романъ вновь, хотя бы черезъ двадцать лѣтъ, тотчасъ увидите, что это лицо вамъ знакомо, что вы гдѣ-то уже видѣли его. Но цѣлое романа — его колоритъ, его индивидуальная особенность, его „нѣчто“, для выраженія котораго нѣтъ слова, — еще памятна вамъ, нежели каждое слово въ особенности: уже и лица всѣхъ романовъ и содержаніе ихъ изгладилось изъ вашей памяти, но съ словами: „Ламермурская невѣста“, „Ивангое“, „Шотландскіе Пуритяне“ и пр., никогда не перестанутъ для васъ соединяться совершенно различныя понятія... Какъ какое-то неясное видѣніе, какъ аккордъ, внезапно въ вышинѣ раздавшійся, какъ благоуханіе, мимо васъ мгновенно пронесшееся, будетъ вамъ, какъ въ туманѣ, представляться индивидуальная общность каждого романа...

Все сказанное нами очень нетрудно приложить къ роману Лермонтова. Для этого мы должны прослѣдить въ его содержаніи, уже хорошо извѣстномъ читателямъ, развитіе основной мысли. Романъ начинается описаніемъ переѣзда автора изъ Тифлиса, чрезъ Кайшаурскую долину. Не утомляя скучными подробностями, знакомить онъ насъ съ мѣстностью. Очерки его столько же кратки, сколько и рѣзки, а главное — они набросаны какъ будто бы мимоходомъ. Въ то время, какъ его телѣжку тащили въ гору шесть быковъ и нѣсколько осетинъ, онъ замѣтилъ, что за его телѣжкой двигалась другая, которую тащили четыре быка, а за нею шелъ ея хозяинъ, куря изъ маленькой трубочки. Это былъ офицеръ, лѣтъ пятидесяти, съ смуглымъ лицомъ и преждевременно посѣдѣвшими усами, которые не соответствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Авторъ подошелъ къ нему и поклонился; тотъ молча отвѣтилъ на его поклонъ, пустивъ огромный клубъ дыма.

— „Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы вѣрно ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащить шутя, а мою пустую шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня.

— Вы вѣрно недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ, — отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что жъ?

— Да такъ-съ! ужасные бестіи эти азіяты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ знаетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнуть по своему, быки все ни мѣста... Ужасные плуты! А что жъ съ нихъ возьмешь?... Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ“.

Такимъ образомъ завязалось у автора знакомство съ однимъ изъ интереснѣйшихъ лицъ его романа — съ Максимомъ Максимычемъ, съ этимъ типомъ стараго кавказскаго служака, закаленного въ опасностяхъ, трудахъ и битвахъ, котораго лицо такъ же загорѣло и сурово, какъ манеры простоваты и грубы, но у котораго чудесная душа, золотое сердце. Это типъ чисто русскій, который художественнымъ достоинствомъ созданія напоминаетъ оригинальнѣйшіе изъ характеровъ въ романахъ Вальтеръ-Скотта и Купера, но который по своей новосте, самобытности и чисто русскому духу, не походить ни на одинъ изъ нихъ. Искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы развить на дѣлѣ задачу, какъ данный природою характеръ долженъ образоваться при обстоятельствахъ, въ которыя поставить его судьба. Максимъ Максимычъ получилъ отъ природы человѣческую душу, человѣческое сердце, но эта душа и это сердце отлились въ особую форму, которая такъ и говоритъ намъ о многихъ годахъ тяжелой и трудной службы, о кровавыхъ битвахъ, о затворнической и однообразной жизни въ недоступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ человѣческихъ лицъ, кромѣ подчиненныхъ солдатъ да заходящихъ для мѣны черкесовъ. И все это высказывается въ немъ не въ грубыхъ поговоркахъ, вродѣ „чортъ возьми“, и не въ военныхъ восклицаніяхъ, вродѣ „тысяча бомбъ“, безпрестанно повторяемыхъ, не въ попойкахъ и не въ куреніи табака, — а во взглядѣ на вещи, приобрѣтенномъ обычаемъ

и родомъ жизни, и въ этой манерѣ поступковъ и выраженія, которые должны быть необходимымъ результатомъ взгляда на вещи и привычки. Умственный кругозоръ Максима Максимыча очень ограниченъ; но причина этой ограниченности не въ его натурѣ, а въ его развитіи. Для него „жить“ — значитъ „служить“, и служить на Кавказѣ; „азіаты“ — его природные враги: онъ знаетъ по опыту, что всѣ они большіе плуты, и что самая ихъ храбрость есть отчаянная удаля разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа; онъ не дается имъ въ обманъ, и ему смертельно досадно, если они обманутъ новичка и еще выманять у него на волку. И это совсѣмъ не потому, чтобы онъ былъ скупъ, — о нѣтъ! онъ только бѣденъ, а не скупъ, и сверхъ того, кажется, и не подозреваетъ цѣны деньгамъ; но онъ не можетъ видѣть равнодушно, какъ плуты „азіаты“ обманываютъ честныхъ людей. Вотъ чуть ли не все, что онъ видитъ въ жизни, или по крайней мѣрѣ о чемъ чаще всего говоритъ. Но не спѣшите вашимъ заключеніемъ о его характерѣ: познакомьтесь съ нимъ лучше, — и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нѣжное сердце бьется въ желѣзной груди этого повидимому очерствѣвшаго человѣка; вы увидите, какъ онъ, какимъ-то инстинктомъ, понимаетъ все человѣческое и принимаетъ въ немъ горячее участіе; какъ, вопреки собственному сознанію, душа его жаждетъ любви и сочувствія, — и вы отъ души полюбите простого, добраго, грубаго въ своихъ манерахъ, лаконическаго въ словахъ Максима Максимыча.

Опытный штабсъ-капитанъ не ошибся: осетинцы обступили неопытнаго офицера и громко требовали на водку. Но Максимъ Максимычъ грозно прикрикнулъ на нихъ и заставилъ разбѣжаться. „Вѣдь этакой народъ“, сказалъ онъ: „и хлѣба порусски назвать не умѣетъ, а выучилъ: „офицеръ, дай на водку!“.. Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...“

Вотъ наконецъ путешественники наши добрались до станціи и взошли въ саклю, переднее отдѣленіе которой было наполнено коровами и овцами, а другое — людьми, сидѣвшими возлѣ огня, разложеннаго на землѣ. По полу разстилался дымъ, обратно вталкиваемый вѣтромъ изъ отверстія въ потолокъ.

Наши путники закурили трубки, внимая привѣтливому шипѣнію чайника.

— „Жалкіе люди!—сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остоленнѣи.—Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. Повѣрите ли, ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы или чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго ни на комъ не увидишь. *Ужъ подлинно осетины!*“

— А вы долго были въ Чечнѣ?

— Да, я лѣтъ десятокъ стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода, знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы; нынче, слава Богу, смириѣе, а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валы, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди—либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. *А молодцы!*...

— А, чай, много съ вами бывало приключеній? сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался“.

И вотъ, Максимъ Максимычъ весь передъ вами, съ своимъ взглядомъ на вещи, съ своимъ оригинальнымъ способомъ выраженія! Вы еще такъ мало видѣли его, такъ мало познакомились съ нимъ, а уже передъ вами не призракъ, волею или неволею принужденный авторомъ служить связью или вертѣть колесо его разсказа, а типическое лицо, оригинальный характеръ, живой человѣкъ! Такъ осуществляютъ свои идеалы истинные художники: двѣ, три черты — и передъ вами, какъ живая, словно на-яву, стоитъ такая характеристическая фигура, которой вы уже никогда не забудете... „Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался“: какъ много сказано въ этихъ немногихъ, простыхъ словахъ, какую рѣзкую черту проводятъ они по фізіономіи Максима Максимыча, какъ много обѣщаютъ, какъ сильно разманиваютъ любопытство читателя!... Принявъ поданный ему стаканъ чая, Максимъ Максимычъ отхлебнулъ и сказалъ какъ будто про себя: „да, бываетъ!“ Но мы еще должны нѣсколько поговорить словами самого автора:

„—Не хотите ли подбавить рома?—сказалъ я моему собесѣднику,—у меня есть бѣлый изъ Тифлиса: теперъ холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я даль собѣ заклятіе. Когда былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фронтомъ на-веселѣ, да ужъ и досталось намъ, когда Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи какъ онъ разсердился! Чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка — пропадшій человекъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы, — продолжалъ — онъ, какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ на силу ноги унесъ, а еще у мирнова князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ же это случилось?“

Вотъ начало поэтической исторіи „Бѣлы“. Маскимъ Максимычъ рассказывалъ ее по своему, своимъ языкомъ; но отъ этого она не только ничего не потеряла, но бесконечно много выиграла. Добрый Максимъ Максимычъ, самъ того не зная, сдѣлался поэтомъ, такъ что въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ выраженіи заключается бесконечный міръ поэзіи. Не знаемъ, чему здѣсь болѣе удивляться: тому ли, что поэтъ, заставивъ Максима Максимыча быть только свидѣтелемъ рассказываемаго имъ событія, такъ тѣсно слилъ его личность съ этимъ событіемъ, какъ будто бы самъ Максимъ Максимычъ былъ его героемъ; или тому, что онъ сѣумѣлъ такъ поэтически, такъ глубоко взглянуть на событіе глазами Максима Максимыча и рассказать это событіе языкомъ простымъ, грубымъ, но всегда живописнымъ всегда трогательнымъ и потрясающимъ даже въ самомъ комизмѣ своемъ?...

Когда Максимъ Максимычъ стоялъ въ крѣпости за Теремомъ, къ нему вдругъ явился офицеръ, прикомандированный къ его крѣпости.

„—Его звали... Григорьемъ Александровичемъ Печоринымъ; славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, на-примѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнуть, устанутъ, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ — увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрагиваетъ и поблѣднѣетъ; а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зато ужъ иногда, какъ начнетъ рассказывать, такъ животики надорвешь со смѣха. Да-съ, съ большими странностями, и, должно быть, богатый человекъ; сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!...

— А долго ли онъ съ вами жилъ?—спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну, да ужъ зато памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ много хлопотъ; не тѣмъ будь помянутъ! Вѣдь есть, право, такіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разные необыкновенныя вещи.

— Необыкновенныя!—воскликнулъ я, съ видомъ любопытства, подливая ему чая.

— А вотъ я вамъ расскажу.“

Не далеко отъ крѣпости жилъ мирной князь, сынъ котораго, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился ѣздить въ крѣпость. Печоринъ и Максимъ Максимычъ любили и баловали его. Это былъ прототипъ черкеса, безъ преувеличенія и безъ искаженія. Головорѣзъ, *проворный на все*, по словамъ Максима Максимыча: онъ поднималъ шапку на всемъ скаку, мастерски стрѣлялъ изъ ружья и былъ ужасно падокъ на деньги. Если его дразнили, глаза его наливались кровью, а рука хваталась за кинжалъ. „Эй, Азаматъ,—говорилъ ему Максимъ Максимычъ,—не сносить тебѣ головы: яманъ будетъ твоя башка!“ Однажды старый князь пріѣхалъ въ крѣпость и позвалъ Максима Максимыча и Печорина на свадьбу своей дочери. Когда они пріѣхали въ аулъ, прятавшіяся отъ нихъ женщины не показались красавицами Печорину. „Погодите, сказалъ я, усмѣхаясь (говорилъ Максимъ Максимычъ). У меня было свое на умѣ“.

Изъ этого мѣста разсказа Максима Максимыча можно получить самое вѣрное понятіе о нравахъ и обыкновеніяхъ дикихъ черкесовъ, хотя для ихъ описанія онъ и не дѣлаетъ отступленій. Какъ къ почетному гостю, къ Печорину подошла меньшая дочь хозяина, прекрасная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему...

„—Какъ бы сказать?... въ родѣ комплимента.

— А что-жъ такое она пропѣла, не помните ли?

— Да, кажется, вотъ такъ: стройны, *дескать*, наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ-стройнѣе ихъ и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними; только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду.“

Печоринъ всталъ, приложилъ руку ко лбу и сердцу, а Максимъ Максимычъ перевелъ ей его отвѣтъ, ибо онъ хо-

рошо зналъ по ихнему. „Какова!“ шепнулъ онъ Печорину. — „Прелесть!“ А какъ ее зовутъ?— „Бѣлою“.

„И точно (говорилъ Максимъ Максимычъ), она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и заглядывали вамъ въ душу“. Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, но не одинъ онъ смотрѣлъ на нее. Въ числѣ гостей былъ черкесъ Казбичъ. Онъ былъ и мирнымъ, и немирнымъ, смотря по обстоятельствамъ; подозрѣннй было на него множество, хотъ онъ не былъ замѣченъ ни въ какой шалости. Но мы почитаемъ необходимымъ вполнѣ обрисовать это лицо, и именно словами Максима Максимыча. „Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ,—и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣздники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная, какъ смоль, ноги — струнки, глаза не хуже, чѣмъ у Бѣлы, а какая сила! скачи хотъ на 50 верстъ; а ужъ выѣзжена—какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ; голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойническая лошадь!...“

Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе обыкновеннаго, и Максимъ Максимычъ, замѣтивъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга тотчасъ подумалъ, что это не даромъ. Такъ какъ въ саклѣ стало душно, онъ вышелъ освѣжиться и вздумалъ кстати провѣдать лошадей. Тутъ за заборомъ онъ подслушалъ разговоръ: Азаматъ похваливалъ лошадь Казбича, на которую давно зарился; а Казбичъ, подстрекнутый этимъ, рассказывалъ о ея достоинствахъ и услугахъ, которыя она ему оказала, не разъ спасая его отъ вѣрной смерти. Это мѣсто повѣсти вполнѣ знакомить читателя съ черкесами, какъ съ племенемъ, и въ немъ могучею художническою кистію обрисованы характеры Азамата и Казбича, этихъ двухъ рѣзкихъ типовъ черкесской народности. „Еслибъ

у меня былъ табунъ въ тысячу кобылъ, то отдалъ бы весь за твоего Карагёза“, сказалъ Азаматъ. — „*Иокъ*, не хочу,“ — равнодушно отвѣчалъ Казбичъ. Азаматъ льститъ ему, обѣщаетъ украсть у отца лучшую винтовку или шашку, которая, только приложи руку къ лезвію, сама впивается въ тѣло, кольчугу... Въ его словахъ такъ и дышетъ знойная, мучительная страсть дикаря и разбойника по рожденію, для котораго нѣтъ ничего въ мірѣ дороже оружія или лошади, и для котораго желаніе — медленная пытка на маломъ огнѣ, а для удовлетворенія жизнь собственная, жизнь отца, матери, брата — ничто. Онъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ увидѣлъ Карагёза, когда онъ кружился и прыгалъ подъ Казбичемъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, что съ тѣхъ поръ въ его душѣ сдѣлалось что-то непонятное, все ему опостылѣло... Можно подумать, что онъ рассказывалъ о любви или ревности, — чувствахъ, которыхъ дѣйствіе часто бываетъ такъ страшно и въ людяхъ образованныхъ, а тѣмъ страшнѣе въ дикаряхъ. „На лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ (говорилъ Азаматъ), стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ является вороной скакунъ твой съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ-будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!“ Проговоривъ это дрожащимъ голосомъ, онъ заплакалъ. Такъ по крайней мѣрѣ показалось Максиму Максимовичу, который зналъ Азамата, какъ преупрямаго мальчишку, у котораго ничѣмъ нельзя вышибить слезъ, когда онъ былъ и моложе. Но въ отвѣтъ на слезы Азамата послышалось что-то въ родѣ смѣха. „Послушай!—сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ,—видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ—чудо! не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Неужели не стоитъ Бѣла твоего скакуна?...“

Казбичъ долго молчалъ и наконецъ, вмѣсто отвѣта, зата-

нулъ вполголоса старинную пѣсню, въ которой коротко и ясно выражена вся философія черкеса:

„Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ,
Сладко любить ихъ, завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля,
Золото купить четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны;
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.“

Напрасно Азаматъ упрашивалъ, плакалъ, лѣстилъ ему. „Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ! На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ о камни!“ „Меня!“ крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло о кольчугу. Казбичъ оттолкнулъ его такъ, что онъ упалъ и ударился головою о плетень. „Будетъ потѣха!“ подумалъ Максимъ Максимычъ, взнуздаль коней и вывелъ ихъ на задній дворъ. Между тѣмъ Азаматъ вбѣжалъ въ саклю въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Поднялся гвалтъ, раздались выстрѣлы, но Казбичъ уже вертѣлся на своемъ конѣ среди улицы, и ускользнулъ.

„— Никогда себѣ не прошу одного: чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся — такой хитрый! а самъ задумалъ кое-что.“

— А что такое? расскажите, пожалуйста.

— Ну, ужъ нечего дѣлать, началъ рассказывать, такъ надо продолжать.“

Дня черезъ четыре пріѣхалъ въ крѣпость Азаматъ. Печоринъ началъ ему расхваливать лошадь Казбича. У татарченка засверкали глаза, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; Максимъ Максимычъ заговоритъ о другомъ, а Печоринъ сведетъ разговоръ на лошадь. Это продолжалось недѣли три; Азаматъ видимо блѣднѣлъ и чахнулъ. Короче: Печоринъ предложилъ ему чужого коня за его родную сестру; Азаматъ задумался: не жалость къ сестрѣ, а мысль о мщеніи отца потревожила его, но Печоринъ кольнулъ его самолюбіе, назвавъ ребенкомъ

(название, которымъ все дѣти очень оскорбляются!), а Карагѣзь такая чудная лошадь!.. И вотъ однажды Казбичъ пріѣхалъ въ крѣпость и спрашиваетъ, не надо ли барановъ и меда; Максимъ Максимычъ велѣлъ привезти на другой день. „Азамать! — сказалъ Печоринъ, — завтра Карагѣзь въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бѣла не будетъ здѣсь, не видать тебѣ коня“. „Хорошо!“ сказалъ Азамать, поскакалъ въ аулъ, и въ тотъ же вечеръ Печоринъ возвратился въ крѣпость вмѣстѣ съ Азаматомъ, у котораго, поперекъ сѣдла (какъ видѣлъ часовой), лежала женщина съ связанными ногами и руками, съ головою, опутанною чадрой. На другой день Казбичъ явился въ крѣпости съ своимъ товаромъ; Максимъ Максимычъ потчивалъ его чаемъ, потому что (говорилъ онъ), хотя разбойникъ онъ, „а все-таки былъ моимъ кунакомъ“. Вдругъ Казбичъ посмотрѣлъ въ окно, вздрогнулъ, поблѣднѣлъ, и съ крикомъ: „моя лошадь! лошадь!“ выбѣжалъ вонъ, перескочивъ черезъ ружье, которымъ часовой хотѣлъ загородить ему дорогу. Вдали скакалъ Азамать; Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье, выстрѣлилъ и, увѣрившись, что далъ промахъ, завизжалъ, въ дребезги разбилъ ружье о камень, повалился на землю и зарыдалъ какъ ребенокъ. Такъ пролежалъ онъ до поздней ночи и цѣлую ночь, не дотрогиваясь до денегъ, которыя велѣлъ положить подлѣ него Максимъ Максимычъ за барановъ. На другой день, узнавши отъ часового, что похититель былъ Азамать, онъ засверкалъ глазами и отправился отыскивать его. Отца Бѣлы въ это время не было дома, а возвратившись, онъ не нашелъ ни дочери, ни сына...

Какъ только Максимъ Максимычъ узналъ, что черкешенка у Печорина, онъ надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

„— Г. прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...

— И, полноте! что жъ за бѣда? Вѣдь у насъ давно все пополамъ.

— Что за шутки! пожалуйста вашу шпагу!

— Митька, шпагу!

Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: — Послушай, Григорій Александровичъ; признайся, что не хорошо?

— Что не хорошо?

— Да то, что ты увезъ Бѣлу... Ужъ эта мнѣ бестія Азамать!... Ну, признайся, сказалъ я ему.

— Да когда она мнѣ нравится?

Ну, что прикажете отвѣчать на это? Я сталъ въ тупикъ. Однакожъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ требовать, надо будетъ ее отдать.

— Вовсе не надо.

— Да онъ узнаетъ, что она здѣсь.

— А какъ онъ узнаетъ?

Я опять сталъ въ тупикъ.

— Послушайте, Максимъ Максимычъ, — сказалъ Печоринъ, приподнявшись, — вѣдь вы добрый человѣкъ, а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...

— Да покажите мнѣ ее, — сказалъ я.

— Она за этою дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть; сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ: пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу духанщицу, она знаетъ потатарски, будетъ ходить за нею и приучить ее къ мысли, что она моя, потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня, — прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. Я и въ этомъ согласился... Что же прикажете дѣлать! Есть люди, съ которыми непременно должно согласиться“.

Нѣтъ ничего тяжеле и непріятнѣе, какъ излагать содержаніе художественнаго произведенія. Цѣль этого изложенія не состоитъ въ томъ, чтобы показать лучшія мѣста: какъ бы ни было хорошо мѣсто сочиненія, оно хорошо по отношенію къ цѣлому, слѣдовательно изложеніе содержанія должно имѣть цѣлью — прослѣдить идею цѣлаго созданія, чтобы показать, какъ вѣрно она осуществлена поэтомъ. А какъ это сдѣлать? цѣлаго сочиненія переписать нельзя; но каково же выбирать мѣста изъ превосходнаго цѣлаго, пропускать инья, чтобы выписки не перешли должныхъ границъ? И потомъ, каково связывать выписанныя мѣста своимъ прозаическимъ рассказомъ, оставляя въ книгѣ тѣни и краски, жизнь и душу и держась одного мертваго скелета? Теперь мы особенно чувствуемъ всю тяжесть и неудобоисполнимость взятой нами на себя обязанности. Мы и до сего мѣста терялись во множествѣ прекрасныхъ частныхъ, а теперь, когда начинается важнѣйшая часть повѣсти, теперь намъ такъ и хотѣлось бы выписать отъ слова до слова весь рассказъ автора, въ которомъ каждое слово такъ безконечно - значительно, такъ глубоко-значительно, дышитъ такою поэтическою жизнью, блеститъ та-

кимъ роскошнымъ богатствомъ красокъ; а между тѣмъ мы попрежнему принуждены пересказывать по своему, сколько возможно держась выражений подлинника и выписывая мѣста.

Холодно смотрѣла Бѣла на подарки, которые каждый день приносилъ ей Печоринъ, и гордо отталкивая ихъ. Долго безуспѣшно ухаживалъ онъ за нею. Между тѣмъ онъ учился по-татарски, а она начинала понимать порусски. Она стала изрѣдка и посматривать на него, но все изъ подлобья, изкоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни вполголоса, „такъ что (говорилъ Максимъ Максимычъ), бывало, и мнѣ становилось грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты“. Уговаривая ее полюбить себя, Печоринъ спросилъ ее, не любитъ ли она какого-нибудь чеченца, и прибавилъ, что въ такомъ случаѣ онъ сейчасъ отпустить ее домой. Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой... „Или я тебѣ совершенно ненавистенъ?“ Она вздохнула. „Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня?“ она поблѣднѣла и молчала. Потомъ онъ ей сказалъ, что Аллахъ одинъ для всѣхъ племенъ, и что если онъ ему позволилъ полюбить ее, то почему же запретить ей полюбить его. Этотъ доводъ, казалось, поразилъ ее, и въ ея глазахъ выразилось желаніе убѣдиться. „Если ты будешь грустить, говорилъ онъ ей, я умру. Скажи, ты будешь веселѣй?“ Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ, потомъ улыбнулась и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ее руку и сталъ ее уговаривать, чтобы она его поцѣловала; она слабо защищалась и только повторяла: *„поджалуста, поджалуста, не нада, не нада!“* Какая граціозная и въ то же время какая вѣрная натурѣ черта характера! Природа нигдѣ не противорѣчитъ себѣ, и глубокость чувства, достоинство и граціозность непосредственности такъ же иногда поражаютъ и въ дикой черкешенкѣ, какъ и въ образованной женщинѣ высшаго тона. Есть манеры столь граціозныя, есть слова столь благоухающія, что одного или одной изъ нихъ достаточно, чтобы обрисовать всего человѣка, выказать наружу все, что кроется внутри его. Не правда ли: слыша это милое простодушное *„поджалуста, поджалуста, не нада, не нада!“* вы видите передъ собою эту очаровательную, черноокую Бѣлу, полудикую дочь вольныхъ ущелій, и вась

такъ обаятельно поражаетъ въ ней эта гармонія, эта особенность женственности, которая составляетъ всю прелесть, все очарованіе женщины?.. Онъ сталъ настаивать, она задрожала и заплакала. „Я твоя плѣнница, твоя раба,—говорила она,—конечно ты можешь меня принудить“ — и опять слезы. „Дьяволъ, а не женщина! — сказалъ онъ Максиму Максимычу;—только я даю вамъ честное слово, что она будетъ моя...“

Однажды онъ вошелъ къ ней одѣтый почеркесски и вооруженный и сказалъ ей, что онъ виноватъ передъ нею, что онъ оставляетъ ее хозяйкой всего, что имѣетъ, даетъ ей волю, и самъ идетъ, куда глаза глядятъ, можетъ быть подъ пулю...

„Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только, стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль, такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, онъ дрожалъ, и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только онъ едва коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то-есть, знаете, не то, чтобы заплакалъ, а такъ, глупость!..“

Штабсъ-капитанъ замолчалъ

— Да, признаюсь, сказалъ онъ потомъ, теребя усы, мнѣ стало досадно, что вѣкогда ни одна женщина меня такъ не любила.“

Скоро узналъ счастливый Печоринъ, что Бѣла полюбила его съ перваго взгляда. Да, это была одна изъ тѣхъ глубокихъ женскихъ натуръ, которыя полюбить мужчину тотчасъ, какъ увидятъ его, но признаются ему въ любви не тотчасъ, отдадутся не скоро, а отдавшись, уже не могутъ больше принадлежать ни другому, ни самимъ себѣ... Поэтъ не говоритъ объ этомъ ни слова, но потому-то онъ и поэтъ, что, не говоря иного, даетъ знать все... Они были счастливы, но не завидуйте имъ, читатель: кто смѣетъ надѣяться на прочное счастье въ жизни?.. Минута ваша, ловите же ее, не надѣясь на будущее... Не долго продолжалось и твое блаженство, бѣдная, милая Бѣла!..

Вскорѣ Печоринъ и Максимъ Максимычъ узнали, что отецъ Бѣлы былъ убитъ Казбичемъ, подозрѣвавшимъ его въ участіи въ похищеніи Карагѣза. Отъ Бѣлы долго скрывали это, пока

она не привыкла къ своему положенію; когда же ей сказали, она два дня плакала, а потомъ забыла. Четыре мѣсяца все шло хорошо. Печоринъ такъ любилъ Бѣлу, что забылъ для нея охоту и не выходилъ за крѣпостной валъ. Но вдругъ сталъ онъ задумываться, ходить по комнатѣ, заложивъ руки на спину. Однажды, никому не сказавшись, отправился на охоту и пропадалъ цѣлое утро, потомъ опять, и все чаще и чаще. „Нехорошо (подумалъ Максимъ Максимычъ): вѣрно между ними пробѣжала черная кошка!“ Въ одно утро онъ зашелъ къ нимъ и увидѣлъ Бѣлу такую блѣдненькою, такую печальною, что испугался. Онъ сталъ ее утѣшать. Сообщая ему свои страхи и опасенія, она сказала ему:

„— А нынче мнѣ уже кажется, что онъ меня не любитъ.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать! Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, а княжеская дочь!...“

Утѣшая ее, Максимъ Максимычъ замѣтилъ ей, что если она будетъ грустить, то скорѣе наскучитъ Печорину.

„— Правда,—правда, отвѣчала она:—я буду весела! И съ хохотомъ схватила свой бубень, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно, она упала на постель и закрыла лицо руками.

— Что было мнѣ съ нею дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался: думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренепріятное положеніе-съ“.

Вышедши съ нею прогуляться за крѣпость, Максимъ Максимычъ увидѣлъ черкеса, который вдругъ выѣхалъ изъ лѣса и, саженьяхъ во ста отъ нихъ, началъ какъ бѣшеный кружиться. Бѣла узнала въ немъ Казбича.

Наконецъ Максимъ Максимычъ объяснился съ Печоринымъ насчетъ его охлажденія къ Бѣлѣ, и Печоринъ сознался въ этомъ. Итакъ, Печоринъ охладѣлъ къ бѣдной Бѣлѣ, которая любила его еще больше. Онъ не знаетъ самъ причины своего охлажденія, хотя и силится найти ее. Да, нѣтъ ничего труднѣе, какъ разбирать языкъ собственныхъ чувствъ, какъ знать самого себя! И объясненія автора для насъ такъ же неудовлет-

ворительны, какъ и для Максима Максимыча, которому онъ ихъ сообщилъ. Можетъ быть и тутъ та-же причина, и въ отношеніи къ автору, и въ отношеніи къ намъ: нѣтъ ничего труднѣе, какъ знать и понимать самихъ себя!.. Но тѣмъ не менѣе мы предложимъ и наше рѣшеніе, или, лучше сказать, и наше гаданіе объ этомъ столько же общемъ, сколько и грустномъ феноменѣ чело-вѣческаго сердца, который особенно частъ и поразителенъ въ современномъ обществѣ. Въ числѣ причинъ скорого охлажде-нія Печорина къ Бэлѣ не было ли причиною его и то, что для безсознательнаго, чисто естественнаго, хотя и глубокаго чувства черкешенки Печоринъ былъ полнымъ удовлетвореніемъ, далеко превосходящимъ самыя дерзкія ея требованія, тогда какъ духъ Печорина не могъ найти своего удовлетворенія въ естественной любви полудикаго существа? Къ тому вѣдь одно наслажденіе далеко еще не составляетъ всѣхъ потребностей любви, а что могла дать Печорину любовь, кромѣ наслажде-нія? О чемъ онъ могъ говорить съ нею? что оставалось для него въ ней неразгаданнаго? Для любви нужно разумное содержаніе, какъ масло для поддержки огня: любовь есть гармоническое сліяніе двухъ родственныхъ натуръ въ чувство безконечнаго. Въ любви Бэлы была сила, но не могло быть безконечности: сидѣть съ глаза на глазъ съ возлюбленнымъ, ласкаться къ нему, принимать его ласки, предугадывать и ловить его желанія, млѣть отъ его лобзаній, замирать въ его объятіяхъ—вотъ все, чего требовала душа Бэлы; при такой жизни и вѣчность показалась бы для нея мгновеніемъ. Но Печорина такая жизнь могла увлечь не больше, какъ на че-тыре мѣсяца, и еще надо удивляться силѣ его любви къ Бэлѣ, если она была такъ продолжительна. Сильная потреб-ность любви часто принимается за самую любовь, если пред-ставится предметъ, на который она можетъ устремиться; препятствія превращаютъ ее въ страсть, а удовлетвореніе уничтожаетъ. Любовь Бэлы была для Печорина полнымъ бо-каломъ сладкаго напитка, который онъ выпилъ заразъ, не оставивъ въ немъ ни капли; а душа его требовала не бокала, а океана, изъ котораго можно ежеминутно черпать, не умень-шая его.....

Однажды Печоринъ отправился съ Максимомъ Максимы-

чемъ на охоту за кабаномъ. Съ ранняго утра, часовъ съ десяти, напрасно искали они его; Максимъ Максимычъ угоривалъ своего товарища воротиться, не тутъ-то было: не смотря ни на зной, ни на усталость, тотъ не хотѣлъ воротиться безъ добычи. „Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что задумаетъ, подавай; видно въ дѣтствѣ былъ маленькій избалованъ“. Однакожъ послѣ полудня они безъ ничего подѣзжали къ крѣпости. Вдругъ выстрѣлъ: оба они взглянули другъ на друга и опрометью поскакали на выстрѣлъ. Солдаты въ кучку собрались на валу и указывали въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Это былъ Казбичъ, похитившій неосторожную Бѣлу, которая вышла за крѣпость къ рѣкѣ. Печорину удалось ранить въ ногу его коня. Казбичъ занесъ руку надъ Бѣлою, Максимъ Максимычъ выстрѣлилъ и, кажется, ранилъ его въ плечо; дымъ разсѣялся—на землѣ лежала раненая лошадь и возлѣ нея Бѣла, а Казбичъ, какъ кошка карабкался на утесъ и скоро скрылся. Они къ Бѣлѣ—она была ранена, и кровь лилась изъ раны ручьями...

„— И Бѣла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы ужъ съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя; мы сидѣли у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. — Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка (то-есть по нашему, душенька), отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку.—Я умру! сказала она.—Мы начали ее утѣшать, говорили, что лѣкарь общалъ ее вылѣчить непременно,—она покачала головой и отвернулась къ стѣнѣ: ей не хотѣлось умирать!

— Ночью она начала бредить; голова ея горѣла, по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки; она говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ: ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ, давая ему разныя названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

— Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его; въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою—не знаю; что до меня, то я ничего жалче этого не видывалъ“...

Передъ смертью хриплымъ голосомъ закричала она: „воды! воды!“

„Онъ сдѣлался блѣденъ какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву, не помню

какую... Да, батюшка, видаль я много, какъ люди умирають въ госпиталѣхъ и на полѣ сраженія; только все это не то, совсѣмъ не то!.. Еще, признаться, меня вотъ что печалить: она передъ смертью ни разу не вспомнила обо мнѣ: кажется, я ее любилъ какъ отецъ... Ну, да Богъ ее простить... И въ правду молвить: что же я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?...

— Только-что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ — гладко!.. Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно! Я бы на его мѣстѣ умеръ съ горя. Наконецъ онъ сѣлъ на землѣ, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха. Я пошелъ заказывать гробъ...

— На другой день, рано утромъ, мы ее похоронили за крѣпостью, у вала, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея могилы разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ, было, поставить крестъ, да, знаете, не ловко. все-таки она была не христіанка“...

Просимъ извиненія за множество выписокъ и у автора, и у тѣхъ изъ читателей, которые прочтутъ нашу статью прежде романа: заманчивость перваго чтенія, сила и прелесть перваго впечатлѣнія будутъ для нихъ навсегда потеряны. Впрочемъ едва ли кто и не читалъ „Бѣлы“; она напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ“ еще въ прошедшемъ году, да и самый романъ давно уже вышелъ въ свѣтъ. Что же касается до тѣхъ, которые прочтутъ нашу статью уже послѣ романа, у нихъ черезъ это почти ничего не отнимается; напротивъ, если мы только хорошо сдѣлали наше дѣло, они вновь почувствуютъ уже испытанное наслажденіе, и еще съ большею силою. Во всякомъ случаѣ, намъ не было никакой возможности избѣжать этихъ выписокъ. Мы хотѣли, чтобы въ нашемъ изложеніи содержанія романа видны были и характеры дѣйствующихъ лицъ, и сохранена была внутренняя жизненность разсказа, равно какъ и его колоритъ; а этого невозможно было сдѣлать, показавъ одинъ скелетъ содержанія или его отвлеченную мысль. Да и въ чемъ содержаніе повѣсти? Русскій офицеръ похитилъ черкешенку, сперва сильно любилъ ее, но скоро охладѣлъ къ ней; потомъ черкесь увезъ было ее, но, видя себя почти пойманнымъ, бро-

силъ ея, нанеши ей рану, отъ которой она умерла! вотъ и все тутъ. Не говоря о томъ, что тутъ очень немного, тутъ еще нѣтъ и ничего ни поэтическаго, ни особеннаго, ни занимательнаго, и все обыкновенно до пошлости, истерто. Но что же необыкновеннаго или поэтическаго напримѣръ и въ содержаніи Шекспирова „Отелло?“ Мавръ убилъ страстно любимую имъ жену изъ ревности, которую съ умысломъ возбудилъ въ немъ хитрый злодѣй: развѣ и это тоже не истерто и не обыкновенно до пошлости? Развѣ не было написано тысячи повѣстей, романовъ, драмъ, содержаніе которыхъ — мужъ или любовникъ, убивающій изъ ревности невинную жену или любовницу? Но изъ всей этой тысячи только одного „Отелло“ знаетъ міръ и одному ему удивляется. Значить: „содержаніе не во вышней формѣ, не въ сфилленіи случайностей, а въ смыслѣ художника, въ тѣхъ образахъ, въ тѣхъ тѣняхъ и перебивахъ красокъ, которыя представлялись ему еще прежде, нежели онъ взялся за перо — словомъ, въ творческой концепціи. Художественное созданіе должно быть вполнѣ готово въ душѣ художника прежде, нежели онъ возьмется за перо: написать для него — уже второстепенный трудъ. Онъ долженъ сперва видѣть передъ собою лица, изъ взаимныхъ отношеній которыхъ образуется его драма или повѣсть. Онъ не обдумываетъ, не рассчитываетъ, не теряется въ соображеніяхъ: все выходитъ у него само собою, и выходитъ такъ, какъ должно. Событіе развертывается изъ идеи, какъ растеніе изъ зерна. Потому-то и читатели видятъ въ его лицахъ живые образы, а не призраки, радуются ихъ радостями, страдаютъ ихъ страданіями, думаютъ, разсуждаютъ и спорятъ между собою о ихъ значеніи, ихъ судьбѣ, какъ будто дѣло идетъ о людяхъ, дѣйствительно существовавшихъ и знакомыхъ имъ. Этого нельзя сдѣлать, сперва придумавши отвлеченное содержаніе, т. е. какую-нибудь завязку и развязку, а потомъ уже придумавши лица и волею или неволею заставивши ихъ играть сообразныя съ сочиненною цѣлью роли. Вотъ почему изложеніе содержанія такъ затруднительно для критика, и безъ выписокъ нельзя ему обойтись: надо сдѣлать его кратко и заставить говорить само за себя разбираемое твореніе.

Глубокое впечатлѣніе оставляетъ послѣ себя „Бала“: вамъ грустно, но грусть ваша легка, свѣтла и сладостна; вы летите мечтою на могилу прекрасной, но эта могила не страшна: ея освѣщаетъ солнце, омываетъ быстрый ручей, котораго ропотъ, вмѣстѣ съ шелестомъ вѣтра въ листьяхъ бузины и бѣлой акаціи, говоритъ вамъ о чемъ-то таинственномъ и безконечномъ, и надъ нею, въ свѣтлой вышинѣ, летаетъ и носится какое-то прекрасное видѣніе, съ блѣдными ланитами, съ выраженіемъ укора и прощенія въ черныхъ очахъ, съ грустною улыбкою... Смерть черкешенки не возмущаетъ васъ безотраднымъ и тяжелымъ чувствомъ, ибо она явилась не страшнымъ скелетомъ по произволу автора, но вслѣдствіе разумной необходимости, которую вы предчувствовали уже, и явилась свѣтлымъ ангеломъ примиренія. Диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ, и вы съ умиленіемъ повторяете простыя и трогательныя слова добраго Максима Максимыча. „Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! ну, что бы съ ней случилось, еслибъ Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось рано или поздно!“...

И съ какимъ безконечнымъ искусствомъ обрисованъ граціозный образъ плѣнительной черкешенки! Она говоритъ и дѣйствуетъ такъ мало, а вы живо видите ее передъ глазами во всей опредѣленности живого существа, читаете въ ея сердцѣ, проникаете все изгибы его... А Максимъ Максимычъ, этотъ добрый простакъ, который и не подозреваетъ, какъ глубока и богата его натура, какъ высокъ и благороденъ онъ? Онъ, грубый солдатъ, любитъ Бѣлою, какъ прекраснымъ дитятею, любитъ ее, какъ милую дочь,—и за что?—спросите его, такъ онъ отвѣтитъ вамъ: „не то, чтобы любилъ, а такъ—глупость!“ Ему досадно, что его ни одна женщина не любила такъ, какъ Бѣла Печорина; ему грустно, что она не вспомнила о немъ передъ смертію хоть онъ и самъ сознается, что это съ его стороны не совсѣмъ справедливое требованіе... Останавливаться ли на этихъ чертахъ, столь полныхъ безконечностью? Нѣтъ, онѣ говорятъ сами за себя; а тѣ, для кого онѣ нѣмы, тѣ не стоятъ, чтобъ тратить съ ними слова и время. Простая красота, которая есть одна истинная красота, не для всѣхъ доступна: у большей части людей глаза

такъ грубы, что на нихъ дѣйствуетъ только пестрота, узорность и красная краска, густо и ярко намазанная... Характеры Азамата и Казбича — это такіе типы, которые будутъ равно понятны и англичанину, и нѣмцу, и французу, какъ понятны они русскому. Вотъ что называется рисовать фигуру во весь ростъ, съ національною фізіономією и въ національномъ костюмѣ!...

Обратите еще вниманіе на эту естественность разсказа, такъ свободно развивающагося, безъ всякихъ натяжекъ, такъ плавно текущаго собственною силою, безъ помощи автора. Офицеръ, возвращающійся изъ Тифлиса въ Россію, встрѣчается въ горахъ съ другимъ офицеромъ; одиночество дорожнаго положенія даетъ одному право начать разговоръ съ другимъ и такъ естественно доводитъ ихъ до знакомства. Одинъ предлагаетъ чай съ ромомъ—тотъ отказывается, говоря, что по одному случаю онъ зарекся пить. Очень естественно, что, сидя въ дымной и гадкой саклѣ, путешественникъ заводитъ съ товарищемъ разговоръ объ обитателяхъ сакли: товарищъ этотъ — пожилой офицеръ, много лѣтъ проведеншій на Кавказѣ, естественно, очень охотно разговаривался объ этомъ предметѣ. Вопросъ молодого офицера: „А что, много съ вами бывало приключеній?“ такъ же естественъ, какъ и отвѣтъ пожилого: „Какъ не бывать! бывало...“ Но это не приступъ къ повѣсти, а только еще, какъ и должно, слабая надежда услышать повѣсть: авторъ не погоняетъ обстоятельствъ, какъ лошадей, но даетъ имъ самимъ развиваться. Онъ предлагаетъ Максиму Максимычу чай съ ромомъ: тотъ отказывается отъ рома, говоря, что зарекся пить. Вопросъ: „почему?“ молодого офицера такъ же не можетъ быть сочтенъ натяжкою, какъ откликъ человѣка, когда его зовутъ. Отвѣтъ Максима Максимыча, въ которомъ онъ говоритъ о случаѣ, заставившемъ его заречься пить вино, уже ожидается самимъ читателемъ. Случай этотъ чисто кавказскій: офицеры пировали, какъ вдругъ сдѣлалась тревога. Но разсужденіе Максима Максимыча, что иногда годъ живи—тревоги нѣтъ, „да какъ тутъ еще водка—пропадшій человѣкъ“, отнимаетъ всякую надежду на повѣсть; какъ вдругъ онъ обращается къ черкесамъ, которые, если напьются бузы, такъ и начнутъ рубиться, и

очень естественно вспоминаетъ одинъ случай. Онъ и расположенъ его рассказать, но какъ бы не хотеть навязываться съ рассказами. Молодой офицеръ, котораго любопытство давно уже сильно возбуждено, но который умѣетъ умѣрить его приличіемъ, съ притворнымъ равнодушіемъ спрашиваетъ: „какъ же это случилось?“—„Вотъ изволите видѣть“—и повѣсть началась. Исходный пунктъ ея—страстное желаніе мальчика-черкеса имѣть лихого коня, и вы помните эту дивную сцену изъ драмы между Азаматомъ и Казбичемъ. Печоринъ—человѣкъ рѣшительный, алчущій тревогъ и бурь, готовый рискнуть на все для выполненія даже прихоти своей,—а здѣсь дѣло шло о чемъ-то гораздо большемъ, чѣмъ прихоть. И такъ все вышло изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, по законамъ строжайшей необходимости, а не по произволу автора. Но еще повѣсть была простымъ анекдотомъ, и новые знакомые уже пустились въ разсужденія по поводу его, какъ вдругъ Максимъ Максимычъ, у котораго воспоминаніе ожило и потребность сообщить его другому возбудилась, какъ бы говоря съ самимъ собою, прибавилъ: „Никогда себѣ не прощу одного: чортъ дернулъ меня, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся,—такой хитрый!—а самъ задумалъ кое что“. Что можетъ быть естественнѣе, проще всего этого? Такая естественность и простота никогда не могутъ быть дѣломъ расчета и соображенія: онѣ—плодъ вдохновенія.

Итакъ, исторія Бѣлы кончилась; но романъ еще только начался, и мы прочли одно вступленіе, которое впрочемъ и само по себѣ, отдѣльно взятое, есть художественное произведеніе, хотя и составляетъ только часть цѣлаго. Но пойдемъ далѣе. Въ Владикавказѣ авторъ опять съѣхался съ Максимомъ Максимычемъ. Когда они обѣдали, на дворъ въѣхала щегольская коляска, за которою шелъ человѣкъ. Не смотря на грубость этого человѣка, „балованнаго слуги лѣниваго барина“, Максимъ Максимычъ допросился у него, что коляска принадлежитъ Печорину. „Что ты? Что ты? Печоринъ?... Ахъ, Боже мой!... Да не служилъ-ли онъ на Кавказѣ?“ Въ глазахъ Максима Максимыча сверкала радость. „Служилъ, кажется, да я у нихъ недавно“, отвѣчалъ слуга.

„Ну, такъ!... такъ!... Григорій Александровичъ? Такъ вѣдь его зовутъ? Мы съ твоимъ бариномъ были пріятели“, прибавилъ Максимъ Максимычъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться...— „Позвольте, сударь; вы мнѣ мѣшаете“—сказалъ тотъ, нахмурившись. „Экой ты, братецъ!... Да знаешь ли? Мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ... Да гдѣ жъ онъ самъ остался?“ Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н***. „Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда?“ сказалъ Максимъ Максимычъ; „или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему за чѣмъ-нибудь?... Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я дамъ тебѣ восьмигривенный на водку...“ Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что исполнить его порученіе. „Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!...“ сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ, „пойду за ворота дожидаться... Эхъ, жалко, что я не знакомъ съ Н***!“

Итакъ, Максимъ Максимычъ ждетъ за воротами. Онъ отказался отъ чашки чая и, наскоро выпивъ одну, по вторичному приглашенію, опять выбѣжалъ за ворота. Въ немъ замѣтно было живѣйшее безпокойство, и явно было, что его огорчало равнодушіе Печорина. Новый его знакомый, отворивъ окно, звалъ его спать: онъ что-то пробормоталъ, а на вторичное приглашеніе ничего не отвѣтилъ. Уже поздно ночью вошелъ онъ въ комнату, бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить, ковырять въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался... „Не клопы ли васъ кусаютъ?“ спросилъ его новый пріятель.— „Да, клопы...“ отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ сидѣлъ онъ за воротами. „Мнѣ надо сходить къ коменданту,—сказалъ онъ,—такъ пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной“. Но лишь ушелъ онъ, какъ предметъ его безпокойства явился. Съ любопытствомъ смотрѣлъ на него нашъ авторъ, и результатомъ его внимательнаго наблюденія былъ подробный портретъ, къ которому мы возвратимся, когда будемъ говорить о Печоринѣ, а

теперь займемся исключительно Максимомъ Максимычемъ. Надо сказать, что когда Печоринъ пришелъ, лакей доложилъ ему, что сейчасъ будутъ закладывать лошадей. Здѣсь мы снова должны прибѣгнуть къ длинной выпискѣ.

„Лошади были уже заложены, колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастью, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему: „если вы захотите еще немного подождать“, сказалъ я, „то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ.“

— Ахъ, точно! быстро отвѣчалъ онъ: мнѣ вчера говорили,—но гдѣ же онъ?—Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ вырвались изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорина, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолебѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками; онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ. Ну, какъ выживаете? сказалъ Печоринъ.

— А ты... а вы?... пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ:— сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?...

— Ъду въ Персію—и дальше.

— Неужто сейчасъ?... Да подождите, дражайшій!... Неужто сейчасъ разстанемся?... Сколько времени не видались...

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ,—былъ отвѣтъ.

— Боже мой! Боже мой! да куда это такъ спѣшите?... Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставку? какъ?... что подѣлывали!...

— Скучалъ!—отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь...

— А помните наше житье-бытье въ крѣпости?...

Славная страна для охотниковъ!... Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бала!...

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

— Да, помню!—сказалъ онъ почти тотчасъ, принужденно зѣвнувъ. Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два.

— Мы славно пообедаемъ, говорилъ онъ, у меня есть два фазана, а кахетинское здѣсь прекрасное... разумѣется, не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы говоримъ... вы мнѣ расскажете про свое житье въ Петербургѣ... А?...

— Право, мнѣ нечего рассказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако прощайте, мнѣ пора... я спѣшу... Благодарю, что не забыли... прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это.—Забудь!—проворчалъ онъ,—я-то не забуду ничего... Ну, да Богъ съ вами!... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...

— Ну полно, полно!—сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески;—неужели я не тотъ же?... что дѣлать?... Всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться—Богъ знаетъ!... Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ уже началъ подбирать возжи.

— Поймай! поймай!—закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски,—совсѣмъ было забуду... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собою... думалъ найти васъ въ Грузи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... что мнѣ съ ними дѣлать?...

— Что хотите!—отвѣчалъ Печоринъ.—Прощайте.

— Такъ вы въ Персію?... а когда вернетесь?... кричалъ вслѣдъ Максимъ Максимычъ...

Коляска была уже далеко... Давно уже не слышно было ни звонка колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ,—а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости...

Довольно! не будемъ выписывать длиннаго и безсвязнаго монолога, который говорилъ огорченный старикъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ и сверкала на его рѣсницахъ. Довольно: Максимъ Максимычъ и такъ ужъ весь передъ вами... Если бы вы нашли его, познакомились съ нимъ, двадцать лѣтъ прожили съ нимъ въ одной крѣпости, и тогда бы не знали лучше. Но мы больше уже не увидимся съ нимъ, а онъ такъ интересенъ, такъ прекрасенъ, что грустно такъ скоро разстаться съ нимъ, и потому взглянемъ на него еще разъ, уже послѣдній...

„— Максимъ Максимычъ,—сказалъ я, подошедши къ нему,—а что это за бумаги оставилъ вамъ Печоринъ?

— А Богъ его знаетъ! какія-то записки.

— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? я велю надѣлать патроновъ.

— Отдайте ихъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко.

— Вотъ онъ всѣ,—сказалъ онъ,—поздравляю васъ съ находкою...

— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?... Что я, развѣ другъ его какой, или родственникъ?... Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?...

Схватя и унеся поскорѣ бумаги изъ опасенія, чтобы Максимъ Максимычъ не раскаялся, нашъ авторъ собрался въ дорогу; онъ уже надѣлъ шапку, какъ штабсъ-капитанъ вошелъ. Но нѣтъ, воля наша! а ужъ надо проститься съ Максимомъ Максимычемъ какъ слѣдуетъ, то есть не прежде, какъ выслушавъ его послѣднее слово... Что дѣлать! есть такіе люди, съ которыми, разъ познакомившись, вѣкъ бы не разстался....

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?

— Нѣтъ-съ.

— А что такъ?

— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кой какія казенныя вещи.

— Да вѣдь вы же были у него?

— Былъ, конечно,—сказалъ онъ заминаясь,—да его дома не было... а я не дождался...

Я понялъ его: бѣдный старикъ въ первый разъ отъ рода можетъ быть бросилъ дѣла службы для *собственной надобности*, говоря языкомъ бу-мажнымъ,—и какъ же онъ былъ награжденъ!

— Очень жаль,—сказалъ я ему,—очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!... вы молодежь свѣтская, гордая; еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говорю; а впрочемъ желаю вамъ всякаго счастья и веселой дороги“.

За симъ они довольно сухо разстались; но вы, любезный читатель, вѣрно не сухо разстались съ этимъ старымъ младенцемъ, столь добрымъ, столь милымъ, столь человѣчнымъ и столь неопытнымъ во всемъ, что выходило за тѣсный кругозоръ его понятій и опытности? Не правда ли, вы такъ свыклись съ нимъ, такъ полюбили его, что никогда уже не забудете его, и если встрѣтите подъ грубой наружностью, подъ корою зачерствѣлости отъ трудной и скудной жизни—горячее сердце, подъ простою, мѣщанскою рѣчью—теплоту души, то вѣрно скажете: „это Максимъ Максимычъ“?... И дай Богъ вамъ поболѣе встрѣтить на пути вашей жизни Максимъ Максимычей!...

И вотъ, мы разсмотрѣли двѣ части романа—„Бѣлу“ и „Максима Максимыча“: каждая изъ нихъ имѣетъ свою особенность и замкнутость, почему каждая и оставляетъ въ душѣ читателя такое полное, цѣлостное и глубокое впечатлѣніе. Героевъ той и другой повѣсти мы видѣли въ торжественнѣйшихъ положеніяхъ ихъ жизни и коротко ихъ знаемъ. Первая—повѣсть; вторая—эскизъ характера, и каждая равно полна и удовлетворительна, ибо въ каждой поэтъ умѣлъ исчерпать все ея содержаніе и въ типическихъ чертахъ вывести во внѣ все внутреннее, крившееся въ ней какъ возможность. Что намъ за нужда, что во второй нѣтъ романическаго содержанія, что она представляетъ собою не жизнь, а отрывокъ изъ жизни человѣка? Но если въ этомъ отрывкѣ—весь человѣкъ, то чего же больше. Поэтъ хотѣлъ изобразить характеръ и превосходно успѣлъ въ этомъ: его Максимъ Максимычъ можетъ употребляться не какъ собственное, но какъ нарицательное имя, наравнѣ съ Онѣгиными, Ленскими, Загорѣцкими, Иванами Ивановичами, Иванами Никифоровичами, Афанасіями Ивановичами, Чацкими, Фамусовыми, и пр. Мы познакомились съ нимъ еще въ „Бѣлѣ“, и больше уже не увидимся. Но въ обѣихъ этихъ повѣстяхъ мы видѣли еще одно лицо, съ которымъ однакожъ незнакомы. Это таинственное лицо не есть герой этихъ повѣстей, но безъ него не было бы этихъ повѣстей: онъ герой романа, котораго эти двѣ повѣсти только части. Теперь пора намъ съ нимъ познакомиться, и уже не чрезъ посредство другихъ лицъ, какъ прежде: они его не понимаютъ, какъ мы уже видѣли; равнымъ образомъ и не чрезъ поэта, который хотъ и одинъ виноватъ въ немъ, но умываетъ въ немъ руки; а чрезъ него же самого: мы готовимся читать его записки. Поэтъ написалъ отъ себя предисловіе только къ запискамъ Печорина. Это предисловіе составляетъ родъ главы романа, какъ его существеннѣйшая часть, но, не смотря на то, мы возвратимся къ нему послѣ, когда будемъ говорить о характерѣ Печорина, а теперь прямо приступимъ къ „запискамъ“.

Первое отдѣленіе называется „Тамань“ и, подобно первымъ двумъ, есть отдѣльная повѣсть. Хотя оно и представляетъ собою эпизодъ изъ жизни героя романа, но герой попреж-

нему остается для насъ лицомъ таинственнымъ. Содержаніе этого эпизода слѣдующее: Печоринъ въ Тамани остановился въ скверной хатѣ, на берегу моря, въ которой онъ нашель только слѣпого мальчика лѣтъ 14-ти и потомъ таинственную дѣвушку. Случай открываетъ ему, что эти люди—контрабандисты. Онъ ухаживаетъ за дѣвушкою и въ шутку грозитъ ей, что донесетъ на нихъ. Вечеромъ въ тотъ же день она приходитъ къ нему, какъ сирена, обольщаетъ его предложеніемъ своей любви и назначаетъ ему ночное свиданіе на морскомъ берегу. Разумѣется, онъ является, но какъ странность и какая-то таинственность во всѣхъ словахъ и поступкахъ дѣвушки давно уже возбудили въ немъ подозрѣніе, то онъ и запасся пистолетомъ. Таинственная дѣвушка пригласила его сѣсть въ лодку—онъ было колебался, но отступать было уже не время. Лодка помчалась, а дѣвушка обвилась вокругъ его шеи, и что-то тяжелое упало въ воду... Онъ хватъ за пистолетъ, но его уже не было.. Тогда завязалась между ними страшная борьба: наконецъ мужчина побѣдилъ; посредствомъ осколка весла онъ добрался кое-какъ до берега и, при лунномъ свѣтѣ, увидѣлъ таинственную ундину, которая, спасшись отъ смерти, отряхалась. Черезъ нѣсколько времени она удалилась съ Янко, какъ видно, съ своимъ любовникомъ и однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ контрабанды: такъ какъ посторонній узналъ ихъ тайну, имъ опасно было оставаться болѣе въ этомъ мѣстѣ. Слепой тоже пропалъ, укравъ у Печорина шкатулку, шашку съ серебряной оправой и дагестанскій кинжалъ.

Мы не рѣшились дѣлать выписокъ изъ этой повѣсти, потому что она рѣшительно не допускаетъ ихъ; это словно какое-то лирическое стихотвореніе, вся прелесть котораго уничтожается однимъ выпущеннымъ или измѣненнымъ не рукою самого поэта стихомъ; она вся въ формѣ; если выписывать, то должно бы ее выписать всю отъ слова до слова; пересказываніе ея содержанія дастъ о ней такое же понятіе, какъ рассказъ, хотя бы и восторженный, о красотѣ женщины, которой вы сами не видѣли. Повѣсть эта отличается какимъ-то особеннымъ колоритомъ: не смотря на прозаическую дѣйствительность ея содержанія, все въ ней таинственно, лица—

какія-то фантастическія тѣни, мелькающія въ вечернемъ сумракѣ, при свѣтѣ зари или мѣсяца. Особенно очаровательна дѣвушка: это какая-то дикая, сверкающая красота, обольстительная, какъ сирена, неуловимая, какъ ундина, страшная, какъ русалка, быстрая, какъ прелестная тѣнь или волна, гибкая, какъ тростникъ. Ее нельзя любить, нельзя и ненавидѣть, но ее можно только и любить, и ненавидѣть вмѣстѣ. Какъ чудно-хороша она, когда, на крышѣ своей кровли, съ распушенными волосами, защитивъ глаза ладонью, пристально всматривается вдаль, и то смѣется и разсуждаетъ сама съ собою, то запѣваетъ полную раздолья и отваги пѣсню.

Это касается до героя романа—онъ и тутъ является тѣмъ же таинственнымъ лицомъ, какъ и въ первыхъ повѣстяхъ. Вы видите человѣка съ сильною волею, отважнаго, не блѣднѣющаго никакой опасности, напрашивающагося на бури и тревоги, чтобы занять себя чѣмъ-нибудь и наполнить бездонную пустоту своего духа, хотя бы и дѣятельностью безъ всякой цѣли.

Наконецъ, вотъ и „Княжна Мери“. Предисловіе нами прочитано, теперь начинается для насъ романъ. Эта повѣсть разнообразнѣе и богаче всѣхъ другихъ своимъ содержаніемъ, но зато далеко уступаетъ имъ въ художественности формы. Характеры ея или очерки или силуэты, и только развѣ одинъ—портретъ. Но что составляетъ ея недостатокъ, то же самое есть и ея достоинство, наоборотъ. Подробное разсмотрѣніе ея объяснить нашу мысль.

Начинаемъ съ седьмой страницы. Печоринъ въ Пятигорскѣ, у Елисаветинскаго источника, сходится съ своимъ знакомымъ—юнкеромъ Грушницкимъ. По художественному выполненію, это лицо стоитъ Максима Максимыча; подобно ему, это типъ, представитель цѣлаго разряда людей, имя нарицательное. Грушницкій—идеальный молодой человѣкъ, который щеголяетъ своей идеальностью какъ записныя франты щеголяютъ моднымъ платьемъ, а „львы“—ослиною глупостью. Онъ носитъ солдатскую шинель изъ толстаго сукна; у него георгиевскій солдатскій крестикъ. Ему очень хочется, чтобы его считали не юнкеромъ, а разжалованнымъ изъ офицеровъ: онъ находитъ это очень эффектнымъ и интереснымъ. Вообще „произ-

водитъ эффектъ“ — его страсть. Онъ говоритъ вычурными фразами, — словомъ, это одинъ изъ тѣхъ людей, которые особенно плѣняютъ чувствительныхъ, романическихъ и романтическихъ провинціальныхъ барышень, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ, по прекрасному выраженію автора записокъ, „не трогаетъ просто-прекрасное и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія“. „Въ ихъ душѣ, — прибавляетъ онъ, — часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзій“. Но вотъ самая лучшая и полная характеристика такихъ людей, сдѣланная авторомъ же журнала: „подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами, — иногда тѣмъ и другимъ“. Мы къ этому очерку прибавимъ отъ себя только то, что они страхъ какъ любятъ сочиненія Марлинскаго, и чуть зайдетъ рѣчь о предметахъ сколько нибудь не житейскихъ, стараются говорить фразами изъ его повѣстей. Теперь вы вполне знакомы съ Грушницкимъ. Онъ очень не долюбиваетъ Печорина за то, что тотъ его понялъ. Печоринъ, тоже не любитъ Грушницкаго и чувствуетъ, что когда-нибудь они столкнутся, и одному изъ нихъ не сдобровать.

Они встрѣтились какъ знакомые, и у нихъ начался разговоръ. Грушницкій напалъ на общество съѣхавшееся въ этотъ годъ на воды. „Нынѣшній годъ, — говорилъ онъ, — изъ Москвы только одна княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними незнакомъ; моя солдатская шинель какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, тяжело, какъ милостыня“. Въ это время прошли мимо ихъ къ колодцу двѣ дамы, и Грушницкій сказалъ, что то княгиня Лиговская съ дочерью Мери. Онъ съ ними незнакомъ, потому что „этой гордой знати нѣтъ дѣла, есть ли умъ подѣ нумерованной фуражкой и сердце подѣ толстою шинелью!“ Звонкою фразою, громко сказанною по-французски, онъ обратилъ на себя вниманіе княгини. Печоринъ сказалъ ему: „эта княгиня Мери прехорошенькая. У нея такіе бархатные глаза, — именно бархатные: я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря о ея глазахъ; — нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза — безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя гла-

дять... Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго... а что у нея зубы бѣлы? Это очень важно! жаль, что она не улыбалась на твою пышную фразу!“ — „Ты говоришь о хорошей женщинѣ, какъ объ англійской лошади“, сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ. Они разошлись.

Возвращаясь мимо того мѣста, Печоринъ, невидимый, былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Грушницкій былъ раненъ, или хотѣлъ казаться раненымъ, и потому хромалъ на одну ногу. Уронивъ стаканъ на песокъ, онъ напрасно усиливался поднять его. Легче птички подлетѣла къ нему княжна и, поднявъ стаканъ, подала ему его съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести. Изъ этого выходитъ цѣлый рядъ смѣшныхъ сценъ, худо кончившихся для Грушницкаго. Онъ идеальничаетъ — Печоринъ надъ нимъ тѣшится. Онъ хочетъ ему показать, что въ поступкѣ княжны не видитъ для Грушницкаго никакой причины къ восторгу или даже просто къ удовольствію. Печоринъ приписываетъ это своей страсти къ противорѣчію, говоря, что присутствіе энтузіазма обдастъ его крещенскимъ холодомъ, а частыя сношенія съ флегматикомъ могутъ сдѣлать его страстнымъ мечтателемъ. Напрасное обвиненіе! Такое чувство противорѣчія понятно во всякомъ человѣкѣ съ глубокою душою. Дѣтская, а тѣмъ болѣе фальшивая идеальность оскорбляетъ чувство до того, что пріятно увѣрить себя на ту минуту, что совсѣмъ не имѣешь чувства. Въ самомъ дѣлѣ, лучше быть совсѣмъ безъ чувства, нежели съ такимъ чувствомъ. Напротивъ, совершенное отсутствіе жизни въ человѣкѣ возбуждаетъ въ насъ невольное желаніе увѣриться въ собственныхъ глазахъ, что мы непохожи на него, что въ насъ много жизни, и сообщаетъ намъ какую-то восторженность. Указываемъ на эту черту ложнаго самообвиненія въ характерѣ Печорина, какъ на доказательство его противорѣчія съ самимъ собою вслѣдствіе непониманія самого себя, причины котораго мы объяснимъ ниже.

Теперь выходитъ на сцену новое лицо — медикъ Вернеръ. Въ беллетрическомъ смыслѣ, это лицо превосходно, но въ художественномъ довольно блѣдно. Мы больше видимъ, что хотѣлъ сдѣлать изъ него поэтъ, нежели что онъ сдѣлалъ изъ него въ самомъ дѣлѣ.

Жалѣемъ, что предѣлы статьи не позволяютъ намъ выписать разговора Печорина съ Вернеромъ: это образецъ граціозной шутливости и вмѣстѣ полного мысли остроумія (стр. 28 — 37). Вернеръ сообщаетъ ему свѣдѣнія о пріѣхавшихъ на воды, а главное—о Лиговскихъ. „Что вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ? — спросилъ Печоринъ. — „Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?“ — „Совершенно убѣжденъ“. — „Почему“ — „Потому что княжна спрашивала о Грушницкомъ“. — „У васъ большой даръ соображенія“, — отвѣчалъ Вернеръ. Затѣмъ онъ сообщилъ, что княжна почитаетъ Грушницкаго разжалованнымъ въ солдаты за дуэль. „Надѣюсь, вы ее оставили въ этомъ пріятномъ заблужденіи? — „Разумѣется“. — „Завязка есть! — закричалъ Печоринъ въ восторгѣ, — объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно судьба заботится о томъ, чтобы мнѣ не было скучно“. Далѣе Вернеръ сообщилъ Печорину, что княгиня его знаетъ, потому что встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ его исторія (какая -- этого не объясняется въ романѣ) надѣлала много шума. Говоря о ней, княгиня къ свѣтскимъ сплетнямъ приплетала и свои, а дочка слушала со вниманіемъ; — въ ея воображеніи Печоринъ (по словамъ Вернера) сдѣлался героемъ романа въ новомъ вкусѣ. Вернеръ вызывается представить его княгинѣ. Печоринъ отвѣчаетъ, что героевъ не представляютъ, и что они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ вѣрной смерти свою любезную. Въ шуткахъ его проглядываетъ намѣреніе. Мы скоро узнаемъ о немъ: оно началось отъ нечего дѣлать, а кончилось... но объ этомъ послѣ. Вернеръ сказалъ о княжнѣ, что она любитъ разсуждать о чувствахъ, о страстяхъ, и пр. Потомъ, на вопросъ Печорина, не видѣлъ-ли онъ кого-нибудь у нихъ, онъ говоритъ, что видѣлъ женщину—блондинку, съ чахоточнымъ видомъ лица, съ черною родинкою на правой щекѣ. Примѣты эти видимо взволновали Печорина, и онъ долженъ былъ признаться, что нѣкогда любилъ эту женщину. Затѣмъ онъ проситъ Вернера не говорить ей о немъ, а если она спроситъ — отнестись о немъ дурно. „Пожалуй!“ отвѣчалъ Вернеръ, пожавъ плечами, и ушелъ.

Оставшись наединѣ, Печоринъ думаетъ о предстоящей встрѣчѣ, которая беспокоитъ его. Ясно, что его равнодушіе

и иронія — больше свѣтская привычка, нежели черта характера. „Нѣтъ въ мірѣ человѣка (говоритъ онъ), надъ которымъ бы прошедшее пріобрѣтало такую власть, какъ надъ мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ! ничего не забываю — ничего!“

Вечеромъ онъ вышелъ на бульваръ. Сошедшись съ двумя знакомыми, онъ началъ имъ рассказывать что-то смѣшное; они такъ громко хохотали, что любопытство переманило на его сторону нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну. Онъ, какъ выражается самъ, продолжалъ увлекать публику до захожденія солнца. Княжна нѣсколько разъ проходила мимо его съ матерью, — и ея взглядъ, стараясь выразить равнодушіе, выражалъ одну досаду. Съ этого времени у нихъ началась открытая война: въ глаза и за глаза язвили они другъ друга насмѣшками, злыми намеками. Верхъ всегда былъ на сторонѣ Печорина, ибо онъ вѣлъ войну съ должнымъ присутствіемъ духа, безъ всякой запальчивости. Его равнодушіе бѣсило княжну и на зло ей самой, только дѣлало его интереснѣе въ ея глазахъ. Грушницкій слѣдилъ за нею, какъ звѣрь, и лишь только Печоринъ предрекъ скорое знакомство его съ Лиговскими, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ случай заговорить съ княгиней и сказать какой-то комплементъ княжнѣ. Вслѣдствіе этого онъ началъ докучать Печорину, почему онъ не познакомится съ этимъ домомъ, лучшимъ на водахъ? Печоринъ увѣряетъ идеальнаго шута, что княжна его любитъ; Грушницкій конфузится, говоритъ „какой вздоръ!“ и самодовольно улыбается. „Другъ мой, Печоринъ, — говорилъ онъ, — я тебя не поздравляю; ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жаль! потому что Мери очень мила!..“ — „Да, она недурна! — сказалъ съ важностью Печоринъ, — только берегитесь, Грушницкій!“ — Тутъ онъ сталъ ему давать совѣты и дѣлать предсказанія съ ученымъ видомъ знатока. Смыслъ ихъ былъ тотъ, что княжна изъ тѣхъ женщинъ, которыя любятъ, чтобы ихъ забавляли; что если съ Грушницкимъ будетъ ей скучно двѣ минуты сряду — онъ погибъ; что накокетничавшись съ нимъ, она выйдетъ за какого-нибудь уроды, изъ покорности къ маменькѣ, а послѣ

и станетъ увѣрять себя, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, то-есть Грушницкаго, но что не-бо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстой сѣрой шинелью билось сердце страстное и благородное... Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. „Я внутренно хохоталъ (слова Печорина) и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастью, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшной работы... Я сталъ его разсматривать, и что же?... мелкими буквами имя Мери было вырѣзано на внутренней сторонѣ, и рядомъ—число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у него признаній; я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренныя,—и тутъ-то я буду наслаждаться!“

На другой день, гуляя по виноградной аллеѣ и думая о женщинѣ съ родинкой, онъ въ гротѣ встрѣтился съ нею самою. Но здѣсь мы должны выпискою дать понятіе о ихъ отношеніяхъ.

„— Вѣра! вскрикнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла.. — Я знала, что вы здѣсь, — сказала она. Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милаго голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами, — въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ.

— Мы давно не видались, — сказалъ я.

— Давно, и перемѣнились оба во многомъ.

— Стало-быть, ужъ ты меня не любишь?..

— Я замужемъ!... сказала она.

— Опять? Однако нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта причина также существовала, но между тѣмъ...

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

— Можетъ быть, ты любишь своего второго мужа?

Она не отвѣчала и отвернулась.

— Или онъ очень ревнивъ?

Молчаніе.

— Что жъ! онъ молодъ, хорошъ, особенно вѣрно богатъ, и ты боишься... Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе, на глазахъ сверкали слезы.

— Скажи мнѣ наконецъ,—прошептала она,— тебѣ очень весело меня

мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ кромѣ страданій!... Ея голосъ задрожалъ, она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

— Можетъ быть,—подумалъ я,—ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются а печали никогда!...”

Вѣра никакъ не хотѣла, чтобы Печоринъ познакомился съ ея мужемъ; но такъ какъ онъ дальній родственникъ Лиговской и какъ потому Вѣра часто бываетъ у ней, то она и взяла съ него слово познакомиться съ княгинею.

Такъ какъ „Записки“ Печорина есть его автобіографія, то и невозможно дать полнаго понятія о немъ, не прибѣгая къ выпискамъ, а выписокъ нельзя дѣлать, не переписавши большей части повѣсти. Посему мы принуждены пропускать множество подробностей самыхъ характеристическихъ и слѣдить только за развитіемъ дѣйствія.

Однажды, гуляя верхомъ, въ черкесскомъ платьѣ, между Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ, Печоринъ спустился въ оврагъ, закрытый кустарникомъ, чтобы напоить коня. Вдругъ онъ видитъ—приближается кавалькада: впереди ѣхалъ Грушницкій съ княжной Мери. Онъ былъ довольно смѣшонъ въ своей сѣрой солдатской шинели, сверхъ которой у него надѣта была пашка и пара пистолетовъ. Причина такого вооруженія та (говоритъ Печоринъ), что дамы на водахъ еще вѣрятъ нападению Черкесовъ.

„— И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ? — говорила княжна.

— Что для меня Россія?—отвѣчалъ ея кавалеръ,—страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь, — здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...

— Напротивъ... сказала княжна, покраснѣвъ...

Въ это время они поравнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста.

— Mon Dieu, un Circassien!... — вскрикнула княжна въ ужасъ.

Чтобы ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по-французски, слегка поклонясь:

— Ne craignez rien, madame, je ne suis plus dangereux que votre cavalier“.

Княжна смутилась отъ этого отвѣта. Вечеромъ того же дня Печоринъ встрѣтился съ Грушницкимъ на бульварѣ.

— „Откуда?—Отъ княгини Лиговской,—сказаль онъ очень важно. — Какъ Мери поеть! — Знаешь ли что? — сказалъ я ему, — я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный.

— Быть можетъ! Какое мнѣ дѣло!... сказалъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, я только такъ это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ужасно ее разсердилъ! Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты не могъ имѣть намѣренія ее оскорбить; она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ, что ты вѣрно о себѣ самомъ высокаго мнѣнія.

— Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...

Ого! думаль я, у него видно есть уже надежда...

— Впрочемъ для тебя же хуже, — продолжалъ Грушницкій, — теперь тебѣ трудно познакомиться съ ними, а жаль! это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю...

Я внутренно улыбнулся. — Самый пріятный домъ для меня теперь мой, сказалъ я, зѣвая, и всталъ, чтобы идти.

— Однако признайся, ты раскаиваешься?

— Какой вздоръ! если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...

— Посмотримъ.

— Даже, чтобъ тебѣ сдѣлать удовольствіе, стану волочиться за княжной“.

На балѣ, въ рестораціи, Печоринъ услышалъ, какъ одна толстая дама, толкнутая княжною, бранила ее за гордость и изъявляла желаніе, чтобы ее проучили, и какъ одинъ услужливый драгунскій капитанъ, кавалеръ толстой дамы, сказалъ ей, что „за этимъ дѣло не станетъ“. Печоринъ попросилъ княжну на вальсъ,—и княжна едва могла подавить на устахъ своихъ улыбку торжества. Сдѣлавши съ нею нѣсколько туровъ, онъ завелъ съ нею разговоръ въ тонѣ кающагося преступника. Хохотъ и шушуканье прервало этотъ разговоръ, — Печоринъ обернулся: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла группа мужчинъ, и среди ихъ драгунскій капитанъ потираль отъ удовольствія руки. Вдругъ выходитъ на середину пьяная фигура съ усами и красной рожей, невѣрными шагами подходитъ къ княжнѣ и, заложивъ руки на спину, уставила на смущенную дѣвушку мутно-сѣрые глаза, и говоритъ ей хриплымъ дискантомъ: „Пермете... ну, да что тутъ!... просто ангажирую васъ на мазурку...“ Матери княжны не было вблизи; положеніе княжны было ужасно, она готова была упасть въ обморокъ. Печоринъ подошелъ къ пьяному госпо-

дину и попросилъ его удалиться, говоря, что княжна дала уже ему слово танцовать съ нимъ мазурку. Разумѣется, слѣдствіемъ этой исторіи было формальное знакомство Печорина съ Лиговскими. Впродолженіе мазурки Печоринъ говорилъ съ княжною и нашель, что она очень мило шутила, что разговоръ ея былъ остеръ, безъ притязанія на остроу, живъ и свободенъ; ея замѣчанія иногда глубоки.

Этотъ разговоръ былъ программой той продолжительной интриги, въ которой Печоринъ игралъ роль соблазнителя отъ нечего дѣлать; княжна, какъ птичка, билась въ сѣтяхъ, разставленныхъ искусною рукою, а Грушницкій попрежнему продолжалъ свою шутовскую роль. Чѣмъ скучнѣе и несноснѣе становился онъ для княжны, тѣмъ смѣлѣе становились его надежды. Вѣра безпокоилась и страдала, замѣчая новыя отношенія Печорина къ Мери; но при малѣйшемъ укорѣ или намекѣ должна была умолкать, покоряясь его обаятельной власти, которую онъ такъ тиранически употреблялъ надъ нею. Но что же Печоринъ? неужели онъ полюбилъ княжну? — нѣтъ. Стало-быть, онъ хочетъ обольстить ее? — нѣтъ. Можетъ быть, жениться? — нѣтъ. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ: „Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я совсѣмъ не хочу, и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство? Вѣра меня любить больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда-нибудь; еслибъ она мнѣ казалась непобѣдимой красавицей, то, можетъ быть, я бы завлекся трудностью предпріятія... Изъ чего же я хлопочу? изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ умножать сладкія заблужденія ближняго, чтобы имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить: Мой другъ, со мной было то же самое, и ты видишь однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно, и надѣюсь, съумѣю умереть безъ крика и слезъ!“

Потомъ онъ продолжаетъ, — и тутъ особенно раскрывается его характеръ:

„А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся душой! Она какъ цвѣтокъ, котораго лучший ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ ту минуту и, подышавъ имъ досыта, бросить на дорогѣ: авось кто-нибудь подниметъ! И чувствую въ себѣ ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчаю на своемъ пути, я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ какъ на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Самъ я больше не способенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ, ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ; возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха, не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданій и радости, не имѣя на то никакого положительнаго права, не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? насыщенная гордость. Еслибъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; еслибъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого; идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобы онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности; идеи—созданія органическія,—сказалъ кто-то, ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ; отъ этого гений, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара“.

Такъ вотъ причины, за которыя бѣдная Мери такъ дорого должна поплатиться!.. Какой страшный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельность ищетъ пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка? „Эгоистъ, злодѣй, извергъ, безнравственный человѣкъ!“.. хоромъ закричатъ, можетъ быть, строгіе моралисты. Ваша правда, господа; но вы-то изъ чего хлопочете? за что сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣли за столъ, за которымъ вамъ не поставлено прибора... Не подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападайте на него съ такою запальчивою храбростію: онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенныхъ лицахъ вашихъ всѣ прочтутъ судъ вашъ. Вы предаете его анаѣмъ не за пороки, — въ васъ ихъ больше, и въ васъ они чернѣе и позорнѣе, — но за ту смѣлую свободу, за ту жолчную откоро-

венность, съ которою онъ говорить о нихъ. Вы позволяете человѣку дѣлать все, что ему угодно, быть всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, вы охотно прощаете ему и безуміе, и низость, и развратъ; но, какъ пошлину за право торговли, требуете отъ него моральныхъ сентенцій о томъ, какъ долженъ человѣкъ думать и дѣйствовать, и какъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ и не думаетъ, и не дѣйствуетъ... И за то ваше инквизиторское ауто-да-фѣ готово для всякаго, кто имѣетъ благородную привычку смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, не опуская своихъ глазъ, называть вещи настоящими ихъ именами и показывать другимъ себя не въ бальномъ костюмѣ, не въ мундирѣ, а въ халатѣ, въ своей комнатѣ, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, въ домашнемъ разсчетѣ съ своею совѣстью... И вы правы: покажитесь передъ людьми хоть разъ въ своемъ позорномъ неглиже, въ своихъ засаленныхъ ночныхъ колпакахъ, въ своихъ оборванныхъ халатахъ, люди съ отвращеніемъ отвернутся отъ васъ и общество извергнетъ васъ изъ себя. Но этому человѣку нечего бояться: въ немъ есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется, и что онъ есть только въ настоящую минуту. Да, въ этомъ человѣкѣ есть сила духа и могущество воли, которыхъ въ васъ нѣтъ; въ самыхъ порокахъ его проблескиваетъ что-то великое, какъ молнія въ черныхъ тучахъ, и онъ прекрасенъ, полонъ поэзіи даже и въ тѣ минуты, когда человѣческое чувство возстаетъ на него... Ему другое назначеніе, другой путь, чѣмъ вамъ. Его страсти—бури, очищающія сферу духа; его заблужденія, какъ ни страшны они, острыя болѣзни въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь. Это лихорадки и горячки, а не подагра, не ревматизмъ и геморрой, которыми вы, бѣдные, такъ бесплодно страдаете... Пусть онъ клеветаетъ на вѣчные законы разума, поставляя высшее счастье въ насыщенной гордости; пусть онъ клеветаетъ на человѣческую природу, видя въ ней одинъ эгоизмъ; пусть клеветаетъ на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитіе и смѣшивая юность съ возмужалостью, — пусть... Настанетъ торжественная минута, и противорѣчіе разрѣшится, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются въ одинъ гармоническій аккордъ!..

Даже и теперь онъ проговаривается и противорѣчитъ себѣ, уничтожая одною страницю всѣ предыдущіе: такъ глубока его натура, такъ врожденна ему разумность, такъ силенъ у него инстинктъ истины! Послушайте, что говоритъ онъ тотчасъ послѣ того мѣста, которое вѣроятно такъ возмущаетъ моралистовъ:

„Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи: онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ ими цѣлую жизнь любоваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. *Но это спокойствіе часто признакъ великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бышлыхъ порывовъ:* душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее иссушитъ, она проникается своей собственной жизнью, лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. *Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человекъ можетъ оцѣнить правосудіе Божіе*“.

Но пока (прибавимъ мы отъ себя), пока человѣкъ не дошелъ до этого высшаго состоянія самопознанія — если ему назначено дойти до него, — онъ долженъ страдать отъ другихъ и заставлять страдать другихъ, возставать и падать, падать и возставать, отъ заблужденія переходить къ заблужденію и отъ истины къ истинѣ. Всѣ эти отступленія суть необходимыя маневры въ сферѣ сознанія; чтобы дойти до мѣста, часто надо дать большой крюкъ, совершить длинный обходъ, воротаться съ дороги назадъ. Царство истины есть обѣтованная земля, и путь къ ней — аравійская пустыня. Но, скажете вы, за что же другіе должны гибнуть отъ такихъ страстей и ошибокъ? А развѣ мы сами не гибнемъ иногда какъ отъ собственныхъ, такъ и отъ чужихъ? Кто вышелъ изъ горнила испытаній чистъ и свѣтелъ какъ золото, натура того — благородный металлъ; кто сгорѣлъ или не очистился, натура того — дерево или желѣзо. И если многія благородныя натуры погибаютъ жертвами случайности, разрѣшеніе на этотъ вопросъ даетъ религія. Для насъ ясно и положительно одно: безъ бурь нѣтъ плодородія, и природа изнываетъ; безъ страстей и противорѣчій нѣтъ жизни, нѣтъ поэзіи. Лишь бы только въ этихъ страстяхъ и противорѣчіяхъ была разумность и человѣчность, и ихъ результаты вели бы человѣка къ его

цѣли,—а судъ принадлежитъ не намъ: для каждаго человѣка судъ въ его дѣлахъ и ихъ слѣдствіяхъ! Мы должны требовать отъ искусства, чтобы оно показывало намъ дѣйствительность, какъ она есть, ибо какова бы она ни была, эта дѣйствительность, она больше скажетъ намъ, больше научить насъ, чѣмъ всѣ выдумки и поученія моралистовъ...

Но, скажутъ, можетъ быть, резонеры, — зачѣмъ рисовать картины возмутительныхъ страстей, вмѣсто того чтобы плѣнять воображеніе изображеніемъ кроткихъ чувствованій природы и любви, и трогать сердце и поучать умъ? — Старая пѣсня, господа, такъ же старая, какъ и „Выйду ль я на рѣченку, посмотрю на быстрюю!“... Литература восемнадцатаго вѣка была по преимуществу моральною и разсуждающею, въ ней не было другихъ повѣстей, какъ *contes moraux* и *contes philosophiques*; однакожь эти нравственные и философскія книги никого не исправили, и вѣкъ все таки былъ по преимуществу безнравственнымъ и развратнымъ. И это противорѣчіе очень понятно. Законы нравственности въ натурѣ человѣка, въ его чувствѣ, и потому они не противорѣчатъ его дѣламъ; а кто чувствуетъ и поступаетъ сообразно съ своимъ чувствомъ, тотъ мало говоритъ. Разумъ не сочиняетъ, не выдумываетъ законовъ нравственности, но только сознаетъ ихъ, принимая ихъ отъ чувства какъ данныя, какъ факты. И потому чувство и разумъ суть не противорѣчащіе, не враждебные другъ другу, но родственные или, лучше сказать, тождественные элементы духа человѣческаго. Но когда человеку или отказано природою въ нравственномъ чувствѣ, или оно испорчено дурнымъ воспитаніемъ, безпорядочною жизнью, — тогда его разсудокъ изобрѣтаетъ свои законы нравственности. Говоримъ: разсудокъ, а не разумъ, ибо разумъ есть сознавшее себя чувство, которое даетъ ему въ себѣ предметъ и содержаніе для мышленія; а разсудокъ, лишенный дѣйствительнаго содержанія, по необходимости прибѣгаетъ къ произвольнымъ построеніямъ. Вотъ происхожденіе морали, и вотъ причина противорѣчія между словами и поступками записныхъ моралистовъ. Для нихъ дѣйствительность ничего не значитъ: они не обращаютъ никакого вниманія на то, что есть, и не предчувствуютъ его необходимости; они хлопочутъ только о

томъ, что и какъ должно быть. Это ложное философское начало породило и ложное искусство еще задолго до XVIII вѣка, — искусство, которое изображало какую-то небывалую дѣйствительность, создавало какихъ-то небывалыхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, неужели мѣсто дѣйствія Корнелевскихъ и Расиновскихъ трагедій—земля, а не воздухъ, ихъ дѣйствующія лица—люди, а не мареонетки? Принадлежатъ ли эти рыцари, герои, наперсники и вѣстники какому-нибудь вѣку, какой-нибудь странѣ? говорилъ ли кто нибудь отъ созданія міра языкомъ, похожимъ на ихъ языкъ?.. Восемнадцатый вѣкъ довелъ это разсудочное искусство до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости; онъ только о томъ и хлопоталъ, чтобы искусство шло навыворотъ дѣйствительности, и сдѣлалъ изъ нея мечту, которая и въ нѣкоторыхъ добрыхъ старичкахъ нашего времени еще находитъ своихъ магическихъ витязей. Тогда думали быть поэтами, воспѣвая Хлой, Филидъ, Дорисъ въ фижмахъ и мушкахъ, и Меналковъ, Даметовъ, Титировъ, Миконовъ, Миртилисовъ и Мелибеевъ въ шитыхъ кафтанахъ; восхваляли мирную жизнь подъ соломенною кровлею, у свѣтлаго ручейка Ладона, съ милою подругою, невинною пастушкою, въ то время какъ сами жили въ раззолоченныхъ палатахъ, гуляли въ стриженныхъ аллеяхъ, вмѣсто одной пастушки имѣли по тысячѣ овецъ, и для доставленія себѣ оныхъ благу готовы были на всяческую...

Нашъ вѣкъ гнушается этимъ лицемѣрствомъ. Онъ громко говоритъ о своихъ грѣхахъ, но не гордится ими; обнажаетъ свои кровавыя раны, а не прячетъ ихъ подъ нищенскими лохмотьями притворства. Онъ понялъ, что сознаніе своей грѣховности есть первый шагъ къ спасенію. Онъ знаетъ, что дѣйствительное страданіе лучше мнимой радости... Для него польза и нравственность только въ одной истинѣ, а истина—въ сущемъ, т. е. въ томъ, что есть. Потому и искусство нашего вѣка есть воспроизведеніе разумной дѣйствительности. Задача нашего искусства—не представить событія въ повѣсти, романѣ или драмѣ, сообразно съ предположенною заранѣе цѣлью, но развить ихъ сообразно съ законами разумной необходимости. И въ такомъ случаѣ, каково бы ни было содержаніе поэтическаго произведенія, его впечатлѣніе на душу

читателя [будетъ] благодатно, и слѣдовательно нравственная цѣль достигается сама собою. Намъ скажутъ, что безнравственно представлять ненаказаннымъ и торжествующимъ порокъ: мы противъ этого и не споримъ. Но и въ дѣйствительности порокъ торжествуетъ только внѣшнимъ образомъ: онъ въ самомъ себѣ носить свое наказаніе и гордою улыбкою только подавляетъ внутреннее терзаніе. Такъ точно и новѣйшее искусство: оно показываетъ, что судъ человѣка—въ дѣлахъ его; оно, какъ необходимость, допускаетъ въ себѣ диссонансы, производимые въ гармоніи нравственного духа, но для того, чтобы показать, какъ изъ диссонанса снова возникаетъ гармонія, — черезъ то ли, что раззвучная струна снова настраивается, или разрывается вслѣдствіе ея своевольнаго разлада. Это міровой законъ жизни, а слѣдовательно и искусства. Вотъ другое дѣло, если поэтъ захочетъ въ своемъ произведеніи доказать, что результаты добра и зла одинаковы для людей,—оно будетъ безнравственно, но тогда уже оно и не будетъ произведеніемъ искусства,—и какъ крайности сходятся, то оно, вмѣстѣ съ моральными произведеніями, составитъ одинъ общій разрядъ непоэтическихъ произведеній, писанныхъ съ опредѣленною цѣлью. Далѣе мы изъ самаго разбираемаго нами сочиненія докажемъ, что оно не принадлежитъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, и въ основаніи своемъ глубоконравственно. Но пора намъ обратиться къ нему.

На отлогости Машука, въ верстѣ отъ Пятигорска, есть провалъ. Въ одинъ день тамъ назначено было гулянье и родъ бала подъ открытымъ небомъ. Печоринъ спросилъ Грушницкаго, произведеннаго въ офицеры, идетъ ли онъ къ провалу, и тотъ отвѣчалъ, что ни за что въ свѣтѣ не явится передъ княжною прежде, нежели будетъ готовъ его мундиръ, и просилъ его не предувѣдомлять ея о его производствѣ.

„— Скажи мнѣ однако, какъ твои дѣла съ нею?...

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать—и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любить ли она тебя?...

— Любить ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія? какъ можно такъ скоро? Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ.

— Хорошо! и вѣроятно по твоему порядочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?...

— Эхъ, братецъ! На все есть манера; многое не говорится, а отгадывается.

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...

— Она... отвѣчаетъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбувшись, — мнѣ жаль тебя, Печоринъ!

Многочисленное общество отправилось вечеромъ къ провалу. Взираясь на гору, Печоринъ подалъ руку княжнѣ, и она не покидала ея въ продолженіе всей прогулки. Разговоръ ихъ начался злословіемъ. Желчь Печорина взволновалась — и, начавши шутя, онъ кончилъ искреннею злостью. Сперва это забавляло княжну, а потомъ испугало. Она сказала ему, что лучше желала бы попасться подъ ножъ убійцы, чѣмъ ему на язычекъ. Онъ на минуту задумался, а потомъ, принявъ на себя глубоко-тронутый видъ, началъ жаловаться на свою участь, которая, по его словамъ, такъ жалка съ самаго его дѣтства:

„Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было, но ихъ предполагали — и они родились. Я былъ скромнень — меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли — я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ — другія дѣти были веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ — меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ, — меня никто не понялъ, и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца; они тамъ и умерли. Я говорилъ правду — мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать; узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе, — не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, — но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушною улыбкой; я сдѣлался нравственнымъ калѣжкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ, тогда какъ другая шевелилась и жила въ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины; но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ нѣтъ, особенно когда вспомню, что подъ ними покоится. Впрочемъ я не прошу

васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна — пожалуйста, смѣйтесь — предупреждаю васъ, что это меня не огорчить ни мало“.

Отъ души ли говорилъ это Печоринъ, или притворялся? — Трудно рѣшить опредѣлительно: кажется, что тутъ было и то, и другое. Люди, которые вѣчно находятся въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ и съ самимъ собою, всегда недовольны, всегда огорчены и желчны. Огорченіе есть постоянная форма ихъ бытія, и что бы ни попало имъ на глаза, все служить имъ содержаніемъ для этой формы. Мало того, что они хорошо помнятъ свои истинныя страданія, — они еще неистощимы въ выдумываніи небывалыхъ. Вздумайте ихъ утѣшать — они разсердятся; покажите имъ причины ихъ горестей въ настоящемъ ихъ свѣтѣ — они оскорбятся. Помогите имъ бранить самихъ себя, взведите на нихъ небывалыя обиды жизни, отыщите небывалые недостатки и пороки въ ихъ характерѣ — вы польстите имъ и выиграете ихъ расположеніе. Если вы попадете на человѣка недостаточно глубокаго и сильнаго, — будьте осторожны: вы можете или оскорбить его самолюбіе такъ, что возбудите къ себѣ его ненависть, или убить въ немъ всякую увѣренность въ себя и возродить отчаяніе, — и тогда вамъ предстоитъ горькая и мучительно скучная роль утѣшителя и повѣреннаго однѣхъ и тѣхъ же жалобъ. Если же это человѣкъ глубокій и сильный, — не бойтесь слишкомъ далеко зайти въ нападкахъ на него и на жизнь: у него есть лазеечка изъ этой западни: „я дурень, но вѣдь и всѣ таковы“. А вы знаете, что, по пословицѣ, при людяхъ и смерть не страшна, — и какъ бы вы ни представлялись себѣ дурнымъ, но если и лучший изъ людей не лучше васъ, — ваше самолюбіе спасено. И вотъ почему такіе люди такъ неистощимы въ самообвиненіи: оно обращается имъ въ привычку. Обманывая другихъ, они прежде всего обманываютъ себя. Истинная или ложная причина ихъ жалобъ, — имъ все равно, и желчная горестъ ихъ равно искренна и непритворна. Мало того: начиная лгать съ сознаніемъ или начиная шутить — они продолжаютъ и оканчиваютъ искренно. Они сами не знаютъ, когда лгутъ и когда говорятъ правду, когда слова ихъ — вопль души или когда они — фразы. Это дѣлается у нихъ вмѣстѣ и бо-

гѣзную души, и привычкою, и безумствомъ, и кокетничаньемъ. Во всей выходкѣ Печорина вы замѣчаете, что у него страждетъ самолюбіе; отчего родилось у него отчаяніе?—Видите ли: онъ узналъ хорошо свѣтъ и пружины общества, сталъ искусенъ въ наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ онъ такъ неутомимо добивался. Какое мелкое самолюбіе! восклицаете вы. Но не торопитесь вашимъ приговоромъ: онъ клевететъ на себя; повѣрьте мнѣ, онъ и даромъ бы не взялъ того счастья, которому завидовалъ у этихъ *другихъ* и котораго добивался. Но княжнѣ отъ этого не легче: она все приняла за наличную монету. Печоринъ не ошибся, сказавъ, что въ немъ два человѣка: въ то время, какъ одинъ такъ горько жаловался ни на что, другой наблюдалъ и за нимъ, и за княжной, и вотъ что замѣтилъ за послѣднею:

„Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала, щеки пылали: ей было жаль меня!—Состраданіе, чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она были разсѣянна, ни съ кѣмъ не кокетничала, — а это великій признакъ...“

Бѣдная Мери! Какъ систематически, съ какою расчитанностью ведетъ ее злой духъ по пути гибели! Подошедши къ провалу, всѣ дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не оставляла руку Печорина; остроты тамошнихъ денди не смѣшили ея; крутизна обрыва, у котораго она стояла, не пугала ее; тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза. На возвратномъ пути она была разсѣянна, грустна. „Любили ли вы?“ спросилъ ее Печоринъ; она пристально на него посмотрѣла, покачала головой и снова задумалась... Казалось, что-то хотѣлось сказать, но она не знала, съ чего начать; грудь ея волновалась. — „Не правда ли, я была сегодня очень любезна?“ — сказала она, при разставаньи, съ принужденною улыбкою. Печоринъ, вмѣсто ея, отвѣтилъ самому себѣ: „Она недовольна собою, она себя обвиняетъ въ въ холодности... о, это первое, главное торжество! Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужъ знаю наизусть—вотъ что скучно!“—Бѣдная Мери!...

Между тѣмъ Вѣра мучилась ревностью и мучила ея Печорина. Она взяла съ него слово уѣхать въ Кисловодскъ и нанять себѣ квартиру возлѣ того дома, верхъ котораго она займетъ съ мужемъ, а низъ — княгиня Лиговская, которая собирается туда еще черезъ недѣлю. Вечеръ того же дня Печоринъ провелъ у Лиговскихъ и веселился, замѣчая успѣхи чувства въ княжнѣ. Вѣра все это видѣла и страдала. Чтобы утѣшить ее, онъ разсказалъ вслухъ исторію своей любви съ нею, разумѣется, прикрывъ все вымышленными именами. „Я, — говоритъ онъ, — такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мои безпокойства, восторги; я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея уступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжною“.

На другой день — балъ въ рестораціи. За полчаса до бала къ Печорину явился Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго мундира. — „Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за моею княжною?“ — сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на Печорина. „Гдѣ намъ дуракамъ чай пить!“ отвѣчалъ тотъ. Затѣмъ Грушницкій спросилъ у него духовъ; не смотря на замѣчанія Печорина, что отъ него и такъ несетъ розовою помадой, налилъ полстклянки за галстухъ, въ носовой платокъ и на рукава и заключилъ опасеніемъ, что ему придется начинать съ княжною мазурку, тогда какъ онъ не знаетъ почти ни одной фигуры. На вопросъ Печорина: „А ты звалъ ее на мазурку?“ онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и поспѣшилъ дожидаться ее у подъѣзда. Разумѣется, на балу бѣдный Грушницкій разыгралъ, благодаря Печорину, очень смѣшную роль. Княжна очень разсѣяннo его слушала и отвѣчала насмѣшками на его трагикомическія выходки. „Нѣтъ, — говоритъ онъ, — лучше бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ“... — „Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу“, — отвѣчала княжна и, замѣтивъ подошедшаго къ нимъ Печорина, обратилась къ нему къ нему съ вопросомъ о его мнѣніи объ этомъ предметѣ. „Я съ вами несогласенъ, — отвѣчалъ Печоринъ, — въ мундирѣ онъ еще моложавѣе. „Этотъ злой намекъ на лѣта мальчика, который хотѣлъ бы, чтобы на его лицѣ читали слѣды силь-

ныхъ страстей, взбѣсилъ Грушницкаго: онъ топнулъ ногою и отошелъ. Все остальное время онъ преслѣдовалъ княжну: танцевалъ или съ нею, или *vis à vis*, вздыхалъ и надобѣдалъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрики она ужъ его ненавидѣла.

„— Я этого не ожидалъ отъ тебя,—сказалъ онъ подойдя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

— Чего?

— Ты съ нею танцуешь мазурку?—спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ.—Она мнѣ призналась...

— Ну, такъ что жъ? а развѣ это секретъ?

— Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвчонки... отъ кокетки... Ужъ я отомщу!

— Пеняй на свою шинель или на свои эпoletы, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата, что ты ей больше не нравишься?..

— Зачѣмъ же подавать надежды?

— Зачѣмъ же ты надѣялся?“

Печоринъ достигъ своей цѣли: Грушницкій отошелъ отъ него съ чѣмъ-то въ родѣ угрозы. Это его радовало и забавляло, но что же за радость бѣсить добраго, пустого малаго, и для этого играть обдуманную роль, дѣйствовать по обдуманному плану? Что это: слѣдствіе праздности ума, или мелкости души? Вотъ что думалъ объ этомъ онъ самъ, собираясь на балъ:

„Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели,—думалъ я,—мое единственное назначеніе—разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ, чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть, ни прійти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно я разыгрывалъ роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?.. Ужъ не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, или въ сотрудники къ поставщику повѣстей напиримѣръ для „Библіотеки для Чтенія?.. Почему знать?.. Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками“.

Мы нарочно выписали это мѣсто, какъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ двойственности Печорина. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ два человѣка: первый дѣйствуетъ, второй смотритъ на дѣйствіе перваго и разсуждаетъ о нихъ или,

лучше сказать, осуждаетъ ихъ, потому что они дѣйствительно достойны осужденія. Причины этого раздвоенія, этой ссоры съ самимъ собою, очень глубоки, и въ нихъ же заключается противорѣчіе между глубиной натуры и жалкостью дѣйствій одного и того же человѣка. Ниже мы коснемся этихъ причинъ, пока замѣтимъ только, что Печоринъ, ошибочно дѣйствуя, еще ошибочнѣе судить себя. Онъ смотритъ на себя, какъ на человѣка, вполне развившагося и опредѣлившагося: удивительно ли, что и его взглядъ на человѣка вообще мраченъ, жолченъ и ложенъ?... Онъ какъ будто не знаетъ, что есть эпоха въ жизни человѣка, когда ему досадно, зачѣмъ дуракъ глупъ, подлецъ низокъ, зачѣмъ толпа пошла, зачѣмъ на сотню пустыхъ людей едва встрѣтишь одного порядочнаго человѣка... Онъ какъ будто не знаетъ, что есть такія пылкія и сильныя души, которыя въ эту эпоху своей жизни находятъ неизъяснимое наслажденіе въ сознаніи своего превосходства, мстятъ посредственности за ея ничтожность, вмѣшиваются въ ея расчеты и дѣла, чтобы мѣшать ей, разрушая ихъ... Но еще болѣе, онъ какъ будто бы не знаетъ, что для нихъ приходитъ другая эпоха жизни — результатъ первой, когда они или равнодушно на все смотрятъ, не сочувствуя добру, не оскорбляясь зломъ, или увѣряются, что въ жизни и зло необходимо, какъ и добро, что въ арміи общества человѣческаго рядовыхъ всегда должно быть больше, чѣмъ офицеровъ, что глупость должна быть глупа, потому что она глупость, а подлость подла, потому что она подлость, и они оставляютъ ихъ идти своею дорогою, если не видятъ отъ нихъ зла, или не видятъ возможности помѣшать ему, и повторяютъ про себя то съ радостью, то съ грустною улыбкою: „и все то благо, все добро!“ Увы, какъ дорого дается уразумѣніе самыхъ простыхъ истинъ!.. Печоринъ еще не знаетъ этого, и именно потому, что думаетъ, что все знаетъ.

Позабавившись надъ Грушницкимъ, онъ позабавился и надъ княжною, хотя совсѣмъ другимъ образомъ.

„Я два раза пожалъ ея руку... во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.“

— Я дурно буду спать эту ночь,—сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

— Этому виновать Грушницкій.

— О, нѣтъ!—И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ этотъ вечеръ непременно поцѣловать ея руку.

Стали разбѣжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень довольный собою.

Съ этого времени исторія круто поворотилась, и изъ комической начала переходить въ трагическую. Доселѣ Печоринъ сѣялъ—теперь настаетъ время пожинаť ему плоды посѣяннаго. Мы думаемъ, что въ этомъ и должна заключаться истинная нравственность поэтическаго произведенія, а не въ пошлыхъ сентенціяхъ.

Грушницкій наконецъ понялъ, что онъ одураченъ, но вмѣсто того, чтобы въ самомъ себѣ увидѣть причину своего позора, онъ увидѣлъ ее въ Печоринѣ. Къ нему присталъ драгунскій капитанъ и всѣ другіе, которыхъ оскорбляло превосходство Печорина—и противъ Печорина начала составляться враждебная партія; но онъ не испугался, а обрадовался этому, увидѣвъ новую пищу для своей праздної дѣятельности... „Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, притворяться обманутымъ, и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе ихъ хитростей и замысловъ—вотъ что я называю жизнью!“—Ошибочное названіе!—воскличете вы,—и мы согласны съ вами; но сила всегда останется силою, и всегда будетъ полна поэзіи, всегда будетъ восхищать и удивлять васъ, хотя бы она дѣйствовала и деревяннымъ мечомъ, вмѣсто булатнаго... Есть люди, въ рукахъ которыхъ и простая палка опаснѣе, чѣмъ у иныхъ шпага: Печоринъ изъ такихъ людей...

На другой день Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Печоринъ винить ее самое въ причинѣ ея жалобъ на него: она отказывается ему въ свиданіи наединѣ. „Авось—говорить онъ—ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы“. Вечеромъ онъ заходилъ къ Лиговскимъ и не видалъ княжны—

она больна. Возвратясь домой, онъ замѣтилъ, что ему чего-то не достаетъ. „Я не видалъ ея! Она больна! Ужъ не влюбился-ли я въ самомъ дѣлѣ?... Какой вздоръ!“ — Видите ли: какъ увлекательна эта игра въ увлеченіе, какъ легко, увлекающая другихъ, увлечься и самому?... Какъ ни старается Печоринъ выставить себя холоднымъ обольстителемъ безъ всякой цѣли, отъ нечего дѣлать; однако для насъ его холодность очень подозрительна. Конечно это еще не любовь, но въѣдъ трудно разбирать и различать свои ощущенія: собственное сердце всякаго есть самый извилистый, самый темный лабиринтъ... На другой день онъ засталъ ее одну. Она была блѣдна и задумчива. „Вы на меня сердитесь?“ Она заплакала и закрыла лицо руками. „Что съ вами?“ — „Вы меня не уважаете!..“ отвѣчала она. Онъ ей сказалъ что-то вродѣ извиненія и тщеславной загадки на счетъ своего характера — и вышелъ; но, уходя, слышалъ какъ она плакала. Бѣдная дѣвушка! стрѣла такъ глубоко вошла въ ея сердце, что дѣло не можетъ кончиться хорошо!.. Въ тотъ же день Печоринъ узналъ отъ Вернера, что ходятъ слухи, будто онъ женится на княжнѣ.

Наконецъ дѣйствіе переносится въ Кисловодскъ. Однажды многочисленная кавалькада отправилась смотрѣть Кольцо—скалу, образующую ворота, верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска. Когда на возвратномъ пути, переѣзжали черезъ Подкумокъ, у княжны закружилась голова, оттого что она смотрѣла въ воду. — „Мнѣ дурно!“ — проговорила она слабымъ голосомъ. Печоринъ обвилъ рукою ея гибкій станъ, щека ея почти касалась его щеки, отъ нея вѣяло пламенемъ... „Что вы со мной дѣлаете? Боже мой!..“ говорила она; но онъ не обращалъ вниманія на ея слова — и губы его коснулись ея щеки... Выѣхавъ на берегъ, всѣ пустились рысью, княжна пріостановила свою лошадь, и они опять поѣхали позади всѣхъ. Послѣ долгаго молчанія, умышленнаго со стороны Печорина, она наконецъ сказала голосомъ, въ которомъ были слезы:

„Или, вы меня презираете, или очень любите! Можетъ быть, вы хотите посмѣяться надо мною, возмутить мою душу и потомъ оставить... Это было бы такъ подло, такъ низко, что одно предположеніе... О,

нѣтъ! не правда ли,—прибавила она голосомъ нѣжной довѣренности:— не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, чтобы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же; я хочу слышать вашъ голосъ!

Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улынулся; къ счастью начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

— Вы молчите?—продолжала она:—вы, можетъ быть, хотите, чтобы я первая сказала вамъ, что я васъ люблю?

Я молчалъ.

— Хотите ли этого?—продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ... Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное...

— Зачѣмъ? отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужъ она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно; въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. *Эта мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю Вампира!.. а еще слышу добрымъ малымъ и добиваюсь этого названія“.*

Что такое вся эта сцена? Мы понимаемъ ее только какъ свидѣтельство, до какой степени ожесточенія и безправственности можетъ довести человѣка вѣчное противорѣчіе съ самимъ собою, вѣчно неудовлетворяемая жажда истинной жизни, истиннаго блаженства; но послѣдней черты ея мы рѣшительно не понимаемъ... Она кажется намъ преувеличеніемъ, умышленною клеветою на самого себя, чертою изысканною и натянутою,—словомъ, намъ кажется, что здѣсь Печоринъ впалъ въ Грушницкаго, хотя и болѣе страшнаго, чѣмъ смѣшнаго... И, если мы не ошибаемся въ своемъ заключеніи, это очень понятно: состояніе противорѣчія съ самимъ собою необходимо условливаетъ большую или меньшую изысканность и натянутость въ положеніяхъ...

Возвращаясь домой слободкою, Печоринъ слышалъ изъ одного дома нестройный говоръ и шумные крики. Онъ слѣзъ съ коня и сталъ подслушивать. Говорили о немъ. Драгунскій капитанъ кричалъ, что его надо проучить, что эти петербургскіе слетки зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу; что Печоринъ думаетъ, что онъ только одинъ и жилъ въ свѣтѣ,

оттого что носить всегда чистыя перчаткѣ и вычищенные сапоги, и что онъ долженъ быть трусь. Грушницкій подтвердилъ достовѣрность послѣдняго предположенія, выдумавъ какое-то происшествіе, въ которомъ будто бы Печоринъ сыгралъ передъ нимъ не слишкомъ выгодную для своей чести роль. Почтенная компанія поджигаетъ Грушникаго — имя княжны упоминается. Впрочемъ драгунскій капитанъ хочетъ только позабавиться надъ Печоринымъ, заставить его обнаружить свою трусость. Онъ предлагаетъ Грушницкому вызвать его на дуэль, а себѣ предоставляетъ поставить ихъ въ шести шагахъ и въ пистолеты не положить пуль.

„Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушникаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что еслибъ не случай, то я могъ бы сдѣлаться посмѣшищемъ этихъ дураковъ. Еслибъ Грушницкій не согласился, я бросился бъ ему на шею. Но послѣ нѣкотораго молчанія онъ всталъ съ своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно: — хорошо, я согласенъ.

По утру Печоринъ встрѣтилъ княжну у колодца. Это свиданіе было страшною развязкою пустой и ничтожной драмы, которая предшествовала другой драмѣ, не менѣе пустой и ничтожной въ сущности, но еще съ болѣе страшною развязкою.

„— Вы больны? — сказала она, пристально, посмотрѣвъ на меня.

— Я не спалъ ночь.

— И я также... я васъ обвиняла... можетъ быть напрасно?—Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...

— Все ли?

— Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я много думала, стараюсь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего: когда они узнаютъ... (ея голосъ задрожалъ) я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго я люблю... О, отвѣчайте скорѣе, скажитесь: вы меня не презираете; не правда ли?

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры, и ничего не видала, но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія.

— Я вамъ скажу всю истину, — отвѣчалъ я княжѣ: — не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ: я васъ не люблю.

Ея губы слегка поблѣднѣли... — Оставьте меня! сказала она едва слышно... Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ.“

На этотъ разъ Печоринъ снисходительнѣе къ намъ; онъ приподнялъ таинственное покрывало, которымъ облекъ свое сатанинское величіе, очень просто, хотя и прекрасною прозою, объяснилъ причину этой сцены, какъ бы желая оправдаться въ ней. Онъ говоритъ, что какъ бы страстно не любилъ онъ женщину, но какъ скоро она дастъ ему почувствовать, что онъ долженъ на ней жениться — прости любовь!.. Этотъ страхъ лишиться постылой и ни для чего не нужной ему свободы онъ приписываетъ предсказанію старушки, которая, когда еще онъ былъ ребенкомъ, гадала про него его матери и предрекла ему смерть отъ злой жены!.. Нѣтъ, это все не то!.. Печоринъ не любилъ княжны: онъ оскорбилъ бы самого себя, если бы назвалъ любовью легонькое чувство, возбужденное его собственнымъ кокетствомъ и самолюбіемъ. Потомъ: бракъ есть дѣйствительность любви. Любить истинно можетъ только вполне созрѣвшая душа, и въ такомъ случаѣ любовь видитъ въ бракѣ свою высочайшую награду, и при блескѣ вѣнца, не блекнетъ, а пышнѣе распускаетъ свой ароматный цвѣтъ, какъ при лучахъ солнца... Всякое чувство дѣйствительно въ отношеніи къ самому себѣ, какъ выраженіе моментальнаго состоянія духа: и первая любовь едва проснувшейся для жизни души отрока имѣетъ свою поэзію и свою истину; но, будучи дѣйствительна по своей сущности, она совершенно прозрачна по своей формѣ, и въ сравненіи съ любовью возмужалаго человѣка есть то же, что первое безсвязное лепетаніе младенца въ сравненіи съ разумною рѣчью мужа. Это больше потребность любви, чѣмъ самая любовь, и потому она обращается на первый предметъ, способный поразить юную фантазію истиннымъ или мнимымъ сходствомъ съ ея идеаломъ, и такъ же скоро погасаетъ, какъ и вспыхиваетъ. Такая любовь можетъ много разъ повториться въ жизни человѣка; она или ненавидитъ бракъ и отверщается его, какъ идеи, профанирующей ея идеальность, или представляетъ его высочайшимъ блаженствомъ и стремится къ нему только до тѣхъ поръ, пока онъ не предстанетъ къ ней съ своимъ строго-испытующимъ, недовѣрчиво-суровымъ взоромъ: тогда бѣдная

любовь потупляетъ передъ нимъ свои глаза, какъ ребенокъ, застигнутый въ шалости строгимъ гувернеромъ... Да, бракъ есть гибель такой любви, и вотъ почему такъ много бываетъ „несчастливыхъ браковъ по любви“... Только дѣйствительное чувство не боится своего осуществленія, не трепещетъ своей провѣрки; только дѣйствительность смѣло смотритъ въ глаза дѣйствительности, не потупляя своихъ глазъ... И неужели Печоринъ, этотъ человекъ, столь глубокий и могучій, могъ почесть свое чувство къ княжнѣ дѣйствительнымъ и удивиться, что ея намекъ о бракѣ также легко уничтожилъ его чувство, какъ видъ лозы уничтожаетъ рѣзвость ребенка?.. Нѣтъ, изъ всего этого опять-таки видно только одно, что Печоринъ еще рано почелъ себя допившимъ до дна чашу жизни, тогда какъ онъ еще не сдулъ порядочно кипящей пѣны... Повторяемъ: онъ еще не знаетъ самого себя, и если не должно ему вѣрить, когда онъ оправдываетъ себя или приписываетъ себѣ разныя нечеловѣческія свойства и пороки, то винить ли его за это? — Вините, если въ глазахъ вашихъ юноша виноватъ тѣмъ, что онъ молодъ, а старецъ тѣмъ, что онъ старъ! Есть люди, въ которыхъ потребность жизни такъ сильна, что составляетъ ихъ мученіе до тѣхъ поръ, пока не удовлетворится. — и есть люди, которые долго живутъ и умираютъ неудовлетворенные, ибо дѣйствительны только потребности, а удовлетвореніе всегда зависитъ отъ случая, который такъ же можетъ сбыться, какъ и можетъ не сбыться. И вотъ когда такіе люди бросаются всюду, ища удовлетворенія, и не находятъ его, — ихъ отчаяніе порождаетъ клеветы на вѣчные законы разумной дѣйствительности; но они правы предъ самими собою въ этихъ клеветахъ, хотя и неправы передъ дѣйствительностью. Можно ли винить ихъ за несчастіе? Можно ли винить ихъ за то, что они съ такою жадностью бросаются на все, что волнуетъ душу призраками блаженства? Не всѣ же родятся съ этимъ апатическимъ благоразуміемъ, источникъ котораго — гнилая и мертвая натура...

Въ Кисловодскъ пріѣхалъ фокусникъ. Разумѣется, на водахъ нельзя презирать никакимъ родомъ развлеченія, — и на первое представленіе всѣ бросились. Сама княгиня Лиговская, не смотря на то, что дочь ея была больна, взяла билетъ.

Печоринъ получилъ отъ Вѣры записку, которою она назначала ему свиданіе въ 9 часовъ вечера, извѣщая его, что мужъ ея уѣхалъ въ Пятигорскъ до утра слѣдующаго дня, а людямъ, какъ своимъ, такъ и Литовскихъ, она раздала билеты. Повертѣвшись на представленіи и замѣтивъ въ заднихъ рядахъ лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини, Печоринъ отправился на свиданіе.

На дворѣ было темно. Вдругъ Печорину показалось, что кто-то идетъ за нимъ. Изъ предосторожности, онъ обошелъ вокругъ дома, будто гуляя. Проходя мимо оконъ княжны, онъ снова слышалъ за собою шаги, — и человекъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо него. Печоринъ бросился на темную лѣстницу — дверь отворилась, и маленькая ручка охватила его руку...

Около двухъ часовъ по полуночи Печоринъ спустился изъ окна, съ верхняго балкона на нижній, посредствомъ двухъ связанныхъ шалей. У княжны горѣлъ огонь и что-то толкнуло Печорина къ окну. Благодаря не совсѣмъ задернутому занавѣсу, вотъ что увидѣлъ онъ: „Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣняхъ руки; ея густые волосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ, обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики, и маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; передъ нею на столикѣ была открыта книга, но глаза ея, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, въ сотый разъ пробѣгали одну и ту же страницу, тогда какъ мысли ея были далеко...“

Какъ много говорятъ эти немногія и простыя строки! Какую длинную и мучительную повѣсть оскорбленнаго женскаго достоинства, оскорбленной женской любви, затаенныхъ страданій и холодно-жгучаго отчаянія рассказываютъ онѣ!.. Бѣдная Мери!..

Въ эту минуту кто-то шевельнулся за кустомъ; Печоринъ прыгнулъ съ балкона на землю, и невидимая рука схватила его за плечо. „А-га! — сказала грубый голосъ: — попался!.. Будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью!..“ — „Держи его крѣпче!“ — закричалъ другой голосъ, — и Печоринъ узналъ Грушницкаго и драгунскаго капитана. Сильнымъ ударомъ по

головѣ сшибъ онъ послѣдняго и бросился въ кусты. „Воры! караулъ!“ кричали преслѣдователи; раздался ружейный выстрѣлъ и дымящійся пыхъ упалъ почти къ ногамъ Печорина. Черезъ минуту онъ былъ уже дома и лежалъ, раздѣтый, въ своей постели. Едва человѣкъ его успѣлъ запереть на замокъ дверь, какъ драгунскій капитанъ и Грушницкій начали стучаться, крича: „Печоринъ вы спите? здѣсь вы?“— „Сплю“— отвѣчалъ онъ имъ сердито. — „Вставайте! — воры!... Черкесы...“ — „У меня насморкъ, боюсь простудиться.“

Они ушли. Между тѣмъ сдѣлалась тревога. Изъ крѣпости прискакалъ казакъ. Все зашевелилось, начали искать черкесовъ, и на другой день всѣ были убѣждены въ ночномъ нападеніи черкесовъ. На другой день утромъ Печоринъ встрѣтился у колодца съ мужемъ Вѣры, съ которымъ и пошелъ въ ресторацію завтракать. Добрый старикъ рассказывалъ ему о страхахъ жены своей въ прошлую ночь. „Надобно жъ, чтобъ это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи!“ говорилъ онъ. Они усѣлись завтракать у двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Итакъ, судьба снова доставила Печорину случай подслушивать Грушницкаго. Этотъ послѣдній за тайну открывалъ обществу, что причиною ночной тревоги были не черкесы, а одинъ человѣкъ, имя котораго онъ долженъ утаить, и который былъ у княжны. „Какова княжна?—заклучилъ онъ, — а? Ну, ужъ признаюсь, московскія барышни! послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить! только онъ вырвался, и какъ заяцъ бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ“. Замѣтивъ, что ему никто не вѣрилъ, онъ сталъ увѣрять честнымъ словомъ въ справедливости рассказаннаго имъ и наконецъ даже изъявилъ готовность назвать виновника исторіи.

„— Скажи, скажи, кто жъ онъ!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Печоринъ,—отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза—я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы уже дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствие избавило бы васъ отъ лишней подлости“.

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться. Печоринъ, разумѣется, сталъ требовать отъ него, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ. Грушницкій стоялъ передъ нимъ, потупивъ глаза, въ сильномъ волненіи; но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна, тѣмъ болѣе, что драгунскій капитанъ толкнулъ его локтемъ: не подымая глазъ на Печорина, снова подтвердилъ онъ ему истину своего обвиненія. Печоринъ отвелъ капитана и переговорилъ съ нимъ. На крыльцѣ рестораціи мужъ Вѣры схватилъ его за руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ, называлъ его благороднѣйшимъ человѣкомъ, а Грушницкаго подлецомъ, и изъяснялъ свою радость, что у него нѣтъ дочерей... Бѣдный мужъ!..

Оттуда Печоринъ пошелъ къ Вернеру, рассказалъ ему все и попросилъ въ свои секунданты. Черезъ часъ Вернеръ пришелъ къ нему, уже переговоривши съ драгунскимъ капитаномъ. „Противъ васъ точно есть заговоръ“, сказалъ онъ ему. Пока Вернеръ снималъ въ передней калоши, онъ былъ свидѣтелемъ жаркаго спора капитана съ Грушницкимъ, изъ котораго понялъ, что Грушницкій не соглашался дурачить Печорина, но требовалъ, какъ обиженный, рѣшительной дуэли. Переговоры Вернера съ капитаномъ порѣшились на томъ, чтобы мѣстомъ дуэли было глухое ущелье верстахъ въ пяти отъ Кисловодска, и чтобы стрѣляться на другой день, въ четыре часа утра, въ шести шагахъ, а убитаго — на счетъ черкесовъ. Затѣмъ Вернеръ сообщилъ свое подозрѣніе, что капитанъ намѣренъ положить пулю только въ пистолетъ Грушницкаго, и спросилъ Печорина, должно ли имъ показать, что они догадались, на что послѣдній рѣшительно не согласился, говоря, что онъ и безъ того разстроитъ ихъ планы.

Вечеромъ къ Печорину приходилъ лакей съ приглашеніемъ отъ княгини, но онъ сказался больнымъ. Всю ночь онъ не спалъ, въ головѣ его пробѣгали мысли за мыслями. Отъ угрозъ Грушницкому, котораго онъ почиталъ вѣрною жертвою своею, онъ перешелъ къ мысли о непостоянствѣ счастья, которое доселѣ неизмѣнно служило ему. „Что жъ, — думалъ онъ, — умереть, такъ умереть! потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужъ скучно. Я — какъ человѣкъ.

зѣвающій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... Прощайте!..“ Затѣмъ онъ обращается на всю жизнь свою, и ему невольно приходится въ голову вопросъ о цѣли его жизни. „Зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился? А вѣрно она существовала, и вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни!..“

Поучительна нѣмая бесѣда съ самимъ собою человека, который завтра готовится быть или убитымъ, или убійцею?.. Мысль невольно обращается на себя, и сквозь мглу предразсужденій и умысленныхъ софизмовъ блеститъ лучъ ужасной истины... Но рѣшеніе принято, шагъ сдѣланъ, и возврата нѣтъ: само общество, которое смотритъ на кровавыя сдѣлки, какъ на безнравственность, само общество противорѣча себѣ, запрещаетъ этотъ возвратъ своимъ насмѣшливо-презрительнымъ взглядомъ, своимъ недвижно-остановившимся на жертвѣ перстомъ... Кровавая развязка дѣла доставляетъ ему средства читать себѣ для другихъ нравоученія, произнести ближнему приговоръ и надавать ему позднихъ совѣтовъ; отступление лишаетъ его занимательнаго анекдота, прекраснаго случая къ развлеченію на чужой счетъ. Что жъ тутъ дѣлать? разумѣется, идти впередъ, а чтобы вниканіе въ себя и въ сущность дѣла не лишило смѣлости, закрыть глаза на истину, и обѣими руками ухватиться за первый представившійся софизмъ, котораго ложность самому очевидна. Печоринъ такъ и сдѣлалъ; онъ рѣшилъ, что не стоитъ труда жить, и онъ правъ передъ собою, или по крайней мѣрѣ не виноватъ передъ тѣми строгими судьями чужихъ поступковъ, которые сами не участвуютъ въ жизни, но на живущихъ смотрятъ, какъ зрители на актеровъ, то аплодируя, то шикая...

Не смотря на тайное безпокойство, мучившее Печорина, онъ не только имѣлъ силы заставить себя взяться за романъ

Вальтеръ-Скотта „Шотландскіе Пуритане“, но еще и увлеченъ волшебнымъ вымысломъ.

Когда разсвѣло, онъ посмотрѣлся въ зеркало: тусклая блѣдность покрывала лицо его, хранившее слѣды мучительной бессонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. „Я, говорилъ онъ, остался доволенъ собою“. Купанье въ Нарзанѣ сдѣлало его совершенно свѣжимъ и бодрымъ. Возвратясь съ купанья, онъ нашелъ у себя Вернера. Они сѣли на лошадей и поѣхали. Тутъ слѣдуетъ мимоходомъ краткое, полное поэзіи описаніе прекраснаго кавказскаго утра.

Они ѣхали молча.

„— Написали ли вы свое завѣщаніе?—вдругъ спросилъ Вернеръ.

— Нѣтъ.

— А если будете убиты?

— Наслѣдники отыщутся сами.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать послѣднее прощаніе?...

Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что-нибудь на память?...

— Хотите ли, докторъ,—отвѣчалъ я ему, — чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?... Видите ли: я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умирають, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочекъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлають и этого. Друзья, которые завтра меня забудутъ или, хуже, взведутъ на мой счетъ Богъ знаетъ какія небылицы; женщины, которыя, обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ усопшему,—Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслить и судить его; первый, можетъ быть, чрезъ часъ простится съ вами и міромъ на вѣки, а второй... второй?...”

Это признаніе обнаруживаетъ всего Печорина. Въ немъ нѣтъ фразъ, и каждое слово искренно. Безсознательно, но вѣрно выговорилъ Печоринъ всего себя. Этотъ человѣкъ не пылкій юноша, который гоняется за впечатлѣніями и всего себя отдаетъ первому изъ нихъ. пока оно не изгладится, и

душа не запросить новаго. Нѣтъ, онъ вполнѣ пережилъ юношескій возрастъ, этотъ періодъ романтическаго взгляда на жизнь: онъ уже не мечтаетъ умереть за свою возлюбленную, произнося ея имя и завѣщая другу локонъ волосъ, не принимаетъ слова за дѣло, порывъ чувства, хотя бы самаго возвышеннаго и благороднаго за дѣйствительное состояніе души человѣка. Онъ много перечувствовалъ, много любилъ и по опыту знаетъ, какъ непродолжительны всѣ чувства, всѣ привязанности; онъ много думалъ о жизни, и по опыту знаетъ, какъ ненадежны всѣ заключенія и выводы для тѣхъ, кто прямо и смѣло смотритъ на истину, не тѣшитъ и не обманываетъ себя убѣжденіями, которымъ уже самъ не вѣрить... Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и новыхъ думъ, сердце требуетъ новой привязанности: *дѣйствительность*—вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него; но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и презирая старые, онъ все-таки по нимъ же судить о жизни. Отсюда это безвѣріе въ дѣйствительность чувства и мысли, это охлажденіе къ жизни, въ которой ему видится то оптический обманъ, то бессмысленное мельканіе китайскихъ тѣней. Это — переходное состояніе духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человѣкъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ-то возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и „хандрою“, и „ипохондрією“, и „мнительностью“, и „сомнѣніемъ“, и другими словами, далеко не выражающими сущности явленія, и что на языкѣ философскомъ называется *рефлексією*. Мы не будемъ объяснять ни этимологическаго, ни философскаго значенія этого слова, а скажемъ коротко, что въ состояніи рефлексіи человѣкъ распадается на два человѣка, изъ которыхъ одинъ живетъ, а другой наблюдаетъ за нимъ и судить о немъ. Тутъ нѣтъ полноты ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣйствіи: какъ только зародится въ человѣкѣ чувство, намѣреніе, дѣйствіе, тотчасъ какой-то скрытый въ немъ самый врагъ уже подсматриваетъ зародышъ, анализируетъ его, изслѣдуетъ, вѣрна ли, истинна ли эта мысль, дѣйстви-

тельно ли чувство, законно ли намѣреніе, и какая ихъ цѣль, и къ чему они ведутъ,—и благоуханный цвѣтъ чувства блекнетъ, не распустившись, мысль дробится въ безконечность, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ; рука, подъятая для дѣйствія, какъ внезапно окаменѣлая, останавливается на взмахѣ и не ударяетъ...

Такъ робкими всегда творить насъ совѣсть.
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнію тускнѣетъ размышленья,
И замысловъ отважные порывы,
Отъ сей препоны уклоняя бѣгъ свой,
Именъ дѣяній не стяжаютъ...

говоритъ Шекспировъ Гамлетъ, этотъ поэтический апотеозъ рефлексіи. Ужасное состояніе! Даже въ объятіяхъ любви, среди блаженнѣйшаго упоенія и полноты жизни, возстаетъ этотъ враждебный внутренній голосъ, чтобы заставить человѣка думать и, вырвавъ изъ его рукъ очаровательный образъ, замѣнить его отвратительнымъ скелетомъ...

. . . . Въ такое время,
Когда не думаетъ никто.

Но это состояніе сколько ужасно, столько же необходимо. Это одинъ изъ величайшихъ моментовъ духа. Полнота жизни въ чувствѣ, но чувство не есть еще послѣдняя степень духа, дальше которой онъ не можетъ развиваться. При одномъ чувствѣ человѣкъ есть рабъ собственныхъ ощущеній, какъ животное есть рабъ собственного инстинкта. Достоинство безсмертнаго духа человѣческаго заключается въ его разумности, а послѣдній высшій актъ разумности есть мысль. Въ мысли независимость и свобода человѣка отъ собственныхъ страстей и темныхъ ощущеній. Когда человѣкъ поднимаетъ въ гнѣвѣ руку на врага своего—онъ слѣдуетъ чувству его одушевляющему; но только разумная мысль о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и о своемъ человѣческомъ братствѣ со врагомъ можетъ удержать порывъ гнѣва и обезоружить поднятую для убійства руку. Но переходъ изъ непосредственности въ разумное сознаніе необходимо совершается черезъ рефлексію, болѣе или менѣе болѣзненную, смотря по свойству

индивидуума. Если человекъ чувствуетъ хоть сколько-нибудь свое родство съ человечествомъ и хоть сколько-нибудь сознаетъ себя духомъ въ духѣ, — онъ не можетъ быть чужды рефлексіи. Исключенія остаются только или за натурами чисто практическими, или за людьми мелкими и ничтожными, которые чужды интересовъ духа, и которыхъ жизнь — апатическая дремота. И нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ рефлексій, почему отъ нея не освобождены ни тѣ мирныя и счастливыя натуры, которыя съ глубиностью соединяютъ тихость и невозмущаемое спокойствіе, ни самыя практическія натуры, если онѣ не лишены глубокости. Отсюда значеніе цѣлой германской литературы: въ основаніи почти каждаго изъ ея произведеній лежитъ нравственный, религіозный или философскій вопросъ. „Фаустъ“ Гёте есть поэтический апофеозъ рефлексій нашего вѣка. Естественное, что такое состояніе человечества нашло свой отзывъ и у насъ; но оно отразилось въ нашей жизни особеннымъ образомъ, вслѣдствіе неопредѣленности, въ которую поставлено наше общество насильственнымъ выходомъ изъ своей непосредственности, черезъ великую реформу Петра. Дивно-художественная „Сцена Фауста“ Пушкина представляетъ собою высокій образъ рефлексіи, какъ болѣзни многихъ индивидуумовъ нашего общества. Ея характеръ — апатическое охлажденіе къ благамъ жизни, вслѣдствіе невозможности предаваться имъ со всею полнотою. Отсюда: томительная бездѣйственность въ дѣйствіяхъ, отвращеніе ко всякому дѣлу, отсутствіе всякихъ интересовъ въ душѣ, неопредѣленность желаній и стремленій, безотчетная тоска, мечтательность при избыткѣ внутренней жизни. Это противорѣчіе превосходно выражено авторомъ разбираемаго нами романа въ его чудно-поэтической „Думѣ“, исполненной благороднаго негодованія, могучей жизни и поразительной вѣрности идей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить изъ нея слѣдующіе четыре стиха, въ которыхъ сказано больше, чѣмъ въ двѣнадцати томахъ иного „господина-сочинителя“:

И ненавидимъ, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!..

Печоринъ есть одинъ изъ тѣхъ, къ кому особенно должно относиться это энергическое воззваніе благороднаго поэта, котораго это самое и заставило назвать героя романа героемъ нашего времени. Отсюда происходитъ и недостатокъ опредѣленности, недостатокъ художественной рельефности въ изображеніи этого лица, но отсюда же выходитъ и его высочайшій поэтический интересъ для всѣхъ, кто принадлежитъ къ *нашему времени* не по одному году и числу мѣсяца, въ которые родился, и то сильное неотразимо-грустное впечатлѣніе, которое онъ на насъ производитъ. Но мы еще возвратимся къ этому предмету, когда кончимъ изложеніе содержанія романа.

Подробности свиданія противниковъ на мѣстѣ роковой раздѣлки переданы авторомъ съ ужасающею истиною и поэзіею. Чтобы разстроить безчестныя намѣренія своихъ враговъ, возбудивъ трусость въ Грушницкомъ, Печоринъ предложилъ ему стрѣляться на узенькой площадкѣ отвѣсной скалы, сажень въ тридцать вышины, и съ острыми камнями внизу. „Каждый изъ насъ (говоритъ онъ Грушницкому) станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непременно внизъ, разобьется въдребезги: пулю докторъ вынетъ. И тогда можно будетъ очень, очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объясняю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться“... Грушницкій былъ поставленъ въ затрудненіе—лицо его ежеминутно мѣнялось. Теперь ему нельзя было отдѣлаться легкою раною, нанесенною противнику или полученною имъ самимъ. Съ другой стороны, ему пришлось бы или выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцею, или отказаться отъ своего подлаго замысла. Капитанъ отвѣчалъ на вызовъ Печорина: „пожалуй!“, и Грушницкій принужденъ былъ кивнуть головою въ знакъ согласія. Однако онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить съ нимъ съ большимъ жаромъ. Печоринъ видѣлъ, какъ дрожали его посинѣлыя губы, и слышалъ, какъ капитанъ, отвернувшись съ презрѣніемъ,

отвѣчалъ ему довольно громко: „ты дуракъ! ничего не понимаешь!“

Взошли на площадку изображавшую почти треугольникъ. Условились, чтобы тотъ, которому первому достанется встрѣтить выстрѣлъ, сталъ на углу площадки, спиною къ пропасти; если же онъ не будетъ убитъ, противники должны были помѣняться мѣстами. Бросили жребій — Грушницкому досталось стрѣлять первому. Когда стали на мѣста, Печоринъ сказалъ Грушницкому, что если онъ промахнется, то не долженъ надѣяться промаха съ его стороны. Грушницкій покраснѣлъ: мысль убить человѣка безоружнаго, казалось боролась въ немъ со стыдомъ признаться въ подломъ умыселъ. Докторъ снова сталъ совѣтывать Печорину обнаружить ихъ умыселъ, и самъ было хотѣлъ это сдѣлать.. Ни за что на свѣтѣ, докторъ!.. — отвѣчалъ Печоринъ, удерживая его за руку, — вы все испортите, вы мнѣ дали слово не мѣшать... какое вамъ дѣло? Можетъ быть, я хочу быть убитымъ... — „О! это другое!.. только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...“ — отвѣчалъ Вернеръ, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ.

Капитанъ зарядилъ пистолеты и подалъ одинъ Грушницкому, шепнувъ ему что-то, а другой — Печорину. Печоринъ, выдался впередъ, опершись рукою о колѣно, чтобы въ случаѣ легкой раны, не полетѣть въ бездну; Грушницкій, съ блѣднымъ лицомъ, дрожащими колѣнями, сталъ наводить пистолетъ, мѣтя въ лобъ; но тутъ совершилось то, что необходимо должно было совершиться вслѣдствіе слабости характера Грушницкаго, неспособнаго ни къ положительному добру, ни къ положительному злу: пистолетъ опустился, и блѣдный какъ смерть, обратившись къ своему секунданту, Грушницкій сказалъ глухимъ голосомъ: „не могу!“ — „Трусъ!“ отвѣчалъ капитанъ, — выстрѣлъ раздался — пуля легко оцарапала колѣно Печорина, который невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ края. Какая вѣрная черта человѣческой натуры, въ которой ни порывы самолюбія, ни жизненная сила воли не могутъ заглушить инстинкта самосохраненія!..

Теперь настала очередь Печорина. Капитанъ сыгралъ сцену

прощанія съ Грушницкимъ, едва удерживаясь отъ смѣха. Можно себѣ представить; какія чувства волновали Печорина при видѣ соперника, который теперь съ покойною дерзостью смотрѣлъ на него и, кажется, удерживалъ улыбку, а за минуту хотѣлъ убить его какъ собаку... Какъ бы для очистки своей совѣсти, онъ предложилъ ему попросить у него прощенія, но, услышавъ гордый отказъ, произнесъ слѣдующія слова съ разстановкою, громко и внятно; какъ произносятъ смертный приговоръ: „Докторъ, эти господа, вѣроятно второпяхъ; забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова,—и хорошенько!“ Капитанъ старался казаться обиженнымъ и утверждалъ, что это не правда; но Печоринъ заставилъ его замолчать, сказавъ, что если это такъ, то онъ и съ нимъ будетъ стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ. Грушницкій подаль рѣшительный голосъ въ пользу переряженія пистолета. „Дуракъ же ты, братецъ“,—сказалъ капитанъ, плюнувъ и топнувъ ногою,—„пошлый дуракъ!.. Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... подѣломъ же тебѣ! околѣвай себѣ какъ муха!..“ Печоринъ снова предложилъ Грушницкому—признаться въ своей клеветѣ, обѣщаясь этимъ и кончить дѣло, и даже напоминалъ ему о ихъ прежней дружбѣ. Здѣсь предстоялъ автору прекрасный случай изобразить трогательную сцену примиренія враговъ и обращенія на путь истины заблудшаго человѣка, и тѣмъ премного утѣшить моралистовъ и любителей пряничныхъ эффектовъ; но глубоко-художнической инстинктъ истины, безсознательно открывающій поэту самыя сокровенныя тайнства человѣческой природы, заставилъ его написать сцену совсѣмъ въ другомъ родѣ,—сцену, которая поражаетъ своею ужасною, безпощадною истинностью и своею потрясающею эффектностью, при высочайшей простотѣ и естественности... Лицо Грушницкаго вспыхнуло, глаза засверкали. „Стрѣляйте!“—отвѣчалъ онъ,—„я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста“...

Да, это гениальная черта, смѣлый и мощный взмахъ художнической кисти!.. Не забудьте, что у Грушницкаго нѣтъ только характера, но что натура его не чужда была нѣко-

торыхъ добрыхъ сторонъ: онъ неспособенъ былъ ни къ дѣйствительному добру, ни къ дѣйствительному злу; но торжественное трагическое положеніе, въ которомъ самолюбіе его играло бы напропалую, необходимо должно было возбудить въ немъ мгновенный и смѣлый порывъ страсти. Самолюбіе увѣрило его въ небывалой любви къ княжнѣ и въ любви княжны къ нему; самолюбіе заставило его видѣть въ Печоринѣ своего соперника и врага; самолюбіе рѣшило его на разговоръ, противъ чести Печорина; самолюбіе не допустило его послушаться голоса своей совѣсти и увлечься своимъ добрымъ началомъ, чтобы признаться въ разговорѣ; самолюбіе заставило его выстрѣлить въ безоружнаго человѣка; то же самое самолюбіе и сосредоточило всю силу его души въ такую рѣшительную минуту и заставило предпочесть вѣрную смерть вѣрному спасенію чрезъ признаніе. Этотъ человѣкъ—апотеозъ мелочнаго самолюбія и слабости характера: отсюда все его поступки, — и, не смотря на кажущуюся силу его послѣдняго поступка, онъ вышелъ прямо изъ слабости его характера. Самолюбіе — великій рычагъ въ душѣ человѣка: оно рождаетъ чудеса! Бываютъ на свѣтѣ люди, которые, не блѣднѣя, какъ передъ чашкою чая, стоятъ передъ дуломъ своего протівника, и которые прячутся подъ фуры во время сраженія...

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, Печоринъ замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго, — и невольно закрылъ глаза. Возвращаясь въ Кисловодскъ, онъ опустил поводья и далъ волю коню. Солнце уже садилось, когда, измученный на измученной лошади, пріѣхалъ онъ домой. Тамъ засталъ онъ двѣ записки—одну отъ доктора, другую отъ Вѣры.

Докторъ увѣдомлялъ его, что тѣло уже перевезено, но что, благодаря ихъ мѣрамъ, заранѣе взятымъ, подозрѣній нѣтъ никакихъ, и что онъ можетъ спать спокойно... если можетъ...

Долго не рѣшался онъ открыть вторую записку; тяжелое предчувствіе мучило его — и оно не обмануло его. Письмо Вѣры начинается прощаніемъ навсегда. Мужъ разсказалъ ей о ссорѣ Печорина съ Грушницкимъ, — и это такъ поразило

и взволновало ее, что она не понимала, что отвѣчала ему, и только догадывалась, что то было признаніе въ своей тайной любви, потому что мужъ оскорбилъ ее ужаснымъ словомъ и, вышедъ изъ комнаты, велѣлъ закладывать карету. Мысль о вѣчной разлукѣ увлекла ее къ объясненію своихъ отношеній къ Печорину, — и вотъ примѣчательнѣйшее мѣсто письма:

„Мы расстаемся навѣки: однакожь ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебѣ всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобы ты былъ лучше ихъ, о нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ни чей взоръ не общаетъ столько блаженства; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ“.

Письмо заключается изъявленіемъ сомнительной увѣренности, что онъ не любитъ Мери и не женится на ней. „Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свѣтѣ...“

Велѣвъ осѣдлать измученнаго коня, какъ безумный помчался Печоринъ въ Пятигорскъ. При возможности потерять Вѣру она стала для него дороже всего на свѣтѣ — жизни, чести, счастія! Натискъ судьбы взволновалъ могучую натуру, изнемогавшую въ спокойствіи и мирѣ, и возбудилъ ея дремавшее чувство... Здѣсь невольно приходятъ на умъ эти стихи Пушкина:

О люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ безпрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не въ рай.

Стремглавъ скача и погоняя безпощадно, онъ сталъ замѣчать, что конь его тяжело дышетъ и спотыкается. Оставалось пять верстъ до Есентуковъ, казачей станицы, гдѣ бы

могъ онъ пересѣсть на другую лошадь. Еще бы только десять минутъ, но конь рухнулся и издохъ... Печоринъ хотѣлъ идти пѣшкомъ, но, изнуренный тревогами дня и бессонницею, онъ упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ... Напряженная гордость, холодная твердость — плодъ сухого отчаянія, софизмы свѣтской философіи — все исчезло и умолкло; уже не стало человѣка, волнуемаго страстями, потрясаемаго борьбою внутреннихъ противорѣчій, — передъ вами бѣдное, безсильное дитя, слезами омывающее грѣхи свои, чуждое, на эту минуту, ложнаго стыда и не жалующееся ни на судьбу, ни на людей, ни на самого себя...

„И долго лежалъ я неподвижно, и плакалъ горько, не стараясь удерживать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли какъ дымъ, душа обезсилѣла, рассудокъ замолкъ; и если бъ въ эту минуту кто-нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся“.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили его горящую голову, онъ разсудилъ, что горькій прощальный поцѣлуй немного бы прибавилъ къ его воспоминаніямъ, а разлука послѣ него была бы тяжеле, — и возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился въ постель и проспалъ мертвымъ сномъ до вечера. Тутъ пришелъ къ нему Вернеръ и извѣстилъ его, что княжна Лиговская больна разслабленіемъ нервъ; что начальство догадывается объ истинныхъ причинахъ смерти Грушницкаго, и что ему должно взять свои мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день утромъ онъ получилъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N, гдѣ судьба и свела его съ Максимомъ Максимычемъ.

Передъ отъѣздомъ, онъ зашелъ къ княгинѣ Лиговской проститься. Она встрѣтила его, какъ человѣка, навѣрное явившагося къ ней, какъ къ матери, съ предложеніемъ насчетъ руки дочери. Тутъ слѣдуетъ превосходная комическая сцена, гдѣ княгиня, намекая Печорину, что ей извѣстны его отношенія къ Мери, даетъ ему знать, что не будетъ противиться ихъ соединенію, и охотно прощаетъ ему странность его поведения въ отношеніи къ ея дочери. Нѣсколько разъ прерывала она свой большой монологъ пыхтѣніемъ и вздохами, и наконецъ заплакала. Печоринъ попросилъ у нея позволенія нае-

динѣ переговорить съ ея дочерью, на что княгиня принуждена была согласиться.

„Прошло пять минутъ; сердце мое билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась, и вошла она. Боже! какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ея, — а давно ли? Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подалъ ей руку и довелъ ее до кресель.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большіе глаза, наполненные неизъяснимой грустью, казалось искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться; ея нѣжныя руки, сложенные на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ея.

— Княжна,—сказалъ я,—вы знаете, что я надъ вами смѣлся!.. Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ:—слѣдственно вы меня любить не можете.

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

— Боже мой!—произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо; еще минута, и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— Итакъ, вы сами видите, сказалъ я сколько могъ твердымъ голосомъ и съ принужденною усмѣшкою,—вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Еслибъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись; мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ ее легко разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь; вотъ все, что могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я передъ вами низокъ?.. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?..

Она обернулась блѣдная, какъ мраморъ, только глаза ея чудно сверкали.—Я васъ ненавижу!.. сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ“.

Нужно ли что нибудь говорить объ этой сценѣ, гдѣ блѣдная Мери является въ такомъ безконечно поэтическомъ апофеозѣ страданія отъ обманутаго чувства и оскорбленнаго самолюбія и достоинства женщины, и гдѣ каждое ея движеніе, каждый звукъ ея голоса запечатлѣны такою неотразимою прелестью и истиною, а положеніе такъ трогательно и возбуждаетъ такое сильное и горестное участіе?.. Нѣтъ, кому

эта сцена не скажетъ всего, тому наши слова ничего не пояснятъ...

Черезъ часъ скакалъ онъ на тройкѣ курьерскихъ изъ Кисловодска, и на дорогѣ увидѣлъ своего коня: сѣдло было снято и, вмѣсто него, два ворона сидѣли у него на спинѣ... Онъ вздохнулъ и отвернулся.

„И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, и часто, пробѣгая мыслью прошедшее, спрашиваю себя, отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, идѣ мення ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?... Нѣтъ, я бы не ужился съ этою долею! Я какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа слилась съ бурями и битвами и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани...“

Такою лирическою выходкою, полною безконечной поэзіи и обнаруживающею всю глубину и мощь этого человѣка, заканчивается журналъ Печорина. Теперь это таинственное лицо, такъ сильно волновавшее наше любопытство и въ исторіи Бѣлы, и при свиданіи съ Максимъ Максимычемъ, и въ рассказѣ о собственномъ приключеніи въ Тамани, — теперь оно все передъ нами во весь ростъ свой. Черезъ него самого познакомились мы со всѣми изгибами его сердца, со всѣми событіями его жизни, и теперь уже самъ онъ ничего новаго не въ состояніи сказать намъ о самомъ себѣ. Но между тѣмъ, прочтя „Княжну Мери“, мы все еще не разстались съ нимъ, и еще разъ встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ рассказчикомъ необыкновеннаго случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Мы не будемъ ни подробно излагать содержанія этого рассказа, ни дѣлать изъ него выписокъ. Въ обществѣ офицеровъ зашелъ споръ о восточномъ фатализмѣ, и молодой офицеръ Вуличъ предложилъ пари противъ предопредѣленія, схватилъ со стѣны первый попавшійся ему изъ множества висѣвшихъ на стѣнѣ пистолетовъ, насыпалъ на полку пороха, приставилъ пистолетъ

ко лбу; спустил курокъ—осѣчка!... Захотѣли узнать, точно ли пистолетъ былъ заряженъ, выстрѣлили въ фуражку,—и когда дымъ разсѣялся, всѣ увидѣли, что фуражка была прострѣлена. Еще до выстрѣла Печорину въ лицѣ и голосѣ Вулича показалось что-то такое странное и таинственное, что онъ невольно убѣдился въ близкой смерти этого человѣка, и предрекъ ему смерть. Въ самомъ дѣлѣ, выходя изъ общества, Вуличъ былъ убитъ на улицѣ станицы пьянымъ казакомъ... Да здравствуетъ фатализмъ!... Все, что мы пересказали въ нѣсколькихъ строкахъ, составляетъ въ романѣ порядочный отрывокъ съ превосходно изложенными подробностями, увлекательный по разсказу. Особенно хорошо обрисованъ характеръ героя—такъ и видите его передъ собою, тѣмъ болѣе, что онъ очень похожъ на Печорина. Самъ Печоринъ является тутъ дѣйствующимъ лицомъ, и едва ли еще не болѣе на первомъ планѣ, чѣмъ самъ герой разсказа. Свойство его участія въ ходѣ повѣсти, равно какъ и его отчаянная, фаталическая смѣлость при взятіи взбѣсившагося казака если не прибавляютъ ничего новаго къ даннымъ о его характерѣ, то все таки добавляютъ уже извѣстное намъ, и тѣмъ самымъ усугубляютъ единство мрачнаго и терзающаго душу впечатлѣнія цѣлаго романа, который есть біографія одного лица.—Это усиленіе впечатлѣнія особенно заключается въ основной идеѣ разсказа, которая есть фатализмъ, вѣра въ предопредѣленіе, одно изъ самыхъ мрачныхъ заблужденій человѣческаго разсудка, которое лишаетъ человѣка нравственной свободы, изъ слѣпого случая дѣлая необходимость. Предразсудокъ—явно выходящій изъ положенія Печорина, который не знаетъ, чему вѣрить, на чемъ опереться, и съ особеннымъ увлеченіемъ хватается за самые мрачныя убѣжденія, лишь бы только давали они поэзію его отчаянія и оправдывали его въ собственныхъ глазахъ.

Что же за человѣкъ этотъ Печоринъ?—Здѣсь мы должны обратиться къ „Предисловію“, написанному авторомъ романа къ журналу Печорина.

„Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня передать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истинна—

то друга понятна каждому, но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ; слѣдовательно, не могу питать къ нему той неизъяснимой ненависти, которая таясь подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобъ разразиться надъ головою громомъ упрековъ, совѣтовъ и сожалѣній.“

Не смотря на всю софистическую ложность этой горькой выходки,—самая же жолчность свидѣтельствуется уже, что въ ней есть своя истинная сторона. Въ самомъ дѣлѣ, и дружба, подобно любви, есть роза съ роскошнымъ цвѣтомъ, упоительнымъ ароматомъ, но и съ колючими шипами. Каждая индивидуальность, какъ бы по природѣ своей, враждебна другой, и силится пересоздать ее по своему, и въ самомъ дѣлѣ; когда сходятся двѣ субъективности, онѣ, такъ сказать, чрезъ взаимное треніе другъ объ друга сглаживаются и измѣняются, заимствуя одна отъ другой то, чего имъ не достаетъ. Отсюда это взаимное цензорство въ дружбѣ, эта страсть раздражаться надъ головою друга градомъ упрековъ, насмѣшекъ и сожалѣній. Самолюбіе тутъ играетъ свою роль; но если дружба основана не на дѣтской привязанности, или какой-нибудь внѣшней связи,—истинная привязанность, внутреннее человѣческое чувство всегда играетъ тутъ свою роль. Авторъ видитъ въ дружбѣ одни шипы—и его ошибка не въ ложности, а въ односторонности взгляда. Онъ видимо находится въ томъ состояніи духа, когда въ нашемъ разумѣніи всякая мысль распадается на свои же собственные моменты, до тѣхъ поръ, пока духъ нашъ не созрѣетъ для великаго процесса разумаго примиренія противоположностей въ одномъ и томъ же предметѣ. Вообще, хотя авторъ и выдаетъ себя за человѣка, совершенно чуждаго Печорину, но онъ сильно симпатизируетъ съ нимъ, и въ ихъ взглядѣ на вещи—удивительное сходство. Слѣдующее мѣсто изъ „Предисловія“ еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль:

„Можетъ быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ—заглавіе этой книги.—Да это злая иронія! скажутъ они.—Не знаю.“

Итакъ, „Герой нашего времени,“—вотъ основная мысль романа. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого весь романъ можетъ по-

честься злою иронією, потому что большая часть читателей навѣрное воскликнетъ: „Хорошъ же герой!“, — А чѣмъ же онъ дурень? — смѣемъ васъ спросить.

Зачѣмъ же такъ не благосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то-ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ.
Что пылкихъ думъ неосторожность
Себялюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ, иль смѣшить,
Что умъ, любя просторъ, тѣснить,
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и нестрашна?

Вы говорите противъ него, что въ немъ нѣтъ вѣры. Прекрасно! но вѣдь это то же самое, что обвинять нищаго за то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и радъ имѣть его, да не дается оно ему. И притомъ развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрію? развѣ онъ гордится имъ? развѣ онъ не страдалъ отъ него? развѣ онъ не готовъ цѣною жизни и счастья купить эту вѣру, для которой еще не насталь часъ его?... Вы говорите, что онъ эгоистъ? — Но развѣ онъ не презираетъ и не ненавидитъ себя за это? развѣ сердце его не жаждетъ любви чистой и безкорыстной? Нѣтъ, это не эгоизмъ: эгоизмъ не страдаетъ, не обвиняетъ себя, но доволенъ собою, радъ себѣ. Эгоизмъ не знаетъ мученія; страданіе есть удѣлъ одной любви. Душа Печорина не каменная почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля: пусть взрыхлитъ ее страданіе и ороситъ благодатный дождь, — и она произраститъ изъ себя пышные, роскошные цвѣты небесной любви... Этому человеку стало больно и грустно, что всѣ его не любятъ, — и кто же эти „всѣ?“ — пустые, ничтожные люди, которые не могутъ простить ему его превосходства надъ ними. А его готовность задушить въ себѣ ложный стыдъ, голосъ свѣтской чести и оскорбленнаго самолюбія, когда онъ за признаніе въ клеветѣ готовъ былъ простить Грушницкому, — человеку, сей-

часть только выстрѣлившему въ него пулею и безстыдно ожидавшему отъ него холостого выстрѣла? А его слезы и рыданія въ пустынной степи, у тѣла издохшаго коня?—нѣтъ, все это не эгоизмъ! Но его—скажете вы—холодная расчетливость, систематическая рассчитанность, съ которою онъ обольщаетъ бѣдную дѣвушку, не любя ея, и только для того, чтобы посмѣяться надъ нею и чѣмъ-нибудь занять свою праздность?—Такъ, но мы и не думаемъ оправдывать его въ такихъ поступкахъ, ни выставлать его образцомъ, высокимъ идеаломъ чистѣйшей нравственности; мы только хотимъ сказать, что въ человѣкѣ должно видѣть человѣка, и что идеалы нравственности существуютъ въ однихъ классическихъ трагедіяхъ и моральносентиментальныхъ романахъ прошлаго вѣка. Судя о человѣкѣ, должно брать въ разсмотрѣніе обстоятельства его развитія и сферу жизни, въ которую онъ поставленъ судьбою. Въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатою натурою. Его, во многихъ отношеніяхъ, дурное настоящее обѣщаетъ прекрасное будущее. Вы восхищаетесь быстрымъ движеніемъ парохода, видите въ немъ великое торжество духа надъ природою—и хотите потомъ отрицать въ немъ всякое достоинство, когда онъ сокрушаетъ, какъ зерно жорновъ, неосторожныхъ, попавшихъ подъ его колеса: не значитъ ли это противорѣчить самимъ себѣ? опасность отъ парохода есть результатъ его чрезмѣрной быстроты; слѣдовательно, порокъ его выходитъ изъ его достоинства. Бываютъ люди, которые отвратительны при всей безукоризненности своего поведенія, потому что она въ нихъ есть слѣдствіе безжизненности и слабости духа. Порокъ возмутителенъ и въ великихъ людяхъ; но наказанный, онъ приводитъ въ умиленіе вашу душу. Это наказаніе только тогда есть торжество нравственного духа, когда оно является не извинѣ, но есть результатъ самаго порока, отрицаніе собственной личности индивидуума въ оправданіе вѣчныхъ законовъ оскорбленной нравственности. Авторъ разбираемаго нами романа, описывая наружность Печорина, когда онъ съ нимъ встрѣтился на большой дорогѣ, вотъ что говоритъ о его глазахъ: „Они не смѣялись, когда онъ смѣялся... Вамъ не случилось

замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей? Это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то было блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса, и могъ казаться дерзкимъ, еслибъ не былъ столь равнодушно спокоенъ“.—Согласитесь, что какъ эти глаза, такъ и вся сцена свиданія Печорина съ Максимъ Максимычемъ показываютъ, что если это порокъ, то совсѣмъ не торжествующій, и надо быть рожденнымъ для добра, чтобъ такъ жестоко быть наказану за зло? Торжество нравственнаго духа гораздо поразительнѣе совершается надъ благородными натурами, чѣмъ надъ злодѣями...

А между тѣмъ этотъ романъ совсѣмъ не злая иронія, хотя и очень легко можетъ быть принятъ за иронію; это одинъ изъ тѣхъ романовъ,

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящемъ въ дѣйствіи пустомъ.

„Хорошъ же современный человѣкъ!“ воскликнулъ одинъ нравоописательный „сочинитель“, разбирая или, лучше сказать, ругая седьмую главу „Евгенія Онѣгина“. Здѣсь мы почитаемъ кстати замѣтить, что всякій современный человѣкъ, въ смыслѣ представителя своего вѣка, какъ бы онъ ни былъ дуренъ, не можетъ быть дуренъ, потому что нѣтъ дурныхъ вѣковъ, и ни одинъ вѣкъ не хуже и не лучше другого, потому что онъ есть необходимый моментъ въ развитіи человечества или общества.

Пушкинъ спрашивалъ самого себя о своемъ Онѣгинѣ:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданья ада иль небесъ,

Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ, —
Ужъ не пародія ли онъ?

И этимъ самымъ вопросомъ онъ разрѣшилъ загадку и нашелъ слово. Онѣгинъ не подражаніе, а отраженіе, но сдѣлавшееся не въ фантазіи поэта, а въ современномъ обществѣ, которое онъ изобразилъ въ лицѣ героя своего поэтического романа. Сближеніе съ Европою должно было особеннымъ образомъ отразиться въ нашемъ обществѣ, — и Пушкинъ гениальнымъ инстинктомъ великаго художника уловилъ это отраженіе въ лицѣ Онѣгина. Но Онѣгинъ для насъ уже прошедшее, и прошедшее невозвратное.

Если бы онъ явился въ наше время, вы имѣли бы право спросить вмѣстѣ съ поэтомъ:

Все тотъ же ль онъ, иль усмирися?
Иль корчитъ такъ же чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представить онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? — Мельмотомъ,
Космополитомъ, патриотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?

Печоринъ Лермонтова есть лучший отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Это Онѣгинъ нашего времени, герой нашего времени. Несходство ихъ между собою гораздо меньше разстоянія между Онѣгою и Печорою. Иногда въ самомъ имени, которое истинный поэтъ даетъ своему герою, есть разумная необходимость, хотя, можетъ быть, и невидимая самимъ поэтомъ.

Со стороны художественнаго выполненія, нечего и сравнивать Онѣгина съ Печоринымъ. Но какъ выше Онѣгинъ Печорина въ художественномъ отношеніи, такъ Печоринъ выше Онѣгина по идеѣ. Впрочемъ это преимущество принадлежитъ нашему времени, а не Лермонтову.

Что такое Онѣгинъ? — Лучшею характеристикой и истолкованіемъ этого лица можетъ служить французскій эпиграфъ къ поэмѣ: „Petri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil que fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire“. Мы думаемъ, что это превосходство въ Онѣгинѣ нисколько не было воображаемымъ, потому что онъ „вчужѣ чувства уважалъ“ и что въ „его сердцѣ была и гордость, и прямая честь“. Онъ является въ романѣ человѣкомъ, котораго убили воспитаніе и свѣтская жизнь, которому все приглядѣлось, все приѣлось, все прилюбилось, и котораго вся жизнь состояла въ томъ:

Что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

Не таковъ Печоринъ. Этотъ человѣкъ не равнодушно, не апатически несетъ свое страданіе: бѣшено гоняется онъ за жизнью, ища ея повсюду; горько обвиняетъ онъ себя въ своихъ заблужденіяхъ. Въ немъ неумолчно раздаются внутренніе вопросы, тревожатъ его, мучатъ, и онъ въ рефлексіи ищетъ ихъ разрѣшенія: подсматриваетъ каждое движеніе своего сердца, разсматриваетъ каждую мысль свою. Онъ сдѣлалъ изъ себя самый любопытный предметъ своихъ наблюденій и, стараясь быть какъ можно искреннѣе въ своей исповѣди, не только откровенно признается въ своихъ истинныхъ недостаткахъ, но еще и выдумываетъ небывалые, или ложно истолковываетъ самыя естественныя свои движенія. Какъ въ характеристикѣ современнаго человѣка, сдѣланной Пушкинымъ, выражается весь Онѣгинъ, такъ Печоринъ весь въ этихъ стихахъ Лермонтова:

И ненавиждимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царстеуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

„Герой нашего времени“ — это грустная дума о нашемъ времени, какъ и та, которою такъ благородно, такъ энергически возобновилъ поэтъ свое поэтическое поприще, и изъ которой мы взяли эти четыре стиха...

Но со стороны формы изображеніе Печорина не совѣмъ художественно. Однако причина этого не въ недостаткѣ таланта автора, а въ томъ, что изображаемый имъ характеръ, какъ мы уже слегка и намекнули, такъ близокъ къ нему, что онъ не въ силахъ былъ отдѣлиться отъ него и объектировать его. Мы убѣждены, что никто не можетъ видѣть въ словахъ нашихъ желаніе выставить романъ Лермонтова автобіографіею. Субъективное изображеніе лица не есть автобіографія. Шиллеръ не былъ разбойникомъ, хотя въ Карлѣ Моорѣ и выразилъ свой идеаль челоуѣка. Прекрасно выразился Фангагенъ, сказавъ, что на Онѣгина и Ленскаго можно бы смотрѣть, какъ на братьевъ Вульта и Вальта у Жанъ Поля Рихтера, т.-е. какъ на разложеніе самой природы поэта, и что онъ, можетъ быть, воплотилъ двойство своего внутренняго существа въ этихъ двухъ живыхъ созданіяхъ. Мысль вѣрная, а между тѣмъ было бы очень нелѣпо искать сходныхъ чертъ въ жизни этихъ лицъ съ жизнью самого поэта.

Вотъ причина неопредѣленности Печорина и тѣхъ противорѣчій, которыми такъ часто опутывается изображеніе этого характера. Чтобы изобразить вѣрно данный характеръ, надо совершенно отдѣлиться отъ него, стать выше его, смотрѣть на него какъ на нѣчто оконченное. Но этого, повторяемъ, не видно въ созданіи Печорина. Онъ скрывается отъ васъ такимъ же неполнымъ и неразгаданнымъ существомъ, какъ и является намъ въ началѣ романа. Оттого и самый романъ, поражая удивительнымъ единствомъ ощущенія, нисколько не поражаетъ единствомъ мысли, и оставляетъ насъ безъ всякой перспективы, которая невольно возникаетъ въ фантазіи читателя по прочтеніи художественнаго произведенія, и въ которую невольно погружается очарованный взоръ его. Въ этомъ романѣ удивительная замкнутость созданія, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданію чрезъ единство поэтической идеи, а происходящая отъ единства поэтического ощущенія, которымъ онъ такъ глубоко поражаетъ душу читателя. Въ немъ есть что-то неразгаданное, какъ бы недоговоренное, какъ въ „Вертеръ“ Гёте, и потому есть что-то тяжелое въ его впечатлѣніи. Но этотъ недостатокъ есть въ то же время и достоинство романа Лермонтова: таковы бы-

ваютъ всѣ современные общественные вопросы, высказываемые въ поэтическихъ произведеніяхъ: это вопль страданія, но вопль, который облегчаетъ страданіе...

Это же единство ощущенія, а не идеи, связываетъ и весь романъ. Въ „Онѣгинъ“ всѣ части органически сочленены, ибо въ избранной рамкѣ романа своего Пушкинъ исчерпалъ всю свою идею, и потому въ немъ ни одной части нельзя ни измѣнить, ни замѣнить. „Герой нашего времени“ представляетъ собою нѣсколько рамокъ, вложенныхъ въ одну большую раму, которая состоитъ въ названіи романа и единствѣ героя. Части этого романа расположены сообразно съ внутреннею необходимостью; но такъ какъ онѣ только отдѣльные случаи изъ жизни хотя и одного и того же человѣка, то и могли бѣ быть замѣнены другими, ибо, вмѣсто приключенія въ крѣпости съ Бѣлою или въ Тамани, могли бѣ быть подобныя же и въ другихъ мѣстахъ, и съ другими лицами, хотя при одномъ и томъ же героѣ. Но тѣмъ не менѣе основная мысль автора даетъ имъ единство, и общность ихъ впечатлѣнія поразительна, не говоря уже о томъ, что „Бѣла“, „Максимъ Максимычъ“ и „Тамань“, отдѣльно взятая, суть въ высшей степени художественныя произведенія. И какія типическія, какія дивно-художественныя лица — Бѣлы, Азамата, Казбича, Максима Максимыча, дѣвушки въ Тамани! Какія поэтическія подробности, какой на всемъ поэтическій колоритъ!

Но „Княжна Мери“, и какъ отдѣльно взятая повѣсть, менѣе всѣхъ другихъ художественна. Изъ лицъ, одинъ Грушницкій есть истинно-художественное созданіе. Драгунскій капитанъ безподобенъ, хотя и является въ тѣни, какъ лицо меньшей важности. Но всѣхъ слабѣе обрисованы лица женскія, потому что на нихъ-то особенно отразилась субъективность взгляда автора. Лицо Вѣры особенно неуловимо и неопредѣленно. Это скорѣе сатира на женщину, чѣмъ женщина. Только что начинаете вы ею интересоваться и очаровываться, какъ авторъ тотчасъ же и разрушаетъ ваше участіе и очарованіе какою-нибудь совершенно произвольною выходкою. Отношенія ея къ Печорину похожи на загадку. То она кажется вамъ женщиною глубокою, способною къ безграничной любви и преданности, къ героическому самоотверженію; то

видите въ ней одну слабость и больше ничего. Особенно ошутителенъ въ ней недостатокъ женственной гордости и чувства своего женственного достоинства, которыя не мѣшаютъ женщинамъ любить горячо и беззавѣтно, но которыя едва ли когда допустятъ истинно глубокую женщину сносить тиранство любви. Она любитъ Печорина, а въ другой разъ выходитъ замужъ, и еще за старика, слѣдовательно по расчету, по какому бы то ни было; измѣнивъ для Печорина одному мужу, измѣняетъ и другому, и скорѣе по слабости, чѣмъ по увлеченію чувства. Она обожаетъ въ Печоринѣ его высшую природу, и въ ея обожаніи есть что-то рабское. Вслѣдствіе всего этого она не возбуждаетъ къ себѣ сильнаго участія со стороны автора и, подобно тѣни, проскользаетъ въ его воображеніи. Княжна Мери изображена удачнѣе. Это дѣвушка неглупая, но и не пустая. Ея направленіе нѣсколько идеально, въ дѣтскомъ смыслѣ этого слова: ей мало любить человѣка, къ которому влекло бы ее чувство, непременно надо, чтобы онъ былъ несчастенъ и ходилъ въ толстой и сѣрой солдатской шинели. Печорину очень легко было обольстить ее: стоило только казаться непонятнымъ и таинственнымъ, и быть дерзкимъ. Въ ея направленіи есть нѣчто общее съ Грушницкимъ, хотя она и несравненно выше его. Она допустила обмануть себя; но когда увидѣла себя обманутою, она, какъ женщина, глубоко почувствовала свое оскорбленіе и пала его жертвою, безотвѣтною, безмолвно страдающею, но безъ униженія,—и сцена ея послѣдняго свиданія съ Печоринымъ возбуждаетъ къ ней сильное участіе и обливаетъ ея образъ блескомъ поэзіи. Но, не смотря на это, и въ ней есть что-то какъ будто-бы недосказанное, чему опять причиною то, что ея тяжбу съ Печоринымъ судило не третье лицо, какимъ бы долженъ былъ явиться авторъ.

Однако, при всемъ этомъ недостаткѣ художественности, вся повѣсть насквозь проникнута поэзіею, исполнена высочайшаго интереса. Каждое слово въ ней такъ глубоко знаменательно, самые парадоксы такъ поучительны, каждое положеніе такъ интересно, такъ живо обрисовано! Слогъ повѣсти—то блескъ молніи, то ударъ меча, то разсыпавшійся по бархату жемчугъ! Основная идея такъ близка сердцу вся-

каго, кто мыслить и чувствуетъ, что всякій изъ такихъ, какъ бы ни противоположно было его положеніе положеніямъ, въ ней представленнымъ, увидить въ ней исповѣдь собственнаго сердца.

Въ „Предисловіи“ къ журналу Печорина авторъ между прочимъ говоритъ:

„Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ рассказываетъ всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на судъ свѣта, но теперь я не могу взять на себя эту отвѣтственность.“

Благодаримъ автора за пріятное обѣщаніе, но сомнѣваемся, чтобъ онъ его выполнилъ: мы крѣпко убѣждены, что онъ навсегда разстался съ своимъ Печоринымъ. Въ этомъ убѣжденіи утверждаетъ насъ признаніе Гёте, который говоритъ въ своихъ запискахъ, что, написавъ „Вертера“, бывшего плодомъ тяжелаго состоянія его духа, онъ освободился отъ него, и былъ такъ далекъ отъ героя своего романа, что ему смѣшно было видѣть, какъ сходила отъ него съ ума пылкая молодежь... Такова благодарная природа поэта: собственною силою своею вырывается онъ изъ всякаго момента ограниченности и летитъ къ новымъ, живымъ явленіямъ міра, въ полное славы творенье... Объектируя собственное страданіе, онъ освобождается отъ него; переводя на поэтическіе звуки диссонансы духа своего, онъ снова входитъ въ родную ему сферу вѣчной гармоніи... Если же Лермонтовъ и выполнитъ свое обѣщаніе, то мы увѣрены, что онъ представитъ уже не стараго и знакомаго намъ, о которомъ онъ уже все сказалъ, а совершенно новаго Печорина, о которомъ еще можно много сказать. Можетъ быть, онъ покажетъ его намъ исправившимся, признавшимъ законы нравственности, но вѣрно ужъ не въ утѣшеніе, а въ пущее огорченіе моралистовъ; можетъ быть, онъ заставитъ его признать разумность и блаженство жизни, но для того чтобы увѣриться, что это не для него, что онъ много утратилъ силъ въ ужасной борьбѣ, ожесточился въ ней, и не можетъ сдѣлать эту разумность и блаженство своимъ достояніемъ... А можетъ быть и то: онъ сдѣлаетъ его и причастникомъ радостей жизни, торжествующимъ побѣди-

телемъ надъ злымъ геніемъ жизни... Но то или другое, а во всякомъ случаѣ искупленіе будетъ совершено черезъ одну изъ тѣхъ женщинъ, существованію которыхъ Печоринъ такъ упрямо не хотѣлъ вѣрить, основываясь не на своемъ внутреннемъ созерцаніи, а на бѣдныхъ опытахъ своей жизни... Такъ сдѣлалъ и Пушкинъ съ своимъ Онѣгинымъ: отвергнувшая имъ женщина воскресила его изъ смертнаго усыпленія для прекрасной жизни, но не для того, чтобы дать ему счастье, а для того, чтобы наказать его за невѣріе въ таинство любви и жизни, и въ достоинство женщины...

II.

Стихотворенія М. Лермонтова. Санктпетербургъ, 1840.

Теперь гонись за жизнью дивной,
И каждый мигъ въ ней воскрешай,
На каждый звукъ ея призывный
Отзывной пѣснью отвѣчай!
ВЕНЕВИТИНОВЪ.

Всѣ говорятъ о поэзіи, всѣ требуютъ поэзіи. Повидимому это слово для всѣхъ имѣетъ такое ясное и опредѣленное значеніе, какъ напримѣръ слово „хлѣбъ“, или еще болѣе— слово „деньги“. Но когда только двое начнутъ объяснять одинъ другому, что каждый изъ нихъ разумѣетъ подъ словомъ „поэзія“, то и выходитъ на повѣрку, что одинъ называетъ поэзіею воду, другой—огонь. Что жъ, если бы всѣ-то такъ называемые любители поэзіи заговорили о предметѣ своей любви? Это была бы настоящая картина вавилонскаго смѣшенія языковъ! И очень естественно: если трудно опредѣлить поэзію ученымъ образомъ, то еще труднѣе намекнуть на ея значеніе повседневнымъ языкомъ общества, всѣмъ и каждому равно понятнымъ. Еслибъ вамъ и удалось это, вы все-таки удовлетворите только людей, которые съ вами симпатизируютъ, которые одинаково съ вами настроены. Въ самомъ дѣлѣ, если я подъ словомъ „поэзія“ разумѣю размѣ-

ренныя и зариоменныя строчки, заключающія въ себѣ правила добронравія и добродѣтели, то какъ вы убѣдите меня, что поэзія есть воспроизведеніе, живопись явленій жизни? -- Если я подъ словомъ „идеализированіе“ разумѣю представленіе дѣйствительности совсѣмъ не такъ, какъ она есть, — ходили мыслей, дыбы чувства, то какъ увѣрите вы меня, что „идеализированіе“ дѣйствительности есть только подчиненіе взятыхъ изъ нея матеріаловъ извѣстной цѣли, извлеченіе изъ нея, такъ сказать, ея сущности, и сочлененіе въ живое и органическое цѣлое разнородныхъ повидимому частей? -- Если я подъ словомъ „вдохновеніе“ разумѣю нравственное опьяненіе, какъ бы отъ пріема опіума или дѣйствія виннаго хмеля, изступленіе чувствъ, горячку страсти, которыя заставляютъ непризваннаго поэта изображать предметы въ какомъ-то безумномъ круженіи, выражаться дикими, натянутыми фразами, неестественными оборотами рѣчи, придавать обыкновеннымъ словамъ насильственное значеніе, — то какъ вразумите вы меня, что „вдохновеніе“ есть состояніе духовнаго ясновидѣнія, кроткаго, но глубокаго созерцанія таинства жизни, что оно какъ бы магическимъ жезломъ вызываетъ изъ недоступной чувствамъ области мысли свѣтлые образы, полные жизни и глубокаго значенія, и окружающую насъ дѣйствительность, нерѣдко мрачную и нестройную, являетъ просвѣтленною, гармоническою? . Поэзія и наука тождественны, если подъ наукою должно разумѣть не однѣ схемы знанія, но сознаніе кроющейся въ нихъ мысли. Поэзія и наука тождественны, какъ постигаемые не одною какою-нибудь изъ способностей нашей души, но всею полнотою нашего духовнаго существа, выражаемою словомъ „разумъ“. Въ этомъ отношеніи онѣ рѣзкою чертою отдѣляются отъ такъ называемыхъ „точныхъ“ наукъ, не требующихъ ничего, кромѣ разсудка, и развѣ еще воображенія. Можно быть очень умнымъ человѣкомъ и не понимать поэзіи, считать ее за вздоръ, за побрякушку риѣмъ, которою забавляются праздные и слабоумные люди; но нельзя быть умнымъ человѣкомъ и не сознать въ себѣ возможности постичь значеніе напр. математики и не сдѣлать въ ней, при усиленномъ трудѣ, большіе или меньшіе успѣхи. Можно быть умнымъ, даже очень умнымъ человѣкомъ, и не-

понимать, что хорошаго въ „Иліадѣ“, „Макбетѣ“, или лирическомъ стихотвореніи Пушкина; но нельзя быть умнымъ человѣкомъ и не понимать, что два, умноженные на два, составляютъ четыре, или что двѣ параллельныя линіи никогда не сойдутся, хотя бы продолжены были въ безконечность. Ясно, что подѣ словомъ „точныхъ“ истинъ разумѣются тѣ истины, которыхъ очевидности и непреложности не можетъ не признать ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, нелишенный здраваго смысла, прежде всего отличающаго людей отъ животныхъ. Въ этомъ отношеніи наука, въ высшемъ ея значеніи, т. е. философія и поэзія — повторяемъ — тождественны: та и другая равно далеки отъ того, что имѣетъ хотя видъ „точности“. Но въ хаотической борьбѣ и противоположности понятій, убѣжденій и вкусовъ насчетъ произведеній искусства внимательный взоръ открываетъ, какъ и во всѣхъ великихъ явленіяхъ жизни, торжество единства, которое тѣмъ выше и поразительнѣе торжества „точности“, чѣмъ повидимому неопредѣленнѣе и неуловимѣе для разсудка сущность искусства. Океанъ времени, смывшій съ лица земли греческія республики, вынесъ имена: Гомера, Гезіода, Эсхила, Софокла, Пиндара, Анакреона, — и теперь всѣ, считающіе себя участниками даровъ вдохновенія, охотно или по неволѣ, все-таки дивятся этимъ именамъ. Удачно сдѣланная копія съ Апеллоны Бельведерскаго возбуждаетъ всеобщій восторгъ, а оригиналамъ, состоящимъ изъ двухъ кусковъ мрамора, нѣтъ цѣны. Невѣжды, зѣвующіе отъ драмъ Шекспира и втайнѣ предпочитающіе имъ мыльные пузыри водевилей, вслухъ хвалятъ Шекспира. И оскорбляются, если съ нимъ сравниваютъ кого бы то ни было. Но это работа времени: въ пестротѣ современности торжество единства мнѣнія еще поразительнѣе, ибо оно есть вмѣстѣ и торжество разумности надъ близорукою ограниченностью, надъ борьбою мелкихъ страстей. Пушкинъ явился у насъ во времена классической неподвижности, и потому какъ благосклонно и привѣтливо встрѣтило его молодое поколѣніе, такъ и непріязненно и сурово приняло его старое поколѣніе, и въ особенности записные поэты, литераторы и словесники того времени. Но истина взяла свое, — и, несмотря на смѣшанные крики и ожесточенные споры, общее мнѣніе

тотчасъ же превознесло имя молодого поэта превыше всѣхъ поэтическихъ лауреатовъ, прежде его и при немъ бывшихъ.

Но это торжество единства надъ разнообразіемъ и противорѣчіемъ во мнѣніяхъ о такомъ неопредѣленномъ и неточномъ предметѣ, каково искусство, выходитъ не изъ множества, не изъ толпы, но отъ немногихъ и избранныхъ переходитъ въ толпу. Не всѣ могутъ и не всѣ должны понимать изящное; его понимаютъ только немногіе, избранные. Кто, по натурѣ своей, есть духъ отъ духа,—тотъ по праву рожденія причастенъ всѣхъ даровъ духа, недоступныхъ плоти и ея душѣ — разсудку. Разсудокъ становить человѣка выше всѣхъ животныхъ; но только разумъ дѣлаетъ его человѣкомъ по превосходству. Разсудокъ не шагаетъ далѣе „точныхъ“ наукъ и не понимаетъ ничего, выходящаго изъ тѣснаго круга „полезнаго“ и „насущнаго“; разумъ же объемлетъ безконечную сферу сверхъ-опытнаго и сверхъ-чувственного, дѣлаетъ яснымъ непостижимое, очевиднымъ — неопредѣленное, опредѣленнымъ — „неточное“. Искусство принадлежитъ къ этой сферѣ бытія, доступной только разуму — и потому понимать поэзію нельзя выучиться, такъ же, какъ нельзя выучиться писать стихи. Восприимлемость впечатлѣній изящнаго есть своего рода талантъ: она не пріобрѣтается ни наукою, ни образованіемъ, ни упражненіемъ, но дается природою. Постиженіе поэзіи есть откровеніе духа, а таинство откровенія сокрывается въ натурѣ человѣка; между тѣмъ извѣстно, что натуры людей разнообразны до безконечности и представляютъ собою безконечную лѣстницу съ безконечными ступенями — снизу вверхъ и сверху внизъ, смотря по тому, съ котораго конца будете смотрѣть на нее. Поэзія первоначально воспринимается сердцемъ, и уже имъ передается головѣ. Потому, чье сердце жестоко и черство отъ природы для воспріянія впечатлѣній изящнаго, — окружите его съ малолѣтства произведеніями искусства, толкуйте ему цѣлую жизнь о поэзіи,—онъ преобрѣтетъ только навыкъ къ ея формамъ и пріучится судить о ихъ внѣшней отдѣлкѣ; но сущность творчества навсегда останется для него тайною, которой онъ и подозрѣвать не будетъ. И такихъ людей, чуждыхъ поэзіи по натурѣ своей, несравненно больше, чѣмъ людей,

одаренныхъ инстинктомъ изящнаго. Почему же это?—Потому же, почему число художниковъ относится къ толпѣ, какъ единица къ миллиону. — А почему же существуетъ это отношеніе? На такой вопросъ даетъ превосходный отвѣтъ Моцартъ Пушкина, говоря Сальери:

Когда бы всё такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бъ не могъ
И міръ существовать; никто бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни;
Всѣ предались бы вольному искусству.
Насъ мало избранныхъ—счастливецъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ.

Обыкновенно толпа такъ же холодна и равнодушна къ искусству, какъ привержена и предана пользѣ;—и поэтъ имѣетъ полное право, въ порывѣ благороднаго негодованія, отвѣчать на ея бессмысленные крики:

Молчи, бессмысленный народъ,
Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
Несносенъ мнѣ твой ропотъ дерзкій.
Ты червь земли, не сынъ небесъ;
Тебѣ бы пользы все—на всѣхъ
Кумиръ ты цѣнишь Бельведерскій.
Ты пользы, пользы въ немъ не зришь.
Но мраморъ сей вѣдь богъ!... Такъ что же!
Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь...

Но чѣмъ равнодушнѣе и холоднѣе толпа къ дѣлу искусства, тѣмъ выше и поразительнѣе торжество искусства надъ толпою: невольно подчиняясь вліянію избранныхъ природы, она признаетъ его автономію *), несмотря на его „неточность“, и тѣмъ самымъ дѣлаетъ явнымъ единодержавіе разума. И поэтъ, существо, называющее пользу — этотъ идолъ толпы презрѣнною, поэтъ возбуждаетъ къ себѣ суевѣрное удивленіе толпы, собираетъ дань ея рукоплесканій, возбуждаетъ въ ней восторгъ своимъ появленіемъ. Это такое яв-

*) Автономія есть право предмета, основанное не на внѣшнихъ уваженіяхъ, какъ-то пользѣ, преданіи (traditio), или постороннемъ авторитетѣ, но на сущности самаго предмета.

леніе, передъ которымъ поневолѣ задумается самый жаркій поклонникъ „полезнаго“, постигшій всю глубину точной премудрости.

И такъ, оставимъ въ сторонѣ всѣхъ враговъ изящнаго; забудемъ о равнодушіи толпы къ дѣлу искусства и не будемъ бояться, что одни насъ не поймутъ, другіе съ нами не согласятся, а третьи будутъ надъ нами смѣяться—и возвратимся къ вопросу, которымъ мы начали статью: что такое поэзія? Только во дни кипучей и неискушенной опытами жизни юности человѣку сродно питать благородное, но несбыточное желаніе — увѣрить весь свѣтъ въ истинѣ своихъ убѣжденій, одинаковымъ языкомъ и съ одинаковымъ жаромъ говорить со всѣми о томъ, что доступно только нѣкоторымъ, и огорчаться, что нѣкоторые не понимаютъ того, чего и не дано, и не нужно имъ понимать... Будемъ говорить для всѣхъ и всѣмъ, но будемъ надѣяться только на отзывъ немногихъ... И что жъ—развѣ не великое счастье — пробудить полетъ къ высокому въ иной дремлющей душѣ? развѣ не великое счастье — родить къ себѣ сочувствіе въ сердцѣ, котораго мы никогда не знали и не узнаемъ, которое живетъ, можетъ-быть, въ далекомъ отъ насъ уголку этого міра, но которое отъ нашихъ строкъ забьется въ ладъ съ нашимъ сердцемъ и, въ общемъ человѣческомъ интересѣ, сознаетъ свое родство съ нами по духу, въ ознаменованіе торжества духа надъ условіями пространства и времени!...

Что же такое поэзія — спрашиваете вы, желая услышать рѣшеніе интереснаго для насъ вопроса, или, можетъ быть, лукаво желая привести насъ въ смущеніе отъ сознанія нашего безсилія рѣшить столь важный и трудный вопросъ... То или другое—все равно; но прежде, чѣмъ мы вамъ отвѣтимъ, сдѣлаемъ вопросъ и вамъ, въ свою очередь. Скажите: какъ назвать то, чѣмъ отличается лицо человѣка отъ восковой фигуры, которая чѣмъ съ большимъ искусствомъ сдѣлана, чѣмъ похожѣе на лицо живого человѣка, — тѣмъ больше возбуждаетъ въ насъ отвращеніе? Скажите: чѣмъ отличается лицо живого человѣка отъ лица покойника? — Вѣдь форма одинаково правильна въ томъ и другомъ, тѣ же части и та же соотвѣтственность и стройность въ частяхъ? Отчего эти

глаза такъ свѣтлы, такъ полны смысла и разумности, что вы читаете въ нихъ какую-то мысль, что они какъ будто хотятъ сказать вамъ что-то задушевное и любовное; а тѣ — такъ тусклы, стеклянны!... Дѣло ясное: въ первыхъ есть жизнь, а во вторыхъ ея нѣтъ. Но что же такое эта „жизнь“? Мы знаемъ процессы человѣческаго тѣла, знаемъ, что жизнь человѣка въ его организмѣ, что она продолжается вмѣстѣ съ обращеніемъ крови въ его жилахъ и прекращается вмѣстѣ съ прекращеніемъ кровообращенія; но мы знаемъ также, что нашъ организмъ не машина, которая заводится или останавливается, подобно часамъ, черезъ извѣстное колесо или извѣстный органъ. И чѣмъ дальше углубимся мы въ таинство организма, чѣмъ повидимому ближе будемъ къ тайнѣ жизни, — тѣмъ на самомъ дѣлѣ будемъ дальше отъ нея, тѣмъ неуловимѣе будетъ она для насъ. Но мертвые бываютъ и между живыми, такъ же, какъ и живые между мертвыми, ибо что жизнь для животнаго, то смерть для человѣка; что жизнь для ирокеза, то смерть для европейца; что жизнь для раба житейскихъ нуждъ и пользы, который ничего не видитъ дальше удовлетворенія потребностямъ голода и кармана или мелкаго тщеславія, — то смерть для человѣка мыслящаго и чувствующаго. И что существуетъ въ идеѣ, то выражается въ формахъ: посмотрите, какое животное лицо у этого человѣка, съ сонными и мутными глазами, съ апатическимъ выраженіемъ, — толстаго, одержимаго одышкою, сейчасъ только плотно покушавшаго, — и посмотрите, какимъ огнемъ сверкаютъ черные глаза этого худощаваго, блѣднолицаго человѣка, какая подвижность въ его фізіономіи, сколько страсти въ его голосѣ! Не правда ли, первый — мертвецъ; другой — полонъ жизни? Но жизнь безконечно разнообразна въ своихъ проявленіяхъ. Тигръ полонъ жизни въ сравненіи съ черепахою, но жизнь его все-таки чисто органическая, животная; ея источникъ — горячая кровь, обильные электричествомъ нервы. Такъ и въ иномъ человѣкѣ много жизни, но эта жизнь не покоряетъ васъ себѣ неотразимымъ обаяніемъ, и вы готовы сказать ей:

Въ ней признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!

Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!

Безконечное разстояніе раздѣляетъ человѣка страсти отъ человѣка чувства; но еще большее разстояніе раздѣляетъ человѣка, оставшагося при одномъ непосредственномъ чувствѣ, отъ человѣка, въ которомъ рабскій инстинктъ, хотя бы даже и благородныхъ наклонностей, перешелъ въ свободное сознаніе, котораго чувство просвѣтлено мыслью. Нигдѣ жизнь не является столько жизнью, какъ въ сферѣ духовныхъ интересовъ и разумнаго сознанія, которые движутъ волею человѣка и поддерживаютъ ея неистощимую дѣятельность: это самый пышный цвѣтъ жизни, ея высшее развитіе, ея высшая ступень, это жизнь по превосходству; въ сравненіи съ нею всякая другая, низшая степень жизни есть настоящая смерть. Но жизнь всегда жизнь, въ чемъ бы ни проявлялась она, на какой бы степени развитія ни стояла. Неизмѣримо разстояніе, раздѣляющее духовную жизнь генія отъ безсознательныхъ явленій природы, но и въ природѣ, даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ ея развитія, жизнь является святымъ и великимъ таинствомъ. Духъ человѣческій съ безграничнымъ упоеніемъ прислушивается къ прозябанію дольней лозы, къ подводному ходу морского гада, къ шелесту листьевъ, колеблемыхъ въ знойный полдень лѣтнимъ вѣтеркомъ: онъ сознаетъ съ ними свое родство; онъ чувствуетъ въ нихъ незримое присутствіе, слышитъ въ нихъ вѣяніе того же бессмертнаго духа жизни, который, подобно огню Прометееву, живетъ и его собственное существованіе. Для живого человѣка природа всюду является одушевленною: онъ слышитъ ея голосъ и въ безмолвномъ образованіи металловъ, въ таинственной лабораторіи нѣдръ земныхъ, и въ завываніи вѣтра, — тамъ, у полюсовъ, въ царствѣ вѣчной зимы и смерти, на звонкихъ льдахъ воздымающаго пушистыя вьюги; въ приливѣ и отливѣ водъ онъ видитъ какъ-бы тяжелое, напряженное дыханіе исполинской груди сѣдого старца океана... Полонъ таинственной думы для души нашей чернѣющійся вдали лѣсъ, и когда подходимъ мы къ нему, нами невольно овладѣваетъ какая-то дѣтская робость, какой-то мистическій, по полнотѣ обаянія ужасъ, — и мы повторяемъ съ поэтомъ:

О чемъ шумить сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль?

.....
Порой, во тѣмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины его выходятъ,
И на людей наводятъ страхъ.
Съ приходомъ дня уходятъ тѣни.
Слѣдовъ ихъ нѣтъ; лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ, да, въ темной грусти,
Ночь безразсвѣтная лежитъ...
Какая жъ тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,
Въ забвенье погружаетъ чувство
И тайны новыя рождаетъ въ немъ?
Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ безсознательно живетъ,
Что въ царствѣ безотрадной смерти
Свое величье сознаетъ...

Нѣтъ, не безсознательность, но чувство своего сродства, своей общности, своего тождества, со всѣмъ великимъ царствомъ жизни заставляетъ нашъ духъ видѣть свое отраженіе въ таинственныхъ явленіяхъ природы!... Повидимому отторгнутый отъ общаго своею индивидуальностью, ставша въ чловѣкѣ личностью — духъ нашъ тѣмъ живѣе и глубже чувствуетъ свое таинственное единство съ безсознательною природою, которая не чувствуетъ своего единства съ нимъ... Въ природѣ нѣтъ нашего духа, но въ насъ есть духъ природы, ибо законъ бытія таковъ, что высшее необходимо заключаетъ въ себѣ низшее. Да, у духа нашего есть общее съ природою, — и это общее есть жизнь, и потому-то она говоритъ ему такимъ понятнымъ и родственнымъ языкомъ, и все въ ней влечетъ его къ себѣ, все —

И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи
Грузинки жарко-молодой...

Неисчислимы и разнообразны предметы міра, но въ нихъ есть единство, и всѣ они—частныя явленія общаго. Вотъ почему философія говоритъ, что существуетъ одно общее. Вздохи дышащей груди жизни—ея частныя явленія—рождаются и умираютъ, приходятъ и переходятъ, а жизнь никогда не умираетъ, никогда не переходитъ: такъ въ океанѣ рождаются волны, и волна гонитъ волну, волна смѣняетъ волну, —а океанъ все такъ же великъ и глубокъ, такъ же живетъ и движется на своемъ бездонномъ, необъятномъ ложѣ; а въ его кристаллѣ все такъ же торжественно отражается лучезарное солнце, и все такъ же колеблется и трепещетъ ночное небо, усыпанное міриадами звѣздъ. Каждый человѣкъ есть отдѣльный и особенный міръ страстей, чувства, желаній, сознанія; но эти страсти, это чувство, это желаніе, это сознаніе принадлежатъ не одному какому-нибудь человѣку, но составляютъ достояніе человѣческой природы, общее всѣхъ людей. И потому въ комъ больше общаго, тотъ больше и живетъ; въ комъ нѣтъ общаго—тотъ живой мертвецъ. Чѣмъ же выражается причастность человѣку общему?—Въ доступности всему, что сродно человѣческой натурѣ, что составляетъ ея сущность и характеръ; въ правѣ сказать о себѣ: „я человѣкъ—и ничто человѣческое не чуждо мнѣ“. Кто причастенъ общему, для того личныя выгоды и потребности житейскія—интересы второстепенныя, а природа и человѣчество—главнѣйшія интересы. Чья личность есть выраженіе общаго, тотъ жаждетъ сочувствія ближнихъ, трепетнаго упоенія любви, кроткаго счастья дружбы, жаждетъ волненій чувства, бурь и непогодъ жизни, борьбы съ припятствіями; тотъ все понимаетъ, на все откликается: и въ раззолоченныхъ палатахъ, среди богатства и роскоши, онъ слышитъ стоны нищеты бѣдствія, и сердце его содрогается, но не отвращается отъ ихъ пронзительныхъ диссонансовъ; окруженный всѣмъ, что горячо любитъ онъ, что зоветъ роднымъ и милымъ,—онъ откликается на вопль и слезы вѣчной разлуки и невозвратимой утраты и плачетъ о чужомъ горѣ, котораго самъ не испыталъ; пылкій юноша—онъ умѣряетъ рѣзкость своихъ движеній, смягчаетъ силу своихъ порывовъ и благоговѣнно, стыдливо, дѣвственно опускаетъ пламенные

взоры въ присутствіи старца, на лицѣ котораго сіяетъ кроткій свѣтъ чувства, дрожащій голосъ котораго льется свѣтлою волною любви; согбенный лѣтами старецъ—онъ съ умиленіемъ смотритъ на рѣзвое дитя, которое по зеленому лугу гонится за пестрою бабочкою, онъ радуется его дѣтской радости, принимаетъ участіе въ его младенческой печали; онъ прощаетъ заблужденіе пламенной юности, снисходителенъ къ кипѣнію ея порывистыхъ страстей, онъ понимаетъ мгновенный пламень и внезапную блѣдность на ланитахъ молодой дѣвушки, ея тоскующій взоръ и нѣмую горестъ, волненіе ея молодой груди, и печаль безъ горя, и страхъ безъ бѣды, и радость безъ причины... Съ благословеніемъ на устахъ, съ умиленіемъ во взорѣ, смотритъ онъ на пылкую юность, которая кружится въ вихрѣ жизни и, полная надеждъ и отваги, гордая сознаниемъ своей силы, спѣшитъ безъ оглядки навстрѣчу будущему, обольщаемая его заманчивою далью, не зная и не желая знать его предательскихъ обмановъ,—и передъ нимъ воскресаетъ прошедшее его собственной жизни, возстаютъ милые призраки и знакомые образы невозвратно протекшихъ лѣтъ, и вмѣсто резонерскихъ поученій и докучнаго ворчанія, онъ повторяетъ про себя съ грустно-радостною улыбкой:

. . . . Такъ было прежде
Во время оно и со мной!

Да, жить не значить столько-то лѣтъ ѣсть и пить, биться изъ чиновъ и денегъ, а въ свободное время бить хлопушкою мухъ, зѣвать и играть въ карты: такая жизнь хуже всякой смерти, и такой человѣкъ ниже всякаго животнаго, ибо животное, повинаясь своему инстинкту, вполне пользуется всѣми средствами, данными ему отъ природы для жизни, и не уклонно выполнетъ свое назначеніе. Жить значить—чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать; всякая другая жизнь—смерть. И чѣмъ больше содержанія объемлетъ собою наше чувство и мысль, чѣмъ сильнѣе и глубже наша способность страдать и блаженствовать, тѣмъ мы больше живемъ: мгновеніе *такой* жизни существеннѣе ста лѣтъ, проведенныхъ въ апатической дремотѣ, въ мелкихъ дѣйствіяхъ и ничтож-

ныхъ цѣляхъ. Способность страданія условливаетъ въ насъ способность блаженства, и незнающіе страданія не знаютъ и блаженства, не плакавшіе не возрадуются. Когда Мефистофель предлагаетъ Фаусту всѣ блага, всѣ наслажденія, столь высоко-цѣнимыя толпою, Фаустъ отвѣчаетъ ему:

Не думалъ я о наслажденьяхъ.
Я кинусь въ бурный чадъ страстей,
Упыюсь восторгами мученій;
Я ненависть любви, отраду огорченій
Сыщу въ печальной жизни сей.
Святая истина отъ глазъ моихъ сокрыта.
Высокой мудрости ему не суждено.
Всѣмъ горестямъ отнынѣ грудь открыта,
И всѣмъ, что человѣчеству дано,
Въ самомъ себѣ хочу я насладиться
И въ адъ, и въ небо погрузиться,
И грусть людей, и радость ихъ испить,
Съ ихъ бытіемъ свое совокупить
И съ ними наконецъ въ уничтоженіи слиться.

Да, все постичь духомъ, все обнять чувствомъ, всѣмъ возобладать и ничему исключительно не покориться — вотъ жизнь! Но эта жизнь есть достояніе немногихъ, которые стоятъ во главѣ человѣчества, играютъ роль его представителей. Вотъ одинъ изъ нихъ:

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшия вѣковъ,
Цвѣтушихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Въ этихъ двѣнадцати стихахъ Баратынскаго о Гёте заключается высшій идеалъ человѣческой жизни и все, что можно сказать о жизни внутренняго человѣка.

Но, кромѣ природы и личнаго человѣка, есть еще общество

и человѣчество. Какъ бы ни была богата и роскошна внутренняя жизнь человѣка, какимъ бы горячимъ ключемъ ни была она во внѣ и какими бы волнами ни лилась черезъ край,—она неполна, если не усвоить въ свое содержаніе интересовъ внѣшняго ей міра, общества и человѣчества. Въ полной и здоровой натурѣ тяжело лежать на сердцѣ судьбы родины; всякая благородная личность глубоко сознаетъ свое кровное родство, свои кровныя связи съ отечествомъ. Общество, какъ всякая индивидуальность, есть нѣчто живое и органическое, которое имѣетъ свои эпохи возрастанія, свои эпохи здоровья и болѣзней, свои эпохи страданія и радости, свои роковые кризисы и переломы къ выздоровленію и смерти. Живой человѣкъ носитъ въ своемъ духѣ, въ своемъ сердцѣ, въ своей крови жизнь общества: онъ болѣетъ его недугами, мучится его страданіями, цвѣтетъ его здоровьемъ, блаженствуетъ его счастьемъ, внѣ своихъ собственныхъ, своихъ личныхъ обстоятельствъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ общество только беретъ съ него свою дань, отторгая его отъ него самого въ извѣстныя моменты его жизни, но не покоряя его себѣ совершенно и исключительно. Гражданинъ не долженъ уничтожать человѣка, ни человѣкъ гражданина: въ томъ и другомъ случаѣ выходитъ крайность, а всякая крайность есть родная сестра ограниченности. Любовь къ отечеству должна выходить изъ любви къ человѣчеству, какъ частное изъ общаго. Любить свою родину значитъ—пламенно желать видѣть въ ней осуществленіе идеала человѣчества и по мѣрѣ силъ своихъ споспѣшествовать этому. Въ противномъ случаѣ патріотизмъ будетъ китаизмомъ, который любитъ свое только за то, что оно свое, и ненавидитъ все чужое за то только, что оно чужое, и не наладится собственнымъ безобразіемъ и уродствомъ. Романъ англичанина Морьера „Хаджи-Баба“ есть превосходная и вѣрная картина подобнаго квасного (по счастливому выраженію князя Вяземскаго) патріотизма. Человѣческой натурѣ сродно любить все близкое къ ней, свое родное и кровное: но эта любовь есть и въ животныхъ, слѣдовательно, любовь человѣка должна быть выше. Это превосходство любви человѣческой передъ животною состоитъ въ разумности, ко-

торая, тѣлесное и чувственное просвѣтляетъ духомъ, а этотъ духъ есть общее. Примѣръ Петра Великаго, говорившаго о родномъ сынѣ, что лучше чужой, да хорошій, чѣмъ свой, да негодный, — лучше всего поясняетъ и оправдываетъ нашу мысль. Конечно изъ частнаго нельзя дѣлать правило для общаго, но можно черезъ сравненіе объяснить частнымъ общее. Можно не любить и родного брата, если онъ дурной человѣкъ, но нельзя не любить отечества, какое бы оно ни было: только надобно, чтобы эта любовь была не мертвымъ довольствомъ тѣмъ, что есть, но живымъ желаніемъ усовершенствованія; словомъ — любовь къ отечеству должна быть вмѣстѣ и любовью къ человѣчеству.

И вотъ мы сказали о жизни все, что хотѣли сказать о ней, и хотя повидимому отдалились черезъ это отъ нашего вопроса, но въ сущности только приблизились къ его рѣшенію.

Поэзія есть выраженіе жизни или, лучше сказать, сама жизнь. Мало этого: въ поэзіи жизнь болѣе является жизнью, нежели въ самой дѣйствительности. Отсюда вытекаетъ новый вопросъ, рѣшеніе котораго и будетъ рѣшеніемъ вопроса о поэзіи, — вопросъ: если сама жизнь заключаетъ въ себѣ столько поэзіи, такъ, что въ сущности своей жизнь и поэзія тождественны, — то зачѣмъ же еще другая поэзія, и какую необходимость можетъ носить въ себѣ искусство, и какое самостоятельное значеніе можетъ имѣть оно?

Много прекраснаго въ живой дѣйствительности, или лучше сказать, все прекрасное заключается только въ живой дѣйствительности; но чтобы насладиться этою дѣйствительностью, мы сперва должны овладѣть ею въ нашемъ разумѣніи, а это возможно только при двухъ условіяхъ: мы должны обнимать ее въ цѣлости и притомъ предметно, такъ, чтобы наша личность, наши отношенія не заслоняли ее отъ насъ. И мы этимъ пользуемся, но только въ рѣдкія минуты восторга; въ неожиданныя мгновенія какого-то внезапнаго внутренняго откровенія; по большей части мы теряемся во множествѣ частныхъ и, не видя за ними цѣлаго, ничего въ нихъ не понимаемъ. Даже собственныя наши чувства только тогда бываютъ предметомъ нашего наслажденія, когда мы освобождаемся отъ ихъ томящей тяжести или отъ ихъ трепетнаго волненія,

въ которомъ занимается дыханіе, теряется сознаніе, и когда мы возобновляемъ ихъ въ воспоминаніи. Настоящее никогда не наше, ибо оно поглощаетъ насъ собою, и самая радость въ настоящемъ тяжела для насъ, какъ и горе, ибо не мы ею, но она нами преобладаетъ. Чтобъ насладиться ею, мы должны отойти отъ нея на извѣстное разстояніе, какъ отъ картины, по требованіямъ освѣщенія, — должны взглянуть на нее, свободные отъ нея, какъ на нѣчто внѣ насъ находящееся, *предметное*. Вотъ отчего мы облегчаемся отъ томительной тяжести горя, какъ скоро сообщимъ его другому или изольемъ его на бумагѣ для самихъ же себя: мы видимъ его отдѣленнымъ отъ нашей личности, наша личность не заслоняетъ его отъ насъ, — и тогда намъ мило наше горе, мы любимъ вспоминать о немъ, любимъ говорить о немъ, какъ воинъ о своихъ походахъ и опасностяхъ, которымъ онъ подвергался. Все прошедшее получаетъ для насъ новый колоритъ, является какъ бы преображеннымъ: счастье кажется лучшимъ, нежели тогда, какъ мы имъ наслаждались; въ самомъ несчастіи видимъ мы одну поэтическую сторону. Причина этому та, что отдаленность скрадываетъ отъ нашихъ глазъ всѣ неровности, случайности, нечистыя пятна, которыя вблизи первыя бросаются въ глаза. Въ дѣйствительности все покорно законамъ пространства и времени, естественнымъ требованіямъ: и герои ѣдятъ, пьютъ, чувствуютъ холодъ и голодъ, какъ и обыкновенные люди. Вы видите въ природѣ прекрасный ландшафтъ, но какъ? — непременно вдаль, и притомъ съ извѣстной точки зрѣнія: отдаленность придаетъ ему живописную прелесть, точка зрѣнія придаетъ ему цѣлость. Сдѣлайте шагъ, перемѣните точку зрѣнія — и ландшафтъ исчезъ: передъ вами что-то нестройное, разбросанное, безъ начала, безъ конца и середины, безъ всякой общности, безъ всякой фізіономіи. Подойдите вблизи къ очаровавшему васъ ландшафту — и вы очутитесь у какой-нибудь негодной избушки, дрянной мельницы, ничтожнаго ручья, обыкновенной роши, гдѣ на каждомъ шагѣ спотыкаетесь отъ неровностей или попадаете въ лужу. А издалека все было такъ чисто, опрятно, красиво, цѣлостно, обрамлено, — настоящая картина! И такъ, картина лучше дѣйствительности? Да, ландшафтъ,

созданный на полотнѣ талантливымъ живописцемъ, лучше всякихъ живописныхъ видовъ въ природѣ. Отчего же? — Оттого, что въ немъ нѣтъ ничего случайнаго и лишняго, всѣ части подчинены цѣлому, все направлено къ одной цѣли, все образуетъ собою одно прекрасное, цѣлостное и индивидуальное. Дѣйствительность прекрасна сама по себѣ, но прекрасна по своей сущности, по своимъ элементамъ, по своему содержанію, а не по формѣ. Въ этомъ отношеніи дѣйствительность есть чистое золото, но неочищенное, въ кучѣ руды и земли: наука и искусство очищаютъ золото дѣйствительности, перетопляютъ его въ изящныя формы. Слѣдовательно наука и искусство не выдумываютъ новой и небывалой дѣйствительности, но у той, которая была, есть и будетъ, берутъ готовые матеріалы, готовые элементы, словомъ — готовое содержаніе; даютъ имъ приличную форму, съ соразмѣрными частями и доступнымъ для нашего взора объемомъ со всѣхъ сторонъ. Что Петръ Великій создалъ въ Россіи армію и флотъ — это фактъ исторической дѣйствительности; но исторія, излагая это дѣло, беретъ изъ него только главныя характеристическія черты, выпуская подробности: не ея дѣло описывать, какъ набирали солдатъ и матросовъ, какъ учили cadaго изъ нихъ, и прочее. Шекспиръ въ ограниченномъ объемѣ драмы сосредоточиваетъ всю жизнь историческаго лица, напримѣръ, какого-нибудь Ричарда II, или важнѣйшее событіе изъ жизни героя, которое въ дѣйствительности могло совершиться только въ нѣсколько лѣтъ. Онъ включаетъ въ свою драму только тѣ черты изъ жизни ея героя, только тѣ факты изъ событія, избраннаго для драматической картины, которые имѣютъ прямое отношеніе къ идеѣ его созданія, а все прочее, хотя бы само по себѣ и интересное, но не относящееся къ основной идеѣ его произведенія, онъ исключаетъ, какъ ненужное. Хотя рамы романа и несравненно обширнѣе стѣсненныхъ рамы драмы, хотя романистъ пользуется и несравненно большею противъ драматурга свободою, но любой романъ Вальтеръ-Скотта или Купера не отниметъ у насъ больше дня непрерывнаго чтенія, а подробное описаніе, вродѣ мемуаровъ, года жизни cadaго человека наполнило бы собою вдесятеро большее число томовъ, нежели цѣлая жизнь

героя или важнѣйшее событіе изъ нея въ романѣ, состоящемъ изъ четырехъ небольшихъ книжекъ. Поэтъ не обязанъ описывать, какъ герой его романа обѣдалъ каждый разъ; но поэтъ можетъ изобразить одинъ изъ его обѣдовъ, если этотъ обѣдъ имѣлъ вліяніе на его жизнь, или если въ этомъ обѣдѣ можно представить характеристическія черты обѣдовъ извѣстнаго народа въ извѣстную эпоху. Если герой романа рыцарь, то поэту не для чего описывать всѣ его поединки и сраженія, которыя у каждаго рыцаря были такъ часты и обыкновенны, какъ у русскаго купца питье чая; но поэтъ можетъ описать важнѣйшіе поединки и сраженія своего героя, или даже и одинъ поединокъ, если только въ немъ духъ рыцарства выразился столь характеристически, что новое описаніе въ этомъ родѣ ничего не дополнитъ, или если характеръ героя въ немъ обозначился такъ полно и рѣзко, что мы по одному его поединку знаемъ уже, какъ бы онъ сталъ сражаться въ тысячѣ другихъ. Для поэта не существуютъ дробныя и случайныя явленія, но только одни идеалы или типическіе образы, которые относятся къ явленіямъ дѣйствительности, какъ роды къ видамъ, и которые, при всей своей индивидуальности и особенности, заключаютъ въ себѣ всѣ общія, родовыя примѣты цѣлаго рода явленій въ возможности, выражающихъ собою одну извѣстную идею. И потому каждое лицо въ художественномъ произведеніи есть представитель безчисленнаго множества лицъ одного рода, и потому мы говоримъ: этотъ человѣкъ — настоящій Отелло, эта дѣвушка — совершенная Офелія. Такія имена, какъ Онѣгинъ, Ленскій, Татьяна, Ольга, Загорѣцкій, Фамусовъ, Скалозубъ, Молчалинъ, Репетиловъ, Хлестова, Сквозникъ-Дмухановскій, Бобчинскій, Добчинскій, Держиморда и прочіе, — суть какъ бы не собственные, а нарицательныя имена, общія характеристическія названія извѣстныхъ явленій дѣйствительности. И потому-то въ наукѣ и искусствѣ дѣйствительность больше похожа на дѣйствительность, чѣмъ въ самой дѣйствительности, — и художественное произведеніе, основанное на вымыслѣ, выше всякой были, а историческій романъ Вальтеръ-Скотта, въ отношеніи къ нравамъ, обычаямъ, колориту и духу извѣстной страны въ извѣстную эпоху, достовѣрнѣе вся-

кой исторіи. Наука отвлекаетъ отъ фактовъ дѣйствительности ихъ сущность—идею; а искусство, заимствуя у дѣйствительности матеріалы, возводитъ ихъ до общаго, родового, типическаго значенія, создаетъ изъ нихъ стройное цѣлое. Какъ повидимому ни нелѣпа мысль французскихъ эстетиковъ прошлаго вѣка, что искусство должно украшать природу, но въ ней есть своя часть истины; только они не поняли самихъ себя и по разсудочному противорѣчію, отрицая простое списываніе съ природы, приняли подражаніе природѣ, хотя и украшенной. И если ихъ подражанія были манерны, искусственны и мертвы, то не дальше ихъ ушли и эти quasi-романтическія списыванія съ натуры, въ которыхъ красуются мужицкія побранки и поговорки во всей ихъ неопрятной естественности. Можно очень натурально изобразить пытку, казнь, несчастную смерть человѣка, упавшаго въ нетрезвомъ видѣ въ помойную яму, но всѣ эти изображенія будутъ возмутительны для души, неизящны и бессмысленны, ибо въ нихъ не будетъ никакой разумной мысли, никакой разумной цѣли. Но когда живописецъ представить вамъ естественно истязаніе человѣка за истину и въ лицѣ его выразитъ побѣду душевной твердости надъ физическимъ страданіемъ, — го чѣмъ больше въ картинѣ будетъ естественности, тѣмъ картина будетъ изящнѣе и художественнѣе, ибо въ ней будетъ видна разумная цѣль и разумная мысль. Что дѣйствительно, то разумно, и что разумно, то и дѣйствительно: это великая истина; но не все то дѣйствительно, что есть въ дѣйствительности, а для художника должна существовать только разумная дѣйствительность. Но и въ отношеніи къ ней онъ не рабъ ея, а творецъ и не она водитъ его рукой, но онъ вноситъ въ нее свои идеалы и по нимъ преображаетъ ея.

Итакъ, поэзія есть жизнь по преимуществу, есть сущность, такъ сказать, тончайшій эфиръ, триплъ-экстрактъ, квинтъ-эссенція жизни. Поэзія не описываетъ розы, которая такъ пышно цвѣтетъ въ саду, но, отбросивъ грубое вещество, изъ котораго она составлена, беретъ отъ нея только ея ароматическій запахъ, нѣжные переливы ея цвѣта и создаетъ изъ нихъ свою розу, которая еще лучше и пышнѣе. Поэзія — это невинная улыбка младенца, его ясный взоръ, его звон-

кій смѣхъ и живая радость. Поэзія — это стыдливый румянецъ на ланитахъ прекрасной дѣвушки, кроткій блескъ ея глубокихъ, какъ море, какъ небеса, голубыхъ очей, или яркій огонь ея черныхъ глазъ, волны кудрей, разбѣжавшихся по ея мраморнымъ плечамъ, волненіе ея нѣжной груди, гармоніи ея серебрянаго голоса, музыка ея чарующихъ рѣчей, стройность ея стана, художественная рельефность и роскошь ея живыхъ формъ, граціозность и нѣга ея плѣнительныхъ движеній... Поэзія — это огненный взоръ юноши, кипящаго избыткомъ силъ; это его отвага и дерзость, его жажда желаній, неудержимые порывы его стремленія — сжать въ пламенныхъ объятіяхъ и небо, и землю, разомъ осушить до дна неистощимую чашу жизни... Поэзія — это сосредоточенная, овладѣвшая собою сила мужа, вполне созрѣвшаго для жизни, искушеннаго ея опытами, съ уравновѣшенными силами духа, съ просвѣтленнымъ взоромъ, готоваго на битву и на подвигъ... Поэзія — это тихій блескъ безцвѣтныхъ глазъ старца, кроткое, какъ ласка, глубокое, какъ дума, выраженіе сіяющаго блескомъ нездѣшней жизни морщиноватаго лица его спокойный и полный души звукъ его дрожащаго и прерывающагося голоса, его тихая и важная рѣчь, любящая и величавая улыбка его мудрыхъ устъ... Поэзія — это свѣтлое торжество бытія, это блаженство жизни, неожиданно посѣщающіи насъ въ рѣдкія минуты; это упоеніе, трепеть, млѣніе, нѣга страсти, волненіе и буря чувствъ, полнота любви, восторгъ наслажденія, сладость грусти, блаженство страданія, ненасытимая жажда слезъ; это страстное, томительное, тоскливое порываніе куда-то, въ какую-то всегда обольстительную и никогда не достигаемую сторону, — это вѣчная и никогда неудовлетворимая жажда все обнять и со всѣмъ слиться; это тотъ божественный паѳосъ, въ которомъ сердце наше бьется въ одинъ ладъ со вселенною, передъ упоеннымъ взоромъ летаютъ безъ покрова бесплодные видѣнія высшаго бытія, а очарованному слуху слышится гармонія сферъ и міровъ, — тотъ божественный паѳосъ, въ которомъ земное сіяетъ небеснымъ, а небесное сочетается съ земнымъ, и вся природа является въ брачномъ блескѣ, разгаданнымъ іероглифомъ помирившагося съ нею духа... Весь міръ, всѣ

цвѣты, краски и звуки, всѣ формы природы и жизни могутъ быть явленіемъ поэзіи; но сущность ея — то, что скрывается въ этихъ явленіяхъ, живить ихъ бытіе, очаровываетъ въ нихъ игру жизни. Поэзія — это біеніе пульса міровой жизни, это ея кровь, ея огонь, ея свѣтъ и солнце.

Поэтъ — благороднѣйшій сосудъ духа, избранный любимецъ небесъ, тайникъ природы, эолова арфа чувствъ и ощущеній, органъ міровой жизни. Еще дитя, онъ уже сильнѣе другихъ сознаетъ свое родство со вселенной, свою кровную связь съ нею; юноша — онъ уже переводить на понятный языкъ ея нѣмую рѣчь, ея таинственный лепетъ... Но слушаемъ лучше самого поэта; свидѣтельство, которому нельзя не повѣрить. Онъ говоритъ:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтушій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ,
И тяжкимъ пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава;
Въ ней грезы чудныя рождались,
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова,
И звонкой речью замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Еще есть другіе стихи Пушкина, болѣе чудные, болѣе глубокіе, и потому самому незнаемые толпою и извѣстные только немногимъ истиннымъ поклонникамъ и жрецамъ изящнаго; въ этихъ стихахъ заключается полнѣйшая характеристика поэта и высочайшая апофеоза художника. Поэтъ обращается къ эху:

Реветь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,

Поетъ ли дѣва за холмомъ —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ —
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Да, все, чѣмъ живетъ міръ и что живетъ въ мірѣ, — находитъ отзвъ въ всеобъемлющей груди поэта; и ни одно существо на землѣ не имѣетъ большаго права примѣнить къ себѣ слова Фауста:

Всевышній духъ! Ты все, ты все мнѣ далъ,
О чемъ тебя я умолялъ;
Не даромъ зрѣлся мнѣ,
Твой ликъ сіяющій въ огнѣ.
Ты далъ природу мнѣ, какъ царство, во владѣнье;
Ты далъ душѣ моей
Далъ чувствовать ее, далъ силу наслаждаться.
Иной едва скользнуть по ней
Холоднымъ взглядомъ удивленья;
Но я могу въ ея таинственную грудь,
Какъ въ сердце друга, заглянуть.

Но кто же онъ, самъ поэтъ, въ отношеніи къ прочимъ людямъ? — Это организація воспріимчивая, раздражительная, всегда дѣятельная, которая при малѣйшемъ прикосновеніи даетъ отъ себя искры электричества, которая болѣзненнѣе другихъ страдаетъ, живѣе наслаждается, пламеннѣе любитъ, силнѣе ненавидитъ: словомъ, — глубже чувствуетъ; натура, въ которой развиты въ высшей степени обѣ стороны духа — и пассивная, и дѣятельная. Уже по самому устройству своего организма, поэтъ больше, чѣмъ что-нибудь, способенъ вдаваться въ крайности, и, возносясь превыше всѣхъ къ небу, можетъ-быть, ниже всѣхъ падаетъ въ грязь жизни. Но и самое паденіе его не то, что у другихъ людей: оно слѣдствіе ненасытимой жажды жизни, а не животной алчбы денегъ, власти и отличій. Эта жажда жизни въ немъ такъ велика, что за одну минуту упоенія страсти, за одинъ мигъ полноты чув-

ства онъ готовъ жертвовать всѣмъ своимъ будущимъ, всѣми надеждами, всей остальной жизнью. У него — по выраженію Гезіода — „пѣснь всегда на умѣ, а въ груди сердце беззаботное“. Когда онъ чувствуетъ приближеніе бога и обдумываетъ зарождающееся въ немъ новое созданіе, тогда —

Пройдя безъ шума близъ него,
Не нарушай холоднымъ словомъ
Его священныхъ тихихъ сновъ!
Взгляни съ слезой благоговѣнья,
И молви: это сынъ боговъ,
Питомецъ музъ и вдохновенья.

Когда онъ творитъ — онъ царь, онъ властелинъ вселенной, повѣренный тайнъ природы, прозирающій въ таинства неба и земли, природы и духа человѣческаго, только ему одному открытыя; но когда онъ находится въ обыкновенномъ земномъ расположеніи — онъ *человѣкъ*, но *человѣкъ*, который можетъ быть ничтожнымъ, и никогда не можетъ быть низкимъ, который чаще другихъ можетъ падать, но который такъ же быстро возстаетъ, какъ падаетъ, — который всегда готовъ отозваться на голосъ, несущійся къ нему отъ его родины — неба. Но послушаемъ его собственной исповѣди:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира;
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется
Какъ пробудившійся орелъ.
Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы,
Къ погамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы,
Бѣжитъ онъ дикій и суровый,
И звуковъ, и смятенья полнъ,
На берега пустынныхъ волнъ,
Въ широкошумныя дубравы...

Какая цѣль поэзіи? — вопросъ, который для людей, обдѣленныхъ отъ природы эстетическимъ чувствомъ, кажется такъ важенъ и неудоборѣшимъ. Поэзія не имѣетъ никакой цѣли внѣ себя, но сама себѣ есть цѣль, такъ же, какъ истина въ знаніи, какъ благо въ дѣйствіи. Не все-ли намъ равно — знать или не знать, что не относится къ нашей жизни или нашимъ выгодамъ, что и высоко, и далеко отъ насъ, какъ это небо, котораго и безконечно малой частицы никогда не предвинемъ мы къ себѣ всѣми телескопами? Однакожъ астрономъ посвящаетъ всю жизнь свою этому небу, — и открытіе новой звѣзды, которая не прибавитъ ни полтины къ его годовому доходу, дѣлаетъ его счастливымъ и блаженнымъ. Развѣ потому должны мы любить добро, что насъ за него хвалятъ или награждаютъ? Развѣ мы должны отречься отъ него и сворачивать на широкую дорогу зла, какъ скоро увидимъ, что добро не только не приноситъ намъ никакихъ процентовъ, но еще подвергаетъ насъ гоненіямъ и несчастіямъ? Подобно истинѣ и благу, красота есть сама себѣ цѣль и по праву царствуетъ надъ вселенной только властью своего имени, неотразимымъ обаяніемъ своего дѣйствія на душу людей. Вотъ въ ярко освѣщенную, великолѣпную залу входитъ красавица, — и трепещетъ пылкая юность, разглаживаются морщины на челѣ старости, улыбка радости проясняетъ сонныя отъ пустоты и скуки лица; кажется, царства мало за одинъ взглядъ ея; лавровый вѣнокъ героя, лучезарный ореолъ поэта готовы пасть къ ногамъ ея, лишь бы только захотѣла она замѣтить ихъ... А между тѣмъ вы въ лицѣ ея тщетно отыскиваете выраженія какой-нибудь определенной идеи, оттѣнка какого-нибудь определенного чувства: ничего, ничего, кромѣ безбрежнаго моря красоты и граціи, въ которомъ тонуть ваши очарованные взоры, исчезаетъ все существо ваше... Объясните мнѣ: для чего такая красота, какая цѣль ея, — и я объясню вамъ со всевозможною ясностью и даже „точностью“, для чего существуетъ поэзія, какая цѣль ея... И еслибы нашлись люди, надъ которыми красота не имѣетъ никакой власти, не будемъ спорить съ ними! Хладные скопцы (по выраженію Пушкина), лишеныя огня Прометеева, — стѣять ли они словъ, и имъ ли

можно растолковать, почему диллетантъ такъ благоговѣйго и цѣломудренно любитъся обнаженною красотою Венеры Медичейской, и за обломокъ древней капители, барельефа или камео готовъ жертвовать всѣмъ достояніемъ своимъ, съ безумной горячностью любовника, которому и жизни не жаль за одну улыбку возлюбленной?...

Вотъ какъ понималъ красоту „божественный Платонъ“, и какъ во всѣ вѣка будутъ понимать ее умы благородные и возвышенные:

„Наслажденіе красотою въ этомъ земномъ мірѣ возможно въ человѣкѣ только по воспоминанію той единой, истинной и совершенной красоты, которую душа припоминаетъ себѣ въ первоначальной ея родинѣ. Вотъ почему зрѣлище прекраснаго на землѣ, какъ воспоминаніе о красотѣ горней, способствуетъ тому, чтобъ окрылять душу къ небесному и возвращать ее къ божественному источнику всякой красоты.

Красота была свѣтлаго вида въ то время, когда мы, счастливымъ хоромъ, слѣдовали за Діемъ, въ блаженномъ видѣніи и созерцаніи, другіе же за другими богами; мы зрѣли и совершали блаженнѣйшее изъ всѣхъ таинствъ, приобщались ему всецѣлые, не причастные бѣдствіямъ, которыя въ позднее время насъ посѣтили; погружались въ видѣнія совершенныя, простыя, нестрашныя, но радостныя, и созерцали ихъ въ свѣтѣ чистомъ, сами будучи чисты и не запятнаны тѣмъ, что мы нынѣ, влача съ собою, называемъ тѣломъ, мы, заключенные въ него, какъ въ раковину.

Красота одна получила здѣсь этотъ жребій: быть пресвѣтлою и достойною любви. Не вполне посвященный, развратный стремится къ самой красотѣ, не взирая на то, что носить ея имя; онъ не благоговѣетъ передъ нею, а, подобно четвероногому, ищетъ одного чувственного наслажденія, хочетъ слить прекрасное съ своимъ тѣломъ... Напротивъ того, вновь посвященный, увидѣвъ богамъ подобное лицо, изображающее красоту, сначала трепещетъ; его объемлетъ страхъ; потомъ, созерцая прекрасное, какъ бога, онъ обожаетъ, и если бы не боялся, что назовутъ его безумнымъ, онъ принесъ бы жертву предмету любимому...”

Какъ красота, такъ и поэзія — выразительница и жрица красоты — сама себѣ цѣль, и ни въ себя не имѣетъ никакой цѣли. Если она возвышаетъ душу человѣка къ небесному, настраиваетъ ее къ благимъ дѣйствіямъ и чистымъ помысламъ — это уже не цѣль ея, а прямое дѣйствіе, свойство ея сущности; это дѣлается само собою, безъ всякаго предначертанія со стороны поэта. Поэтъ есть живописецъ, а не философъ. Всегдашній предметъ его картинъ и изображеній есть

„полное славы творенье“ — міръ со всей безконечностью и разнообразіемъ его явленій. Поэзія говоритъ душѣ образами, — и ея образы суть выраженіе той вѣчной красоты, первообразъ которой блещетъ въ мірозданіи и во всѣхъ частныхъ явленіяхъ и формахъ природы. Поэзія не терпитъ отвлеченныхъ идей въ ихъ безтѣлесной наготѣ, но самыя отвлеченныя понятія воплощаетъ въ живые и прекрасные образы, въ которыхъ мысль сквозитъ, какъ свѣтъ въ граненомъ хрусталѣ. Поэтъ видитъ во всемъ формы, краски и всему даетъ формы и цвѣтъ, овеществляетъ невещественное, дѣлаетъ земнымъ небесное — да свѣтитъ земное небеснымъ свѣтомъ! Для поэта всѣ явленія въ мірѣ существуютъ сами по себѣ; онъ переселяется въ нихъ, живетъ ихъ жизнью и съ любовью лелѣетъ ихъ на своей груди, такъ какъ они есть, не измѣняя по своему произволу ихъ сущности. Это не значитъ, чтобъ поэтъ не могъ открываться отъ созерцанія міра, взятаго въ самомъ себѣ, и вносить въ него свой идеалъ, чтобъ лиру пѣснопѣнія, кинжалъ трагедіи и трубу эпопеи не могъ онъ мѣнять на громы благороднаго негодованія и даже на свистокъ сатиры; молитву оставлять для проповѣди и прошедшее, міровое и вѣчное, забывать на минуту для современности и общества; но смѣшно требовать, чтобъ въ этомъ онъ увидѣлъ цѣль своей жизни и за долгъ себѣ поставилъ подчинить свое свободное вдохновеніе разнымъ „текущимъ потребностямъ“. Свободный, какъ вѣтеръ, онъ повинуется только внутреннему своему призванію, таинственному голосу движущаго имъ бога, а на крики тупой черни, которая бы стала приставать къ нему, въ своей дикой слѣпотѣ:

Нѣтъ, если ты небесъ избранникъ,
Свой даръ, божественный посланникъ,
Во благо намъ употребляй;
Сердца собратьевъ исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Безстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцемъ хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
Ты можешь ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя,—

онъ можетъ и долженъ отвѣчать, если только стоитъ она
отвѣта:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ!
Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ!
Душѣ противны вы какъ гробы,
Для вашей глупости и злобы,
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметають соръ—полезный трудъ!
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ:
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!

Поэтъ не подражаетъ природѣ, но соперничествуетъ съ нею,
— и его созданія исходятъ изъ того же источника и тѣмъ же
самымъ процессомъ, какъ и всѣ явленія природы, съ той
только разницей, что на сторонѣ процесса его творчества
есть еще и сознание, котораго лишена природа и ея дѣятель-
ность. Вся природа со всѣми ея явленіями есть плодъ вдох-
новеннаго порыва духа—изъ идеальной области возможнаго
перейти въ реальную область дѣйствительнаго, стать фак-
томъ, чтобъ потомъ въ разумнѣйшемъ своемъ явленіи—чело-
вѣкъ — взглянуть на себя, какъ на нѣчто особое, сознать
себя. И всякое произведеніе искусства есть плодъ вдохновен-
наго усилія художника — вывести на ружу, осуществить во
внѣ внутренній міръ своихъ безплотныхъ идеаловъ. И такъ,
вдохновеніе есть источникъ всякаго творчества; но искусство
выше природы на столько, на сколько всякое сознательное
и свободное дѣйствіе выше безсознательнаго и невольнаго.
Но сознание при актѣ творчества есть не дѣятель, а только
какъ-бы свидѣтель, дабы творчество было художнику въ
наслажденіе и награду. Конечно всякое дѣйствіе есть уже
необходимо и сознание; но подъ сознаниемъ въ творествѣ не

должно разумѣть дѣятельность разсудка, трудъ соображенія, разсчета и механическую работу: вдохновеніе, которое Платонъ называетъ маніей, — вотъ единственный дѣятель творчества, а разсудокъ враждебенъ творчеству и мертвитъ его. „Кто — говоритъ Платонъ — безъ маніи, внушаемой музами, приходитъ къ вратамъ поэзіи, убѣжденный въ томъ, что искусствомъ (*εχτέχνης*) сдѣлается изъ него хорошій поэтъ, тотъ никогда не будетъ совершеннымъ, и поэзія его, какъ поэзія благоразумнаго, будетъ отличаться отъ поэзіи безумствующихъ“.

Вообще понятіе Платона о вдохновеніи такъ глубоко вѣрно и такъ поэтически, вдохновенно выражено, что, сообщивъ его, мы скажемъ о вдохновеніи все, что только можно сказать:

„....Не искусствомъ (*техникой*), но энтузіазмомъ и вдохновеніемъ, великіе эпическіе поэты сочиняютъ свои прекрасныя произведенія. Славныя лирики также, подобно людямъ, волнуемымъ безуміемъ корибантовъ, пляшущихъ внѣ себя, не остаются въ умѣ своемъ, когда творятъ изысканныя пѣснопѣнія: какъ скоро вошли они въ ладъ гармоніи и риемы, то преисполняются безуміемъ, объемлются восторгомъ, подобнымъ восторгу вакханокъ, которыя въ минуту упоенія черпаютъ въ рѣкахъ млеко и медъ, чего не бываетъ съ ними во время покоя. Въ душѣ поэтовъ лирическихъ на самомъ дѣлѣ совершается то, чѣмъ они хвалятся. Они говорятъ намъ, что черпаютъ въ медовыхъ источникахъ, что, подобно пчеламъ, летаютъ они по садамъ и долинамъ музъ и въ нихъ собираютъ пѣсни, которыя поютъ намъ. Они говорятъ правду. Поэтъ въ самомъ дѣлѣ есть существо легкое, крылатое и святое, онъ можетъ творить тогда только, когда восторгъ его объемлетъ, когда онъ выйдетъ изъ себя и разсудокъ покинетъ его. Но покамѣстъ онъ съ нимъ, человѣкъ неспособенъ творить все и произносить пророчества.

Итакъ, если не искусствомъ, а божественнымъ вдохновеніемъ творятъ поэты, — то каждый изъ нихъ, по жребію Божію, успѣваетъ только въ томъ родѣ, къ которому муза его призываетъ. Одинъ превосходенъ въ диеирамбѣ, другой въ похвальной одѣ, — третій въ плясовой пѣсни, четвертый — въ эпосѣ, пятый — въ ямбахъ, и всѣ будутъ слабы во всякомъ другомъ родѣ, потому что не искусство, а сила божественная внушаетъ ихъ. Еслибы искусствомъ они умѣли творить, то могли бы успѣть въ разныхъ родахъ. А конецъ, на какой богъ, отъемля у нихъ смыслъ, употребляетъ ихъ какъ слугителей своихъ наравнѣ съ пророками и гадателями, есть тотъ, чтобы мы, внимая имъ, познавали, что не сами собою они говорятъ намъ вещи дивныя, ибо они внѣ своего разума, но что самъ Богъ чрезъ нихъ къ намъ глаголетъ“.

Этотъ взглядъ на вдохновеніе, такъ простодушно, въ духѣ младенческой древности выраженный, удивителенъ по своей глубокости. Ясно, что Платонъ „благоразуміемъ“ называетъ разсудочное, обыкновенное, будничное, такъ сказать, состояніе нашего духа; а подѣ „безуміемъ“ разумѣтъ тотъ божественный паѳосъ, то состояніе вдохновеннаго ясновидѣнія, когда разумъ человѣка созерцаетъ таинство высшаго міра, а воля его движетъ горами. Въ самомъ дѣлѣ, восторгъ наслажденія, изступленіе радости, упоеніе страданія, тоска разлуки, трепетъ свиданія, обаяніе любви, отвага самаго жертвованія, готовность пострадать за правое дѣло и истину, сладострастіе вдохновенія — что все это, если не безуміе?... Но это безуміе разумное, безуміе божественное, которое возноситъ человѣка превыше премудрыхъ міра сеѣго и равняетъ его съ богами... А мертвое равнодушіе, затаенное въ формы приличія, расчеты мелкаго самолюбія и эгоизма, размѣренные шаги къ ничтожной цѣли, отреченіе отъ истиннаго назначенія человѣческаго для достиженія ея — что все это, если не благоразуміе?... Но не будемъ говорить о благоразуміи: оно врагъ поэзіи, а предметъ нашей статьи — поэзія...

Все сказанное нами, о поэзіи вообще, легко приложить къ поэзіи Лермонтова. Гдѣ вдохновеніе неподдѣльно, тамъ есть и поэзія, и чьей натурѣ сродно вдохновеніе, тотъ поэтъ; но и вдохновеніе имѣетъ свои степени и въ каждомъ поэтѣ отличается особеннымъ характеромъ: въ одномъ оно искрится и шипитъ пѣною, какъ шампанское, и подобно шампанскому тотчасъ же оживляетъ легкимъ, но и скоропреходящимъ похмельемъ; въ другомъ оно льется свѣтлой, прозрачной рѣчкой, съ смѣющимися зелеными берегами; въ третьемъ оно бѣетъ и стремится бурными волнами, съ громомъ, пѣною и брызгами, подобно Ніагарскому водопаду; въ четвертомъ оно подобно океану безъ береговъ и дна, отражающему въ себѣ и небесный куполъ съ его солнцемъ, луною и міриадами звѣздъ, и страшныя тучи, съ ихъ мракомъ и молніями, — океану, который равно величественъ и торжественъ и въ тишину, и въ бурю, который носитъ на своихъ могучихъ волнахъ и утлый челнокъ рыбака, и огромные флоты, и который въ необъятныхъ таинственныхъ нѣдрахъ своихъ заклю-

часть цѣлыя міры живыхъ существъ, и великихъ, и малыхъ, и горы раковинъ, и лѣса коралловъ... Жизнь одна и та же во всѣхъ своихъ явленіяхъ, но одно изъ нихъ объемлетъ собою только извѣстную часть ея, другое же заключаетъ въ себѣ безконечно великое содержаніе жизни. Таково же и отношеніе между поэтами: въ отношеніи къ акту творчества, къ процессу вдохновенія пѣсня Беранже совершенно равна любой драмѣ Шекспира, но въ отношеніи къ содержанію жизни, которое объемлетъ собою то и другое изъ упомянутыхъ произведеній, между ими безконечная разница въ важности, цѣнности и достоинствѣ. И эта разница существуетъ не только въ пьесахъ различнаго рода, какъ, напримѣръ, застольная пѣсенка и высокая драма: она можетъ существовать и между двумя застольными пѣснями, написанными на одинъ и тотъ же предметъ, но только разными поэтами. И вотъ здѣсь-то можно видѣть превосходство одного поэта передъ другимъ: пѣсня одного читается съ наслажденіемъ, но рѣдко воспоминается и скоро забывается; другого — чѣмъ больше читается, тѣмъ больше наслажденія доставляетъ, и даже прочитанная разъ, навсегда остается въ памяти — если не словами своими, то своимъ колоритомъ, тѣмъ „нѣчто“, для выраженія котораго нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ. Сравните „Поэта“ Языкова съ „Поэтомъ“ Пушкина, котораго мы выписали выше, въ нашей статьѣ, и съ его же стихотвореніемъ „Поэту“: сначала вамъ можетъ показаться, что пьеса Языкова выше обѣихъ Пушкинскихъ; но вы скоро, если въ васъ есть эстетическое чувство, замѣтите въ первой, при всемъ ея блескѣ, нѣкоторую напряженность, съ какой она составлена, — и благородную простоту, естественность неизмѣримую глубину двухъ послѣднихъ и ихъ безконечное превосходство надъ первой... Причина этой разности есть разность сколько въ талантѣ, столько и въ натурахъ обоихъ поэтовъ: одинъ смотритъ на природу вещей извнѣ, видитъ только ея наружность; другой проникъ въ ея сущность и обратилъ ее въ свое достояніе, по праву законнаго властелина...

Немного поэтовъ, къ разбору произведеній которыхъ было бы не странно приступить съ такимъ длиннымъ предислові-

емъ, съ предварительнымъ взглядомъ на сущность поэзіи: Лермонтовъ принадлежитъ къ числу этихъ немногихъ... Подробное разсмотрѣніе небольшой книжки его стихотвореній покажетъ, что въ ней кроются всѣ стихіи поэзіи, что она заключаетъ въ себѣ возможность въ будущемъ нѣсколькихъ и притомъ большихъ книгъ... Мы увидимъ, что свѣжестъ благоуханія, художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и благородная простота образовъ, энергія, могучесть языка, алмазная крѣпость и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразіе идей, необъятность содержанія — суть родовыя характеристическія примѣты поэзіи Лермонтова и залогъ ея будущаго великаго развитія.

Чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ больше принадлежитъ онъ обществу, среди котораго родился, тѣмъ тѣснѣе связано развитіе, направленіе и даже характеръ его таланта съ историческимъ развитіемъ общества. Пушкинъ началъ свое поэтическое поприще „Русланомъ и Людмилою“ — сочиненіемъ, которое идея отзывается слишкомъ ранней молодостью, но которое кипитъ чувствомъ, блещетъ всѣми красками, благоухаетъ всѣми цвѣтами природы, сознаніемъ неистощимо веселымъ, игривымъ... Это была шалость генія послѣ первой опорожненной имъ чаши на свѣтломъ пиру жизни... Лермонтовъ началъ исторической поэмой, мрачной по содержанію, суровой и важной по формѣ... Въ первыхъ своихъ лирическихъ произведеніяхъ, Пушкинъ явился провозвѣстникомъ челоѣчности, пророкомъ высокихъ идей общественныхъ; но эти лирическія стихотворенія были столько же полны свѣтлыхъ надеждъ, предчувствія торжества, сколько силы и энергіи. Въ первыхъ лирическихъ произведеніяхъ Лермонтова, разумѣется, тѣхъ, въ которыхъ онъ особенно является русскимъ и современнымъ поэтомъ, также виденъ избытокъ несокрушимой силы духа и богатырской силы въ выраженіи; но въ нихъ уже нѣтъ надежды, они поражаютъ душу читателя безотрадностью, безвѣріемъ въ жизнь и чувства челоѣческія, при жаждѣ жизни и избыткѣ чувства... Нигдѣ нѣтъ Пушкинскаго разгула на пиру жизни; но вездѣ вопросы, которые мрачатъ душу, леденятъ сердце... Да, очевидно, что Лермонтовъ поэтъ

совсѣмъ другой эпохи, и что его поэзія—совсѣмъ новое звено въ лѣппи историческаго развитія нашего общества *).

Первая пьеса Лермонтова напечатана была въ „Современникѣ“ 1837 года, уже послѣ смерти Пушкина. Она называется „Бородино“. Поэтъ представляетъ молодого солдата, который спрашиваетъ стараго служаку:

Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина.

Вся основная идея стихотворенія выражена во второмъ куплетѣ, которымъ начинается отвѣтъ стараго солдата, состоящій изъ тринадцати куплетовъ:

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Эта мысль — жалоба на настоящее поколѣніе, дремлющее въ бездѣйствіи, зависть къ великому прошедшему, столь полному славы и великихъ дѣлъ. Дальше мы увидимъ, что эта „тоска по жизни“ внушила нашему поэту не одно стихотвореніе, полное энергіи и благороднаго негодованія. Что же до „Бородина“, —это стихотвореніе отличается простотою, безыскусственностью: въ каждомъ словѣ слышите солдата, языкъ котораго, не переставая быть грубо-простодушнымъ, въ то же время благороденъ, силенъ и полонъ поэзіи. Ровность и выдержанность тона дѣлають осязаемо-ощутительною основную мысль поэта. Впрочемъ, какъ ни прекрасно это стихотвореніе, оно не могло еще показать, чего отъ автора дол-

*) Замѣтимъ, для большей ясности и „точности“, что, говоря объ обществѣ, мы разумѣемъ только чувствующихъ и мыслящихъ людей новаго поколѣнія.

жна была ожидать наша поэзія. Въ 1838 г. въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“ къ „Русскому Инвалиду“ была напечатана его поэма „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“; это произведеніе сдѣлало извѣстнымъ имя автора, хотя оно явилось и безъ подписи этого имени. Спрашивали: кто такой безыменный поэтъ? Кто такой Лермонтовъ? Писалъ ли онъ что-нибудь кромѣ этой поэмы? Но, не смотря на то, эта поэма все-таки еще не оцѣнена, толпа и не подозрѣваетъ ея высокаго достоинства. Здѣсь поэтъ отъ настоящаго міра не удовлетворяющей его русской жизни перенесся въ ея историческое прошлое, подслушалъ бѣненіе его пульса, проникъ въ сокровеннѣйшіе и глубочайшіе тайники его духа, сроднился и слился съ нимъ всѣмъ существомъ своимъ, обвѣялся его звуками, усвоилъ себѣ складъ его старинной рѣчи, простодушную суровость его нравовъ, богатырскую силу и широкій размахъ его чувства и, какъ будто современникъ этой эпохи, принялъ условія ея грубой и дикой общественности, со всѣми ихъ оттѣнками, какъ будто бы никогда и не знавалъ о другихъ, — и вынесъ изъ нея вымышленную быль, которая достовѣрнѣе всякой дѣйствительности, несомнѣннѣе всякой исторіи. И подлинно, этой пѣсни можно заслушаться, и все нельзя ея довольно наслушаться: какъ маніемъ волшебнаго скипетра воскрешаетъ она прошлое — и мы не можемъ насмотрѣться на него, забываемъ для него свое настоящее, ни на минуту не сводимъ съ него взоровъ, боясь, чтобъ оно не исчезло отъ насъ. На первомъ планѣ видимъ мы Іоанна Грознаго, котораго память такъ кровава и страшна, котораго колоссальный обликъ живъ еще въ преданіи и въ фантазіи народа... Что за явленіе въ нашей исторіи былъ этотъ „мужъ кровей“, какъ называетъ его Курбскій? Былъ ли онъ Лудовикомъ XI нашей исторіи, какъ говоритъ Карамзинъ?.. Не время и не мѣсто распространяться здѣсь о его историческомъ значеніи; замѣтимъ только, что это была сильная натура, которая требовала себѣ великаго развитія для великаго подвига; но какъ условія тогдашняго полуазіатскаго быта и вѣтшія обстоятельства отказали ей даже въ какомъ-нибудь развитіи, оставивъ ее при естественной силѣ и грубой мощи, и ли-

шили ее всякой возможности пересоздать дѣйствительность, — то эта сильная натура, этотъ великій духъ поневолѣ исказились и нашли свой выходъ, свою отраду только въ безумномъ мщеніи этой ненавистной и враждебной имъ дѣйствительности... Тираниія Іоанна Грознаго имѣетъ глубокое значеніе, и потому она возбуждаетъ къ нему скорѣе сожалѣніе, какъ къ падшему духу неба, чѣмъ ненависть и отвращеніе, какъ къ мучителю... Можетъ быть, это былъ своего рода великій человекъ, но только не во время, слишкомъ рано явившійся Россіи, — пришедшій въ міръ съ призваніемъ на великое дѣло и увидѣвшій, что ему нѣтъ дѣла въ мірѣ: можетъ быть, въ немъ безсознательно кипѣли всѣ силы для измѣненія ужасной дѣйствительности, среди которой онъ такъ безвременно явился, которая не побѣдила, но разбила его и которой онъ такъ страшно мстилъ всю жизнь свою, разрушая и ее, и себя самого въ болѣзненной и безсознательной ярости... Вотъ почему изъ всѣхъ жертвъ его свирѣпства онъ самъ наиболѣе заслуживаетъ соболѣзнованія; вотъ почему его колоссальная фигура, съ блѣднымъ лицомъ и впалыми, сверкающими глазами, съ головы до ногъ облита такимъ страшнымъ величіемъ, нестерпимымъ блескомъ такой ужасающей поэзіи... И такимъ точно является онъ въ поэмѣ Лермонгова: взглядъ очей его — молнія, звукъ рѣчей его — громъ небесный, порывъ гнѣва его — смерть и пытка; но сквозь все это, какъ молнія сквозь тучи, проблескиваетъ величіе падшаго, униженнаго, искаженнаго, но сильнаго и благороднаго по своей природѣ духа...

Поэма начинается картиной царскаго пира: въ золотомъ вѣнцѣ своемъ сидитъ грозный царь, окруженный стольниками, боярами, князьями и опричниками.

И пируетъ царь во славу Божию,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Онъ велитъ наполнить золотой ковшъ заморскимъ виномъ, обнести пирующихъ. — „И всѣ пили, царя славили“. Лишь только одинъ изъ опричниковъ „въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ“ и сидѣлъ съ крѣпкою думою на сердцѣ. Гнѣвно взглянулъ на него царь, словно ястребъ съ высоты небесъ на молодого голубя сизокрылаго. — „да не поднялъ глазъ молодой боецъ“.

Царь стукнулъ объ полъ своею палкою, съ желѣзнымъ наконечникомъ; палка на четверть вонзилась въ дубовый полъ, но и тутъ не дрогнуть добрый молодецъ;

Вотъ промолвилъ царь слово грозное
И очнулся тогда добрый молодецъ.
„Гей ты, вѣрный нашъ слуга Кирибѣвичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходить мѣсяцъ — звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется,
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Не прилично же тебѣ, Кирибѣвичъ,
Царской радостью гнушаться;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!...“

Низко кланяясь опричникъ просить у царя извиненія, говоря:

„Сердца жаркаго не залить виномъ,
Душу черную—не заподчивать!
А прогнѣвалъ я тебя—воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;
Тяготить она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.“

Царь спрашиваетъ о причинѣ печали, и его вопросы—перлы народной нашей поэзіи, полнѣйшее выраженіе духа и формъ русской жизни того времени. Таковъ же отвѣтъ или, лучше сказать, отвѣты опричника, потому что, по духу русской національной поэзіи, онъ отвѣчаетъ почти стихомъ на стихъ. Боясь длинноты, не выписываемъ этого мѣста; но вторая половина рѣчи Кирибѣвича дышитъ такой полнотою чувства, блещетъ такими самоцвѣтными камнями народной поэзіи, что мы не можемъ удержаться, чтобы не перечестъ его вмѣстѣ съ нашими читателями. Вина печали удалого бойца—молодушка, которая закрывается фатою, когда на нее любуются красныя дѣвушки:

„На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходить плавно—будто лебедушка,

Смотритъ сладко—какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русныя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цѣлуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки смѣлая,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли мнѣ наряды парчевые
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своею подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удалство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И раздѣлять по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельцо бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сырыя дождикъ вымоетъ,
И безъ похоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется.“

Какая сильная, могучая натура! Ея страсть — лава, ея горестъ тяжела и трудна; это удалое, разгульное отчаяніе, которое въ молодечествѣ, въ подвигѣ крови и смерти ищетъ своего утоленія! Сколько поэзіи въ словахъ этого опричника, какая глубокая грусть дышитъ въ нихъ,—это грусть, которая разрываетъ сильную душу, но не убиваетъ ея, это грусть, которая составляетъ основной элементъ, родную стихію, главный мотивъ нашей національной поэзіи!

Со смѣхомъ отвѣчаетъ царь своему любимому слугѣ, что его горю-бѣдѣ не мудрено помочь, предлагаетъ ему яхонтовый перстень и жемчужное ожерелье; велитъ сперва поклониться

„смышленной“ свахѣ, а потомъ послать къ своей Алѣнѣ Дмитріевнѣ дары драгоцѣнные:

„Какъ полюбишься — праздноу свадебку,
Не полюбишься — не прогнѣвайся“.
— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому...

Какъ ударъ грома, какъ приговоръ смерти, поражаетъ душу читателя этотъ отвѣтъ опричника, — и тщетно испуганный слухъ ждетъ, что скажетъ на это грозный царь: поэтъ опускаетъ занавѣсъ на эту его трагически недоконченную картину, такъ страшно прерванную сцену; передъ вами нѣтъ героевъ поэмы, и вы съ трудомъ вѣрите, что видѣли все это на яву, что все это — только разсказъ пѣсенниковъ...

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

Но этотъ удалой припѣвъ, эти затѣйливые прибаутки народнаго остроумія не веселятъ васъ; сердце ваше сжимается болѣзненной тоской: оно чуетъ горе, предвидитъ бѣду; повѣсть превращается для васъ въ мрачную драму, съ трагической катастрофой, и завязка уже готова, дѣйствіе уже зародилось. Вы видите, что любовь Кирибѣевича — не шуточное дѣло, не простое волокитство, но страсть натуры сильной, души могучей. Вы понимаете, что для этого человѣка нѣтъ середины: или получить или погибнуть! Онъ вышелъ изъ-подъ опеки естественной нравственности своего общества, а другой, болѣе высшей, болѣе человѣческой, не приобрѣлъ: такой развратъ, такая безнравственность въ человѣкѣ съ сильной натурой и дикими страстями опасны и страшны. И при всемъ этомъ онъ имѣетъ опору въ грозномъ царѣ, который никого не пожалѣетъ и не пощадитъ, даже за обиду, не только за гибель своего любимца, хотя бы этотъ былъ рѣшительно виноватъ.

Занавѣсъ поднять—и передъ нами новая картина: молодой купецъ, статный молодецъ, Степанъ Парамоновичъ, по прозванію Калашниковъ, за прилавкою,

Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато-серебро пересчитываетъ.

Это другая сторона русскаго быта того времени; на сценѣ является представитель другого класса общества. Первое его появленіе на сцену располагаетъ васъ въ его пользу: почему то вы чувствуете, что это одинъ изъ тѣхъ упругихъ и тяжелыхъ характеровъ, которые тихи и кротки только до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не расколыхаютъ ихъ,—одна изъ тѣхъ желѣзныхъ натуръ, которыя и обиды не стерпятъ и сдачи дадутъ. Сильнѣе и сильнѣе щемитъ ваше сердце — чувствуетъ оно недоброе, тѣмъ больше, что „молодому купцу, статному молодцу“ задался не добрый день:

Ходятъ мимо бояре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ...
Отзвонили вечерни во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо,—
Гонить ихъ метелица распѣваячи;
Опустѣлъ широкій гостинный дворъ.

Калашниковъ запираетъ свою лавочку дубовою дверью, „да нѣмецкимъ замкомъ со пружиною“, привязываетъ на желѣзную цѣпь зубастаго пса,

И пошелъ онъ домой, *призадумавшись*,
Къ молодой хозяйкѣ за Москву-рѣку.

Отчего же онъ призадумался? — Или душа человѣка чувствуетъ шелестъ шаговъ незримо-слѣдующей по пятамъ его судьбы, которая обрекла его въ свои жертвы?...

Пришедъ въ свой „высокій“ домъ, Степанъ Парамоновичъ дивится, что его не встрѣчаютъ ни молода жена, ни малыя дѣтушки, что дубовый столъ не покрытъ бѣлою скатертью и свѣчка передъ образомъ еле-теплится. Кличетъ онъ старуху Еремѣвну и спрашиваетъ, куда въ такой поздній часъ „дѣвалась, затаилась“ Алѣна Дмитріевна, и не заигрались ли

его любезныя дѣти, что такъ рано уложились спать? И слышать въ отвѣтъ:

„... Къ вечернѣ пошла Алена Дмитревна;
Вотъ ужъ ночь прошелъ съ молодой попадѣей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать,—
А по-сю пору твоя хозяйюшка
Изъ приходской церкви не вернулася,
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли—
Плачемъ плачутъ все, не унимаются.“

Въ этихъ стихахъ полная картина домашняго быта и простыхъ, малосложныхъ, простодушныхъ семейственныхъ отношеній у нашихъ предковъ.

Смутился Степанъ Пармоновичъ крѣпкою думою.

И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу—
А на улицѣ ночь темнехонька;
Валить бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаешь слѣдъ человѣческій.
Вотъ онъ слышитъ, съ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетеныя
Снѣгомъ-инеємъ пересыпаны;
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя,
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

Онъ спрашиваетъ ее, гдѣ она шаталася: ужъ не гуляла ли, не пировала ли съ дѣтьми боярскими, что волосы ее такъ растрепаны и одежда изорвана.

„Не на то передъ святыми иконами
Мы съ тобою, жена, обручались,
Золотыми кольцами мѣнялись!“

Онъ грозитъ запереть ее за дубовую дверь окованную, за желѣзный замокъ, чтобъ она и свѣту Божьяго не видѣла, его имени честнаго не порочила.

Какъ осиновый листъ затряслася Алёна Дмитріевна, упала мужу въ ноги, прося его выслушать ее и говоря, что она „не боится смерти лютыя, а боится его немилости“: въ двѣ-

надцати стихахъ полная картина супружескихъ отношеній варварскаго времени! Жена рассказываетъ мужу, что, шедши отъ вечерни домой, услышала за собой чьи-то шаги, „оглянулася — человекъ бѣжитъ“; этотъ человекъ схватилъ ее за руки, говоря ей, что онъ слуга царя грознаго, прозывается Кирибѣвичемъ, а изъ славныя семьи изъ Малютиной...

„Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цѣловать-ласкать,
А цѣлуя, все приговаривалъ:
— „Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать,
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!“
И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня:
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцѣлуй его окаянныя...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...“

Рванувшись изъ рукъ его, она оставила у него свою фату бухарскую и узорный платокъ, — подарочекъ мужа. Заключение ея разказа состоитъ въ жалобахъ на свой позоръ и въ просьбахъ мужу — не дать ее, свою вѣрную жену, въ поруганіе злымъ охульникамъ. Тогда Степанъ Парамоновичъ посылаетъ за своими двумя меньшими братьями и рассказываетъ объ обидѣ, нанесенной ему злымъ опричникомъ царскимъ,

„А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому!“

говорить имъ о своемъ намѣреніи — биться на смерть съ опричникомъ на кулачномъ бою, который будетъ завтра на Москвѣ-рѣкѣ, при самомъ царѣ, и просить ихъ постоять за правду, если самъ будетъ побитъ.

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
„Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,

Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизый орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь,
А ужъ мы тебя, родимаго, не выдадимъ.“

Изъ этого отвѣта видно, что семья Калашниковыхъ хоть и не славилась столько, какъ Малютиныхъ, но состояла изъ сизаго орла съ орлятами... Превосходно очеркнулъ поэтъ въ этомъ отвѣтѣ, будто мимоходомъ, и простоту родственныхъ отношеній нашихъ предковъ, гдѣ право первородства было и правомъ власти, гдѣ старшій братъ заступалъ мѣсто отца для младшихъ. И это сдѣлано имъ не въ описаніи, а въ живой картинѣ, въ самомъ разгарѣ въ высшей степени драматическаго дѣйствія. Этой сценой семейнаго совѣщанія оканчивается вторая часть драматической поэмы: дѣйствующія лица и завязка дѣйствія уже рѣзко обозначились,—и сердце наше замираетъ отъ предчувствія горестной развязки...

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ вровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Въ небо чистое смотреть, улыбается.
Ужъ зачѣмъ же ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася!

На Москву-рѣку сходилися удалые молодцы „разгуляться для праздника, потѣшиться“. Самъ царь пріѣхалъ со дружиною, боярами и опричниками и велѣлъ оцѣпить серебряною цѣпью мѣсто въ 25 сажень „для охотничкаго бою одиночнаго“. Потомъ царь велѣлъ вызвать охотниковъ:

Кто побьетъ кого, того царь наградить,
А кто будетъ побить, тому Богъ простить!

Выходитъ Кирибѣевичъ и съ похвальбою вызываетъ супро-

тивниковъ, обѣщаясь „лишь потѣшить царя-батюшку, но для праздника отпустить живого“. Вдругъ раздалась толпа — и выходитъ Степанъ Пармоновичъ.

Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горять его очи соколиныя,
На опричника смотреть пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

Кирибѣевичъ, не выходя изъ тона своей удалой, молодецкой похвальбы, спрашиваетъ Калашникова о родѣ-племени и имени, „чтобъ знать, по комъ панихиду служить, чтобъ было чѣмъ и похвастаться“.

Отвѣчаетъ Степанъ Пармоновичъ:
„А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнаго отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одному изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить
Къ тебѣ вышелъ я теперь, бусурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ:
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ оно—ужасное торжество совѣсти въ глубокой натурѣ, которая никогда не отрѣшится отъ совѣсти, какъ бы ни была искажена развратомъ, какъ бы ни страшно погрязла въ порокѣ!.. Всегда надъ нею грозная длань нравственнаго закона, грозный голосъ суда Божія, потому что она сама—свой нравственный законъ и свой неумолимый судъ!...

Начинается бой (мы пропускаемъ его подробности); правая сторона побѣдила.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ за-мѣртво,
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.

Не правда ли: вамъ жаль удалого, хотя и преступнаго бойца? съ невыразимой тоской повторите вы за поэтомъ жалобную мелодію, которой выразилъ онъ его паденіе?... А между тѣмъ вы же сами желали побѣды благородному купцу и гибели его преступному оскорбителю?... Такого обаяніе великихъ натуръ; какъ бы ни было велико ихъ преступленіе, но, наказанныя, онѣ привлекаютъ все удивленіе и всю любовь нашу:—мы видимъ въ нихъ жертвы неотразимой судьбы и братскимъ подѣлуемъ прощанія и прощенія въ холодныя, посинѣлыя уста ихъ запечатлѣваемъ торжество возстановленной смертью гармоніи общаго, которую нарушили было онѣ своей виной...

Грозный царь воспалился гнѣвомъ и спрашиваетъ Калашникова: вольною волею или нехотя убилъ онъ его вѣрнаго слугу и лучшаго бойца? Вѣроятно Калашниковъ могъ бы еще спасти себя ложью, но для этой благородной души, дважды такъ страшно потрясенной — и позоромъ жены, разрушившимъ его семейное блаженство, и кровавой мстью врагу, невозвратившей ему прежняго блаженства, — для этой благородной души жизнь уже не представляла ничего обольстительнаго, а смерть казалась необходимой для уврачеванія ея неисцѣлимыхъ ранъ... Есть души, которыя довольствуются кое-чѣмъ — даже остатками бывшаго счастья; но есть души, лозунгъ которыхъ — все или ничего, которыя не хотятъ запятнаннаго блаженства разъ потемненной славы: такова была и душа удалого купца, статнаго молодца, Степана Парамоновича Калашникова! Онъ сказалъ царю всю правду, скрывъ однако причину своего мщенія:

„А за что, про что — не скажу тебѣ!
Скажу только Богу единому!“

Какая дивная черта глубокаго знанія сердца человѣческаго и древнихъ нравовъ! Какая высокая трагическая черта! Онъ охотно идетъ на казнь и лишь просить царя „не оставить своей милостью милыхъ дѣтушекъ, молодой жены да двухъ братьевъ его“. Въ отвѣтъ царя рѣзко, во всемъ страшномъ величїи выказывается колоссальный образъ Грознаго:

„Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалуйю,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-наострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Чтобъ знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...“

Какая жестокая иронія, какой ужасный сарказмъ! и мертвый содрогнулся бы отъ него во гробъ! А между тѣмъ въ согласїи на милость женѣ, покровительствѣ дѣтямъ и братьямъ осужденнаго проблескиваетъ лучъ благородства и величїя царственной натуры и какъ-бы невольное признаніе достоинства человѣка, который обреченъ судьбою безвременной и насильственной смерти!... Какая страшная трагедія! сама судьба, въ лицѣ Грознаго, присутствуетъ предъ нами и управляетъ ея ходомъ!... И едва ли во всей исторїи человѣчества можно найти другой характеръ, который могъ бы съ бѣльшимъ правомъ представлять лицо судьбы, какъ Іоаннъ Грозный!...

На площади собирается народъ; гудить-воетъ заунывный колоколъ; по высокому лобному мѣсту весело похаживаетъ палачъ, руки голыя потираючи:

Удалова бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,—
Съ родными братьями прощается.

Онъ велить имъ поклониться отъ него Алёнѣ Дмитревнѣ да заказать ей меньше печалиться, а дѣтушкамъ про него не велить сказывать...

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатила.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ, промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ Тульской, Рязанской, Владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ-шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилою.

И вотъ, занавѣсъ опустился, трагедія кончилась, колоссальные образы ея героевъ исчезли изъ глазъ нашихъ, прошедшее стало опять прошедшимъ—

И чтожъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?

Что?—могила, жилище тлѣнія и смерти; но надъ этой могилой вѣтъ жизнь, царить воспоминаніе, нѣмой рѣчью говорить преданіе:

И проходятъ мимо люди добрыя:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гуляры—споютъ пѣсенку.

Какія роскошныя дани, какія богатая жертвы приносятся этой могилѣ живыми! И она стѣбитъ ихъ, ибо не живыми въ ней, мертвой,—но она, мертвая, рождаетъ жизнь въ живыхъ, заставляетъ ихъ и креститься, и пріосаниваться, и пригорюниваться, и пѣть пѣсни!... Васъ огорчаетъ, заставляетъ страдать горестная и страшная участь благороднаго Калашникова; вы жалѣете даже и о преступномъ опричникѣ:—понятное, человѣческое чувство! Но безъ этой трагической развязки, которая такъ печалитъ ваше сердце, не было бы и этой могилы, столь краснорѣчивой, столь живой, столь

полной глубокаго значенія, и не было бы великаго подвига, который такъ возвысилъ вашу душу, и не было бы чудной пѣсни поэта, которая такъ очаровала васъ... И потому да переменится печаль ваша на радость, и да будетъ эта радость свѣтлымъ торжествомъ побѣды безсмертнаго надъ смертнымъ, общаго надъ частнымъ! Благословимъ непреложные законы бытія и міродержавныхъ судебъ и повторимъ за поэтомъ музыкальный финаль, которымъ, по старинному и достохвальному русскому обычаю, заставляеть онъ гуслировъ заключить свою поэтическую пѣсню:

Гей вы, ребята удалые,
Гуслиры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали—красно и кончайте,
Каждому правдою и честію воздайте.
Тароватому боярину слава!
И красавицѣ боярынь слава!
И всему народу христіанскому слава!

Излагая содержаніе этой поэмы, уже извѣстной публикѣ, мы имѣли въ виду намекнуть на богатство ея содержанія, на полноту жизни и глубину идеи, которыми она запечатлѣна; что же до поэзіи образовъ, роскоши красокъ, прелести стиха, избытка чувства, охватывающаго душу огненными волнами, свѣжести колорита, силы выраженія, трепетнаго полнаго страсти одушевленія, — эти вещи не толкуются и не объясняются... Мы выписали цѣлую часть поэмы — пусть читають и судяť сами: кто не увидить въ этихъ стихахъ того, что мы видимъ, для тѣхъ нѣтъ у насъ очковъ, и едва ли какой оптикъ въ мірѣ поможетъ имъ...

Содержаніе поэмы, въ смыслѣ разсказа происшествія, само по себѣ полно поэзіи; если бы оно было историческимъ фактомъ, въ немъ жизнь являлась бы поэзіей, а поэзія жизнью. Но тѣмъ не менѣе онъ не существовалъ бы для насъ, нашли бы мы его въ простодушной хроникѣ старыхъ временъ, или, по какому-нибудь чуду, сами были его свидѣтелемъ — оно было бы для насъ мертвымъ матеріаломъ, въ который только поэтъ могъ бы вдохнуть душу живу, отдѣливъ отъ него все случайное, произвольное, и представивъ его въ гар-

моническомъ цѣломъ, поставленномъ и освѣщенномъ сообразно съ требованіями точки зрѣнія и свѣта. И въ этомъ отношеніи нельзя довольно надивиться поэту: онъ является здѣсь опытнымъ, геніальнымъ архитекторомъ, который умѣетъ такъ согласить между собою части зданія, что ни одна подробность въ украшеніяхъ не кажется лишней, но представляется необходимой и равно важной съ самыми существенными частями зданія, хотя вы и понимаете, что архитекторъ могъ бы легко, вмѣсто ея, сдѣлать и другую. Какъ ни пристально будете вы вглядываться въ поэму Лермонтова, не найдете ни одного лишняго ли недостающаго слова, черты, стиха, образа, ни одного слабаго мѣста: все въ ней необходимо, полно, сильно! Въ этомъ отношеніи ея никакъ нельзя сравнить съ народными легендами, носящими на себѣ имя ихъ собирателя—Кирши Данилова: то дѣтскій лепетъ, часто поэтический, но часто и прозаическій, нерѣдко образный, но чаще символическій, уродливый въ цѣломъ, полный ненужныхъ повтореній одного и того же; поэма Лермонтова — созданіе мужественное, зрѣлое и столько же художественное, сколько и народное. Безыменные творцы этихъ безыскусственныхъ и простодушныхъ произведеній составляли одно съ вѣющимъ въ нихъ духомъ народности: они не могли отъ нея отдѣлиться, она заслоняла въ нихъ саму же себя; но нашъ поэтъ вышелъ въ царство народности, какъ ея полный властелинъ, и, проникнувшись ея духомъ, слившись съ нею, онъ показалъ только свое родство съ нею, а не тождество: даже въ минуту творчества онъ видѣлъ ее предъ собою, какъ предметъ, и такъ же по волѣ своей вышелъ изъ нея въ другія сферы, какъ и вошелъ въ нее. Онъ показалъ этимъ только богатство элементовъ своей поэзіи, кровное родство своего духа съ духомъ народности своего отечества; показалъ, что и прошедшее его родины такъ-же присущно его натурѣ, какъ и ея настоящее; и потому онъ въ этой поэмѣ является не безыскусственнымъ пѣвцомъ народности, но истиннымъ художникомъ, — и если его поэма не можетъ быть переведена ни на какой языкъ, ибо колорить ея весь въ русско-народномъ языкѣ, то тѣмъ не менѣе она — художественное произведеніе, во всей полнотѣ, во всемъ блескѣ жизни, воскресив-

шее одинъ изъ моментовъ русскаго быта, одного изъ представителей древней Руси. Въ этомъ отношеніи послѣ Бориса Годунова больше всѣхъ посчастливилось Іоанну Грозному: въ поэмѣ Лермонтова колоссальный образъ его является изваяннымъ изъ мѣди или мрамора...

По внутреннему плану нашей статьи мы должны были сперва говорить о тѣхъ стихотвореніяхъ Лермонтова, въ которыхъ онъ является не безусловнымъ художникомъ, но внутреннимъ человѣкомъ, и по которымъ однимъ можно увидѣть богатство элементовъ его духа и отношенія его къ обществу. Мы такъ и начали, такъ и продолжаемъ: взгляды на чисто-художественныя стихотворенія его заключить нашу статью. И если мы остановились на „Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“, которую сами признаемъ художественной, то потому что, во-первыхъ, самая ея художественность болѣе или менѣе условна, ибо въ этой „Пѣсни“ онъ поддѣлывается подъ ладъ старинный и заставляетъ гусяровъ пѣть ее; во-вторыхъ, эта „Пѣсня“ представляетъ собою фактъ о кровномъ родствѣ духа поэта съ народнымъ духомъ и свидѣтельствуетъ объ одномъ изъ богатѣйшихъ элементовъ его поэзіи, намекающемъ на великость его таланта. Самый выборъ этого предмета свидѣтельствуетъ о состояніи духа поэта, недовольнаго современной дѣйствительностью и перенесшагося отъ нея въ далекое прошедшее, чтобъ тамъ искать жизни, которой онъ не видитъ въ настоящемъ. Но это прошедшее не могло долго занимать такого поэта: онъ скоро долженъ былъ почувствовать всю бѣдность и все однообразіе его содержанія и возвратиться къ настоящему, которое жило въ каждой каплѣ его крови, трепетало съ каждымъ біеніемъ его пульса, съ каждымъ вздохомъ его груди. Не отдѣлится ему отъ него! Оно виѣдрилось въ него, обвилось вокругъ него, оно сосетъ кровь изъ его сердца, оно требуетъ всей жизни его, всей дѣятельности! Оно ждетъ отъ него своего просвѣтлѣнія, уврачеванія своихъ язвъ и недуговъ. Онъ, только онъ можетъ совершить это, какъ полный представитель настоящаго, другой властелинъ нашихъ думъ! Въ созданіяхъ поэта, выражающихъ скорби и недуги общества, общество находитъ облегченіе отъ

своихъ скорбей и недуговъ: тайна этого цѣлительнаго дѣйствія—сознаніе причины болѣзни чрезъ представленіе болѣзни, какъ мы говорили объ этомъ выше въ нашей статьѣ. Великую истину заключаютъ въ себѣ эти простодушныя слова изъ „Гимна Музамъ“ древняго старца Гезіода: „Если кто чувствуетъ скорбь, свѣжую рану сердца, и сидитъ съ своей горькой думой, а пѣвецъ, служитель музъ, запоетъ о славѣ первыхъ человѣковъ и блаженныхъ боговъ, на Олимпѣ живущихъ, —въ тотъ же мигъ забываетъ несчастный горе и не помнитъ ни одной заботы: такъ скоро даръ боговъ измѣнилъ его“. Но эта сила поэзіи вообще, сила всякой поэзіи; дѣйствіе же поэзіи, воспроизводящей наши собственныя страданія, еще чуднѣе оказывается на нашихъ же собственныхъ страданіяхъ: увидѣвъ ихъ внѣ насъ самихъ, очищенными и просвѣтленными, общимъ значеніемъ скрывающагося въ нихъ таинственнаго смысла, мы тотчасъ же чувствуемъ себя облегченными отъ нихъ...

Нашъ вѣкъ—вѣкъ по преимуществу историческій. Всѣ думы, всѣ вопросы наши и отвѣты на нихъ, вся наша дѣятельность вырастаетъ изъ исторической почвы и на исторической почвѣ. Человѣчество давно уже пережило вѣкъ полноты своихъ вѣрованій; можетъ-быть, для него наступитъ эпоха еще высшей полноты, нежели какой когда либо прежде наслаждалось оно; но нашъ вѣкъ есть вѣкъ сознанія, философствующаго духа, размышленій, „рефлексіи“. В о п р о с ъ—вотъ альфа и омега нашего времени. Ощутимъ ли мы въ себѣ чувство любви къ женщинѣ,—вмѣсто того, чтобъ роскошно упиваться его полнотою, мы прежде всего спрашиваемъ себя, чтò такое любовь, въ самомъ ли дѣлѣ мы любимъ? и пр. Стремясь къ предмету съ ненасытной жадной желанія, съ тяжелой тоской, со всѣмъ безумствомъ страсти, мы часто удивляемся холодности, съ какой видимъ исполненіе самыхъ пламенныхъ желаній нашего сердца,—и многіе изъ людей нашего времени могутъ примѣнить къ себѣ сцену между Мефистофелемъ и Фаустомъ, у Пушкина:

Когда красавица твоя
Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
Ты безпокойною душой

Ужъ погружался въ размышленье
(А доказали мы съ тобой,
Что размышленье—скуки сѣмя).
И знаешь ли, философъ мой,
Что думалъ ты въ такое время,
Когда не думаетъ никто?
Сказать ли?

Ф а у с т ь.

Говори. Ну, что?

М е ф и с т о ф е л ь.

Ты думалъ: агнецъ мой послушный!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она...
Что жъ грудь теперь моя полна
Тоской и скукой ненавистой?...
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ.
Такъ безразсчетный дуралей,
Вотще рѣшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранить ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытись ею торопливо,
Развратъ косится боязливо...

Ужасно!... Но это не смерть и даже не старость міра, какъ думаетъ старое поколѣніе, которое въ своей молодости такъ беззаботно пило и ѣло, такъ весело плясало, такъ безсознательно наслаждалось жизнью. Нѣтъ, это не смерть и не старость: люди нашего времени также или еще больше полны жаждой желаній, сокрушительной тоской порываній и стремленій. Это только болѣзненный кризисъ, за которымъ должно послѣдовать здоровое состояніе, лучше и выше прежняго. Та же рефлексія, то же размышленіе, которое теперь отравляетъ полноту всякой нашей радости, должно быть впослѣдствіи источникомъ высшаго чѣмъ когда-либо блаженства, высшей полноты жизни. Но горе тѣмъ, кто является въ эпоху общественнаго недуга! Общество живетъ не годами—вѣками,

а человѣку данъ мигъ жизни: общество выздоровѣтъ, а тѣ люди, въ которыхъ выразился кризисъ его болѣзни—благороднѣйшіе сосуды духа, навсегда могутъ остаться въ разрушающемъ элементѣ жизни!...

Какъ бы то ни было, но нашъ вѣкъ есть вѣкъ размышленія. Поэтому рефлексія (размышленіе) есть законный элементъ поэзіи нашего времени, и почти всѣ великіе поэты нашего времени заплатили ему полную дань: Байронъ въ „Манфредѣ“, „Каинѣ“ и другихъ произведеніяхъ; Гёте особенно въ „Фаустѣ“; вся поэзія Шиллера по преимуществу рефлектирующая, размышляющая. Въ наше время едва ли возможна поэзія въ смыслѣ древнихъ поэтовъ, созерцающая явленіе жизни безъ всякаго отношенія къ личности поэта (поэзія объективная), и въ наше время тотъ не поэтъ и особенно не художникъ, у котораго въ основаніи таланта не лежитъ созерцательность древнихъ и способность воспроизводить явленіе жизни безъ отношеній къ своей личности; но въ наше время отсутствіе въ поэтѣ внутренняго (субъективнаго) элемента есть недостатокъ.

Въ самомъ Гёте не безъ основанія порицаютъ отсутствіе историческихъ и общественныхъ элементовъ, спокойное довольство дѣйствительностью, какъ она есть. Это и было причиною, почему менѣе Гётевской художественная, но болѣе человѣчественная, гуманная поэзія Шиллера нашла себѣ больше отзыва въ человѣчествѣ, чѣмъ поэзія Гёте.

Преобладаніе внутренняго (субъективнаго) элемента въ поэтахъ обыкновенныхъ есть признакъ ограниченности таланта. У нихъ субъективность означаетъ выраженіе личности, которая всегда ограничена, если является отдѣльно отъ общаго. Они обыкновенно говорятъ о своихъ нравственныхъ недугахъ, и всегда одно и то же; читая ихъ, невольно вспоминаешь эти стихи Лермонтова:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ,

На что намъ знать твои сомнѣнья,

Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,

Разсудка злыя сожалѣнья?

Взгляни: передъ тобою играючи идетъ

Толпа дорогою привычной.

На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,

Слезы не встрѣтишь неприличной,—
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья, иль утраты!..
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ,
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ...

Въ талантѣ великомъ избытокъ внутренняго, субъективнаго элемента есть признакъ гуманности. Не бойтесь этого на-
правленія: оно не обманетъ васъ, не введетъ васъ въ за-
блужденіе. Великій поэтъ, говоря о себѣ самомъ, о своемъ
я, говоритъ объ общемъ—о человѣчествѣ, ибо въ его на-
турѣ лежитъ все, чѣмъ живетъ человѣчество. И потому въ
его грусти всякій узнаетъ свою грусть, въ его душѣ всякій
узнаетъ свою и видитъ въ немъ не только поэта, но и че-
ловѣка, брата своего по человѣчеству. Признавая его су-
ществомъ несравненно высшимъ себя, всякій въ то же время
сознаетъ свое родство съ нимъ.

Вотъ что заставило насъ обратить особенное вниманіе на
субъективныя стихотворенія Лермонтова и даже порадоваться,
что ихъ больше, чѣмъ чисто-художественныхъ. По этому при-
знаку мы узнаемъ въ немъ поэта русскаго, народнаго, въ
вышемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова,—поэта,
въ которомъ выразился историческій моментъ русскаго об-
щества. И всѣ такія его стихотворенія глубоки и многозна-
чительны; въ нихъ выражается богатая дарами духа природа,
благородная человѣчественная личность.

Черезъ годъ послѣ напечатанія „Пѣсни про царя Ивана
Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калаш-
никова“ Лермонтовъ снова вышелъ на арену литературы съ
стихотвореніемъ „Дума“, изумившимъ всѣхъ алмазной крѣ-
постью стиха, громовой силой бурнаго одушевленія, испо-
линскою энергіею благороднаго негодованія и глубокой гру-
сти. Съ тѣхъ поръ стихотворенія Лермонтова стали являться
одни за другими безъ перемежки, и съ его именемъ.

Поэтъ говоритъ о новомъ поколѣніи, что онъ смотритъ на
него съ печалью, что его будущее „иль пусто, иль темно“,

что оно должно состарѣться подъ бременемъ познанья и сомнѣнья; укоряетъ его, что оно изсушило умъ безплодной наукой. Въ этомъ нельзя согласиться съ поэтомъ: сомнѣнье—такъ; но излишества познанія и науки, хотя бы и „безплодной“, мы не видимъ: напротивъ, недостатокъ познанія и науки принадлежитъ къ болѣзнямъ нашего поколѣнія:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь!

Хорошо бы еще, еслибъ, въ замѣнъ утраченной жизни, мы насладились хоть знаніемъ: былъ бы хоть какой-нибудь выигрышъ! Но сильное движеніе общественности сдѣлало насъ обладателями знанія безъ труда и ученія—и этотъ плодъ безъ корня, надо признаться, пришелся намъ горекъ: онъ только пресытилъ насъ, а не наплатъ, притупилъ нашъ вкусъ, но не усладилъ его. Это обыкновенное и необходимое явленіе во всѣхъ обществахъ, вдругъ вступающихъ изъ естественной непосредственности въ сознательную жизнь, не въ нѣдрахъ ихъ возросшую и созрѣвшую, а пересаженную отъ развившихся народовъ. Мы въ этомъ отношеніи—безъ вины виноваты!

Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томить, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ!

Какая вѣрная картина! Какая точность и оригинальность въ выраженіи! Да, умъ отцовъ нашихъ для насъ—поздній умъ: великая истина!

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни зlobѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ легкомысленный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой,
Ни гениемъ начатаго труда.

И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбить презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ!

Эти стихи писаны кровью; они вышли изъ глубины оскорбленнаго духа: это вопль, это стонъ человѣка, для котораго отсутствіе внутренней жизни есть зло, въ тысячу разъ ужаснѣйшее физической смерти!... И кто же изъ людей новаго поколѣнія не найдетъ въ немъ разгадки собственнаго унынія, душевной апатіи, пустоты внутренней и не откликнется на него своимъ воплемъ, своимъ стономъ!.. Если подъ „сатирую“ должно разумѣть не невинное зубоскальство веселенькихъ остроумцевъ, а громы негодованія, грозу духа, оскорбленнаго позоромъ общества,—то „Дума“ Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный родъ поэзіи. Если сатиры Ювенала дышать такой же бурей чувства, такимъ же могуществомъ огненнаго слова, то Ювеналъ дѣйствительно великій поэтъ!...

Другая сторона того же вопроса выражена въ стихотвореніи „Поэтъ“. Обдѣланный въ золото галантерейной игрушкой кинжалъ наводитъ поэта на мысль о роли, которую это орудіе смерти и мщенія играло прежде... А теперь?... Увы!

Никто привычною, заботливой рукою
Его не чистить, не ласкаетъ.
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...
Въ нашъ вѣкъ избѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначеніе,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣннѣ?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толибъ, какъ чаша для пировъ,
Какъ еиміамъ въ часы молитвы!
Твой стихъ какъ Божій духъ носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшутъ блески и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...

Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ?
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?...

Вотъ оно, то бурное одушевленіе, та трепещущая, изнемогающая отъ полноты своей страсть, которую Гегель называетъ въ Шиллерѣ паѳосомъ!... Нѣтъ, хвалить такіе стихи можно только стихами, и притомъ такими же... А мысль?... Мы не должны здѣсь искать статистической точности фактовъ; но должны видѣть выраженіе поэта, — и кто не признаетъ, что то, чего онъ требуетъ отъ поэта, составляетъ одну изъ обязанностей его служенія и призванія? Не есть ли это характеристика поэта — характеристика благороднаго Шиллера?...

„Не вѣрь себѣ“ есть стихотвореніе, составляющее триумвиратъ съ двумя предшествовавшими. Въ немъ поэтъ рѣшаетъ тайну истиннаго вдохновенія, открывая источникъ ложнаго. Есть поэты, пишущіе въ стихахъ и въ прозѣ, и, кажется, удивительно какъ сильно и громко, но чтеніе которыхъ дѣйствуетъ на душу какъ угаръ или тяжелый хмель, и ихъ произведенія, особенно увлекающія молодость, какъ-то скоро испаряются изъ головы. У этихъ людей нельзя отнять дарованія и даже вдохновенія, но

Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!...

Со времени появленія Пушкина въ нашей литературѣ показались какія-то неслыханныя прежде жалобы на жизнь, пошло въ оборотъ новое слово „разочарованіе“, которое теперь уже успѣло сдѣлаться и старымъ, и приторнымъ. Элегія смѣнила оду и стала господствующимъ родомъ поэзіи. За поэтами даже и плохіе стихотворцы начали воспѣвать

Погибшій жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ восемнадцать лѣтъ.

Ясно, что это была эпоха пробужденія нашего общества къ жизни: литературу въ первый разъ еще начала быть выраженіемъ общества. Это новое направленіе литературы вполне

выразилось въ дивномъ созданіи Пушкина— „Демонъ“. Это демонъ сомнѣнія, это духъ размышленія, рефлексіи, разрушающей всякую полноту жизни, отравляющей всякую радость. Странное дѣло: пробудилась жизнь, и съ нею объ руку пошло сомнѣніе — врагъ жизни! „Демонъ“ Пушкина съ тѣхъ поръ остался у насъ вѣчнымъ гостемъ и съ злой, насмѣшливой улыбкой показывается то тутъ, то тамъ... Мало этого: онъ привелъ другого демона, еще болѣе страшнаго, болѣе неразгаданнаго, высказавшагося въ стихотвореніи Лермонтова:

И скучно, и грустно, и некому руку подать

Въ минуту душевной невзгоды...

Желанья!.. Что пользы напрасно и вѣчно желать?...

А годы проходятъ — всѣ лучшіе годы:

Любить... но кого же?... На время — не стоитъ труда,

А вѣчно любить невозможно.

Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:

И радость, и муки, и все тамъ ничтожно!...

Что страсти?—вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ

Исчезнетъ при словѣ разсудка,

И жизнь—какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—

Такая пустая и глупая шутка...

Страшенъ этотъ глухой могильный голосъ подземнаго страданія, нездѣшной муки, этотъ потрясающій душу реkvіэмъ всѣхъ надеждъ, всѣхъ чувствъ человѣческихъ, всѣхъ обаяній жизни! Отъ него содрогается человѣческая природа, стынетъ кровь въ жилахъ, и прежній свѣтлый образъ жизни представляется отвратительнымъ скелетомъ, который душитъ насъ въ своихъ костяныхъ объятіяхъ, улыбается своими костяными челюстями и прижимается къ устамъ нашимъ! Это не минута душевной дисгармоніи, сердечнаго отчаянія: это — похоронная пѣсня всей жизни! Кому не знакомо по опыту состояніе духа, выраженное въ ней, въ чьей натурѣ не скрывается возможность ея страшныхъ диссонансовъ, — тѣ конечно увидятъ въ ней не больше, какъ маленькую пьеску грустнаго содержанія, и будутъ правы; но тотъ, кто не разъ слышалъ внутри себя ея могильный напѣвъ, а въ ней увидѣлъ только художественное выраженіе давно знакомаго ужаснаго чувства, тотъ припишетъ ей слишкомъ глубокое значеніе, слишкомъ высокую цѣлу; дастъ ей почетное мѣсто

между величайшими созданіями поэзіи, которыя когда-либо, подобно свѣточамъ Эвменидъ, освѣщали бездонныя пропасти человѣческаго духа... И какая простота въ выраженіи, какая естественность, свобода въ стихѣ! такъ и чувствуешь, что вся пьеса мгновенно излилась на бумагу сама собою, какъ потокъ слезъ, давно уже накопившихъ, какъ струя горячей крови изъ раны, съ которой вдругъ сорвана перевязка...

Вспомните „Героя Нашего Времени“, вспомните Печорина — этого страннаго человѣка, который, съ одной стороны, томится жизнью, презираетъ и ее, и самого себя, не вѣрить ни въ нее, ни въ самого себя, носить въ себѣ какую-то бездонную пропасть желаній и страстей, ничѣмъ ненасытимыхъ, а съ другой — гонится за жизнью, жадно ловить ея впечатлѣнія, безумно упивается ея обаяніями; вспомните его любовь къ Бэлѣ, къ Вѣрѣ, къ княжнѣ Мери, и потомъ поймите эти стихи:

Любить... но кого же?... на время не стоитъ труда:

А вѣчно любить невозможно!

Да, невозможно! Но зачѣмъ же эта безумная жажда любви, къ чему эти гордые идеалы вѣчной любви, которыми мы встрѣчаемъ нашу юность, эта гордая вѣра въ неизмѣняемость чувства и его дѣйствительность?... Мы знаемъ одну пьесу, которой содержаніе высказываетъ тайный недугъ нашего времени, и которая за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ казалась бы даже бессмысленной, а теперь для многихъ слишкомъ много-знаменательна. Вотъ она:

Я не люблю тебя: мнѣ; суждено судьбою
Не полюбивши разлюбить;
Я не люблю тебя: больной моей душою
Я никого не буду здѣсь любить.
О, не кляни меня! Я обманулъ природу,
Тебя, себя, когда, въ волшебный мигъ,
Я сердце праздное и бѣдную свободу
Повергъ въ слезахъ у милыхъ ногъ твоихъ.
Я не люблю тебя, но, полюбя другую,
Я презиралъ бы горько самъ себя:
И, какъ безумный, я и плачу, и тоскую,
И все о томъ, что не люблю тебя!...

Неужели прежде этого не бывало? Или, можетъ быть, преж-

де этому не придавали большой важности: пока любилось — любили; разлюбилось — не тужили; даже соединяясь какъ-бы по страсти тѣми узами, которыя навсегда рѣшаютъ участь двухъ существъ, и потомъ увидѣвъ, что ошиблись въ своемъ чувствѣ, что не созданы одинъ для другого, вмѣсто того, чтобъ приходить въ отчаяніе отъ страшныхъ цѣпей, предавались лѣнивой привычкѣ, свыкались и равнодушно изъ сферы гордыхъ идеаловъ, полноты чувства переходили въ мирное и почтенное состояніе пошлой жизни?... Вѣдь у всякой эпохи свой характеръ!... Можетъ быть, люди нашего времени слишкомъ многого требуютъ отъ жизни, слишкомъ необузданно предаются обаяніямъ фантазіи, такъ что послѣ ихъ роскошныхъ мечтаній дѣйствительность кажется имъ уже слишкомъ безцвѣтной, блѣдной, холодной и пустой? Можетъ быть, люди нашего времени слишкомъ серьезно смотрятъ на жизнь, даютъ слишкомъ большое значеніе чувству?... Можетъ быть, жизнь представляется имъ какимъ-то высокимъ служеніемъ, священнымъ таинствомъ, и они лучше хотятъ совѣмъ не жить, нежели жить какъ живется?... Можетъ быть, они слишкомъ прямо смотрятъ на вещи, слишкомъ добросовѣстны и точны въ названіи вещей, слишкомъ откровенны насчетъ самихъ себя: протяжно зѣвая, не хотятъ называть себя энтузіастами, и ни другихъ, ни самихъ себя не хотятъ обманывать ложными чувствами и становиться на ходули?... Можетъ быть, они слишкомъ совѣстливы и честны въ отношеніи къ участи другихъ людей и, обѣщавъ другому существу любовь и блаженство, думаютъ, что непременно должны дать ему и то, и другое, а не видя возможности исполнить это, предаются тоскѣ и отчаянію?... Или, можетъ быть, лишенные сочувствія съ обществомъ, сжатые его холодными условіями, они видятъ, что не въ пользу имъ щедрые дары богатой природы, глубокаго духа и представляютъ собою младенца въ англійской болѣзни?... Можетъ быть — чего не можетъ быть!...

„И скучно, и грустно“ Изъ всѣхъ пьесъ Лермонтова обратила на себя особую непріязнь стараго поколѣнія. Странные люди! имъ все кажется, что поэзія должна выдумывать, а не быть жрицею истины, тѣшить побрякушками, а не гремѣть

правдою? Имъ все кажется, что люди — дѣти, которыхъ можно заговорить прибаутками или утѣшать сказочками! Они не хотятъ понять, что если кто кое-что знаетъ, тотъ смѣется надъ увѣреніями и поэта, и моралиста, зная, что они сами имъ не вѣрятъ. Такія правдивыя представленія того, что есть, кажутся нашимъ чужакамъ безнравственными. Питомцы Бульи и Жанлисъ, они думаютъ, что истина сама по себѣ не есть высочайшая нравственность... Но вотъ самое лучшее доказательство ихъ дѣтскаго заблужденія: изъ того же самаго духа поэта, изъ котораго вышли такіе безотрадные, леденящіе сердце человѣческое звуки, изъ того же самаго духа вышло и стихотвореніе „Въ минуту жизни трудную“ — эта молитвенная, елейная мелодія надежды, примиренія и блаженства въ жизни жизнию.

Другую сторону жизни нашего поэта представляетъ его превосходное стихотвореніе „Памяти А. И. О—го“; это сладостная мелодія какихъ-то глубокихъ, но тихихъ думъ, чувства сильнаго, но цѣломудреннаго, замкнутаго въ самомъ себѣ... Есть въ этомъ стихотвореніи что-то кроткое, задушевное, отрадно-успокоивающее душу... И какою грандіозною, гармонирующею съ тономъ цѣлаго картиною заключается это стихотвореніе: вотъ истинно безконечное и въ мысли, и въ выраженіи; вотъ то, что въ эстетикѣ должно разумѣть подъ именемъ высокаго (sublime)...

Не выписываемъ чудной „Молитвы“ (стр. 43), въ которой поэтъ поручаетъ Матери Божіей, „теплой заступницѣ холоднаго міра“, невинную дѣву. Кто бы ни была эта дѣва — возлюбленная ли сердца, или милая сестра — не въ томъ дѣло; но сколько кроткой задушевности въ тонѣ этого стихотворенія, сколько нѣжности безъ всякой приторности; какое благоуханное, теплое, женственное чувство! Все это трогаетъ въ голубиной натурѣ человѣка; но въ духѣ мощномъ и гордомъ, въ натурѣ львиной — все это больше, чѣмъ умирительно... Изъ какихъ богатыхъ элементовъ составлена поэзія этого человѣка, какими разнообразными мотивами и звуками гремятъ и льются ея гармоніи и мелодіи! Вотъ пьеса, означенная рубрикою „1-е Января“; читая ее, мы опять входимъ въ совершенно новый міръ, хотя и застаемъ въ

ней все ту же думу, то же сердце, словомъ — ту же личность, какъ и въ прежнихъ. Поэтъ говоритъ, какъ часто, при шумѣ пестрой толпы, среди мелькающихъ вокругъ него бездушныхъ лицъ — „стянутыхъ приличьемъ масокъ“, когда холодныхъ рукъ его съ небрежной смѣлостью касаются „давно безтрепетныя“ руки молодыхъ красавицъ, какъ часто воскресаютъ въ немъ старинныя мечты, святыя звуки погибшихъ лѣтъ..

И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;
Зеленой сѣтью травъ подернуть спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листья
Шумятъ подъ робкими шагами.

Только у Пушкина можно найти такія картины въ этомъ родѣ! Когда же, говоритъ онъ, шумъ людской толпы „спугнеть мою мечту“—

О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горестью и злостью!...

Если бы не всѣ стихотворенія Лермонтова были одинаково лучшія, то это мы назвали бы однимъ изъ лучшихъ.

„Журналистъ, Читатель и Писатель“ напоминаетъ и идеей, и формой, и художественнымъ достоинствомъ „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ Пушкина. Разговорный языкъ этой пьесы — верхъ совершенства; рѣзкость сужденій, тонкая и ѣдкая насмѣшка, оригинальность и поразительная вѣрность взглядовъ и замѣчаній—изумительны. Исповѣдь поэта, которой оканчивается пьеса, блеститъ слезами, говоритъ чувствомъ. Личность поэта является въ этой исповѣди въ высшей степени благородной.

„Ребенку“—это маленькое лирическое стихотвореніе заключаетъ въ себѣ цѣлую повѣсть, высказанную намеками, но тѣмъ не менѣе понятную. О, какъ глубоко поучительна эта повѣсть, какъ сильно потрясаетъ она душу!.. Въ ней глухія

рыданія обманутой любви, стоны исходящаго кровью сердца, жестокия проклятія, а потомъ, можетъ быть, и благословеніе смиреннаго испытаніемъ сердца женщины... Какъ я люблю тебя, прекрасное дитя! Говорятъ, ты похожъ на нее, и хоть страданія измѣнили ее прежде времени, но ея образъ въ моемъ сердцѣ...

...А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланить твоихъ не обожгла ль?
Смотри жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердить иль встревожить...
Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склоняясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты свои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней,—скажи: тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя?—Звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если какъ-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его,—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

Отчего же тутъ нѣтъ раскаянія? — спросятъ моралисты. Надѣньте очки, господа, и вы увидите, что герой пьесы спрашиваетъ дитя — не учила ли она его молиться еще за кого-то, не произносила ли, блѣднѣя, теперь забытаго имъ имени?.. Онъ проситъ ребенка не проклинать этого имени, если узнаетъ о немъ. Вотъ истинное торжество нравственности!

Поэтическая мысль можетъ иногда родиться и вслѣдствіе какого-нибудь изъ тѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ складывается наша жизнь; но чаще всего и почти всегда она есть ни что иное, какъ случай дѣйствительности въ возможности, и потому въ поэзіи не имѣетъ никакого мѣста вопросъ: „было ли это?“; но она всегда должна положительно отвѣчать на вопросъ: „возможно ли это, можетъ ли это быть въ

дѣйствительности? Самое обстоятельство можетъ только, такъ сказать, натолкнуть поэта на поэтическую идею и, будучи выражено имъ въ стихотвореніи, является уже совсѣмъ другимъ, новымъ и небывалымъ, но могущимъ быть. Потому, чѣмъ выше талантъ поэта, тѣмъ больше находимъ мы въ его произведеніяхъ примѣненій и къ собственной нашей жизни, и къ жизни другихъ людей. Мало этого: въ неиспытанныхъ нами обстоятельствахъ мы узнаемъ какъ будто коротко знакомое намъ по опыту, — и тогда понимаемъ, почему поэзія, выражая честное, есть выраженіе общаго. Прочтете „Сосѣда“ Лермонтова — и хотя бы вы никогда не были въ подобномъ обстоятельствѣ, но вамъ покажется, что вы когда то были въ заключеніи, любили незримаго сосѣда, отдѣленнаго отъ васъ стѣной, прислушивались и къ мѣрному звуку шаговъ его, и къ унылой пѣснi его, и говорили къ нему про себя:

Я слушаю—и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются....
О чемъ они—не знаю, но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...
И лучшихъ лѣтъ надежда и любовь—
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ, и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются...

Эта тихая, кроткая грусть души сильной и крѣпкой; эти унылые, мелодическіе звуки, льющіеся другъ за другомъ, какъ слеза за слезой; эти слезы, льющіеся одна за другой, какъ звукъ за звукомъ, — сколько въ нихъ таинственнаго, невыговариваемаго, но такъ ясно понятнаго сердцу! Здѣсь поэзія становится музыкой: здѣсь обстоятельство является, какъ въ оперѣ, только поводомъ къ звукамъ, намекомъ на ихъ таинственное значеніе; здѣсь отъ случая жизни отнята вся его матеріальная, внѣшняя сторона, и извлеченъ изъ него одинъ чистый эфиръ, солнечный лучъ свѣта, въ возможности скрывавшійся въ немъ... Выраженное въ этой пьесѣ обстоятельство можетъ быть фактомъ, но сама пьеса отно-

сится къ этому факту, какъ относится къ натуральной розѣ поэтическая роза, въ которой нѣтъ грубаго вещества, составляющаго натуральную розу, но въ которой только нѣжный румянецъ и кроткое ароматическое дыханіе натуральной розы...

Гармоническая и благоуханно высказывается дума поэта въ пьесахъ: „Когда волнуется желтѣющая нива“, „Разстались мы, но твой портретъ“. и „Отчего“, — и грустно, болѣзненно въ пьесѣ „Благодарность“. Не можемъ не остановиться на двухъ послѣднихъ. Онѣ коротки, повидимому лишены общаго значенія и не заключаютъ въ себѣ никакой идеи; но, Боже мой! Какую длинную и грустную повѣсть содержать въ себѣ каждое изъ нихъ! какъ онѣ глубоко знаменательны, какъ полны мыслью!

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтушую твою
Не пощадить молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день, иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно, потому что весело тебѣ.

Это вздохъ музыки, это мелодія грусти, это кроткое страданіе любви, послѣдняя дань нѣжно и глубоко любимому предмету отъ растерзаннаго и смиреннаго бурей судьбы сердца!.. И какая удивительная простота въ стихѣ! Здѣсь говорить одно чувство, которое такъ полно, что не требуетъ поэтическихъ образовъ для своего выраженія; ему не нужно убранства, не нужно украшеній, оно говоритъ само за себя, оно вполне высказалось бы и прозою...

За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя;
За мечь враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растроченный въ пустынѣ,—
За все, чѣмъ я обмануть въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ...

Какая мысль скрывается въ этой грустной „благодарности“, въ этомъ сарказмѣ обманутаго чувствомъ и жизнью сердца? Все хорошо: и тайныя мученія страстей, и горечь слезъ, и

всѣ обманы жизни; но еще лучше, когда ихъ нѣтъ, хотя безъ нихъ и нѣтъ ничего, что просить душа, чѣмъ живетъ она, что нужно ей, какъ масло для лампы!... Это утомленіе чувствомъ; сердце просить покоя и отдыха, хотя и не можетъ жить безъ волненія и движенія... Въ pendant къ этой пьесѣ можетъ идти новое стихотвореніе Лермонтова „Завѣщаніе“: это похоронная пѣсня жизни и всѣмъ ея обольщеніямъ, тѣмъ болѣе ужасная, что ея голосъ не глухой и не громкій, а холодно спокойный; выраженіе не горитъ и не сверкаетъ образами, но небрежно и прозаично... Мысль этой пьесы: и худое, и хорошее — все равно; сдѣлать лучше не въ нашей волѣ, и потому пусть идетъ себѣ, какъ оно хочетъ... Это ужъ даже и не сарказмъ, не иронія, и не жалоба: не на что сердиться, не на что жаловаться, — все равно! Отца и мать жаль огорчить... Возлѣ нихъ есть сосѣдка — она не спроситъ о немъ, но нечего жалѣть пустого сердца — пусть поплачетъ: вѣдь это ей ни почемъ! Страшно!.. Но поэзія есть сама дѣйствительность, и потому она должна быть неумолима и безпощадна, гдѣ дѣло идетъ о томъ, что есть или что бываетъ... А человѣку необходимо должно перейти и черезъ это состояніе духа. Въ музыкѣ гармонія условливается диссонансомъ, въ духѣ — блаженство условливается страданіемъ, избытокъ чувства — сухостью чувства, любовь — ненавистью, сильная жизненность — отсутствіемъ жизни: это такія крайности, которыя всегда живутъ вмѣстѣ, въ одномъ сердцѣ. Кто не печалился и не плакалъ, тотъ и не возрадуется, кто не болѣлъ, тотъ и не выздоровѣетъ, кто не умиралъ заживо, тотъ и не возстанетъ... Жалѣйте поэта или, лучше, самихъ себя: ибо, показавъ вамъ раны своей души, онъ показалъ вамъ ваши собственныя раны; но не отчаявайтесь ни за поэта, ни за человѣка: въ томъ и другомъ бурю смѣняетъ ведро, безотрадность — надежда...

Два перевода изъ Байрона, — „Еврейская мелодія“ и „Въ Альбомъ“, тоже выражаютъ внутренній міръ души поэта. Это боль сердца, тяжкіе вздохи груди; это надгробныя надписи на памятникахъ погибшихъ радостей...

„Вѣтка Палестины“ и „Тучи“ составляютъ переходъ отъ субъективныхъ стихотвореній нашего поэта къ чисто-художественнымъ.

жественнымъ. Въ обѣихъ пьесахъ видна еще личность поэта, но въ то же время виденъ уже и выходъ его изъ внутренняго міра своей души въ созерцаніе „полнаго славы творенья“. Первая изъ нихъ дышитъ благодатнымъ спокойствіемъ сердца, теплотой молитвы, кроткимъ вѣяніемъ святыни. О самой этой пьесѣ можно сказать то же, что говорится въ ней о вѣткѣ Палестины:

Заботой таѣною хранима,
Передъ иконою золотой,
Стоишь ты, вѣтвь Іерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампы,
Кивоть и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой...

Вторая пьеса „Тучи“ полна такого-то отраднаго чувства выздоровленія и надежды и плѣняетъ роскошью поэтическихъ образовъ, какимъ-то избыткомъ умиленнаго чувства.

„Русалкой“ начнемъ мы рядъ чисто художественныхъ стихотвореній Лермонтова, въ которыхъ личность поэта исчезаетъ за роскошными видѣніями явленій жизни. Эта пьеса покрыта фантастическимъ колоритомъ, и по роскоши картинъ, богатству поэтическихъ образовъ, художественности отдѣлки, составляетъ собою одинъ изъ драгоценнѣйшихъ перловъ русской поэзіи. „Три Пальмы“ дышатъ знойной природой Востока, переносятъ насъ на песчаныя пустыни Аравіи, на ея цвѣтушіе оазисы. Мысль поэта ярко выдается, — и онъ поступилъ съ нею какъ истинный поэтъ, не заключивъ своей пьесы нравственной сентенціей. Самая эта мысль могла быть опоэтизирована только своимъ восточнымъ колоритомъ и оправдана названіемъ „Восточное сказаніе“; иначе она была бы дѣтской мыслью. Пластицизмъ и рельефность образовъ, выпуклость формъ и яркій блескъ восточныхъ красокъ сливаются въ этой пьесѣ поэзію съ живописью: это картина Брюлова, смотря на которую, хочешь еще и осязать ее.

„Дары Терека“ есть поэтическая апопееза Кавказа. Только роскошная, живая фантазія грековъ умѣла такъ олицетворять природу, давать образъ и личность ея нѣмымъ и раз-

брованнымъ явленіямъ. Нѣтъ возможности выписывать стиховъ изъ этой дивно-художественной пьесы, этого роскошнаго видѣнія богатой, радужной, исполинской фантазіи; иначе пришлось бы переписать все стихотвореніе. Терекъ и Каспій олицетворяютъ собою Кавказъ, какъ самыя характеристическія его явленія. Терекъ сулитъ Каспію дорогой подарокъ: но сладострастно-лѣнивый сибаритъ моря, покоясь въ мягкихъ берегахъ, не внемлетъ ему, не обольщаясь ни стадомъ валуновъ, ни трупомъ удалого кабардинца; но когда Терекъ сулитъ ему сокровенный даръ — безцѣннѣ всѣхъ даровъ вселенной, и когда

...Надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косою размытой,
Колыхаяся, всплыла, —
И старикъ во блескѣ власти
Всталъ могучій, какъ гроза,
И одѣлся влагой страсти
Темносиніе глаза.
Онъ взыгралъ, веселья полный —
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви...

Мы не назовемъ Лермонтова ни Байрономъ ни Гёте, ни Пушкинымъ; но не думаемъ сдѣлать ему гиперболической похвалы, сказавъ, что такія стихотворенія, какъ „Русалка“, „Три Пальмы“ и „Дары Терека“ можно находить только у такихъ поэтовъ, какъ Байронъ, Гёте и Пушкинъ..

Не менѣе превосходна „Казачья колыбельная пѣсня“. Ея идея — мать; но поэтъ умѣлъ дать индивидуальное значеніе этой общей идеѣ: его мать — казачка, и потому содержаніе ея колыбельной пѣсни выражаетъ собою особенности и отѣнки казачьяго быта. Это стихотвореніе есть художественная апофеоза матери: все, что есть святого, беззавѣтнаго въ любви матери, весь трепетъ, вся нѣга, вся страсть, вся безконечность кроткой нѣжности, безграничность безкорыстной преданности, какой дышитъ любовь матери, — все это воспроизведено поэтомъ во всей полнотѣ. Гдѣ, откуда взялъ поэтъ эти простодушные слова, эту умильную нѣжность тона, эти кроткіе и задушевные звуки, эту женственность и

прелесть выраженія? Онъ видѣлъ Кавказъ,—и намъ понятна вѣрность его картинъ Кавказа; онъ не видалъ Аравіи, и ничего, что могло бы дать ему понятіе объ этой странѣ палющаго солнца, песчаныхъ степей, зеленыхъ пальмъ и прохладныхъ источниковъ, но онъ читалъ ихъ описанія: какъ же онъ такъ глубоко могъ проникнуть въ тайны женскаго и материнскаго чувства?

„Воздушный Корабль“ не есть собственно переводъ изъ Зейдлица: Лермонтовъ взялъ у нѣмецкаго поэта только идею, но обработалъ ее по своему. Эта пьеса, по своей художественности, достойна великой тѣни, которой колоссальный обликъ такъ грандіозно представленъ въ ней. — Какое тихое успокоительное чувство ночи послѣ знойнаго дня вѣетъ въ стихотвореніи „Горныя вершины“, въ этой маленькой пьесѣ Гёте, такъ граціозно переданной нашимъ поэтомъ.

Теперь намъ остается разобрать поэму Лермонтова „Мцыри“. Плѣнный мальчикъ черкесъ воспитанъ былъ въ грузинскомъ монастырѣ; выросши, онъ хочетъ сдѣлаться, или его хотятъ сдѣлать монахомъ. Разъ была страшная буря, во время которой черкесъ скрылся. Три дня пропадалъ онъ, а на четвертый былъ найденъ въ степи, близъ обители, слабый, больной, и умирающій перенесенъ снова въ монастырь. Почти вся поэма состоитъ изъ исповѣди о томъ, что было съ нимъ эти три дня. Давно манилъ его къ себѣ призракъ родины, темно носившійся въ душѣ его, какъ воспоминаніе дѣтства. Онъ захотѣлъ видѣть Божій міръ — и ушелъ.

Давнымъ давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узвать, прекрасна ли земля, —
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣждалъ. О! я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ въ замѣнъ
Той дружбы краткой, но живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..

Уже изъ этихъ словъ вы видите, что за огненная душа, что за могучій духъ, что за исполинская натура у этого мцыри! Это любимый идеаль нашего поэта, это отраженіе въ поэзіи тѣни его собственной личности. Во всемъ, что ни говоритъ мцыри, вѣтъ его собственнымъ духомъ, поражаетъ его собственной мощью. Это произведеніе субъективное.

Мысль поэмы отзывается юношеской незрѣлостью, и если она дала возможность поэту разсыпать передъ вашими глазами такое богатство самоцвѣтныхъ камней поэзіи, — то не сама собою, а точно какъ странное содержаніе иного посредственнаго либретто даетъ гениальному композитору возможность создать превосходную оперу. Недавно кто-то, резонерствуя въ газетной статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова, назвалъ его „Пѣсню про царя Ивана Васильевича, удалого опричника и молодого купца Калашникова“ произведеніемъ дѣтскимъ, а „Мцыри“ — произведеніемъ зрѣлымъ; глубоко-мысленный критиканъ, рассчитывая по пальцамъ время появленія той и другой поэмы, очень остроумно сообразилъ, что авторъ былъ тремя годами старше, когда написалъ „Мцыри“, и изъ этого казуса весьма основательно вывелъ заключеніе: ergo „Мцыри“ зрѣлѣе. Это очень понятно: у кого нѣтъ эстетическаго чувства, кому не говоритъ само за себя поэтическое произведеніе, тому остается гадать о немъ по пальцамъ или соображаться съ метрическими книгами...

Но, несмотря на незрѣлость идеи и нѣкоторую натянутость въ содержаніи „Мцыри“, — подробности и изложеніе этой поэмы изумляютъ своимъ исполненіемъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что поэтъ бралъ цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у громовъ, гулъ у вѣтровъ, — что вся природа сама несла и подавала ему матеріалы, когда писалъ онъ эту поэму... Кажется, будто поэтъ до того былъ отягощенъ обременительной полнотой внутренняго чувства, жизни и поэтическихъ образовъ, что готовъ былъ воспользоваться первой мелькнувшей мыслью, чтобъ только освободиться отъ нихъ, — и они хлынули изъ души его, какъ горящая лава изъ огнедышущей горы, какъ море дожди изъ тучи, мгновенно объявшей собою распаленный горизонтъ, какъ внезапно прорвавшійся яростный потокъ, поглощающій

окрестность на далекое разстояніе своими сокрушительными волнами... Этотъ четырехстопный ямбъ съ одними мужскими окончаніями, какъ въ „Шильйонскомъ Узникѣ“, звучитъ и отрывисто падаетъ, какъ ударъ меча, поражающаго свою жертву. Упругость, энергія и звучное, однообразное паденіе его удивительно гармонируютъ съ сосредоточеннымъ чувствомъ, несокрушимой силой могучей натуры и трагическимъ положеніемъ героя поэмы. А между тѣмъ какое разнообразіе картинъ, образовъ и чувствъ! тутъ и бури духа, и умиленіе сердца, и вопли отчаянія, и тихія жалобы, и гордое ожесточеніе, и кроткая грусть, и мракъ ночи, и торжественное величіе утра, и блескъ полудня, и таинственное обаяніе вечера!.. Многія положенія изумляютъ своей вѣрностью: таково мѣсто, гдѣ мцыри описываетъ свое замираніе подлѣ монастыря, когда грудь его пылала предсмертнымъ огнемъ, когда надъ усталой головой уже вѣяли успокоительные сны смерти и носились ея фантастическія видѣнія. Картины природы облачаютъ кисть великаго мастера: онѣ дышатъ грандіозностью и роскошнымъ блескомъ фантастическаго Кавказа. Кавказъ взялъ полную дань съ музы нашего поэта... Странное дѣло! Кавказу какъ будто суждено быть колыбелью нашихъ поэтическихъ талантовъ, вдохновителемъ и пѣстуномъ ихъ музы, поэтической ихъ родиной! Пушкинъ посвятилъ Кавказу одну изъ первыхъ своихъ поэмъ — „Кавказскаго Плѣнника“, и одна изъ послѣднихъ его поэмъ — „Галубъ“ тоже посвящена Кавказу; нѣсколько превосходныхъ лирическихъ стихотвореній его также относятся къ Кавказу. Грибоѣдовъ создалъ на Кавказѣ свое „Горе отъ ума; дикая и величавая природа этой страны, кипучая жизнь и суровая поэзія ея сыновъ вдохновила его оскорбленное человѣческое чувство на изображеніе апатическаго, ничтожнаго круга Фамусовыхъ, Скалозубовъ, Загорѣцкихъ, Хлестовыхъ, Тугоуховскихъ, Репетиловыхъ, Молчалиныхъ—этихъ карикатуръ на природу человѣческую... И вотъ является новый великій талантъ—и Кавказъ дѣлается его поэтической родиной, пламенно-любимой имъ; на недоступныхъ вершинахъ Кавказа, вѣнчанныхъ вѣчнымъ снѣгомъ, находитъ онъ свой Парнасъ; въ его свирѣпномъ Терекѣ, въ его горныхъ потокахъ, въ его цѣлебныхъ источникахъ, на-

ходить онъ свой Кастальскій ключъ, свою Ипокрену... Какъ жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова, дѣйствіе которой совершается также на Кавказѣ, и которая въ рукописи ходитъ въ публикѣ, какъ нѣкогда ходило „Горе отъ Ума“: мы говоримъ о „Демонѣ“. Мысль этой поэмы глубже и несравненно зрѣлѣе, чѣмъ мысль „Мцыри“, и хотя исполненіе ея отзывается нѣкоторой незрѣлостью, но роскошь картинъ, богатство поэтического одушевленія, превосходные стихи, высота мыслей, обаятельная прелесть образовъ ставятъ ее несравненно выше „Мцыри“ и превосходить все, что можно сказать въ ея похвалу. Это не художественное созданіе, въ строгомъ смыслѣ искусства; но оно обнаруживаетъ всю мощь таланта поэта и обѣщаетъ въ будущемъ великія художественныя созданія.

Говоря вообще о поэзіи Лермонтова, мы должны замѣтить въ ней одинъ недостатокъ: это иногда неясность образовъ и неточность въ выраженіи. Такъ напримѣръ, въ „Дарахъ Терекъ“, гдѣ „сердитый потокъ“ описываетъ Каспію красоту убитой казачки, очень неопредѣленно намекнуто и на причину ея смерти, и на ея отношенія къ гребенскому казаку:

По красотѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.
Осѣдаль онъ вороного
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого
Сложитъ голову свою.

Здѣсь на догадку читателя оставляется три случая, равно возможные: или что чеченецъ убилъ казачку, а казакъ обрѣкъ себя мщенію за смерть своей любезной; или что самъ казакъ убилъ ее изъ ревности и ищетъ себѣ смерти, или что онъ еще не знаетъ о гибели своей возлюбленной и потому не тужитъ о ней, готовясь въ бой. Такая неопредѣленность вредитъ художественности, которая именно въ томъ и состоитъ, что говоритъ образами опредѣленными, выпуклыми, рельефными, вполне выражающими заключенную въ нихъ мысль. Можно найти въ книжкѣ Лермонтова пять-шесть

неточныхъ выраженій, подобныхъ тому, которыми оканчивается его превосходная пьеса „Поэтъ“:

Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ?

Иль никогда, на голосъ мщенья,

Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ,

Покрытый ржавчиной презрѣнья.

„Ржавчина презрѣнья“ — выраженіе неточное и слишкомъ сбивающееся на аллегорію. Каждое слово въ поэтическомъ произведеніи должно до того исчерпывать все значеніе требуемаго мыслью цѣлаго произведенія, чтобъ видно было, что нѣтъ въ языкѣ другого слова, которое тутъ могло бы замѣнить его. Пушкинъ и въ этомъ отношеніи величайшій образецъ: во всѣхъ томахъ его произведеній едва ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выраженіе, даже слово... Но мы говоримъ не больше, какъ о пяти или шести пятнышкахъ въ книгѣ Лермонтова: все остальное въ ней удивляетъ силой и тонкостью художественнаго такта, полновластнымъ обладаніемъ совершенно покореннаго языка, истинно Пушкинскою точностью выраженія.

Бросая общій взглядъ на стихотворенія Лермонтова, мы видимъ въ нихъ всѣ силы, всѣ элементы, изъ которыхъ слагаются жизнь и поэзія. Въ этой глубокой натурѣ, въ этомъ мощномъ духѣ все живетъ; имъ все доступно, все понятно; они на все откликаются. Онъ всевластный обладатель царства явленій жизни, онъ воспроизводитъ ихъ какъ истинный художникъ; онъ поэтъ русскій въ душѣ — въ немъ живетъ прошедшее и настоящее русской жизни; онъ глубоко знакомъ и съ внутреннимъ міромъ души. Несокрушимая сила и мощь духа, смиреніе жалобъ, елейное благоуханіе молитвы, пламенное, бурное одушевленіе, тихая грусть, кроткая задумчивость, вопли гордаго страданія, стоны отчаянія, таинственная нѣжность чувства, неукротимые порывы дерзкихъ желаній, цѣломудренная чистота, недуги современнаго общества, картины міровой жизни, хмельныя обаянія жизни, укоры совѣсти, умирительное раскаяніе, рыданія страсти и тихія слезы, какъ звукъ за звукомъ, льющіяся въ полнотѣ умирѣннаго бурей жизни сердца, упоеніе любви, трепетъ

разлуки, радость свиданія, чувство матери, презрѣніе къ прозѣ жизни, безумная жажда восторговъ, полнота упивающагося роскошью бытія духа, пламенная вѣра, мука душевной пустоты, стонъ отвращающагося самого себя чувства замершей жизни, ядъ отрицанія, холодъ сомнѣнія, борьба полноты чувства съ разрушающей силой рефлексіи, падшій духъ неба, гордый демонъ и невинный младенецъ, буйная вакханка и чистая дѣва—все, все въ поэзиі Лермонтова: и небо и земля, и рай и адъ... По глубинѣ мысли, роскоши поэтическихъ образовъ, увлекательной, неотразимой силѣ поэтическаго обаянія, полнотѣ жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненнымъ фонтаномъ, его созданія напоминаютъ собою созданія великихъ поэтовъ. Его поприще еще только начато, и уже какъ много имъ сдѣлано, какое неистощимое богатство элементовъ обнаружено имъ: чего же должно ожидать отъ него въ будущемъ?.. Пока еще не назовемъ мы его ни Байрономъ, ни Гёте, ни Пушкинымъ, и не скажемъ, чтобъ изъ него современемъ вышелъ Байронъ, Гёте или Пушкинъ; ибо мы убѣждены, что изъ него выйдетъ ни тотъ, ни другой, ни третій, а выйдетъ —Лермонтовъ... Знаемъ, что наши похвалы покажутся большинству публики преувеличенными; но мы уже обрекли себя тяжелой роли говорить рѣзко и опредѣленно то, чему сначала никто не вѣритъ, но въ чемъ скоро всѣ убѣждаются, забывая того, кто первый выговорилъ сознаніе общества и на кого оно за это смотрѣло съ насмѣшкой и неудовольствіемъ... Для толпы нѣмо и безмолвно свидѣтельство духа, которымъ запечатлѣны созданія вновь явившагося таланта: она составляетъ свое сужденіе не по самымъ этимъ созданіямъ, а по тому, что о нихъ говорятъ сперва люди почтенные, литераторы заслуженные, а потомъ, что говорятъ о нихъ всѣ. Даже, восхищаясь произведеніями молодого поэта, толпа косо смотритъ, когда его сравниваютъ съ именами, которыхъ значенія она не понимаетъ, но къ которымъ она прислушалась, которыхъ привыкла уважать на слово... Для толпы не существуютъ убѣжденія истины: она вѣритъ только авторитетамъ, а не собственному чувству и разуму—и хорошо дѣлаетъ... Чтобъ преклониться передъ поэтомъ, ей надо

смерва прислушаться къ его имени, привыкнуть къ нему и забыть множество ничтожныхъ именъ, которыя на минуту похищали ея безсмысленное удивленіе. *Procul profani...*

Какъ бы то ни было, но и въ толпѣ есть люди, которые высятся надъ нею: они поймутъ насъ. Они отличаютъ Лермонтова отъ какого-нибудь фразёра, который занимается стукотней звучныхъ словъ и богатыхъ риемъ, который вздумаетъ почитать себя представителемъ національнаго духа потому только, что кричитъ о славѣ Россіи (нисколько не нуждающейся въ этомъ) и вандальски смѣется надъ издыхающей, будто бы, Европой, дѣлая изъ героевъ ея исторіи что-то похожее на нѣмецкихъ студентовъ... Мы увѣрены, что и наше сужденіе о Лермонтовѣ отличать они отъ тѣхъ производствъ въ „лучшіе писатели нашего времени, надъ сочиненіями которыхъ (будто бы) примирились всѣ вкусы и даже всѣ литературныя партіи“, такихъ писателей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ замѣчательное дарованіе, но лучшими могутъ казаться только для малаго кружка читателей того журнала, въ каждой книжкѣ котораго печатаютъ они по одной и даже по двѣ повѣсти... Мы увѣрены, что они поймутъ какъ должно и ропотъ стараго поколѣнія, которое, оставшись при вкусахъ и убѣжденіяхъ цвѣтущаго времени своей жизни, упорно принимаетъ неспособность свою сочувствовать новому и понимать его — за ничтожность всего новаго...

И мы видимъ уже начало истиннаго (не шуточнаго) примиренія всѣхъ вкусовъ и всѣхъ литературныхъ партій надъ сочиненіями Лермонтова, — и уже не далеко то время, когда имя его въ литературѣ сдѣлается народнымъ именемъ, и гармоническіе звуки его поэзіи будутъ слышимы въ повседневномъ разговорѣ толпы, между толками ея о житейскихъ заботахъ...

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1840 ГОДУ.

Дай оглянусь!

Пушк ин ъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ, безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой,
Ни гениемъ начатаго труда;
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,—
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ!

Легмонтов ъ.

Лѣтъ десять тому назадъ, когда были въ большомъ ходу альманахи, безпрестанно появлялись такъ называвшіяся тогда „обозрѣнія литературы“. Частенько являлись они и въ журналахъ. Отъ этихъ „обозрѣній“ сыры-боры загорались, поднимались страшныя чернильныя войны; „обозрѣнія“ давали жизнь литературѣ—въ нихъ принимала жаркое участіе даже и публика, не только сами литераторы. Что же за причина была этому наводненію отъ „обозрѣній“, этой страсти „обозрѣвать“? Или много литературныхъ сокровищъ было, такъ что боялись потерять имъ счетъ? Или такъ мало было этихъ сокровищъ, что хотѣли знать навѣрное, чѣмъ именно владѣютъ и даже владѣютъ ли чѣмъ-нибудь?.. Совершенно противоположныя причины рождаютъ иногда одинаковое слѣдствіе. Если тогда не были дѣйствительно богаты, то считали себя богатыми: назади было свѣтлое торжество рѣшительной побѣды юнаго романтизма (какъ выражались тогда) надъ дряхлымъ и чахлымъ классицизмомъ; въ настоящемъ было если не дѣйствительное достоинство, то разнообразная, яркая пестрота все новыхъ и новыхъ явленій литературы; а въ будущемъ... о, какъ полно блестящихъ надеждъ было это будущее!.. И въ самомъ дѣлѣ, если тогда и слишкомъ обольщались своимъ богатствомъ, то все-таки потому что преувеличивали его, а не потому, чтобъ не было богатства. Нѣтъ, оно

было: одинъ Пушкинъ могъ бы своей поэтической дѣятельностью наполнить цѣлый періодъ любой европейской литературы. Если ошибка заключалась въ томъ, что тогда думали имѣть не одного, а нѣсколькихъ Пушкиныхъ,—то все-же предполагали это въ людяхъ, которые, хотя далеко не были Пушкиными, однакожъ сами по себѣ имѣли и теперь имѣютъ свое значеніе, свое неотъемлемое достоинство. Если тогда надежды въ будущемъ основывались частью на томъ, что всѣ журналы и альманахи наполнялись отрывками изъ большихъ, но еще не конченныхъ поэмъ, драмъ, повѣстей, романовъ, и даже появились первые томы „исторіи“, которымъ никогда не суждено было окончиться, хотя и суждено было собрать обильную жатву благовременной подписки,—то не забудьте, что это было время, когда о смерти Пушкина никто и не думалъ, когда Жуковский часто напоминалъ о себѣ превосходными произведеніями. При жизни Грибоѣдова, чего не могли ожидать отъ творца „Горя отъ Ума?“ Какой роскошной зарей занялся разсвѣтъ таланта Веневитинова, какой пышный полдень, какой обильный вечеръ предсказывало прекрасное утро его поэтической дѣятельности! А въ послѣдствіи, чего не почитали себя вправѣ ожидать отъ талантовъ, произведшихъ не говоримъ „Новика“, „Кошечя Безсмертнаго“ „Юрія Милославскаго“, но даже и „Киргизъ-Кайсака“?.. Конечно эти надежды поддержаны и оправданы только первымъ, и отчасти вторымъ; но, повторяемъ, въ то время естественно было ожидать чего-то великаго и отъ послѣднихъ двухъ. Если тогда иные выходили, какъ говорится, „въ люди“ и пріобрѣтали громкое титуло поэтовъ только за гладкіе стихи, то развѣ теперь не повторяется подобное явленіе, съ той разницей, что даже и не за гладкія, а за шаршавыя вирши, но только наполненные дикими, изысканными и безвкусными вычурами въ оборотѣ мыслей и фразъ?.. Какъ бы то ни было, но тогда имѣли слишкомъ достаточныя причины „обозрѣвать“.

Нужны ли теперь „обозрѣнія“? Есть ли теперь что обозрѣвать?... Мы уже сказали, что иногда совершенно противоположныя причины производятъ одинакія слѣдствія,— и потому утвердительно отвѣчаемъ, что теперь снова настаетъ время „обозрѣній“. Еслибъ у насъ не было ничего, достойнаго

обозрѣнія, то мы еще болѣе должны были бы обозрѣвать, потому что мы будемъ въ выигрышѣ даже и тогда, когда окончательно узнаемъ, что у насъ нѣтъ ничего: самое горькое сознаніе въ бѣдности лучше смѣшного хвастовства воображаемымъ богатствомъ. Если намъ кажется нѣсколько забавнымъ прошлое время, когда обольщались „отрывками неконченныхъ сочиненій“, то не подадимъ ли мы будущему времени болѣе основательныхъ причинъ смѣяться надъ нами, гордящимися—ничѣмъ?.. Впрочемъ, кажется, еще нечего бояться итога, состоящаго изъ однихъ нулей: если мы взглянемъ попристальнѣе на современную литературу, то въ небольшомъ количествѣ ея стразь и большомъ количествѣ булыжниковъ найдемъ нѣсколько и брилліантовъ.—Всему свое время: мы уже пережили періодъ самообольщенія, младенческихъ и юношескихъ восторговъ; намъ уже нужны не мечты, а дѣйствительность; для насъ уже мѣдный грошъ дороже милліоновъ рублей, вычеканныхъ изъ воздуха; словомъ, для насъ настало время сознанія. Поэтому „обозрѣнія“ нашего времени должны быть основательнѣе, солиднѣе такъ сказать: ибо ихъ цѣль не похвалы людямъ своего прихода и брань на другихъ прихожанъ, не лирическія изліянія чувства, гордящагося мгновеннымъ успѣхомъ; но приведеніе въ ясность существеннаго вопроса, сознаніе факта.

Велѣдствіе этого мы и за дѣло должны приниматься не попрежнему. Разсуждая о чемъ-нибудь, мы прежде должны привести себѣ въ ясность, о чемъ мы разсуждаемъ. Мы должны болѣе всего избѣгать словъ, которыхъ значеніе утверждено не мыслью, а общественнымъ употребленіемъ, временемъ и обыкомъ, и подъ которыми поэтому всякій разумѣетъ, что ему угодно, ни мало не беспокоясь о томъ, что разумѣютъ подъ ними другіе. Къ такимъ-то неопредѣленнымъ и произвольнымъ словамъ принадлежитъ и слово „литература“.

За всякимъ очарованіемъ неизбѣжно слѣдуетъ разочарованіе — таковъ законъ жизни. Эпоха перехода изъ юношества въ мужество обыкновенно сопровождается разочарованіемъ. Обогащенный опытами жизни, извѣдавшій ея противорѣчія, переходящій въ мужество человѣкъ уже не бросается въ крайности, не презираетъ стараго потому только, что оно

старое, не обольщается новымъ потому только, что оно новое. Мало этого: часто случается, что онъ обращается къ старому и, въ досаду всему новому, только въ прошедшемъ видитъ хорошее, а въ новомъ упрямо не хочетъ ничего видѣть. Настоящій моментъ русской литературы ознаменованъ именно этимъ направлениемъ. Повсюду слышатся жалобы на настоящее, похвалы прошедшему. Конечно тутъ играетъ важную роль и разочарованное самолюбіе, и другія личныя причины, но въ основаніи всего этого есть и часть истины; главная же причина—досада на себя за прошлое очарованіе, которое оказалось ложнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ на Руси печатаются книги, до настоящаго мгновенія, всѣ повторяютъ: „литература! литература! русская литература!“, не давъ себѣ отчета въ значеніи вообще слова „литература“, а слѣдовательно, и въ значеніи словъ „русская литература“. Обольщенные и ослѣпленные нѣсколькими дѣйствительно великими проявленіями творческой силы въ русскомъ духѣ, мы не позаботились опредѣлить ихъ отношенія къ такъ называемой русской литературѣ и потому никакъ не могли догадаться, что произведенія нашихъ великихъ поэтовъ—сами по себѣ, а русская литература сама по себѣ, что между ними нѣтъ ничего общаго, и ни одно изъ нихъ не доказываетъ существованія другого. Эта мысль не новая: она давно уже затаилась въ нѣкоторыхъ умахъ и временами пробивалась наружу, возбуждая удивленіе даже въ тѣхъ самыхъ, которые ее выговаривали. Лѣтъ шесть тому назадъ вдругъ раздался рѣзко и громко вопросъ: есть ли у насъ литература? Такъ какъ этотъ вопросъ выговоренъ былъ среди общаго очарованія, когда публика въ „Библіотекѣ для Чтенія“ думала найти пышный и роскошный цвѣтъ русской литературы, и такъ какъ этотъ вопросъ былъ совершенно неожиданъ — то тѣмъ сильнѣе и разнообразнѣе было произведенное имъ впечатлѣніе на всѣхъ и каждого. Одни приняли его за странность, имѣющую впрочемъ прелесть новости; другіе почли его за нелѣпый парадоксъ, за пошлую шутку надъ здравымъ смысломъ; третьи увидѣли въ немъ непреложную истину; четвертые приняли его за оскорбленіе чувства народной гордости. Кто былъ правъ кто виноватъ? — Кажется, всѣ были и правы, и виноваты,

кромѣ послѣднихъ, которые рѣшительно не правы, ибо истина выше всякихъ чувствъ — и частныхъ и народныхъ, и смиренныхъ и гордыхъ, а сомнѣніе есть первый шагъ и единственный путь къ истинѣ. Что же касается до вопроса о существованіи русской литературы, — много можно было бы сказать даже и въ пользу существованія ея; но мы хотимъ взглянуть поближе на отрицательную сторону вопроса и изслѣдовать основательнѣе. Для этого надобно прежде всего опредѣлить предметъ вопроса — значеніе слова „литература“. Запутанность споровъ, дѣлающая невозможнымъ примиреніе спорящихъ сторонъ, происходитъ чаще всего отъ несоблюденія этого правила: обыкновенно начинаютъ спорить, не сказавъ другъ другу, о чемъ хотятъ спорить, и потому всѣ споры бывають большей частью за слова, а не идеи.

Но прежде, нежели приступимъ къ опредѣленію вопроснаго пункта, — намъ должно поговорить о предметѣ, который собственно чуждъ всякой внутренней связи съ нимъ, но который, по причинѣ общественнаго нашего образованія, долженъ составлять приступъ ко всякому разсужденію. Конечно, говоря о немъ, мы будемъ имѣть въ виду совсѣмъ не тѣхъ людей, которые знаютъ, что во всякой истинѣ главное дѣло — сама же истина, а не повтореніе пошлыхъ общихъ мѣстъ, которыя всѣ повторяють по привычкѣ, не вѣря имъ.

Нѣтъ ничего смѣшнѣе и нелѣпѣе, какъ находить дерзкимъ и даже преступнымъ сомнѣніе въ существованіи нашей литературы. Истина есть высочайшая дѣйствительность и высочайшее благо; только одна она даетъ дѣйствительное, а не воображаемое счастье. Самая горькая истина лучше самаго пріятнаго заблужденія. О, вы, чувствительныя существа, такъ крѣпко держащіяся за свои бѣдныя убѣжденія, предпочитающія самое грубое, но пріятное для вашихъ конфетныхъ сердець заблужденіе горькой истинѣ, — къ вамъ въ особенности обращаемъ мы рѣчь свою. Вы приходите въ домъ умиленныхъ и видите человѣка, который, надѣвъ сверхъ своего вязаннаго колпака бумажную корону, почитаетъ себя властелиномъ: вѣдь онъ счастливъ своимъ убѣжденіемъ, такъ счастливъ, что вамъ, знающимъ всю тягость жизни, должно-бъ было отъ всей души завидовать его счастью —

не правда ли?... Но отчего же вы смотрите на него съ недовольнымъ сожалѣніемъ, и не можете безъ содраганія подумать о возможности для васъ самихъ подобнаго блаженства?... Видите ли, самая ужасная истина лучше самаго лестнаго заблужденія... А между тѣмъ какъ много на свѣтѣ такихъ бумажныхъ властелиновъ и не въ одномъ домѣ умалишенныхъ, а въ своихъ собственныхъ и притомъ иногда очень богатыхъ домахъ, между людьми, которые пользуются извѣстностью отлично умныхъ головъ! . Геніальный Сервантесъ, въ своемъ „Донъ-Кихотъ“, творчески воспроизвелъ идею этихъ бумажныхъ рыцарей, для которыхъ пріятный обманъ дороже горькой истины... Какъ рады они своему несчастью, какъ горды своимъ позоромъ!.. Неужели же имъ должно завидовать? Нѣтъ, вы смотрите на нихъ съ тѣмъ насмѣшливымъ состраданіемъ, которое уничижительнѣе, обиднѣе полнаго, презрительнаго невниманія!.. И потому, если бы результатомъ вопроса о существованіи нашей литературы было горькое убѣжденіе въ ея несуществованіи, и тогда мы были бы въ выигрышѣ, а не проигрышѣ, и обязаны были бы благодарностью и тому, кто сдѣлалъ этотъ вопросъ, и тому, кто рѣшилъ его. Лучше благородная, сознательная нищета въ дѣйствительности, нежели мишурное, шутовское богатство въ воображеніи. Изъ всѣхъ родовъ нищихъ, самые жалкіе — испанскіе нищіе, потому что они просятъ у васъ не копѣйки Христа ради, а ста тысячъ піастровъ займы, и, получивъ отъ васъ копѣйку, гордо увѣряютъ васъ, что скоро возвратятъ вамъ съ благодарностью ваши сто тысячъ піастровъ...

Но намъ нечего бояться вопроса о существованіи нашей литературы и по другой причинѣ: безпристрастное рѣшеніе этого вопроса не сдѣлаетъ насъ нищими, а только оставитъ насъ при небольшомъ, но цѣнномъ сокровищѣ и пооблегчитъ наши карманы отъ мѣди и мусора, въ кучѣ которыхъ зарыто наше чистое золото. Пусть даже останется и мѣдь, но только чтобъ мы отличали свое золото отъ мѣди и не принимали мѣдь за золото! Вотъ результатъ, которымъ будемъ мы обязаны вопросу о существованіи нашей литературы. — результатъ прекрасный! Но кромѣ того и самъ по себѣ этотъ вопросъ долженъ радовать насъ: съ него начинается новая эпоха

нашей литературы и нашего общественного образованія, потому что онъ есть живое свидѣтельство, потребности сознанія и мысли. Пушкинъ не разъ изъявлялъ свое негодованіе на духъ неуваженія къ историческому преданію и заслуженнымъ авторитетамъ отечественной литературы, — неуваженія, которымъ обозначилось новѣйшее критическое движеніе; мы понимаемъ это оскорбленіе великаго поэта, но не раздѣляемъ его. Этотъ духъ неуваженія не случайность, и причина его заключается не въ буйствѣ, не въ невѣжествѣ, но въ разумной необходимости. Дѣйствительна одна истина, и только въ одной истинѣ благо и счастье; но истина сурова, неумолима и жестока до тѣхъ поръ, пока человѣкъ только спустится къ ней и еще не овладѣлъ ею. Первый шагъ къ ней, какъ мы уже сказали, — сомнѣніе и отрицаніе. Истина есть единство противоположностей, и пока человѣкъ переживаетъ ея моменты, онъ бросается изъ одной крайности въ другую, безпрестанно впадаетъ въ преувеличеніе, исключительность и односторонность; но какъ скоро процессъ совершился и различія разрѣшились въ гармоническое единство, то всѣ ограничанныя частности улетучиваются въ общее, ложъ остается за временемъ, а истина за разумомъ. Слѣдовательно, нечего бояться истины, и лучше смотрѣть ей прямо въ глаза, нежели замуриваться самимъ и ложные фантастическіе цвѣта принимать за дѣйствительные. Только робкіе и слабые умы страшатся сомнѣнія и изслѣдованія. Кто вѣруетъ въ разумъ и истину, тотъ не испугается никакого отрицанія. Мы видимъ въ Пушкинѣ великаго мірового поэта; другіе видятъ въ немъ только великаго русскаго поэта (отрицая тѣмъ міровое значеніе Россіи), а иные находятъ въ немъ только отличнаго версификатора. Кто правъ, кто виноватъ? кого казнить, кого миловать?.. Никого, милостивые государи! Въ свободномъ царствѣ мысли не должно быть казней и ауто-дафе! Пусть всякій свободно выговариваетъ свое убѣжденіе, если только оно свободно, т. е. чуждо личностей и меркантильнаго духа. О Пушкинѣ говорятъ и спорятъ: одно это уже показываетъ, что предметъ важенъ. Ложное мнѣніе и ошибочныя понятія о Пушкинѣ не повредятъ ему въ потомствѣ, но только скорѣе рѣшатъ вопросъ о немъ. Пушкинъ явится ни больше,

ни меньше, какъ тѣмъ, что онъ есть въ самомъ дѣлѣ, и изъ всѣхъ различныхъ и противоположныхъ мнѣній о немъ утвердится только одно—именно то, которое истинно. Конечно отвратительно видѣть осла, который, помня когти и страшное рыканіе льва, нѣкогда приводившее его въ трепетъ, лягаетъ могилу этого „геральдическаго льва“ своимъ „демократическимъ копытомъ“ (по выраженію самого Пушкина),—однакожъ должно радоваться даже самымъ ложнымъ, но только независимымъ мыслямъ о великомъ поэтѣ: онѣ показываютъ потребность разумнаго сознанія, которое всегда начинается отрицаніемъ непосредственнаго знанія, т. е. знанія по привычкѣ или по преданію. Вотъ точка, съ которой должно смотрѣть на такъ называемый духъ неуваженія въ современной литературѣ. Этотъ духъ неуваженія — предвѣстникъ, свѣтлая заря скорого и истиннаго духа уваженія, который будетъ состоять не въ минералогическихъ характеристикахъ поэзіи и не въ пустозвонныхъ фразахъ о потомкахъ Багрита,—фразахъ, подъ которыми, какъ подъ скорлупой гнилого орѣха, кроется пустота, и которыя тѣшатъ своими побрякушками дѣтское самолюбіе, но духа, который будетъ состоять въ вѣрной критической оцѣнкѣ каждаго писателя по его заслугѣ и достоинству,—оцѣнкѣ, произнесенной на основаніи науки объ изящномъ и перешедшей въ общественное сознаніе.

Мы сказали, что въ первый разъ сомнѣніе въ существованіи русской литературы было высказано лѣтъ шесть тому назадъ. Это было, помнится, въ концѣ перваго года существованія „Библіотеки для Чтенія“, слѣдовательно, случилось въ самое время, въ самую пору. Поразительно и грустно было видѣть, какъ мало представилъ такой плотный журналъ, соединившій въ себѣ дѣятельность почти всѣхъ извѣстныхъ, полуизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ русскихъ литераторовъ. Кто не помнитъ этого времени?.. Но здѣсь мы должны обратиться нѣсколько назадъ, желая быть понятными равно для всѣхъ читателей.

Недавно мы говорили объ ошибочномъ употребленіи словъ „словесность“ и „литература“, которыя безсознательно смѣшивались и употреблялись одно за другое, какъ будто бы они были не синонимы, а два разныя слова для выраженія

совершенно одной и той же идеи. Вслѣдствіе этой ошибки у насъ существовала литература еще до Рюрика и благополучно процвѣтала до эпохи Петра Великаго, а отсюда начала новое существованіе, благодаря великому таланту Кантемира. Да, была словесность, которая есть вездѣ, гдѣ есть слово, языкъ, но которая состоитъ изъ произведеній случайныхъ, ничѣмъ между собою несвязанныхъ, и для которой поэтому нѣтъ еще исторіи, а можетъ быть только каталогъ. Въ литературѣ совершается развитіе духа народа; литература — важная сторона исторіи народа. Въ произведеніяхъ словесности мы можемъ прослѣдить только развитіе языка, а не духа народнаго, который является въ ней въ неподвижности своего непосредственнаго, такъ сказать, бѣзъискусственнаго явленія. Но въ нашей словесности нельзя слѣдить даже и за развитіемъ языка, потому что она выражалась не живымъ народнымъ словомъ, а какимъ-то книжнымъ нарѣчіемъ, неподвижнымъ и мертвымъ. Однакожъ лишь только данъ былъ толчокъ непосредственности народа, какъ въ самомъ книжномъ языкѣ оказалось движеніе, — и сатиры Кантемира въ самомъ дѣлѣ какъ будто открываютъ собою начало литературы. Но что это за литература! Кантемиръ былъ первый русскій поэтъ, и писалъ — сатиры! Поэзія всякаго народа начинается или эпосеями, какъ впервые пробудившимся въ народѣ поэтическимъ сознаніемъ его прошедшей жизни, или лирикой, какъ голосомъ непосредственнаго чувства, впервые пробудившагося. Явленіе же сатиры относится скорѣе къ исторіи общества, а не искусства, не поэзіи; оно скорѣе — результатъ созрѣвшей гражданственности, а не пѣснь молодого народа, и тѣмъ болѣе — не первый цвѣтъ молодого искусства. Очевидно, что сатиры Кантемира — явленіе чисто случайное; что духъ народный въ нихъ не участвовалъ; что онѣ вышли не изъ этого духа, не его выразили и не къ нему возвратились. Одно уже иностранное происхожденіе ихъ автора показываетъ, что онѣ не имѣли въ самихъ себѣ ни какой необходимости, и могли быть, и не быть, а потому самому и были-то онѣ словно не были. Книга приняла ихъ въ себя, въ книгѣ и остались онѣ; ихъ знаютъ школы, а не общество, но и школамъ извѣстны онѣ какъ мертвый исто-

рический фактъ, а не какъ живое явленіе, по законамъ внутренней необходимости возникшее изъ предшествовавшаго ему явленія и оставившее послѣ себя какіе-нибудь результаты, которые въ свою очередь породили какія-нибудь явленія. Да и кто составлялъ публику сатиръ Кантемира?—Самъ авторъ ихъ. Онѣ не разсердили даже тѣхъ, на кого были написаны, потому что жертвы остроумія Кантемира, за неумѣніемъ грамоты, не могли читать ихъ. Хороша литература, для которой нѣтъ публики!.. Явился Василій Кирилловичъ Тредіаковский, „профессоръ элоквенціи, а паче хитростей піитическихъ“, апотеозъ школьной бездарности,—и всѣ заслуги его языку состояли развѣ въ введеніи двухъ-трехъ новыхъ словъ (какъ напр. слова „предметъ“), и еще въ томъ, что онъ искажалъ языкъ своей варварской фразеологіей; а заслуги поэзіи только въ томъ, что онъ опрофанировалъ ее. Между тѣмъ этотъ человѣкъ занимаетъ свое мѣсто въ исторіи русской литературы; о немъ говорятъ и судятъ, и даже въ наше время нашлись люди, которые очень осердились на Лажечникова за то, что онъ въ своемъ „Ледяномъ Домѣ“ вывелъ шута шутомъ, а не человѣкомъ, достойнымъ уваженія!—Ломоносовъ положилъ начало первому періоду русской литературы, — и школы утвердили за нимъ титулъ ея отца. Въ самомъ дѣлѣ, онъ для поэзіи сдѣлалъ гораздо больше, чѣмъ для прозы собственно. Онъ первый установилъ фактуру стиха, ввелъ въ русское стихосложеніе метры, свойственные духу языка; языкъ его стихотвореній, несмотря на свою напыщенность и изобиліе поэтическихъ вольностей, естественнѣе, лучше языка его прозы; сквозь ихъ риторическую одежду изрѣдка блещутъ искры поэзіи, а среди звучныхъ и великолѣпныхъ фразъ иногда попадаются поэтическіе образы. Что-же до его прозы — трудно рѣшить, больше вреда или больше пользы оказалъ онъ русскому языку, заковавъ его въ чуждое ему построеніе латинскихъ и нѣмецкихъ періодовъ. Въ томъ и другомъ онъ былъ законодателемъ и имѣлъ сильное вліяніе, какъ основатель какой-то школьной, схоластической литературы, мало имѣвшей (если не совсѣмъ неимѣвшей) отношенія къ обществу, но высоко уважаемой въ школахъ. Отсутствие народныхъ элементовъ,

рабская подражательность ложнымъ образцамъ, слѣпое уваженіе къ единожды признаннымъ авторитетамъ и схоластическія формы—вотъ характеръ всѣхъ его литературныхъ произведеній, и тяжелыхъ трагедій, и „Петріады“, и высокопарныхъ рѣчей, и даже лирическихъ пьесъ *). — Сумароковъ имѣлъ большое вліяніе на распространеніе въ полуграмотномъ обществѣ охоты къ чтенію, и его столь же справедливо называютъ отцомъ русскаго театра, какъ Ломоносова—отцомъ русской литературы. Сумароковъ, по положительной бездарности своей, оказалъ больше вреда, чѣмъ пользы зарождавшейся литературѣ, но нельзя отрицать, чтобъ онъ не оказалъ нѣкоторыхъ услугъ общественной образованности. Дѣятельность его была разнообразнѣе дѣятельности Ломоносова: онъ писалъ во всѣхъ родахъ, и если бы имѣлъ поменьше претензій на геніальность и побольше—не говоримъ таланта, а—способности, не возносился-бы въ недоступную для его ограниченности превыспренность, а писалъ бы въ легкой родѣ—комедіи, фарсы, сатиры, журнальныя статьи,—онъ былъ бы замѣчательнымъ для своего времени литераторомъ; и хотя его творенія также были бы забыты, но вліяніе ихъ на свое время было бы дѣйствительнѣе и полезнѣе.—Херасковъ, также человѣкъ безъ всякаго поэтическаго призванія, еще больше утвердилъ направленіе, данное Ломоносовымъ литературѣ. Современники называли его російскимъ Гомеромъ и Виргиліемъ; Державинъ не смѣлъ думать даже о равенствѣ съ нимъ, не только о превосходствѣ надъ нимъ.—Надутый и холодный Петровъ былъ торжествомъ схоластической литературы. Самъ Державинъ, поэтъ по своей натурѣ и призванію, талантъ несравненно высшій Ломоносова, покорился этому схоластическому направленію, замѣтному даже въ лучшихъ его созданіяхъ... И такъ, что же мы видимъ въ этомъ періодѣ русской литературы?—пустое и безплодное подражаніе, схоластическое, враждебное обществу и жизни направленіе, и случайныя проблески дарованій — не больше. Видимъ словесность, но не видимъ литературы.

*) Просимъ замѣтить, что здѣсь говорится о Ломоносовѣ только какъ о поэтѣ-литераторѣ, а не какъ объ ученомъ. Ученыя заслуги его безсмертны и еще не оцѣнены надлежащимъ образомъ.

Ломоносовскій періодъ русской литературы былъ смѣненъ Карамзинскимъ. вмѣсто подражанія римлянамъ и нѣмцамъ XVII-го вѣка и первой половины XVIII-го вѣка, мы стали подражать французамъ. Языкъ свергъ съ себя латинско-германскія вериги и вмѣсто ихъ облекся въ шитый французскій кафтанъ прошлаго вѣка. Это было шагомъ впередъ: языкъ приблизился къ языку живому, общественному; литература изъ надутно-героической сдѣлалась сантиментально-общественной и современной. „Бѣдная Лиза“ убила „Кадма и Гармонію“; стихи къ Лилетамъ и Нинамъ сбавили цѣны съ громкимъ одъ. Трагедіи Озерова начали извлекать у зрителей слезы умиленія, вмѣсто того чтобъ только возводить ихъ души на дыбу мишурныхъ фразъ. Между тѣмъ, независимо отъ Карамзина, является поэтическій юноша, даетъ новый толчокъ языку и вводитъ въ русскую литературу туманы Альбіона и нѣмецкую мечтательность; а самостоятельная художническая муза Батюшкова борется съ ложнымъ французскимъ направленіемъ — и то побѣждаетъ его, то побѣждается имъ. Вотъ, въ краткомъ очеркѣ, два періода русской литературы — Ломоносовскій и Карамзинскій, за которыми послѣдовалъ Пушкинскій... Теперь взглянемъ на значеніе слова „литература“.

Слово „литература“ по-русски можетъ быть переведено словомъ „письменность“. Отсюда ясно, что литература есть совокупность словесныхъ произведеній, хранящихся не въ памяти и устахъ народа, но въ книгѣ, и развившихся въ послѣдовательномъ порядкѣ и зависимости другъ отъ друга. Словесность есть кладъ, зарытый въ землѣ и немногими знаемый; литература есть общее достояніе. Занятіе словесностью есть родъ элевзинскихъ таинствъ; — литературою — открытое дѣло, имѣющее прямое и опредѣленное значеніе. Произведенія словесности — тѣни, являющіяся на заклинаніе магика; произведенія литературы — живыя, всѣмъ извѣстныя и для всѣхъ равно доступныя лица, съ опредѣленными именами. Арена словесности — келья монаха, кабинетъ мудреца, зала пиршествъ, темный лѣсъ, зеленые дубровы и широкія поля; оттуда выходили всѣ произведенія ея — хроники, лѣтописи, легенды, пѣсни, сказки и проч. Арена литературы имѣетъ

опредѣленное мѣсто: это родъ сцены, на которой разыгрывается драма передъ лицомъ многочисленнаго собранія, изъ-являющаго рукоплесканіями и кликами участіе свое и восторгъ. Письмо спасло произведенія словесности отъ забвенія и изъ хранилища памяти перевело ихъ въ хранилище рукописи; книга родила и упрочила возможность литературы и произведенія самой словесности сдѣлала принадлежностью литературы. Словесность существовала у всѣхъ народовъ, пока слово было достояніемъ цѣлаго народа, а не избранныхъ изъ среды лицъ, составляющихъ народъ; оттого-то и неизвѣстны творцы этихъ наивныхъ и могущественныхъ въ своей цѣломудренной простотѣ народныхъ пѣсень, легендъ и сказокъ. Если сохранились имена лѣтописцевъ, — этимъ они обязаны искусству писанія, а не сокровищницѣ народной памяти, удерживавшей въ себѣ только пословицы и пѣсни, какъ произведенія отдѣльныхъ лицъ, которыя превосходили всѣ прочіе глубиной своихъ натуръ, силой талантовъ, но не образованіемъ. И потому лѣтописи, требовавшія людей, которые бы превосходили современниковъ своимъ образованіемъ, уже представляютъ собою какъ бы начало литературы. Всѣ европейскіе литературы начались въ среднихъ вѣкахъ богословскими сочиненіями, и преимущественно богословской полемикой; но только книгопечатаніе могло дать этой полемикѣ и обширнѣйшій кругъ дѣйствія, и большую энергію, и большее вліяніе, и болѣе интересъ: ибо только книгопечатаніе могло дать этой великой драмѣ приличную для нея сцену, съ которой всѣмъ равно были видны ея ходъ и развитіе. Отдѣльность, изолированность и сепаратность произведеній ума — характеристическая принадлежность словесности; общность, взаимная связь, зависимость и соотносительность — характеристическая принадлежность литературы.

Но все это только описаніе, признаки, а не опредѣленіе литературы, изъ котораго единственно можетъ быть видна сущность вопроса. Литература есть сознаніе народа: въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражаются его духъ и жизнь; въ ней, какъ въ фактѣ, видно назначеніе народа, мѣсто, занимаемое имъ въ великомъ семействѣ человѣческаго рода, моментъ всемірно-историческаго развитія человѣческаго духа, который

онъ выражаетъ своимъ существованіемъ. Источникомъ литературы народа можетъ быть не какое-нибудь внѣшнее побужденіе или внѣшній толчокъ, но только міросозерцаніе народа. Міросозерцаніе всякаго народа есть зерно, сущность (субстанція) его духа, тотъ инстинктивный внутренній взглядъ на міръ, съ которымъ онъ рождается, какъ съ непосредственнымъ откровеніемъ истинны, и который есть его сила, жизнь и значеніе, — та призма съ однимъ или нѣсколькими первосушными цвѣтами радуги, сквозь которую онъ созерцаетъ тайну бытія всего сущаго. Міросозерцаніе есть источникъ и основа литературы. Это фонъ, на которомъ рисуются ея картины, канва, по которой вышиваются ея узоры. Чтобы объяснить это примѣромъ, мы должны указать на литературы важнѣйшихъ въ развитіи человечества народовъ. Разумѣется, это будутъ не характеристики, а только легкіе намеки; опредѣлить міросозерцаніе народа — задача великая, трудъ гигантскій, достойный усилій величайшихъ геніевъ, представителей современнаго философскаго знанія: это значитъ исчерпать всю жизнь народа, о которомъ идетъ рѣчь... Однакожъ попытаемся сдѣлать хоть легкій очеркъ.

Оставляя въ сторонѣ санскритскую поэзію, въ исполинскихъ и чудовищныхъ образахъ которой ярко свѣтитъ пантеистическое міросозерцаніе, которое поняло Бога въ его воплощеніи въ природѣ и ея великихъ процессахъ, — обратимся къ другому народу древности, болѣе близкому къ намъ, считающимъ себя европейцами, — къ грекамъ.

Для выраженія нашей мысли достаточно будетъ одной легкой черты изъ „Иліады“ — этого вѣчно-живого слова, субстанціального источника жизни грековъ, изъ котораго истекли вся дальнѣйшая ихъ литература и знаніе, и въ отношеніи къ которому и трагики, и лирики ихъ, и самъ философъ Платонъ — только его развитіе и дополненіе. Помните ли вы то мѣсто въ XVIII пѣснѣ „Иліады“, гдѣ Гефестъ-хромоногій готовится къ принятію посѣтившей его обитель Ѡеиды, среброногой матери Ахиллеса, пришедшей молить его, да сдѣлаетъ по замысламъ творческимъ божественный художникъ новые доспѣхи ея любезному сыну:

Рекъ, и отъ наковальни великанъ закоптѣлый поднялся,
И, хромонный, медлительно голени слабыя двигалъ:
Свялъ отъ горна мѣха, и снаряды, какими работалъ,
Собралъ всѣ, и вложилъ ихъ въ красивый ларецъ среброковный;
Губкою влажною вытеръ лицо и могучія руки,
Выю дебетую, жилистый тылъ и косматые перси;
Ризой одѣлся, и толстымъ жезломъ подтираясь, въ двери
Вышелъ хромая; прислужницы, подъ руки взявши владыку,
Шли.
Съ боку владыки онѣ поспѣшали, а онъ, комыкаясь,
Къ мѣсту прибрелъ, гдѣ Оемида сидѣла на тронѣ блестящемъ...

или то мѣсто въ XX вѣснѣ, гдѣ боги, получившіе соизво-
леніе отъ Зевса сражаться за ту сторону, за которую кто
хочетъ, спѣшатъ съ многохолмнаго Олимпа, кто къ рати
ахейцевъ, кто къ рати данаевъ:

Съ ними къ судамъ и Гефестъ огромный и пышущій силой
Шелъ хромая; съ трудомъ волочилъ онъ увѣчные нош.

Какая превосходная, дивно-прекрасная картина—чего же?—
не красоты, а безобразія!... Какое поэтически-прекрасное
безобразіе!.. Такую черту можно подмѣтить только у народа,
который на все смотрѣлъ и все понималъ сквозь призму кра-
соты; котораго даже повседневная жизнь до того была про-
никнута чувствомъ красоты, что женщины, являвшіяся пуб-
лично съ неубранными волосами, подвергались взысканію по
закону. Да, только народъ-художникъ, поклонникъ и слу-
житель красоты, могъ изъ тѣлеснаго недостатка, изъ безоб-
разія и уродства создать типъ такой оригинальной, такой
обаятельной красоты!...

Теперь укажемъ на три современныхъ намъ великія націи—
представительницы современнаго человѣчества. Германія и
Франція представляютъ собою два противоположные полюса,
двѣ противоположныя крайнія стороны духа человѣческаго:
первая—вся мысль, вся идея, вся созерцаніе; вторая—вся
дѣло, вся жизнь. Германія понимаетъ (созерцаетъ) жизнь,
какъ сознаніе, — и отсюда мыслительно-созерцательный, субъек-
тивно-идеальный характеръ ея искусства и науки; отъ этого
и само искусство ея не что иное, какъ параллель философіи,
какъ особенная форма созерцательнаго мышленія, и отсюда
же абсолютный, мірообъемлющій и вѣчно-юный характеръ

произведеній ея литературы вообще—и науки, и поэзіи. Франція, напротивъ, понимаетъ (созерцаетъ) жизнь, какъ развитіе общественности, какъ приложеніе къ обществу всѣхъ успѣховъ науки и искусства, и отсюда положительный характеръ ея науки и общественный (соціальный) характеръ ея искусства. Для нѣмца наука и искусство—сами себѣ цѣль и высшая жизнь, абсолютное бытіе; для француза наука и искусство—средства для общественнаго развитія, для отрѣшенія личности человѣческой отъ тяготящихъ и унижающихъ ее оковъ преданія, моментальнаго опредѣленія и временныхъ (а не вѣчныхъ) общественныхъ отношеній. И вотъ причина, почему литература французская имѣетъ такое огромное вліяніе на всѣ образованные народы; вотъ почему ея летучія произведенія пользуются такой всеобщностью, такой извѣстностью; вотъ почему они такъ и недолговѣчны, такъ эфемерны. Ихъ содержаніе—интересы и вопросы настоящей минуты: съ нею они возрождаются, съ нею и проходятъ, ибо въ этой кипящей жизнью землѣ завтра уже не интересуется то, что интересовало вчера. Что такое Корнель и Расинъ, какъ не поэты придворнаго этикета, придворной утонченности жизни? И что герои и героини ихъ такъ называемыхъ трагедій, эти пудренные греки и римляне, эти гречанки и римлянки, съ фижмами и мушками, какъ не представители выродившейся рыцарственности, любезные кавалеры и дамы блестящаго двора Людовика XIV?... Отцвѣла французская монархія, съ своими маркизами, контами и виконтами, съ своими париками и фижмами,—и геніальныя трагедіи плѣняютъ только людей, чуждыхъ эстетическаго вкуса. Теперь насталъ другой вѣкъ: Вольтеръ и Руссо забыты, энциклопедисты уже не почитаются извергами человѣческаго рода, хотя—надо сказать правду—за покойниками и много водилось грѣшковъ. Такъ называемая романтическая школа: Гюго, Сю, Жаненъ, Бальзакъ, Дюма, Жоржъ Зандъ и другіе возникли и преходятъ на нашихъ глазахъ и готовятся къ смѣнѣ; но какъ еще недавно ярка была ихъ слава, какъ велико было ихъ вліяніе! И что же они? что такое „Послѣдній день осужденнаго къ смерти“, „Мертвый оселъ и гильотинированная женщина“? что такое кровавыя нелѣпости Александра Дюма?—протестъ человѣка

противъ общества, апелляція человѣческой личности на общество, поданная ею этому же самому обществу. Что такое восторженные бредни Жоржъ Занда?—*profession de foi* сенсимонизма въ формѣ повѣстей, драмъ и романовъ. Что такое „*Notre dame de Paris*“ и всѣ драмы Гюго?—усиліе доказать, что и въ самыхъ искаженныхъ человѣческихъ натурахъ есть прекрасныя стороны; что чудовище Квазимодо можетъ нѣжно любить женщину, что развратная Маріонъ де-Лормъ можетъ возстать отъ униженія и возвратить свое утраченное женственное достоинство чрезъ чувство любви, развратный шутъ Трибюле можетъ нѣжно любить свою дочь, а гнусное чудовище Лукреція Борджіа можетъ обнаруживать глубокое материнское чувство, и т. п. Повторяемъ: вотъ причина; почему эфемерныя явленіе французской литературы всегда имѣли и будутъ имѣть сильнѣйшее вліяніе на большинство публики всѣхъ образованныхъ народовъ и пользоваться большей извѣстностью, чѣмъ произведенія величайшихъ художниковъ. Тѣ, которые на нихъ нападаютъ, смотря на нихъ съ точки зрѣнія искусства, ищутъ въ нихъ не того, чего въ нихъ должно искать,—и потому ошибаются, отрицая даровитость и достоинство въ людяхъ, обращающихъ на себя вниманіе цѣлаго міра. Короче: изъ міросозерцанія французскаго народа можно вывести и хорошія, и дурныя стороны его литературы: и искренность пламеннаго чувства, живую симпатію къ интересамъ человѣчества, увлекательную, общедоступную форму, въ которую съ такой легкостью облачаетъ онъ нерѣдко самыя отвлеченныя юношескія, не скажу мысли, но мечты,—и крайности, нелѣпости, фразистость, любовь къ эффектамъ, риторическую шумиху, явленіе жалкихъ талантовъ, подобныхъ Ламартину, и проч.

Англичане представляютъ собою какъ-бы примиреніе Германіи съ Франціей. Страна по преимуществу общественная, практическая, Англія уважаетъ преданіе и борется съ нимъ, и побѣждаетъ его на законномъ основаніи, съ соблюденіемъ формъ, разсчитаннымъ и размѣреннымъ шагомъ, медленно, осторожно, прочно и вѣрно. Чуждая французской отвлеченности и юношеской способности увлекаться мечтами и идеями, Англія глубоко понимаетъ жизнь; отчизна Шекспира, она

владѣть литературой, представляющей изъ себя существенныя (субстанціальныя) произведенія искусства, которыя германская мыслительность торжественно признаетъ абсолютными и вѣчными; но практическая и положительная Англія чужда всякой отвлеченности въ мышленіи, и всѣ ея попытки въ философіи всегда были ничтожны сами по себѣ и нисколько недостойны ея великихъ успѣховъ въ поэзіи.

Характеръ германскаго мышленія и поэзіи—превыспренность и идеальность. Остроуміе есть орудіе французовъ во всемъ, даже въ возвышенной поэзіи, чему самымъ разительнымъ примѣромъ служатъ игривыя и шипучія, подобно національному ихъ напитку, созданія Беранже. Юморъ лежитъ въ основаніи британскаго міросозерцанія.

Теперь, въ чемъ же состоитъ наше русское міросозерцаніе? Наука еще не сдѣлала у насъ никакого успѣха, и потому не въ ней должно искать нашего міросозерцанія (ибо міросозерцаніе выражается не въ математикѣ и другихъ положительныхъ наукахъ, а въ исторіи и философіи, которыхъ, какъ наукъ, у насъ еще нѣтъ). Станемъ же искать его въ поэзіи. Развернемъ наши народныя пѣсни и легенды: что найдемъ въ нихъ? Духъ силы, какого-то удалства, которому море по колѣно, какого-то широкаго размета души, незнающаго мѣры ни въ горѣ, ни въ радости. Но сила эта пока еще чисто матеріальная: она проявляется въ богатыряхъ, которымъ палица въ триста пудъ—что тросточка, которые кладутъ въ ротъ по ковригѣ и запиваютъ ушатомъ. Удалство и широкій разметъ души опять-таки показываютъ сильную, свѣжую и здоровую натуру народа, но въ нихъ еще не видно никакого міросозерцанія. Правда, глубокая грусть, при этой исполинской силѣ, намекаетъ на какое-то темное *) сознаніе противорѣчія судьбы народа съ его значеніемъ; но все это относится собственно къ его индивидуальности, а міросозерцаніе есть непосредственное разумѣніе общаго, вѣчнаго, непреходящаго. Но если бы и можно было отыскать въ нашей естественной (народной) поэзіи слѣды какого-нибудь

*) Здѣсь разумѣется исторія народа отъ ея начала до временъ Петра Великаго,—времени, когда кончилась собственно-народная поэзія, и народу было указано его истинное, великое назначеніе.

міросозерцанія, — оно не могло ни развиться, ни произвести какія-либо слѣдствія, потому что Россія жила изолированной отъ человѣчества жизнью, чуждая интересовъ человѣчества, и до Петра Великаго была, подобно восточнымъ монархіямъ — не государствомъ, а народомъ-семействомъ. Слѣдовательно, тутъ нѣтъ и слова о литературѣ. Теперь, откуда же могла взятъ литература послѣ Петра?... И ея естественно не было, потому что не могло быть. Намъ скажутъ, что Россія, пріобщившись жизни европейской, пріобщилась и ея интересамъ. Прекрасно; но эти интересы нельзя было перевести съ товарами изъ-за-границы; ихъ надо было развить изъ своей жизни, а Россіи было не дотого: она хлопотала, какъ и слѣдовало, объ усвоеніи себѣ не содержанія, а пока только формъ европейской жизни. Поэтому удивительно ли, что въ поэзіи Ломоносова нѣтъ никакой поэзіи, потому что нѣтъ никакого обще-человѣческаго (въ народной формѣ) содержанія? удивительно ли, что народъ остался къ ней равнодушенъ и доселѣ не знаетъ о ея существованіи? А между тѣмъ въ Ломоносовѣ нельзя отрицать ни замѣчательнаго поэтическаго таланта, ни великаго ума, ни великой души. — Потомъ Державинъ. Какое міросозерцаніе лежитъ въ основѣ его творчества? — Оно все высказалось въ его дивно-прекрасной одѣ „на смерть Мещерскаго“, этомъ величайшемъ его созданіи, и особенно въ этихъ стихахъ:

Ликъ роскоши, прохлада и нѣтъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни берегъ
Къ берегамъ ты мертвыхъ удалился.
Здѣсь персть твоя, и духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ? — онъ тамъ! — Гдѣ тамъ! — не (знаемъ),
Мы только плачемъ и зываемъ:
„О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“

Эта мысль о преходимости жизни, неизвѣстности за гробомъ, какъ громъ среди пиршества, прохлада и нѣтъ, приводила въ оцѣпенѣніе игравшихъ жизнью дѣтей русскаго XVIII вѣка, — и въ одной этой мысли заключается все міросозерцаніе Державина. Вы ее увидите и въ другомъ великомъ его произведеніи „Водопадъ“. Даже въ послѣднихъ его стихахъ,

написанныхъ уже хладѣющими отъ смерти перстами, выразилась все она же, все эта же мысль. Но откуда вышло это міросозерцаніе столь исключительное и одностороннее? Изъ народной ли жизни?—нѣтъ! оно было чуждо народа, чуждо даже среднихъ сословій его: оно перешло изъ Европы въ изношенномъ видѣ къ вѣльможеству того времени—единственному слою тогдашняго общества, который прежде всѣхъ пробудился къ жизни и приобщился, хотя и внѣшнимъ образомъ, къ интересамъ европейскаго существованія. Но вѣкъ тотъ прошелъ, а въ царствованіе Александра Благословеннаго пробудилось къ жизни среднее дворянство, уже незаставшее этого вѣка. Удивительно ли послѣ этого, что наше общество доселѣ такъ упорно равнодушно къ Державину и не хочетъ его читать, хотъ и признаетъ въ немъ великій талантъ?—Велики заслуги Карамзина русскому обществу, русскому образованію, русской литературѣ; безсмертно и велико имя его; но онъ сынъ своего времени, дѣйствительный своей эпохи,—и не содержаніе русской жизни развивалъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ, а знакомилъ русскихъ съ содержаніемъ европейской жизни.—Мы сказали о значеніи Корнеля и Расина, какъ поэтовъ и трагиковъ; но, право, не умѣемъ сказать значенія Озерова: онъ былъ человѣкъ не безъ таланта и подражалъ французскимъ трагикамъ,—вотъ все.—Не менѣе Карамзина велика заслуга русскому обществу, образованію, литературѣ и со стороны Жуковскаго; но это опять знакомство Россіи съ Европой, а не Европѣ съ Россіей.—Не ищите также русскаго содержанія и въ художественной поэзіи Батюшкова; она чистый космополитизмъ: она понемногу и французская, и англійская, и древне-греческая, и никакая, а главное—нисколько не русская.

Гдѣ жъ тутъ литература, какъ сознаніе народа, какъ выраженіе его міросозерцанія? Гдѣ ея историческое развитіе? Скажите, въ какомъ отношеніи между собою находятся эти поэты—Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ? Докажите, что Жуковскій непременно долженъ былъ явиться послѣ Карамзина, а не прежде; Озеровъ и Батюшковъ—не прежде ихъ обоихъ!.. Нѣтъ, каждый изъ нихъ дѣйствовалъ самъ по себѣ и отъ себя, независимо отъ про-

шедшаго, не спрашиваясь у настоящаго. Это герои, великія или замѣчательныя личности; но въ ихъ лицѣхъ не замѣтно историческихъ судебъ народа: герои сами по себѣ, народъ самъ по себѣ. Только одинъ изъ нихъ требуетъ исключенія: это Крыловъ, — и онъ всего лучше доказываетъ вѣрность нашего взгляда на этотъ предметъ. Его басни вышли изъ народнаго русскаго ума, изъ русскаго разсудочнаго созерцанія жизни. За то въ лицѣ Крылова, басня русская достигла своего высшаго развитія, — и народъ знаетъ Крылова: вѣдь кто нибудь да раскупилъ же сорокъ тысячъ экземпляровъ его басенъ.

Только съ Пушкина начинается русская литература, ибо въ его поэзіи бьется пульсъ русской жизни. Это уже не знакомство Россіи съ Европой, но Европы съ Россіей. Этотъ вопросъ однакожь требуетъ изслѣдованія. Для насъ величайшее созданіе Пушкина — его „Каменный Гость“. Но какое содержаніе этого произведенія? Оно родилось въ Испаніи и взлелѣяно ею; его воспроизводилъ великій Моцартъ въ музыкѣ, великій Байронъ въ поэзіи. Русскій поэтъ воспроизвелъ его чуть ли еще не полнѣе и не глубже Байрона; но его великое созданіе — какое оно? европейское. Будь Анахарсисъ великимъ поэтомъ, какъ Эсхилъ, — онъ создалъ бы „Прометея“, миѳъ греческій, плодъ греческаго міросозерцанія, но твореніе было бы обще-человѣческое, и его оцѣнили бы греки, а скиѳы даже и не узнали бы о его существованіи. Съ этой же точки смотримъ мы на „Бахчисарайскій Фонтанъ“, „Цыганъ“, „Скупого Рыцаря“, „Моцарта и Сальери“, „Египетскія ночи“ и проч.: все это созданія великія, мировыя и чисто-европейскія; но какому народу, какому вѣку принадлежатъ они? — Человѣчеству и вѣчности!.. Что такое напимѣръ Байронъ и Шиллеръ? Первый выразилъ собою переходъ отъ одного вѣка къ другому, другой былъ провозвѣстникомъ новаго вѣка. Тотъ и другой занимаютъ извѣстное и опредѣленное мѣсто во всемірно-историческомъ развитіи человѣчества, и ни тотъ, ни другой не могъ бы явиться въ другое время, а еслибъ и явился, то его поэзія носила бы на себѣ другой характеръ, выразила бы другую мысль, другое содержаніе. Поэзія Байрона — это вопль страданія, это жалоба,

но жалоба гордая, которая скорѣе даетъ, чѣмъ просить, скорѣе снисходитъ, чѣмъ умоляетъ; это Прометей прикованный къ Кавказу; это личность человѣческая, возмущившаяся противъ общаго и, въ гордомъ возстаніи своемъ, опершаяся на самое себя. Отсюда эта исполинская сила, эта непреклонная гордыня, этотъ могучій стоицизмъ, когда дѣло касается до общаго—и эта грустная любовь, эта кроткая задушевность, эта нѣжность и мягкость при обращеніи къ несправедливо отягощенной страданіемъ личности. Шиллеръ—адвокатъ чело-вѣчества, но полный любви и довѣренности къ общему, провозвѣстникъ высокихъ истинъ, голосъ, сзывающій братьевъ по чело-вѣчеству отъ земли къ небу, органъ неистощимой любви къ чело-вѣчеству; подобно Байрону, онъ весь въ созерцаніи правъ личнаго чело-вѣка, индивидуума, противъ эгоизма общества, предразсудковъ и темныхъ, непросвѣтленныхъ разумнымъ сознаніемъ вѣрованій; но онъ полонъ любви и очарованія, полонъ надеждъ; его поэзія—явно моментъ, предшествующій поэзіи Байрона, и онъ выразилъ его въ духъ своей націи, оба они стоятъ на прагѣ, раздѣляющемъ XVIII вѣкъ отъ XIX-го, и для обоихъ нѣтъ другого мѣста, другого момента времени. Поэзія того и другого—страница изъ исторіи чело-вѣчества; вырвите ее—и цѣлость исторіи исчезла: останется пробѣлъ, ничѣмъ незамѣнимый. Гдѣ же мѣсто Пушкина? какую страницу исторіи заняла его поэзія?.. Не менѣе Байрона и Шиллера великій, онъ тѣмъ не менѣе могъ не быть, какъ и былъ,—и въ исторіи чело-вѣчества отъ этого не сдѣлалось бы ни малѣйшаго пробѣла. Явленіе міровое и великое по своей творческой силѣ, онъ—чело-вѣкъ, приобщившій, по праву чело-вѣческой природы, а не по историческому праву, чело-вѣческихъ интересовъ, усвоившій ихъ себѣ и исполнѣ пользовававшийся ими, какъ готовымъ содержаніемъ для своего исполинскаго генія... Здѣсь опять еще не видно собственно русской литературы...

Но Пушкинъ былъ въ то же время и поэтъ русскій по преимуществу, однакожъ не въ „Полтавѣ“ и не въ „Борисѣ Годуновѣ“, въ которыхъ сама исторія дала ему готовое содержаніе и готовое міросозерцаніе, а въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Здѣсь онъ исчерпалъ до дна современную русскую жизнь,

но—Боже мой!—какое это грустное произведение!.. Въ немъ жизнь является въ противорѣчїи съ самой собою, лишенной всякой субстанціальной силы. Герой поэмы—Онѣгинъ, человекъ, чувствующій свое превосходство надъ толпою, рожденный съ большими силами души, но въ тридцать лѣтъ уже безжизненный, отцвѣтшій, чуждый всякихъ интересовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неспособный войти въ общую колею пошлой жизни, равно зѣвающій „среди модныхъ и старинныхъ залъ“... Въ концѣ романа онъ воскресаетъ къ жизни, ибо въ немъ воскресаетъ желаніе, но потому только, что оно невыполнимо,—и романъ оканчивается ничѣмъ. Героини его Татьяна и второстепенное лицо Ленскій—чудные, прекрасные человѣческіе образы, благороднѣйшія натуры; но уже поэтому самому они чужды всего остального міра окружающихъ ихъ людей, связаны съ ними только внѣшними узами; между своими—они какъ будто между врагами, у себя дома—какъ будто въ непріятельскомъ станѣ; они—явленія отдѣльныя, исключительныя и какъ-бы случайныя, какъ великіе таланты въ русской литературѣ... Окружающая ихъ дѣйствительность ужасна—и они гибнутъ ея жертвой, и тѣмъ скорѣе, что не понимаютъ, подобно Онѣгину, ея значенія, и довѣрчивы къ ней... Весь этотъ романъ—поэма несбывающихся надеждъ, недостигающихъ стремленій,—и будь въ ней то, что люди, непонимающіе дѣла, называютъ планомъ, полнотой и оконченностью, — она не была бы великимъ созданіемъ великаго поэта, и Русь не заучила бы ея наизусть... Это приводитъ намъ на память другое русское созданіе—„Невскій Проспектъ“ Гоголя, въ которомъ художникъ Пискаревъ погибъ жертвой своего перваго столкновенія съ дѣйствительностью, а подпоручикъ Пироговъ, поѣвши въ кондитерской сладкихъ пирожковъ и почитавши „Пчелки“, забылъ о мщеніи за кровную обиду...

Вотъ гдѣ видно начало русской литературы, но еще не русская литература. Она только что начинается, но ея еще нѣтъ,—и начинается она съ Пушкина, а до него рѣшительно не было русской литературы; вмѣсто ея была словесность—рядъ отдѣльныхъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою явленій, вышедшихъ не изъ родной почвы русскаго духа, а изъ подражанія чужимъ образцамъ...

Не знаемъ, какъ покажется читателямъ нашъ взглядъ на русскую литературу; но что касается до насъ собственно— по пословицѣ: „что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“— мы и тому рады, что постарались рѣшить вопросъ ко взаимному удовольствію обѣихъ сторонъ—и той, которая не признаетъ существованія русской литературы, и той, которая держится за нее обѣими руками. Да, мы такъ этому рады, что продолжимъ наши доказательства, но теперь уже чисто практическими фактами, чтобъ всякій имѣющій глаза могъ видѣть.

Литература не можетъ существовать безъ публики, какъ и публика безъ литературы: это фактъ столь же неоспоримый, какъ и почтенная истина, что дважды-два — четыре. А есть ли у насъ публика?... Прежде, чѣмъ рѣшимъ этотъ вопросъ, опредѣлимъ сперва, что такое публика. Если подъ этимъ словомъ разумѣется извѣстное число людей, читающихъ и покупающихъ книги, то, конечно, и у насъ есть публика, хоть и небольшая относительно всей массы народонаселенія, точно такъ же, какъ если подъ „литературой“ должно разумѣть извѣстное количество печатныхъ книгъ, то у насъ есть литература, хотя и небольшая. Жители провинцій, — и это, право, почтенные люди,—пріѣзжая по дѣламъ въ Петербургъ или Москву, между другими, болѣе важными вещами, гостинцами для женъ, дочерей и сыновей, покупаютъ и книги; на Макарьевской ярмаркѣ, дѣлая годовыя закупки чая, кофе, сахара и прочаго домашняго обихода, они запасаются и книгами. Журналы наши находятъ себѣ подписчиковъ, и даже очень много: у одного журнала, говорятъ, было ихъ нѣкогда—давно ужъ — около пяти тысячъ. И такъ, у насъ есть публика!... Но нѣкоторые подъ „публикой“ разумѣютъ другую сторону одного и того же народа, сознающаго себя въ литературѣ, — сторону, которая въ созданіяхъ пишущей стороны находитъ свой же собственный духъ, свою же собственную жизнь. По этому мнѣнію, котораго и мы придерживаемся, публика находится въ живомъ соотношеніи съ своими писателями: тѣ — производители, она — потребитель; тѣ — актёры, она — зрители, награждающіе актеровъ своимъ сочувствіемъ, своими восторгамъ. Литература есть ея сокровище, ея добро:

она судить о ея произведеніяхъ, назначаетъ имъ цѣну, не даетъ возвышаться жалкой посредственности, ни глхнуть въ забвеніи истинному таланту. Для публики занятіе литературой не есть отдохновеніе отъ заботъ жизни, не сладкая дремота въ эластическихъ креслахъ послѣ жирнаго обѣда, за чашкой кофе;—нѣтъ, занятіе литературой для нея *res publica*, дѣло общественное, великое, важное, источникъ высокаго нравственнаго наслажденія, живыхъ восторговъ. Несмотря на безконечное множество лицъ, составляющихъ публику, она сама есть нѣчто единое, единичная живая личность, исторически развивавшаяся, съ извѣстнымъ направленіемъ, вкусомъ, взглядомъ на вещи. Поэтому публика видитъ въ литературѣ свое, плоть отъ плоти своей, кость отъ костей своихъ, а не что-нибудь чуждое, случайно наполнившее собою извѣстное число книгъ и журналовъ. Гдѣ есть публика, тамъ писатели вывариваютъ народное содержаніе, вытекающее изъ народнаго міросозерцанія, а публика своимъ участіемъ, выраженіемъ своего восторга или неудовольствія показываетъ, до какой степени тотъ или другой писатель достигъ въ своемъ твореніи этой высокой цѣли. Гдѣ есть публика, тамъ есть и общественное мнѣніе, опредѣленно произнесенное, есть родъ непосредственной критики, которая отдѣляетъ пшеницу отъ плевелъ, награждаетъ истинное достоинство, наказываетъ жалкую бездарность, или дерзкое шарлатанство. Публика есть высшее судилище, высшій трибуналъ для литературы. Мы не будемъ говорить, есть ли у насъ публика, или до какой степени она есть у насъ, но представимъ нѣсколько фактовъ, и старыхъ и новыхъ, по которымъ пусть всякій дѣлаетъ какое ему угодно заключеніе. У насъ былъ журналъ*), старавшійся знакомить насъ съ современной Европой, распространявшій мысль о движеніи мысли по закону смѣненія стараго новымъ, объ отсталости и устарѣлости всего, что не слѣдитъ за успѣхами ума человѣческаго во времени. Вѣрный своему направленію, этотъ журналъ много пустилъ въ оборотъ дѣльныхъ понятій, много уничтожилъ незаслуженныхъ авторитетовъ, еще больше уничтожилъ заплѣсневѣлыхъ убѣжденій, литературныхъ предразсуд-

*) „Телеграфъ“.

ковъ, убилъ на-поваль вліяніе на нашу литературу французскаго псевдо-классицизма. Большое дѣло было имъ сдѣлано! Правда, его заслуга была отрицательная: онъ много уничтожилъ дурного и ничего не утвердилъ хорошаго; его признаніе было — разрушать, а не созидать, но если вы на мѣстѣ стараго, безобразнаго дома хотите выстроить новый и красивый — вамъ нельзя будетъ сдѣлать этого, если не сломаете стараго, а это трудъ немалый! И вотъ журналъ, о которомъ мы говоримъ, кончилъ свое дѣло вполне, такъ что ужъ сталъ повторять самого себя; не говоря ничего новаго, началъ становиться самъ въ ряды отсталыхъ, благодаря быстрому ходу и движенію всего новаго. Наконецъ онъ прекратился. Надо сказать, что публика наша оцѣнила его, отличивъ его отъ другихъ: онъ былъ исключительнымъ ея любимцемъ, и у него доходило иногда, какъ говорятъ, до 1500, и никогда не бывало меньше 1200 подписчиковъ въ то время, какъ его со-братіи довольствовались и тремя-стами, а при шести-стахъ подписчикахъ считали себя богачами и счастливцами... Вдругъ на его мѣсто является другой журналъ**) и, благодаря ловкой программѣ, оборотливости книгопродавца и содѣйствію пріятельской газеты, пріобрѣтаетъ вдругъ около 5000 подписчиковъ. Чтò же? — всѣ думаютъ, что это будетъ журналъ съ мнѣніемъ, направленіемъ, что онъ поидетъ дальше своего предшественника, будетъ высказывать что-нибудь положительное, будетъ зрѣлѣе, основательнѣе, глубже, словомъ, — начнетъ съ того на чемъ остановился его предшественникъ.. Ничего не бывало! новый журналъ дебютировалъ слѣдующими глубоко философскими идеями: „изящное не существуетъ само по себѣ, какъ абсолютная сущность, но есть понятіе относительное, которое основывается на личномъ ощущеніи всѣхъ и каждого, и выражается формулой: это хорошо, потому что мнѣ нравится, и это дурно, потому что мнѣ не нравится“. Вотъ что называется идти съ вѣкомъ наравнѣ! Вотъ истинный шагъ впередъ!... Но этимъ проказа не кончилась: журналъ простеръ несравненно далѣе свое „изволятъ потѣшаться надъ публикой“. Онъ вдругъ провозгласилъ, что прогрессъ человѣчества —

**) „Библіотека для Чтенія“.

вздоръ, что слѣдовательно исторія тоже—вздоръ; что разумъ просто надуваетъ человѣчество; что знаніе невозможно, наука и ученіе ни къ чему не ведутъ; что историческіе романы Вальтеръ-Скотта — плодъ незаконнаго, совокупленія исторіи съ поэзіей, и пр., и пр. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мудрыхъ правилъ этотъ журналъ поставилъ на одну доску великаго Гёте съ г. Кукольниковъ, упалъ передъ обоими ими на колѣни и, закрывъ глаза, въ восторгѣ началъ кричать: „Великій Гёте! Великій Кукольникъ!“ Это было сдѣлано имъ при разборѣ „Торквато Тассо“, произведенія Кукольника, отличающагося нѣсколькими довольно удачными стихами и теперь совершенно забытаго. Вмѣстѣ съ произведеніями Пушкина, Жуковскаго, князя Одоевскаго этотъ журналъ началъ печатать повѣстцы извѣстнаго рода веселаго содержанія и стишки разныхъ господъ, неумѣвшихъ даже нанизывать рѣимы. Не довольствуясь этимъ, онъ постоянно, съ какой-то систематической расцѣтливостью, сталъ преслѣдовать все, въ чемъ есть хоть сколько-нибудь таланта, и покровительствовать всему, что отличалось бездарностью или посредственностью. И что же? публика тотчасъ увидѣла, что надъ нею „изволятъ потѣшаться“, что ее „надувають“ за ея же деньги и—перестала подписываться на этотъ журналъ?... Какъ бы не такъ! Несмотря на то, что съ обертки этого журнала на другой же годъ его существованія слетѣли всѣ блестящіе имена, заманившіе публику, несмотря на то, что всѣ литературныя знаменитости печатно отказались отъ участія въ изданіи, — публика россійская продолжала восхищаться имъ около пяти лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока не заучила наизусть его милыхъ остротъ, и пока онъ не началъ, истощивъ весь запасъ своего остроумія, повторять самого себя и потчивать ее „раздирательными“ остротами, за неимѣніемъ лучшихъ... Вотъ вамъ и публика!... Публика прочла Державина, Крылова, Батюшкова, Жуковскаго, заучила наизусть всего Пушкина, не говоря уже о Баратынскомъ, Козловѣ, Веневитиновѣ, Полежаевѣ, Языковѣ, Подолинскомъ и многихъ другихъ; надо было ожидать, что ея вниманіе можетъ обратить на себя только что-нибудь необыкновенное, а возбудить восторгъ только что-нибудь великое... И что же? она не только пришла въ восторгъ

отъ умныхъ, но чуждыхъ вдохновенія и поэтической жизни драмъ довольно извѣстнаго въ журнальномъ мірѣ драматиста, но даже повѣрила кому-то, сказавшему ей, что г. NN. — великій поэтъ, выше и Жуковскаго, и Пушкина!... Конечно въ стихотвореніяхъ г. NN. проблескивали иногда искорки дарованія, но, во-первыхъ, дарованія чисто внѣшняго, ограниченнаго, а во-вторыхъ, поэтическія искры его свѣтились сквозь глыбы дикихъ, изысканныхъ и безвкусныхъ фразъ и образовъ, — и этимъ ли талантомъ было восхищаться при Пушкинѣ!.. Вотъ, едва прошло пять лѣтъ, — и стихи г. NN. не только не хвалятъ, даже и не бранятъ...

Дѣти мы, дѣти! намъ надо еще не изящныхъ созданій Рафаэля. а игрушекъ, съ яркими красными цвѣтами съ блестящей позолотой!...

Тамъ, гдѣ есть публика, слова „литераторъ“ и „критикъ“ имѣютъ опредѣленное значеніе, и не присвоиваются себѣ всякимъ, кто только захочетъ, но приписываются только заслугѣ и достоинству Тамъ нельзя провозгласить себя знаменитымъ писателемъ, опекуномъ языка и любимцемъ публики за нѣсколько жалкихъ сочиненій, въ которыхъ видны рутина и бездарность, и еще за постоянное двадцатипятилѣтнее маранье писчей и корректурной бумаги. Тамъ освистали бы за громкое титло „критика“, самовольно присвоиваемое человѣкомъ, который признается печатно, что не только не понимаетъ, почему Гёте называютъ великимъ геніемъ, но даже почему почитаютъ его и просто поэтомъ, а не безталаннымъ писакой; — или который называетъ печатно плохимъ романомъ „Патфайндера“ Купера, это геніальное произведеніе, какимъ только ознаменовалась, послѣ Шекспира, творческая дѣятельность; — или который утверждаетъ, что „Каменный Гость“, это высшее, художественнѣйшее созданіе Пушкина, замѣчательно только гладкими стихами; — или который силится увѣрить весь свѣтъ, что вся заслуга Пушкина, какъ поэта, состоитъ въ усовершенствованіи версификаціи и легкой, игривой формы, способной увлекать только легкомысленныхъ людей; — или который кричитъ, что Гоголь — забавный писатель, вѣрно списывающій съ натуры, что его „Ревизоръ“ рядъ смѣшныхъ карриатуръ, а не комедія, проникнутая глубокимъ юморомъ и

ужасающая своей вѣрностью дѣйствительности; — или который объявляетъ во всеуслышаніе, что „Горе отъ Ума“, это благороднѣйшее созданіе геніальнаго человѣка, ниже „Недовольныхъ“, плохой комедіи Загоскина; — или который клянется, что Лермонтовъ пишетъ плохіе стихи; — или который утверждаетъ, что стихи годны только для сбыта вздорныхъ и нелѣпыхъ мыслей, которыя уважаются читателями только за риѐму, и что дѣльные мысли должно беречь для прозы... За подобный образъ мыслей, печатно выражаемый, всѣхъ этихъ quasi-критиковъ или, лучше сказать, критикановъ публика — только будь она — отвергла бы. Гдѣ есть публика, тамъ не будутъ вѣрить челолѣку, который собственными сочиненіями всего лучше показалъ и доказалъ, что его душа чужда поэзіи, что въ его натурѣ не лежитъ никакого созерцанія поэзіи, какъ въ натурѣ глухого не лежитъ никакого созерцанія музыки, а въ натурѣ слѣпого — никакого созерцанія живописи. Еще менѣе станутъ вѣрить челолѣку, который въ одно и то же время, въ одной и той же газетѣ, въ одной и той же книгѣ, пишетъ, объ одномъ и томъ же авторѣ — и pro, и contra, который напримѣръ въ одномъ номерѣ своего листка кричитъ, что драма его пріятеля — геніальное созданіе, достойное Шиллера, а черезъ два дня въ той же газетѣ объявляетъ, чтобы касательно той драмы этого сочинителя ему не вѣрили, ибо-де онъ написалъ объ ея достоинствахъ, увлекаясь кумовствомъ и „camaraderie“. Словомъ, гдѣ есть публика — тамъ уже нѣтъ мѣста господамъ Выбойкинымъ, Пройдохинымъ, Тряпичкинымъ, Задаринымъ.

„Вотъ прекрасно!“ воскликнетъ иной подмѣчатель чужихъ недомолвокъ, обмолвокъ и промаховъ — „вотъ прекрасно! Стало-быть, у насъ нѣтъ совсѣмъ публики, а только одна толпа?“ Погодите, милостивые государи; умныхъ людей вездѣ меньше дюжинныхъ, но тѣмъ не менѣе умные люди есть вездѣ: такъ имъ ли не быть въ Россіи, этой землѣ юной и мощной, кипящей умами и талантами? Но въ томъ-то и состоитъ отличіе нашего теперешняго образованія, что у насъ все разсѣяно, все особно, все врозь, все въ смѣси. Вотъ юноша, изучающій Гегеля, — сынъ отца, незнающаго грамотѣ; вотъ профессоръ, который дальше схоластическихъ риторикъ не

пускался въ бездну премудрости, а его молодой товарищъ даже ужъ и не смѣется надъ риториками, но краснорѣчиво умалчиваетъ о ихъ существованіи, и т. д. Посмотрите на наше общество: какая калейдоскопическая пестрота! На иномъ вечерѣ увидишь и модный фракъ, и венгерку, и архалукъ, и длиннополый сюртукъ съ рыжей бородкой—

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній!

У насъ есть люди и умные отъ природы, и европейски-образованные, и притомъ въ такомъ количествѣ, что могли бы составить собою „публику“; да то бѣда, что они разсѣяны по-бесконечному пространству необъятной Россіи, и потому они одиноки во множествѣ, потеряны въ толпѣ; благородные голоса ихъ заглушаются нестройнымъ крикомъ и жужжаніемъ толпы, и не могутъ составить общаго, гармоническаго хора, который бы надъ всѣмъ владычествовалъ и всему давалъ тонъ. Они одиноки среди поглотившей ихъ толпы, какъ великіе таланты среди „литераторовъ и сочинителей“. Но справедливость велитъ замѣтить, что и тутъ не безъ исключенія изъ общаго правила. Если у насъ еще и доселѣ существуютъ люди, которые благоговѣютъ передъ именами Сумароковыхъ, Херасковыхъ и Петровыхъ, то еще гораздо больше людей, которые послѣ Жуковского, Батюшкова и Пушкина утратили способность восхищаться даже Державинимъ и Озеровымъ... Если толпа расхватала романы Булгарина, Греча, Зотова, это не помѣшало же таланту Лажечникова быть оцѣненнымъ по достоинству, хотя Лажечниковъ и не издавалъ газеты, въ которой могъ бы хвалить самого себя... Если чуть-чуть не раскупили всего изданія сочиненій Марлинскаго, зато теперь трудно найти въ какой угодно книжной лавкѣ „Вечера на Хуторѣ“ второго изданія, „Арабески“, „Миргородъ“ и „Ревизора“ Гоголя. А успѣхъ Пушкина, котораго каждый ненапечатанный стихъ принимался какъ ассигнація или вексель и котораго творенія—богатое наслѣдство для его семейства?... А „Горе отъ Ума“, еще въ рукописи выученное наизусть нѣсколькими поколѣніями?... А между тѣмъ... но что бы мы ни сказали за или противъ этого пунк-

та, все само собою приведется къ одному общему знаменателю: у насъ есть возможность публики, и со временъ Пушкина даже замѣтно начало, зародышъ литературной публики; но у насъ еще литературной публики въ собственномъ и обширномъ значеніи этого слова нѣтъ. Перейдите отъ публики снова къ литературѣ и увидите то же самое зрѣлище. Вопросъ о публикѣ рѣшаетъ вопросъ о литературѣ, и наоборотъ.

Сказаннаго нами достаточно, чтобъ вопросъ: „есть ли у насъ литература?“ не казался страннымъ. По крайней мѣрѣ отнынѣ всѣ возгласы о богатствѣ нашей литературы, о ея равенствѣ со всѣми европейскими литературами, даже о превосходствѣ надъ ними должны считаться или болтовней, или бредомъ тщеславія, помѣшавшагося на своемъ мнимомъ достоинствѣ. Извѣстное и даже значительное число превосходныхъ художественныхъ произведеній не можетъ составить литературы: литература есть нѣчто цѣлое, индивидуальное; части ея сочленены между собою органически; самыя разнообразныя явленія ея находятся во взаимномъ другъ съ другомъ соотношеніи. Несмотря на всю неизмѣримость пространства, отдѣляющаго Вальтеръ-Скотта отъ какого нибудь Диккенса или Марриета, вы видите въ нихъ нѣчто общее, и это общее есть—британская національность. Между Вальтеръ-Скоттомъ съ одной стороны и Диккенсомъ и Марриетомъ съ другой—сколько примѣчательныхъ талантовъ, большей частью совершенно неизвѣстныхъ у насъ на поприщѣ романистики! Послѣ громаднаго генія Байрона блестятъ могучіе и роскошные таланты Томаса Мура, Уордсуорта, Соути, Коупера и многихъ другихъ. И у насъ, назадъ тому двадцать лѣтъ, вышелъ было могучій атлетъ съ дружиной замѣчательныхъ, хотя и ставшихъ отъ него на неизмѣримомъ разстояніи талантовъ; но теперь, кажется, литературной дѣятельности суждено проявляться въ отдѣльныхъ лицахъ, одиноко дѣйствующихъ и съ остальнымъ пишущимъ міромъ не имѣющихъ никакого соотношенія, ничего общаго. Съ 1832 по 1836 годъ писалъ Гоголь, и есть ли у насъ до сихъ поръ хоть что-нибудь, что, напоминая его, отличалось бы примѣчательнымъ талантомъ? Теперь Лермонтовъ и... никто, совершенно никто, если исключить два-три таланта, гораздо прежде его явив-

шіеся и продолжающіе развиваться въ своей собственной и уже опредѣлившейся сферѣ. И посмотрите, какъ сонно тянется, а не развивается, то небольшое, совокупность чего называется у насъ литературой! Умеръ Пушкинъ—и мы до сихъ поръ еще не имѣемъ полного собранія его сочиненій изъ которыхъ нѣкоторыя еще нигдѣ и не были напечатаны!... Въ 1832 году Гоголь издалъ свои „Вечера на Хуторѣ“, въ 1835—свои „Арабески“ и „Миргородъ“, въ 1836—„Ревизора“; потомъ напечаталъ въ „Современникѣ“ сцену изъ комедіи, „Колыску“ и „Носъ“,—да съ тѣхъ поръ—ни слова... Лермонтовъ еще напечаталъ только одинъ романъ и небольшую книжку стихотвореній. Такъ ли проявлялась первая дѣятельность у европейскихъ писателей? Изъ нашихъ лучшихъ писателей Пушкинъ написалъ едва ли не больше всѣхъ; но все написанное имъ, собранное въ одну книгу, едва ли сравнится (разумѣется величиной книги) только съ поэмами Вальтеръ-Скотта, собранными въ одну книгу,—съ поэмами, которыя составляютъ его второе, не столь важное, какъ романы, право на славу и которыя, несмотря на все высокое поэтическое свое достоинство, принадлежатъ къ второстепеннымъ или третьестепеннымъ сокровищамъ музея національной поэзіи; эти поэмы представляютъ собою ужъ роскошь, избытокъ необъятно-богатой литературы... Но если Пушкинъ дѣлалъ слишкомъ мало, въ сравненіи съ неистощимыми средствами своего плодovitаго генія,—нѣтъ сомнѣнія, что онъ чрезвычайно много сдѣлалъ бы, еслибъ преждевременная смерть вмѣстѣ съ жизнью не прекратила и его дѣятельности; оставшіяся послѣ смерти его произведенія показываютъ, что его геній еще только вступалъ въ апогею своей дѣятельности, и что дѣйсгвуй онъ еще хоть десять лѣтъ—компактное изданіе его сочиненій не уступило бы въ объемѣ этимъ огромнымъ, тяжелымъ книгамъ, въ два столбца мелкой печати, въ которыя собраны творенія Шекспира, Байрона, Гёте и Шиллера. Но другіе?... Воля ваша, у насъ авторство—какая-то тяжелая, медленная и напряженная работа! Вотъ напримѣръ Лажечниковъ: какой богатый талантъ, какая страстная натура, какое горячее сердце, какая благородная, возвышенная душа отпечатлѣвается въ его романахъ! Сколько пользы

русскому обществу могутъ приносить они, внося въ его жизнь идеальные элементы, побѣждая гуманическимъ началомъ прозаическую черствость его нравовъ! И что-же?—въ десять лѣтъ только три романа!... И добро бы еще это было вслѣдствіе неуспѣха, холоднаго приѣма со стороны публики первыхъ романовъ Лажечникова: нѣтъ, первыя изданія „Новика“ и „Ледяного Дома“ были не раскуплены, а расхvatаны, и скоро потребовались вторыя изданія обоихъ романовъ. Что ни напиши теперь Лажечниковъ—все будетъ имѣть большой успѣхъ.. Между молодыми людьми нѣкоторые обнаружили или обнаруживаютъ въ большей или меньшей степени значительные таланты въ повѣствовательномъ родѣ, и что же?—Написавъ повѣсть и ожививъ ею на мѣсяцъ нашу мертвую литературу, или издавъ двѣ-три повѣсти отдѣльной книжкой, каждый изъ нихъ уже и самъ не знаетъ, когда онъ напишетъ еще повѣсть или издастъ еще книжку... Одна изъ тѣхъ повѣстей, которыя у каждаго англійскаго, нѣмецкаго и особенно французскаго нувеллиста являются вдругъ десятками, наполняютъ собою и журналы, и альманахи, и отдѣльно издаваемые книги,—у насъ геркулесовскій подвигъ, великое дѣло,—и наконецъ мы дошли до того, что журналъ, который не хочетъ пятнать своихъ чистыхъ страницъ дюжинными произведеніями посредственности, видитъ невозможность представлять своимъ читателямъ въ каждой изъ двѣнадцати книжекъ своихъ по двѣ или даже по одной оригинальной повѣсти... тогда какъ французскіе журналы и даже газеты набиты оригинальными повѣстями...

Но если мы взглянемъ на другую сторону предмета, то увидимъ, что и самая посредственность у насъ бесплодна,—посредственность, которая приходясь по плечу толпѣ, успѣвала иногда приобрѣтать успѣхи, свойственные только таланту и гению. Иной „сочинитель“ приобрѣлъ себѣ своими суздальскими картинами нравовъ, выдаваемыми имъ за романы, и извѣстность, и „денегъ малую толику“; что же?—вы думаете, увидѣвъ выгодную для себя отрасль промышленности въ романо-печеніи, онъ напекъ цѣлые десятки и сотни романовъ, которые ему такъ легко печь, благодаря обилію мусорныхъ матеріаловъ и топорной обдѣлкѣ?—нѣтъ, онъ на-

пекъ ихъ всего на всего какой-нибудь пятокъ въ продолженіе цѣлыхъ пятнадцати лѣтъ... Другой всего на все только пару... Передъ всѣми ими посчастливилось одному „Милорду Англинскому“, который вотъ ужъ лѣтъ шестьдесятъ каждый годъ выходитъ новымъ изданіемъ: къ несказанному утѣшенію своихъ читателей и почитателей... Иной съ плеча отмахиваетъ драмы и водевили; всѣ дивятся легкости, съ какой онъ ихъ стряпаетъ; а повѣрьте—дѣло выйдетъ, что онъ въ три года настряпалъ не больше двухъ десятковъ... чего же?—такихъ тощихъ и такихъ бездарныхъ вещицъ, которыя ниже всякой возможной посредственности, и которыхъ цѣлую сотню легко наготовить въ одинъ мѣсяць... О, литература!...

Заведите съ кѣмъ угодно спортъ о причинахъ этой безплодности,—вы всегда услышите одно и то же: производители обвиняютъ потребителей, а публика — авторовъ и сочинителей. Та и другая сторона совершенно справедливы въ своихъ доказательствахъ, равно какъ совершенно справедливъ и тотъ, кто сказалъ бы, что некому и не на кого жаловаться, потому что и то, и другое, т.-е. и наши авторы, и наша литературная публика,—существованія проблематическія, а не положительныя, что-то такое, о чемъ нельзя сказать ни того, чтобъ его совершенно не было, ни того, чтобъ оно и было дѣйствительно. Слѣдовательно, причина не въ авторахъ и не въ публикѣ, потому что они сами только результаты другой, болѣе общей причины. Многіе обвиняли нашу литературу въ томъ, что она не сближается съ обществомъ, а рисуетъ какіе-то, нигдѣ не существующіе образы, выдавая ихъ за портреты общества.

Съ кого они портреты пишутъ?

Гдѣ разговоры эти слышать?

А если и случилось имъ,

Такъ мы ихъ слышать не хотимъ,—

сказалъ поэтъ, и сказалъ великую правду, хотя и не разрѣшилъ этимъ вопроса. Въ XI-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ прошлаго года напечатана статья почтеннаго титулярнаго совѣтника въ отставку Плакуна Горюнова: „Записки для моего праправнука о русской литературѣ“. Въ ней авторъ

очень основательно, оригинально и сильно обвиняетъ нашу литературу въ ея постоянной стрѣльбѣ мимо цѣли, когда она берется за изображеніе общества, особенно высшаго; но въ то же время прибавляетъ, что наши гостиныя—родъ Китая, царство апатіи. Это напоминаетъ великое слово Пушкина, что „сущность гостиной состоитъ въ томъ, что въ ней всѣ стараются быть ничтожными съ приличіемъ и достоинствомъ“. Гдѣ жъ вина литературы, если она не находитъ для своихъ портретовъ оригинальныхъ лицъ, съ отпечаткомъ внутренней жизни? Литература должна быть выраженіемъ жизни общества, и общество ей, а не она обществу даетъ жизнь. Нападая на нее, не надо быть и несправедливымъ къ ней: посмотрите, какъ иногда крѣпко вливается она въ общество, словно дитя всасывается въ грудь своей матери,—и ея ли вина, если съ перваго слабаго усилія она высасываетъ все молоко изъ этой бесплодной груди... Недостатокъ внутренней жизни, недостатокъ жизненнаго содержанія, отсутствіе міросозерпанія—вотъ причина... Гдѣ нѣтъ внутреннихъ, духовныхъ интересовъ, внутренней, сокровенной игры и переливовъ жизни, гдѣ все поглощено виѣшной, матеріальной жизнью—тамъ нѣтъ почвы для литературы, нѣтъ соковъ для питанія; тамъ остается только, какъ дѣлывали Ломоносовъ, Петровъ, Херасковъ и Державинъ, писать громкія оды или, какъ это было лѣтъ десять назадъ, писать только элегіи—эти жалобные вопли разочарованія, эти грустные звуки жажды жизни, которая не находитъ себѣ ни удовлетворенія, ни исхода и томится среди окружающей ее внутренней безжизненности.

Кончивъ съ литературой, обратимся опять къ публикѣ. Какое это неопредѣленное слово—„публика“! Что это такое? Собраніе людей, которые съ сентября до марта каждаго года покупаютъ книги и подписываются на журналы, а въ остальное время года, на досугѣ, читаютъ купленное? Говорятъ, наша публика больше всего требуетъ отъ журналовъ критики. Справедливо ли это? Да,—отчасти, потому что больше всего любитъ она сказочки легкаго и веселаго содержанія, да стихи, не слишкомъ хорошіе, не слишкомъ плохіе, такъ, чтобъ была середка на половинѣ, а послѣ ихъ—и критику. Но что разумѣютъ у насъ подъ словомъ „критика“?—Статью,

въ которой „славно отдѣлали“ того или другого;—статью, въ которой авторъ много наговорилъ, ничего не сказавъ, и если наговорилъ плавно, легко и такъ гладко, что нельзя споткнуться на мысли, не надъ чѣмъ задуматься и подумать, то критика хоть куда! Появляется въ журналѣ статья—плодъ глубокаго убѣжденія, горячаго чувства, выраженіе тѣхъ внутреннихъ духовныхъ интересовъ, которые занимаютъ все существо человѣка на яву, тревожатъ его сонъ, отрываютъ его отъ выгодъ внѣшней жизни, отъ заботъ о своемъ житейскомъ благосостояніи, заставляютъ приносить въ жертву свою жизнь, всѣ удобства въ настоящемъ, всѣ надежды въ будущемъ; въ статьѣ—новые взгляды, невысказанныя прежде идеи,—и что же?—на нее смотрятъ холодно, противъ нея кричатъ; одинъ недоволенъ тѣмъ, что она длинна (потому что ему некогда читать длинныхъ статей); другой сердитъ на то, что она заставляетъ думать (а онъ любитъ читать послѣ обѣда, для забавы и споспѣшествованія пищеваренію); третій кричитъ, что авторъ началъ изъ далека и о главномъ предметѣ сказалъ меньше, чѣмъ о побочныхъ, относящихся къ нему предметахъ. Положимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій и справедливы, что въ статьѣ есть недостатки, и даже очень важные; но развѣ горячее чувство, живое изложеніе, дѣльность и новостъ мыслей не въ состояніи выкупить этихъ недостатковъ? Развѣ такихъ статей такъ много, что вы можете выбирать только лучшее изъ хорошаго?—Ничего не бывало! въ слухѣ вашемъ еще въ первый разъ раздается свѣжій голосъ; въ первый разъ слышите вы человѣка, который высказываетъ вамъ то, о чемъ онъ много думалъ, что горячо любилъ, чему пламенно вѣрилъ, чѣмъ исключительно жилъ... Да если иная статья и понравится всѣмъ безусловно, то не собственнымъ достоинствомъ, которое бы всѣ поняли и оцѣнили, а такъ какъ-то, случайно: потому что обругай ее какой-нибудь литературный торгашъ—всѣ ему повѣрятъ; а если авторъ статьи отвѣтитъ торгашу, опять всѣ повѣрятъ автору—до новаго ругательства со стороны торгаша... Тутъ не берется въ расчетъ ни талантъ, ни личность, ни безукоризненность дѣятельности и жизни, ни убѣжденіе, ни чувство, ни умъ: мнѣніе всегда въ пользу того,

кто въ полемической перепалкѣ послѣдній остался на аренѣ, т. е. чья статья осталась безъ отвѣта.

И чего ожидать отъ толпы, если и отъ людей образованныхъ и благонамѣренныхъ слышатся иногда такіе упреки литераторамъ и такіе упреки критикѣ, что вполне понимаешь тщету и ничтожество всякой извѣстности, пустоту всякой дѣятельности, и изъ глубины души восклицаешь: „не изъ чего хлопотать, не для чего тратить время и силы!“ Такъ наприимѣръ намъ случилось слышать упреки „Отечественнымъ Запискамъ“ именно отъ образованныхъ и благонамѣренныхъ людей, впрочемъ высоко цѣнящихъ это изданіе, — за что бы вы думали? — за то, что „Отечественныя Записки“ Пушкина называютъ міровымъ поэтомъ, въ произведеніяхъ Гоголя видятъ геніальную, творческую дѣятельность, а въ сего „Ревизорѣ“ великое художественное созданіе... Что же оскорбляетъ этихъ впрочемъ умныхъ и благородныхъ людей въ нашихъ похвалахъ? — ихъ, говорятъ они, преувеличенность. Прекрасно! Но, милостивые государи, не противорѣчите ли вы сами себѣ, если, отнимая у журнала право самостоятельнаго взгляда на предметы, тѣмъ не менѣе хотите пользоваться сами этимъ правомъ? Почему вы должны имѣть свой образъ мыслей, а журналъ не долженъ имѣть его? Неужели, произнося о чемъ-нибудь свое сужденіе, журналъ долженъ соображаться съ мнѣніемъ г. А., г. В., г. С., и т. д., или бѣгать къ тому и другому, спрашивать ихъ: „какъ прикажете написать вотъ о томъ, или этомъ?“ Вѣдь вы сами согласны въ искренности, въ неподкупности нашихъ отзывовъ о помянутыхъ писателяхъ: почему же могутъ васъ оскорблять эти отзывы? Вы находите ихъ произвольными? но вамъ представляются причины, на которыхъ они основаны, доказательства, которыми они подтверждаются. Но эти причины и доказательства, можетъ-быть, кажутся вамъ не довольно основательными и достаточными? Въ такомъ случаѣ вы имѣете полное право не согласиться съ ними, но ни въ какомъ случаѣ не имѣете права запрещать журналу имѣть свой взглядъ на предметы, свое убѣжденіе, и во всякомъ случаѣ должны уважать журналъ съ независимымъ мнѣніемъ и самобытной мыслью, хотя бы и противоположными вашимъ, и отличить

его отъ журналовъ, въ которыхъ нѣтъ ни мнѣнія, ни мысли... Нѣкоторые называютъ похвалы „Отечественныхъ Записокъ“ Пушкину и Гоголю пристрастными. Что отвѣчать на это? Если это пристрастіе къ лицамъ-- оно не извинительно, предосудительно,-- и какъ же „Отечественнымъ Запискамъ“ оправдаться въ немъ передъ такими людьми, для которыхъ ничего не говоритъ за себя само дѣло, для которыхъ нѣмо свидѣтельство горячаго чувства, благороднаго одушевленія? Пусть подумаютъ они хоть о томъ, что Пушкина давно уже нѣтъ на свѣтѣ, и что онъ поэтому не можетъ быть ни вреденъ, ни полезенъ журналу; и что сочиненій Гоголя они не встрѣчали еще въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Если же это пристрастіе къ сочиненіямъ, то уважьте его, ибо если это пристрастіе, то пристрастіе благородное и, къ несчастію, столь рѣдкое въ нашемъ холодномъ обществѣ, пристрастномъ только къ выгодамъ внѣшней, матеріальной жизни, денегамъ,—и въ нашей журналистикѣ, пристрастной только къ подписчикамъ и выгодному сбыту своихъ издѣлій... А говорить ли о защитникахъ *своей* литературы и *своихъ* „сочинителей“, которые какъ будто лично оскорблены отзывами „Отечественныхъ Записокъ“ о Марлинскомъ... Попробуйте растолковать имъ, что еслибъ журналъ былъ и неправъ въ мнѣніи объ этомъ сочинителѣ, то за нимъ все-таки остается право свободного и самобытнаго взгляда на всевозможныхъ сочинителей; что журналъ не обязанъ льстить толпѣ, повторяя ея устарѣлыя мнѣнія, и что *amicus Plato, sed magis amica veritas*... Смѣшно и досадно, что у насъ еще надо толковать о такихъ простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ, о которыхъ уже не толкуютъ ни въ одной литературѣ.. Да, мы начали съ конца, а не съ начала: мы вздумали „критиковать“, не объяснивъ сперва, что такое „критика“ и чѣмъ она отличается отъ полемики, отъ журнальныхъ перебранокъ, отъ журнальнаго пересыпанья изъ пустого въ порожнее. Мы начали издавать книги, не позаботившись растолковать сперва, что такое книга и чѣмъ она отличается отъ колоды картъ...

Хорошо также напимѣръ обвиненіе противъ „Отечественныхъ Записокъ“ за употребленіе непонятныхъ словъ, именно: „бесконечное, конечное, абсолютное, субъективное, объектив-

ное, индивидуумъ, индивидуальное“. Право, мы не шутимъ! Иной, пожалуй, скажетъ, что эти слова употреблялись еще въ „Вѣстникѣ Европы“, въ „Мнемозинѣ“, въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, въ „Атенеѣ“, въ „Телеграфѣ“ и пр., были всѣ понятны назадъ тому двадцать лѣтъ и не возбуждали ничего ни удивленія, ни негодованія... Увы! что дѣлать! до сихъ поръ мы жарко вѣрили прогрессу, какъ ходу впередъ, а теперь приходится намъ повѣрить прогрессу, какъ попятному движенію назадъ... Да, теперь уже многого не понимаютъ изъ того, что еще недавно очень хорошо понимали!... А все благодаря журналамъ съ „раздирательными“ остротами и „уморительно-смѣшными повѣстями“!... Сверхъ упомянутыхъ словъ, „Отечественныя Записки“ употребляютъ еще слѣдующія, до нихъ никѣмъ не употреблявшіяся (въ томъ значеніи, въ какомъ онѣ принимаютъ ихъ) и неслыханныя слова: „непосредственный, непосредственность, имманентный, особый, обособленіе, замкнутый въ самомъ себѣ, замкнутость, созерцаніе, моментъ, опредѣленіе, отрицаніе, абстрактный, абстрактность, рефлексія, конкретный, конкретность“, и пр. Въ Германіи напимѣръ эти слова употребляются даже въ разговорахъ между образованными людьми, и новое слово, выражающее новую мысль, почитается пріобрѣтеніемъ, успѣхомъ, шагомъ впередъ. У насъ на это смотрятъ наыворотъ, т. е. задомъ напередъ,—и всего грустнѣе причина этого: у насъ хотятъ читать для забавы, а не для умственного наслажденія, глазами—а не умомъ; требуютъ чего-нибудь легкаго и пустого, а не такого, что вызывало бы на размышленіе, погружало въ созерцаніе высшей, идеальной жизни. И какъ же иначе? подумать лѣнь и некогда, а если не подумать—непонятно; непонятное же оскорбляетъ всякое мелкое самолюбіе. Слово отражаетъ мысль: непонятна мысль—непонятно и слово, а мыслей у насъ боятся больше всего, потому что онѣ требуютъ слишкомъ тяжелой и непривычной для многихъ работы—размышленія. И можно ли ожидать, чтобъ всѣ наши читатели понимали всѣ эти хитрости, если тѣ, которые снабжаютъ его умственной пищей, съ удивительнымъ добродушіемъ сознаются въ своемъ невѣдѣніи?... Найдите въ Германіи хоть одного ученика изъ среднихъ учебныхъ заве-

деній, который не понималъ бы, что такое „вещь по себѣ“ (Ding an sich) и „вещь для себя“ (Ding für sich); а у насъ эти слова становятся втупикъ многихъ „опекуновъ языка“ и возбуждаютъ смѣхъ во многихъ „любимцахъ публики“; они даже не умѣютъ и переписать ихъ, ибо вмѣсто für sich пишутъ zu sich, подобно русскимъ солдатамъ, которые генерала Блюхера называли генераломъ Брюховымъ.

Впрочемъ нерасположеніе къ „Отечественнымъ Запискамъ“ литературнаго люда имѣетъ еще и другую не менѣе важную причину: эти господа чувствуютъ, что истина рано или поздно беретъ свое—и успѣхъ „Отечественныхъ Записокъ“ служитъ имъ слишкомъ жестокимъ доказательствомъ этой истины. Эти господа, браня „Отечественныя Записки“ и стараясь выказывать имъ всевозможное негодованіе свое, тѣмъ съ неменьшимъ вниманіемъ и постоянствомъ причитываютъ каждую книжку страшнаго и ненавистнаго имъ журнала, и прочитываютъ ее, какъ говорится, отъ доски до доски: отчего же иначе имъ такъ твердо помнитъ всѣ опечатки въ „Отечественныхъ Запискахъ“? Откуда же бы иначе могли они узнавать о существованіи неслыханныхъ ими ученыхъ словъ и новыхъ идей объ изящномъ и литературѣ,—идей, которыя сами собою никакъ не могли бы забрести въ ихъ почтенныя головы: вѣдь идеи ходятъ не съ закрытыми глазами и не заходятъ куда попало?... Нѣкоторые изъ господъ, ратующихъ противъ „Отечественныхъ Записокъ“ и явно, и тайно, и литературно, и не литературно, даже невольно подчиняются ихъ духу, и смѣшно видѣть, какъ они мало-по-малу начинаютъ употреблять тѣ самыя непонятныя слова, которыя имъ столь ненавистны въ „Отечественныхъ Запискахъ“, и еще смѣшнѣе видѣть, какъ они, вооружаясь противъ нихъ гусинымъ оружіемъ, повторяютъ ихъ мысли, стараясь увѣрить и „почтеннѣйшую публику“, и самихъ себя, что это—ихъ собственныя мысли!... Разумѣется, что они первые видятъ всю тщету своихъ усилій, и тѣмъ болѣе сердятся на „Отечественныя Записки“. Въ самомъ дѣлѣ, презатруднительное положеніе: хотятъ потчивать публику своимъ—своего нѣтъ ничего, потому что все уже было сказано и пересказано лѣтъ двадцать пять назадъ тому; хотятъ поддѣлаться подъ

современность и потчивать публику чужимъ, подслушаннымъ; — не то выходитъ, вмѣсто Блюхера является Брюховъ... Иной „любимецъ публики“, лѣтъ тридцать читая свое имя на оберткѣ и внутри издаваемыхъ имъ книжонокъ и литературныхъ сплетней, вмѣсто журналовъ и газеты, и другихъ успѣлъ въ это время увѣрить, что онъ литераторъ, и самъ отъ полноты сердца повѣрилъ этому — и вдругъ... о ужасъ! ему доказываютъ, ясно и неопровержимо, что его литературная извѣстность составлена имъ на кредитъ, что онъ ничего не знаетъ, ничему не учился, что всѣ его сочиненія сшиты изъ чужихъ лоскутьевъ, что въ нихъ видны только терпѣніе и рутина, но ни искры свѣтлаго ума, ни тѣни таланта!... Какое ему?... По неволѣ придется употреблять противъ страшнаго врага всевозможныя средства... Такія продѣлки смѣшны конечно, но и простительны: вѣдь у страха глаза велики, а смерть на носу придаетъ храбрость и зайцу; по крайней мѣрѣ это фактъ, что баранъ, встрѣтившись съ волкомъ, прехрабро бѣтъ о землю передними копытами...

Мы не безъ умысла распространились объ „Отечественныхъ Запискахъ“. Статья наша должна быть обзорѣніемъ литературы русской за прошлый 1840 годъ; въ литературѣ же журналистика играетъ у насъ первую роль, а въ области журналистики „Отечественныя Записки“ играютъ роль какого-то центра, куда направляются удары всѣхъ прочихъ повременныхъ изданій, и откуда новыя слова и новыя мысли переходятъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, въ прочія повременныя изданія. Кромѣ того „Отечественныя Записки“ были центромъ современной журналистики еще и потому, что только въ нихъ слышенъ былъ свѣтскій голосъ живой современности, а не повтореніе стараго и всѣмъ давно наскучившаго; только въ нихъ принимали дѣятельное участіе и люди, уже давно стяжавшіе себѣ славныя имена, и люди молодыхъ поколѣній, еще только выходящіе на поприще литературы. Мы не думаемъ сказать о себѣ слишкомъ много, сказавъ, что исторія современной журналистики и частью современной литературы русской есть исторія „Отечественныхъ Записокъ“: вѣдь журналъ есть не одно тѣ, что издается по подпискѣ и выходитъ книжками въ опредѣленное время; но и то, въ чемъ,

при этихъ условіяхъ, есть жизнь, движеніе, новость, разнообразіе, свѣжесть, извѣстное направленіе, извѣстный взглядъ на вещи, словомъ—характеръ и духъ. А гдѣ же всѣ эти условія выполнены, если не въ „Отечественныхъ Запискахъ“?— По крайней мѣрѣ самые ожесточенные враги ихъ печатно сознаются въ томъ, что за нихъ можно заступаться и на нихъ можно нападать, какъ на нѣчто опредѣленно и дѣйствительно существующее... Боже мой! какихъ средствъ не было перепробовано противъ нихъ! Не только тайно посылались въ провинціи, но и въ самомъ Петербургѣ сколько разъ распространялись слухи, что „Отечественныя Записки“ прекратятся то на третьей, то на пятой, то на седьмой книжкѣ; а онѣ шли себѣ да шли, съ вѣрностью хронометра являясь каждое пятнадцатое число мѣсяца, увѣсистыя и плотныя отъ богатства матеріаловъ—и ужъ тоже не отъ бѣдности въ матеріальныхъ средствахъ... Вотъ вамъ и басня Крылова о „Слонѣ и Москѣ“ въ лицахъ...

Что же дѣлали въ это время другіе журналы?... Какіе другіе журналы? Что такое журналъ?—изданіе, не выдающее въ срокъ обѣщанныхъ книжекъ?—Ну, если такъ, то онѣ дѣлали свое дѣло очень исправно, кромѣ впрочемъ „Пчелы“, которая всегда выходила въ срокъ съ извѣстіями, уже напечатанными въ другихъ газетахъ. Вообще она съ прежнимъ успѣхомъ занималась своимъ дѣломъ и, какъ всегда: при началѣ подписки была въ большихъ хлопотахъ. Нѣкоторые изъ старыхъ толстыхъ журналовъ, отставая книжками, „раздирательно“ острили, и этотъ новый родъ остроумія уже никого не забавлялъ: *sic transit gloria mundi!* „Галатея“, послѣ неудачнаго дебюта, безъ вѣсти пропала, въ то самое время какъ ее вздумалъ было оживлять въ Москвѣ какой-то досужій „любимецъ публики“. Спасибо „Галатеѣ“ хоть за то, что о ней есть что сказать, благодаря ея *salto mortale*... Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ печатались преимущественно стихотворенія Кукольника и Губера. Первый напечаталъ въ ней двѣ драмы историческія и двѣ какія-то историческія же повѣсти: первыя очень хороши, но сухи и скучны, а вторыя—просто анекдоты, довольно неудачно рассказанные на нѣсколькихъ страницахъ. Въ „Сынѣ Отечества“ было напе-

чато три стихотворенія Пушкина, изъ которыхъ два интересны, какъ произведенія его дѣтской музыки. Въ „Современникѣ“, какъ и прежде, было много интересныхъ оригинальныхъ статей; изъ которыхъ особенно замѣчательны статьи о Финляндіи Грота. Талантливый Основьяненко напечаталъ въ „Современникѣ“ нѣсколько интересныхъ повѣстей и живую, остроумную журнальную статью „Званные Гости“. Въ стихотворномъ отдѣленіи „Современника“ были прекрасныя стихотворенія гр—ни Р—ной; изъ нихъ особенно замѣчательно по теплотѣ чувства и прелести выраженія называющееся „Въ Москву“!

Съ именемъ „Отечественныхъ Записокъ“ неразрывно соединяется мысль большей части замѣчательнѣйшихъ новостей по изящной литературѣ, потому что все новое и интересное, или напечатано, или рассмотрѣно въ нихъ, въ отдѣленіи критики и библіографіи...

Въ прошломъ году началъ издаваться драматическій альманахъ журналъ „Пантеонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ Театровъ“. Успѣхъ этого повременнаго изданія, при существованіи „Репертуара“, показалъ, что и у насъ драма становится тѣмъ, чѣмъ недавно былъ романъ, — исключительно любимымъ родомъ поэзіи. Въ то время, какъ „Репертуаръ“ потчивалъ свою публику невинными водевилями, частью переведенными, частью передѣланными съ французскаго, и чувствительными драмами домашняго печенія, „Пантеонъ“ подарилъ своихъ читателей „Бурей“ и „Цимбелиномъ“ Шекспира и нѣсколькими болѣе или менѣе примѣчательными драмами, переведенными нѣмецкаго, англійскаго и французскаго; изъ нихъ особенно примѣчательны: „Двадцать-четвертаго февраля“, драма Вернера, превосходно переведенная съ подлинника Струговицкимъ, и „Норманъ, морской капитанъ“, драма Бальера, переведенная съ англійскаго прозой; а изъ оригинальныхъ — „Торжество Добродѣтели“, драматическій очеркъ канцелярской жизни, Менщикова, „Благородные Люди“, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ его же, Менщикова, и „Петербургскія Квартиры“, комедія-водевиль Кони, примѣчательная въ цѣломъ, какъ веселая и оригинальная шутка и превосходная своимъ четвертымъ актомъ, составляющимъ какъ бы особую комедію въ

комедіи. Если справедливы слухи, то на будущій годъ „Пантеонъ“ подаритъ русскую публику драмой Шекспира „Ромео и Юлія“, которая превосходно переведена съ подлинника стихами. „Пантеонъ“ возбудилъ соревнованіе и въ „Репертуарѣ“, который подарилъ публику очень хорошимъ переводомъ въ прозѣ „Антонія и Клеопатры“, выдавъ эту драму Шекспира въ видѣ особаго приложенія къ одной изъ своихъ книжекъ.

Въ концѣ прошлаго года журнальное движеніе проявилось еще сильнѣе. Возобновляется старый журналъ „Русскій Вѣстникъ“, издававшійся извѣстнымъ литературнымъ ветераномъ и патріотомъ, С. Н. Глинкою, который будетъ имѣть сотрудниками цѣлыхъ три дѣйствующихъ лица: Гречъ, бывший нѣкогда владѣльцемъ и редакторомъ „Сына Отечества“ и издававшій въ прошломъ году, вмѣсто обѣщанныхъ 12 книжекъ, только одну книжку „Дѣтскаго Собесѣдника“, — Полевой, бывший редакторъ „Сына Отечества“ и не докончившій его, — Кукольникъ, бывший редакторъ „Художественной Газеты“, не издавшій ни одного нумера ея въ 1839 году. Странное явленіе—журналъ съ четырьмя редакторами! Дай Богъ, чтобы на немъ не сбылась пословица: „у семи нянекъ дитя безъ глазу?..“ Какое будетъ его направленіе, что скажетъ онъ намъ новаго — можно предвидѣть по именамъ редакторовъ, которые еще такъ недавно и съ такимъ блескомъ выказали свои журнальныя способности. Булгаринъ, не участвующій въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, нынѣшній годъ дѣлается редакторомъ хозяйственнаго журнала „Экономъ“, который издается Песочкимъ, издателемъ „Репертуара“.

Итакъ, журналовъ стало у насъ больше прежняго: но это только видимый выигрышъ со стороны литературы, а въ сущности дѣло остается все тѣмъ же, чѣмъ и было: имя не составляетъ вещи, и если одинъ и тотъ же человекъ издаетъ хоть десять журналовъ—эти десять равны единицѣ, раздѣленной на десять частей и въ десять разъ раздѣлившей силы и дѣятельность редактора. Одно и то же направленіе, одинъ и тотъ же образъ мыслей и взглядъ на вещи только надоѣдаютъ, если повторяются въ нѣсколькихъ изданіяхъ. И

потому къ помянутымъ нами новымъ журналамъ очень идетъ этотъ старый стихъ:

Ничто не ново подь луною!

До 1831 года въ одной Москвѣ было больше журналовъ въ сущности, чѣмъ теперь въ обѣихъ столицахъ по числу. Не говоря уже о „Телеграфѣ“, котораго важная заслуга единодушно признала теперь и друзьями, и недругами покойника; не говоря о „Московскомъ Вѣстникѣ“, знакомившемъ нашу публику съ германской литературой и германскимъ воззрѣніемъ на жизнь, науку и искусство, — самый „Вѣстникъ Европы“, доживавшій тогда свои послѣдніе годы, былъ явленіемъ примѣчательнымъ и интереснымъ. Это была — умирающая мысль, отстаивающая себя въ отчаянной схваткѣ противъ враждебной новизны... Какое характеристическое изданіе было въ началѣ и въ концѣ своемъ „Телескопъ!“ Да, тогда имя было вмѣстѣ и дѣломъ, а теперь — только новыя имена журналовъ, а сущность остается все та же, все старая же...

Кстати о московскихъ журналахъ съ направленіемъ и характеромъ: въ Москвѣ издается съ нынѣшняго года новый журналъ „Москвитянинъ“... Главный редакторъ его — Погодинъ, главный сотрудникъ — Шевыревъ. Не беремся пророчить о судьбѣ новаго изданія, но смѣло можемъ поручиться, что онъ есть предпріятіе честное, добросовѣстное, благонамѣренное, чисто литературное и нисколько не меркантильное; что у него будетъ своя мысль, свое мнѣніе, съ которыми можно будетъ соглашаться и не соглашаться, но которыхъ нельзя будетъ не уважать, — противъ которыхъ можно будетъ спорить, но съ которыми нельзя будетъ браниться.

Отъ журналистики обратимся собственно къ литературѣ 1840 года и посмотримъ, чѣмъ-то обогатила она насъ. Нельзя сказать, чтобъ по изящной литературѣ въ прошломъ году не вышло нѣсколькихъ примѣчательныхъ книгъ. „Римскія Элегіи“ Гёте, переведенныя, размѣромъ подлинника, Струговичковымъ, „Коть Мурръ“, романъ Гоффмана, и „Путеводитель въ Пустынь“ Купера — суть важныя пріобрѣтенія или, лучше сказать, усвоенія нашей литературы изъ сокровищницы ли-

ратуръ нѣмецкой и англійской, особенно первое, какъ переведенное стихами, достойными стиховъ подлинника. Къ числу этихъ приобрѣтеній должно отнести и „Подарокъ на Новый Годъ“, двѣ сказки Гофмана („Неизвѣстное Дитя“ и „Человѣкъ Щелкушка“), очень хорошо переведенныя, тогда какъ первый переводъ ихъ (въ „Серапіоновыхъ Братьяхъ“) очень дуренъ. Кстати о переводахъ вообще, т. е. и отдѣльно вышедшихъ, и помѣщенныхъ въ журналахъ, и даже нигдѣ не напечатанныхъ: наша литература принялась за Шекспира, несмотря на то, что публика еще не думаетъ серьезно приняться за него. Мы уже упоминали о „Бурѣ“, „Цимбелинѣ“, помѣщенныхъ въ „Пантеонѣ“, и „Антоніи и Клеопатрѣ“, вышедшей при „Репертуарѣ“ особенной книжкой; теперь упомянемъ о другомъ (въ стихахъ) переводѣ „Бури“ — Сатина, только что вышедшемъ въ Москвѣ; сверхъ того, какъ слышно, печатаются два перевода „Сна въ Лѣтнюю Ночь“ — Вельтмана и Сатина; приготовлены къ печати (хотя и неизвѣстно навѣрное, будутъ ли напечатаны): „Король Іоаннъ“, „Ричардъ II“, и „Генрихъ IV“, переведенные въ прозѣ съ подлинника Кетчеромъ; „Ричардъ II“, „Двѣнадцатая Ночь или Что угодно“ и „Гамлетъ“, переведенныя съ подлинника стихами Кронеберкомъ; „Ромео и Юлія“, переведенная съ подлинника, стихами, Катковымъ. Кромѣ того, говорятъ, переведены: „Коріоланъ“, „Много шума изъ пустяковъ“ и пр. Мы слышали даже, что одинъ молодой человѣкъ, посвятившій себя изученію Шекспира и собственно для него изучившій англійскій языкъ, перевелъ стихами — страшно вымолвить! — всего Шекспира. Итакъ, важность вопроса о Шекспирѣ теперь состоитъ не въ томъ, какъ и кому переводить его, а въ томъ — для кого, а слѣдовательно какъ и кому печатать его... Воля ваша, а странна наша литература!...

Оригинальныхъ изящныхъ произведеній въ прошломъ году вышло немного; но „Герой нашего Времени“ и „Стихотворенія Лермонтова“ — эти двѣ книжки, которыя одинокими пирамидами высятся въ песчаной пустынѣ современной имъ литературы, — дѣлаютъ 1840 годъ однимъ изъ плодороднѣйшихъ въ литературномъ отношеніи и даютъ ему цѣну хорошаго десятилѣтія. Къ этимъ же двумъ книжкамъ мы присоединили

бы и сочиненія графини Сарры Толстой, еслибы первая часть ихъ вышла въ прошломъ, а не въ 1839 году. Въ прошломъ же году вышли новыя повѣсти Жуковой, впрочемъ уже извѣстныя публикѣ изъ журналовъ „Панъ Халаявскій“ Основьяненка—эта превосходная сатира, написанная рукой отличнаго мастера; три повѣсти Александрова (Дуровой) — „Ярчукъ“, „Уголь“ и „Кладъ“; новый романъ Вельтмана „Генераль Коломерсъ“. Ко всему этому должно отнести „Одесскій Альманахъ“, которымъ почти начался прошлый годъ: онъ примѣчателенъ многими прекрасными пьесами. Въ концѣ года появилась „Утренняя Заря“, которая уже принадлежитъ библиографіи наступившаго новаго года. Важнымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы считаемъ маленькую книжечку, изданную Сухановымъ, подъ названіемъ: „Древнія Русскія Стихотворенія, служащія дополненіемъ къ „Киршѣ Данилову“. Примѣчательна книжка Боричевского: „Повѣсти и Преданія Народовъ Славянскаго Племени“. Изъ старыхъ вышли вновь: роскошное изданіе „Басенъ Крылова“ и „Полное собраніе сочиненій Дениса Давыдова“.

Вотъ исчисленіе примѣчательныхъ явленій по части ученой литературы прошлаго года: „Путевыя Записки, веденныя во время пребыванія на Іоническихъ островахъ, въ Греціи, Малой Азіи и Турціи, въ 1835 году, Владиміромъ Давыдовымъ“, съ великолѣпнымъ атласомъ in-folio; „Путешествіе по Египту и Нубіи въ 1834—1835 гг. А. Норова“; „Путешествіе Маршала Мармона въ Венгрію-Трансильванію, южную Россію, по Крыму и берегамъ Азовскаго моря, въ Константинополь, нѣкоторыя части Малой Азіи, Сирію, Палестину и Египетъ“; „Записки Александры Фуксъ о Чувашихъ и Черемисахъ“; „Очерки Россіи“, изд. В. Пассекомъ; „Описаніе посольства, отправленнаго въ 1659 г. отъ царя Алексѣя Михайловича къ Фердинанду II-му, великому герцогу тосканскому“; „Записки Желябужскаго“; „Сборникъ князя Оболенскаго“; „Влахо-Болгарскія грамоты, собранныя Ю. Венелинымъ“; „Оборона Лѣтописи Русской Несторовой, Буткова“; „Кіевлянинъ, Максимовича“; „Руководство къ познанію Древней исторіи, С. Смарагдова“; „Изображеніе переворотовъ въ политической системѣ Европейскихъ государствъ, соч. Ан-

сильона“ (т. II., дурно переведенный); „Первые четыре вѣка христіанства“; „Первобытная исторія христіанской церкви у Славянъ, Мауцевскаго“; „Естественная исторія Оренбургскаго Края, соч. Эверсмана“; „Первобытный міръ Россіи, соч. Эйхвальда“; „Основаніе Чистой Химіи, Гесса“, изд. пятое; „Гальванопластика, Якоби“; „Исторія философіи архимандрита Гавріила“, изд. второе; „Исторія философіи Древнихъ временъ, Риттера“; „Введеніе въ философію, Карпова“; „Система логики, Бахмана“; „О мѣрѣ наказаній, С. Баршева“.—Продолжались изданія „Дѣяній Петра Великаго, Голикова“, доведенныя до XIII т. включительно; „Живописнаго Путешествія по Азіи, соч. Эйріе“, доведеннаго до конца; „Очерковъ съ произведеній Живописи“, изд. Тромониныхъ; „Записокъ Герцогини Абрантесъ“ (т. XV).—Вышло четвертымъ изданіемъ „Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ“ и третьимъ—„Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ Русскимъ“.—Язвинскій и Ольдекопъ издали нѣсколько руководствъ къ языкоученію. Кромѣ всѣхъ этихъ книгъ, можетъ-быть, мы не упомянули и еще около десятка болѣе или менѣе примѣчательныхъ сочиненій, особенно по части математики, медицины и сельскаго хозяйства. Число же всѣхъ книгъ, вышедшихъ въ прошломъ году въ Россіи, на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, беллетрическихъ и ученыхъ, превосходныхъ, хорошихъ и дурныхъ—не составляетъ и пятисотъ нумеровъ, если не включать сюда журнальныя статьи, отпечатанныя особыми брошюрами, азбуки, молитвенника и проч... Да, немного!

Прошедшее нашей литературы неблестяще, настоящее тускло; но за будущее намъ нисколько не должно отчаяваться.

Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи,

собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ
Соч. И. И. Голикова. Изд. второе. Москва. 1837—1840. Томы I—XIII.

Исторія Петра Великаго.

Соч. Веніамина Бергмана. Пер. съ немѣцкаго Егоръ Аладьинъ. Второе,
сжатое (компактное) изданіе, исправленное и умноженное. Спб. 1840.
Три тома.

О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича.

Современное сочиненіе Григорья Кошихина. Спб. 1840.

Все народное ничто переть человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ!

КАРАМЗИНЪ.

I.

Мы, русскіе, безпрестанно упрекаемъ самихъ себя въ холодности ко всему родному; въ равнодушіи ко всему отечественному, русскому. Справедливо ли это?—И справедливо, и нѣтъ! Справедливо, потому что это фактъ; несправедливо, потому что въ уразумѣніи этого факта принимаютъ слѣдствіе явленія за самое явленіе. Что такое любовь къ своему безъ любви къ общему? Что такое любовь къ родному и отечественному безъ любви къ обще-человѣческому? Развѣ русскіе сами по себѣ, а человѣчество само по себѣ? Сохрани Богъ!... Только какіе-нибудь китайцы особны и самостоятельны въ отношеніи къ человѣчеству; но потому-то они и представляютъ собою каррикатуру, пародію на человѣчество, и чело-

вѣчество отвращается отъ братства съ ними. Но и китайцы еще не примѣръ въ этомъ вопросѣ, потому что было время, когда и китайцы были связаны съ человѣчествомъ, выразивъ собою первый моментъ его сознанія въ формѣ гражданскаго общества; этому и обязаны они своимъ дивнымъ государственнымъ устройствомъ, въ которомъ все опредѣлено и ничего не оставлено безъ сознанія, и которое теперь потому только смѣшно, что, лишенное движенія, представляетъ собою какъ-бы окаменѣвшее прошедшее или египетскую мумію довременнаго общества. Нѣтъ, здѣсь въ примѣръ идутъ развѣ какіе-нибудь якуты, буряты, камчадалы, калмыки, черкесы, негры, которые дѣйствительно ничего общаго съ человѣчествомъ не имѣли, которыхъ человѣчество не признаетъ живой, кровной частью самого себя, и для которыхъ, можетъ-быть, есть только будущее... И такъ, развѣ Петръ Великій — только потому великъ, что онъ былъ русскій, а не потому, что онъ былъ также человѣкъ, и что онъ болѣе нежели кто-нибудь имѣлъ права сказать о самомъ себѣ: «я человѣкъ — и ничто человѣческое не чуждо мнѣ!» Развѣ мы можемъ сказать о себѣ, что любимъ Петра и гордимся имъ, если мы не любимъ Александра Македонскаго, Юлія Цезаря, Наполеона, Густава-Адольфа, Фридриха Великаго и другихъ представителей человѣчества? Что онъ къ намъ ближе всѣхъ другихъ, что мы связаны съ нимъ болѣе родственными, болѣе, такъ сказать, кровными узами — объ этомъ нѣтъ и спора, это истина, святая, несомнѣнная; но все-таки мы любимъ и боготворимъ въ Петрѣ не то, что должно или можетъ принадлежать только собственно русскому, но то общее, что можетъ и должно принадлежать всякому человѣку, не по праву народному, а по праву природы человѣческой. Геній, въ смыслѣ превосходныхъ способностей и силъ духа, можетъ явиться вездѣ, даже у дикихъ племенъ, живущихъ внѣ человѣчества; но великій человѣкъ можетъ явиться только или у народа, уже принадлежащаго къ семейству человѣчества, въ историческомъ значеніи этого слова, или у такого народа, который міродержавными судьбами предназначено ему, какъ на примѣръ Петру, ввести въ родственную связь съ человѣчествомъ. И потому-то есть разница между великими людьми человѣчества и ге-

ніями племенъ и, такъ сказать, заштатныхъ народовъ; есть великая разниа между Александромъ Македонскимъ, Юліемъ Цезаремъ, Карломъ Великимъ, Петромъ Великимъ, Наполеономъ — и между Атиллою, Ченгисомъ, Тамерланомъ: первые должны называться великими людьми, вторые — *les grands Kalmuks...*

Да! Мы холодны ко всему, равнодушны къ родному, но не потому, чтобъ холодность и равнодушіе лежали въ нашей натурѣ, не потому, чтобъ они были какимъ-нибудь нашимъ недугомъ, а потому что мы еще холодны и равнодушны къ общему, къ міровому, которое заслонено отъ насъ личнымъ. Слово «интересъ» мы еще принимаемъ въ смыслѣ «выгоды», а не живого и страстнаго сочувствія ко всему человѣческому, въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Мы еще только начинаемъ соглашаться, что не худо иногда передъ вистомъ, въ ожиданіи, пока подойдетъ четвертый, долженствующій дополнить партію, — поговорить и объ искусствѣ, и объ исторіи, и о Наполеонѣ, и о Шекспирѣ, словомъ — о „Байронѣ и матеряхъ важныхъ“... Петръ Великій есть величайшее явленіе не нашей только исторіи, но исторіи всего человѣчества; онъ — божество, воззавшее насъ къ жизни, едунувшее душу живую въ колоссальное, но поверженное въ смертную дремоту тѣло древней Россіи: и что же? чѣмъ показали мы свое неравнодушіе къ такому великому для насъ явленію? Ничѣмъ, потому что громкія фразы, великолѣпныя риторическія восклицанія еще меньше, чѣмъ ничто. Любовь проявляется въ дѣлѣ: слѣдовательно вопросъ въ томъ, что мы сдѣлали для того, чтобъ понять Петра Великаго, какъ великое историческое явленіе. Собрали ли мы матеріалы для его исторіи? Нѣтъ! — Свѣрили ль, сличили ль между собою, повѣрили ль исторической критикой хотя извѣстные намъ факты? — Нѣтъ! Есть ли у насъ хоть какія-нибудь, сколько-нибудь заслуживающія вниманія попытки изобразить въ стройной исторической картинѣ жизнь и дѣянія Великаго? — Доселѣ еще — нѣтъ! Правда, былъ у насъ одинъ, который могъ бы алмазнымъ перомъ своимъ, какъ на мѣди или мраморѣ, нетлѣнными чертами передать вѣчности дѣла и образъ Великаго; но преждевременная смерть вырвала волшебное перо

изъ творческихъ рукъ и надолго лишила Россію надежды имѣть учено-художественную исторію творца ея будущаго величія и счастія... Изъ прежнихъ попытокъ сдѣлать что-нибудь для исторіи Петра Великаго достоинъ величайшаго уваженія только безкорыстный и простодушный трудъ Голикова. Прекрасное, страдное явленіе въ русской жизни этотъ Голиковъ! Полуграмотный курскій купецъ, выучившійся на желѣзные гроши читать и писать, чувствуетъ сильную потребность во что бы то ни стало узнать исторію Петра Великаго. Недостатокъ въ средствахъ лишаетъ его возможности собирать матеріалы; однако онъ дѣлаетъ для этого всевозможныя пожертвованія, урывками отъ коммерческихъ занятій и житейскихъ заботъ, читаетъ онъ все, что попадаетъ ему подъ руку о Петрѣ, дѣлаетъ выписки и такимъ образомъ полагаетъ начало своему труду, огромности котораго и самъ не предчувствуетъ. Вдругъ подпадаетъ онъ уголовному суду, лишается свободы и чести; но черезъ два съ половиною года освобождается изъ заключенія вслѣдствіе милостиваго манифеста по случаю открытія въ Петербургѣ монумента Петру Великому. Изъ тюрьмы спѣшитъ онъ въ церковь, оттуда на Петровскую площадь, и, въ священномъ изступленіи, упавъ на колѣни передъ статуей Великаго, громко и всенародно клянется достойно отблагодарить его за благодѣяніе. Съ тѣхъ поръ каждая минута жизни его посвящена на совершеніе высокаго подвига. Тринадцать томовъ остались памятникомъ его благороднаго рвенія, и въ безыскусственномъ, беспорядочномъ его разсказѣ нерѣдко замѣтно одушевленіе, достойное предмета, его возбудившаго; въ основѣ лежитъ бессознательное, но тѣмъ не менѣе вѣрное созерцаніе идеи, выраженной явленіемъ Петра Великаго. Явись Голиковъ у англичанъ, французовъ, нѣмцевъ—не было бы конца толкамъ о немъ, не было бы счета его біографіямъ; гипсовыя изображенія его продавались бы вмѣстѣ съ статуйками Наполеона, Вольтера, Руссо, Франклина; портреты выставлялись бы въ окнахъ эстампныхъ магазиновъ, виднѣлись бы на площадяхъ и перекресткахъ.

Итакъ, трудъ Голикова есть почти все, что сдѣлано нашей литературой для исторіи Петра Великаго. Карамзинъ

еще далеко не дошелъ до нея, Пушкинъ смертью застигнуть въ приготовительныхъ работахъ къ ней. Записные наши историческіе критики заняты вопросомъ, „откуда пошла Русь“—отъ Балтійскаго или отъ Чернаго моря. Имъ какъ будто и нужды нѣтъ, что рѣшеніе этого вопроса не дѣлаетъ ни яснѣе, ни занимательнѣе баснословнаго періода нашей исторіи. Норманы ли за-балтійскіе, или татары за-понтійскіе—все равно: ибо если первые не внесли въ русскую жизнь европейскаго элемента, плодотворнаго зерна всемірно-историческаго развитія, не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ, ни въ общественномъ устройствѣ, то стоитъ ли хлопотать о томъ, что норманы, а не калмыки пришли княжити надъ словены; если же это были татары, то развѣ намъ легче будетъ, если мы узнаемъ, что они пришли къ намъ изъ-за Урала, а не изъ-за Дона, и вступили въ словенскую землю правой, а не лѣвой ногой?... Ломать голову надъ подобными вопросами, лишенными всякой существенной важности, которая дается факту только мыслью—все равно, что пускаться въ археологическія изысканія и писать цѣлые томы о томъ, какого цвѣта были доспѣхи Святослава, и на которой щекѣ была родинка у Игоря. А между тѣмъ этотъ первый и безплодный періодъ русской исторіи поглощаетъ или по крайней мѣрѣ поглощалъ всю дѣятельность большей части нашихъ ученыхъ изслѣдователей, которые и знать не хотятъ того, что имена Рюриковъ, Олеговъ, Игорей и подобныхъ имъ героевъ наводятъ скуку и грусть на мыслящую часть публики, и что русская исторія начинается съ возвышенія Москвы и централизаціи около нея удѣльныхъ княжествъ, т. е. съ Іоанна Калиты и Симеона Гордаго. Все, что было до нихъ, должно составить коротенькій рассказъ на нѣсколькихъ страничкахъ, вродѣ введенія, рассказъ съ выраженіями вродѣ слѣдующихъ: „лѣтописи говорятъ, но думать должно; вѣроятно; можетъ быть; могло быть“, и т. д. Подобное введеніе должно быть коротко, ибо что интереснаго въ подробномъ повѣствованіи о колыбельномъ существованіи хотя бы и великаго человѣка? И малые, и великіе люди въ колыбели равно малы: спятъ, кричатъ, ѣдятъ, пьютъ. Даже и собственно исторія Московскаго Царства есть только вве-

деніе, разумѣется, несравненно важнѣе перваго, — введеніе въ исторію Государства Русскаго, которое началось съ Петра. Въ этомъ введеніи встрѣчаются интересныя лица, сильные и могучіе характеры, даже драматическія положенія цѣлаго народа; но все это имѣетъ чисто-человѣческій, а не историческій интересъ; все это такъ же интересно въ русской исторіи, какъ и въ исторіи всякаго другого народа во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Исторія есть фактическое жизненное развитіе общей (абсолютной) идеи въ формѣ политическихъ обществъ. Сущность исторіи составляетъ только одно разумно-необходимое, которое связано съ прошедшимъ, и въ настоящемъ заключаетъ свое будущее. Содержаніе исторіи есть общее: судьбы человѣчества. Какъ исторія народа не есть исторія милліоновъ отдѣльныхъ лицъ, его составляющихъ, но только исторія нѣкотораго числа лицъ, въ которыхъ выразились духъ и судьбы народа, — точно такъ же и человѣчество не есть собраніе народовъ всего земного шара, но только нѣсколькихъ народовъ, выражающихъ собою идею человѣчества. Мы уже намекнули, что и самый Китай имѣлъ всемірно-историческое значеніе, выразивъ собою первый моментъ общественности; но хотя китайцы и теперь существуютъ, да еще въ числѣ, какъ говорятъ, чуть ли не ста милліоновъ головъ, однако они столько же принадлежатъ къ человѣчеству, сколько и милліоны рогатыхъ головъ ихъ многочисленныхъ стадъ. Индійцы, египтяне и особенно племена семитическія, греки и римляне, — каждый изъ этихъ народовъ былъ звеномъ въ цѣпи развитія человѣчества, — былъ, но теперь уже не есть; ибо индійцы и египтяне теперь нѣчто вродѣ окаменѣлостей, а греки и римляне исчезли совсѣмъ съ лица земли, уступивъ родную почву другимъ племенамъ. Магометанскій востокъ раскинулся пышнымъ, хотя и мгновеннымъ цвѣтомъ; но и этому онъ обязанъ былъ той односторонней истинѣ, которую выразилъ въ многосторонней лжи своей. Аравитяне имѣли вліяніе на самую Европу и тѣмъ придали магометанству характеръ исторической необходимости, и спасли его отъ забвенія. Но когда односторонняя истина его содержанія сшиблась съ общей, міровой истиной христіанскаго европеизма, — онъ уступилъ, потомъ палъ, и теперь одрахлавшій

и безжизненный трупъ Турціи держится только милостью европейскихъ державъ. Умершій Римъ завѣщалъ богатое наслѣдство своей жизни разрушившимъ его варварамъ: онъ далъ имъ христіанство, цивилизацію и законы. Съ тѣхъ поръ человѣчество явилось въ лицѣ тевтонскаго племени, широкимъ потокомъ разливагося по Европѣ; все же остальное представляло собою явленія случайныя, которыя возникали, Богъ знаетъ, откуда и какъ, и исчезали, Богъ знаетъ, гдѣ и какъ, подобно вѣтру въ стѣняхъ Аравіи... Атиллы и Тамерланы основывали огромныя монархіи и грозили всему міру и Европѣ; но міръ и Европа остались, а грозные воители исчезли вмалѣ; вмѣстѣ съ ними исчезли и ихъ эфемерныя монархіи, возникшія и развившіяся не изнутри, подобно явленіямъ растительнаго и животнаго царствъ природы, а снаружи, черезъ налипаніе, подобно минераламъ, не органически, а химически и механически. Случайно было ихъ явленіе, случайно было и ихъ паденіе: могущество отдѣльной отъ человѣчества личности воззвало ихъ къ бытію, а смерть этой личности возвратила ихъ въ прежнее ничтожество. Между тѣмъ Европа росла, крѣпла и развивалась, выдержала ужасные напоры случайныхъ силъ, и въ существенныхъ стихіяхъ собственной жизни нашла разрѣшеніе противорѣчій этой жизни, а въ борьбѣ разумной необходимости съ случайностью открыла неисчерпаемый источникъ, богатое содержаніе неизживаемой жизни,—и только простодушное невѣжество или жалкое суевѣріе и фанатизмъ могутъ видѣть послѣдніе дни и смертное томленіе Европы въ успѣхахъ ея цивилизаціи, въ торжествѣ человѣческаго разума. Въ какомъ смутномъ броженіи, въ какой свирѣпой борьбѣ элементовъ и силъ является исторія Европы среднихъ вѣковъ! Но въ этомъ хаосѣ немолчно раздается всемогущій глаголь жизни, творческое „да будетъ!“; духъ Божій носится во мракѣ надъ ярящимися волнами безпредѣльныхъ водъ... и вотъ почему, при всей пестротѣ, при всей яркости цвѣтовъ, при всемъ разнообразіи и смѣшеніи борющихся между собою элементовъ, исторія Европы представляетъ стройную и величественную картину разумныхъ и великихъ событій; взоръ мыслителя

усматриваетъ въ фсрмѣ этой многосложной картины единство діалектически развивающейся мысли.

Чтобъ лучше показать, какая разница между интереснымъ характеромъ народа, нежившаго жизнью человѣчества, и интереснымъ характеромъ всемірно-историческаго народа, сравнимъ Іоанна Грознаго и Людовика ХІ. Оба они—характеры сильные и могучіе, оба ужасны своими дѣлами; но Іоаннъ Грозный — важное лицо только для частной исторіи Россіи: онъ довершилъ уничтоженіе удѣловъ, окончательно рѣшилъ мѣстный вопросъ, многозначительный только для Россіи,— между тѣмъ какъ тираннія Людовика ХІ имѣла великое значеніе для Франціи, и слѣдовательно для Европы: Людовикъ нанесъ ужасный ударъ феодализму, сколько можно было сосредоточилъ государство, поднялъ среднее сословіе, установилъ почты, хитрой и коварной своей политикой отстоялъ Францію отъ Карла Смѣлаго и другихъ опасныхъ враговъ, и пр. Въ характерѣ и дѣйствіяхъ Людовика ХІ выразился духъ эпохи, конецъ среднихъ вѣковъ и начало нынѣшней исторіи Европы. Іоаннъ интересенъ, какъ человѣкъ въ извѣстномъ положеніи, даже какъ частно-историческое лицо; Людовикъ ХІ—какъ лицо всемірно-историческое. Іоаннъ палъ жертвой условій жизни народа, на которомъ вымѣщалъ свою гибель; Людовикъ, чувствуя на себѣ вліяніе времени, былъ въ то же время не только рабомъ его, но и господиномъ, ибо давалъ ему направленіе и управлялъ его ходомъ.

Исторія Россіи отъ временъ Калиты и особенно отъ Іоанна III до Петра Великаго безъ всякаго сомнѣнія несравненно интереснѣе, чѣмъ въ періодъ удѣловъ и первой половины татарскаго ига; но чѣмъ интереснѣе становится она, тѣмъ менѣе обращаетъ на себя вниманіе и трудолюбіе ученыхъ дѣятелей. По крайіей мѣрѣ въ последнее время издано много историческихъ памятниковъ, относящихся къ этому періоду, чѣмъ обязаны мы болѣе просвѣщенному содѣйствію правительства, нежели ревности частныхъ лицъ. Что же до самой интереснѣйшей эпохи нашей исторіи—царствованія Петра Великаго, ея какъ будто и не существуетъ въ глазахъ нашихъ ученыхъ, поглощенныхъ общими мѣстами о происхожденіи Руси. А между тѣмъ какъ

дый, если случится ему написать имя Петра, почитаетъ за долгъ выйти изъ себя, накричать множество громкихъ фразъ, зная, что бумага все терпитъ. Иные изъ писавшихъ о Петрѣ, впрочемъ люди благонамѣренные, впадаютъ въ странныя противорѣчія, какъ будто влекомые по двумъ разнымъ, противоположнымъ направленіямъ: благоговѣя передъ его именемъ и дѣлами, они на одной страницѣ весьма основательно говорятъ, что на что ни взглянемъ мы, на себѣ и кругомъ себя — вездѣ и въ всемъ видимъ Петра; а на слѣдующей страницѣ утверждаютъ, что европеизмъ — вздоръ, гибель для души и тѣла, что желѣзныя дороги ведутъ прямо въ адъ, что Европа чахнетъ, умираетъ, и что мы должны бѣжать отъ Европы чуть-чуть не въ степи киргизскія...

Мы очень рады, что появленіе второго изданія Голикова, исторіи Бергмана и сочиненія Кошихина даетъ намъ случай и возможность сказать нѣсколько словъ о величайшемъ явленіи русской исторіи и объ одномъ изъ величайшихъ явленій всемірной исторіи — о Петрѣ Великомъ. Просимъ нашихъ читателей не быть слишкомъ взыскательными, не выпускать изъ вида великости предмета и незначительности средствъ къ его уразумѣнію, не забывать также, что въ журнальной статьѣ нельзя высказать всего такъ, какъ бы хотѣлось. Мы почтемъ себя вполне достигшими цѣли, если статья наша займетъ не одни глаза читателя, но и душу, и разумъ его, и наведетъ его на мысли и думы, которыхъ еще не возбуждали въ немъ историческіе возгласы о Петрѣ Великомъ.

Собраніе фактовъ, касающихся до исторіи Петра Великаго, критическое разсмотрѣніе и повѣрка матеріаловъ ея — вотъ что прежде всего ожидаетъ дѣятелей. Прагматическое изложеніе этихъ фактовъ — второе великое дѣло, пока еще тщетно ожидающее для себя труда и таланта. Но ни то, ни другое не можетъ обойтись безъ опредѣленія настоящей точки зрѣнія на Петра Великаго, какъ на историческаго дѣйствителя. Пусть всякій дѣлаетъ свое; мы постараемся изложить свою мысль или, если угодно, свое мнѣніе о дѣлѣ Петра, подкрѣпляя его, гдѣ будетъ нужно, живымъ свидѣтельствомъ историческихъ фактовъ.

Въ чемъ заключается дѣло Петра Великаго? Въ преобра-

зованіи Россіи, въ сближеніи ея съ Европою. Но развѣ Россія и безъ того находилась не въ Европѣ, а въ Азіи?—Въ географическомъ отношеніи она всегда была державой европейской; но одного географическаго положенія мало для европеизма страны. Что же такое Европа и что такое Азія? Вотъ вопросъ, изъ рѣшенія котораго только можно опредѣлить значеніе, важность и великость дѣла Петра.

Азія—страна такъ называемой естественной непосредственности, Европа — страна сознанія; Азія страна созерцанія, Европа-- воли и разсудка. Вотъ главное и существенное различіе Востока и Запада, причина и исходный пунктъ исторіи того и другого. Азія была колыбелью человѣческаго рода и до сихъ поръ осталась его колыбелью: дитя выросло, но все еще лежитъ въ колыбели, окрѣпло, но все еще ходитъ на помочахъ. Въ жизни, дѣйствіяхъ и самомъ сознаніи азіатца видна только первобытная естественность--и больше ничего. Азіатца нельзя назвать животнымъ, ибо онъ одаренъ смысломъ и словомъ; но онъ животное въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно назвать животнымъ младенца. Младенецъ есть возможность человѣка въ будущемъ, но въ настоящемъ — что такое жизнь его? — растительность и животность. Воплемъ и слезами изъясляетъ онъ страданіе и горестъ; крикомъ и смѣхомъ — радость и удовольствіе. Источникъ его радостей и страданій — его организмъ: здоровъ онъ и сытъ—онъ доволенъ; можетъ лакомиться—онъ счастливъ; боленъ и голоденъ—онъ страдаетъ; есть у него пища, но нѣтъ лакомствъ — онъ спокоенъ, но унылъ, страсти его молчатъ, живость ощущеній притупляется; увидить лакомства—онъ испускаетъ вопли радости, глаза его сверкаютъ огнемъ и странной живостью. Таковъ и азіатецъ. Основа его общественности есть обычай, священный древностью, давностью и привычкой. „Такъ жили отцы наши и дѣды“ — вотъ основное правило, и высшее разумное оправданіе азіатца въ его бытѣ и образѣ жизни. Прекрасное правило, все оправдывающая причина! Это альфа и омега всякой мудрости, это послѣдній отвѣтъ на всѣ вопросы разума! И къ тому же оно такъ легко для уразумѣнія, такъ коротко! Спросите черкеса, зачѣмъ онъ свято соблюдаетъ права гостепріимства въ своей саклѣ и грабитъ, рѣжетъ своего гостя на до-

рогѣ, подстрѣливаетъ его изъ-подъ куста, какъ дикую птицу, или хватаетъ на арканъ, заковываетъ въ желѣзо и заставляетъ всю жизнь пасти стада, — онъ отвѣтитъ вамъ: „такъ дѣлали отцы и дѣды наши“. Хорошо ли это, дурно ли, разумно или бессмысленно, — подобные вопросы не приходятъ ему въ голову; это слишкомъ тяжелая, слишкомъ неудобоваримая пища для его головы. Такъ-же точно нисколько не думаетъ азіатецъ о своей человѣческой личности — о значеніи ея и правахъ. Сегодня богатъ онъ, завтра нищъ; сегодня онъ неограниченный повелитель милліоновъ, завтра рабъ презрѣнный и безгласный; сегодня, движеніе руки его, маніе бровей его изрекають войну и миръ, жизнь и смерть, завтра подносятъ ему шелковый снурокъ, который онъ самъ надѣваетъ себѣ на шею. Почему все это такъ, а не иначе, и должно ли все это быть такъ, а не иначе, — онъ объ этомъ никогда не спрашивалъ ни себя, ни другихъ. Такъ было задолго до него, такъ бываетъ не съ однимъ имъ, а со всѣми, слѣдовательно такова воля Аллаха! И потому онъ такъ-же хладнокровно распоряжается счастьемъ или несчастьемъ, жизнью или смертью ближнихъ, какъ хладнокровно самъ подчиняется велѣніямъ судьбы. Вслѣдствіе этого цѣнность человѣческой крови для него нисколько не выше цѣнности крови домашнихъ животныхъ. Отсюда неограниченный деспотизмъ и безусловное рабство. Отсюда же совершенный произволъ съ одной стороны и совершенное отсутствіе чувства законной приверженности и непоколебимой вѣрности съ другой. Турокъ не ропщетъ, если дурное расположеніе духа властелина сажаетъ его на колъ или вѣшаетъ на петлѣ; но турокъ же не задумается ни на минуту пристать къ смѣлому мятежнику противъ законнаго властителя, къ сыну противъ родного отца. Вотъ непрочность однихъ естественныхъ связей, несознанныхъ посредствомъ разсудка! Семейственность есть общая форма азіатскаго быта; самое государство на Востокѣ — семейство въ огромномъ размѣрѣ. Но посмотрите, какъ ничтожны тамъ узы родства! У дѣтей нѣтъ матери, потому что мать ихъ не человѣкъ, не женщина, а самка и матка; но у дѣтей нѣтъ и отца, ибо и отецъ ихъ только самецъ, владѣющій извѣстнымъ числомъ самокъ, и притомъ

господинъ и повелитель и своихъ самокъ, и своихъ дѣтей, неограниченный властелинъ, при которомъ они, какъ рабы, должны безмолвно стоять, потупивъ глаза въ землю, приложивъ руку къ груди. И потому кровавыя сцены въ семействахъ на Востокѣ — обыкновенныя событія и далеко не возбуждаютъ такого мистическаго ужаса, какъ въ безнравственной и безбожной (по мнѣнію китайскихъ мандариновъ пятой степени) Европѣ. Въ нѣкоторыхъ мусульманскихъ земляхъ повелитель, восходя на тронъ отца своего, умерщвляетъ всѣхъ своихъ братьевъ, а въ нѣкоторыхъ только велитъ имъ выкалывать глаза. Разумѣется, подобное право не простирается на частныхъ людей; но что освящено употребленіемъ и обычаемъ, то не можетъ казаться особеннымъ преступленіемъ, не можетъ внушать особеннаго ужаса. Вотъ что значатъ естественныя права крови, неосвященные любовью и духомъ, несознанныя разумѣніемъ! Кажется, никто такъ не близокъ къ природѣ, какъ животныя, и слѣдовательно ни у кого узы крови не должны быть такъ крѣпки и нерушимы, какъ у животныхъ; но у нихъ-то и нѣтъ совсѣмъ никакихъ узъ родственныхъ; тигръ пожираетъ дѣтей въ голодѣ, и вообще самка какого бы то ни было животнаго только до тѣхъ поръ мать своимъ дѣтямъ, пока кормитъ ихъ грудью, а ея порожденія только до тѣхъ поръ ея дѣти, пока сосутъ ее; послѣ же этого термина взаимныя отношенія дѣтей къ матери и матери къ дѣтямъ какъ-то странно измѣняются...

Почти все это можно видѣть и между людьми на Востокѣ: торговля дѣтьми (особенно дочерьми) — одинъ изъ главнѣйшихъ промысловъ у нѣкоторыхъ азіатскихъ племенъ. Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и взаимной довѣренности, а узы родства тамъ только увеличиваютъ взаимную недовѣрчивость, ибо личные интересы родныхъ чаще всего сталкиваются враждебно. Сила личнаго самохраненія не можетъ ослабѣвать или усыпляться отъ родства, если любовь не освобождаетъ отъ подозрѣнія и страха. Въ Европѣ власть родительская основана на правѣ любви сознательной и разумной, вышедшей изъ любви естественной; и потому въ Европѣ право родства утрачиваетъ всю силу свою, какъ скоро пе-

рестаетъ опираться на правѣ любви. Объ исключеніяхъ говорить нечего; но можно почитать общимъ правиломъ, что отецъ не имѣетъ права жаловаться на дурныхъ дѣтей, потому что только у дурныхъ родителей могутъ быть дурныя дѣти. А такъ какъ отношенія столь близкихъ между собою людей, какъ родные, не могутъ быть предметомъ вѣрнаго и непогрѣшительнаго суда постороннихъ, то эти отношенія и приведены въ общія законныя формы. Законъ смотритъ только на внѣшнее, на форму, на приличіе, не позволяя себѣ проникать во внутреннее, которое передаетъ въ высшую инстанцію—въ судилище совѣсти. И потому гражданскій законъ въ Европѣ требуетъ отъ дѣтей только внѣшняго уваженія къ родителямъ, но не любви, для которой нѣтъ гражданскихъ законовъ. Съ другой стороны, права родителей надъ дѣтьми ограничены общественнымъ мнѣніемъ; въ извѣстныхъ лѣта дѣти становятся полными господами своей участи и своихъ поступковъ. И потому въ Европѣ можно видѣть примѣры, какъ дѣти судятся съ своими родителями, или родители съ дѣтьми; но только въ Азіи можно видѣть примѣры дѣтоубійства и отцеубійства; въ Европѣ тѣ и другія—чудовищныя и рѣдкія исключенія.

Сознаніе азіатца спитъ, ибо заключено въ магическомъ кругу младенческой естественности, непосредственности. Мысль его преимущественно проявляется въ религіозной сферѣ; но и тутъ далѣе естественнаго пантеизма она не восходила. Исключение остается за одними евреями, которымъ высшая воля поручила храненіе сокровища, цѣны котораго они сами не умѣли цѣнить. Поэтому и христіанство могло развиваться только въ Европѣ. Но въ исламизмѣ Азія увидѣла полное выраженіе своего духа. „Ни о чемъ не думай, ибо за тебя думаетъ святая книга; наслаждайся чувственными удовольствіями и властью, если предопредѣленіе дастъ тебѣ ихъ; погибай безъ ропота, ибо такъ написано на дскахъ предопредѣленія; губи безъ смущенія, ибо такъ написано на доскахъ предопредѣленія твоей жертвы“ — вотъ основаніе ислаизма. Коранъ предписываетъ любовь къ ближнему, гостепріимство; высшимъ блаженствомъ называетъ онъ созерцаніе безконечныхъ совершенствъ Аллаха; но эта любовь къ ближнему уничто-

жається понятіємъ о предопредѣленіи и простирається только на правовѣрныхъ, а не на поганныхъ джяуровъ, которыхъ истинный мусульманинъ долженъ фанатически ненавидѣть; не это созерцаніе божескихъ совершенствъ переходитъ въ дремоту души, утомленной чувственностью, и въ бессмысленную формалистику, которая предписываетъ извѣстное число повтореній: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога“ и пр., намазы, и т. п.

Основаніе всѣхъ религій, возникшихъ въ Азіи (кромѣ одной — единой, безусловной и божественной), есть физическій пантеизмъ (всебожіе) или обожествленіе субстанціальныхъ силъ природы. Какъ скоро этотъ пантеизмъ истощаетъ все свое содержаніе и отъ природы долженъ возвыситься до духа, — онъ тотчасъ же и уничтожается, впадая въ отвлеченныя случайности и мертвый формализмъ. Онъ движется, но въ ограниченной сферѣ самого себя, или, лучше сказать, кружится на одномъ мѣстѣ, а не движется отъ исходнаго пункта своего вдаль по прямой линіи. По крайней мѣрѣ въ индійскомъ пантеизмѣ были видоизмѣненія, была борьба сектъ, были свои секты, тогда какъ исламизмъ явился чѣмъ-то опредѣленнымъ, безъ всякой возможности даже круженія, не только развитія, — въ стоячей и мертвенной неподвижности. Отвергнуши повидимому, всякій формализмъ служенія, всякое чувственное представленіе божества и чрезъ то повидимому ставъ исповѣданіемъ въ духѣ, — онъ въ существѣ своемъ тотъ же индійскій пантеизмъ, то же робкое обожествленіе природы, а не духа, только болѣе ограниченное, и уже совершенно непосредственное и безсознательное. Это самыя крѣпкія оковы для ума человѣческаго; это самый мягкій и роскошный диванъ для его лѣни и усыпленія. Исламизмъ нисколько не допускаетъ въ себя элемента свободнаго и разумнаго мышленія; отъ этого дикій фанатизмъ и ожесточенное невѣжество есть его опора, сила и характеръ. Поэтому же самому неподвижность есть условіе исламизма; онъ сгніетъ и разрушится дѣйствіемъ собственнаго гніенія, но не измѣнится, не обновится, не приметъ въ себя новыхъ элементовъ. Онъ предлагаетъ свои догматы и законы какъ повелѣнія, а не какъ истины на основаніи какихъ бы то ни было доказательствъ. Послѣ этого удивительно ли, что христіанство не

могло укорениться на Востокѣ: оно убѣждаетъ, а не порабощаетъ, оно отвергло матерію и поставило надъ нею Духа Святого, который есть любовь и разумъ...

Та же неподвижность и въ общественномъ бытѣ азіатцевъ. Условія его немногосложны и просты, какъ условія стадъ и табуновъ соединенныя родственнымъ инстинктомъ, животные въ нихъ спокойно пасутся, не мѣшая другъ другу; а когда разыграются страсти, то рѣшаютъ дѣйствительность правъ своихъ превосходствомъ силы и крѣпости роговъ и копытъ. Право возмездія — древнѣйшее изъ всѣхъ правъ, потому что оно самое „естественное право“. Христіанство отвергло его съ особенною энергіей; но это потому, что христіанство было освобожденіемъ человѣчества отъ оковъ грубой естественности. Для азіатца право личности не въ законѣ, а въ кинжалѣ; его обидѣли, кровь закипѣла — и кинжалъ въ груди оскорбителя; убійца не всегда даже и хлопочетъ о спасеніи: если на дскахъ предопредѣленія не написано умереть ему отъ казни, его не казнятъ, а написано — ничѣмъ не спастись. Судилищъ и судейской процедуры азіатецъ не терпитъ: судъ совершается въ домѣ судьи, рѣшеніе зависитъ не отъ силы и разума закона, а отъ мудрости судьи. Тутъ же и благодѣтельная фалака, а если нужно и висѣлица — дѣло только въ петлѣ, висѣлицей же можетъ служить первое попавшееся на глаза окно мирнаго гражданина. Азіатецъ лучше хочетъ быть невинно битъ по пятамъ палками, повѣшенъ, посаженъ на колъ, только чтобъ сію же минуту, безъ проволоочки, — чѣмъ подвергаться судебному слѣдствію, которое лишило бы его возможности сидѣть поджавъ ноги, дѣлать кейфъ или творить намазъ. Турокъ отъ искренняго сердца дивится глупости невѣрныхъ франковъ, проклятыхъ джяуровъ, которые, попавшись подъ судъ, хотятъ, чтобъ ихъ судили, и не требуютъ того, чтобъ ихъ поскорѣе отколотили по пятамъ или посадили на колъ...

Однообразная частная жизнь азіатцевъ, это — или дикія оргіи грубой чувственности, или молчаливая бесѣда гостей, прерываемая изрѣдка вѣжливымъ вопросомъ: „каково состояніе вашего мозга?“, и не менѣе деликатнымъ отвѣтомъ: „оно сладко, какъ сахаръ“. Наскучивъ наконецъ сидѣть поджавъ

подъ себя ноги и курить завѣтный кальянъ, или прокурившись до послѣдней крайности, — мусульманинъ, бывало, снималъ со стѣны свою дамасскую саблю и съ дикимъ бѣшенствомъ вторгался въ предѣлы франковъ, грабилъ Сербію, Венгрію, Польшу, полуденную Россію, а насытившись боевой тревогой и разжившись военнымъ грабежомъ, снова садился подъ тѣнь спокойствія на коверъ наслажденія и погружался въ созерцаніе божества, повторяя: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его“, — и развѣ только для невиннаго разсѣянія рубилъ головы рабамъ своимъ и бросалъ въ море мѣшки съ своими женами. Прекрасная жизнь! Она вся въ чувствѣ — мятежный разумъ не смѣетъ и издали подойти къ ней, чтобъ смутить ея животное блаженство!...

Неподвижность и окаменѣлость слиты съ Азією, какъ душа съ тѣломъ. Какова она была за нѣсколько тысячелѣтій до Рождества Христова, такова и теперь, такъ пребудетъ всегда, если Европа не подломитъ основаній ея непосредственнаго состоянія и не преобразуетъ ея христіанствомъ. Въ Азій нѣтъ ни науки, ни искусства, а есть, вмѣсто ихъ, преданіе и обычай. Нигдѣ не льется столько крови, какъ въ Азій, нигдѣ люди не рѣжутся такъ много, какъ въ Азій, — и все-таки тамъ нѣтъ военного искусства! Побѣду даетъ случай, слѣпой случай, а не умъ, не искусство, и не всегда даже превосходство въ силѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если не случайность, то тутъ часто участвуетъ вдохновеніе, власть минуты. Въ Европѣ храбрость храбростью, одушевленіе одушевленіемъ, а математическій, прозаическій расчетъ своимъ чередомъ. Европейецъ умѣетъ помирить вдохновеніе съ разсудкомъ. Азія-тецъ весь въ распоряженіи минутнаго расположенія духа, которое и въ массахъ, какъ и въ человѣкѣ, часто зависитъ отъ одной случайности. Правда, Китай служитъ какъ бы исключеніемъ изъ этого правила; но это только кажется такъ: иначе отчего же бы всѣ его изобрѣтенія стали на подорогѣ, всѣ учрежденія окаменѣли при возникновеніи своемъ, и онъ самъ — трехмѣсячный ребенокъ съ сѣдыми волосами, желтой, морщиноватой, какъ печеное яблоко, кожей, съ сгорбленнымъ станомъ?.. Скажутъ, что сами китайцы всѣми мѣрами поддер-

живають самое безусловное *statu quo* въ своемъ государствѣ, понявъ, что оно только этимъ и можетъ существовать? Глубокъ же источникъ жизни въ томъ государствѣ, которое при отступленіи отъ условій стариннаго своего быта, приѣмля новыя открытія и обычаи, должно разрушиться, какъ набальзамированный и хорошо сбереженный трупъ въ свинцовомъ гробѣ разрушается отъ прикосновенія къ нему воздуха!..

И вотъ Азія! Знаемъ, что мы тутъ ничего новаго о ней не сказали: но не та была и цѣль наша: намъ нужно было только напомнить читателю уже извѣстное всѣмъ объ Азіи, чтобы онъ, при чтеніи этой статьи, не выпустилъ изъ вида, что такое для человѣка, народа и человѣчества пребываніе въ такъ называемой естественной непосредственности сознанія.

Еще менѣе можемъ сказать мы новаго о Европѣ касательно ея противоположности съ Азіею; но и это не цѣль наша; намъ опять нужно только привести для соображенія читателю двѣ-три самыя рѣзкія черты; собственная его проницательность дополнить остальное.

Еще во времена язычества, въ древнемъ мірѣ, характеръ Европы былъ противоположенъ характеру Азіи. Противоположность эта состояла въ нравственной подвижности и измѣняемости Европы, которыхъ причина заключалась въ вѣчномъ усилии европейскихъ народовъ силой сознанія посредствовать съ собою всѣ отношенія свои къ міру и жизни. Воспользовавшись чувствомъ и вдохновеніемъ, какъ моментомъ развитія, какъ необходимымъ элементомъ жизни, европеецъ издревле далъ полную волю своей мыслящей способности, судительной и анализирующей силѣ своего ума, привелъ въ движеніе свой разумъ, разрывающій полноту всякой непосредственности. Созерцаніе помирилъ онъ дѣйствіемъ, и въ созерцаніи своей дѣятельности нашелъ свое высочайшее блаженство,—и дѣятельность его состояла въ томъ, чтобы безпрестанно вносить въ жизнь свои идеалы и осуществлять ихъ въ этой жизни. Для грека жить значило мыслить: другой жизни не понималъ онъ. Его вѣрованіе было тотъ же пантеизмъ, но не отвлеченный и неподвижный, а распавшійся на множество живыхъ и прекрасныхъ божественныхъ личностей. Грекъ всегда предчувствовалъ больше, чѣмъ понималъ: доказа-

тельство—воздвигнутый имъ въ аѳинскомъ храмѣ алтарь Богу невѣдомому. Грекъ діалектически перешелъ свое *върваніе*, дошелъ до точки, гдѣ оно стало *знаніемъ*. Онъ перепробовалъ всѣ формы жизни общественной и гражданской; онъ принадлежалъ и семейству, но жилъ на площади? въ храмахъ, въ мастерскихъ художниковъ, въ садахъ академій и лицеевъ, слушая ораторовъ и философовъ; конецъ его внутренней жизни былъ концомъ и его политическаго существованія. Суровый римлянинъ развилъ своимъ политическимъ существованіемъ идею права, основаннаго на авторитетѣ чистаго мышленія, отвлеченнаго разсудка. Для римлянина легче было увидѣть себя ложно обвиненнымъ и несправедливо осужденнымъ, нежели оправданнымъ не по формѣ суда, не на основаніи закона, а по произволу судящихъ. Законъ для него былъ не преданіемъ и не обычаемъ, но сознаніемъ, — и вмѣстѣ съ развитіемъ его сознанія развивалось и его право, такъ что, не зная исторіи Рима при какихъ-нибудь Гораціяхъ и Куріаціяхъ, нельзя знать, откуда и какъ явилось то или другое узаконеніе при томъ или другомъ императорѣ до Юстиніана. Развивъ вполнѣ отвлеченное понятіе положительнаго права. Римъ совершилъ свое назначеніе, изжилъ всю свою жизнь, — и его исторія отъ эпохи собранія законовъ въ кодексы до паденія отъ мечей варваровъ есть журналъ смертельной болѣзни, который врачъ ведетъ, наблюдая своего паціента до послѣдней его минуты. Христіанство возродило Европу и дало ей неизживаемый запасъ жизни. Не будемъ говорить о рыцарствѣ, объ обожаніи женщины, о возникновеніи городовъ и средняго сословія, словомъ, — о всѣхъ этихъ измѣненіяхъ, вслѣдствіе которыхъ варварскій Сѣверъ сталъ въ главѣ человѣчества и постыдилъ своимъ духовнымъ развитіемъ образованный Югъ. Что общаго между полудикимъ норманскимъ рыцаремъ, съ ногъ до головы закованнымъ въ желѣзо, ломающимъ копье въ честь своей дамы, и Наполеономъ въ сѣромъ сюртукѣ съ маленькой шпагой? Что общаго между презираемымъ мѣщаниномъ среднихъ вѣковъ, который еще не забылъ боли отъ ошейника, и между могучимъ банкиромъ Ротшильдомъ? Что общаго между монахомъ среднихъ вѣковъ, въ тишинѣ кельи, при свѣтѣ лампы пи-

савшимъ свои простодушныя хроники, и профессоромъ нашего времени, съ кафедры критически разсматривающимъ наивную лѣтопись монаха? Что общаго между алхимикомъ среднихъ вѣковъ, таинственно, съ опасностью подвергнуться пыткѣ и сожженію за колдовство, отыскивавшимъ философскій камень, и Кювье, Жоффруа Сентъ-Илеромъ, Гумбольдтомъ, открыто, передъ всѣмъ человѣчествомъ, совлекающими съ природы таинственныя ея покровы? Что общаго между бродячимъ трубадуромъ среднихъ вѣковъ, украшавшимъ своими пѣснями пиры царей, и между поэтомъ новѣйшей Европы, или гонимымъ отъ общества, или носившимъ ливрею знатныхъ баръ, и наконецъ — между Байронами, Гёте, Шиллерами, Вальтеръ-Скоттами — этими гордыми властелинами нашего времени? — Что общаго? — Ничего! Однакожъ всѣ эти противоположности — не иное что, какъ крайнія звенья одной и той же великой цѣли духовнаго развитія и цивилизаціи. Самое непостоянство модъ въ платьѣ и мебели выходитъ въ Европѣ изъ глубокаго начала движущейся и развивающейся жизни и имѣетъ великое значеніе. Годъ для Европы — вѣкъ для Азіи; Вѣкъ для Европы — вѣчность для Азіи. Все великое, благородное, человѣческое, духовное возшло, выросло, расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ и принесло роскошныя плоды на европейской почвѣ. Разнообразіе жизни, благородныя отношенія половъ; утонченность нравовъ, искусство, наука, поработеніе безсознательныхъ силъ природы, побѣда надъ матеріей, торжество духа, уваженіе къ человѣческой личности, святость человѣческаго права; словомъ все, во имя чего гордится человѣкъ своимъ человѣческимъ достоинствомъ, черезъ что считаетъ онъ себя владыкой всего міра, возлюбленнымъ сыномъ и причастникомъ благодати Божіей, — все это есть результатъ развитія европейской жизни. Все человѣческое есть европейское, и все европейское — человѣческое...

Россія не принадлежала и не могла, по основнымъ элементамъ своей жизни, принадлежать къ Азіи: она составляла какое-то уединенное, отдѣльное явленіе; татары повидимому должны были сроднить ее съ Азіей; они и успѣли механическими внѣшними узлами связать ее съ нею на нѣкоторое время, но духовно не могли, потому что Россія — держава

христіанская. Итакъ, Петръ дѣйствовалъ совершенно въ духѣ народномъ, сближая свое отечество съ Европой и искореняя то, что внесли въ него татары временно азіатскаго.

Обратимся теперь къ твореніямъ, подавшимъ намъ поводъ къ этимъ мыслямъ. Вотъ книга Кошихина „О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича“. Но сперва намъ слѣдуетъ дать читателямъ свѣдѣніе объ авторѣ этой книги.

Соловьевъ, профессоръ Александровскаго университета, во время своего путешествія по Швеціи въ 1837 г. узналъ, что въ Стокгольмскомъ государственномъ архивѣ хранится рукопись, которая содержитъ въ себѣ описаніе Россіи при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, и которая есть переводъ съ оригинальнаго русскаго сочиненія, принадлежащаго подъячему посольскаго приказа Кошихину. Въ скоромъ времени Соловьеву удалось отыскать и самый подлинникъ, хранившійся въ библіотекѣ Упсальскаго университета. Къ заглавію этой рукописи есть приписка: „Григорья Карпова Кошихина, посольскаго приказа подъячаго, а потомъ Иваномъ Александровичемъ Селицкимъ зовимаго, работы въ Стокхолмѣ 1666 и 1667“. Въ предисловіи къ шведскому переводу рукописи Кошихина находятся нѣкоторыя извѣстія о жизни ея автора. Кошихинъ служилъ въ посольскомъ приказѣ, былъ неоднократно употребляемъ для писмоводства при дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными дворами и ѣздилъ гонцомъ въ Стокгольмъ. Князь Ю. А. Долгорукій, смѣнившій прежнихъ начальниковъ Кошихина, князей Черкасскаго и Прозоровскаго, потребовалъ отъ Кошихина, чтобъ онъ сдѣлалъ ложный доносъ на своихъ бывшихъ начальниковъ. Благородный подъячій, не чувствуя себя въ состояніи выполнить такое дѣло, и вмѣстѣ съ-тѣмъ ожидая всего отъ мести, бѣжалъ въ Польшу (около 1664 года), гдѣ скрывался подъ именемъ Селицкаго, потомъ странствовалъ въ Пруссіи и былъ въ Любекѣ, послѣ чего, пробравшись въ Лифляндію, предался покровительству Рижскаго генераль-губернатора Гельмфельдта, который исходатайствовалъ ему дозволеніе на свободное пребываніе въ Швеціи. Прибывъ въ Швецію въ 1666 году, Кошихинъ, по требованію государственнаго канцлера графа Магнуса Делагарди, окончилъ свое сочиненіе

„О Россіи“, начатое имъ вскорѣ по побѣгѣ изъ-подъ Смоленска. Кошихинъ былъ казненъ въ Стокгольмѣ за убіеніе своего хозяина Анастасіуса, совершенное въ нетрезвомъ видѣ, въ ссорѣ по подозрѣнію въ любовной связи съ его (?) женою.

Рукопись Кошихина издана Археографической Коммиссіей, подъ редакціей почетнаго члена ея Бередникова.

Слѣдующія выписки изъ книги Кошихина дадутъ читателю лучшее понятіе о самой книгѣ.

Вотъ какъ вступали въ бракъ русскіе цари:

„...А вшедъ въ церковь, царь и царевна стануть среди церкви, близко олтаря, и постелятъ подъ нихъ, на чомъ стояти, обьяри золотой сколько доведется, и съ одну сторону царя держить подъ руку дружка, а царевну *сваха*; и протопопъ, устроясь въ одѣяніе церковное, начнетъ ихъ вѣнчати по чину, и въ то время царевну открываютъ; и возлагаетъ на нихъ протопопъ вѣнцы церковные, а по вѣнчаніи подноситъ имъ изъ единого сосуда пити вина французскаго краснаго, и снимаетъ съ нихъ церковные вѣнцы, и возложитъ на царя корону. И потомъ протопопъ поучаетъ ихъ, какъ имъ жити: женѣ у мужа быти въ послушествѣ и другъ на друга не гнѣватися, развѣ нѣкія ради вины мужу поучити ея слегка жезломъ, занеже мужъ женѣ яко глава на церквѣ, и жили бы въ чистотѣ и въ богобоязни, недѣлю и среду и пятокъ и всѣ посты постили, и Господскіе праздники и въ которые дни прилучится праздновати апостоломъ и евангелистомъ инымъ нарочитымъ святымъ грѣха не сотворили, и къ церквѣ Божіей приходили и подаваніе давали, и со отцомъ духовнымъ спрашивались по часту, той бо на вся блага научить. А соверша протопопъ поученіе, царицу возметъ за руку и вдастъ ю мужеви, и велитъ имъ межъ себя учинити цѣлованіе, и по цѣлованіи царицу покроютъ и потомъ протопопъ и свадебный чинъ царя и царицу поздравляютъ вѣнчався...

А какъ начнетъ царь съ царицею опочивать, въ то время конюшей ѣздитъ около той полаты на конѣ, вымя мечъ наголо, и близко къ тому мѣсту никто не приходитъ; и ѣздитъ конюшей во всю ночь до свѣта. И испустя часъ боевой, отецъ и мать, и тысяцкой посылаютъ къ царю и къ царицѣ спрашивать о здоровьѣ. И какъ дружка приходя спрашиваетъ о здоровьѣ, и въ то время царь отвѣчаетъ, что въ добромъ здоровьѣ, будетъ доброе между ними совершилось; а ежели не совершилось, и царь приказываетъ приходить въ другой разъ, или въ третей, а дружка потомужъ приходитъ и спрашиваетъ. И будетъ доброе межъ ними учинилось, скажетъ царь, что въ добромъ здоровьѣ, и велитъ къ себѣ быти всему свадебному чину и отцамъ и матерямъ, а протопопъ не бываетъ; а когда добраго ничего не учинится, тогда всѣ бояре и свадебный чинъ разѣдуются въ печали, не бывъ у царя. А какъ свадебный чинъ приходитъ къ царю, и отцы и матери и весь чинъ, царя и царицу поздравляютъ сочетався законнымъ бракомъ, и царь жалуетъ

подаетъ имъ кубками и ковшами питья, и потомъ и царица подаетъ же; и потомъ царь велитъ принести себѣ и царицѣ вѣсть легкое, потому что тотъ день весь постили, и вѣдятъ съ царицею вмѣстѣ. А какъ откушаютъ, и въ то время сказываетъ царь свадебному чину, чтобъ они вѣхали къ себѣ, и наутрѣ были къ обѣду, и съѣзжались бы всѣ прежъ обѣда; а самъ съ царицею начнетъ по прежнему опочивать. И наутрѣ того дни царю и царицѣ готовятъ мылни, разные, и ходитъ царь въ мылню, а съ нимъ дружка и постельничей, а какъ царь выходитъ изъ мылни, и въ то время возлагаютъ на него срачицу и порты и платье иное, а прежнюю срачицу велатъ сохранить постельничему; и послѣ того слушаетъ царь заутреню, доколѣ царица въ мылни; и какъ ее въ одѣяніе нарядятъ, и въ тожь время и бояре съѣзжаются къ царю. А какъ царица пойдетъ въ мылню и съ нею мать и иныя ближнія жены и сваха, и осматриваютъ еѣ сорочки, а осмотра сорочки покажутъ царской матери, и инымъ сродственнымъ женамъ немногимъ, для того, что еѣ дѣвство въ цѣлости совершилось, и тѣ сорочки, царскую и царицыну, и простыни, собравъ вмѣстѣ сохранять въ тайное мѣсто, доколѣ веселіе минется; и потомъ изъ мылни выходитъ въ свои палаты.

А какъ царю о томъ вѣдомо учинится, что ужъ изъ мылни вышла и по чину изготовились, и въ то время царь со всѣмъ своимъ поѣздомъ ходитъ къ царицѣ; а царица въ то время бываетъ во всемъ своемъ одѣяніи и въ вѣщѣ царскомъ; и чиновные люди царя и царицу поздравляютъ; а потомъ царица подноситъ мыльные дары царю, и боярамъ, и всему свадебному чину, сорочки и порты, а бываютъ тѣ сорочки и порты тафтяные и полотняные, шиты золотомъ и серебромъ. И потомъ царь съ поѣзжаны ходитъ къ патріарху, и патріархъ его благословляетъ; и отъ патріарха ходитъ царь по церквамъ своимъ молебствуетъ, а по молебствованіи прикладывается къ образамъ (стр. 8—10)“.

Затѣмъ начинается рядъ пировъ, обѣдовъ, раздача подарковъ, милостей, вкладовъ въ церкви, въ монастыри, въ бога дѣльни, подачи хлѣбнымъ и деньгами низшему церковному клиру.

„А по всей его царской радости, жадуетъ царь по царицѣ своей отца еѣ, а своего тестя, и родъ ихъ, съ низкіе степени возведетъ на высокую, и кто чѣмъ не достанетъ, сподобляетъ своею царскою казною, а иныхъ разсылаетъ для прокормленія по воеводствамъ въ города, и на Москвѣ въ приказы, и даетъ помѣстья и вотчины; и они тѣми помѣстьями и вотчинами, и воеводствами, и приказнымъ сидѣньемъ побогатѣютъ (стр. 12)“.

Вотъ подробная картина семейнаго быта царскаго:

„У царя и царицы покои свои особые; и видають царицу бояре и ближніе люди времяемъ, а простые люди мало когда видають. И на праздники государскіе, и въ воскресные дни, и въ посты, царь и царица

опочиваютъ въ своихъ покояхъ порознь; а когда случится бити опочивать имъ вмѣстѣ, и въ то время царь по царицу посылаетъ, велить быть къ себѣ спать или самъ къ ней похочетъ быть. А которую ночь опочиваетъ вмѣстѣ, и на утрѣ ходятъ въ мыльню порознь, или водою измываются; а не бывъ въ мыльнѣ, или не измывая водою, въ церковь и ко кресту не приходятъ, понеже поставлено то въ нечистоту и въ грѣхъ; и не токмо царю и царицѣ, но и простымъ людямъ запрещено.

Сестры же царскіе, или и дщери, царевны, имѣяй свои особые жъ покои разные, и живуще яко пустынницы, мало зряху людей, и ихъ люди; но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываху и лица свои слезами омываху, понеже удовольствие имѣяй царственное, не имѣяй бо себѣ удовольствия такого, какъ отъ всемогущаго Бога вдано человѣкомъ совокупитися и плодъ творити. А государства своего за князей и за бояръ замужъ выдавати ихъ не повелось, потому что князи и бояри ихъ есть холопи и въ челобитѣ своемъ пишутся холопьями, и то поставлено въ вѣчный позоръ, ежели за раба выдать госпожу; и иныхъ государствъ за королевичей и за князей давати не повелось, для того что не одной вѣры и вѣры своей отмѣнити не учинятъ, ставятъ своей вѣрѣ въ поруганіе, да и для того, что иныхъ государствъ языка и политики не знаютъ, и отъ того бѣ имъ было въ стыдъ (стр. 12)“.

При рожденіи царевича бывають великіе пиры и богатые вклады, подарки и милостыни. При рожденіи царевны эти расходы бывають вполовину меньше. Если кормилица царевича или царевны дворянскаго рода, мужу ея дается воеводство или вотчина, а если низшаго званія, то повышаютъ чинами и награждаютъ большимъ жалованьемъ. „А какъ приспѣетъ время учить царевича грамотѣ, и въ учителя выбираютъ учительныхъ людей, *тихихъ и небражниковъ*; а писать и учить выбираютъ изъ посольскихъ подъячихъ; а инымъ языкомъ, латинскому, греческаго, нѣмецкаго, и нѣкоторыхъ, кромѣ русскаго поученія, въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ“. До 15-лѣтняго возраста, кромѣ близкихъ людей, царевича никто не видитъ; послѣ же этого срока онъ ходитъ съ отцомъ своимъ въ церковь и на потѣхи, „а какъ увѣдаютъ люди, что ужъ его объявили, и изъ многихъ городовъ люди на дивовище ѣздятъ смотрити нарочно“. Когда же царевны и молодые царевичи ходятъ въ церковь, то, чтобы никто не могъ ихъ видѣть, около нихъ несутъ суконныя полы, и въ церкви завѣшиваютъ тафтою. Экипажи завѣшивались тафтою во время поѣздокъ по монастырямъ. Когда царь умираетъ, — подобно тому, какъ и при женитьбѣ его, преступники освобождаются изъ тюремъ.

„Горе тогда людямъ, будущимъ при погребеніи, потому что погребеніе бываетъ въ ночи, а народу бываетъ многое множество, московскихъ и прїѣзжихъ изъ городовъ и уѣздовъ; а московскихъ людей натура не богобоязливая, съ мужеска пола и женска по улицамъ грабятъ платье и убиваютъ до смерти; и сыщется того дни, какъ бываетъ царю погребеніе, мертвыхъ людей убитыхъ и зарѣзанныхъ *болши ста человекъ...* И изойдется на царское погребеніе денегъ на Москвѣ и городѣхъ, близко того, что на годъ придетъ съ государства казны (стр. 17)“.

Свадьбы бояръ совершались почти такъ же, какъ и царскія: разни́ца — въ отношеніяхъ царя къ подданнымъ, и наоборотъ. Сватовство производилось всегда не самимъ женихомъ, а кѣмъ-нибудь изъ его родственниковъ или изъ друзей; и только въ церкви, подъ вѣнцомъ, могъ женихъ увидѣть подругу всей своей жизни. Вѣнчанью предшествовалъ формальный контрактъ, или записи, въ которыхъ отецъ невѣсты выставлялъ ея приданое, а женихъ обязывался жениться въ такой-то срокъ времени. Когда новобрачныхъ отведутъ спать, гости, по наивному выраженію Кошихина, „у́чнутъ ѣсть и пить по прежнему“. *Спустя часъ боевой*, посылаютъ къ новобрачнымъ справляться о здоровьѣ: въ случаѣ удовлетворительнаго отвѣта боярыни идутъ въ спальню, поздравляютъ и пьютъ задравныя чаши; потомъ оставляютъ новобрачныхъ и разѣзжаются, вмѣстѣ съ гостями мужскаго пола, домой, „а женихъ съ невѣстою учнетъ по прежнему опочивать“. На другой день, послѣ бани, женихъ бьетъ челомъ родителямъ молодой, что соблюли ее въ цѣлости; въ противномъ случаѣ пеняетъ имъ потиху, однако такъ, что объ этомъ всѣ узнаютъ, и царь не принимаетъ его къ себѣ съ челобитіемъ. Если узнаютъ, что новобрачные въ родствѣ или кумовствѣ, ихъ разводятъ, съ правомъ искать—ему другой жены, а ей другого мужа, а попа отставляютъ, взыскавъ съ него большую пеню.

Такимъ образомъ бываютъ свадьбы и у прочихъ дворянъ, „какъ кто можетъ по силѣ своей славу и честну свадьбу учинити, кромѣ того, что ѣздить къ царю челомъ ударить только думные люди и спалники“. „Также и межъ торговыхъ людей и крестьянъ свадебные сговоры и чинъ бываетъ противъ того-жъ обычая, во всемъ; но только въ поступкахъ

ихъ и въ платьѣ съ дворянскимъ чиномъ рознится, сколько кого станетъ“.

„А будетъ у котораго отца, или матери, есть двѣ или три дочери дѣвицы, и первая дочь увѣчна очми, или рукою, или ногою, или глуха и нѣма, а другія сестры ростомъ и красотою и рѣчью исполнены и во всемъ здоровы; и будетъ кто учнетъ свататься у того человѣка на дочери его, и посылаетъ смотрети мать свою или сестру и кому вѣрить, и тѣ люди вмѣсто тоѣ своей увѣчной дочери, назвавъ именемъ тоѣ дочери, за которую не вѣдаючи учнутъ свататься, показываетъ другую или третью дочь, и та присланная смотря дѣвицы тоѣ излюбить и скажетъ жениху, что она добра и жениться ему на ней мочно; и какъ женихъ по тѣмъ словамъ полюбитъ и о свадьбѣ у нихъ съ отцомъ и съ матерью учинится сговоръ, что ему на той именемъ дѣвицы жениться на срокъ, а тому человѣку тое свою дѣвицу за него выдать на тотъ же уставленный срокъ, и напишутъ на письмѣ своемъ заряды великіе, что платить виноватому не мочно; а какъ будетъ свадьба, и въ то время за того жениха по сговору выдаютъ они замужъ увѣчную или худую свою дочь, которыя имя въ записяхъ напишутъ, а не тое, которую сперва смотрилщицы показывали, и тотъ человѣкъ, женися на ней, того дни въ лицо ее не усмотритъ, что она слѣпа или крива, или что иное худое, или въ словахъ не услышитъ, что она нѣма или глуха, потому что въ тое свадьбу бываетъ закрыта и не говоритъ ничего, также ежели хрома и руками увѣчна и того потому жъ не узнаетъ, потому что въ то время ее водятъ свахи подъ руки. а какъ отъ вѣнчанія и отъ обѣда пойдетъ съ нею спать, и тогда при свѣчѣ ее увидитъ, что добрѣ добра, вѣкъ съ нею жить, а всегда плакать и мучиться — и потому умыслить на тѣ нею учинить, чтобъ она постриглась; а будетъ по доброй его воли не учинить, не пострижется, и онъ ее бьетъ и мучитъ всячески, и вмѣстѣ съ нею не спитъ до тѣхъ мѣстъ что она похочетъ постригася сама... А который человѣкъ, видя свою жену увѣчную, или несовѣстливую, отступя отъ нее самъ пострижется; а иные мужья или жены много того чинятъ, велятъ отравами отравляти... Также у котораго одна дочь дѣвица, а увѣчна будетъ чѣмъ ни буди худымъ, и вмѣсто ея на обманство показываютъ нарочно служащую дѣвку или вдову, назвавъ именемъ инымъ и нарядя въ платье въ иное. А будетъ которая дѣвица ростомъ не велика, и подъ нее подставляютъ стулы, потому что видится добродородна, а на чемъ стоитъ, того невидѣтъ.

Благоразумный читателю! не удивляйся сему; истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ Государствѣ; а тако о у нихъ обычая не повелось, какъ въ иныхъ государствахъ, смотрити и уговариватися временемъ съ невѣстою самому (стр. 126—127)“.

Прочія описанія частной жизни боярь у Кошихина также любопытны. Кушанья готовились безъ приправъ, и всякій

клалъ въ него укуса, соли и перца уже на столѣ. Число яствъ за обѣдомъ простиралось 50 и 100.

„Обычай же таковой есть: предъ обѣдомъ велятъ выходить къ гостемъ челомъ ударить женамъ своимъ. И какъ тѣ ихъ жены къ гостемъ придуть, и стануть въ палатѣ, или въ избѣ, гдѣ гостемъ обѣдать, въ большомъ мѣстѣ, а гости стануть у дверей, и кланяются жены ихъ гостемъ малымъ обычаемъ, а гости женамъ ихъ кланяются всѣ въ землю; и потомъ господинъ дому бьетъ челомъ гостямъ и кланяется въ землю жъ, чтобъ гости жену его изволили цѣловать, и напередъ по прошенію гостей цѣлуетъ свою жену господинъ, потомъ гости одинъ по одному кланяются женамъ ихъ въ землю жъ, и пришедъ цѣлуютъ, и поцѣловавъ отшедъ, потому жъ кланяются въ землю, а та кого цѣлуетъ, кланяется гостемъ малымъ обычаемъ; и потомъ того господина жена учнетъ подносить гостемъ по чаркѣ вина двойного, или тройного съ зельи, величиною та чарка бываетъ въ четвертую долю квартара, или малымъ болши; и тотъ господинъ учнетъ бити челомъ гостемъ и кланяется въ землю жъ, сколько тѣхъ гостей ни будетъ, всякому по поклону, чтобы они изволили у жены его пити вино; и по прошенію тѣхъ гостей, господинъ прикажетъ пити напередъ вино женѣ своей, потомъ пьетъ самъ, и подноситъ гостемъ, и гости передъ питьемъ вина и выпивъ отдавъ чарку назадъ кланяется въ землю жъ; а кто вина не пьетъ, и ему вмѣсто вина романѣи, или ренскаго, или иного питья по кубку; и потомъ питіи того господина жена поклонясь гостемъ пойдеть въ свои покои, къ гостемъ же, къ боярынямъ тѣхъ гостей къ женамъ. А жена того господина, и тѣхъ гостей жены, съ мужскимъ поломъ, кромѣ свадебъ, не обѣдаютъ никогда, развѣ которые гости бываютъ кому самые сродственные, а чужихъ людей не бываетъ, и тогда обѣдаютъ вмѣстѣ. Такимъ же обычаемъ, и въ обѣдъ, за всякою ѣствою господинъ и гости пьютъ вина по чаркѣ, и романѣю, и ренское, и пива поддѣльные и простые, и меды разные. И въ обѣдъ же, какъ приносятъ на столъ ѣствы круглые пироги, и передъ тѣми пирогами выходятъ того господина сыновки жены, или дочери замужніе, или кого сродственныхъ людей жены, и тѣ гости вставъ и вышедъ изъ-за стола къ дверямъ тѣмъ женамъ кланяются, и мужа тѣхъ женъ потому жъ кланяются и бьютъ челомъ, чтобъ гости женъ ихъ цѣловали и вино у нихъ пили, и гости цѣловавъ тѣхъ женъ и пивъ вино садятся за столъ, а тѣ жены пойдутъ по прежнему, гдѣ сперва были. А дочерей они своихъ дѣвицъ къ гостямъ не выводятъ и не указываютъ ни кому, а живутъ тѣ дочери въ особыхъ дальнихъ покояхъ. А какъ столъ отойдетъ, и по обѣдѣ господинъ и гости потому жъ веселятъ и пьютъ другъ про друга за здоровья, розѣдуются по домамъ. Такимъ же обычаемъ и боярыни обѣдаютъ и пьютъ межъ себя, по достоинству, въ своихъ особыхъ покояхъ; а мужскаго полу, кромѣ женъ и дѣвицъ, у нихъ не бываетъ никого (стр. 118—119)“.

Вотъ какъ Кошихинъ представляетъ наше боярство. Когда

въ посольство назначались люди, равные породой и родомъ, но неравные заслугами отцовъ, изъ которыхъ одни никогда не бывали въ должностяхъ такого рода, — то потомки дѣдовъ, бывавшихъ въ посольствахъ, отказываются ѣхать съ другими, а эти бьютъ челомъ царю на нихъ въ безчестіи. Царь приказываетъ справиться въ разрядныхъ книгахъ, и если оказывается, что тѣмъ и другихъ „ѣхати мочно“, велитъ ѣхать; а если „не мочно“, назначаетъ другимъ. Въ случаѣ непослушанія послѣ справки, царь выдаетъ виноватаго головой оскорбленному. Фраза „выдать голову“ не разъ подавала у насъ поводъ къ ложнымъ толкамъ; вотъ въ чемъ состоялъ и вотъ какъ производился дѣйствительно процессъ „выдачи голову“.

„И котораго дни прикажетъ царь кого боярина или околничаго, или столника, за безчестіе отослать головою къ боярину, или думнаго человѣка и столника къ околничему, и того дни тотъ бояринъ, или околничей, у царя не бываетъ, а посылаютъ къ нему съ вѣстью, которые люди съ нимъ быть не хотѣли пришлютъ къ нему головою; и онъ того ожидаетъ. А посылаютъ къ нимъ такихъ людей съ дьякомъ, или съ подьячимъ, и взявъ тѣхъ людей за руки, ведутъ до боярскаго двора приставы, а лошади садитися не даютъ; а какъ приведутъ его на дворъ къ тому съ кѣмъ онъ быти не хотѣлъ, поставятъ его на нижнемъ крыльцѣ, а дьякъ, или подьячей, велитъ тому боярину о своемъ приходѣ сказать, что привелъ къ нему того человѣка, который съ нимъ быти не хотѣлъ, и его безчеститъ, и бояринъ къ дьяку, или подьячему, выдетъ на крыльцо; и дьякъ и подьячей учнетъ говорить рѣчь, что великій государь указалъ и бояре приговорили того человѣка, который съ нимъ быти не хотѣлъ, за его боярское безчестіе, отвести къ нему боярину головою; и тотъ бояринъ на царскомъ жалованѣ бьетъ челомъ, а того кого приведутъ велитъ отпустить его къ себѣ домовъ, и отпуста его домовъ на дворъ у себя на лошади ему садитися и лошади водити на дворъ не велитъ. И тотъ, кого посылаютъ къ кому головою, отъ царскаго двора идучи до боярскаго двора и у него на дворъ *лаетъ его и безчеститъ всякою бранью*; а тотъ ему за его злорѣчивыя слова ничего не чинитъ, и не смѣетъ, потому что того человѣка отсылаетъ царь къ тому человѣку за его безчестіе, любячи его, а не для чего иного, чтобъ тотъ человѣкъ учинилъ надъ нимъ убійство, или увѣчье; а кто бъ что надъ такимъ отсланнымъ человѣкомъ что учинилъ, какого злого безчестія и увѣчья, и тому бъ человѣку самому указъ былъ противъ того вдвое, потому что онъ обезчеститъ не того, кого къ нему отошлутъ, истинно будто самого царя. А кто такихъ людей отводитъ дьякъ, или подьячей, и тотъ бояринъ, къ которому отводятъ, даритъ ихъ подарками не малыми. И на завтрѣе того дни ѣздитъ тотъ бояринъ къ царю,

а прїѣхавъ бьетъ челомъ царю на его жалованьѣ, что онъ къ нему велѣлъ за безчестье противника его отослать головою. И послѣ того царь велить съ тѣмъ бояриномъ, или околничемъ, быти иному человѣку, кому мочно, а прежняго оставя: и бываетъ царь на того человѣка гнѣвнѣ, и очей его царскихъ не видитъ многое время.

А которые не думного чину люди не похотятъ быть по указу царскому и по сыску, съ тѣми людьми, съ кѣмъ имъ быть велѣно, и тѣмъ бываетъ за ослушаніе и за безчестье наказаніе въ тюрьму, по царскому разсмотрѣнію; а инымъ за такое ихъ ослушаніе и за безчестье, того съ кѣмъ быти не хотятъ, учинять наказаніе, бьютъ батоги въ приказѣхъ и въ верху передъ царскими полатами; а на иныхъ за безчестья правятъ деньги, противъ жалованья, и отдають тому, кого они безчестятъ; а у иныхъ за такія ослушанія бываетъ наказаніе, отоймутъ честь и помѣстья и вотчины, и бивъ кнутомъ или батоги, ссылають въ ссылку на вѣчное житіе въ Сибирь въ казаки.

Также какъ у царя бываетъ столъ на властей и на бояръ, и власти у царя садятся за столѣмъ, по правой сторонѣ, въ другомъ столѣ. И какъ тѣ бояре учнутъ садиться за столъ, по чину своему, бояринъ подъ бояриномъ, околничей подъ околничимъ и подъ боярами, думный человѣкъ подъ думнымъ человѣкомъ подъ околничими и подъ боярами, а иные изъ нихъ вѣдая съ кѣмъ въ породѣ своей ровность подъ тѣми людьми садятся за столѣмъ не учнутъ, поѣдутъ по домамъ, или у царя того дни отпрашиваются куды къ кому въ гости, и такихъ царь отпускаетъ. А будетъ царь увѣдаетъ, что они у него учнутъ проситися въ гости на обманство, не хотя подъ которымъ человѣкомъ сидѣть, или не прошався у царя поѣдетъ къ себѣ домовъ: и такимъ велить быть и за столѣмъ сидѣть, подъ кѣмъ доведется. И они садятся не учнутъ, а учнутъ бити челомъ, что ему ниже того боярина, или околничего, или думнаго человѣка, сидѣти не мочно, потому что онъ родомъ съ нимъ ровнѣ, или и честнѣя, и на службѣ и за столѣмъ прежъ того родъ ихъ съ тѣмъ родомъ, подъ которымъ велятъ сидѣть, не бывалъ: и такого царь велить посадити сильно; и онъ посадити себя не даетъ, и того боярина безчеститъ и маетъ. А какъ посадятъ сильно, и онъ подъ нимъ не сидитъ и выбивается изъ-за стола вонъ, и его не пушаютъ и разговариваютъ, чтобъ онъ царя не приводилъ на гнѣвъ и былъ послушенъ: и онъ кричитъ: „хотя де царь ему велить голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть“ и спуститя подъ столъ; и царь укажетъ его вывести вонъ. А послать въ тюрьму, или до указу къ себѣ на очи пущати не велить. А послѣ того, за то ослушаніе отнимается у нихъ честь, боярство, или околничество и думное дворянство — и потомъ тѣ люди старые своей службы дослуживаются вновь.

А кому за такія вины бываютъ наказанія, сажаютъ въ тюрьму, и отсылають головою, и бьютъ батоги и кнутомъ: и то записываютъ въ книги, имянно, впредъ для вѣдомости и спору (стр. 34—36)“.

Выписываемъ слова Кошихина объ администраціи.

„И кто что въ посолствѣ своемъ говорилъ какіе рѣчи, сверхъ на-

казу, или которые рѣчи не исполнять противъ наказу: и тѣ всѣ рѣчи, которые говорены, и которые не говорены, лишуть они въ статейныхъ своихъ спискахъ не противъ того, какъ говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разумъ на обманство, чрезъ чтобъ достать у царя себѣ честь и жалованье болшее; и не срамляются того творити, понеже царю о томъ кто на нихъ можетъ о такомъ дѣлѣ объявить?

Вопросъ. Для чего такъ творять?

Отвѣтъ. Для того: Россійскаго государства люди породю своею спесивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ поученія никакого добраго не имѣютъ и не приѣмлютъ, кромѣ спесивства и безстыдства и ненависти и неправды; и не наученіемъ своимъ говорягь многіе рѣчи къ противности, или скоростію своею въ подвижности, а потомъ въ тѣхъ своихъ словахъ временемъ запрутся и превращаютъ на иные мысли; а что они говоря какихъ словъ запираются, и тое вину возлагаютъ на переводчиковъ, будто измѣною толмачать.... Благоразумный читателю! чтучи сего писанія не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая въ иные государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бъ свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили. И о поѣздѣ московскихъ людей кромѣ тѣхъ, которые посылаются по указу царскому и для торговли съ проѣзжими, ни для какихъ дѣлъ ѣхати никому не позволено. А хотя торговые люди ѣздятъ для торговли въ иные государства и по нихъ по знатныхъ нарочитыхъ людяхъ собираютъ поручныя записи, за крѣпкими поруками, что имъ съ товарами своими и съ животами въ иныхъ государствахъ не останиса, а возвратитися назадъ совсѣмъ. А который бы человѣкъ, князь или бояринъ, или кто нибудь, самъ, или сына, или брата своего, послалъ для какого нибудь дѣла въ иное государство безъ вѣдомости, не бивъ челомъ къ государю, и такому бъ человѣку за такое дѣло поставлено было въ измѣну, и вотчины и помѣстья и животы взяты бъ были на царя, и ежели бъ кто самъ поѣхалъ, а послѣ его остались сродственники, и ихъ пытали, не вѣдали ли они мысли сродственника своего: илибъ кто послалъ сына, или брата, или племянника, и его потомужъ пытали бъ, для чего онъ послалъ въ иное государство, не напровожаячи ль какихъ воинскихъ людей на московское государство, хотя государствомъ завладѣти, или для какого иного воровскаго умышленія по чьему наученію и пытавъ того такимъ же обычаемъ (стр. 41)".

Это сужденіе Кошихина очень замѣчательно; оно доказываетъ, что еще до Петра Великаго умные люди сѣтовали на невѣжество высшаго класса.

Замѣчательно у Кошихина описаніе извѣстнаго бунта черни, по поводу введенія мѣдныхъ денегъ, въ царствованіе Алексія Михайловича. Царь въ то время былъ въ селѣ Коломенскомъ

и стоялъ въ церкви, изъ которой, увидѣвъ толпы народа, вышелъ къ нимъ. Чернь начала требовать выдачи бояръ, „и царь ихъ уговаривалъ тихимъ обычаемъ, чтобъ они возвратились и шли назадъ, къ Москвѣ, а онъ царь кой-часъ отслушаетъ обѣдни будетъ въ Москвѣ, и въ томъ дѣлѣ учинить сыскъ и указъ; и тѣ люди говорили царю и держали эго за платъе, за пуговицы: „чему де вѣрить?“ и царь обѣщался имъ Богомъ и далъ имъ на своемъ словѣ руку, и *одинъ человекъ изъ тѣхъ людей съ царемъ билъ по рукамъ, и пошли къ Москвѣ всѣ*“.

„ почали у царя просить для убійства бояръ, и царь отговаривался, что онъ для сыску того дѣла ѣдетъ къ Москвѣ самъ; и *они учали царю говорить сердито и невнѣжливо, съ грозами: „будетъ онъ добромъ имъ тѣхъ бояръ не отдастъ, и они у него учнутъ имать сами, по своему обычаю. Царь, видя ихъ злой умыслъ, что пришли не добро и говорятъ невнѣжливо, съ грозами, и провѣдавъ, что стрѣльцы къ нему на помощь въ село пришли, закричалъ и велѣлъ столъникомъ, и стряпчимъ, и дворяномъ, и жильцомъ, и стрѣльцомъ, и людямъ боярскимъ, которые при немъ были, тѣхъ людей бити и рубити до смерти и живыхъ ловити. И какъ ихъ почали битъ и сѣчь и ловить, и имъ было противитися не умѣть, потому что въ рукахъ у нихъ не было ничего, ни у кого, почали бѣгать и топиться въ Москву-рѣку—и потопилося ихъ въ рѣкѣ болши 100 человекъ, а пересѣчено и переловлено болши 7000 человекъ, а иные разбѣжались. И тогожъ дни около того села повѣсили со 150 человекъ, а досталнымъ всѣмъ былъ указъ, пытали и жгли, и посыску за вину отсѣкали руки и ноги и у рукъ и у ногъ пальцы, а иныхъ бивъ кнутомъ, и клали на цѣли на правой сторонѣ признаки, разжегши желѣзо на красно, а поставлено на томъ желѣзѣ „буки“, т. е. бунтовщикъ, чтобъ былъ до вѣку признатенъ; и чина имъ наказанія, розослали всѣхъ въ дальніе города, въ Казань и въ Астрахань, и на Терки, и въ Сибирь, на вѣчное житъе, и послѣ ихъ, по сказкамъ ихъ, гдѣ кто жилъ и чей кто ни былъ, и женъ ихъ и дѣтей потому жъ за ними разослали; а инымъ, пущимъ воровъ того жъ дни, въ ночи, учиненъ указъ, завязавъ руки назадъ, посадя въ большіе суды, потопили въ Москвѣ-рѣкѣ. А которые люди пришли въ то село для челобиття дѣлъ своихъ, до того смутного времени; и люди ихъ знали, и челобитные ихъ сыскались: и такихъ уволили. А всѣ тѣ, которые казнены и потоплены и розосланы, не всѣ были воры, а прямыхъ воровъ болши не было, что съ 200 человекъ; и тѣ невинные люди пошли за тѣми ворами смотрѣть, что они будучи у царя въ своемъ дѣлѣ учинять, а воровъ на такое множество людей надежно было говорить и чинить что хотѣли, и отъ того всѣ погибли, виноватой и правой. А были въ томъ смятеніи люди торговые, и ихъ дѣти, и рейтары, и хлѣбники, и мясники, и пирожники, и деревенскіе, и гуляющіе, и боярскіе люди;*

а поляковъ и иныхъ иносемцевъ хотя на Москвѣ множество живетъ, не сыскано въ томъ дѣлѣ ни одинаго человѣка, кромѣ русскихъ. И на другой день пріѣхалъ царь къ Москвѣ, и тѣхъ воровъ, которые грабили дома, велѣлъ повѣсить по всей Москвѣ у воротъ человѣкъ по 5 и по 4; а досталнымъ былъ указъ таковъ же, что и инымъ (стр. 81—82)“.

Многія уголовныя дѣла предавались суду патріарха, а не свѣтской власти. „А будетъ учинять (бояре и дворяне) надъ подданными своими, крестьянскими женами и дочерьми, какія блудныя дѣла, или у жонки выбьютъ робенка, или мученая и битая съ робенкомъ умереть, и будетъ на такихъ злочинецѣвъ челобитіе: и по ихъ челобитію отсылаютъ такія дѣла, и истцовъ, и отвѣтчиковъ, на Москвѣ, къ Патріарху, а въ городѣхъ митрополитамъ и къ архіепископамъ и къ епископу, и судятъ такія дѣла и указъ по нимъ чинятъ, до чего доведется у нихъ на дворѣхъ, а въ царскомъ судѣ до того дѣла нѣтъ“ (стр. 114).

Перейдемъ теперь къ судопроизводству, преимущественно уголовному. Кошихинъ говоритъ, что судьи въ старину были страшные взяточники. „Однакожь хотя на такое дѣло положено наказаніе и чинятъ о тѣхъ посулахъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду, по царскому указу и уложенію: ни во что ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся отъ прелести очей своихъ и мысли содержать не могутъ и руки свои ко взятію скоро допускаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ чрезъ жену, или дочь, или чрезъ сына и брата, и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятые посулы, будто про то и не вѣдаютъ“ (стр. 93).

Главнѣйшее орудіе уголовныхъ процессовъ была пытка.

„А на которыхъ они (разбойники) людей скажутъ и станы свои укажутъ, и тѣхъ людей сыскавъ всѣхъ поставятъ съ очей на очи и тѣхъ воровъ пытаются на крѣпко впрямъ ли тѣ люди, на которыхъ они говорятъ, съ ними въ томъ воровствѣ товарищами или становщиками и оберегальщиками были, и не напрасно ль на нихъ говорятъ, по насердкѣ: и будетъ съ пытокъ скажутъ, что въ прямъ ли тѣ люди ихъ товарищи и становщики или оберегальщики и тѣхъ всѣхъ потому жъ начнутъ пытать. (А устроены для всякихъ воровъ пытки: симутъ съ вора рубашку и руки его назади завяжутъ, подлѣ кисти, веревкою, обшита та веревка войлокомъ, и подымутъ его къ верху, учинено мѣсто что и ви-

сѣлица, а ноги его свяжутъ ремнемъ: и одинъ человекъ палачъ вступить ему въ ноги на ремень своею ногою, и тѣмъ его оттягиваетъ, и у того вора руки стануть прямо противъ головы его, а изъ суставовъ выдутъ вонъ, и потомъ сзади палачъ начнетъ бить по спинѣ кнутомъ изрѣдка, въ часъ боевой ударовъ бываетъ тридцать или сорокъ; и какъ ударить по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станеть такъ слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножемъ, мало не до костей. А ученень тотъ кнутъ ременной, плетеной, толстой, на концѣ вязанъ ремень толстой шириною на палецъ, а длиною будетъ въ 5 локтей.) И пытавъ его начнутъ пытать другихъ потому жъ, и будетъ съ первыхъ пытокъ не вина; и ихъ спустя недѣлю времени пытаются въ другорядъ и въ третіе, и жгутъ огнемъ, свяжутъ руки и ноги, и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно, и подымутъ на огонь, а инымъ разжегши желѣзные клещи нарасно ломаютъ ребра; и будетъ и съ тѣхъ пытокъ не повинятся, и такихъ сажаютъ въ тюрьму, доколѣ по нимъ поруки будутъ, что имъ впредь за худымъ дѣломъ не ходити и впередъ худого ничего не мыслити никому... А бываютъ мужеску полу смертныя и всякіе казни: головы отсѣкаютъ топоромъ за убійства смертныя и за иныя злыя дѣла; вѣшаютъ за убійства жъ и за иныя злыя дѣла; *живого четвертаютъ, а потомъ голову отсѣкаютъ* за измѣну кто городъ сдастъ непріятелю, или съ непріятелями держать дружбу листами, или иные злыя измѣнныя и противныя статьи объявятся; *жгутъ живого* за богохульства, за церковную татьбу, за содомское дѣло, за волховство, за чернокнижество, за книжное преложение, *кто учинитъ вновь толковать воровски противъ апостоловъ и пророковъ и святыхъ отцовъ съ похуленіемъ, оловомъ и свинцомъ заливаютъ горло* за денежное дѣло, кто воровски дѣлаетъ, серебрянникомъ и золотаремъ, которые воровски прибавляютъ въ золото и въ серебро мѣдъ и олово и свинецъ, а инымъ *за малыя такія вины отсѣкаютъ руки и ноги, или у рукъ и у ногъ пальцы; ноги жъ и руки и пальцы отсѣкаютъ* за конфедератство, или за смутку, которые въ томъ дѣлѣ бываютъ маловинны, а иныхъ казнятъ смертію; также кто на царскомъ дворѣ или гдѣ нибудь выметъ на кого саблю, или ножъ, и ранить или не ранить, также и за церковную за малую вину, и кто чѣмъ замахивается на отца бить и мать, а не билъ, таковы жъ казни; за царское безчестье, кто говоритъ противъ него за очи безчестныя или иныя какія поносныя слова, бивъ кнутомъ, вырѣзываютъ языкъ. Женскому полу бываютъ пытки противъ того же, что и мужскому полу, окромѣ того, что на огнѣ жгутъ и ребра ломаютъ. А смертныя казни женскому полу бываютъ: за богохульство и за церковную татьбу, за содомское дѣло *жгутъ живыхъ*; за чаровство и за убійство отсѣкаютъ головы; за погубленіе дѣтей и за иныя такія жъ злыя дѣла *живыхъ заковываютъ въ землю по титки, съ руками вмѣстѣ топтаваютъ ногами*, и отъ того умираютъ тогожъ дни или на другой и на третій день; а за царское безчестье указъ бываетъ таковъ же, что мужскому полу. А которые люди воруютъ съ чужими женами и съ дѣвками, и какъ ихъ изымаютъ, и тогожъ дни или на иной день обоихъ мужика и жонку, кто бѣ таковъ ни былъ, вода по торгамъ и по улицамъ вмѣстѣ нагихъ, бьютъ кнутомъ (стр. 91—92).“

Теперь оставим Кошихина и обратимся къ другому очевидцу и свидѣтелю времени, непосредственно послѣдовавшаго за тѣмъ, которое описано Кошихинымъ. Мы разумѣемъ здѣсь Желябужскаго, любопытныя записки котораго объемлютъ собою періодъ времени отъ смерти царя Θεодора Алексіевича до 1709 года. Здѣсь намъ кстати и даже необходимо опять напомнить читателямъ объ этой книгѣ, чтобъ дополнить картину внутренняго быта прежнихъ временъ Россіи, изъ которыхъ исторгла ее могучая воля Петра Великаго.

„ Въ томъ же году учинено наказаніе Петру Васильеву сыну Кикину: бить кнутомъ передъ стрѣleckимъ приказомъ за то, что онъ дѣвку растлилъ. Да и прежъ сего онъ Петръ пытанъ былъ на Вяткѣ за то, что подписался было подъ руку думнаго дьяка Емельяна Украинцева.—Въ 193 году Ѳедосей Филиповъ сынъ Хвощинскій пытанъ изъ стрѣleckаго приказу въ воровствѣ, и за то его воровство на площадѣ чинено ему наказанье: бить кнутомъ за то, что онъ своровалъ: на порожнемъ столбцѣ составилъ было запись.—Князю Петру Кропоткину чинено наказанье передъ московскимъ суднымъ приказомъ: бить кнутомъ за то, что онъ въ дѣлѣ своровалъ, выскребъ и приписалъ своею рукою.—Степану Коробьину учинено наказанье: бить кнутомъ за то, что дѣвку растлилъ (стр. 15). Биты батоги передъ холопымъ приказомъ, Микита Михайловъ, сынъ Кутузовъ, да Марышкинъ за то, что они ручались по Касимовскомъ царевичѣ въ челоуѣкѣ.—Въ томъ же году князь Яковъ Ивановъ, сынъ Лобановъ-Ростовскій, да Иванъ Андрѣевъ, сынъ Микулинъ, ѣздили на разбой по Троицкой дорогѣ, къ красной соснѣ, разбивать государевыхъ мужиковъ съ ихъ великихъ государей казною, и тѣхъ мужиковъ они разбили, и казну взяли себѣ, и двухъ челоуѣкъ мужиковъ убили до смерти. И про то ихъ воровство розыскивано, и по розыску онъ князь Яковъ Лобановъ взять съ двора и привезенъ былъ къ красному крыльцу въ простыхъ санишкахъ, и за то воровство учинено ему князь Якову наказанье: бить кнутомъ въ желѣзномъ подклѣтѣ по упросу верховой боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой-Ростовской. Да у него жъ князь Якова отнято за то его воровство безповоротно четьреста дворовъ крестьянскихъ. А челоуѣка его калмыка, да казначея за то воровство повѣсили. А Ивану Микулину за то учинено наказанье: бить кнутомъ на площади нещадно и отняты у него помѣстья и вотчины безповоротно, и розданы въ роздачу, и сосланъ былъ въ ссылку въ Сибирь, въ городъ Томегъ.—Въ томъ же году чинено наказанье Дмитрію Артемьеву, сыну Камывину, бить кнутомъ передъ помѣстнымъ приказомъ за то, что выскребъ въ помѣстномъ приказѣ, въ тяжбѣ съ патріархомъ.—Въ томъ же году Богданъ Засѣдской и съ сыномъ кладены на плаху, г снемъ съ плахи, биты кнутомъ нещадно, а помѣстья и вотчины розданы были въ роздачу безповоротно. Дѣло у него было съ Петромъ Бестужевымъ.—Въ томъ же году въ зем-

скомъ приказѣ пытанъ Иванъ Петровъ сынъ Булаковъ, по челобитію боярина князь Василья Васильевича Голицына, для того, что вымалъ у него слѣдъ. Съ пытки онъ Иванъ не винился, сказалъ: „землю для того де въ платокъ взялъ и завязалъ, что ухватилъ его утинъ, и прежде сего то бывало, гдѣ его ухватить, тутъ де землю онъ и беретъ“ (стр. 18—22).—Въ 201 году князю Александру Борисову сыну Крупскому чинено наказанье: битъ кнутомъ за то, что онъ жену убилъ.—Въ томъ же году пытанъ черкасскій полковникъ Михайло Гадицкой въ государственномъ дѣлѣ. Съ пытки онъ ни въ чемъ не винился, *очистился* кровью и сосланъ въ ссылку. А который чернецъ на него доводилъ, казнень въ Черкасскомъ городѣ Батуринѣ.—Въ 202 году пытанъ въ стрѣлецкомъ приказѣ Леонтій Кривцовъ за то, что выскребъ въ дѣлѣ, да и въ иныхъ разбойныхъ дѣлѣхъ, и сосланъ въ ссылку.—Въ томъ же году пытанъ и сосланъ въ ссылку Ѳеодоръ Борисовъ сынъ Перхуровъ за то, что онъ подъячаго убилъ.—Въ томъ же году въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ пытанъ дьякъ Иванъ Шапкинь: съ подъячимъ своровали въ дѣлѣ въ приказѣ холопья суда.—Въ томъ же году битъ батогою въ стрѣлецкомъ приказѣ Григорей Павловъ сынъ Языковъ за то, что своровалъ съ площаднымъ подъячимъ съ Яковымъ Алексѣевымъ: въ записи написали задними числами за пятнадцать лѣтъ. А подъячему вмѣсто кнута учинено наказаніе, битъ батогомъ на Ивановской площади, и отъ площади отставленъ.—Въ томъ же году, въ Семеновскомъ, битъ кнутомъ дьякъ Иванъ Харламовъ.—Въ томъ же году въ стрѣлецкомъ приказѣ пытанъ Володимерь Ѳеодоровъ сынъ Замыцкой, въ подговорѣ дѣвокъ, по язычной молвѣ Филиппа Давыдова.—Земскаго приказу дьякъ Петръ Вязьмитинъ передъ Московскимъ суднымъ приказомъ подыманъ съ козелъ и, вмѣсто кнута, битъ батогомъ нещадно: своровалъ въ дѣлѣ, на правержѣ ставилъ своего человѣка вмѣсто отвѣтчика (стр. 26—27).—Дворянинъ Семенъ Кулешевъ битъ кнутомъ за разныя живыя сказки.—Генваря въ... день въ стрѣлецкомъ приказѣ пытаны коширяне дѣти боярскіе: Михайло Баженовъ, Петръ да Ѳеодоръ Ерлоковы, за воровство.—Генваря въ 24 день, на Потѣшномъ дворцѣ пытанъ бояринъ Петръ Аврамовичъ Лопухинъ прозвище Лапки, въ государственномъ въ великомъ дѣлѣ, и Генваря въ 24 день въ ночи умеръ.

Въ тѣхъ же числѣхъ явились въ воровствѣ, по язычной молвѣ, стольники Володимерь, да братъ его Василей Шереметевъ, Князь Иванъ Ухтомскій пытанъ. Левъ да Григорей Игнатьевы дѣти Молзиковы, и они въ томъ дѣлѣ пытаны. Также явились и иные многіе. А языки на нихъ съ пытки говорили: Ивашко Звѣревъ съ товарищи, что на Москвѣ они прїѣзжали среди бѣла дни къ посадскимъ мужикамъ, и дома ихъ грабили, и смертное убивство чинили и назывались большими. И Шереметевы освобождены на поруки съ записями и даны для бережи боярину Петру Васильевичу Шереметеву. И послѣ того языки ихъ казнены Ивашко Звѣревъ съ товарищи (стр. 42). И того жъ 203 года измѣнилъ изъ Московскаго государства Ѳеодоръ Яковлевъ сынъ Дашковъ, и поѣхалъ было служить къ польскому королю, и пойманъ на рубежѣ, и приведенъ въ Смоленскъ и роспрашиванъ. А въ роспросѣ онъ передъ стольникомъ и

воеводою передъ княземъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ, въ томъ своемъ отъѣздѣ повинился. А изъ Смоленска приславъ окованъ къ Москвѣ въ посольской приказъ, а изъ посольскаго приказу освобожденъ для того что онъ далъ *Емельяну Украинцову двести золотыхъ*.—Дьячей сынъ Константинъ Литвиновъ въ стрѣлецкомъ приказѣ бить батоги за то, что онъ обманулъ было на польскомъ дворѣ грека: принесъ сто рублевъ мѣдныхъ денегъ въ мѣсто серебрянныхъ, и съ тѣмъ былъ приведенъ въ стрѣлецкій приказъ.—Изъ того же приказу вожены въ застѣнокъ люди Тимофея Кирилова сына Кутузова два человѣка въ томъ, что они были великихъ государей слесаря и пару пистолей у него отняли. П въ застѣнкѣ тѣ люди повѣшены на вису, да третей человѣкъ подымалъ же Петра Безтужева, и на пыткѣ онъ винился, что того слесаря они били по приказу Тимоѳея Кутузова, и самъ онъ Тимоѳей билъ и пару пистолей отнял (стр. 50—52).“

Представивъ быть Россіи въ томъ видѣ, въ какомъ изображаютъ его намъ очевидцы, перейдемъ теперь къ тому свѣтлому, благодатному моменту въ исторіи нашего отечества, когда Петръ своимъ мощнымъ „да будетъ“ разогналъ тьмы хаоса, отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы и воззвалъ страну великую къ бытію великому, назначенію всемірному.

II.

Россія тьмой была покрыта много лѣтъ:
Богъ рекъ: да будетъ Петръ—и бысть въ Россіи свѣтъ!
Старинное двустистише.

„Борода принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить ее то же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, сильный жаръ! сколько неудобности и зимою носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки! Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лицо? Избирать во всемъ лучшее, есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтити умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ во первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову, закоренѣлому русскому упрямству, чтобы насъ сдѣлать гибкими, способными учиться и перенимать...

Всѣ жалкія *іереміады* объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной фізіономіи или не что иное, какъ штука, или происходятъ отъ недостатка въ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши; тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ.“

КАРАМЗИНЪ.

Для Россіи наступаетъ время сознанія. Несмотря на холодность и равнодушіе, въ которыхъ мы, русскіе, не безъ причины упрекаемъ себя, у насъ уже недовольствуются общими мѣстами и истертыми понятіями, но хотятъ лучше ложно и ошибочно судить, нежели повторять готовые на вѣру, или по лѣности и апатіи принятые сужденія. Такъ напримѣръ, многіе, не слыша новыхъ сужденій о Пушкинѣ и сомнѣваясь въ справедливости давно высказанныхъ и устарѣвшихъ, сомнѣваются и въ поэтическомъ величій Пушкина. И это явленіе отрадно: оно выражаетъ потребность самостоятельной мыслительности, потребность истины, которая прежде и выше всего, даже самого Пушкина. *Amicus Plato, sed magis amica veritas* — премудрое изреченіе! Что истинно велико, то всегда устоитъ противъ сомнѣнія и не падетъ, не умалится и не затмится, но еще болѣе укрѣпится, возвеличится и просвѣтитъ отъ сомнѣнія и отрицанія, которыя суть первый шагъ ко всякой истинѣ, исходный пунктъ всякой мудрости. Сомнѣнія и отрицанія боится одна ложь, какъ боится воды поддѣльные цвѣты и неблагородные металлы. Мы не разъ уже повторяли эту истину, говоря о людяхъ, отрицающихъ великость Пушкина, какъ поэта. Мы думаемъ діаметрально противоположно съ такими людьми; но если ихъ мнѣніе выходитъ не изъ какихъ-нибудь внѣшнихъ и предосудительныхъ причинъ, мы готовы съ ними спорить ради истины, и увѣрены, что только черезъ такіе споры явится истина и войдетъ въ общее сознаніе — сдѣлается общимъ убѣжденіемъ. Тѣмъ болѣе мы далеки отъ того, чтобъ смотрѣть на такихъ людей, какъ на раскольниковъ, на искажителей истины, оскорбляющихъ память великаго поэта и чувство національной гордости. Скажемъ болѣе: мы понимаемъ,

что могутъ быть и такіе отрицатели генія Пушкина, которые въ тысячу разъ достойнѣе уваженія многихъ безусловныхъ почитателей славы великаго поэта, повторяющихъ чужія слова. Явленіе такихъ отрицателей обнаруживаетъ не холодность общества къ истинѣ, но скорѣе рождающуюся любовь къ ней; ибо безусловное признаніе чего-нибудь безъ разсужденія, безъ повѣрки разумомъ, скорѣе, чѣмъ сомнѣніе и отрицаніе, есть признакъ апатическаго равнодушія общества къ дѣлу истины. Нѣтъ, явленіе такихъ отрицателей въ молодомъ обществѣ есть признакъ рождающейся мыслительной жизни. Въ безусловномъ уваженіи къ авторитетамъ и именамъ иногда дѣйствительно выражается и любовь, и жизнь, но любовь и жизнь безсознательная, простодушная, дѣтская. Смѣшно же требовать или желать, чтобъ общество неподвижно оставалось въ состояніи дѣтства, когда этого не требуютъ и не желаютъ отъ человѣка; а если онъ, вопреки законамъ развитія, останется навѣкъ ребенкомъ, то презираютъ его, какъ идіота. Говорятъ, что сомнѣніе подрываетъ истину; ложная, нелѣпая мысль! Если истина такъ слаба и безсильна, что можетъ держаться не сама собою, но охранительными кордонами и карантинами противъ сомнѣнія, то почему же она истина, и чѣмъ же она лучше и выше лжи, и кто же станетъ ей вѣрить? Говорятъ: отрицаніе убиваетъ вѣрованіе. Нѣтъ, не убиваетъ, а очищаетъ его. Правда, сомнѣніе и отрицаніе бываютъ вѣрными признаками нравственной смерти цѣлыхъ народовъ; но какихъ народовъ? — устарѣвшихъ, изжившихъ всю жизнь свою, существующихъ только механически; какъ живые трупы, подобно византійцамъ или китайцамъ. И можетъ ли это относиться къ русскому народу, столь юному, свѣжему и дѣвственному, столь могучему родовыми, первосущными стихіями своей жизни, — народу, который съ небольшимъ во сто лѣтъ своей новой жизни возванный къ ней творящимъ глаголомъ царя-исполина, проявилъ себя и въ великихъ властителяхъ, и въ великихъ полководцахъ, и въ великихъ государственныхъ людяхъ, и въ великихъ ученыхъ, и въ великихъ поэтахъ; — народъ, который во сто лѣтъ своей новой жизни уже составилъ себѣ великое прошедшее, „полный гордаго довѣрія покой“ въ на-

стоящемъ, по выраженію поэта, и котораго ожидаетъ еще болѣе великое, болѣе славное будущее? Нѣтъ, мы унизили бы свое національное достоинство, еслибъ стали бояться духовной гимнастики, которая во вредъ только хилымъ членамъ одряхлѣвшаго общества, но которая въ крѣпость и силу молодому обществу, полному здоровья и рвенія! Жизнь проявляется въ сознаніи, а безъ сомнѣнія нѣтъ сознанія такъ же, какъ для тѣла безъ движенія невозможно отправленіе органическихъ процессовъ и жизненнаго развитія. У души, какъ и у тѣла, есть своя гимнастика, безъ которой душа чахнетъ, впадая въ апатію бездѣйствія.

Въ предыдущей статьѣ мы говорили о томъ, какъ мало сдѣлано у насъ для исторіи Петра Великаго, и какъ много наговорено о немъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему писали похвальные слова, его прославляли и въ стихахъ, и въ прозѣ. Ломоносовъ сдѣлалъ его даже героемъ эпической поэмы, на манеръ „Энеиды“. Въ подражаніе достохвальному и почтенному по цѣли своей труду Ломоносова, другіе поэты — съ меньшимъ успѣхомъ — воспѣли Петра въ лиро-эпическихъ поэмахъ. Но все это, и хорошее, и посредственное, какъ-то не шевелило души. Съ почтенными авторами всѣ соглашались безусловно въ похвалахъ Великому, но читали ихъ мало или совсѣмъ не читали. Причиной тому было — что всѣ они и писали, и пѣли какъ-то на одинъ манеръ и на одинъ голосъ, и въ формѣ ихъ фразъ замѣтно было какое-то утомительное однообразіе, свидѣтельствовавшее объ отсутствіи содержанія, т. е. мысли. Самыя жаркія похвалы, самыя восторженныя изліянія удивленія къ Великому отличались какимъ-то официальнымъ характеромъ. Такъ прополжалось до временъ Пушкина, который одинъ, какъ великій поэтъ и выразитель народнаго сознанія, умѣлъ говорить о Петрѣ языкомъ, достойнымъ Петра. Но въ сочиненіяхъ ученаго содержанія говорилось все по старому, съ той только разницей противъ прежняго времени, что возбуждало уже не холодное согласіе, а скорѣе досаду. Наконецъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, начали появляться какія-то темныя сомнѣнія въ безусловной непогрѣшительности главнаго дѣла Петра — преобразования Россіи. Говорили, что зданіе этого преобразования

было построено безъ фундамента, ибо начало было сверху, а не снизу, что оно состояло въ однѣхъ внѣшнихъ формахъ и, не прививъ къ намъ истиннаго европеизма, только исказило нашу народность и обрѣзало крылья національному гению. Далѣе, въ нашей статьѣ, мы коснемся этихъ возраженій, какъ ни поверхностны и ни пусты они въ своей сущности; но теперь скажемъ только, что въ минуту ихъ появленія въ печати они многимъ понравились и обратили на себя общее вниманіе. Одни какъ будто увидѣли въ нихъ собственное мнѣніе, дотолѣ бывшее для нихъ самихъ неяснымъ; другіе, не соглашаясь съ ними, все-таки принимали ихъ не за общія фразы и надутые возгласы, а за самостоятельное и притомъ новое мнѣніе, а нѣкоторые даже удостоили ихъ энергическихъ, хотя косвенно сдѣланныхъ возраженій. И такъ, сомнѣніе, вмѣсто того, чтобъ охладить привязанность къ Петру, только усилило общій интересъ къ нему, какъ великому историческому явленію, заставило всѣхъ больше и думать, и говорить, и писать о немъ. Но время скоро рѣшило вопросъ и неосновательность сомнѣній: теперь только люди, живущіе заднимъ числомъ, могутъ не шутя говорить, зачѣмъ начато преобразование сверху, а не снизу, съ вельможъ, а не съ мужиковъ, зачѣмъ придавали большую важность формъ—одеждѣ, бородобритію и проч., зачѣмъ построили Петербургъ, и т. п. Итакъ, сомнѣніе не принесло никакого вреда, а только принесло пользу, ибо, проявившись уничтожило себя самымъ же собою и повело къ другому сомнѣнію, которое въ свою очередь минетъ и уступитъ мѣсто если еще не истинѣ, то третьему сомнѣнію, которое приведетъ уже къ истинѣ. Теперь вопросъ о Петрѣ перешелъ въ ясное противорѣчіе; многіе, почитая преобразования, совершенныя Петромъ, столько же необходимыми, сколько и великими, благоговѣя передъ памятью преобразователя, въ то же время отрицаютъ европеизмъ и усиливаясь не только отстоять и оправдать такъ называемое нѣкоторыми историческое развитіе и народность, уничтоженныя Петромъ, но и противопоставить, даже возвеличить ихъ предъ европеизмомъ. Какъ ни странно это противорѣчіе, но оно есть уже шагъ впередъ и выше прежняго утвердительнаго сомнѣнія, хотя и вышло прямо изъ него:

лучше явно противорѣчить себѣ и тѣмъ какъ бы невольно признавать власть истины, нежели, ради любимого и одно-сторонняго убѣжденія, отвергать и прямо закрывать глаза на фактическую достовѣрность противорѣчащихъ доказательствъ.

Противорѣчіе, о которомъ мы говоримъ, чрезвычайно важно: въ его примиреніи заключается истинное понятіе о Петрѣ Великомъ. Одно уже это указываетъ на разумность этого противорѣчія. Рѣшеніе задачи состоитъ въ томъ, чтобъ показать и доказать: 1) что хотя народность и тѣсно соединена съ историческимъ развитіемъ и общественными формами народа, но что то и другое совсѣмъ не одно и то же; 2) что и преобразование Петра Великаго, и введенный имъ европеизмъ нисколько не измѣнили и не могли измѣнить нашей народности, но только оживили ее духомъ новой и богатѣйшей жизни и дали ей необъятную сферу для проявленія и дѣятельности.

Изъ ничего не бываетъ ничего, и великій человѣкъ не творитъ своего, но только даетъ дѣйствительное существованіе тому, что прежде его существовало въ возможности. Что всѣ усилія Петра были направлены противъ русской старины—это ясно, какъ день Божій; но чтобъ онъ стремился уничтожить нашъ субстанціальныи духъ, нашу національность — подобная мысль болѣе, чѣмъ не основательна: она просто нелѣпа! Правда, если бываютъ народы съ великими субстанціями, то бываютъ народы и съ ничтожными субстанціями, и если первыя неизмѣнимы, то вторыя могутъ уничтожаться даже отъ случайностей, даже сами собою, не только волею генія. Но зато изъ этихъ вторыхъ никакой геній ничего и сдѣлать не можетъ: лучшее, что можно сдѣлать изъ свекловицы, — голову сахару; но только изъ гранита, мрамора и бронзы можно создать вѣковѣчный памятникъ. Еслибы русскій народъ не заключалъ въ духѣ своемъ зерна богатой жизни,—реформа Петра только убила бы его на смерть и обезсилила, а не оживила и не укрѣпила бы новой жизнью и новыми силами. Мы уже не говоримъ о томъ, что изъ ничтожнаго духомъ народа и не могъ бы выйти такой исполинъ, какъ Петръ: только въ такомъ народѣ могъ

явиться такой царь, и только такой царь, могъ преобразовать такой народъ. Еслибы у насъ и не было ни одного великаго человѣка, кромѣ Петра, и тогда бы мы имѣли право смотрѣть на себя съ уваженіемъ и гордостью, не стыдиться нашего прошедшаго и смѣло, съ надеждой смотрѣть на наше будущее...

Отчего у одного народа такая субстанція, у другого иная, — это почти такъ же невозможно рѣшить, какъ еслибъ дѣло шло и объ отдѣльномъ человѣкѣ. Если принять гипотезу, что народы образовались изъ семействъ, — то первой причиной ихъ субстанціи должно положить кровь и природу (гасе). Внѣшнія обстоятельства, историческое развитіе также имѣютъ вліяніе на субстанцію народа, хотя въ свою очередь и сами зависятъ отъ нея. Но нѣтъ ни одной причины, на которую бы такъ смѣло можно было указать, какъ на климатъ и географическое положеніе страны, занимаемой народомъ. Всѣ южные народы рѣзко отличаются отъ сѣверныхъ: умъ первыхъ живѣе, легче, яснѣе, чувство воспріимчивѣе, страсти воспламеняемѣе: умъ вторыхъ медленнѣе, но основательнѣе, чувство спокойнѣе, но глубже, страсти воспламеняются труднѣе, но дѣйствуютъ тяжелѣе. Въ южныхъ народахъ преобладаетъ непосредственное чувство, въ сѣверныхъ — дума и размышленіе; въ первыхъ больше подвижности, во вторыхъ больше дѣятельности. Въ послѣднее время сѣверъ далеко оставилъ за собою югъ въ успѣхахъ искусства, науки и цивилизаціи. — Есть большое различіе между народами горными и народами долинными; между народами приморскими, или островитянами, и между народами, отдаленными отъ моря. И это различіе не внѣшнее, но внутреннее, оно замѣчается въ самомъ духѣ, а не въ однихъ формахъ. Взглянемъ въ этомъ отношеніи на Россію. Колыбель ея была не въ Кіевѣ, но въ Новѣгородѣ, изъ котораго черезъ Владиміръ перешла она въ Москву. Суровое небо увидѣли ея младенческія очи, разгульные выюги пѣли ей колыбельныя пѣсни и жестокіе морозы закалили ея тѣло и здоровьемъ, и крѣпостью. Когда вы ѣдете зимой на лихой тройкѣ, и снѣгъ трещитъ подъ полозьями вашихъ саней, морозное небо усыяно мириадами звѣздъ, и взоръ вашъ съ тоской теряется на необъятной снѣж-

ной равнинѣ, осеребренной уединеннымъ скитальцемъ мѣсяцемъ и мѣстами прерываемой покрытыми инеемъ деревьями, — какъ понятна покажется вамъ протяжная, заунывная пѣсня вашего ямщика, и какъ будетъ гармонировать съ нею однообразный звонъ колокольчика, „надрывающій сердце“, по выраженію Пушкина! Грусть есть общій мотивъ нашей поэзіи — и народной, и художественной. Русскій человѣкъ встарину не умѣлъ шутить забавно и весело: онъ шутилъ или плоско, или саркастически, и лучшія народныя пѣсни наши — грустнаго содержанія, протяжнаго и заунывнаго напѣва. Нигдѣ Пушкинъ не дѣйствуетъ на русскую душу съ такой неотразимой силой, какъ тамъ, гдѣ поэзія его проникается грустью, и нигдѣ онъ столько не націоналенъ, какъ въ грустныхъ звукахъ своей поэзіи. Вотъ что говоритъ онъ самъ о грусти, какъ основномъ элементѣ русской поэзіи:

Фигурно, иль буквально: всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта:
Начавъ за зрѣніе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ, и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

Но эта грусть — не болѣзнь слабой души, не дряблость немощнаго духа: нѣтъ, эта грусть могучая, безконечная грусть натуры великой, благородной. Русскій человѣкъ упивается грустью, онъ не падаетъ подъ ея бременемъ, и никому не свойственны до такой степени быстрые переходы отъ самой томительной, надрывающей душу грусти къ самой бѣшеной, изступленной веселости. Въ этомъ случаѣ поэзія Пушкина также великій фактъ: нельзя довольно надивиться ея быстрымъ переходомъ въ „Онѣгинѣ“ отъ этой глубокой грусти, которой источникъ — безконечное духа, къ этой бодрой и могучей веселости, источникъ которой — крѣпость и здоровость духа.

И такъ, вотъ ужъ мы и нашли общее, которое связываетъ нашу простонародную поэзію съ нашей художественной, національной поэзіей. Слѣдовательно, родовое, субстанціаль-

ное начало въ насъ не подавлено реформой Петра, но только получило чрезъ нее высшее развитіе и высшую форму. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ со временъ Петра пространство Россіи сѣзилось, а не расширилось, развѣ степи наши не также просторны и раздолыны, снѣга, ихъ покрывающіе, не также бѣлы, и не также серебрить ихъ унылый свѣтъ мѣсяца?... Какія хорошія свойства русскаго человѣка, отличающія его не только отъ иноплеменниковъ, но и отъ другихъ славянскихъ племенъ, даже находящихся съ нимъ подъ однимъ скипетромъ? Бодрость, смѣлость, находчивость, смѣтливость, переимчивость,—на обухѣ рожь молотить, зерна не обронить, нуждою учиться калачи ѣсть,—молодечество, разгуль, удалство,—и въ горѣ, и въ радости море по колѣно! Но развѣ европеизмъ можетъ изгладить эти коренныя, субстанціальныя свойства русскаго народа? Развѣ образованный русскій человѣкъ теперь не такъ же, какъ и прежде, размахистъ и въ горѣ, и въ радости, и не родной братъ тому, который нѣкогда, приложивъ руку къ уху, пѣвалъ богатырскимъ голосомъ на весь Божій міръ:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота ли, глубота океанъ море,
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскіе.

Смѣшно думать, что европеизмъ есть какой-то уровень, все сравнивающий, сглаживающий, подводящій подъ одинъ цвѣтъ! Англичанинъ, французъ, нѣмецъ, голландецъ, швейцарецъ,—все они равно европейцы, во всехъ ихъ есть много общаго, но національныя различія ихъ непримиримо рѣзки и никогда не изгладятся: для этого нужно было бы сперва уничтожить ихъ исторію, измѣнить природу ихъ странъ, переродить самую кровь ихъ.

Національность нельзя характеризовать и въ цѣлой книгѣ, не только что въ журнальной статьѣ, особенно національность народа, который недавно началъ жить и еще весь погруженъ въ своемъ настоящемъ. Нѣкоторые имѣютъ привычку указывать на англичанъ, которые любятъ отпускать національныя фарсы, варварскіе и нелѣпыя, и до сихъ поръ

оставляютъ существовать нѣкоторые обычаи дикой и невѣ-
жественной старины, отъ набитаго шерстью мѣшка, на ко-
торомъ сидятъ члены парламента, до права продавать на
рынкѣ жену свою. Эти господа любятъ подобными ссылками
дѣлать упреки равнодушію, съ которымъ мы, русскіе, раз-
стаемся съ преданіями нашей старины, и готовности, съ ко-
торой мы принимаемъ и усваиваемъ себѣ все новое. Что до
насъ, — каемся въ грѣхѣ: мы видимъ въ этомъ хорошую черту
нашей національности, залогъ нашего будущаго величія и
ужъ, разумѣется, не униженія, а превосходства надъ англи-
чанами, которые впрочемъ во всемъ другомъ великая нація,
но только въ этомъ не могутъ и не должны быть для насъ
примѣромъ, а сдѣлали бы лучше, еслибъ намъ подражали.
Да, это великая черта русскаго народа: она показываетъ,
что мы имѣемъ способность и желаніе безусловно отрѣшиться
отъ всего дурного; что же до хорошаго, которое составляетъ
основу и сущность нашего національнаго духа, — оно вѣчно,
непреходяще и мы не могли бы отъ него отрѣшиться, еслибъ
и захотѣли. Но мы болѣе, нежели кто-либо другой, имѣемъ
возможность и право не стыдиться нашихъ національных
недостатковъ и пороковъ и громко говорить о нихъ. Націо-
нальные пороки бываютъ двухъ родовъ: одни выходятъ изъ
субстанціальнаго духа, — какъ напримѣръ политическое свое-
корыстіе и эгоизмъ англичанъ; религіозный фанатизмъ и
изувѣрство испанцевъ; мстительность и склонный къ хитрости
и коварству характеръ итальянцевъ, — другіе бываютъ слѣд-
ствіемъ несчастнаго историческаго развитія и разныхъ внѣш-
нихъ и случайныхъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ полити-
ческое ничтожество итальянскихъ народовъ. И потому одни
національные пороки можно назвать субстанціальными, другіе
— прививными. Мы никакъ не думаемъ, чтобъ наша націо-
нальность была верхъ совершенства: подъ солнцемъ нѣтъ
ничего совершеннаго; всякое достоинство условливаетъ собою
и какой-нибудь недостатокъ. Всякая индивидуальность уже
потому самому есть ограниченіе, что она индивидуальность;
всякій же народъ — индивидуальность, подобная отдѣльному
человѣку. Съ насъ довольно и того, что наши національные
недостатки не могутъ насъ унижить передъ благороднѣйшими

націями въ челоѣчествѣ. Что же до прививныхъ, — чѣмъ громче будемъ мы о нихъ гов рить, тѣмъ больше покажемъ уваженія къ своему достоинству; чѣмъ съ большей энергіей будемъ ихъ преслѣдовать, тѣмъ больше будемъ способствовать всякому преуспѣянію въ благѣ и истинѣ. Внутренній порокъ, — болѣзнь, съ которой родится нація, — болѣзнь, отверженіе которой иногда можетъ стоить жизни; прививной порокъ — наростъ, который, будучи срѣзанъ, хотя бы и не безъ боли, искусной рукой оператора, ничего не отнимаетъ у тѣла, а только освобождаетъ его отъ безобразія и страданія. Недостатки нашей народности вышли не изъ духа и крови націи, но изъ неблагоприятнаго историческаго развитія. Варварскія тевтонскія племена, нахлынувъ на Европу бурнымъ потокомъ, имѣли счастье столкнуться лицомъ къ лицу съ классическимъ гениемъ Греціи и Рима — съ этими благородными почвами, на которыхъ выросло широколиственное, величественное древо европеизма. Дряхлый, изнеможенный Римъ, передавъ имъ истинную вѣру, въ послѣдствіи времени передалъ имъ и свое гражданское право; познакомивъ ихъ съ Virgilіемъ, Gораціемъ и Тацитомъ, онъ познакомилъ ихъ съ Гомеромъ, и съ трагиками, и съ Плутархомъ, и съ Аристотелемъ. Раздѣляясь на множество племенъ, они какъ будто столпились на пространствѣ, недостаточномъ для ихъ многолюдства, и безпрестанно, такъ сказать, ударяясь другъ о друга, какъ сталь о кремень, чтобъ извлекать изъ себя искры высшей жизни. Жизнь Россіи, напротивъ, началась изолированно, въ пустынѣ, чуждой общаго челоѣческаго развитія. Первоначальныя племена, изъ которыхъ въ послѣдствіи сложилась масса ея народонаселенія, занимая одинаково долинные страны, похожія на однообразныя степи, не заключали въ себѣ никакихъ рѣзкихъ различій и не могли дѣйствовать другъ на друга въ пользу развитія гражданственности. Богемія и Польша могли бы ввести Россію въ соотношенія съ Европою и сами по себѣ быть полезны ей, какъ племена характерныя; но ихъ навсегда раздѣлила съ Россіей враждебная разность вѣроисповѣданій. Слѣдовательно, отъ Запада Россія была отрѣзана въ самомъ началѣ бытія своего. Княжества враждовали между собою,

но въ этой враждѣ не было разумнаго начала, и потому изъ нея не вышло никакихъ важныхъ результатовъ. Удивительно ли послѣ того, что исторія удѣльныхъ междоусобій такъ бессмысленна и скучна, что ей не могло придать никакого интереса даже и краснорѣчивое повѣствованіе Карамзина?... Нахлынули татары и спаяли разрозненные члены Россіи ея кровью. Въ этомъ состояла великая польза татарскаго двухъ-вѣкового ига; но сколько же сдѣлало оно и зла Россіи, сколько привило ей пороковъ! Затворничество женщинъ, привычка зарывать въ землю деньги и ходить въ лохмотьяхъ отъ боязни обнаружить свое богатство, лихоимство, азіатизмъ въ образѣ жизни, лѣнь ума, невѣжество, презрѣніе къ себѣ, — словомъ, все то, что искоренялъ Петръ Великій, что было въ Россіи прямо противоположно европеизму, — все это было не наше родное, но привитое къ намъ татарами. Самая нетерпимость русскихъ къ иностранцамъ вообще была слѣдствіемъ татарскаго ига; татаринъ сдѣлалъ отвратительнымъ въ понятіи русскихъ всякаго, кто не былъ русскимъ, — и слово басурманъ отъ татаръ перешло и на другихъ. Что самые важнѣйшіе недостатки нашей народности не наши существенные, кровные, но привитые, — лучшее доказательство въ томъ, что мы имѣемъ полную возможность освободиться отъ нихъ, и уже отъ многихъ освободились и освобождаемся. Обратите вниманіе напримѣръ на лихоимство. Благодаря преобразованіямъ Петра, у насъ не замедлило явиться противоборство этому общему злу. Къ чести нашей литературы, — въ ней въ первой возникла эта благородная, благотѣльная оппозиція. Муза Сумарокова объявила непримиримую войну подъячимъ и клеймила лихоимство и казнокрадство печатью позора и отверженія. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ этомъ отношеніи литературное направленіе Сумарокова было, такъ сказать, жизненнѣе чисто риторическаго направленія Ломоносова, — и вотъ причина, почему бездарный Сумароковъ былъ любимѣе, а даровитый Ломоносовъ — только уважаемѣе публикой своего времени. „Ябеда“ Капниста была сильнымъ ударомъ ябедѣ. Нахимовъ составилъ себѣ громкое имя въ литературѣ своего времени постояннымъ вдохновеніемъ противъ кривосудія.

Хотя остроуміе Фонвизина было устремлено преимущественно противъ невѣжества, но мимоходомъ доставалось отъ него порядкомъ и сутяжничеству. Въ наше время „Ревизоръ„ Гоголя явился истиннымъ бичемъ этого порока, который, благодаря успѣхамъ просвѣщенія и благотворнымъ усиліямъ правительства, уже прячется въ норы... Говоря о заслугахъ литературы святому дѣлу преслѣдованія лихоимства бичомъ сатиры, нельзя не упомянуть и о Грибоѣдовѣ: хотя его безсмертная комедія устремлена и не прямо противъ этой гидры стоглавой, но горящія клейма наложилъ онъ на ея безстыдные лбы стихами, подобными слѣдующимъ:

(мѣстечку—
Какъ будешь представлять къ крестинку иль
Ну, какъ не порадовать родному человѣчку?.

И благородныя усилія литературы не остались тщетными: общество отозвалось на нихъ. Замѣчательно, что даже посредственныя сочиненія въ этомъ духѣ и направленіи всегда принимались нашей публикой съ особеннымъ восторгомъ, вмѣсто того чтобъ оскорблять ее. Наконецъ стали появляться люди, которые, уже не боясь прослыть за людей безпокойныхъ и не стыдясь названія глупцовъ, гордецовъ, выскочекъ и мечтателей, говорятъ вслухъ, что скорѣе готовы умереть съ голоду, нежели богатѣть воровствомъ, — и съ голоду не умираютъ, а если и богатѣютъ, то честными средствами. Хотя такіе являются не тысячами, но все-таки число ихъ умножается со дня на день. До временъ же Петра Великаго ихъ не было. Слѣдовательно, общество наше идетъ впередъ, и не теряя своей національности, только разстается съ дурными привычками. И уже близко то время, когда не останется и слѣдовъ ихъ. И это дѣйствительно привычки — не болѣе, ибо съ чѣмъ можно разстаться, отъ чего можно отрѣшиться, — то не въ крови, не въ духѣ: то просто дурныя привычки, приобрѣтенныя въ дурномъ обществѣ, при дурномъ воспитаніи. Только тѣ пороки дѣлаютъ безчестіе націи, которые неистребимы, неисправимы.

Вообще всѣ недостатки и пороки нашей общественности выходили изъ невѣжества и непросвѣщенія: и потому свѣтъ

знанія и образованности разгоняетъ ихъ, какъ восходъ солнца ночные туманы. Пороки китайца и персіянина слиты съ ихъ духомъ: просвѣщеніе сдѣлало бы ихъ только утонченнѣе, коварнѣе и развратнѣе, но не благороднѣе. Просвѣщеніе дѣйствуетъ благодѣтельно только въ такомъ народѣ, въ которомъ есть зерно жизни. Мы уже представляли самый разительный фактъ, какъ неопровержимое доказательство, что въ русскомъ обществѣ есть здоровое и плодотворное зерно жизни. Прибавимъ къ этому, что многого можно надѣяться отъ народа, который, послѣ Нарвскаго сраженія, далъ Полтавскую и Бородинскую битвы, потрясъ Турецкую имперію и, какъ сказалъ его великій поэтъ, „повалилъ въ бездну кумиръ, тяготѣющій надъ царствами, и кровью своею искупилъ свободу, честь, спокойствіе Европы...“ Едва пробудившись къ жизни, онъ громомъ побѣды возвѣстилъ Европѣ о своемъ пробужденіи; едва примкнувшись къ Европѣ, онъ уже рѣшилъ ея великое дѣло, далъ отвѣтъ на мудрый вопросъ...

Духъ народный всегда былъ великъ и могущъ: это доказываетъ и быстрая централизація московскаго царства, и Мамаевское побоище, и сверженіе татарскаго ига, и завоеваніе темнаго Казанскаго царства, и возрожденіе Россіи, подобно Фениксу, изъ собственнаго пепла въ годину междоцарствія, когда, подобно восходящему солнцу, прогоняющему призраки ночи и предразсвѣтную мглу, на престолъ, по единому избранію народа, взошелъ благословенный домъ Романовыхъ, даровавшій Россіи Петра Великаго и цѣлый рядъ знаменитыхъ и славныхъ властителей, возвеличившихъ и облагодѣтельствовавшихъ ввѣренный Богомъ попеченію ихъ народъ. Это же доказываетъ и обиліе въ такихъ характерахъ и умахъ государственныхъ и ратныхъ, каковы были — Александръ Невскій, Іоаннъ Калита, Симеонъ Гордый, Дмитрій Донской, Іоаннъ III, Іоаннъ Грозный, Андрей Курбскій, Воротынскій, Шеинъ, Годуновъ, Басмановъ, Скопинъ-Шуйскій, князь Дмитрій Пожарскій, мѣщанинъ Мининъ, святители Алексій, Филиппъ, Гермогенъ, келарь Авраамій Палицынъ... Это же доказываютъ и произведенія народной поэзіи, запѣчатлѣнной богатствомъ фантазіи, силой выраженія, безконеч-

ностью чувства, то бѣшено-веселаго, размашистаго, то грустнаго, заунывнаго, но всегда крѣпкаго, могучаго, которому тѣсно и на улицѣ, и на площади, которое просить для разгула дремучаго лѣса, раздолья Волги-матушки, широкаго поля... Но такова участь даже и великаго народа, если враждебная судьба или неблагопріятное историческое развитіе лишаютъ его потребной ему сферы, и для необъятной силы его духа не даютъ приличнаго ей содержанія: въ минуты испытанія, когда малые духомъ народы падаютъ, онъ просыпается, какъ левъ, окруженный ловцами, грозно сотрясаетъ свою гриву и ужаснымъ рыканіемъ оледеняетъ сердца своихъ враговъ. Прошла буря — и онъ опять погружается въ свою дремоту, не извлекая изъ потрясенія благопріятныхъ результатовъ для своей цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ великіе перевороты и испытанія судьбы только обнаружили великій характеръ русскаго народа; роковой 1812 годъ, пронесшійся надъ Россіей грозной тучей, напрягшій всѣ ея силы, не только не ослабилъ ея, но еще и укрѣпилъ, и былъ прямой причиной ея новаго, высшаго благоденствія, ибо открылъ новые источники народнаго богатства, усилилъ промышленность, торговлю, просвѣщеніе. Вотъ какая разница между однимъ и тѣмъ же народомъ, въ его непосредственномъ, естественномъ и патріархальномъ состояніи, и въ разумномъ движеніи его историческаго развитія! Въ первомъ состояніи и великое событіе у народа рождается какъ бы безъ причины и оканчивается безъ результатовъ, — и потому его исторія лишена всякаго общаго интереса; во второмъ состояніи даже всякое событіе имѣетъ разумную причину и разумное слѣдствіе и составляетъ шагъ впередъ, — и его исторія полна драматическаго интереса, движенія, разнообразія, поэтически-интересна, философски-поучительна, политически-важна. Но народъ одинъ и тотъ же, и Петръ не пересоздалъ его (такого дѣла, кромѣ Бога, никто бы не могъ совершить), а только вывелъ его изъ кривыхъ, избитыхъ тропинокъ на столбовую дорогу всемірно-исторической жизни. Шереметевъ, Меншиковъ, Рѣпинъ, Долгорукій, Апраксинъ, Шафировъ, Голицынъ, (Михаилъ), Головинъ, Головкинъ, — всѣ эти люди, одаренные такими блестящими талантами,

„сія птенцы гнѣзда Петрова“, по выраженію Пушкина, были природные русскіе и родились въ царствованіе Алексія Михайловича — въ Кошихинскія времена Россіи. И такъ, Петръ отрицалъ и уничтожалъ въ народѣ не существенное и кровное, но чаросшее и привившееся, и тѣмъ отверзъ новые пути въ духѣ народа, до того времени остававшіеся затворенными, для принятій новыхъ идей и новыхъ дѣлъ. Обвиняющимъ его въ попраніи и уничтоженіи народнаго духа Петръ имѣлъ бы полное право отвѣтить: „не думайте, что пришелъ нарушить законъ или пророковъ: я не нарушить пришелъ, но исполнить...“

Читатели наши могли видѣть вѣрную картину общественнаго и семейнаго быта Россіи — въ выпискахъ, сдѣланныхъ нами въ предыдущей статьѣ изъ книги Кошихина, изданной нашимъ просвѣщеннымъ правительствомъ. Они могли видѣть, что въ Россіи до Петра Великаго не было ни торговли, ни промышленности, ни полиціи, ни гражданской безопасности, ни разнообразія нуждъ и потребностей, ни военного устройства, ибо все это было слабо и ничтожно, потому что было не закономъ, а обычаемъ. А нравы? сколько тутъ азіатскаго, татарскаго! Сколько простонароднаго и грубаго въ пирахъ! Сравните эти тяжелыя ядѣнья, это невѣроятное питье, эти грубыя цѣлованія, эти частыя стуканья лбомъ объ полъ, эти китайскія церемоніи, сравните съ турнирами среднихъ вѣковъ, съ европейскими пиршествами XVII столѣтія... Вспомните, каковы были наши брадатые рыцари и кавалеры! Каковы были наши бойкія дамы, потягивавшія „горькое“!.. Все это нисколько не нравственно и не эстетично... Но все это опять-таки нисколько не относится къ униженію народа ни въ нравственномъ, ни въ философскомъ отношеніи: ибо все это было слѣдствіемъ изолированнаго отъ Европы историческаго развитія и слѣдствіемъ вліянія татарщины. Лишь только отворилъ Петръ двери своему народу на свѣтъ Божій, мало-по-малу тьма невѣжества разсѣялась: народъ не выродился, не уступилъ своей родной почвы другому племени, но уже сталъ не тотъ и не такой, какъ былъ прежде... Да, господа защитники старины, воля ваша, а Петру Великому мало конной статуи на Исаакіевской площади: алтари должно воз-

двинуть ему на всѣхъ площадяхъ и улицахъ великаго царства русскаго!.. Защитники нашей патріархальной старины обыкновенно говорятъ, что и въ Европѣ, во времена варварства, было не лучше, чѣмъ у насъ. Но у насъ въ XVIII вѣкѣ (до царствованія Екатерины Великой) было то, что въ Европѣ было въ VI и V вѣкахъ — были пытки, изувѣрство, суевѣріе и проч. Но, что всего важнѣе, — въ Европѣ было развитіе жизни, движеніе идеи; подлѣ яда тамъ росло и противоядіе — за ложнымъ или недостаточнымъ опредѣленіемъ общества тотчасъ же слѣдовало и отрицаніе этого опредѣленія другимъ, болѣе соотвѣтствующимъ требованію времени опредѣленіемъ.

Нѣкоторые думаютъ, что Россія могла бы сблизиться съ Европой безъ насильственной реформы, безъ отторженія, хотя бы и временнаго, отъ старины, но собственнымъ развитіемъ, собственнымъ геніемъ. Это мнѣніе имѣетъ всю внѣшность истины, и потому блестяще и обольстительно; но внутри пусто: его опровергаетъ самый опытъ, факты исторіи. Никогда Россія не сталкивалась съ Европой такъ близко, такъ лицомъ къ лицу, какъ въ эпоху междоцарствія. Есть фактъ еще больше поразительный: это — Новгородъ. Прекрасно русское выраженіе: „новгородская вольница“ и странно мнѣніе многихъ ученыхъ, которые отъ чистаго сердца, т. е. не шутя, видѣли въ Новгородѣ живой членъ ганзеатическаго союза. Правда, новгородцы были друзья „нѣмцамъ“, безпрестанно обращались съ ними; но нѣмецкія идеи и не коснулись ихъ. Это была „вольница“; порабощеніе Новгорода Іоанномъ III и Іоанномъ Грознымъ было дѣломъ, оправдывающимся не только политикой, но и нравственностью. Отъ созданія міра, не было болѣе безтолковой и каррикатурной республики! Она возникла, какъ возникаетъ дерзость раба, который видитъ, что его господинъ боленъ изнурительной лихорадкой и уже не въ силахъ справиться съ нимъ какъ должно; она исчезла, какъ исчезаетъ дерзость этого раба, когда его господинъ выздоравливаетъ. Оба Іоанны понимали это: они не завоевывали, но умиряли Новгородъ, какъ свою взбунтовавшуюся отчину. Умиреніе это не стоило имъ никакихъ особенныхъ усилій; завоеваніе Казани было въ тысячу разъ труднѣе для Грознаго... Нѣтъ! Была стѣна, отдѣлявшая Россію отъ Европы:

стѣну эту могъ разбить только какой-нибудь Сампсонъ, который и явился Руси въ лицѣ ея Петра. Наша исторія шла иначе, чѣмъ исторія Европы, и наше очеловѣченіе должно было совершиться также иначе. Нецивилизованные народы образуются безусловнымъ подражаніемъ цивилизованнымъ. Сама Европа доказываетъ это: Италія называла остальную Европу варварами, и эти варвары безусловно подражали ей во всемъ — даже въ порокахъ. Могла ли Россія начинать съ начала, когда передъ ея глазами былъ уже кенецъ? Неужели ей нужно было начать напримѣръ военное искусство съ той точки, съ которой оно началось въ Европѣ во времена феодализма, когда въ нее стрѣляли изъ пушекъ и мортиръ, а нестройную толпу ея могли поражать стройные ряды, вооруженные штыками, повертывавшіеся по командѣ одного чело-вѣка? Смѣшная мысль! Если же Россія должна была изучать военное искусство въ томъ состояніи, въ какомъ оно было въ Европѣ XVII вѣка, то должна была учиться математикѣ, и фортификаціи, и артиллерійскому, и инженерному искусству, и навигаціи; слѣдовательно, могла ли она приниматься за геометрію не прежде, какъ ариѳметика и алгебра уже укоре-нятся въ ней и ихъ изученіе окажетъ полные и равные успѣхи во всѣхъ сословіяхъ народа? Однообразіе въ одеждѣ для солдатъ не прихоть, а необходимость. Русская одежда не годилась для солдатской униформы, слѣдовательно, необходимо должно было принять европейскую; а какъ же можно было сдѣлать это съ одними солдатами, не побѣдивъ отвращенія къ иностранной одеждѣ въ цѣломъ народѣ? И что бы за отдѣльную націю въ народѣ представляли собою солдаты, еслибъ всѣ прочіе ходили съ бородами, въ балахонахъ и безобразныхъ сапожищахъ? Чтобъ одѣть солдатъ, нужны были фабрики (а ихъ не было): неужели же для этого надобно было ожидать свободнаго и естественнаго развитія промышленности? При солдатахъ нужны офицеры, а офицеры должны быть изъ сословія высшаго, нежели то, изъ котораго набирались солдаты, и на ихъ мундиры нужно было сукно потоньше солдатскаго; такъ неужели же это сукно слѣдовало покупать у иностранцевъ, платя за него русскими деньгами, или дожидаться, пока (лѣтъ въ 50) фабрики солдатскаго сукна

придутъ въ совершенство и изъ нихъ разовьются тонко-суконныя фабрики? Что за нелѣпости! Нѣтъ, въ Россіи надо было начинать все вдругъ, и высшее предпочитать низшему: фабрики солдатскаго сукна — фабрикамъ мужицко-сермяжнаго сукна, академію—уѣзднымъ училищамъ, корабли — баркамъ. Мало основать уѣздныя училища: надо было дать имъ учителей, которыхъ всего лучше могла образовать академія; надо было составить учебныя руководства, что опять могла сдѣлать только академія. Что ни говорите о бѣдности нашей литературы и ничтожности нашей книжной торговли, однако инныя книги у насъ раскупаются же и иные книгопродавцы одними періодическими изданіями имѣли же въ ежегодномъ оборотѣ по 250.000 рублей! А отчего это произошло? — Оттого, что наша великая императрица Екатерина II заботилась о созданіи литературы и публики, заставила читать дворъ, отъ котораго, мало-по-малу, охота къ чтенію перешла, черезъ высшее дворянство, къ среднему, отъ него къ чиновническому люду, а теперь уже начинаетъ переходить и къ купечеству.

Да, у насъ все должно было начинать сверху внизъ, а не снизу вверхъ, ибо въ то время, какъ мы почувствовали необходимость сдвинуться съ мѣста, на которомъ дремали столько вѣковъ, мы уже увидѣли себя на высотѣ, которую другіе взяли приступомъ. Разумѣется, на этой высотѣ увидѣлъ себя не народъ (въ такомъ случаѣ ему не для чего было бы и подыматься), а правительство, и то въ лицѣ только одного человека — царя своего. Петру некогда было медлить: ибо дѣло шло уже не о будущемъ величіи Россіи, а о спасеніи ея въ настоящемъ. Петръ явился во-время: 'опоздай онъ четвертью вѣка, и тогда—спасай или спасайся кто можетъ?.. Провидѣніе знаетъ, когда послать на землю человека. Вспомните, въ какомъ тогда состояніи были европейскія государства въ отношеніи къ общественной, промышленной, административной и военной силѣ, и въ какомъ состояніи была тогда Россія во всѣхъ отношеніяхъ! Мы избалованы нашимъ могуществомъ, оглушены громомъ нашихъ побѣдъ, привыкли видѣть стройныя громады войскъ, и забываемъ, что всему этому только 132 года (считая отъ побѣды подъ Лѣснымъ—первой

великой побѣды, одержанной русскими регулярными войсками надъ шведами). Мы какъ будто все думаемъ, что это было у насъ искони вѣковъ, а не съ Петра Великаго. Мы уже забыли и то, что при Петрѣ Великомъ у Россіи явился опасный сосѣдь — Карлъ XII, которому нужны были и люди, и деньги, и который умѣлъ бы распорядиться и тѣмъ, и другимъ, слѣдуя русской пословицѣ: „даровому коню въ зубы не смотрять“. Любовь къ отечеству, могущество народнаго духа и богатство въ матеріальныхъ средствахъ — дѣйствительно сильныя орудія. Но воскресите героевъ Термопилъ, Марафона, Платей, воиновъ Лакедемона, фаланги македонянъ, когорты Рима, составьте изъ всѣхъ ихъ одно войско, сдѣлайте Мильтіада,Themistocle, Кимона, Аристиды, Перикла, Фабія, Камилла, Сципіона, Марія начальниками отрядовъ, а въ главнокомандующіе дайте имъ Александра Македонскаго и Юлія Цезаря: это ужасное войско не устоитъ противъ пяти полковъ нашего времени подъ командою не Наполеона, а хоть кого-нибудь изъ его генераловъ. „Сила соломѣ ломитъ“, говоритъ пословица, а умъ, вооруженный наукой, искусствомъ и вѣковымъ развитіемъ жизни, ломитъ и силу, прибавили бы мы. Нѣтъ, безъ Петра Великаго для Россіи не было никакой возможности естественнаго сближенія съ Европою. Повторяемъ: Петру некогда было медлить и выжидать. Какъ прозорливый кормчій, онъ во время тишины предъзналъ ужасную бурю и велѣлъ своему экипажу не шалить ни трудовъ, ни здоровья, ни жизни, чтобъ приготовиться къ напору волнъ, порывамъ вѣтра, — и всѣ изготавились хоть и нехотя, — и настала буря, но хорошо приготовленный корабль легко выдержалъ ея неистовую силу, — и нашлись недалъновидные, которые стали роптать на кормчаго, что онъ напрасно такъ беспокоилъ ихъ. Нельзя ему было сѣять и спокойно ожидать, когда прозябнетъ, взойдетъ и созрѣетъ брошенное сѣмя: одной рукой бросая сѣмена, другой хотѣлъ онъ тутъ же и пожинать плоды ихъ, нарушая обычные законы природы и возможности, — и природа отступила для него отъ своихъ вѣчныхъ законовъ, и возможность стала для него волшебствомъ. Новый Навинъ, онъ останавливалъ солнце въ пути его, онъ у моря отторгалъ его довременныя овладѣнія, онъ

изъ болота вывелъ чудный городъ. Онъ понялъ, что полумѣры никуда не годятся и только портятъ дѣло; онъ понялъ, что коренные перевороты въ томъ, что сдѣлано вѣками, не могутъ производиться вполовину, что надо дѣлать или больше, чѣмъ можно сдѣлать, или ничего не дѣлать, и понялъ, что на первое станетъ его сила. Передъ битвой подъ Лѣснымъ онъ позади своихъ войскъ поставилъ казаковъ съ строгимъ приказаніемъ убивать безъ милосердія всякаго, кто побѣжитъ вспять, даже и его самого, если онъ это сдѣлаетъ*). Такъ точно поступилъ онъ и въ войнѣ съ невѣжествомъ: выстроивъ противъ него весь народъ свой, онъ отрѣзалъ ему всякій путь къ отступленію и бѣгству. Будь полезенъ государству, учись—или умирай: вотъ что было написано кровью на знамени его борьбы съ варварствомъ. И потому все старое безусловно должно было уступить мѣсто новому, и обычаи, и нравы, и дома, и улицы, и служба. Говорить, дѣло въ дѣлѣ, а не въ бородѣ, но что жъ дѣлать, если борода мѣшала дѣлу? Такъ вонъ же ее, если сама не хочетъ валиться...

Построеніе Петербурга тоже ставится многими въ упрекъ его великому основателю. Говорятъ: на краю огромнаго государства, на болотахъ, въ ужасномъ климатѣ, много стоило жертвъ, и пр.: но вопросъ въ томъ: было ли это необходимо, можно ли было поступить иначе? Петръ долженъ былъ оставить Москву — тамъ шипѣли противъ него бороды; ему нужно было отвести безопасный пріютъ европеизму, сдѣлать этого гостя семейнымъ, своимъ человѣкомъ, чтобъ незамѣтно и тихо могъ онъ дѣйствовать на Россію и быть громовымъ отводомъ для невѣжества и изуверства. Для такого пріюта ему нужна была почва совершенно новая, безъ преданій, гдѣ бы его русскіе очутились совершенно въ новой сферѣ и не могли бы сами собою не измѣниться въ обычаяхъ и привычкахъ жизни. Ему нужно было свести ихъ съ иностранцами и связать съ ними и службой, и торговлей, и согражданствомъ, поставить ихъ съ ними въ безпрестанное соприкосновеніе. Для этого была необходима завоеванная земля, необходимо,

*) Голиковъ. Т. III, стр. 20 стараго изданія.

чтобъ она могла быть отечествомъ и для иностранцевъ, которыхъ невозможно было въ большомъ числѣ переманить въ Москву, и для русскихъ, которые только вначалѣ не охотно селились тамъ, но потомъ, увидѣвъ тамъ центръ правительства, тянулись туда, какъ желѣзо къ магниту. А гдѣ же могло быть лучшее для этого мѣсто, какъ не въ „отбитомъ у шведа краѣ“? А великая идея создать флотъ и положить начало за-граничной торговлѣ не чрезъ посредство иностранцевъ, какъ въ Архангельскѣ, а прямо, собственной дѣятельностью, и не съ одними англичанами, но со всѣмъ земнымъ шаромъ?—Гдѣ же лучшее для этого мѣсто, какъ не при четверномъ устьѣ Невы? Стоитъ только обратить вниманіе на важность Кронштадта для Петербурга, чтобъ увидѣть, какъ геніальны и непогрѣшительны были соображенія Петра Великаго. Почему бы ему было не перенести столицу на берега Чернаго или Азовскаго моря? Потому что ему, кромѣ флота и за-граничной торговли, море нужно было и для успѣховъ европеизма отъ сосѣдства съ европейскимъ народомъ. Азовское или Черное море сблизило бы насъ съ татарами, калмыками, черкесами и турками, а не съ европейцами. Для Одессы важно сосѣдство Турціи, въ которую она отпускаетъ огромное количество пшеницы; но оно не было важно для Петербурга, ибо Одесса только портовый и торговый городъ, а Петербургъ сверхъ того и столица. И мысль Петра оправдалась дѣломъ: Москва безспорно имѣетъ свое значеніе для Россіи, но Петербургъ—истинно европейская столица Россіи: Петербургъ для Россіи—биржа европеизма, изъ которой европеизмъ разносится по Россіи. Всякое удобство, всякій шагъ въ цивилизаціи дѣлается у насъ черезъ Петербургъ. Онъ—окно и дверь въ Европу.

Что касается до жертвъ, съ какими построень Петербургъ—онѣ искупаются необходимостью и результатомъ. Петръ своими дѣлами писалъ исторію, а не романъ; онъ дѣйствовалъ какъ царь, а не какъ семьянинъ. Реформа была тяжкимъ испытаніемъ для народа, годиною трудной и грозной. Но когда же и гдѣ же великіе перевороты совершались тихо и безъ отягощенія современниковъ?.. Развѣ легокъ былъ для Россіи славный двѣнадцатый годъ? но неужели поэтому мы

должны порицать его, а не гордиться имъ?... Спокойныхъ государствъ только два въ мірѣ — Китай и Японія; но лучшее, что производитъ первый, это чай, а вторая, кажется, — лакъ: больше о нихъ нечего сказать. Осина ломится и сокрушается вѣтромъ; дубъ мужаетъ и крѣпнетъ въ буряхъ.

... Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала гениемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славъ
Ей давъ учитель: не одинъ
Урокъ неожиданный и кровавый
Задалъ ей шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судьбы удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Да, тяжело было народу съ печей и палатей своихъ выйти на такую работу и борьбу. Онъ не виноватъ былъ, что выросъ не учась, и взрослому, ему не подъ силу показалось садиться за указку. Но самое худшее въ его положеніи было то, что онъ не могъ понять ни смысла, ни цѣли, ни пользы перемѣнъ, которымъ подвергала его желѣзная, несокрушимая воля царя-исполина. Здѣсь мы почитаемъ приличнымъ выписать или лучше сказать, украсить нашу статью выпиской краснорѣчивыхъ строкъ о Петрѣ Великомъ одного изъ русскихъ ученыхъ *):

„Чего жъ не доставало русскому народу? *Преобразованія!* Его не доставало для XVII вѣка! Явился царь съ горячей мыслию въ очахъ, съ отважной думой на челѣ и съ громоноснымъ слогомъ власти! Онъ страшный кинулъ взоръ на царствующій градъ, сурово посмотрѣлъ на даль прошедшаго, и двинулъ царство отъ него. Что жъ не понравилось ему въ наслѣдіи предковъ? Что возмутило Петра въ твореніи его отцовъ? Но это тайна души великой, глубокой, тайна генія! Мы видѣли только внѣшнее этого духа, который, какъ грозное облако, прошелъ надъ русской землей. Мы видѣли, какъ онъ сочувствовалъ Іоанну Грозному, какъ благоговѣлъ предъ кардиналомъ Ришелье, какъ не терпѣлъ византійскаго двора, его роскошства и лѣни, его ханжей и лицемѣровъ. Такое грозное содиненіе стихій въ душѣ смертнаго, рожденнаго повелѣвать и царствовать! И къ этому огненному началу нравственной его жизни при-

*) О. Л. Морощкина, изъ рѣчи его „Объ Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи“.

соединилось глубочайшее сознание собственных силъ. Посланникъ неба, самодержавный смертный, рѣшительно рожденный для преобразованій! Въ какомъ бы онъ вѣкѣ ни родился, въ какомъ бы народѣ ни воспитался, онъ всегда и вездѣ былъ бы преобразователемъ. Это его природа. Еслибъ онъ былъ современнымъ древнему Язону, его постигла бы участь божественнаго Иракла. Онъ былъ бы слишкомъ тяжелъ для легкой греческой армады. Но провидѣніе знало, гдѣ произвести на свѣтъ необычайнаго смертнаго. Только русскій корабль могъ сдержать такого страшнаго пассажира! Только русское море могло носить на хребтѣ своемъ столь отважнаго мореходца! Только Россія могла не треснуть отъ этого духа, который напрягалъ ее, чтобъ уравнять ея силы съ своей исполинской мощью! Дивное явленіе! Отъ сложенія міра не бывало такого государя! Говорять, что крутость его ума и воли происходила оттого, что онъ не получилъ надлежащаго воспитанія; но, Боже мой, какая наука могла ограничить эту адамантовую душу, какое воспитаніе могло смягчить эти несокрушимые нервы ума, эти желѣзные мышцы воли? Если природа должна была уступить ему, то что жъ могла сдѣлать изъ него наука? Какой нѣмецъ могъ быть его дѣтководцемъ, какой французъ—учителемъ? И природа, и наука отступились, когда этотъ великій духъ помчалъ русскую жизнь по открытому морю всемірной исторіи! Петръ Великій не вѣрилъ слабостямъ человѣческой природы, только на смертномъ одрѣ почувствовалъ, что и онъ смертный: *„Изъ меня можно познать, сколь бѣдное твореніе есть человѣкъ“*, произнесъ онъ въ смертныхъ страданіяхъ! Таковъ былъ Петръ Великій! Ему нужно было совершить преобразование. И какое преобразование! Отъ конечностей дѣла до послѣдняго убѣжища человѣческой мысли! Онъ бритвой брѣлъ бороды и топоромъ рубить невѣжество. Тысячи стрѣleckихъ головъ падаютъ на Преображенскомъ Полѣ! Ни даже крестный ходъ царствующаго града не могъ смягчить его правосудія (стр. 60—61)... Преобразователь втеченіе всей своей жизни хранилъ въ себѣ тайное сознание, что не одно рожденіе возвелъ его на пр. столъ, но сила высшая призвала его царствовать надъ народами! Онъ чувствовалъ, что не кровь, а духъ долженъ ему предшествовать. Онъ отвергъ сына и возжелалъ оставить по себѣ *достойнѣйшаго*. Но великій человѣкъ не приобщился нашимъ слабостямъ! Онъ не зналъ, что мы и кровь, и плоть. Онъ былъ великъ и силенъ, а мы родились и *малы и худы*, намъ нужны были общіе уставы челоѣчества! Петру Великому не нравилось наше древнее государственное устройство. Государева боярская дума должна была уступить мѣсто Сенату; областные приказы—ландратамъ и ландгерихтамъ. Ему не нравились и наши цѣловальники, наши дѣяки и подъячіе. Онъ желалъ бы посадить на ихъ мѣсто плѣнныхъ шведовъ, секретарей и шрейберовъ царской службы. Ему не нравилось прошедшее Россіи. Но всѣ эти перемѣны ничто въ сравненіи съ преобразованиемъ государственной службы. Самъ, начавъ съ солдата гвардіи, онъ прошелъ медленно по лѣстницѣ подчиненія, и завѣщалъ ее своимъ подданнымъ. А что кормленіе прежнее, что царскій хлѣбъ и соль? Въ потѣ лица ѣли ихъ слуги Петра Великаго. Нигдѣ онъ не былъ такъ грозенъ своимъ правосудіемъ,

какъ противъ дармоѣдовъ, мірскихъ ѣдухъ и казнокрадовъ. Не уважая частной собственности, когда думалъ объ отечествѣ, за каждую копейку, излишне взятую сборщикомъ податей, или переданную комиссіонеромъ торгашу, онъ былъ неумолимъ для виновнаго“ (стр. 61—62).

Да, тутъ народу было отчего призадуматься, было отчего вспомнить съ умиленіемъ о простодушнѣй старинѣ и поэтизировать ее въ элегическихъ обращеніяхъ къ новому и старому времени, вродѣ слѣдующаго, которымъ начинается одна сказка, вѣроятно сложенная въ ту эпоху:

„Соизволите выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою слова немудрыя, какъ въ стары годы, прежніе, жили люди старые. А и то-то, родимые, были вѣки мудрые, вѣки мудрые, народъ все православный, жилали старики не по нашему, не по нашему, по заморскому, а по своему православному. А житье-то, а житье-то было все привольное, да раздольное. Вставали ранымъ-ранехонько, съ утренней зарей, умывшись ключевой водой, со бѣлой росой, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада, выходили на красенъ крылецъ со рѣшеточкой, созывали слугъ вѣрныхъ на добры дѣла. Старики судъ рядили, молодые слушали; старики придумывали крѣпкія думушки, молодые бывали во посылушкахъ. Молодые молодіцы правили домкомъ, красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ-день, старыя старушки судили, рядили и сказки сказывали. Бывали радости великія на великъ день, бывали бѣды со кручинами на велико сиротство. *А что было, то былою поросло, а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому!*“

И хорошо, что поросло! Какъ красно не рассказывайте, какъ сладко не пойте, а, право, не соблазните насъ этимъ привольнымъ и раздольнымъ житьемъ. Гулянья, театры, балы и маскарады мы будемъ предпочитать завиванію вѣнковъ на Семикъ-день. Что до ранняго вставанья—дѣло не въ томъ, чтобы раньше встать, а чтобъ не даромъ встать: кому нечего дѣлать, тотъ хорошо сдѣлаетъ, если подольше поспитъ. Мы не только не кланяемся роднымъ заочно на всѣ четыре стороны, но и встрѣтившись съ ними, если наше родство съ ними заключается только въ крови, а не въ любви и духѣ. Молодые люди бываютъ и у насъ „во посылочкахъ у старыхъ, но зато и старые бываютъ „во посылочкахъ“ у молодыхъ: ибо право начальства принадлежитъ у насъ не старѣйшему, но достойнѣйшему, а достоинство мы измѣряемъ не сѣдиною, а умомъ, талантомъ и заслугою. На посылкахъ

у Суворова бывали не одни молодые офицеры, и генералы, гораздо старше его лѣтами и порою. Да, мы не можемъ безъ улыбки сожалѣнія слушать эти жалобныя похвалы доброму старому времени; но мы понимаемъ, что простодушный народъ тогдашній по своему былъ правъ. Скажемъ же ему отъ всего сердца: „вѣчная память и царство небесное!“ Своими страданіями и тяжкимъ терпѣніемъ искупилъ онъ наше счастье и наше величіе. Надъ гробами историческаго кладбища не должно быть ни проклятій, ни стройнаго смѣха, ни ненависти, ни кощунства, но любовь и грустная, благоговѣйная дума...

Но такова сила истины, таково непосредственное вліяніе генія: еще въ разгаръ и самое тяжелое время реформы Петръ имѣлъ почитателей не только въ приверженныхъ къ себѣ людяхъ, но и въ тѣхъ, которые косо смотрѣли на его преобразование. Казалось, все, вопреки своему сознанію, признавали необходимость коренной реформы. И не могло быть иначе. Петръ явился во-время. Потребность преобразования сильно обнаружилась еще въ царствованіе Алексія Михайловича, и уничтоженіе мѣстничества при царѣ Θεодорѣ Алексіевичѣ было тоже слѣдствіемъ этой потребности. Но все дѣло ограничивалось полумѣрами, не имѣвшими важныхъ послѣдствій. Нужна была полная, коренная реформа — „отъ оконечностей тѣла до послѣдняго убѣжища человѣческой мысли“; а для произведенія такой реформы нуженъ былъ исполинскій геній, какимъ явился Петръ. Полтавская битва не могла не имѣть сильнаго нравственнаго вліянія на народъ: многіе изъ самыхъ ожесточенныхъ приверженцевъ старины должны были увидѣть въ этой битвѣ оправданіе реформы. Правосудіе и справедливость царя, свободный доступъ къ нему всѣхъ и каждого, эта готовность прощать личныхъ враговъ и злодѣевъ при видѣ ихъ раскаянія, эта готовность даже вазвышать ихъ, если при раскаяніи видны были въ нихъ и способности, это божественное самоотреченіе отъ своей личности въ пользу вѣчной правды, это высокое самоуничтоженіе въ идеѣ своего народа и своего отечества, — все это покорило Петру сердца и души подданныхъ еще задолго до его кончины. Но когда онъ умеръ, не оставивъ послѣ себя никого подобнаго себѣ, —

Русь оцѣпенѣла, словно ударъ грома оглушилъ ее. Лучшая часть народа, принеся великія и невольныя жертвы преобразованію, трепетала уже за участь преобразованія и боялась возвращенія прежняго варварства. Русь какъ будто предугадывала эту темную годину, когда ей надо будетъ влачиться по колеѣ, проложенной Петромъ, не двигаясь впередъ; какъ будто чувствовала, что на долго закатилось ея лучезарное солнце вновь взошедшее на ея небосклонъ съ Екатериной Великой, чтобъ ужъ болѣе не оставлять его *).

СТО РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ.

Изданіе книгопродавца А. Смирдина. Томъ второй. Булгаринъ. Вельтманъ. Веревкинъ. Загоскинъ. Каменскій. Крыловъ. Масальскій. Надеждинъ, Панаевъ. Шишковъ. Спб. 1841.

Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, изъ темной и таинственной области великихъ замысловъ и предпріятій, появился на свѣтъ Божій второй томъ „Ста Русскихъ Литераторовъ“!... Важное и торжественное событіе для русской литературы!.. Среди микроскопическихъ явленій книжнаго міра, въ настоящее время, когда романы, вмѣсто прежнихъ завѣтныхъ четырехъ частей, обыкновенно являются въ двухъ тоненькихъ книжечкахъ, разгонисто напечатанныхъ, или, отчаявшись найти себѣ читателей, растягиваются на страницахъ пяти, шести книжекъ иного объемистаго журнала, — теперь книга „Сто Русскихъ Литераторовъ“ — это настоящій слонъ, тяжело и величаво шагающій между кротами и кузнечиками въ пустынь русской литературы, поросшей глухой травой. Второй томъ „Ста Русскихъ Литераторовъ“ — явленіе великое по толщинѣ, и не менѣе великое по своему значенію: оно отмѣчено перстомъ судьбы и предназначено къ рѣшенію великой задачи. Это особенно доказывается его несвоевременнымъ, столь позднимъ явленіемъ въ свѣтъ. Явился онъ въ свое время, когда

*) Предполагавшагося продолженія статей о „Дѣяніяхъ Петра Великаго“, по независящимъ отъ редакціи причинамъ, не было.

былъ обѣщанъ публикѣ издателемъ, т. е. съ небольшимъ годъ назадъ,—и его значеніе, его смыслъ навсегда были бы утрачены для публики: публика послѣ неудачныхъ попытокъ дочестъ—не говоримъ эту толстую книгу, но хоть что-нибудь въ ней,—выронила бы ее изъ рукъ. Но теперь другое дѣло: теперь эта книга явилась въ самую пору, чтобъ окончательно рѣшить самый современный, самый свѣжій вопросъ—вопросъ о существованіи русской литературы... Для тѣхъ, кому слова наши показались бы загадочными, мы должны замѣтить мимоходомъ, что въ послѣднее время снова возникли сомнѣнія въ существованіи русской литературы. Скептицизмъ такъ далеко зашелъ, что нѣкоторые дерзкіе умы признаютъ истинными и великими талантами только Пушкина да еще трехъ-четырехъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ явился за долго до Пушкина, другой при началѣ, третій при концѣ, а четвертый послѣ его жизни; все же прочее считаютъ болѣе или менѣе удачными стремленіями и порываніями къ поэзіи,—но по большей части пустоцвѣтами словеснаго міра. Но и подобное мнѣніе, какъ ни отважно оно, куда бы еще ни шло; хуже всего то, что и на таланты, которые они сами признаютъ за истинные и великіе, эти раскольники смотрятъ какъ на явленія общечеловѣческія... Хотя мы съ ними и нисколько не согласны, но, признаемся, ихъ возраженія не разъ приводили насъ въ смущеніе и заставляли задумываться. „Посмотрите, говорили они намъ, посмотрите на эти петербургскіе сады и острова: вѣдь это деревья, и еще съ листьями, а это розы, и еще въ полномъ цвѣту, но все-таки они отнюдь не доказываютъ, чтобъ теперь въ Петербургѣ была весна или лѣто“. Такъ какъ, читатели, мы рѣшительно не вѣримъ существованію не только весны или лѣта, но даже и зимы въ Петербургѣ, а круглый годъ видимъ въ немъ продолжительную, большей частью мрачную, холодную, сырую, грязную и нездоровую осень,—то это доказательство скептиковъ, противъ воли нашей, имѣло для насъ свою сторону очевидности. Въ самомъ дѣлѣ, если деревья, безъ весны и лѣта, почти въ осеннюю слякоть могутъ одѣваться зеленью, и розы распускаться пышнымъ цвѣтомъ,—то почему же иному языку не гордиться нѣсколькими великими созданіями поэзіи, и въ то

же время совсѣмъ не имѣть литературы?.. Конечно сравненіе не всегда доказательство, и все это можетъ быть только парадоксъ, — но парадоксъ, надо сознаться, очень ловкій, такъ что его легко принять и за истину. Впрочемъ теперь вопросъ этотъ рѣшится просто и удовлетворительно: второй томъ „Ста Русскихъ Литераторовъ“ неоспоримо убѣдитъ всякаго въ существованіи русскихъ типографій... русской литературы, хотѣли мы сказать...

Въ самомъ дѣлѣ, подумайте объ этомъ предметѣ посерьезнѣе, поосновательнѣе, и вашъ скептицизмъ исчезнетъ передъ толстой книжицей „Ста“, какъ исчезаетъ туманъ передъ восходомъ солнечнымъ. Сто литераторовъ, сто современныхъ, еще живыхъ (т. е. здравствующихъ) литераторовъ, — шутка ли это!.. Двадцать изъ нихъ уже предстали предъ російскую публику, каждый съ повѣстью или какимъ-нибудь разсказомъ, а при нихъ съ картинкой, собственнымъ портретомъ и еще съ факсимилемъ, такъ что, по остроумному выраженію одного изъ двадцати, публика можетъ видѣть и голову „сочинителя“, и то, что есть лучшаго въ ней, т. е. „мозги“, какъ остроумно выражается тотъ же „одинъ изъ двадцати“. Говорятъ, по почерку можно заключить о характерѣ человѣка: слѣдовательно, въ отношеніи къ писателямъ, публика и съ этой стороны удовлетворена толстымъ альманахомъ Смирдина; по собственноручной подписки знаменитыхъ именъ Зотова, Масальскаго и Веревкина она можетъ судить и о личныхъ характерахъ этихъ знатныхъ „сочинителей“. Итакъ, посмотрите, какая богатая литература: вотъ уже, ничего не видя, двадцать литераторовъ услаждаютъ нашъ вкусъ и зрѣніе своими произведеніями, своими портретами, и мы готовимся увидѣться еще съ восемьюдесятью лицами въ этомъ родѣ! Правда, изъ двадцати, представленныхъ публикѣ добродушнымъ усердіемъ Смирдина, шестерыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ, а нѣкоторые изъ умершихъ и изъ живыхъ совершенно неизвѣстны публикѣ своими литературными заслугами; но что до первыхъ, они умерли недавно, и изъ нихъ только Пушкинъ не дождался радости увидѣть себя рядомъ съ Рафаиломъ Михайловичемъ Зотовымъ; а что касается до вторыхъ, — если они не написали до сихъ поръ ничего порядочнаго и заслу-

живающаго хоть какого-нибудь вниманія со стороны публики къ ихъ портретамъ и факсимилѣмъ, то они еще напишутъ; слѣдовательно, это не важное обстоятельство... Разумѣется, тѣ изъ нихъ, которые умерли, не успѣвъ написать ничего такого, что могло бы дать имъ право на званіе литераторовъ и сдѣлать интересными ихъ портреты, какъ на примѣръ Веревкинъ, — ужъ ничего и не напишутъ; но въ этомъ виноваты не они, а ранняя смерть ихъ, не давшая времени развернуться ихъ талантамъ, которыхъ существованіе, вѣроятно не безъ основанія, предполагалось издателемъ — стариннымъ знатокомъ и цѣнителемъ талантовъ. Итакъ, двадцать уже представлены, а восемьдесятъ литераторовъ въ непродолжительномъ времени имѣютъ быть представлены россійской публикѣ — самой доброй, самой расположенной ко всему печатному (особенно съ картинками) изъ всѣхъ бывшихъ, существующихъ и будущихъ публикѣ. И это все живые съ небольшимъ только числомъ, и то недавно, такъ сказать, на дняхъ умершихъ литераторовъ; но тутъ нѣтъ и не будетъ ни Ломоносова, ни Сумарокова, ни Державина, ни Хераскова, ни Петрова, ни даже Батюшкова, Грибоѣдова, Веневитинова и другихъ, умершихъ ранѣе 1837 года. Такимъ образомъ, не считая ихъ, вотъ вамъ сто литераторовъ, нашихъ современниковъ, литераторовъ настоящаго времени, настоящаго мгновенія: какое богатство, какое обиліе! Это хоть бы Англии, хоть бы Франціи, хоть бы Германіи!.. „Да откуда же ихъ набралось столько? откуда возьмутъ другихъ?“ восклицаетъ пораженная недоумѣніемъ и радостью публика. Какъ откуда? — Вольно-жъ вамъ не знать русской литературы, не слѣдить за ея ходомъ, развитіемъ, успѣхами, не затвердить именъ ея неутомимыхъ дѣятелей, благородныхъ представителей... „Но, говорите вы, Пушкинъ уже былъ, Крыловъ тоже явился; слѣдовательно, остаются только Жуковский, Вяземскій, Одоевскій, Лажечниковъ, Гоголь, Лермонтовъ, да развѣ еще двое—трое, и всѣ тутъ“. Во-первыхъ, изъ всѣхъ этихъ, можетъ быть, вы ни одного и не увидите; мы не утверждаемъ этого навѣрное, но предполагаемъ не безъ основанія; во-вторыхъ, эти *всѣ* отнюдь не *всѣ*, и, кромѣ ихъ, можно легко набрать не только сто, но съ маленькой натяжкой и двѣсти. Вотъ нѣсколько знаменитыхъ именъ на выдержку, для примѣ-

ра: Воскресенскій, авторъ многихъ превосходныхъ романовъ, московскій Зотовъ; — Славинъ, что прежде былъ г. Протопоповъ и г. Пртрпрппррвъ — московскій Тальма, Кинъ, актёръ и сочинитель; — Межевичъ, нашъ русскій Жюль-Жаненъ; — Ленскій и Коровкинъ — достойные соперники Скриба; — Марковъ, удачный подражатель самой занимательной части романовъ Польде-Кока; — Оедотъ Кузмичевъ, извѣстный и знаменитый „авторъ природы“, какъ онъ самъ называетъ себя; — Навроцкій, извѣстный соперникъ Фонвизина и кандидатъ въ гении, какъ онъ самъ провозгласилъ себя; — Бахтуринъ, извѣстный лирикъ и драматургъ, второй въ Россіи послѣ Полевого; — Струйскій, онъ же и Трилунный, прославившій себя пьесами въ восточномъ духѣ, каковы: „Смертаиль“, „Одиниль“, стихоплетоиль и другіе „илы“; — Б. Ф(Θ)едоровъ, авторъ разныхъ азбукъ и нравоучительныхъ книжекъ для дѣтей, поэтъ съ сильнымъ воображеніемъ, хотя и съ полубогатыми виршами, прозаикъ образцовый, и прочіе, и прочіе, и прочіе — всѣхъ не перечесть на десяти страницахъ. А сколько издателей такихъ изданій, которыя хотя и наполняются только моральными статьями и бранью противъ толстыхъ журналовъ, въ чаяніи вызвать ихъ на неприличный бой съ собою и тѣмъ обратить на себя вниманіе публики, но которыхъ тѣмъ не менѣе все-таки никто не знаетъ и не читаетъ! Сколько сотрудниковъ въ этихъ неизвѣстныхъ изданіяхъ и полуизданіяхъ, которые съ большимъ талантомъ и краснорѣчіемъ пишутъ объ упадкѣ общественной нравственности и вкуса публики, основывая свое мнѣніе на томъ, что общество и публика не хочетъ читать ихъ нравственныхъ сочиненій, а восхищается Пушкинымъ и Лермонтовымъ! Нѣтъ, лишь стало бы охоты у Смирдина продолжать полезное предпріятіе и у публики читать его изданіе, — а то наберется и тысяча русскихъ литераторовъ, явятся имена, никогда не слыханныя и, кромѣ своихъ владѣльцевъ, никому неизвѣстныя... И такъ не опасайтесь, чтобъ дѣло кончилось только Зотовымъ, Масальскимъ, Веревкинымъ: много найдется на святой Руси подобныхъ имъ талантовъ. И потому будемъ надѣяться на Аполлона — да исполнить онъ ожиданія наши! А чтобъ онъ не томилъ насъ долгимъ ожиданіемъ, воспоемъ ему громкій пеанъ, да ужъ за

одно попросимъ его, чтобы въ третьемъ томѣ „Ста Русскихъ Литераторовъ“ не увидѣть Жуковского среди изчисленныхъ нами знаменитостей, какъ увидѣли мы Пушкина между Зотовымъ и другими, и Крылова между Масальскимъ, Каменскимъ, Веревкинымъ и пр.

Въ ожиданіи же слѣдующихъ томовъ „Ста Русскихъ Литераторовъ“, рассмотримъ второй. Одиннадцать произведеній десяти авторовъ, съ десятию портретами и факсиміями и десятию картинками; книга въ большую осьмушку, почти въ семьсотъ страницъ, — и послѣ этого будто еще могутъ оставаться сомнѣнія не только въ существованіи русской литературы, но и въ ея неисчерпаемомъ обиліи, богатствѣ и роскоши? Не можетъ быть!... Для большаго удостовѣренія, советуемъ нашимъ читателямъ не забывать, что альманахи — роскошь литературы и плодъ ея избытковъ, которыхъ такъ много, что ихъ некуда дѣвать, кромѣ альманаховъ; что, слѣдовательно, альманахи собираются легко, свободно, безъ натяжекъ и усилій, и что наконецъ они свидѣтельствуютъ о необычномъ количествѣ и качествѣ капитальныхъ и большихъ произведеній искусства и беллетристики, о необыкновенномъ числѣ и достоинствѣ журналовъ всѣхъ родовъ... Итакъ, честь и слава русской литературѣ, достойнымъ представителемъ которой такъ кстати явился альманахъ Смирдина!... Взглянемъ же попристальнѣе на эту драгоценную книгу...

Она начинается статьей покойнаго А. С. Шишкова: „Воспоминанія о моемъ пріятелѣ“. Эта статья — нѣчто вродѣ анекдотовъ, такъ бѣдныхъ содержаніемъ и такъ неловко рассказанныхъ, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности понять — въ чемъ тутъ дѣло и о чемъ рѣчь. По всему замѣтно, что статья писана сочинителемъ въ глубокой старости, и притомъ по внѣшнему, а не по внутреннему побужденію. Причина послѣдняго обстоятельства очевидна: издатель допускаетъ въ свой альманахъ только повѣсти и рассказы, и потому, если бы туда хотѣлъ попасть литераторъ, вѣкъ свой писавшій объ исторіи, математикѣ или корнесловіи, то непременно долженъ былъ бы что-нибудь рассказать, хоть свой сонъ, — нужды нѣтъ, если бы въ этомъ снѣ не было и никакого значенія. Къ статьѣ Шишкова приложена картинка, сдѣланная Брюло-

вымъ, — лучшая картинка во всемъ альманахѣ. Что до самой статьи, о ней можно сказать только, что въ ней авторъ остался вѣренъ самому себѣ и употребилъ только одно иностранное слово, и то въ скобкахъ, именно „попугай“, котораго онъ по-русски нарекъ „переклиткою“. Удивительное постоянство! Весь міръ перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ А. С. Шишковъ издалъ свое знаменитое „Разсужденіе о Старомъ и Новомъ Слогѣ Россійскаго языка“; самъ „россійскій“ языкъ прошелъ сквозь горнило талантовъ Карамзина, Крылова, Жуковского, Батюшкова, Пушкіна, Грибоѣдова и другихъ; сталъ совсѣмъ иной, — а Шишковъ остался одинъ и тотъ же, какъ египетская пирамида, безмолвный и холодный свидѣтель тысячеклѣтій, пролетѣвшихъ мимо его... Имя Шишкова имѣетъ полное право на свое, хотя небольшое, мѣстечко въ исторіи русской литературы, если только дѣйствительно существуетъ на свѣтѣ вещь, называемая русской литературой. Было время, когда весь пишущій и читающій людъ на Руси раздѣлялся на двѣ партіи: Шишковистовъ и Карамзинистовъ, такъ какъ впоследствии онъ раздѣлился на классиковъ и романтиковъ. Борьба была отчаянная: дрались не на животъ, а на смерть. Разумѣется, та и другая сторона была и права и виновата вмѣстѣ; но охранительная котерія довела свою односторонность до *non plus ultra*, а свое одушевленіе до неистоваго фанатизма, — и проиграла дѣло. Тутъ нѣтъ ничего мудренаго: она опиралась на мертвую ученость, неживленную идеей, на преданія старины и на авторитеты писателей безъ вкуса и таланта, но зато старинныхъ и заплѣсневѣлыхъ, тогда какъ на сторонѣ партіи движенія былъ духъ времени, жизненное развитіе и таланты. Шишковъ боролся съ Карамзинымъ: борьба неравная! Карамзина съ жадностью читало въ Россіи все, что только занималось чтеніемъ; Шишкова читали одни старики. Карамзинъ ссылался на авторитеты французской литературы; Шишковъ ссылался на авторитеты даже не Державина, не Фонвизина, не Крылова, не Озерова, а Симеона Полоцкаго, Кантемира, Поповскаго, Сумарокова, Ломоносова, Крашенинникова, Козицкаго, Хераскова и т. д. На сторонѣ Шишкова, изъ пишущихъ, не было почти никого; на сторонѣ Карамзина было все молодое и пишущее, и между многими

Макаровъ, человѣкъ умный, образованный, хорошій переводчикъ, хорошій прозаикъ, ловкій журналистъ. Правда, котерія движенія доходила до крайности, вводя въ русскій языкъ новыя, большей частью иностранныя слова и иностранные обороты; но какой же переворотъ совершался безъ крайностей, и не смѣшно ли не начинать благого дѣла, боясь какой-нибудь незначительной обмолвки? На что же были бы и врачи, еслибъ они не лечили больныхъ, боясь сдѣлать имъ лекарствами еще хуже. Подмѣтить ошибку въ дѣлѣ еще не значитъ — доказать неправоту самаго дѣла. Работаютъ люди, но совершаетъ время. Конечно теперь смѣшны слова: „викторія, сенсация, ондировать“ (волноваться) и тому подобныя; смѣшно писать „аддиція“ вмѣсто „сложеніе“, „субстракція“ вмѣсто „вычитаніе“, „мультипликація“ вмѣсто „умноженіе“, „дивизія“ вмѣсто „дѣленіе“, но вѣдь эти слова начали употребляться вмѣстѣ съ словами — „геній, энтузіазмъ, фанатизмъ, фантазія, поэзія, ода, лирика, эпопея, фигура, фраза, капитель, фронтонъ, линія, пунктъ, монотонія, меланхолія“, и съ безчисленнымъ множествомъ другихъ иностранныхъ словъ, теперь получившихъ въ русскомъ языкѣ полное право гражданства, и потому ни мало не смѣшныхъ, не странныхъ, не непонятныхъ. Люди безъ разбора вводили новыя слова, а время рѣшило — которымъ словамъ остаться въ употребленіи и укорениться въ языкѣ и которымъ исчезнуть; нововводители же не знали и не могли знать этого. Шишковъ не понималъ, что, кромѣ духа и постоянныхъ правилъ, у языка есть еще и прихоти, которымъ смѣшно противиться; онъ не понималъ, что употребленіе имѣетъ права совершенно равныя съ грамматикой и нерѣдко побѣждаетъ ее вопреки всякой разумной очевидности. У насъ есть слово „торговля“, вполне выражающее свою идею; но найдите хоть одного торговца, который бы не зналъ и не употреблялъ слово „коммерція“, хотя это слово по всей очевидности совершенно лишнее. Такимъ же точно образомъ можно найти много коренныхъ русскихъ словъ, прекрасно выражающихъ свою идею, но совершенно забытыхъ и дикихъ для употребленія. Напримѣръ, что можетъ быть лучше слова „иже“ — оно и коротко, и выразительно, а между тѣмъ мы замѣнили его

длиннымъ и неуклюжимъ словомъ „который“. Почему такъ?— Нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ! Почему можно сказать: „говоря рѣчь, дѣлая вещь“, а неловко сказать „вія шнурокъ, пія“ или „пья воду, тяня веревку“? Первоначальная причина введенія новыхъ словъ, взятыхъ изъ своего или чужого языка, есть всегда знакомство съ новыми понятіями; а разумѣется, что нѣтъ понятія — нѣтъ и слова для его выраженія; явилось понятіе — нужно и слово, въ которомъ бы оно выразилось. Намъ скажутъ, что явленіе идеи и слова современны, ибо ни слово безъ идеи, ни идея безъ слова родиться не могутъ. Оно такъ и бываетъ: но что же дѣлать, если писатель познакомился съ идеей черезъ иностранное слово? — Приискать въ своемъ языкѣ или составить соотвѣтствующее слово? — Такъ многіе и пытались дѣлать, но немногіе успѣвали въ этомъ. Слово „кругъ“ вошло и въ геометрію, какъ терминъ, но для „квадрата“ не нашлось русскаго слова, ибо хотя каждый квадратъ есть четвероугольникъ, но не всякій четвероугольникъ есть квадратъ: а замѣнить „хорду“ „веревкою“ никому, кажется, и въ голову не входило. Слово „мокроступы“ очень хорошо могло бы выразить понятіе, выражаемое совершенно безсмысленнымъ для насъ словомъ „галoши“; но не насильно же заставить цѣлый народъ вмѣсто галоши говорить мокроступы, если онъ этого не хочетъ! Для русскаго мужика слово „кучеръ“ — прерусское слово; а „возница“ такое же иностранное, какъ и „автомедонъ“. Для идеи „солдата“, „квартиры“ и „квитанціи“ даже и у мужиковъ нѣтъ болѣе понятныхъ и болѣе русскихъ словъ, какъ солдаты, квартира и квитанція. Что съ этимъ дѣлать? Да и слѣдуетъ ли жалѣть объ этомъ? Какое бы ни было слово, свое или чужое, лишь бы выражало заключенную въ немъ мысль, — и если чужое лучше выражаетъ ее, чѣмъ свое, давайте чужое, а свое несите въ кладовую стараго хлама. У насъ не было поэзіи, какъ понятія, существующаго не только непосредственно, но и въ сознаніи народа — и потому, когда это понятіе должно было ввести въ сознаніе народа, то должно было ввести въ русскій языкъ и греческое слово „поэзія“; но какъ живопись существовала у насъ, если не посредственно, то въ сознаніи народа, умѣвшаго въ ней нужду для

изображенія религиозныхъ предметовъ, то въ нашъ языкъ и не вошло иностраннаго слова для этого искусства, но осталось свое, даже съ нѣкоторыми терминами, какъ-то; черта, чертить, образъ, изображеніе, кисть, краски, тѣнь и пр. Хотя по-гречески „ода“ значить и пѣснь, но тѣмъ не менѣе между одою и пѣснью есть разница и потому слово „ода“ необходимо должно было войти въ нашъ языкъ.

Каждый народъ, занимая страну, болѣе или менѣе особную отъ другихъ и, слѣдовательно, непохожую на другія, выражаетъ своимъ существованіемъ свою идею, которой не выражаетъ уже никакой другой народъ. Вслѣдствіе этого каждый народъ дѣлаетъ свои, только ему принадлежащія завоеванія и приобрѣтенія въ области духа и знанія, и создаетъ языкъ и терминологию для своихъ духовныхъ стяжаній. Вотъ почему [каждый народъ, въ смыслѣ „націи“ (ибо не всякій народъ есть нація, но только тотъ, котораго исторія есть развивающая идея), владѣетъ извѣстнымъ количествомъ словъ, терминовъ, даже оборотовъ, которыхъ нѣтъ и не можетъ быть ни у какого другого народа. Но какъ всѣ народы суть члены одного великаго семейства — человѣчества, и какъ, слѣдовательно, все частное каждаго народа есть общее человечества, то и необходимъ между народами размѣнъ понятій, а слѣдовательно и словъ. Вотъ почему греческія слова: „позія, поэтъ, фантазія, эпосъ, лира, драма, трагедія, комедія, сатира, ода, элегія, метафора, тропъ, логика, риторика, идея, философія, исторія, геометрія, физика, математика, герой, аристократія, демократія, олигархія, анархія“, и безчисленное множество другихъ словъ вошло во всѣ европейскіе языки, точно такъ же, какъ арабскія — „алгебра, альманахъ“, и вообще восточныя, означающія названія драгоценныхъ камней; латинскія: „республика, юриспруденція, штатъ, (status), цивилизація, армія, корпусъ, легіонъ, рота, императоръ, диктаторъ, цензоръ, цензура, консулъ, префектъ, префектура“, и вообще всѣ термины науки права и судопроизводства. Поэтому же самому и русское слово „степь“, означающее ровное, безводное и пустое пространство земли, вошло въ европейскіе языки. Мысль Шишкова была та, что если ужъ нельзя обойтись безъ новаго слова (а онъ питалъ сильную

антипатію къ новымъ словамъ), то должно не брать его изъ чужого языка, но составить свое сообразно съ духомъ языка или отыскать старинное, обветшалое, близкое по значенію къ тому иностранному, въ которомъ предстоитъ нужда. Мысль прекрасная но рѣшительно невыполнимая и потому никуда негодная! Правда, иныя слова удобно переводятся или замѣняются своими, какъ то было и у насъ; но большей частью переведенныя или составленныя слова уступаютъ мѣсто оригинальнымъ, какъ „землемѣріе“ уступило мѣсто „геометріи“, „любомудріе“ — „философіи“; или остаются вмѣстѣ съ оригинальными, какъ слова: „стихосложеніе“ и „версификація“, „мореплаваніе“ и „навигация“, „лѣтосчисленіе“ и „Хронологія“; или, удерживаясь вмѣстѣ съ оригинальными, заключаютъ нѣкоторый оттѣнокъ въ выраженіи при одинаковомъ значеніи, какъ слова: „народность“ и „національность“, „личность“ и „индивидуальность“, „природа“ и „натура“ *), „нравъ“ и „характеръ“ и пр. Вообще идеѣ какъ-то просторнѣе въ томъ словѣ, въ которомъ она родилась, въ которомъ она сказала въ первый разъ; она какъ-то сливается и срастается съ нимъ, и потому выразившее ее слово дѣлается слитнымъ, сросшимся (конкретнымъ, говоря философскимъ терминомъ) и становится не переводимымъ. Переведите слово „кахетизисъ“ — „оглашеніемъ“, „монополію“ — „единоторжіемъ“, „фигуру“ — „извитіемъ“, „періодъ“ — „кругомъ“, „акцію“ — „дѣйствіемъ“ — и выйдетъ нелѣпость. Кромѣ того, какъ мы уже говорили, тутъ большую роль играетъ упрямство, капризъ употребленія. Выраженіе: „имѣть на что или на кого-нибудь вліяніе“, составлено явно противъ духа и всѣхъ правилъ языка; а между тѣмъ оно вполнѣ выражаетъ свою идею, и замѣнить его „наитіемъ“ — значило бы понятное для каждого русскаго выраженіе замѣнить непонятнымъ и бессмысленнымъ.

Нельзя безъ улыбки состраданія, а иногда и просто безъ

*) Хотя *природа* и *натура* значать и одно и то же, но въ употребленіи иногда не могутъ замѣнять другъ друга; можно сказать: *это очень натурально*, но нельзя сказать: *это очень природно*; нельзя сказать: *такова природа этого человека*, но говорится *такова натура этого человека*.

смѣху, читать нападки почтеннаго защитника старины на Карамзина. Долго было бы выписывать разборъ Шишкова статьи Карамзина „Отчего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?“ Мысль Карамзина, что намъ нуженъ языкъ, которымъ могло бы объясняться образованное общество и дамы, — эта мысль казалась для Шишкова чуть не богохульствомъ. Чтобъ понять фанатизмъ старовѣрства, всю его нелѣпость и бесплодность, надобно видѣть, какъ глумится нашъ рыцарь старопечатныхъ книгъ надъ фразой Карамзина: „Когда путешествіе сдѣлалось потребностью души моей!“ Онъ находитъ ее противною духу языка, грамматикѣ и логикѣ, и отъ чистаго сердца утверждаетъ, что ее можно замѣнить фразою: „Когда я любилъ путешествовать“, думая, что она выражаетъ точь въ точь то же самое, только лучше и болѣе по-русски. Удивительно ли послѣ этого, что Шишковъ, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могъ произвести никакой реакціи реформѣ Карамзина, и что всѣ его усилія погибли втунѣ, не принеши плода? А между тѣмъ онъ могъ бы оказать большую пользу русской стилистикѣ и лексикографіи, ибо нельзя не удивляться его начитанности въ церковныхъ книгахъ и знанію силы и значенія коренныхъ русскихъ словъ. Но для этого ему слѣдовало бы, во первыхъ, ограничиться только стилистикой и словопроизводствомъ, не пускаясь въ толки о краснорѣчій и поэзіи, которыхъ онъ рѣшительно не понималъ; а во-вторыхъ ему не слѣдовало бы доводить свою любовь къ таринѣ и ненависть къ новизнѣ до фанатизма, который былъ причиною, что его никто не слушалъ и не слушался, но всѣ только смѣялись надъ тѣми даже замѣчаніями, которыя были вѣрны. Поставъ онъ себѣ цѣлью не остановить реформу, но дать ей прочныя основанія чрезъ знаніе духа и историческаго развитія славяно-церковнаго языка, ввести ее въ должныя предѣлы, — повторяемъ, что его труды не пропали бы отце, но принесли бы большую пользу языку и молодымъ писателямъ его времени. Но онъ вышелъ изъ своей роли и вместо бросалъ то оружіе, которое въ его рукахъ могло быть остро, и крѣпко, и брался за то, которымъ не дано ему было владѣть. Главная его ошибка состояла въ томъ, что онъ заботился о литературѣ вообще, тогда какъ ему должно

было заботиться только о языкѣ, какъ матеріалѣ литературы. Онъ не понималъ, что славянскія и вообще старинныя книги могутъ быть предметомъ изученія, но отнюдь не наслажденія, что ими могутъ заниматься только ученые, а не общество. Онъ думалъ, что дамы — не люди, и что для нихъ не нужно своей литературы. Ломоносовъ былъ для него высшій идеалъ поэта и оратора, стихотворца и прозаика; Кантемиръ и Сумароковъ, истинные поэты. О послѣднемъ онъ такъ отзывался: „хотя изъ многихъ мѣстъ можно бы было показать, что Сумароковъ не довольно упражнялся въ чтеніи славянскихъ книгъ, и потому не могъ быть силенъ въ языкѣ, однакожъ онъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ есть одинъ изъ превосходнѣйшихъ стихотворцевъ и трагиковъ, каковыхъ и во Франціи не много было („соч. А. Шишкова“, т. II, стр. 124). Въ одномъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что, „дабы имѣть право поправлять въ языкѣ Ломоносова, надлежитъ напередъ сочиненіями своими показать, что я столько же силенъ въ немъ, сколько и онъ былъ, иначе сбудется пословица: „яицы курицу учать“ (т. II, стр. 377); а въ другомъ мѣстѣ находитъ трагедіи Ломоносова высокопарными и отдаетъ передъ ними преимущество трагедіямъ Сумарокова. Это такъ забавно, что нельзя не выписать. Вотъ монологъ какой-то татарской царевны изъ трагедіи Ломоносова:

Насталъ ужасный день, и солнце, на восходѣ
Кровавы пропустивъ свозъ паръ густой лучи,
Даетъ печальный знакъ къ военной непогодѣ;
Любезна тишина минула въ сей ночи,
Отецъ мой воинства готовится къ отпору,
И на стѣнахъ, стоять уже вчера велѣлъ.
Селимъ полки свои возвелъ на ближню гору,
Чтобъ прямо устремить на городъ тучу стрѣлъ.
На гору какъ орелъ всходя онъ возносился,
Который съ высоты на агнца хочетъ пасть;
И быстрый конь подъ нимъ какъ бурный вихрь крутился:
Селимово казалъ проворство тѣмъ и власть.

Шишковъ восклицаетъ, выписавъ этотъ удивительный монологъ:

„Стихи сіи гладки, чисты, громки; но свойственны ли они устами любовницы? Слыша ее звучащу такимъ величавымъ слогомъ, не паче ли

она воображается намъ Гомеромъ или Демосееномъ, нежели молодую, страстную царевною?"

Затѣмъ нашъ критикъ выписываетъ, для сравненія, монологи изъ Сумарокова. Мы ограничимся послѣднимъ; Хоревъ глаголетъ своей полюбовницѣ, Оснелѣдѣ:

Когда я въ бѣдственныхъ лютѣйшихъ дня часахъ
Кажуся тигромъ быть въ возлюбленныхъ очахъ,
Такъ вѣдай, что во градъ меня съ кровава бою
Внесутъ и мертваго положить предъ тобою:
Не извлеку меча, хотя иду на брань,
И раздѣлю живогъ тебѣ (!) и долгу въ дань.

„Читая сіи стихи (воскликаетъ критикъ), сердце мое наполняется состраданіемъ и жалостію къ состоянію сего любовника. Я не научусь у него ни громкости слога, ни высоты мыслей; но научусь любить и чувствовать,“ (*Г. II, стр. 124—127*).

Вотъ истинно тонкая критика! Да, съ такимъ взглядомъ на искусство и литературу трудно или, лучше сказать, безплодно было противоборствовать реформѣ Карамзина: бой былъ слишкомъ неравный! Очень забавно видѣть, какъ нашъ критикъ восхищается плоскими и грубыми эклогами и притчами Сумарокова; какъ онъ приводитъ, въ образецъ красоты, вирши Симеона Полоцкаго. Чтобъ показать, какова, по мнѣнію Шишкова, должна быть изящная проза, выпишемъ нѣсколько строкъ изъ его перевода „Освобожденнаго Іерусалима“ Тасса:

„Тамъ въ несмѣтномъ числѣ представляются взорамъ смердящія гарпіи и пентавры, и сфинксы, и блѣдныя горгоны; тамъ тьмами усть лають прожорливыя, скилы, и свистятъ гидры, и шипятъ пифоны; тамъ химеры, черный пламень рыгающія, и Полифемы и Геріоны ужасныя и новыя, нигдѣ невиданныя и неслыханныя чудовища, изъ разныхъ видовъ въ единѣ смѣшанныя и сліянные...“

И Шишковъ умеръ съ мыслью, что славянскій языкъ краше паче всѣмъ языковъ; что иностранныя слова сгубили красоту русскаго слога: что Сумароковъ былъ великій пѣта и что онъ самъ былъ хранителемъ и стражемъ русскаго языка и словесности, хотя и тотъ, и другая шли своимъ путемъ мимо своего хранителя и стража, даже и не зная о его существованіи...

И между тѣмъ изъ 17 огромныхъ томовъ сочиненій Шишкова можно извлечь больше 17 страницъ дѣльныхъ и полез-

ныхъ мыслей о словопроизводствѣ, корнесловіи, силѣ и значеніи многихъ словъ въ русскомъ языкѣ. Это былъ бы огромный, тяжелый, но не бесполезный трудъ...

Зѣ статьей покойнаго Шишкова слѣдуетъ басня Крылова „Кукушка и Пѣтухъ“. Говорить о заслугахъ и значеніи Крылова въ русской поэзіи и литературѣ почитаемъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что наше мнѣніе о великомъ русскомъ баснописцѣ извѣстно. Что до новой басни — пусть судятъ о ней сами читатели. Къ баснѣ Крылова приложена хорошенькая картинка Дезарнѣ; на ней изображены три человѣческія фигуры въ библіотекѣ: одна — съ головою пѣтуха, другая — съ головою кукушки, третья — съ головою воробья; двѣ изъ нихъ тоненькія и съ очками на носу; а третья толстая и безъ очковъ, ротъ ея разинутъ по-пѣтушьи и, кажется, слышно, какъ деретъ она свое пѣтушье горло.

За басней Крылова слѣдуютъ повѣсти Загоскина и Булгарина. Намъ кажется, что не случай, а сама судьба помѣстила рядомъ повѣсти этихъ знаменитыхъ романистовъ, — и въ этомъ распоряженіи мы видимъ глубокое и таинственное значеніе. Постараемся раскрыть его.

Мы не безъ намѣренія распространились о литературномъ поприщѣ покойнаго Шишкова: мы смотримъ на книгу „Сто Литераторовъ“ какъ на вывѣску русской литературы, заключающую въ себѣ статьи и портреты только представителей русской литературы. Слѣдовательно, цѣль и обязанность нашей статьи состоитъ въ томъ, чтобы показать, почему Смирдинъ почитаетъ того или другого писателя представителемъ русской литературы. Литературная смѣтливость и критическій тактъ издателя такъ тонки и вѣрны, что мы разборомъ его книги смѣло надѣемся сдѣлать нашу статью занимательной. Поэтому бросимъ взглядъ на литературное поприще Загоскина и Булгарина.

Не безъ основанія сказали мы, что Загоскинъ и Булгаринъ явились рядышкомъ, и что это случилось не по произволу Смирдина, но по многознаменательному преднамѣренію судьбы; Смирдинъ сдѣлался здѣсь, впрочемъ совершенно безсознательно, истолкователемъ таинственной и непреложной воли судьбы. Объяснимся.

Въ литературной судьбѣ Загоскина и Булгарина очень много общаго. Просимъ не забывать, что мы это сходство видимъ только въ литературномъ поприщѣ обоихъ этихъ писателей, а не въ чемъ-нибудь другомъ, и подъ „литературой“ разумѣемъ только книгу, а не то, для чего и какъ сочинена или пущена она въ свѣтъ. Во всемъ нелитературномъ мы не видимъ ни малѣйшаго сходства между Загоскинымъ и Булгаринымъ, какъ между бѣлымъ и чернымъ, майскимъ днемъ и октябрьской ночью. Но зато въ направленіи и дѣятельности ихъ талантовъ какое сходство! Во-первыхъ, литературное направленіе Загоскина чисто моральное и нравственно-сатирическое; Загоскинъ никогда не забывалъ благородной обязанности писателя — забавлять поучая, поучать забавляя, наставлять осмѣивая пороки и осмѣивать пороки наставляя. Литературное поприще Булгарина тоже чисто-исправительное и эпитетъ „нравственно-сатирическій“ столько же сросся съ именемъ Булгарина, сколько „божественный“ съ именемъ Гомера и титулъ „царь поэтовъ“ съ именемъ Шекспира. — Правда, первые труды Загоскина были комедіи, а не нравственно-сатирическія статьи, какъ у Булгарина; но, во-первыхъ здѣсь разница только въ формѣ, а не въ дѣлѣ, не въ цѣли, не въ талантѣ и не въ достоинствѣ; во-вторыхъ, нѣсколько нравоучительныхъ статей было напечатано и Загоскинымъ. — Булгаринъ прославилъ Архипа Оадѣича и Выжигина; Загоскинъ прославилъ Богатоннова и Доброго Малаго. — Не оставляя нравоописательныхъ и нравственно-сатирическихъ статей, Булгаринъ принялся за романъ и, послѣ Нарѣжнаго, дѣйствительно первый написалъ русскій, хоть по названію и по именамъ дѣйствующихъ лицъ, романъ. Не оставляя комедіи, Загоскинъ написалъ первый русскій историческій романъ. „Иванъ Выжигинъ“ и Юрій Милославскій“ возбудили въ публикѣ, какъ говорится, фуроръ и подняли своихъ авторовъ на вершину извѣстности, славы и даже доставили имъ большія вещественныя выгоды. Обстоятельство очень сходное! Пріятели Булгарина превознесли его романъ до седьмого неба; непріятели ставили его ниже извѣстнаго романа „Похожденія Совѣстдрала Большого Носа“; пріятели Загоскина объявили его романъ геніальнымъ созданіемъ; зато Булгаринъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ по-

ставилъ его ниже даже своихъ собственныхъ романовъ. Опять сходство! Разница состояла только въ томъ, что при равномъ художественномъ достоинствѣ романъ Булгарина отличался отсутствіемъ вѣроятности, естественности, теплоты, былъ холодно-исправителенъ, ледяно-безпоощаенъ къ своимъ героямъ, которые всѣ окончили свои похождения—кто въ собачьей канурѣ, кто на висѣлицѣ, кто въ ссылкѣ; романъ же Загоскина при отсутствіи идеи, при поверхности взгляда на жизнь отличался какой-то задушевной теплотой, какимъ-то добродушіемъ, которыя сначала приняты были публикой за силу, глубину и обширность таланта. Разница, очевидно происшедшая не отъ литературныхъ причинъ, почему мы ихъ и оставляемъ безъ объясненія. Впрочемъ Загоскинъ и въ „Юрій Милославскомъ“, лучшемъ своемъ произведеніи, остался вѣренъ своему моральному направленію, почему теперь его съ большой пользой могутъ читать дѣти. Кстати, опять разница: „Юрій Милославскій“ пережилъ „Ивана Выжигина“; онъ до сихъ-поръ еще годится для дѣтей и простого народа, тогда какъ „Выжигинъ“ ужъ ни для кого не годится, и не читается даже простымъ народомъ, хотя и дешево продается на Апраксинскомъ дворѣ вмѣстѣ съ „Россіей“ того же автора. „Дмитрій Самозванецъ“ Булгарина былъ неудачной попыткой выйти изъ нравственно-сатирической и нраво-описательной сферы; сначала романъ возбудилъ своимъ заглавіемъ вниманіе публики, но по прочтеніи былъ тотчасъ же забытъ ею. Родился онъ довольно шумливо, благодаря журнальнымъ пріятелямъ и непріятелямъ Булгарина, но скончался вмалѣ, и житія его было безъ малаго годъ. Въ сочиненіяхъ Загоскина не находимъ параллели съ „Дмитріемъ Самозванцемъ“ Булгарина; но прерванное этимъ романомъ сходство тотчасъ же возобновляется „Рославлевымъ“, который дѣлаетъ собою параллель „Петру Выжигину“, ибо „Рославлевъ“ точно такъ же относится къ „Юрію Милославскому“, какъ „Петръ Выжигинъ“ относится къ „Ивану Выжигину“: „Петръ Выжигинъ“ есть повтореніе „Ивана Выжигина“, „Рославлевъ“ есть повтореніе „Юрія Милославскаго“. О томъ и другомъ романѣ обоихъ романистовъ можно сказать: старыя погудки на новый ладъ! Сходство между ими увеличивается и содержаніемъ: великая

война 1812 г. съ равнымъ успѣхомъ представлена въ каррикатурѣ обоими сочинителями. Но въ судьбѣ романовъ есть разница; въ томъ и другомъ романѣ трудно рѣшить, кто забавнѣе, смѣшнѣе и ничтожнѣе: герой или Наполеонъ. „Петръ Выжигинъ“ былъ уже третьимъ романомъ Булгарина, котораго романическая слава была уже подорвана вторымъ его романомъ „Дмитрій Самозванецъ“, жестоко обманувшимъ блестящія надежды публики; а „Рославлевъ“ былъ вторымъ романомъ слѣдовательно „Дмитріемъ Самозванцемъ“ Загоскина; подавъ великія надежды до своего появленія, онъ уничтожилъ ихъ своимъ появленіемъ. Отсюда сходство литературной участи обоихъ романистовъ нѣсколько нарушается: Булгаринъ написалъ четвертый романъ „Мазепу“, который былъ слабѣе и ничтожнѣе первыхъ трехъ; но въ это время Булгарина поддержала „Библіотека для Чтенія“, въ свою очередь обязанная своимъ успѣхомъ краснорѣчивымъ объявленіямъ Булгарина въ „Сѣверной Пчелѣ“. Статья „Библіотеки для Чтенія“ была ловка: съ ожесточеніемъ нападая на неистовство юной французской литературы, рецензентъ дѣлаетъ намеки, что „Мазепа“ Булгарина очень нечуждъ этого недостатка, для чего выписываетъ изъ него описаніе пытки. Цѣль пріятельской статейки была вполнѣ достигнута: если романъ никѣмъ не былъ похваленъ, зато многими былъ купленъ. — Загоскинъ издалъ третій свой романъ „Аскольдову Могилу“, котораго даже и пріятели автора не хвалили, и враги не бранили, и публика не читала. Въ это время у обоихъ романистовъ явился опасный соперникъ — Гречъ, котораго „Черная Женщина“, благодаря еще болѣе ловкой статьѣ „Библіотеки для Чтенія“, пошла шибко, какъ выражаются наши книгопродавцы. Сверхъ того романическая слава Булгарина еще прежде была сильно поколеблена болѣе опаснымъ, чѣмъ Гречъ, соперникомъ: мы разумѣемъ покойнаго А. А. Орлова, до безконечности размножившаго поколѣніе Выжигиныхъ. Булгаринъ уже сознавалъ свое паденіе, и „Записки Чухина“ были его послѣдней попыткой на романъ; онъ тихо и незамѣтно прошли на Апраксинъ дворъ и въ мѣшки букинистовъ — иначе ходебщиковъ или воряговъ. Тогда Булгаринъ, подобно Вальтеръ-Скотту, принялся за исторію. Всѣмъ извѣстенъ блестя-

щій успѣхъ его „Россіи“; если же кто не знаетъ о немъ, тому совѣтуемъ справиться на Щукиномъ дворѣ. Но истинный гений всегда найдется; обманываясь большую половину жизни въ своемъ призваніи, онъ сознаётъ его хоть въ старости; Булгаринъ теперь понялъ, что нашъ вѣкъ не поэтический и не романический, а гастрономическій, и что онъ, Булгаринъ, не поэтъ, не романистъ, не историкъ даже, а экономъ—понялъ, и принялся за изданіе повареннаго листка, который, говорятъ, „пошелъ шибко“, по крайней мѣрѣ шибче всѣхъ нашихъ моральныхъ журналовъ, начиная отъ того, который утверждаетъ, что желѣзныя дороги ведутъ прямо въ адъ, до того, который провозгласилъ Пушкина и Лермонтова искуителями и врагами человѣческаго рода.—Загоскинъ остался вѣренъ своему романическому призванію, и только разъ измѣнилъ ему, написавъ комедію „Недовольные“, въ которой съ большимъ успѣхомъ изобразилъ нравы русскаго общества временъ „Богатоновыхъ“ и „Добрыхъ малыхъ“ и въ которой очень зло осмѣялъ глупое обыкновеніе пользоваться водами, заставивъ героиню комедіи сказать о водопійцахъ: „Ну, батюшки, пошли на водопой!“ Комедія имѣла блестящій успѣхъ, хотя дана всего два раза: сперва въ бенефисъ артиста, а послѣ для повторенія (кажется, такъ?). Потомъ или, можетъ-быть, немного прежде Загоскинъ передѣлалъ свой неудавшійся романъ „Аскольдову Могилу“ въ либретто оперы, на которое Верстовскій написалъ музыку, особенно любимую московскимъ простанородьемъ. Затѣмъ послѣдовали два романа: „Искуитель“ и „Тоска по Родинѣ“; изъ нихъ послѣдній опять передѣланъ Загоскинымъ въ либретто, на которое Верстовскій опять написалъ музыку, не понравившуюся ни порядочному обществу въ Москвѣ, ни простонародью, хотя герой оперы и свой братъ простонародью, и „откалываетъ такія штуки, что умурушка да и только“. О самыхъ романахъ мы не говоримъ: *de mortuis aut bene, aut nihil*. Что же касается до вѣрности параллели, которую проводимъ мы между обоими романистами со стороны литературной ихъ участи, — она очевидна: „Искуитель“ и „Тоска по Родинѣ“ были для Загоскина „Записками Чухина“, т. е. девятымъ валомъ для его славы, какъ романиста. Но сходство

и этимъ не оканчивается: Булгаринъ прежде сочинялъ свои романы все въ четырехъ частяхъ, а послѣ „Петра Выжигина“ сталъ сочинять уже только въ двухъ частяхъ, и его двухчастные романы стали походить на повѣсти, впрочемъ довольно плотно сбитыя. Загоскинъ издалъ первый романъ свой въ трехъ частяхъ, хотя и маленькихъ; второй составилъ въ четырехъ побольше; третій—опять въ трехъ, но уже большихъ частяхъ, которыя въ чтеніи могутъ показаться за двѣнадцать; послѣ же „Аскольдовой Могилы“ онъ сталъ сочинять романы уже только въ двухъ частяхъ, и его двухчастные романы стали походить на повѣсти, разгонисто, съ большими пробѣлами напечатанныя. И это было не даромъ: оба романиста, поддаваясь духу времени, очевидно начали сбиваться на повѣсть. И въ самомъ дѣлѣ, въ журналахъ и альманахахъ начали появляться ихъ повѣсти, какъ-то: „Похожденія Квартальнаго Надзирателя“, „Кузьма Рощинъ“, „Три жениха“ и пр. Наконецъ оба они явились съ повѣстями въ толстомъ альманахѣ Смирдина, словно Ока и Кама, слившіяся въ Волгѣ.

Но прежде, нежели будемъ говорить объ этихъ двухъ повѣстяхъ должно дополнить нашу параллель, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ требуетъ добросовѣстность, показать и несходства, чтобъ параллель не вышла натянутой. Говоря объ „Иванѣ Выжигинѣ“ и „Юріи Милославскомъ“, мы только слегка упомянули о похвалахъ и порицаніяхъ, которыми былъ встрѣченъ тотъ и другой романъ,—а это преинтересная исторія, особенно въ отношеніи къ „Ивану Выжигину“. Что касается до „Юрія Милославскаго“, онъ былъ принятъ съ общими и безусловными похвалами, которыя были преувеличены, но которыхъ частью романъ былъ и достоинъ, ибо въ немъ есть оригинальность, свѣжесть, теплота и даже нѣкоторая степень таланта. Брань встрѣтилъ „Юрій Милославскій“ только въ въ „Сѣверной Пчелѣ“; но это потому, что въ „Сѣверной Пчелѣ“ постоянно преслѣдовались всѣ романы, не Булгаринымъ и Гречемъ сочиненные, исключеніе оставалось только за плохонькими, неопасными для романической монополіи, и еще за „Фантастическими Путешествіями“ барона Брамбеуса, который былъ самъ акціонеромъ въ монополіи. Что же ка-

сается до „Выжигина“, то едва ли какая-нибудь книга удостоивалась такихъ похвалъ отъ „Сѣверной Пчелы“ и такихъ нападокъ со стороны всѣхъ другихъ изданій. Особенно примѣчательно, что „Выжигина“ съ ожесточеніемъ преслѣдовали даже тѣ изданія и люди, которые потомъ съ восторгомъ превозносили его, какъ-то: „Московский Телеграфъ“, расхваливавшій его по заключеніи мира съ „Пчелою“, передъ выходомъ перваго тома доселѣ еще неоконченной „Истории Русскаго народа“; Сомовъ, имѣвшій странное обыкновеніе передаваться отъ одной литературной партіи къ другой, — и наконецъ въ наши дни одинъ фельетонистъ, нѣкто Л. Л., писавшій противъ Булгарина въ четырехъ изданіяхъ — въ „Телескопѣ“, „Молвѣ“, „Галатѣ“ и еще недавно въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду“, — а теперь прославляющій Булгарина, сдѣлавшись фельетонистомъ „Пчелы“. Но Булгаринъ, какъ истинный талантъ, имѣлъ и имѣетъ такихъ враговъ, которые неизмѣнны отъ колыбели до гроба въ своей къ нему зависти. Вотъ какъ одинъ изъ нихъ характеризовалъ нѣкогда его „Ивана Выжигина“.

„Менѣ таланта, но болѣе литературной опытности, языкъ болѣе гладкій, хотя безцвѣтный и вялый, находимъ мы въ „Выжигинѣ“, нравственно-сатирическомъ романѣ Булгарина. Пустота, безвкусіе, бездушность; нравственныя сентенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣрность описаній, приторность шутокъ, вотъ качества этого сочиненія, — качества, которые составляютъ его достоинство, ибо они дѣлаютъ его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая отъ азбуки приступаетъ къ повѣстямъ и путешествіямъ. Что есть люди, которые читаютъ Выжигина съ удовольствіемъ и слѣдовательно съ пользою, это доказывается тѣмъ, что Выжигинъ расходится. Но гдѣ же эти люди? спросятъ меня. Мы не видимъ ихъ, точно такъ же, какъ и тѣхъ, которые наслаждаются *сонникомъ* и книгою *о клопахъ*; но они есть, ибо и *сонникъ*, и *Выжигинъ* и *о клопахъ* раскупаются во всѣхъ лавкахъ“. („Девница“, изд. М. Максимовичемъ, 1830 года, „Обозрѣніе Русской Словесности“ 1829 года, стр. LXXIII, LXXIV).

Мы, съ своей стороны, не скажемъ, чтобъ были совершенно согласны съ такимъ жестокимъ приговоромъ, явно внушеннымъ завистью къ великому таланту сочинителя „Выжигина“. Правда, дѣйствующія лица въ этомъ романѣ, если читатели не забыли его, не суть живые образы или дѣйствительные характеры, но аллегорическія олицетворенія пороковъ, слабо-

стей и мнимыхъ добродѣтелей; моральныя мысли довольно обыкновенны и похожи на потертую ходячую монету, которой не принимаютъ за настоящую цѣну, или вовсе не берутъ по сомнительной ея цѣнности; но слогъ, хотя лишень движенія, жизни и цвѣта, однакожъ гладокъ, грамматически правиленъ. Это важное обстоятельство, потому что въ тѣ времена (увы! уже давно прошедшія), какъ и теперь, русскіе писатели, даже пользовавшіеся извѣстностью, не отличались въ родномъ языкѣ такой чистотой и правильностью, какъ Булгаринъ въ языкѣ ему чуждомъ. Сверхъ того, кому бы ни нравился тогда романъ Булгарина, но онъ пріучалъ къ грамотѣ и возбуждалъ охоту къ чтенію въ такой части общества, которая безъ него еще, можетъ-быть, долго бы пробавлялась „Милордомъ Англинскимъ“, „Похожденіями Совѣст-драла Большого Носа“, „Гуакомъ или Непокколебимой Вѣрностью“ и тому подобными произведеніями фризовой фантазіи. Слѣдовательно, заслуга „Ивана Выжигина“ Булгарина несомнѣнна, и намъ тѣмъ пріятнѣе признать ее публично и печатно, что почтенный этотъ сочинитель не разъ обвинялъ насъ въ зависти къ его таланту. Достоинство произведенія Булгарина доказывается еще и необыкновеннымъ успѣхомъ, а всякій успѣхъ есть доказательство какого-нибудь, даже хоть отрицательнаго, достоинства. Толпа увлекается или чѣмъ-нибудь истинно великимъ, что никогда не теряетъ своей цѣны, что неизмѣримо выше ея, или чѣмъ-нибудь такимъ, что совершенно по плечу ей, что вполне удовлетворяетъ ея неза-тѣйливыя потребности. Въ первомъ случаѣ она увлекается мнѣніемъ людей, которые выше ея цѣлой головой, которые, безъ ея и даже безъ собственнаго вѣдома и сознанія, непосредственно управляютъ ею силой своего превосходства; такъ увлеклась она Пушкинымъ и съ жадностью раскупала его созданія. Во второмъ случаѣ толпа руководствуется сама собою, ибо и она тоже претендуетъ на самостоятельность и крѣпко отстаиваетъ свои права отъ умныхъ людей, невольно увлекаясь превосходствомъ надъ нею тѣхъ сочинителей, которые удовлетворяютъ ея вкусу и потребностямъ. Тогда-то видите вы, какъ расходится тысячами экземпляровъ иное довольно дюжинное произведеніе. Но есть разница въ обоихъ

этихъ случаяхъ: успѣхъ перваго рода бываетъ проченъ и всегда продолжителенъ, если не всегда вѣченъ; успѣхъ второго рода всегда бываетъ минутный, эфемерный, и, начинаясь магазиномъ Смирдина, оканчивается Апраксинымъ дворомъ.

Итакъ, „Иванъ Выжигинъ“, получивъ успѣхъ равный съ „Юріемъ Милославскимъ“, испыталъ нѣсколько различную отъ „Юрія Милославскаго“ судьбу въ отзывахъ журналистовъ; но конецъ ихъ одинъ и тотъ же: они мирно встрѣтились и дружелюбно сошлись тамъ, гдѣ книги оставляютъ свою аристократическую гордость и продаются, промѣниваются вмѣстѣ съ плебеями литературнаго міра. *Sic transit gloria mundi!* Примѣръ грустно-поучительный!..

Но есть еще сходство между Булгаринымъ и Загоскинымъ, какъ писателями. Оба они отличаются однимъ достохвальнымъ направлениемъ, оба имѣютъ одну почтенную цѣль—исправлять пороки и недостатки общества сатирой и моралью. Каждое произведеніе этихъ авторовъ есть не что иное, какъ развитіе какой-нибудь моральной сентенціи—у Булгарина въ формѣ юмористической статейки, повѣсти и романа, у Загоскина—въ формѣ комедіи, діалога и также повѣсти и романа. Сверхъ того оба они равно пламенные патріоты, оба любятъ до безумія все русское. Но любовь ихъ различна. У Булгарина она выражается преимущественно въ увѣреніяхъ въ любви, въ анафемахъ противъ равнодушныхъ ко всему русскому, въ громкихъ, хотя не совсѣмъ увлекательныхъ провозглашеніяхъ о его драгомъ отечествѣ (т. е. Россіи). Притомъ Булгаринъ часто противорѣчитъ себѣ въ своей любви ко всему русскому, ибо зло критикуетъ въ „своей литературѣ“ почти все русское: злодѣевъ и чудаковъ представляетъ—черезъ-чуръ увлекаяся чувствомъ благороднаго негодованія—такими гнусными и такъ непохожими на дѣйствительно-возможныхъ, что читать нельзя; а добродѣтельныхъ—такими холодными и безцвѣтными, такъ неправдоподобно, что ихъ нисколько не любишь и существованію ихъ нисколько не вѣришь.—Загоскинъ, напротивъ, искреннѣе въ своей любви ко всему русскому, которое онъ часто смѣшиваетъ съ просто-народнымъ. Злодѣи Загоскина всегда неестественны и гадки, по причинѣ излишней густоты красокъ, происходящей отъ

энергическаго негодованія противъ всего злодѣйскаго; добродѣтельные и здравомыслящіе его—тоже довольно ничтожны, безцвѣтны и скучны; но чудачи у Загоскина почти всегда милы, оригинальны, потому что онъ рисуетъ ихъ съ особенной любовью, и нельзя не подивиться энергическому одушевленію, съ какимъ онъ отстаиваетъ ихъ превосходство надъ чужеземными героями и умниками. Вотъ истинная любовь къ отечеству! Хотя Кирша—дикарь, получеловѣкъ и полузвѣрь, но онъ его невольно любитъ и предпочитаетъ всякому паладину западной Европы; хотя Зарядьевъ—человѣкъ ограниченный, педантъ и пѣшка въ военной службѣ, но въ романѣ Загоскина онъ заслоняетъ собою самого Наполеона. Русскіе купцы, мѣщане и извозчики въ „Рославлѣ“ нисколько не заставляютъ жалѣть, что они носятъ бороды, не знаютъ грамоты и не имѣютъ ничего общаго съ Европой. Что касается до русскаго простонародья—Загоскинъ истинный Гомеръ его. Правда, его изображенія инаго лакея, явившагося къ барину съ разбитой харей, или мечтающаго въ Испаніи о кислой капустѣ, соленыхъ огурцахъ и сивухѣ,—въ иномъ, слишкомъ опрятномъ читателѣ могутъ возбудить не совсѣмъ пріятное чувство, но и причина этого—достоинство, а не порокъ: излишняя вѣрность природѣ. Въ повѣстяхъ Булгарина и Загоскина то же сходство, какъ и въ романахъ; главная разница въ томъ, что мѣсто дѣйствія у Булгарина почти всегда Петербургъ, а у Загоскина почти всегда провинція. Это происходитъ оттого, что Булгаринъ не знаетъ ни Москвы, ни провинціи русской (исключая Литовскихъ и Остѣ-Зейскихъ губерній), а Загоскинъ, по любви своей къ Москвѣ, можетъ назваться ея рыцаремъ, и отъ всего сердца, отъ всей души знаетъ и любитъ провинцію, особенно низовый край, заключающій въ себѣ самыя хлѣбородныя губерніи. Все это хорошо: пусть всякій сочинитель описываетъ извѣстную ему сферу жизни и не берется за незнакомыя сферы, то есть пусть Булгаринъ не берется за Москву и коренныя русскія губерніи, а Загоскинъ—за Петербургъ, Бѣлоруссію и Лифляндію.

Разсматривая повѣсти Булгарина и Загоскина, помѣщенные во второмъ томѣ „Ста Русскихъ Литераторовъ“, мы, по долгу критической добросовѣстности, обязаны отдать пре-

имущество повѣсти Булгарина. Повѣсть Загоскина называется „Оффиціальнѣй обѣдъ“, а Булгарина—„Побѣда отъ Обѣда“; видите ли, и въ названіи повѣстей есть сходство: обѣ основаны на обѣдѣ!

Въ городѣ Бобковѣ ждуть ревизора, Максима Петровича Зорина. Городничій не слишкомъ хлопочетъ о его приѣмѣ: городничій человѣкъ честный—ему нечего бояться. Онъ, изволите видѣть, былъ безсребренникъ и, занимая мѣсто градоначальника въ богатомъ и торговомъ городѣ, „покупалъ на чистыя деньги все,—все безъ исключенія, даже чай и сахаръ, даже пѣнное вино, которое пилъ передъ обѣдомъ, вмѣсто сладкой водки“. Главнымъ доказательствомъ „безсребренности“ Костоломова (фамилія городничаго) сочинитель полагаетъ его храбрость въ сраженіи: онъ съ боя взялъ георгиевскій крестъ, вскочилъ первый на непріятельскую батарею. „Воля ваша (воскликаетъ почтенный сочинитель), взяточникъ на пушку не полѣзетъ!“ Мысль моральная, но согласиться съ нею никакъ невозможно. Дѣйствительность любить противорѣчить самой себѣ: въ ней иногда безсребренникъ бываетъ плохимъ воиномъ, а иногда и просто трусомъ, а отъявленный взяточникъ и грабитель—образцомъ храбрости: „безсребренность“ городничаго очень подозрѣвается однимъ обстоятельствомъ: сочинитель не говоритъ, чтобъ у него были деревня или капиталъ въ Банкѣ, а между тѣмъ заставляетъ его жить, какъ будто бы онъ получалъ губернаторское жалованье. Но это не важное обстоятельство: сочинителю нуженъ былъ городничій безсребренникъ,—и, по сочинительскому праву, онъ приказалъ ему быть такимъ;—вотъ и все. Главное же заключается въ томъ, что жена городничаго вертѣла имъ какъ хотѣла; пользуясь слабостью своихъ нервовъ и частыми обмороками. Дочь ихъ любитъ прелестнаго, но бѣднаго молодого человѣка Холмина, а имъ хочется выдать ее за Кочьку—богатаго скрягу и негодяя. Между тѣмъ приѣзжаетъ ревизоръ и останавливается не у князя Чухолова, своего родственника, а у Холмина; чиновничество хочетъ дать обѣдъ ревизору—городничихъ хочется, чтобъ это было въ ея домѣ, но Кочька перебиваетъ у нея эту честь. Однако Кочькѣ дорого обошлась его „интрига“: онъ лишился невѣ-

сты, а объѣдъ все таки былъ у городничихи. Ревизоръ берется быть сватомъ у Холмина; влюбленная чета соединяется, и повѣсти конецъ. Вотъ содержаніе новаго произведенія Загоскина. Оно немножко избито и рѣшительно не въ нравахъ нашего общества: мы хотимъ сказать, что все это можетъ быть въ повѣсти, но ничего этого, и притомъ такимъ образомъ, не бываетъ въ дѣйствительности. Правда, мы опустили множество подробностей, — но вѣдь нельзя же было все пересказывать! Если читатели прочтутъ до конца повѣсть Загоскина — мы увѣрены, они сами увидятъ, что она есть не что иное, какъ сто первое повтореніе всѣхъ комедій, повѣстей и романовъ Загоскина, что въ ней все старо, все уже извѣстно публикѣ — и лица, и характеры, и провинціальныя оригинальности, и злодѣи, и резонёры, и чудаки. Съ первой страницы тотчасъ же видите, въ чемъ дѣло, что будетъ дальше, и чѣмъ все кончится. А согласитесь, вѣдь главный интересъ повѣсти въ томъ и состоитъ, что, читая ее, вы видите, что все въ ней естественно, правдоподобно, а между тѣмъ вы никакъ не можете угадать, что будетъ впередъ и чѣмъ все кончится. Впрочемъ къ повѣсти Загоскина приложена хорошенькая картинка Тима. Оно — видите ли, не то, чтобъ въ ней все было хорошо: на противъ, въ ней нехорошъ городничій, потому что похожъ не на пожилого служаку, а на молодого водевильнаго любовника; супруга же его похожа не на разбитную и пожилую бабу-бой, а на хорошенькую и молоденькую дѣвочку; зато предводитель дворянства, толстый, глупый обжора, сладострастно пожирающій глазами и ртомъ поданнаго ему на завтракъ фаршированного поросенка — очень недурень; а стоящій подлѣ его стола частный приставъ въ мундирѣ, руки по швамъ, съ оффиціальной фізіономіей, съ благоговѣніемъ, какъ на таинство, взирающій на обжорство высокой персоны, — просто превосходень.

Повѣсть Булгарина — повѣсть историческая, изъ „временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма“. Она изображаетъ бюрократію той эпохи, которая впрочемъ очень мало измѣнилась въ своемъ духѣ съ того времени. Бѣдные, но честные и талантливые чиновники живутъ дружно между собой. Не имѣя никакой надежды выйти въ люди, не протекціей и не подлостью,

а заслугой, одинъ изъ нихъ дѣлается съ горя пьяницей— всегдашняя исторія многихъ чиновниковъ; другой остается твердъ въ добродѣтели: и неудивительно, онъ изъ нѣмцевъ, по крайней мѣрѣ мать его была швейцарка, и ей обязанъ онъ былъ человѣческимъ воспитаніемъ и человѣческимъ образомъ мыслей. Искринъ (фамилія этого чиновника) любитъ дочь Карла Ѳедоровича Циттербейна, экзекутора канцеляріи князя Камышенскаго. Этотъ Циттербейнъ—злодѣй, скряга, низкопоклонникъ, канцелярская гадина. Чины и деньги—его богъ, а честь обѣдать за столомъ „свѣтлѣйшаго“—идеаль высочайшаго блаженства. Онъ достаетъ за огромные проценты деньги своему начальнику (т. е. даетъ свои) и потому дѣлается для него необходимымъ человѣкомъ, пользуется его милостью и покровительствомъ. Разумѣется, экзекутору и въ голову не входитъ мысль, чтобъ бѣдный чиновникъ осмѣлился имѣть виды на его дочь, и потому онъ позволяетъ ему видѣться съ нею; но когда узнаетъ о тайнѣ любовниковъ, то приходитъ въ ярость, и прогоняетъ Искрина. Искринъ рѣшается, во что бы то ни стало, добиться чести—обѣдать у „свѣтлѣйшаго“. Онъ кропаетъ плохіе стишонки—торжественную оду „свѣтлѣйшему“, которая начинается такъ:

Возстани, муза! пѣть достоинъ
Вождя возлюбленна тебѣ,
Кой тысячамъ блаженства строить,
Живъ поздну роду, не себѣ.

Искринъ отправляется къ Попову, который опредѣлилъ его на службу, и проситъ его превосходительство „быть ему отцомъ, благодѣтелемъ, заступникомъ“—представить оду „свѣтлѣйшему“. Ода представлена — и поэтъ награжденъ сотней рублей... Но Искринъ отказывается, прося въ награду чести быть приглашеннымъ къ обѣду его свѣтлости. Къ счастью, во время разговора Искрина съ Поповымъ подошла къ нимъ графиня Уральская, пріятельница Потемкина; ей понравилась наружность молодого человѣка—и на другой день онъ получилъ вождельнное приглашеніе. Доставъ, при помощи пріятеля, денегъ отъ одного ростовщика, который не могъ отказать человѣку, приглашенному къ обѣду „свѣтлѣйшаго“,—Искринъ

покупаетъ себѣ приличное платье. За обѣдомъ „свѣтлѣйшій“ ничего не ѣлъ и изъявилъ желаніе отвѣдать севрюжины. Искринъ вызвался сейчасъ же достать ее, побѣждалъ въ трактиръ и принесъ *). Свѣтлѣйшему понравились его смѣлость и проворство: онъ спросилъ о немъ, — ему сказали, что это тотъ поэтъ, который поднесъ оду. Послѣ обѣда явился къ Потемкину съ пакетомъ отъ князя Камышенскаго Циттербейнъ; Потемкинъ велѣлъ ему распечатать пакетъ и прочесть; но Циттербейнъ, увидѣвъ Искрина въ числѣ гостей, до того сробѣлъ, что уронилъ и разбилъ свои очки. „Свѣтлѣйшій“ велѣлъ читать Искрину. Окончаніе повѣсти не трудно понять: Искринъ женился на своей возлюбленной, сдѣлался знатнымъ бариномъ, владѣльцемъ капитала больше, чѣмъ въ миллионъ, вывелъ въ люди всѣхъ своихъ пріятелей, изъ которыхъ Глазовъ, какъ водится въ моральныхъ повѣстяхъ, исправился и изъ пьяницы сдѣлался трезвымъ человѣкомъ.

Повѣстца, какъ можете видѣть сами изъ этого изложенія, очень незавидная, впрочемъ не въ ущербъ книгѣ „Ста Русскихъ Литераторовъ“, въ отношеніи къ которой она „по Сенькѣ шапка“, какъ говоритъ пословица. Содержаніе этой повѣсти избито и старо, какъ мудрая истина, что добродѣтель награждается, а порокъ наказуется; пружины ея не стальные, а мочальные — и тѣ истертыя и истрепанные. Въ самомъ дѣлѣ, что это такое: любовникъ, молодой идеальный человѣкъ, безъ роду и племени, безъ денегъ въ карманѣ, но съ возможными добродѣтелями въ душѣ; любовница, идеальная дѣвица, прекрасная и добродѣтельная, но дочь отца столь скареднаго, что ему предоставлена скучная роль разлучника; счастливый случай, всегда готовый къ услугамъ плохой повѣсти, дѣлаетъ вождельнную развязку, и къ концу — герои совокупляются законнымъ бракомъ, злодѣи исправляются, пьяницы просыпаются и — всѣ счастливы... Повторяемъ, что

*) Забавная пародія на дѣйствительный анекдотъ о Потемкинѣ, котораго разъ угощалъ какой-то вельможа, и который на просьбы хозяина покушать отвѣчалъ, что ему хотѣлось бы соленой севрюжины; когда же севрюжина была привезена изъ-за-сорока верстъ и изготовлена, пока еще столь продолжался, то Потемкинъ не сталъ ее ѣсть, говоря: „я потому только спросилъ ее, что не думалъ, что ее можно было достать“.

это такое, какъ не повѣсть вродѣ Загоскина?.. Но тѣмъ не менѣе повѣсть Булгарина все-таки неизмѣримо выше повѣсти Загоскина. Всякое сочиненіе должно быть результатомъ какой-нибудь причины, такъ же точно, какъ всякое намѣреніе должно имѣть какую-нибудь цѣль. Разумѣется, причина или цѣль сочиненія можетъ быть и внѣшняя, и внутренняя; первой критика не должна брать въ расчетъ: критика беретъ въ уваженіе только внутреннія причины или цѣли, которыя могутъ состоять только въ мысли. Пусть мысль будетъ выполнена неудачно, но все-таки пріятнѣе прочесть даже и посредственное произведеніе, написанное съ мыслью, чѣмъ такое же посредственное произведеніе, написанное безъ всякой мысли, но такъ — чтобы только подъ чѣмъ-нибудь подписать свое сочинительское имя. У Булгарина явно была предметомъ мысль — изобразить бытъ времянь Екатерины Великой, — и это, несмотря на топорную отдѣлку его повѣсти, придавало ей интересъ. Побасенками забавляютъ дѣтей; людей мыслящихъ можно занимать только мыслью, — иначе они могутъ оскорбиться претензіей сочинителя на ихъ вниманіе. Булгаринъ не можетъ опасаться, чтобы читатели его оскорбились: его повѣсть можетъ ихъ не удовлетворить, но цѣль ея всегда будетъ достойною ихъ вниманія. Правда, тутъ много мыслей или разсужденій, какъ напр. о дворянствѣ, будто бы облагораживающемъ человѣка, о Вольтерѣ и энциклопедистахъ, какъ врагахъ человѣческаго рода, и тому подобныя, которыя ужъ слишкомъ напоминаютъ лучшія, самыя блестящія страницы этого рода въ сочиненіяхъ Р. М. Зотова. Но тутъ есть мысли и взгляды по истинѣ дѣльные, въ доказательство чего довольно выписать слѣдующее мѣсто:

„Звѣзды носили тогда не только на кафтанахъ и на сюртукахъ, но и на плащахъ, на шубахъ, а весьма многіе носили даже на халатахъ. Это вовсе не почиталось странностію; напротивъ, считали неприличіемъ и дерзостію не носить орденовъ. Въ наше время высшіе государственные сановники принимаютъ подчиненныхъ и просителей не иначе, какъ уже по окончаніи своего туалета, рѣдко, заставляють себя дожидаться и даже отказываютъ въ просьбѣ и дѣлають выговоры вѣжливыѣ, чѣмъ въ старину миловали и хвалили. Въ блаженное Екатерининское время вельможа или вообще начальникъ принималъ просителей или подчиненныхъ въ х латѣ, въ туфляхъ, иногда сидя передъ зеркаломъ, брѣясь или пудрясь, или лежа на софѣ, говорилъ ты каждому, кто ниже чиномъ и

не принадлежит къ знатной роднѣ, и позволялъ себѣ всевозможныя вольности въ рѣчахъ. Не весьма *женировались* даже передъ дамами-просительницами, хотя бы онѣ принадлежали къ дворянскому сословію, основываясь на томъ, что порядочная женщина должна непременно найти покровителя, который хлопоталъ бы за нее. Вѣжливость, утонченность нравовъ, любезность, остроуміе имѣли убѣжище только при дворѣ и гостиныхъ древнихъ родовыхъ русскихъ боярѣ, такъ называемыхъ столповыхъ дворянъ, превращенныхъ европейской образованностью въ вельможъ, по образу и по подобию придворныхъ Людовика XV. Но въ приемныхъ, въ канцеляріяхъ и въ домашнемъ быту еще крѣпко припахивало дичью и татарщиной. Даже Державинъ гордился еще предкомъ своимъ, татарскимъ мурзою, и искалъ безсмертныхъ красоть для портрета Фелицы въ степяхъ киргизскихъ! Въ то время между русскими еще можно было найти подлинники мурзъ и баскаковъ!... Теперь это перешло въ преданіе!..“

Все это очень умно и очень вѣрно; но намъ кажется, что авторъ простираетъ свое нерасположеніе къ Екатерининскому времени далѣе, нежели сколько позволяютъ истина и безпристрастіе. Несмотря на все худое, которое можно, не кривя истиной, сказать объ этомъ вѣкѣ—онъ все-таки былъ великій вѣкъ. Достоинство исторической эпохи состоитъ не въ томъ, чтобъ быть безусловно разумной, но въ томъ, чтобъ быть разумной въ отношеніи къ самой себѣ, сообразно съ законами исторической возможности. Всякая эпоха велика, лишь бы она была эпохой движенія и развитія. Если бояре того времени принимали просителей въ халатѣ, а Потемкинъ и боярѣ принималъ иногда даже безъ халата, то ни просители, ни бояре не думали этимъ оскорбляться: первые цѣловали ручки своихъ „милостивцевъ“, а вторые низко кланялись передъ „свѣтлѣйшимъ“ и гордились его улыбкой или брошеннымъ словомъ, какъ звѣздой на своемъ халатѣ. Тогда не было не только народа, не только средняго сословія, но даже и средняго дворянства; но было только вельможество и толпа безотвѣтная; сама бюрократія—солнце толпы, была сальной свѣчей передъ вельможествомъ. Вѣку Александра Благословеннаго суждено было создать въ Россіи нѣчто среднее между высшими ступенями государственной лѣстницы и ея основаніемъ. Но безъ вѣка Екатерины Великой былъ бы невозможенъ вѣкъ Александра Благословеннаго. Петръ разбудилъ Россію отъ апатического сна, но вдохнула въ нее жизнь

Екатерина. Пламенникомъ генія была озарена царственная глава этой великой жены -- и этой головой жила Русь. Жизнь государства заключается въ живой, движущейся идеѣ, которая непосредственно окривляетъ дѣятельность всѣхъ его членовъ: блескъ царствованія Екатерины, громъ побѣдъ, пиры и роскошь, начало просвѣщенія, искусствъ, цивилизаціи, великія пріобрѣтенія, множество мужей, могучихъ волею, великихъ умомъ и талантомъ, — все это было созданиемъ живой, зиждательной мысли, озарявшей царственную главу великой жены...

За повѣстью Булгарина слѣдуетъ повѣсть Масальскаго „Осада Углича“. Мы не будемъ ничего говорить о литературномъ поприщѣ Масальскаго, потому что ровно ничего о немъ не помнимъ, а наводить справокъ не имѣемъ ни времени, ни охоты. Что касается до „Осады Углича“ — это, во-первыхъ, повѣсть безъ всякаго содержанія, безъ всякой правдоподобности, безъ всякаго интереса; во-вторыхъ, рассказана она крайне нелѣпо и потому вяла, длинна и скучна. Сочинитель увѣряетъ, что будто бы онъ заимствовалъ содержаніе своей повѣсти изъ какой-то старинной рукописи „О разореніи града Углича, нарицающагося древле городъ Угло“, будто бы доставленной ему однимъ старожиломъ угличскимъ; но мы крѣпко сомнѣваемся въ существованіи этой рукописи, если только фантазія Масальскаго въ самомъ дѣлѣ изъ нея заимствовала. Въ повѣсти русскаго духа слыхомъ не слышать, видомъ не видать; изображенные въ ней нравы — родъ пародіи на нынѣшніе нравы, изображенные плохими романистами. — За повѣстью Масальскаго слѣдуютъ стихи Масальскаго „Дерево Смерти“. О нихъ можно сказать только, что въ нихъ геній Масальскаго вѣренъ самому себѣ: въ нихъ та же риторика, только съ приемами.

Утомленный повѣстью и стихами Масальскаго, читатель съ жадностью развертываетъ въ „Ста Русскихъ Литераторахъ“ повѣсть Вельтмана „Урсулъ“. Но... кто бы могъ этого ожидать?.. утомленіе читателя все возрастаетъ, силы слабѣютъ, терпѣніе истощается.. Вотъ ужъ и послѣдняя страница... вотъ и конецъ... Да что же это такое!.. въ чемъ дѣло?.. Гульпешти, Мынчешти, Градешти, Малаешти, Албинешти,

Горенешти, Гальбинешти, домне Ферешти, домне Иоане... ничего не понимаемъ... Люди разговариваютъ, ходятъ, спятъ, ѣдятъ, бѣгаютъ, скачутъ, дерутся, но кто съ кѣмъ, изъ чего, какъ, когда, почему—самъ Эдипъ не разрѣшилъ бы этой сфинксовой загадки, которую Вельтманъ назвалъ повѣстью. Рѣшительно, мы ничего не поняли въ „Урсулѣ“. Что это такое? неужели ослабленіе таланта—послѣдній, предсмертный и потому невнятный лепетъ его?.. Правда, въ „Урсулѣ“ Вельтмана есть страницы понятныя, есть мѣста живыя, увлекательныя, но безъ всякаго отношенія къ цѣлому. И притомъ къ чему это испещреніе разсказа молдаванскими словами; „кафэ, ши люле, чи гында, ватава, одубешти, домнешти, логофетъ ди вистіарія, гата“? Къ чему этотъ натянутый à la Marlinsky, напыщенный риторическій языкъ? Изысканность, вычурность, напыщенность, туманность, безсвязность, пестрота и, къ довершенію всего, — совершенная непонятность... Прочтите „Кирджали“ Пушкина: содержаніе сходно съ повѣстью Вельтмана; но какая простота, безыскусственность, какая непринужденная сжатость и энергія, какая поэзія, какъ все понятно уму и сердцу!..

Да не подумаютъ читатели, чтобы нашимъ сужденіемъ о повѣсти Вельтмана управляло пристрастіе къ ея автору: нѣтъ, мы признаемъ въ Вельтманѣ не только поэтическій, но даже большой поэтический талантъ. Въ его „Кощеѣ Безсмертномъ“, „Святославичѣ“ и другихъ романахъ и повѣстяхъ часто проблискиваютъ искры высокой поэзіи, встрѣчаются картины и очерки, набросанные художнической рукой; но нигдѣ нѣтъ цѣлаго, полнаго, оконченнаго;—тамъ рука, тутъ нога, иногда цѣлая голова удивительной работы, волшебнаго рѣзца, но никогда полной статуи, запечатлѣнной единствомъ мысли, гармоніей цѣлаго. И вотъ причина, почему Вельтманъ, будучи поэтомъ съ большимъ дарованіемъ, не пользуется на Руси тѣмъ авторитетомъ, котораго заслуживалъ бы его талантъ, и заслоняется въ глазахъ публики разными народными и живописательными писаками. Къ этому надо присовокупить еще какую-то странность въ направленіи, какіе-то капризы фантазій, непонятную наклонность къ филологіи въ области поэзіи. И удивительно ли, что литературное поприще, такъ

блистательно начатое „Кошечемъ“, заключается теперь „Ка-ломеросомъ“ и „Урсуломъ?“ Вельтману уже не разъ, и при-томъ не безъ основанія, замѣчали, что для поэта мало быть обогащену сокровищами поэзіи, но надо еще и умѣть ими распорядиться: иначе — богатство съѣдетъ на нищету... Оно такъ и дѣлается...

Переворачиваемъ страницу и видимъ... о удивленіе!.. по-вѣсть Надеждина „Сила Воли“... И такъ, и Надеждинъ сталъ повѣствователемъ?.. Страшно!.. А все виноватъ Смирдинъ: онъ своими „Стами Литераторами“ всѣхъ литераторовъ на-шихъ превратилъ въ нувеллистовъ. Можетъ-быть это выгодно для его книги, но едва ли выгодно для литераторовъ. Вотъ хоть бы Надеждинъ; онъ — литераторъ умный, ученый; онъ — журналистъ, профессоръ эстетики, критикъ, фельетонистъ; онъ — хорошій сотрудникъ „Энциклопедическаго Лексикона“; но какой же онъ поэтъ, какой же повѣствователь?..

Надеждинъ началъ свое литературное поприще въ „Вѣст-никѣ Европы“, и началъ борьбой противъ романтизма. Въ первыхъ статьяхъ своихъ онъ явился псевдонимомъ Надоум-кой; но когда были напечатаны отрывки изъ его диссертациі, писанной для полученія степени доктора, всѣ узнали, что Надоумко и Надеждинъ — одно лицо. Статьи Надоумка отли-чались особенной журнальной формой, оригинальностью, но еще чаще странностью языка, бойкостью и рѣзкостью сужде-ній. Какъ въ нихъ, такъ и въ диссертациі, можно было за-мѣтить, что противникъ романтизма понималъ романтизмъ лучше его защитниковъ и былъ не совсѣмъ искреннимъ по-борникомъ классицизма такъ же, какъ и не совсѣмъ искрен-нимъ врагомъ романтизма. Надеждинъ первый сказалъ и раз-вилъ истину, что поэзія нашего времени не должна быть ни классической (ибо мы не греки и не римляне), ни романтиче-ской (ибо мы не паладины среднихъ вѣковъ); но что въ поэзіи нашего времени должны примириться обѣ эти стороны и произвести новую поэзію. Мысль справедливая и глубокая; — Надеждинъ даже хорошо и развилъ ее, но тѣмъ не менѣе, она немногихъ убѣдила и не вошла въ общее сознаніе. Много причинъ было этому, а главная изъ нихъ: какая-то неискрен-ность и непрямота въ доказательствахъ, свойственная докто-

ранту, а не доктору, и явное [противорѣчіе между воззрѣніями Надеждина и ихъ приложеніемъ. Надеждинъ, понимая что классическое искусство было только у грековъ и римлянъ, называя французскую поэзію псевдоклассической, неестественной и надутой, въ то же время съ благоговѣніемъ произносилъ имена Корнеля, Расина и Мольера и смѣло цитовалъ риторическія стихи Ломоносова, Петрова, Державина и Мерзлякова, увѣряя, что въ нихъ-то и заключается всяческая поэзія. Далѣе, очень хорошо понимая, что Шекспиръ, Байронъ, Гёте, Шиллеръ, Пушкинъ—совсѣмъ не романтики, но представители новѣйшей поэзіи, онъ съ ожесточеніемъ глумился надъ ними, какъ надъ неистовыми романтиками, и смѣшивалъ ихъ съ героями юной французской литературы. Это противорѣчіе едва ли не было умышленно, въ уваженіе невѣрныхъ отношеній докторанта, желающаго быть докторомъ, и потому, по мѣрѣ возможности, не желающаго противорѣчить закоронѣлымъ предубѣжденіямъ докторовъ. По этой уважительной причинѣ Надеждинъ вооружился противъ Пушкина всѣми аргументами своей учености, всѣмъ остроуміемъ своихъ „надоумочныхъ“ или — какъ говорили тогда его противники — „недоумочныхъ“ статей. Время и мѣсто не позволяютъ намъ распространиться о его подвигахъ въ ратованіи противъ Пушкина, ибо эта длинная и притомъ забавная и занимательная исторія, которую мы предоставляемъ себѣ рассказать въ другое время, какъ скоро представится удобный случай. Теперь же скажемъ только, что, сдѣлавшись докторомъ и получивъ кафедру, Надеждинъ сдѣлался журналистомъ—и совершенно измѣнилъ свои литературные взгляды и даже ореографію: вмѣсто „эстетическій“ и „энузіазмъ“ сталъ писать „эстетическій“ и „энтузіазмъ“; разбирая „Бориса Годунова“, заговорилъ о Пушкинѣ уже другимъ тономъ, хотя и осторожно, чтобъ не слишкомъ рѣзко противорѣчить своимъ „надоумочнымъ“ и „эстетическимъ“ статьямъ. Во всякомъ случаѣ, Надеждинъ—примѣчательное лицо въ нашей литературѣ и заслуживаетъ подробный и основательной оцѣнки, которую мы и предоставляемъ себѣ сдѣлать при случаѣ.

Но тѣмъ не менѣе повѣсть совсѣмъ не дѣло Надеждина. „Сила Воли“ рассказана умно, но холодно и безцвѣтно, тогда

какъ по ея содержанію, почерпнутому изъ кипучей жизни католической Италіи,—фантазіи и чувству было бы гдѣ разгуляться.

Далѣе слѣдуетъ повѣсть Каменскаго „Іаковъ Моле“. Она особенно замѣчательна цвѣтистымъ и театральнымъ разсказомъ и картинкой, которая къ ней приложена: не знаешь, чему дивиться—тому ли, что повѣсть удивительно выражаетъ картинку, или тому, что картинка удивительно выражаетъ повѣсть; не знаешь, чему отдать преимущество—повѣсти или картинкѣ. Мы думаемъ, что и то, и другое хорошо. Каменскій извѣстенъ, какъ авторъ сатирическаго романа „Искатель Сильныхъ Ощущеній“, нѣсколькихъ повѣстей и драмы „Розы и Маска“.

Панаевъ (В. И.), извѣстный нашъ идиллистъ, написалъ для альманаха Смирдина не повѣсть, а разсказъ объ истинномъ происшествіи, который и названъ имъ просто „Происшествіе 1812 года“. Разсказъ отличается занимательностью содержанія, правильнымъ, гладкимъ и пріятнымъ слогомъ.

„Любовь Петербургской Барышни“, предсмертный разсказъ Веревкина, или Рахманнаго, заключаетъ собой второй томъ „Ста Русскихъ Литераторовъ“. Въ этомъ предсмертномъ разсказѣ нѣтъ никакого разсказа, потому что нѣтъ никакого содержанія. Это просто—дурно набросанная на бумагу болтовня о томъ, какъ одна петербургская барышня сперва „влюбилась“ въ одного господина офицера, а потомъ, когда ей представилась выгодная партія, разлюбила его. Интереснѣе всего въ этомъ разсказѣ литературныя признанія неизвѣстнаго въ русской литературѣ сочинителя, — признанія вродѣ „Confessions“ Руссо или Жаненовыхъ признаній. Послушайте:

„Около того же времени въ первый разъ выступилъ я на литературное поле. Есть на Руси таинственный человѣкъ, которому всѣ невольно удивляются, хотя многіе и злословятъ его. Не зная этого человѣка лично, я былъ влюбленъ въ него, быть-можетъ, столько же, какъ въ Ольгу; не я одинъ изъ нашего молодого поколѣнія питалъ и питаю къ нему эту романическую привязанность. По моимъ понятіямъ, такая сила дарованія должна была опираться въ немъ на душу теплую и благородную, и я не ошибся. Точно такъ же, какъ *невинная* Ольга довѣрчиво вручила свою судьбу мнѣ, почти незнакомому себѣ (ей?) человѣку, я вручилъ ему

свою, безпредѣльно, неограниченно (*вручить судьбу безпредѣльно, неограниченно*—какъ это хорошо сказано!). *Любовное письмо*, которое я написалъ къ нему, исторглось у меня также изъ глубины души: онъ такъ и понималъ его, и съ тѣхъ поръ его участіе, совѣтъ, руководство, содѣйствіе, помощь, дружба не оставляли меня. Радость и весьма основательная гордость моя, по поводу приобрѣтенія такого друга, служила нѣкоторымъ *противовѣсіемъ* горести, которую начинала причинять любовь. Дѣло въ томъ, что въ то самое время, какъ приобрѣталъ друга, я очевидно терялъ любовницу: отвѣтъ, объясненіе не являлось...

„Благодаря содѣйствію этого достойнаго друга, маленькіе *довольно-блестящіе* успѣхи начали загромождать путь мой къ будущей *литературной славѣ* (*вотъ какъ!..*), которая съ тѣхъ поръ и самому мнѣ показалась возможной къ достиженію при дальнѣйшихъ усиліяхъ и болѣе важныхъ начинаніяхъ (?). *Мое имя было произнесено въ гостиницѣ*. Литературные интриганы стали штурмовать меня письмами, стараясь привлечь новое перо мое въ журналы своихъ безсильныхъ партій. Эти бездарные шакалы мигомъ чуютъ поживу за семь-сотъ-семьдесятъ-семь верстъ, и ихъ мелочные происки, внушая мнѣ отвращеніе, очень польстили моему самолюбію: они заставляли меня вѣрить въ мой собственный талантъ, и я уже нѣкоторымъ образомъ начиналъ разыгрывать роль „писателя“. Предчувствія Ольги сбывались. Эти первые *лучи славы* были безспорно твореніе рукъ ея. Съ какимъ восторгомъ украсилъ бы я ими прелестную ея головку...”

Вотъ геній-то, такъ ужъ геній! Онъ не дожидается суда современниковъ и потомковъ, но, написавъ двѣ-три посредственныя повѣстцы для пріятельскаго журнала, самъ провозглашаетъ себя геніемъ и, сбираясь въ дальній путь, смѣло сочиняетъ апотеозъ своей небывалой славы, выдумываетъ себѣ почитателей и враговъ, увѣряетъ, что его на перебой звали къ себѣ въ журналисты, крича: „къ намъ, Иванъ Александровичъ, пожалуйста къ намъ управлять департаментомъ“... Впрочемъ все это такъ смѣло и странно, что надо помочь недоразумѣнію читателей—сказать имъ, кто такой этотъ Веревкинъ, или Рахманный, т. е., что такое сдѣлалъ и чѣмъ прославилъ онъ себя въ русской литературѣ. Онъ написалъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ одну или двѣ изъ тѣхъ повѣстей, которыя кажутся столь остроумными извѣстному кругу провинціальной публики. Вотъ и всѣ и его права на литературную славу, которой онъ почиталъ себя достигшимъ. Что же до таинственнаго человѣка, которому будто бы удивляется вся Россія, его не трудно угадать по слогу повѣсти Верев-

кина, которая начинается фразой: „есть разнаго рода любви“; далѣе можно въ ней найти слова „враждь“, мечть“ и т. п.

И вотъ передъ вами весь второй томъ „Ста Сусскихъ Литераторовъ!“ Плохъ былъ и первый, но передъ вторымъ онъ, какъ солнце передъ гнилушкой. Лучшей статьей въ этомъ второмъ томѣ можетъ похвастаться повѣсть Булгарина: этого довольно для оцѣнки книги. Вотъ что значить терпѣніе и долготѣнная служба—

То старшихъ выключать иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты—
Ваканціи какъ разъ открыты,

какъ говоритъ одно изъ почтеннѣйшихъ лицъ комедіи Грибоѣдова. А вѣдь правда: еще лѣтъ пять—десять, и если наша литература пойдетъ все такъ же, какъ теперь, то Булгаринъ будетъ играть въ ней первую роль и сдѣлается ея истиннымъ и достойнымъ представителемъ. Дай-то Богъ!..

РИМСКІЯ ЭЛЕГІИ.

Соч. Гёте. Переводъ Струговицкова. Спб. 1840.

При выходѣ въ свѣтъ „Римскихъ Элегій“ Гёте, переведенныхъ Струговицковымъ, мы ничего не сказали ни о самомъ этомъ произведеніи германскаго поэта, ни о его переводѣ, и ограничились обѣщаніемъ полного разбора. Хотя этому прошло уже болѣе года, мы тѣмъ не менѣе увѣрены, что никто изъ читателей не назоветъ предлагаемой статьи запоздалой и неумѣстной. Отчетъ о произведеніи легкомъ, ничтожномъ, эфемерномъ, имѣющемъ достоинства и интересъ относительные, временные, долженъ немедленно слѣдовать за появленіемъ этого произведенія: запоздай онъ нѣсколькими днями,—интересъ и самое значеніе статьи уже потеряны. Вотъ почему мы поспѣшили разборомъ второго тома „Ста Русскихъ Литераторовъ“. Но литература состоитъ не изъ однихъ случай-

ныхъ и обыкновенныхъ явленій: въ ней бываютъ произведенія основныя, безотносительно важныя, безусловно прекрасныя, — капитальныя. Такія произведенія не проигрываютъ, но выигрываютъ отъ времени и, часто не понимаемыя и незамѣчаемыя толпой и современностью, въ новой красотѣ воскресають для потомства. Иногда бываетъ о нихъ рано говорить, но никогда не поздно о нихъ говорить: они всегда новы, всегда свѣжи, всегда юны, всегда современны. Иногда случается, что критика даже обязана говорить о нихъ какъ можно позже — чтобъ дать имъ время предварительно завладѣть вниманіемъ общества, возбудить въ немъ интересъ собою. Если бы „Римскія Элегіи“ и не были вѣчно юнымъ, никогда не старѣющимъ произведеніемъ искусства, если бы даже ихъ художественное достоинство было подозрѣваемо, и онѣ проигрывали отъ времени въ общемъ мнѣніи, — и тогда онѣ все-таки останутся навсегда интереснымъ и поучительнымъ фактомъ литературы. Люди, подобные Гёте, не производятъ ничего, что не было бы достойно величайшаго вниманія, въ какомъ бы то ни было отношеніи; самыя ошибки ихъ глубоко знаменательны и поучительны.

„Римскія Элегіи“, сверхъ высокаго поэтическаго своего достоинства, важны для насъ еще и какъ особенный родъ поэзіи, опредѣленіе котораго можетъ составить любопытную главу эстетики. Главная цѣль предлагаемой статьи состоитъ въ томъ, чтобъ взглянуть не только на „Римскія Элегіи“ Гёте, какъ на типическія произведенія особеннаго рода поэзіи, но и на тѣ собственно русскія произведенія, которыя относятся къ этому роду поэзіи. Другими словами: главный предметъ нашей статьи не столько „Римскія Элегіи“, сколько родъ поэзіи, къ которому принадлежатъ онѣ.

Было время, когда наши критики и сами поэты хлопотали о какой-то такъ называемой легкой поэзіи. Одинъ изъ даровитѣйшихъ и знаменитѣйшихъ представителей литературы того времени — Батюшковъ написалъ даже особую статью „О вліяніи легкой поэзіи на языкъ“. Вся эта статья — не что иное, какъ апологія легкой поэзіи. Что же такое эта „легкая поэзія?“ Въ то время понятія объ искусствѣ было довольно темны и сбивчивы: съ поэзіей смѣшивали все, что писалось

размѣренными строчками съ римами; чувствительная пѣсенка и свѣтскій комплиментъ дамѣ, втиснутый въ четверостишіе, съ названіемъ: „къ Клименѣ“ или „къ Темирѣ“, — все это считалось поэзіей, и по преимуществу „легкой“, хотя этому явно противорѣчила тяжесть дубоватой версификаціи. Такъ и Батюшковъ не совсѣмъ отчетливо понималъ то, что называлъ „легкой поэзіей“. Онъ говорилъ, что на Руси Ломоносовъ изобрѣлъ ее, и высоко ставилъ заслуги въ „легкой поэзіи“ Сумарокова, Богдановича, Державина, Дмитріева, Хемницера, Карамзина, Капниста, Нелединскаго, Мерзлякова, Муравьева, Долгорукаго, Воейкова, В. Пушкина и другихъ. Вообще можно замѣтить, что подъ словомъ „легкая поэзія“ онъ разумѣлъ мелкіе роды лирической поэзіи—пѣсню, сонетъ, элегію, эпиграмму, мадригалъ, тріолетъ и т. п. Но ближайшее къ истинному воззрѣнію на предметъ видимъ мы въ его указаніи на Симонида, Теокрита, Сафо, Катулла, Тибулла и Овидія, какъ представителей у древнихъ того, что онъ называлъ „легкой поэзіей“. Очевидно, у Батюшкова была мысль, но до того неопредѣленная, что онъ еще не отыскалъ слова для ея выраженія. Ниже увидимъ, по его превосходнымъ переводамъ изъ Антологіи, что онъ на дѣлѣ гораздо лучше понималъ и рѣшалъ вопросъ, нежели въ теоріи.

Слово: „легкая поэзія“ далеко не вполне выражаетъ предполагаемое имъ значеніе, хотя легкость и есть одно изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ качествъ той поэзіи, которую разумѣли подъ именемъ „легкой“. Мы думаемъ, что ей приличнѣе названіе „античной“, потому что она родилась и развилась у грековъ; у новѣйшихъ же поэтовъ она—только плодъ проникновенія классическимъ духомъ: у эллинской поэзіи заимствуетъ она и краски, и тѣни, и звуки, и образы, и формы, даже иногда самое содержаніе. Впрочемъ еѣ не отнюдь не должно почитать подражаніемъ: всякое преднамѣренное и сознательное подражаніе—мертво и скучно. Когда поэтъ проникается духомъ какого-нибудь чуждаго ему народа, чуждой страны, чуждаго вѣка,—онъ безъ всякаго усилія, легко и свободно творитъ въ духѣ того народа, той страны или того вѣка. Эта возможность проникновенія чуждымъ духомъ основывается на живомъ, органическомъ единствѣ идеи человѣ-

чества. Несмотря на множество и различіе существовавшихъ и существующихъ народовъ, всѣ они образуютъ собой единое семейство, имѣющихъ однихъ и тѣхъ же предковъ, одну и ту же исторію: это семейство называется человѣчествомъ. Человѣчество выше всякаго народа, отдѣльно взятаго, такъ же, какъ всякій народъ выше всякаго человѣка, взятаго отдѣльно. И потому, какъ всякая личность живетъ въ народѣ и народомъ, но не во всякой личности живетъ народъ, а только въ избранныхъ своихъ представителяхъ,—такъ точно и всѣ народы живутъ въ человѣчествѣ, но не во всякомъ народѣ является человѣчество, а только въ избранныхъ, и въ одномъ больше, въ другомъ меньше. Сущность идеи человѣчества состоитъ въ ея общности, въ ея отчужденіи отъ всего случайнаго, временнаго, переходящаго, частнаго: ея содержаніе—истина, а истина есть общее, необходимое, вѣчное. Очевидно, что чѣмъ одностороннѣе, исключительнѣе, ограниченнѣе идея, выражаемая жизнью народа, чѣмъ больше въ ней условнаго, частнаго, такъ сказать, своего домашняго, чисто народнаго,—тѣмъ менѣе можетъ такой народъ назваться представителемъ человѣчества. Исторія такихъ народовъ мало понятна для науки; а народность ихъ почти недоступна для людей, принадлежащихъ другому племени. Напротивъ, чѣмъ многостороннѣе, всеобъемлющѣе, глубже, общѣ содержаніе народной жизни, чѣмъ больше въ ней истиннаго, разумнаго, дѣйствительнаго,—тѣмъ человѣчественнѣе такой народъ, тѣмъ онъ болѣе бываетъ представителемъ человѣчества. Исторія такихъ народовъ полна интереса даже въ самыхъ мелочныхъ подробностяхъ; національность ихъ совершенно доступна всякому образованному человѣку, хотя бы онъ былъ отдѣленъ отъ нея и своей собственной народностью и цѣлыми вѣками. Почти всѣ народы древности разрабатывали своей жизнью ниву развитія человѣческаго духа,—разумѣется, одинъ больше, другой меньше, и потому исторія, поэзія и цивилизація каждаго изъ нихъ имѣетъ свою относительную важность; но всѣ они какъ бы уничтожаются передъ Греціей и Римомъ. Особенно первой назначена была высокая роль въ человѣчествѣ судьбами міродержавными. Въ племенахъ семитическихъ, въ ассиріянахъ, вавилонянахъ, персахъ, финикіянахъ,

египтянахъ человѣчество только какъ-будто силилось проявиться; но въ грекахъ его усилія уже увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ; греки явились полными и таинственными представителями человѣчества и по праву называли варварами всѣ народы, которые не были греческаго происхожденія. Еслибъ можно было представить океанъ, образовавшійся отъ стеченія ручьевъ и рѣкъ: это было бы лучшимъ риторическимъ подобіемъ для уясненія отношеній всѣхъ народовъ древности къ Греціи, — и Греціи ко всѣмъ народамъ древности, исключая римлянъ. Превосходство грековъ надъ всѣми другими народами древности состоитъ въ томъ, что у нихъ все свое, все народное, частное, семейное, домашнее, было ознаменовано печатью необходимости и разумности, отличалось характеромъ общечеловѣческимъ. Удивительно ли послѣ этого, что мы имена Тезеевъ, Солоновъ, Кодровъ, Леонидовъ, Мильтіадовъ,Themistocles, Аристидовъ, Кимоновъ, Перикловъ, Алкивіадовъ, Тимолеоновъ, Сократовъ, Платоновъ узнаемъ въ нашемъ дѣтствѣ, прежде, нежели имена героев отечественной исторіи; что всѣ образованные народы считаютъ Грецію какъ бы своимъ общимъ отечествомъ? Какъ ни отдѣлены мы отъ грековъ и нравами, и условіями жизни, и образомъ воззрѣнія на міръ, и вѣками, словомъ, какъ ни противоположна наша жизнь греческой, мы все понимаемъ въ исторіи Греціи такъ же ясно, какъ и въ исторіи своего отечества, — и каждый образованный человѣкъ нашего времени легко можетъ представить себя въ своей фантазіи подъ небомъ Эллады слушающаго на площади ораторовъ, или внимающаго въ садахъ академіи мудрымъ урокамъ божественнаго Платона. Да, для насъ при небольшомъ изученіи грекъ понятенъ, будто нашъ современникъ, и на площади, и на полѣ брани, и въ совѣтѣ, и въ портикѣ, и на пиру, съ вѣнкомъ на головѣ возлежащій за столомъ, среди благовонныхъ куреній, и въ домашней жизни, жалующійся на прозу брачныхъ узъ и житейскихъ заботъ. Но прошу васъ вообразить себя живо древнимъ персомъ, который сегодня пресмыкается рабомъ послѣдняго раба своего владыки, а завтра дерзко садится на тронъ властелина и хладнокровно душитъ родныхъ и казнитъ чужихъ; для котораго вся поэзія жизни — власть и богатство, а назначеніе

жизни—быть палачомъ или жертвой!... Еще труднѣе вообразить себя австралійскимъ дикаремъ, для котораго верхъ блаженства дикая, животная воля, кусокъ человѣческаго мяса, осколокъ зеркала, цвѣтной лоскутъ матеріи, какая-нибудь побрякушка; котораго вся жизнь—или остервенѣлая рѣзня съ врагами, или побѣдная пляска вокругъ костра, гдѣ жарятся тѣла плѣнниковъ. Чѣмъ жизнь ниже, тѣмъ менѣе понятна она; чѣмъ выше, тѣмъ понятнѣе. Со всѣмъ тѣмъ, какъ бы ни была тѣсна и ограничена сфера жизни, но если въ ней есть хоть что-нибудь человѣческаго,—это малое человѣческаго намъ понятно. И у дикарей есть чувство любви, хотя въ грубыхъ, животныхъ формахъ; и для дикаря существуютъ и радость, и горе; сердце его весело бьется въ присутствіи милаго ему человѣка, слезами и рыданіями изъясляетъ онъ печаль при невозвратной утратѣ. И когда радость его или страданіе, отрѣшаясь отъ минуты и случая, которыми порождены онѣ, переливаются въ звуки и выражаются общечеловѣческимъ языкомъ поэзіи,—мы понимаемъ простые и наивные звуки этой поэзіи, сочувствуемъ ей, потому что находимъ въ ней свое, намъ самимъ принадлежащее, родное, словомъ—человѣческое. Я—человѣкъ и ничто человѣческое не чуждо мнѣ: вотъ законъ, на основаніи котораго мы выучиваемся чужимъ языкамъ, понимаемъ чужіе нравы, интересуемся чужой исторіей, наслаждаемся чужой поэзіей, становимся гражданами уже несуществующихъ народовъ и протекавшихъ вѣковъ, дѣлаемся властелинами прошедшаго, настоящаго и будущаго, царствуемъ надъ міромъ и вѣчностью... Бѣденъ и нищъ, кто, нося, на себѣ образъ человѣческій, чуждъ всему человѣческому,—бѣденъ и нищъ, хотя бы онъ былъ богаче Креза, могущественнѣе Чингисъ-Хана! Богатъ и могущъ, кто все понимаетъ, всему сочувствуетъ,—богатъ и могучъ, хотя бы онъ былъ и бѣднѣе Ира и назывался владѣльцемъ только собственной души своей!...

Но эта царственная область мірообладанія, это живое чувство родственности со всѣми формами, въ какихъ когда-либо проявлялась жизнь человѣчества,—по преимуществу достояніе поэта. Никому такъ не легко перенестись въ прошедшіе вѣка, воскресить почившіе народы, населить опустошенные

города, подсмотрѣть ихъ обычаи и нравы, подслушать ихъ рѣчь, подстеречь и уловить сокровенную думу цѣлаго ихъ существованія! Подобно Кювье, который по одной, вырытой изъ земли кости, безошибочно опредѣлялъ родъ, видъ, величину и наружную форму животнаго,—поэтъ по немногимъ фактамъ, часто нѣмымъ для ученаго и всегда мертвымъ для толпы, возстановляетъ цѣлое племя существъ, нѣкогда юныхъ, сильныхъ, полныхъ жизни и красоты: изъ мрака забвенія поднимаетъ чудную исторію, полную страстей, движенія, интереса; волшебнымъ заклинаніемъ поэзіи вызываетъ тѣни изъ гробовъ и заставляетъ ихъ снова и любить, и ненавидѣть, и желать, и стремиться, и страдать, и блаженствовать, словомъ—снова переживать передъ вашими глазами всю жизнь свою. Въ глупо рассказанной сказкѣ „О томъ, какъ хитро датскій король Амлетъ отмстилъ за смерть отца своего Горденвилла, убитаго своимъ братомъ Фенгономъ, и прочихъ похожденійхъ его жизни“—въ этой нелѣпой сказкѣ онъ проводитъ великую драму и изъ ея скудныхъ матеріаловъ создаетъ „Гамлета“. Въ лѣтописи Плутарха, представляющей только внѣшнюю сторону происшествій, онъ видитъ всѣ тайныя пружины, которыя давали ходъ событіямъ и которыя были невидимы для самого великаго жизнеописателя,—и творческой силой фантазіи вызываетъ изъ гробовъ гигантскія тѣни Коріолана, Брутовъ, Цезаря, Антонія, Августа, милые, граціозные образы цѣломудренной Лукреціи и обольстительной Клеопатры, одѣваетъ ихъ тѣломъ, вливаетъ въ ихъ жилы теплую кровь, зажигаетъ ихъ глаза блескомъ жизни и страстей, и мы слышимъ ихъ рѣчь, видимъ ихъ дѣла, знаемъ ихъ сокровенные помыслы,—соприсутствуемъ жизни, давно кончившейся, созерцаемъ краски, давно поблекшія, формы, давно исчезнушія, дѣлаемся современными свидѣтелями событій отъ которыхъ отдѣляютъ насъ тысячелѣтія и вѣка!... Задача историка—сказать, что было; задача поэта—показать, какъ было: историкъ, зная, что было, не знаетъ, какъ было поэту нужно только узнать, что было, и онъ уже видитъ самъ и можетъ показать другимъ, какъ оно было. И потому если наука оказываетъ поэзіи услуги, сказывая ей о томъ что было, то и поэзія, въ свою очередь, расширяетъ пре

дѣлы науки, показывая, какъ было. Мы недавно видѣли доказательство этого въ Вальтеръ-Скоттѣ, который своимъ романомъ „Иванго“ обнаружилъ тайныя пружины англійской исторіи, нашедъ ихъ въ борьбѣ саксонскаго племени съ норманскимъ, и тѣмъ далъ толчокъ и направленіе историческимъ изысканіямъ новѣйшаго времени. Всѣмъ извѣстенъ былъ темный слухъ о смерти Моцарта, будто бы отравленнаго Сальери изъ зависти; но только Пушкинъ могъ провидѣть въ этомъ преданіи психологическое явленіе и общую идею таланта, мучимаго завистью къ генію, — и онъ показалъ не то, какъ дѣйствительно случилось эта исторія, но какъ бы могла она случиться и прежде, и нынче, и всегда. А между тѣмъ ужасающая вѣрность, съ какой поэтъ представилъ положеніе Сальери къ Моцарту, доказываетъ отнюдь не то, чтобъ подобное положеніе было извѣстно ему самому по горестному опыту, а только то, что чѣмъ глубже духъ художника, тѣмъ доступнѣе его непосредственному сознанію всѣ, и свѣтлыя, и мрачныя, стороны человѣческой природы. Отъ этой-то доступности всему, что свойственно природѣ человѣческой, проистекаетъ способность поэта переноситься во всякое положеніе, во всякую страну, во всякій возрастъ, во всякое чувство, внѣ опыта собственной жизни. Тотъ не поэтъ, кто не могъ бы вѣрно выразить чувство отеческое, потому что самъ не былъ отцомъ. Если допустить, что неиспытаннаго собственнымъ опытомъ поэтъ не можетъ изображать, то ужъ нечего и говорить, что поэтъ, если онъ мужчина, не можетъ изобразить ни дѣвушки, ни матери. Такимъ точно образомъ поэту отнюдь не должно быть персіяниномъ, чтобъ, начитавшись Гафиза, писать въ духѣ персидской поэзіи. Въ поэзіи всякаго народа отражается природа (мѣстность) и духъ (національность) страны. Обаяніе персидской поэзіи не только можетъ быть доступно для жителя сѣверныхъ странъ, но еще, по закону противоположности, сильнѣе дѣйствовать на него, чѣмъ на природнаго персіянина. Нѣга и роскошь непосредственнаго бытія на лонѣ матери-природы также не могутъ не быть доступны европейцу, хотя и прямо противорѣчатъ условіямъ его жизни. Чувственная жизнь есть первый моментъ жизни каждаго человѣка въ періодъ его безсознательнаго младенчества; эта же чувственная жизнь была первымъ мо-

ментомъ и жизни человѣчества на его родномъ и роскошномъ Востокѣ: слѣдовательно то, что теперь составляетъ поэзію персидской жизни, — не что-нибудь случайное, но необходимый (а потому и разумный) моментъ историческаго развитія. Если намъ кажется унизительною для человѣческаго достоинства такая нравственная дремота чувственнаго бытія, — это потому, что она несвоевременна, и что народъ, погруженный въ нее, представляетъ изъ себя посѣдѣлаго и дряхлаго младенца; сверхъ того въ персидской, какъ и во всякой восточной поэзіи основной элементъ — пантеистическое міросозерцаніе, которое для современнаго человѣчества — анахронизмъ, но въ свое время было великимъ моментомъ всемірно-историческаго развитія. Пылкость южной фантазіи, любящая выражаться преувеличенными образами, яркими и пестрыми формами, странными и часто изысканными оборотами, также имѣетъ для насъ свой интересъ, хотя и внѣшній, предметный, и понятна намъ, такъ сказать, вчужѣ. Слѣдовательно, все, что составляетъ элементы жизни и поэзіи Персіи, не есть что-нибудь чуждое духу человѣческому, но все родственное и присущее ему, хотя и подъ условіемъ прошедшаго историческаго момента. Тѣмъ болѣе возможности для поэта погружаться въ прекрасный міръ Греціи и выносить изъ него чудныя видѣнія, созданныя въ ея духѣ и формѣ. Говорятъ, нѣмцу нельзя быть грекомъ. Справедливо: нѣмецъ не можетъ быть грекомъ до того, чтобъ не быть нѣмцемъ; но нѣмецъ, созерцающій міръ греческой жизни и до упоенія проникаясь ея духомъ, можетъ смотрѣть на нее глазами грека и на то время становится грекомъ, не переставая быть нѣмцемъ. Я — человѣкъ, и ничто человѣческое не чуждо мнѣ, а Греція была по преимуществу странною человѣчественности (Humanität).

Духъ человѣческій всегда одинъ и тотъ же, въ какихъ бы формахъ не являлся онъ; форма есть явленіе идеи, а идея всегда едина и вѣчна; слѣдовательно, только случайныя формы, лишеныя жизни, чуждыя идеѣ, могутъ быть непонятны. Развитіе человѣчества есть непрерывное движеніе впередъ, безъ возврата назадъ. Если мы видимъ теперь просвѣщеннѣйшія страны древняго міра погруженными во мракъ невѣжества и варварства, а мѣста невѣжества и варварства въ древ-

ности — просвѣщеннѣйшими странами въ мірѣ, изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобъ движеніе человѣчества состояло въ какомъ-то кругѣ, гдѣ крайняя точка впадаетъ въ точку исхода. Человѣчество дѣйствительно движется кругомъ (т. е. идя впередъ, безпрестанно возвращается назадъ), но кругомъ не простымъ, а спиральнымъ, и въ своемъ ходѣ образуетъ множество круговъ, изъ которыхъ послѣдующій всегда обширнѣе предшествующаго. Человѣчество въ своемъ ходѣ подобно путнику, который, за отсутствіемъ прямой дороги, дѣлаетъ обходы мимо лѣсовъ и болотъ, — который въ иной день далеко уйдетъ впередъ, а въ иной возвратится назадъ, но у котораго, въ суммѣ пройденнаго странства, каждый день является нѣсколько процентовъ, приближающихъ и не отдаляющихъ его отъ цѣли. Если свѣтъ просвѣщенія погасъ въ Вавилонѣ, Египтѣ, Греціи и Италіи, — это было проигрышемъ для тѣхъ странъ, а не для человѣчества. Греція и Римъ погибли для себя, но сохранились для человѣчества: ихъ приняла въ себя варварская, тевтонская, Европа съ тѣмъ, чтобъ, обогативъ ими собственную жизнь, возвратить ихъ потомъ имъ же самимъ. Законъ развитія человѣчества таковъ, что все пережитое человѣчествомъ, не возвращается назадъ, тѣмъ не менѣе и не исчезаетъ безъ слѣдовъ въ пучинѣ времени. Исчезнувшее въ дѣйствительности, — живетъ въ сознаніи. Такъ старецъ съ умиленіемъ и восторгомъ воспоминаетъ не только о лѣтахъ своего зрѣлаго мужества, но и опылкой юности, и о свѣтломъ, безмятежномъ младенцествѣ, и потому самому не перестаетъ сочувствовать ни мужу, ни юношѣ, ни младенцу. Человѣку нельзя на всю жизнь оставаться младенцемъ, но онъ долженъ перейти черезъ всѣ возрасты — отъ колыбели до могилы. Послѣдующій возрастъ выше предшествующаго; однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ предшествующій, будучи ступенью и средствомъ, не былъ, въ то же время, и самъ по себѣ цѣлью, а слѣдовательно, не заключалъ въ себѣ разумности и поэзіи. Дѣтскій возрастъ безуменъ, но не глупъ. Мы смѣемся, глядя на ребенка въ гусарскомъ мундирѣ и верхомъ на палочкѣ; но смѣемся въ этомъ случаѣ только легкости, а не глупости его взгляда на жизнь, и смѣясь, завидуемъ этой легкости,

со вздохомъ вспоминая о лѣтахъ своего дѣтства. Дитя, сидя верхомъ на палочкѣ, воображаетъ себя всадникомъ, скачущимъ на борзomъ конѣ: — это глупость, но глупость, такъ сказать, разумная, ибо выраженіе лица этого ребенка, полные огня глаза его обнаруживаютъ не только умъ, но часто и остроуміе, и своего рода хитрость, при невинности и простодушіи, — тогда какъ лицо взрослого человѣка, который тѣшится ѣздой на палкѣ, непременно должно выражать глупость и идиотство. То же бываетъ и съ человѣчествомъ. Герои нашего времени не пасутъ своихъ стадъ, не рѣжутъ своими руками барановъ и не пекутъ ихъ на огнѣ, подобно Агамемнону и Ахиллу, а героини не ходятъ къ свѣтлымъ ключамъ мыть платья своихъ мужей, отцовъ и братій, подобно дочерямъ царственного старца Пріама; но это не мѣшаетъ намъ, людямъ новѣйшаго времени, понимать и любить поэзію пасторально-героической Греціи, восхищаться неправильными боями, грубыми пиршествами, цѣломудренно чувственной и наивно-нагой любовью, и патриархально семейственными отношеніями этихъ людей-полубоговъ, этихъ героевъ-дѣтей, такъ божественно воспѣтыхъ безсмертнымъ, вѣчно юнымъ старцемъ Гомеромъ. Да, ни одинъ изъ прожитыхъ человѣчествомъ моментовъ не теряется ни для жизни, ни для сознанія человѣчества. Только дикіе невѣжды, грубые натуры, чуждые божественной поэзій, могутъ думать, что „Иліада“, „Одиссея“ и греческіе лирики и трагики уже не существуютъ для насъ, не могутъ услаждать нашего эстетическаго чувства. Эти жалкіе крикуны, которые во всемъ видятъ одну внѣшность и со внѣ скрываютъ однѣ верхушки, не проникая внутрь, въ таинственное святилище животворной идеи, — эти сухіе резонеры опираются на измѣнчивость формъ и условій жизни. Но они забываютъ, что въ формахъ и временныхъ условіяхъ выражается вѣчная, неумирающая идея, и что поэзія по тому самому и есть высокое, вдохновенное искусство, а не ремесло, что она въ создаваемые ею формы и образы уловляетъ идею, и чрезъ формы и образы овеществляетъ идею, а черезъ идею дѣлаетъ вѣчно-юными и живыми формы и образы. Въ наше время уже невозможны крестовые походы? но кто же, кромѣ невѣждъ, не будетъ видѣть въ крестовыхъ походахъ среднихъ

вѣковъ — этой эпохѣ юности человѣчества — великаго событія, или станетъ надъ ними смѣяться, какъ надъ пустымъ и нелѣпымъ предпріятіемъ?... Манчскій витязь, благородный донъ Кихоть, дѣйствительно смѣшонъ именно потому, что онъ — анахронизмъ; явись же онъ въ свое время — онъ былъ бы великъ, возбуждалъ бы удивленіе а не смѣхъ. Въ этомъ смыслѣ смѣшна и „Энеида“, которая во время упадка римской доблести, во время разврата, вздумала прикинуться простодушнымъ эпосомъ пасторально-героическихъ временъ и объявить незаконныя притязанія на родство съ божественной „Иліадой“.

Подражать поэзіи извѣстнаго народа или какого-нибудь поэта — совсѣмъ не то, что писать въ духѣ той или другой поэзіи, того или другого поэта. Всякимъ подражаніемъ необходимо предполагается сознательное преднамѣреніе и усиліе воли; проникновеніе же въ духъ какой-либо поэзіи есть дѣйствіе свободное, непосредственное. Отъ подражанія происходитъ только мертвый списокъ, рабская копія, которые лишь по наружности сходны съ своимъ образцомъ, но въ сущности не имѣютъ ничего съ нимъ общаго. Трагедіи Корнеля, Расина и Вольтера могутъ еще имѣть какое-нибудь значеніе и какую-нибудь цѣну, какъ отголосокъ современныхъ идей, какъ отраженіе современнаго общества, хотя и въ неестественной формѣ; но какъ подражанія трагедіямъ Софокла и Эврипида, какъ изображеніе греческихъ характеровъ и греческой жизни, — онѣ смѣшны, нелѣпы, карикатурны, лишены даже всякаго призрака, здраваго смысла. не только поэзіи. Творчество въ духѣ извѣстной поэзіи, жизнью которой проникнулся поэтъ, есть уже не списокъ, не копія, но свободное воспроизведеніе (reproduction), соперничество съ образцомъ. Для доказательства достаточно указать на „Торжество Побѣдителей“ и „Жалобы Цереры“ — пьесы Шиллера, такъ превосходно переданныя порусски Жуковскимъ. Эллинская рѣчь исполнена въ нихъ эллинскаго духа; пластическіе образы классической поэзіи дышатъ глубиной и простодушіемъ древней мысли; въ окончательныхъ стихахъ первой пьесы заключается весь кодексъ вѣрованій, вся мудрость и философія жизни грековъ:

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Мртвый мирно въ гробѣ спи,
Жизнью пользуйся живущій!

Искусство грековъ — высочайшее искусство. норма и первообразъ всякаго искусства. Чуждое всѣхъ другихъ элементовъ, покорное только самому себѣ, оно является въ первобытной, типической самостоятельности, чистое, безпримѣсное, исключительно дѣйствующее собственнымъ орудіемъ — формами и образами. Въ прекрасной наготѣ своей оно дышитъ цѣломудріемъ и какой-то святостью и чистотой мысли. Давно уже всѣ согласились, что нагія статуи древнихъ успокоиваютъ и умиряютъ волненія страсти, а не возбуждаютъ ихъ, — что и оскверненный отходитъ отъ нихъ очищеннымъ. Исключеніе остается за людьми, чуждыми эстетическаго чувства, непонимающими красоты. Красота -- не истина, не нравственность; но красота — родная сестра истинѣ и нравственности. Красота не служитъ чувственности, не освобождаетъ насъ отъ чувственности, возвращая духу нашему права его надъ плотію. Животное не требуетъ отъ своей самки красоты, но требуетъ только, чтобъ она была самкой. Грустно думать, что требованія многихъ людей въ этомъ отношеніи нисколько не разнятся отъ такихъ требованій; но еще грустнѣе думать, что на многихъ людей-самцовъ и людей-самокъ красота производитъ дѣйствіе возбуждательнаго настоя. Кто же виноватъ въ этомъ — красота или люди? Конечно послѣдніе, потому что человѣкъ долженъ быть мужчиной, а не самцомъ, женщиной, а не самкой. Варваръ-турокъ покупаетъ на базарѣ женщину, и чѣмъ прекраснѣе она, тѣмъ болѣе готовъ онъ купить ее; въ средніе же вѣка не рѣдкость были рыцари, подобные Тогенбургу, воспѣтому Шиллеромъ, — рыцари, которые, не встрѣтивъ отвѣта на свое чувство, сражались на отдаленномъ Востокѣ за Святой Гробъ и остатокъ жизни проводили въ шалашѣ, не спуская взора съ окна жестокой красавицы... Торжество духа (ибо красота есть явленіе духа) особенно поразительно въ благородныхъ натурахъ при взаимной любви. Гордая сила мужчины робко смиряется при кроткомъ и ясномъ взорѣ слабой красоты. Забывая обаянія на-

слажденія, онъ ищетъ блаженства въ одномъ присутствіи красоты, которое вѣетъ миромъ и прохладой на бурю чувствъ его. Чувство его полно религіознаго благоговѣнія: любовь его похожа на обожаніе; самое наслажденіе кротко, цѣломудренно и чисто. Не правда-ли, что здѣсь красота производитъ по-видимому обратное и неестественное дѣйствіе?— Нѣтъ; только такое дѣйствіе красоты истинно и естественно... Здѣсь мы не можемъ не вспомнить этихъ словъ божественнаго Платона, полныхъ такой глубокой мудрости въ смыслѣ и такой силы и поэзіи въ выраженіи: „Красота одна получила здѣсь жребій — быть пресвѣтлой и достойной любви. Не вполне посвященный, развратный, стремится къ самой красотѣ, не смотря на то, что носитъ ея имя; онъ не благоговѣетъ передъ ней, а подобно четвероногому ищетъ одного чувственного наслажденія, хочетъ слить прекрасное съ своимъ тѣломъ.. Напротивъ, вновь посвященный, увидѣвъ богамъ подобное лицо, изображающее красоту, сначала трепещетъ; его объемлетъ страхъ; потомъ, созерцая прекрасное, какъ Бога, онъ обожаетъ, и если бы не боялся, что назовутъ его безумнымъ, онъ принесъ бы жертву предмету любимому?..“*).

Конечно понятія грековъ и понятія рыцарскія о красотѣ — не одно и то же, хотя тѣ и другія выходятъ изъ одного источника. Разница заключается въ возрастѣ человѣчества, выраженномъ Греціей и западной Европой среднихъ вѣковъ: первая выразила, такъ сказать, младенчество одухотвореннаго человѣчества**), а вторая—юношескій періодъ его жизни. Грекъ боготворилъ природу, прозрѣвая вѣяніе духа въ ея прекрасныхъ формахъ; средніе вѣка были царствомъ духа, объявившаго войну природѣ. Кромѣ климатическихъ причинъ, строгость въ одеждѣ была въ средніе вѣка первымъ условіемъ цѣломудрія: нагота оскорбляла его. Грекъ въ наготѣ видѣлъ

*) Эти слова Платона, какъ и всѣ приведенныя въ статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова, выписаны изъ „Теоріи поэзіи въ ист. разв. у древн. и нов. народовъ“ С. Шевырева,—книги, весьма примѣчательной своими выписками изъ Геродота, Платона, Аристотеля, Лессинга, Шиллера, Гёте, Шлегелей и другихъ.

**) Младенчество человѣчества въ естественномъ состояніи выражено азіатскими народами и египтянами; въ Греціи человѣчество является уже вышедшимъ изъ членъ природы и оковъ естественнаго закона.

только изящную природу, а идея красоты уже сама собой отстраняла въ его глазахъ идею о низкомъ и постыдномъ. Въ этомъ виденъ взглядъ младенца: дѣти не стыдятся наготы, и потому самому уже невинны въ ней. Но въ извѣстный возрастъ и въ нихъ пробуждается чувство безсознательной стыдливости. Грекъ боготворилъ эту стыдливость, какъ грацію; она была въ его глазахъ необходимой спутницей красоты, — и его прекрасныя статуи какъ-бы стыдятся своей собственной наготы. Понятія грека объ отношеніяхъ обоихъ половъ выходили изъ понятія о красотѣ, созданной для наслажденія, но наслажденія цѣломудреннаго. Стыдливость по-други возвышала для него прелесть и цѣну наслажденія. Тайна жизни грека заключалась въ естественности, просвѣтленной эстетическимъ чувствомъ, живымъ созерцаніемъ красоты. И потому онъ съ дѣтскимъ простодушіемъ называлъ всѣ вещи, всѣ предметы ихъ настоящимъ именемъ. Батюшковъ называетъ это грубостью, но справедливо замѣчаетъ, что „эта грубость можетъ даже соединиться съ нѣкоторымъ простодушіемъ, совершенно противнымъ нашему искусству выражать все полусловами и развращать сердце, не оскорбляя слуха и вкуса“. Вотъ отчего Гомеръ могъ рисовать такія картины, на которыя художникъ нашего времени никогда не осмѣлится; вотъ почему эти картины не только не безнравственны, но даже въ высшей степени нравственны, — и тѣ ошибаются, которые думаютъ, что онѣ могутъ имѣть вредное вліяніе на фантазію и чувство юноши, недавно вышедшаго изъ отрочества, или молодой дѣвушки. Грѣхъ состоитъ въ сознаніи грѣха: дитя можетъ очень невинно говорить о самыхъ виновныхъ предметахъ; а взрослый человѣкъ съ испорченной нравственностью и о самыхъ невинныхъ предметахъ можетъ говорить очень виновно. Грѣхъ состоитъ не въ томъ, чтобъ знать, но въ томъ, чтобъ ложно, криво, дурно знать. Для людей молодыхъ нѣтъ ничего вреднѣе знанія, тайкомъ прибрѣтеннаго. Это своего рода контрабанда. Въ извѣстныя лѣта сама природа непосредственно открываетъ людямъ тайны, которыхъ они и не подозревали въ своемъ дѣтствѣ. Въ это время не только не должно скрывать отъ молодыхъ людей извѣстныя тайны природы; но, напротивъ, открывать ихъ: это единствен-

ное средство спасти ихъ отъ сѣтей пагубной чувственности. Только это должно дѣлать умѣючи, и тайны природы просвѣтлять чувствомъ красоты и цѣломудрія, передавать ихъ не какъ смѣшныя предметы, годные только для кощунства, но какъ великое таинство творящаго духа. У насъ обыкновенно думаютъ, что дѣвственная чистота состоитъ въ младенческомъ невѣдѣніи: ложная мысль! Если добродѣтель есть невѣдѣніе, то всѣ животныя—предобродѣтельныя особы. Добродѣтель дѣвушки не въ томъ, чтобъ она младенчески не знала, но въ томъ, чтобъ она младенчески знала и, въ знаніи, оставалась чистой и дѣвственной. Поэтому чтеніе Гомера не только не вредно, но положительно полезно молодымъ людямъ обоюбого пола. Только надобно, чтобъ этому чтенію не придавалось никакой тайны, чтобъ оно было законно, явно и не прерывалось при входѣ посторонняго человѣка. Что же касается въ особенности до юношей—Гомеръ преимущественно долженъ быть предметомъ ихъ школьныхъ изученій, классныхъ занятій.

Что можетъ быть прекраснѣе, граціознѣе и невиннѣе картины изъ „Иліады“, какъ волоокая Гера, желая отвратить вниманіе Зевеса отъ боя троянъ и грековъ, чтобъ онъ не вздумалъ подать помощь ненавистнымъ ахейцамъ, обаяетъ его чарами любви и наслажденія; хотя предметъ этотъ самъ по себѣ, или изображенный не эстетически, могъ быть и не совсѣмъ невиненъ.

Еслибъ эта картина, вмѣсто глубокаго, но спокойнаго восторга, тихаго и свѣтлаго созерцанія, произвела въ комъ-нибудь нечистое и буйное упоеніе, — повторяемъ: въ этомъ былъ бы виноватъ не Гомеръ. Пьяный мужикъ будетъ плясать и подъ „Requiem“ Моцарта, подъ симфонію Бетховена, которыми посвященные внимаютъ съ благоговѣйнымъ восторгомъ. Поэтому мы думаемъ, что строгіе моралисты, указывающіе на подобныя мѣста въ поэзіи съ воплями на безнравственность, этимъ самымъ обнаруживаютъ только грубую, животное-чувственную натуру, на которую всякая нагота дѣйствуетъ раздражительно. И потому, понимая какъ слѣдуетъ понимать этихъ почтенныхъ господъ, оставимъ ихъ въ покоѣ ворчать на опаснаго для нихъ демона соблазна, — а сами, подъ эгидой

мудрой русской поговорки: „къ чистому нечистое не приста-
нетъ“, воскликнемъ вмѣстѣ съ великимъ Гёте, къ которому
намъ уже давно бы пора обратиться:

Любящимъ намъ подобаетъ смиреніе; каждому богу
Мы въ тишинѣ поклоняемся, свято всегда исполняя
Заповѣдь римскихъ владыкъ. Намъ доступны кумиры
Всѣхъ народовъ, хотя бѣ изъ базальта грубо и рѣзко
Ихъ изваялъ египтянинъ, или грекъ утонченный изящно,
Мягко и нѣжно изъ бѣлаго мрамора создалъ; обители
Наши отверсты всегда и для всѣхъ. Одну лишь особенно
Чествуемъ, любимъ, одной предпочтительно служимъ богинѣ:
Ей наши завѣтныя жертвы, нашъ ладонъ и мирро!
Съ нею что встрѣча—то праздникъ, гдѣ гости—веселье и шалость!

Послѣ всего сказаннаго надѣмся, никто не удивится, что
мы не видимъ ничего страннаго въ мысли молодого нѣмецкаго
поэта записывать свои мимолетныя ощущенія гекзаметрами,
на манеръ древнихъ, прикидываться въ своихъ элегіяхъ ка-
кимъ-то грекомъ. Всякому возрасту свои радости и свои
горести, свои наслажденія и свои лишенія: это законъ храни-
тельнаго и любящаго Промысла. Отвратителенъ молодящійся
старичекъ, но не лучше его и юноша, который корчитъ изъ
себя старца: всему свое время и свое мѣсто; все благо, и
велико, и разумно — въ свое время и на своемъ мѣстѣ.

Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ;
Смѣшонъ и вѣтренный старикъ,
Смѣшонъ и юноша степенный.
Пока живется намъ, живи;
Гулай въ мое воспоминанье;
Усердствуй Вакху и любви,
И черни презирай роптанье;
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киферой, съ портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ;
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

Рыцарская платоническая любовь можетъ вспыхнуть и въ
душѣ двѣнадцатилѣтняго отрока; и это чувство будетъ въ
немъ прекрасно, хотя и не дѣйствительно. Пусть онъ пламе-
нѣетъ священнымъ огнемъ и вздыхаетъ тайкомъ про себя:
со временемъ онъ самъ будетъ смѣяться намъ своимъ чув-

ствомъ, но оно все-таки спасетъ его отъ многого дурного и разовьетъ въ его душѣ много благихъ сѣмянъ. Но какъ ни прекрасно такое чувство, оно въ богатой натурѣ не погаситъ потребности другого, болѣе соответствующаго возрасту чувства. Въ лѣта юности крайности легко сходятся, и молодое сердце нерѣдко въ одно и то же мгновеніе питаетъ противоположныя стремленія: пламенная вѣра идетъ объ руку съ холоднымъ сомнѣніемъ, идеальныя порывы смѣняются увлеченіемъ земныхъ страстей. Въ первой молодости человѣку всего сроднѣе та любовь, которая, не пуская въ сердце глубокихъ корней, любитъ перелетать отъ предмета къ предмету, которая вспыхиваетъ отъ каприза, разгорается отъ препятствія и погасаетъ отъ удовлетворенія. Много жизни, много радостей въ золотомъ бокалѣ юности,—и благо тому, кто не осушалъ его до самаго дна, кто не вѣдалъ тоски пресыщенія! Много счастья, много восторговъ въ любви безумной юности, — и лишь бы ея бурныя упоенія, ея младыя шалости не были животны и грубы, но умѣрялись, облагораживались и просвѣтлялись эстетическимъ чувствомъ, напутствовались Харитами,—они будутъ и безгрѣшны, и нравственны. Такая любовь въ натурѣ глубокой, въ душѣ благодатной, не можетъ быть утѣхой цѣлой жизни, но всегда бываетъ необходимой данью возрасту, и—у одного раньше, у другого позже—уступаетъ мѣсто чувству болѣе духовному, болѣе высокому. Но этотъ возрастъ соответствуетъ греческому періоду жизни человечества и есть необходимый, великій моментъ развитія, хотя онъ и долженъ уступить мѣсто еще высшему моменту. Юность выше младенчества, возмужалость выше юности; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ человѣкъ не жилъ, а только прозябалъ до возмужалости. И младенчество, и юность суть великіе моменты развитія; каждый изъ нихъ—самъ себѣ цѣль и полонъ разумности и поэзіи. Какъ въ эллинской жизни отношенія половъ облагораживались и освящались идеею красоты и граціи, такъ и въ юности человѣка самое мимолетное чувство и всѣ наслажденія любви должны быть эстетичны, чтобъ не быть безнравственными. Развратъ состоитъ въ животной чувственности, въ которой уже не можетъ быть никакой поэзіи, потому что въ поэзію могутъ входить только разумныя эмо-

менты жизни, а въ томъ нѣтъ разумности, что унижаетъ человѣка до животнаго.

Любовь первой юности, любовь эллинская, артистическая— основной элементъ „Римскихъ Элегій“ Гёте. Молодой поэтъ посѣтилъ классическую почву Рима; душа его вольно раскинулась подъ яхонтовымъ небомъ юга, въ тѣни оливъ и лавровъ, среди памятниковъ древняго искусства. Тамъ люди похожи на изящныя статуи, тамъ женщины напоминаютъ черты Венеры Медичейской. Лѣнивая, сладострастная, созерцательная жизнь, проникнутая чувствомъ изящнаго, тамъ вполне соответствуетъ идеалу художника. Гёте бросился въ эту жизнь со всѣмъ забвеніемъ, со всѣмъ упоеніемъ поэта; дни свои посвящалъ онъ ученію, ночи — любви, какъ онъ самъ говоритъ въ этой прекрасной элегіи:

Весело, славно живу я здѣсь на классической почвѣ; ~~т!~~
Утро проходитъ въ занятыхъ: читая творенія древнихъ,
Умъ постигаетъ яснѣй вѣкъ и людей современныхъ;
Ночь посвящая богу любви: пусть вполнину
Буду я только ученъ,—да за это блаженъ я трикраты!
Впрочемъ учиться могу я и тутъ, какъ вездѣ, созерцая
Формы живыя лучшаго въ мірѣ созданья: въ ту пору
Глазомъ смотрю осязающимъ, зрящей рукой осязаю,
Тайну искусства, мраморъ и краски вполне изучая.

Кто не раздѣлитъ этого пламеннаго одушевленія, этого артистическаго восторга художника, съ какимъ онъ видитъ себя на родной ему почвѣ классической страны!

О, какъ мнѣ весело въ Римѣ, если я вспомню, когда
Время туманнаго, сѣраго неба на мнѣ тяготѣло,
Вспомню то время, когда пасмурный сѣверный день
Душу томилъ, предо мною блѣдный покровъ разстилая;
Бѣденъ, голъ и безцвѣтенъ міръ мнѣ казался,—и я,
Вѣчно ничѣмъ недовольный, самъ о себѣ размышляя,
Грустно въ путь безотрадный взоры мои устремлялъ.
Нынѣ счастливца главу окружаетъ эфиръ животворный!
Феба велѣньемъ послушны мнѣ формы и краски; съ небесъ
Нѣгою вѣетъ, и тихо въ ночи свѣтозарной льются
Мягкія, сладкія пѣсни. Лучъ италійской луны
Свѣтитъ мнѣ ярче полярнаго солнца—и бѣдному смертному,
Мнѣ, жребій достался чудесный!..

Да, обвѣянный геніемъ классической древности, гдѣ и природа, и люди, и памятники искусствъ, — все говорило ему о богахъ Греціи, о ея роскошно поэтической жизни, — Гёте долженъ былъ сдѣлаться на то время если не грекомъ, то умнымъ скиѳомъ Анахарсисомъ, въ чужой землѣ обрѣтшимъ свою родину. Періодъ жизни, который онъ переживалъ, артистическая настроенность духа, — все соотвѣтствовало въ немъ духу эллинской жизни. И какъ идетъ гекзаметръ къ его элегіямъ, дышащимъ юностью, спокойствіемъ, наивною и граціей! Сколько пластицизма въ его стихѣ, какая рельефность и выпуклость въ его образахъ! Забываете, что онъ — нѣмецъ и почти современникъ вашъ, забываете, какъ и онъ забылъ это, принявши капитолійскую гору за Олимпъ и думая видѣть себя приведеннымъ Гебою въ чертоги Зевеса.

Подобно антологическимъ стихотвореніямъ древнихъ, каждая элегія Гёте схватываетъ какое-нибудь мимолетное ощущеніе, идею, случай, и замыкаетъ ихъ въ образъ, полный граціи, плѣняющій неожиданнымъ, остроумнымъ и въ то же время простодушнымъ оборотомъ мысли. Вотъ примѣръ:

Другъ, когда говоришь, что въ дѣтствѣ ты людямъ не нравилась,
Или, что мать не любила тебя, что тихо, одна
Ты выростала, и поздно сама развилась, — охотно
Вѣрю тебѣ; пріятно, сладко подумать, что ты
Малымъ ребенкомъ еще отъ другихъ отличалась. Подруга!
Участь твоя, что цвѣтокъ виноградный: чужды ему
Нѣжныя формы и яркія краски; но грозды созрѣли —
Боги и люди мгновенно ими вѣнчаютъ себя.

„Римскія Элегіи“ Гёте явно есть то, что у насъ въ прошломъ вѣкѣ называлось легкой поэзіей, а теперь получило названіе антологической поэзіи. Названіе это произошло отъ сборника мелкихъ произведеній греческой поэзіи или эпиграммъ. Вотъ какъ характеризуетъ Батюшковъ древнюю эпигramму:

„Мы называемъ *эпиграммою* краткіе стихи сатирическаго содержанія, кончающіеся острымъ словомъ, укоризной или шуткой. Древніе давали этому слову другое значеніе. У нихъ каждая небольшая пьеса, размѣромъ элегическимъ писанная (т. е. гекзаметромъ и пентаметромъ), называлась эпиграммой. Ей все служитъ предметомъ: она то поучаетъ, то шутитъ, и почти всегда дышитъ любовью. Часто она не что иное, какъ мгновенная мысль или быстрое чувство, рожденное красотою природы

или памятниками художества. Иногда греческая эпиграмма полна и совершенна; иногда небрежна и некончена—какъ звукъ вдали исчезающій. Она почти никогда не заключается разительной, острой мыслью, и чѣмъ древнѣе, тѣмъ проще. Этотъ родъ поэзіи украшалъ и пиры, и гробницы.—Напоминая о ничтожности мимоидущей жизни, эпиграмма твердила: „Смертный, лови мигъ улетающій!“ рѣзвилась съ Лаисой и, улыбаясь кротко и незлобно, слегка уязвляла невѣжество и глупость. Истинный Протей, она принимаетъ всѣ виды; а когда мы къ ея плѣнительной живости прибавимъ неизъяснимую прелесть совершеннѣйшаго языка въ мірѣ,—языка обработаннаго превосходнѣйшими писателями: тогда только можемъ имѣть понятіе ясное и точное, съ какимъ восхищеніемъ, съ какой радостью любитель древности перечитываетъ греческую антологию“.

Очевидно, что подъ антологическими стихотвореніями древнихъ должно разумѣть то, что мы называемъ мелкими лирическими пьесами. Поэзія древнихъ во всѣхъ родахъ—и въ лирикѣ, и въ драмѣ, отличается эпическимъ характеромъ; гимны Гезіода, оды Пиндара похожи на эпическія поэмы даже по своему объему: почти всѣ они очень велики для лирическихъ пьесъ. Слѣдовательно, эпиграммы древнихъ соотвѣтствуютъ тому, что мы называемъ „пѣснію, элегіей, сонетомъ, канцоной, стансами, надписями, эпитафіями“ и т. п. Оды Анакреона и Сафо тоже — эпиграммы. Отличительный характеръ эпиграммы — краткость, единство ощущенія или мысли, спокойствіе, наивность выраженія, пластицизмъ и мраморная рельефность формы. Вотъ для образца одна изъ такихъ эпиграммъ, художественно переведенныхъ пластическимъ Батюшковымъ:

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вѣется!
Какъ любить мой полустлѣвшій пень!
Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь:
Завяль: но виноградъ со мной не разстается. Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ,
И пепель твой любилъ, оставшись на земли.

Новѣйшіе поэты европейскихъ литературъ давно уже обратили свое вниманіе на греческую антологию, и то переводили изъ нея, то писали сами въ ея духъ,—въ обоихъ случаяхъ соперничествуя съ классическимъ геніемъ древности. Этимъ они внесли новый элементъ въ поэзію своего языка — элементъ пластическій, и имъ возвысили ее: ибо идеалъ новѣйшей по-

эзіи — классическій пластицизмъ формы при романтической ээирности, легучести и богатствѣ философскаго содержанія. Гёте. поэтъ пластическій по натурѣ своей, еще болѣе усвоилъ себѣ эту пластическую форму черезъ знакомство съ древними. Пламенный, энергическій Шиллеръ, поэтъ по преимуществу романтической, любилъ отдыхать и забываться душой въ свѣтломъ мірѣ греческой жизни. Онъ такъ поэтически оплакалъ паденіе прекрасныхъ боговъ Греціи; онъ такъ поэтически воспѣлъ въ „Четырехъ Вѣкахъ“ золотой вѣкъ Сатурна! Много вынесъ онъ изъ древняго міра свѣтлыхъ и дивныхъ явленій. Правда, онъ въ греческое содержаніе внесъ какой-то отгѣнокъ новѣйшаго міросозерцанія: но это еще болѣе возвышаетъ цѣну его произведеній въ древнемъ родѣ. Мы уже упоминали о „Торжествѣ Побѣдителей“ и „Жалобахъ Цереры“, такъ прекрасно переданныхъ по-русски нашимъ Жуковскимъ; но есть у него много пьесъ и въ чисто-антологическомъ родѣ.

По сродству съ классическимъ геніемъ древности, италіанскіе поэты должны часто напоминать древнихъ вообще, а слѣдовательно и ихъ антологическую поэзію. Вотъ въ этомъ родѣ пьеса Тасса, вольно переведенная Батюшковымъ:

Дѣвица юная подобна розѣ нѣжной,
Взлелѣянной весной подъ сѣнію на ежной:
Ни стадо алчное, ни взоры п стуховъ
Не знаютъ тайнаго сокровища луговъ;
Но вѣтеръ сладостный, но рощи благовонны,
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

Хотя геній французскаго языка и французской литературы, отличающихся характеромъ какого-то прозаизма, и діаметрально противоположенъ генію языка и поэзіи греческой, — однакожъ и у французовъ есть поэтъ, котораго муза родственна музѣ древнихъ и котораго многія пьесы напоминаютъ древнія антологическія стихотворенія. Мы говоримъ объ Андреѣ Шенъе, котораго нашъ Пушкинъ такъ много любилъ, что и переводилъ изъ него, и подражалъ ему, и даже создалъ поэтическую апопееозу всей его славной жизни и славной смерти. Вотъ двѣ пьесы Андрея Шенъе, изъ которыхъ первая переведена Пушкинымъ, а вторая — Козловымъ:

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Однѣзъ ночной гребецъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ
Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ.
Онъ любитъ пѣснь свою, поетъ и не для забавы,
Безъ дальнихъ умысловъ, не вѣдаетъ ни славы,
Ни страха, ни надеждъ, и тихой музы полнъ,
Умѣетъ усладить свой путь надъ бездною волнъ.
На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
Преслѣдуютъ во мглѣ мой парусъ одинокой,
Какъ онъ, безъ отзыва утѣшно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

Стремясь не ко мнѣ съ любовью и хвалами,
И много отъ сестры отстала я годами.
Душистый ли цвѣтокъ мнѣ юноша даритъ—
Онъ мнѣ его даетъ, а на сестру глядитъ;
Любуется ль моею младенческой красою,
Всегда примолвить онъ: какъ я сходна съ сестрою.
Увы! двѣнадцать разъ лишь мнѣ весна цвѣла!
Мнѣ въ пѣсняхъ не поютъ, что я сердцамъ мила,
Что я плѣненныхъ мною измѣной убиваю!
Но что же—подождемъ: мою красу я знаю!
Я знаю: у меня во блескѣ молодомъ,
Есть алыя уста съ ихъ ровнымъ жемчугомъ,
И розы на щекахъ, и кудри золотыя,
Рѣсницы черныя и очи голубыя!

Батюшковъ говоритъ, что у насъ первые начали писать въ антологическомъ родѣ Ломоносовъ и Сумароковъ. Что касается до послѣдняго—мы, не желая говорить о пустякахъ, умолчимъ о его антологическихъ стихотвореніяхъ. Ломоносовъ написалъ въ антологическомъ родѣ пьесу „Мокрый Амуръ“, которая несказанно восхищала его современниковъ; но мы не видимъ въ ней ни вкуса, ни таланта, ни поэзіи; антологическаго же въ ней еще меньше. Антологическая поэзія требуетъ большаго таланта, ибо требуетъ въ высшей степени художественной формы, недостатка которой не можетъ искупить ни пламенное чувство, ни богатство содержанія. Батюшковъ упоминаетъ еще объ удачныхъ подражаніяхъ антологической поэзіи Вольтера, будто бы мастерски переведенныхъ по-русски Дмитріевымъ. Чтобъ не завлечься далеко сличеніями, не скажемъ, до какой степени удачны его подражанія антологіи

Вольтера; но можемъ сказать утвердительно, что въ мастерскихъ переводахъ Дмитріева рѣшительно нѣтъ ничего мастерскаго—нѣтъ ни призрака пластичности, ни искры поэзіи или таланта. Это проза въ стихахъ, которые въ свое время дѣйствительно были хороши, а теперь стали очень плохи. Дмитріевъ былъ человѣкъ необыкновенно умный, острый; онъ оказалъ большія услуги русскому языку и литературѣ; но его поэзія—поэзія головы и разсудка, а не сердца и фантазіи; въ его духѣ не было ничего родственнаго съ духомъ эллинизма; стихъ его прозаиченъ, образы вялы и отвлеченны. Первый началъ у насъ писать въ антологическомъ родѣ Державинъ. Въ своихъ такъ называемыхъ анакреонтическихъ стихотвореніяхъ онъ является тѣмъ же, чѣмъ и въ одѣ,—человѣкомъ, одареннымъ большими поэтическими силами, но не умѣвшимъ управляться съ ними по недостатку вкуса и художественнаго такта. Въ цѣломъ, всѣ произведенія Державина—какія-то безобразныя массы грубаго вещества, блестящія драгоцѣнными камнями въ подробностяхъ. Но цѣлаго у него никогда не ищите; превосходнѣйшіе стихи перемѣшаны у него съ самыми прозаическими, плѣнительнѣйшіе образы—съ самыми грубыми и уродливыми. Потому-то Державина теперь никто не читаетъ, хотя и всѣ справедливо признаютъ въ немъ огромный талантъ. Напрасно думаютъ многіе, что дурной языкъ и некрасивые стихи ничего не значатъ и могутъ искупаться полнотою чувства, богатствомъ фантазіи и глубокими идеями: сущность поэзіи—красота, и безобразіе въ ней не какой-нибудь частный и простительный недостатокъ, но смертоносный элементъ, убивающій въ созданіи поэта даже истинно прекрасныя мѣста. Одинъ дурной стихъ, одно прозаическое выраженіе, одно неточное слово иногда уничтожаетъ достоинство цѣлой и притомъ прекрасной пьесы. Пушкинъ потому и великій художникъ, что каждая его пьеса выдержана отъ начала до конца, равна въ тонѣ и въ малѣйшихъ подробностяхъ соотвѣтствуетъ своему цѣлому. Для доказательства справедливости нашихъ словъ, нарочно выписываемъ здѣсь большую, поэтическую по мысли и отличающуюся необыкновенными красотами анакреонтическую оду Державина—„Рожденіе Красоты“. Чтобъ быть понятными для всѣхъ безъ

лишнихъ словъ, — слабыя мѣста, безвкусныя выраженія, дурные стихи, неточныя слова мы означимъ курсивомъ:

Сотворя Зевесъ вселенну,
Звалъ боговъ всѣхъ на обѣдъ.
Вкругъ нектара чашу пѣвну
Разносилъ имъ Ганимедъ.
Медъ, амброзія блистала
Въ ихъ устахъ, по лицамъ огонь,
Благовоній мгла летала,
И Олимпъ былъ свѣта полнъ.
Разнавались пѣсенъ хоры,
И звучалъ весельемъ пиръ;
Но внезапно какъ-то взоры
Опустилъ Зевесъ на міръ—
И, увидѣвъ царства, грады,
Что почили отъ боевъ;
Что боины мечутъ взляды
На бѣднѣйшихъ пастуховъ,—
Распалился столько гнѣвомъ,
Что курчавой головой
Покачавъ, шатнулъ всѣмъ небомъ,
Адомъ, моремъ и землей *).
Вмигъ сокрылся блескъ лазуря;
Тьма съ бровей, огонь съ очесъ,
Вихоръ съ ризъ его, и буря
Возшумѣла отъ небесъ;
Разразились всюду громы,
Мракъ во пламени горѣлъ,
Яры волны будто холмы,
Понтъ стремился и ревѣлъ;
Въ растворенны безднѣ утробы
Тартаръ искры извергалъ,
Въ тучи Фебъ, какъ въ чорны гробы,
Поируженный трепеталъ;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянулъ громъ,
Миръ, Олимпъ, чертогъ и боги
Повернулся бы вверхъ дномъ **).
Но Зевесъ вдругъ умилился:
Стало, знать, красавицъ жалъ;

*) По нашему мнѣнію, эти четыре стиха—торжество Державинской поэзіи, — и не смотря на ихъ какъ бы шуточный тонъ, они исполнены антологической граціи и вмѣстѣ классическаго величія.

**) Какая трескотня надутыхъ риторическихъ фразъ! какое безвкусіе въ образъ выраженія!

А какъ съ ними не смирился,
 Новую тотчасъ создалъ:
 Ввилъ въ власы пески златые,
 Пламя—въ очи и уста,
 Небо въ очи голубыя,
 Пѣну въ грудь—и красота
 Вмигъ изъ волнъ морскихъ родилась;
 А взглянула лишь она,
 Тотчасъ буря укротилась,
 И настала тишина.
 Сизы, юные дельфины,
 Облелѣя табуномъ,
 На свои ее взявъ спины,
 Мчали по пустынь волнъ.
 Бѣлы голуби станицей,
 Гдѣ откуда ни взялись,
 Подъ жемчужной колесницей
 Съ ней на воздухъ поднялись;
 И летя подъ облаками,
 Вознесли на звѣздный холмъ;
 Зевсъ обнялъ ее лучами
 Съ улыбнувшимся лицомъ *);
 Боги, молча удивлялись
 На красу, *разиня ротъ*,
 И согласно въ томъ признались:
 Миръ и брани—отъ красотъ.

★ ИЗ КНИЖНИЦЕ ★
 М. С. М. БУБЕЦА ★

★ Београд ★

Вотъ уже подлинно глыба грубой руды съ яркими блестками чистаго, самороднаго золота! И таковы то всѣ анакреонтическія стихотворенія Державина: они больше, нежели все прочее, служатъ ручательствомъ его громаднаго таланта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того, что онъ былъ только поэтъ, а отнюдь не художникъ, т. е. обладая великими силами поэзіи, не умѣлъ владѣть ими. Ни одна пьеса его не чужда риторики, слабыхъ, растянутыхъ и вялыхъ стиховъ, вставочныхъ мѣстъ, и потому всѣ онѣ лишены индивидуальной цѣлостности, общности впечатлѣнія, лишены этой виртуозности, которую придаетъ произведенію окончательная отдѣлка художническаго рѣзца поэта.

Тѣмъ не менѣе Державину первому принадлежитъ честь ознакомить русскихъ съ антологической поэзіей,—и его ана-

*) Какіе превосходные два стиха, полные гомерическаго величія и граціи.

креонтитескія пьесы, недостаточныя въ цѣломъ, блещутъ неподражаемыми красотами въ частностяхъ, хотя и нужно имѣть слишкомъ много самоотверженія, свойственнаго пламеннымъ диллетантамъ, чтобъ усмотрѣть въ нихъ красоты, несмотря на восторгъ, безпрестанно охлаждаемый дурными стихами.

(Державинъ только началъ; но дѣйствительно познакомили насъ съ духомъ древней классической литературы и переводами, и оригинальными произведеніями два поэта—Гнѣдичъ и Батюшковъ **): первый, — своимъ переводомъ „Иліады“ — этимъ гигантскимъ подвигомъ великаго таланта и великаго труда, переводомъ идилліи Теокрита „Сиракузянки“, собственной идилліей „Рыбаки“ и другими произведеніями. Муза Батюшкова была сродни древней музѣ. Жаль только, что духъ времени и французская эстетика лишили этого поэта свободнаго и самобытнаго развитія. До Пушкина не было у насъ ни одного поэта съ такимъ классическимъ тактомъ, съ такой пластичной образностью въ выраженіи, съ такой скульптурной музыкальностью, если можно такъ выразиться, какъ Батюшковъ. Мы уже приводили въ примѣръ его истинно образцовые, истинно артистическіе переводы изъ Антологіи: самъ Пушкинъ не отрекся бы назвать ихъ своими — такъ хороши нѣкоторые изъ нихъ. И между тѣмъ всѣ, зная „Умирающаго Тасса“ и другія большія произведенія Батюшкова, какъ будто и не хотятъ знать о его переводахъ изъ Антологіи—лучшемъ произведеніи его музыки. И это понятно: произведенія въ древнемъ родѣ, подобно камнямъ и обломкамъ барельефовъ, находимымъ въ Помпеѣ, могутъ услаждать вкусъ только глубокихъ цѣнителей искусства, приводить въ восторгъ только тонкихъ знатоковъ изящнаго; для толпы они недоступны. Толпа обыкновенно зѣваетъ на кумирь, котораго глубокое значеніе извѣстно одному жрецу. Сколько грусти, задушевно-сти, сладострастнаго упоенія, нѣжнаго чувства и роскоши образовъ въ этомъ антологическомъ стихотвореніи:

**) Имя Мерзлякова также заслуживаетъ упоминанія въ дѣлѣ знакомства нашей литературы съ древней поэзіей: нѣкоторые его переводы изъ древнихъ весьма примѣчательны; переведенная имъ элегія „Сафокъ Венера“ особенно интересна и сама по себѣ, и въ сравненіи съ этой самой пьесой Державина.

Въ Лаисѣ нравится улыбка на устахъ,
Ея плѣнительны для сердца разговоры;
Но мнѣ милѣй ея потупленные взоры
И слезы горести внезапной на очахъ.
Я въ сумерки, вчера, одушевленный страстью,
У ногъ ея любви всѣ клятвы повторялъ,
И съ поцѣлуемъ къ сладострастью
На ложе роскоши тихонько увлекалъ...
Я таилъ, и Лаиса млѣла...
Но вдругъ уныла, поблѣднѣла,—
И слезы градомъ изъ очей!
Смущенный, я прижалъ ее къ груди моей;
Что сдѣлалось, скажи, что сдѣлалось съ тобой?—
Спокойся, ничего, безсмертными клянусь;
Я мыслю была встревожена одною:
Всѣ вы обманчивы, и я—тебя страшусь...

Сколько роскоши и вакханальнаго упоенія въ этомъ апо-
теозѣ сладострастія:

Тебѣ ль оплакивать утрату юныхъ дней?
Ты въ красотѣ не измѣнилась,
И для любви моей
Отъ времени еще прелестнѣе явилась.
Твой другъ не дорожитъ неопытной красой,
Незрѣлой въ тайнствахъ любовнаго искусства,
Безъ жизни взоръ ея стыдливый и нѣмой,
И робкій поцѣлуй безъ чувства.
Но ты, владычица любви,
Ты страсть вдохнешь и въ мертвый камень;
И въ осень дней твоихъ не погаснетъ пламень,
Текущій съ жизнію въ крови.

Какая пластическая образность, умѣряющая внутреннее
клокотаніе страсти и просвѣтляющая его до идеального чув-
ства, въ этой послѣдней антологической элегіи Батюшкова
перевода:

Изнемогаетъ жизнь въ груди моей остылой;
Конецъ боренію; увы, всему конецъ!
Киприда и Эротъ, мучители сердецъ!
Услышите голосъ мой послѣдній и унылой.
Я вяну, и еще мученія терплю;
Полмертвый, но сгараю.
Я вяну, но еще такъ пламенно люблю,
И безъ надежды умираю!
Такъ, жертву обхвативъ кругомъ,

На алтарѣ огонь блѣднѣетъ, умираетъ,
И, вспыхнувъ ярче предъ концомъ,
На пеплѣ погасаетъ!

Пушкинъ, котораго поэтическій геній носилъ въ себѣ всѣ элементы жизни, которому доступны и родственны были всѣ сферы духа, всѣ моменты всемірно-историческаго развитія человѣчества, который былъ столько же поэтъ классическій, сколько поэтъ романтическій и поэтъ новѣйшаго времени, — Пушкинъ съ особенной любовью обращалъ свое вниманіе на обаятельный міръ древняго искусства. Его неистощимая и многосторонняя художническая дѣятельность обогатила нашу литературу множествомъ превосходнѣйшихъ произведеній въ антологическомъ родѣ, въ которыхъ дивная гармонія его стиха сочеталась съ самымъ роскошнымъ пластицизмомъ образовъ: это мраморныя изваянія, которыя дышатъ музыкой... Мы не имѣемъ нужды въ большихъ выпискахъ для доказательства нашей мысли: всѣ стихотворенія Пушкина извѣстны наизусть каждому сколько-нибудь образованному человѣку на всемъ пространствѣ великой Руси. Потому приведемъ въ примѣръ только три небольшія пьесы — и то не въ оправданіе нашего взгляда на ихъ художественное достоинство, а для того, чтобъ яснѣе и очевиднѣе показать, что такая антологическая поэзія, и какъ высказывается эллинскій духъ въ „божественной эллинской рѣчи“ — какъ называлъ ее самъ Пушкинъ.

Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣлъ Нереиду,
Сокрытый межъ деревъ, едва я смѣлъ дохнуть:
Надъ ясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладана сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой, студеной воды, золотистыя хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой: все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвеникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,
Должно творить возліянье, вѣщать благовѣщія рѣчи,
Должно безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
Правду блюсти: вѣдь оно же и легче. Теперь мы приступимъ:

Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться: но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо!

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклонясь, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ его легкій лелѣя,
И улыбалась ему, тихія слезы лія.

Эти три пьесы могутъ служить высочайшимъ идеаломъ антологической поэзіи. Вотъ перечень другихъ: „Доридъ“, Рѣдѣть облаковъ летучая гряда“, „Дорида“, „Муза“, „Діонея“, „Дѣва“, „Примѣты“, „Земля и Море“, „Красавица передъ Зеркаломъ“, „Ночь“, „Ты вянешь и молчишь“, „Сафо“, „Буря“, „Отвѣтъ Ѳ. Т“, „Соловей“, „Кобылица молодая“, „Городъ пышный, городъ бѣдный“, „Птичка“, „Къ портрету Жуковского“, „Лилъ“, „Имянины“, „Веселый пиръ“, „Не плѣняйся бранной славой“, „Поѣдемъ, я готовъ“, „Риѣма“, „Трудъ“, „Каковъ я прежде былъ“, „Сѣтованіе“, „Художнику“, „Три ключа“, „LVII ода Анакреона“, „Богъ веселый винограда“, „Мальчику“, „Изъ Анакреона“, „Добрый совѣтъ“, „Счастливъ, кто избралъ своенравно“, „Подражаніе арабскому“, „Леила“, „Послѣдніе Цвѣты“, „Лукъ звенить, стрѣла трепещетъ“ и пр. Многимъ можетъ быть покажется странно, что мы относимъ къ числу антологическихъ не только такія стихотворенія которыхъ содержаніе принадлежитъ скорѣе новѣйшему міру, нежели древнему, но даже и подраженіе арабской пьесѣ, тогда какъ аравійская поэзія не имѣетъ ничего общаго съ греческой. На это мы отвѣтимъ, что сущность антологическихъ стихотвореній состоитъ не столько въ содержаніи, сколько въ формѣ и манерѣ. Простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація формы — вотъ отличительные признаки антологическаго стихотворенія. Тутъ быкновенно, въ краткой рѣчи, молніеносномъ и неожиданнымъ оборотѣ, въ простыхъ и немногосложныхъ образахъ, схватывается одно изъ тѣхъ ощущеній сердца, одна изъ тѣхъ картинъ жизни, для которыхъ нѣтъ слова на вседневномъ языкѣ человѣческомъ, и которыя находятъ свое выраженіе только на

языкъ боговъ въ поэзіи, въ опроверженіе ложнаго мнѣнія людей добрыхъ, почтенныхъ, но ничего не разумѣющихъ въ дѣлѣ искусства, которые утверждаютъ, въ простотѣ ума и сердца, что слово недостаточно для мысли, какъ-будто слово не есть явленіе мысли... Вотъ на примѣръ антологическое стихотвореніе одного неизвѣстнаго, но даровитаго поэта, въ которомъ выражено обаяніе сна; лучше сказать, усыпленія послѣ прогулки фантастическимъ вечеромъ мая: прочтите его, — и вы сами поймете лучше всякихъ объясненій, что поэзія есть выраженіе невыражаемаго, разоблаченіе таинственнаго — ясный и опредѣлительный языкъ чувства нѣмотствующаго и теряющагося въ своей неопредѣленности:

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы спѣлыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ,
Когда надъ озеромъ бѣлѣтъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь,
Иду я подъ родной, соломенный мой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ,
И тамъ, съ улыбкой на устахъ своихъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ изъ яркихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,
И съ грудью бѣлою подъ черной кисеей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, головой склоняся ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

Что это такое? — Вздохъ музыки, палевый лучъ луны, играющій на поверхности спящаго пруда, поэтическая апопееза простого дѣйствія природы въ фантастическомъ образѣ легкой феи, успокоительной царицы сна? --- Что бы ни было — вы его понимаете, оно вамъ знакомо, вы не разъ испытывали его, это *что то*, которому поэтъ далъ и образъ, и имя... Это — ощущеніе всѣмъ знакомое и всѣмъ общее въ жизни. А вотъ и картина: вспомните Пушкина: „Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила“. Глубокъ смыслъ этой прелестной картины: она — одно изъ обыкновенныхъ явленій молодой любви, она выражаетъ общій характеръ любящаго женскаго сердца, которое изливается въ упрекахъ и ненависти отъ полноты оскорб-

ленной любви, и — все отъ той же любви — сторожа покой милого ему оскорбителя, изливается тихими слезами, готовыми уступить мѣсто и тихой радости, и бурнымъ восторгамъ...

Содержаніе антологическихъ стихотвореній можетъ братья изъ всѣхъ сферъ жизни, а не изъ одной греческой: только тонъ и форма ихъ должны быть запечатлѣны эллинскимъ духомъ. Изъ приведенныхъ нами примѣровъ ясно можно видѣть, въ чемъ состоитъ эллинизмъ формы. Почему къ антологическимъ же стихотвореніямъ Пушкина должно причислить и пьесу: „Въ крови горитъ огонь желанья“, хотя она взята и совершенно изъ другого міра поэзіи.

Мало этого: поэтъ можетъ вносить въ антологическую поэзію содержанія совершенно новаго и слѣдовательно чуждаго классицизму міра, лишь бы только могъ выразить его въ рельефномъ и замкнутомъ образѣ, этими волнистыми, какъ струи мрамора, стихами, съ этой печатью виртуозности, которая была принадлежностью только древняго рѣзца. Къ такимъ пьесамъ причисляемъ мы Пушкина: „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“, „Ненастный день потухъ“, „Я васъ любилъ“ и „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“. Но „Воспоминаніе“ и „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“ уже не могутъ быть отнесены къ разряду антологическихъ стихотвореній, сколько по содержанію, слишкомъ полному думы и вниканія, и притомъ такъ грустныхъ и печальныхъ, — столько и по формѣ поэтической, но не пластической. Антологическая поэзія допускаетъ въ себя и элементъ грусти, но грусти легкой и свѣтлой, какъ таинственный сумракъ жилища тѣней, какъ тихое безмолвіе сада, уставленнаго урнами съ пепломъ почившихъ. Грусть къ антологической поэзіи — это улыбка красавицы сквозь слезы.

Что же касается до пластицизма антологической поэзіи, — этотъ пластицизмъ отнюдь не долженъ быть какимъ-нибудь внѣшнимъ нарядомъ, искусственной отдѣлкой или извѣстной манерой, но выраженіемъ внутренняго и сокровеннаго духа жизни, которымъ дышетъ всякое художественное произведеніе — творческой, живоначальной идеи. Переводчикъ „Римскихъ Элегій“ Гёте говоритъ о нихъ въ своемъ краткомъ предисловіи такъ: „Способность великаго создателя „Фауста“ под-

чинять самые пылкіе порывы одушевленія законамъ изящнаго дала этимъ отрывкамъ всю прелесть художественной отдѣлки, накинута на обольстительные образы завѣсу граціи и вкуса; причуды геніальнаго воображенія, игривыя движенія души поэта не оскорбляютъ ни чувства, ни теоріи“. Мысль не совсѣмъ вѣрная или по крайней мѣрѣ не совсѣмъ вѣрно выраженная! Ея значеніе таково, какъ будто Гёте подкрасилъ само по себѣ не совсѣмъ красивое, соблазнительное сдѣлалъ только обольстительнымъ, тогда какъ онъ въ самомъ дѣлѣ прекрасное по идеѣ и сущности выразилъ въ прекрасной формѣ. Художественна только та форма, которая рождается изъ идеи, есть откровеніе духа жизни, свѣжо и здорово вѣющаго. Въ противномъ случаѣ, — она поддѣльна, вродѣ вставныхъ зубовъ, румянъ и бѣлилъ, и принадлежитъ не къ сферѣ искусства, а къ сферѣ магазиновъ съ галантерейными вещами. Есть большая разница между пластической художественностью Гомера и пластической художественностью Виргилія: первая — выраженіе внутренней жизненности, и потому — изящество; вторая — внѣшнее украшеніе, и потому щегольство. Гомеръ — изящный художникъ; Виргилій — ловкій, нарядный щеголь. Мало того, чтобъ хорошо владѣть гекзаметромъ и часто употреблять выраженія въ древнемъ духѣ: надо, чтобъ этотъ гекзаметръ и эти выраженія въ древнемъ духѣ были плодомъ вдохновенія, проявленіемъ внутренней жизненности идеи стихотворенія. Въ дополненіе къ сказанному, присовокупимъ нѣсколько словъ о размѣрѣ, свойственномъ антологическимъ стихотвореніямъ. Въ наше время смѣшно и нелѣпо указывать поэту, какой именно и непременно размѣръ долженъ онъ употреблять въ томъ или другомъ родѣ поэзіи; но тѣмъ не менѣе общее согласіе мастеровъ поэзіи, руководимыхъ своимъ художническимъ инстинктомъ, установило на это что то вродѣ постоянныхъ правилъ, хотя и допускающихъ исключенія. Такъ напримѣръ, для новѣйшей драмы преимущественно употребляется пятистопный ямбъ безъ рима; въ мелкихъ поэмахъ и лирическихъ произведеніяхъ — четырехстопный ямбъ, и т. д. Для антологическихъ стихотвореній преимущественно употребляются гекзаметръ и шестистопный ямбъ. О гекзаметрѣ нечего гово-

рить: онъ сынъ эллинскаго генія. Но удивительно хорошо идетъ къ антологическимъ стихотвореніямъ шестистопный ямбъ: онъ былъ такъ опрозаенъ прежними стихотворцами и пѣтими, что его считали уже ни на что негоднымъ, кромѣ эпическихъ пѣмъ вродѣ „Россіады“ и надутыхъ трагедій вродѣ „Димитрія Донскаго“. Пушкинъ освятилъ его своей музой, возродилъ, пересоздалъ, предалъ ему какую-то особенную гармонію, непостижимую прелесть и грацію. Для значительно большаго произведенія шестистопный ямбъ былъ бы монотоненъ, но къ антологическимъ стихотвореніямъ онъ идетъ не меньше гекзаметра: его плавно-перекатывающіяся, мягко-переливающіяся полустигіи такъ отзываются какой-то живой, упругой выпуклостью и дѣлаютъ его такъ способнымъ задвинуть и замкнуть пьесу, сообщивъ ей характеръ полноты и цѣлости.

Для истиннаго поэта всѣ размѣры одинаково хороши, и онъ каждый изъ нихъ умѣетъ сдѣлать приличнымъ для избраннаго имъ рода стихотвореній. Говоря о гекзаметрѣ и шестистопномъ ямбѣ какъ о приличнѣйшихъ размѣрахъ для антологической поэзіи, мы только замѣтили фактъ, существующій въ нашей литературѣ. Послѣ гекзаметра и шестистопнаго ямба съ особеннымъ эффектомъ употребляется и четырехстопный хорей.

Изъ новѣйшихъ языковъ только нѣмецкій и русскій могутъ имѣть гекзаметръ, и уже по одному этому болѣе другихъ способны къ передачѣ древнихъ произведеній и къ оригинальному созданію въ ихъ духѣ. Гёте избралъ гекзаметръ для своихъ „Римскихъ Элегій“,—нашъ переводчикъ передалъ ихъ также гекзаметромъ. Несмотря на неотъемлемое достоинство стиховъ Струговщикова, все же нельзя не замѣтить, что бороться съ гекзаметромъ Гёте могъ бы только развѣ Пушкинъ. Желаніе вѣрнѣе передавать подлинникъ не рѣдко отвлекало переводчика отъ заботливой отдѣлки гекзаметра,—размѣра, по преимуществу гармоническаго и пластическаго,—и потому у него иногда попадаются стихи, подобные слѣдующему:

Гаснетъ лампада. О други! *и тутъ, несказанно добрая*, и проч.

Но это только недостатокъ отдѣлки, который переводчику всегда легко исправить. Гораздо большаго упрека заслуживаетъ онъ за выпуски и измѣненія противъ подлинника. Такъ, въ концѣ второй элегіи переводчикъ выпустилъ самыя характеристическія подробности объ отношеніяхъ героя элегій къ его прекрасной. Но особенно непріятное впечатлѣніе производитъ передѣлка V-й элегіи, которая и у самого Гёте болѣе другихъ дышетъ всей роскошью пластической красоты. Это уже не только не переводъ, но даже и не подражаніе. Впрочемъ это единственная элегія, совершенно передѣланная переводчикомъ; во всѣхъ прочихъ встрѣчаются только частныя измѣненія и отступленія. Такъ, въ III-й элегіи Эндиміонъ названъ сыномъ Юпитера, и вообще мысль оригинала передана темно.

Впрочемъ, что касается до мелкихъ недостатковъ перевода Струговщикова, они много выкупаются вѣрностью вѣющаго въ немъ Гётева духа. Конечно переводъ Струговщикова далеко не замѣняетъ подлинника, но даетъ о немъ понятіе не словами, а колоритомъ и благоуханіемъ, словомъ, — болѣе или менѣе удачно схваченной въ немъ жизнью... Незнающіе нѣмецкаго языка обязаны Струговщику знакомствомъ съ „Римскими Элегіями“ Гёте; выучившись языку подлинника, они найдутъ въ нихъ не что-нибудь незнакомое, но сердце ихъ радостно и весело забьется отъ того чистаго, первоначальнаго звука, котораго самое эхо такъ очаровывало ихъ и заставляло съ такимъ упоеніемъ прислушиваться. Это можетъ дѣлать только истинный талантъ: ибо духъ открывается и дается только духу, не повинуюсь мертвому званію буквы и умѣнью или навыку передавать ее хотя бы и въ гладкихъ, звучныхъ стихахъ. Недостатки перевода Струговщикова, послѣ трудности бороться съ такимъ исполиномъ поэзіи, какъ Гёте, происходятъ даже едва ли и отъ поспѣшности и недостатка труда, а скорѣе отъ ложнаго взгляда на искусство переводить. Впрочемъ многія элегіи, особенно VII и VIII, переданы столько же близко и вѣрно, сколько и поэтически. Пятую элегію Струговщику надо перевести вновь; недостатки въ прочихъ исправить: его таланта на это хватитъ! Во всякомъ случаѣ его переводъ „Римскихъ элегій“

Гёте былъ бы подвигомъ, достойнымъ хвалы и удивленія, да же и не при настоящемъ положеніи нашей литературы, представляющей изъ себя зрѣлище мелкихъ, ничтожныхъ явленій и торговыхъ спекуляцій. Честь же и слава человѣку, который гордо сохраняетъ чистую и возвышенную любовь къ истинному искусству и, не гоняясь за эфемерными успѣхами и не обращая вниманія на толпу, жадную только до литературныхъ мелочей, съ замѣчательнымъ успѣхомъ посвящаетъ данный ему Богомъ талантъ на усвоеніе родному языку великихъ созданій великаго поэта Германіи!...

Русская народная поэзія.

Древнія россійскія стихотворенія, собр. Киршею Даниловымъ и вторично изданныя. Москва. 1818. Древнія русскія стихотворенія, служащія дополненіемъ въ Киршѣ Данилову. Собр. М. Сухановымъ. Спб. 1840. Сказанія русскаго народа, собр. И. Сахаровымъ. Т. I. Кн. 1, 2, 3 и 4. Изданіе третіе. Спб. 1841. Русскія народныя сказки, Часть 1. Спб. 1841 *).

I.

„Народность“ есть альфа и омега эстетики нашего времени, какъ „украшенное подражаніе природѣ“ было альфой и омегой эстетики прошлаго вѣка. Высочайшая похвала, какой только можетъ въ наши дни удостоиться поэтъ, самый громкій титулъ, какимъ только могутъ теперь почтить его современники или потомки, состоитъ въ словѣ „народный поэтъ“. Выраженія: „народная поэма“, „народное произведеніе“, часто употребляются теперь вмѣсто словъ: „превосходное, великое, вѣковое произведеніе“. Волшебное слово, таинственный символъ, священный іероглифъ какой-то глубоко-знаменательной, неизмѣримо-обширной идеи, — „народность“ замѣня-

*) Статья эта, напечатана по рукописи, мѣстами измѣненной и дополненной самимъ Бѣлинскимъ, должна была войти въ „Критическую исторію русской литературы“, которую, не задолго до смерти, онъ началъ составлять изъ прежнихъ статей своихъ.

ла собою и творчество, и вдохновеніе, и художественность, и классицизмъ, и романтизмъ, заключила въ одной себѣ и эстетику, и критику. Короче: „народность“ сдѣлалась высшимъ критеріумомъ, пробнымъ камнемъ достоинства всякаго поэтическаго произведенія и прочности всякой поэтической славы. Но всѣ ли, говоря о народности, говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ? не злоупотребляютъ ли это слово? понимаютъ ли его истинное значеніе? Увы, съ „народностью“ сдѣлалось то же, что нѣкогда произошло съ „романтизмомъ“ и со многими другими словами, которыя потому именно и утратили всякое значеніе, что слишкомъ расширились въ значеніи,—которыя сдѣлались непонятны ни для кого потому именно, что казались всѣмъ понятными! Чтобъ уяснить значеніе слова „народность“, мы должны изъяснить процессъ историческаго развитія идеи, заключающейся въ этомъ словѣ, должны показать, когда начали думать о „народности“, что разумѣли подъ ней прежде и что должно разумѣть подъ ней въ наше время.

Было время, когда всѣ литературы только изъ того и бились, чтобъ не быть народными, но быть подражательными. Подражательность въ литературѣ рождена римлянами. Народъ практическій, народъ меча и закона, римляне были обдѣлены отъ природы эстетическимъ чувствомъ. Республика по справедливости должна гордиться своимъ энергическимъ и благороднымъ краснорѣчіемъ, которое родилось, выросло и расцвѣло на республиканской почвѣ вмѣстѣ съ гражданственностью и которое съ монархіей переродилось въ риторiku; но республика не имѣла поэзіи, какъ искусства; вся ея поэзія заключалась въ гражданской доблести, въ великихъ дѣлахъ и подвигахъ свободнаго и могучаго народа. О поэзіи, какъ искусствѣ, римляне узнали отъ грековъ, которые, умерши въ настоящемъ, жили своимъ великимъ прошедшимъ, въ настоящемъ безславіи утѣшались прошедшей славой и, за неимѣніемъ всякаго другого дѣла, изучили въ школахъ памятники поэзіи цвѣтущаго времени своей исторіи, которое навсегда прошло для нихъ. Завоевавъ трупъ нѣкогда столь прекрасной Эллады, варваръ-римлянинъ впервые, такъ сказать, столкнулся съ геніемъ ея давняго

искусства и обошелся съ нимъ истинно по-варварски: извѣстно, что консулъ Муммій, сжегши и разграбивъ великолѣпный Коринѣ, отправляя въ Римъ статуи и картины, сдѣлалъ съ перевозчикомъ условіе, по которому тотъ, въ случаѣ утраты статуи или картины, обязывался представить въ замѣнъ такую же, а попорченную исправить на свой счетъ. Однакожъ, несмотря на ненависть Марка Катона къ греческой философіи и учености, вкусъ къ ней сталъ быстро распространяться въ Римѣ. Знаменитые люди Рима этой эпохи воспитываются греческими выходцами; изученіе греческой литературы дѣлается необходимою для образованнаго римлянина. Но римская поэзія началась не прежде, какъ когда Августъ затворилъ храмъ Януса и мертвымъ, обманчивымъ покоемъ замѣнилъ кровавыя волненія республики. Отпущенный холопъ Горацій назвалъ себя подражателемъ Пиндара и, посвятивъ свою сговорчивую музу хваленію своего добраго барина, благодѣтеля, отца и заступника, — Мecenата, ввелъ въ моду поэзію прихожихъ, которая такъ восхищала французовъ до временъ возстановленія. Виргилій потщился явить въ своемъ лицѣ римскаго Гомера — и чахоточный отецъ немного тощей „Энеиды“ съ большимъ успѣхомъ перепародировалъ божественную „Иліаду“, или — какъ говорили эстетики прошлаго вѣка — весьма удачно подражалъ Гезіоду и Теокриту. Болѣе его поэтическій Овидій поредавалъ въ своихъ стихахъ поэтическія преданія эллинской міеологіи. Впрочемъ рабство римлянъ въ поэзіи не было результатомъ только политическаго униженія: національный духъ римлянъ всегда былъ чуждъ поэзіи, и истинная латинская литература заключается въ памятникахъ краснорѣчія и историческихъ сочиненіяхъ, между которыми достаточно указать только на записки Юлія Цезаря и лѣтопись Тацита, чтобъ увидѣть великое значеніе латинской литературы. Но тѣмъ не менѣе подражательная латинская поэзія стала на ряду съ греческой въ глазахъ новѣйшей Европы. Послѣдній представитель французской критики, Лагарпъ, отдавая „Иліадѣ“ преимущество предъ „Энеидою“, — преимущество въ силѣ, — „Энеиду“ ставитъ несравненно выше „Иліады“ со стороны изящества. Вѣроятно первой причиною этого было, что новѣйшая Европа съ латинской

поэзіей познакомилась прежде, чѣмъ съ греческой. Изъ латинскаго языка образовались почти всѣ новоевропейскія языки, кромѣ нѣмецкаго, и латинскій языкъ былъ богослужебнымъ языкомъ новѣйшей Европы, которая на немъ приняла книги священнаго писанія. Схоластическое направленіе европейской учености среднихъ вѣковъ также много способствовало преобладанію духа латинской поэзіи. Французы, гордые новымъ просвѣщеніемъ, основаннымъ на изученіи древности, отверглись отъ преданій среднихъ вѣковъ и всѣхъ романтическихъ элементовъ, столь родственныхъ ихъ національному духу, какъ и вообще духу всей новѣйшей Европы, возмечтали создать себѣ литературу, основанную на подражаніи греческой, которой они нисколько не понимали (потому что не понимали никакой истинной поэзіи), и латинской, которая болѣе соответствовала ихъ практическому, соціальному духу. „Ars poetica“ Горація родила „l'Art poétique“ Буало, которое и сдѣлалось съ того времени кодексомъ, алькораномъ ихъ эстетики. Но, думая подражать грекамъ въ трагедіи, французы и тутъ, на зло себѣ, оставались французами: ихъ трагедія столько же походила на драматическія поэмы Софокла и Эврипида, сколько придворные Людовика XIV походили на Агамемноновъ Клитемнестръ героической Греціи. Чтобъ сдѣлать подражаніе какъ можно ближе къ подлиннику, они не только навязали греческимъ и римскимъ героинямъ любезность и любезничанье, сантиментальность и надутость своихъ маркизовъ и маркизъ, но даже и одѣли ихъ въ огромные парики, шитые кафтаны и робы съ фижмами, а на лица налѣпили множество мушекъ. Въ подражаніи латинской поэзіи французамъ удалось лучше: если сантиментальныя эклоги ихъ идилликовъ—г-жи Дезульеръ, Флоріана и другихъ ужъ черезъ чуръ были пошлы даже въ сравненіи съ эклогами Virgilія,—зато „l'Art poétique“ и сатиры Буало едва ли были ниже „Ars poetica“ и сатиръ Горація, а Вольтерова „Генріада“ рѣшительно ничѣмъ не уступаетъ Virgilіевой „Энеидѣ“. Кромѣ многихъ другихъ причинъ, переходъ французовъ къ подражанію древнимъ былъ очень понятенъ еще и какъ противодѣйствіе сантиментально-аллегорическому направленію ихъ литературы, которымъ ознаменовалась эпоха, раздѣлявшая

средніе вѣка отъ новѣйшей исторіи. Не удивительно, какъ вліянію французскаго вкуса покорились нѣмцы, которые совсѣмъ не имѣли литературы, когда у французовъ уже была литература; но удивительно, какъ покорились вліянію французскаго вкуса англичане, которые имѣли Шекспира, когда еще у французовъ не было даже и Корнеля, а были только Ронсары, Сюдери и подобные имъ. Конечно причиной этого должно полагать общежительное вліяніе Франціи на Европу, которое и теперь продолжается, какъ и всегда будетъ продолжаться: въ дѣлѣ живой, общественной литературы французы всегда были и всегда будутъ впереди всѣхъ. Даже въ рабской подражательности непонятнымъ образцамъ древнихъ литературъ французы оставались вѣрны себѣ, были національны въ духѣ, будучи подражателями въ словахъ и внѣшнихъ формахъ; но англичане, въ лицѣ Драйдена и Попе, отказались сами отъ себя, и ихъ подражательная литература была пустоцвѣтомъ въ полномъ смыслѣ этого слова... Вдругъ все измѣнилось. Возсталъ отъ апатическаго усыпленія національный геній нѣмцевъ. Энергическій Лессингъ—этотъ литературный Лютеръ—мощно возсталъ противъ французскаго направленія и побѣдоносно низвергъ его. Самобытные геніи Гёте и Шиллера взошли на небосклонъ юной германской литературы блестящими солнцами, которыхъ живительные лучи оплодотворили почву національнаго генія. Романтическая школа Шлегелей явилась крестовымъ походомъ на классическій исламизмъ,—и одинъ изъ этихъ примѣчательныхъ поборниковъ романтизма сражался съ классицизмомъ въ самой столицѣ его—Парижѣ. Национальный геній Англіи также воспрянулъ снова, и, въ лицѣ Байрона, явился у ней новый титанъ поэзіи; Вальтеръ-Скоттъ создалъ совершенную новую поэзію,—поэзію прозы жизни, поэзію дѣйствительной жизни. Сама Франція отказалась отъ своихъ вѣковыхъ предубѣжденій, измѣнила своей національной гордости и отреклась отъ боговъ своего Парнасса, которые доставили ей владычество надъ всею Европой. И все это было сдѣлано ею во имя „романтизма!“ Представители ея новаго направленія назвались „романтиками“ и для дикаго мрака среднихъ вѣковъ навсегда разставались съ свѣтлымъ небомъ Эллады и Авзоніи. Что же

такое былъ этотъ романтизмъ? Въ какомъ отношеніи находился онъ къ классицизму? Какимъ образомъ одна крайность такъ быстро, безъ всякой постепенности, безъ всякаго посредствующаго перехода, могла замѣниться другой, враждебной и противоположной ей крайностью?.. Но точно ли эти крайности такъ враждебны другъ другу, что между ими нѣтъ ничего общаго, нѣтъ никакой возможности примиренія?.. Или не кстати ли здѣсь вспомнить очень умную французскую поговорку: „*les extrêmes se touchent?*“ Въ самомъ дѣлѣ, не охладѣли ли мы теперь и къ самому романтизму, какъ еще недавно и такъ внезапно охладѣли къ классицизму?—Что ни говорите, но слово „романтизмъ“ уже рѣдко встрѣчается теперь въ нашихъ критикахъ и эстетикахъ; оно уже потеряло для насъ свое прежнее значеніе, ужъ не служить отвѣтомъ на всѣ вопросы... Скажемъ болѣе: „романтизмъ“ давно уже уволенъ въ чистую, давно на покоѣ, хотъ и избитый, измученный, израненный — не столько своими врагами, сколько поборниками... Это преинтересная исторія, которую надо изслѣдовать критически... Помнимъ мы, что „романтизмъ“ въ своемъ началѣ шелъ объ руку съ „народностью“, часто былъ принимаемъ за одно съ ней! но—увы!—его ужъ нѣтъ, этого прекраснаго молодого человѣка, столь энергическаго и пламеннаго, хотя немного и съ растрепанными чувствами: его ужъ нѣтъ, — а „народность“ все еще скитается какимъ-то блѣднымъ призракомъ, словно заколдованная тѣнь, и, кажется, еще долго ей страдать и мучиться, долго играть роль невидимки, какого-то таинственнаго незнакомца, о которомъ всѣ говорятъ, на котораго всѣ ссылаются, но котораго едва ли кто видалъ, едва ли кто знаетъ... Взглянемъ же прямо въ лицо этому существу, чтобъ познакомиться съ нимъ настоящимъ образомъ, узнать всѣ его примѣты, уловить настоящую его фizioномію, и тѣмъ положить конецъ его „инкогнито“.

Во всякомъ понятіи заключаются двѣ стороны, но на самомъ дѣлѣ единосущныя; стороны эти повидимому никогда не могутъ сойтись между собою, но тѣмъ не менѣе непремѣнно должны примириться, слиться другъ съ другомъ и образовать новое, уже полное, органическое понятіе. Это примиреніе совершается не вдругъ, но черезъ постепенное развитіе; оно

бываетъ плодомъ раздѣленія, раздвоенія, борьбы; оно совершается по законамъ необходимости въ жизненномъ, органическомъ процессѣ. Этимъ понятіе или философская мысль, идея, отличается отъ простаго представленія. Представленіе есть нѣчто внѣшнее, готовое неподвижное, безъ начала, безъ конца, безъ развитія. Понятіе (мысль или идея) есть нѣчто живое, заключающее въ себѣ силу органическаго развитія изъ самого себя, способное совершить полный кругъ развитія въ самомъ себѣ, слѣдовательно выходящее изъ самого себя и заключающееся самимъ же собою. Представленіе можетъ быть сравнено со всякимъ неорганическимъ предметомъ въ природѣ: понятіе можетъ быть сравнено съ зерномъ, которое заключаетъ въ себѣ живительную силу, развивающуюся въ стволъ, вѣтви, листья и цвѣты растенія, и которое, совершивъ полный кругъ своего развитія, снова дѣлается зерномъ. Живое, истинное понятіе есть только то, которое носитъ въ самомъ себѣ зародышъ борьбы и распаденія, въ которомъ заключается возможность раздѣленія на самого себя и потомъ примиренія съ самимъ собою; всякое другое есть или понятіе мертвое и ложное, или проеое эмпирическое представленіе. Процессъ развитія живого понятія— слѣдующій: умъ нашъ сперва принимаетъ только одну сторону понятія; другую, противоположную ей, отвергаетъ, какъ ложь. Принявъ за истину одну сторону понятія, умъ доводитъ ее до крайности, которая впадаетъ въ нелѣпость и тѣмъ самымъ отрицаетъ себя; это первый актъ процесса развитія идеи. Увидѣвъ ложь въ доведенной до крайности сторонѣ понятія, умъ отрицаетъ эту сторону и бросается непременно въ противоположную ей сторону, которую также доводитъ до крайности, а слѣдовательно и до необходимости отрицанія: это второй актъ процесса развитія идеи. И вотъ понятіе распалось на двѣ противоположныя и враждебныя стороны, которыя нельзя помирить никакимъ посредствующимъ, третьимъ понятіемъ — иначе примиреніе будетъ натянутое и внѣшнее. Между тѣмъ, несмотря на свою враждебную противоположность, обѣ стороны раздѣлившагося понятія не могутъ равнодушно разстаться или положиться на посредничество чуждаго имъ понятія; онѣ борются между собою; умъ уже не

признаетъ рѣшительно-ложной или рѣшительно-истинной ни одного изъ нихъ, и онъ переходитъ то къ той, то къ этой, какъ вдругъ начинаетъ замѣчать, что въ каждой изъ нихъ есть своя доля истины и своя доля лжи, и что для искомой имъ истины обѣ стороны, такъ сказать, нуждаются другъ въ другѣ, обѣ проникаютъ и ограничиваютъ себя взаимно: это третій актъ процесса развитія понятія. Наконецъ умъ ясно видитъ, что обѣ противоположныя крайности не чужды одна другой, но даже родственны, что онѣ—только двѣ стороны одного и того же цѣльнаго понятія, что онѣ ложны только въ своей отвлеченной односторонности, но что искомая имъ истина заключается въ ихъ примиреніи, въ которомъ онѣ сливаются другъ съ другомъ и образуютъ новое цѣлое понятіе: это послѣдній актъ процесса развитія понятія. Послѣ этого акта понятіе, такъ сказать, находитъ самого себя, но уже развившимся, совершившимъ свой жизненный процессъ, сознавшимъ себя: это зерно, которое, прошедши всѣ фазы растенія, снова стало зерномъ. Скажутъ: въ этомъ нѣтъ еще большой важности, что зерно снова стало зерномъ. Такъ; но, для вѣрности сравненія, намъ должно условиться, что здѣсь дѣло идетъ о зернѣ незнакомомъ; то ли же оно будетъ въ нашихъ глазахъ, когда мы снова увидимъ его, уже зная, какое растеніе изъ него выходитъ и какой цвѣтъ даетъ оно?..

Смотря съ этой точки, вы увидите, что французскій псевдо-классицизмъ и отчаянный романтизмъ юной словесности Франціи суть двѣ стороны одного и того же понятія, и что въ примиреніи этихъ обѣихъ сторонъ заключается истинная идея искусства нашего времени,—увидите, что какъ классицизмъ, такъ и юный романтизмъ французской литературы, сами по себѣ, въ своей односторонности, суть ложь, хотя и въ каждомъ изъ нихъ есть своя сторона истины. Равнымъ образомъ ясно будетъ, что и понятіе о „народности“ само по себѣ есть также ложь, что оно есть только одна сторона другого высшаго понятія, противоположная сторона котораго есть „общность въ смыслѣ человѣчества“. Да, мы увидимъ, что націоналисты въ литературѣ имѣютъ значеніе только какъ противники поборниковъ безразличной всеобщности, которая, думая быть доступной всему человѣчеству, нѣма и

мертва для человѣчества. Все сказанное нами очень легко пояснить въ приложеніи къ исторіи классицизма и романтизма.

Основаніе псевдо-классической французской теоріи заключалось въ понятіи, что искусство есть подражаніе природѣ, но что природа должна являться въ искусствѣ украшенной и облагороженной. Вслѣдствіе такого взгляда изъ искусства были изгнаны естественность и свобода, а слѣдовательно истина и жизнь, которыя уступили мѣсто чудовищной искусственности, принужденности, лжи и мертвенности. Форма перестала быть явленіемъ духа, но сдѣлалась, такъ сказать, футляромъ отвлеченныхъ представленій, ошибочно принимавшихся за идеи. Солдаты заговорили однимъ языкомъ съ полководцами, земледѣльцы и поденщики — съ царями, слуги — съ господами; пастушки одѣлись въ фижмы и испестрили свои лица мушками; книксены, менуэтная выступка, театральныя позы и надутая декламація сдѣлались вывѣской и необходимымъ условіемъ „украшенной и облагороженной природы“. Чтобъ не слишкомъ рѣзко противорѣчить себѣ, поэты и теоретики новаго классицизма исключили изъ поэзіи простолудиновъ и мѣщанъ и дали въ ней мѣсто только царямъ, ихъ придворнымъ и героямъ благороднаго происхожденія. Такъ какъ современная жизнь не давала матеріаловъ для поэзіи, то всѣ бросились на грековъ и римлянъ, одѣтыхъ въ кафтаны и робы съ фижмами маркизовъ и маркизъ. Не было оригинальности, не было „народности“; дѣйствительныя лица были замѣнены отвлеченными призраками, не принадлежавшими ни къ какой странѣ, ни къ какому вѣку. Даже комедія, на долю которой оставили современность, даже и комедія не представляла дѣйствительныхъ лицъ, а выдумывала призраки, олицетворяя или сентенціи мелкой ходячей морали о добродѣтеляхъ и порокахъ. Но вдругъ все измѣнилось, когда самостоятельный геній германской націи разбилъ оковы псевдоклассицизма и низложилъ во прахъ съ алтарей храма искусства миниатюрныя восковыя статуйки Корнелей, Расиновъ, Мольеровъ, Буало, Вольтеровъ, Дюсисовъ и Кребилльоновъ съ братією. Благодаря нѣмцамъ, вся Европа узнала Шекспира, котораго Вольтеръ заклеилъ прозвищемъ „пьянаго дикаря“. Мало того, нѣмцы доказали, что древніе были оклеветаны, что

Аристотель и во снѣ не думалъ утверждать нелѣпости, во имя его распространенныя французами; что поэзія грековъ запечатлѣна духомъ Греціи, что она—полное выраженіе ея народности, зеркало ея дѣйствительности. Вслѣдствіе этого народность была провозглашена необходимымъ условіемъ всякой поэзіи. Въмѣсто грековъ, образцомъ сдѣлался Шекспиръ, какъ поэтъ новаго, нашего, христіанскаго міра. На искусство стали смотрѣть не какъ на подражаніе природѣ, но какъ на воспроизведеніе дѣйствительности, какъ на творчество новой, высшей дѣйствительности. Въ самой Франціи не замедлила возгорѣться отчаянная война между классиками и романтиками. Дружина молодыхъ и рьяныхъ талантовъ основала тамъ свою романтическую школу, которая, какъ реакція псевдо-классицизму, такъ же ложно поняла романтизмъ, какъ прежняя школа ложно понимала древнюю классическую поэзію. Въ новомъ французскомъ романтизмѣ дѣйствительность не только сбросила съ себя парики, кафтаны, фижмы и мушки, но и всякое одѣяніе. явилась нагой и цинически естественной. Если классицизмъ французовъ походилъ на младенца въ англійской болѣзни или на восковую статую съ стеклянными глазами, то романтизмъ ихъ сталъ походить на буйную вакханку съ безстыднымъ упоеніемъ въ горящемъ взорѣ, съ растрепанными волосами, изступленными и дикими движеніями, или на австралійскаго дикаря, пирующаго на костяхъ сѣдненныхъ имъ враговъ. Конечно преимущество на той сторонѣ, гдѣ есть жизнь, и въ буйной вакханкѣ или въ опьянѣломъ отъ вражеской крови дикарѣ болѣе поэзіи, нежели въ восковой статуѣ; но тѣмъ не менѣе французскій романтизмъ можетъ имѣть значеніе больше какъ реакція ложному классицизму, нежели какъ истинная поэзія. Мало того: даже идеальный и возвышенный романтизмъ Шлегелей важень больше какъ реакція псевдо-классицизму, нежели какъ истинная поэзія, и вотъ причина, почему братья Шлегели пережили сперва съ такимъ успѣхомъ и такъ энергически проповѣдываемый ими романтизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому теперь придетъ охота, забывъ цѣлую исторію человѣчества и всю современность, искать поэзіи только въ католическихъ и рыцарскихъ преданіяхъ среднихъ вѣковъ?.. И потому, какъ быстро бросились на эти

средніе вѣка, такъ скоро и догадались, что Востокъ, Греція, Римъ, протестантизмъ и вообще новѣйшая исторія и современность имѣютъ столько же правъ на вниманіе поэзіи, сколько и средніе вѣка, и что Шекспиръ, на котораго Шлегели, по странному противорѣчію съ самими собою, думали опираться, былъ не столько романтикомъ, сколько поэтомъ новѣйшаго времени, — поэтомъ полной дѣйствительности, а не одного какого-нибудь изъ ея моментовъ. А между тѣмъ заслуга Шлегелей все-таки велика: еслибъ они не впади въ свою односторонность, — болѣе жалкая и болѣе ложная односторонность французскаго классицизма не была бы ниспровергнута.

Борьба классицизма и романтизма, ознаменовавшая движеніе европейскихъ литературъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, отразилась и въ русской литературѣ. Такъ какъ мы думаемъ, что изложенныя нами идеи будутъ для читателей понятнѣе и яснѣе въ примѣненіи къ отечественной литературѣ, то и обратимся къ ней, оставивъ Европу, о которой мы уже сказали сколько нужно для связи и послѣдовательности нашей статьи.

Всѣмъ извѣстно, что исключая Крылова, до Жуковскаго и Батюшкова наша поэзія была неудачнымъ подражаніемъ французской. Говоримъ — неудачнымъ, ибо, заимствовавъ всѣ недостатки своего образца, она не заимствовала у него ни гладкаго и звучнаго стиха, ни образованнаго языка, ни внѣшняго изящества. Жуковскій познакомилъ насъ съ нѣмецкой литературой; но какъ въ его время не было еще на Руси журналовъ въ смыслѣ проводниковъ новыхъ идей въ обществѣ, — то его нововведеніе осталось безъ результатовъ, исключая развѣ одно обстоятельство, именно, что наши пѣнты, попрежнему не переставая гремѣть торжественными одами и варварскими виршами, закалывать Атридовъ и Брутовъ, затянули еще нескладными голосами кладбищенскія баллады. Чтò до Батюшкова, — господствовавшій тогда духъ подражательности обезсилилъ его самобытное и прекрасное дарованіе, развившееся не на національной почвѣ. Съ двадцатыхъ годовъ, т.-е. съ появленія Пушкина, и у насъ была объявлена война классицизму. Хотя Пушкинъ и былъ провозглашенъ главой и хорегомъ нашихъ романтиковъ, но,

какъ истинный геній, подобно Байрону, Вальтеръ-Скотту, Гёте и Шиллеру, онъ пошелъ своей дорогой, по которой не угоняться было за нимъ нашимъ романтикамъ; они брали у него для своихъ произведеній русскія имена, ножи, кинжалы, ядъ, внѣшнюю гладкость и легкость стиха, но даже и не дотрогивались до его поэзіи и идеи. И потому-то, кромѣ Грибоѣдова, дарованія самобытнаго и оригинальнаго, все остальное не можетъ быть упомянуто при его имени, какъ предметъ, не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Критики того времени безусловно восторгались произведеніями Пушкина, до той самой поры, какъ геній его возмужалъ: не подозрѣвая того, что онъ имъ сталъ ужъ слишкомъ не по-плечу, они, по свойственному человѣческой слабости самолюбію, заключили, что онъ палъ. Вотъ ясное доказательство, что или Пушкинъ не былъ главой нашихъ романтиковъ, или что наши романтики не имѣли съ нимъ ничего общаго. Кажется, то и другое одинаково справедливо. Тѣмъ не менѣе ясно, что Пушкинъ произвелъ литературную реформу и увлекъ за собой толпу, хотя она и нисколько не понимала его. Въ тридцатыхъ годахъ число прозаиковъ стало превышать число стихотворцевъ. Всѣ ударились въ прозу и сдѣлались романистами и нувеллистами. Впрочемъ начало этого прозаическаго движенія восходитъ гораздо ранѣе тридцатыхъ годовъ. Новая повѣсть явилась вмѣстѣ съ блестящимъ Марлинскимъ и тотчасъ объявила претензіи на „романтизмъ“ и „народность“. Но пока весь ея романтизмъ состоялъ въ замѣненіи пошлой сантиментальности риторическихъ повѣстей классическаго періода нашей литературы какой-то размашистой повѣстью въ языкѣ и чувствахъ, а вся ея народность состояла въ томъ, что она начала брать содержаніе изъ русской исторической и современной жизни. Но романтическая кипучесть чувствъ была не болѣе истинна, какъ и водяная чувствительность „Бѣдной Лизы“ и Марьиной Рощи: та и другая были равно натянуты и неестественны, а народность состояла въ однихъ именахъ. Въ послѣднемъ отношеніи новая русская повѣсть столько же выражала содержаніе русской жизни, сколько французская трагедія выражала содержаніе греческой и римской жизни. Это точь въ точь забытая теперь драма Хомякова „Ермакъ“: имена въ ней

не только русскія, но даже историческія, русскія, а духъ и складъ рѣчи принадлежатъ идеальнымъ буршамъ нѣмецкихъ университетовъ; русскаго же духа въ ней слыхомъ не слыхать, видомъ не видать. Правда, новая русская повѣсть иногда удачно передразнивала русскую рѣчь, не скупясь на пословицы и поговорки, а иногда и на лѣтописныя выраженія, взятые изъ исторіи Карамзина; но эта рѣчь нисколько не выражала русскаго духа, а только, подобно мѣди звенящей и кимвалу бряцающему, поражала одинъ слухъ, — точь въ точь, какъ въ другой драмѣ Хомякова „Димитрій Самозванецъ“. Тѣмъ не менѣе новая повѣсть заслуживала уваженіе по похвальному, хотя и недостаточному стремленію къ народности. Она не довела поэзіи нашей до настоящей русской повѣсти, но приготовила толпу къ уразумѣнію ея. Еще Марлинскій далеко не кончилъ своего поприща, какъ явился на сцену литературы романъ съ претензіями на народность, нравоописательность, нравственность и на многое, чего и тѣни въ немъ не было; но нижніе слои толпы, увидѣвъ, что дѣйствующія лица романа называются Иванами и Петрами и титулуются по отчеству, охотно повѣрили русскому происхожденію романа и раскупили его. Вслѣдъ затѣмъ не замедлилъ явиться и историческій русскій романъ той же фабрики и той же пробы, — и участь его была та же: сначала приняли его по имени, а послѣ поступили какъ съ пройдохой и самозванцемъ.

Здѣсь мы должны воротиться нѣсколько назадъ. Повѣсть и романъ, о которыхъ мы доселѣ говорили, силились быть народными, не унижаясь до простонародности. Вмѣстѣ съ Марлинскимъ явились и повѣсти Полевого. Онѣ въ свое время были замѣчены публикой, но не имѣли такого блестящаго успѣха, какъ повѣсти Марлинскаго, хотя были и не хуже ихъ: не отличаясь фантазіей, онѣ отличались умомъ и не были чужды чувства; языкъ ихъ былъ простой, не натянутый, обработка литературная. Но въ то же время писалъ повѣсти и Погодинъ. Онъ хотѣлъ проложить себѣ свою дорогу и, во что бы то ни стало, сдѣлать повѣсть русской до нельзя, — и надо отдать ему полную справедливость — онъ успѣлъ сдѣлать для повѣсти гораздо больше, чѣмъ А. Е. Измайловъ для басни: народность его повѣстей еще ужаснѣе, чѣмъ народ-

ность басенъ Измайлова. Отселѣ начинается въ нашей литературѣ новое стремленіе къ той народности, отцомъ которой былъ почтенный „отставной квартальный, совѣтникъ титулярный“ Измайловъ. „Юрій Милославскій“ противъ своей воли утвердилъ это жалкое направленіе: разманенные чрезвычайнымъ успѣхомъ этого романа, бездарные писаки подумали, что все дѣло тутъ въ лычной обуви, сермяжной одеждѣ, бородахъ и плоскихъ поговоркахъ дѣйствующихъ лицъ; они не замѣтили ни занимательности, ни теплоты разсказа Загоскина, ни самой умѣренности его въ изображеніи простодушной народности. Какъ бы то ни было, но съ „Юрія Милославскаго“ начинается какъ бы новая эпоха нашей литературы: съ одной стороны являются истинно-народныя и поэтическія повѣсти Гоголя; самъ Пушкинъ, незадолго передъ тѣмъ напечатавшій превосходную главу изъ предполагавшагося имъ романа („Арапъ Петра Великаго“), начинаетъ обращаться къ прозѣ, и пишетъ въ послѣдствіи „Пиковую Даму“, „Капитанскую Дочку“ и „Дубровскаго“. Вскорѣ же послѣ „Юрія Милославскаго“ является поэтическій романъ Лажечникова „Новикъ“, за нимъ—другіе романы Лажечникова. — „Кощей Безсмертный“ и „Святославичъ“ Вельтмана—созданія, странныя въ цѣломъ, но блестящія яркими проблесками національной поэзіи въ подробностяхъ, относятся къ этому періоду русской литературы. Съ другой стороны, ложно-понимаемая народность разлилась огромнымъ болотомъ, тщаніемъ и усердіемъ пишущей братіи низшаго разряда. Мужики съ бабами, кучера и купцы брадатые не только получили право гражданства въ повѣстяхъ и романахъ этихъ господъ, но и сдѣлались ихъ единственными, привилегированными героями. Удачное подражаніе языку черни, слогу площадей и харчевенъ сдѣлалось признакомъ народности, а народность стала тождественнымъ понятіемъ съ великимъ талантомъ, поэзіей и „романтизмомъ“. Это направленіе явилось господствующимъ особенно въ Москвѣ. „Разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьиной рощѣ“ получило тамъ идеальное достоинство народной эпопеи. Ваньки и Степки съ разбитыми рылами и синяками подъ соколиными очами стали вывозиться на показъ даже въ Лондонъ и Мадридъ, чтобъ тамъ „тосковать по родинѣ“, т.-е. по соленымъ огурцамъ и сивухѣ.

Но теперь уже начинают чувствовать цѣну такой народности; теперь уже называютъ ее простонародностью и площадностью. Между тѣмъ даже и такое народное направленіе было необходимо и принесло великую пользу. Выше всего сказали мы, что всякое живое понятіе открывается людямъ сперва въ своихъ крайностяхъ, которыя истинны, какъ содержаніе понятія, но ложны какъ его односторонности. Французскій псевдо-классицизмъ былъ ложенъ какъ абсолютная идея искусства, но и въ немъ была своя сторона истины. Искусство дѣйствительно не есть и не должно быть природой, какъ она есть, но природой облагороженной, идеализированной. Только дѣло въ томъ, что элементы идеализированія природы должны заключаться не въ условныхъ и относительныхъ понятіяхъ о приличіи въ какую-нибудь эпоху общественныхъ отношеній, но въ вѣчной и неизмѣнной субстанціи идеи. Французскій классицизмъ принялъ за идеаль поэтической дѣйствительности не духъ человѣчества, развивающійся въ исторіи, а этикетъ двора французскаго и нравы свѣтскаго французскаго общества отъ временъ Людовика XIV; украшеніе природы онъ понималъ не какъ представленіе дѣйствительности сообразно не съ самой дѣйствительностью, а съ требованіями идеи цѣлаго произведенія, но въ китайскомъ значеніи этого слова. Извѣстно, какъ китайцы уродуютъ ноги своихъ женщинъ, желая ихъ сдѣлать прекрасными, т.-е. маленькими. Въ этомъ и состояла ошибка французскаго классицизма. Съ другой стороны, псевдо-романтизмъ такъ же точно грѣшилъ противъ истины, требуя въ искусствѣ природы, какъ она есть, и забывая, что иная естественность отвратительнѣе всякой искусственности. Искусство не имѣетъ права искажать природу; оно можетъ и должно быть естественно въ своихъ изображеніяхъ; но, во-первыхъ, эта естественность не должна возмущать въ насъ эстетическаго чувства; во-вторыхъ, она не должна быть въ искусствѣ главнымъ, не должна быть въ немъ сама себѣ цѣлью. Въ искусствѣ только идея сама себѣ цѣль, а идея просвѣтляетъ и облагораживаетъ самыя возмущающія душу явленія дѣйствительности; проникая ихъ собой, она идеализируетъ ихъ. Шекспиръ въ драмахъ своихъ „Генрихъ IV“ и „Генрихъ V“ вывелъ на сцену распутство, вывелъ

пьянаго Фальстафа съ ватагой негодяевъ, вывелъ Квикли и Доль Тиршитъ — эти отребія женскаго пола, для которыхъ настоящаго названія нельзя пріискать въ литературномъ языкѣ, но вывелъ ихъ совсѣмъ не для того, чтобъ усладить ими вкусъ черни или похвастаться передъ публикой своимъ умѣньемъ естественно изображать низкія явленія дѣйствительности; а для того, что ему нужно было представить, какъ въ великой натурѣ человѣка величіе проглядываетъ сквозь самый развратъ, какъ умѣетъ онъ отрѣшиться отъ грязи порока и выходить изъ нея чистымъ, когда придетъ часть его, — между тѣмъ какъ природы слабыя и мелкія всегда остаются въ этой грязи, если разъ попали въ нее. Тутъ есть идея, и идея великая; тутъ заключается важный урокъ для сухихъ моралистовъ, которые судятъ по внѣшности о нравственности человѣка, и часто негодяя, ведущаго себя благопристойно, принимаютъ за нравственнаго человѣка, а человѣка съ искрой Божіей въ душѣ, но который, будучи увлекаемъ кипящей юностью и страстями, на время поскользнется въ грязи жизни, клеймятъ названіемъ „безнравственнаго“. Съ этой точки зрѣнія, Фальстафъ съ ватагой, мистриссъ Квикли и миссъ Доль получаютъ уже другое, высшее, идеальное значеніе: онѣ занимаютъ мѣсто въ драмѣ Шекспира такъ же, какъ и въ самой дѣйствительности, — не сами для себя; поэтъ вызвалъ ихъ ради безпощадной истины, дѣлая, такъ сказать, невольную уступку дѣйствительности, но не для того, чтобъ онѣ, не понимая ихъ гадости, самъ любовался ими или хотѣлъ плѣнить ими другихъ. Онъ изобразилъ ихъ вѣрно, чертами типическими; ихъ языкъ грубъ, даже неприличенъ; но эта грубость и неприличіе имѣютъ свои границы, и поэтъ, много показавши, даетъ намъ догадываться еще о большемъ. Онъ не украсилъ, не смягчилъ, не облагородилъ ихъ языка, чтобъ не сдѣлать его неестественнымъ; но онъ сдержалъ его, не позволилъ ему говорить всего, чтобъ не сдѣлать его слишкомъ естественнымъ, и потому отвратительнымъ. Сверхъ того онъ смягчаетъ эти сцены комизмомъ, который, такъ сказать, прикрываетъ грубую наготу естественности. Шекспиръ выводитъ въ своихъ трагедіяхъ и царей, и придворныхъ, и героевъ, и мужи-

ковъ, и мошенниковъ вмѣстѣ, потому что это смѣшеніе существуетъ въ самой дѣйствительности; но онъ всякому указываетъ приличное мѣсто, и ужъ конечно муза его беретъ болѣе обильную дань поэзіи съ людей высшихъ слоевъ общества. Намъ скажутъ: въ геніальномъ мужикѣ больше поэзіи, чѣмъ въ слабоумномъ вельможѣ. Правда; но правда и то, что еслибъ этотъ геніальный мужикъ получилъ образованіе вельможи, онъ былъ еще геніальнѣе. Тѣмъ-то человекъ и отличается отъ животнаго, что полученные отъ природы дары онъ возвышаетъ образованіемъ и знаніемъ, и что безъ этой обработки они похожи у него на дорогіе матеріалы въ сыромъ состояніи,—на золото въ видѣ руды.

И такъ, очевидно, что органическая, живая полнота искусства состоитъ въ примиреніи двухъ крайностей—искусственности и естественности. Каждая изъ этихъ крайностей сама по себѣ есть ложь; но, взаимно проникаясь одна другой, онѣ образуютъ собой истину. Искусственность, какъ односторонность и крайность, произвела мертвый псевдо-классицизмъ; естественность, какъ односторонность и крайность, произвела литературу площадей, кабаковъ, тюремъ, боенъ, домовъ разврата.

Но та и другая были необходимы въ процессѣ историческаго развитія понятія объ искусствѣ: сперва была выразумлена одна сторона понятія, потомъ—другая; но эта другая, при всей своей видимой противоположности съ первой, вышла явно изъ нея-же: ибо когда представленіе, дошедъ до крайности, впадаетъ въ нелѣпость, то утомленный и оскорбленный умъ быстро переходитъ къ совершенно противоположному представленію. Результатомъ этого перехода опять бываетъ утомленіе и оскорбленіе, потому что и вторая односторонность должна дойти до крайности, и, впадши въ нелѣпость, тѣмъ самымъ отрицать себя. Тогда умъ обращается къ первой односторонности, безпрестанно отыскиваетъ ея истинную сторону, которую и примиряетъ съ истинной стороной второй односторонности, и чрезъ этотъ процессъ достигаетъ до сознанія полной и дѣйствительной истины понятія. Въ этомъ примиреніи ясно видно сродство крайностей. Такъ было и съ искусствомъ: отвергнуши псевдоклассицизмъ, мы отвергли и псевдоромантизмъ, и въ созданіяхъ геніальныхъ

поэтовъ, на авторитетъ которыхъ думаютъ опираться мелкіе таланты, видимъ истинное искусство, заключающее и примиряющее въ своей органической полнотѣ всѣ свои противоположности.

Обыкновенно народность смѣшиваютъ съ естественностью, тогда какъ это два совершенно особенныя представленія: хотя истинно народное не можетъ не быть естественнымъ, но истинно-естественное можетъ быть нисколько не народнымъ. Сверхъ того нѣкоторые изъ нашихъ писателей, замѣтивъ, что европейское образованіе сглаживаетъ угловатости народности, и смѣшивая форму съ идеей, обратились преимущественно къ низшимъ классамъ народа. Истинный художникъ народенъ и націоналенъ безъ усилія; онъ чувствуетъ национальность прежде всего въ самомъ себѣ и потому невольно налагаетъ ея печать на свои произведенія. Хотя Татьяна Пушкина и читаетъ французскія книжки и одѣвается по картинкамъ европейскихъ модъ, но она — лицо въ высшей степени русское — и тогда, какъ мы ее видимъ „уѣздной барышней“, и въ то время, какъ она является княгиней и свѣтской дамой. Но для изображенія такихъ благородныхъ личностей нужна геніальность или великій талантъ; маленькимъ дарованіямъ а особенно посредственности, сподручнѣе мужики, бабы, лакеи: стоитъ только заставить ихъ говорить ихъ языкомъ — и народность готова. Зато мужики и бабы геніальныхъ поэтовъ бываютъ благороднѣе господъ и вельможъ маленькихъ дарованій и посредственности: няня Татьяны Пушкина, при своей простотѣ и ограниченности, какъ изображеніе, дышетъ художественной граціей и достолюбезностью: мы смѣемся надъ ней, но любимъ и уважаемъ ее; ея простодушная, безсознательная любовь къ Татьянѣ приводитъ насъ въ умиленіе, -- и вмѣстѣ съ Татьяной мы вздыхаемъ надъ могилой ея бѣдной няни.

Гдѣ жизнь, тамъ и поэзія; но жизнь только тамъ, гдѣ идея, — и уловить играніе жизни — значитъ уловить невидимый и благоуханный эфиръ идеи. Для искусства нѣтъ болѣе благороднаго и высокаго предмета, какъ человѣкъ, — и чтобъ имѣть право быть изображену искусствомъ, человѣку нужно быть человѣкомъ, а не чиновникомъ 14-го класса или дворя-

ниномъ. И у мужика есть душа, сердце, есть желанія и страсти, есть любовь и ненависть, словомъ,—есть жизнь. Но чтобъ изобразить жизнь мужиковъ, надо уловить, какъ мы уже сказали, идею этой жизни, — и тогда въ ней не будетъ ничего грубаго, пошлаго, плоскаго, глупаго. Вотъ отчего „Вечера на хуторѣ“ Гоголя, посвященные изображенію простаго быта Малороссіи, дышатъ такой полнотою художественности, очаровываютъ такой неотразимой прелестью, такой дивной поэзіей. Но, повторяемъ, для этого нуженъ геній и геній, талантъ и талантъ. Скажутъ геній, талантъ еще нужныѣ въ изображеніи жизни высшихъ слоевъ общества. Нѣтъ: если для изображенія художественнаго, то нуженъ такой же талантъ какъ и вездѣ, но не всякій, талантъ есть художникъ, а литература состоитъ не изъ однихъ художественныхъ созданій, — и беллетристика—этотъ насущный хлѣбъ большинства общества, это практическое, житейское искусство толпы—также требуетъ талантовъ и даже большихъ талантовъ. Вотъ этимъ-то талантамъ всего опаснѣе спускаться въ низшіе слои общества, откуда, вмѣсто народности, они могутъ вынести только грубую простонародность; и имъ-то всего лучше браться за изображеніе среднихъ и даже высшихъ слоевъ общества, гдѣ жизнь разнообразнѣе, обширнѣе, отношенія человѣчнѣе, утонченнѣе, многосложнѣе, игривѣе, глубже. Въ беллетристикѣ внѣшняя цѣль можетъ имѣть большую пользу и важное значеніе, тогда какъ въ искусствѣ одна цѣль—само искусство. Теперь, если беллетристическій писатель, выводя на сцену чудаковъ, невѣждъ, подлецовъ, даже самую чернь, имѣетъ въ виду дѣйствовать на образованіе общества, пускать въ оборотъ человѣческія понятія, новыя мысли,—я низко кланяюсь ему, если онъ дѣлаетъ это съ талантомъ: его мѣсто высоко, его призваніе священо, его имя честно и славно. Но когда онъ рисуетъ грязь общества, подонки народа, не для чего иного какъ для того, чтобъ самому насладиться и плѣнить меня этимъ зрѣлищемъ, — то тѣмъ естественнѣе, чѣмъ правдоподобнѣе будутъ его изображенія, тѣмъ они для меня отвратительнѣе и бессмысленнѣе. Не должно забывать ни на минуту, что герой искусства и литературы есть *человѣкъ*, а не баринъ, и тѣмъ болѣе не му-

жизнь. Если Шекспиръ давалъ мѣсто въ своихъ драмахъ всѣмъ людямъ безъ разбора, — онъ это дѣлалъ потому, что видѣлъ въ нихъ людей, а отнюдь не по пристрастью къ черни. Предпочитать мужиковъ потому только, что они мужики, что они грубы, неопрятны, невѣжественны, предпочитать ихъ образованнымъ классамъ общества — странное и смѣшное заблужденіе! И самъ гений въ изображеніи жизни чернаго народа всегда найдетъ меньше элементовъ поэзіи, чѣмъ въ образованныхъ классахъ общества: беллетристическій же талантъ не найдетъ въ жизни черни никакой поэзіи. Впрочемъ мы далеки отъ того, чтобъ отнимать право у талантливаго литератора касаться жизни простого народа; но мы требуемъ только, чтобъ онъ это дѣлалъ не по любви къ мужицкому жаргону, не по склонности къ лохмотьямъ и грязи, но для какой-нибудь цѣли, въ которой была бы видна человѣческая мысль. Объяснимъ это примѣромъ. Погодинъ написалъ нѣкогда повѣсть „Черная Немочь“, которая въ свое время обращала на себя вниманіе публики, подобно многимъ, теперь забытымъ произведеніямъ. Въ этой повѣсти дѣйствуютъ купцы, попады, батраки и подобный тому людъ; языкъ ея блещетъ всѣми красотами, свойственными языку подобнаго общества; но повѣсть все-таки заслуживаетъ похвалы по своему намѣренію. Главный герой ея — молодой человѣкъ, сынъ купца, томимый святой жаждой знанія. Окруженный дѣйствительностью, отъ которой страждетъ обоняніе, зрѣніе, человѣческое достоинство, и которая авторомъ скопирована во всей ея наготѣ и естественности, — онъ погибаетъ жертвой этой грязной дѣйствительности. Правда, герой изображенъ не всѣмъ естественно, довольно слабо, безъ теплоты и увлекательности; но мы говоримъ не о талантѣ (а такимъ предметомъ не погнушался бы и гений), но о добромъ намѣреніи сочинителя. По этому доброму намѣренію повѣсть можетъ быть сочтена за заслугу со стороны Погодина русской литературѣ. То же можно сказать и о его маленькой повѣсти „Нищій“. Но когда Погодинъ сталъ рассказывать, какъ купеческая дочь задушила подъ периною парня; какъ баба, подчуя дьячка сивухой, сказала ему: „кушай на здоровье“; а тотъ отвѣчалъ ей любезностью: „маслецо коровье“; или переска-

зывать похожденію на ярмаркѣ разудалой бабы-чиновницы и пересказывать ея языкомъ; а потомъ героиню повѣсти, порядочную женщину, изъ любви къ мужу заставлятъ жить въ подвалѣ, въ сонмищѣ пьяницъ, воровъ и мошенниковъ; или изображать психологическія явленія мужиковъ, которые рѣжутъ другихъ и давятся сами: — признаемся, это верхъ романтизма, верхъ народности, которые хуже всякаго классицизма. Мы уважаемъ „Юрія Милославскаго“ Загоскина; но, признаемся, рѣшительно не понимали въ его другихъ романахъ прелести ярморочныхъ сценъ и языка героевъ этихъ сценъ. Мы отдаемъ полную справедливость юмористическому таланту, съ какимъ написанъ „Панъ Халявскій“ Основьяненка; еще выше цѣнимъ прекрасную цѣль, съ какой написана эта забавная сатира на доброе старое время, но не можемъ восхищаться многими изъ произведеній Основьяненка за то только, что въ нихъ мужики говорятъ чистымъ мужицкимъ языкомъ и никакъ не выходятъ изъ ограниченной сферы своихъ понятій. Напротивъ, намъ пріятнѣе было бы въ подобныхъ произведеніяхъ встрѣчать такихъ мужиковъ, которые, благодаря своей натурѣ или случайнымъ обстоятельствамъ, нѣсколько возвышаются надъ ограниченной сферой мужицкой жизни...

Но слава Богу, теперь пачинаютъ понимать цѣну такой народности, и начинаютъ понимать ее потому именно, что теперь эта народность находится въ своей апогее, дошла до послѣдней степени нелѣпости. Есть люди, которые приглашаютъ васъ учиться у черни не только литературѣ, но и нравамъ, и обычаямъ, и даже тому, что составляетъ внутреннюю жизнь и свободное убѣжденіе cadaго порядочнаго чело-вѣка. Деревенскіе старосты и богомольныя старухи представляются у нихъ образцами нравственности, созерцательныхъ откровеній и даже образованности и просвѣщенія. Такъ - то справедливо, что ложь гораздо опаснѣе и страшнѣе, когда существуетъ невидимкой и призракомъ; чтобъ уничтожить ее, должно не мѣшать ей дойти до своей послѣдней крайности, впасть въ нелѣпость, сдѣлаться смѣшной, вполне проявиться, принять образъ и лицо, словомъ — созрѣть; тогда она прорвется и сама собой уничтожится. Когда преслѣдуешь зло,

надо видѣть его передъ собой, чтобъ можно было показать его другимъ. Вотъ почему тѣ, которые хлопчуть въ его пользу, сражаютъ его скорѣе другихъ, ему противоборствующимъ. Это единственная и притомъ очень важная заслуга со стороны людей, которые всю жизнь свою быются изъ разныхъ, полезныхъ ихъ благосостоянію, лжей.

Истина только въ началѣ встрѣчаетъ сильное сопротивленіе, но чѣмъ больше выясняется, чѣмъ больше становится фактомъ. тѣмъ большее число пріобрѣтаетъ себѣ друзей и поборниковъ. Ложь идетъ обратнымъ ходомъ; сильная, пока не вполне проявится, она уничтожается сама собой, подобно призраку, исчезающему отъ лучей свѣта.

„Народность“ — великое дѣло и въ политической жизни, и въ литературѣ; только, подобно всякому истинному понятію, она сама по себѣ — односторонность и является истинной только въ примиреніи съ противоположной ей стороной. Противоположная сторона „народности“ есть „общее“ въ смыслѣ „обще-человѣческаго“. Какъ ни одинъ человѣкъ не долженъ существовать отдѣльно отъ общества, такъ ни одинъ народъ не долженъ существовать внѣ человѣчества. Человѣкъ, существующій внѣ народной стихіи, — призракъ; народъ, не признающій себя живымъ членомъ въ семействѣ человѣчества, — не нація, но племя. подобное калмыкамъ и черкесамъ, или живой трупъ, подобно китайцамъ, японцамъ, персіянамъ и туркамъ. Безъ народнаго характера, безъ національной фізіономіи государство — не живое органическое тѣло, а механическій препаратъ. Но съ другой стороны, и національнаго духа еще не достаточно для того, чтобъ народъ могъ считать себя чѣмъ-нибудь существеннымъ и дѣйствительнымъ въ общности мірозданія. Въ томъ и другомъ случаѣ народъ есть односторонность и крайность, а слѣдовательно и призракъ. Чтобъ народъ былъ дѣйствительно историческимъ явленіемъ, его народность необходимо должна быть только формой, проявленіемъ идеи человѣчества, а не самой идеей. Все особенное и единичное, всякая индивидуальность дѣйствительно существуетъ только общимъ, которое есть его содержаніе, и котораго она только выраженіе и форма. Индивидуальность — призракъ безъ общаго; общее, въ свою очередь, призракъ безъ особ-

наго, индивидуальнаго проявленія. И потому люди, которые требуют въ литературѣ одной народности, требуютъ какого-то призрачнаго и пустого „ничего“; съ другой стороны, люди, которые требуютъ въ литературѣ совершеннаго отсутствія народности, думая тѣмъ сдѣлать литературу всѣмъ равно доступной и общей, т. е. человѣческой, также требуютъ какого-то призрачнаго и пустого „ничего“. Первые хлопочутъ о формѣ безъ содержанія; вторые — о содержаніи безъ формы. Тѣ и другіе не понимаютъ, что ни форма безъ содержанія, ни содержаніе безъ формы существовать не могутъ, а если существуютъ, то въ первомъ случаѣ — какъ пустой сосудъ страннаго и нелѣпаго вида, а во второмъ, какъ миражи, которые всѣмъ видимы, но которые въ то же время почитаются несуществующими предметами. Очевидно, что только та литература истинно народна, которая въ то же время есть литература обще-человѣческая; и только та литература — истинно-человѣческая, которая въ то же время и народна. Одно безъ другого существовать не должно и не можетъ. Намъ скажутъ въ опроверженіе, что нѣтъ племени на землѣ, которое бы, при всей своей ничтожности, не имѣло у себя поэзіи; а какъ всякая поэзія есть дѣйствительно существующій фактъ, то слѣдовательно можно имѣть народную поэзію и не принадлежа къ семейству человѣческаго рода. Возраженіе, только кажущееся основательнымъ! Нѣтъ на землѣ племени, которое не принадлежало бы къ семейству человѣческаго рода; но дѣло въ томъ, это одно племя меньше, а другое больше принадлежитъ человѣчеству, и что въ этомъ отношеніи всѣ племена и народы представляютъ собою цѣпь, которой звенья съ обоихъ концовъ постепенно увеличиваются къ центру. Египтяне такъ же историческій народъ, какъ и евреи; но важность ихъ для человѣчества далеко не одинакова; первые внесли особый элементъ въ многосложную жизнь Греціи, и только этимъ упрочили свое существованіе въ исторіи, результатомъ же существованія евреевъ была божественная книга, покорившая теперь подъ свою спасительную власть лучшую часть человѣчества и готовая скоро покорить весь міръ. Потому нѣтъ нужды говорить, который изъ этихъ двухъ народовъ болѣе принадлежитъ человѣчеству. Гдѣ только че-

ловѣкъ владѣеть словомъ, любить и ненавидить, блаженствовать и страдаетъ, тамъ уже и является человѣчество, тамъ уже есть и жизнь и поэзія; но большая разниа въ объемѣ слова, любви, ненависти, блаженства и страданія между дикимъ отаитяниномъ и образованнымъ европейцемъ, между финномъ, калмыкомъ, тунгузомъ — и французомъ, нѣмцемъ, англичаниномъ. Такая же разниа и между литературами. Есть люди, которые посвящаютъ цѣлую жизнь изученію греческой литературы: но едва ли человѣкъ съ умомъ и душой посвятитъ всю жизнь скою на изученіе чухонской литературы!..

Важность и достоинство народовъ опредѣляется ихъ историческимъ значеніемъ. Народъ, не имѣющій исторіи, — ничто, хотя бы занималъ собою половину земного шара и считалъ свое народонаселеніе сотнями милліоновъ. Такъ, нынѣшніе персіяне хотя и составляютъ значительное государство въ Азіи, но не имѣютъ исторіи, потому что перемѣны династій и властителей еще не составляютъ исторіи. Есть народы, которые имѣютъ внутреннее историческое значеніе, какъ выражающее своей жизнью идею: таковы въ Европѣ народы галльско-римско-тевтонскаго образованія. Есть народы, которые имѣютъ только внѣшнее историческое значеніе, какъ дѣйствовавшія на другихъ силою тяготѣнія и существовавшіе не для себя: таковы монголы, турки, такова теперь Австрія. Не нужно говорить, что важность первыхъ субстанціальная, а вторыхъ — относительная. Есть народы, которые имѣли мгновенное историческое значеніе, и съ окончаніемъ его погибли: таковы древніе ассиріяне, мидійцы, персы, финикіяне, кареагеняне, и проч. Есть народы, которые, имѣвъ мгновенное или продолжительное историческое значеніе, пережили его какъ бы навсегда, таковы теперешніе евреи, китайцы, японцы, индусы, аравитяне. Есть наконецъ народы, которые имѣли или имѣютъ историческое значеніе не сами собою, а только тѣмъ, что приняли отъ чуждаго имъ племени субстанціанальное начало жизни, особенно религію: таковъ теперь весь магометанскій Востокъ, покоренный аравійскимъ ислализмомъ. Всѣ эти различія очень важны, потому что ими опредѣляется степень достоинства каждаго народа, а слѣдственно и его поэзія и литература. И у персіянъ есть поэзія; но ея основа —

магометанско-пантеистическое міросозерцаніе, занятое отъ арабовъ; слѣдовательно, ея отнюдь не должно равнять съ арабской поэзіей.

Поэзія каждаго народа есть непосредственное выраженіе его сознанія; отъ этого поэзія тѣсно слита съ жизнью народа. Вотъ причина, почему поэзія должна быть народной, и почему поэзія одного народа не похожа на поэзію всѣхъ другихъ народовъ. Для всякаго народа есть двѣ великія эпохи жизни: эпоха естественной непосредственности, или младенчества и эпоха сознательнаго существованія. Въ первую эпоху жизни національная особенность каждаго народа выражается рѣзче, и тогда его поэзія бываетъ по преимуществу народной. Въ этомъ смыслѣ народная поэзія отличается рѣзкой особенностью, и потому болѣе доступна уразумѣнію всей массы своего народа и болѣе недоступна для другихъ народовъ. Русская пѣсня сильно дѣйствуетъ на русскую душу, но нѣма для иностранца и непереводима ни на какой другой языкъ. — Во вторую эпоху существованія народа поэзія его дѣлается менѣе доступной для массы народа и болѣе доступной для всѣхъ другихъ народовъ. Русскій мужикъ не пойметъ Пушкина, но зато Пушкинская поэзія доступна всякому образованному иностранцу и удобопереводима на всѣ языки. Если народъ ничтоженъ въ историческомъ значеніи, его естественная (народная) поэзія всегда выше его художественной поэзіи, потому что послѣдняя болѣе требуетъ обще-человѣческихъ элементовъ, и если не находитъ ихъ въ жизни своего народа, то дѣлается подражательной. Такъ, народная чешская поэзія и богата, и сильна; а художественная не представляетъ ничего великаго. Естественная (или собственно-народная) поэзія болѣе зависитъ отъ субстанции народа, чѣмъ отъ его историческаго значенія. Вотъ почему римляне—всемирно-историческая и великая нація—не имѣли народной поэзіи. Что касается до греческой поэзіи—она составляетъ собой какъ-бы исключеніе изъ общаго правила; она никогда не была собственно-народной, но всегда будучи народной, въ то же время была обще-человѣческой, всемирно-исторической. Причина этого безконечное міросозерцаніе, лежавшее въ субстанции эллинскаго племени; въ самыхъ древнѣйшихъ мифахъ

эллиновъ заключаются абсолютныя идеи, художественно выраженные, и въ этомъ отношеніи ихъ древнѣйшіе поэты, до Гезіода и Гомера существовавшіе, равно какъ и сами Гезіодъ и Гомеръ, отличаются отъ позднѣйшихъ—Софокла и Еврипида больше степенью историческаго развитія искусства, чѣмъ художественнаго достоинства. Художественная поэзія всегда выше естественной, или собственно народной. Последняя—только младенческій лепетъ народа, міръ темныхъ предощущеній, смутныхъ предчувствій; часто она не находитъ слова для выраженія мысли и прибѣгаетъ къ условнымъ формамъ—къ аллегоріямъ и символамъ; художественная поэзія есть, напротивъ, опредѣленное слово мужественнаго сознанія, форма, равновѣсная заключающейся въ ней мысли, міръ положительной дѣйствительности; она всегда выражается образами опредѣленными и точными, прозрачными и ясными, равносильными идеѣ. Мы помнимъ, какъ въ разгарѣ романтическаго броженія многіе утверждали у насъ, что народная пѣсня выше всякаго художественнаго произведенія, и что будто-бы какой нибудь Пушкинъ за честь себѣ ставилъ поддѣлаться подъ простой и наивный складъ народной пѣсни: смѣшное заблужденіе, впрочемъ понятное въ эпоху односторонняго увлеченія! Нѣтъ, одно небольшое стихотвореніе истиннаго художника-поэта неизмѣримо выше всѣхъ произведеній народной поэзіи, вмѣстѣ взятыхъ! И если художникъ-поэтъ настраиваетъ свою разнообразную, гармоническую лиру на монотонный ладъ народной мелодіи—онъ дѣлаетъ этимъ честь народной поэзіи и обнаруживаетъ могущество Протея, способнаго являться во всѣхъ формахъ. Его народная пѣснь выше всѣхъ собственно народныхъ пѣсней, вмѣстѣ взятыхъ; произведеніе, которое выходитъ изъ творческаго духа, обладающаго своимъ предметомъ, всегда выше того, которое выходитъ изъ духа, покореннаго своимъ предметомъ. И со всѣмъ тѣмъ въ народной или естественной поэзіи есть нѣчто такое, чего не можетъ замѣнить намъ художественная поэзія. Никто не будетъ спорить, что реkvіемъ Моцарта или соната Бетховена неизмѣримо выше всякой народной музыки,—это доказывается даже и тѣмъ, что первая никогда не наскучать, но всегда являются болѣе новыми, а вторая хороша во время и из-

рѣдка; но тѣмъ не менѣе неоспоримо, что власть народной музыки безконечна надъ чувствомъ. Не диво, что русскій мужичокъ и плачетъ, и пляшетъ отъ своей музыки; но то диво, что и образованный русскій, музыкантъ въ душѣ, поклонникъ Моцарта и Бетховена, не можетъ защититься отъ неотразимаго обаянія однообразнаго, заунывнаго и удалаго напѣва народной пѣсни... Возрастъ мужества выше младенчества—нѣтъ спора; но отчего же звуки нашего дѣтства, его воспоминаніе даже и въ старости потрясаютъ всѣ струны нашего сердца радостью и грустью, и вокругъ поникшей головы нашей вызываютъ свѣтлыхъ духовъ любви и блаженства?... Оттого, что младенчество есть необходимый и разумный періодъ нашего существованія, который бываетъ только разъ въ жизни и больше не возвращается... Это время нашего единства съ природой, въ которомъ такъ много просто-душной и невинной любви; время нашего непосредственнаго сознанія, въ которомъ все было ясно, безъ тяжкихъ думъ и тревожныхъ вопро́совъ, какъ будто бы сифы и феи дружелюбно нашептывали сердцу священные откровенія и небесная манна сама падала на землю, неорошенную потомъ труда и заботъ... Славное то время было, читатель мой, когда солнышко улыбалось вамъ съ чистаго неба, когда цвѣточекъ наклоненіемъ стебелька ласково привѣтствовалъ насъ, мотылекъ манилъ васъ бѣгать по лугу, кузнечикъ пѣлъ вамъ свою однообразную пѣсенку, и быстрый ручей, по выраженію гениальнаго сумасброда Гофмана, рассказывалъ вамъ чудныя сказочки!... Вы и природа были тогда—одно, и все въ природѣ било для васъ дружескимъ откровеніемъ священной тайны любви и блаженства!... Выше же бокалъ мой, за васъ, счастливыя лѣта моего младенчества! говорите вы. Я теперь умнѣе, чѣмъ былъ тогда; я не промѣняю разума на самое блаженство, но мнѣ все-таки жаль васъ, радужные для моего счастливаго дѣтства!...

Да, мысль выше непосредственнаго чувства, пора мужества выше поры младенчества; но все же и въ непосредственномъ чувствѣ, и въ порѣ дѣтства есть нѣчто такое, чего нѣтъ ни въ разумномъ сознаніи, ни въ гордой возмужалости, что бываетъ только разъ въ жизни и больше не возвращается...

Такъ и для народа: онъ все тотъ же и въ эпоху разумнаго сознанія, какъ и въ эпоху непосредственнаго чувства; но его непосредственное чувство было почвой, изъ которой возникъ и развился цвѣтъ и плодъ его разумнаго сознанія. Все послѣдующее есть результатъ предыдущаго: разумная мысль часто есть только сознанное преданіе темной старины, а знаніе часто есть только уясненное предчувствіе; а страна мѣровъ и таинственныхъ предреченій есть страна, полная очарованій и чудесъ... Жизнь распадается на множество сторонъ и вновь совокупляется въ единое и цѣлое; единое выше множества, цѣлое выше частей, но и во всякой отдѣльности есть нѣчто свое, незамѣнимое цѣлымъ. Въ художественной поэзіи заключаются всѣ элементы народной и сверхъ того есть еще нѣчто такое, чего нѣтъ въ народной поэзіи: одна-кожъ тѣмъ не менѣе народная поэзія имѣетъ для насъ свою цѣну такъ, какъ она есть,—въ ея чистомъ, непримѣсномъ элементѣ, въ ея простой, безыскусственной и часто грубой формѣ.

Многое еще можно сказать объ общихъ чертахъ народной поэзіи, но это удобнѣе сдѣлать въ примѣненіи къ рускимъ пѣснямъ и сказкамъ, что мы исполнимъ въ слѣдующей статьѣ, а эту просимъ считать только общимъ взглядомъ на значеніе всякой народной поэзіи.

II.

Въ первой статьѣ мы сказали, что какъ естественное противопоставляется въ поэзіи искусственному, такъ народное противопоставляется общему, и наоборотъ, какъ народное, такъ и общее суть понятія родственныя, заключающіяся въ самой сущности творчества. Теперь намъ должно объяснить значеніе общаго (мірового, абсолютнаго) и о с о б н а г о (частнаго, исключительнаго). Что такое „общее“?—сущность всего сущаго, единство всякаго разнообразія, душа вселенной, начало и конецъ всего, что было, есть и будетъ, словомъ—„идея“. Почему же, спросятъ насъ, это новое и притомъ такое стран-

ное, произвольное названіе для предмета стараго и давно уже получившаго себѣ имя?—Почему же „общее“, а не просто „идея“?...—Въ этомъ новомъ словѣ,—отвѣчаемъ мы,—одинъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ, которымъ вполне опредѣляется предметъ, берется за самый предметъ, чтобъ тѣмъ яснѣе было значеніе предмета. Слово „идея“ требуетъ опредѣленія философическаго, немногимъ интереснаго и доступнаго; слово „общее (Allgemeinheit)“ можетъ быть объяснено для всѣхъ болѣе или менѣе ясно и удовлетворительно. Чтобъ вѣрнѣе достичь нашей цѣли, будемъ подтверждать наши умозрѣнія примѣрами и подобіями. Все общее есть источникъ и причина существованія всего особнаго и частнаго. Общее необходимо, и потому вѣчно; особое случайно, и потому преходяще. Вы видите передъ собою животное, напримѣръ льва. Его рожденіе, продолжительность или краткость жизни, его смерть—все это совершенно случайно, ибо этотъ левъ могъ и быть, и не быть, и издохнуть едва родясь, и дожить до старости. Природа и міръ такъ же равнодушны къ его существованію, какъ и къ его несуществованію. Но левъ какъ цѣлый, отдѣльный родъ животныхъ, составляющій собой звено въ цѣпи мірозданія, не какой-нибудь, не этотъ левъ, а левъ вообще есть уже не случайное и не частное, а необходимое и слѣдственно общее явленіе. Ежедневно истребляется множество животныхъ, но роды ихъ неистребимы; равнодушная къ участи особнаго явленія, природа попечительно хранитъ роды и виды. Особныя явленія для нея—случайности; роды и виды—идеи, слѣдственно общее. Итакъ, вотъ уже мы и нашли въ безпредѣльномъ многообразіи природы то, что въ ней должно называться общимъ. Если сообразить, что родъ какъ идея, совокупляетъ въ себѣ безчисленные признаки, равно общіе множество предметовъ, выражающихъ его,—то слово „общее“ уже никому не можетъ казаться произвольнымъ или страннымъ. Роды и виды въ органическихъ явленіяхъ природы, отъ минераловъ*), чрезъ растенія и животныхъ, доходя до человѣка, суть не иное что, какъ, необходимые моменты ея

*) Здѣсь слово „органическій“ берется въ обширномъ смыслѣ, какъ противоположность всему „техническому“, не самой природой, а умомъ человѣка производимому.

развитія, тѣ ступени, на которыхъ она, такъ сказать, отдыхала и успокоилась въ своемъ творческомъ стремленіи къ сознанію себя чрезъ индивидуализированіе. Все сущее, каждый предметъ въ природѣ есть не что иное, какъ воплотившаяся, обособившаяся идея абсолютнаго бытія. Будучи источникомъ всего видимаго, конечнаго и переходящаго, словомъ, будучи матерью всякаго чувственнаго бытія, абсолютная идея, оставаясь въ своемъ элементѣ чистаго, недоступнаго чувствамъ бытія, подобна нулю, который, самъ по себѣ не будучи ничѣмъ, тѣмъ не менѣе принимается математиками за абсолютное начало всякой величины и всѣхъ величинъ. Только тотъ въ состояніи уразумѣть таинственное значеніе этого нуля, чей взоръ столько глубокъ, что можетъ провидѣть сущность вещей, мимо самыхъ вещей, чей умъ такъ могучъ, что въ силахъ совлечь съ міра его покровы, и и не затрепетать отъ ужаса, увидѣвшись съ духомъ лицомъ къ лицу. Здѣсь мы приводимъ для ясности образное и поэтически созерцательное выраженіе этой мысли, принадлежащее великому поэту Германіи—Гёте. Фаустъ, давъ обѣщаніе императору вызвать передъ него Париса и Елену, прибѣгаетъ къ помощи Мефистофеля, который неохотно указываетъ ему единственное средство для выполненія этого обѣщанія. „Въ неприступной пустотѣ—говоритъ онъ:—царствуютъ богини; тамъ нѣтъ пространства, еще менѣе времени: то матери“. „Матери? восклицаетъ въ изумленіи Фаустъ:—матери! матери—повторяетъ онъ,—это такъ странно звучитъ...“—„Богини,—продолжаетъ Мефистофель:—невѣдомыя вамъ, смертнымъ, и не охотно именуемыя нами. Готовъ ли ты? Тебя не остановятъ ни замки, ни запоры; тебя обойметъ пустота, имѣешь-ли ты понятіе о совершенной пустотѣ?“ Фаустъ увѣряетъ его въ своей готовности. „Еслибъ тебѣ надо было плыть,—продолжаетъ снова Мефистофель:—по безграничному океану; еслибъ тебѣ надобно было созерцать эту безграничность, ты увидѣлъ бы тамъ по крайней мѣрѣ стремленіе волны за волной, ты увидѣлъ бы тамъ нѣчто; ты увидѣлъ бы на зелени усмирившагося моря плескающихся дельфиновъ; передъ тобой ходили бы облака, солнце, мѣсяцъ, звѣзды; но въ пустой, вѣчно пустой дали ты не увидишь ничего, не услышишь сво-

его собственного шага; ногѣ твоей не на что будетъ опереться. Фаустъ непоколебимъ:— „въ твоёмъ ничто,—говорить онъ,— я надѣюсь найти все“.

In deinem Nichts hoff ich das All zu finden.

Мефистофель послѣ этого даетъ Фаусту ключъ. „Ступай съ этимъ ключемъ,—говорить онъ ему:—онъ доведетъ тебя до матерей“. Слово „матери сноза заставляеть Фауста содрогнуться. — „Матерей!—воскликаетъ онъ:—какъ ударъ поражаетъ меня это слово! Что это за слово такое, что я не могу его слышать?..“ Неужели ты такъ ограниченъ, — отвѣчаетъ ему Мефистофель: — что новое слово смущаетъ тебя?“ Мефистофель потомъ даетъ ему наставленія, какъ онъ долженъ поступать въ своемъ дивномъ путешествіи, — и Фаустъ, ощутивъ новыя силы отъ прикосновенія къ волшебному ключу, топнувъ ногой, погружается въ бездонную глубь. „Любопытно,—говорить Мефистофель, оставшись одинъ: возвратиться ли онъ назадъ?“ Фаустъ возвратился, и возвратился съ успѣхомъ. Онъ вынесъ съ собою изъ бездонной пустоты треножникъ, — тотъ треножникъ, который былъ необходимъ для того, чтобъ вызвать въ міръ дѣйствительный красоту въ лицѣ Париса и Елены.

Этотъ поэтический миѳъ Гёте или, лучше сказать, эта поэтическая апопееза самаго отвлеченнаго понятія, очень ясно говоритъ уму своей образностью. Подобно Фаусту, всякій, въ комъ воля способна возвышаться до самоотреченія, отважившись ринуться въ безграничную пустоту — таинственное мѣсто пребыванія царственныхъ матерей всего сущаго, — вынесетъ оттуда съ собою волшебный треножникъ всяческаго знанія и всяческой жизни. Изъ пустоты возвратится онъ въ высшую дѣйствительность, въ „ничто“ найдетъ все: ибо что же и все какъ не „ничто“, ставшее дѣйствительностью, какъ не безтѣлесныя „матери“, воплотившіяся въ міры?.. Общее, т. е. идея, чтобъ перейти изъ сферы идальной возможности въ положительную дѣйствительность, должно было перейти чрезъ моментъ отрицанія своей общности и стать особнымъ, индивидуальнымъ и личнымъ. И это общее, обособившись въ планеты и предметахъ ископаемаго и растительнаго царства при-

роды, начало индивидуализироваться въ предметахъ царства животнаго. Мы уже выше сказали, что какъ обособленіе, такъ и индивидуализированіе общаго въ природѣ совершалось въ правильной постепенности восхожденія отъ низшаго рода и вида къ высшему роду и виду. Цѣль этого творческаго движенія была—сознаніе, возможное только для личности, для субъекта, до которыхъ общее достигло, ставъ человѣкомъ. Но какъ природа была, такъ сказать, безсильна вдругъ достигъ своей цѣли, ставъ человѣкомъ, то стремленіе ея къ средству сознанія личности началось съ низшихъ моментовъ; съ обособленія (планеты, минералы, растенія), потомъ индивидуализированія (животныя); переходя отъ низшаго къ высшему, природа ознаменовала свое творческое стремленіе стройнымъ рядомъ существъ, постепенно приближающихся къ человѣку. Явно, что орангутангъ былъ послѣдней неудачной попыткой ея сознать себя, послѣ которой ей уже было возможно достигъ послѣдняго, высшаго абсолютнаго типа существъ—личности, субъекта, человѣка, и что, достигши цѣли своего стремленія, она вдругъ какъ бы лишилась своей творческой силы и дѣятельности, какъ уже болѣе не имѣющей цѣли и потому не нужной.

Человѣкомъ оканчивается царство природы и имъ же начинается царство духа. Мы видѣли, что въ природѣ общее (идея) является въ родахъ и видахъ веществъ и существъ; теперь посмотримъ, какъ оно является въ человѣкѣ.

Что такое обще-человѣческое? Разумѣется, то, что составляетъ общій интересъ всѣхъ и cadaго, то, что всѣхъ волнуетъ, во всякомъ находитъ отзывъ, служить невидимымъ рычагомъ дѣятельности всѣхъ и cadaго. „Стало-быть—деньги!“—воскликнетъ иной читатель: „чему же другому и быть!“ Не споримъ съ тѣми, кто уже такъ глубоко въ этомъ убѣжденіи, что его нельзя переспорить; но для многихъ другихъ, еще не слишкомъ крѣпкихъ въ подобномъ вѣрованіи, и для немногихъ, совершенно чуждыхъ ему, скажемъ нѣсколько словъ объ „общемъ“ людей. Такъ какъ общее людей есть то, что связываетъ людей между собою, то не споримъ, что и взаимныя нужды и отношенія суть общее. Но это еще не то общее, о которомъ говоримъ мы: есть между людьми

другое высшее, благороднѣйшее, достойнѣйшее ихъ общее: это—любовь. Но любовь есть только чувство, и потому что-то инстинктуальное, невольное и безсознательное. Любовь, какъ чувство, свойственна и животнымъ въ половыхъ и семейныхъ отношеніяхъ. Любовь человѣка должна быть выше, а для этого она должна быть сознательной, должна имѣть разумное содержаніе. Вы читатель, имѣете друга; онъ погибаетъ,—и вы спасаете его съ опасностью собственной жизни или съ пожертвованіемъ собственнаго благосостоянія. Это высокій и прекрасный подвигъ, но это еще не любовь, а только дѣйствіе любви: любви должно искать въ причинахъ нашей любви къ другу въ томъ, что связываетъ васъ съ нимъ дружбой. Мы нисколько не отвергаемъ дѣйствительности факта, что и величайшіе злодѣи иногда погибаютъ другъ за друга; но причина этого—привычка считать жизнь ни за что, и еще болѣе—взаимная нужда другъ въ другѣ, т. е. сперва безсознательность ожесточенія, а потомъ эгоизмъ: слѣдственно тутъ о любви нечего и говорить. Связываютъ людей еще и общія страсти, пристрастія, привычки, какъ-то: вино, карты, сплетни, и проч.; но въ подобнаго рода связяхъ не бываетъ примѣровъ самоотверженія. Итакъ, ваша любовь къ другу, доказанная самопожертвованіемъ, должна же на чемъ-нибудь основываться, вы за что же нибудь должны любить вашего друга, а онъ васъ, словомъ, между вами должно же быть что-нибудь общее?.. Такъ,—и ужъ конечно это то, что составляетъ человѣческое достоинство, что дѣлаетъ человѣка человекомъ, что называется благомъ, истиной, красотой, долгомъ, обязанностью, знаніемъ и т. п. А благо, истина, красота, долгъ, честь, слава, доблесть, знаніе, все это — идеи, слѣдственно все это „общее“. И потому, любя вашего друга, вы любите въ немъ не что-нибудь частное, случайное, ему одному принадлежащее (какъ на примѣръ цвѣтъ волосъ, голось, лицо); но тотъ Прометеевъ огонь, то божественное начало, которое есть общее наслѣдіе человѣческой натуры, словомъ—идею. Вы скажете, что несмотря на то, вы все-таки любите и лицо, и голось, и поступъ, и манеры, и всю непосредственность вашего друга: оно такъ и должно быть, ибо въ томъ-то и состоитъ взаимное отношеніе общаго къ особ-

ному и особнаго къ общему, что они въ человѣкѣ не преклеиваются другъ къ другу виѣшнимъ образомъ, такъ, что можно было бы сказать, что въ немъ общее и что особое, но взаимно проникаютъ другъ друга, неразрывно, органически сливаются другъ съ другомъ. Человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, но вѣдь нельзя же сказать: вотъ въ немъ тѣло, а вотъ душа; доселѣ анатомія и фізіологія еще не нашли (и никогда не найдутъ) мѣста въ тѣлѣ, гдѣ живетъ душа, и какъ тѣло безъ души, такъ и душа безъ тѣла есть отвлеченное понятіе, а не дѣйствительное явленіе, не человѣкъ. Чѣмъ болѣе проникнуть человѣкъ общимъ, тѣмъ разительнѣе достоинство и прелесть его личности, тѣмъ онъ особенѣе, такъ сказать, и мы, думая любить его за черты лица или голосъ, любимъ его за душу, а думая любить за душу, любимъ за лицо, рѣчь и манеры. Опредѣлительно на этотъ счетъ можно сказать только то, что особое получаетъ свое достоинство только отъ общаго, и что любить можно только идею. Намъ возразятъ, что есть люди, одаренные сильной способностью любить и которые часто устремляютъ свою любовь на предметы, не совсѣмъ достойные ея, или видя въ нихъ мнимыя достоинства, или просто по привычкѣ, или влѣдствіе особенной обстановки обстоятельствъ. Это ничего не доказываетъ, кромѣ безсознательности. Позорно въ человѣкѣ отсутствіе всякаго чувства; но любовь всегда есть признакъ человѣческаго достоинства, на какой бы ступени ни стояла она; высшая же, дѣйствительная любовь есть любовь сознательная, разумная.

Каждый человѣкъ — самъ себѣ цѣль; назначеніе каждаго человѣка — развить въ себѣ все человѣческое, общее и насладиться имъ. Всѣ люди имѣютъ равное право на дары духа, — разумѣется, въ той мѣрѣ, въ какой каждый изъ нихъ, по своей натурѣ, можетъ вмѣстить въ себѣ. Но есть особый родъ людей, которые по преимуществу могутъ назваться любимцами неба: это — великіе историческіе дѣйствователи. Исторія нѣкоторымъ образомъ представляетъ собой явленіе, параллельное природѣ: какъ въ природѣ общее является въ родахъ и видахъ, такъ въ исторіи это общее является въ избранникахъ судебъ Божіихъ. Они выражаютъ своей лич-

ностью все, что составляет сущность народа или человечества въ ихъ эпоху; они страдаютъ и блаженствуютъ за миллионы; они—олицетворенная идея, „личное общее“ своего времени. И потому ихъ личности не суть что-нибудь преходящее, но вѣчное, никогда не умирающее. Онѣ представляютъ собою „общее“, и потому до нихъ всѣмъ и каждому дѣло, всякая живая душа откликнется на ихъ имя, все интересуется ихъ участіемъ, даже малѣйшими подробностями ихъ частной жизни. Заговорите съ послѣднимъ безграмотнымъ и полудикимъ русскимъ мужичкомъ въ глуши отдаленной провинціи, заговорите съ нимъ о Петрѣ Великомъ, о Наполеонѣ, —и онъ будетъ васъ слушать, будетъ съ участіемъ васъ спрашивать. „Что-жъ ему Гекуба?“ спрашиваете вы вопросомъ Гамлета... Общее, общее! — отвѣчаю я вамъ. Въ чемъ бы ни проявилось оно—въ исполинской ли мысли Петра преобразовать народъ; въ исполинской-ли мысли Наполеона дать законы всему міру; въ исполинской-ли художественной дѣятельности Шекспира; въ ужасающемъ-ли патріотическомъ фанатизмѣ Брута, палача горячо любимыхъ дѣтей своихъ; въ религіозномъ-ли рвеніи Іоанна Гусса, и какъ бы ни кончилось оно—полной-ли побѣдой и полнымъ оправданіемъ при жизни, островомъ-ли св. Елены, полнотой-ли славы при жизни, сдѣлавшейся въ тягость, костромъ-ли:—оно общее, всѣмъ равно принадлежащее, и потому каждый и знаетъ о немъ, какъ о своихъ собственныхъ нуждахъ, хотя бы и вѣка отдѣляли его отъ него...

И такъ, предметъ искусства есть общее, въ значеніи котораго мы условились съ читателями. Но въ искусствѣ, какъ и въ природѣ и въ исторіи, общее, чтобъ не оставаться отвлеченной идеей, должно обособляться въ отдѣльныя органическія явленія. Поэтому всякое художественное произведеніе есть отдѣльное, особое, но проникнутое общимъ содержаніемъ—идеей. Въ художественномъ произведеніи идея съ формой должна быть органически слита, какъ душа съ тѣломъ, такъ что уничтожить форму значитъ уничтожить идею, и наоборотъ. Сущность искусства —уравновѣшеніе общаго съ особнымъ, идеи съ формой. Въ искусствѣ форма прежде всего, потому что все въ ней; она не должна быть внѣшнимъ

средствомъ для выраженія идеи, но самой идеей въ чувственномъ проявленіи. И поэтому, какъ трудно опредѣлить значеніе того или другого человѣка, почти такъ же трудно и опредѣлить идею художественнаго произведенія. Единосущность идеи съ формой такъ велика въ искусствѣ, что ни ложная идея не можетъ осуществиться въ прекрасной формѣ, ни прекрасная форма быть выраженіемъ ложной идеи. Если въ произведеніи искусства форма преобладаетъ надъ идеей, — это значитъ, что идея не довольно опредѣленна и ясна для созерцанія творящаго, и тогда форма не можетъ быть вполне прекрасна, и произведеніе можетъ быть даже уродливо, какъ неудачный порывъ къ творческому сознанію. Таковы грубо-изваянные или грубо вырѣзанные идолы языческихъ племенъ, стоящихъ на низшей степени развитія. Причина ихъ безобразія не младенческое состояніе технической стороны искусства у племени, а бѣдность и слѣдственно неопредѣленность идеи, которая не можетъ подняться выше туманнаго предчувствія истины. Вообще недозрѣвшая мысль если и высказывается иногда удачно въ искусствѣ, то въ подробностяхъ, а не въ цѣломъ. Этимъ объясняется чудовищность символическихъ храмовъ и идиоловъ Индіи, равно какъ и чудовищная огромность „Магабгараты“ и „Рамайяны“, въ которыхъ цѣлое поглощается длинными эпизодами, а высокія красоты поэзіи мѣняются съ дикими образами и случайностями. Египетскія статуи ужъ ближе къ истинному искусству; онѣ отличаются даже изяществомъ внѣшней отдѣлки; но ихъ лица блѣдны выраженіемъ, позы принужденны и связаны. Въ греческой статуѣ жизнь и свобода сочетались съ красотой и граціей; это истинные боги, сошедшіе на землю. Вообще въ греческомъ искусствѣ идея уравнилась съ формой, и потому искусство грековъ есть болѣе искусство, чѣмъ даже искусство новѣйшаго времени. Если въ искусствѣ преобладаетъ идея надъ формой, тогда искусство теряетъ свое чистое, первоначальное значеніе и, по степени преобладанія, соприкасается съ другими абсолютными сферами сознанія, дѣлаясь для нихъ какъ бы средствомъ и чрезъ то приобретаая не менѣе важное, но и уже новое значеніе.

Идея народности въ искусствѣ вытекаетъ прямо изъ про-

цесса обособленія общаго. Самое человѣчество, хотя и нѣтъ ничего выше его изъ существующаго во-внѣ, есть уже нѣчто особенное, — тѣмъ болѣе народъ. Если художникъ изображаетъ въ своемъ произведеніи людей, то, во-первыхъ, каждый изъ нихъ долженъ быть человѣкомъ, а не призракомъ, долженъ имѣть фizioномію, характеръ, нравъ, свои привычки, словомъ — всѣ индивидуальныя признаки, какими каждая личность отличается въ дѣйствительности отъ всякой другой личности. Потомъ каждый изъ нихъ долженъ принадлежать къ извѣстной націи и къ извѣстной эпохѣ, потому что человѣкъ внѣ національности есть не дѣйствительное существо, а отвлеченное понятіе. Изъ этого ясно видно, что національность въ художественномъ произведеніи есть не заслуга, а только необходимая принадлежность творчества, являющаяся безъ всякаго усилія со стороны поэта. И потому, чѣмъ выше произведеніе въ художественномъ отношеніи, тѣмъ оно и національнѣе, и хвалить великаго художника за національность его творенія — все равно, что хвалить великаго астронома за то, что при вычисленіяхъ своихъ онъ не ошибается въ таблицѣ умноженія. Въ самомъ дѣлѣ, что за заслуга со стороны русскаго, что его дѣти отличаются русскою фizioноміей? Конечно, чтобъ быть національнымъ поэтомъ, нужно сперва быть великимъ человѣкомъ, представителемъ духа своей націи; но изъ этого-то и слѣдуетъ, что великій талантъ дѣлаетъ поэта національнымъ, а не національность дѣлаетъ его великимъ поэтомъ: послѣднее есть только необходимое слѣдствіе перваго. При извѣстїи о вновь родившемся человѣкѣ никто не спрашиваетъ, есть ли у него глаза и руки, сколько ногъ, и нѣтъ ли роговъ и хвоста: если онъ человѣкъ, такъ ужъ само собой разумѣется, что у него есть и глаза, и руки, ногъ всего двѣ, а не четыре, а роговъ и хвоста нѣтъ. Такъ и въ искусствѣ: если произведеніе художественно, то, само собой, оно и національно; въ противномъ же случаѣ, оно не можетъ быть и художественнымъ произведеніемъ, а будетъ аллегоріей, символомъ или просто надутымъ и холоднымъ призракомъ, гдѣ общее не обособилось органически, а только прикрылось лоскутками натянутого вымысла, который не вывелъ во-внѣ, а только закрылъ его смыслъ. Это относится не къ

однимъ тѣмъ произведеніямъ, которыхъ содержаніе берется изъ дѣйствительной жизни, какъ въ романѣ, повѣсти, драмѣ, комедіи, но и къ лирическимъ поэмамъ. „Фаустъ“ Гёте—міровое, обще-человѣческое произведеніе; но тѣмъ не менѣе, читая его, вы видите, что оно могло родиться только въ фантазіи нѣмца, и Байроновъ „Манфредъ“, явно навѣянный „Фаустомъ“, уже нисколько не вѣетъ германскимъ духомъ. Хотя Шекспиръ въ своихъ драмахъ выводилъ и не однихъ англичанъ, но французовъ, и нѣмцевъ, и итальянцевъ, и даже древнихъ римлянъ и грековъ, но, читая его, вы понимаете, что только въ Англіи могъ явиться такой драматургъ; кому эта мысль показалась бы странной, тѣхъ просимъ прочесть въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (томъ XV, 1841, книжка 4, Науки) статью Филарета Шаля „Марія Стюартъ“: этотъ историческій отрывокъ представляетъ всѣ элементы драмы, кроющіеся въ англійской исторіи. Какъ ни разнообразенъ, какъ ни мірообъемлющъ Гёте въ своихъ созданіяхъ, но каждое изъ нихъ вѣетъ нѣмецкимъ и сверхъ того еще „Гётевскихъ“ духомъ. Хотя въ большей части лирическихъ пьесъ Пушкина, и даже въ нѣкоторыхъ эпическихъ его произведеніяхъ, какъ въ „Донъ-Хуанъ“, и содержаніе, и форма повидимому чисто европейскія; но и въ нихъ Пушкинъ является истиннымъ національнымъ русскимъ поэтомъ, уже по одному тому, что ихъ никогда нельзя смѣшать ни съ Байроновскими, ни съ Гётевскими, ни съ Шиллеровскими созданіями, и нельзя иначе назвать, какъ „Пушкинскими“. Повторяемъ: это необходимо, это лежитъ въ сущности творчества: изъ какого бы міра ни бралъ поэтъ содержанія для своихъ созданій, къ какой бы націи ни принадлежали его герои, самъ онъ всегда остается представителемъ духа своей націи, смотритъ на предметы ея глазами и кладетъ на нихъ ея печать. И чѣмъ геніальнѣе поэтъ, тѣмъ общѣе его созданія, а чѣмъ они общѣе, тѣмъ національнѣе и оригинальнѣе. Чѣмъ отличается геній отъ таланта?—Тѣмъ, что, будучи оригинальнымъ, онъ въ то же время и общѣе таланта. Гофманъ — великій талантъ, но онъ—далеко низшее явленіе въ сравненіи съ Гёте и Шиллеромъ: онъ выразилъ только одну сторону германскаго духа, тогда какъ тѣ, каждый по своему, исчерпали всю

глубину его, выразили всё стороны его. И потому оригинальность Гофмана для многих кажется странностью, и многие люди съ эстетическимъ чувствомъ, понимая Шиллера и Гёте, не понимаютъ Гофмана. Причина этому не оригинальность Гофмана, а ея источникъ. не довольно общій, чтобъ могъ возвысить ее до абсолютнаго; оригинальность все-таки остается необходимымъ условіемъ не только генія, но даже самаго значительнаго таланта: только сфера бездарности отличается безличной общностью, для которой не существуетъ ни пространства, ни времени, ни націи, ни колорита, ни тона, — которая во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, отъ начала міра до нашихъ дней, выражается однимъ языкомъ и одними и тѣми же словами.

Но условія обособленія общаго въ произведеніяхъ искусства не оканчиваются только національностью и оригинальностью: безъ типизма нѣтъ ни той, ни другой. Типъ (первообразъ) въ искусствѣ — то же, что родъ и видъ въ природѣ, что герой въ исторіи. Въ типѣ заключается торжество органическаго сліянія двухъ крайностей — общаго и особаго. Типическое лицо есть представитель цѣлаго рода лицъ, нарицательное имя многихъ предметовъ, выражаемое однакоже собственнымъ именемъ. Такъ напримѣръ, Отелло собственное имя, принадлежащее только одному лицу, изображенному Шекспиромъ; но видя человѣка въ припадкѣ ревности, мы называемъ его Отелло, хотя бы этотъ человѣкъ назывался Иваномъ или Петромъ, и былъ русскій или нѣмецъ, а не мавръ. Въ этомъ же смыслѣ всѣ герои поэмъ, драмъ и повѣстей Пушкина, „Горе отъ ума“ Грибоѣдова, повѣстей Гоголя — типы. Боже мой, если посмотрѣть, на сколькихъ людей приходится такъ ловко, какъ-будто по нимъ шито, достославное имя одного Ивана Александровича Хлестакова!... Это не эклектическое собраніе рѣзкихъ чертъ одной и той же идеи, а общая идея, обособившаяся въ художественно - созданномъ лицѣ, это лицо и вмѣстѣ — идея; а какъ одна и та же идея является въ дѣйствительности въ безконечномъ разнообразіи, то въ лицѣ, вполне выразившемъ ее собой, видится множество лицъ.

Но и здѣсь еще не конецъ условіямъ обособленія общаго

въ искусствѣ. Художественное произведеніе должно быть цѣлымъ, единымъ, особнымъ и замкнутымъ въ себѣ міромъ. Въ немъ общая идея, принявъ плоть и образъ, такъ сказать, приковывается къ пространству и времени, и притомъ къ извѣстному пространству и къ извѣстному времени. Оно овеществляется, явившись въ формѣ: но, дѣлаясь матеріей, оно не перестаетъ быть духомъ: принадлежа ничтожному клочку земли, на которомъ разыгралась драма, оно — гражданинъ всего міра; принадлежа къ ничтожному мгновенію, въ которое совершилось событіе, оно — достояніе вѣчности. И потому художественное произведеніе и конечно, и бесконечно вмѣстѣ: конечно — потому что состоитъ въ кускѣ мрамора, въ лоскуткѣ полотна, въ книгѣ, можетъ быть взято руками, перенесено, истреблено, а главное потому, что выражаетъ одинъ извѣстный случай, небольшое число людей или мгновенное ощущеніе; оно бесконечно, потому что выраженный имъ случай заключаетъ въ себѣ возможность безчисленнаго множества подобныхъ случаевъ; изображенные имъ люди заключаютъ въ себѣ множество людей, которые были, есть и всегда могутъ быть, а мгновенное ощущеніе одного поэта есть достояніе, собственность милліоновъ людей, — словомъ, потому что въ его конечной формѣ выразилось бесконечное, общее, непреходящее — идея, духъ. Кто не умѣетъ въ своемъ разумѣннн примирить этихъ двухъ противоположныхъ понятій — конечнаго и бесконечнаго, тотъ правъ въ отношеніи къ себѣ, хотя и виноватъ передъ истиной, думая, что „Иліада“ для насъ — мертвая буква, ибо-де „мы не греки и не римляне“.

Истинное и полное сліяніе общаго съ особнымъ возможно только чрезъ уравниваніе идеи съ формой, слѣдственно только въ художественной поэзіи. Мысль младенцествующаго народа всегда болѣе или менѣе темна, неопредѣленна, а потому и не можетъ найти себѣ равновѣснаго выраженія въ формѣ. Мысль младенцествующаго народа есть не разумное сознаніе возросшее до опредѣленности въ выраженіи, а только темное предощущеніе истины, которое, силясь выразиться, не говоритъ, а лепечетъ, дополняя условными знаками неуловимый для самой себя смыслъ своей рѣчи. Однимъ уже этимъ достаточно опредѣляется отношеніе естественной или народ-

ной поэзіи къ художественной поэзіи. Первая есть несвязный дѣтскій лепетъ; вторая — опредѣленное слово мужа. Первая намекаетъ, вторая полагаетъ и утверждаетъ. Художественная поэзія идетъ прямо къ своей цѣли, и таинственное, неизглаголанное выражаетъ въ опредѣленномъ словѣ; естественная поэзія прибѣгаетъ къ иносказанію, къ миѳу, которыхъ смыслъ можетъ провидѣть только посвященный, тогда какъ толпа видитъ одну басню и слѣпо вѣритъ ей, какъ непреложному историческому факту. Но художественная поэзія находится въ тѣсномъ сродствѣ съ естественной, ибо, такъ сказать, вырастаетъ на ея почвѣ. Оттого она такъ любитъ пользоваться миѳическими преданіями народа и, отдѣляя отъ нихъ все случайно, воссоздавать ихъ въ новой лѣпотѣ. Однакожъ эта живая, родственная связь, это отношеніе матери къ дочери, между естественной и художественной поэзіей возможно только при одномъ условіи, *sine, qua, non*: естественная поэзія только тогда можетъ развиться изъ самой себя въ художественную, когда она полна элементовъ „общаго“. Для доказательства этого стоитъ только указать на греческій и тевтонско-германскій міръ. Прометей похитилъ съ неба огонь, возжегъ теплотой и свѣтомъ дотолѣ мертвыя тѣла людей; Зевсъ, увидѣвъ въ этомъ возстаніе противъ боговъ, въ наказаніе приковалъ Прометея къ скалѣ Кавказскихъ горъ и приставилъ къ нему коршуна, который безпрестанно терзаетъ внутренности Прометея, безпрестанно заростающія. Зевсъ ожидаетъ отъ преступника покорности; но жертва горделиво сноситъ свои страданія и презрѣніемъ отвѣчаетъ палачу своему. Вотъ миѳъ, котораго однако достаточно, чтобъ служить источникомъ и почвой для развитія величайшей художественной поэзіи, а у грековъ было множество такихъ миѳовъ, находившихся въ живой, органической связи между собой и переданныхъ имъ, какъ откровеніе абсолютныхъ истинъ, самой ихъ природой. И потому удивительно ли, что подобный миѳъ могъ дать содержаніе для величайшей трагедіи одному изъ величайшихъ національных геніевъ—Эсхилу? Удивительно-ли, что тотъ же самый миѳъ могъ дать содержаніе генію новѣйшаго времени—Гёте, для одного изъ колоссальнѣйшихъ его произведеній—„Прометей“? Поговоримъ о первомъ, чтобъ

проникнуть въ мысль міа и въ его баснѣ провидѣть общее содержаніе.

Кратосъ (сила, могущество, власть, авторитетъ), Біа (сила) и Гефестъ (богъ огня) приводятъ Прометея (провидца) къ скалѣ Кавказскихъ горъ, чтобы приковать его къ ней по повелѣнію Зевса. Кратосъ велитъ Гефесту немедленно приступить къ дѣлу: „Прометей, — говоритъ онъ, — похитилъ огонь, лучшее твое достояніе и орудіе всѣхъ искусствъ, и сообщилъ его смертнымъ: за это преступленіе онъ долженъ испытать величайшія муки — да научится покоряться волѣ Зевса“. Гефестъ повинуется, но изъясняетъ Прометею свое сожалѣніе, какъ равному себѣ богу, и притомъ караемому за доброе дѣло. „Смѣлый сынъ Ѡемиды (правосудія и справедливости), я противъ тебя и противъ себя долженъ приковать тебя къ этому утесу неразрушимыми цѣпями; вотъ что пріобрѣлъ ты за свою филантропію (любовь къ людямъ)! Напрасно будешь ты жаловаться и стенать: сердце Зевса непреклонно, ибо новый повелитель всегда жестокъ бываетъ“ *). Кратосъ упрекаетъ Гефеста за его состраданіе къ Прометею, какъ за слабость, и Гефестъ, не переставая изъяснять Прометею своего соболѣзнованія, приковываетъ къ утесу обѣ его руки, приковываетъ ноги и вбиваетъ въ грудь желѣзный гвоздь. Кратосъ саркастически издѣвается надъ страдальцемъ: „Хвались теперь съ обычной твоей гордостью, — говоритъ онъ: — хвались похищеніемъ божественныхъ сокровищъ, которыя ты передалъ своимъ эфемерамъ! Кто изъ нихъ облегчитъ твои мученья? Ошибаются называющіе тебя Прометеемъ (провидцемъ); тебѣ неприлично это имя: тебѣ бы самому нуженъ былъ Прометей для предохраненія тебя отъ этого бѣдственнаго положенія“. Кратосъ, Біа и Гефестъ уходятъ; Прометей, хранившій дотолѣ молчаніе, призываетъ въ свидѣтели сдѣланнаго ему насилія эфиръ, вѣтры, источники рѣкъ, волны морскія и землю—матеръ всего существующаго. „Но, — говоритъ онъ: — къ чему это? Я предвижу все, что должно случиться — не мнѣ страшиться предвидѣнныхъ бѣдствій: зная непобѣдимую силу необходимости, предадимся опредѣленію

*) Намекъ на похищеніе Зевсомъ Кронава престола.

судьбы!“ Является хоръ морскихъ нимфъ, дочерей Океана, жалобно взывающийъ во изъявленіе своего состраданія къ Прометею. Хоръ говоритъ ему, что удары Гефестова молота отдались даже въ безднахъ моря, и что возмущенныя этимъ нимфы поспѣшили сюда на колесницѣ, полунагія и босыя. Утѣшая Прометея, онѣ обвиняютъ Кронида въ несправедливости и жестокосердіи. Тогда Прометей говоритъ имъ, что Зевсъ долженъ будетъ прибѣгнуть къ нему же, чтобъ узнать о новомъ врагѣ, долженствующемъ низвергнуть его съ престола; но что тщетно будетъ умолять его и грозить ему, ибо онъ рѣшился хранить тайну. Далѣе Прометей рассказываетъ нимфамъ свою исторію, начиная ее съ борьбы между Крономъ и Зевсомъ, который побѣдилъ Крона, слѣдуя совѣтамъ Прометея. „И вотъ какъ вознаградила онъ меня. Но никому не довѣрять, даже друзьямъ своимъ, — обыкновенная болѣзнь тирановъ!“ Далѣе рассказываетъ, что Зевсъ, одолѣвъ Крона, началъ раздавать богамъ милости и дары, чтобы утвердить свое владычество, а несчастныхъ смертныхъ рѣшился совершенно истребить; но что онъ, Прометей, одинъ воспротивился тому, сообщилъ людямъ огонь, могущій споспѣшествовать къ открытію многихъ искусствъ, просвѣтилъ и укрѣпилъ души ихъ, исцѣлилъ ихъ отъ боязни смерти и возродилъ въ нихъ утѣшительную надежду... Наконецъ Прометей убѣждаетъ нимфъ сойти съ ихъ окрыленной колесницы, чтобъ удобнѣе разслушать повѣсть о его несчастіяхъ, а нимфы оставляютъ „безоблачный эфиръ, служащій птицамъ путемъ къ горячей вершинѣ скалы“. Вдругъ появляется Океанъ „на птицѣ съ быстрыми крыльями“, утѣшаетъ Прометея, совѣтуетъ ему не раздражать Зевса обидными выраженіями и обѣщаетъ выпросить ему у Кронида освобожденіе. Прометей отвѣчаетъ ему, что это будетъ бесполезно для страдальца и опасно для ходатая, благодарить его за участіе и отказывается отъ помощи. По удаленіи Океана Прометей говоритъ нимфамъ: „Если молчу я, то не думайте, что отъ гордости или оскорбленія; но я въ мысляхъ пожираю сердце мое, видя себя столь несправедливо утѣсненнымъ“. Потомъ онъ исчисляетъ свои благодѣянія людямъ и предрекаетъ, что владычество Зевса должно имѣть конецъ, что ему, Прометею, извѣстно какъ время,

когда это совершится, такъ и имя того, кто низвергнетъ Кронида. На мольбу нимфъ открыть имъ эту тайну Прометей возражаетъ: „Напрасно будете вы упрашивать: я долженъ и буду хранить эту ужасную тайну“. Зевсъ посылаетъ Гермеса къ Прометею, чтобъ исторгнуть у него роковую тайну. Прометей говоритъ, что онъ знаетъ ее, но не скажетъ, — и въ горделивомъ презрѣннн къ низкому слугѣ веселится мыслью о неизбѣжномъ паденіи его властелина. Гермесъ грозитъ ему молніями и громами тучегонителя; но Прометей непоколебимъ: въ сознаніи правоты своей онъ презираетъ Зевса и власть его. Молнія расшибаетъ скалу — и Прометей исчезаетъ вмѣстѣ съ нею...

Мы взяли бы на себя слишкомъ смѣлый и тяжелый трудъ, еслибъ захотѣли объяснить удовлетворительно смыслъ великаго міаа о „Прометѣѣ“, и потому довольно будетъ намекнуть на него.

Прометей и Зевсъ — это божество, раздѣлившееся на самого себя, это сознаніе, распавшееся на двѣ стороны, которыя, по закону діалектическаго развитія, враждебно стали одна къ другой. Зевсъ — это непосредственная полнота сознанія; Прометей — это сила разсуждающая, духъ, не признающій никакихъ авторитетовъ, кромѣ разума и справедливости. Зевсъ возсталъ на отца своего, Крона, съ громами и молніями; Прометей возсталъ на Зевса съ мыслью и словомъ. Прометей вправѣ былъ сказать своему могучему противнику: „ты сердишься, Юпитеръ: слѣдовательно ты не правъ! — И потому Зевсъ могъ его уничтожить, но не утратить и не преклонить. Горделивая твердость, полное сознаніе своего достоинства и своей правоты, самоотверженіе Прометея было оправданіемъ его пророчества о концѣ власти Зевса: Зевсъ не правъ, и потому долженъ будетъ уступить свое владычество другой, болѣе справедливой власти. Что же значитъ коршунъ, терзавшій безпрестанно сраставшіяся внутренности похитителя небеснаго огня? — На это у Эсхила лучшій отвѣтъ даетъ самъ Прометей: „Я въ мысляхъ пожираю сердце мое!“ Это грустная дума, какъ червь грызущая сердце и подтачивающая корни жизни; это муки распаденья. Зевсъ не правъ, но онъ еще существуетъ, и власть его еще сильна — онъ еще мститъ

своему противнику; зачѣмъ же онъ силенъ, если онъ не правъ? Затѣмъ, что Прометею суждено только начать великое дѣло, а не кончить его; онъ — только очистительная жертва общаго дѣла, а не торжествующій побѣдитель; онъ далъ движеніе сознанию, которое безъ него коснѣло бы въ недѣятельности, но онъ еще не видѣлъ результата сознанія; онъ началъ борьбу, но не ему суждена полная побѣда. Что же такое огонь, похищенный Прометеемъ съ неба и сообщенный имъ людямъ? — Это мысль, сознаніе, пробудившее людей отъ мертваго сна животной непосредственности. Прометей далъ знать людямъ, что въ истинѣ и знаніи они — боги, что грома и молніи еще не доказательства правоты, а только доказательства неправоты власти. Пробуждено сознаніе въ людяхъ, — и паденіе Зевса уже неизбежно; рано или поздно, но алтари его сокрушатся, и колѣни смертныхъ преклонятся предъ Богомъ правды и истины, любви и милости... Глубокознаменательный миѳъ, необъятный, какъ вселенная, вѣчный, какъ разумъ!..

„Прометей“ Гёте въ нѣкоторомъ смыслѣ есть поэтический комментарий на Эсхилова „Прометея“. Это та же древняя мысль, но высказанная яснѣе, опредѣленнѣе, развитая подробнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, получившая новую силу и новое значеніе вслѣдствіе всемірно-историческаго развитія. Борьба идеи съ авторитетомъ не кончилась съ Прометеемъ: она не разъ возобновлялась, и даже едва ли еще рѣшена и теперь. Достоверно можно сказать только, что вопросъ теперь вполне уяснился, и Прометей нашего времени заранѣе торжествуютъ побѣду и уже не боятся хищнаго коршуна. Отъ этого „Прометей“ Гёте имѣетъ для насъ значеніе самобытнаго созданія, и по преимуществу есть поэма нашего времени. Мы слишкомъ отделились бы отъ своего предмета, еслибы стали излагать содержаніе великой поэмы Гёте; но слѣдующій отрывокъ можетъ намекнуть на ея основную мысль. Прометей начисто отказывается Меркурію въ повиновеніи богамъ; Меркурій напоминаетъ ему, что они заботились о немъ, когда онъ былъ дитятею; Прометей ему отвѣчаетъ:

За это тѣшились они
Моимъ повиновеньемъ
И мной ребенкомъ управляли
По вѣтру прихотей своихъ.

МЕРКУРІЙ.

Они тебѣ защитой были.

ПРОМЕТЕЙ.

А отъ чего? — отъ бѣдствій,
Передъ которыми дрожали сами?
Они предохранили развѣ сердце
Отъ змѣй, меня снѣдавшихъ втайнѣ?
Они ли оковали силою грудь
На страхъ титанамъ?
Не время-ль мужемъ сдѣлало меня,
Всесильное, единственное время,
Нашъ общій властелинъ?

МЕРКУРІЙ.

Несчастный! ты богамъ безсмертнымъ
Дерзаешь это говорить?

ПРОМЕТЕЙ.

Богамъ? — А я не богъ?...
Всесильные! безсмертные!
Ну, что вы?
Вы можете ли все пространство
И небо, и земли
Въ десницѣ заключить моей?
Властны ли вы
Меня отъ самого себя отторгнуть?
Вы можете ли увеличить,
Распространить меня на цѣлый міръ?

МЕРКУРІЙ.

Судьба!

ПРОМЕТЕЙ.

Ея могущество
Ты, стало, признаешь?
Я — также.
Иди, я не служу рабамъ!

Не даромъ боги греческіе признавали надъ собой неотразимую власть судьбы: судьба—это была та темная граница, за которую не переступало сознание древнихъ; христіанство перешагнуло чрезъ эту границу, и послѣдній, великій представитель язычества Юліанъ тщетно силился поддержать всей силой своего генія сокрушающіеся алтари боговъ: они пали сами собою...

„Иліада“ — народное произведеніе; но посмотрите, какъ общіе элементы этого дивнаго созданія древности! Оставляя въ сторонѣ его основную мысль, оставляя въ сторонѣ всѣхъ другихъ героевъ, взглянемъ только на Ахилла. Рѣяный и могучій герой, онъ тяжело оскорбленъ Агамемнономъ; онъ могъ бы вызвать его на бой, какъ равный равнаго, какъ царь царя; онъ побѣдилъ бы его, какъ герой и полубогъ, а если бы и палъ самъ, по крайней-мѣрѣ не пережилъ бы позора и обиды. И что же? Онъ удаляется въ шатеръ, играетъ на лирѣ и льетъ тихія слезы... Что ему побѣда и отмщеніе? ему нужна справедливость; его сердце страждетъ не отъ безсилія, а отъ несправедливости; ему нужна не побѣда, а справедливость со стороны обидчика... Видите ли вы здѣсь „человѣка“ въ эпоху звѣрскаго героизма?... Убить другъ его юности, братъ его сердца, — онъ, могучій, бросается на землю, покрываетъ пепломъ свою прекрасную голову, бьетъ себя въ перси, горько рыдаетъ, не зная сна и пищи. Но наступила минута — и онъ возстаетъ, страшный, могучій, и горе тебѣ, Гекторъ, убійца Патрокла! Двѣнадцать полоненныхъ юношей принесено въ жертву горестной тѣни Патрокла: связанные, пали они отъ копья Пелида. . Звѣрство! — скажете вы; но тогда было время звѣрства, и тѣмъ утѣшительнѣе видѣть проблески человечности въ самыхъ звѣряхъ. Мщеніе не утоляетъ тоски Ахилла: много принесено кровавыхъ жертвъ Патроку; самъ убійца его, Гекторъ, палъ отъ руки Ахилла, а Ахиллъ по-прежнему не смыкаетъ глазъ, стелетъ и рыдая... Только разъ сомкнулись на минуту очи героя — и ему явилась блѣдная, молящая тѣнь безвременно погибшаго друга —

Призракъ, величіемъ съ нимъ и очами прекрасными сходный;
Та же и одежда, и голосъ тотъ самый, сердцу знакомый!

Безщадно губя троянъ, Ахиллъ встрѣчается съ однимъ изъ Пріамовыхъ сыновей: обнимая колѣни губителя, молитъ его несчастная жертва о пощадѣ и жизни, обѣщая за себя богатый выкупъ;

.но услышалъ не жалостный голосъ:
Что мнѣ вѣщаешь о выкупахъ, что говоришь ты, безумный?
Такъ доколѣ Патроклъ наслаждался сіяніемъ солнца,

Миловать Трои сыновъ мнѣ иногда было пріятно,
Многихъ изъ васъ полонилъ, и за многихъ выкупъ я принялъ.
Нынѣ пощады вамъ нѣтъ пикому, кого только демонъ
Въ руки мои приведетъ подъ стѣнами Пріамовой Трои!
Всѣмъ вамъ троянамъ смерть; и особенно дѣтямъ Пріама!
Такъ, мой любезный, умри! И о чемъ ты столько рыдаешь?
Умеръ Патроклъ, несравненно тебя превосходнѣйшій смертный!
Видишь, каковъ я и самъ: и красивъ, и величественъ видомъ;
Сынъ отца знаменитаго; мать имѣю богиню!
Но и мнѣ на землѣ отъ могучей судьбы не избѣгнуть;
Смерть прійдетъ и ко мнѣ поутру, ввечеру иль въ полдень,
Быстро, лишь врагъ и мою на сраженіяхъ душу исторгнетъ,
Или копьемъ поразивъ, или крылатой стрѣлою изъ лука.

(Пѣснь XXI).

Кто не увидитъ въ этомъ героя и полубога? А героическое и божественное только въ общемъ, въ идеѣ. Но „Иліада“, какъ и всѣ произведенія Греціи, нейдетъ въ примѣръ народной поэзіи, полной элементовъ „общаго“: въ греческой поэзіи совершился процессъ гармоническаго уравниванія идеи съ формой, и потому греческая поэзія, будучи народной, въ то же время и художественна въ высшей степени, и не въ примѣръ другимъ. Если мы ссылались на нее, то для того, чтобъ яснѣе, живымъ фактомъ, объяснить читателямъ, что мы разумѣемъ подъ „элементами общаго“ въ искусствѣ. Теперь мы можемъ обратиться къ поэзіи чисто-народной, совершенно естественной, но въ то же время и полной „элементами общаго“, — къ поэзіи народовъ тевтонскаго племени, представителей новѣйшаго европеизма. Здѣсь мы будемъ кратки, ибо послѣ предшествовавшихъ объясненій намъ достаточно самыхъ легкихъ указаній. И такъ, прежде всего просимъ читателей вспомнить разборъ нашъ Тегнерова „Фритіофа“, переведеннаго по-русски Гротомъ. Дѣйствіе этой поэмы происходитъ во времена варварства; но сколько человѣческаго, великаго, возвышеннаго совершается въ это время варварства! Какія дивныя сѣмена мысли кроются въ дѣлахъ, чувствахъ и воззрѣніи на жизнь этихъ полудикихъ скандинавовъ! Это міръ рыцарства въ зародышѣ, это міръ великихъ подвиговъ, благороднаго самоотверженія, обожанія чести, славы и красоты, міръ доблести, любви, вѣрности обѣтамъ, неизмѣняемости клятвъ, міръ возвышенныхъ страстей, стремленіе

къ безконечному, общественной нравственности! Чтобъ не зайти далеко въ отступленіе, укажемъ только на отвѣтъ Фри-тіюфа пѣстуну его, представлявшему ему несбыточность его надеждъ, высокость сана обожаемой имъ женщины.

Нѣтъ, женамъ мужество любезно,
И сила стоитъ красоты!

И такъ, для этихъ дикихъ сыновъ Сѣвера уже было рѣшено, что красота—великое явленіе духа, что ей всѣ жертвы, все обожаніе, что ей и сладчайшія надежды пылкой юности, и умиленный восторгъ сѣдой старости... Да, для этихъ разбойническихъ ордъ, грабившихъ Европу, вопросъ о до-стоинствѣ красоты былъ уже рѣшенъ... Кто же зародилъ въ нихъ этотъ вопросъ? кто рѣшилъ его имъ?—Никто; по крайней мѣрѣ, не они: все это было непосредственнымъ проявленіемъ національной субстанціи ихъ духа... И такъ, красотѣ отданы всѣ ея права: варваръ норманнъ настаиваетъ только на томъ, что и мужество стоитъ красоты. Слѣдовательно, по его понятію, женщина была не хозяйка, а представительница красоты на землѣ, вдохновительница на высокіе подвиги и награды за нихъ; мужчина не хозяинъ, а представитель силы и могущества, подвигоположникъ; тотъ и другая вмѣстѣ—дубъ, осѣняющій широколиственными вѣтвями прекрасную розу... Какое вѣрное понятіе объ отношеніяхъ половъ! въ немъ видна мысль.

Теперь скажемъ или, лучше, перескажемъ одну нѣмецкую богатырскую сказку;—оно же и кстати, потому что сейчасъ намъ должно будемъ говорить о русскихъ сказкахъ.—Въ мифическія времена Германіи, гораздо за долго до Тацита, оставившаго намъ извѣстія о древне-германскомъ бытѣ, жилъ богатырь, огромный, преогромный, до того, что высочайшіе сосны и дубы, которые вырывалъ онъ съ корнемъ могучей рукой, едва годились ему на посохи. У этого богатыря былъ другъ, тоже великій богатырь; и еще была у него—какъ бы сказать?—по нашему, по русски—любовница или полюбовница; а по нѣмецки *Geliebte*—возлюбленная. (Кстати: наши русскія слова „любовникъ и любовница“ ужасно опошлились, такъ что дерутъ уши, а возлюбленный и „возлюбленная“

немного отзываются „высокимъ слогомъ“...) И вотъ Geliebte или возлюбленная богатыря влюбилась въ его друга, да и давай преслѣдовать его своей любовью; но вѣрный дружбѣ, честный богатырь съ богатырской рѣшимостью отвергнулъ ея любовь. Оскорбленная отказомъ, она замѣняетъ любовь мщеніемъ и клеветами; доуками, ласками, доводитъ своего мужа до того, что онъ убиваетъ своего друга соннаго... Но это было съ его стороны не злодѣйствомъ, а минутой слабости; поддавшись обаянію любимой женщины, онъ вдругъ просыпается въ сознаніи своего ужаснаго преступленія. „Поди отъ меня прочь!“ говоритъ онъ оболъстительницѣ, — ты не нужна мнѣ больше; изъ любви къ тебѣ я сдѣлалъ злодѣйство—убилъ моего друга, моего брата; послѣ этого я не могу ни любить тебя больше, ни жить!“ И на могильномъ холмѣ своего друга онъ принесъ себя въ жертву его оскорбленной тѣни.

Жалѣемъ, что на этотъ разъ, не имѣя подъ рукой источника, мы не могли передать этой трагической легенды ея собственными простодушными и энергическими словами, но изъ нашего полушуточнаго разсказа читатели поймутъ, въ чемъ дѣло,—и въ грубой сказкѣ увидятъ основанія человѣчности, элементы „общаго“... Послѣ этого понятно, какъ могла у нѣмцевъ явиться такая великая, такая самобытная художественная литература: для нея была готова родная почва, богатая дивными сѣменами... Теперь мы можемъ обратиться къ русской народной поэзіи на основаніи сборниковъ, заглавія которыхъ выставлены въ началѣ этой статьи.

III.

Поэзія всякаго народа находится въ тѣсномъ соотношеніи съ его исторіей; въ поэзіи и въ исторіи равнымъ образомъ заключается таинственная психея народа, и потому его исторія можетъ объясняться поэзіей, а поэзія—исторіей. Мы разумѣемъ здѣсь внутреннюю исторію народа, которой объясняются виѣшнія и случайныя событія въ его жизни. Но какъ есть народы, существовавшіе только виѣшнимъ образомъ, то ихъ поэзія можетъ служить не объясненіемъ ихъ исторіи, а

только объясненіемъ ничтожества ихъ исторіи. Источникъ внутренней исторіи народа заключается въ его „міросозерцаніи“ или его непосредственномъ взглядѣ на міръ и тайну бытія. Міросозерцаніе народа выражается прежде всего въ его религіозныхъ мифахъ. На этой точкѣ обыкновенно поэзія слита съ религіей, и жрецъ есть или поэтъ, или истолкователь мифическихъ поэмъ. Естественно, эти поэмы — самыя древнѣйшія. Въ вѣкъ героизма поэзія начинаетъ отдѣляться отъ религіи и составляетъ особую, болѣе независимую область народнаго сознанія. За героическимъ періодомъ жизни народа слѣдуетъ періодъ гражданской и семейной жизни. На этой точкѣ поэзія дѣлается вполне самостоятельной областью народнаго сознанія, переходитъ въ дѣйствительную жизнь, начинаетъ совпадать съ прозой жизни, изъ поэмы становится романомъ, изъ гимна — пѣснью; тогда же возникаетъ и драма. какъ трагедія и комедія. Въ послѣднемъ періодѣ поэзія изъ естественной или народной дѣлается художественной. Если же народъ, переживъ мифическій и героическій періодъ своей жизни, не пробуждается къ сознанію и переходитъ не въ гражданственность, основанную на разумномъ развитіи, а въ общественность, основанную на преданіи, и остается въ естественной безсознательности семейнаго быта и патріархальныхъ отношеній, — тогда у него не можетъ быть художественной поэзіи, не можетъ быть ни романа, ни драмы. Эпопею его составляютъ сказка и историческая пѣсня, которой характеръ по большей части опять-таки сказочный. Сравненіе казачьихъ малороссійскихъ пѣсень съ русскими историческими пѣснями лучше всего подтверждаетъ нашу мысль: характеръ первыхъ — поэтически-историческій; характеръ вторыхъ, какъ мы увидимъ далѣе, чисто-сказочный, и притомъ болѣе прозаическій, чѣмъ поэтический. Лирическая поэзія всякаго, хоть бы и гражданского, но еще не сознавашаго себя общества, состоитъ только въ пѣсни — простодушномъ изліяніи горя или радости сердца, въ тѣсномъ и ограниченномъ кругу общественныхъ и семейныхъ отношеній. Это или жалоба женщины, разлученной съ милымъ сердца и насильно выданной за немилаго и постылаго, тоска по родинѣ, заключающейся въ родномъ домѣ и родномъ селѣ, ропотъ на чужбину, на варварское

обращеніе мужа и свекрови. Если герой пѣсни—мужчина, тогда—воспоминаніе о милой, ненависть къ женѣ, или ропотъ на горькую долю молодецкую, или звуки дикаго, отчаяннаго веселья—насильственный мгновенный выходъ изъ рвущей душу тяжелой тоски. Таково по большей части содержаніе всѣхъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Это содержаніе почти всегда одно и тоже: разнообразія и оттѣнковъ чувства нѣтъ, а мысль вся заключается въ монотонномъ и простодушномъ чувствѣ. Такая поэзія лучше самой исторіи свидѣтельствуетъ о внутреннемъ бытѣ народа, можетъ служить мѣркой его гражданственности, повѣркой его человѣчности, зеркаломъ его духа. Такая поэзія нѣма и бесполезна для людей чуждой націи, и понятна только для того народа, въ которомъ родилась она,—подобно безсвязному лепету младенца, понятному и разумному только для любящей его матери.

Въ миѳической и героической поэзіи народа заключается субстанція его духа, по которой, какъ по данному факту, можно судить о томъ, чѣмъ будетъ народъ, что и какъ можетъ изъ него развиваться впослѣдствіи. Здѣсь слова „что и какъ“ показываютъ историческую судьбу народа: такъ на примѣръ, мы увидимъ ниже, что изъ памятниковъ русской народной поэзіи можно доказать великій и могучій духъ народа... Вся наша народная поэзія есть живое свидѣтельство безконечной силы духа, которому надлежало однакожъ быть возбужденному извнѣ. Отсюда понятно, почему величайшій представитель русскаго духа—Петръ Великій, совершенно отрывая свой народъ отъ его прошедшаго, стремясь сдѣлать изъ него совсѣмъ другой народъ, все-таки провидѣлъ въ немъ великую націю и не вотще пророчествовалъ о ея великомъ назначеніи въ будущемъ. Отсюда же понятно, почему величайшій и по преимуществу національный русскій поэтъ—Пушкинъ воспиталъ свою музу не на материнскомъ лонѣ народной поэзіи, а на европейской почвѣ, былъ приготовленъ не „Словомъ о Полку Игоревомъ“, не сказочными поэмами Кириши Данилова, не простонародными пѣснями, а Ломоносовымъ, Державинымъ, Фонвизинимъ, Богдановичемъ, Крыловымъ, Озеровымъ, Карамзинымъ, Дмитріевымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ—писателями и поэтами подражатель-

ными и нисколько не національными, за исключеніемъ одного Крылова, котораго басни, будучи національными, все-таки не суть вполне самобытное явленіе, ибо ихъ образцы найдены Крыловымъ не въ народной поэзіи, а у французца Лафонтена. Такова естественная поэзія всѣхъ славянскихъ племенъ; богатая чувствомъ и выраженіемъ, она бѣдна содержаніемъ, чужда элементовъ общаго, и потому не могла сама собой развиться въ художественную поэзію. Если русскіе и можетъ быть еще чехи могутъ гордиться нѣсколькими великими или примѣчательными поэтическими именами, — они первоначально обязаны этимъ соприкосновенности своей исторіи къ исторіи Европы и усвоеннымъ у Европы элементамъ жизни. Прочія славянскія племена — болгары, сербы, далматы, илирійцы и другія, остались при одной народной поэзіи, которая безсильна возвыситься на степень художественной. Что же касается до малороссіянъ, то смѣшно и думать, чтобъ изъ ихъ, впрочемъ прекрасной, народной поэзіи могло теперь что-нибудь развиться: изъ нея не только ничего не можетъ развиться, но и сама она остановилась еще со временъ Петра Великаго; двинуть ее возможно тогда только, когда лучшая, благороднѣйшая часть малороссійскаго населенія оставитъ французскую кадрили и снова примется плясать тропака и гопака, фракъ и сюртукъ перемѣнятъ на жупанъ и свитку, выбрѣетъ голову, отпуститъ оселедецъ, — словомъ, изъ состоянія цивилизаціи, образованности и человѣчности (пріобрѣтеніемъ которыхъ Малороссія обязана соединенію съ Россіей) снова обратится къ прежнему варварству и невѣжеству. Литературнымъ языкомъ малороссіянъ долженъ быть языкъ ихъ образованнаго общества — языкъ русскій. Если въ Малороссіи и можетъ явиться великій поэтъ, то не иначе, какъ подъ условіемъ, чтобъ онъ былъ русскимъ поэтомъ, сыномъ Россіи, горячо принимающимъ къ сердцу ея интересы, страдающимъ ея страданіемъ, радующимся ея радостью. Племя можетъ имѣть только народныя пѣсни, но не можетъ имѣть поэтовъ, а тѣмъ менѣе великихъ поэтовъ: великіе поэты являются только у великихъ націй, и что за нація безъ великаго и самобытнаго политическаго значенія? Живое доказательство этой истины въ Гоголѣ: въ его поэзіи много чисто-

малороссійскихъ элементовъ, какихъ нѣтъ и быть не можетъ въ русской; но кто же назоветъ его малороссійскимъ поэтомъ? Равнымъ образомъ не прихоть и не случайность заставили его писать по-русски, не по-малороссійски, но глубоко-разумная внутренняя причина, — чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что на малороссійскій языкъ нельзя перевести даже „Тараса Бульбу“, не только „Невскаго Проспекта“. Правда, содержаніе „Тарасы Бульбы“ взято изъ сферы народной жизни, но въ немъ авторъ не былъ поглощенъ своимъ предметомъ: онъ былъ выше его, властвовалъ надъ нимъ, видѣлъ его не въ себѣ, а передъ собой, и потому во многихъ мѣстахъ его разсказа замѣтенъ его личный взглядъ, его субъективное воззрѣніе; — эти-то мѣста и нельзя передать на малороссійское нарѣчіе, не опростонародивъ, такъ — сказать, не омужичивъ ихъ, — не говоримъ уже о томъ, что вся повѣсть, исключая разговоровъ дѣйствующихъ лицъ, написана литературнымъ языкомъ, какимъ никогда не можетъ быть языкъ малороссійскій, сдѣлавшійся теперь провинціальнымъ и простонароднымъ нарѣчіемъ.

Мы сказали, что племя или даже народъ, еще не пробудившійся изъ естественнаго состоянія къ самосознанію, можетъ имѣть только народныя поэмы и пѣсни, но не можетъ имѣть поэтовъ, а тѣмъ болѣе — великихъ поэтовъ. Истина этого положенія доказывается самими фактами. Кромѣ грековъ, которые по причинамъ, изложеннымъ нами во второй статьѣ, не могутъ служить примѣромъ, когда дѣло идетъ о чисто народной (въ смыслѣ естественной, непосредственной) поэзіи, — кромѣ грековъ, у всѣхъ народовъ или мало извѣстны, или совсѣмъ неизвѣстны творцы народныхъ произведеній; но вездѣ самъ народъ является ихъ творцомъ. Разумѣется, всякое отдѣльное народное произведеніе было обязано своимъ началомъ одному лицу, которое, съ горя или съ радости, вдругъ запѣло его; но, во-первыхъ, это лицо, сочинивъ или, говоря его собственнымъ языкомъ, сложивъ пѣсню, само не знало, что оно — поэтъ, и смотрѣло на свое дѣло не какъ на дѣло, а скорѣе какъ на бездѣлье отъ нечего дѣлать; во-вторыхъ, пѣсня, переходя изъ устъ въ уста, претерпѣвала много измѣненій, то увеличиваясь, то убавляясь, то улучшаясь, то

искажаясь, смотря по степени присутствія или отсутствія поэтическаго чувства въ пѣвшихъ ее. Если у народа нѣтъ письменъ, — его поэтическія произведенія по необходимости хранятся въ народной памяти и изустно передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію; если у народа есть письмена, — его поэтическія произведенія опять-таки хранятся въ памяти и живутъ въ устахъ его, потому что народъ, невозросшій до самопознанія, почитаетъ униженіемъ для высокаго искусства писанія заниматься „пересыпаніемъ изъ пустого въ порожнее“, т. е. поэзію. Такъ по крайней мѣрѣ было на Руси, хотя и не такъ было даже у восточныхъ народовъ — индусовъ, арабовъ, персовъ, китайцевъ и другихъ. Какія бы ни были причины этого явленія, но авторомъ русской народной поэзіи является самъ русскій народъ, а не отдѣльныя его лица, — и скудная сокровищница его произведеній состоитъ большей частью изъ безчисленныхъ вариантовъ слишкомъ немногихъ текстовъ. Обратимся къ нимъ и начнемъ съ эпическихъ произведеній.

Эпическія поэмы бываютъ трехъ родовъ: космогоническія и миѳическія, въ которыхъ выражается непосредственное воззрѣніе народа на происхожденіе міра, религіозныя и философическія созерцанія; сказочныя, въ которыхъ видна особенность народной фантазіи, и которыя составляютъ эхобаснословно-греческаго быта младенчеству народа, и историческія, въ которыхъ хранятся поэтическія преданія объ исторической жизни народа, уже ставшаго государствомъ. Первыхъ, т. е. космогоническихъ и миѳическихъ, у насъ нѣтъ почти совсѣмъ, а еслибъ что въ этомъ родѣ и нашлось современемъ, такъ едва ли стоитъ вниманія. Причина очевидна: миѳологія всѣхъ славянъ вообще, особенно сѣверо-восточныхъ, играла въ ихъ жизни слишкомъ незначительную роль. Одно слово Владиміра могло въ одинъ день и навсегда уничтожить наше язычество. Его подданные какъ будто чувствовали, что не изъ чего хлопотать и не за что стоять, — а всѣ люди ужъ такъ созданы, что изъ нечего и не бьются. Хотя Сахаровъ въ своей книгѣ „Сказанія Русскаго Народа“ и сильно возстаетъ противъ Гизеля, Попова, Чулкова, Глинки и Кайсарова за искаженіе славяно-русской миѳологіи; но его,

впрочемъ энергическое возстаніе доказываетъ только, что совершенно не изъ чего и не за что было возставать. Сахаровъ признаетъ истинными славянскими богами только тѣхъ, о которыхъ упоминается въ хроникѣ Нестора, а въ ней упоминается, и то вскользь, мимоходомъ, только о семи богахъ (Перунѣ, Волосѣ, Дажьбогѣ, Стрибогѣ, Семерглѣ, Хрсѣ и Мокошѣ), почти безъ всякаго объясненія ихъ значенія, атрибутовъ, обрядовъ богослуженія и пр. Сахаровъ ожидаетъ отъ будущихъ трудовъ нашихъ археологовъ великихъ открытій и поясненій касательно славянской мифологіи; что касается до насъ, мы ровно ничего не ожидаемъ, по самой простой причинѣ: археологія — прекрасная наука, но безъ данныхъ, безъ фактовъ она рѣшительно ни къ чему не служитъ, потому что какъ не мудрите, а изъ ничего не добьетесь ничего. И такъ, этотъ, предметъ въ сторону: — „на нѣтъ и суда нѣтъ“; а если когда что [найдется, такъ мы тогда и поговоримъ.

Древнѣйшій памятникъ русской народной поэзіи въ эпическомъ родѣ есть, безъ сомнѣнія, „Слово о Пълку Игоревѣ“. Хотя извѣстно нѣсколько сказокъ, въ которыхъ упоминается о великомъ князѣ Владимірѣ Красномъ Солнышкѣ, о его знаменитыхъ богатыряхъ — Добрынѣ, Ильѣ Муромцѣ, Алешѣ Поповичѣ и пр., но эти сказки явно сложены въ гораздо позднѣйшее время, послѣ татарскаго владычества: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго признака язычества, которое, каково бы оно ни было, не могло же не отразиться хоть внѣшнимъ образомъ въ современной ему эпохѣ, когда христіанство еще не успѣло утвердиться въ народѣ. Въ этихъ же сказкахъ не замѣтно ни малѣйшей смѣси языческихъ понятій съ христіанскими. Мало этого: духъ и тонъ этихъ сказокъ явно отзываются новѣйшимъ временемъ, когда Русь была уже переплавлена горниломъ татарскаго ига въ единое государство. Какая-то прозаичность въ выраженіи, простонародность въ чувствахъ и поговоркахъ царствуетъ въ этихъ сказкахъ. Ничего этого нѣтъ и тѣни въ „Словѣ о Пълку Игоревѣ“: это произведеніе явно современное воспѣтому въ немъ событію и носитъ на себѣ отпечатокъ поэтическаго и человѣчнаго духа Южной Руси, еще незнавшей варварскаго ярма татарщины,

чуждой грубости и дикости Сѣверной Руси. Въ „Словѣ“ еще замѣтно вліяніе поэзіи языческаго быта; изложеніе его болѣе историческо-поэтическое, чѣмъ сказочное; не отличаясь особенной стройностью въ повѣствованіи, оно отличается благородствомъ тона и языка. Понятно, какъ нѣкоторымъ могла прійти въ голову мысль, что это произведеніе есть поддѣлка вродѣ Оссіановыхъ поэмъ: въ немъ боярыни не пьютъ зелена вина, не бьютъ другъ друга; нѣтъ площадныхъ выраженій, нѣтъ чудовищныхъ образовъ, нѣтъ признаковъ тѣхъ грубомѣщанскихъ обычаевъ, которыми преисполненъ сборникъ Кирши Данилова.

„Слово о Пълку Игоревѣ“ подало поводъ къ жестокой войны между нашими археологами и любителями древности: одни видятъ въ немъ дивное произведеніе поэзіи, великую поему, благодаря которой намъ нечего завидовать „Иліадѣ“ грековъ; другіе отвергаютъ древность его происхожденія, видятъ въ немъ позднѣйшее и притомъ поддѣльное произведеніе; третьи не видятъ въ „Словѣ“ никакого поэтического достоинства. Что касается до насъ, мы рѣшительно не согласны ни съ тѣми, ни съ другими. „Слово о Пълку Игоревѣ“ такъ же похоже на „Иліаду“, какъ славяне его времени на грековъ, а Игорьъ и Всеволодъ—на Ахилла и Патрокла. Пѣвца „Слова“ такъ же нельзя равнять съ Гомеромъ, какъ пастуха, прекрасно играющаго на рожкѣ, нельзя равнять съ Моцартомъ и Бетховеномъ. Но тѣмъ не менѣе это „Слово“—прекрасный, благоухающій цвѣтокъ славянской народной поэзіи, достойный вниманія, памяти и уваженія. Что же касается до того, точно ли „Слово“ принадлежитъ XII или XIII вѣку, и не поддѣльное ли оно: на это сама поэма лучше всего отвѣчаетъ, если только объ ней судить на основаніи самой ея, а не по разнымъ внѣшнимъ соображеніямъ.

Очень жаль, что „Слово о Пълку Игоревѣ“ можно читать только отрывками, потому что многія мѣста въ немъ искажены писцами до безсмыслицы, а нѣкоторыя темны потому, что относятся къ такимъ современнымъ обстоятельствамъ, которыя вовсе непонятны для русскихъ XIX вѣка. Да притомъ, кто поручится, что въ единственной рукописи „Слова“ не пропущены цѣлыя мѣста? Кому случалось читать въ ру-

кописяхъ ходячія по рукамъ поэмы Пушкина, тотъ не будетъ удивляться искаженію „Слова“ какимъ-нибудь безграмотнымъ и невѣжественнымъ писцомъ XIV-го или XV-го вѣка. Еслибъ по одному изъ подобныхъ списковъ надо было возстановить черезъ два столѣтія текстъ напимѣрь хоть „Кавказскаго Пѣнника“, то возстановитель принужденъ былъ бы отказаться отъ такого несовершеннаго подвига. А что безсмыслицы и темноты „Слова о Пѣлку Игоревѣ“ принадлежатъ не его автору, а писцу — неопровержимымъ доказательствомъ этому служатъ поэтическія красоты въ подробностяхъ и интересъ цѣлаго повѣствованія поэмы. Но возстановить текстъ нѣтъ никакой возможности: для этого необходимо имѣть нѣсколько рукописей, которыя можно было бы сличить. Хоть наши любители русской старины не только пытались объяснить и переводить сомнительныя мѣста въ поэмѣ, но и остались въ увѣренности, что успѣли въ этомъ, однакожъ мы тѣмъ не менѣе должны отказаться отъ мысли видѣть въ „Словѣ“ полное и цѣлое произведеніе. Какъ бы то ни было, чтобъ сдѣлать заключеніе о поэтическомъ достоинствѣ этой поэмы, изложимъ ея содержаніе

Авторъ „Слова“ начинается обращеніемъ къ слушателямъ, общая имъ пѣсню по „былинамъ своего времени, а не по замысленію Бояна: Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслию по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облакы“. Это указаніе на Бояна очень любопытно: значитъ, былъ человѣкъ, прославившійся пѣснями. Наши литературы и піиты добраго стараго времени (которое впрочемъ очень недавно было еще новымъ) сдѣлали изъ Бояна нарицательное имя вродѣ минстреля, трувера, трубадура, барда и, обрадовавшись этому, начали прославлять процвѣтаніе богатой русской литературы до XII вѣка. Но изъ „Слова“ ясно видно, что Боянъ — имя собственное, принадлежавшее одному лицу, вѣроятно жившему во времена язычества или вскорѣ по его паденіи, которое было вмѣстѣ и паденіемъ поэзіи, съ тѣхъ поръ ставшей на Руси бѣсовскою потѣхой, „пересыпаньемъ изъ пустого въ порожнее“. Частыя обращенія пѣвца Игорева къ Бояну, — обращенія, исполненныя энтузіазма и благородныхъ поэтическихъ

образовъ, не допускають никакого сомнѣнія въ существованіи этого Бояна, „соловья стараго времени“. Конечно, это не былъ Гомеръ своего рода, какъ думалъ Шишковъ, ни даже что-нибудь похожее на творца „Иліады“, но послѣ похвалъ даровитаго автора „Слова“ нельзя не сожалѣть искренно о томъ, что время и невѣжество истребили пѣсни Бояна, который „своя вѣщія прѣсты на живыя струны вскладаше— они же сами княземъ славу рокотаху“.

„Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря“, говоритъ пѣвецъ и начинаетъ совсѣмъ не съ стараго Владиміра, а прямо съ Игоря, „иже истягну умъ крѣпостію своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплѣнився ратнаго духа, наведе своя храбрые пѣлки на землю половѣцскую за землю русскую“. Хочу, сказалъ онъ своей дружинѣ, переломить съ вами, Русици, копьѣ на землѣ половецкой, хочу либо положить свою голову, либо „испить шелономъ Дону“. Не буря занесла соколовъ чрезъ поля широкія — то летятъ стадами галици (галки) къ Дону великому: тебѣ бы воспѣть это, внукъ Велесовъ, Боянъ вѣщій! Кони ржутъ за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ, вѣютъ знамена („стоятъ стязи“) въ Путивлѣ; Игорь ждетъ милаго брата Всеволода. И молвилъ ему буйтуръ *) Всеволодъ: „единъ ты братъ у меня, единъ „свѣтъ свѣтлый“, о Игорь! оба мы Святославичи! Сѣдай ты, брате, своихъ борзыхъ коней, а мои давно готовы для тебя и стоятъ осѣдланы у Курска. А куряне мои въ метаніи стрѣлъ искусны, подъ звукомъ трубъ они повиты, концемъ копья вскормлены, пути имъ вѣдомы, овраги знаемы, луки у нихъ натянуты, кольчаны отворены, сабли изострены; сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы“. Тогда Игорь князь вступилъ въ златое стремя и поѣхалъ по чистому полю.

Затѣмъ слѣдуетъ темное и нескладное (вслѣдствіе искаженія текста писцовъ) описаніе грозныхъ предвѣщаній природы. Орлы клѣткомъ сзываютъ звѣрей на трупы, лисицы лають

*) *Буйтуръ* составлено изъ слова *дикій* (буй) и *волъ* (туръ); по основательному замѣчанію Шишкова, вѣроятно изъ „буйтура“ впоследствии произошло слово „богатырь“.

на багряные щиты воиновъ. Дружина Игорева уже за Шеломенемъ. День меркнетъ, свѣтъ зари потухаетъ, мгла покрываетъ поля, засыпаетъ „щекоть славій“, умолкаетъ говоръ галичій. Очевидно, что весь этотъ отрывокъ, поневолѣ сокращенный нами, по причинѣ искаженія текста, въ первобытномъ подлинникѣ полонъ высокихъ поэтическихъ красотъ. Сколько можно чувствовать, несмотря на искаженіе, есть что-то зловѣщее, фантастическое въ изображеніи грозно настроивавшейся природы, особенно въ этомъ клѣтѣ орловъ, сзывающемъ звѣрей на кровавый пиръ, и въ лаѣ лисицъ на багряные щиты воиновъ.

Поутру русичи потоптали поганые полки половецкіе и, рассыпавшись словно стрѣлы по полю, помчали красныхъ дѣвицъ половецкихъ, а съ ними золото, и паволоки, и другіе оксамиты; япончицами и кожухами начали мосты мостить по болотамъ и „грязовымъ мѣстамъ“, всякими узорочьями половецкими. Червленый стягъ, бѣлая хоругвь, багряная чолка, серебряное древко храброму Святославичу. Дремлетъ въ полѣ храброе гнѣздо Олегово — далеко залетѣло оно; не родилось оно на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый половчанинъ!

На другой день, вельми рано, появляется свѣтъ кровавой зари, идутъ съ моря черныя тучи, хотятъ закрыть четыре солнца, блещутъ синими молніями; быть грому великому, литься дождю стрѣлами съ Дону великаго; поломаться тутъ копьямъ, притупиться тутъ саблямъ о шеломы половецкіе, на рѣкѣ Каялѣ, у Дону великаго. Се вѣтры, внуки Стрибожій, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые полки Игоревы; земля звучитъ, рѣки мутно текутъ; мглою поля покрываются; знамена голосъ даютъ, половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря, и ото всѣхъ сторонъ. Русскіе полки отступили. Яръ туре Всеволодъ! стоишь ты на боронѣ, прыщешь на враговъ стрѣлами, булатными мечами гремишь о шеломы ихъ. Куда ни бросишься ты, туре, золотымъ шеломомъ своимъ посвѣчивая, тамъ лежатъ поганыя головы половецкія; и по скепаны калеными саблями оварскіе шеломы, отъ тебя, яръ туръ Всеволодъ! Что ему раны, когда забылъ онъ и почести, и жизнь, и городъ Черниговъ, и золотой престолъ отеческій, и свычай,

и обычаи 'своей милой хотя, прекрасной Глѣбовны? (Здѣсь пѣвецъ дѣлаетъ отступленіе, обращаясь къ смутамъ и междоусобіямъ прежнихъ временъ, и не находя въ нихъ ни одной битвы, которая могла бы сравниться съ битвой Игоря и Всеволода съ половцами).

Съ утра до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, звучатъ сабли о шеломахъ, трещатъ копья булатныя, въ полѣ незнаемомъ, среди земли половецкой. Черная земля подъ копытами косями была посѣяна, а кровію полита, возрасла на ней бѣда для земли русской. Что мнѣ звенить рано передъ зарею? Игорь полки поворачиваетъ: жаль бо ему милого брата Всеволода. Билися день, билися другой: на третій день къ полудню пали знамена Игоревы. Тутъ разлучилися братья на берегѣ быстрой Каялы. Не достало тутъ вина кроваваго; тутъ и кончили пиръ храбрые русичи: сватовъ попоили, да и сами легли за землю русскую. Поникла трава отъ жалости, и древо къ землѣ преклонилось отъ печали. (Здѣсь опять слѣдуетъ небольшое отступленіе, состоящее въ жалобахъ на междоусобія. Всѣ эти отступленія особенно интересны, какъ свидѣтельство, что поэма современна воспѣтому въ ней событію).

О, далеко залетѣлъ ты, соколъ, гоня птицъ къ морю: а Игоревъ храбраго полку уже не воскресити! Тогда взревѣли Карна и Жля и ринулись въ русскую землю съ огнемъ и мечемъ. Всплакалися жены русскія, приговаривая: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию взмыслити, ни дуемою вздумати, ни очами узрѣти; а золота и серебра не возвратити! Вздоналъ тогда, братіе, Кіевъ туюю, а Черниговъ напастьми; тоска разлилася и печаль жирна потекла по землѣ русской; а князи сами на себя кромолу ковали... (Здѣсь снова жалобы на междоусобія; воспоминаніе, какъ сильны были прежде князья русскіе, какъ громили они землю половецкую; какъ страшенъ былъ половцамъ великій князь кіевскій, Святославъ Грозный, отецъ Игоря и Всеволода).

Нѣмцы и венецианцы, греки и моравы поютъ славу Святославу, каютъ (хаютъ, порицаютъ) князя Игоря, „иже погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣки половецкія, русскаго злата насыпаша“. Святославу - родителю приснился дурной сонъ.

„Въ Кіевѣ, на горахъ, въ сію ночь одѣвали меня (говорить онъ боярамъ) чернымъ покровомъ, на тесовой кровати. Наливали мнѣ синяго вина съ трудомъ смѣшаннаго; высыпали мнѣ на лоно изъ пустыхъ колчановъ нечистыя раковины съ крупнымъ жемчугомъ, и нѣговали меня; а въ моемъ златоверхомъ теремѣ всѣ доски безъ перекладины. („Уже дѣсквы безъ *кнѣса* въ моемъ теремѣ златовръсѣмъ“). Всю ночь съ вечера каркали враны“. И отвѣчали бояре князю: „Печаль одолѣла умъ нашъ, княже; слетѣли бо два сокола съ золотого престола отеческаго поискати града тьмутараканскаго, либо испити шеломомъ Дону, и тѣмъ соколамъ обрублены крылья саблями нечистивыхъ, и сами они попались въ путы желѣзныя. Темно стало на третій день: два солнца померкли, оба багряные столба погасли, а съ ними и молодые мѣсяцы—Олеѣ и Святославъ—тьмою заволоклися. На рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по русской землѣ разсыпались Половцы, какъ изъ леопардова логовища. Раздаются пѣсни красныхъ дѣвицъ готскихъ на берегу синяго моря; звеня русскимъ золотомъ, воспѣвають онѣ время Бусово, лелѣють пѣснь Шароканову“. (Намекъ на какой-нибудь удачный набѣгъ на землю русскую). Тогда великій Святославъ изронилъ слово злато съ слезами смѣшано, и молвилъ: „О сыны мои, Игорьъ и Всеволодъ! не во-время вы начали добывать мечами землю половецкую, а себѣ славу искать. Нечестно ваше одолѣніе, неправедно пролита вами кровь вражеская. Сердца ваши изъ крѣпкаго булата скованы, а въ бѣести закалены. Того ли ожидалъ я отъ васъ серебряной сѣдинѣ моей? Уже не вижу я власти сильнаго и богатаго брата моего, Ярослава, и его дружины великой! Они и безъ щитовъ, кликомъ однимъ враговъ побѣждали, гремя славою предковъ. Не говорили они: предстоящую славу сами похитимъ, а прошедшею съ другими подѣлимся. А диво ли, братіе, старому помолодѣти? Когда соколъ въ мытѣхъ бываетъ, то высоко гонить птицъ, и не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Но то горе, что мнѣ князья не въ пособіе, время все переиначило. (Непонятно то, что тотчасъ же слѣдуетъ за этимъ мѣстомъ; есть ли это продолженіе рѣчи князя Святослава, или тутъ поэтъ начинаетъ говорить отъ себя? Все это мѣсто

состоить въ жалобахъ на „усобицу“, какъ причину настоящихъ бѣдствій, и въ воззваніи къ современнымъ князьямъ, которые, по своему разъединенію, уже не въ силахъ подать помощь плѣнному Игорю. Воззваніе начинается съ князя Всеволода):

Великій княже Всеволоде! не помыслишь ли ты прилетѣти издавеча постоять за златой престолъ отеческій? Ты можешь Волгу раскропить веслами, а Донъ шеломами вычерпать. Когда ты былъ здѣсь, чага (?) ходила бы по ногатѣ, а кощей по резани *). Ты можешь по суху стрѣляти живыми шереширами (шерешеры — вѣроятно названіе какого-нибудь военнаго орудія) — удалыми сыновьями Глѣбовыми. И ты, буй Рюрикъ и Давыдъ, не вы ли плавали въ крови по шеломамъ золоченые? Не ваша ли храбрая дружина рыскаетъ подобно воламъ, израненнымъ саблями калеными въ полѣ незнаемомъ? Вступите, государи, въ стремена златыя, за обиду нашего времени, за землю русскую, за раны Игоря, буюго Святославича! А ты, Ярославъ, осмосмыслъ галицкій! высоко сидишь ты на своемъ златокованномъ престолѣ, подперъ ты горы угорскія своими полками желѣзными, заградилъ ты путь королю, заперъ ворота къ Дунаю, меча бремена (?) за облаки; творя судъ до Дуная! Гроза твоя по землямъ течетъ, отворяешь ты врата кievскія, съ отчаго престола стрѣляешь въ салтановъ далекихъ! Стрѣлай, господине, въ Кончака, кощей поганого, за землю русскую, за раны Игоря, буюго Святославича! А ты, буй Романъ и Мстиславъ, храбрая мысль носить вашъ умъ на дѣло. Высоко плаваете на дѣло въ буюести, словно соколо ширяясь на вѣтряхъ, стремяся и птицу одолѣть въ буюести! У васъ латы („попорзи“) желѣзныя подъ шлемами латунскими; отъ нихъ потряслась земля и многія страны ханскія. Литва, ятваги, деремела и половцы повергли передъ вами свои копыя („сулицы“) и главы свои преклонили подъ ваши мечи булатные!.. *) Заградите въ полѣ путь сво-

*) Ногата и резань — самыя мелкія монеты того времени. Кощей и Чага ругательныя названія вражескихъ народовъ, и вся эта фраза — вѣроятно намекъ на дешевицу плѣнныхъ половцевъ во время Всеволода.

*) Пропущено цѣлое мѣсто, котораго никакъ нельзя понять, а слѣдовательно и перевести.

ими острыми стрѣлами, за землю русскую, за раны Игоря, буюго Святославича! Уже Сула не течетъ струями серебряными ко граду Переяславлю, и Двина болотомъ идетъ ко грознымъ половчанамъ, подъ кликами поганныхъ. Единъ лишь Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвенѣлъ своими острыми мечами о шеломы литовскіе: помрачилъ славу дѣда своего, да и самъ поблекъ подъ червленными щитами, на кровавой травѣ, отъ литовскимъ мечей. Не захотѣлъ скончатся на одрѣ, и рекъ самому себѣ: „дружину твою, княже, крылья птицъ приодѣли, а звѣри кровь полизали!“ Не было тутъ съ нимъ брата Брючислава, ни брата Всеволода: одинъ онъ изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла, чрезъ золотое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселье. О, Ярославъ и всѣ внуки Всеслава! поникнуть знаменамъ вашимъ, вложить вамъ въ ножны свои мечи поврежденные: отстали вы отъ славы дѣдовской! Вы, своими крамолами, начали наводить нечестивыхъ на землю русскую, на жизнь Всеславову. Когда прежде бывало насиліе отъ земли половецкой?

(Здѣсь слѣдуетъ опять совершенно непонятное мѣсто, которое выписываемъ въ подлинникѣ: „На седьмомъ вѣцѣ трояни въ рже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу. Тѣй клюками подпрѣся о кони, и скочи къ граду Києву, и дотчєся стружіємъ злата стоя кїевского. Скочи отъ нихъ (отъ кого?) лютымъ звѣремъ въ пльночи, изъ Бѣла града, обѣсїся сине мглѣ, утрѣ же возни стрікусы (?) отвори врата новуграду, расшибе славу Ярославу, скочи влькомъ до Немиги съ Дудутокъ“. По всѣмъ вѣроятїямъ темнота этого мѣста происходитъ сколько отъ описокъ въ рукописи, столько и оттого, что тутъ не описывается, а только намекается на обстоятельство слишкомъ современное, а потому всѣмъ извѣстное въ эпоху пѣвца „Слова“. Всеславъ, о которомъ идетъ рѣчь, вѣроятно, былъ удалецъ изъ удалцовъ, и все это мѣсто есть поэтическая апофеоза, въ духѣ того времени его подвиговъ, отличавшихся удалствомъ и быстротой. Клюки, которыми онъ *подперся о кони*, могутъ означать не костыли, необходимые для хромого, а названіе какого-нибудь прибора для верховой ѣзды. Что же касается до „седьмого вѣку трояни“—*трояновъ* вѣкъ и *троянова* земля очень часто упоминается въ „Словѣ“, и еще никто не объяснилъ ихъ значенія. Хотя все послѣдующее за выписаннымъ нами въ текстѣ мѣстомъ также непонятно въ историческомъ значеніи, однако понятно, за исключеніемъ одной фразы, по смыслу и исполнено необыкновенной поэзіи).

На Немигѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами булатными, на току жизнь кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла.

Кровавые берега Немиги не травою засѣяны: засѣяны они костями русскихъ сыновъ. Всеславъ князь людей судилъ, князьямъ города раздавалъ, а самъ по ночамъ волкомъ рыскалъ отъ Кіева до Курска и Тьмутаракани. Ему въ Полоцкѣ рано зазвонили заутреню у святой Софіи; а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ. Хотя и вѣщая душа была въ его друзѣ (?) тѣлѣ, но и онъ часто отъ бѣдъ страдалъ. Про него-то вѣщій Боянъ сложилъ сей разумный припѣвъ: „ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути!“ О, стонать тебѣ, земля русская, вспоминая прежнія времена и прежнихъ князей! Того стараго Владиміра нельзя было пригвоздить къ горамъ кіевскимъ... Ярославнинъ голосъ раздается рано поутру:

Полечу я по Дунаю зегзицею, омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, отру князю кровавыя раны на жестоцемъ тѣлѣ его!

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, аркучи:

О вѣтеръ, о вѣтеръ! зачѣмъ, господине, такъ сильно вѣешь? Зачѣмъ на своихъ легкихъ крыльяхъ мчишь ханскія стрѣлы на воиновъ моей лады? Или мало для тебя горъ, чтобы вѣять подъ облаками, лелѣючи корабли на синемъ морѣ? Зачѣмъ, господине, развѣялъ ты мое веселіе по ковыль-травѣ?

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, аркучи:

О Днѣпръ пресловутый! ты пробилъ каменные горы сквозь землю половецкую, ты лелѣялъ на себѣ ладьи Святославовы до стану кобякова: взлелѣй же, господине, мою ладу ко мнѣ, чтобы не слала я къ нему по-утрамъ слезъ моихъ на море.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, аркучи:

Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! всѣмъ и красно, и тепло ты: зачѣмъ, господине, простеръ горячій лучъ свой на воиновъ моей лады, въ безводномъ полѣ жаждою луки имъ сопригъ, печалію имъ колчаны затянулъ?

Прыснуло море въ полночи: идутъ смерчи мглами: князю

Игорю Богъ путь кажетъ изъ земли половецкой на землю русскую, къ златому престолу отчему. Погасла заря вечерняя: Игорь и спитъ, и не спитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Конь готовъ съ полуночи; Овлуръ свиснулъ за рѣкой, чтобъ князь догадался. Уже нѣтъ тамъ князя Игоря. Застонала земля, зашумѣла трава, всколебалися вежи половецкія; а Игорь князь горностаемъ бросился къ тростнику и гоголемъ на воду; вскочилъ на борзаго коня и соскочилъ съ него босымъ (?) волкомъ и побѣжалъ къ луку Донца, и полетѣлъ соколомъ подъ облаками, избивая гусей и лебедей на завтракъ, обѣдъ и ужинъ. Когда Игорь соколомъ летитъ, тогда Влуръ волкомъ бѣжитъ, отрясая съ себя росу холодную: ибо истомили они своихъ борзыхъ коней. И молвилъ Донецъ: „Княже Игорю, не мало для тебя величія, а Кончаку нелюбія, а русской землѣ веселія!“ И молвилъ Донецъ: „О Донче! не мало тебѣ величія, что ты лелѣялъ князя на волнахъ, постилалъ ему зелену траву на своихъ серебряныхъ берегахъ, одѣвалъ его теплыми мглами подъ сѣнію зеленаго дерева, стерегъ меня и гоголемъ на водѣ, и чайками на струяхъ, и чернядами на вѣтрахъ. Не такова, промолвилъ онъ, рѣка Стugna: дурна струя ея, пожираетъ чужіе ручьи и разбиваетъ струи о берегъ. Юношѣ князю Ростиславу затворилъ Днѣпръ берега темные. Плачется мати Ростислава по юношѣ князѣ Ростиславѣ. Уныли цвѣты отъ жалости, и дерево стугою къ землѣ преклонило“.

По слѣду Игореву ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда враны не каркали, галицы помолкли, сороки не стрекотали; ползая по сучьямъ, только дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ кажутъ, соловьи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ. Молвить Гзакъ Кончаку: „Когда соколъ къ гнѣзду летитъ, то соколенка *) разстрѣляемъ своими стрѣлами золочеными“. Молвить Кончакъ къ Гзаку: „Когда соколъ къ гнѣзду летитъ, то опутаемъ соколенка красной дѣвицей“. И сказалъ Гзакъ Кончаку: „Если опутаемъ его красной дѣвицей, то не

*) Относится къ сыну Игоря, оставшемуся въ плѣну.

будеть у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы, и почнутъ насъ птицы бить въ полѣ половецкомъ“.

Сказалъ Боянъ: тяжело головѣ безъ плечъ, худо тѣлу безъ головы, а русской землѣ безъ Игоря. Солнце свѣтится на небеси, а Игорь князь въ русской землѣ. Дѣвицы поютъ на Дунаѣ. Вьются голоса черезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву ко святой Богородицѣ Пирогощей. Страны рады, грады веселы, поютъ пѣснь старымъ князьямъ, а потомъ молодымъ. Пѣта слава Игорю Святославичу, буйтуру Всеволоду, Владиміру Игоревичу. Да здравствуютъ, князи и дружина, поборяющіе за христіанъ на невѣрныя полчища! Князьямъ слава, дружинѣ аминь!

Мы хотѣли было ограничиться только изложеніемъ содержанія „Слово о Пълку Игоревѣ“, и, чтобъ нѣкоторымъ образомъ заставить его говорить за себя, хотѣли только мѣстами выпиывать самыя характеристическія выраженія и самыя оригинальные образы; но противъ нашей воли до того увлеклись его красотами, что вмѣсто голаго содержанія, представили читателямъ полный по возможности переводъ. Думаемъ, что читатели не посѣтуютъ на насъ за это: „Слово о Пълку Игоревѣ“ играетъ въ нашей литературѣ роль какого-то невидимки; публика слышитъ о немъ самыя противорѣчащія мнѣнія, которыхъ повѣрить ей нѣтъ возможности. Причина очевидна: не у всякаго станетъ терпѣнія и охоты прочесть искаженный подлинникъ, писанный языкомъ столь устарѣвшимъ, что онъ по своей устарѣлости требуетъ гораздо больше труда, нежели сколько въ состояніи доставить наслажденія, исполненный непонятныхъ словъ и оборотовъ, сомнительныхъ, темныхъ, а часто бессмысленныхъ мѣстъ. Переводы же не даютъ о немъ вѣрнаго понятія, потому что переводчики хотѣли переводить его все — отъ слова до слова, не признавая въ немъ непереводаемыхъ мѣстъ. Нѣкоторые изъ нихъ просто пересочиняли его, и свои собственныя, весьма неинтересныя издѣлія выдавали за простодушную и поэтическую повѣсть старыхъ временъ. Мы же, во-первыхъ, исключили изъ нашего перевода все сомнительное и темное въ текстѣ, замѣнивъ та-

кія мѣста собственными замѣчаніями, необходимыми для связи разорванныхъ частей поэмы; а въ переводѣ старались удерживать колоритъ и тонъ подлинника, а для этого или просто выписывали текстъ, подновляя только грамматическія формы, или между новыми словами и оборотами удерживали самые характеристическіе слова и обороты подлинника. И потому нашъ переводъ можетъ дать довольно близкое понятіе о „Словѣ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ читателю возможность повѣрить наше мнѣніе объ этомъ примѣчательномъ произведеніи народной поэзіи древней Руси.

Нѣтъ нужды доказывать, что „Слово о Пълку Игоревѣ“ отличается неподдѣльными поэтическими красотами, что оно исполнено наивныхъ благородныхъ образовъ: мы для того и включили его въ нашу статью, чтобъ не толковать о томъ, что дважды два — четыре. Читайте и судите сами; если не понравится, намъ нечего дѣлать съ этимъ: кому само дѣло не говоритъ за себя, тѣмъ ужъ не помогутъ толкованія. Между читателемъ и критикомъ необходимо должно существовать нѣчто вродѣ симпатіи, нѣчто вродѣ заранѣе заключеннаго условія о томъ, что худо; иначе они не будутъ понимать другъ друга. Дѣло критика не доказывать, поэтическое или не поэтическое такое-то произведеніе: подобный вопросъ рѣшается непосредственнымъ чувствомъ читателя, а не доказательствами критики; дѣло критика — показать не поэтическое достоинство, а степень поэтическаго достоинства въ данномъ произведеніи, его идею, полноту, оконченность. На этотъ счетъ мы, не обинуясь, скажемъ, что „Слово о Пълку Игоревѣ“ отличается неподдѣльными красотами выраженія; что, со стороны выраженія, это — дикій полевой цвѣтокъ, благоухающій, свѣжій и яркій. Но въ поэтическихъ произведеніяхъ выраженіе еще не составляетъ всего: все заключается въ идеѣ, и выраженіе по той мѣрѣ возвышаетъ достоинства произведенія, по какой въ ней высказывается идея. Въ „Словѣ о Пълку Игоревѣ“ нѣтъ никакой глубокой идеи. Это больше ничего, какъ простое и наивное повѣствованіе о томъ, какъ князь Игорь съ удалымъ братомъ Всеволодомъ и съ своей дружиной пошелъ на половцевъ, сперва разбилъ ихъ, а потомъ самъ былъ разбитъ на голову, попался въ плѣнъ, изъ

котораго наконецъ удалось ему ускользнуть. Безпрестанныя обращенія къ междоусобіямъ князей или намеки на нихъ также составляютъ содержаніе и сверхъ того историческій фонъ поэмы. Источникомъ историческаго произведенія поэзіи можетъ быть только исторія народа, и произведеніе въ той только степени можетъ отличаться глубокой идеей, въ какой полна „общимъ содержаніемъ“ жизнь народа. Времена междоусобій съ перваго взгляда могутъ показаться самымъ поэтическимъ періодомъ въ русской исторіи; но если глубже и пристальнѣе заглянете въ сущность и значеніе этого времени, то увидите, что въ немъ не было никакихъ элементовъ, которые могли бы дать поэзіи содержаніе; тамъ были только элементы для поэзіи чувства и выраженія, по общему закону — гдѣ жизнь, тамъ и поэзія. Есть рѣзкое различіе между поэзіей души человѣческой и поэзіей общества человѣческаго, поэзіей исторической: первая существуетъ и у дикихъ племенъ; вторая — только у народовъ, играющихъ великую роль на аренѣ всемірно-историческаго развитія человѣчества. И потому „Слово о Пълку Игоревѣ“ не только нейдетъ ни въ какое сравненіе съ „Иліадою“, но даже и съ поэмами среднихъ вѣковъ вродѣ „Артура и рыцарей Круглаго Стола“. Для поясненія этой мысли сравните жизнь Западной Европы среднихъ временъ съ жизнью Руси въ XII вѣкѣ: какая разница! Въ феодализмѣ заключалась идея; удѣльная система повидимому была случайностью, порожденіемъ естественныхъ, патріархальныхъ понятій о правѣ наслѣдства. Феодализмъ вышелъ изъ системы завоеванія; цѣлый народъ двигался на завоеваніе другого народа; покоривъ его, основывался, дѣлался осѣдлымъ на завоеванной землѣ. Такъ какъ у завоевателя личную силу давало не рожденіе, а храбрость и заслуга, то избранный главою войска бралъ себѣ часть завоеванной земли, а все остальное дѣлил на участки, между своими сподвижниками. Отсюда произошли безчисленныя слѣдствія, безъ сознанія которыхъ не можетъ быть объяснена даже современная намъ исторія Европы. Сподвижники главнаго вождя, получивъ свои участки, естественно, смотрѣли на него не какъ на своего властелина, а какъ на старшаго товарища по оружію, во всемъ прочемъ равнаго имъ, и почитали себя вправѣ по собственному произ-

волу смотрѣть на него какъ на друга или какъ на врага и, сообразуясь съ этимъ, становиться къ нему въ пріязненное или непріязненное отношеніе. Простые воины, не получившіе участковъ, поступали на жалованье къ своимъ патронамъ, а не властелинамъ, — селились на ихъ землѣ и платили имъ за то военной службой: образовался классъ вассаловъ — свободныхъ воиновъ, не рабовъ. Завоеванный же народъ, по праву завоеванія, дѣлался собственностью, рабомъ завоевателя, кромѣ, разумѣется, людей высшаго сословія, которымъ политика завоевателей предоставляла равныя права, на условіи покорности. Изъ этого положенія возникала борьба, результатомъ которой было разумное развитіе. Завоеванный народъ, питая ненависть къ завоевателю, образовывалъ собой самостоятельный элементъ государственной жизни, — и борьба не переставала ни на минуту. Когда же языки обоихъ народовъ сливались въ одинъ языкъ, а оба народа — въ одинъ народъ, тогда элементъ завоевателя образовался въ аристократію, элементъ завоеваннаго — въ низшій классъ общества, и изъ борьбы возникали съ одной стороны — натискъ утвержденныхъ временемъ исключительныхъ правъ, съ другой — упругій отпоръ или оппозиція. Отличительное свойство идеи таково, что она не стоитъ на одномъ мѣстѣ, не является ни на минуту чѣмъ-то особеннымъ, опредѣлившимся, оторваннымъ отъ прошедшаго и будущаго, но безпрестанно движется, изъ стараго рождая новое.

Право аристократіи сперва было не чѣмъ инымъ, какъ правомъ сословія, справедливо гордившимся высокостью своихъ чувствъ, благороднымъ образомъ мыслей и не безъ основанія почитавшимъ себя вправѣ съ презрѣніемъ смотрѣть на низкую чернь, какъ на предназначенную отъ природы для низкихъ нуждъ жизни. Возникновеніе городовъ и средняго сословія было первымъ шагомъ къ измѣненію этихъ отношеній. Еще прежде завязалась борьба между государями и феодалами, — борьба, бывшая не случайностью, а естественнымъ результатомъ положенія дѣлъ, и необходимая для сформированія государства въ единое политическое тѣло. Монархизмъ нашелъ себѣ естественнаго союзника въ городахъ, города — въ монархизмѣ, и оба они стали грудью противъ рыцарства,

до тѣхъ поръ пока рыцарство, переродившееся въ аристократію или вельможество, снова не явилось естественнымъ союзникомъ монархизма, и только въ другомъ видѣ, но все прежнимъ врагомъ и средняго сословія и народа.

Мы потерялись бы во множествѣ элементовъ, изъ которыхъ слагается европейская жизнь, которые всѣ вышли изъ одного источника и суть не что иное, какъ единая, безконечно развивающаяся, вѣчно движущаяся изъ самой себя идея. Нѣтъ ни тѣни этого въ древней русской жизни. Удѣльная система была точь въ точь то же самое, что помѣщичья система; отецъ-помѣщикъ, умирая, раздѣляетъ поровну своихъ крестьянъ между своими сыновьями. Въ Россіи не было завоеванія, и потому одинокій элементъ народной жизни, не сшибаясь въ борьбѣ съ другимъ элементомъ, лишенъ былъ возможности развитія. Что ни говорятъ господа скандинавоманы и сколько трактатовъ ни пишутъ они, но, вопреки всѣмъ ихъ обветшалымъ доказательствамъ, если Русь и призвала иноземныхъ властителей княжите и володѣти, -- кто бы ни были эти властители, — турки или поморскіе славяне (померанцы), только не скандинавы. Норманы, хоть бы и были сами призваны мирно и честно, не пришли бы съ малою дружиной, не потеряли бы въ управляемомъ ими племени своей народности, но внесли бы въ его жизнь свою народность, но внесли бы феодализмъ, военное право, рыцарскія понятія, и самый русскій языкъ не оставили бы въ его первобытной чистотѣ, но вмѣстѣ съ новыми понятіями ввели бы и множество новыхъ словъ и оборотовъ. Этого не было, даже и слѣдовъ этого не видно, и потому варяжскіе или, пожалуй, русскіе князья просто на просто или припонтійскіе татары (козары), или прибалтійскіе славяне. И потому изъ немудреной причины и произошли немудренныя слѣдствія. Удѣльная система — самая естественная и простодушная изъ всѣхъ системъ въ мірѣ — принесла только внѣшнюю пользу Россіи, сдѣлавшись причиной ея внѣшняго расширенія и потомъ — сплоченія. Въ междоусобіяхъ князей нѣтъ никакой идеи, потому что ихъ причина — не племенные различія, не борьба разнородныхъ элементовъ, а просто личныя несогласія. Народъ тутъ не игралъ никакой роли, не принималъ никакого участія. Черниговцы дрались съ

кіевлянами не по племенной ненависти, а по приказанію князей. Въ повѣсти Пушкина „Дубровский“ превосходно выражена удѣльная борьба въ раздорѣ крестьянъ Троекурова и Дубровскаго: бары поссорились, а слуги начали драться, вытаптывая поля, бить скотъ и поджигать избы.

„Слово о Пълку Игоревѣ“ принадлежитъ къ героическому періоду жизни Руси; но какъ героизмъ Руси состоялъ въ удалствѣ и охотѣ подраться, безъ всякихъ другихъ претензій, то „Слово“ не можетъ назваться героической поэмой. Дѣйствіе героической поэмы должно быть сосредоточено на одномъ лицѣ, которое должно осуществить собой всѣ или по крайней мѣрѣ хотъ одну изъ субстанціальныхъ сторонъ духа народа. Игорь же только внѣшнимъ образомъ является героемъ „Слова“: это какой-то образъ безъ лица; въ немъ нѣтъ ничего индивидуальнаго; онъ лишенъ всякаго характера; личности его нисколько не видно; нѣтъ никакихъ данныхъ считать его представителемъ народа. Сверхъ того онъ заслоняется то удалымъ братомъ своимъ, буйтуромъ Всеволодомъ, то отцомъ своимъ, Святославомъ, то наконецъ своей храброй дружиной. Участіе его въ поэмѣ больше страдательное, чѣмъ дѣятельное. Онъ объявляетъ дружинѣ, что хочетъ или сложить голову въ землѣ половецкой, или испытъ шеломомъ Дону великаго; приглашаетъ храбраго брата своего Всеволода, ведетъ свою дружину въ половецкую землю, выигрываетъ битву, потомъ проигрываетъ другую и, попавшись въ плѣнъ, исчезаетъ изъ поэмы; большая часть ея состоитъ изъ рѣчи Святослава и плача Ярославны. Потомъ уже, въ концѣ поэмы, Игорь снова является на минуту, убѣгая изъ плѣну. Вообще онъ ничѣмъ не возбуждаетъ въ себѣ нашего участія. Хотя Всеволодъ тоже обрисованъ очень слабо и какъ бы вскользь, однако онъ больше является героемъ въ духѣ своего времени. Его рѣчь къ Игорю дышетъ страстью и вдохновеніемъ боя. Въ битвѣ онъ рисуется на первомъ планѣ и заслоняетъ собой безцвѣтное лицо Игоря. Святославъ является не какъ дѣйствующее лицо, но голосомъ исторіи, выразителемъ политическаго состоянія Руси: за нимъ явно скрывается самъ поэтъ. Вообще въ поэмѣ нѣтъ никакого драматизма, никакого движенія; лица поглощены собы-

тѣмъ, а событіе совершенно ничтожно само по себѣ. Это не борьба двухъ народовъ, но набѣгъ племени на сосѣднее племя. Очевидно, всѣ эти недостатки поэмы заключаются не въ слабости таланта пѣвца, но въ скудности матеріаловъ, какіе могла доставить ему народная жизнь. Здѣсь причина и того, что самъ народъ является въ поэмѣ совершенно безцвѣтнымъ: безъ вѣрованій, безъ образа мыслей, безъ житейской мудрости, съ однимъ богатствомъ живого и теплаго чувства. И потому вся поэма—дѣтскій лепетъ, полный поэзіи, но скудный значеніемъ,—лепетъ, котораго вся прелесть въ неопредѣленныхъ, мелодическихъ звукахъ, а не въ смыслѣ этихъ звуковъ.

Мы выше сказали, что „Слово о Пълку Игоревѣ“ рѣзко отзывается южно-русскимъ происхожденіемъ. Есть въ языкѣ его что-то мягкое, напоминающее нынѣшнее малороссійское нарѣчіе, особенно изобиліе гортанныхъ звуковъ и окончанія на букву ъ въ глаголахъ настоящаго времени третьяго лица множественнаго числа. Но болѣе всего говорить за русско-южное происхожденіе „Слова“ выражающійся въ немъ бытъ народа. Есть что-то теплое, благородное и человѣческое во взаимныхъ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ этой поэмы: Игорь ждетъ милаго брата Всеволода, и рѣчь Всеволода къ Игорю дышетъ кроткой и нѣжной родственной любовью безъ изысканности и приторности: „Одинъ братъ ты у меня, одинъ свѣтъ свѣтлый, о, Игорь, и оба мы Святославичи!“ Игорь отступаетъ съ полками не по боязни сложить свою голову: ему стало жаль своего милаго брата Всеволода. Въ укорахъ престарѣлаго Святослава сыновьямъ слышится не гнѣвъ оскорбленной власти, а ропотъ оскорбленной любви родительской,—и укоръ его кротокъ и нѣженъ; обвиняя дѣтей въ удалствѣ, бывшемъ причиной Игорева плѣна, онъ въ то же время какъ-бы и гордится ихъ удалствомъ. „О сыны мои, Игорь и Всеволодъ! рано вы начали добывать мечами землю половецкую, а себѣ славы искать. Не честно ваше одолѣніе, неправедно пролита вами кровь вражеская. Сердца ваши изъ крѣпкаго булата скованы, а въ буюсти закалены! Сего ли ожидалъ я отъ васъ серебряной сѣдинѣ своей!“ По особенно поразительны въ поэмѣ благо-

родныя отношенія половъ. Женщина является тутъ не женой и не хозяйкой только, но и любовницей вмѣстѣ. Плачъ Ярославны дышетъ глубокимъ чувствомъ, высказывается въ образахъ сколько простодушныхъ, столько и граціозныхъ, благородныхъ и поэтическихъ. Это не жена, которая, послѣ гибели мужа, осталась горькой сиротой, безъ угла и безъ куска, и которая сокрушается, что ея некому больше кормить и бить: нѣтъ, это нѣжная любовница, которой любящая душа тоскливо порывается къ своему милому, къ своей ладѣ, чтобъ омочить въ Каялѣ рѣкѣ бобровый рукавъ и отереть имъ кровавыя раны на тѣлѣ возлюбленнаго; которая обращается ко всей природѣ о своемъ миломъ: укоряетъ вѣтеръ, несущій ханскія стрѣлы на дружину милаго и развѣявшій по ковыль-травѣ ея веселіе; умоляетъ Днѣпръ—взлѣлѣять до нея ладьи ея милаго, чтобъ она не слала къ нему слезъ на море рано; вызываетъ къ солнцу, которое „всѣмъ и тепло, и красно“—лишь томить зноемъ лучей своихъ воиновъ ея лады... И за то мужчина умѣетъ цѣнить такую женщину: только жажда битвы и славы заставила буйтура Всеволода забыть на время „своея милоя хоти, красныя Глѣбовны, свычаи и обычаи“... Все это, повторяемъ, отзывается южной Русью, гдѣ и теперь еще такъ много человѣчнаго и благороднаго въ семейномъ быту, гдѣ отношенія половъ основаны на любви, и женщина пользуется правами своего пола: все это противоположно сѣвѣрной Руси, гдѣ семейныя отношенія грубы, женщина—родъ домашней скотины, а любовь—совершенно постороннее дѣло при бракахъ: сравните бытъ малороссійскихъ мужиковъ съ бытомъ мужиковъ русскихъ, мѣщанъ, купцовъ и отчасти другихъ сословій, и вы убѣдитесь въ справедливости нашего заключенія о южномъ происхожденіи „Слова о Пълку Игоревомъ“; а наше разсмотрѣніе русскихъ народныхъ сказокъ превратитъ это убѣжденіе въ очевидность. Но, кромѣ всего этого, не только въ краскахъ поэзіи манерѣ изложенія, но и въ духѣ богатырскаго удалства, нельзя не замѣтить чего-то общаго между „Словомъ о Пълку Игоревѣ“ и казацкими малороссійскими пѣснями.

Какъ фактъ для сравненія, приведемъ здѣсь одну казацкую

историческую думу, въ русскомъ прозаическомъ переводѣ Максимовича:

„Вотъ пошли козаки на четыре поля—что на четыре поля, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ, то пошелъ *Самко Мушкетъ*; а за паномъ хорунжимъ мало-мало не три тысячи, все храбрые товарищи Запорожцы—на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитву возсылаютъ, кресты полагаютъ.

А Самко Мушкетъ—онъ на конѣ не гарцуетъ, коня сдерживаетъ, къ себѣ притягиваетъ,—думаетъ, гадаетъ... Да чтобъ сто чертей бѣдоу пришибли его думу, гаданье! Самко Мушкетъ думаетъ, гадаетъ, говорить словами:—

„А что, какъ наше козачество, словно въ аду, Ляхи спалютъ? да изъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье сварятъ?...

„А что, какъ наши головы козацкія, молодецкія, по степи полю полягутъ, да еще родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются?... Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, та козацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ стала—что по всему свѣту степью разлеглась, протянулась,—да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась,—Туречинѣ да Татарчинѣ добрымъ лихомъ знать далась,—да и ляхамъ-ворогамъ на копье отдалась?...

„Закрячетъ воронъ степью летучи,
Заплачетъ кукушка лѣсомъ скачучи,
Закуркуютъ сизые кречеты,
Задумаются сизые орлы—
И все, все по своимъ братьяхъ,
По буйныхъ товарищахъ козакахъ!...

„Или ихъ сугробомъ занесло, или въ аду потопило, что невидно губатыхъ ни по степямъ, ни по дугамъ, ни по татарскимъ землямъ, ни по чернымъ морямъ, ни по ляшскимъ полямъ?...

Закрячетъ воронъ, загрузетъ, зашумитъ, да и полетитъ въ чужую землю... Антъ нѣтъ! кости лежатъ, сабли торчатъ; кости хрустятъ, пощепанныя сабли бренчатъ...

„А черная, сивая сорока оскалилась и скачетъ... А головы козацкія—словно Щецъ Семень шкуру потерялъ! А чубы—словно чертъ жгуты новиль, въ крови всѣ засохли: то-то и славы набрались!“

Не говоря уже о поразительномъ сходствѣ паюса древней поэмы съ этими несравненно познѣйшими произведеніями одного и того-же племени,—какое сходство въ картинахъ природы и поэтическихъ сравненіяхъ! Тамъ и здѣсь играютъ одинаковую роль вороны, орлы, кречеты, сороки! Тамъ и здѣсь битва уподобляется то свадьбѣ, то попойкѣ кровавой!

„Слово о Пълку Игоревомъ“ нѣсколько разъ было переводимо прозой, и были, кажется, двѣ попытки (Вельтмана и Деларю) перевести его стихами или мѣрной, ритмической прозой. Но попытки послѣдняго рода должны считаться совершенно излишними: „Слово“ можетъ быть прекрасно только въ его первобытномъ и наивномъ видѣ безъ всякихъ другихъ измѣненій и поправокъ, кромѣ подновленія слишкомъ устарѣвшихъ словъ и оборотовъ.

Теперь намъ слѣдовало бы говорить о „Сказаніи о Нашествіи Батыя на Русскую Землю“ и „Сказаніи о Мамаевомъ Побоищѣ“; но мы скажемъ о нихъ очень немного. Оба эти памятника нисколько не относятся къ поэзіи, потому что въ нихъ нѣтъ ни тѣни, ни призрака поэзіи; это скорѣй памятники даже не краснорѣчія, а простодушной риторики того времени, которой вся хитрость состояла въ безпрестанныхъ примѣненіяхъ къ Библии и выпискѣ изъ нея текстовъ Гораздно любопытнѣе „Слово Даниїла Заточника“. Оно также не относится къ поэзіи, но можетъ служить образцомъ практической философіи и ученаго краснорѣчія XIV вѣка. Даниїль Заточникъ былъ человѣкъ глубокой учености въ духѣ своего времени; „Слово“ его отличается умомъ, ловкостью, а мѣстами чѣмъ-то похожимъ на краснорѣчіе. Главнѣйшее его достоинство состоитъ въ томъ, что оно такъ и дышетъ духомъ своего времени. Писано оно въ заточеніи, къ князю, у котораго нашъ заточникъ надѣялся вымолить себѣ прощеніе и свободу. Не теряя изъ виду главнаго предмета своего посланія, заточникъ безпрестанно пускается въ разныя сужденія. Особенно замѣчательно слѣдующее мѣсто въ „Словѣ“ Заточника, гдѣ онъ даетъ князю совѣтъ уважать умъ больше богатства и говорить о самомъ себѣ съ какимъ-то наивнымъ возвышеннымъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

„Княже, господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, не вознеси до облакъ богатаго безумца, немисленна: нищъ бо мудръ, яко злато въ калнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ немисленъ, то аки наволочитое зголовье, соломѣ наткано. Господине мой! не зри внешняя моя, но зри внутренняя: азъ бо одѣяніемъ есть скуденъ, но разумомъ обилень; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ, быхъ мыслію яко орель паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеси устъ моихъ.“

Описывая далѣе глупцовъ, заточникъ впадаетъ въ истинный сарказмъ. Замѣтно, что Даниилъ Заточникъ пострадалъ отъ злыхъ навѣтовъ со стороны бояръ и жены князя; по крайней мѣрѣ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить слѣдующей грозной филиппики противъ дурныхъ совѣтниковъ и дурныхъ женъ.

„Княже, мой господине! не море топить корабли, но вѣтри; а не огонь творить разжженіе желѣзу, но надыманіе мѣшное: тако же и князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи худыя, по думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишень будетъ. Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: не скоть въ скотѣхъ коза, и не звѣрь во звѣряхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нетопырь, а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣтъ; не жена въ женахъ, иже отъ своего мужа.; не работа въ работахъ подъ жонками возъ возити. Дивѣ дива, кто поймаетъ жену злообразну, прибытка ради... лѣпѣе волъ ввести въ домъ свой, нежели злая жена поняти: волъ бо не молвить, ни зла мыслить, а злая жена бѣса бѣсится, а кротима высится, въ богатствѣ гордится, а въ убожествѣ иныхъ осуждаетъ. Что есть жена зла? гостница неусыпаемая, купница бѣсовская. Что есть жена зла? мирскы мяжежъ, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ, во церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада спасенію.“

Не выписываемъ до конца этой энергической выходки: это только начало, слабѣйшая часть ея. Въмѣсто ея выпишемъ окончаніе заточникова посланія: оно до такой степени въ духѣ того времени, что изъ краснорѣчиваго становится поэтическимъ, и потому особенно интересно.

„Сіи словеса азъ Даниилъ писахъ въ заточеніе на Бѣлоозерѣ, и запечатавъ въ воскъ, и пустивъ во озеро, и вземъ рыба пожре, и яша бысть рыба рыбарець и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелъ Данила свободити отъ горькаго заточенія.—Не отметаѣй безумному прямо безумія его, да не подобенъ ему будеши. Уже бо престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утелъ, роняя богатство убогимъ; да не уподоблюся жерновамъ, яко тѣ многія люди насыщаютъ, а сами себѣ не могутъ насытиса, да не возненавидѣнъ буду міру со мною бесѣдою. Якоже бо птица учащаетъ пѣсни своя, скоро возненавидѣма бываетъ. Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: рѣчь продолжна недобро, продолжена поволока. Господи! дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Іосифовъ разумъ, мудрость Соломону, кротость Давидову, и умножи, Господи, вся челоуѣки подъ руку его. Лютѣ бѣснующемуся дати ножъ, а лукавому власть (?). Паче всего неновижъ стороника перетерплива. Аминь.“

Кто этотъ Даниилъ Заточникъ, и когда онъ жилъ—неизвѣстно. Извѣстія объ его заточеніи находятся въ нашихъ лѣтописяхъ подъ годомъ 1378. Какъ бы то ни было, г. Сахаровъ заслуживаетъ особенную благодарность за перепечатаніе въ своей книгѣ рукописи Даниила Заточника, столь интересной во многихъ отношеніяхъ. Кто бы ни былъ Даниилъ Заточникъ,—можно заключить не безъ основанія, что это была одна изъ тѣхъ личностей, которыя, на бѣду себѣ, слишкомъ умны, слишкомъ даровиты, слишкомъ много знаютъ и, не умѣя прятать отъ людей своего превосходства, оскорбляютъ самолюбивую посредственность; которыхъ сердце болитъ и снѣдается ревностью по дѣламъ, чуждымъ имъ, которыя говорятъ тамъ, гдѣ лучше было бы молчать, и молчатъ тамъ, гдѣ выгодно говорить; словомъ, одна изъ тѣхъ личностей, которыя люди сперва хвалятъ и холятъ, потомъ сживаютъ со свѣту и наконецъ, уморивши, снова начинаютъ хвалить...

Теперь намъ слѣдуетъ приступить къ сказочнымъ поэмамъ, заключающимся въ сборникѣ казака Кирши Данилова. Тамъ ихъ числомъ больше тридцати, кромѣ казачьихъ, а Сахаровъ помѣстилъ изъ нихъ въ своей книгѣ, въ отдѣлѣ „Былины русскихъ людей“, только одиннадцать. Вообще г. Сахаровъ обнаруживаетъ къ сборнику Кирши Данилова большую недовѣрчивость и даже что-то вродѣ непріязни. Это дѣло требуетъ нѣкотораго поясненія. Рукопись сборника Кирши Данилова была найдена Демидовымъ и издана (не вполне) Якубовичемъ въ 1804 году, подъ титуломъ „Древнія русскія стихотворенія“. Потомъ рукопись перешла во владѣніе графа Н. П. Румянцева, по порученію котораго и издана была Калайдовичемъ въ 1816 году, подъ титуломъ: „Древнія російскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ и вторично изданныя, съ присовокупленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва“.

Сахаровъ спрашиваетъ: „на чемъ основано, что собирателемъ древнихъ стихотвореній былъ Кирша Даниловъ? На томъ, что имя его поставлено на первомъ листѣ рукописи. Гдѣ этотъ листъ? Клайдовичъ говоритъ, что онъ потерялся. Кто видѣлъ листъ съ подписью? Одинъ только издатель Якубовичъ,

который, по словамъ Клайдовича, ручается за справедливость этого извѣстія.“

Коротко и ясно: изъ всего этого г. Сахаровъ хочетъ вывести слѣдствіе, что Кирша Даниловъ отнюдь не былъ собирателемъ древнихъ стихотвореній. Прекрасно; но въ чемъ споръ и есть ли о чемъ тутъ спорить? Кирша Даниловъ—хорошо; не онъ а другой, г. А., г. Б., г. В.—также хорошо: по крайней мѣрѣ въ обоихъ случаяхъ стихотворенія не дѣлаются ни лучше, ни хуже. Въ прочемъ всѣ причины стоятъ за Киршу Данилова, и ни одной противъ него; это ясно какъ день. Во-первыхъ, нужно даже какое-нибудь общее имя для означенія сборника древнихъ стихотвореній: зачѣмъ же выдумывать новое, когда уже глаза всей читающей публики приглядѣлись въ печати къ имени Кирши Данилова? Во-вторыхъ, что имя его могло стоять на заглавномъ листкѣ—это вѣрно, чѣмъ то, что его не было на немъ, ибо это имя упоминается въ текстѣ пѣсни“ А и не жаль мнѣ-ко битаго, грабленнаго“. Разумѣется, смѣшно было бы почитать Киршу Данилова сочинителемъ древнихъ стихотвореній; но кто же говорилъ или утверждалъ это? Всѣ эти стихотворенія неоспоримо древнія. Начались они вѣроятно во времена татарщины, если не раньше: по крайней мѣрѣ всѣ богатыри Владиміра Красна-Солнышка безпрестанно сражаются въ нихъ съ татарами. Потомъ—каждый вѣкъ и каждый пѣвунъ или сказочникъ измѣнялъ ихъ по своему, то убавляя, то прибавляя стихи, то переиначивая старые. Но сильнѣйшему измѣненію они подвергались вѣроятно во времена единодержавія въ Россіи. И потому отнюдь не удивительно, что удалой казакъ Кирша Даниловъ, „гуляка праздный“, не оставилъ ихъ совершенно въ томъ видѣ, какъ услышалъ отъ другихъ. И онъ имѣлъ на это полное право: онъ былъ поэтъ въ душѣ, что достаточно доказывается его страстью къ поэзіи и терпѣніемъ положить на бумагу 60 большихъ стихотвореній. Нѣкоторыя изъ нихъ могутъ принадлежать и самому ему, какъ выше выписанная нами пѣсня: „А и не жаль мнѣ-ко битаго, грабленнаго“. На Руси изстари заведено, что умный человѣкъ—непремѣнно горькій пьяница: такъ или почти такъ справедливо замѣтилъ гдѣ-то Гоголь. Въ слѣдующей пѣснѣ, отличающейся глубо-

кимъ и размашистымъ чувствомъ тоски и грустной ироніей, Кирша Даниловъ является истиннымъ поэтомъ русскимъ, какой только возноженъ былъ на Руси до вѣка Екатерины-Великой:

„А и горе, горе, гореваньице!
А и въ горѣ жить—не кручинну быть,
Нагому ходить—не стыдиться,
А и денегъ нѣту—передъ деньгами,
Появилась гривна—передъ злыми дни.
Не бывать плѣшату кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго.
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера.
А и горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса—
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестный шіръ—
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ—
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащить.
Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ.“

Кирша Даниловъ жилъ въ Сибири, какъ это видно изъ частныхъ выраженій: „а по нашему по-сибирскому“, и изъ нѣкоторыхъ поэмъ, посвященныхъ памяти подвиговъ завоевателя Сибири, Ермака. Очень вѣроятно, что въ Сибири Кирша имѣлъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, возможности собрать древнія стихотворенія: обыкновенно колонисты съ особенной любовью и особеннымъ стараніемъ хранятъ памятники своей первобытной родины. Вообще въ Сибири и теперь еще сохранился во всей чистотѣ первобытный духовный типъ старой Руси.

„Древнія Стихотворенія“, заключающіяся въ сборникѣ Кирши Данилова, большей частью эпического содержанія въ сказочномъ родѣ. Есть большая разница между поэмой и рапсодомъ и между сказкой. Въ поэмѣ поэтъ какъ бы уважаетъ свой предметъ, ставитъ его выше и хочетъ въ другихъ возбудить къ нему благоговѣніе; сказочникъ — себѣ на умѣ:

цѣль его занять праздное вниманіе, разсѣять скуку, позабавить другихъ. Отсюда происходитъ большая разница въ тонѣ того и другого рода произведеній: въ первомъ важность, увлеченіе, иногда возвышающееся до папаѳоса, отсутствіе проны, а тѣмъ болѣе — пошлыхъ шутокъ; въ основаніи второго всегда замѣтна задняя мысль, замѣтно, что рассказчикъ самъ не вѣритъ тому, что рассказываетъ, и внутренно смѣется надъ собственнымъ рассказомъ. Это особенно относится къ русскимъ сказкамъ. Кромѣ „Слова о Пѣлкѣ Игоревѣ“, изъ народныхъ произведеній у насъ нѣтъ ни одной поэмы, которая не носила бы на себѣ сказочнаго характера. Русскій человѣкъ любитъ небылицы какъ забаву въ праздныя минуты долгихъ зимнихъ вечеровъ, но не подозреваетъ въ нихъ поэзіи. Ему странно и дико было узнать, что ученые бары списываютъ и печатаютъ его рассказы и побасенки не для шутокъ и смѣха, а какъ что то важное. Онъ отдаетъ преимущество пѣснѣ передъ сказкой, говоря, что „пѣсня—быль, а сказка—ложь“. У него нѣтъ никакого предчувствія о близкомъ сродствѣ вымысла съ творчествомъ: вымыслъ для него все равно, что ложь, что вздоръ, что чепуха. А между тѣмъ „Древнія Стихотворенія“—не сказки собственно, но какъ мы сказали, поэмы въ сказочномъ родѣ. Можетъ быть первоначально они явились чисто эпическими отрывками, а потомъ уже, измѣняясь со временемъ, получили свой сказочный характеръ; можетъ быть также, что вслѣдствіе варварскаго понятія о вымыслѣ и съ самаго начала явились они поэмами-сказками, въ которыхъ поэтический элементъ былъ пересиленъ прозой народнаго взгляда на поэзію. Въ книжкѣ г. Сахарова „Русскія Народныя Сказки“ есть нѣсколько сказокъ почти одинаковаго содержанія и почти такъ же изложенныхъ, какъ нѣкоторыя „Былины Русскихъ Людей“, помѣщенные имъ въ „Сказаніяхъ Русскаго Народа“. Разница въ томъ, что въ сказкахъ есть нѣкоторыя лишнія противъ былинъ подробности, и въ томъ, что первыя напечатаны прозой, а вторыя—стихами. И мы думаемъ, что г. Сахаровъ сдѣлалъ это не безъ основанія: хотя и всѣ наши сказки сложены какой-то мѣрной прозой, но этотъ метризмъ, если можно такъ выразиться, составляетъ въ нихъ побочное достоинство и часто нарушается

мѣстами, тогда какъ въ поэмахъ метръ, хотя и силлабическій, и притомъ не всегда правильный, составляетъ ихъ необходимую принадлежность. Сверхъ того есть нѣкоторая разница въ манерѣ, въ замашкѣ разсказа между сказкой и поэмой: первая объемлетъ собой всю жизнь богатыря, начинается его рожденіемъ, а оканчивается смертью; поэма, напротивъ, схватываетъ одинъ какой-нибудь моментъ изъ жизни богатыря и силится создать изъ него нѣчто отдѣльное и цѣльное. И потому одна сказка заключаетъ въ себѣ два, три и болѣе эпическіе рапсода, какъ напримѣръ о Добрынѣ и объ Ильѣ Муромцѣ. Въ тонѣ сказокъ больше простонароднаго, житейскаго, прозаическаго: въ тонѣ поэмъ болѣе поэзіи, полету, одушевленія, хотя и тѣ, и другія рассказываютъ часто объ одномъ и томъ же предметѣ и очень сходно, нерѣдко одними и тѣми же выраженіями. Такъ какъ русскій человѣкъ почиталъ сказку „пересыпаньемъ изъ пустого въ порожнее“, то онъ не только не гонялся за правдоподобіемъ и естественностью, а еще какъ будто поставлялъ себѣ за непремѣнную обязанность умышленно нарушать и искажать ихъ до бессмыслицы. По его понятію, чѣмъ сказка неправдоподобнѣе и нелѣпнѣе, чѣмъ лучше и занимательнѣе. Это перешло и въ поэмы, которыя преисполнены самыми рѣзкими несообразностями. Мы сейчасъ дадимъ это увидѣть самимъ читателямъ нашимъ, — для чего и перескажемъ имъ вкратцѣ содержаніе всѣхъ поэмъ, находящихся въ сборникѣ Кириши Данилова.

Намъ удавалось слышать до крайности странное мнѣніе, будто изъ нашимъ сказочныхъ поэмъ можно оставить одну большую цѣлую поэму, подобно тому, какъ будто-бы изъ рапсодовъ была составлена „Иліада“. Теперь уже и о происхожденіи „Иліады“ многими оставлено такое мнѣніе, какъ неосновательное; что же до нашихъ рапсодовъ, то мысль склеить ихъ въ одну поэму, — есть злая насмѣшка надъ ними. Поэма требуетъ единства мысли, а вслѣдствіе ея — гармоніи въ частяхъ и цѣлости въ общемъ. Изъ содержанія нашихъ рапсодовъ, мы увидимъ, что искать въ нихъ общей мысли — все равно, что ловить жемчужныя раковины въ Фонтанкѣ. Они ничѣмъ не связаны между собой: содержаніе всѣхъ ихъ

одинаково, обильно словами, скудно дѣломъ, чуждо мысли. Поэзія въ прозѣ содержится въ нихъ, какъ ложка меду къ бочкѣ дегтю. Въ нихъ нѣтъ никакой послѣдовательности, даже внѣшней; каждая изъ нихъ сама по себѣ не вытекаетъ изъ предыдущей, ни заключаетъ въ себѣ начала послѣдующей. Внѣшнее единство „Иліады“ основано на гнѣвѣ Ахиллеса противъ Агамемнона за плѣнницу Бризеиду; Ахиллесъ отказывается отъ боя, и вслѣдствіе этого эллины претерпѣваютъ страшныя пораженія отъ троянъ и погибаетъ Патроклъ; тогда Ахиллъ мирится съ Агамемнономъ; поражаетъ торжествовавшихъ троянъ и убійствомъ Гектора выполняетъ свою клятву мщенія за смерть Патрокла. Потому-то въ „Илліадѣ“ вторая пѣсня слѣдуетъ за первой, а третья—за второй, и такъ далѣе отъ первой до 24-й включительно, не по цифрамъ, въ началѣ ихъ произвольно поставленнымъ собирателемъ, а по внутреннему развитію хода событій. Въ нашихъ же рапсодахъ нѣтъ общаго событія, нѣтъ одного героя. Хоть и наберется поэмъ двадцать, въ которыхъ упоминается имя великаго князя Владиміра Красна-Солнышка, но онъ является въ нихъ внѣшнимъ только героемъ: самъ не дѣйствуетъ ни въ одной, и вездѣ только пируетъ, да похаживаетъ по гридницѣ свѣтлой, разчесывая кудри черныя. Что же касается до связи этихъ поэмъ, то нѣкоторыя изъ нихъ точно должны бы слѣдовать въ книгѣ одна за другой, чего, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ Калайдовичъ, напечатавшій ихъ вѣроятно въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они находились въ сборникѣ Кирши Данилова. Но это относится къ очень немногимъ, такъ что не болѣе трехъ могутъ составить одно, и это одно всегда имѣетъ своего героя, помимо Владиміра, о которомъ во всѣхъ равно упоминается. Герои эти—богатыри, составлявшіе дворъ Владиміра. Они со всѣхъ сторонъ стекаются къ нему на службу. Это очевидно отголосокъ старины, отраженіе давней были, въ которой есть своя доля истины. Владиміръ не является въ этихъ поэмахъ ни лицомъ дѣйствительнымъ, ни характеромъ опредѣленнымъ, а, напротивъ, какой-то миѣической полутѣнью, какимъ-сказочнымъ полуобразомъ, болѣе именемъ, нежели человекомъ. Такъ-то поэзія всегда вѣрна исторіи: чего не сохранила исторія, того не передастъ и поэзія; а исторія не

сохранила намъ образа Владиміра-язычника, поэзія же не дерзнула коснуться Владиміра-христіанина. Нѣкоторые изъ богатырей Владиміра переданы намъ этой сказочной поэзіей, какъ-то: Алеша Поповичъ съ другомъ своимъ Екимомъ Ивановичемъ, Дунай сынъ Ивановичъ, Чурило Пленковичъ, Иванъ Гостиный сынъ, Добрыня Никитичъ, Потокъ Михайло Ивановичъ, Илья Муромецъ, Михайло Казариновъ, Дюкъ Степановичъ, Иванъ Годиновичъ, Гордей Блудовичъ, жена Ставра Боярина, Касьянъ Михайловичъ; нѣкоторые только упоминаются по имени, какъ-то: Самсонъ Колывановичъ, Суханъ Домантьевичъ, „Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой“, семь братьевъ Збродовичей и два брата Хапиловы... Но пусть само дѣло говорить за себя.

Начнемъ съ Алеши Поповича.

Изъ славнаго Ростова, красна города, вылетывали два ясные сокола, выѣзжали два могучіе богатыря,

Что по имени Алешинька Поповичъ младъ,
А съ молодымъ Екимомъ Ивановичемъ.

Наѣхали они въ чистомъ полѣ на три дороги широкія, а при тѣхъ дорогахъ лежитъ горючъ камень съ надписями; Алеша Поповичъ проситъ Екима Ивановича, „какъ въ грамотѣ поученаго человѣка“, прочесть тѣ надписи. Одна изъ нихъ означала путь въ Муромъ, другая — въ Черниговъ, третья — „ко городу Кіеву, ко ласкову князю Владиміру“. Екимъ Ивановичъ спрашиваетъ, куда ѣхать; Алеша Поповичъ рѣшаетъ — къ Кіеву. Не доѣхавши до Сафатъ рѣки (?), остановились на зеленыхъ лугахъ покормить добрыхъ коней. Здѣсь мы остановимся съ ними, чтобы спросить, что эта была за рѣка Сафатъ, протекавшая между Ростовомъ и Кіевомъ? Вѣроятно она зашла туда изъ Палестины... Разбивъ шатры, стреноживъ коней, добры молодцы стали „опочивъ держать“.

Прошла та ночь осенняя.
Ото сна пробуждается,
Встаетъ рано ранешенько,
Утреннею зарею умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ, Алеша, Богу молится.

Екимъ Ивановичъ поймалъ коней, напоилъ ихъ въ Сафать-рѣкѣ, и по приказанію Алеши, осѣдлалъ ихъ. Лишь только хотѣли они ѣхать „ко городу Кіеву“, вакъ попадается имъ калика перехожій.

Лапотки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская, земли греческой.
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ палица свинцу чебурацкаго.

Вопросъ, какъ же шелепуга могла быть въ тридцать пудъ, если одного свинцу въ ней было пятьдесятъ пудъ?... Калика говорилъ имъ таково слово:

Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
Въ вышину-ли онъ, Тугаринъ, трехъ сажень,
Промежъ плечей косая сажень,
Промежду глазъ калена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.

Алеша Поповичъ „привязался“ къ каликѣ, отдаетъ ему свое платье богатырское, а у него просить себѣ каличьего, — и его просьба состоитъ въ повтореніи слово въ слово выписанныхъ нами стиховъ, изображающихъ одѣяніе и оружіе калики. Калика соглашается, и Алеша Поповичъ, кромѣ шелепуги, беретъ еще про запасъ чингалище булатное и идетъ за Сафать-рѣку.

Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ,
Продрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Поповичъ едва живъ идетъ.
Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
„Гой еси, калика перехожа!
А гдѣ ты слыхалъ, и гдѣ видалъ
Про млада Алешу Поповича:
А и я бы Алешу копьемъ закололъ,
Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ“.
Говорилъ тутъ Алеша каликою:

„А и ты гой еси, Тугаринъ Змѣвичъ младъ!
 Поѣзжай по ближе ко мнѣ,
 Неслышу я, что ты говоришь“.
 Подѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣвичъ младъ.
 Сверстался Алеша Поповичъ младъ,
 Противъ Тугарина Змѣвича,
 Хлопнулъ его шелепугою по буйной головѣ,
 Расшибъ ему буйну голову—
 И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
 Вскочилъ ему Алеша на черну грудь,
 Втапоры взмолился Тугаринъ Змѣвичъ младъ:
 „Гой еси ты, калика перехожая!
 Не ты ли Алеша Поповичъ Младъ?
 Только ты Алеша Поповичъ младъ,
 Семъ побратуемся съ тобою“.
 Втапоры Алеша врагу не вѣровалъ,
 Отрѣзалъ ему голову прочь,
 Платье съ него снималъ цвѣтное
 На сто тысячъ—и все платье на себя надѣвалъ.

Увидѣвъ Алешу Поповича въ платѣ Тугарина Змѣвича,
 Екимъ Ивановичъ и калика перехожій пустились отъ него
 бѣжать; когда жъ онъ ихъ нагналъ, Екимъ Ивановичъ бро-
 силъ себѣ назадъ палицу въ тридцать пудъ, попалъ Алешѣ
 въ грудь—и тотъ повалился съ коня замертво.

Втапоры Екимъ Ивановичъ
 Скочилъ со добра коня, сѣлъ на груди ему:
 Хочетъ пороть груди бѣлыя—
 И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ,
 Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ перехожему:
 „По грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилося,
 Что убилъ своего братца роднаго“.
 И стали его оба трясти и качать,
 И потомъ подали ему вина заморскаго;
 Отъ того онъ здравъ сталъ.

Алеша Поповичъ обмѣнялся съ каликой платьемъ, а Туга-
 риново положилъ себѣ въ чемоданъ. Приѣхали въ Кіевъ.

Скочили съ добрыхъ коней,
 Привязали къ дубовымъ столбамъ,
 Пошли во свѣтлы гридни;
 Молятся Спасову образу,
 И бьютъ челомъ, поклоняются
 Князю Владиміру и княгинѣ Анраксеевнѣ,

И на всѣ четыре стороны;
Говорилъ имъ ласковый Владиміръ князь:
„Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитесь какъ васъ по имени зовутъ:
А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловати“.
Говорить тутъ Алеша Поповичъ младъ:
„Меня, осударь, зовутъ Алешою Поповичемъ,
Изъ города Ростова, стараго попа соборнаго“.
Втапору Владиміръ князь обрадовался,
Говорилъ таковы слова:
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
По отчеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ,
Въ другое мѣсто богатырское,
Въ дубову скамью противъ меня,
Въ третье мѣсто куда самъ захочешь“.
Не садился Алеша въ мѣсто большое,
И не садился въ дубову скамью,
Сѣлъ онъ со своими товарищи на полатный брусъ (!!?!).

Вдругъ—о чудо!—на золотой доскѣ двѣнадцать богатырей
несутъ Тугарина Змѣевича—того самаго, которому такъ не-
давно Алеша отрубилъ голову,—несутъ живого и сажаютъ
на большое мѣсто:

Тутъ повары были догадливы:
Понесли яства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія.
Стали тутъ пить, ѣсть, прохлаждатися;
А Тугаринъ Змѣевичъ нечестно хлѣба ѣсть:
По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть,
Тѣ ковриги монастырскія;
И нечестно Тугаринъ питья пьеть:
По цѣлой чашкѣ охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретя ведра.
И говорилъ втапору Алеша Поповичъ младъ:
„Гой еси ты, ласковый сударь, Владиміръ князь!
Что у тебя за болванъ пришелъ,
Что за дуракъ неотесанной!
Нечестно у князя за столомъ сидить,
Ко княгинѣ онъ, собака, руку въ пазуху кладеть,
Цѣлуетъ во уста сахарныя,
Тебѣ князю насмѣхается“.

Далѣе Алеша говоритъ, что у его отца была скверная
собака, которая подавилась костью, и которую онъ, взявши

за хвостъ, подъ гору махнулъ: „отъ меня Тугарину то же будетъ“,

Тугаринъ почернѣлъ какъ осенняя ночь,
Алеша Поповичъ сталъ какъ свѣтель мѣсяцъ.

Начавши рушить лебедь бѣлую, княгиня обрѣзала себѣ рученьку лѣвую,

Завернула рукавомъ, подъ столъ опустила,
Говорила таково слово:

„Гой вы еси, княгини, боярыни!
Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
Либо смотрѣть на милъ животъ
На молода Тугарина Змѣевича“.

Тугаринъ схватилъ лебедь бѣлую, да разомъ ее за щеку, да еще ковригу монастырскую. Алеша опять повторяетъ свое воззваніе къ Владиміру тѣми же словами; только вмѣсто собаки говоритъ о коровищѣ старой, которая, забившись въ поварню, выпила чанъ браги прѣсныя и отъ того лопнула, и которую онъ, Алеша, за хвостъ да подъ гору: „Отъ меня Тугарину то же будетъ“. Потемнѣвъ, какъ осенняя ночь, Тугаринъ бросилъ въ Алешу чингалищемъ булатнымъ, но Поповичъ „на то-то вертокъ былъ“, и Тугаринъ не попалъ въ него. Екимъ спрашиваетъ Алешу: самъ ли онъ бросить въ Тугарина, али ему велить? Алеша сказалъ, что онъ завтра самъ съ нимъ перевѣдается, подъ великій закладъ—не о ста рубляхъ, не о тысячѣ, а о своей буйной головѣ. Князя и бояре скочили на рѣзвы ноги, и всѣ за Тугарина поруки держать: князя кладутъ по сту рублевъ, бояре по пятидесяти, крестьяне (?) по пяти рублевъ, а случившіеся тутъ гости купеческіе подписываютъ подъ Тугарина три корабля свои съ товарами заморскими, которыя стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ; а за Алешу подписывалъ владыка черниговскій.

Втапору Тугаринъ и вонъ ушелъ,
Садился на своего добраго коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небесью летать.
Скочила княгиня Апраксѣвна на рѣзвы ноги,
Стала пенять Алешѣ Поповичу:
„Деревенщина ты, засельщина!
Не далъ посидѣть другу милому“.
Втапору Алеша того не слушался,
Звился съ товарищи и вонъ пошелъ.

На берегу Сафать-рѣки пустили они коней въ зеленые луга, разбили шатры и стали „опочивъ держать“. Алеша всю ночь не спитъ, со слезами Богу молится, чтобъ послалъ тучу грозную; молитва Алешина дошла до Христа, послалъ Онъ „тучу съ градомъ дождя“, подмочилъ Тугарину крылья бумажныя, и лежитъ онъ, какъ собака, на сырой землѣ. Екимъ извѣщаетъ Алешу, что видѣлъ Тугарина на сырой землѣ, — Алеша снаряжается, садится на добра коня, беретъ сабельку острую.

И увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичъ Алешу Поповича,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Хошъ ли я тебя огнемъ спалю,
Хошъ ли, Алеша, конемъ стопчу,
Али тебя, Алешу, копьемъ заколю?“
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
„Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
Бился ты со мной о великъ закладъ,
Биться, драться единъ-на-единъ:
А за тобою нонѣ силы смѣты нѣтъ
На меня Алешу Поповича“.
Оглянется Тугаринъ назадъ себя,
Втапору Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ —
И пала глава на сыру землю, какъ пивной котель.

Проколовъ уши головѣ Тугарина, Алеша привязалъ ее къ сѣдлу, привезъ въ Кіевъ въ княженецкій дворъ и бросилъ среди двора! А Владиміръ князь повелъ его во свѣтлы гридни, сажалъ за убраны столы — тутъ для Алеши и столъ пошелъ. За столомъ говоритъ ему Владиміръ князь:

„Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Часть ты мнѣ свѣтъ далъ:
Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,
Служи мнѣ, князю Владиміру —
До любви тебя пожелаю“.
Втапору Алеша Поповичъ младъ князя не ослушался,
Сталъ служить вѣрою и правдою;
А княгиня говоритъ Алешѣ Поповичу:
„Деревенщина ты, засельщина!
Разлучилъ меня съ другомъ милымъ,
Съ молодымъ Змѣемъ Тугаретинымъ“.
Отвѣчаетъ Алеша Поповичъ младъ:
„А ты гой еси, матушка княгиня Апраксѣвна!

Чуть не назваль я тебя сукою,
Сукою - то волочайкою".
То старина, то и дѣянье.

И вотъ, читатели, вы уже знакомы съ однимъ изъ богатырей „ласкова квязя Владиміра Красна-Солнышка“; вы уже знаете, за какую службу и съ какими обрядами Алеша былъ принятъ ко двору его Тутъ не было рыцарскаго посвященія, не ударяли по плечу шпагой, не надѣвали серебряныхъ шпоръ; битва была не за красоту, а противъ красоты, красоты вельми неграціозной и въ словахъ, и въ манерахъ, и въ характерѣ. Не ищите тутъ миѳовъ съ общечеловѣческимъ содержаніемъ, не ищите художественныхъ красотъ поэзіи; но въ этихъ странныхъ и оригинальныхъ оборотахъ все-таки есть поэтическіе элементы, если не поэзія; въ этихъ дикихъ неопредѣленныхъ образахъ народной фантазіи все-таки есть смыслъ и значеніе, если нѣтъ мысли,—даже, если хотите, есть мысль, только частная, а не общая, народу, а не челоуѣчеству принадлежащая; и—повторяемъ—несмотря на дубоватую неграціозность образовъ, выраженіе, чуждое мысли, очень и очень не чуждо поэзіи. Что же касается до героя, онъ является съ характеромъ. Поповичъ—это богатырь больше хитрый, чѣмъ храбрый, больше находчивый, чѣмъ сильный. Онъ идетъ на битву съ Тугаринымъ переодѣвшись, подъ чужимъ видомъ; завидя врага, „онъ едва живъ идетъ“ (разумѣется, отъ трудности); на возгласъ Тугарина прикидывается глухимъ, и когда тотъ подходитъ къ нему ближе, чтобы говорить съ нимъ, а не сражаться—онъ вдругъ хватаетъ его по головѣ шлепугой въ тридцать пудъ; Тугаринъ предлагаетъ ему побрататься, но не на таковского напалъ: Алеша не дается въ обманъ по великодушію рыцарскому—„втапору Алеша врагу не вѣроваль“. Готовясь ко второй битвѣ, онъ, въ смиренномъ сознаніи своихъ богатырскихъ силъ, молится о дождѣ, чтобъ подмочило у Змѣя бумажныя крылья,—когда тотъ полетѣлъ на него, онъ опять прибѣгаетъ къ обману: „ты говоритъ онъ ему—держалъ закладъ биться со мной одинъ на одинъ, а за тобой сила несмѣтная противъ меня“. Змѣй оглядывается назадъ, и Алеша въ эту минуту рубитъ ему голову. Екимъ Ивановичъ—добрый и честный богатырь, но онъ служитъ

Алешѣ и безъ его спросу ничего не дѣлаетъ. Это—меньшой названный братъ его; это добродушная, честная сила, добровольно покорившаяся хитрому уму. Тугаринъ—хвастунъ, нахаль, невѣжа; онъ при всѣхъ, весьма не по рыцарски, весьма неграціозно любезничаетъ съ Апраксѣвной; онъ у князя какъ у себя дома: ковригами глотаешь, ушатами запиваешь, какъ бы для показанія полного своего презрѣнія къ обиженному супругу, какъ бы для того, чтобъ при всѣхъ надругаться надъ нимъ. Это идеаль стариннаго русскаго любовника чужой жены, которому мало наслажденія,—нужно еще ругаться и ломаться надъ несчастнымъ мужемъ... Мы еще не разъ встрѣтимся съ этимъ лицомъ, состоящимъ, какъ видно, на роляхъ любовниковъ въ репертуарѣ народнаго театра жизни; онъ еще явится намъ и подъ другимъ именемъ, но всегда змѣемъ. Въ его безобразномъ и безъ-образномъ лицѣ осуществилось сознаніе о любви,—и если этотъ русскій Донъ-Хуанъ, этотъ Ромео не совсѣмъ благообразенъ, — причина тому — особое созерцаніе чувства любви. Любовь до того была изгнана изъ тѣснаго круга народнаго соцерпанія жизни, что въ самомъ бракѣ являлась какимъ-то чуждымъ элементомъ, враждебнымъ святости союза, освящаемаго религіей; внѣ же брака, она—бѣсовская прелесть, дьявольское навожденіе, нечистое вождѣлѣніе Змѣя Горынчата, преступная контрабанда жизни. Удивительно-ли послѣ этого, что эта любовь является въ подобныхъ поэмахъ такъ простонародно неэстетической, такъ цинически чувственной, такъ оскорбительной и возмутительной для чувства, въ такихъ грубыхъ формахъ? Удивительно-ли послѣ того, что любовникъ въ этихъ поэмахъ является въ видѣ змѣя, съ характеромъ хвастуна, наглеца и труса, а любовница представляется въ видѣ грубой, наглой и безстыдной бабы, съ манерами и замашками площадной торговли, и даже—какъ увидимъ это ниже—въ видѣ колдуньи злой еретницы?.. Самый развратъ—какъ онъ ни преступенъ передъ судомъ морали,—можетъ имѣть свою поэзію и свою грацію, если онъ выходитъ изъ пламеннаго клочотанія необузданной страсти, изъ неукротимаго стремленія къ наслажденію; но въ нашихъ „любовницахъ“ не замѣтно ни тѣни поэзии или граціи. Здѣсь опять та же причина: любовь, по нашему народному созер-

цанію, не есть чувство, не есть страсть, а какой-то холодный, циническій развратъ. Въ княгинѣ Апраксѣвнѣ олицетворенъ идеаль любовницы,—идеаль, котораго полное осуществленіе мы видимъ въ Маринѣ, непріятельницѣ Добрыни Никитича и любовницѣ Змѣя Горынчата. Странно только, какимъ образомъ народная фантазія, выразившая въ Апраксѣвнѣ народный идеаль свергнувшей съ себя узы общественной нравственности и приличія женщины, навязала ее въ жены любимцу преданія, солнцу своей древней жизни и поэзіи—князю Владиміру. Нѣтъ сомнѣнія, что Владиміръ миѳическій, Владиміръ, окруженный богатырями, женящійся отъ живой жены, есть Владиміръ язычникъ: народная поэзія, какъ мы сказали, не смѣла коснуться Владиміра историческаго, и потому не передала намъ ни его похода въ Корсунь, ни отношенія къ Византіи, ни послѣдовавшаго за тѣмъ времени его царствованія, переданнаго исторіей и церковью. Если же въ этихъ поэмахъ нѣтъ ни языческихъ именъ дѣйствующихъ лицъ, ни языческихъ боговъ, а, напротивъ, часто упоминается о церквахъ, объ образахъ, о вѣнчаніи, — то это анахронизмъ, вродѣ того, что Владиміровы богатыри, какъ мы увидимъ ниже, безпрестанно сражаются съ татарскими ханами, мурзами и улановьями и безпрестанно ѣздятъ въ Золотую Орду. Это служитъ новымъ доказательствомъ нашей мысли, что эти поэмы или сложены были во время татарщины, если не послѣ ея, а отъ старины воспользовались только миѳическими, смутными преданіями и именами, или что онѣ были переиначены и передѣланы во время или послѣ татарщины.

Мы еще два раза встрѣтимся съ Алешей Поповичемъ, и увидимъ, что даже, являясь вскользь, онъ не измѣняетъ своего характера—Поповича; теперь же перейдемъ къ другому богатырю, женившему князя Владиміра.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова сударь, князя Владиміра,
А и было пированіе, почестный пиръ,
Было столованье, почестный столъ.
Много на пиру было князей и бояръ,
И русскихъ могучихъ богатырей;
А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкій столъ во полу столъ;

Владимірѣ князь распотѣшился,
 По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
 Черны кудри разчесываетъ;
 Говоритъ онъ сударь, ласковый
 Владимирѣ князь таково слово:
 „Гой еси вы, князи и бояра, и могучіе богатыри!
 Всѣ вы въ Кіевѣ переженены,
 Только я, Владимирѣ князь, холость хожу,
 А и холость я хожу, не женатъ гуляю;
 А кто мнѣ-ка знаетъ супротивницу,
 Супротивницу знаетъ красну дѣвицу:
 Какъ бы та дѣвица станомъ статна,
 Станомъ бы статна и умомъ свершна,
 Ея бѣлое лицо какъ-бы бѣлый снѣгъ,
 И ягодицы какъ-бы маковъ цвѣтъ,
 А и черныя брови какъ бы соболи,
 А и ясныя очи какъ-бы у сокола“.

Тутъ большой за меньшого хоронится, а отъ меньшого отвѣта князю нѣтъ; тогда выступаетъ изъ стола Иванъ Гостиный Сынъ и кричитъ зычнымъ голосомъ, прося слово молвити, слово единое безопальное: „Я ли де Иванъ въ Золотой Ордѣ бывалъ у грознаго короля Етмануйла Етмануйловича и видѣлъ его двухъ дочерей: первая дочь Настасья Королевишна, а другая—Афросинья Королевишна; сидитъ Афросинья въ высокомъ терему, за тридесять замками булатными; а и буйныя вѣтры не вихнуть на нее, а красное солнце не печетъ лицо: а то-то, сударь, дѣвушка станомъ статна, станомъ статна и умомъ свершна (слѣдуетъ повтореніе четырехъ послѣднихъ стиховъ изъ рѣчи князя Владимира); посылай ты, сударь, Дуная свататься“. Князь приказалъ налить чашу зелена вина въ полтора ведра и подносить ее Ивану Гостиному за тѣ слова его хорошія. Призвалъ онъ, князь, Дуная Ивановича въ спальню къ себѣ и посылаетъ его на доброе дѣло, на сватанье, и давалъ ему золотой казны, триста жеребцовъ и могучихъ богатырей; подносилъ ему, Дунаю, чару зелена вина въ полтора ведра, турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра; разгорѣлася утроба богатырская, и могучія плечи расходилися, какъ у молода Дуная Ивановича; не беретъ онъ золотой казны, не надо ему триста жеребцовъ и могучихъ богатырей, а проситъ онъ себѣ одного молодца, какъ бы молода Екима Ивановича, который служитъ Алешкѣ

Попоничу. А и князь тотчасъ самъ Екима руками привель:
„Вотъ-де те Дунаю, будетъ паробочекъ“. И прїѣхали добры
молодцы, Дунай да Екимъ, въ Золоту орду, къ тому-ли гроз-
ному королю Етмануйлу Етмануйловичу. Говорить тутъ Ду-
най таково слово:

„Гой еси, король въ Золотой Ордѣ!
У тебя ли во полатяхъ бѣлокаменныхъ
Нѣту Спасова образа,
Некому у тебя помолитися,
А и не за что тебѣ поклонитися“.
Говорить тутъ король Золотой Орды,
А и самъ онъ король усмѣхается:
„Гой еси, Дунай, сынъ Ивановичъ!
Али ты ко мнѣ прїѣхалъ по старому служить и по-
прежнему?“

Дунай объявляетъ королю о цѣли своего прїѣзда. А и тутъ
королю за бѣду стало, а рветъ на головѣ кудри черныя и
бросаетъ о „кирпищеть“ полъ и говоритъ, какъ бы не его,
Дуная, прежняя служба, велѣлъ бы посадить его въ погреба
глубокіе и уморилъ бы смертью голодною за тѣ его слова за
бездѣльные. Тутъ Дунаю за бѣду стало, разгоралось его сердце
богатырское, вынималъ онъ сабельку острую и говорилъ та-
ковы слова: „какъ-бы де у тебя во дому не бывалъ, хлѣба-
соли не ѣдалъ, ссѣкъ бы по плечи буйную голову“. Тутъ
король неладомъ заревѣлъ зычнымъ голосомъ, псы борзы
заходили на цѣпяхъ, а и хочетъ Дуная живьемъ стравить
тѣми кобелями меделянскими. Дунай закричалъ Екиму; а
тѣ мурзы, улановья не допустятъ Екима до добра коня, до
его палицы тяжкія, мѣдныя, въ три тысячи пудъ; не попа-
ла ему палица желѣзная, что попала ему ось-то то телѣж-
ная, а и зачалъ Екимъ помахивати, и побилъ онъ силы семь
тысячей, да пятьсотъ кобелей меделянскихъ. Король на все
соглашался, и Дунай унималъ своего слугу вѣрнаго и пошелъ
къ высокому терему, гдѣ сидитъ Афросинья—двери у палатъ
были желѣзныя, а крюки, пробои по булату злачены. „Хоть
ноги изломить, а двери выставить“. Всѣ тутъ палаты заша-
талися, бросится дѣвица, испужалася, хочетъ Дуная въ уста
цѣловать. Проговорилъ Дунай, сынъ Ивановичъ: „А и ряже-
ный кусъ, да не суженому ѣсть! Достанешься ты князю Вла-

диміру“. И хотятъ они ѣхать; спохватился тутъ король Золотой Орды, отрядилъ триста свои мурзы и улановья на тридцати телѣгахъ везти за Дунаемъ золото, серебро, жемчугъ скатный и каменя самоцвѣтные. Не доѣхавши до Кіева за сто верстъ, наѣхалъ Дунай на бродучій слѣдъ, велѣлъ Екиму вести невѣсту ко Владиміру „честно, хвально и радостно“, а самъ поѣхалъ по тому слѣду свѣжему бродучему. Въ четвертыя сутки наѣхалъ онъ на тѣхъ на лугахъ на потѣшныихъ, — куда ѣздилъ ласковый Владиміръ князь всегда за охотою — на бѣлъ шатерь, а въ этомъ шатрѣ опочивъ держитъ красна дѣвица, а и та ли Настасья Королевишна *). Молодой Дунай онъ догадливъ былъ: пустилъ изъ лука калену стрѣлу семи четвертей —

Хлеснетъ онъ Дунай по сыру дубу,
А спѣла вѣдь титивка у туга лука,
А дрогнетъ матушка сыра земля
Отъ того удару богатырскаго, —
Угодила стрѣла въ сыръ краковистый дубъ,
Изломила его въ черянья ножовые.
Бросилася дѣвица изъ бѣла шатра будто угорѣлая.
А и молодой Дунай онъ догадливъ былъ,
Скочилъ онъ, Дунай, съ добра коня,
И гораздъ онъ съ дѣвицею драться,
Ударилъ онъ дѣвицу по щекѣ,
А пнулъ онъ дѣвицу подѣ...—
Женскій полъ отъ того пухоль живетъ.
Сшибъ онъ дѣвицу съ рѣзвыхъ ногъ,
Онъ выдернулъ чингалище булатное,
А и хочетъ взрѣзать груди бѣлыя; —
Втапору дѣвица взмолилася:
„Гой еси ты, удалой добрый молодецъ!
Не коли ты меня, дѣвицу, до смерти:
Я у батюшки, сударя, отпиршася,
*Кто меня поѣетъ во чистомъ полѣ,
За того мнѣ, дѣвицѣ, замужъ идти*“.

А и туто Дунай тому ея слову обрадовался, думаетъ онъ разумомъ своимъ: „Во семи ордахъ я служилъ семи королямъ, а не могъ себѣ выжить красныя дѣвицы; нонѣ я нашелъ во

*) Сестра Афросиньи, невѣсты Владиміра. Какъ она туда зашла — не спрашивайте: вѣдь пѣсня — была, а сказка — ложь.

чистомъ полѣ обрушницу, сопротивницу“. Тутъ они обручились, „вокругъ ракитова куста вѣнчались“. Приѣхали они во градъ Кіевъ, а Владиміръ князь отъ злата вѣнца шелъ на свой княженецкій дворъ, и во свѣтлы гридни убирался, за убранные столы сажался. А и Дунай приходилъ въ церковь соборную, просить честныя милости у того архіерея соборнаго, обвѣнчать на той красной дѣвицѣ. Рады были тому попы соборные — „въ тѣ годы присяги не вѣдали, — обвѣнчали Дуная Ивановича; вѣнчальнаго далъ Дунай пятьсотъ рублей. Приѣхавъ ко двору князя Владиміра, Дунай велѣлъ доложить ему, что не въ чемъ идти княгинѣ молодой — платья женскаго только одна и есть епанечка бѣлая. А втапору Владиміръ князь онъ догадливъ былъ, знаетъ онъ кого послать: послалъ онъ Чурила Пленковича выдавать платьеце женское цвѣтное. (Послѣ этого пошло столованье). А жили они время не малое. На пиру у князя Владиміра, пьяный Дунай расхвастался, что нѣтъ въ Кіевѣ стрѣльца супротивъ его. Тутъ взговорила молодая княгиня Апраксѣвна (?), что нѣту-де въ Кіевѣ такого стрѣльца, какъ любезной сестрицы ея Настасьи Королевишны. Тутъ Дунаю за бѣду стало, бросилъ съ женой жребій, кому прежде стрѣлять. Досталось Дунаю на головѣ кольцо держать, отмѣрили версту тысячну, Настасья каленой стрѣлой сшибла съ головы золото кольцо. Втапору Дунай становилъ на примѣту свою молодую жену, и стала княгиня Апраксѣвна его упрашивати: „то вѣдь шуточка пошучена“.

Да говорила же и его молодая жена:
 „Оставимъ-де стрѣлять до другого дня,
 Есть-де въ утробѣ у меня могучъ богатырь;
 Первой-де стрѣлкой не дострѣлишь,
 А другой-де перестрѣлишь,
 А третьею-де стрѣлкой въ меня угодишь“.

Князья и бояре и всѣ сильны могучи богатыри стали Дуная уговаривати, а онъ, Дунай, „озадорился“ и стрѣлялъ первую стрѣлу.

И втапору его молодая жена
 Стала ему кланяться и передъ нимъ убиватися:
 „Гой еси ты, мой любезный ладушка,

Молодой Дунай, сынъ Ивановичъ!
Оставь шутку на три дня,
Хоть не для меня, но для своего сына нерожденного.
Завтра рожу тебѣ богатыря,
Что не будетъ ему соперника“.

Тому Дунай не повѣровалъ и третьей стрѣлой въ жену уго-
дилъ: прибѣжавши Дунай къ молодой женѣ, выдергивалъ
чингалище булатное, скоро поролъ ей груди бѣлыя:—выско-
чилъ изъ утробы удалъ молодецъ, онъ самъ говоритъ тако-
во слово:

„Гой еси, сударь, мой батюшка!
Какъ бы далъ мнѣ сроку на три часа,
А и я бы на свѣтѣ былъ попрыжѣ
И полутчѣ въ семь семерицъ тебя“.
А и тутъ молодой Дунай, сынъ Ивановичъ, запечалился,
Ткнулъ себя чингалищемъ въ бѣлыя груди,
Сгоряча онъ бросялся во быстру рѣку,
Потому быстра рѣка Дунай сливетъ—
Своимъ устьемъ впала въ сине море.“

Теперь мы знакомы съ тремя богатырями Владиміра. Послед-
ній выше первыхъ двухъ — не правда ли? Въ немъ и умъ, и
сметливость, и богатырская рьяность, и прямота силы и
храбрости, на себя опирающейся. Если Дунай не совсѣмъ
вѣжливо и далеко не по рыцарски обошелся съ Настасьей
Королевишной — это не его вина: тутъ выразилось сознание
цѣлаго народа о любви и объ отношеніяхъ половъ. Сама
Настасья не видитъ ничего страннаго или обиднаго для нея
ни въ томъ, что Дунай билъ ее по щекамъ и угощалъ пин-
ками, ни въ томъ, что онъ чингалищемъ булатнымъ хотѣлъ
вспороть ей груди бѣлыя: она съ тѣмъ и отпросилась у ба-
тюшки, что кто ее въ полѣ побьетъ, тотъ и за себя замужъ
возьметъ. Колоченная посуда два вѣка живетъ — русскій че-
ловѣкъ свято вѣритъ глубокой мудрости этой азіатской посло-
вицы, а потому другихъ бьетъ, не кается, и самого побьютъ —
не гонится. Притомъ же, еслибъ Настасья одолѣла Дуная, —
она не задумалась бы вспороть ему груди бѣлыя чингали-
щемъ булатнымъ. Въ Настасьѣ Королевишнѣ осуществленъ
идеалъ амазонки по понятію русскаго человѣка. Жена бога-
тыря должна рождать богатырей, а для этого сама должна

быть богатыремъ своего пола. Поэтому Настасья и мастерица такая изъ лука стрѣлять, что за версту сшибла кольцо съ головы мужа. Отношенія половъ, по народному сознанію, всего лучше выражаются въ смерти Настасьи. Всѣ богатыри хвастливы, особенно въ русскихъ сказкахъ; всѣ богатыри любятъ подпить, особенно русскіе: потому не удивителенъ вызовъ Дуная состязаться съ женой въ стрѣльбѣ. Просьбы другихъ, слезы жены только болѣе подстрекають его богатырскую рьяность и раздражаютъ упорный характеръ. Убивъ жену, онъ спѣшитъ вспороть ей бѣлыя груди: ни слезы, ни вздоха для нея; но при видѣ сына, которому онъ не далъ своей опрометчивостью созрѣть настоящимъ образомъ, въ немъ пробуждается отеческое, а слѣдовательно и человѣческое чувство. Печаль его переходитъ въ отчаяніе, разрѣшающееся самоубійствомъ. Обстоятельство, по которому приписывается быстрому Дунаю его имя, заключаетъ въ себѣ много поэзіи, и простые, безыскусственные стихи:

Потому быстра рѣка Дунай слыветъ—
Своимъ устьемъ впала въ сине море—

дышать какимъ-то успокоительнымъ и примирительнымъ чувствомъ: въ нихъ высказывается широкое, хотя и совершенно неопредѣленное созерцаніе.

Какимъ образомъ Настасья Королевишна могла развѣзжать по полямъ, ища, кто бы побилъ ее и женился на ней, въ то время, какъ сестра ея Афросинья сидѣла взаперти, за двѣнадцатю булатными замками; какимъ образомъ Афросинья Королевишна превращается, ни съ того, ни съ сего, въ княгиню Апраксѣвну, которая называетъ Дуная зятемъ, а Настасью—сестрою—объ этомъ нечего и спрашивать у сказки. И неужели всѣ жены Владиміра превращались въ Апраксѣвну?.. Не забудьте притомъ, что въ предшествовавшей поэмѣ Апраксѣвна уже отличалась съ Тугариномъ Змѣвичемъ; она не могла видѣть Екима прежде замужества Афросиньи, а между тѣмъ Екимъ видѣлъ ее прежде, чѣмъ увидѣлъ Афросинью, стало быть, Владиміръ называлъ себя холостымъ и хотѣлъ жениться отъ живой жены, а Афросинья превратилась въ Апраксѣвну для того, чтобъ избавить Владиміра отъ грѣха двоеженства?..

Вотъ тутъ и извольте составлять одну цѣлую поэму изъ народныхъ рапсодовъ!..

Читатели конечно замѣтили въ предшествовавшей поэмѣ, когда Дунай проситъ платья для своей жены, слѣдующіе стихи:

А втапоры Владиміръ князь онъ догадливъ былъ,
Знаетъ онъ кого послать;
Послалъ онъ Чурила Пленковича
Выдавать платьеце женское цвѣтное.

Стало-быть, гдѣ касалось дѣло до чего-нибудь женскаго, Чурила Пленковичъ былъ на своемъ мѣстѣ? Оно такъ и есть, какъ мы сейчасъ увидимъ. Въ лицѣ Чурилы народное сознаніе о любви какъ бы противорѣчило себѣ, какъ бы невольно сдалось на обаяніе соблазнительнѣйшаго изъ грѣховъ. Чурила—волокита, но не въ змѣиномъ родѣ. Это молодецъ хоть куда, и лихой богатырь. Но онъ нисколько не противорѣчитъ нашему взгляду на сознаніе народное о любви. Крайности сходятся; въ фанатической Испаніи бывали примѣры вольнодумства, а въ Римѣ іерархія встрѣтила себѣ оппозицію прежде, чѣмъ въ самой Германіи. Въ этихъ случаяхъ должно брать въ соображеніе перевѣшивающій элементъ, а въ исключительныхъ явленіяхъ видѣть или случайности, или возможность въ будущемъ вступленія въ свои права и даже перевѣса противоположнаго элемента. И потому мы смотримъ на Тугариныхъ, какъ на нѣчто положительное, дѣйствительное и настоящее въ жизни древней Руси; а на Чурилу—какъ на фактъ, свидѣтельствовавшій о возможности въ будущемъ другого рода любовниковъ, какъ на новый элементъ жизни, только подавленный, но существующій.

Думая, что мы уже довольно познакомили читателей съ манерой и слогомъ поэмъ, расскажемъ о Чурилѣ своими словами и короче.

Во время столованія Владиміра къ нему являются незнаемые люди, челоуѣкъ за триста избитыхъ, израненныхъ молодецвъ:

Булавами буйными головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны,
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ.

Это стрѣльцы княжіе: цѣлый день они рыскали по займи-

щамъ и не встрѣтили ни одного звѣря, а встрѣтили триста молодцовъ, которые звѣрей повыгнали и выловили, а ихъ перебили и переранили, и отъ того „князю добычи нѣтъ“, а имъ жалованья нѣтъ, „дѣти, жены осиротѣли, пошли по міру скитаться“.

А Владиміръ-князь стольный, кіевскій,
Пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.

Не успѣла эта толпа сойти со двора—валить другая. Это рыболовы: съ ними та же исторія.

А Владиміръ князь стольный, кіевскій,
Пьетъ, онъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.

Не успѣла и эта толпа свалить со двора—валятъ вдругъ двѣ новыя: то сокольники и кречетники. И съ ними то же. Противъ другихъ, они прибавили въ своемъ челобитѣ, что ограбившая и прибившая ихъ ватага называется дружиной Чуриловой. Тутъ Владиміръ князь за то слово спохватится: „кто это Чурила есть таковъ?“ Выступался тутъ старый бояринъ Бермята Васильевичъ:

„Я-де, осударь, про Чурилу давно вѣдаю,
Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
А живетъ онъ пониже малаго Кіевца,
Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ,
На всякой тычинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ,—
Среди двора свѣтлицы стоятъ,
Гридни бѣлодубовыя,
Покрываютъ сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ черныхъ соборей,
Матица-то валженная,
Поль середа одного серебро,
Крюки да пробой по булату злечены.
Первыя у него ворота вальящетыя,
Другія ворота хрустальныя,
Третья ворота оловянные“.

Итакъ, Чурила Пленковичъ — щеголь, франтъ, живетъ, какъ сатрапъ восточный. Владиміръ князь ѣдетъ къ нему со

дворомъ своимъ, въ числѣ пятисотъ человекъ. Встрѣчаетъ ихъ старый Пленъ; для князя и княгини отворяетъ ворота вальщетыя, а князьямъ и боярамъ — хрустальные, а простымъ людямъ — ворота оловянные. Пошло столованье великое — „веселая бесѣда, на радости день“. Увидѣвъ въ окно толпу людей, князь говорить такое слово:

„По грѣхамъ надо мною, княземъ, учинилося,
Князя меня въ домѣ не случилось,
Ѣдетъ ко мнѣ король изъ орды,
Или какой грозенъ посолъ“.

Старый Пленка Сороженинъ только усмѣхается, самъ потчиваетъ и говоритъ, что то не король и не посолъ ѣдетъ; а ѣдетъ-де дружина храбрая сына его, молода Чурила Пленковича. Къ вечеру, когда пиръ былъ въ полу-пирѣ, а и столъ былъ въ полу-столѣ, ѣдетъ самъ Чурила Пленковичъ, „а передъ нимъ несутъ подсолнечникъ, чтобъ не запекло солнце бѣла его лица“. Бралъ онъ, Чурила, ключи золотые, ходилъ въ подвалы глубокіе, вынималъ золоту казну: сорокъ сороковъ черныхъ соболей, другую сорокъ печерскихъ лисицъ, и камку бѣлохрущату, а цѣна камкѣ сто тысячей; приносилъ онъ ко князю Владиміру, клалъ передъ нимъ на дубовый столъ.

Втапору Владиміръ князь стольный, кіевскій

Больно со княгинею возрадовалися.

Говорилъ ему таково слово:

„Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!

Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,

Подобаетъ тебѣ, Чурилъ, въ Кіевѣ жить, князю служить!

Втапору Чурила князя Владиміра не ослушался. И вотъ они въ Кіевѣ; посылаетъ князь Чурилу князей и бояръ въ гости звать къ себѣ, „а зватаго приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ“. Обходя гостей звать, Чурила зашелъ ко старому боярину Бермятѣ Васильевичу, ко его молодой женѣ, къ той Катеринѣ прекрасныя, — „и тутъ онъ позамѣшкался“. Князь Владиміръ то замѣшканье ему ни во что положилъ. Пошло столованье и пированье. Тогда на другой день рано по утру князи и бояри къ заутрени пошли — въ тотъ день выпадала пороша снѣгу бѣлаго — и нашли они свѣ-

жій слѣдъ,—сами они дивуются: „либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай“.

А иные тутъ усмѣхаются, сами говорятъ:
„Звать это не зайка сказалъ, не бѣлъ горностай,
Это шель Чурила Пленковичъ
Къ старому боярину Бермятъ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ Катеринѣ прекрасныя.“

Чурила Пленковичъ выдается изъ всего круга Владиміровыхъ богатырей: это самая гуманная личность между ими, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ женщинамъ, которымъ онъ, кажется, посвятилъ всю жизнь свою. И потому въ поэмѣ о немъ нѣтъ ни одного грубаго или пошлаго выраженія; напротивъ, его отношенія къ Катеринѣ прекрасной отличаются какой-то рыцарской граціозностью и означаются болѣе намеками, нежели прямыми словами. Въ первый разъ онъ позамѣшкался у молодой жены стараго Бермяты; во второй разъ тайна его посѣщенія выдается предальской порошею и оглашается не его хвастовствомъ, а рѣчами другихъ, и рѣчами, противъ обыкновенія, умѣренными, даже поэтически-ми. За Чурилу можно поручиться, что онъ не сталъ бы ломаться надъ жертвой своего соблазна, не сталъ бы хвастаться побѣдою во честномъ пиру; тѣмъ болѣе можно поручиться, что онъ не сталъ бы бить женщину по щекамъ или толкать ее пинками — „женскій-де полъ отъ того пухоль бываетъ“. А между тѣмъ онъ не нѣженка, не сантиментальный воздыхатель, а сильный, могучій богатырь, удалой предводитель дружины храброй. Конечно онъ смѣшомъ, когда передъ нимъ, вмѣсто китайскаго зонтика, несутъ подсолнечникъ, чтобъ не загорѣлось отъ солнца его лицо бѣлое; но онъ смѣшонъ граціозно: онъ — женскій угодникъ, который дорожитъ своей наружностью, а не нѣженка запечный, не беззубый и безкоготый левъ нашего времени.

Просимъ читателей вспомнить, что въ поэмѣ о женитьбѣ князя Владиміра вскользь является лицо Ивана Гостинаго Сына. теперь мы познакомимся съ нимъ, какъ съ героемъ осо-

бенной поэмы. Это — представитель другого сословія, всегда столь важнаго въ началѣ гражданскихъ обществъ: хоть онъ не торговецъ, а богатырь, однако онъ явно сынъ купца, силой и храбростью сѣвшій при дворѣ князя Владиміра на богатырское мѣсто.

У князя Владиміра было пированіе — почестный пиръ, а и было столованіе — почестный столъ на многи князи, бояра, на русскіе могучіе богатыри и гости богатые. Будетъ день въ половину дня, будетъ пиръ во полу-пирѣ: Владиміръ князь распотѣшился, по свѣтлой гриднѣ похаживаетъ, таковыя слова поговариваетъ: „Есть ли-де кто въ Кіевѣ таковъ молодець, что похвалился бы на триста жеребцовъ—Кіева изъ бѣжать до Чернигова два девяносто-та мѣрныхъ верстѣ, промежъ обѣдней и заутреней?“

Вызвался Иванъ Гостиный Сынъ и побился о великъ закладъ—не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ, о своей буйной головѣ. Князья, бояре и гости корабельщики держатъ закладъ за Владиміра на сто тысячъ, а за Ивана никто поруки не держитъ: пригодился тутъ владыка черниговскій и держитъ за него поруки крѣпкія на сто тысячей. Выпилъ Иванъ чару зелена вина въ полтора ведра, походилъ онъ на конюшню бѣлодубову ко своему доброму коню бурочкѣ, косматочкѣ, троелеточкѣ, подаль ему во правое копытечко. самъ плачетъ, что рѣка льется. Выслушалъ добрый конь про кручину Ивана и сказалъ ему не печалиться:

„Сива жеребца того не боюсь,
Кологрива жеребца того не блюдусь,
Въ задоръ войду—у Воронка уйду.“

Только велѣлъ онъ своему ласковому хозяину водить себя по три зари, поить сытой медвяной и кормить сорочинскимъ пшеномъ. „А какъ, говорить, придетъ тотъ часъ урочный, ты не сѣдай, Иванъ, меня, добра коня, только берись за шелковъ поводокъ, вздѣнь на себя шубу соболиную, котора шуба въ три тысячи, пуговики въ пять тысячей; а стану, бурка, передомъ ходить, копытами за шубу посалывати, и по черному соболю выхватывати, на всѣ стороны побрасывати,—князи, бояры подивуются, и ты будешь живъ—шу-

бу наживешь, а не будешь живъ — будто нашиваль“. И все было по сказанному, какъ по писанному. Зрявкаетъ бурко по туриному, онъ шипъ пустиль по змѣиному; триста жеребцовъ испужалися, съ княженецкаго двора разбѣжались; сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ, кологривъ жеребецъ тотъ и голову сломилъ, полоненъ Воронко въ Золоту Орду бѣжитъ, онъ хвостъ, поднявъ, самъ всхрапываетъ, а князи, бояры и всѣ люди купецкіе испужалися, окорачъ они по двору наполнилися; а Владиміръ князь со княгинею печаленъ сталъ; кричитъ въ окошко косящатое, чтобы Иванъ уродье увелъ со двора, „за просты поруки крѣпкія, записи всѣ изодрапы“. Втапоры владыко черниговскій на почестномъ пиру у великаго князя велѣлъ захватить три корабля на быстрымъ Днѣпрѣ съ товарами заморскими, — „А князи-де и бояри никуда отъ насъ не уйдутъ“.

Трудно объяснить значеніе этой поэмы иначе, какъ народнымъ апофеозомъ коня — животного, высоко-уважаемаго въ ратномъ дѣлѣ, товарища, сподвижника и друга-ратнику. Странна неустойка князя, отказавшагося платить проигранный закладъ; еще страннѣе нецеремонная раздѣлка съ нимъ со стороны черниговскаго владыки. Не менѣе удивительно и то, что этотъ черниговскій владыко всегда держитъ заклады противъ князя и всѣхъ, за того, закого никто не хочетъ поручиться. Все это должно быть или совсѣмъ безъ значенія, просто сказочная болтовня, или отъ времени потеряны ключъ къ разрѣшенію этихъ вопросовъ.

Теперь пора намъ познакомиться съ знаменитымъ Добрыней Никитичемъ, воспѣтымъ въ трехъ поэмахъ и упоминаемомъ вскользь и прямо еще въ нѣсколькихъ. Онъ и Илья Муромецъ — знаменитѣйшіе богатыри двора Владиміра.

Жилъ въ Рязани богатый гость Никита, живучи-то Никита состарѣлся, состарѣлся — послѣ переставился; его вѣку долгаго осталось житье-быть, богачество, матера жена Амелѣа Тимофѣвна, да чадо милое Добрынюшка Никитичъ младъ.

Присадила его матушка грамотѣ учиться, а грамота Никитѣ въ наукѣ пошла. А будетъ ему двѣнадцать лѣтъ, попросилъ онъ у матушки купаться на Сафатъ-рѣку; она, вдова много-разумная, его Добрыню отпускала, а сама наказывала: „Израй-де рѣка быстрая, а быстрая она, сердитая; не плавай Добрыня, за первую струю, не плавай ты, Никитичъ, за другую струю“. Добрыня не послушался: двѣ-то струи самъ переплылъ, а третья струя подхватила молодца, унесла во пещеры бѣлокаменны. Тутъ, откуда ни возмись, лютый звѣрь—Змѣй Горынчище, самъ приговариваетъ:

„А стары люди пророчили,
Что быть змѣю убитому
Отъ молода Добрынюшки Никитича,
А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ.“

Говоритъ Добрыня: „не честь, хвала молодецкая, на нагое тѣло напущаешься“. Хочетъ змѣй Добрыню огнемъ спалить, хоботомъ ушибить; Добрыня нагребъ въ шапку песку желтаго, и тѣмъ пескомъ змѣю глаза запорошилъ, два хобота ушибъ. Попалась тутъ ему дубина, и онъ, Добрыня, той дубиной змѣя до смерти убилъ. Поплылъ онъ по рѣкѣ и заплылъ въ пещеры бѣлокаменны, въ гнѣздо змѣя, и его милыхъ дѣтушекъ всѣхъ перебилъ, пополамъ перервалъ; нашелъ онъ въ палатахъ змѣя много золота, серебра и свою любимую тетюшку Марью Дивовну. Владиміръ князь о Добрыньѣ больно запечалился — „сидитъ онъ, ничего свѣту не видитъ“, а увидѣлъ Добрыню, скочилъ на ноги рѣзвыя, цѣловалъ его въ уста сахарныя. Бросилась его матушка родимая, хватала за бѣлы руки, цѣловала его воуста сахарныя; стали его выспрашивать, а гдѣ былъ, гдѣ ночевалъ? Послали за тетюшкой, привели ее къ князю во свѣтлу гридню.

Владиміръ князь свѣтель, радощень,
Пошла-то у нихъ пиръ, радость великая,
А для ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимыя—Марьи Дивовны.

Что сказать объ этой поэмѣ? Это какая-то безсвязная болтовня больного похмельемъ воображенія... Тутъ нѣтъ не только мысли — даже смысла. У Добрыни нѣтъ ни лица, ни

характера; это просто—призракъ. Подобная нелѣпица могла бы имѣть значеніе мѣта, еслибъ отъ нея чудовищныхъ образовъ вѣяло фантастическимъ ужасомъ, но въ русскихъ сказкахъ, какъ и во всей народной русской поэзіи фантастическаго элемента почти вовсе нѣтъ. И потому странно слышать, когда человѣкъ, который на міръ смотритъ простыми глазами, не видя въ немъ ничего таинственнаго и необъяснимаго, — странно слышать, когда такой человѣкъ спокойно, безъ увлеченія, безъ экстаза, рассказываетъ несбыточные вещи. Что за тетушка Марья Дивовна была у Добрыни? какъ попала она къ Змѣю Горынычу; что за рѣка Сафатъ, которая черезъ пять строкъ превращается въ Израй-рѣку? какъ Владиміръ, живя въ Кіевѣ, могъ знать двѣнадцатилѣтняго Добрыню, жившаго въ небывалой тогда Рязани, и печалиться, что тотъ ушелъ купаться на Сафатъ-рѣку?..

Но вторая поэма о Добрынѣ — одна изъ интереснѣйшихъ поэмъ. Въ ея дикихъ, неопредѣленныхъ образахъ есть смыслъ и значеніе, если нѣтъ мысли.

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ, у славнаго, сударь, у князя у Владиміра, три года Добрынюшка стольничаль, три года Микитичъ приворотничаль; онъ стольничаль, чашничаль девять лѣтъ, на десятый годъ погулять захотѣлъ по стольному городу по Кіеву. Взявши онъ колчанъ съ калеными стрѣлами, идетъ онъ по широкимъ по улицамъ, по частымъ мелкимъ переулочкамъ; по горницамъ стрѣляетъ воробушковъ, по повалушкамъ стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей. Зашелъ въ улицу Игнатьевскую, въ Марининъ переулокъ; видитъ онъ у Марины у Игнатьевны, на ея высокомъ хорошемъ терему, сидятъ тутъ два сизые голубчика, они цѣлуются, милуются, желты носами обнимаются. Тутъ Добрыня за бѣду стало, будто надъ нимъ насмѣхаются: а спѣла вѣдь тетива у туга лука, взвыла да пошла калена стрѣла. Тутъ надъ Добрыней по грѣхъхъ учинилося, нога его поскользнулась, рука угрогнула, не попалъ онъ въ сизыхъ голубей, попалъ въ окошечко косящето, проломилъ онъ оконницу стекольчатую, отшибъ всѣ причалины серебряныя, расшибъ онъ зеркальцо

стекольчатое; бѣлодубовы столы пошатались, что питья медвяныя всплеснулися. А втапоры Маринѣ безвременье было—она умывалася, снаряжалася; и бросилася она на свой на широкій дворъ: „А кто это невѣжа на дворъ заходилъ? а кто это невѣжа въ окошко стрѣляетъ?“ Брала она Марина слѣды горячіе молодецкіе, клала беремя дровъ бѣлодубовыхъ въ печку муравленную, разжигала ихъ огнемъ палящатымъ, и сама дровамъ приговариваетъ: „Сколь жарко дрова разгораются, а тѣми слѣды молодецкими, разгоралось бы сердце молодецкое, какъ у молода Добрынюшки Никитѣевича“. А и Божье крѣпко, вражье-то лѣпко! Взяло Добрыню пуще остраго ножа, по его сердцу богатырскому, со полуночи Добрынюшкѣ не уснется. По его-то частки великія рано зазвонили ко заутрени; пошелъ Добрыня ко заутрени, прошелъ онъ церкву соборную, зайдетъ ко Маринѣ на широкій дворъ, у высокаго терема подслушаетъ; у молодой Марины вечеринка была; сидѣли тутъ душечки красны дѣвицы и молоденьки молодунки, всѣ тутъ жены молодецкія. Къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ, а стала его Марина въ окошко бранить, ему больно пенять, да завидѣлъ онъ Добрыня змѣя Горынчата—тугъ ему за бѣду стало, за великую досаду показалось. Ухватилъ онъ бревно въ обхватъ толщины и вышибъ имъ двери желѣзныя. Учала Марина Добрыню бранить, а змѣища Горынчища чуть его огнемъ не спалилъ, а и чуть молодца хоботомъ не убилъ, а и самъ тутъ змѣй почаль бранити его, больно пеняти: „Не хочу я звати Добрынею, не хочу величать Никитичемъ, называю те дѣтиной деревенщиной и засельщиной; почто ты, Добрыня, въ окошко стрѣлялъ?“ Вынималъ Добрыня сабельку острую, воздымалъ выше буйной головы своей, грозится змѣя изрубить на мелкія части, туловище разбросать по чистому полю. А и тутъ змѣй Горынчищъ, хвостъ поджавъ, да и вонъ побѣжалъ, взяла страсть, такъ зачалъ.... околыши металъ по три пуда...; бѣгучи онъ змѣй у Марины бывать заклинается: „Есть-де у ней не одинъ другъ, есть лучше меня и повѣжливѣе“. А Марина высунулась по поясъ въ окно въ одной рубашкѣ безъ пояса, змѣя уговариваетъ: „Воротись, милъ надѣжа; воротись, другъ!“ Обѣщаетъ оборотить Добрыню, во что онъ змѣй похочетъ—

клячей водовозной или гнѣдымъ туромъ. И оборотила она Добрыню гнѣдымъ туромъ, пустила далече во чисто поле, а гдѣ-то ходять девять туровъ, девять братаниковъ, что Добрыня имъ будетъ десятый туръ, всѣмъ атаманъ—золотые рога. И нѣту о Добрынѣ слуху шесть мѣсяцевъ, „а по нашему по-сибирскому, словоъ полгода“.

У великаго князя вечеринка была, а на пиру были вдовы честныя, и мать Добрыни, честна вдова Аѳимья Александровна (Амелѳа Тимоѳеевна?!...), а друга честна вдова, молода Анна Ивановна, крестная матушка Добрынина. Промежду собой разговоры говорятъ—все были рѣчи прохладныя. Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна, водилася съ дитятами княженецкими, она больно Марина упивалася, голова на плечахъ не держится. Она больно Марина похваляется: нѣтъ де въ Кіевѣ и хитрѣе, и умнѣе ея, обернула-де она гнѣдыми турами девять богатырей, десятаго Добрыню Никитича. Втапору за то слово изымается честна вдова Аѳимья Александровна; наливала она чару зелена вина, подносила любимой своей кумушкѣ, а сама она за чарой заплакала: „Гой еси ты, любимая кумушка, молода Анна Ивановна! А и выпей чару зелена вина, поминай ты любимаго крестника, а и молода Добрыню Никитича: извела его Марина Игнатьевна, а нынѣ на пиру похваляется“. Проговорить Анна Ивановна: „я-де сама эти рѣчи слышала, а рѣчи ея похваленныя“. А и молода Анна Ивановна выпила чару зелена вина, а Марину она по щекѣ ударила, сшибла съ рѣзвыхъ ногъ и топчетъ ее по бѣлымъ грудямъ, сама она Марину больно бранить. „А и сука ты.... еретница ..! Я де тебя хитрѣя и мудренѣя, сижу я на пиру не хвастаю; а и хошь ли я тебя сукой оберну? А станешь ты, сука, по городу ходить, много за собой псовъ водить: а и женское дѣло прелестивое, переходчивое“.

Марина обернулася касаткой, полетѣла въ чистое поле, сѣла Добрынѣ на правый рогъ, сама она Добрыню уговариваетъ: „Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ, тебѣ чистое поле наскучило и зыбучія болота напрокучили: а и хошь ли, Добрыня, жениться, возьмешь ли, Никитичъ, меня за себя?“ — „А право возьму, ей-Богу возьму, а и дамъ-те, Марина, поученьице, какъ мужья женъ своихъ учать“.

Обернувшись дѣвицей, Марина обернула Добрыню добрымъ молодцомъ; они въ чистомъ полѣ женились, кругъ ракитова куста вѣнчались. Пришедши въ Марининъ теремъ, Добрыня говоритъ: „А и гой еси ты, моя молодая жена, Марина Игнатьевна! У тебя въ высокихъ хоромахъ теремахъ нѣту Спасова образа: некому у тебя помолитися, не за что стѣнамъ поклонитися; а и чай моя острая сабля заржавѣла“. А и сталъ Добрыня свою жену учить, молодую Марину Игнатьевну, еретницу..... безбожницу; онъ первое ученье — ей руку отсѣкъ; самъ приговариваетъ: „эта мнѣ рука не надобна; трепала она, рука, змѣя, Горынчища!“ А второе ученье — ноги ей отсѣкъ: „А и эти-де ноги мнѣ не надобны: оплетались со змѣемъ Горынчищемъ“. А третье ученье — губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь: „А эти-де губы не надобны мнѣ: цѣловали онѣ змѣя Горынчища!“ Четвертое ученье — голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь: „А и эта голова не надобна мнѣ, и этотъ языкъ не надобенъ — зналъ онѣ дѣла еретичныя!“

Какая холодная и ужасная иронія! Сколько въ ней грубаго и нечеловѣческаго! Это не казнь, и постепенное, продолжительное мученье. Здѣсь нѣтъ мгновеннаго порыва страсти, которая разитъ вдругъ какъ молнія: здѣсь долго скрываемое, медленно разгоравшееся чувство мести высказывается сосредоточенно, холодно и медленно. Вдругъ сверкающая и мгновенно-убивающая страсть не въ русской натурѣ: много нужно, чтобъ возбудить въ русскомъ чловѣкѣ страсть, и глухо, медленно разгорается она въ неприступныхъ и сокровенныхъ глубинахъ сердца; зато и не скоро остываетъ, а высказывается съ какой-то ужасающей ледянностью, тяжело у неповоротливо. Отъ нея нѣтъ спасанья — отъ нея нѣтъ пощады. И потому русскій богатырь не торопливъ на мщенье: оно у него не остынетъ отъ сладкаго обѣда, не заснетъ отъ зелена вина; онъ можетъ и покушать, и выспаться, безъ всякаго вліянія на владѣющее имъ чувство. И это чувство проявляется у него грубо и жестоко, какъ у Добрыни Никитича, который казнить злую еретницу Марину. Что такое эта Марина — не мудрено понять; это родная сестра княгини Апраксѣвны,

притомъ старшая сестра, далеко превосходящая ее въ полнотѣ выражаемой ею идеи. Это типъ женщины, живущей внѣ общественныхъ условій, свободно предающейся своимъ страстямъ и склонностямъ. Она въ связи со змѣемъ Горынчатымъ—типомъ русскаго любовника, какъ мы замѣтили выше; но она не должна отличаться излишней вѣрностью своему любовнику: она только больше другихъ любить его. Она умѣетъ и приворожить, и отлучить, и оборотить оборотнемъ. Она предается сама всѣмъ неистовствамъ и помогаетъ другимъ: ея теремъ — пріютъ для всѣхъ веселыхъ людей обоого пола. Она горькая пьяница; она — еретница и безбожница. О граціозности ея нечего и говорить. Но вотъ о чемъ слѣдуетъ замѣтить: Анна Ивановна, крестная мать Добрыни, еще мудренѣя и хитрѣя самой Марины: она и самое Марину можетъ обратить, во что захочетъ. Она — другъ честной вдовы, матери Добрыни; она принимаетъ горячее участіе въ правомъ дѣлѣ; она сидитъ на пиру, не хвастается: по всему этому она — представительница добраго начала, какъ Марина злого; она — добрая, благодѣтельная волшебница, какъ Марина злая и вредная. Но она пьетъ зелено вино; ея слова къ Маринѣ дышатъ площаднымъ цинизмомъ; она бьетъ Марину по щекамъ, валяетъ ее на полъ, топчетъ ногами ея груди бѣлыя, словомъ, она въ граціи ни на волосъ не уступаетъ Маринѣ... Далѣе, изъ другихъ сказокъ, мы увидимъ, что идеаль женщины по русской фантазіи всегда одинъ и тотъ же: это все та же Марина, только въ разныхъ видахъ...

Великій князь на пиру вызываетъ охотника очистить „дороги прямоѣзжія“ до его зятя любимаго, до грозна короля Етмануйла Етмануйловича, вырубить чудь бѣлоглазую, перекрошить сорочину долгополую, а и тѣхъ черкесъ пятигорскихъ, и тѣхъ калмыковъ съ татарами, чукчи всѣ бы и алюторы (лютеране?). Вызвался только одинъ Добрыня Никитичъ. Просилъ онъ у своей матушки благословенья на шестилѣтъ, да еще въ запасъ на двѣнадцать. Мать спрашиваетъ его, на кого онъ покидаетъ свою молодую жену, когда еще не прошли и свадебные дни. „Что же мнѣ дѣлать и

какъ же быть? изъ чего же насъ богатырей князю и жаловати?“ — отвѣчаетъ Добрыня, и наказываетъ своей молодой женѣ, душѣ Настасѣѣ Никулишнѣ, ждать его двѣнадцать лѣтъ, а тамъ, пожалуй, хоть и идти замужъ, за кого похочетъ, а только бы не ходить за его брата названнаго—Алешу Поповича. Добрыня удачно совершилъ свой подвигъ, а между тѣмъ проходитъ шесть лѣтъ, проходитъ и двѣнадцать, и никто на Настасѣѣ не сватается; а посваталъ ее великій князь за Алешу Поповича. Когда ту свадьбу ко вѣнцу повезли, ѣдетъ Добрыня въ Кіевъ; старые люди переговариваютъ: „Знать-де полетка соколиная, видать и поѣздка молодецкая—что быть Добрынѣ Никитичу“. Входитъ онъ въ опустѣлый теремъ, некому его встрѣтить — матушка его старѣхонька Поздоровавшись съ ней онъ спѣшитъ къ великому князю Владиміру отдать отчетъ въ своемъ порученіи. Втапору за то князь похвалилъ: „Исполать тебѣ, добрый молодецъ, что служишь правдой и вѣрой“. Говоритъ тутъ Добрыня Никитичъ младъ: „Гой еси, сударь, мой дядюшка, ласково солнце, Владиміру князь! Не диво Алешѣ Поповичу—диво князю Владиміру; хочетъ у жива мужа жену отнять“. Втапору Настасья засовалася, хочетъ прямо скочить, обезчестить столы; говоритъ Добрыня Никитичъ младъ: „А и ты, душа Настасья Никулишна! прямо не скочи, не безчести столы: будетъ пора, кругомъ обойдешь“. Взялъ за руку ее и вышелъ изъ-за убранныхъ столовъ, извинялся князю Владиміру, да и молодому Алешѣ Поповичу: „Гой еси, мой названный братъ, Алеша Поповичъ младъ! Здравствуй, женившись—да не съ кѣмъ спать!“

Мы еще встрѣтимся съ Добрыней Никитичемъ; но и теперь уже видно, что онъ такое. Это честный и добрый богатырь, ненавистникъ лжи, притворства и хитростей, заклятый врагъ змѣю Горынчату, которому стары люди напророчили погибнуть отъ него, отъ Добрыни. Хотя Алеша и названный братъ Добрынѣ, но Добрыня всегда держитъ камень за пазухой противъ Алеши и не кладетъ ему пальца въ ротъ: такъ противоположенъ его прямой и честный характеръ лукавому и

на всякія пакости способному характеру Поповича. Добрыня по прошествіи двѣнадцати лѣтъ позволяетъ женѣ своей идти за кого ей угодно, кромѣ одного Алеши. Упрекая князя за жену свою, онъ говоритъ: „Не диво Алешѣ Поповичу—диво князю Владиміру: хочетъ у жива мужа жену отнять“. А впрочемъ они—братья названные и взаимно уважаютъ другъ друга въ качествѣ сильныхъ, могучихъ богатырей. Оба эти характера—два разные типа народной фантазіи, представители разныхъ сторонъ народнаго сознанія. Къ дополненію характера Добрыни, мы должны прибавить, что въ немъ есть какая-то простоватость, и хотя въ одной поэмѣ и говорится, что „у Алеши вѣжество не рожденное“, а „у Добрыни вѣжество рожденное и ученое“—однако это должно отнести больше къ честности и добротѣ, чѣмъ къ рыцарской ловкости Добрыни. Никитичъ—нечего грѣха таить—простоватъ и мѣшковатъ—гнетъ дугу не паритъ, переломитъ не тужитъ. Цѣлуются голуби—ему за бѣду становится и за великую досаду учиняется. Хочетъ онъ застрѣлить голубей и попадаетъ въ окно къ Маринѣ. Не для чего-нибудь, а для шутки, его можно назвать русскимъ Аяксомъ Теламонидомъ.

Илья Муромецъ отличается отъ всѣхъ другихъ богатырей. Онъ—старъ человѣкъ, на пирахъ не похваляется, онъ тридцать лѣтъ сидѣлъ сиднемъ, и вся остальная часть жизни его посвящена была на очищеніе проѣзжихъ дорогъ отъ разбойниковъ и разныхъ чудищъ. Это—русскій Геркулесъ. Въ первый разъ онъ является ко Владиміру во время пира. Поднесли ему, Ильѣ, чару зелена вина въ полтора ведра, онъ принялъ ее одной рукой и выпилъ единымъ духомъ. Говорилъ ему ласковый Владиміръ князь: „Ты скажись, молодецъ, какъ именемъ зовутъ, а по имени тебѣ можно мѣсто дать, по изотчеству пожаловати“.—„А ты, ласковый стольный Владиміръ князь! а меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ; и проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую изъ стольнаго города Мурома, изъ того села Корочаева“.—Говорятъ тутъ могучіе богатыри: „А ласково солнце, Владимірѣ князь! Въ очахъ дѣтина завирается, а и гдѣ ему проѣхать дорогой прямоѣзжей, залегла та дорога тридцать лѣтъ отъ того Соловья-разбойника“. Илья говоритъ, что онъ привезъ съ собой

Соловья-разбойника и просить князя выдти на дворъ — посмотреть его „удачи богатырскія“. Когда все вышли, Илья сталъ Соловья уговаривать: „Ты послушай меня, Соловей - разбойникъ младъ! посвисти, Соловей, по - соловьиному; пошипипи, змѣй, по змѣиному; зарявкай, звѣрь, по-туриному — и потѣшишь князя Владиміра“. Послушался Соловей - разбойникъ — накурить онъ бѣды несносныя: князи и бояра и все богатыри могучіе на корачкахъ по двору напозлалися, гостинны кони со двора разбѣжались, а Владиміръ князь едва живъ стоитъ со душой княжной Апраксѣвной: „А и ты гоѣ еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ! Уйми ты Соловья-разбойника, а и эта шутка намъ не надобна“.

Калинъ, царь Золотой Орды, осадилъ Кіевъ; а войска съ нимъ было на сто верстъ. Зачѣмъ мать сыра земля не погнетса, зачѣмъ не разступится? Отъ пару конинаго мѣсяцъ и солнце померкнули. Садился Калинъ на ременчатъ стулъ, писалъ ярлыки скорописчаты — отъ мудрости слово поставлено, посылалъ ко князю Владиміру татарина мѣрой трехъ сажень, голова съ пивной котель въ сорокъ ведеръ, промежь плечами косая сажень; посылалъ его сказать князю, что возьметъ его въ полонъ, Божьи церкви на дымъ пустить. Татаринъ Спасову образу не молится, Владиміру князю не кланяется и въ Кіевъ людей ничѣмъ не зоветъ; бросилъ ярлыки на круглый столъ передъ князя Владиміра, а князь занечалился, глядючи въ ярлыки — заплакалъ свѣтъ; по грѣхамъ надъ княземъ учинилося, богатырей въ Кіевъ не случилось. Втапору Василій-пьяница взбѣжалъ на башню на стрѣльную, беретъ онъ свой тугой лукъ разрывчатый, калену стрѣку переную, наводилъ онъ трубками нѣмецкими, стрѣлялъ онъ въ Калина царя, не попалъ во собаку Калина царя, а попалъ въ зятя его Сартака: угодила стрѣла ему въ правый глазъ и ушибла его до смерти. И тутъ Калину за бѣду стало; послалъ другого татарина къ князю Владиміру, чтобъ выдалъ того виноватаго. Втапору, съ тоя стороны полуденныя, что ясный соколъ въ перелетъ летитъ, какъ бѣлый кречетъ перепархиваетъ, бѣжитъ паленица удалая, старый козакъ Илья Муромецъ. Входитъ онъ во гридню свѣтлую, Спасу со Пречистой молится, бьетъ челомъ князю со княгиней и на все четыре стороны,

а самъ Илья усмѣхается: „Гой еси, сударь Владиміръ князь! Что у тебя за болванъ пришелъ, что за дуракъ неотесанный?“ Князь проситъ Илью пособить ему думушку подумати: сдать ли, не сдать ли Кіевъ градъ, безъ бою, безъ драки великія, безъ того кровопролитія напраснаго. Илья не совѣтуетъ ему печаловаться, а велитъ на Спаса надѣяться, да велитъ ему насыпать мису чиста серебра, другую красна золота, а третью скатнаго жемчуга. Взявъ дары, Муромецъ пошелъ съ татаринѣмъ въ станъ къ царю Калину. А не честно у него Калинъ принялъ золоту казну, самъ побраниваетъ. И тутъ Ильѣ за бѣду стало: „собака проклятый ты, Калинъ царь! отойди съ татарами отъ Кіева, охота ли вамъ, собаки, живымъ быть“. И тутъ Калину за бѣду стало—велѣлъ связать Ильѣ руки бѣлыя чембурами шелковыми; а втапору Ильѣ за бѣду стало: „Собака проклятый ты, Калинъ царь!“ и проч, И тутъ Калину за бѣду стало, и плюетъ Ильѣ во ясны очи: „А русскій людъ всегда хвастливъ, опутанъ весь—будто лысый бѣсъ, еще ли стоитъ передо мной, самъ хвастаетъ“ Илья пожалъ плечами—чембуры лопнули, схватилъ Илья татарина за ноги, который ѣздилъ въ Кіевъ градъ, и зачалъ татаринѣмъ помахивати: куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ, куда отвернетъ—съ переулками, а самъ татарину приговариваетъ: „А и крѣпокъ татаринъ, не ломится, а и жиловать, собака, не изорвется!“ *). Разбѣжались татарскія полчища, воротился Илья ко Калину царю, схватилъ онъ Калина во бѣлыя руки, самъ онъ Калину приговариваетъ: „Вась-то, царей не бьютъ не казнятъ, не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ“. Согнетъ его корчагой, вздымалъ выше буйныя головы своей, ударялъ его о горючъ камень, расшибъ въ крохи..... Достальные татары на побѣгъ бѣгутъ, сами они заклинаяются: „Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву! Не дай Богъ намъ видати русскихъ людей! Неужь-то въ Кіевѣ всѣ таковы, одинъ человекъ всѣхъ татаръ перебилъ?“ Илья Муромецъ пошелъ искать своего товарища, того ли Васькупьяницу, и скоро нашелъ его въ кружалѣ Петровскімъ, привелъ ко князю Владиміру. А пьетъ Илья довольно зелена

*) Новый примѣръ саркастической ироніи русской.

вина съ тѣмъ Васильемъ со пьяницей, и называетъ Илья того пьяницу Василья братомъ названнымъ.

Хотя лицо Васьки-пьяницы является какъ - бы вскользь, мимоходомъ, однако оно столь же, если еще не болѣе, важно, какъ и лица всѣхъ другихъ героевъ народной фантазіи. Знаете ли вы, читатели, что такое Васька-пьяница? Если вы засмѣтаетесь надъ этимъ приложеніемъ къ собственному имени, надъ этимъ тривіальнымъ и безнравственнымъ прозвищемъ пьяницы, если оно покажется вамъ смѣшнымъ или пошлымъ. — вы не понимаете глубоко-миѳическаго значенія Васьки. . Этотъ Васька—любимое дитя народнаго сознанія, народной фантазіи; это не олицетвореніе слабости или порока, въ поученіе и назиданіе другихъ; это, напротивъ, похвальба слабостью, какъ удалствомъ и молодечествомъ, апоѳеоза порока, о которомъ идетъ рѣчь. Общественная нравственность древней Руси исключила пьянство изъ числа пороковъ; сознаніе цѣлаго народа дало характеръ неоспоримой законности этому дикому наслажденію. Русскій человѣкъ пьетъ и съ горя, пьетъ и съ радости; и передъ дѣломъ, чтобы дѣло лучше шло, и послѣ дѣла, чтобы отдыхъ былъ веселѣе; и передъ опасностью, чтобы море было по колѣно, и послѣ опасности, чтобы заносчивѣе можно было похвастаться ею. Оттого въ старину на Руси почти всѣ богатыри, умники, грамотники, искусники, художники, мастера были отъявленными пьяницами. У русскаго человѣка много пословицъ въ пользу пьянства: „пьяный проспится, дуракъ никогда“; „пьяному море по колѣно“; „пьянъ да уменъ — два угодыя въ немъ“, и т. п. Кружало—это турниръ, балъ русскаго человѣка. Великій князь Владиміръ, какъ говоритъ преданіе, отвергъ вѣру жидовъ и могометанъ, потому что „пити есть веселіе Руси“. Въ нашемъ простонародьи и теперь всѣ пьютъ — и старики, и юноши, и женщины, и дѣти. У насъ пьянаго на улицѣ не оберутъ, не прибьютъ, но бережно обойдутъ. Успѣхи цивилизаціи уже уничтожаютъ у насъ этотъ порокъ, замѣняя сивуху чаемъ, --- и дай Богъ, чтобы онъ скорѣе уничтожился совсѣмъ; но все-таки этотъ порокъ весьма любопытенъ, ибо

русскій человѣкъ не всегда является въ немъ съ одной дурной стороны своей. И виноватъ ли русскій мужичокъ въ томъ, что для него не существуетъ ни театра, ни книги, ни вечеринки (ибо вечеринка только тамъ, гдѣ женщина играетъ первую роль и гдѣ все для нея)? Условія общественнаго быта тутъ много значить: неопредѣленность общественныхъ отношеній и сжатая извнѣ внутренняя сила всегда становятся и народъ, и отдѣльныя лица въ ложное положеніе и порождаютъ ложныя и вредныя средства къ выходу и утѣшенію, и потому пьянство русскаго человѣка не всегда бываетъ только слабостью или порокомъ, но часто признакомъ глухой силы, которая неправильно рвется наружу. Зелено вино, часто бывая причиною промаховъ и неуспѣховъ русскаго человѣка, иногда бываетъ и истиннымъ его вдохновеніемъ. И потому мудрено ли, что русскіе богатыри единымъ духомъ выпиваютъ чару зелена вина въ полтора ведра?... Удивительно ли, что на Руси пьяницы спасали отечество отъ бѣды и допускались къ столу Владиміра Красна Солнышка?... Васька пьяница — это человѣкъ, который знаетъ правило: пей, да дѣло разумѣй; — человѣкъ, который съ вечера повалится на полъ замертво, а встанетъ раньше всѣхъ и службу сослужитъ лучше трезваго. Это — повторяемъ — одинъ изъ главнѣйшихъ героевъ народной фантазіи: оттого-то и Илья Муромецъ съ нимъ выпилъ довольно зелена вина и назвалъ того пьяницу Василья братомъ названнымъ.

Разъ поѣхалъ Илья Муромецъ съ своимъ братомъ названнымъ, Добрыней Никитичемъ, и будутъ они у рѣки Череди, у матушки у Сафать-рѣки, и сказалъ Илья Добрынь, чтобы онъ ѣхалъ за горы высокія, а самъ-де я останусь у Сафать-рѣки. И наѣхалъ Добрыня на бѣлыя шатры; изъ того шатра выходила баба Горынинка, и у нихъ съ Добрыней учинился бой, драка великая; бросали они палицы тяжкія, стали драться рукопашнымъ боемъ. А Илья наѣхалъ по слѣду бродучему на богатыря Збута Бориса Королевича, который въ то время со руки спускалъ ясна [сокола-выжлоку; а увидѣвъ Илью, сказалъ выжлоку, чтобъ летѣлъ, куда хочетъ: теперь-де мнѣ

не до тебя. Збуть Королевичъ угодилъ стрѣлой въ грудь стара казака Илья Муромца, а Илья не бьетъ его палицей тяжкой, не вымаетъ изъ налужка тугой лукъ, изъ колчана калену стрѣлу, не стрѣляетъ онъ Збута Бориса Королевича — его только схватилъ въ бѣлы руки и бросаетъ выше дерева стоячаго. Подхвативъ его на лету, положилъ его на сыру землю и сталъ спрашивать о дядинѣ, отчинѣ. „Кабы у тебя на грудяхъ сидѣлъ, я споролъ бы тебѣ, старому, груди бѣлыя“, сказалъ Збуть. И до того его Илья билъ, пока всю правду сказалъ: „Я того короля задонскаго“. А втапору заплакалъ Илья Муромецъ, гляючи на свое дитя милое. Приѣхавъ домой, Збудъ Борисъ Королевичъ разсказалъ свою удачу матушкѣ. А втапору его матушка разилася о сыру землю, и не можетъ во слезахъ слово молвити: „Зачѣмъ ты на Илью напущался, а надо бы тебя ему поклониться о праву руку до сырой земли: онъ по роду тебѣ батюшка, старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ“. Поѣхалъ Илья искать своего брата названнаго, Добрыню Никитича: и дерется онъ съ бабой Горынинкой — едва душа его въ тѣлѣ полуднуетъ. Говоритъ ему Илья Муромецъ: „Не умѣешь ты, Добрыня, съ бабой драться: а бей ты бабу....по щекѣ..... а женской полѣ оттого пухоль“. А и втапору она баба покорилася, говоритъ она баба таковы слова: „Не ты меня побилъ, Добрыня Никитичъ младъ: побилъ меня старый казакъ Илья Муромецъ единымъ словомъ“. Добрыня соскочилъ ей бѣлы груди пороть чингалищемъ булатнымъ; молится баба Горынинка Ильѣ Муромцу, обѣщаетъ много злата, серебра и повела ихъ въ погреба глубокіе, они сами богатыри дивуются; оглянувшись Илья Муромецъ во тѣ раздолья широкія — молодой Добрыня Никитичъ младъ втапору бабѣ голову срубилъ.

Изъ этой сказки видно, что Илья Муромецъ былъ сильнѣе всѣхъ богатырей, и самага Добрыни, и что хотя онъ съ дамами обращался въ духѣ русскаго рыцарства, однако не чуждъ былъ и любовныхъ похожденій. Добрыня тутъ является въ неизмѣнномъ своемъ характерѣ — заклятаго врага всѣхъ

Горынчатовъ и Горынинковъ, мужеска и женска пола; но что за баба Горынинка—Богъ вѣсть! Вообще это одна изъ самыхъ нескладныхъ и дикихъ сказокъ. Последняя сказка объ Ильѣ Муромцѣ „Станишники“ сбивается своимъ содержаніемъ на его приключеніе съ Соловьемъ-разбойникомъ. На него напали разбойники, а онъ вмѣсто ихъ выстрѣлилъ въ краковястый дубъ и разбилъ его въ щепы: разбойники со страху попадали, пять часовъ безъ ума лежали, а тамъ будто отъ сна пробуждались: а Сема встаетъ пересемываетъ, а Спирия встаетъ, то постыриваетъ,—и всѣ они просятъ его взять ихъ въ свое холопство вѣковѣчное. А Илья говоритъ имъ: „А и гой еси вы, братцы станишники! поѣзжайте отъ меня во чисто поле, скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу, про стараго казака Илью Муромца“.

На пиру у себѣ Владиміръ князь сказалъ Потокъ Михайлу Ивановичу—сослужить службу заочную, съѣздить къ морю синему, на теплыя тихи заводы, настрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ утокъ къ его столу княженецкому, „до любви-де тебя, молодца, пожалую“. Настрѣлявъ птицъ вдоволь, Потокъ хотѣлъ воротиться въ Кіевъ, какъ вдругъ увидѣлъ бѣлую лебедушку: она черезъ перо вся золотая, а головушка у ней увивана краснымъ золотомъ и скатымъ жемчугомъ усажена. Натянулъ онъ свой тугой лукъ—заскрипѣли полосы булатныя и завывли рога у туга лука, а и чуть было спустить калену стрѣлу — провѣщается ему лебедь бѣлая, Авдотьюшка Лиховидьевна: „А ты, Потокъ Михайло Ивановичъ! не стрѣлай ты меня, лебедь бѣлую, нѣ въ кое время пригожуся тебѣ!“ Обернулася она красной дѣвицей, воткнулъ Потокъ копье въ землю, привязалъ къ нему коня, схватилъ дѣвицу за бѣлыя руки и цѣлуетъ ее въ уста сахарныя. Авдотьюшка Лиховидьевна втапору больно его уговаривала: „А ты, Потокъ Михайло Ивановичъ! хотя ты на мнѣ и женишься, и кто изъ насъ прежде умретъ, второму за нимъ живому во гробъ идти“. Согласившись, онъ поѣхалъ къ Кіеву, а она полетѣла, обернувшись лебедушкой. И дивуется Потокъ, что онъ нигдѣ не мѣшкалъ, не стоялъ,

а она опередила его и подъ окошечкомъ косящатымъ сидить. Приѣхавъ къ князю, Потокъ разсказалъ свое похождение и просилъ его сдѣлать для него пиръ свадебный, веселый. Обвѣнчавши Потока съ Авдотьей, попы взяли съ нихъ присягу, кто прежде кого умереть, второму живому во гробъ идти. Черезъ полтора года Авдотья Лиховидьевна съ вечера она расхворалася, ко полуночи разболѣлася, поутру и преставилася. Вырыли могилу глубиной, шириной по двадцати сажень погребли тѣло Авдотино, и тутъ Потокъ Михайло Ивановичъ съ конемъ и со сбруей ратной опустилися въ тое-жъ могилу глубокую, и заворочали потолкомъ дубовымъ, и насыпали песками желтыми, а надъ могилой поставили деревянный крестъ,—только мѣсто оставили веревкѣ одной, которая была привязана къ колоколу соборному. Въ могилѣ для страху Потокъ зажигалъ свѣчи воску яраго, и въ полночь собиралися къ нему всѣ гады змѣиные, а потомъ пришелъ большой змѣй—онъ жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ. А Потокъ не робокъ былъ, саблю схватилъ да змѣю голову отрубилъ, и той головой змѣиной учалъ тѣло Авдотино мазати. Втапору она еретница изъ мертвыхъ пробуждается, Потокъ за веревку схватилъ; и, услышавъ звонъ, пришли и разрыли ихъ, объявили князю Владиміру и тѣмъ попомъ соборнымъ, поновили ихъ святой водой, приказали имъ жить по-старому. Когда Потокъ умеръ, его молодую жену съ нимъ вмѣстѣ зарыли живую, и тутъ имъ стала быть память вѣчная.

Трудно сказать что-нибудь объ этой сказкѣ—такъ чужда она всякой опредѣленности. Всѣ лица и событія ея—миражи: какъ-будто что-то видишь, а между тѣмъ ничего не видишь. Почему Авдотья Лиховидьевна—колдунья, не знаемъ, потому что она ни образъ, ни характеръ. Или всѣ женщины, по понятію нашихъ добрыхъ дѣдовъ, были колдуньи? Потокъ—тоже что-то вродѣ ничего, и вообще вся эта сказка—ничего, изъ котораго ничего и не выжмешь.

Какъ издавеча было изъ Галичѣя, изъ Волынца города изъ

Галичія, выѣзжалъ удача добрый молодецъ, молодой Михайло Казарянинъ, ѣхалъ онъ ко князю Владиміру; спрашивалъ его Владиміръ князь, отколь пріѣхалъ и какъ зовутъ, чтобъ по имени ему и мѣсто дать, по изотчеству пожаловати; наливалъ онъ ему чару зелена вина — не велика мѣра въ полтора ведра, и провѣдываетъ могучаго богатыря, чтобъ выпилъ чару зелена вина и турій рогъ меду сладкаго въ полтора третья. Затѣмъ онъ сдѣлалъ ему такое же порученье, какъ и Потоку Михайлу Пвановичу. Когда онъ возвращался съ настрѣленной дичью ко Владиміру, наѣхалъ въ полѣ сырѣ кряковистый дубъ, на дубу сидитъ тутъ черный воронъ, съ ноги на ноги переступываетъ, онъ правильно перушко поправливаетъ, а и ноги, носъ, — что огонь горять. За бѣду Казарянину показалось, и хочетъ онъ застрѣлить черного ворона, а черный воронъ ему провѣщается — проситъ его не трогати, а велитъ ему ѣхати дальше, а тамъ-де ему богатырю добыча есть. И увидѣлъ Казарянинъ въ полѣ три шатра, стоитъ бесѣда — дорогъ рыбій зубъ, на бесѣдкѣ сидатъ три татарина, три собаки наѣздники, передъ ними ходитъ красна дѣвица, русская дѣвица полоняночка, Марфа Петровична, въ слезахъ не можетъ слово молвити, добрѣ жалобно причитаючи: „О, злосчастная моя буйна голова! Горе-горькое, моя руса коса! а вечоръ тебя матушка расчесывала, расчесывала матушка, заплетала; а сама, дѣвица, знаю, вѣдаю — расплестать будетъ мою русу косу тремъ татаринамъ наѣздникамъ“. Нашъ рыцарь перебилъ татаръ, но съ дѣвицей полоняночкой поступилъ совсѣмъ не по рыцарски: „Повель дѣвицу во бѣль шатерь“; — какъ дѣвица расплатится и скажетъ ему свое имя, что она-де изъ Волинца города, изъ Галичѣя гостиная дочь. Казаринъ узнаетъ въ ней родную сестру свою, взявъ ее съ собой, коней, оружіе и бесѣду татаръ, пріѣхалъ ко князю Владиміру, который и беретъ себѣ всю его добычу, а ему говоритъ: „Исполать тебѣ, добру молодцу, что служишь князю вѣрой и правдой“.

Изъ-за моря, моря синяго, изъ славна Волинца, красна Галичѣя, изъ тоя Карелы богатыя, какъ ясный соколъ вонъ вылетывалъ, какъ-бы бѣлый кречетъ вонъ выпархивалъ, —

выѣзжалъ удача добрый молодецъ, молодой Дюкъ, сынъ Степановичъ, а и конь подъ нимъ какъ бы лютый звѣрь, лютый звѣрь конь — и буръ, косматъ, у коня и грива на лѣву сторону, до сырой земли; онъ самъ на конѣ какъ ясенъ соколъ, крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ; немного съ Дюкомъ живота пошло, что куякъ и панцырь чиста серебра—въ три тысячи, а кольчуга на немъ красна золота—цѣна сорокъ тысячей, а и конь подъ нимъ въ пять тысячей. Почему коню цѣна пять тысячей?—За рѣку онъ броду не спрашиваетъ, которая рѣка цѣла верста пятисотная, онъ скачетъ съ берега на берегъ: потому цѣна коню пять тысячей. Еще съ Дюкомъ живота немного пошло: пошелъ тугой лукъ разрывчатой, а цѣна тому луку три тысячи; потому луку цѣна три тысячи: полосы были серебряны, а рога красна золота, а и тетивочка была шелковая, а бѣлаго шелку щимаханскаго; и колчанъ пошелъ съ нимъ коленныхъ стрѣлъ, а въ колчанѣ было за триста стрѣлъ, всякая стрѣла по десяти рублевъ, а еще есть въ колчанѣ три стрѣлы, а и тѣмъ стрѣламъ цѣны не было: колоты они были изъ трость дерева, строганы въ Новѣгородѣ, клеены онѣ клеемъ осетра рыбы, перены онѣ перьями сиза орла, а сиза орла, орла орловича, а того орла, птицы Камскія,—не тоя-то Камы за синимъ моремъ,—своимъ устьемъ впала въ сине море (т. е. не той Камы, которая есть на землѣ, а той, которой не бывало); а леталъ орелъ надъ синимъ моремъ, а ронялъ онъ перья во сине море, а бѣжали гости корабельщики, собирали перья на синемъ морѣ, вывозили перья на святую Русь, продавали душамъ краснымъ дѣвицамъ: покупала Дюкова матушка перо во сто рублей, во тысячу. Почему тѣ стрѣлки дороги?—потому онѣ дороги, что въ ушахъ поставлено по тирону, по камению, по дорогу самоцвѣтному, а и еще у тѣхъ стрѣлокъ подлѣ ушей перевивано аравитскимъ золотомъ. Ѣздитъ Дюкъ подлѣ синя моря и стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ утокъ; онъ днемъ стрѣляетъ, въ ночи тѣ стрѣлки собираетъ: какъ днемъ-то тѣхъ стрѣлочекъ не видѣти, а въ ночи тѣ стрѣлки что свѣчи горять—свѣчи теплятся воска яраго: потому онѣ, стрѣлки, дороги. Когда Дюкъ вошелъ во гридню Владимірову, всѣ гости вскочили съ

мѣстъ на рѣзвы ноги: смотрятъ на Дюка—сами дивуются. Пошло пированье и столованье. Дюкъ съ тѣми князи и боярами откушалъ калачики крупичаты—онъ верхню корочку отламываетъ, а нижню корочку прочь откидываетъ. А во Кіевѣ былъ щастливъ добръ какъ-бы молодой Чурила, сынъ Пленковичъ—оговорилъ онъ Дюка Степановича: „Что ты, Дюкъ, чѣмъ чванишься?—верхню корочку отламываешь, а нижню прочь откладываетъ“. Говорилъ Дюкъ Степановичъ: „Ой ты, ой еси, Владиміръ князь! въ томъ ты у меня не прогнѣвайся—печки у тебя биты глиняны, а подики кирпичные, а помелечко мочальное въ лохань обмакиваютъ: у меня, Дюка Степановича, у моей сударыни матушки печки были муравлены, а подики мѣдные, помелечко шелково въ сыту медвяную обмакиваютъ; калачикъ съѣшь—больше хочется“.

Эта неслышанная роскошь возбудила въ князѣ желаніе быть въ домѣ у Дюка, и, взявъ съ собой Чурилу и дворъ, онъ поѣхалъ. На крестьянскихъ дворахъ Дюкъ такъ угостилъ Владиміра, что онъ сказалъ ему: „Каково про тебя сказывали, таковъ ты и есть“. Переписывалъ Владиміръ князь Дюковъ домъ, переписывали его четверо сутокъ, а и бумаги не стало. Втапору Дюкъ повелъ гостей къ своей сударынѣ матушкѣ—и ужасается Владиміръ князь, что въ теремахъ хорошо изукрашено. Угостила матушка Дюкова дорогихъ гостей, говорилъ ей ласковый Владиміръ князь: „Исполать тебѣ, честна вдова многоразумная, съ своимъ сыномъ, Дюкомъ Степановымъ! Употчивала меня со всеми гостями, со всеми людьми; хотѣлъ было вашъ и этотъ домъ описывать, да отложилъ все печали на радости“. Втапору честна вдова многоразумная дарила князя своими честными подарками: сорокъ сороковъ черныхъ соболей, вторые сорокъ бурнастыхъ лищицъ, еще сверхъ того каменья самопвѣтными.

То старина, то и дѣянье:
Синему морю на утѣшенье,
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря;
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье!

Эта сказка одна изъ примѣчательнѣйшихъ, особенно по то-

му тону простодушной ироніи, съ какой описывается бѣдность вооруженія и вообще живота, бывшаго съ Дюкомъ,—по этой лукавой скромности, съ какой Дюкъ объясняетъ князу причину, почему онъ ѣстъ у калачиковъ только верхнюю корочку. Эта простодушная иронія есть одинъ изъ основныхъ элементовъ русскаго духа: русскій человѣкъ любитъ похвастаться, но никогда прямо, а всегда обинякомъ, болѣе же всего съ скромнымъ самоуниженіемъ, вродѣ слѣдующаго: „гдѣ-ста намъ, дуракамъ, чай пить“, „что наше за богатство—всего тысячъ сто въ мѣсяцъ получаемъ, да и тѣ съ горемъ пополамъ: не знаемъ де куда класть и прятать“.—Дюкъ богаче князя Владиміра, зато Владиміръ велитъ описывать его имѣніе, и только будучи ужъ слишкомъ употчиванъ, „отлагаетъ всѣ печали на радости“, а матушка Дюка даритъ князю трое сороковъ мѣховъ и каменьевъ самоцвѣтныхъ:—черта чисто восточная!...

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море,
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты дѣпровскіе!

Изъ-за моря, моря синяго, изъ глухоморья зеленаго, отъ славнаго, отъ славнаго города Леденца, оттого-де царя вѣдь заморскаго, выбѣгали, выгребали тридцать кораблей, тридцать кораблей—единъ корабль славнаго гостя богатаго, молодца Соловья сына Будиміровича. Хорошо корабли изукрашены—одинъ корабль получше всѣхъ; у того было сокола у корабля вмѣсто очей было вставлено по дорогому каменю, по яхонту, вмѣсто бровей было прибivano по черному соболю якутскому, и якутскому вѣдь сибирскому; вмѣсто уса было воткнуто два остра копыя мурзамецкія, и два горностая повѣшены, два горностая, два зимніе; у того было сокола у корабля вмѣсто гривы прибivano двѣ лисицы бурнастыя; вмѣсто хвоста повѣшено на томъ было соколѣ кораблѣ два медвѣдя бѣлые заморскіе; носъ, корма по-туриному, бока взведены по звѣриному. На томъ кораблѣ былъ сдѣланъ муравленъ чердакъ, въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ, подернута бесѣда рытымъ бархатомъ; на бесѣдѣ-то си-

дѣлъ Купавъ молодець, молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ; спрашивалъ онъ гостей корабельщиковъ и цѣловальщиковъ любимыхъ, чѣмъ ему князя Владиміра будетъ дарить. (Послѣ мы увидимъ, что они ему присовѣтовали.) Прибѣжали корабли подѣ славной Кіевъ-градъ, якори метали въ Днѣпръ рѣку, сходни бросали на крутъ бережокъ, товарную пошлину платили. Соловей у князя въ гриднѣ и подноситъ ему свои дороги подарочки: сорокъ сороковъ черныхъ соболей, вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ; княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую, недорого камочка—узоръ хитеръ: хитрости Царяграда, мудрости Іерусалима, замыслы Соловья, сына Будиміровича; на златѣ и серебрѣ—не погнѣваться. Князю дары полюбилися, а княгинѣ наипаче того. Говорилъ ласковой Владиміръ князь: „Гой еси ты, богатый гость, Соловей, сынъ Будиміровичъ! займуй дворы княженецкіе, займуй ты боярскіе, займуй ты дворы и дворянскіе“. Соловей ото всего отказывается, а проситъ телько загонъ земли, непаханыя и неораныя, у княженецкой племянницы. у молодой Запавы Путятишной, въ ея зеленомъ саду, въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ, построить ему, Соловью, наряденъ дворъ. Походилъ Соловей на свой червленъ корабль: „Гой еси вы, мои люди работные! берите вы топорики булатные, подите къ Запавѣ во зеленый садъ, постройте мнѣ снаряженъ дворъ, въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ“. Съ вечера, позднимъ поздно, будто дятлы въ дерево пощелкивали, работала его дружина хорабрая, ко полуночи и дворъ поспѣлъ: три терема злаговерховаты, да трои сѣни косящатыя, да трои сѣни рѣшетчатыя. Хорошо въ теремахъ изукрашено: на небѣ солнце—въ теремѣ солнце; на небѣ мѣсяцъ—въ теремѣ мѣсяцъ; на небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды; на небѣ заря—въ теремѣ заря, и вся красота поднебесная. Рано просыпалася Запава, посмотрѣла Запава въ окошечко косящатое, въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,—чудо Запавѣ показалося: „Гой еси, нянюшки и мамушки, красныя сѣнныя дѣвушки! подите-тко, посмотрите-тко, что мнѣ за чудо показалося въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ!“. Отвѣчаютъ ей мамушки и нянюшки и сѣнныя дѣвушки: „счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло“. Бросилася Запава въ терема; у перваго терема послушала: тутъ въ теремѣ щелчить, молчить—

лежить—Соловьева золота казна. Во второмъ теремѣ послушала: по-маленьку говорятъ, все молитвы творять—молится Соловьева матушка со вдовы честны, многоразумными. У третьяго терема послушала: тутъ въ теремѣ музыка гремитъ. Входила Запава въ сѣни косящатыя, отворяла двери на пяту,—больно Запава испугалася, рѣзвы ноги подломилися, чудо въ теремѣ показалось: на небѣ солнце — въ теремѣ солнце и проч. Подломились ея ноженьки рѣзвыя; втапору Соловей онъ догадливъ былъ, бросалъ свои звончаты гусли, подхватывалъ дѣвицу за бѣлы руки, клалъ на кровать слоновыхъ костей, да на тѣ ли перины пуховыя. „Чего де ты, Запава, испугалася? мы де оба на возрастѣ“. — „А и я де дѣвица на выданѣ, пришла де сама за тебя свататься“. Тутъ они и помолвили, цѣловалися, миловалися, золотыми перстнями обмѣнялися. Провѣдавъ про то Соловьева матушка, свадьбу посрочила. „Сѣзди-де за моря синія, и когда-де тамъ расторгнешься, тогда-де на Запавѣ женишься“. Втапору же поѣхалъ и Голый Шапъ Давидъ Поповъ, скоро онъ за морями исторгнется, а скорѣе того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ, приходитъ ко князю съ подарками — принесъ сукно смурое, да крашенину печатную. Втапору его князь о Соловѣ спрашивалъ; отвѣчалъ ему Голый Шапъ, что видѣлъ Соловья въ Леденцѣ городѣ, у того царя заморскаго; Соловей-де въ протоможье попалъ, и зато посаженъ въ тюрьму, а корабли его отобраны на его жъ царское величество. Больно Владиміръ закручинился, скоро вздумалъ о свадьбѣ — что отдать Запаву за Голаго Шапа Давида Попова. Тысяцкій — ласковый Владиміръ князь, свашела — княгиня Апраскѣевна, къ поѣзду—князи и бояре, поѣзжали ко церкви Божіей. Втапору на девяноста корабляхъ прибылъ Соловей во Кіевъ-градъ. Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознавали, приводили его ко княженицкому столу. Сперва говорила Запава Путянишна: „Гой, еси, мой сударь, дядюшка, ласковый, сударь, Владиміръ князь! Тотъ-то мой прежній обрученный женихъ, прямо, сударь, скачу—обезчещу столы“. Говорилъ ей ласковый Владиміръ князь: „Гой еси, ты, Забава Путянишна! а ты прямо не скачи — не безчести столы“. Выпускали ее изъ-за дубовыхъ столовъ, пришла она къ Соловью, поздоровалась, взяла

его за рученьку бѣлую и сѣла съ нимъ на большо мѣсто, а сама она Завава говорила Голому Шапу таково слово: „Здравствуй, женимши, да не съ кѣмъ спать!“ Втапору Владиміръ князь веселъ былъ, а княгиня наипаче того; поднимали пирушку великую.

Разъ на пиру Владиміръ князь сказалъ Ивану Гоудиновичу: „Гой еси, Иванъ ты Гоудинович! а зачѣмъ ты, Иванушка, не женишься?“—Радъ бы, осударь, женился, да негдѣ взять: гдѣ охота брать, за меня не даютъ; а гдѣ-то подаютъ, ту я самъ не беру. Князь велѣлъ ему садиться на ременчатъ стулъ, писать ярлыки скорописчаты о добромъ дѣлѣ, о сватаньѣ, къ Дмитрію, черниговскому гостю богатому. А Владиміръ князь ему руку приложилъ: „А не ты, Иванъ, поѣдешь свататься, сватаюсь я де, Владиміръ князь“. А скоро Иванъ поѣздку чинить по городу Чернигову: два девяноста верстъ переѣхалъ въ два часа. Прочитавъ ярлыкъ Дмитрій гость: „Глупый Иванъ, неразумный Иванъ! гдѣ ты, Иванъ, перво былъ? нынѣ Настасья просватана, душа Дмитревна запоручена въ дальню землю загорскую, за царя Аѳромея Аѳромеевича; за царя отдать — ей царицею слыть, — пановя и улановья всѣ поклонятся, а нѣмецкихъ языковъ счету нѣтъ; за тебя, Иванъ, отдать — холопкой слыть, избы мести заходы скрести“. Тутъ Иванушкѣ на бѣду стало — схватилъ ярлыкъ, да и прямо въ Кіевъ ко Владиміру князю. Тутъ ему князю на бѣду стало, рветъ на главѣ черны кудри свои, бросаетъ о кирпичатъ полъ: „Гой еси, Иванъ Гоудинович! возьми ты у меня, князя, сто человекъ русскихъ могучихъ богатырей, у княгини ты бери другое сто, у себя, Иванъ, третье сто; поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ: честию не дастъ, ты и силой бери“. Выпала пороша—поѣхалъ Иванъ съ дружиной на три звѣринны слѣда: сто человекъ посылалъ за гнѣдымъ туромъ; другое сто — за лютымъ звѣремъ, а третье сто—за дикимъ вепремъ; велѣлъ изымать ихъ бережно—безъ тоя раны кровавыя, и привести ихъ въ Кіевъ градъ; а самъ онъ, Иванъ, поѣхалъ одинъ въ Черниговъ градъ. У Димитрія гостя богатаго сидятъ мурзы, улановья, по нашему си-

бирскому дружки словутъ, привезли они отъ царя платье цвѣтное на душку Настасью Дмитревну; а самъ онъ царь Афромей отъ Чернигова въ трехъ верстахъ стоитъ и съ нимъ силы три тысячи. Взялъ Иванушка Годиновичъ душку Настасью изъ-за занавѣсу бѣлаго за руку бѣлую, потащилъ онъ Настасью—лишь туфли звенятъ. Возговоритъ ему Димитрій гость: „Гой еси, ты, Иванушка Годиновичъ! суженое пересуживаетъ, ряженое переряживаетъ; можно тебѣ взять не гордостью—веселымъ пиркомъ, свадебкой“. — „Не могъ ты честию мнѣ отдать—нонѣ беру и не кланяюсь“. — Посадилъ Настасью съ собой на добра коня, переѣхалъ онъ девяносто верстъ и поставилъ тутъ свой бѣлъ шатеръ, изволилъ онъ, Иванъ, съ Настасьей опочивъ держать. Пересказали царю мурзы и улановья телячьимъ языкомъ вѣсточку нерадостную, а и тутъ царь закричалъ, заревѣлъ зычнымъ голосомъ; Иванъ предложилъ царю бороться — кому Настасья достанется. Согнетъ онъ царя корчагою, опустилъ на сыру землю—царь лежитъ, свѣту не видитъ. Отошелъ Иванъ за кустикъ.....; а царь пропищалъ: „Думай, Настасья, не продумайся; за царемъ за мной быть — царицей слыть; за Иваномъ быть — холопкой слыть, избы мести, заходы скрести“. А и снова борьба начинается—втапору Настасья Ивана за ноги изловила—тутъ его двое и осилили. Привязалъ его царь за руки бѣлыя ко сыру дубу, сталъ съ Настасьей поигрывать, а назолу даетъ ему молодому Ивану Годиновичу. По его было талану добра молодца, прибѣжала перва высылка изъ Кіева, они срѣзали чембуры шелковые, его Ивана опрастывали. Говорилъ тутъ Иванушка Годиновичъ: „А и гой еси, дружина храбрая! Ихъ-то царей не бьютъ, не казнятъ, не бьютъ и не вѣшаютъ: поведите его ко городу Кіеву, ко великому князю Владиміру“. А самъ онъ Иванъ остался во бѣломъ шатрѣ, сталъ жену учить. (Поученіе Ивана есть повтореніе того, которое Добрыня дѣлалъ Маринѣ, съ слѣдующей разницею въ концѣ: „и этотъ языкъ мнѣ не надобенъ—говорилъ онъ съ царемъ невѣрнымъ и сдавался на его слова прелестныя“.) Пріѣхавъ къ князю, Иванъ благодаритъ его за милость великую, что женилъ его на душкѣ Настасѣѣ Дмитревнѣ. Услышавъ отъ Ивана о поученіи, втапору князь веселъ сталъ, отпускалъ

Вахромей царя, своего подданника, въ его землю загорскую: только его увидѣли, что обернется гнѣдымъ туромъ, поскакалъ далече въ чисто поле къ силѣ своей.

На пиру у князя Владиміра пригодились тутъ двѣ честныя вдовы—Чесовая жена и Блудова жена — обѣ жены богатыя, богатыя жены дворянскія. Промежу собой сидятъ, за прохладъ говорятъ. Сватала Блудова жена сына своего Гордена за дочь Чесовой жены, Авдотью Чесовичну. Втапоры Авдотья Чесовична (мать) осердилася, била ее по щекѣ, таскала по полу кирпичету, и при всемъ народѣ, при бесѣдѣ, вдову опозорила, и весь народъ тому смѣялися. Скоро пошла вдова Блудова ко своему двору; а идетъ она шатается; выбѣжалъ къ ней за ворота широкія Горденъ сынъ Блудовичъ; поклонился матушкѣ въ праву ногу: „Гой еси, матушка! что ты, сударыня, идешь закручинилася? Али мѣсто тебѣ было не по отчинѣ? али чарой зеленымъ виномъ обносили тебя?“ Авдотья Блудова жалобу приносить сыну своему Гордену Блудовичу; молодой Горденъ укладъ спать свою родимую матушку: втапоры она была пьяная. И пошелъ Горденъ на дворъ къ Чесовой женѣ, сжималъ песку горсть цѣлую, бросилъ онъ по высокому терему, гдѣ сидитъ молода Авдотья Чесовична — полтерема сшибъ, виноградъ подавилъ. Втапоры Авдотья Чесовична бросилась будто бѣшеная изъ высокаго терема, пробѣжала мимо Гордена, ничего не говоря, на княженецкій дворъ своей родимой матушкѣ жаловатися. Втапоры пошелъ туда же и Горденъ—разсматривать вдову Чесову жену. Вдовины ребята съ нимъ ваздорили, взяли Гордена пощипывати, надѣячись на свою родимую матушку. Горденъ имъ взмолился: „Не троните меня молодцы! а меня вамъ убить, не корысть получить!“ Они не послушались, онъ ихъ всѣхъ перебилъ, а было ихъ пять человекъ. Вдова Чесова посылала еще своихъ четырехъ сыновей убить Гордена, и только одинъ хотѣлъ было ударить его по уху—Горденъ вертокъ былъ: того онъ ударилъ о землю и до смерти ушибъ, а также и остальныхъ троихъ. Взялъ онъ, Горденъ, Авдотью Чесовичну за руки бѣлныя, да и повелъ ко Божьей

церкви вѣнчаться; а поутру столъ собралъ, позвалъ князя со княгиней и молодую свою тещу, Авдотью Чесову жену.

Втапору было Чесова жена загордилася, нехотя идти къ своему зятю; тутъ Владиміръ князь стольный кіевскій и со княгиней стали ее уговаривати, чтобъ она то больше не кручинилася, не кручинилася и не гнѣвалася, — и она тутъ ихъ послушалася, пришла къ зятю на веселый пиръ, стала пити, ясти, прохладжидатися.

Былъ пиръ у князя Владиміра. Князи и бояра пьютъ, ѣдятъ, потѣшаются, и великимъ княземъ похваляются; и только изъ нихъ одинъ бояринъ Ставръ Годиновичъ не пьетъ, не ѣстъ и при всей братьи не хвастаетъ, только наединѣ съ товарищемъ таковы рѣчи сказываетъ: „Что это за крѣпость въ Кіевѣ, у великаго князя Владиміра? У меня-де, Ставра боярина, широкій дворъ не хуже города Кіева, а дворъ у меня на семи верстахъ, а гридни, свѣтлицы бѣлодубовы, покрыты гридни сѣдымъ бобромъ, потолокъ во гридняхъ черныхъ соболей, полъ, середа одного серебра, крюки да пробои по булату злачены“. Слуги вѣрные донесли о томъ князю Владиміру: приказалъ князь сковать Ставра боярина, посадить въ погреба глубокіе, дворъ его запечатати и молодую жену его взять ко двору. Перепала вѣсть нерадошна молодой женѣ Ставровой: скоро она наряжается и скоро убирается: скидывала съ себя волосы женскіе, надѣвала кудри черные, а на ноги сапоги зеленъ сафьянъ, и надѣвала платье богатое, богатое платье посольское, и называлась грознымъ посломъ, Васильемъ Ивановичемъ, а и будто изъ дальней орды, золотой земли; отъ грозна короля Етмануйла Етмануйловича — братъ съ князя Владиміра дани невыплаты, не много не мало за двѣнадцать лѣтъ, за всякій годъ по три тысячи. А и тутъ больно князь запечалился: кидался, метался, то улицы метутъ, ельникъ ставили, передъ воротами ждуть посла. Вывела княгиня князя за собой и во тѣ во подвалы, погреба, молвила словечко тихонько: „не о чемъ ты, осударь, не печалуйся; а не быть тому грозному послу Василью Ивановичу — быть Ставровой молодой женѣ Васи-

лисѣ Микулишиѣ; знаю я примѣты по женскому: она по двору идетъ, будто утка плыветъ, а по горенкѣ идетъ — частенько ступаетъ, а на лавку садится — колѣнки жметъ; а и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки, дюжины изъ перстовъ не вышли всѣ (??)“. Втапоры князь уподчивалъ посла допьяна, хочетъ его провѣдати, вызываетъ его боротися съ семью богатырями, и того посолъ Василій не паясится, вышелъ онъ на дворъ боротися: первому борцу изъ плеча руку выдернетъ, а другому борцу ногу выломить, она третьягохватила поперекъ хребта, ушибла его среди двора. А плюнулъ князь да и прочь пошелъ: „Глупая княгиня, неразумная! у ты волосы долги, умъ коротокъ: называешь ты богатыря женщиной — такого посла у насъ не было еще и видано“. А княгиня стоитъ на своемъ; втапоры князь опять посла провѣдаетъ, вызываетъ его изъ туга лука стрѣлять со своими могучими богатырями. Отъ тѣхъ стрѣлочекъ каленыхъ и отъ той стрѣльбы богатырскія только сырой дубъ шатается, будто отъ погоды сильныя. Посолъ отъ лука отказывался, есть-де у меня лучонко волокитный, съ которымъ я ѣзжу по чисту полю. Кинулися ея добры молодцы, подъ первый рогъ несутъ пять человѣкъ, подъ другой — столько же, а колчанъ каленыхъ стрѣлъ тащить тридцать человѣкъ. Вытягивала она лугъ за ухо, хлеснетъ по сыру дубу, изломила его въ черенья ножовые, и Владиміръ князь окорачъ напозался, и всѣ тутъ могучіе богатыри встаютъ какъ угорѣлые. Плюнулъ Владиміръ князь, самъ прочь пошелъ, горилъ себѣ таково слово: „Развѣ самъ Василья посла провѣдаю“. Сталъ съ нимъ въ шахматы играть, три заступи заступовали и три заступи посолъ поигралъ, и сталъ требовать дани, выходы, невыплаты. Говоритъ Владиміръ князь: „Изволь меня, посолъ, взять головой съ женой“. Посолъ спросилъ князя: „Нѣтъ ли у тебя, кому въ гусли поиграть?“ Втапоры Владиміръ спохватился, велѣлъ расковать и привести Ставра боярина; втапоры посолъ скочилъ на рѣзвы ноги, посадилъ Ставра противъ себя въ дубову скамью. И зачалъ тутъ Ставръ поигрывать; съигришь съигралъ Царя-града, танцы навелъ Іерусалима, величалъ князя со княгиней, сверхъ того игралъ еврейскій стихъ. Посолъ задремалъ и спать за-

хотѣлъ, отказывался отъ даней, выходовъ и просилъ себѣ только весела молодца, Ставра боярина Годиновича; и поѣхалъ съ нимъ ко Днѣпръ-рѣкѣ, во свой бѣлъ шатеръ, а князь провожалъ его со княгиней. Говорилъ посолъ таково слово: „Пожалуй-де, осударь, Владиміръ князь, посиди до того часу, какъ я выплуся“. Раздѣвался посолъ изъ своего платья посольскаго и убирался въ платье женское, притомъ говорилъ таково слово: „Гой еси, Ставръ весель молодець! какъ ты меня не опознаешь? а доселева мы съ тобой въ свайку игравали, у тебя ли была свайка, серебряная, а у меня кольцо позолоченое, и ты меня ноигрывалъ,—и я тебѣ толды, вселды“. И втапору Ставръ бояринъ догадывается, скидывалъ платье черное, и надѣвалъ на себя посольское, и съ великимъ княземъ и со княгиней прощались, отъѣзжали въ свою землю дальнюю.

Теперь намъ остается проститься съ ласковымъ Владиміромъ, Краснымъ - Солнышкомъ и со княгиней Апраксѣвной; въ поэмѣ, которой содержаніе мы готовимся изложить, они являются въ послѣдній разъ, — Владиміръ мелькомъ, Апраксѣвна — героиней, во всемъ апофеозѣ своей женственности, граціозности и нравственности.

Сорокъ каликъ съ каликою шли на поклоненіе въ Іерусалимъ изъ пустыни Ефимьевы, изъ монастыря Боголюбова, выбрали они себѣ большого атамана молода Касьяна, сына Михайловича, и положили они заповѣдь великую: кто что украдетъ или пустится на женскій соблазнъ, да не скажетъ атаману, того закопать по плеча въ сыру землю и во чистомъ полѣ одного оставить. Подъ Кіевомъ они встрѣтились съ Владиміромъ княземъ, а онъ, князь, охотится во единъ кругъ, клюки, посохи въ землю потыкали, а и сумочки исповѣсили, кричатъ калики зычнымъ голосомъ, дрогнетъ матушка сыра земля, съ деревъ вершины попадали, подъ княземъ конь окорачился, а богатыри съ коней попадали, а Спирия сталъ поспиривати, а Сема сталъ посемивати, они-то ему князю Вла-

диміру поклонилися, прошають у него милостыню великую, а и чѣмъ бы молодцамъ душа спасти. Князь оговариваетъ, что съ нимъ на охотѣ ничего нѣту и посылаетъ ихъ въ Кіевъ градъ, ко душѣ княгинѣ Апраксѣевнѣ; честна роду дочь королевича, напоить, накормить она молодцовъ, надѣлать всѣмъ въ дорогу злата, серебра. Пришли калики, рывкнули, съ теремовъ верхи попадали, а съ горницъ охлопья попадали, въ погребахъ питья всколебалися; становилися во единъ кругъ, прошають милостыню великую у молоды княгини Апраксѣевны. Молода княгиня испужалася, а и больно она перерогнула, звала каликъ во грядни свѣтлыя: молодая княгиня Апраксѣевна поджавъ ручки будто турчаночки, со своими нянюшки и матушки, со красными сѣнными дѣвушки, молодой Касьянъ сынъ Михайловичъ садился на мѣсто большого; отъ лица его молодецкаго, какъ-бы отъ солнышка отъ красного, лучи стоятъ великіе. Послѣ пиру хотятъ они калики во путь идти, а у молодой княгини Апраксѣевны не то на умѣ, не то въ разумѣ: шлетъ она Алешу Поповича атамана ихъ уговаривати, чтобъ не идти имъ сего дня и сего числа; зоветъ онъ Алеша Касьяна Михайловича ко княгинѣ Апраксѣевнѣ на долгіе вечера посидѣти, забавны рѣчи побайти, а сидѣть бы наединѣ въ спальнѣ съ ней. Замутилось его сердце молодецкое — отказалъ онъ Алешѣ Поповичу. На то княгиня осердится, велѣла Алешѣ прорѣзати у Касьяна суму рыта бархата, запихати бы чарочку серебряну. Когда калики ушли, княгиня посылаетъ Алешу въ погонь за ними; у Алешѣ вѣжество нерожденное, онъ сталъ съ каликами задорити, обличаетъ ворами, разбойниками; не давалися калики въ обыскъ ему, поворчалъ Алеша и назадъ поѣхалъ. Втапору Владиміръ князь пріѣхалъ въ Кіевъ градъ, со Добрыней Никитичемъ. Молодая княгиня Апраксѣевна посылала Добрыню Никитича въ погонь за Касьяномъ Михайловичемъ; у Добрыни вѣжество рожденное и ученое — настигъ онъ каликъ въ чистомъ полѣ, вскочилъ съ коня, самъ челомъ бьетъ: „Гой еси, Касьянъ Михайловичъ! не наведи гнѣва на князя Владиміра, прикажи обыскати калики перехожіе, нѣтъ ли промѣжу васъ глупаго“. Нигдѣ-то чарочка не явилася, у молодая Касьяна пригодилася. Закопали атамана по плеча во сыру

землю, едина оставили во чистомъ полѣ. Калики въ путь пошли, а Добрыня въ Кіевъ съ той чаркой серебряной. А съ того время часу захворала скорбью недоброй, слегла княгиня въ великое во гноище. Сходили калики въ Іерусалимъ градъ, святой святынѣ помолилися, Господню гробу приложилися, во Ерданѣ рѣкѣ искупалися, нетлѣнной ризой утиралися. На дорогѣ назадъ увидѣли молода Касьяна; онъ ручкой машеть, голосомъ кричитъ, подаетъ онъ, Касьянъ, ручку правую; а они то къ ручкѣ приложилися, съ нимъ поцѣловалися. Молодой Касьянъ выскакивалъ изъ сырой земли, какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда, а всѣ они молодцы дивуются на его лицо молодецкое, а и кудри на немъ молодецкія до самаго пояса: стоялъ Касьянъ въ землѣ шесть мѣсяцевъ. Пришедши въ Кіевъ, ко дворцу, стоятъ они калики по-тихохоньку. Касьянъ посылаетъ молодчика доложиться князю Владиміру: прикажетъ ли идти намъ пообѣдати; князь послалъ имъ поклонитися и звать ихъ. Касьянъ спрашиваетъ князя о княгинѣ; князь едва рѣчи выговорилъ: „Мы де ужо недѣлю-другу не ходимъ къ ней“. Молодой Касьянъ тому не брезгуетъ, пошелъ со княземъ во спальню къ ней, а и князь идетъ, свой носъ зажалъ, молоду Касьяну то ничто ему, никакого духу онъ не вѣруетъ. Втапору княгиня прощалася, что нанесла рѣчь напрасную. Молодой Касьянъ, сынъ Михайловичъ, а и дунулъ духомъ святымъ своимъ на младую княгиню Апраксѣвну — не стало у ней того духу-пропасти, оградилъ ее святой рукой, прощаетъ ея плоть женскую, захотѣлось ей — пострадала она, лежала въ сраму полгода. Затѣмъ пошелъ пиръ горой, калики въ путь наряжаются, а Владиміръ князь убиваются. Молода княгиня Апраксѣвна вышла изъ кожуха какъ изъ пропасти: тутъ же къ нимъ ко столу пришла, молоду Касьяну поклоняется безъ стыда, безъ сору, а грѣхъ свой на умѣ держитъ. Калики съ Касьяномъ собралися и въ путь пошли до своего монастыря Боголюбова и до пустыни Ефимьевы.

Эта поэма носитъ на себѣ характеръ легенды и замѣчательна по противорѣчію тона первой ея половины съ тономъ

послѣдней: тамъ калики—сущіе сорванцы, „орутъ, рывкають, прошають милостыню“, тутъ они—если неграціозны, мужиковаты, за то кротки и очестливы. Въ Касьянѣ выражена идея человѣка, освятившагося страданіемъ отъ неправаго наказанія; въ его великодушномъ поступкѣ съ Апраксѣвной есть что-то умиряющее душу. Только одна Апраксѣвна осталась въ своемъ прежнемъ характерѣ; молоду Касьяну поклоняется безъ стыда, бесъ сору, а грѣхъ свой на умѣ держитъ...

По саду, саду, по зеленому, ходила, гуляла молода княжна Марѳа Всеславьевна: она съ камени скочила на лютого на змѣя; обвивается лютый змѣй окола чебота зеленъ сафьянъ, около чулочика шелкова, хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну. А втапоры княгиня понось понесла, а понось понесла и дитя родила; и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяць, а въ Кіевѣ родился могучій богатырь, какъ-бы молодой Волхъ Всеславьевичъ: подрожала сыра земля, состряслося славно царство индійское, а и сине море сколебалосъ для ради рожденья богатырскаго, молода Волха Всеславьевича; рыба пошла въ морскую глубину, птица полетѣла высоко въ небеса, туры да олени за горы пошли, зайцы, лисицы по чащицамъ, а волки, медвѣди по ельникамъ, соболи и куницы по островамъ...

Это начало поэмы есть крайняя степень высоты, до какой только достигаетъ наша народная поэзія; это апофеоза богатырскаго рожденія, полная величія, силы и того размашистаго чувства, которому море по колѣно, и которое есть исключительное достояніе русскаго народа. Мы не будемъ пересказывать всей этой поэмы, потому что не найдемъ въ ней, какъ и въ прежнихъ, никакого опредѣленнаго идеала народной фантазіи. Попрежнему это—что-то, сияющее стать образомъ, и все остающееся символомъ, сквозь произвольную и узорочную ткань котораго брезжится, какъ искра во тьмѣ, призракъ мысли, но никакъ не можетъ разгорѣться въ свѣтлое пламя. Волхъ—и богатырь, и колдунъ; оборотившись горностаемъ, онъ сбѣгалъ въ царство индійское—„у тугихъ луковъ тетивки накусываль, у каленыхъ стрѣлъ желѣзцы повывинималъ, у того ружья, вѣдь у огненнаго кремня и

шомполы повыдергалъ, и все онъ въ землю закопывалъ“ *). Обернувшись яснымъ соколомъ, полетѣлъ къ своей дружинѣ хорабрыя, повелъ ее въ царство индѣйское — стѣна стоитъ; Волхъ оборотилъ своихъ молодцовъ мурашиками, велѣлъ имъ всѣхъ поголовно бить въ царствѣ индѣйскомъ, и только на стѣмя оставить по выбору семь тысячей душечки красны дѣвицы. Пришедши къ царю индѣйскому, Салтыку Ставрुльевичу, говорилъ ему таково слово: „А и васъ-то царей не бьютъ, не казнятъ“; ухватя его, ударилъ о кирпичатъ полъ, разшибъ его въ крохи... И тутъ Волхъ самъ царемъ насѣлъ, взявши царицу Азвяковну, молодую Елену Александровну, а и то его дружина хорабрая на тѣхъ дѣвицахъ переженилися.

— — —

Вообще идеалъ русскаго богатыря—физическая сила, торжествующая надъ всѣми препятствіями—даже надъ здравымъ смысломъ. Коли ужъ богатырь—ему все возможно и противъ него ничто не устоитъ; объ стѣну лбомъ ударится—стѣна валится, а на лбу и шишечки нѣтъ. Героизмъ есть первый моментъ пробуждающагося народнаго сознанія жизни; а дикая животная сила, сила желѣзнаго кулака и чугуннаго черепа—первый моментъ народнаго сознанія героизма. Оттого у всѣхъ народовъ богатыри цѣлыхъ быковъ стѣдаютъ, баранами закусываютъ, а бочками сороковыми запиваютъ. Но народъ, въ жизни котораго развивается общее, идетъ далѣе,—и просвѣтлѣніе животной силы чувствомъ долга, правды и доблести есть второй моментъ его сознанія его героизма. Наши народныя пѣснопѣнія остановились на первомъ моментѣ и дальше не пошли. И потому наши богатыри—тѣни, призраки, миражи, а не образы, не характеры, не идеалы опредѣленные. У нихъ нѣтъ никакихъ понятій о доблести и долгѣ, имъ всякая служба хороша, для нихъ всякая удалъ—подвигъ: и цѣлое войско побить, и конемъ потоптать, и единымъ духомъ вышить полтора ведра зелена вина и турій рогъ меду сладкаго въ потретъя ведра, и настрѣлять къ княженецкому столу гусей, бѣлыхъ лебедей, перелетныхъ малыхъ сѣрыхъ

*) Явная прибавка самого собирателя, т. е. Кириши Данилова.

уточекъ, и стольничать. и приворотничать... А между тѣмъ въ этихъ неопредѣленныхъ, дикихъ и безобразныхъ образахъ есть уже начало духовности, которой не доставало только исторической жизни, чтобы возвысится до мысли и возрасти до опредѣленныхъ образовъ, до полныхъ и прозрачныхъ идеаловъ: мы разумѣемъ эту отвагу, эту удалъ, этотъ широкій разметъ души, которому море по колѣно, для котораго и радость, и горе—равно торжество, которое на огнѣ не горитъ, въ водѣ не тонетъ,—этотъ убійственный сарказмъ, эту простодушно язвительную иронию надъ жизнью, надъ собственной и чужой удалю, надъ собственной и чужой бѣдой, эту способность, не торопясь, не задыхаясь, воспользоваться удачей и такъ же точно поплатиться счастьемъ и жизнью, эту несокрушимую мощъ и крѣпость духа, которыя—повторяемъ—есть какъ бы исключительное достоинство русской натуры... Русская поэзія, какъ и русская жизнь (ибо въ народѣ жизнь и поэзія—одно), до Петра Великаго была только тѣломъ, но тѣломъ полнымъ избытка органической жизни, крѣпкимъ, здоровымъ, могучимъ, великимъ, вполне способнымъ, вполне достойнымъ быть сосудомъ необъятно великой души, но—тѣломъ, лишеннымъ этой души, и только ожидающимъ, ищущимъ ея... Петръ вдунулъ въ него душу живу—и замираетъ духъ при мысли о необъятно великой судьбѣ, ожидающей народъ Петра...

Собирался царь Саулъ Леопидовичъ за сине море, въ дальнюю орду, въ Половецку землю—брать дани невыплаты; прощался онъ съ царицей на двѣнадцать лѣтъ, оставлялъ ее черевасту и наказывалъ: буде дочь родится—воспоить, вскормить, замужъ отдать, а любимаго зятя за нимъ послать; а будетъ сынъ родится—воспоить, вскормить и за нимъ послать. Родился у царицы сынъ Константинушко, растетъ не по днямъ, по часамъ, а который ребенокъ двадцати годовъ, онъ Константинушко семи годовъ. Присадила его матушка учиться: скоро ему грамота далася и писать научился. Сталъ онъ, Константинушко, по улицамъ похаживати, сталъ съ ребятами шутку шутить, не по-ребячью, а *творки тво-*

рилъ не по-маленькимъ: котораго возьметъ за руку, изъ плеча тому руку выломить; и котораго задѣнетъ за ногу, по... ногу оторветъ прочь; и котораго хватить поперекъ хребта, тотъ кричитъ, реветъ, окорачь ползетъ, безъ головы домой прійдетъ. Князи, бояра дивуются, и всё купцы богатые, что это у насъ за уродъ растеть?.. Стали на него царицѣ жалобу творить, а царица стала его журить, бранить, а журить бранить, на умъ учить, смиренно жить.

(Онъ спрашиваетъ у матери, есть ли у него батюшка: мать рассказываетъ ему все дѣло; много царевичъ не спрашиваетъ: вышелъ на крылечко, закричалъ коня осѣдлатъ — да и былъ таковъ. На пути онъ перебилъ войско татарское — царя Кунгура Самородовича).

И поѣхалъ Константинушко ко городу Угличу; онъ бѣгаетъ, скачетъ по чисту полю, хоботы метаетъ по темнымъ лѣсамъ, спрашиваетъ себѣ сопротивника, сильна могуча богатыря, съ кѣмъ побиться, подраться и поратиться. А углички мужики были лукавые: городъ Угличъ крѣпко заперли, а сами со стѣны Константинушку обманываютъ: „Гой еси, удалый молодецъ! поѣзжай ты подъ стѣну бѣлокаменну, а и нѣту у насъ царя въ Ордѣ, короля въ Литвѣ; мы тебя поставимъ царемъ въ Орду, королемъ въ Литву“. У Константинушки умокъ молодѣшенекъ, зеленешенекъ — сдавался на ихъ слова прелестныя: подѣзжалъ онъ подъ стѣну; а мужики углички крюки да багры закинули, и его молодца и съ конемъ подымали на стѣну высокую; связали да и засадили въ погреба глубокіе, запирали дверями желѣзными, засыпали хрящомъ пески мелкими. Царь Саулъ воротился въ свое царство Алыберское, узналъ, въ чемъ дѣло, поскакалъ въ Угличъ, а тѣ же мужики Угличи извощики, съ нимъ ѣхавши, рассказываютъ, какого молодца засадили, и примѣтки его повѣдаютъ. Царь упрекаетъ ихъ, что не спросили ни дядины, ни отчины, и посадили въ подвалы глубокіе — а онъ-де у Кунгура не мало силы перебилъ — можно за то вамъ его благодарити и пожаловати. Когда Саулу выдали его сына, онъ спросилъ заплечнаго мастера и приказалъ главныхъ мужиковъ въ Угличѣ казнити и вѣшати. Пріѣхалъ Саулъ съ

сыномъ домой—ни пива у царя варить, ни вина курить, пиръ пошелъ на радостяхъ.

Слѣдующая пѣсня отличается какимъ-то поэтическимъ-унылымъ тономъ. Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что добрый молодецъ, переѣхавъ черезъ рѣку Сомородину, похаялъ ее; рѣка провѣщала ему человѣческимъ голосомъ, какъ бы душой красной дѣвицей, что онъ забылъ на томъ берегу два ножа булатные; когда онъ вновь переправлялся, рѣка Сомородина потопила его, отвѣчая на его мольбы, что не она топить его, молодца безвременнаго, а топить-де тебя похвальба твоя, пагуба. Вотъ начало этой наивной и грустной пѣсни:

„Когда было молодцу пора, время великое, честь, хвала молодецкая: Господь Богъ миловаль, государь царь жаловаль, отецъ, мать молодца у себя во любви держаль, а и родъ, племя на молодца не могутъ на-смотрѣться; сосѣди, ближніе почитаютъ и жалуютъ; друзья и товарищи на совѣтъ съѣзжаются, совѣту совѣтовать, крѣпку думушку думати они про службу царскую и службу воинскую. Скатилась ягодка съ сахарнаго деревца, отломилась вѣточка отъ кудрявыя отъ яблони, отстаютъ добрый молодецъ отъ отца, сынъ отъ матери; а нынѣ ужъ молодцу безвременье великое: Господь Богъ прогнѣвался, государь-царь гнѣвъ возложилъ, отецъ и мать молодца у себя не въ любви держать, а и родъ, племя молодца не могутъ и видѣти; сусѣдъ ближніе не чтутъ не жалуютъ, а друзья, товарищи на совѣтъ не съѣзжаются совѣту совѣтовать, крѣпку думушку думати про службу про царскую и про службу воинскую; а нынѣ уже молодцу кручина великая и печаль не малая. Съ кручины-де молодецъ, со печали великія, пошелъ добрый молодецъ ояъ на свой на конюшенной дворъ, бралъ добрый молодецъ онъ добра коня стоялаго... поѣхалъ доброй молодецъ на чужу, дальну сторону“.

Какъ гармонинуетъ грустное окончаніе этой поэмы съ ея грустнымъ началомъ!..

И вотъ мы кончили весь циклъ собственно богатырскихъ сказокъ, чуждыхъ всякаго историческаго значенія. Теперь намъ слѣдуетъ приступить къ лучшему, благоуханнѣйшему цвѣту народныхъ поэмъ—поэмъ Великаго Новгорода, этого источника русской народности, откуда вышелъ весь бытъ русской жизни. Новгородскихъ поэмъ немного—всего четыре; но эти четыре стоятъ всѣхъ какъ по преимущественно-поэтическому достоинству, такъ и по существенности своего содер-

жанія. Онѣ—ключъ къ объясненію всей народной русской поэзіи, равно какъ и къ объясненію характера быта русскаго.

IV.

Цикль новгородскихъ поэмъ очень не обширенъ: ихъ всего четыре. Двѣ изъ нихъ посвящены одному герою, другія двѣ— другому герою; слѣдовательно четыре поэмы воспѣваютъ только двухъ героевъ. Бѣдность поразительная! Но, вникнувъ въ ихъ духъ и содержаніе, мы увидимъ, что передъ нами бѣдна вся остальная сказочная поэзія; увидимъ міръ новый и особый, служившій источникомъ формъ и самаго духа русской жизни, а слѣдовательно, и русской поэзіи. Новгородъ былъ прототипомъ русской цивилизаціи и вообще формъ общественной и семейной жизни древней Руси. Все это яснѣе можно видѣть изъ новгородскихъ поэмъ; почему и приступаемъ немедленно къ изложенію ихъ содержанія, которое должно снабдить насъ данными для сужденій и выводовъ.

Въ славномъ великомъ Новѣградѣ, а и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ; съ Новымъ городомъ жилъ, не перечился; со мужики новгородскими поперекъ словечка не говаривалъ. Живучи Буслай состарѣлся, состарѣлся и переставился; послѣ его вѣку долгаго оставалось его житье-бытье и все имѣніе дворянское; оставалось чадо милое — молодой сынъ Василій Буслаевичъ. Будетъ Васинька семи годовъ, отдавала матушка родимая учить его во грамотѣ, а грамота ему въ наукъ пошла; присадила перомъ его писать, письмо Василю въ наукъ пошло; отдавала пѣтью учить церковному, пѣтье Василю въ наукъ пошло. А и нѣтъ у насъ такого пѣвца въ славномъ Новѣгородѣ супротивъ Василя Буслаева. Повадился вѣдь Васька Буслаевичъ со пьяницы, со безумницы, съ веселыми, удалыми добры молодцы, допьяна ужъ сталъ напиватися, а и ходя въ городѣ уродуетъ: котораго возьметъ онъ за руку, изъ плеча тому руку выдернетъ; котораго за-

дѣнетъ за ногу, то изъ... ногу выломить, котораго хватить поперекъ хребта, тотъ кричитъ, реветъ, окарачь ползетъ. Пошла-то жалоба великая: а и мужики новгородскіе, посадскіе, богатые, приносили жалобу великую матерой вдовѣ Амелѣ Тимоѣевнѣ на того Василья Буслаева. А и мать то стала его журить, бранить, журить, бранить, его на умъ учить, — журьба Васькѣ не взлюбилася; пошелъ онъ, Васька, въ высокъ теремъ, сѣдился на ременчатъ стулъ, писалъ ярлыки скорописчаты — отъ мудрости слово поставлено; „кто хочетъ ѣсть и пить изъ готоваго, валися къ Васькѣ на широкій дворъ — пей и ѣшь готовое и носи платье разноцвѣтное“. А втапоры поставилъ Васька чанъ среди двора, наливалъ чанъ полонъ зелена вина, опускалъ онъ чару въ полтора ведра. Въ славномъ было во Новѣградѣ, грамотны люди шли, прочитали тѣ ярлыки скорописчаты, пошли къ Васькѣ на широкій дворъ, къ тому чану, зелену вину. Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ: Василій тутъ его опробовалъ — сталъ его бити по буйной головѣ червленнымъ вязомъ во двѣнадцать пудъ: стоитъ тутъ Костя не шевельнется и на буйной головѣ кудри не тряхнутся. И назвалъ Васька его, Костю, своимъ братомъ названнымъ — паче брата родимаго. А и мало время позамѣшавши, пришли Лука и Моисей — дѣти боярскіе, а Василій молодой сынъ Буслевичъ тѣмъ молодцамъ сталъ радошенъ и веселешенекъ. Пришли тутъ мужики Залѣшана (?) — и не смѣлъ Васька показатися къ нимъ. Еще тутъ пришло семь братьевъ Сбродовичи — собиралися, сходилися тридцать молодцовъ безъ единаго, — онъ самъ Василій тридцатый сталъ. Какой зайдетъ — убьютъ его, убьютъ его, за ворота бросать. Послышалъ Васинька у мужиковъ новгородскіихъ канунъ варенъ, пива ячныя; пошелъ Василій съ дружиною, пришелъ во братчину въ Никольщину. „Не малу мы тебѣ сынь (?) платимъ: за всякаго брата по пяти рублевъ“. А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ. А и тотъ-то староста церковный принимаетъ ихъ во братчину въ Никольщину; а и зачали они тутъ канунъ варенъ пить, а тѣ-то пива ячныя.

Васька и его молодцы бросаются на царевъ кабакъ, — и всѣ они возвращаются въ Никольщину добръ пьяны.

А и будетъ день къ вечеру; отъ малаго до стараго, начали ужъ ребята боротися, а въ иномъ кругу въ кулаки бьются; отъ тое борьбы ребячія, отъ того бою отъ кулачнаго началась драка великая; молодой Василій сталъ драку разнимать, а иной дуракъ зашелъ съ носка, его по уху оплёлъ; а и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ: „Гой еси ты, Костя Новоторженинъ, и Лука, Моисей, дѣти боярскіе! уже, Ваську, меня бьютъ“.

Васькины молодцы пошли на выручку: много народу перебили до смерти, больше того переуродовали. Тогда Васька вызываетъ новгородскихъ мужиковъ на великій закладъ: „напускаюсь-де я на весь Новгородъ битися, драться, со всей дружиной храброй“; если возьметъ сторона мужицкая, Васька платитъ мужикамъ дани, выходы, по смерть свою, на всякій годъ по три тысячи; буде же его сторона одолѣетъ—мужики платятъ ему такую же дань. И въ томъ договорѣ руки они подписали. Василій Буслаевъ началъ съ своими молодцами одолѣвать противниковъ; тогда мужики новгородскіе бросились съ дорогими подарками къ Васькиной матушкѣ: „Уйми-де свое чадо милое, Василья Буслаевича“. Тутъ является на сцену совершенно новое и до крайности странное лицо --дѣвушка чернавущка. По приказанію Амелѣы Тимоѣевны, прибѣжала дѣвушка чернавущка, сохватала Ваську за бѣлы руки, притащила его къ матушкѣ на широкій дворъ; а и та старуха не размышлена, посадила его въ погреба глубокіе, затворила дверьми желѣзными, запирала замки булатными. Между тѣмъ дружина Васькина бьется съ утра до вечера — и ей становится ужъ не въ мочь; увидѣвъ дѣвушку чернавущку, подошедшую на Волховъ за водой, молодцы взмолились ей. „Не подай насъ у дѣла ратнаго, у того часу смертнаго“. И тутъ дѣвушка чернавущка бросала сна ведро кленовое, брала коромысло кипарисово, коромысломъ тѣмъ стала она помахивати по тѣмъ мужикамъ новгородскимъ; перебила ужъ много до смерти; и тутъ дѣвка запыхалася, побѣжала къ Василью Буслаеву, срывала замки булатные, отворяла двери желѣзныя: „А и спишь ли, Василій, или такъ лежишь твою дружину храброю мужики новгородскіе всѣхъ перебили, переранили, булавами буйны головы пробиваны“. Ото сна Василій пробуждается,

онъ выскочилъ на широкій дворъ, — не попала палица желѣзная, что попала ось телѣжная, — побѣжалъ Василій по Новогороду, по тѣмъ по широкимъ улицамъ; стоитъ тутъ старецъ пилигримища, на могучихъ плечахъ держитъ колоколь, а вѣсомъ тотъ колоколь во триста пудъ; кричитъ тотъ старецъ пилигримища: „А стой ты, Васька, не попархивай, молодой глуздырь, не полетывай: изъ Волхова воды не выпити, въ Новѣградѣ людей не выбити; есть молодцовъ супротивъ тебя, стоимъ мы, молодцы, не хвастаемъ“. Говорилъ Василій таково слово: „А и гой еси, старецъ пилигримища! а и бился я о великъ закладъ со мужики новгородскими, опричь почестнаго монастыря, опричь тебя, старца пилигримища; во задоръ войду — тебя убью!“ Ударилъ онъ старца въ колоколь, а и той-то осью телѣжной, — качается старецъ, не шевельнется; заглянулъ онъ, Василій старца подъ колоколь, а и во лѣбъ глазъ, ужъ вѣку нѣту! Пошолъ молодецъ по Волхъ рѣкѣ, завидѣли добрые молодцы молода Василья Буслаева, — у ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ думушки прибыло.

Мужики новгородскіе побиты — они покорилися и помирились; насыпали чашу чистаго серебра, а другую чистаго золота; пошли ко двору дворянскому, къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимоѣевнѣ, бьютъ челомъ, покланяются: „Осударыня матушка, принимай ты дороги подарочки, а уйми свое чадо милое, молода Василья со дружиною; а и рады мы платить на всякой годъ по три тысячи, на всякой годъ будемъ носить: съ хлѣбниковъ по хлѣбику, съ калачниковъ — по калачику, съ молодицъ — повѣнечное, съ дѣвицъ повалешное, со всѣхъ людей со ремесленныхъ, опричь поповъ и дьяконовъ“...

Амелѣа Тимоѣевна посылаетъ дѣвушку черनावушку привести Василья съ дружиной; бѣжавши, та дѣвушка запыхалася, нельзя пройти дѣвкѣ по улицѣ, что полтеи (?) по улицѣ валяются тѣхъ мужиковъ новгородскихъ. Прибѣжала дѣвушка черनावушка, сохватила Василья за бѣлы руки, а стала ему рассказывать, что-де мужики новгородскіе принесли къ его матушкѣ дороги подарочки и записи крѣпкія. Повела дѣвка Василья со дружиной на тотъ на широкій дворъ, привела-то ихъ къ зеленой вину, а сѣли они, молодцы, во единѣ

кругъ, выпили вѣдь но чарочкѣ зелена вина, со того уразу молодецкаго отъ мужиковъ новгородскихъ. Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ: „У мота и у пьяницы, у молода Василья Буславича, не упито, не уѣдено, вкраснѣ хорошо не ухожено, а цвѣтного платья не уношено, а увѣчье на вѣкъ залѣчено.—И повелъ ихъ Василій обѣдати къ матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимоѣевнѣ; втапоры мужики новгородскіе приносили Василью подарочки, вдругъ *сто тысячей*, — и затѣмъ у нихъ мірова пошла; а и мужики новгородскіе покорилися и сами поклонилися.

Не говоря уже о томъ, что въ этой поэмѣ очень много — по крайней мѣрѣ сравнительно съ прежними—поэзіи и силы въ выраженіи,—въ ней есть еще не только мысль, но и что-то похожее на идею. Эту поэму должно понимать, какъ міѳическое выраженіе историческаго значенія и гражданственности Новгорода. Исторія Новгорода не могла дать содержанія для чисто-исторической поэмы; или, лучше сказать, государственная идея Новгорода не могла выразиться въ историческо-поэтической формѣ, и по необходимости должна была ограничиться смутными, неопредѣленными и дикими міѳическими полуобразами, очерками и намеками. Точность и опредѣленность — однѣ изъ главнѣйшихъ и необходимѣйшихъ качествъ и условій истинной поэзіи; но эти качества зависятъ отъ одного содержанія: чѣмъ содержаніе существеннѣе, дѣйствительнѣе, субстанціальнѣе, тѣмъ и форма точнѣе и опредѣленнѣе, образы яснѣе, живѣе и полнѣе. Всякая народная поэзія начинается міѳами, но и міѳы могутъ имѣть свою ясность, опредѣленность и такъ сказать, прозрачность; только для этого необходимо, чтобъ выражаемое ими содержаніе было обще-человѣческое и заключало въ себѣ возможность дальнѣйшаго діалектическаго развитія, а слѣдовательно и возможность служить содержаніемъ для поэзіи, развившейся и возросшей до высшей степени своего совершенства—до художественности. Новгородская жизнь была какимъ-то зародышемъ чего-то повидимому важнаго; но она и осталась зародышемъ чего-то: чуждая движенія и развитія, она кончилась тѣмъ же, чѣмъ и

началась—чѣмъ-то; а что-то никогда не можетъ дать опредѣленнаго содержанія для поэзіи и по необходимости должно ограничиться миѳическими и аллегорическими полуобразами и намеками. Новгородъ вѣроятно былъ колоніей южной Руси, которая была первоначальной и коренной Русью. Колоніи народовъ, находящихся на низкой степени гражданственности, всегда бываютъ цивилизованнѣе своихъ метрополій; онѣ состояются изъ самой предпріимчивой части народа, которая, переселившись на новую почву и подъ новое небо, по неволѣ отрѣшается отъ ограниченности прежняго быта, открываетъ новые источники жизни, указываемые новой страной, и, удерживая много отъ духа прежней родины, много и измѣняетъ въ своемъ характерѣ. Почва Новгорода бѣдная, болотистая, климатъ холодный; это обстоятельство, въ соединеніи съ сосѣдствомъ нѣмцевъ, и направило поневолѣ дѣятельность новгородцевъ на торговлю: по невозможности быть земледѣльцами, они оторвались отъ общаго славянскаго быта и сдѣлались купцами; сосѣдство же съ нѣмцами еще болѣе способствовало развитію ихъ предпріимчивости. Но, сдѣлавшись купеческимъ городомъ, Новгородъ не сдѣлался ни Венеціей, ни Амстердамомъ и ни однимъ изъ ганзеатическихъ городовъ, съ которыми онъ торговалъ. Равнымъ образомъ новгородцы, сдѣлавшись купцами, отнюдь не сдѣлались гражданами правильно организованной республики: у нихъ не было опредѣленнаго раздѣленія классовъ, не было ни малѣйшаго понятія о правѣ личномъ, общественномъ и торговомъ. Тамъ всѣ были купцами случайно, и торговали на авось да на удачу, по азіатски. Духъ европеизма всему опредѣлялъ значеніе, всему указывалъ мѣсто, все силился освободить отъ случайности и подвести подъ общія, неизмѣнныя и опредѣленные условія необходимости, все подчинялъ системѣ, ремесло возвышалъ до искусства, изъ искусства дѣлалъ науку. Ничего этого не было и тѣни въ основахъ новгородской гражданственности. Внѣшнія обстоятельства были причиной ея возникновенія: внѣшнія обстоятельства и dokonчили ея. Бесиліе разъединенной Руси дало Новгороду укрѣпиться; а соединеніе Руси въ одну державу, безъ борьбы и особенныхъ усилій, ниспровергло его. И еслибъ Москва допустила существованіе Новгорода,—онъ палъ бы

самъ собой и сталъ бы легкой добычей Польши или Швеціи. Что не развивается, то не живетъ, а что не живетъ, то умираетъ: таковъ общій законъ всѣхъ гражданскихъ обществъ. Въ Новгородѣ не было зерна жизни, не было развитія, а потому, повторяемъ, изъ него ничего не могло выйти, и онъ никогда не былъ органически-историческимъ обществомъ, у котораго бы могла быть исторія, а слѣдовательно и поэзія.

Но съ другой стороны нельзя не признать Новгорода весьма примѣчательнымъ явленіемъ, имѣвшимъ важное вліяніе даже на Московское царство. Торговля родила въ Новгородѣ богатство, богатство породило духъ какого-то самодовольствія, приволья, удалства, отваги, молодечества. Вслѣдствіе этого въ Новгородѣ образовался родъ какой-то странной и оригинальной гражданственности; явилась аристократія богатства, съ особенными формами жизни, своимъ церемоналомъ, своими общественными нравами и обычаями, своей общественной и семейной нравственностью. Все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлалось типомъ русскаго быта. Новгородъ былъ богатъ, силенъ и славенъ на Руси въ то время, когда Русь была бѣдна и безсильна, когда въ ней не было никакой общности, никакой гражданственности, когда въ ней было не до прохлады, не до роскоши, не до удалства и разгула: ее терзали сперва междоусобія, потомъ — татары. Теперь очень понятно, что Новгородъ для тогдашней Руси былъ тѣмъ же, чѣмъ теперь Парижъ для Европы. Новгородъ былъ городомъ аристократіи, въ смыслѣ сословія, которое много имѣя денегъ, много и тратило ихъ на свои прихоти: аристократія безъ денегъ нигдѣ и никогда не бывала, а если выскочекъ называютъ мѣщанами въ дворянствѣ, то бѣдныхъ аристократовъ должно называть дворянами въ мѣщанствѣ. Богатство родитъ множество нуждъ и прихотей, страсть къ удобству и уваженію къ приличію, и если оно не въ состояніи возвысить душу, отъ природы низкую, всегда можетъ смягчить внѣшнюю грубость, дать душѣ большій просторъ и полетъ въ сферѣ житейскаго и общественнаго образованія, потому что богатство освобождаетъ человѣка отъ низкихъ нуждъ, заботъ и работъ жизни. И потому, мы думаемъ, что русскій этикетъ, свадебные и другіе обряды образовались

первоначально въ Новѣгородѣ и оттуда вмѣстѣ съ венеціанскими и нѣмецкими товарами разлились и распространились по всей Руси. Мы здѣсь разумѣемъ собственно сѣверную Русь, бѣдную и грубую, центромъ которой былъ сперва Владиміръ на Клязьмѣ, а послѣ Москва. Сѣверная Русь рѣзко отдѣлилась отъ южной, превратившейся впослѣдствіи въ Малороссію; Червонная русь, болѣе близкая къ Кіевско-Черниговской, также не имѣла ничего общаго съ сѣверной. Явно, что типъ общественнаго быта сѣверной Руси образовался и развился въ Новѣгородѣ. Лучшимъ доказательствомъ этому могутъ служить всѣ поэмы, въ которыхъ упоминается о великомъ князѣ Владиміръ, и которыя мы разбирали въ предыдущей статьѣ: въ нихъ нѣтъ ничего, принадлежащаго и свойственнаго южно-русской поэзіи, въ нихъ нѣтъ ничего общаго ни въ изобрѣтеніи, ни въ колоритѣ съ „Словомъ о Полку Игоревѣ“. Напротивъ, въ нихъ все новгородское: и изобрѣтеніе, и выраженіе, и тонъ, и колоритъ, и замашка, и наконецъ эти герои и богатыри изъ купцовъ, какъ Иванъ Гостинный сынъ и другіе. „Василій Буслаевъ“ — явно новгородская поэма, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но, сличивши эту поэму со всѣмъ цикломъ богатырскихъ сказокъ временъ Владиміра, — нельзя не увидѣть, что всѣ онѣ какъ будто бы сочинены однимъ и тѣмъ же лицомъ. Это показываетъ, что всѣ онѣ дѣйствительно сложены въ Новгородѣ, — и богатырскія сказки о Владиміръ Красномъ Солнышкѣ были не чѣмъ инымъ, какъ воспоминаніемъ новгородца о своей прежней родинѣ. Измѣнившись и выродившись, изъ земледѣльца или ратника южной Руси ставъ новгородскимъ купчиною, новгородецъ воскресилъ смутныя преданія о первобытной родинѣ по идеалу современнаго ему быта своей новой, настоящей отчизны. И потому изъ преданія онъ взялъ одни имена и нѣкоторые смутные образцы, — и Владиміръ Красно-Солнышко является у него такимъ же смутнымъ воспоминаніемъ, какъ и Дунай сынъ Ивановичъ, берега котораго тоже были нѣкогда его отчизной. Но Дунай и остался въ его пѣсняхъ миѣическимъ воспоминаніемъ; а Владиміръ великій князь Кіевскій стольный превратился, въ поэмахъ новгородца, въ какого-то купчину, гостя богатаго, и по рѣчамъ, и по ма-

нерамъ, и по складу ума. Отъ того же и княгиня Апраксѣевна, равно какъ и всѣ героини Киршевыхъ поэмъ, такъ похожи на купчихъ: ихъ иначе и нельзя представить, какъ въ жемчугахъ, съ повязанными головами, разбѣленныхъ, нарумяненныхъ, съ черными зубами и съ чарами зелена вина въ рукахъ; „онѣ по двору идутъ—будто уточки плывутъ, а по горенкѣ идутъ—частенько ступаютъ, а на лавицу садятся—колѣнцо жмутъ,—а и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки, дюжина изъ перстовъ не вышли всѣ“.

Но не по одному этому влиянію на Русь замѣчателенъ Новгородъ: онъ и самъ по себѣ есть интересное явленіе съ своимъ меньшимъ братомъ, Псковомъ. Это какой-то неразвившійся, но большой зародышъ чего-то, какая-то неудавшаяся, но размашистая попытка на что-то. По преобладанію восточнаго элемента, всѣ славянскіе народы являли собою одни зачатки жизни, которымъ не суждено было развиваться изъ самихъ себя во что-нибудь дѣйствительное и опредѣленное собственной самодѣятельностью, не принявъ въ себя обще-человѣческихъ элементовъ европейскаго духа. Повторяемъ: Новгородъ былъ не республикой, а скорѣе карикатурой на республику. Ничѣмъ нельзя такъ хорошо охарактеризовать Новагорода, какъ его же собственнымъ прозваніемъ, простодушнымъ и безсознательнымъ, но мѣткимъ и вѣрнымъ: новгородская вольница. Гдѣ нѣтъ права и закона, нѣтъ развившихся изъ жизни государственныхъ постановленій—тамъ нѣтъ и свободы, нѣтъ гражданъ, а есть вольность и вольница, которая, въ отношеніи къ личной безопасности и независимости членовъ общества, ничѣмъ не лучше азіатскаго деспотизма, если еще не хуже. Извѣстно, что вѣче „великаго господина Новгорода“ часто оканчивалось кровавымъ самоуправствомъ невѣжественной черни, а спокойствіе города нерѣдко нарушалось самыми бессмысленными мятежами. Въ Новгородѣ не было представительности: толпа невѣжественная и дикая безусловно владычествовала на вѣчѣ; но Новгородъ былъ богатъ и зналъ это; новгородцы были полны отваги и удали, и говорили: „Кто противъ Бога и великаго Новагорода?“ Святая Софія была покровительницей, и въ ея храмѣ хранилась грамота Ярослава. Новгородцы

по своему любили Новгородъ и гордились имъ. Вѣчевой колоколь — символъ ихъ политическаго значенія, былъ для нихъ дорогъ, и рыдая провожали они его въ Москву.

Новгородъ не былъ государствомъ, но въ немъ были зачатки государственной жизни, — и потому онъ былъ явленіемъ неопредѣленнымъ, страннымъ, чѣмъ-то и въ тоже время ничѣмъ; это былъ инфузорій государственной жизни, но не государство. Проблескивало въ его жизни что-то и размахистое, и грандіозное, но только проблескивало и, мгновенно поразивъ зрѣніе, тотчасъ же исчезало, подобно миражамъ и блуждающимъ огнямъ.

Такова была историческая дѣйствительность Новагорода; такова и его поэзія: никакія лѣтописи, никакія историческія изысканія не могутъ такъ вѣрно выразить смутнаго его существованія, какъ его поэзія. Начнемъ съ „Василья Буслаева“: это — апоѳеоза Новагорода, столь же поэтическая, удаляя, размахистая, сильная, могучая и столь же неопредѣленная, дикая, безобразная, какъ и онъ самъ. Съ самаго начала поэмы вы видите существованіе въ Новѣгородѣ двухъ сословій — аристократіи и черни, которыя не совсѣмъ въ ладу между собой. Какъ-бы въ похвалу Буслаю, отцу Василья, говорится, что онъ „съ Новымъ-городомъ жилъ, не перечился, со мужики новгородскими поперекъ словечка не говаривалъ“. Да и какъ не хвалить за это: изъ чего же и ссориться было этому благородному дворянину съ мужики новгородскими? Въ Римѣ вражда между патриціями и плебеями была вражда основательная и разумная; первые возникли и образовались изъ племени завоевателей, вторые — изъ племени побѣжденнаго и завоеваннаго: вотъ первый исходный пунктъ вражды двухъ сословій. Далѣе патриціи образовывали собою правительственную корпорацію; въ ихъ рукахъ была высшая государственная власть; они были полководцами и сенаторами, изъ нихъ преимущественно выбирались консулы и диктаторы; вообще сословіе патриціевъ пользовалось большими правами, которыя составляли часть коренныхъ государственныхъ законовъ, владѣли большими имѣніями, а народъ былъ бѣденъ правами и полями, ему предоставлено было только лить кровь за отечество и повиноваться его законамъ. Наконецъ патри-

цій считалъ себя существомъ высшимъ плебея и гнушался вступить съ нимъ въ родство или допустить его въ свое общество. Патрицій оскорблялъ плебея и самымъ превосходствомъ своимъ въ образованіи. Все это поддерживало борьбу, бывшую источникомъ римской исторіи и причиной ея колоссальнаго развитія. Но въ Новѣгородѣ дворянамъ и боярамъ не изъ чего было перечиться съ мужиками, а мужикамъ не изъ чего было враждовать противъ дворянъ и бояръ: при равенствѣ правъ, или совершенномъ отсутствіи правъ съ той и другой стороны, и при равенствѣ образованія, или при совершенномъ отсутствіи всякаго образованія съ той и другой стороны, тамъ только бѣдный могъ завидовать богатому, а не мужикъ дворянину, ибо тамъ и мужикъ могъ быть богаче боярина, и потому больше его имѣть вѣсу на вольномъ вѣчѣ. Но тутъ была бессмысленная спѣсь, которая основывалась не на превосходствѣ образованія, общественнаго или умственнаго, не на правѣ заслуги, а на пергаментныхъ грамотахъ: спѣсь съ одной стороны вызывала вражду съ другой; а какъ неважныя причины родятъ неважныя слѣдствія, то вражда и разрѣшалась кулачными боями и тѣлеснымъ увѣчьемъ. Василій Буслаевъ есть представитель аристократической партіи въ Новѣгородѣ: онъ человѣкъ превосходно образованный — умѣетъ читать, писать и пѣть: чего же больше?.. Повадился онъ со пьяницы, со безумницы; но былъ молодцу не укора, тѣмъ болѣе, что общественная нравственность Новагорода отнюдь не презирала этихъ господъ, ибо они были не только пьяницы, безумницы, но и „веселые, удалые добры молодцы“. Костя Новоторженинъ долженъ быть не изъ дворянъ, а изъ купчинъ; выдержавъ экзаменъ Васьки, т. е. ударъ по головѣ червленнымъ вязомъ по двѣнадцать пудъ, онъ дѣлается его братомъ названнымъ: вотъ вамъ и символъ единства и родства высшаго и низшаго сословія въ политической организаціи Новагорода! Лука и Моисей—два боярченка; Василій особенно „сталъ радощенъ и веселешенекъ“ ихъ приходу: это своя братія — аристократы... Но что за мужики Залѣшана, не разъ упоминаемые въ Киршевыхъ поэмахъ, — неизвѣстно; и почему Васька, никого не трусившій, не посмѣлъ имъ показаться, хотя они и пришли къ нему на дворъ, гдѣ онъ

бесѣдовалъ за чаномъ зелена вина съ своей ватагой—то же темно и неопредѣленно. Не менѣ загадочны и братья Сбродовичи, не разъ упоминавшіеся и въ прежнихъ поэмѣхъ: о нихъ, какъ и о мужикахъ Залѣшанахъ, можно сказать съ достовѣрностью только, что они—новгородны. Что за братчина Никольщина, гдѣ на складчину пьютъ канунъ варенъ и пива ячныя—тоже загадка. Драка началась не изъ ссоры: побывши въ кабацѣ, молодцы Василья начали „боротися, а въ иномъ кругу въ кулаки битися“; начали за здравіе, а свели за упокой, по русской коренной поговоркѣ; слѣдовательно не вражда между сословіями, а то, что руки расчесались и плечи расходились, произвело нецивилизованную драку. Вызовъ Васьки мужиковъ новгородскихъ на бой съ его дружиной о великѣ закладъ прекрасно характеризуетъ новгородскую удалъ и молодечество; въ его условіи съ ними, къ которому были „подписаны руки“ съ обѣихъ сторонъ, промелькиваетъ коммерческая цивилизація Новгорода. Въ жалобѣ мужиковъ, приносимой къ матери Васьки, и скорой расправѣ матери съ сыномъ вполне выражается патріархально-семейное основаніе гражданскаго быта того времени; а „дороги подарочки“, представленные матерой вдовѣ Амелѣ Тимоевнѣ при жалобѣ на сына, показываютъ ясно, что и въ новгородской республикѣ безъ „подарочковъ“ никакая просьба не обходилась. „Дѣвушка чернавушка“ упоминается и въ нѣкоторыхъ другихъ русскихъ сказкахъ; слѣдовательно она должна имѣть какое-нибудь значеніе, но какое именно—нельзя понять. Для насъ эта „дѣвушка чернавушка“, которая хватаетъ Ваську за бѣлы руки и, какъ ребенка, тащитъ въ погреба глубокіе, а потомъ кипарисовымъ коромысломъ побиваетъ мужиковъ новгородскихъ, сшибаетъ замки булатные, ломаетъ двери желѣзныя и освобождаетъ Василья,—для насъ она не имѣетъ никакого смысла. Замѣчательно, что эта „дѣвушка-чернавушка“ явно держитъ сторону Василья и его молодцовъ, и только въ качествѣ служанки его матери, обязанной повиноваться своей госпожѣ, дѣйствуетъ она противъ Василья. Встрѣча освобожденнаго изъ подвала Василья съ старцемъ-пилигримищемъ есть лучшее мѣсто въ поэмѣ. Этотъ старецъ-пилигримище есть поэтическая апофеоза Новгорода,

поэтический символъ его государственности. Старецъ держитъ на могучихъ плечахъ кололъ въ триста пудъ; онъ холодно и спокойно, какъ голосъ увѣреннаго въ себѣ государственнаго достоинства, останавливаетъ рьяность Буслаева: „Изъ Волхова воды не выпити, въ Новѣгородѣ людей не выбити: есть молодцовъ супротивъ тебя, стоимъ мы молодцы не хвастаемъ“. Въ отвѣтъ Василья видны привилегіи духовнаго сословія и уваженіе Буслаева къ идеѣ Новагорода, однако же побѣждаемое неукротимостью его молодечества: „Бился я о великъ закладъ со мужики новгородскими, опричь почестнаго монастыря, опричь тебя, старца-пилигримища: во задоръ войду—и тебя убью!“ Васька ударяетъ телѣжной осью по головѣ старца: качается старецъ, не шевельнется; заглянулъ онъ, Василій, старца подъ кололъ: „а и во лбѣ глазъ—ужъ вѣку нѣту“... Хоть слова качается и не шевельнется и кажутся противорѣчіемъ другъ другу, однако въ нихъ нѣтъ противорѣчія, а только неточность выраженія: слово „качается“ должно относить къ колоколу, а „не шевельнется“—къ старцу, образу Новгорода. „А и во лбѣ глазъ—ужъ вѣку нѣту“—указываетъ на мистическую древность историческаго существованія Новагорода.

Вообще этотъ образъ Новагорода дышетъ какой-то грандіозностью, силой и поэзіей; но въ то же время онъ страненъ, дикъ, неопредѣленъ,—словомъ: самый вѣрный портретъ историческаго Новагорода, поэтический инфузорій, огромный взмахъ безъ удара...

Теперь мы dokonчимъ исторію мота и пьяницы, молода Василья Буслаевича, пересказавъ содержаніе другой новгородской поэмы, представляющей Буслаевича въ новомъ положеніи.

Подъ славнымъ, великимъ Новымъ-городомъ, по славному озеру по Ильмену, плаваетъ сѣръ селезень, какъ бы ярый гоголь поныриваетъ: а плаваетъ, поплаываетъ червленъ корабль какъ бы молода Василья Буславича со его дружиною хораброю: Костя Никитинъ корму держитъ, маленькій Потаня на носу стоитъ, а Василій-то по кораблю похаживаетъ, та-

ковы слова поговариваетъ: „Свѣтъ, моя дружина хорабрая, тридцать удалыхъ, добрыхъ молодцовъ! ставьте корабль поперекъ Ильменя, приставайте, молодцы, къ Новугороду!“

Вышедъ изъ корабля, Василій идетъ къ своей матушкѣ, матерой вдовѣ Амелѣ Тимоевевнѣ, просить у нея благословленія великаго „идти въ Ерусалимъ градъ, Господу помогитися, святой святынѣ приложитися, во Ерданѣ рѣкѣ искупатися“. Мать отвѣчаетъ: „Коли ты пойдешь на добрыя дѣла, тебѣ дамъ благословеніе великое, коли ты, дитя, на разбой пойдешь, я не дамъ благословенія великаго, а и не носи Василья сыра земля“. Камень отъ огня разгорается, а булатъ отъ жару растопляется, материно сердце распускается; и даетъ она много свинцу, пороху, и даетъ Василью запасы хлѣбные, и даетъ оружіе долгомѣрное. „Побериги ты, Василій, буйну голову свою“.

Поѣхалъ Буслай со дружиной по Ильмену озеру во Ерусалимъ-градъ; плывутъ они уже другую недѣлю (какое огромное озеро!), встрѣчу имъ гости корабельщики: „Здравствуй, Василій Буслаевичъ! куда, молодецъ, поизволилъ погулять?“ Отвѣчаетъ Василій Буслаевичъ: „Гой еси вы, гости корабельщики! А мое-то вѣдь гулянье неохотное: съ молоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти; а скажите вы, молодцы, мнѣ прямого путя ко святому граду Іерусалиму“. Корабельщики отвѣчаютъ, что если ѣхать прямымъ путемъ—то семь недѣль, а если окольной дорогой—полтора года; и что на славномъ Каспійскомъ морѣ, на Куминскомъ острову, стоитъ застава крѣпкая—атаманы казачіе; не много не мало ихъ--три тысячи, грабятъ бусы, галеры (?), разбиваютъ червлены корабли.—„А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а и вѣрую въ свой червленый вязъ; а бѣгите вы, ребята, прямымъ путемъ“. И завидя Буслай гору высокую, скоро приставалъ ко круту бережку и походилъ на ту гору Сорочинскую, а за нимъ летитъ дружина хорабрая. Будетъ Василій въ полугорѣ, попадаетъ ему пуста голова, человѣческая кость; пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь; провѣщитъ пуста голова человѣческая: „Гой еси, Василій Буслаевичъ! ты къ чему меня, голову, побрасываешь? Я, молодецъ, не хуже тебя былъ; умѣю я, молодецъ, валя-

тисся,—и гдѣ лежитъ пуста голова молодецкая, и будетъ лежать головѣ Васильевой“. Плюнулъ Василій, прочь пошелъ: „Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ, али не чистый духъ?“

На вершинѣ горы, на самой сопкѣ, стоитъ камень, а на немъ написано, что-де кто у камня станетъ тѣшиться, забавляться, вдоль скакать по камню—сломить буйну голову. Василій тому не вѣруеть, и сталъ съ молодцами тѣшиться, забавляться: поперекъ того камню поскакивати, а вдоль-то его не смѣетъ скакать.

Наскакавшись вдоволь, молодцы ѣдутъ далѣе и достигаютъ заставы казачей; и скочилъ-то Буслай на крутъ бережокъ, червленимъ вязомъ подпирается. Атаманы сидятъ, не дивуются, сами говорятъ таково слово: „Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ, не видали страху великаго: это-де идетъ Василій Буслаевичъ; знать-де полетка соколиная, видать-де поступка молодецкая“. Василій спрашиваетъ ихъ о пути въ Іерусалимъ, а они просятъ его „за единый столъ хлѣба кушати“. Втапору Василій не ослушался, сѣлся съ ними за единый столъ, наливали ему чару зелена вина въ полтора ведра, принимаетъ Василій единой рукой и выпилъ чару единымъ духомъ, и только атаманы тому дивуются, а сами не могутъ и по полу-ведру пить. Когда Василій собрался въ путь, атаманы казачіе дали подарки свои: первую мису чиста серебра и другу красна золота, третью скатнаго жемчуга. Просить онъ у нихъ до Іерусалима провожатаго; тутъ атаманы Василью не отказали, дали ему молодца провожатаго. По Каспійскому морю молодцы прибѣжали прямо во Ерданъ-рѣку и пошли въ Ерусалимъ-городъ. Пришелъ Василій во церкву соборную, служилъ обѣдню за здравіе матушки и за себя, Василья Буслаевича; и обѣдню съ панихидой служилъ по родимомъ своемъ батюшкѣ и по всему роду своему; на другой день служилъ обѣдни съ молебнами про удалыхъ добрыхъ молодцовъ, что съ молоду бито много, граблено. И ко святой святынѣ приложился онъ, и во Ерданъ-рѣкѣ искупался. И расплатился Василій съ попами, съ дьяконами, и которые старцы при церкви живутъ, даетъ золотой казны не считаячи. Пошелъ онъ на червленъ корабль, а дружина-то хорабрая купалася во Ерданъ-рѣкѣ; приходила къ нимъ баба

залѣсная (?), говорила таково слово: „Почто вы купаетесь во Ерданѣ-рѣкѣ? А не кому купатися, опричь Василья Буслаевича, — во Ерданѣ крестился самъ Господь Іисусъ Христосъ; потерять его вамъ будетъ большого атамана, Василья Буслаевича“. И они говорятъ таково слово: „Нашъ Василій тому не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ“. И мало времени поизойдучи, пришелъ Василій ко дружинѣ своей; выводили корабли изъ Ерданѣ-рѣки, подняли тонки парусы полотняны, побѣжали по морю Каспійскому. У острова Куминскаго атаманы казачіе Василью кланялись и „здорово-ли съѣздилъ во Ерусалимъ-градъ?“ его спрашивали. Много Василій не баить съ ними, подалъ Василій письмо въ руку имъ, что много трудовъ за нихъ положилъ, служилъ обѣдни съ молебнами за нихъ молодцовъ. Ъдутъ молодцы недѣлю-другую, доѣхали до горы Сорочинской, и Василью вздумалось опять потѣшиться, позабавиться, несмотря на вторичное зловѣщее предсказаніе головы. Только на этотъ разъ ему вздумалось поскакать вдоль каменю; разбѣжался, скочилъ вдоль по камени, и не доскочилъ только четверти, и тутъ убится подъ каменемъ. Гдѣ лежитъ пуста голова, тамъ Василья схоронили. Приѣхавъ въ Новгородъ, молодцы пошли къ матерѣй вдовѣ, Амелѣѣ Тимоѣевнѣ; пришли и поклонилися, всѣ письмо въ руки подали; прочитала письмо матерѣ вдова, сама заплакала говорила таковы слова: „Гой вы еси, удалы добры молодцы! у меня нынѣ вамъ дѣлать нечего; подите въ подвалы глубокіе, берите золотой казны несчитаячи“. Дѣвушка чернавушка сводила ихъ въ подвалы глубокіе, брали они казны по малу числу, кланялись матерѣй вдовѣ, что „поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ долодцовъ“. Затѣмъ матерѣ вдова велѣла дѣвушкѣ чернавушкѣ наливать по чаркѣ зеленѣ вина, подносить удалымъ добрымъ молодцамъ: они выпили, сами поклонилися и пошли, кому куда захотѣлося.

Отпуская Буслаева, мать даетъ ему благословеніе только на добрыя дѣла, а за разбой заклиняетъ землю не носить его. Когда Василья корабельщики спрашиваютъ о цѣли поѣздки, онъ отвѣчаетъ: „А мнѣ-то вѣдь гулянье неохотное:

съ молодѣ бито много, граблено, подѣ старость надо душу спасти“. Оставляя въ сторонѣ странное понятіе о возможности такъ легко сложить съ себя кровавыя преступленія, обратимъ вниманіе на самыя преступленія. Это не былъ разбой въ прямомъ смыслѣ: разбойникъ—тотъ, кого отвергло общество или кто самъ отвергся общества и принялся за ножъ, какъ за средство къ существованію, кто рѣжетъ и грабитъ съ полнымъ сознаниемъ преступности подобнаго промысла. Не таковъ нашъ Василій Буслаевичъ: какъ ни важны его преступленія, но они только шалости, плодъ невѣжественнаго понятія о молодецкой удали и широкомъ размѣтѣ души. Такое дурное проявленіе бурнаго бушеванья крови и неукротимой рьяности души есть порожденіе полудикой гражданственности, лишенной всякаго духовнаго движенія и развитія. Сильная натура непременно требуетъ для себя широкаго, размашистаго круга дѣятельности. И потому, лишенная нравственной сферы, она бѣшено и дико бросается въ безумное упоенье удалой жизни, разрываетъ, подобно паутинѣ, слабую ткань общественной морали. Въ Римѣ сильная натура являлась въ колоссальныхъ образахъ Коклесовъ, Сцеволя, Коріолановъ, Гракховъ; въ Новгородѣ она могла являться только въ образѣ буйныхъ и дикихъ Буслаевичей и Костей Никитичей. Сама общественная нравственность того времени видѣла только молодечество и удалство въ томъ, что въ другихъ странахъ были буйствомъ и разбойничествомъ. Новгородцы цѣлыми шайками отправлялись въ Пермь и Вятку, рѣзали, жгли и грабили по Камѣ. На нихъ жаловались московскимъ царямъ, —и они иногда являлись съ повинной головой, какъ черезчуръ задурившіеся удалцы, а не какъ воры и разбойники. Ихъ вызывали на подобные подвиги не бѣдность, не нищета, не развратъ и кровожадность, а жажда какой бы то ни было дѣятельности, лишь бы сопряженной съ опасностями отвагой и удалью. Новгородъ можно смѣло назвать гнѣздомъ русской удали. Дурно направленная сила души дурно и дѣйствуетъ, а хорошо направленная и дѣйствуетъ хорошо; но срамъ и горе народу, у котораго нѣтъ того, что бы могло дурно или хорошо быть направляемо! И потому Васька Буслаевъ, „мотъ и пьяница“, право, былъ лучше многихъ тысячъ людей, которые

тихо и мирно проживали вѣкъ свой: онъ былъ мотомъ и пьяницей отъ избытка душевнаго огня, лишеннаго истинной пищи; а тѣ жили тихо и мирно по недостатку силы. Замѣьте, что Буслаевичъ говорилъ слова: „съ молоду бито много, граблено“, какъ будто мимоходомъ, безъ поясненій, безъ сентенціи, безъ самообвиненія, и какъ будто съ какимъ-то хвастовствомъ; и можно поручиться, что гости корабельщики выслушали его безъ удивленія, безъ ужаса, но съ той улыбкой, съ какой пожилой человѣкъ выслушиваетъ любовныя похождения юноши, вспоминая о своихъ собственныхъ во время оно. Да и почему не пошалить, если поѣздка въ Іерусалимъ могла загладить всѣ шалости... И Буслаевичъ поѣхалъ совсѣмъ не смиреннымъ пилигримомъ — удалъство и молодечество заглушаютъ въ немъ всякое другое чувство, если только было что заглушить въ немъ... Узнавъ, что прямая дорога сопряжена съ опасностью, онъ выбираетъ ее, говоря, что „не вѣруеть онъ, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣруеть въ свой червленый вязъ“. Не доѣзжая до казачей заставы, онъ видитъ гору: ему надо побывать на ней — а зачѣмъ? — да такъ, изъ удала. Роковое предвѣщаніе мертвой головы, надпись на камнѣ не только не отвращаетъ его отъ безумнаго желанія „тѣшиться, забавлятися, поперекъ того камню поскакивати“, но вызываютъ на эту потѣху. Что такое эта Сорочинская гора, мертвая голова и камень съ надписью, и почему можно было скакать только поперекъ его, а не вдоль, — все это имѣетъ смыслъ развѣ того пошлаго мистицизма, который видитъ таинственное и глубокое во всемъ, что, за отсутствіемъ здраваго смысла, непонятно разсудку. Скачи поперекъ, а вдоль не скачи: это такъ нелѣпо, что простому, неразвитому размышленіемъ и наукой уму непременно должно было показаться необыкновенно таинственнымъ и глубоко знаменательнымъ, подобно мистическимъ числамъ семь, девять, двѣнадцать, подобно молодому мѣсяцу съ лѣвой стороны, зайцу, перебѣжавшему дорогу, и другимъ предразсудкамъ старыхъ бабъ. Замѣчательно впрочемъ, что, несмотря на прямой путь изъ Ильменя въ Каспійское море и изъ него прямо на рѣку Іорданъ, есть въ поэмѣ и признаки географической достовѣрно-

сти: на вершинѣ Сорочинской горы находится сопка — явленіе, возможное на юго-западномъ берегу Каспійскаго моря.

Страхъ, а вслѣдствіе его и уваженіе обнаруженные казаками къ герою поэмы, указываютъ на славу Василья Буслаева, какъ удалца изъ удалцовъ, какъ человѣка, съ которымъ плохи шутки. Баба залѣсная, которая предсказываетъ купающейся въ Ерданѣ дружинѣ Василья о гибели его, — одно изъ тѣхъ чудовищныхъ порожденій лишенной всякаго содержанія фантазіи, которыми особенно любить щеголять русская народная поэзія. Смерть Василья выходитъ прямо изъ его характера, удалого и буйнаго, который какъ бы напрашивается на бѣду и гибель. Слова матери Василья къ его осиротѣлой дружинѣ не отличаются особенной материнской нѣжностью; однако видна истинная грусть по безвременно погибшемъ сынѣ въ выраженіи: „у меня нынѣ вамъ дѣлать нечего“. Есть также что-то глубоко грустное въ умѣренности молодцовъ Василья, которые „брали казны по малу числу“, они были и сильны, и могучи, и удалы, и веселы только съ своимъ лихимъ предводителемъ, а безъ него на что имъ и золота казна! При немъ они составили дружину и братчину, а безъ него — „пошли добры молодцы, кому куда захотѣлось“... Такъ бываетъ не въ однѣхъ сказкахъ, такъ бываетъ и въ дѣйствительности: сильный и богатый дарами природы духъ собираетъ вокругъ себя кружокъ людей, способныхъ понимать его, и соединяетъ ихъ между собой союзомъ братства; но нѣтъ его — и осиротѣлый кругъ, лишенный своего центра, распадается самъ собой...

Теперь мы должны перейти къ другому герою, по преимуществу новгородскому. Это уже не богатырь, даже не силачъ и не удалецъ въ смыслѣ забіяки и человѣка, который никому и ничему не даетъ спуска, который, подобно Васинькѣ Буслаевичу, не вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ. а вѣруетъ въ свой червленый вязъ; это и не бояринъ, не дворянинъ; нѣтъ это сила, удалъ и богатырство денежное, это аристократія богатства. прибрѣтеннаго торговлей, — это купецъ, это апоэоза купеческаго сословія.

По славной матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ а гулялъ Садко молодецъ тутъ двѣнадцать лѣтъ; никакой надъ собою притки и скорби Садко не вѣдывалъ, а все молодецъ во здоровьи пребывалъ. Захотѣлось молодцу побывать въ Новгородѣ, отрѣзалъ хлѣба великій сукрой, а и солью насолилъ, его въ Волгу опустилъ: „А спасибо тебѣ, матушка Волга-рѣка! А гулялъ я по тебѣ двѣнадцать лѣтъ, никакой я притки, скорби не видывалъ надъ собой, и въ добромъ здравьи отъ тебя отошелъ; а иду я, молодецъ, въ Новгородъ побывать“. Проговорить ему matka Волга-рѣка: „Гой еси, удалой добрый молодецъ! когда приѣдешь ты во Новгородъ, а стань ты подъ башню проѣзжую, поклонися огъ меня брату моему, а славному озеру Ильмену“. Правиль Садко Ильмену-озеру челобитье великое: „А и гой еси, славный Ильмень-озеро! сестра тебѣ, Волга, челобитье посылаетъ двою“ (?). Приходилъ тутъ отъ Ильмень-озера удалой добрый молодецъ и спрашивалъ Садку: „Гой еси, съ Волги удалъ молодецъ! какъ-де ты Волгу-сестру знаешь мою?“ А и тотъ молодецъ Садко отвѣтъ держитъ. „Что-де я гулялъ по Волгѣ двѣнадцать лѣтъ, съ вершины знаю и до устья ее, а и нижняго царства Астраханскаго“. А и сталъ тотъ молодецъ наказывати, который посланъ отъ Ильмень-озера, чтобъ Садко просилъ бошлыковъ закинуть въ Ильмень три невода: будетъ-де ему, Садкѣ, Божья милость“. Первый неводъ къ берегу пришелъ: и тутъ въ немъ рыба бѣлая, бѣлая вѣдь рыба мелкая; и другой то неводъ къ берегу пришелъ: въ томъ рыба красная; а и третій неводъ къ берегу пришелъ: въ томъ-то вѣдь рыба бѣлая, бѣлая рыба въ три четверти. Перевозился Садко молодецъ на гостинный дворъ съ тою рыбою ловленною, навалилъ ея три погреба глубокіе, запиралъ тѣ погребы накрѣпко, ставилъ караулъ на гостиномъ дворѣ и давалъ тѣмъ бошлыкамъ за труды ихъ сто рублевъ. А не ходитъ Садко на тотъ на гостинный дворъ по три дня, на четвертый день погулять захотѣлъ; заглянетъ онъ въ первый погребъ—катора была рыба мелкая, что-то вѣдь стали деньги дробныя; заглянулъ онъ въ другой погребъ: гдѣ была рыба красная—очутились у Садки червонцы лежать; въ третьемъ погребу, гдѣ была рыба бѣлая—а и тутъ у Садки все монеты лежатъ. Втапору Садко купецъ, богатый гость, сходилъ онъ на Ильмень-озеро, а бьетъ челомъ покланяется: „Батюшко мой,

Ильмень-озеро! поучи меня жить въ Новѣгородѣ“. Ильмень даетъ ему совѣтъ поводитьсѣ съ людьми со таможенными, да позвать молодцовъ посадскихъ людей, а стануть-де ты знать и вѣдати. Позвалъ къ себѣ Садко людей таможенныхъ и сталъ водиться съ людьми посадскими. Сходилися мужики новгородскіе, у того ли Николы Можайскаго, во братчину Никольщину, пить канунъ, пива ячныя; Садко билъ челомъ, покланяется, принять его во братчину Никольщину, сулить имъ заплатить сыпъ не малую и даетъ имъ пятьдесятъ рублевъ. Когда молодцы напивались до пьяна, а и съ хмелю тутъ Садко захвастался: велитъ припасать товаровъ въ Новѣгородѣ, онъ-де тѣ товары всѣ выкупить, не оставить ни на денежку, ни на малу разну полушечку: а не то—заплатить казны имъ сто тысячей. И ходитъ Садко по Новугороду, выкупаетъ всѣ товары по вольной цѣной, не оставилъ ни на денежку, ни на малу разну полушечку. Вложилъ Богъ желаніе въ ретиво сердце: а и шедъ Садко Божій храмъ соорудилъ, а и во имя Стефана архидьякона: кресты, маковцы золотомъ золотилъ, онъ мѣстны иконы изукрашивалъ, изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ, царскія двери вызолачивалъ. На второй день онъ опять выкупилъ всѣ товары въ Новѣгородѣ и соорудилъ церковь во имя Софіи премудрая. По третій день по Новугороду товару больше стараго, всякихъ товаровъ заморскихъ: онъ выкупилъ товары въ половину дня и соорудилъ Божій храмъ во имя Николы Можайскаго. А и ходитъ Садко по четвертый день, ходилъ Садко по Новугороду, а и цѣлый день онъ до вечера не нашелъ онъ товаровъ въ Новѣгородѣ ни на денежку ни на малу разну полушечку. Зайдетъ Садко онъ во темный въ рядъ, и стоятъ тутъ черепаны, гнилые горшки, а всѣ горшки уже битые; онъ самъ Садко усмѣхається, даетъ деньги за тѣ горшки, самъ говоритъ таково слово: „Пригодятся ребятамъ черепками играть, поминатъ Садку гостя богатаго, что не я Садко богатъ—богатъ Новъ городъ всякими товарами заморскими, и тѣми черепанами, гнилыми горшки!“

Въ этой поэмѣ ощутительно присутствіе идеи; она есть

поэтическая апопееза Новагорода, какъ торговой общины! Садко выражаетъ собой безконечную силу, безконечную удалъ; но эта сила и удалъ основаны на безконечныхъ денежныхъ средствахъ, приобрѣтеніе которыхъ возможно только въ торговой общинѣ. Русскій человѣкъ во всемъ удалъ и во всемъ любить хвастнуть своей удалю. У насъ и теперь всякій проживаетъ вдвое больше того, что получаетъ: исключенія рѣдки. Садко выкупаетъ товары въ Новѣгородѣ не по расчету, не по нуждѣ, а потому что онъ расходился, и ему море по колено. Онъ хочетъ насладиться чувствомъ своего золотого могущества: черта чисто-русская! Русскій человѣкъ любитъ похвастаться чѣмъ Богъ послалъ: и кулакомъ, и плечами, и рѣчами, и безумной удалю, которая можетъ стоять ему жизни. Что же до денегъ, извѣстное дѣло, что у него послѣдняя копѣйка ребромъ. Копить онъ иногда деньгу цѣлый годъ, живетъ скрягой, во всемъ себѣ отказываетъ—и для чего все это?—чтобъ подъ веселый часъ все разомъ спустить. Когда расходится,—онъ добръ и тароватъ: вали къ нему на дворъ званый и незваный, пей и ѣшь, сколько душѣ угодно, нейдетъ въ душу—лей и бросай на полъ. Тутъ онъ уже и не торгуется,—даетъ безъ счету, сколько руки захватили; а завтра—хорошо, если осталось, чѣмъ опохмелиться, а тамъ опять на постъ и на лишенія, иногда безъ раскаянія, безъ сожалѣнія, безъ вздоховъ и оховъ, а чаще всего съ жалобами на горькую участь свою,—все это до новаго праздника.

Но Садко обязанъ своимъ богатствомъ не себѣ, а Волгѣ да Ильмену, да Новугороду Великому. Волга прислала съ нимъ поклонъ брату своему Ильмену; Ильмень разговариваетъ съ Садкой въ видѣ удалого добраго молодца: въ этомъ олицетвореніи есть мысль: рѣки и озера судоходныя — божества торговыхъ народовъ. Превращеніе рыбы въ деньги — тоже не безъ смысла; это языкъ поэзіи, выразившій собою прозаическое понятіе о выгодномъ торговомъ оборотѣ. Садко выкупилъ всѣ товары въ Новѣгородѣ; остались только битые горшки—и тѣ надо скупить: пусть играютъ ребятишки, да поминаютъ Садку гостя богатаго. Новгородъ униженъ, оскорбленъ, опозоренъ въ своемъ торговомъ могуществѣ и величіи: частный человѣкъ скушилъ всѣ его товары, и все остался

богатъ, а товаровъ больше нѣтъ... Но этотъ Садко сталъ такъ богатъ, благодаря Новугороду же, — и потому пусть ребятишки играютъ битыми черепками, да поминаютъ Садку гостя богатаго, „что не Садко богатъ — богатъ Новгородъ всякими товарами заморскими и тѣми черепанами, гнилыми горшки“...

И такъ, Садко великъ и полонъ поэзіи не самъ по себѣ, но какъ одинъ изъ представителей Великаго Новгорода, въ которомъ всего много, все есть — отъ драгоценнѣйшихъ заморскихъ товаровъ до битыхъ черепковъ. Послѣднія приведенныя нами слова удивительно замыкаютъ собой поэму, даютъ ей какое-то художественное единство и полноту, дѣлаютъ осязательно ясной скрытую въ ней идею. Вся поэма проникнута необыкновеннымъ одушевленіемъ и полна поэзіи. Это одинъ изъ перловъ русской народной поэзіи.

Послѣдняя новгородская поэма едва ли уступаетъ въ поэтическомъ достоинствѣ этой. Въ ней опять два героя: одинъ видимый — Садко, другой, невидимый — Новгородъ, но уже не самъ собой, а своими божествами-покровителями — морями, озерами и рѣками, особенно той, которая поила его изъ своихъ береговъ. Всѣ эти моря, озера и рѣки олицетворены въ поэмѣ и являются поэтическими личностями, что придаетъ поэмѣ какой-то фантастическій характеръ, столь вообще чуждый русской поэзіи и тѣмъ болѣе здѣсь поразительный.

Плывутъ по синему морю тридцать кораблей, одинъ соколъ корабль самого Садки гостя богатаго. Всѣ корабли что соколы летятъ, а соколъ Садкинъ корабль на морѣ стоитъ. Садко велитъ стоимъ ярыжкамъ, людямъ наемнымъ, подначальнымъ, рѣзать жеребья валжены и бросить ихъ на сине море, которы-де по верху плывутъ, а и тѣ бы душеньки правыя, а которы въ морѣ тонутъ, тѣхъ-то спихнемъ-де мы во сине море. Садко кинулъ хмелево перо со своей подписью: а всѣ жеребья по морю плывутъ, кабы яры гоголи по заводямъ; одинъ жеребій въ морѣ тонетъ — въ морѣ тонетъ хмелево перо самого Садки гостя богатаго. Садко велитъ рѣзать жеребья вѣтляныя; которы-де жеребья потонутъ, а то-бы

душеньки правыя. Самъ онъ бросаетъ жребій булатный въ десять пудъ. И всѣ жеребьи во морѣ тонуть, единъ жребій по верху плыветъ—самого Садки гостя богатаго. Говоритъ тутъ Садко купецъ, богатый гость: „Вы ярыжки—люди наемные, а наемные люди подначальные! Я, Садъ-Садко, знаю, вѣдаю: бѣгаю по морю двѣнадцать лѣтъ, тому царю заморскому не платилъ я дани, пошлины, и во сине море Хвалынское хлѣба съ солью не опускалъ, — по меня Садку смерть пришла. И вы, купцы, гости богатые, а вы, цѣловальники любимые, а и всѣ прикащики хорошіе, принесите шубу соболину“. И скоро Садко наряжается, беретъ онъ гусли звончаты со хороши струны золоты, и беретъ онъ шахматницу золоту со золоты тавлеями. На золотой шахматницѣ поплылъ Садко по синю морю. Всѣ корабли по морю пошли, и Садкинъ корабль что кречетъ бѣлъ летитъ. Отца, матери молитвы великія, самого Садки гостя богатаго: подымалася погода тихая, прибила Садку къ крутому берегу. Пошелъ Садко подлѣ синя моря, нашелъ онъ избу великую, а избу великую—во все дерево, нашелъ онъ двери—и въ избу вошелъ. И лежитъ на лавкѣ царь морской: „А и гой еси ты, купецъ, богатый гость? А что душа радѣла, того Богъ мнѣ далъ, и ждалъ Садку двѣнадцать лѣтъ, а нынѣ Садко головой пришелъ; поиграй, Садко, въ гусли ты звончаты“. Сталъ Садко царя тѣшити, а царь морской зачалъ скакать, плясать; и того Садку напоилъ питьями разными—развалился Садко, и пьянъ онъ сталъ, и уснулъ Садко купецъ, богатый гость. А во снѣ пришелъ святитель Николай къ нему, говоритъ ему таковы слова: „Гой еси ты, Садко купецъ! А рви ты свои струны золоты и бросай ты гусли звончаты: расплясался у тебя царь морской, а сине море всколебалось, а и быстрыя рѣки разливались, топятъ много бусы, корабли, топятъ души напрасныя того народу православнаго“. Бросилъ Садко гусли звончаты, изорвалъ струны золоты; пересталъ царь морской скакать и плясать: утихло море синее, утихли рѣки быстрыя. Поутру царь морской сталъ уговаривать Садку жениться и привелъ ему тридцать дѣвицъ; а Никола ему во снѣ наказывалъ, чтобъ не выбиралъ онъ хорошей, бѣлыя, румяныя, а взялъ бы дѣвушку поваренную, ко-

тора хуже всѣхъ. Садко думался, не продумался, и взялъ дѣвушку поваренную; царь морской положилъ Садку съ новобрачной въ подклетѣ спать, а Никола святой во снѣ Садкѣ наказывалъ не обнимать и не цѣловать жены. Съ молодой женой Садко на подклетѣ спитъ, свои рученьки ко сердцу прижалъ; со полуночи ногу лѣву накинулъ онъ въ просоньи на молодую жену; ото сна Садко пробуждался: „онъ очутился подъ Новымъ-городомъ, а лѣвая нога въ Волхъ-рѣкѣ“...

Взгнянулъ Садко на Новгородъ, узналъ онъ церкву, приходъ свой, того Николу Можайскаго, перекрестился онъ крестомъ своимъ. И глядитъ Садко: по Волхъ-рѣкѣ, отъ того еиня моря Хвалынскаго, по славной матушкѣ Волхъ-рѣкѣ, бѣгутъ, побѣгутъ тридцать кораблей, одинъ корабль самого Садки гостя богатаго. И встрѣчаетъ Садко купецъ, богатый гость, цѣловальниковъ любимыхъ, и со всѣхъ кораблей въ таможеню положилъ казны своей сорокъ тысячей—по три дни не осматривали.

Кто бы ожидалъ такой развязки отъ лѣвой ноги!.. Какая широкая, размашистая фантазія! А пляска морского царя, отъ которой само море всколебалось, а и быстры рѣки разливались!... Да, это не сухія, аллегорическія и риторическія олицетворенія: это живые образы идей, это поэтическое олицетвореніе покровительныхъ для торговой общины водяныхъ божествъ, это поэтическая миѳологія Новгорода, которая въ тысячу разъ лучше славянской миѳологіи, съ ея семью дрянными богами!.. Замѣчательная черта характера русскаго челоуѣка видна въ хитростяхъ Садки, чтобъ отдѣлаться отъ наказанія: видя, что его хмелево перо потонуло, онъ предлагаетъ новую пробу, наоборотъ, но когда онъ видитъ, что его булатный жеребій въ десять пудъ поплылъ поверхъ воды, а вѣтляныя жеребья товарищей потонули,—то уже болѣе не отвертывается, но бросается страху прямо въ глаза, со всей рѣшимостью, отвагой и удалью...

Есть еще новгородское сказаніе, но то уже не поэма, а

сказка, въ которой новгородскаго—только герой. Мы говоримъ объ „Акундинѣ“, помѣщенномъ въ первой части „Русскихъ Народныхъ Сказокъ“, изданныхъ Сахаровымъ. Акундинъ—богатырь въ сказочномъ родѣ. Жилъ онъ въ старомъ Новѣгородѣ, а былъ со посадской стороны, со торговой, ни пива не варилъ, ни вина не курилъ, ни въ торгу торговалъ; а ходилъ онъ, Акундинъ, со повольницей и гулялъ по Волгѣ по рѣкѣ на суденышкахъ. Понаскучило ему, Акундину, повольницу водить; вотъ и думаетъ Акундинъ: кабы ему до Кіева дойти, въ Москвѣ побывать. Сѣлъ онъ на суденышко и поплылъ по Волгѣ-рѣкѣ, черезъ тридцать три дня увидѣлъ себя у крута бережка. Навстрѣчу ему попался калечище перехожій, онъ спрашиваетъ у него: что то за сторона, что за городъ? И узнаетъ Акундинъ отъ калечища, что „сторона то широкая, что отъ Оки рѣки потягла до Дону глубокаго, зовутъ Рязанью, а править той стороною стольный князь Олегъ; и что городъ-то поселенъ по Окѣ рѣкѣ, то зовутъ Ростиславль, а на столѣ княжить рязанскаго роду князь, молодой Глѣбъ Олеговичъ“.

Акундинъ призадумался, и сказалъ себѣ невзначай: „а кабы ту широкую сторону Рязань и съ молодымъ княземъ Глѣбомъ Олеговичемъ и со всѣми его исконными слугами покорить Новугороду“. Здѣсь виденъ новгородецъ, членъ вольной и торговой общины, который все относитъ къ своей родинѣ и о ея выгодахъ заботится, какъ о своихъ собственныхъ. Слушая Акундина, калечище думаетъ: „не корыстна сторона для Новгорода! Кабы Рязань не полонили злые татарове, да не обложили данью великой, постояла-бъ Рязань за себя. Да и Рязань не та чета Новугороду“.

Калечище показываетъ Акундину, что на Окѣ плыветъ чудовище невиданное—Змѣй Тугаринъ. Длинною то былъ тотъ Змѣй Тугаринъ въ триста сажень, хвостомъ бьетъ рать рязанскую, спиною валитъ круты борега, а самъ все проситъ стару дань. Разгорѣлось богатырское сердце у Акундина: хочетъ онъ сражаться съ Змѣемъ за Рязань. Калечище, узнавъ о родѣ-племени Акундина, снималъ съ себя платье перехожее, надѣвалъ платье посадничье и называется Замятней Путятичемъ, дядей Акундина: братъ его, отецъ Акундина,

былъ посадскимъ въ Новѣгородѣ, и не взлюбили его люди новгородскіе—вишь, правилъ ими не такъ, и порѣшили сгубить съ родомъ, съ племенемъ, и сокрушили его со всѣмъ домомъ; а Замятня Путятичъ пошелъ въ Кіевъ, и съ той-де поры во тоскѣ, во кручинѣ, горегореваньицемъ качу, свое милое дѣтище (Акундина) дожидаячи. Но какимъ образомъ, дожидаясь въ Кіевѣ, увидѣлся онъ съ племянникомъ на Окѣ—Богъ вѣсть... Не домолвивши рѣчи вѣстныя, сталъ Замятня Путятичъ кончатися, со бѣлымъ свѣтомъ разставатися: видно на роду ему, братцы, такъ написано, что довелось посередь поля переставиться!... Какъ сталъ Замятня Путятичъ со бѣлымъ свѣтомъ разставатися и учалъ отповѣдь чинить: „А и гой, еси ты, мое милое дѣтище, Акундинъ Акундиновичъ! какъ и будешь ты во славномъ во Новѣгородѣ, и ты ударь челомъ, Новугороду, и ты скажи, скажи ему, Новугороду: и дай же то ты Боже! тебѣ ли Новугороду, вѣкъ вѣковать, твоимъ ли дѣтушкамъ славы добывать! Какъ и быть ли тебѣ, Новугороду, во могучествѣ, а твоимъ ли дѣтушкамъ во богатствѣ!...“

Какая поэтическая и умилительная картина любви къ родинѣ со стороны оскорбленнаго ею сына!... Сколько простодушія, чувства, любви, тоски и стремленія выражаются въ простыхъ, но поэтическихъ словахъ умирающаго гражданина Великаго Новгорода! Послѣдняя мысль, послѣднее слово изгнанника—благословеніе неправой, но все милой родинѣ!.. Да, это поэзія! Тутъ есть мысль—и мысль глубокая!..

Глѣбъ Олеговичъ женится, а Змѣй Тугаринъ грозитъ топить Ростиславль, Старый посадникъ Юрья Никитичъ даетъ совѣтъ князю—послать пословъ къ Тугарину. Змѣю понравилось смиреніе князя; онъ вступилъ въ переговоры, принималъ отъ пословъ хлѣбъ-соль и съѣдалъ за единый разъ. Послы говорили, что миръ готовы урядить, а дани не вѣдаютъ за собой никакой. Змѣй называетъ ихъ смердами Ростиславичами и ссылается на записи. Хитрый старый дьякъ Чеботокъ развернулъ записи поручныя и свелъ по нимъ, что долгу нѣтъ. Змѣй требуетъ мѣшка золота за Ростиславичей, мѣшка серебра за отцовъ ихъ и мѣшка каменьевъ самоцвѣт-

ныхъ за дѣдовъ; иначе грозитъ затопить городъ, а женъ въ Орду продать.

Здѣсь Змѣй Тугаринъ—ясно апоѳеоза татаръ, обыкновенно дѣлавшихъ набѣги свои изъ-за Оки, и прежде всего опустошавшихъ Рязанское княжество. Хитрый дьякъ Чеботокъ просить у Тугарина мѣшковъ и, получивъ, думаетъ ихъ сжечь: безъ мѣшковъ-де не во что будетъ и дани собирать. Но посадкій Юрѣя Никитичъ думаетъ иначе: ему жаль золотой казны княжеской, и онъ наступилъ на дьяка Чеботка: „А постой ты, дьякъ! А и погоди ты, дьякъ! А ты-то дьякъ, злой еретикъ, за одно съ Тугариномъ держишься еретичества. А и знаю я, какъ тебя изнать, а и знаю я, какъ тебя собѣла свѣта согнать!“ Взялъ да и посадилъ дьяка въ мѣшки, да и послалъ къ змѣю. И онъ дьякъ Чеботокъ на ту пору догадливъ былъ; давай мѣшки глодать, свѣту Божьяго искать; какъ проѣдалъ онъ одинъ мѣшокъ, два зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ второй мѣшокъ, три зуба сломалъ; какъ проѣдалъ онъ третій мѣшокъ, всѣ пять сломалъ. И началъ дьякъ Тугарину всю вину на посадника слагать, что жаль ему золотой казны княжеской. И сталъ Тугаринъ пытаться дьяка, сколько-де у князя золотой казны, каменьевъ самоцветныхъ и силы ратной. „А и право скажу, ничего не утаю: лишь, дядюшка, окунись въ Оку, да достань бѣлосыпучаго песку“. Змѣй досталъ и подаль дьяку, а дьякъ учалъ бѣгать по полю, утекаячи ко городу, крича: „А и вотъ какова сила ратная у молода князя Глѣба Олеговича!“ И тутъ Тугаринъ догадался, что дьяку въ обманъ дался, а догадавшись, давай Оку-рѣку гонять, городъ Ростиславль затоплять. А дьякъ, пришедши въ городъ, объявилъ князю, что Змѣй готовъ на миръ, да только хочетъ переговоры вести съ однимъ посадникомъ Юрѣемъ Никитичемъ. И тому-то старый посадникъ вѣру ималъ. А и не зналъ онъ, старый посадникъ, что дьякъ-то его избывалъ. Да и дьяку ли вѣру имать? И волчья снасть у дьяка на зубахъ; пулы беретъ, на суды сыды (?) ведетъ. Змѣй почелъ посадника за дьяка, въ другорядъ въ обманъ не хотѣлъ даться, и тутъ его, стараго посадника, съѣлъ за одинъ разъ. И дьякъ Чеботокъ на ту пору догадливъ былъ; онъ, злодѣй, въ воротахъ за старичища стоялъ,

да на стара посадника смотрѣлъ. Какъ-де завидѣлъ онъ, дьякъ, что Змѣй Тугаринъ стара посадника съѣлъ, то и давай кричать: „Ай, батюшки, бѣда! ай, родимые, бѣда! Не стало нашего посадника, Юрья Микитича, на бѣломъ свѣтѣ. Ужъ его ли, родимаго, Змѣй Тугаринъ съѣлъ. А что мы, сироты, будемъ безъ него!“ И его дьячьи слова скоро до князя дошли; а никто про то во городѣ не вѣдаетъ, а никто про то не узнаетъ, что то дьячья стряпня, стара дьяка Чобота.

Этотъ интересный эпизодъ о хитрыхъ продѣлкахъ дьяка Чобота показываетъ, что поэзія иногда лучше всѣхъ лѣтописей можетъ снабжать отдаленное потомство любопытными и важными историческими фактами. Дьяки Чоботы мало измѣнились съ тѣхъ поръ.

Князь Глѣбъ собираетъ войско, идетъ на Тугарина, попадаетъ ему стрѣлой въ правый глазъ; но рязанцамъ скоро стало не въ мочь. Тогда Акундинъ напустился на Змѣя Тугарина и убилъ его. Князь Глѣбъ одарилъ его шубой соболіной, гривной золотой, а князя и бояре повели его, Акундина, подъ бѣлыя руки, во гридницы княженецкія, сажали за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя; прошали хлѣба-соли покушать, бѣлыхъ лебедей рушить. Князь оставлялъ его у себя, жаловалъ боярствомъ, давалъ усадбище немалое, палаты посадничьи. Но Акундинъ отъ всего отказывался и поѣхалъ на своемъ судѣнышкѣ оснащенномъ въ Кіевъ-градъ. Доѣхавъ до Муромъ, онъ узналъ, что татары полонили много народу изъ Муромъ и дочь воеводы Муромскаго, Настасью Ивановну. Акундину стало жаль добрыхъ муромцовъ, а жальчѣй того дочь воеводы Муромскаго. Онъ отправился на своемъ судѣнушкѣ въ Орду немирную, перебилъ ее всю до одного человѣка и выручилъ изъ полону Настасью Ивановну, и отправилъ ее впередъ въ Муромъ съ молодымъ бояриномъ Замятнею Микитичемъ, который ходилъ съ нимъ въ Орду изъ Муромъ. На дорогѣ ему попалась другая Орда—онъ и ту изрубилъ. Приѣхалъ въ Муромъ, а тамъ свадьба: Настасья Ивановна выходитъ за Замятню Микитича. Воевода говоритъ Акундину: и думали мы, что тебя въ живыхъ не стало; за твои услуги великія награжу я тебя золо-

той казной, а на нашей лебедушкѣ не погнѣвайся“. Уѣзжая, Акундинъ слово молвилъ: „Не дай же то Боже во вѣкъ въ Муромѣ бывать, того воеводу Муромскаго видать; а и его-то воеводины слова перелетныя—на посуляхъ висятъ“. Нежданъ Ивановичъ за то слово велить слугамъ гнать его вонъ со двора: „а и онъ ли, невѣжа, деревенскій мужикъ, смѣлъ свататься за боярскую дочь“. Но Акундинъ ужъ былъ далеко. Въ Кіевѣ онъ угостилъ и одѣлилъ золотой казной сорокъ каликъ съ каликой, и одинъ изъ нихъ сказалъ ему таково слово: „За твою хлѣбъ-соль великую, за твой канунъ варенъ, повѣдаю твою судбинушку: тебѣ ли, доброму молодцу, на роду счастье написано—жениться на молодой вдовѣ во чужомъ городѣ. Не умѣлъ ты, добрый молодецъ, изловить бѣлую лебедушку, такъ съумѣй же ты, добрый молодецъ, достать сѣру утицу“. Акундинъ идетъ въ Муромъ, застаётъ тамъ Настасью Ивановну вдовой, и женится на ней.

Эта сказка — цѣлый романъ; мы выжали изъ нея, такъ сказать, одинъ сокъ, и опустили множество подробностей, превосходно характеризующихъ общественный и семейный бытъ древней Руси. Въ этомъ отношеніи сказка „Акундинъ“ имѣетъ даже историческій интересъ, — и Сахаровъ заслуживаетъ особенную благодарность за спасеніе отъ забвенія этого во всѣхъ отношеніяхъ любопытнѣйшаго факта русской народной поэзіи, русскаго духа и русскаго быта.

Мы не будемъ пересказывать содержанія другихъ сказокъ въ сборникѣ Сахарова: всѣ онѣ, исключая „Акундина“ и „Семи Семіоновъ“ — тѣ же самыя поэмы, которыя уже разсказаны и разобраны нами въ предыдущей статьѣ: разница, какъ мы замѣтили тамъ же, состоитъ только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, въ нѣсколько особенной (сказочной) манерѣ, а главное—въ томъ, что сказка объемлетъ собою всю жизнь героя, отъ рожденія до смерти, и слѣдовательно заключаетъ въ себѣ содержаніе иногда нѣсколькихъ поэмъ; ибо поэма схватываетъ только одинъ отдѣльный моментъ изъ жизни героя и представляетъ его какъ бы чѣмъ-то цѣльнымъ и конченнымъ. Такъ, сказка о „Добрынь“ начинается кручиной и

нечалю князя Владиміра, испуганнаго какимъ-то неизвѣстнымъ богатыремъ, разбившимъ свой шатеръ передъ Кіевомъ. Этотъ богатырь былъ уже знакомый намъ Тугаринъ Змѣевичъ. „Чохнулъ онъ чохъ по полю заповѣданному — дрогнула сыра земля; попадали ничь могучіе княжіе богатыри. А и былъ же Тугаринъ Змѣевичъ въ уростъ человѣчь: голова-то съ пивной котель, глаза-то со пивные ковши, туловище-то со круту гору, ноги-то со дубовы колоды, руки-то со шесты вязовы. А и самъ-то Тугаринъ Змѣевичъ ѣдетъ по лѣсу — ровень съ лѣсомъ, ѣдетъ по полю — ровень съ поднебесью. А и держится Тугаринъ Змѣевичъ еретичествомъ, да и хва-стаетъ, собака, онъ молодечествомъ“. Когда отъ Тугарина пришлось плохо, вдругъ откуда ни возмись сильный, могучій богатырь: это нашъ давнишній знакомецъ, Добрыня Никитичъ. Онъ родомъ изъ Новагорода, и пріѣхалъ служить князю Владимиру вѣрой и правдой. И вышелъ онъ съ своимъ Торопомъ слугой на Тугарина Змѣевича и, какъ у богатырей ужъ из-стари заведено, далъ ему карачунъ. „И со той-то поры Добрынюшка Никитичъ жилъ во славномъ городѣ во Кіевѣ, у ласкова осударя Владиміра князя, свѣтъ Святославъевича. Три года Добрынюшка стольничалъ, три года Добрынюшка приворотничалъ, три года Добрынюшка чашничалъ. Стало девять лѣтъ; на десятомъ году онъ погулять захотѣлъ“. Дальнѣйшія похождения Добрынюшки уже извѣстны намъ.

Сказка о Василіѣ Буслаевѣ отличается отъ поэмы многими подробностями: въ ней мужики Новгородскіе, провидя въ Буслаевѣ опаснаго для свободы общины человѣка, сами задираютъ его, чтобъ заранѣе отдѣлаться отъ него. Они приглашаютъ его къ себѣ на пиръ, сажаютъ его на первое мѣсто, но Буслаевъ скромно (изъ политики) отговаривается: „Вы, гой еси, люди степенные, честны мужики посадскіе! велика честь моей молодости: есть постарше меня“.

„Застучали столы съ зеленымъ виномъ, понеслись яства сахарныя. Пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются, въ полъяна напиваются, рѣчи держать крупныя. Одинъ Васька сидитъ не пьянъ, сидитъ не молвить ни словечушка. Стали мужики посадскіе похвальбу держать. Садко молвить: „А и нѣтъ нигдѣ такого ворона коня супротивъ моего сокола: онъ броду не спрашиваетъ, рѣки проскакиваетъ, дороги промахиваетъ, горы перелетываетъ“. Чурило молвить: „А и нѣтъ нигдѣ такой молодой

жены, супротивъ моей Настасьи Апраксѣвны! Ужъ она ли ступить, не ступить по алу бархату; ѣсть яства сахарныя, запиваетъ сытой медовой; ужъ у моей ли молодой жены очи соколы, брови соболя, походка павлиная, грудь лебединая, а и краше ея нѣтъ нигдѣ по всей околицѣ поднебесной“. *Костя Новоторженинъ* молвить: „А и нѣтъ нигдѣ такого богатства супротивъ моего: три корабля плывутъ за синими морями съ крупнымъ жемчугомъ, три корабля плывутъ по лукоморью съ соболями: три корабля плывутъ по морю Хвалынскому со камнями самосвѣтными; а золотомъ, серебромъ пестягаюсь со всѣмъ Новым-городомъ“. *Ставръ* молвить: „А и нѣтъ нигдѣ такого удалого молодца, супротивъ Ставра: ѣдетъ ли онъ во повѣздѣ богатырскомъ, не вѣтры въ поляхъ поднимаются, не вихри бурные крутятъ пыль черную—выѣзжаетъ сильный могучъ богатырь Ставръ Путятичъ, на своемъ конѣ богатырскомъ, съ своимъ слугой Акундиномъ. На Ставрѣ доспѣхи ратные словно жаръ горять, на берѣ виситъ мечъ-кладенецъ, во правой рукѣ копье булатное, во лѣвой шелковая плеть, того ли шелку шемаханскаго, на конѣ збруя красна золота. Наѣзжаетъ Ставръ на Чудь поганую, вскрикиваетъ богатырскимъ голосомъ, засвистываетъ молодецкимъ посвистомъ: сыры боры приклоняются, зелены листы опускаются; онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ: богатырскій конь осержается, мечетъ изъ подъ копыты по сѣнной копнѣ; бѣжитъ въ полѣ — земля дрожитъ, изъ рта пламя валить, изъ ноздрей пыль столбомъ. Ставръ гонитъ силу поганую: конемъ вернуть—улица, копьемъ махнетъ—нѣтъ тысячи, мечомъ хватить — лежать тьма людей“.

Мужики спрашиваютъ Буслаева, отчего сидитъ онъ, задумался, самъ ничѣмъ не похваляется. „На что мнѣ, молодцу, радоваться, чѣмъ передъ вами похваляться? Оставилъ меня осударь батюшка во сиротствѣ, а сударыня матушка живетъ во вдовствѣ. Есть у меня золотѣ казна, богатства несмѣтныя: и то я не самъ добылъ“.

„Отъ слова умнаго Васьки Буслаева мужики посадскіе дивовалися, стали его промежъ себя перешептывать: „Зло держитъ Васька на сердцѣ“. Наливаютъ братину зелена вина, ставятъ на столы дубовые, отошедъ кланяются и всѣ едину рѣчь говорятъ: „Кто хочетъ дружить Новугороду, тотъ пей зелено вино до суха!“ Садятся мужики посадскіе за дубовы столы, усмѣхаючись, и ждутъ отповѣди отъ Васьки. Встаетъ Васька покланяется, принимаетъ братину во бѣлы руки, выпиваетъ зелено вино единымъ духомъ. И стала братина пуста до суха, а Васька, сидитъ въ полбѣяна. Заиграла хмелинушка, закипѣла кровь молодецкая, и сталъ Васька похваляться: „Глупые вы, неразумные, мужики посадскіе! Взятъ будетъ Василию Буслаевичу Новгородъ за себя; править будетъ мужиками посадскими на своей волѣ: братъ будетъ пошлины даточныя со всей земли; съ лову заячго и тоголинаго, съ заѣзжихъ гостей пошлины мытныя, а мужикамъ посадскимъ будетъ лежать у ногъ моихъ“.

„Не любы стали мужикамъ посадскимъ рѣчи спорныя; закричали все едино слово: „Младъ еще ты, дѣтище неудалое: незрѣлъ твой умъ, не бывать за тобой Новгороду; потерять тебѣ буйну голову; не честь тебѣ съ нами жить; нѣтъ про тебя съ нами земли“.

„Разгорается сердце молодецкое пуще прежняго; распаляется голова буйная. „Не честь мнѣ съ вами жить (отповѣдь держитъ Васька) — иду съ вами перевѣдаться“. Встаетъ Васька изъ-за стола дубоваго, встаетъ, идетъ, не кланяется; и только его видѣли“.

И вотъ мы прошли весь циклъ богатырскихъ поэмъ. Что до сказокъ — ихъ въ сборникѣ Сахарова такъ мало, что мы обо всѣхъ по крайней мѣрѣ упомянули, а въ хранилищѣ народной памяти такъ много, что обо всѣхъ не переговоришь. Скажемъ коротко объ общемъ характерѣ этихъ поэмъ и сказокъ. Содержаніе ихъ бѣдно, и потому утомительно и однообразно. Отсутствіе миѣическихъ созерцаній, какъ зерна развитія внутренняго и гражданственнаго, ограниченная сфера народнаго быта, такъ сказать, стоячесть жизни, вращавшейся вокругъ себя безъ движенія впередъ, — вотъ причина скудости и однообразія въ содержаніи этихъ поэмъ. Только въ Новѣгородѣ, гдѣ, вслѣдствіе торговли и плода ея — всеобщаго богатства и довольства, — жизнь раскинулась и шире, и размахистѣе, а духъ предприимчивости, удалства и отваги, свойственныхъ русскому племени, нашелъ себѣ болѣе свободную сферу, — только въ Новѣгородѣ народная поэзія могла проявиться болѣе яркими проблесками. Мы уже говорили выше, что новгородскій штемпель лежитъ на всемъ русскомъ бытѣ, а слѣдовательно и на всей русской народной поэзіи; что даже самъ Владиміръ, великій князь кievскій стольный, и все богатыри его говорятъ, дѣйствуютъ и пируютъ какъ-то по новгородски и какъ будто по-купечески.

Но, не смотря на всю скудость и однообразие содержанія нашихъ народныхъ поэмъ, нельзя не признать необыкновенной, исполинской силы заключающейся въ нихъ жизни, хотя эта жизнь и выражается повидимому только въ матеріальной силѣ, для которой все равно — побить ли цѣлую рать ордынскую, или единымъ духомъ выпить чару зелена вина въ полтора ведра, турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра. Богатырь всегда — богатырь, и сила, въ чемъ бы ни выражалась она — всегда сила: сильный плѣняется только силой, и бога-

тырь—богатырствомъ. Въ грёзахъ народной фантазіи оказываются идеалы народа, которые могутъ служить мѣрой его духа и достоинства. Русская народная поэзія кишитъ богатырями, и если въ этихъ богатыряхъ незамѣтно особеннаго избытка какихъ-либо нравственныхъ началъ, — ихъ сила все-таки не можетъ называться лишь матеріальной: она соединялась съ отвагой, удалствомъ и молодечествомъ, которымъ — море по колено, а это уже начало духовности, ибо принадлежитъ не къ комплексіи, не къ мышцамъ и тѣлу, а къ характеру и вообще нравственной сторонѣ человѣка. И эта отвага, это удалство и молодечество, особливо въ новгородскихъ поэмахъ, являются въ такихъ широкихъ размѣрахъ, въ такой несокрушимой исполинской силѣ, что передъ ними невольно преклоняешься. Одни эти качества — отвага, удалъ и молодечество, еще далеко не составляютъ человѣка; но они — великое поручительство въ томъ, что одаренная ими личность можетъ быть по преимуществу человѣкомъ, если усвоитъ себѣ и разовьетъ въ себѣ духовное содержаніе. Мы уже сказали и снова повторяемъ: Русь въ своихъ народныхъ поэмахъ является только тѣломъ, но тѣломъ огромнымъ, великимъ, кипящимъ избыткомъ исполинскихъ физическихъ силъ, жаждущимъ пріять въ себя великій духъ, и вполне способнымъ и достойнымъ заключить его въ себѣ... Долго ждала она своего духовнаго возрожденія, приготовлялась къ нему тяжелымъ и кровавымъ испытаніемъ, долгой годиною ужасныхъ бѣдствій и страданій — и дождалась: нестройный хаосъ ея существованія огласился творческимъ глаголомъ „да будетъ“ — и бысть...

Форма народныхъ поэмъ совершенно соответствуетъ ихъ содержанію: та же сила — и та же скудость, та же неопредѣленность, то же однообразіе въ выраженіи и образахъ. Если у князя или гостя богатаго пиръ, — то во всѣхъ поэмахъ описаніе его совершенно одинаково: „А и было пированье почестный пиръ, а и было столованье почестный столъ, а и будетъ день во полуднѣ, а и будетъ пиръ во полупирѣ; а и будетъ столъ во полустолѣ“. Если богатырь стрѣляетъ изъ лука, то непременно: „а и спѣла вѣдь тетивка у лука — взвыла да пошла калена стрѣла“. Обезаруженый ли бога-

тырь ищетъ своего оружія, то уже всегда: „не попала ему его палица желѣзная, что попала-то ему ось телѣжная“. Если дѣло идетъ объ удивительномъ убранствѣ палатъ, то: „на небѣ солнце—въ теремѣ солнце“, и пр. Однимъ словомъ, всѣ источники нашей народной поэзіи такъ немногочисленны, что какъ-будто перечтены и отмѣчены общими выраженіями, которыя и употребляются по надобности.

Форма русской народной поэзіи вообще оригинальна въ высшей степени. Къ главнымъ ея особенностямъ принадлежатъ музыкальность, пѣвучесть какая-то. Между русскими пѣснями есть такія, въ которыхъ слова какъ будто набраны не для составленія какого-нибудь опредѣленнаго смысла, а для послѣдовательнаго ряда звуковъ, нужныхъ для „голоса“. Уху русскій человѣкъ жертвовалъ всѣмъ — даже смысломъ. Художникъ легко примиряетъ оба требованія; но народный пѣвецъ по необходимости долженъ прибѣгать къ повтореніямъ словъ и даже цѣлыхъ стиховъ, чтобъ не нарушить требованій ритма. Сверхъ того въ русской народной поэзіи большую роль играетъ риѣма не словъ, а смысла: русскій человѣкъ не гоняется за риѣмой—онъ полагаетъ ее не въ созвучіи, а въ кадансѣ, и полубогатыя риѣмы какъ-бы предпочитаетъ богатымъ; но настоящая его риѣма есть риѣма смысла мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ двойственность стиховъ, изъ которыхъ второй риѣмуетъ съ первымъ по смыслу. Отсюда эти частыя и повидимому не нужныя повторенія словъ, выражений и цѣлыхъ стиховъ; отсюда же и эти отрицательныя подобія, которыми, такъ-сказать, оттѣняется настоящій предметъ рѣчи: „Не грозна туча во широкомъ полѣ подымалася, не полая вода на круты берега разливалася: а выводилъ то молодой князь Глѣбъ Олеговичъ рать на войну“, или: „Не высоко солнце по поднебесью восходило, не румяная заря на широкомъ полѣ растилалася, а выходилъ то молодой Акундинъ“.

Всѣ эти повторенія и не нужныя слова: *своей и его, тяж-*

Не допустить Екима до добра коня,
До *своей его* палицы *тяжкія*,
А и *тяжкія* палицы *мѣдныя*,
Лита она была въ три тысячи пудъ;
Не *попала* ему палица *жельзная*,
Что *попала* ему ось-то телѣжная.

кiя и *тяжкiя*, *попала* и *попала*, сдѣланы явно для пѣвучей гармонiи размѣра и для риѣмы смысла; для того же сдѣлана и безсмыслица, т. е. въ третьемъ стихѣ палица названа *мѣдною*, а въ пятомъ *жельзною*: желѣзная была необходима сверхъ того и для кадансовой, просодической (а не для созвучной) риѣмы: *жельзная—темъжная*: ѿ — ѿ ѿ и ѿ — ѿ ѿ . Такихъ примѣровъ можно найти бездну: но для поясненiя нашей мысли довольно и этихъ.

Отъ богатырскихъ поэмъ самый естественный переходъ къ сказкамъ. Выше мы уже говорили о различii вообще поэмъ отъ сказокъ и въ особенности русскихъ богатырскихъ поэмъ отъ русскихъ богатырскихъ сказокъ: поэма схватываетъ одинъ какой-нибудь моментъ изъ жизни богатыря; сказка объемлетъ всю жизнь его; тонъ поэмы важнѣе, выше и поэтичнѣе; тонъ сказки простонароднѣе и прозаичнѣе. Мы уже говорили, что всѣ поэмы, заключающiяся въ сборникъ Кириши Данилова, существовали и въ формѣ сказокъ. Но кромѣ того есть много русскихъ сказокъ, существенно отличающихся отъ поэмъ. Эти сказки раздѣляются на два рода—богатырскiя и сатирическiя. Первые часто такъ и бросаются въ глаза своимъ иностраннымъ происхожденiемъ, онѣ налетѣли къ намъ и съ Востока, и съ Запада. Такъ напримѣръ, извѣстная сказка о Бовѣ Королевичѣ слишкомъ рѣзко отзывается итальянскимъ происхожденiемъ, какъ по собственнымъ именамъ ея героевъ и городовъ — Гвидонъ, Додонъ, Мелектриса, и т. д., такъ и преобладанiемъ любовнаго интереса, соединеннаго съ ядами и отравленiями. Восточныя сказки всѣ отличаются чисто татарскимъ происхожденiемъ. Въ сказкахъ западнаго происхожденiя замѣтенъ характеръ рыцарскiй; въ сказкахъ восточнаго происхожденiя — фантастическiй. Были попытки прослѣдить происхожденiе нашихъ сказокъ; одинъ литераторъ даже выводилъ ихъ всѣхъ изъ Индiи и нашелъ ихъ подлинники на санскритскомъ языкѣ, котораго онъ впрочемъ не зналъ. Но главное дѣло въ томъ, что подобные розыски невозможны. Русскiй человѣкъ, выслушавъ отъ татарина сказку, пересказывалъ ее потомъ совершенно по-русски, такъ что изъ его устъ она выходила запечатлѣнной русскими понятiями, русскимъ взглядомъ на вещи и русскими выраже-

ніями. Это очень понятно, и въ наше время существуетъ пѣсня, въ которой разсказывается, какъ графъ Платовъ надулъ Бонапарта: онъ, видите-ли, пришелъ къ нему инкогнито, а Бонапартъ-то сдуру, не догадавшись, кто у него въ гостяхъ велѣлъ и „банюшку истопить“; когда Платовъ выпарился въ банюшкѣ и наѣлся за столомъ, то откланялся Бонапарту, говоря ему: „не умѣла ты, ворона, ясна сокола поймать“ — да и былъ таковъ,--а Бонапарту, разумѣется, куда больно досадно стало, что Платовъ-то его такъ одурачилъ: вѣдь еслибы онъ не далъ промаха и не разинулъ рта, и смекнулъ бы, кто былъ его гость, то сейчасъ же велѣлъ бы съ Платова съ живого содрать кожу. Вотъ поразительный образчикъ переложения чуждой жизни на свои національныя понятія! удивительно ли, что татарскія сказки и европейскія рыцарскія легенды, пересказанныя по-русски, не сохранили ничего ни восточнаго, ни западнаго? Удивительно-ли, что всѣ попытки на точныя изслѣдованія ихъ происхожденія такъ же невозможны, какъ и бесплодны, еслибъ онѣ были и возможны? Если въ этихъ сказкахъ есть что-нибудь интересное, такъ это именно ихъ выраженіе, въ которомъ проявляется русскій умъ,—а не содержаніе, которое уже по тому самому нелѣпо, что оно, какъ иностранное, находится въ явномъ противорѣчій съ русскимъ складомъ выраженія.

Сказокъ на Руси множество. Сахаровъ насчитываетъ ихъ до 120-ти названій, говоря только о тѣхъ изъ нихъ, которыя попали въ въ печать. Сколько же ихъ хранилось и еще теперь хранится въ народной памяти? Но это богатство въ сущности немногимъ разнится отъ совершенной нищеты: почти всѣ эти сказки дошли до насъ въ искаженномъ видѣ, а большая часть и доселѣ сохранившихся въ памяти народа еще не собрана. Не только наши литераторы прошлаго вѣка, но даже и простолюдины, занимавшіеся такъ называемыми лубочными изданіями, искажали ихъ. Касательно этого предмета, Сахаровъ сообщаетъ весьма интересныя подробности. Вотъ его собственныя слова:

„Рѣзба на деревѣ появилась на Руси съ XVI столѣтія и постоянно продолжается доселѣ въ разныхъ мѣстахъ. Имя перваго рѣзчика намъ неизвѣстно. Въ 1597 году появилось изображеніе съ именемъ

рѣзчика Андроника Тимоѳеевича Невѣжи. Въ XVII столѣтіи намъ извѣстны рѣзчики: Паисій (1659 г.), Василій Корень (1697 г.); а въ XVIII столѣтіи образовалась уже школа подъ надзоромъ генераль-фельдцейхмейстера Брюса. Василій Кипріяновъ съ своими учениками Ѳеодоромъ Никитинымъ, Маркомъ Петровымъ и Алексѣемъ Zubовымъ постоянно занимались рѣзбой на деревѣ. Они издали Брюсовъ календарь, географическія карты, басни Езоповы. Книга подъ названіемъ: „Исторія или дѣйствіе Евангельскія притчи о блудномъ сынѣ, бывающее лѣта отъ Рождества Христова 1685“,—безспорно принадлежитъ къ первоначальнымъ книгамъ лубочныхъ изданій. По московскимъ преданіямъ извѣстно, что рѣзчики лубочныхъ изданій жили прежде у Успенія въ печатникахъ. Знаменитая лубочная Московская печатница Ахметьева, основанная въ половинѣ XVIII вѣка, существовала болѣе 100 лѣтъ у Спаса въ Спасской, за Сухаревой башней. Ахметьевъ получилъ сію печатницу въ приданое за своей невѣстой. Прежде въ этой типографіи работали на 20 станкахъ. При старикѣ доски вырѣзались у него въ заведеніи. Подлинники и истинники буквально переносилась рѣзчиками съ одной доски на другую и отличались вѣрностью. Когда же вступила въ управленіе Ахметьевской печатницей Татьяна Аѳанасьевна, то истинники раздавались по деревнямъ, и тамъ уже правильная рѣзба на деревѣ обратилась въ кустарное (грубое) ремесло. Рѣзчики начали своевольно отступать отъ истинниковъ, и вмѣсто русскаго народнаго платя появились на персонахъ наряды нѣмецкіе. Вмѣстѣ съ этимъ изуродованіемъ персонъ начали портить и текстъ народныхъ сказокъ. Всѣ отпечатанные листы отдавались съ Ахметьевской печатницы по деревнямъ. Раскраски преимущественно производились четырьмя цвѣтами: краснымъ, желтымъ, синимъ и голубымъ. Но никто въ Москвѣ такъ лучше не умѣлъ раскрашивать картинъ, какъ извѣстная старушка Ѳеодосія Семеновна съ сыномъ. Старыя лубочныя изданія теперь такъ сдѣлались рѣдки, что съ большими трудами, едва едва можно пріобрѣтать. Сосредоточіемъ продажи лубочныхъ изданій всегда была Москва. Сюда являлись для покупокъ ихъ отъ Макарья осенью и предъ масляницей ходебщики, торгующіе по Руси всѣми возможно-существующими товарами. Въ старину раскрашенные картины продавались въ Москвѣ у Спасскаго моста, близъ стараго бастиона. Вытѣсненные оттуда, онѣ перешли къ оградѣ Казанскаго собора. Послѣ этого ихъ согнали къ холщевому ряду, а наконецъ вытѣснили въ квасной рядъ. Временныя выставки лубочныхъ произведеній бывають на Смоленскомъ рынкѣ и у Сухаревой башни, по воскресеньямъ. Говорятъ, что въ 1812 году, во время пожара Москвы, погибло много народныхъ истинниковъ, драгоцѣнныхъ по изобрѣтенію и по тексту. Стоитъ только сравнить старыя изданія съ новыми, и сейчасъ упадокъ выразится во всемъ ничтожествѣ на новыхъ. Дешевизна лубочныхъ изданій, изображеніе предметовъ, близкихъ для народа, языкъ народный—увѣковѣчили лубочное художество на Руси. Явись человѣкъ съ умомъ и знаніемъ нуждъ народа, заговори чистымъ народнымъ языкомъ про нашу народную Русь, изобрази на лубочныхъ картинахъ дѣла родимой отчизны—и онъ былъ бы просвѣтителемъ нашего простонародья, онъ подвинулъ бы его на цѣлый вѣкъ“.

Но привилегированные грамотники, записные литераторы въ конецъ исказили русскія сказки. Чулковъ, еще въ 1780 году начавшій издавать „Русскія сказки“ и издавшій ихъ цѣлыхъ десять томовъ, имѣлъ подлинныя списки этихъ сказокъ, и не смотря на то, почелъ необходимымъ исправлять и передѣлывать ихъ. А что онъ имѣлъ подлинныя списки, это доказываетъ его выписками, а индѣ фразами изъ нихъ, которыя онъ отмѣчалъ въ печати вставочнымъ знакомъ: „—“. Всѣ другіе собиратели русскихъ сказокъ поступали съ ними съ такимъ же простодушнымъ варварствомъ, усердно хлопоча поворотить ихъ на повѣсти и романы.

Вотъ нѣкоторыя изъ замѣчательнѣйшихъ названій русскихъ сказокъ:

„О Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ“, „О семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ“; „Емеля Дурачокъ“; „Шемякинъ Судъ“; „О семи мудрецахъ и о юношѣ“; „О чудныхъ и зѣло умильныхъ гусяхъ самогудахъ“; „О Жарь-птицѣ и о Иванѣ Царевичѣ“; „О Фомѣ простаѣ и Бабѣ-Ягѣ“; „О Утицѣ съ золотыми яицами“; „Исторія о Петрѣ златыхъ ключахъ“; „Сказка о Булатѣ молодцѣ“; „О Бовѣ Королевичѣ“; „О Ерусланѣ Лазаревичѣ“; „Сказка о нѣкоемъ приказчикѣ и купцовой женѣ“; „Бабы увертки“; „О томъ, какъ масляница семикъ къ себѣ въ гости звала“; „Похожденіе о носѣ и морозѣ“; „Сказка о ворѣ и бурой коровѣ“; „Сказка о двухъ братьяхъ и о томъ, какъ на роду написано счастье дураку“; „О двенадцати сестрахъ и о всѣхъ иже есть въ міру лихорадкахъ“; „О Иванушкѣ дурачкѣ“.

Между этими сказками, по увѣренію Сахарова, есть новѣйшіе переводы съ французскаго: такъ, сказка о „Дуринѣ Шаринѣ“ есть „La Reine Cherie“, а „Катерина Сатерина“ — „La sottie Reine Katherine“. Русскій человѣкъ по своей натурѣ всегда былъ эклектикомъ и въ одеждѣ, и въ обычаяхъ, и въ понятіяхъ: посмотрите внимательно драгоцѣнное изданіе „Историческое описаніе одежды и всоруженія россійскихъ войскъ“ — и вы увидите, сколько заимствованій было въ оригинальномъ русскомъ костюмѣ. А сколько обычаевъ перешло къ намъ отъ византійцевъ, отъ татаръ? Почему же было отовсюду не заимствоваться сказками? По нашему мнѣнію, эта

способность заимствованія и усвоенія есть человѣчески прекрасная черта русскаго народа: китайцы и монголы не заимствуютъ.

Особенно извѣстны на Руси, кромѣ „Бовы Королевича“ и „Еруслана Лазаревича“ (появившагося вѣроятно не ранѣе XVIII столѣтія), сказки: „О Жарь-Птицѣ и Иванѣ Царевичѣ“, „О Иванушкѣ Дурачкѣ“ и „О семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ“. Первыя двѣ доселѣ можно прочесть только въ лубочныхъ изданіяхъ; послѣдняя издана Сахаровымъ. Содержаніе первыхъ, въ томъ видѣ, какъ можно ихъ прочесть, довольно извѣстно всѣмъ и каждому, а выраженіе не слишкомъ отличается народнымъ колоритомъ. Золотыя яблоки, Жарь-птица, Сѣрый волкъ, который служитъ красавицѣ плѣнной царицѣ,—все это отзывается Востокомъ. Иванушка-Дурачокъ—одинъ изъ любимыхъ героев народной фантазіи. Онъ сдержалъ слово, данное отцу, провести ночь на его могилѣ и дежурилъ на ней двѣ ночи и за братьевъ. За это онъ получаетъ въ свое распоряженіе чудодѣйнаго коня, къ которому въ одно ухо влѣзаетъ онъ и неумойкой мужикомъ, и дуралеемъ, а изъ другого вылѣзаетъ блистательнымъ богатыремъ и умницей. Съ помощью коня онъ три дня побѣждаетъ всѣхъ богатырей, ищущихъ руки царевны, и каждый разъ исчезаетъ, являясь домой нечосой и болваномъ. Наконецъ, къ удивленію обоихъ своихъ умныхъ братьевъ, онъ дѣлается мужемъ царевны, какъ бы для доказательства выгоды быть нравственнымъ, а не простымъ дуракомъ. Мораль сказки, какъ видите, очень тонкая! Такова же сказка „О Емелѣ Дурачкѣ“, который, за глупость и лѣность, приобрѣлъ покровительство щуки, и „по своему хотѣнью, по щучьему велѣнью“, ѣздитъ себѣ на печи вмѣстѣ съ избой. Здѣсь осуществленъ народный идеалъ высшаго на землѣ блаженства—ѣсть, спать, лежать на печи и ничего не дѣлать. Въ особѣ „Фили простачка“ русская народная фантазія олицетворила хитрость и лукавство вмѣстѣ съ глупостью: Фили простачокъ надуваетъ Ягу-бабу,—она хотѣла его изжарить и съѣсть, а онъ накормилъ ее жаркимъ изъ мяса собственныхъ ея дочерей.

Сказка „О семи Семіонахъ, семи родныхъ братьяхъ“ но-

ситъ на себѣ всѣ признаки народной фантазіи, или вѣрно подслушанной изъ устъ народа, или перепечатанной съ хорошаго стариннаго списка: это доказываетъ ея неподдѣльно-народное выраженіе. Семь Семіоновъ по десятому году остались сиротами послѣ отца и матери. Всѣ они были близнецы. Узнавъ о нихъ молодой князь Угоръ и собралъ великую думу боярскую, на которой и возговорить молодой князь Угоръ: „гой еси вы, мои бояре вѣковѣчные! Придумайте, пригадайте, кабы тѣхъ малыхъ дѣтищей научить уму-разуму? Да и тѣ-то, малы дѣтища, живучи безъ отца и безъ матери, во своемъ сиротствѣ, сами учили править домкомъ, землю пахать, хлѣбъ доставать“.—И били бояре челомъ ему, молодому князю Угору, а сами вымолвляли во единѣ рѣчь: Осударь, ты нашъ батюшко, молодой князь Угоръ! Велико твое слово мудрое, велика твоя заботушка о малыхъ дѣтищахъ! Выслушай прежде наши слова немудрыя, приголубь рѣчью лебединой наши думушки простыя, да опослѣй и суди по своему уму-разуму. Вѣдь и тѣ-то малы дѣтища на возрастѣ, да и живутъ своимъ умомъ-разумомъ; повели, осударь, ты нашъ батюшко, спросать на особицѣ по единому: а и кто изъ нихъ чему гораздъ? а кто изъ нихъ по своему уму-разуму въ какую науку похочетъ пойти?—И приговорилъ молодой князь Угоръ: быть дѣлу такъ, какъ придумали, пригадали его бояре вѣковѣчные на великой думѣ.

Спросили Семіоновъ, cadaго порознь; всѣ они отказались въ науку идти, но каждый изъ нихъ вызвался на дѣло великое: первый построить на княженецкомъ дворѣ желѣзный столбъ до неба; второй—засѣсть на столбу и рассказать, что дѣлается на всемъ свѣтѣ; третій—топоромъ, сдѣланнымъ первымъ Семіономъ, соорудить великъ корабль; четвертый—когда на корабль нападутъ разбойники, уводить его подъ воду, а потомъ опять выводить поверхъ воды; пятый—стрѣлой, сдѣланной первымъ Семіономъ, бить на лету птицъ, а шестой—подхватывать на воздухъ убитыхъ птицъ. Когда молодой князь Угоръ спросилъ седьмого Семіона: „По своему уму-разуму въ какую науку хошь пойти!“—тотъ отвѣчалъ: „Осударь, ты нашъ батюшко, молодой князь Угоръ! по своему уму-разуму ни въ какую науку не хочу итить; а кабы

ты, осударь, князь смиловался, не велѣлъ меня казнить, и я бы въ тѣ поры повѣдалъ свое ремесло“. И нудилъ его молодой князь Угорь про то ремесло отповѣдать. И тутъ молвилъ онъ, Семіонъ: „Какъ мое-то ремесло ни пахать, ни молоть, ни початочки мотать; умѣю я, молодецъ, всяку всячину воровать, да и никто тому такъ во всемъ царствѣ не гораздъ“. Молодой князь Угорь спрашиваетъ у бояръ, какой казнью казнить Семіона; одинъ говоритъ: а и его-то Семіона сжечь пора; другой: а и его-то Семіона повѣсить пора, и т. д. Наконецъ одинъ старый бояринъ предлагаетъ велѣть Семіону украсть молодую княжну Елену Прекрасную, которую князь Угорь доставалъ себѣ десять лѣтъ, „какъ и въ тѣ-то десять лѣтъ извели всю золотую казну, потеряли три рати несмѣтныхъ“. Скоро дѣлалъ Семіонъ желѣзный столбъ, а скорѣй того тотъ столбъ до неба досягалъ. Выходить бояринъ тотъ столбъ пытатъ, и пытаетъ бояринъ тотъ желѣзный столбъ засовомъ дубовымъ, а самъ посматриваетъ: нѣтъ ли прогалинокъ поперечныхъ; а самъ прислушиваетъ: не проходятъ ли буйны вѣтры со частымъ дождичкомъ; буде такъ — не сносить Семіону головы на плечахъ своихъ. (Въ этой сказкѣ болѣе легкихъ наказаній не существуетъ).

Послалъ бояринъ второго Семіона на столбъ. „И пошелъ Семіонъ на тотъ желѣзный столбъ, да и давай себѣ глядѣть на всю поднебесную. Глядитъ дѣтина, дивуется, что на бѣлымъ свѣтѣ дѣется; глядитъ дѣтина со бѣла утра до темной ночи, а боярину ни словечушка не молвить: знать дознаетъ дѣтина всю поднебесную... И молвилъ бояринъ: „поглядите-тко, добры люди, на тотъ желѣзный столбъ, а поглядѣвши, скажите: тамъ ли дѣтина стоитъ?“ Смотрятъ люди на тотъ желѣзный столбъ, а поглядѣвши молвятъ: „ни вѣсть дѣтина стоитъ, ни вѣсть птица сидитъ!“ Крутитъ-мутитъ зазнобушка у боярина ретиво сердце; крутитъ-мутитъ невзгодушка у боярина буйну голову. И молвить бояринъ самъ съ собой: „ни вѣсть на дѣтину дурь взошла? не вѣсть дѣтину птицы заклевали? Кабы на дѣтину дурь взошла, и онъ бы, дѣтина съ того столба упалъ долой. Кабы дѣтину птицы заклевали, и онъ бы, дѣтина, крикомъ кричалъ“.—И махалъ бояринъ дѣтинѣ шапкой соболиной, а за нимъ и весь

міръ крещеной. И сходитъ Семіонъ съ того столба желѣзнаго, а самъ боярину вымолвлялъ: „а и видѣлъ-де я, Семіонъ, всю поднебесную, всѣ царства и государства, и знаю я, что-де тамъ дѣлается“. И спрошалъ бояринъ его, Семіона: „а и что во той поднебесной за царства и государства? да и есть ли во тѣхъ государствахъ люди? да и что тѣ люди дѣлаютъ?“ И молвитъ онъ, Семіонъ: „велика земля вся поднебесная, что и ума-разума не достанетъ измѣрить. А стоятъ на той землѣ всѣ царства и государства единъ за единымъ, что и смѣты нѣтъ, да и нѣтъ на всей землѣ такого человѣка, кто бы сочелъ: сколько царствъ и государствъ. Какъ за нашей-то матушкой Волгой-рѣкой стоитъ море Хвалынское, а на томъ морѣ Хвалынскомъ живутъ все бесермены, а и живутъ тѣ бесермены не по нашему, православному, а по своему уму глупому: ни хлѣба не пекутъ, ни въ баню ни ходятъ. Какъ за славнымъ-то Дономъ, за той рѣкой глубокой, стоитъ море Бѣлое, а на томъ на морѣ Бѣлымъ живутъ злы татарченки, а и живутъ тѣ злы татарченки не по нашему, православному, а по своему уму глупому: на семи женахъ женятся, на семи дворахъ одни сани стоятъ. Какъ за межей-то нашей-матушки святой Руси стоитъ Окіанъ море глубокое, какъ за тѣмъ ли Окіаномъ моремъ глубокимъ стоятъ тридевять земель, всѣ бесерменскія; а позадь тѣхъ тридевять земель стоитъ тридесятое царство, а въ томъ тридесятомъ царствѣ стоитъ теремъ изукрашенный, а въ томъ теремѣ изукрашенномъ сидитъ у злата окошечка молода княжна Елена Прекрасная, во тоскѣ, во кручинушкѣ“. И пыталъ бояринъ дѣтину: „ай ты, дѣтина! скажи всю правду со истиной: почему знать то тридесятое царство? Почему знать теремъ изукрашенный? Почему знать молодую княжну, Елену Прекрасную?—И молвитъ онъ, Семіонъ: „знать то тридесятое царство по рѣкамъ глубокимъ, по раздольцамъ широкимъ, по темнымъ лѣсамъ, непроходимымъ, по людямъ незнаемымъ; знать-то теремъ изукрашенный по бѣлостекольчату крылечку съ перильцами, по злату окошечку съ рѣшеточкой, по серебряной крышечкѣ со маковкой; знать-то молодую княжну Елену Прекрасную — по ея лицу румяному, по ея русой косѣ, по ея вѣжеству прироженному“. И возговоритъ бояринъ: „ай ты, дѣтина! буде

ты не вспозналъ тридесятаго царства, не угадалъ терема изукрашеннаго, не дозналъ молодой княжны Елены Прекрасной, не сносить тебѣ головы на своихъ плечахъ“.

Когда третій Семіонъ сдѣлалъ великъ корабль, бояринъ пыталъ тотъ великій корабль засовомъ дубовымъ, а самъ посматриваетъ—цѣло днище крѣпкое; а самъ поглядываетъ—есть ли весельца кленовые, замки дубовые, скамеечки рѣшетчатые. Глядитъ бояринъ на великъ корабль, глядитъ, посматриваетъ, а самъ съ собой думу думаетъ: „ну, какъ-то пойдетъ великъ корабль въ окіанъ море глубокое?—вѣдь окіанъ-то море глубина несказанная! ну. какъ-то великъ корабль проплыветъ окіанъ море глубокое?—вѣдь окіанъ-то море не яндовѣ чета!“ И поѣхали братья Семіоны за молодой княжной Еленой Прекрасной, за тридевять земель, въ тридесятое царство. Какъ и всѣ-то братья за дѣломъ сидятъ, а семьей Семіонъ по кораблику похаживаетъ, черна кота поглаживаетъ. „Вѣдь его-то, братцы, черный котъ, бають, изъ-за синяго моря, изъ-за того ли лукоморья; да и онъ ли, черный котъ, по умному сказки рассказываетъ, по разумному пѣсни заводитъ. Какъ на томъ ли на Окіанъ морѣ глубокомъ стоитъ островъ зеленъ, какъ на томъ ли на зеленомъ острову стоитъ дубъ зеленый, отъ того дуба зеленого виситъ цѣпь золотная, по той ли по цѣпи золотной ходитъ черный котъ. Какъ и тотъ ли черный котъ во правую сторону идетъ веселыя пѣсни заводитъ; какъ во лѣвую сторону идетъ стары сказки рассказываетъ. И ходитъ онъ, Семіонъ, около терема изукрашеннаго, ходитъ, похаживаетъ, черна кота поглаживаетъ, на высокъ теремъ посматриваетъ. Какъ и тотъ ли теремъ изукрашенный былъ красоты несказанная: внутри его, терема изукрашеннаго, ходитъ красно солнышко словно на небѣ. Красно солнышко зайдетъ, молодой мѣсяцъ по терему похаживаетъ, золоты рога на всѣ стороны покладываетъ. Часты звѣзды изнасѣны по стѣнамъ, словно маковъ цвѣтъ. А построенъ тотъ теремъ изукрашенный на семи верстахъ съ половиной; а высота того терема несказанная. Кругомъ того терема рѣки текутъ, молокомъ изнаполненныя, сытой медовой подслащенныя. По всѣмъ по тѣмъ по рѣкамъ мосточки хрустальные, словно жаръ горять. Кругомъ

терема стоятъ зелены сады, а въ зеленыхъ садахъ поютъ птицы райскія пѣсни царскія. Во томъ ли теремѣ всѣ окошечки красна золота, всѣ крылечки бѣлостекольчаты, всѣ дверцы чиста серебра. Какъ и на теремѣ-то крышечка чиста серебра со маковкой золотной, а во той ли маковкѣ золотной лежитъ дорогъ рыбій зубъ. Отъ красна крылечка бѣлостекольчата лежатъ ковры самотканые; а по тѣмъ по коврамъ самотканнымъ ходитъ молода княжна, Елена Прекрасная“. Семей Семіонъ называется купцомъ: „посадскаго роду я, молода княжна, изъ-за тридевять земель, ходилъ, гулялъ на корабликахъ по всѣмъ городамъ, мѣнялъ, вымѣнивалъ золоты парчи червчатая, бѣлошолковы аксамиты венецейскія, дороги камочки цареградскія, золоты ширинки съ убрusничками, вальящаты рясны съ монистами, черны соболи сибирскіе, сиводущаты лисицы поморскія, бѣлы куницы закамскія. Не въ угоду-ль тебѣ, молода княжна, вальящаты рясны съ монистами? Но по твоему ли нраву княженецкому золоты парчи червчатая? Не по сердцу ли тебѣ, молода княжна, на душегрѣчку соболи сибирскіе, бѣлы куницы закамскія, сиводущаты лисицы поморскія? Пригляни, молода княжна, на дороги товары заморскіе, выбирай себѣ съ любка любое, и потѣшь покупочкой заѣзжаго купца, гостиной сотни молодца“. Замаливши молодую княжну на великъ корабль, Семіоны подняли паруса и поплыли. Увидѣвъ за собой погоню, четвертый Семіонъ схватилъ великъ корабль за его носъ турины, за его корму звѣриную, и повелъ его въ подземельное царство; когда погоня ушла назадъ, Семіонъ опять вывелъ корабль. Молода княжна Елена прекрасная оборотилась лебедушкой бѣлой и улетѣла съ корабля; тогда пятый Семіонъ подстрѣлилъ ее въ крыло, а шестой подхватилъ на лету. Князь Угоръ женился на Еленѣ, надѣлилъ Семіоновъ золотой казной, да и отпустилъ ихъ на родиму сторону, а самъ онъ, молодой князь Угоръ, сталъ жить, поживать, добра наживать.

Содержаніе этой сказки, оригинально-русское оно, или восточнаго происхожденія, во всякомъ случаѣ такъ вздорно, что странно было бы разсуждать о немъ; но выраженіе этой сказки, складъ и тонъ разсказа такъ наивны, такъ оригинальны, такъ проникнуты понятіями и взглядомъ на вещи той

эпохи, въ которую она сложена, и того класса народа, которымъ она сложена, что ее нельзя прочесть безъ интереса болѣе или менѣе живого. И этого-то не поняли ученые и образованные литераторы прошлаго столѣтія: они гонялись за сюжетомъ сказокъ и ни во что ставили ихъ форму, которую и позволяли себѣ передѣлывать, — тогда какъ въ формѣ-то этихъ сказокъ и заключается весь ихъ интересъ, все ихъ достоинство. Но не будемъ слишкомъ винить этихъ передѣлывателей: они покорялись духу своего времени, которое требовало уже не сказокъ, а романовъ. Въ прошлое столѣтіе появились и „Георги, милорды англійскіе“, и „Гуаки съ непоколебимой вѣрностью“, и множество другихъ сказокъ, которыхъ содержаніе романическое, а слогъ сбивается то на тонъ Флоріановской поэмы, то на тонъ рыцарскаго романа, вродѣ тѣхъ, отъ которыхъ помѣшался Донъ-Кихоть. И простой народъ теперь предпочитаетъ эти площадные романы своимъ наивнымъ сказкамъ такъ же, какъ гражданскую печать предпочитаетъ онъ своимъ лубочнымъ изданіямъ. И теперь русскія сказки могутъ имѣть свой интересъ для людей образованныхъ, которые видятъ въ нихъ духъ, умъ и фантазію народа; но для простолюдиновъ эти сказки не имѣютъ уже никакой цѣны. И кто же не согласится, что въ этомъ видѣнъ со стороны простонародья большой шагъ впередъ по пути образованности? Да, тутъ есть прогрессъ.

Особенно интересны тѣ русскія сказки, которыя можно назвать сатирическими. Въ нихъ виденъ бытъ народа, его домашняя жизнь, его нравственныя понятія, и этотъ лукавый русскій умъ, столь наклонный къ исторіи, столь простодушный въ своемъ лукавствѣ. Взглянемъ на нѣкоторыя изъ этихъ сказокъ. Въ сборникѣ Кириши Данилова три такихъ сказки: „Чурилья игуменья“, „Дурень Бабинъ“ и „У Спаса къ обѣднѣ звонятъ“. Первая особенно интересна, но любопытные сами могутъ прочесть ее, а мы поговоримъ о двухъ послѣднихъ. Не всѣмъ дуракамъ удастся въ русскихъ сказкахъ; инымъ въ нихъ приходится очень дорого расплачиваться за глупость.

А жилъ-былъ дурень,
А жилъ-былъ Бабинъ,
Вздумалъ онъ, Дурень

На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.

Отшедши Дурень
Версту-другу,
Нашелъ онъ, Дурень,
Двѣ избы пусты,
Въ третьей людей нѣтъ.
Заглянетъ въ подполье,
Въ подпольѣ черти
Востроголовы,
Глаза что часы,
Усы что вилы,
Руки что грабли,—
Въ карты играютъ,
Кости бросаютъ,
Деньги считаютъ,
Груды переводятъ.
Онъ имъ молвилъ:
„Богъ вамъ въ помощь,
Добрымъ людямъ“.
А черти не любятъ,
Схватили Дурня,
Зачали бити,
Зачали давити,
Едва его, Дурня,
Жива отпустили.

Пришедши Дурень
Домой-то плачетъ,
Голосомъ воетъ;
А мать бранитъ,
Жена пеняетъ,
Сестра-то также:
„Ты, глупой Дурень,
Неразумный Бабинъ!
*То же бы ты слово
Не такъ же бы молвилъ:*
А ты бы молвилъ:
Будь врагъ проклятъ
Именемъ Господнимъ,
Во вѣки вѣковъ, аминь.
Черти бъ убѣжали,
Тебѣ бы, Дурню,
Деньги достались
Вмѣсто кладу“.
Добро ты, баба,
Баба Бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потомъ я, Дурень,
Таковъ не буду.

Сказка эта довольно длинна, но она вся рассказывается почти одними и тѣми же словами. Получивъ урокъ отъ чертей и помня наставленіе жены, матери и сестры, Дурень сказалъ четверемъ братьямъ, молотившимъ ячмень: „Будь врагъ проклятъ именемъ Господнимъ“. Опять урокъ и опять наставленіе со стороны женщинъ: „Ты бы молвилъ: дай вамъ Боже по сту на день, по тысячѣ на недѣлю“. Встрѣтивъ похороны, Дурень привѣтствовалъ ихъ этими словами, былъ прибитъ и опять получилъ наставленіе, что слѣдовало ему сказать: „Дай, Боже, царство небесное, землѣ упокой“. Дурень этимъ желаніемъ привѣтствовалъ свадьбу князя и былъ нещадно избитъ. Опять поученіе: „Ты бы молвилъ: дай Господь Богъ новобрачному князю сужено поняти, подъ златъ вѣнецъ стати, законъ Божій пріяти, любовно жити, дѣтей сводити“. И Дурень привѣтствовалъ этимъ желаніемъ встрѣтившагося ему старца, который и изломалъ о его бока свою клюку—„не жаль ему, старцу, дурака-то, но жаль ему, старцу, костью-то“. Узнавши, что старцу долженъ онъ былъ сказать:

„Благослови меня, отче, святой игумень“, Дурень обратился съ этимъ привѣтствіемъ къ медвѣдю въ лѣсу. Прибѣжавъ домой еле живъ, онъ узналъ, что на медвѣдя ему слѣдовало заускать, загайкать, заулюкать,—и, встрѣтивши на дорогѣ „полковника Шишкова“, онъ заускалъ, загайкалъ и заулюкалъ, за что и крѣпко былъ избитъ солдатами—тутъ ему Дурню и смерть случилась.

Сказка: „У Спаса къ обѣднѣ звонятъ“ замѣчательна сколько по тону легкой ироніи въ выраженіи, столько и по тому, что она представляетъ вѣрную картину одного изъ важнѣйшихъ общественныхъ отношеній—отношенія зятя къ тещѣ и выгоднаго положенія послѣдняго передъ первой, равно какъ и на-мекъ на нѣкоторыя права и привилегіи, доставляемыя законнымъ бракомъ. Теща пришедши къ зятю, была ему челомъ, а зять и не посмотрѣлъ на нее, говоритъ:

„А и вижу я, вижу сама,
А что есть на немъ бѣшеная!
Бить зятю дочи моя,
Прогнѣвить сердце материно,
И пролить бы горячу кровь.
А и чѣмъ будетъ зятя дарить,
Чѣмъ господина дарить?“

Выраженіе этой сказки особенно оригинально: въ немъ есть что-то поэтическое и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то ироническое. Она состоитъ изъ двухъ частей, которыя обѣ начинаются такъ:

У Спаса къ обѣднѣ звонятъ,
У прихода часы говорятъ
По монастырямъ благовѣстятъ;—
Теща къ обѣднѣ спѣшитъ,
На мутовкѣ рубашку сушитъ,
На поваренкѣ кокошнички,
Она теща къ обѣднѣ пошла—
А идетъ по-малешеньку,
Съ ноги на ногу поступаетъ,
На башмачки посматриваетъ,
Чеботы наколачиваетъ.

Въ первой части сказки теща предлагаетъ зятю кафтанъ изъ камки, а дочери сарафанъ, чтобы зять не билъ ее, дочь,

не гнѣвилъ сердце материно, не проливалъ бы горячу кровь. Но, видно, зятю этого показалось мало; теща предложила ему быстру рѣку, а на той на быстрой на рѣкѣ много гусей, лебедей, много сѣрыхъ малыхъ уточекъ.

А и зять на нее поглядѣлъ,
Господинъ слово выговорилъ:
„Теща ты, теща моя,
Богоданная матушка!
Ты поди-тко живи у меня.
А роботы не робь на меня;
Только ты баню топи,
Только ты воду носи,
Еще мнѣ робенки качай“.

Изъ этого видно, какъ выгодно бывало встарину быть зятемъ богатой тещи: чтобы взять у ней все, стоило только прибить жену свою, прогнѣвить сердце материно, и пролить бы горячую кровь... Любопытная черта общественныхъ и семейственныхъ нравовъ милой старины!...

Любопытныя сказки вродѣ такихъ, какъ „Сказка о нѣкоемъ приказчикѣ и купцовой женѣ“ и „Бабы Увертки“. Это сказки новѣйшія или по крайней мѣрѣ сильно подновленныя. Послѣдняя называется еще „Сказкой о бабьихъ уверткахъ и непостоянныхъ документахъ“. Но особенно любопытны исторически-старинныя сказки въ сатирическомъ духѣ, каковы: „Сказка о томъ, какъ мыши кота погребаютъ“, „Шемякинъ Судъ“ и „Сказка о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ“. Изъ нихъ только послѣдняя напечатана Сахаровымъ съ стариннаго подлинника. Эти сказки въ тысячу разъ важнѣе всѣхъ богатырскихъ сказокъ, потому что въ нихъ ярко отражается народный умъ, народный взглядъ на вещи и народный бытъ. Въ послѣднемъ отношеніи онѣ могутъ считаться драгоценнѣйшими историческими документами. Для поясненія нашей мысли, приводимъ здѣсь послѣднюю сказку всю цѣликомъ, со всѣми ея повтореніями, которыя имѣютъ глубокой смыслъ.

„Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, за тридцать земель въ тридесятѣмъ царствѣ уряженъ былъ судъ, а въ томъ судѣ судьями сидѣли: бояринъ Осетръ, да воевода Сомъ, оба отъ Хвалынскаго моря; да тутъ же въ судѣ выборные мужики сидѣли: Судакъ да Щука, оба отъ земскихъ волостей, съ Волги рѣки да съ Дона.

И къ тому суду пришли Ростовскаго озера челобитчики, рыба Лещъ съ товарищи. И били тѣ челобитчики, рыба Лещъ съ товарищи, на судѣ на Ерша Ершова сына Щетинникова, да подали за руками челобитную. А въ той ихъ челобитной, у рыбы Леща съ товарищи, написано:

„Бьютъ челомъ и плачутся убогіе сироты, нищіе крестьяне Ростовскаго озера рыба Лещъ съ товарищи, на Ерша Ершова сына Щетинникова. Въ прошломъ 7010 годѣ били мы, рыба Лещъ съ товарищи, на него вора Ерша въ насильномъ разграбленіи нашихъ животишекъ; и подали сказку за руками всѣхъ старожиловъ, что то Ростовское озеро изстари было за нами, нищими крестьянами, дано въ отчину, а намъ, убогимъ сиротамъ, послѣ отцовъ нашихъ та отчина въ вѣкъ прочна. А нынѣ тотъ ябедникъ Ершъ, лихой человекъ и воришка, изъ Волги рѣки Выркой рѣкой къ намъ, убогимъ сиротамъ, въ Ростовское озеро пришелъ, а пришелъ онъ, Ершъ, зимой, не въ погожую пору, и выпросился онъ, Ершъ, одну ночь въ Ростовскомъ озерѣ ночевать; а назвался онъ, Ершъ, наемнымъ крестьяниномъ; а про то мы, нищіе крестьяне, не вѣдая его, Ершовой хитрости, пустили его, Ерша, одну ночь въ Ростовское озеро ночевать, а какъ онъ, воръ Ершишка, одну ночь ночевалъ, и упросилъ насъ, убогихъ сиротъ, чтобы его, Ершишка, пустить покормиться въ наше озеро Ростовское съ женишкою и съ дѣтишками своими; а мы, нищіе крестьяне, не вѣдая его, Ершова, лихости, положили на міру: его Ерша, съ женой и дѣтишками его въ Ростовское озеро покормиться пустить. Да свѣдали мы послѣ, что ему, Ершу, нарядомъ повѣщено было идти зимовать на сторожи на Каму рѣку, а онъ, воръ и ябедникъ Ершишка, укрываячись, про то намъ не повѣдалъ; а мы, убогіи сироты ваши, про то не знали. И тотъ воръ, Ершишка, въ нашемъ Ростовскомъ озерѣ полѣта прожилъ, и дѣтишекъ расплодилъ, и дочь свою Ершиху замужъ за Карпушкина сына выдалъ; а послѣ того, ставаясь съ племенники своими и дѣтишки, приговорили насъ, убогихъ сиротъ, перебить и животишки разграбить, и родъ нашъ весь изъ отчины вонъ выгнать и озеромъ Ростовскимъ завладѣть напрасно. И то все онъ, воръ Ершишка, дѣлалъ, попадѣючись на свое насильство. Смилуйте господи судьи! не дайте намъ, убогимъ сиротамъ, дожить до конечнаго разоренія и укажите дать праведный судъ намъ, нищимъ крестьянамъ, съ тѣмъ Ершомъ“.

И судьи спросали рыбу Лещъ съ товарищи: „ты, рыба Лещъ, съ товарищи! скажи ты намъ: правое ли то ваше челобитье, и чѣмъ вы по челобитной на судъ ручаетесь?“

И рыба Лещъ съ товарищи стали на судъ къ отвѣту, да говорили: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Вѣдая свое дѣло правое, били челомъ по правдѣ, и въ томъ ручаемся животомъ и жизнію; да какъ вы, господа судьи, посудите, такъ тому и быть“.

И судьи, поговоря промежъ собой, приговорили: послать приставомъ рыбу Окунь, да велѣли ему, приставу Окуню, поставить рыбу Ершъ на судъ къ отвѣту.

И приставъ Окунь рыбу Ершъ на судъ къ отвѣту поставилъ, а доподчикъ Карась читалъ тѣ жалобы челобитчиковы, рыбы Леща съ товарищи.

И рыба Ершъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! то челобитье истцовъ, рыбы Леща съ товарищи, неправо, и то-де я послѣ доводомъ доведу; а напередъ на нихъ, истцовъ, рыбу Леща съ товарищи, дайте судъ и расправу въ дѣлѣ великомъ.“

И судьи спросали его, Ерша: „ты, Ершъ! въ какомъ дѣлѣ великомъ дать тебѣ судъ и расправу на нихъ, истцовъ, рыбу Леща съ товарищи?“

И рыба Ершъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Тѣ истцы, рыба Лещъ съ товарищи, въ своей челобитной меня, Ерша, поносили безчестили и называли меня, Ерша, и воромъ, и ябедникомъ, и Ершишкой, и волочайкой, и укрывайцей. И то все соромъ они, истцы, рыба Лещъ съ товарищи, лаяли на меня Ерша, и за то съ нихъ, истцовъ, рыбы Леща съ товарищи, доправить мнѣ слѣдуетъ за большое безчестье съ проторы и убытки.“

И судьи спрашивали рыбу Лещъ съ товарищи: „ты, Лещъ, съ товарищи! скажи ты намъ: будетъ дѣло не правое по суду отвѣтчикову доказано будетъ, и чѣмъ вы ручаетесь за большое безчестье?“

И рыба Лещъ съ товарищи сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! А то онъ, Ершъ, затѣялъ дѣло не правое, взвелъ лихой извѣтъ, кабы судъ проволочить: а буде на судъ наше челобитье неправымъ дѣломъ доказано будетъ, и мы ручаемся въ томъ животомъ и жизнью.“

И судьи, поговоря промежь собой, приговорили: „тотъ его, Ерша, лихой извѣтъ оставить, а ему, Ершу, указали, безъ проволочки, чинить отвѣтъ на суду по челобитью истцовъ, рыбы Леща съ товарищи“.

И рыба Ершъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! А то челобитье истцовъ, рыбы Леща съ товарищи, лихой извѣтъ на меня, Ерша: а грабить ихъ и животинки ихъ разорять не думалъ я и не гадалъ; а то Ростовское мое озеро изстари и владѣли имъ изстари отцы и дѣды, а дано оно было въ отчину старому Ершу, моему дѣду; и потому жъ оно нынѣ прочно за мной въ вѣкъ; а родомъ мы изстари дѣти боярскіе, мелкихъ бояръ Переяславскіе; а тѣ челобитчики, рыба Лещъ съ товарищи, бывали у отца моего въ холопѣхъ; а я, Ершъ, не похотя грѣха по батюшкиной душѣ, отпустилъ ихъ, холопей, на волю, да велѣлъ имъ жить за собою, поитися и кормитися самимъ собой; а ихъ племя, рыбы Леща съ товарищи, и нынѣ есть во дворѣ у насъ въ холопѣхъ: а какъ то Ростовское озеро отъ великихъ засухъ повысохло, и стала скудость великая и голодъ, а тѣ челобитчики, рыба Лещъ съ товарищи, сами сволоклися на Вырку рѣку и по затокамъ расселилися, умышляя лихое дѣло на мою голову: похотѣли меня, Ерша, со всѣмъ моимъ домишкомъ искоренить напрасно: и отъ того мнѣ, Ершу, житья не стало; а послѣ стали они, истцы, рыба Лещъ съ товарищи, отъ крестьянства отбиватися, и учили они воровствомъ въ Ростовскомъ озерѣ промыслять; а я, Ершъ, отцовскимъ домишкомъ и нынѣ живу въ Ростовскомъ озерѣ: а живу я на днѣ и на свѣту, кабы добрый чоловікъ: не тать и не разбойникъ; а я живу своей силой и кормлюся своей отчиной; да меня, Ерша, знаютъ на Москвѣ большіе князья и бояре, и окольничіе, и дворяне, и дѣяки, и гостиныя

сотни, и всѣхъ чиновъ люди въ иныхъ городахъ и во многихъ селѣхъ“.

И судьи спрашивали рыбу Лещъ съ товарищи: „ты, рыба Лещъ, съ товарищи! скажи ты намъ: на кого шлешься, что то Ростовское озеро ваше, а не Ершово съ товарищи? И чѣмъ его, Ерша, уличаете?“

И рыба Лещъ съ товарищи сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Уличаемъ мы его, Ерша, всей правдой и шлемся въ томъ на свидѣтелей, а свидѣтели тѣ у насъ люди добрые: Новгородской области, Ладожскаго озера, рыба Бѣлуга да со Бѣла-озера рыба Бѣлая-рыбица, и что тѣ, добрые люди, подлинно про то вѣдаютъ, что то Ростовское озеро наше, а не Ершово“.

И судьи спросили Ерша съ товарищи: „ты, рыба Ершъ! шлешься ли Новгородской области Ладожскаго озера на рыбу Бѣлугу да съ Бѣла-озера на рыбу Бѣлую-рыбицу?“

И Ершъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Новгородской области, Ладожскаго озера на рыбу Бѣлугу да съ Бѣлаозера на рыбу Бѣлую-рыбицу не шлюся за тѣмъ, что тѣ рыбы большія, а мы, Ерши, рыбы малыя; и въ томъ промежъ насъ правды не будетъ; да они жъ, тѣ рыбы Бѣлуга да Бѣлая-рыбица, за одно живутъ съ Лещемъ, и пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ; и въ томъ промежъ насъ правды не будетъ; да у нихъ же, у рыбы Бѣлугѣ да у Бѣлой-рыбицѣ, съ Лещемъ промежъ себя испоконъ вѣку идетъ сватовство и кумовство: и въ томъ промежъ насъ правды не будетъ; да и они жъ, рыба Бѣлуга да и Бѣлая-рыбица, люди зажиточные, а я, Ершъ, человѣкъ убогой, и мнѣ, Ершу, за ѣзду поѣзжаное платить приставу съ понатыми не чѣмъ, а путь дальній.“

И судьи спрашивали рыбу Лещъ съ товарищи: „ты, рыба Лещъ, съ товарищи! Скажи ты намъ, на кого шлешься еще въ томъ, что то Ростовское озеро ваше, а не Ершово съ товарищи?“

И рыба Лещъ съ товарищи сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Уличаемъ мы его, Ерша, всей правдой, и слалися въ томъ на свидѣтелей, а свидѣтели были у насъ въ томъ любя добрые. И онъ, Ершъ, лихостью своей обезчестилъ людей добрыхъ: Новгородской области Ладожскаго озера рыбу Бѣлугу да съ Бѣлаозера рыбу Бѣлую-рыбицу для того, будто тѣ рыбы велики; и то онъ соромъ лаялъ; и будто тѣ рыбы живутъ со мной, Лещемъ, за одно и пьютъ и ѣдятъ вмѣстѣ со мной, Лещемъ; и то онъ дурно дѣлалъ; и будто тѣ рыбы водятъ кумовство и сватовство со мной, Лещемъ; и то онъ напраслину ставилъ. А тѣ всѣ рѣчи его Ершovy, извѣстныя и къ отвѣту нейдутъ, и тѣмъ рѣчамъ его нельзя вѣры имать безъ доводчиковъ и крѣпкой поруки. Опрichъ тѣхъ добрыхъ людей, ставить онъ, Лещъ, въ свидѣтели Переяславскую рыбу Сельдь, и что та рыба Сельдь человѣкъ добрый, и подлинно вѣдаетъ, что то Ростовское озеро наше, а не Ершово“.

И судьи спросили Ерша съ товарищи: „ты, Ершъ! шлешься ли Переяславскаго озера на рыбу Сельдь?“

И Ершъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Переяславская рыба Сельдь вѣстъ свѣдома, и на

ту рыбу я, Ершъ, шлюсь. Да она жъ, рыба Сельдь, человѣкъ зажиточный, а я, Ершъ, человѣкъ убогой, да мнѣ, Ершу, за ѣзду проѣзжаное платить пристава съ понятыми не чѣмъ, а путь дальній.

И судьи, поговоря межъ собой, приговорили: послать, мимо истцовъ и отвѣтчиковъ, приставомъ рыбу Окунь, а ѣзду за проѣзжаное доправить послѣ на виноватомъ; да ему, пристава Окуню, приговорили взять въ понятые рыбу Линь“.

И Линь сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Въ понятыхъ мнѣ, Линю быть нельзя за тѣмъ, что у меня, Линя, и глаза малы, и говорить не умѣю и память худа, за хворостью съ мѣста не схожу“.

И судьи, поговоря промежъ собой, приговорили: „за той хворостью рыбу Линя отъ понятыхъ ослободить, а вмѣсто его приказали отпустить въ понятые рыбу Язя.“

И приставъ, рыба Окунь, да понятой, рыба Язь, по сыску въ Переяславскомъ озерѣ ту рыбу Сельдь обыскали, и поставили ту рыбу Сельдь къ суду въ отвѣтъ.

И какъ стала рыба Сельдь Переяславская къ суду въ отвѣтъ, и доводчикъ Карась читалъ судное дѣло, да потому же приговорилъ рѣчи истцовы и отвѣтчиковы, да взялъ у нихъ, истцовъ и отвѣтчиковъ, сказки въ томъ за ихъ руками, и положилъ тѣ сказки передъ судьями.

И судьи спросали Переяславскую рыбу Сельдь: „ты рыба Сельдь! скажи ты намъ про того Леща и Ерша: чье у нихъ Ростовское озеро изстари?“

И рыба Сельдь Переяславская сказала: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Скажу вамъ всю правду, что вѣдаю про Леща и Ерша, чье у нихъ Ростовское озеро изстари. Лещъ, господа судьи, человѣкъ добрый и крестьянинъ гожей, а живетъ, онъ, Лещъ, своею силою, какъ и прочіе люди живутъ; и онъ, Лещъ, ни татъ, ни разбойникъ. Да то все вѣдаю заподлинно.—Ершъ, господа судьи, лихой человѣкъ и ябедникъ, а живетъ по рѣкамъ и озерамъ на днѣ и на свѣту мало бываетъ; да тотъ Ершъ и большіихъ рыбъ обманываетъ; попросится онъ, воръ, на ночь ночевать, и тутъ поселится со всѣмъ домишкомъ вѣковать, а тамъ и учнетъ послѣ клепать, что та его отчина завѣдомо изстари; да тотъ же Ершъ не бывалъ изстари въ дѣтѣхъ боярскихъ; и за собой не имѣлъ при дворѣ холопей: да и живалъ онъ, Ершъ, въ бобыляхъ; а по народу довелось ему быть на сторожи на Камѣ рѣкѣ, да и туто укрлся на Ростовское озеро. Да то все вѣдаю заподлинно.“

И судьи спросали Переяславскую рыбу Сельдь: „ты, рыба Сельдь! скажи ты намъ, знаютъ ли его, Ерша, на Москвѣ большіе князья и бояре, стольники и дворяне, дьяки и гостиныя сотни, и всѣхъ чиновъ люди въ иныхъ городѣхъ и во многихъ селѣхъ?“

И рыба Сельдь Переяславская сказала: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Скажу вамъ всю правду, что вѣдаю про Ерша. Знаютъ его, Ерша, на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ и во многихъ селѣхъ на кружалахъ, и не князья и бояре, и не стольники и не дворяне, и не дьяки и торговля сотни, и всѣхъ чиновъ люди, а ярыжки, бражники и зерщики. Да то все вѣдаю заподлинно“.

И судьи спросали его, Ерша: „ты, Ершъ, скажи ты намъ: чѣмъ ты опорочиваешь рѣчи свидѣтельскія? И кто въ томъ за тебя, Ерша, порукой?“

И Ершъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Опорочиваю тѣ рѣчи свидѣтельскія, Переяславской рыбы Сельдь, тѣмъ, что все то она говоритъ съ похмѣлья, понаровя истцамъ, рыбѣ Лещу съ товарищи; да и она, рыба Сельдь, отродясь меня, Ерша, не видывала и говоритъ въ своихъ рѣчахъ извѣтъ лихой напрасно; и въ своихъ рѣчахъ кладу за себя порукой рыбу Налима, а та ли ты рыба Сельдь съ похмѣлья и не въ разумѣ и что говоритъ ума-разума не спрашаючи“

И судьи, поговоря промежъ собой, приговорили: послать приставомъ рыбу Окунь по рыбу Налимъ, а ѣзду за побѣжаное доправить послѣ на виноватомъ; да ему, приставу, приговорили взять на понятые рыбу Язя.

И приставъ, рыба Окунь, да понятой, рыба Язь, по сыску въ Волгѣ-рѣкѣ, ту рыбу Налимъ обыскали и поставили ту рыбу Налимъ къ суду въ отвѣтъ.

И какъ рыба Налимъ сталъ на судъ къ отвѣту, и доводчикъ Карась читалъ судное дѣло, да потому жъ проговорилъ рѣчи отвѣтчиковы Ерша и рѣчи свидѣтельскія рыбы Сельдь, да взялъ у нихъ, у Ерша и Сельди, сказки въ томъ за ихъ руками и положилъ тѣ сказки передъ судьями.

И судьи спросали рыбу Налимъ: „ты, Налимъ! скажи ты намъ: бываетъ ли рыба Сельдь съ похмѣлья и не въ разумѣ, и что та рыба Сельдь говоритъ ли, ума-разума не спрашаючи?“

И рыба Налимъ сталъ на судъ къ отвѣту, да говорилъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! таковское дѣло мнѣ, Налиму, невѣдомо; да и потому жъ ничего про Ерша не знаю и не вѣдаю.“

И рыба, Ершъ, сталъ на судъ къ отвѣту, да говоритъ: „Господа судьи, Богомъ вы сотворены! Тотъ рыба Налимъ мужикъ глупой и состарѣлся, да и на суду говорить не сѣмѣетъ. И въ своихъ рѣчахъ кладу за себя порукой старыхъ сторожиловъ, рыбу Плотву съ товарищи.“

И судьи, поговоря промежъ собой, приговорили: рыбу Налимъ отослать назадъ съ понятымъ и сдать становому подъ росписку; а ему, Ершу, за оболганіе рыбы Сельдь и Налима очныхъ ставокъ болѣе не давать.

И понятой рыба Язь, положилъ рыбу Налимъ въ сани, да и свезъ къ Волгѣ-рѣкѣ, и подалъ передъ судьями росписку о томъ.

И судьи, поговоря промежъ собою, приговорили: истцовъ и челобитчиковъ выслать изъ суда вонъ, сдавъ на руки понятому, рыбѣ Язю; судное дѣло указали писать Вьюну; дѣло вершить по грамотамъ суднымъ доводчику Карасю, и грамоту печатать Раку клешней.

И какъ дѣло повершили, и доводчикъ Карась положилъ то судное дѣло поредъ судьями.

И судьи, поговоря промежъ себя, приговорили! Леща съ товарищи оправить, а Ерша обвинить, да и выдать Ерша ему Лещу, головой.

И доводчикъ Карась поставилъ на судъ истцовъ и отвѣтчиковъ предъ судьями, а грамоту къ губному старостѣ сталъ читать Вьюнъ.

Память Ростовскаго озера губному старостѣ большой рыбѣ Севрюгѣ съ товарищи. Въ прошлыхъ-де годѣхъ 7010, явясъ на судъ Ростовскаго озера челобитчики, рыба Лещъ съ товарищи, и били намъ челомъ и подали свое челобитье за руками; а въ томъ ихъ челобитье писано: на Ерша Ершова сына Щетинникова жалоба великая: онъ-де, Ершъ, изъ Волги рѣки Выркой рѣкой пришелъ къ намъ въ Ростовское озеро зимой, не въ погожую пору, и выпросился обманомъ у насъ, рыбы Леща съ товарищи, одну ночь въ Ростовскомъ озерѣ ночевать, а послѣ онъ-де, Ершъ, просился у насъ, рыбы Леща съ товарищи, покормится съ женишкой и дѣтишками; и онъ-де, Ершъ, у насъ, рыбы Леща съ товарищи, полѣта прожилъ, и дѣтишекъ расплодилъ, и дочь свою Ершиху за Карпушкина сына выдалъ; да онъ-де, Ершъ, стакався съ своими племянники и дѣтишки, приговорили насъ, рыбу Леща съ товарищи, перебить и животишки наши разграбить, и изъ отчины вонъ выгнать, и тѣмъ Ростовскимъ озеромъ завладѣть напрасно. А по сыску и допросу въ томъ судѣ оказалось, что-де онъ, Ершъ, воръ и разбойникъ, живетъ-де онъ, Ершъ, по озерамъ и болотамъ бобылемъ; и онъ-де Ершъ говорилъ въ судѣ, что будто онъ, Ершъ изъ боярскихъ дѣтей мелкихъ бояръ Перяславскихъ, и что-де та рыба Лещъ съ товарищи изстари были за отцомъ его крестьяне; и онъ, Ершъ, лаялъ напрасно. И какъ къ тебѣ вся наша память придетъ, и ты-бъ того Ерша съ товарищи взялъ къ себѣ въ губную избу, учинилъ наказаніе на мірскомъ дворѣ, билъ батогги нещадно, чтобъ впредь имъ всѣмъ братьямъ, на то смотря, такъ дѣлать было не повадно и, учиня имъ наказаніе, доправилъ бы, безъ Московскія волокиты, съ него, Ерша, съ товарищи всѣ проторы и убытки, а доправа проторы и убытки, выдалъ бы того Ерша, ему, Лещу, головой и велѣлъ бы его, Ерша, вода по торгамъ, бить кнутомъ, а, бивъ кнутомъ, повѣсить противъ солнца. И о томъ о всемъ прислалъ бы еси къ намъ отписку безъ мотчанія“.

Эта сказка—полная и вѣрная картина древней русской юриспруденціи, древняго русскаго судопроизводства, древняго русскаго словеснаго суда, со всѣмъ ихъ добромъ и со всѣмъ ихъ зломъ: и съ гарантіей справокъ и свидѣтельствъ, забираемыхъ у лицъ, соприкосновенныхъ дѣлу или подсудимому, и съ московской волокитой. Повторяемъ: для людей, которымъ доступна не одна буква, такая сказка есть драгоцѣнный историческій документъ.

Отъ поэмъ и сказокъ самый естественный переходъ къ историческимъ пѣснямъ. Этотъ отдѣлъ русской народной поэзіи бѣденъ во всѣхъ отношеніяхъ: и числомъ, и содержаниемъ, и поэзіей. Трудное и тяжкое историческое развитіе Руси до Петра Великаго было слишкомъ сухой и безплодной почвой для поэзіи.

Древнѣйшая историческая пѣсня въ разсматриваемыхъ нами сборникахъ находится въ книгѣ Кирши Данилова и называется „Щелканъ Дудентьевичъ“. Она носитъ на себѣ характеръ сказочный, но явно, что историческое событіе дало для нея содержаніе. Герой ея, Щелканъ Дудентьевичъ, не получилъ себѣ отъ своего шурина, царя Азвяка Ставруловича, удѣла, потому что былъ во время раздачи удѣловъ въ Литвѣ. „Бралъ онъ, младъ Щелканъ, дани, выходы, царски невыплаты; съ князей бралъ по сту рублевъ, со бояръ по пятидесяти, съ крестьянъ по пяти рублевъ; у котораго денегъ нѣтъ, у того дитя возьметъ; у котораго дитя нѣтъ, у того жену возьметъ; у котораго жены-то нѣтъ, того самого головой возьметъ“. Возвратившись къ царю Азвяку съ данями, невыплатами, онъ проситъ у него себѣ въ удѣлъ старую Тверь. Азвякъ отвѣчаетъ ему: „Гой еси, шуринъ мой, Щелканъ Дудентьевичъ! заколи-тко ты сына своего любимаго, крови ты чашу нацѣди, вышей ты крови тоя, крови горячія, и тогда я тебя пожалую Тверью богатой, двумя братцами родимыми, дву удалыми Борисовичами“. Выполнивъ это *чуждое* требованіе, Щелканъ „судьею насѣлъ въ Тверь ту старую, въ Тверь ту богатую, а немного онъ судьей сидѣлъ: и вдовы-то безчестити, красны дѣвицы позорити, надо всѣми наругаться, надъ домами насмѣхаться. Мужики-то старые, мужики-то богатые, мужики-то посадскіе, они жалобу приносили двумъ братьямъ родимымъ, двумъ удалымъ Борисовичамъ; отъ народа они съ поклономъ пошли, съ честными подарками. Изошли его въ домъ у себя Щелкана Дудентьевича; подарки принялъ отъ нихъ, чести не воздалъ имъ. Втапору младъ Щелканъ зачванился, онъ загординился, и они съ нимъ раздорили—одинъ ухватилъ за волосы, а другой за ноги и тутъ его разорвали. Тутъ смерть ему случилася, ни на комъ не сыскалася“. Эта пѣсня есть искаженная быль XIV столѣтія: Щелканъ Дудентьевичъ есть не кто иной, какъ Шевкаль, сынъ Дюденева, двоюродный братъ хана Узбека (переименованнаго сказкой въ Азвяка, да еще и Ставруловича), который, прибывъ посломъ въ Тверь въ 1327 году, за свою жестокость и наглость былъ сожженъ гражданами со всей татарской свитой.

Кромѣ этой пѣсни, въ сборникѣ Кирши Данилова нѣтъ ни одной, которая бы относилась къ эпохѣ татарщины; равнымъ образомъ нѣтъ ни одной исторической пѣсни, которая бы относилась къ Донскому, къ Іоанну III; есть нѣсколько пѣсенъ объ Иванѣ Грозномъ, да нѣсколько пѣсенъ, относящихся къ эпохѣ самозванцевъ и борьбы Россіи съ Польшей за независимость; также изъ эпохи царя Алексія Михайловича и Петра Великаго. Всѣхъ этихъ пѣсенъ числомъ не болѣе десяти, да и тѣ совершенно ничтожны и по содержанію, и по формѣ, и по историческому значенію. Русская народность еще признавала себя въ сказкахъ: въ исторіи она потерялась. Русскій человѣкъ какъ бы не чувствовалъ себя членомъ государства и потому не зналъ, что въ немъ дѣлалось. До него доходили слухи, онъ и самъ бывалъ свидѣтелемъ событій, какъ ратникъ лилъ кровь свою по царскому наказу, боярскому приказу, но ничего не понималъ въ этихъ столь близкихъ къ нему событіяхъ, и потому перевиралъ ихъ вопреки здравому смыслу и исторической дѣйствительности. Такъ, въ одной пѣснѣ: „кругомъ сильна царства Московскаго, Литва облегла со всѣ четыре стороны, а и съ нею сила, сорочина долгополая, и тѣ черкесы пятигорскіе, еще ли калмыки съ татарами, со татарами, со башкирцами, еще чукши со люторами (съ лютеранами, изъ которыхъ политическій тактъ древней Руси сдѣлалъ особый народъ)“; тогда Михайло Скопинъ „правитель царству Московскому, оберегатель міру крещеному и всей нашей земли свято-русскія“, пріѣзжалъ въ Новгородъ, „садился на ременчатъ стулъ, а и беретъ чернилицу золотую какъ бы въ ней перо лебединое, и беретъ онъ бумагу бѣлую, писалъ ярлыки скорописчаты во свитцкую (шведскую) землю, саксонскую, ко любимому брату названному, ко свицкому королю Карлусу, а отъ мудрости слово поставлено: „А и гой еси названный братъ, а ты свицкій король Карлусъ! а и смилуйся, смилосердуйся, смилосердуйся, покажи милость: а и дай мнѣ силы на подмочъ“. Это посланіе—образецъ дипломатическаго краснорѣчія, отослано къ шведскому королю, который и прислалъ къ Скопину на помощь сорокъ тысячъ войска. Соединившись съ шведами, наши войска пошли въ восточную сторону и вырубили чудь бѣлоглазую и сорочину

долгополую; въ полуденную сторону — перекрошили черкесть пятигорскихъ, „еще нонѣ тутъ Малороссія“, и такимъ же образомъ уничтожили Литву, чукчей, башкирцевъ, калмыковъ и „алюторовъ“. Въ остальной половинѣ пьесы перевирается по сказочному отравленіе Скопина, котораго причина — самая народная: Скопинъ на пиру у Воротынскаго больно началъ похваляться: „Я, Скопинъ, очистилъ царство Московское и велико Государство Россійское, еще ли мнѣ славу поють до вѣку, отъ стараго до малаго, отъ малаго до вѣку моего“. И тутъ боярамъ за бѣду стало: они подсыпали въ чашу зелья лютаго, а кума Скопина, крестовая дочь Малюты Скурлатова, поднесла ему отравленную чашу.

Окончаніе пьесы отличается всей наивной и удалой прелестью русской народной поэзіи:

То старина, то и одѣянье,
Какъ бы синему морю на утишенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава дѣ моря.
Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перениманье,
Еще намъ, веселымъ молодцамъ, на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино;
Гдѣ-ко пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласковому.

Въ другой пѣснѣ царь Алексій Михайловичъ три года стоитъ подъ Ригой, потомъ ѣдетъ въ Москву; войско просить царя не оставлять его подъ Ригой: „наскучила намъ Рига, напрокучила; много голоду, холоду приняли, наготы, босоты вдвое того“. Царь отвѣчаетъ: „когда прибудемъ въ каменну Москву, забудемъ бѣдность, нужду великую, а и выставлю вамъ погреба царскіе, что съ пивомъ, съ виномъ, меды сладкіе.

Лучшія историческія пѣсни — объ Иванѣ Грозномъ. Тонъ ихъ чисто сказочный, но образъ Грознаго просвѣчиваетъ сквозь сказочную неопредѣленность со всей яркостью грозой молніи. Въ драгоцѣнномъ сборникѣ Кирши Данилова, къ сожалѣнію, далеко не вполнѣ перепечатанномъ Сахаровымъ, есть пѣсня подъ названіемъ „Мастрюкъ Темрюковичъ“, въ которой описывается кулачный бой царскаго шурина, Мастрюка,

съ двумя московскими удалцами. Грозный пироваль по случаю женитьбы своей на Марьѣ Темрюковнѣ, сестрѣ Мاستрюковой, Купавѣ Крымской, царицѣ благовѣрной, дочери Темрюка Степановича, царя Золотой Орды (о исторія!). На пиру все были веселы; не весель былъ одинъ Мастрюкъ Темрюковичъ, шуринъ царскій: онъ еще нигдѣ не нашель борца по себѣ и думаетъ Москву загонять, сильно царство Московское. Узнавъ о причинѣ его кручины-раздумья, царь велѣлъ боярину Никитѣ Романовичу искать бойцовъ по Москвѣ. Два братца родимые по базару похаживаютъ, а и бороды бритыя, усы торженные, а платье саксонское, сапоги съ раструбами. Они спрашиваютъ боярина: „смѣтъ ли нога ступить съ царскимъ шуриномъ и смѣтъ ли его побороть?“ Царь велѣлъ боярину сказать имъ: „кто бы Мастрюка поборолъ, царскаго шурина, платье бы съ плечъ снялъ, да нагого съ круга спустилъ, а нагого какъ мать родила, а и мать на свѣтъ пустила“. Прослышавъ борцовъ, „скачетъ прямо Мастрюкъ изъ мѣста большого, угла передняго, черезъ столы бѣлодубовы, повалилъ онъ тридцать столовъ, да прибилъ триста гостей: живы — да негодны, на корачкахъ ползаютъ по палатѣ бѣлокаменной: то похвальба Мастрюку, Мастрюку Темрюковичу“. Но эта похвальба худо кончилась для Мастрюка: Мишка Борисовичъ его съ носка бросилъ о землю; похвалилъ его царь государь: „Исполать тебѣ, молодцу, что чисто борешься“. А и Мишка къ сторонѣ пошелъ, ему полно бороться. А Потанька бороться пошелъ, костылемъ подпирается, самъ вперед подвигается, къ Мастрюку приближается; смотритъ царь государь, что кому будетъ Божья помочъ. Потанька справился, за плеча сграбился, согнетъ корчагой, воздымалъ выше головы своей, опустилъ о сыру землю — Мастрюкъ безъ памяти лежитъ, не слыхалъ, какъ платье сняли. Былъ Мастрюкъ во всемъ, сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ, со стыда и сорома о корачкахъ подъ крылецъ ползетъ. Какъ бы бѣла лебедушка по зарѣ она прокликала, говорила царица царю, Марья Темрюковна: „Свѣтъ ты, вольный царь Иванъ Васильевичъ! такова у тебя честь добра до любимаго шурина, а дѣтина наругается, что дѣтина деревенской; а почто онъ платье снимаетъ?“ Говорилъ тутъ царь-государь: „Гой еси ты, царица

во Москвѣ, да ты, Марья Темрюковна! а не то у меня честь во Москвѣ, что татары-те борются; то-то честь въ Москвѣ, что русакъ тѣшится; хотя бы ему голову сломилъ, до любви бы я пожаловалъ двухъ братцевъ родимыхъ, двухъ удалыхъ Борисовичевъ.

Другая пѣсня содержитъ въ себѣ сказочное описаніе историческаго происшествія, касающагося до ужасной личности грознаго царя—гнѣва его на сына. У Грознаго пиръ во дворцѣ, „а всѣ тутъ князя и бояра на пиру напивались, промежъ собой расхвастались: а и сильный хвастаетъ силой, богатой-отъ хвастаетъ богатствомъ. Златѣ труба въ царствѣ протрубила, прогласилъ царь-государь, слово выговорилъ: „А глупы бояра, вы неразумные! и всѣ вы бездѣлицей хвастаетесь; а смѣю я царь похвалиться, похвалиться и похвастати: что вывелъ измѣну я изъ Кіева, да вывелъ измѣну изъ Новгорода, а взялъ я Казань, взялъ и Астрахань“. Царевичъ Ѳеодоръ говоритъ отцу, что не вывелъ онъ измѣны въ Москвѣ, что три большіе боярина, а три Годуновы измѣнники. Царь велитъ сыну назвать трехъ измѣнниковъ, говоря, что одного велитъ въ котлѣ сварить, другого — на колѣ посадить, третьяго—скоро сказнить. „Ты пьешь съ ними, ѣшь съ одинаго блюда, единую чару съ ними требуешь“, отвѣтилъ царевичъ, и царю то слово за бѣду стало, за великую досаду показалось, скричалъ онъ царь зычнымъ голосомъ: „А есть ли въ Москвѣ немилостивы палачи? возьмите царевича за бѣлы ручки, ведите царевича со царскаго стола, за тѣ за ворота москворѣцкія, за славную матушку Москву-рѣку, за тѣ живы мосты калиновы, къ тому болоту поганому, къ той ко лужѣ кровавыя, ко той ко плахѣ бѣлодубовой“. Всѣ палачи испужались, по Москвѣ разбѣжались; единъ палачъ не пужается, единъ злодѣй выступаетя — Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ“. До стараго боярина Никиты Романовича дошла вѣсть нерадошна, кручинная, что-де „упала звѣздочка поднебесная, потухла во соборѣ свѣча мѣстная, не стало царевича у насъ въ Москвѣ, а меньша-то Ѳеодора Ивановича“. Бояринъ скачетъ къ болоту поганому, настигъ палача на полупути, кричитъ ему зычнымъ голосомъ: „Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ! не за свойскій кусъ

ты хватаешься, а этимъ кускомъ ты подавишься; не переводитъ тебѣ роды царскіе“. Малюта отвѣчаетъ, что дѣло невольное; что не самому же ему быть сказнену; чѣмъ окровенить саблю острую, руки бѣлыя, и съ чѣмъ прійти къ царю предъ очи, предъ его очи царскія? Никита Романовичъ совѣтуетъ ему сказнить его конюха любимаго и въ его крови предстать предъ очи царскія. Какъ завидѣлъ царь Малюту въ крови, „а гдѣ-ко стоялъ, онъ и тутъ упалъ, что рѣзвы ноги подломились, царски очи помутились, что по три дня не пьетъ, не ѣстъ“. А Никита Романовичъ увезъ царевича въ село Романово. Царю докладываютъ: у тебя-де кручина великая, а стараго Никиты Романовича пиръ идетъ на веселѣ. „А грозный царь, онъ и крутъ добръ, велитъ схватить боярина нечестно; когда привели его къ нему, онъ пригвоздилъ ему къ полу ногу жезломъ своимъ, грозитъ его въ котлѣ сварить, либо на колѣ посадить“. Когда дѣло объяснилось, царь даетъ боярину село Романовское съ такой привилегіей: „Кто церкву покрадаетъ, мужика ли убьетъ, али у жива мужа жену уведетъ и уйдетъ во село боярское, ко старому Никитѣ Романовичу, и тамъ быть имъ не на выдачѣ“.

Покореніе Казанскаго царства воспѣто въ цѣлыхъ двухъ пѣсняхъ, на основаніи которыхъ однакожъ нельзя сдѣлать и одной поэмы. Одна изъ этихъ пѣсенъ рассказываетъ, какъ Иванъ Васильевичъ подъ Казанью съ войскомъ стоялъ, за Сулай-рѣку бочки съ порохомъ каталъ, а пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ; какъ татары по городу похаживали, и всяко грубіяństwo оказывали, и грозному царю насмѣхались, что не быть-де нашей Казани за бѣлымъ царемъ; какъ царь на пушкарей осерчался, приказалъ пушкарей казнить, что подрывъ такъ долго медлился; и какъ—лишь пушкари слово молвить поотважились—взрывъ воспослѣдовалъ, а „все татары тутъ, братцы, устрашились, они бѣлому царю покорились“.

Другая пѣсня почти вся состоитъ изъ сѣа казанской парицы Елены, который она рассказываетъ своему мужу Симеону, что ей привидѣлось, „какъ отъ сильнаго царства Московскаго кабы сизый орлище вострепелъ, кабы грозная туча подымалась, что на наше царство наплывала; а изъ сильнаго царства Московскаго подымался великій князь Московскій, а

Иванъ, сударь, Васильевичъ, прозритель“. Далѣе слѣдуетъ содержаніе первой пѣсни. Когда подрывъ грянулъ, Иванъ Васильевичъ побѣжалъ въ палаты царскія, а Елена догадалася: посыпала соли на ковригу и съ радостью встрѣчала Московскаго князя,—за что онъ ее пожаловалъ: привелъ въ крещену вѣру и постригъ въ монастырь; а царю Семеону за гордость, что не встрѣтилъ онъ великаго князя, „вынялъ ясны очи косицами“, взялъ съ него царскую корону, порфиру и царскій костыль изъ рукъ принялъ. И въ то время князь воцарился и насѣлъ на Московское царство, что тогда-де Москва основалася; и съ тѣхъ поръ великая слава.

И вся то пѣсня—сказка, поводомъ къ которой было впрочемъ историческое событіе; но что такое конецъ ея?.. Когда царь Иванъ Васильевичъ Казань взялъ, тогда только и на Московское царство насѣлъ, а до тѣхъ поръ словно былъ безъ царства...

И вотъ какъ отразился въ народной поэзіи колоссальный образъ и отозвалась страшная память Грознаго—этого исполина тѣломъ и духомъ, который такъ ужасно рвался изъ тѣсныхъ оковъ ограниченной народности, и, явившись не вовремя, безсильный съ самого себя свергнуть и разбить ихъ, нашелъ въ себѣ силу страшно выместить на своемъ народѣ эту враждебную ему народность!..

Изъ пѣсни о Гришкѣ Разстригѣ ясно видно, что этотъ даровитый и пылкій, но неблагоразумный и нерасчетливый удалецъ палъ въ глазахъ народа не за самозванство, а за то, что въ ту пору, какъ „князи и бояра пошли къ заутрени, а Гришка Разстрига онъ въ баню съ женой; уже князи и бояра отъ заутрени, а Гришка Разстрига изъ бани съ женой; выходитъ Разстрига на Красный Крылецъ, кричитъ, реветъ зычнымъ голосомъ: „Гой еси, ключники мои, приспѣшники, приспѣвайте кушанье разное, а и поспѣшное и скоромное: завтра будетъ ко мнѣ гость дорогой, Юрья панъ съ паньей“. Тогда, вишь, стрѣльцы догадались. въ Боголюбовъ монастырь бросались, къ царицѣ Марѣ Матвѣевнѣ; а узнавъ отъ нея всю правду, къ Красному царскому крылечку метались и тутъ въ Москвѣ взбунтовались; злая жена Разстриги, Марина безбожница, сорокой обернулася и изъ палатъ вонъ выле-

тѣла; а Разстрига догадается, на копья стрѣлецкія съ крыльца бросается—и тутъ ему такова смерть случилась“.

Но слѣдующая пѣсня о „Борисѣ Шереметевѣ“, достойномъ сподвижникѣ Петра Великаго, лицѣ нисколько не мифическомъ, воплѣ историческомъ и современномъ пѣснѣ,—лучше всего обнаруживаетъ историческую значительность нашихъ историческихъ пѣсень. Шереметевъ, подходя съ войсками къ сильному городу Орѣшку, послалъ въ объѣздъ донскихъ и яицкихъ казаковъ — снять шведскіе караулы. Они полонили майора и привели его къ самому государю; злата труба въ полѣ протрубила, прогласилъ государь, слово молвилъ, государь Московскій—первый императоръ: „А и гой еси, Борисъ, сынъ Петровичъ! изволь ты майора допросити тихонько, помалешеньку: а сколько-де силы въ Орѣшкѣ у вашего короля шведскаго?“ Майоръ наговорилъ силы несмѣтное множество; тогда императоръ велѣлъ Шереметеву морить его голодомъ. А втапору Борисъ Петровичъ Шереметевъ на то-то больно догадливъ: и двое-де сутки майора не кормили, въ третьи винца ему подносили: втапору майоръ правду сказалъ: „всѣхъ съ королемъ нашимъ и генераломъ силы семь тысячей, а болѣе того нѣту“. И тутъ государь взвеселился—велѣлъ ему майору голову отляпать“.

И вотъ какъ народная фантазія поняла великаго преобразователя Руси!.. Какого же историческаго содержанія, какой исторической жизни можно требовать отъ русскихъ народныхъ пѣсень, относящихся къ эпохѣ Петра Великаго!.. Не такова историческая поэзія Малороссіи, Исторія Малороссіи не принадлежитъ къ исторіи всемірно-человѣческой; кругъ ея тѣсень, политическое и государственное значеніе ея—то же, что въ искусствѣ гротескъ; но, несмотря на все это, Малороссія была органически-политическимъ тѣломъ, гдѣ всякая отдѣльная личность сознавала себя, жила и дышала въ своей общественной стихіи, и потому знала хорошо дѣла своей родины, столь близкія къ ея сердцу и душѣ. Народная поэзія Малороссіи была вѣрнымъ зеркаломъ ея исторической жизни. И какъ много поэзій въ этой поэзій! Пусть читатели вспомнятъ думу „Самко Мушкетъ“, которую мы привели выше какъ для доказательства аналогіи, существующей между „Словомъ

о Пьлку Игоревѣ“ и малороссійской поэзіей: это диоирамбъ исторической поэзіи, это паѳосъ патріотическаго сознанія! Что передъ однимъ этимъ отрывкомъ скудный сборникъ всѣхъ русскихъ историческихъ пѣсень!..

Донскія казачьи пѣсни можно причислить къ циклу историческихъ, — и онѣ въ самомъ дѣлѣ болѣе заслуживаютъ названіе историческихъ, чѣмъ собственно такъ называемыя историческія русскія народныя пѣсни. Въ нихъ весь бытъ и вся исторія этой военной общины, гдѣ русская удалъ, отвага, молодечество и разгулье нашли себѣ гнѣздо широкое и привольное. Онѣ и числомъ несравненно больше историческихъ пѣсень; въ нихъ и исторической дѣйствительности больше, въ нихъ и поэзія размахистѣй и удалѣй. Взглянемъ бѣгло на тѣ только, героемъ которыхъ является Ермакъ.

На Бузанѣ островѣ сидѣли атаманы и есаулы — Ермакъ Тимоѣевичъ, Самбуръ Андреевичъ, Анофрій Степановичъ; они думушку думали крѣпкую про дѣло ратное, про добычу казацкую. Есауль кричитъ голосомъ во всю буйну голову: „А и вы, гой еси, братцы, атаманы казачіе! У насъ кто на морѣ не бывалъ, морской волны не видалъ, не видалъ дѣла ратнаго, человѣка кроваваго, — отъ желанья тѣ Богу не маливались; останьтеся таковы молодцы на Бузанѣ островѣ“. И садились молодцы во свои струги легкіе, они грянули молодцы внизъ по матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ, по протокѣ по Ахтубѣ. Молодцамъ нашимъ повстрѣчались двѣнадцать турецкихъ кораблей — они взяли ихъ въ плѣнъ, а съ ними и душу красну-дѣвицу, молодую Урзамовну, дочь мурзы турецкаго. Потомъ они повстрѣчались съ посломъ царскимъ, Семеномъ Константиновичемъ, возвращавшимся изъ Персіи съ своими солдатами и матросами. Казаки были пьяные, а солдаты не со всѣмъ умомъ, попускалися на нихъ дратися ради корысти своея. Не разобравъ дѣла, посолъ выслалъ на казаковъ сто человѣкъ изъ своей свиты: Ермакъ велѣлъ своимъ бить ихъ и бросать въ Волгу. Казаки перебили всю посольскую свиту и самого посла, а всѣ животы пограбили; пріѣхали въ Астрахань, назвались купцами, заплатили пошлины и пошли торговать безъ запрещенія. Тѣмъ старина и кончилась — въ первой пѣснѣ.

Но во-второй мы видимъ результаты этой старины: во славномъ понизовомъ городѣ Астрахани, противъ пристани матки-Волги-рѣки, наши молодцы снова сходились думать думушку крѣпкую. Ермакъ Тимоѳеевичъ говорилъ: „А и выгой еси, братцы, атаманы молодцы! не корыстна у насъ шутка зашучена; убили мы посла персидскаго и всѣмъ животомъ его покорыстовались: и какъ намъ на то будетъ отвѣтствовать? Въ Астрахани жить нельзя; на Волгѣ жить — ворами слыть; на Яикъ идти — переходъ великъ; въ Казань идти — грозенъ царь стоитъ, грозенъ царь осударь Иванъ Васильевичъ; въ Москву идти — перехваченнымъ быть, по разнымъ городамъ разосланнымъ и по темнымъ тюрьмамъ разсаженнымъ; пойдемте мы въ усолья ко Строгоновымъ, ко тому Григорью Григорьевичу, ко тѣмъ господамъ ко Вороновымъ — возьмемъ мы много свинцу, пороху и запасу хлѣбнаго“. Дальнѣйшее содержаніе пѣсни состоитъ въ разсказѣ, какъ молодцы пошли въ Сибирь, добрались до Тагиль-рѣки, до горы Магницкой, зимовали, настроили коломенокъ; надѣлали соломенныхъ людей и, добравшись до Тобола, обманули ими татаръ и выиграли великую битву; какъ Ермакъ Тимоѳеевичъ взялъ въ полонъ Кучума, царя татарскаго; какъ Ермакъ, пошивши казакамъ шубы и шапки соболиныя, пріѣхалъ въ Москву съ повинной головой къ грозному царю Ивану Васильевичу; какъ государь прощалъ Ермаку всѣ вины его, и снова посылалъ его въ Сибирь — брать съ татаръ дани, выходы въ казну государеву; какъ татары взбунтовались противъ Ермака и напали на него на Енисей, когда у него было казаковъ только на двухъ коломенкахъ; и какъ въ битвѣ погибъ храбрый и удалый завоеватель Сибири. „Онъ хотѣлъ перескочити на другую свою коломенку — и ступилъ на переходню обманчивую, правой ногой поскользнулся онъ — и та переходня съ конца верхняго подымалася и на него опускалася, расшибла ему буйну голову и бросила его въ тое Енисей быстру рѣку: тутъ Ермаку такова смерть случалась“.

Исключая поѣздки Ермака въ Москву, на мѣсто есаула его Кольца, все остальное довольно правдopodobно для русской народной исторической пѣсни. Мы уже говорили, что историческая вѣрность — качество почти чуждое историческимъ

русскимъ пѣснямъ. Такъ-какъ всѣ явленія исторической жизни старой Руси возникали какъ бы случайно, имѣя свой корень скорѣе въ политическомъ неустройствѣ, чѣмъ въ устройствѣ, — то и казались народу сказочными явленіями. Оттого всякое историческое лицо для народа казалось мифомъ, и онъ дѣлалъ изъ его жизни сказку. Такъ въ одной казацкой пѣснѣ, Ермакъ сидитъ въ Азовѣ въ тюрьмѣ, мимо которой случилось пройти турецкому царю Солтану Солтановичу (Ермакъ, видите, былъ посланъ къ султану изъ Москвы съ подарками, а мурзы, улановья ограбили его, да и посадили въ темницу). Султанъ, одаривъ его златомъ, серебромъ, съ честью отпускаетъ въ Москву; но донской казакъ „загулялся по матушкѣ Волгѣ-рѣкѣ, не явился въ каменну Москву“.

Солдатскія пѣсни образуютъ собой особый циклъ народной поэзіи. По формѣ своей, онѣ ничѣмъ не отличаются отъ другихъ русскихъ пѣсень; но содержаніе ихъ оригинально по русско-простонародному разумѣнію европейскихъ вещей, и по смѣси чисто-русскихъ выраженій съ терминами и словами изъ сферы регулярно-военнаго быта. Этотъ родъ пѣсень еще не довольно извѣстенъ у насъ печатно и потому о немъ трудно сказать что-нибудь дѣльное. Но для примѣра приведемъ здѣсь одну солдатскую пѣсню, которая показываетъ, что великій преобразователь Россіи прежде всѣхъ другихъ своихъ подданныхъ встрѣтилъ къ себѣ сочувствіе въ храбрыхъ солдатахъ созданнаго имъ войска:

Ахъ ты, батюшка свѣтель мѣсяцъ!
 Что ты свѣтишь не по-старому,
 Не по старому и не по-прежнему?
 Что со вечера не до полуночи,
 Со полуночи не до бѣла свѣта;
 Все ты прячешься за облака,
 Укрываешься тучей темною.
 Что у насъ было, на святой Руси,
 Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
 Во соборѣ Петропавловскомъ,
 Что у праваго у клироса,
 У гробницы государевой,
 У гробницы Петра Перваго,
 Петра Перваго Великаго,
 Молодой сержантъ Богу молится,

Самъ онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
По кончинѣ вскорѣ гесударевой,
Государя Петра Перваго;
Въ возрыданьи слово вымолвилъ:
„Разступись ты, мать сыра земля,
Что на всѣ ли на четыре стороны!
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися, золота парча!
И ты встань, пробудись, Государь,
Пробудись, батюшка, православный царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе:
Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ, обезсилѣли!“

Такъ называемыя „удалыя“ пѣсни должны слѣдовать непосредственно за казацкими: что такое были казаки, какъ не удалыцы, промышлявшіе на Волгѣ, чѣмъ Богъ послалъ, и что такое были удалыцы, какъ не казаки, только неимѣвшіе опредѣленнаго мѣста для жительства? Существованіе „удальцовъ“ не было улегитимировано правительственной властью, но было улегитимировано общественнымъ мнѣніемъ, — и потому въ одной пѣснѣ они сами про себя говорятъ:

Мы не воры, — мы разбойнички:
Атамановы мы работнички.

Въ подобныхъ явленіяхъ нѣтъ ничего унижительнаго для національной чести, ибо въ нихъ виновато было неустройство и шаткость общественнаго зданія, а совсѣмъ не національный духъ. Италія и Испанія — классическія страны разбойниковъ: тамъ эти господа и теперь еще разгуливаютъ на улицахъ столичныхъ городовъ, среди бѣла дня, и ихъ боятся многіе, но никто не презираетъ; а съ массой народа они всегда были даже въ большихъ ладахъ. Теперь и удалыцовъ ужъ нѣтъ на Руси: нація все та же, да порядокъ въ обществѣ другой — вотъ и все. Теперь можно изъѣздить и исходить Россію вдоль и поперекъ съ туго набитымъ бумажникомъ: можетъ-быть васъ обокрадутъ или засудятъ, но уже не ограбятъ и не зарѣжутъ. А прежде было не такъ, особенно до эпохи Петра Великаго. Стѣсненность и ограниченность условій общественной жизни, безусловная зависимость слабаго и бѣднаго отъ

произвола сильнаго и богатаго, словомъ — Кошихинскій характеръ администраціи и общественной нравственности, — все это заставляло людей чаще всего съ сильными натурами искать какого бы то ни было выхода изъ тѣсноты и духоты на просторъ и приволье души. Низовыя страны, особенно степи, прилегающія къ Волгѣ и Дону, давали полную возможность для подвиговъ удальства и молодечества. И наши удальцы того времени никогда не были ни казаками, ни разбойниками, а всегда тѣмъ и другимъ мѣстѣ: они били басурмановъ, оберегали границы и иногда, при стѣсненныхъ обстоятельствахъ, грабили и посланниковъ царскихъ, и бояръ, и кто попадется. Подвиги этихъ витязей такого рода никогда не были запечатлѣны ни звѣрствомъ, ни жестокостью: они были удальцы и молодцы, а не злодѣи. Конечно они не отличались и идеальнымъ рыцарствомъ; но можно ли было требовать рыцарства въ тѣ варварскія времена, когда и войны походили на разбой, когда само правосудіе было свирѣпо и кровожадно? Повторямъ: наши удальцы не были по крайней мѣрѣ хуже всѣхъ другихъ этого рода людей, если не были лучше ихъ. При дурной общественной падшія души часто бываютъ самыя благороднѣйшія по своей натурѣ, — и ужъ конечно скорѣе можно предполагать человѣчность, благородство и возвышенность въ покорителѣ Сибири, чѣмъ во многихъ изъ знатныхъ тунейдцевъ, богатыхъ только спѣсью, невѣжествомъ и низостью. Въ пѣсняхъ о Ермакѣ лучшее доказательство справедливости всего сказаннаго нами объ удалыхъ казакахъ. Теперь взглянемъ на удальцовъ собственно, въ глазахъ которыхъ удалъ и успѣхъ извиняли всякое дѣло. Въ ихъ пѣсняхъ, кромѣ удальства и молодечества, господствуетъ еще ироническая веселость, какъ одна изъ характеристическихъ чертъ народа русскаго. Слѣдующій отрывокъ изъ большой пѣсни можетъ служить лучшимъ примѣромъ такого рода сочиненій:

„Ахъ, доселева Усовъ и слыхомъ не слыхатъ, а слыхомъ ихъ не слышать, видомъ не видать; а нонѣче Усы проявились на Руси. Собиралися Усы на царевъ на кабакъ, а садилися молодцы во единый кругъ. Большой Усище и всѣмъ атаманъ, а Гришка Мурышка, дворянскій сынъ, самъ говоритъ, самъ усомъ шевелить: „А братцы Усы, удали молодцы! А и лѣто проходитъ, зима настаетъ, а и надо чѣмъ Усамъ голова кор-

мить, на палатахъ спать и намъ сытымъ быть. Ахъ, нутеть-ко, Усы, за свои промыслы! А мечитеся по кузницамъ, накуйте топоры со подборышами, а накуйте ножей по три четверти, а и сдѣлайте бердыши и рогатины и готовесь всѣ; ахъ, знаю я крестьянина—богатъ добрѣ, живетъ на высокой на горѣ, далеко въ сторонѣ, *хлѣба онъ не пашетъ, да рожь продаетъ, онъ деньги беретъ, да въ кубышку кладетъ, онъ пива не варитъ и сосѣдей не поитъ, а прохожихъ-то людей почевать не пускаетъ, а прямыя дороги не сказываетъ*. Ахъ, надо-де къ крестьянину умѣючи идти: а и по полю идти—не посвистывать, а и по бору идти—не покашливати, ко двору его идти—не пошаркивати. Ахъ, у крестьянина-то въ домѣ борзые кобели, и ограда крѣпка, избушка заперта, у крестьянина ворота крѣпко заперты“.

Теперь намъ слѣдовало бы перейти къ собственно-лирической поэзіи; но это потребовало бы особой статьи, и мы ограничимся только тѣми пѣснями, которыя особенно характеризуютъ духъ народный; а для этого мы должны говорить и о пѣсняхъ эпическаго содержанія, но которыхъ преобладающій элементъ — лирическій, и которыя могутъ служить зеркаломъ семейнаго быта древней Руси. Какъ отличительный характеръ эпической поэзіи — духъ удалства, отваги, молодечества, такъ отличительный характеръ лирической поэзіи — заунывность, тоска и грусть души сильной и мощной. Климатъ и географическое положеніе страны имѣютъ сильное вліяніе на образованіе характера націи. Ровное, степное положеніе Россіи, этотъ климатъ срединный: ни южный, ни сѣверный, ни жаркій, ни холодный; этотъ годъ, состоящій изъ краткаго лѣта, длинной осени и длинной зимы, — все это не могло не способствовать развитію въ русскомъ народѣ чувства безконечной и глубокой грусти, какъ основного мотива его поэзіи и музыки. Не забудьте, что колыбелью настоящей, коренной Руси были Новгородъ, Владиміръ, Рязань, Москва и Тверь, гдѣ небо такъ часто бываетъ свинцово и мелкій дождь однообразно падаетъ на скользкую траву и уличную слякоть... А продолжительная русская зима, съ ея трескучими морозами и усѣянными звѣздами небомъ, съ пушистыми метелями, залѣпляющими очи путника, и ея заунывнымъ вѣтромъ, свободно гуляющимъ по необозримой снѣжной равнинѣ, которой унылое однообразіе изрѣдка нарушается то печально зеленѣющей елкой, то нашимъ лѣсомъ съ бѣловатыми отъ инея сучьями!.. Вонъ скачетъ удалая тройка;

борода лихого возничаго покрыта пушистымъ инеемъ; путникъ глубоко забился въ кибитку въ своей тяжелой шубѣ; колокольчикъ надрываетъ ему сердце своимъ утомительнымъ звономъ; ямщикъ даетъ вздохнуть родимымъ — медленно идутъ онѣ; онъ затягиваетъ заунывную пѣсню; впереди ничего — только безконечная снѣжная скатерть сливается вдали съ свинцовымъ небомъ... Да, тутъ необходима заунывная, протяжная пѣсня ямщика — душа упивается полнотою собственной грусти, ей такъ привольно въ однообразной мелодіи этихъ задумчивыхъ звуковъ:

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Присовокупите ко всему этому медленное, тяжкое, испытательное историческое развитіе Руси: междоусобія и темное владычество татаръ, которыя приучили русскаго крестьянина считать свою жизнь, свое поле, свою жену и дочь, и все свое скудное достояніе — чужой собственностью, ежеминутно готовой отойти во владѣніе перваго, кто, съ желѣзомъ въ рукѣ, вздумаетъ объявить на нее свое право... Далѣе, кровавое самовластительство Грознаго, смуты междоусобія — все это такъ гарманировало и съ суровой зимой, и съ свинцовымъ небомъ холодной весны и печальной осени, и съ безконечностью ровныхъ и однообразныхъ степей... Вспомните быть русскаго крестьянина того времени, его дымную, неопрятную хижину, похожую на хлѣвъ, его поле, то орошаемое кровавымъ его потомъ, то пустое, незасѣянное, или затоптанное татарскими отрядами, а иногда и псовой охотой боярина... Вспомните привычку русскаго человѣка, зашибивъ деньгу, зарывать ее въ землю — и ходить въ лохмотьяхъ, ѣсть черствый хлѣбъ пополамъ съ мякиной, стоная и жалуюсь на нищету, — и поймете причину этой привычки... Если и этого мало, прочтите Кошихина, — и вамъ все будетъ ясно безъ комментариевъ...

Но географія (положеніе и климатъ) и исторія страны еще ничто въ сравненіи съ семейнымъ бытомъ древней Руси, о

которомъ мы теперь, сравнивая его съ нашимъ, современнымъ, поневолѣ говоримъ какъ о чемъ-то такомъ, что трудно понять, чему трудно повѣрить. Семейный бытъ первый и непосредственный источникъ народной поэзіи. Русская народная эпическая поэзія какъ будто совсѣмъ не приняла въ себя элемента сердечной тоски и душевной грусти, составляющей основной элементъ лирической поэзіи. И это понятно: русская эпическая поэзія какъ будто совсѣмъ обошла и миновала семейный бытъ, посвятивъ себя преимущественно идеѣ своей народности въ общественномъ значеніи. И потому въ эпической поэзіи чувство отваги, удалства и молодечества составляетъ главный преобладающій мотивъ. Лирическая поэзія, напротивъ, вся посвящена семейному быту, вся выходитъ изъ него,—и потому она такъ грустна, такъ заунывна, нерѣдко дышетъ такимъ сокрушительнымъ чувствомъ отчаянія и ожесточенія... Здѣсь кстати мы должны замѣтить, что грусть русской души имѣетъ особенный характеръ: русскій человѣкъ не расплывается въ грусти, не падаетъ подъ ея томительнымъ бременемъ, но упивается ея муками съ полнымъ сосредоточеніемъ всѣхъ духовныхъ силъ своихъ. Грусть у него не мѣшаетъ ни ироніи, ни сарказму, ни буйному веселью, ни разгулу молодечества: это грусть души крѣпкой, мощной, несокрушимой. Все, что могло бы обезсилить и уничтожить всякій другой народъ, все это только закалило русскій народъ,—и то, что сказалъ Пушкинъ о Россіи въ отношеніи къ ея борьбѣ съ Карломъ XII, можно примѣнить къ Руси въ отношеніи ко всей ея исторіи:

Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Значительную часть семейныхъ пѣсенъ составляютъ такъ называемыя „свадебныя“ пѣсни. Ихъ можно раздѣлить на два рода — на веселыя и печальныя. Въ первыхъ воспѣвается счастье обрученныхъ и особенно обрученной. Слѣдующая пѣсня можетъ служить образцомъ веселыхъ свадебныхъ пѣсенъ:

Съ ранней, утренней зари
Стояли кони на дворѣ.
Никто про тѣхъ коней не знаетъ,
Никто про тѣхъ коней не вѣдаетъ,
Одна знала, спознала Машенька,
Машенька свѣтъ Ефимовна.
Брала коней за поводы,
Ставила коней во стойла,
Сыпала сахаръ вмѣсто овса,
Лила сыту вмѣсто воды,
Отошедши, конямъ кланялась:
„Ужъ вы кушайте, пейте, кони мои!
Завтра поутру свезите меня
Далѣ, подалѣ отъ батюшки,
Ближе, поближе къ свекру въ домъ.

Но въ пѣсняхъ такого рода личное чувство невѣсть не принимало никакого участія: онѣ слагались явно безъ ихъ согласія, да и число ихъ слишкомъ невелико. Свадебныя печальныя пѣсни гораздо многочисленнѣе и болѣе исполнены поэзіи. Всѣ онѣ выражаютъ одно чувство — страхъ невѣсты къ будущему безусловному властителю ея участи, ужасъ при мысли о свекрѣ и свекрови, горестъ отъ разлуки съ домомъ отца и матери.

Далѣ, подалѣ отъ матушки,
Ближе поближе къ свекрови въ домъ.“
Свѣтель мѣсяцъ, родимый батюшка!
Красно солнышко, родима матушка!
Не бейте вы полу о полу;
Не хлопайте вы пирогъ о пирогъ,
Не пробивайте вы меня, бѣдную,
Не давайте вы меня, горькую,
На чужду дальню сторонушку,
Ко чужому отцу, ко чужой матери.
Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостливы уродилися:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ соломы у нихъ гнѣвъ раскипается,
Насижусь-то я у нихъ, бѣдная,
На концѣ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся.

И всѣ пѣсни, въ которыхъ изображается картина замужества, суть оправданіе этихъ зловѣщихъ предчувствій... И

ни единой, ни единой, гдѣ бы жена не была жертвой насильственного брака, жестокости мужа и родни его...

Смѣшно было бы доказывать, что и въ старину у русскихъ людей любовь составляла одинъ изъ элементовъ жизни: любовь достояніе общечеловѣческое, и сердце дикаря сибирскаго такъ же бьется отъ нея, какъ и сердце образованнаго европейца. Разница въ проявленіи и развитіи чувства, а не въ самомъ чувствѣ. Въ отношеніи же къ обществамъ важно то, какъ смотритъ на чувство общество. Съ этой стороны древняя Русь представляетъ зрѣлище не совсѣмъ отрадное: чѣмъ богаче народъ чувствомъ, тѣмъ ужаснѣе видѣть это чувство сдавленнымъ неправильно развившейся общественностью. А что любовь на Руси могла быть не только поэтической, но и даже граціозно-поэтической, тому доказательствомъ можетъ служить слѣдующая прелестная пѣсня:

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька,
Приходитъ къ ней батюшка,
Будилъ ее, побуживалъ:
„Ты, Машенька, пойдемъ домой!
Ты, Ефимовна, пойдемъ домой!“

„Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карчуровъ нѣтъ“.

На горѣ стоитъ ёлочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходила къ ней матушка,
Будила, побуживала:
„Машенька, пойдемъ домой!
Ефимовна, пойдемъ домой!“

„Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ“.

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька,
Приходитъ къ ней Петръ,
Петръ, сударь Петровичъ,
Будилъ ее, побуживалъ:

„Машенька, пойдемъ домой!
Душа Ефимовна, пойдемъ домой!“
„Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь свѣтла и мѣсячна.
Рѣки тихи, перевозки есть,
Лѣса темны, караулы есть.“

Но это, къ сожалѣнію, чуть ли не единственная пѣсня во всемъ сборникѣ Сахарова. Если и еще найдутся подобныя, то число ихъ слишкомъ незначительно въ сравненіи съ числомъ пѣсенъ, подобныхъ слѣдующимъ: Молодецъ —

. держалъ красну дѣвицу за бѣлы ручки
И за хороши перстни злаченные,
Цѣловаль, миловаль, ко сердцу прижималь,
Называль, красну дѣвицу животомъ своимъ,
И говоритъ дѣвица душа красная:
„Ты надежда мой, надежда сердечный другъ!
А не честь твоя хвала молодецкая,
Безъ числа больно надежда упиваешься,
А и ты мной, красной дѣвицей, похваляешься,
А и ты будто надо мной все насмѣхаешься.“
Ему туто молодцу за бѣду стало,
Какъ онъ бьетъ красну дѣвицу по бѣду ея лицу.
Онъ расшибъ у дѣвицы лицо бѣлое.
Проливалъ у дѣвицы кровь горячую,
Замараль на дѣвицѣ платѣ цвѣтное.

Противорѣчіе общественности съ разумными потребностями и стремленіями человѣческой натуры становить общество въ трагическое положеніе. Въ нашей народной поэзіи бездна трагическихъ элементовъ, свидѣтельствующихъ о глубинѣ и страшной силѣ русскаго духа, который, попавшій въ противорѣчіе, мстилъ и себѣ самому, и всему окружающему. Вотъ нѣсколько примѣровъ для подтвержденія этой мысли:

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ стыда въ глазахъ,
Нѣтъ стыда въ глазахъ, ни совѣсти!
Нѣтъ у молодца заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки!
Зазнобилъ мени любезный другъ,
Зазнобилъ, сердце повысушилъ;
Безъ краснова солнца высушилъ.
Безъ морозу сердце вызнобилъ.
Я сама дружка повысушу,

Не зельями, не кореньями,
Безъ мороза сердце вызноблю,
Безъ краснова солнца высушу!
Схороню тебя, мой миленькій,
Въ зеленомъ саду подъ грушею,
Я сама сяду, послушаю:
Не стонетъ ли мать сыра земля,
Не вскрывается ль гробова доска,
Не встаетъ ли мой сердечный другъ?
Зарости, моя могилушка.
Ты травушкой, муравушкой!
Не достанься, мой любезный другъ,
Ни дѣвушкамъ, ни молодушкамъ,
Ни своей змѣѣ-полюбовницѣ!
Ты достанься, мой любезный другъ,
Сырой землѣ, гробовой доскѣ.

Во сыромъ-то бору брала Маша ягодки;
Она, бравши ягодки, заблудилась.
Заблудившись, пріаукнулась:
„Ты, ау, ау! милъ сердечный другъ!“
— Не ауйся, моя Машенька:
За мной ходятъ здѣсь три сторожа—
Первый сторожъ, тестъ мой батюшка;
Другой сторожъ—теща-матушка;
Третій сторожъ—молода жена.
Ты взойди-ка, взойди, туча грозная,
Ты убей-ко громомъ тестя-батюшку;
Молоньей ты сожги тещу-матушку;
Лишь не бей ты, не жги молодой жены:
Съ молодой женой самъ я справлюся:
Я слезьми ее, слезьми вымочу,
Я кручинушкой жену высушу,
Во сыру землю положу ее;
А тебя, Машенька, за себя возьму.

Много бы можно было сказать о лирической поэзіи, много бы можно было привести примѣровъ; но для основательнаго и сосредоточеннаго обсуживанія такого обширнаго предмета нужна не журнальная статья, а отдѣльный трактатъ—плодъ изученія и обдуманнаго труда. Мы и такъ уже вышли изъ предѣловъ журнальной статьи, увлекшись занимательностью, важностью и обширностью предмета, доселѣ нетронутаго кри-

тикой и неизвѣстнаго публикѣ, и принуждены были обо многомъ сказать на-скоро, и слегка, а многое и совсѣмъ пропустить: пѣсни, хороводныя, святочные, шуточные или юмористическія, разгульныя требовали бы особой статьи. По крайней мѣрѣ мы утѣшаемъ себя мыслью, что первые заговорили о предметѣ, о которомъ другіе только восклицали.

Раздѣленіе поэзіи на роды и виды *).

Поэзія есть высшій родъ искусства. Всякое другое искусство болѣе или менѣе стѣснено и ограничено въ своей твор-

*) Мысль написать критическую исторію русской литературы занимала Бѣлинскаго почти до самой смерти его. Онъ принимался за нее нѣсколько разъ, и въ 1841 году хотѣлъ приступить даже къ печатанію ея подъ заглавіемъ: „Теоретическаго и критическаго Курса Русской Литературы“, который долженъ былъ составлять слѣдующіе отдѣлы, тѣсно связанныя между собою единствомъ основной мысли и систематическимъ изложеніемъ: *Общее Введеніе; Эстетика* (развитіе идеи искусства вообще и теорія поэзіи въ частности); *Теорія русскаго стихосложенія; Теорія словесности вообще* (теорія краснорѣчія и взглядъ на такъ-называемыя *беллетристическія*, или собственно литературныя, а не художественныя,—и догматическія сочиненія, не принадлежащія ни къ искусству въ строгомъ смыслѣ, ни къ ученой литературѣ); *Взглядъ на народную поэзію вообще; Критическое разсмотрѣніе памятниковъ русской народной поэзіи* („Слово о полку Игоревомъ“ и русскія пѣсни эпическаго и лирическаго содержанія); *Историческое обозрѣніе памятниковъ русской письменности отъ ея начала до временъ Петра Великаго; Исторія книжной русской литературы, отъ Кантемира и Ломоносова до Карамзина, отъ Карамзина до Пушкина, и отъ Пушкина до 1841 года включительно; Общій взглядъ на русскую литературу, надежды въ будущемъ, заключеніе*. Сверхъ подробнаго критическаго разсмотрѣнія художественныхъ созданій и даже произведеній беллетристическихъ, по чему бы то ни было примѣчательныхъ, въ „Теоретическомъ и Критическомъ Курсѣ Русской Литературы“ онъ предполагалъ обратить полное вниманіе и на исторію всѣхъ повременныхъ изданій, имѣвшихъ большее или меньшее, хорошее или вредное вліяніе на литературу, и пользовавшихся заслуженной или незаслуженной извѣстностью,—отъ начала журналистики до „Московского Журнала“ и „Вѣстника Европы“ Карамзина, а отъ нихъ до настоящаго времени включительно.

Эта статья, напечатанная въ 3 № „Отечеств. Запис.“ 1841 года, — отрывокъ изъ отдѣла Эстетики.

ческой дѣятельности тѣмъ матеріаломъ, посредствомъ котораго оно проявляется. Произведенія архитектуры поражаютъ насъ или гармоніей своихъ частей, образующихъ собой граціозное цѣлое, или громадностью и грандіозностью своихъ формъ, восторгая съ собою духъ нашъ къ небу, въ которомъ исчезаютъ ихъ остроконечные шпигы. Но этимъ и ограничиваются средства ихъ обаянія на душу. Это еще только переходъ отъ условнаго символизма къ абсолютному искусству; это еще не искусство въ полномъ значеніи, а только стремленіе, первый шагъ къ искусству; это еще не мысль, воплотившаяся въ художественную форму, но художественная форма, только намекающая на мысль. Сфера скульптуры шире, средства ея богаче, чѣмъ у зодчества: она уже выражаетъ красоту формъ человѣческаго тѣла, оттѣнки мысли въ лицѣ человѣческомъ; но она схватываетъ только одинъ моментъ мысли лица, одно положеніе тѣла (*attitude*). Притомъ же сфера творческой дѣятельности скульптуры не простирается на всего человѣка, а ограничивается только внѣшними формами его тѣла, изображаетъ только мужество, величіе и силу въ мужчинѣ, красоту и грацію въ женщинѣ. Живописи доступенъ весь человѣкъ—даже внутренній міръ его духа; но и живопись ограничивается схватываніемъ одного момента явленія. Музыка—по-преимуществу выразительница внутренняго міра души; но выражаемая ею идеи неотдѣлимы отъ звуковъ, а звуки, много говоря душѣ, ничего не выговариваютъ ясно и опредѣленно уму. Поэзія выражается въ свободномъ человѣческомъ словѣ, которое есть и звукъ, и картина, и опредѣленное, ясно выговоренное представленіе. Поэтому поэзія заключаетъ въ себѣ элементы другихъ искусствъ, какъ бы пользуется вдругъ и нераздѣльно всѣми средствами, которыя даны порознь каждому изъ прочихъ искусствъ. Поэзія представляетъ собою всю цѣлость искусства, всю его организацію, и объемля собою всѣ его стороны, заключаетъ въ себѣ ясно и опредѣленно всѣ его различія.

I. Поэзія осуществляетъ смыслъ идеи во внѣшнемъ и организуютъ духовный міръ въ совершенно опредѣленныхъ, пластическихъ образахъ. Все внутреннее глубоко уходитъ здѣсь во внѣшнее, и обѣ эти стороны—внутреннее и внѣшнее—не

видны отдѣльно одна отъ другой, но въ непосредственной совокупности являютъ собой опредѣленную, замкнутую въ самой себѣ реальность — событіе. Здѣсь не видно поэта; міръ, пластически опредѣленный, развивается самъ собой, и поэтъ является только какъ бы простымъ повѣствователемъ того, что совершилось само собой. Это поэзія эпическая.

II. Всякому внѣшнему явленію предшествуетъ побужденіе, желаніе, намѣреніе, словомъ — мысль; всякое внѣшнее явленіе есть результатъ дѣятельности внутреннихъ, сокровенныхъ силъ: поэзія проникаетъ въ эту вторую внутреннюю сторону событія, во внутренность этихъ силъ, изъ которыхъ развивается внѣшняя реальность, событіе и дѣйствіе; здѣсь поэзія является въ новомъ, противоположномъ родѣ. Это царство субъективности, это міръ внутренний, міръ начинаній, остающійся въ себѣ и не выходящій наружу. Здѣсь поэзія остается въ элементѣ внутреннего, въ ощущающей мыслящей думѣ; духъ уходитъ здѣсь изъ внѣшней реальности въ самого себя и даетъ поэзіи различные до безконечности переливы и оттѣнки своей внутренней жизни, которая претворяетъ въ себя все внѣшнее. Здѣсь личность поэта является на первомъ планѣ, и мы не иначе, какъ черезъ нее, все принимаемъ и понимаемъ. Это поэзія лирическая.

III. Наконецъ, эти два различныя рода совокупляются въ неразрывное цѣлое: внутреннее перестаетъ оставаться въ себѣ и выходитъ во внѣ, обнаруживается въ дѣйствіи; внутреннее, идеальное (субъективное, становится внѣшнимъ, реальнымъ (объективнымъ). Какъ и въ эпической поэзіи, здѣсь также развивается опредѣленное, реальное дѣйствіе, выходящее изъ различныхъ субъективныхъ и объективныхъ силъ; но это дѣйствіе не имѣетъ уже чисто-внѣшняго характера. Здѣсь дѣйствіе, событіе представляется намъ не вдругъ, уже совсѣмъ готовое, вышедшее изъ сокрытыхъ отъ насъ производительныхъ силъ, совершившее въ себѣ свободный кругъ и успокоившееся въ себѣ, — нѣтъ, здѣсь мы видимъ самый процессъ начала и возникновенія этого дѣйствія изъ индивидуальныхъ воли и характеровъ. Съ другой стороны, эти характеры не остаются въ самихъ себѣ, но непрерывно обнаруживаются, и въ практическомъ интересѣ открываютъ содержа-

ніе внутренней стороны своего духа. Это высшій родъ поэзіи и вѣнецъ искусства—поэзія драматическая.

Теперь, сдѣлавъ общій и краткій очеркъ каждого изъ трехъ родовъ поэзіи, разовьемъ ихъ глубочайшее и дальнѣйшее значеніе чрезъ сравненіе одного съ другимъ.

Эпическая и лирическая поэзія представляютъ собой двѣ отвлеченныя крайности дѣйствительнаго міра, діаметрально одна другой противоположныя; драматическая поэзія представляетъ собой сліяніе (конкрецію) этихъ крайностей въ живое и самостоятельное третье.

Эпическая поэзія есть по-преимуществу поэзія объективная, внѣшняя, какъ въ отношеніи къ самой себѣ, такъ и къ поэту и его читателю. Въ эпической поэзіи выражается созерцаніе міра и жизни, какъ сущихъ по себѣ и пребывающихъ въ совершенномъ равнодушіи къ самимъ себѣ и созерцающему ихъ поэту или его читателю.

Лирическая поэзія есть, напротивъ, по-преимуществу поэзія субъективная, внутренняя, выраженіе самого поэта. „Въ лирической поэзіи,—говоритъ Жанъ-Поль Рихтеръ,—живописецъ становится картиной, творецъ—своимъ твореніемъ“. Эпическую поэзію можно сравнить съ образовательными искусствами—архитектурой, ваяніемъ и живописью; лирическую поэзію можно сравнить только съ музыкой. Есть даже такія лирическія произведенія, въ которыхъ почти уничтожаются границы, раздѣляющія поэзію отъ музыки. Такъ напр., многія русскія народныя пѣсни удерживаются въ памяти народа не содержаніемъ своимъ (ибо въ нихъ почти совсѣмъ нѣтъ содержанія), не значеніемъ словъ, изъ которыхъ состоятъ (ибо соединеніе этихъ словъ лишено почти всякаго значенія и при грамматическомъ смыслѣ не имѣетъ почти никакого логическаго), но музыкальностью звуковъ, образуемыхъ соединеніемъ словъ, ритмомъ стиховъ и своимъ мотивомъ въ пѣніи, или своимъ „голосомъ“, какъ говорятъ простолудины. Другія лирическія пѣсы, не заключая въ себѣ особеннаго смысла, хотя и не будучи лишены обыкновеннаго, выражаютъ собой безпечно-знаменательный смыслъ одной музыкальностью своихъ стиховъ, какъ напр. эти стихи изъ пѣсни сумасшедшей Офеліи:

Онъ во гробѣ лежалъ съ непокрытымъ лицомъ,
Съ *непокрытымъ*, съ *открытымъ* лицомъ.

Непокрытый есть то же, что открытый; а открытый — то же, что непокрытый; но какое глубокое впечатлѣніе производитъ на душу это повтореніе одного и того же слова, съ незначительнымъ грамматическимъ измѣненіемъ! И какъ чувствуется, что эти стихи должны не читаться, а пѣться! Вотъ пѣсня Дездемоны, переведенная или передѣланная Козловымъ:

Бѣдняжка въ раздумьи подъ тѣнью густой
Сидѣла вздыхая, крушима тоской:
„Вы пойте мнѣ иву, зеленую иву!“
Она свою руку на грудь положила,
И голову тихо къ колѣнямъ склонила.
Студенныя волны шума тамъ бѣжали,
И стонъ ея жалкій тѣ волны роптали.
„О ива, ты, ива, зеленая ива!“
Горючія слезы катились ручьями,
И дикіе камни смягчались слезами.
„О ива, ты, ива, зеленая ива!“
Зеленая ива мнѣ будетъ вѣнкомъ.
„О ива, ты, ива, зеленая ива!“

Скажите, какое отношеніе имѣетъ здѣсь ива къ предмету стихотворенія—страданію Дездемоны? Развѣ то, что Дездемона, кагда она пѣла свою пѣсню, представляла себя сидящею подъ ивой,—и въ безотрадной тоскѣ, обращаясь къ ней, какъ бы хотѣла высказать все свое безнадежное горе, всю плачевность своей неизбѣжной судьбы, и какъ бы просила у ней утѣшенія?.. Какъ бы то ни было, но этотъ стихъ: „О ива, ты, ива, зеленая ива“, не выражающій никакого опредѣленнаго смысла, заключаетъ въ себѣ глубокую мысль, отрѣшившуюся отъ слова, безсильнаго выразить ее, и превратившуюся въ чувство, въ звукъ музыкальный... И потому-то этотъ стихъ такъ глубоко западаетъ въ сердце и волнуетъ его мучительно-сладостнымъ чувствомъ неутолимой грусти... Совсѣмъ въ другомъ родѣ, но тоже подходитъ подъ разрядъ этихъ музыкальных стихотвореній извѣстный романсъ Пушкина:

Ночной зефиръ
Струитъ эфиръ.
Шумитъ,

Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.
Вотъ вошла луна золотая...
Тихе... чу... гитары звонъ...
Вотъ испанка молодая
Оперлася на балконъ.
Ночной зефиръ
Струить эфиръ.
Шумить,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.
Скинъ мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркій день!
Сквозь чугунныя перилы
Ножку дивную продѣнь!
Ночной зефиръ
Струить эфиръ.
Шумить,
Бѣжитъ
Гвадалквивиръ.

Что это такое?—волшебная картина, фантастическое видѣніе или музыкальный аккордъ, раздавшійся съ вышины и пролетѣвшій надъ утомленной нѣгой и желаньемъ головой обольстительной испанки?... Звуки серенады, раздавшіеся въ таинственномъ, прозрачномъ мракѣ роскошной, сладострастной ночи юга, звуки серенады, полной томленія и страсти, которую лѣниво слушаетъ прекрасная испанка, небрежно опершись на балконъ и жадно впитывая въ себя ароматическій воздухъ упоительной ночи?... Въ гармонической музыкѣ этихъ дивныхъ стиховъ не слышно ли, какъ переливается эфиръ струимый движеніемъ вѣтерка, какъ плещутъ серебряныя волны бѣгущаго Гвадалквивира?... Что это — поэзія, живопись, музыка? Или то, и другое, и третье, слившіяся въ одно, гдѣ картина горитъ звуками, звуки образуютъ картину, а слова блещутъ красками, выются образами, звучатъ гармоніей и выражаютъ разумную рѣчь?.. Что такое первый куплетъ, повторяющійся въ серединѣ пьесы и потомъ замыкающій ее? Не есть ли это рулада—голосъ безъ словъ, который сильнѣе всякихъ словъ?...

Эпическая поэзія употребляетъ образы и картины для выраженія образовъ и картинъ, въ природѣ находящихся; ли-

рическая поэзія употребляетъ образы и картины для выраженія безъ-образнаго и безформеннаго чувства, составляющаго внутреннюю сущность человѣческой природы, „Эпосъ,—говоритъ Жанъ-Поль Рихтеръ,—представляетъ событіе, развивающееся изъ прошедшаго; лира—чувствованіе, заключенное въ настоящемъ“. Даже когда лирической поэтъ выражаетъ чувство, повидимому совершенно внѣшнее его личности, заимствованное имъ изъ чуждаго ему міра,—и тогда онъ субъективенъ: ибо всякое выражаемое имъ чувство въ минуту творчества становится его собственнымъ чувствомъ, будучи переведено чрезъ его личность. „Историческое въ эпосѣ разсказывается; въ драмѣ предвидится или творится; въ лирѣ чувствуется или переживается“ — говоритъ Жанъ-Поль Рихтеръ. По мнѣнію этого знаменитаго поэта-мыслителя Германіи, лирика предшествуетъ всѣмъ формамъ поэзіи, потому-что „она есть мать, зажигательная искра всякой поэзіи, какъ безъ-образный прометеевъ огонь, который оживляетъ всѣ образы“. Въ историческомъ смыслѣ нельзя согласиться съ Жанъ-Поль Рихтеромъ, чтобъ лирика предшествовала другимъ родамъ поэзіи. Образцомъ, формой и высшимъ авторитетомъ должно быть для насъ искусство греческое, ибо ни у одного народа въ мірѣ искусство не развилось такъ самобытно и нормально, какъ у грековъ, полнота богатой жизни которыхъ преимущественно выразилась въ искусствѣ. Поэтому акты историческаго развитія греческаго искусства должны имѣть для насъ всю силу разумнаго авторитета. Эпопея предшествовала у нихъ лирѣ, такъ же какъ лира предшествовала драмѣ. Такой ходъ искусства оправдывается и самымъ умозрѣніемъ: для младенствующаго народа объективное воззрѣніе на природу и жизнь, какъ на предметы сущіе по себѣ, и мысль, какъ преданіе о прошедшемъ, должны предшествовать внутреннему созерцанію и мысли, какъ самостоятельному сознанію. Однакожъ изъ этого отнюдь не слѣдуетъ заключать, чтобъ развитіе искусства у всѣхъ народовъ должно было совершаться въ одинаковой послѣдовательности. Не должно забывать, что вся полнота жизни эллиновъ выразилась преимущественно въ искусствѣ, такъ-что ихъ національная исторія есть по-преимуществу исторія развитія искусства;

тогда-какъ у другихъ народовъ искусство было побочнымъ элементомъ жизни, второстепеннымъ интересомъ и подчинялось другимъ стихіямъ общественной жизни. Такъ религіозная поэзія евреевъ по-преимуществу только лирическая, т. е. или чисто-лирическая, или эпико-лирическая, или лирико-догматическая. У арабовъ, какъ не народа, а племени, и притомъ племени номаднаго, разсѣяннаго по пустынь, чуждаго обществу, существовала только лирическая или лирико-эпическая поэзія, но драматической никогда не было и не могло быть. У римлянъ, какъ народа завоевательнаго и законодательнаго, поглощеннаго интересами чисто-политическими и гражданственными, поэзія состояла въ безцвѣтномъ подражаніи образцовымъ произведеніямъ художественной Греціи. У новѣйшихъ народовъ Европы, по необъятному богатству содержанія ихъ жизни, по неистощимой многочисленности элементовъ ихъ общественной и высшему ея развитію, существуютъ всѣ роды поэзіи; но они явились у каждаго изъ народовъ въ своей особенной послѣдовательности или, лучше сказать, въ совершенной смѣшанности. Такъ напр., у англичанъ сперва развилась драма въ лицѣ Шекспира, и уже черезъ два вѣка лирическая поэзія достигла высшаго развитія въ лицѣ Байрона, Томаса Мура, Вордсворта и другихъ, и вмѣстѣ съ лирической, эпическая поэзія, въ лицѣ Вальтера Скотта, а въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, родныхъ Англіи по происхожденію и по языку, въ лицѣ Купера.

Что же касается до мысли Жанъ-Поля, что лирическая поэзія есть основная стихія всякой поэзіи, эта мысль совершенно справедлива и глубоко-основательна. Лирика есть жизнь и душа всякой поэзіи; лирика есть поэзія по-преимуществу, есть поэзія поэзіи,—и Жанъ-Поль Рихтеръ сколько остроумно, столько и вѣрно, называя ее общимъ элементомъ всякой поэзіи, сравниваетъ ее съ обращающейся кровью во всей поэзіи. Поэтому лиризмъ, существуя самъ по себѣ, какъ отдѣльный родъ поэзіи, входитъ во всѣ другіе, какъ стихія, живетъ ихъ, какъ огонь прометеевъ живетъ всѣ созданія Зевеса. Вотъ почему драмы Шекспира—эти, по-преимуществу драматическія созданія высочайшей творческой силы, — такъ богаты лиризмомъ, который проступаетъ сквозь драма-

тизмъ, и сообщаетъ ему игру переливного свѣта жизни, какъ румянецъ лицу прекрасной дѣвушки, какъ алмазный блескъ и сіянье—ея чарующимъ очамъ. Безъ лиризма эпопея и драма были бы слишкомъ прозаичны и холодно-равнодушны къ своему содержанію; точно такъ же, какъ онѣ становятся медленны, неподвижны и бѣдны дѣйствіемъ, какъ скоро лиризмъ дѣлается преобладающимъ элементомъ ихъ.

Содержаніе эпопеи составляетъ событіе; мимолетное и мгновенное ощущеніе, потрясшее душу поэта, какъ вѣтеръ струны золотой арфы, составляетъ содержаніе лирическаго произведенія. Поэтому, какова бы ни была идея лирическаго произведенія,—оно никогда не должно быть слишкомъ длинно, но по большей части всегда должно быть очень коротко. Объемъ эпической поэзіи зависитъ отъ объема самаго событія, — и если событіе, при длиннотѣ своей, интересно и хорошо изложено, наше вниманіе не утомляется имъ; оно даже можетъ прерываться, обращаясь на другіе предметы и снова возвращаясь къ нему: „Иліаду“, какъ и всякій романъ Вальтеръ-Скотта или Купера, мы можемъ читать нѣсколько дней, оставляя книгу и снова принимаясь за нее, а въ промежуткахъ занимаясь совсѣмъ другими предметами. Вообще эпопея, въ отношеніи къ объему, даетъ поэту гораздо больше свободы, чѣмъ другіе роды поэзіи. Драма, какъ увидимъ ниже, имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленныя границы величины и объема; но лирическія произведенія въ этомъ отношеніи тѣсно ограничены. Еслибы драма была и слишкомъ велика,—наше вниманіе и дѣятельность нашей воспріимлемости впечатлѣній могли бы долго поддерживаться безпрестаннымъ измѣненіемъ развивающагося въ драмѣ дѣйствія; но лирическое произведеніе, выражая собой только чувство, и дѣйствуетъ на одно только наше чувство, не возбуждая въ насъ ни любопытства, ни поддерживая вниманія нашего объективными фактами, которые даже и въ дѣйствительности — не только въ поэзіи — сильно занимаютъ нашъ умъ и дѣйствуютъ на чувство. При всемъ богатствѣ своего содержанія, лирическое произведеніе какъ будто лишено всякаго содержанія—точно музыкальная пьеса, которая, потрясая все существо наше сладостными ощущеніями, совершенно невыговариваемо въ своемъ содержаніи,

потому-что это содержаніе непереводамо на человѣческое слово. Вотъ почему всегда можно не только пересказать другому содержаніе прочитанной поэмы или драмы, но даже и подѣйствовать болѣе или менѣе на другого своимъ пересказомъ,—тогда какъ никогда нельзя уловить содержанія лирическаго произведенія. Да, его нельзя ни пересказать, ни растолковать, но только можно дать почувствовать, и то не иначе, какъ прочтя его такъ, какъ оно вышло изъ-подъ пера поэта: будучи же пересказано словами или переложено въ прозу, оно превращается въ безобразную и мертвую личинку, изъ которой сейчасъ только выпорхнула блестящая радужными цвѣтами бабочка. Вотъ почему псевдолирическія и богатые мнимыми „мыслями“ произведенія почти ничего не теряютъ въ переложеніи изъ стиховъ въ прозу; тогда какъ величайшія созданія, вышедшія изъ глубочайшихъ нѣдръ творческаго духа, часто теряютъ въ переложеніи на прозу или мало-мальски неудачномъ переводѣ всякое значеніе. И это очень естественно: какъ дадите вы другому понятіе о мотивѣ слышанной вами музыкѣ, если не пропоете или не проиграете его на инструментѣ? Если вы скажете, что въ такомъ-то музыкальномъ произведеніи удачно воспроизведена идея любви и ревности, — вы этимъ ровно ничего не скажете объ этой музыкальной пьесѣ: начните ее пѣть или играть—и она сама за себя заговоритъ.

Конечно лирическое произведеніе не есть одно и то же съ музыкальнымъ произведеніемъ, но въ ихъ основной сущности есть нѣчто общее. Въ лирическомъ произведеніи, какъ и во всякомъ произведеніи поэзіи, мысль выговаривается словомъ; но эта мысль скрывается за ощущеніемъ и возбуждаетъ въ насъ созерцаніе, которое трудно перевести на ясный и опредѣленный языкъ сознанія. И это тѣмъ труднѣе, что чисто-лирическое произведеніе представляетъ собой какъ бы картину, между тѣмъ какъ въ немъ главное дѣло не самая картина, а чувство, которое она возбуждаетъ въ насъ, — такъ точно, какъ въ оперѣ драматическое положеніе дѣйствующаго лица важно не само по себѣ, но по той музыкѣ, которой отзовется или отгрянетъ оно изъ глубины духа дѣйствующаго лица. Такова напр. лирическая пьеса Пушкина „Туча“.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облекала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ
И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки деревьевъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонить небесъ.

Сколько есть людей на бѣломъ свѣтѣ, которые прочтя эту пьесу и не найдя въ ней нравственныхъ апофегмъ и философскихъ афоризмовъ, скажутъ: „Да что же тутъ такого?—препустенькая пьеска!“ Но тѣ, въ душѣ которыхъ находятъ свой отзывъ бури природы, кому понятнымъ языкомъ говорить „таинственный громъ“ и кому „последняя туча разсѣянной бури“, которая одна печалитъ ликующій день, тяжела, какъ грустная мысль при общей радости, — тѣ увидятъ въ этомъ маленькомъ стихотвореніи великое созданіе искусства.

Хотя драма и есть примиреніе противоположныхъ элементовъ — эпической объективности и лирической субъективности, но тѣмъ не менѣе она не есть ни эпопея, ни лирика, но третье, совершенно новое и самостоятельное, хотя и вышедшее изъ двухъ первыхъ. Поэтому у грековъ драма была какъ бы результатомъ эпоса и лиры, ибо и явилась-то послѣ нихъ, и была самымъ пышнымъ, но и послѣднимъ цвѣтомъ эллинской поэзіи. Несмотря на то, что въ драмѣ, какъ и въ эпопее, есть событіе, драма и эпопея діаметрально противоположны другъ другу по своей сущности. Въ эпопее господствуетъ событіе, въ драмѣ — человѣкъ. Герой эпоса — происшествіе; герой драмы — личность человѣческая. Жизнь въ эпопее является какъ нѣчто сущее по себѣ, т. е. такъ, какъ она есть, независимая отъ человѣка, независимая сама собой, равнодушно пребывающая и къ человѣку, и къ самой себѣ. Эпосъ — это самая природа, вѣчно неизмѣнная въ своемъ ис-

полинскомъ величіи, всегда равнодушная въ пышномъ блескѣ красоты своей. Въ драмѣ жизнь является уже не только по себѣ, но для себя сущей, какъ разумное сознаніе, какъ свободная воля. Человѣкъ есть герой драмы, и не событіе владычествуетъ въ ней надъ человѣкомъ, но человѣкъ владычествуетъ надъ событіемъ, по свободной волѣ давая ему ту или другую развязку, тотъ или другой конецъ. Чтobъ яснѣе развить это, представимъ примѣры изъ извѣстныхъ и великихъ художественныхъ созданій древняго и новаго міра.

Въ „Иліадѣ“ царствуетъ судьба. Она управляетъ дѣйствіями не только людей, но и самихъ боговъ. Едва успѣлъ поэтъ поднять занавѣсъ, скрывавшій отъ насъ сцену повѣтствующаго имъ событія,—какъ мы уже узнаемъ впередъ, что Иліонъ долженъ пасть отъ ахейцевъ. Убить ли Патроклъ: это сдѣлалось не случайно, по возможностямъ кроваваго боя—нѣтъ, это заранѣе было предназначено судьбой. Когда Антилохъ, сынъ Нестора, спѣшитъ къ Ахиллесу съ горькой вѣстью о смерти Патрокля,—Ахиллесъ въ это время сидѣлъ передъ своимъ шатромъ, томимый грустнымъ предчувствіемъ, и такъ думалъ съ самимъ собой:

О, не свершили ли боги несчастій, ужаснѣйшихъ сердцу,
Кои мнѣ мать давно предвѣщала; она говорила;
Въ Троѣ, прежде меня, Мирмидонянинъ, въ брани храбрѣйшій,
Долженъ подъ дланью троянской растаться съ солнечнымъ свѣтомъ.
Боги безсмертные! умеръ менетіевъ сынъ благородный.

(Письмъ XVIII, ст. 8—12).

Ахиллъ долженъ отомстить убійцѣ друга своего Патрокля; но, убивши его, долженъ и самъ пасть отъ стрѣлы Париса, направленной рукой Феба: это знаетъ самъ Ахиллъ,—и вотъ что говоритъ онъ своей матери, среброногой Ѳетидѣ, безсмертной нимфѣ океана:

Должно теперь и тебѣ безконечную горестъ извѣдать,
Горестъ о сынѣ погибшемъ, котораго ты не увидишь
Въ домѣ отеческомъ! ибо и сердце мое не велитъ мнѣ
Жить, и въ обществѣ быть человѣческимъ, ежели Гекторъ,
Первый, моимъ копіемъ пораженный, души не извергнетъ,
И за грабежъ надъ Патрокломъ любезнѣйшимъ мнѣ не заплатитъ!

(Ibid., ст. 88—93).

Мать отговариваетъ его пророчествомъ о предстоящей ему гибели, въ случаѣ, если Гекторъ падетъ отъ руки его.

Скоро умрешь ты, о сынъ мой, судя по тому, что вѣщаешь!
Скоро за сыномъ Пріама конецъ и тебѣ уготованъ!

(*Ib.*, ст. 95—96).

Ахиллесъ даже и не спрашиваетъ ее, почему это такъ, и только обнаруживаетъ героическую готовность, за сладкую цѣну мщенія, подчиниться роковому предопредѣленію:

О, да умру я теперь же! далеко, далеко отъ родины милой
Паль онъ; и вѣрно меня призывалъ, да избавлю отъ смерти!
Что же мнѣ въ жизни! Я ни отчизны драгой не увижу,
Я ни Патрокла отъ смерти не спасъ, ни другимъ благороднымъ
Не былъ защитой друзьямъ, отъ могучаго Гектора падшимъ.
Праздный, сию предъ судами, земли бесполезное бремя,
Будучи мужъ среди всѣхъ мѣднотатныхъ героевъ ахейскихъ
Первый во брани, хотя на совѣтахъ и лучше другіе!

Я выхожу, да главы мнѣ любезной губителя встрѣчу,
Гектора! *Смерть же принять готовъ я, когда ни рассудитъ
Здѣсь мнѣ назначитъ ее всемогущій Кроніонъ и боги!*
Смерти не могъ избѣжать ни Гераклъ, изъ мужей величайшій,
Какъ ни любезенъ онъ былъ громоносному Зевсу Крониду;
Мощнаго рокъ одолѣлъ и вражда непреклонныя Геры.
Также и я, коль назначена доля мнѣ равная, лягу,
Гдѣ суждено; но сіяющей славы я прежде добуду!
Прежде еще не одну между женъ полногрудныхъ троянскихъ
Вздохами тяжкими грудь разрывать я заставлю, и въ горѣ
Съ нѣжныхъ ланить отирать руками обѣими слезы!
Скоро узнаютъ, что долгіе дни отдыхалъ я отъ брани!
Въ бой выхожу; не удерживай, мать, ничѣмъ не преклонись.

(*Ib.*, ст. 98—126)

Роковая катастрофа жизни Ахиллеса извѣстна самому Гектору: умирая, онъ умолялъ своего врага—не предавать тѣло его поруганію, но вмѣсто согласія, услышавъ проклятія.

Духъ испуская, къ нему провѣщалъ шлемоблещущій Гекторъ:
Зналъ я тебя; предчувствовалъ я, что моимъ ты моленіемъ
Тронуть не будешь: въ груди у тебя желѣзное сердце.
Но трепещи, да не буду тебѣ я божіимъ гнѣвомъ,
Въ оный день, когда Александръ и Фебъ стрѣловержець,
Какъ ни могучаго, въ Скейскихъ воротахъ тебя ниспровергнуты!

(*Пѣснь XXII*, ст. 355—360).

Мало этого; самъ Зевесъ-промыслитель, при всемъ своемъ доброжелательствѣ Гектору, при всемъ своемъ состраданіи къ его жребію, не можетъ помочь ему своей властью верховнаго божества, котораго трепещуть всѣ другіе боги, но прибѣгаетъ къ рѣшенію другой, высшей власти:

Зевесъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотыя; на нихъ онъ
Бросилъ два жребія смерти, въ сонъ погружающей долгій;
Жребій одинъ Ахиллеса, другой пріамова сына.
Взялъ посрединѣ и поднялъ: поникнулъ Гектора жребій,
Тяжкій, къ Аиду упалъ; Аполлонъ отъ него удалился.

(*Иб., ст. 9—13.*)

Изъ всего этого ясно, что герой поэмы не Ахиллъ: ибо онъ какъ-будто лишенъ свободной воли, дѣйствуетъ не отъ себя, но только выполняетъ волю другой высшей себя и неотразимой воли. То воля с удѣбы! Что же такое эта „судьба“, которой трепещутъ люди и которой безпрекословно повинуются сами боги? Это понятія грековъ о томъ, что мы, новѣйшіе, называемъ разумной необходимостью, законами дѣйствительности, соотношеніемъ между причинами и слѣдствіемъ, словомъ—объективное дѣйствіе, которое развивается и идетъ себѣ, движимое внутренней силой своей разумности, подобно паровой машинѣ, —идетъ не останавливаясь и не возвращаясь съ пути, встрѣчается ли ей человѣкъ, котораго она можетъ раздавить, или каменный утесъ, о который она сама можетъ разбиться...

Нѣкоторые упрекаютъ Вальтера-Скотта, что герои многихъ его романовъ, сосредоточивая на себѣ дѣйствіе цѣлаго произведенія, въ то же время отличаются столь безцвѣтнымъ характеромъ, что не приковываютъ къ себѣ исключительно всего нашего интереса, который какъ-бы уступаютъ они второстепеннымъ лицамъ романа, какъ болѣе оригинальнымъ и характернымъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое напр. рыцарь Иваное—герой одного изъ лучшихъ романовъ Вальтеръ Скотта?—храбрый и благородный рыцарь въ общемъ духѣ своего времени, но не болѣе. Въ сравненіи съ неистовымъ Бріаномъ, очаровательной Ревеккой, даже Цедрихомъ Саксонцемъ и Ательстаномъ, Иваное—какая-то блѣдная тѣнь, слабый очеркъ, образъ безъ лица. Онъ мало дѣйствуетъ, мало имѣетъ влі-

янія на ходъ романа. Онъ то раненъ, то при смерти, то въ плѣну, когда какъ другіе дѣйствуютъ и рисуются на первомъ планѣ. Несмотря на дикость своихъ страстей, звѣрски проявляющихся, несмотря на свою безнравственность и преступность своихъ дѣйствій, храмовой рыцарь Бріанъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ Иваное, возбуждаетъ къ себѣ участіе читателя, потому что онъ—лицо типическое, характеръ могучій и самобытный. А между тѣмъ Бріанъ все-таки второстепенный персонажъ въ романѣ, котораго всѣ нити сходятся на личной судьбѣ Иваное, какъ главнаго лица, какъ героя романа. Но тѣмъ не менѣе это обвиненіе противъ геніальнаго романиста только по наружности имѣетъ видъ справедливости, но въ самомъ дѣлѣ оно совершенно ложно: то, что кажется недостаткомъ въ романѣ, есть сущность эпопеи. Еще разительнѣйшимъ образцомъ этого можетъ служить напр. „Маннерингъ или Астрологъ“, гдѣ герой романа является на сценѣ только въ третьей части и то какимъ-то таинственнымъ лицомъ, въ которомъ узнаете вы героя только въ концѣ романа, хотя и съ первыхъ страницъ повѣсти, еще только родившись на свѣтъ, онъ уже сосредоточиваетъ на себѣ все дѣйствіе романа. Это такъ и должно быть въ произведеніи чисто эпическаго характера, гдѣ главное лицо служитъ только внѣшнимъ центромъ развивающагося событія, и гдѣ оно можетъ отличаться только обще-человѣческими чертами, заслуживающими нашего человѣческаго участія: ибо герой эпопеи есть сама жизнь, а не человѣкъ! Въ эпопеѣ событіе, такъ-сказать, подавляетъ собой человѣка, заслоняетъ своимъ величіемъ и своей огромностью личность человѣческую, отвлекаетъ отъ нея наше вниманіе своимъ собственнымъ интересомъ, разнообразіемъ и множествомъ своихъ картинъ.

Въ драмѣ сила и важность событія даютъ себя знать какъ „коллизія“ или та сшибка, то столкновеніе между естественнымъ влеченіемъ сердца героя и его понятіемъ о долгѣ, которыя не зависятъ отъ его воли, которыя онъ не можетъ ни произвести, ни предувратить, но которыхъ разрѣшеніе зависитъ не отъ событія, но единственно отъ свободной воли героя. Власть событія ставитъ героя драмы на распутьи и приводитъ его въ необходимость избрать одинъ изъ двухъ,

совершенно противоположныхъ другъ другу путей для выхода изъ борьбы съ самимъ собой, но рѣшеніе въ выборѣ пути зависитъ отъ героя драмы, а не отъ событія. Мало того: катастрофа драмы можетъ воспослѣдовать и ускориться даже вслѣдствіе нерѣшительнаго колебанія со стороны героя; но и эта нерѣшительность заключается не въ сущности и силѣ событія, но единственно въ характерѣ героя. Лучшій примѣръ этого представляетъ намъ шекспировъ Гамлетъ; онъ узнаетъ объ ужасной смерти отца своего изъ устъ самой тѣни отца; вотъ событіе, приготовленное не Гамлетомъ, но вышедшее изъ развращенной воли вѣроломнаго брата умершаго короля; оно ставитъ Гамлета въ необходимость играть роль мстителя; но такъ какъ эта роль совѣмъ не въ его натурѣ, то онъ и повергается во внутреннюю борьбу съ самимъ собой, произведенную сшибкой двухъ враждебныхъ силъ — долга, повелѣвающаго мстить за смерть отца, и личной неспособностью къ мщенію: вотъ трагическая коллизія! Ужасное открытіе тайны отцовской смерти, вмѣсто того чтобы исполнить Гамлета однимъ чувствомъ, однимъ помышленіемъ — чувствомъ и мыслью мщенія, каждую минуту готовыми осуществиться въ дѣйствіи, — это ужасное открытіе заставило его не выйти изъ самого себя, а уйти въ самого себя и сосредоточиться во внутренности своего духа, возбудило въ немъ вопросы о жизни и смерти, времени и вѣчности, долгѣ и слабости воли, обратило его вниманіе на свою собственную личность, ея ничтожность и позорное безсиліе, родило въ немъ ненависть и презрѣніе къ самому себѣ. Гамлетъ пересталъ вѣрить добродѣтели, нравственности, потому-что увидѣлъ себя неспособнымъ и безсильнымъ наказать порокъ и безнравственность и перестать быть добродѣтельнымъ и нравственнымъ. Мало того: онъ перестаетъ вѣрить въ дѣйствительность любви, въ достоинство женщины; какъ безумный, топчетъ онъ въ грязь свое чувство, безжалостной рукой разрываетъ свой святой союзъ съ чистымъ, прекраснымъ женственнымъ существомъ, которое такъ беззавѣтно, такъ невинно отдалось ему все, которое такъ глубоко и нѣжно любить онъ; безжалостно и грубо оскорбляетъ онъ это существо, кроткое и нѣжное, все созданное изъ эира, свѣта и мелодическихъ звуковъ,

какъ бы спѣша отрѣшиться отъ всего въ мірѣ, что напоминаетъ собой о счастья и добродѣтели. Ясно, что натура Гамлета чисто внутренняя, созерцательная, субъективная, рожденная для чувства и мысли; а ужасное событіе требуетъ отъ него не чувства и мысли, но дѣла, изъ идеальнаго міра вызываетъ его въ мірѣ практическій, въ чуждый его духовной настроенности мірѣ дѣйствія. Естественно, что изъ этого положенія возникаетъ внутри Гамлета страшная борьба, которая и составляетъ сущность всей драмы. И если конецъ этой драмы совершается какъ бы въ эпическомъ характерѣ, вытекаая не изъ свободнаго рѣшенія воли со стороны Гамлета, а изъ случайности (изъ неумышленнаго обмѣна шпагъ Гамлетомъ и Лаэртомъ и неумышленной ошибки королевы-матери, выпившей отравленный кубокъ, назначенный ея сыну), тѣмъ не менѣе Гамлетъ есть нисколько не эпическое, но по преимуществу драматическое произведеніе: ибо сущность содержанія и развитія этой трагедіи заключается во внутренней борьбѣ ея героя съ самимъ собой. Въ этой борьбѣ „Гамлетъ“ не имѣетъ для насъ никакого даже побочнаго интереса, ибо и самая участь Офеліи, такъ глубоко насъ трогающая, есть слѣдствіе этой же борьбы. Кромѣ того смерть короля-братоубійцы есть столько же необходимое слѣдствіе его преступленія, сколько и дѣло воли Гамлета, вспыхнувшей могучимъ рѣшеніемъ при концѣ его жизни, какъ вспыхиваетъ болѣе яркимъ пламенемъ угасающая лампада,... „Макбетъ“ и „Отелло“ представляютъ собой совершеннѣйшіе образцы коллизіи, какъ драматической сущности. Торжествующій полководецъ, знаменитый вельможа и родственникъ добраго, благороднаго старца-короля, Макбетъ слышитъ въ себѣ ревушій голосъ глубоко затаеннаго, но сильнаго и страстнаго честолюбія. Эта страсть, столь ужасная и гибельная въ душахъ мощныхъ, но не проникнутыхъ елейной теплотой любви и правдивости, является ему въ страшной апопеезѣ трехъ вѣдмъ. Ихъ загадочныя предсказанія, сейчасъ же сбывающіяся, не на долго смущаютъ его, ибо скоро узнаетъ онъ въ нихъ осуществившійся глубокой и мрачный замыселъ собственной души. Его честолюбіе является ему въ новой и еще болѣе чудовищной апопеезѣ—въ лицѣ его жены, этого демонскаго суще-

ства въ видѣ женщины. Она заглушаетъ въ немъ послѣдній ропотъ совѣсти примѣромъ собственной сатанинской рѣшимости на злодѣйство, возбуждаетъ въ немъ ложный стыдъ и окончательно подвигаетъ его на проклятое дѣло. Здѣсь событіе почти не играетъ никакой роли: оно приуготовляется волей самого Макбета, а роковое стеченіе благопріятствующихъ злодѣйству обстоятельствъ только помогаетъ совершенію злодѣйства, но не порождаетъ его. Мы видимъ Макбета въ борьбѣ съ самимъ собой, въ трагической коллизіи: онъ могъ побѣдить въ себѣ грѣховное побужденіе и могъ послѣдовать ему. И эта вина его воли, что онъ послѣдовалъ влеченію злого начала; его воля родила событіе, но не событіе дало направленіе его волѣ. Остальная часть этой драмы представляетъ уже слѣдствіе свободнаго выхода Макбета изъ роковой борьбы: уже не въ его волѣ измѣнить послѣдовавшія за царевубійствомъ событія; преступленіе отдало его во власть фуріямъ, которыя взяли его за руки и, какъ слѣпца, повели отъ злодѣйства къ новому злодѣйству. Отъ его воли зависѣло только пасть съ честью—и онъ палъ, сраженный, но не побѣжденный, какъ долѣтъ виновному, но великому въ самой винѣ своей мужу. Событіе поставляетъ Отелло въ состояніе ревности. Это событіе вышло конечно не изъ его воли или сознанія, но тѣмъ не менѣе онъ самъ способствовалъ его совершенію своимъ волканическимъ темпераментомъ, своими знойными страстями, которыя мгновенно вспыхивали, подобно песчанымъ метелямъ въ пустыняхъ Аравіи, и не покорялись голосу разсудка, своимъ младенчески-довѣрчивымъ характеромъ, своимъ суевѣрнымъ воображеніемъ, напоминавшимъ его восточное, африканское происхожденіе. Обуздай онъ въ роковую минуту свое звѣрство въ отношеніи къ мнимо-виновной Дездемонѣ, — и истина открылась бы глазамъ его для счастья и блаженства жизни; но онъ не хотѣлъ или не могъ обуздать порыва животной мысли, -- и свѣтъ истины озарилъ его глаза, подобно адскому блеску отъ свѣточей Эвмениды, для того только, чтобъ онъ могъ измѣрить глубину бездны, въ которую стремглавъ низвергся...

Хотя всѣ эти три рода поэзіи существуютъ отдѣльно одинъ отъ другого, какъ самостоятельные элементы, однакожъ, про-

являсь въ особыхъ произведеніяхъ поэзіи, они не всегда отличаются одинъ отъ другого рѣзко опредѣленными границами. Напротивъ, они часто являются въ смѣшанности, такъ что иное эпическое по формѣ своей произведение отличается драматическимъ характеромъ, и наоборотъ. Эпическое произведение не только ничего не теряетъ изъ своего достоинства, когда въ него входитъ драматическій элементъ, но еще много выигрываетъ изъ этого. Это особенно относится къ произведеніямъ христіанскаго искусства, въ которомъ нѣтъ ничего выше человѣческой личности съ ея внутренней субъективной стороны и въ которомъ поэтому драматическій элементъ входитъ въ эпическій по праву и выходитъ его цѣну, Превосходный примѣръ эпическаго произведенія, проникнутаго драматическимъ элементомъ, представляетъ собой повѣсть Гоголя „Тарасъ Бульба“. Это дивно-художественное созданіе заключаетъ въ себѣ двѣ трагическія коллизіи, [изъ которыхъ каждой стало бы на великое драматическое произведение. Во время осады непріятельскаго города, уже доведеннаго до послѣдней крайности всѣми ужасами голода, Андрій, сынъ Бульбы, встрѣчается съ давно уже плѣнницей его дѣвушкой изъ враждебнаго племени. Онъ не можетъ отдаться ей, не навлекши на себя проклятія отца, не измѣнивши своимъ соотчичамъ и единовѣрцамъ, а между тѣмъ онъ не можетъ и оторваться отъ нея, ибо онъ столько же человѣкъ, сколько и малороссіянинъ: вотъ коллизія. И полная натура, кипящая избыткомъ юныхъ силъ, безъ рефлексіи отдалась влеченію сердца, и за мигъ безконечнаго блаженства заплатила лютой казнью, смертью отъ рукъ родного отца, смертью, которая была необходимымъ слѣдствіемъ рѣшенія его воли въ коллизіи и единственнымъ выходомъ изъ ложнаго, неестественнаго положенія! Съ другой стороны отецъ, который поставленъ уже не въ возможность, но въ необходимость быть палачемъ собственнаго сына: какое трагическое положеніе, какая ужасная коллизія, и какъ страшно вышла изъ нея желѣзная воля полудикаго запорожца!... Эта повѣсть Гоголя во всякомъ случаѣ была бы превосходнымъ произведеніемъ искусства, но, благодаря обилію драматическихъ элементовъ, насквозь проникнувшихъ ее, она должна занимать

почетное мѣсто между созданіями перваго разряда величайшихъ творцовъ. Сколько внутренней жизни, сколько движенія сообщаетъ „Полтавѣ“ Пушкина драматическій элементъ! Какимъ неотразимымъ обаяніемъ вѣетъ на душу, какъ глубоко потрясаетъ все существо наше одна сцена между Мазепой и Маріей, — эта сцена, набросанная шекспировской кистью! Мучимая ревностью любящаго женскаго сердца, Марія допытывается у Мазепы объясненія его холодности и таинственнаго поведенія:

О, милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ такъ пристанетъ
Корона царская!

М а з е п а.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ:
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

М а р і я.

Я близъ тебя не знаю страха—
Ты такъ могущъ! О! знаю я:

М а з е п а.

А если плаха?...

М а р і я.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ: ты носишь власти знакъ.

М а з е п а.

Меня ты любишь?

М а р і я.

Я! люблю ли!

М а з е п а.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

М а р і я.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? тревожить
Меня напрасно онъ. Семейю

Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ,
(Какая страшная мечта!)
Моимъ отцомъ я проклята,
А за кого?

М а з е п а.

Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь...

М а р і я.

О, Боже!

М а з е п а.

Что жъ? отвѣчай.

М а р і я.

Рѣши ты самъ.

М а з е п а.

Послушай: еслибъ было намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А ты бы намъ судьей была:
Кого бъ ты въ жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

М а р і я.

Ахъ, полно! сердца не смущай!
Ты—искуситель.

М а з е п а.

Отвѣчай!

М а р і я.

Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова...
О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такія,
Довольно.

М а з е п а.

Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь!

Можно ли глубже заглянуть въ сердце женщины, безза-
вѣтно отдавшейся страстно-любимому человѣку? Какъ дитя
блестящей игрушкой, Марія уже заранѣе любитъ корону

на сѣдыхъ волосахъ возлюбленнаго; она любитъ его, и потому не знаетъ съ нимъ страха; въ ея глазахъ онъ „такъ могущъ“, что она не хочетъ и вѣрить, чтобъ ему могла грозить опасность, хоть онъ и самъ предупреждаетъ ее о грозящей ему опасности!... А если ему и суждено погибнуть, для нея не все кончено: для нея остается еще радость вмѣстѣ съ нимъ умереть на плахѣ!... Тутъ вся женщина въ апоѳеозѣ любви своей, и самъ Шекспиръ ни одной черты не могъ бы прибавить къ этому дивно-художественному изображенію нашего поэта! Сколько истины и вѣрности дѣйствительности въ страхѣ Маріи при мысли объ ужасномъ выборѣ между отцомъ и любовникомъ! Какъ естественно, что она желаетъ уклониться отъ утвердительнаго и неизбѣжнаго отвѣта на этотъ вопросъ, оледѣняющій холодомъ смерти сердце ея! Какое торжество женской натуры въ ея отвѣтѣ въ пользу возлюбленнаго, какъ бы насильно, подобно болѣзненному воплю, исторгнутомъ изъ ея души! Какимъ могильнымъ холодомъ вѣетъ отъ мрачныхъ словъ Мазепы, замыкающихъ собой эту дивную сцену:

Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь!

А сцены между Орликомъ и Кочубеемъ передъ пыткой послѣдняго; между Маріей и ея матерью; между Мазепой и Орликомъ, передъ полтавской битвой, и между бѣгущимъ Мазепой и сумасшедшей Маріей; каждая изъ нихъ—трагедія во всей безконечности значенія этого слова!...

Въ большей части романовъ Вальтеръ-Скотта и Купера есть важный недостатокъ, хотя на него никто не указываетъ и никто не жалуется (по крайней мѣрѣ въ русскихъ журналахъ); это рѣшительное преобладаніе эпическаго элемента и отсутствіе внутренняго, субъективнаго начала. Вслѣдствіе такого недостатка оба эти великіе творца являются въ отношеніи къ своимъ произведеніямъ какъ-бы какими-то холодными безличностями, для которыхъ все хорошо, какъ есть, которыхъ сердце какъ-будто не ускоряетъ своего біенія при видѣ ни блага, ни зла, ни красоты, ни безобразія, и которыя какъ-будто и не подозреваютъ существованія внутренняго чело-вѣка. Конечно это можетъ почитаться недостаткомъ только

въ наше время, но тѣмъ не менѣе оно все-таки есть недостатокъ: ибо современность есть великое достоинство въ художникѣ. Однакожь оба эти романиста какъ бы невольно платили иногда дань духу новѣйшаго искусства, и мы ссылаемся на свидѣтельство собственныхъ ихъ созданій, чтобы показать, что лучшія и высшія изъ нихъ суть тѣ, которыя больше или меньше проникнуты драматическимъ элементомъ. „Ламмермурская невѣста“ даже на простыхъ читателей производитъ необыкновенно глубокое впечатлѣніе, чѣмъ конечно обязано это произведеніе тому, что оно есть не что иное, какъ трагедія въ формѣ романа. Вотъ почему Эдгардъ Равенсвудъ ужъ не просто сосредоточиваетъ на себѣ интересъ романа, но въ полномъ смыслѣ слова есть его герой, лицо оригинальное, характеръ типическій, существо дѣйствующее, а не страдательное. Поэтому благородная личность его приковываетъ къ себѣ все наше вниманіе, а несчастная участь болѣзненно потрясаетъ все существо наше. Однакожь этой безконечной силой впечатлѣнія романъ обязанъ не одному своему содержанию, но и простотѣ формы, сжатой и сосредоточенной, чуждой многосложности и запутанности въ ходѣ и развитіи событія, строгому единству дѣйствія, и очень жаль, что авторъ представилъ своего героя больше совнѣ и не заглянулъ глубже въ его душу, не освѣтивъ для насъ драмы, которая разыгрывалась въ сокровенныхъ глубинахъ его сердца. Сдѣлай онъ это, и тогда его „Ламмермурская невѣста“ была бы истинной шекспировской драмой, и дѣйствіе, производимое ею на читателя, было бы еще въ тысячу разъ сильнѣе. Въ „Сен-Ронанскихъ водахъ“ любовь и трагическія отношенія Франца Тирреля къ Кларѣ Мобрай, равно какъ и ужасныя отношенія его къ своему развратному брату, Этерингтону, раскрыты до сокровенныхъ глубинъ души и сердца. Сцены свиданія въ горахъ Тирреля съ Кларой, и потомъ свиданія Тирреля съ капитаномъ Джекилемъ, уполномоченнымъ посредникомъ со стороны преступнаго брата, проникнуты такой истиной, отличаются такой глубиной сердецвѣдѣнія и тайнъ страстей и страданія, что украсили бы собой любую драму Шекспира. Прочтя разъ, невозможно забыть, какъ безнравственный больше по привычкѣ и легкомыслію, чѣмъ по натурѣ, капитанъ

Джекиль, пришедши къ Тиррелю съ лукавыми намѣреніями, уходитъ отъ него, повѣсивъ голову и въ глубокомъ раздумьи, какъ-бы въ первый еще разъ потрясенный непривычнымъ ему зрѣлищемъ безконечной любви, безконечнаго страданія и безконечнаго самоотверженія. Вообще въ этомъ отношеніи мы ставимъ „Сен-Ронанскія воды“ несравненно выше и, такъ сказать, человѣчнѣе „Ламмермурской невѣсты“. Если не всѣ раздѣляютъ наше мнѣніе въ этомъ случаѣ, причина этого заключается въ многосложности „Сен-Ронанскихъ водъ“, въ обилии и запутанности происшествій и во множествѣ лицъ, столь характерныхъ и типическихъ. Въ отношеніи къ Тиррелю и Кларѣ этотъ романъ больше драма, чѣмъ „Ламмермурская невѣста“; но со стороны аксессуаровъ это чистая эпопея, и притомъ болѣе или менѣе заслоняющая собой заключенную въ ней драму. Отверженная, непризнанная любовь Ревекки къ рыцарю Иваное, будучи въ отношеніи къ цѣлому роману какъ-бы эпизодомъ, тѣмъ не менѣе даетъ ему цѣлость, его основная идея, живить и согрѣваетъ его, какъ свѣтъ солнечный природу, которая величественна, прекрасна и въ пасмурный день, но при солнцѣ является въ новомъ и преображенномъ видѣ. Сцена свиданія Ревекки съ лэди Ровенной, замыкающая собой романъ, производитъ на душу глубоко-грустное, но и безконечно-отрадное впечатленіе, открывая намъ таинство страданія непризнанной любви глубокаго женственнаго существа, которое вполне достойно обожанія, но судьбой своего рожденія среди отверженнаго и презираемаго племени лишено въ собственныхъ глазахъ всякаго права и всякой надежды на взаимность христіанина и рыцаря... И вотъ благородная, прекрасная еврейка приходитъ къ своей соперницѣ, предлагаетъ ей драгоцѣнные подарки и молить ее, какъ о милости, отдернуть покрывало и показать ей прекрасное лицо, плѣнившее идола ея растерзаннаго сердца... Какая картина сама по себѣ, и какую безконечную перспективу открываетъ она въ глубинѣ своего фона упоенному любовью и грустью взору читателя!..

Но еще несравненно высшій образецъ, чѣмъ всѣ эти, драматическаго романа представляетъ собою „Путеводитель въ Пустынь“ Купера. Человѣкъ съ глубокой натурой и мощнымъ

духомъ, проведеншій лучшіе года своей жизни съ охотничьимъ ружьемъ за плечами въ дѣвственныхъ неисходныхъ лѣсахъ Америки, добровольно отказавшійся отъ удобствъ и прима-нокъ цивилизованной жизни для широкаго раздолья величавой природы, для возвышенной бесѣды съ Богомъ въ торжественномъ безмолвіи его великаго творенія; — человекъ, только что выполнѣ расцвѣтшій всѣми силами тѣла и духа въ ту эпоху жизни, когда другіе уже отцвѣтаютъ, и въ сорокъ лѣтъ сохранившій свѣжестъ и пламень чувства, дѣвственную чистоту младенчески-незлобиваго сердца; — человекъ, возмужавшій подъ открытымъ небомъ, въ вѣчной борьбѣ съ опасностями, въ вѣчной войнѣ съ хищными звѣрями и злыми Мингами; — человекъ съ желѣзными мышцами и стальными мускулами въ сухощавомъ тѣлѣ, съ голубинымъ сердцемъ въ львиной груди, — этотъ человекъ встрѣчаетъ на дорогѣ жизни прекрасное граціозное явленіе женственнаго міра — и тихо, и незамѣтно любовь овладѣваетъ всѣмъ существомъ его... Другъ его, сержантъ, отецъ прекрасной дѣвушки, давно уже общалъ ему руку своей дочери. вмѣстѣ съ нимъ Мабель провожаетъ молодой и прекрасный Джасперъ. Безхитростное и простодушное сердце Патфайндера не предчувствуетъ въ Джасперѣ опаснаго соперника себѣ. Онъ любитъ его съ нѣжностью отца, съ преданностью друга; любитъ за его открытую душу, благородный и мужественный характеръ, бодрый и смѣлый нравъ, трудолюбіе и ловкость. Патфайндеръ не упускаетъ ни одного случая похвалить Мабели Джаспера, выставить ей на видъ его достоинства. И вотъ наступаетъ минута его объясненія съ Мабелью, — и всѣ мечты его уничтожаются жестокой дѣйствительностью: существо, которое одно заставило биться его сердце, которое одно могъ онъ полюбить со всей силой грубой натуры, съ которымъ слилъ онъ драгоцѣннѣйшія мечты о счастіи и блаженствѣ всей жизни, доселѣ одинокой и глубокой, — это существо уважаетъ его глубоко, свято но женой его быть не можетъ.. Судорожно сжалъ онъ своими желѣзными пальцами шею и, улыбаясь сквозь страдальческое выраженіе своего лица, повторялъ: „Да, сержантъ виноватъ, сержантъ ошибся!“ О, какъ глубоко страдалъ онъ, и какой благородный, человѣческій характеръ имѣло его

страданіе: ничего звѣрскаго, ничего дикаго; грубые глаза орошаются слезами, съ улыбкой сжимаетъ онъ руку Мабели— и отнынѣ, не оторвавшись отъ любви, отрывается навсегда отъ ея предмета, и мужественно несетъ на себѣ тяжелый крестъ!.. Ужасная была минута, когда наконецъ онъ узнаетъ въ Джасперѣ своего соперника; но онъ выдержалъ и это испытаніе: вручаетъ ему ее, благословляетъ ихъ обоихъ на радость и счастье, которыхъ ему самому уже не знать болѣе, онъ проситъ Джаспера цѣнить подругу своей жизни, не оскорблять грубой мужской натурой ея нѣжнаго, женственнаго сердца—и скрывается отъ нихъ навсегда... Мы пишемъ не критику этого превосходнаго произведенія и, боясь увлечься его частностями, намекаемъ только на общія черты; тѣ, кто прочелъ и понялъ этотъ романъ, тѣ помнятъ цѣлый рядъ дивно-художественныхъ сценъ, въ которыхъ съ такой потрясающей вѣрностью изображена борьба чувствъ, буря души Патфайндера, и которыхъ достоинства нельзя показать иначе, какъ прослѣдивши, въ послѣдовательномъ порядкѣ, всѣ ихъ подробности, а нѣкоторыя и выписавши цѣликомъ. Повторяемъ: читавшіе и уразумѣвшіе поймутъ насъ, и скажемъ только, что весь этотъ романъ есть апофеоза самоотреченія (Resignation), великая мистерія страданія, разоблаченіе глубочайшихъ и благороднѣйшихъ таинствъ человѣческаго сердца.

Куперъ является здѣсь глубокимъ сердецвѣдцемъ, великимъ живописцемъ міра души, подобно Шекспиру. Опреѣленно и ясно выговорилъ онъ невыразимое, примирилъ и слилъ во едино внѣшнее и внутреннее,—и его „Путеводитель въ Пустыни“ есть шекспировская драма въ формѣ романа, единственное созданіе въ этомъ родѣ, неимѣющее ничего равнаго съ собой, торжество новѣйшаго искусства въ сферѣ эпической поэзіи. И всѣмъ этимъ романъ обязанъ, послѣ великаго творческаго генія своего автора, глубокому драматическому началу, которое просвѣчиваетъ въ каждой строкѣ повѣствованія, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ...

Точно такъ же, какъ бываетъ драма въ эпосѣ, бываетъ и эпосъ въ драмѣ. У грековъ всѣ роды поэзіи, не исключая и самой лирики, отличаются характеромъ болѣе или менѣе

эпическимъ; ибо вся жизнь этого народа выразилась преимущественно въ пластической созерцательности. Трагедія грековъ особенно отличается эпическимъ характеромъ и въ этомъ отношеніи діаметрально противоположна драмѣ новѣйшей, христіанской, шекспировской. Герой греческой трагедіи не человѣкъ, а событіе; интересъ ея сосредоточенъ не на части индивидуума, а на судьбахъ народа, въ лицѣ его представителей. И оттого главное лицо греческой трагедіи есть всегда полубогъ, царь, герой, а второе по немъ и противопоставленное ему лицо есть самъ народъ, присутствующій въ трагедіи какъ хоръ, который самъ не имѣетъ прямого, дѣятельнаго вліянія на ходъ пьесы, но который какъ бы созерцаетъ ея развитіе и выговариваетъ свое о немъ сознаніе. Въ своихъ герояхъ греческіе трагики олицетворяли общія силы и стихіи народной и общественной жизни. Такъ въ благороднѣйшемъ созданіи Софокла „Антигонѣ“ въ лицѣ героини трагедіи осуществлена идея естественнаго права семейственности, а въ лицѣ Креона — торжество государственнаго права, силы закона. Креонъ запрещаетъ, подъ смертной казнью, хоронить тѣло Полиника, какъ врага отчизны; а лишеніе погребенія считалось, по религіознымъ и общественнымъ понятіямъ грековъ, величайшимъ позоромъ и бѣдствіемъ какъ для умершаго, такъ и для живыхъ его родственниковъ. Антигона, сестра Полиника, преклоняетъ свою сестру, Исмену, тайно погребсти тѣло ихъ несчастнаго брата. Робкая и слабая Исмена отказывается, — и великодушная Антигона одна совершаетъ свой благородный подвигъ. Когда узнавшій объ этомъ Креонъ спрашиваетъ ее, точно ли она сдѣлала это преступленіе и знала ли объ ожидавшей ее за то казни, — Антигона отвѣчаетъ утвердительно, прибавляя, что если ея братъ былъ и виновенъ, то все-таки она „не ненавидѣть, а любить рождена“. Безтрепетно выслушиваетъ она приговоръ лютой казни и не молвитъ о прощеніи. Эмонъ, женихъ ея и сынъ Креона, молить его о пощадѣ своей невѣсты, ссорится съ непреклоннымъ отцомъ и уходитъ отъ него въ отчаяніи. Жрецъ Тирезій совѣтуетъ ему погребсти тѣло Полиника, угрожая зловѣщими выраженіями гнѣва боговъ, оскорбленныхъ нарушеніемъ родственнаго права. Голосъ народа въ лицѣ

хора явно на сторонѣ благородной Антигоны. Креонъ непреклоненъ, но сомнѣніе уже беспокоитъ его: онъ можетъ-быть и готовъ бы простить благородную преступницу, но ему трудно ослабить силу закона и унижить достоинство государственнаго права. Наконецъ голосъ хора, подкрѣпившій силу угрозъ Тирезія, преклоняетъ Креона спасти Антигону, хотя и неохотно. Но уже поздно: она повѣсилась въ пещерѣ, куда была отведена на голодную смерть, а Эмонъ, въ глазахъ отца, закалывается при ея трупѣ. Эвредика, супруга Креона и мать Эмона, узнавши о гибели сына, тоже лишаетъ себя жизни. Креонъ проклиная свою жестокость, оплакивая въ лютомъ отчаяніи милыхъ тѣни погубленныхъ имъ единокровныхъ. Трагедія торжественно заключается нравственной апогеемъ хора, въ духѣ наивной древности. Итакъ, оскорбленное правомъ крови государственное право отомщаетъ за себя оскорбителю; но мститель, въ ужасныхъ слѣдствіяхъ своей мести, навлекаетъ на себя мщеніе оскорбленнаго имъ права крови; а мудрость, извлеченная народомъ изъ этого событія, служитъ примиреніемъ обѣихъ крайностей... Такъ и въ эпопеѣ, въ трагедіи грековъ преобладаетъ ихъ основное міросозерцаніе—судьба. Эдипъ безъ всякаго преступленія дѣлается ужаснымъ преступникомъ, и самъ караетъ себя за это лишеніемъ свѣта очей... Смерть царственнаго страдальца примиряетъ съ нимъ подземныя силы—и могила его, по опредѣленію боговъ, дѣлается залогомъ благосостоянія для страны, пріютившей его мученическій прахъ... Дѣйствіе каждой греческой трагедіи совершается во-внѣ; внутренній міръ дѣйствующихъ закрытъ отъ глазъ зрителей. Развитіе дѣйствія просто, не многосложно, въ одномъ моментѣ: ибо и самаго содержанія, чисто-объективнаго и абстрактнаго, не могло бы стать на большое произведеніе. Механизмъ однообразенъ, пружины всегда однѣ и тѣ же. Дѣйствующія лица похожи на статуи, съ прекрасными, но почти неизмѣняющимися фізіономіями, съ рельефнымъ выраженіемъ, но съ глазами безъ зрачковъ и живого блеска.

Въ новѣйшемъ искусствѣ эпическимъ характеромъ отличаются иногда только драмы собственно-историческаго содержанія, основная идея которыхъ берется изъ сферы высшей

государственной жизни. Таковы, напр., „Макбетъ“ и „Ричардъ II“ Шекспира. Въ „Отелло“ развито чувство, каждому болѣе или менѣе понятное и доступное; въ „Король Лиръ“ представлено положеніе, еще болѣе близкое и возможное для каждаго въ самой толпѣ, — и потому эти пьесы производятъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Но интересъ „Макбета“ и „Ричарда II“ чисто объективный, и потому слишкомъ немногимъ доступный и родственный. Впрочемъ обѣ драмы только въ этомъ отношеніи и могутъ быть названы эпическими: развитіе же ихъ въ высшей степени драматическое, ибо оно полно движенія, и каждое лицо вполне и всего себя высказываетъ въ сферѣ своего внутренняго интереса. Но „Борисъ Годуновъ“ Пушкина есть трагедія чисто-эпическаго характера. Преступленіе Годунова совершено еще до начала драмы, и поэтъ не показалъ намъ своего героя въ борьбѣ трагической коллизіи. Мы видимъ, какъ хитро и искусно допускаетъ онъ народу умолить себя—принять вѣнецъ, который давно ужъ почитаетъ своимъ; но не видимъ, что дѣлается у него внутри и какъ отзывается тамъ преступное дѣйствіе царевубійства. Тотчасъ вниманіе наше переходитъ на новаго героя, будущаго самозванца—орудіе, избранное исторической Немезидой для отмщенія поправнаго государственнаго права. Только тогда уже, какъ мститель является на сцену, поэтъ подымаетъ слегка завѣсу, скрывавшую отъ насъ внутреннее состояніе Годунова, и дѣлаетъ насъ свидѣтелями его нѣмыхъ бесѣдъ съ самимъ собой, его страшныхъ расчетовъ съ своей совѣстью. Въ трагедіи Пушкина два героя или, говоря собственно, нѣтъ ни одного: ея герой—событіе, идея котораго—мщеніе исторической Немезиды за оскорбленное государственное право. Вотъ почему это великое созданіе Пушкина немногимъ доступно и не можетъ пользоваться заслуженной имъ славой въ большинствѣ нашей публики: его идея и характеръ не имѣютъ общедоступнаго для всѣхъ интереса. Къ этому должно отнести и самый характеръ Годунова: слишкомъ держась исторіи, во вредъ своему произведенію, Пушкинъ представилъ Годунова не больше, какъ необыкновенно умнымъ честолюбцемъ, и не придалъ ему никакого личнаго величія, никакой гениальной силы духа, свойственной

герою исторіи. И потому, понимая цѣну нѣкоторыхъ частныхъ трагедій (какъ напр. геніальной сцены Пимена-лѣтописца въ кельѣ, наединѣ съ собой, и въ бесѣдѣ съ будущимъ самозванцемъ), не могутъ схватить идею цѣлаго созданія, столь колоссальнаго въ своемъ медленномъ и величаво-эпическомъ развитіи.

Къ эпическимъ драмамъ принадлежатъ многія драматическія произведенія, занимающія середину между трагедіей и комедіей. Таковы напр.: „Буря“, „Цимбелинъ“, „Двѣнадцатая ночь или Что угодно“ Шекспира, въ которыхъ героемъ является сама жизнь. Возьмемъ напр. „Что угодно“: тутъ нѣтъ героя или героини; тутъ каждое лицо равно занимаетъ насъ собой: даже внѣшній интересъ цѣлаго произведенія сосредоточенъ на двухъ любящихся парахъ, которыя обѣ равно интересуютъ читателя, и которыхъ соединеніе составляетъ развязку драмы.

Перевѣсъ лирическаго элемента также бываетъ и въ эпопее, и въ драмѣ. Къ разряду лирическихъ поэмъ относятся поэмы Байрона и Пушкина. Въ нихъ господствуетъ не событіе, какъ въ эпопее, а человекъ, какъ въ драмѣ, или обѣ эти стороны уравниваются и взаимно сопроникаются. Главное ихъ отличіе есть то, что въ нихъ берутся и сосредоточиваются только поэтическіе моменты событія, и самая проза жизни идеализируется и опоэтизируется. „Евгеній Онѣгинъ“ Пушкина также долженъ относиться къ числу лирическихъ поэмъ. Хотя проза жизни и составляетъ едва ли не большую часть содержанія „Онѣгина“, но эта проза улеглась въ немъ въ живой, летучій, свѣтлый, поэтический и гармоническій стихъ, который, даже сверкая огнемъ эпиграммы, растворенъ грустью — элементомъ чисто-лирическимъ. Отступленія поэта отъ разсказа, его обращенія къ самому себѣ составляютъ драгоцѣннѣйшіе лирическіе перлы этого единственнаго и превосходнѣйшаго художественнаго созданія.

„Орлеанская Дѣва“ и „Мессинская невѣста“ Шиллера суть по-преимуществу лирическія драмы, въ которыхъ дѣйствіе совершается какъ-бы не само для себя, но имѣетъ значеніе опернаго либретто, и которыхъ сущность составляютъ лирическіе монологи, высказывающіе основную идею каждой изъ

нихъ. Это поэтическіе апоѳеозы благородныхъ страстей, высокихъ помысловъ и великихъ явленій,—что особенно можно сказать объ „Орлеанской Дѣвѣ“. Байронъ „Манфредъ“ и Гётевъ „Фаустъ“—тоже лирическія драмы, хотя и въ другомъ характерѣ: это поэтическія апоѳеозы распавшейся натуры внутренняго человѣка, чрезъ рефлексію стремящейся къ утраченной полнотѣ жизни. Вопросы субъективнаго, созерцательнаго духа, вопросы о тайнахъ бытія и вѣчности, о судьбѣ личнаго человѣка и его отношеніяхъ къ самому себѣ и общему составляютъ сущность обоихъ этихъ великихъ произведеній. По своему свойству лирическая драма можетъ презирать условіями внѣшней дѣйствительности: вызывать на сцену духовъ и давать живые образы и лица страстямъ, желаніямъ и думамъ. Недостаткомъ лирической драмы можетъ быть наклонность къ символизму и аллегоріи,—въ чемъ болѣе или менѣе справедливо упрекають вторую часть „Фауста“.

Что касается до собственно-лирическихъ произведеній—они иногда принимаютъ эпическій характеръ, какъ въ романсѣ и балладѣ,—о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Отъ драмы же они заимствуютъ, не сущность, а только форму, которая способствуетъ сильнѣйшему выраженію мысли, подстрекая, такъ сказать, энергію чувства. Превосходнѣйшіе образцы такого рода лирическихъ произведеній въ драматической формѣ представляютъ слѣдующія пьесы: „Поэтъ и Чернь“ и „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ Пушкина. „Поэтъ и другъ“ Веневитинова, „Журналистъ, Читатель и Писатель“ Лермонтова.

Развивъ общее значеніе каждаго рода поэзіи и чрезъ опредѣленіе, и чрезъ сравненіе, перейдемъ къ особенностямъ каждаго изъ нихъ и раздѣленію на виды.

ПОЭЗІЯ ЭПИЧЕСКАЯ.

Эпосъ, слово, сказаніе, передаетъ предметъ въ его внѣшней видимости и вообще развиваетъ, что есть предметъ и какъ онъ есть. Начало эпоса есть всякое изреченіе, которое въ сосредоточенной краткости схватываетъ въ какомъ-либо данномъ предметѣ всю полноту того, что есть существеннаго

въ этомъ предметѣ, что составляетъ его сущность. У древнихъ эпиграмма (въ смыслѣ надписи) имѣла этотъ характеръ. Сюда же принадлежатъ и такъ-называемые гномы древнихъ, т. е. нравственные сентенціи, которыя нѣкоторымъ образомъ соотвѣствуютъ нашимъ пословицамъ и притчамъ, впрочемъ различаясь отъ этихъ послѣднихъ своимъ возвышеннымъ, поэтическимъ, а иногда и религіознымъ характеромъ и отсутствіемъ комизма и прозаичности. Сюда же относятся цѣлыя собранія поученій, этихъ свѣжихъ твореній младенческаго народа, въ которыхъ онъ, до разрыва въ своей жизни поэзіи и прозы, въ непосредственной и живой формѣ созерцаній, излагалъ свое воззрѣніе на міръ, на различныя части природы и т. п. Съ ними никакъ не должно смѣшивать позднѣйшихъ, возникшихъ изъ прозы жизни, такъ называемыхъ дидактическихъ стихотвореній.

Еще выше на лѣстницѣ развитія эпоса находятся космогоніи и теогоніи древнихъ. Въ первыхъ представляется возникновеніе вселенной изъ первоначальныхъ субстанціальныхъ силъ, а во вторыхъ индивидуализированіе этихъ силъ въ различныя божества. Наконецъ эпическая поэзія достигаетъ вершины своего развитія, полного осуществленія самой себя, дошедъ до живого источника, событій, человѣка, и выразившись въ собственно такъ-называемой эпопее.

Эпопея всегда считалась высшимъ родомъ поэзіи, вѣнцомъ искусства. Причина этому—великое уваженіе, которое питали къ „Иліадѣ“ греки, а за ними и другіе народы до нашего времени. Это безпредѣльное и безсознательное уваженіе къ величайшему произведенію древности, въ которомъ выразилось все богатство, вся полнота жизни грековъ, простиралось до того, что на „Иліаду“ смотрѣли не какъ на эпическое произведеніе въ духѣ своего времени и своего народа, но какъ на самую эпическую поэзію, т. е. смѣшали сочиненіе съ родомъ поэзіи, къ которому оно принадлежитъ. Думали, что всякое близкое къ формѣ „Иліады“ произведеніе, всякій сколокъ съ нея долженъ быть эпической поэмой, и что всякій народъ долженъ имѣть свою эпопею, и притомъ точно такую, какая была у грековъ. По „Иліадѣ“ смастерили даже опредѣленіе эпической поэмы, по которому она сдѣлалась воспѣ-

ваніємъ великаго историческаго событія, имѣвшаго вліяніе на судьбу народа. Вслѣдствіе этого оставалось только пріискать въ отечественной исторіи подобное событіе, призвать въ началѣ музу, начать съ завѣтнаго „пою“, и пѣть, пока не охрипнешь. И вотъ Виргилій вспомнилъ преданіе о прибытіи Энея изъ Трои къ берегамъ Тибра, по претерпѣннѣ неизчетныхъ бѣдствій, и какъ онъ началъ слова „сапо“, то и самъ подумалъ и другихъ увѣрилъ, что будто написалъ эпическую поэму. Его выглаженное, обточенное и щегольское риторическое произведеніе, явившись въ анти-поэтическое время, въ эпоху смерти искусства въ древнемъ мірѣ, долго оспаривалъ у „Иліады“ пальму первенства. Католическіе монахи Западной Европы чуть не причислили Виргилія къ лику святыхъ; анти поэтической французскій критикъ, Лагарпъ, чуть ли не ставилъ „Энеиду“ еще выше „Иліады“. Итакъ, „Энеида“ породила „Освобожденный Іерусалимъ“, „Похожденія Телемака, сына Улисса“, „Потерянный рай“, „Мессіаду“, „Генріаду“, „Гонзальва Кордуанскаго“, „Телемахиду“, „Петріаду“, „Россіаду“ и множество другихъ „адъ“. Испанцы гордились своей „Арауканой“, португальцы — „Луизитанами“. Стоитъ только бросить взглядъ на сущность и условія эпопеи вообще и на характеръ „Иліады“, чтобъ увидѣть, до какой степени простирается безусловное достоинство этихъ „эпическихъ“ и „героическихъ“ поэмъ и пѣмъ.

Эпосъ есть первый зрѣлый плодъ въ сферѣ поэзіи только что пробудившагося сознанія народа. Эпопея можетъ явиться только во времена младенчества народа, когда его жизнь еще не распалась на двѣ противоположныя стороны — поэзію и прозу, когда его исторія есть еще только преданіе, когда его понятія о мірѣ суть еще религіозныя представленія, когда его сила, мощь и свѣжая дѣятельность проявляется только въ героическихъ подвигахъ. Въ „Иліадѣ“ поэзія и проза жизни такъ нераздѣльно слиты между собой, что въ ней простыя ремесла называются искусствами, и Гефестъ-небожитель созидаетъ (а не работаетъ или дѣлаетъ), по творческимъ замысламъ, и щиты, и оружіе для боговъ и героевъ, и золотые треноги, деревянные подножія (по-просту скамейки), чтобъ покоить богамъ ноги на пиршествахъ сладкихъ, храмины съ

хитро-устроенными дверями на петляхъ и съ задвижками плотными (а не замками—куда! до такой нѣмецкой хитрости не простиралось еще искусство самихъ боговъ) Въ „Иліадѣ“ боги принимаютъ личное участіе въ дѣйствіяхъ людей; движимые страстями и пристрастіями, боги ссорятся между собой на совѣтахъ, дѣйствуютъ другъ противъ друга партіями, сражаются другъ съ другомъ въ рядахъ Ахейнъ и Данаевъ; ихъ прямое, непосредственное вліяніе рѣшаетъ судьбу событія. Въ „Иліадѣ“ религія является еще не отдѣленной отъ другихъ стихій общественной жизни: право народное, понятія политическія, отношенія гражданскія и семейныя,—все вытекаетъ прямо изъ религіи и все возвращается въ нее. Хитроумный Одиссей состязается въ бѣгствѣ съ Аяксомъ Теламонидомъ и видя, что тотъ обгоняетъ его, молитъ о помощи Палладу: вняла своему любимцу голубоокая дочь Эгіоха, и Аяксъ, поскользнувшись на тельчьемъ пометѣ, упадаетъ, и Одиссей получаетъ первую награду, серебряную шестимѣрную чашу. „Сидонянъ изящное дѣло“, а Аяксъ радъ, что успѣлъ добыть второй призъ, „тельца откормленнаго, тяжкаго тукомъ“. Видите ли: простая случайность не есть случайность, а дѣло богини, помогающей своему любимцу. Самъ Аяксъ отъ всей души вѣритъ этому:

Сталь, и рукою держася за роги вола полеваго,
Онъ выплевывалъ каль, и такъ говорилъ Аргивянамъ:
„Дочь громавержца, друзья, повредила мнѣ ноги, Афина!
„Вѣчно, какъ мать, она Одиссею на помощь приходитъ!“

(Пѣснь XXIII, стр. 780—784).

Одиссей есть апоѳеоза человѣческой мудрости; но въ чемъ состоитъ его мудрость? въ хитрости, часто грубой и плоской, въ томъ, что на нашемъ прозаическомъ языкѣ называется „надувательствомъ“. И между тѣмъ въ глазахъ младенческаго народа эта хитрость не могла не казаться крайней степенью возможной премудрости. Отсюда вытекаетъ и наивный характеръ какъ самыхъ высокихъ, такъ и самыхъ простыхъ мыслей у Гомера, выражается ли въ нихъ народное міросозерцаніе, или только практическое наблюденіе, правило житейской мудрости. Существованіе Гомера полагаютъ за 600 лѣтъ до нашего шествѣя Ксеркса на Грецію, эпохи совершеннаго выхода народа

изъ состоянія младенчества и полнаго развитія его духовной и гражданской жизни. Слѣдовательно Гомеръ былъ именно тѣмъ, чѣмъ является въ своей „Иліадѣ“: старцемъ-младенцемъ, простодушнымъ гениемъ), который отъ всей души вѣритъ, что описываемое имъ могло быть именно такъ, какъ представлялось ему въ его вдохновенномъ ясновидѣніи; словомъ, онъ былъ одно съ своимъ твореніемъ, и его твореніе было искреннимъ и наивнымъ выраженіемъ святѣйшихъ его вѣрованій, глубочайшихъ его убѣжденій. Однакожъ Гомеръ явился не въ самое время троянской войны, но около двухъ-сотъ лѣтъ послѣ нея. Будъ онъ современнымъ свидѣтелемъ этого событія, онъ не могъ бы создать изъ него поэмы: надобно было, чтобъ событіе сдѣлалось поэтическимъ преданіемъ живой и роскошной фантазіи младенческаго народа; надобно было, чтобъ герои событія представлялись въ отдаленной перспективѣ, въ туманѣ прошедшаго, которые увеличили бы ихъ естественный ростъ до колоссальныхъ размѣровъ, поставили бы ихъ на котурнъ, облили бы ихъ съ головы до ногъ сіяньемъ славы и скрыли бы отъ созерцающаго взора всѣ неровности и прозаическія подробности, столь замѣтныя и рѣзкія вблизи настоящаго. Настоящее не бываетъ предметомъ поэтическихъ созданій младенчествуящаго народа, — и древній Гезіодъ, который въ своемъ миѣическомъ гимнѣ Музамъ высказалъ всю сущность поэзіи, сознательно развитую германскимъ мышленьемъ, Гезіодъ говоритъ, что „Музы вдунули въ него пѣснь божественную, да славить онъ будущее и бывшее“, но что сами музы „увеселяютъ на Олимпѣ пѣснями великій умъ отца Діа, говоря обо всемъ, что есть, что будетъ и что было“: только поэзія боговъ, кромѣ прошедшаго и будущаго, объемлетъ и настоящее, ибо у боговъ самая жизнь есть блаженство, поэзія *)... Но эпоха существованія Гомера не была отдѣлена слишкомъ рѣзкой чертой отъ эпохи воспѣтаго имъ событія: еще все было полно имъ, и преданію о немъ вѣрили, какъ исторіи, не видя большой разницы между прошедшимъ и настоящимъ, и потому Гомеръ, не бывши современникомъ

*) „Теоріи поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ“ С. Шевырева, стр. 17.

троянской войны, тѣмъ не менѣ былъ полонъ гуломъ паденія священнаго Иліона...

Теперь ясно видно достоинство „Энеиды“. Конечно остроумный авторъ ея взялся за прошедшее, ухватился за преданіе; но это прошедшее, это преданіе интересовало его ни чѣмъ не больше, сколько насъ, русскихъ, интересуютъ сомнительные походы Олега подъ Цареградъ. Членъ народа, почти совершившаго полный циклъ своей жизни, клонившагося къ паденію, сынъ цивилизаціи состарѣвшейся, одряхлѣвшей, утратившей всѣ вѣрованія, наружно чтившей боговъ, но подъ рукой смѣявшейся надъ ними, — какъ могъ Virgilій, не будучи лицомъ бромъ и ханжей, быть благочестивымъ (pius), и не смѣясь говорить съ благоговѣніемъ и поэтическимъ жаромъ о томъ, что не возбуждало въ немъ задушевнаго участія, не потрясало всѣхъ струнъ его сердца, не было его религіознымъ вѣрованіемъ?.. Одно уже то, что его поэма родилась не изъ самобытной мысли, а была плодомъ сознательнаго дѣйствія, возбужденнаго существованіемъ „Иліады“; одно уже то, что его „Энеида“ была не оригинальнымъ произведеніемъ, а рабскимъ подражаніемъ великому образцу, — служить ей лучшей критикой и окончательнымъ приговоромъ. Это просто — „Похожденія Телемака, сына Уллісова“ въ прекрасныхъ (со стороны внѣшней отдѣлки) латинскихъ гекзаметрахъ.

Лучшія попытки въ эпопеѣ у новѣйшихъ народовъ — безъ сомнѣнія „Освобожденный Іерусалимъ“, „Потерянный Рай“ и „Мессіада“. Онѣ въ самомъ дѣлѣ изобилуютъ превосходными поэтическими частностями и обнаруживаютъ въ своихъ творцахъ великія поэтическія способности; но усиліе дать имъ форму, чуждую ихъ содержанію и духу времени, усиліе сдѣлать изъ нихъ, во что бы то ни стало, „Иліады“, естественнымъ образомъ исказило и изуродовало ихъ въ цѣломъ; но въ цѣломъ онѣ и потому уже не могли быть стройными, художественными созданіями, что вышли не изъ непосредственнаго акта творчества, а изъ сознательной и притомъ ошибочной мысли. Чтò имѣетъ общаго европейское рыцарство среднихъ вѣковъ съ жизнью героической Греціи? Чтò имѣютъ общаго крестовые походы съ троянской войной? — ровно ничего, ибо внѣшняго сходства нечего и брать въ расчетъ! И однакожъ

Тассъ изъ того и другого непременно хотѣлъ сдѣлать „Иліаду“ и нѣсколько разъ передѣлывалъ свою поэму въ угоду академическимъ парикамъ... Хотя „Orlando Furioso“ Аріоста и далеко не пользуется такой знаменитостью, какъ „Освобожденный Іерусалимъ“, но онъ въ тысячу разъ больше рыцарская эпопея, чѣмъ пресловутое твореніе Тасса. Калейдоскопическая пестрота лицъ и происшествій, узорочная ткань переплетенныхъ случайностей и столкновений, самый комическій элементъ по праву духа и условій времени распавшійся на поэзію и прозу жизни, вошедшій въ поэму, любовь и бои, волшебство и чудеса, отступленія, эпизоды — все это въ чуждомъ претензій, натянутости и риторики произведеніи Аріоста гораздо больше, чѣмъ въ поэмѣ Тасса, выражаетъ духъ и колоритъ жизни европейскаго рыцарства и гораздо больше удовлетворяетъ требованіямъ рыцарской эпопеи.

„Потерянный Рай“ есть произведеніе великаго таланта; но подобная поэма могла-бъ быть написана только евреемъ библейскихъ временъ, а не пуританиномъ кромвелевской эпохи, когда въ вѣрованіе вошелъ уже свободный мыслительный (и притомъ еще чисто-разсудочный) элементъ. И потому форма этой поэмы неестественна, и при многихъ превосходныхъ отдѣльныхъ мѣстахъ, обличающихъ исполинскую фантазію, въ ней множество уродливыхъ частныхъ, несоотвѣтствующихъ величію предмета: стоитъ только указать на сраженіе ангеловъ съ падшими духами земнымъ оружіемъ; на — раны, которыя наносятъ они своимъ эфирнымъ тѣламъ и которыя заживаютъ, смотря по силѣ удара, отъ часу до сутокъ времени; — на пушки, которыя ангелы добываютъ ночью изъ горъ, чтобъ стрѣлять изъ нихъ въ злыхъ духовъ...

„Мессіада“ тоже не лишена поэтическихъ частныхъ...

О нашихъ російскихъ „одахъ“, „адахъ“ „ядахъ“ нечего сказать. Кромѣ: „Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра“...

Если не всѣ, то почти всѣ народы въ эпоху своего младенчества имѣли эпическія сказанія, но не всѣ эти сказанія могутъ быть разсматриваемы съ художественной точки зрѣнія; ибо въ нихъ необходима безконечная идея. Если состояніе народа, его субстанція составляютъ главное содержаніе эпоса, — необходимо еще, чтобъ народъ вмѣщалъ въ себѣ идею, духъ,

чтобъ онъ былъ всемірно-историческимъ народомъ. Вотъ почему въ образецъ эпопеи могутъ быть приводимы только немногія созданія, какъ-то: индійскія поэмы „Махабгарата“ и „Рамайяна“, но преимущественно Гомеровы эпосы -- „Иліада“ и „Одиссея“. Индійскія поэмы, при всемъ богатствѣ своемъ, не могутъ выдержать сравненія съ этими послѣдними, принадлежа къ той степени развитія искусства, на которой оно еще только стремится къ своему осуществленію, слѣдовательно не удовлетворяетъ еще всѣмъ требованіямъ поэзіи. Другія эпическія пѣснопѣнія, важныя въ національномъ отношеніи, какъ напр. „Nibelungenlied“ германцевъ, не имѣютъ еще въ себѣ всеобъемлющаго человѣческаго интереса и не представляютъ художественной полноты.

Итакъ, содержанія эпопеи должны составлять сущность жизни, субстанціальныя силы, состояніе и бытъ народа, еще неотдѣлившагося отъ индивидуальнаго источника своей жизни. Поэтому народность есть одно изъ основныхъ условій эпической поэмы: самъ поэтъ еще смотритъ глазами своего народа, не отдѣляя отъ этого событія своей личности. Но, чтобъ эпопея, будучи въ высшей степени національнымъ, была бы въ то же время и художественнымъ созданіемъ, — необходимо, чтобъ форма индивидуальной народной жизни заключала въ себѣ обще-человѣческое, міровое содержаніе. Такова была индивидуальная жизнь грековъ, — и потому даже младенческій лепетъ ихъ космогоническихъ и теогоническихъ пѣснопѣній заключаетъ въ себѣ идеи, которыя впослѣдствіи сдѣлались достояніемъ всего человѣчества. Повторяемъ: въ гимнѣ Гезіода Музамъ, на который мы уже ссылались выше, заключается зерно и сущность эстетики новѣйшаго времени, полной философіи изящнаго, развитой созерцательной мыслительностью современныхъ намъ германцевъ. Вотъ почему „Иліада“ и „Одиссея“, будучи національно-греческими созданіями, въ то же время принадлежатъ всему человѣчеству, равно доступны всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ, болѣе или менѣе удобно переводимы на всѣ языки и нарѣчія въ мірѣ. Греки эпохой своего младенчества выразили младенчество цѣлаго человѣчества, какъ полные и достойные его представители, — и въ поэмахъ Гомера человѣчество воспоминаетъ съ умиленіемъ о

свѣтлой эпохѣ собственнаго (а не греческаго только) младенчества. Въ русскихъ, напр., пѣсняхъ и эпическихъ сказаніяхъ много поэзіи, но эта поэзія заключена въ тѣсномъ и заколдованномъ кругу народной индивидуальности, лишена общечеловѣческаго содержанія, и потому понятно и сильно говоритъ только русской душѣ, но безмолвна для всякаго другого народа и непереводаима ни на какой другой языкъ. По этой же причинѣ наши народныя пѣсни и эпическія сказанія лишены всякой художественности и, сверкая мѣстами яркими блесками поэзіи, въ то же время исполнены прозаическихъ мѣстъ; часто мысль въ нихъ не находитъ своего выраженія и лепечетъ намеками и символами. Только общечеловѣческое, міровое содержаніе можетъ проявиться въ художественной формѣ.

Субстанціальная жизнь народа должна выразиться въ событіи, чтобъ дать содержаніе для эпопеи. Во времена младенчества народа жизнь его преимущественно выражается въ удалствѣ, храбрости и героизмѣ. Поэтому общенародная война, которая пробудила, вызвала наружу и напрягла всѣ внутреннія силы народа, которая составляла собою эпоху въ его (еще миѣической) исторіи и имѣла вліяніе на всю его послѣдующую жизнь, — такая война представляетъ собою по превосходству эпическое событіе и даетъ богатый матеріалъ для эпопеи. Баснословная троянская война была для грековъ именно такимъ событіемъ и дала содержаніе для „Иліады“ и „Одиссеи“, а эти поэмы дали содержаніе большей части трагедій Софокла и Еврипида. Дѣйствующія лица эпопеи должны быть полными представителями національнаго духа; но герой преимущественно долженъ выражать своей личностью всю полноту силъ народа, всю поэзію субстанціального духа. Таковъ Ахиллесъ Гомера. Вы любите Гектора, опору своего погибающаго народа и семейства, нѣжнаго супруга и отца, храбраго и мощнаго витязя, уступающаго одному Ахиллесу; вы горько жалѣете о его смерти и какъ-будто досаждаете на пристрастіе судьбы и боговъ, поборающихъ Ахиллесу насчетъ справедливости, но взгляните пристальнѣе — и вы увидите, что рьяный, гнѣвный, доблестный и поэтический Пелидъ по праву беретъ верхъ надъ Гекторомъ. Онъ герой по преимуществу, съ головы до ногъ облитый нестерпимымъ блескомъ

славы, полный представитель всѣхъ сторонъ духа Греціи, достойный сынъ богини. Гекторъ человѣчнѣе Ахилла, но Ахиллъ божественнѣе Гектора. Ахиллъ выше всѣхъ другихъ героевъ цѣлой головой; Аяксъ равенъ ему силой, но уступаетъ въ быстротѣ ногъ. Несторъ, мужъ совѣта, убѣленный лѣтами, представляетъ собой апоѳеозу старости, умудренной опытомъ долговременной жизни, апоѳеозу елейной теплоты сердца и старческаго благодушія. Одиссей — представитель мудрости въ смыслѣ политики. Аяксъ исполненъ рьяности, дикаго мужества и тѣлесной силы. Пастырь народовъ, Агамемнонъ, отличается царственнымъ величіемъ. Словомъ, каждое изъ дѣйствующихъ лицъ „Иліады“ выражаетъ собой какую-нибудь сторону національнаго греческаго духа; но Ахиллъ представляетъ собой совокупность субстанціальныхъ силъ народа. Онъ не видитъ себѣ равнаго, а только на совѣтахъ добровольно уступаетъ нѣкоторымъ. Ахиллъ — это поэтическая апоѳеоза героической Греціи, это герой поэмы по праву; великая геройская душа его обитаетъ въ прекрасномъ богоподобномъ тѣлѣ; мужество слилось съ красотой въ лицѣ его; въ движеніяхъ его величавость, грація и пластическая живописность; въ рѣчахъ его благородство и энергія. Не диво, что боги и сама судьба побораютъ ему; не диво, что одно появленіе его, безоружнаго, на валу и троекратный крикъ обратилъ въ бѣгство войско троянъ. Онъ есть центръ всей поэмы: его гнѣвъ на Агамемнона и примиреніе съ нимъ дали ей завязку и развязку, начало, середину и конецъ. Гнѣвный онъ сидитъ въ бездѣйствіи въ своей палаткѣ, играя на злато-струнной лирѣ, не участвуя въ бояхъ; но онъ ни на минуту не перестаетъ быть героемъ поэмы: въ ней все отъ него исходитъ и все къ нему возвращается. Но это потому, что онъ присутствуетъ въ поэмѣ не отъ себя, а отъ лица народа, какъ его представитель...

Что эпопея должна имѣть цѣлость, единство дѣйствія, соразмѣрность въ частяхъ — это составляетъ необходимое условіе каждаго художественнаго произведенія, а не исключительное свойство эпопей.

 Эпопея нашего времени есть романъ. Въ романѣ всѣ родовые и существенные признаки эпоса, съ той только раз-

ницей, что въ романѣ господствуютъ иные элементы и иной колоритъ. Здѣсь уже не миѳическіе размѣры героической жизни, не колоссальныя фигуры героевъ, здѣсь не дѣйствуютъ боги; но здѣсь идеализируются и подводятся подъ общій типъ явленія обыкновенной прозаической жизни. Романъ можетъ брать для своего содержанія или историческое событіе, и въ его сферѣ развить какое-нибудь частное событіе, какъ въ эпосѣ: различіе заключается въ характерѣ самыхъ этихъ событій, а слѣдовательно и въ характерѣ развитія и изображенія; или романъ можетъ быть жизнь въ ея положительной дѣйствительности, въ ея настоящемъ состояніи. Это вообще право новѣйшаго искусства, гдѣ судьбы частнаго человѣка важны не столько по отношенію его къ обществу, сколько къ человечеству. Ежедневная жизнь хотя и имѣетъ своимъ послѣднимъ основаніемъ вѣчныя субстанціальныя силы, но въ своемъ проявленіи случайна и подавлена внѣшностями, лишенными всякой значительности. Исторія хотя уже обнаруживаетъ въ дѣйствительномъ проявленіи вѣчныя законы и разумную необходимость, но въ проявленіи ея факты лишены самосознанія, и потому имѣютъ видъ внѣшнихъ событій, а притомъ они вѣчно перепутаны и переплетены съ случайностями ежедневной жизни. Задача романа, какъ художественнаго произведенія, есть — совлечь все случайное съ ежедневной жизни и съ историческихъ событій, проникнуть до ихъ сокровеннаго сердца — до животворной идеи, сдѣлать сосудомъ духа и разума внѣшнее и разрозненное. Отъ глубины основной идеи и отъ силы, съ которой она организуется въ отдѣльныхъ особенностяхъ, зависитъ большая или меньшая художественность романа. Исполненіемъ своей задачи романъ становится на ряду со всѣми другими произведеніями свободной фантазіи, и въ такомъ смыслѣ долженъ быть строго отдѣляемъ отъ ээмерныхъ произведеній беллетристики, удовлетворяющихъ насущнымъ потребностямъ публики. Имена Ричардсоновъ, Фильдинговъ, Радклифъ, Левисовъ, Дюкредю-Менилей, Лафонтеновъ, Шписовъ, Крамеровъ, Поль-де-Коковъ, Марриетовъ, Диккенсовъ, Лесажей, Мачьюреновъ, Гюго, Де-Виньи имѣютъ свою относительную важность и пользуются или пользовались заслуженной извѣстностью; но ихъ отнюдь не должно смѣшивать

съ именами Сервантеса, Вальтеръ-Скотта, Купера, Гофмана и Гёте, какъ романистовъ.

Сфера романа несравненно обширнѣе сферы эпической поэмы. Романъ, какъ показываетъ самое его названіе, возникъ изъ новѣйшей цивилизаціи христіанскихъ народовъ, въ эпоху человѣчества, когда всѣ гражданскія, общественныя, семейныя и вообще человѣческія отношенія сдѣлались безконечно многосложны и драматичны, жизнь разбѣжалась въ глубину и ширину въ безконечномъ множествѣ элементовъ. Кромѣ занимательности и богатства содержанія, романъ ничѣмъ не ниже эпической поэмы и какъ художественное произведеніе. Намъ возразятъ, можетъ быть, тѣмъ, что мы сами признали образцовыми только двѣ поэмы, тогда какъ одинъ Вальтеръ-Скоттъ написалъ больше тридцати романовъ. Правда, эпическая поэма требуетъ большой сосредоточенности въ силѣ генія, который видитъ въ ней подвигъ цѣлой жизни своей; но причина этого совсѣмъ не въ превосходствѣ эпопеи надъ романомъ, а въ богатѣйшемъ и превосходнѣйшемъ содержаніи жизни новѣйшихъ народовъ въ сравненіи съ жизнью древнихъ грековъ. Ихъ историческая жизнь вся выразилась въ одномъ событіи и въ одной поэмѣ (ибо „Одиссея“ есть какъ бы продолженіе и окончаніе „Иліады“, хотя и выражаетъ собой другую сторону греческой жизни). Явился у нихъ новый Гомеръ, — и для его поэмы уже не было бы другого событія вродѣ троянской войны; а если бы, положимъ, и нашлось такое событіе, то все-таки его поэма была бы повтореніемъ „Иліады“ и слѣдовательно не имѣла бы никакого достоинства. Но возьмите напр. крестовые походы: Вальтеръ-Скоттъ написалъ цѣлые четыре романа, относящихся къ этой эпохѣ („Графъ Робертъ Парижскій“, „Конетабль Частерскій“, „Талисманъ“, „Иваное“), — и если бы онъ написалъ ихъ тысячу, и тогда бы не исчерпалъ всей полноты этого событія. Кромѣ того на сторонѣ романа еще и то великое преимущество, что его содержаніемъ можетъ служить и частная жизнь, которая никакимъ образомъ не могла служить содержаніемъ греческой эпопеи: въ древнемъ мірѣ существовало общество, государство, народъ, но не существовало человѣка, какъ частной индивидуальной

личности, и потому въ эпопеѣ грековъ, равно какъ и въ ихъ драмѣ, могли бы имѣть мѣсто только представители народа — полубоги, герои, цари. Для романа же жизнь является въ человѣкѣ, и мистика человѣческаго сердца, человѣческой души, участь человѣка, всѣ его отношенія къ народной жизни для романа — богатый предметъ. Въ романѣ совсѣмъ не нужно, чтобъ Ревекка была непременно царица или героиня вродѣ Юдиои: для него нужно только, чтобъ она была женщина.

Романъ обязанъ Вальтеръ-Скотту своимъ высокимъ художественнымъ развитіемъ. До него романъ удовлетворялъ только требованіямъ эпохи, въ которую являлся, и вмѣстѣ съ ней умиралъ. Исключеніе остается только за бессмертнымъ твореніемъ испанца Мигэля Сервантеса „Донъ-Кихотъ“, да развѣ еще за романами Гёте („Вертеръ“, „Вильгельмъ Мейстеръ“, „Die Wahlverwandschaften“). Послѣдніе впрочемъ имѣютъ особое, хотя и великое значеніе, какъ созданія рефлектирующаго, а непосредственнаго творчества. Вальтеръ-Скоттъ, можно сказать, создалъ историческій романъ, до него не существовавшій. Люди, лишеныя отъ природы эстетическаго чувства и понимающіе поэзію разсудкомъ, а не сердцемъ и духомъ, возстаютъ противъ историческихъ романовъ, почитая въ нихъ незаконнымъ соединеніе историческихъ событій съ частными происшествіями. Но развѣ въ самой дѣйствительности историческія событія не переплетаются съ судьбой частнаго человѣка; и наоборотъ, развѣ частный человѣкъ не принимаетъ иногда участія въ историческихъ событіяхъ? Кромѣ того, развѣ всякое историческое лицо, хотя бы то былъ и царь, не есть въ то же время и просто человѣкъ, который, какъ и всѣ люди, и любитъ, и ненавидитъ, страдаетъ и радуется, жалѣетъ и надѣется? И тѣмъ болѣе, развѣ обстоятельства его частной жизни не имѣютъ вліянья на историческія событія, и наоборотъ? Исторія представляетъ намъ событіе съ его лицевой, сценической стороны, не приподнимая завѣсы съ закулисныхъ происшествій, въ которыхъ скрываются и возникновеніе представляемыхъ ею событій и ихъ совершеніе въ сферѣ ежедневной, прозаической жизни? Романъ отказывается отъ изложенія историческихъ фактовъ и беретъ ихъ только въ связи съ частнымъ событіемъ, составляющимъ его

содержаніе; но черезъ это онъ разоблачаетъ передъ нами внутреннюю сторону, изнанку, такъ сказать, историческихъ фактовъ, вводитъ насъ въ кабинетъ и спальню историческаго лица, дѣлаетъ насъ свидѣтелями его домашняго быта, его семейныхъ тайнъ, -- показываетъ его намъ не только въ парадномъ историческомъ мундирѣ, но и въ халатѣ съ колпакомъ. Колоритъ страны и вѣка, ихъ обычаи и нравы выказываются въ каждой чертѣ историческаго романа, хотя и не составляютъ его цѣли. И потому историческій романъ есть какъ бы точка, въ которой исторія, какъ наука, сливается съ искусствомъ; есть дополненіе исторіи, ея другая сторона. Когда мы читаемъ историческій романъ Вальтера-Скотта, то какъ бы дѣлаемся сами современниками эпохи, гражданами страны, въ которыхъ совершается событіе романа, и получаемъ о нихъ въ формѣ живого созерцанія, болѣе вѣрное понятіе, нежели какое могла бы намъ дать о нихъ какая угодно исторія.

По художественному достоинству своихъ романовъ Вальтеръ-Скоттъ стоитъ на ряду съ величайшими творцами всѣхъ вѣковъ и народовъ. Онъ—истинный Гомеръ христіанской Европы. Наравнѣ съ нимъ стоитъ гениальный Куперъ, романистъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Его романы совершенно самобытны и, кромѣ высокаго художественнаго достоинства, не имѣютъ ничего общаго съ романами Вальтера-Скотта, хотя впрочемъ и были ихъ результатомъ, въ смыслѣ исторической послѣдовательности развитія новѣйшей литературы: за Вальтеромъ-Скоттомъ остается слава созданія новѣйшаго романа.

Повѣсть есть тотъ же романъ, въ меньшемъ объемѣ, который условливается сущностью и объемомъ самаго содержанія. Въ нашей литературѣ этотъ видъ романа имѣетъ представителемъ истиннаго художника—Гоголя. Лучшія изъ его повѣстей: „Тарасъ Бульба“, „Старосвѣтскіе Помѣщики“ и „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. Близко, по художественному достоинству, стоитъ повѣсть Пушкина „Капитанская Дочка, а отрывокъ изъ его неконченнаго романа „Арабъ Петра Великаго“ показываетъ, что если бы не преждевременная кончина поэта, то русская литература обогатилась бы художествен-

нымъ историческимъ романомъ. Кромѣ ихъ, для повѣсти и даже романа много обѣщаетъ въ будущемъ молодой, недавно явившійся на поприще нашей литературы талантъ—Лермонтовъ. Въ нѣмецкой литературѣ повѣсть имѣетъ своимъ представителемъ гениальнаго Гофмана, создавшаго, можно сказать, особый родъ фантастической поэзіи. Другія литературы не представляютъ такого богатаго развитія повѣсти; даже въ самой англійской литературѣ нѣтъ нувелистовъ, которыхъ имена могли бы упоминаться послѣ именъ Вальтера-Скотта и Купера. Вашингтонъ-Ирвингъ необыкновенно даровитый разсказчикъ, но не болѣе.

Хотя новѣйшія стихотворныя поэмы, образцы которыхъ представляютъ поэмы Байрона и Пушкина, и которыя въ эпоху своего появленія назывались романтическими поэмами, --- хотя онѣ, по явному присутствію въ нихъ лирическаго элемента, и должны называться лирическими поэмами; но тѣмъ не менѣе онѣ принадлежатъ къ эпическому роду, ибо основаніе каждой изъ нихъ есть событіе, да и самая форма ихъ чисто-эпическая. Впрочемъ это уже эпопея нашего времени, эпопея смѣшанная, проникнутая насквозь и лиризмомъ, и драматизмомъ и нерѣдко занимающая у нихъ и формы. Въ ней событіе не заслоняетъ собой человѣка, хотя и само по себѣ можетъ имѣть свой интересъ.

Къ эпическому роду относится еще и идиллія или эклога, изъ которой XVIII вѣкъ сдѣлалъ особый родъ поэзіи — поэзію пастушескую или буколическую. Тогда непременно хотѣли, чтобъ идиллія воспѣвала жизнь пастуховъ въ до-общественный періодъ человѣчества, когда люди (будто бы) были невинны какъ барашки, добры какъ овечки, нѣжны какъ голубки. Приторная, сладенькая сантиментальность, растлѣнное, гнилое чувство любви, лишенное всякой энергіи, составляли отличительный характеръ этой пастушеской поэзіи. И ее выдумали на основаніи древнихъ, во имя Теокрита. Чтобы показать, до какой степени нелѣпа эта плоская клевета на древнихъ и на Теокрита, и чтобъ дать истинное понятіе объ идилліи, — представляемъ здѣсь мнѣніе объ этомъ предметѣ знаменитаго Гнѣдича, глубокаго знатока древности проникнутаго ея художественнымъ духомъ, обвѣяннаго ея священными

звуками, истиннаго поэта по душѣ и по таланту. Вотъ что говоритъ онъ въ предисловіи къ переведенной имъ съ греческаго идилліи Теокрита „Сиракузянки, или праздникъ Адониса“.

„Поэзія идиллическая у насъ, какъ и въ новѣйшихъ литературѣхъ европейскихъ, ограничена тѣснымъ опредѣленіемъ поэзіи пастушеской: опредѣленіе ложное. Изъ него истекаютъ и другія, столько же неосновательныя мнѣнія, что поэзія пастушеская (т.-е. идилліи, эклоги) въ словесности нашей существовать не можетъ, ибо у насъ нѣтъ пастырей, подобныхъ древнимъ, и проч., и проч.“

„Идиллія грековъ по самому значенію слова*) есть видъ, картина или то, что мы называемъ сцена, но сцена жизни и пастушеской, и гражданской, и даже героической. Это доказываютъ идилліи Теокрита, поэта перваго, а лучше сказать, единственнаго, который въ этомъ особенномъ родѣ поэзіи служилъ образцомъ для всѣхъ народовъ Запада. Хотя не онъ началъ обрабатывать этотъ родъ, но онъ усовершенствовалъ его, приблизивъ болѣе къ природѣ.—Занявъ для идиллій своихъ формы изъ мимъ, сценическихъ представлений, изобрѣтенныхъ въ отечествѣ его, Сициліи, онъ обогатилъ ихъ разнообразіемъ содержанія; но предметы для нихъ избиралъ большей частью простонародные, чтобъ пышности двора александрійскаго, при которомъ жилъ, противопоставить мысли простыя, народныя, и этой противоположностью плѣнить читателей, которые были вовсе удалены отъ природы. Дворъ Птолемея совершенно не зналъ нравовъ пастырей сицилійскихъ; картины жизни ихъ должны были имѣть для читателей идиллій двоякую прелесть, и по новости предмета, и по противоположности съ чрезмѣрной изнѣженностью и необузданной роскошью того времени. Сердце, утомленное бременемъ роскоши и шумомъ жизни, жадно плѣняется тѣмъ, что напоминаетъ ему жизнь болѣе тихую, болѣе сладостную. Природа никогда не теряетъ своего могущества надъ сердцемъ человѣка.“

„Вездѣ, гдѣ общества человѣческія доходили до предѣла, на которомъ былъ тогда Египетъ, поэты также пытались про-

*) *ιδύλλιον* происходитъ отъ *εἶδος* видъ и есть слово уменьшительное, такъ сказать, *видикъ*.

изводить подобныя противоположности. Но одни греки умѣли быть вмѣстѣ и естественными, и оригинальными. Всѣ другіе народы хотѣли улучшивать или по своему переименовывать самую природу: чувство замѣняли чувствительностью, простоту — изысканностью. У римлянъ нѣсколько разъ пытались представить горожанамъ картины жизни сельской. Идилліями началъ свое поприще Virgilій; но не смотря на прелесть стиховъ, онъ остался позади Теокрита: пастухи его большей частью ораторы. Калпурній и другіе изъ римлянъ подражали Virgilію, не природѣ.

„Въ литературахъ новѣйшихъ временъ, особенно въ итальянской, когдѣ всѣ роды поэзіи были испытаны, являлось множество идиллій посреди народа развращеннаго; но какъ мало естественности въ Санназаро, какая изысканность въ Гварини! О французахъ и говорить нечего. Геснеръ, котораго много читали при дворѣ Людовика XV, также не могъ выдержать испытаніе времени: онъ создалъ природу сантиментальную, на свой образецъ, пастуховъ своихъ идеализировалъ, а что хуже, въ идилліи ввелъ мифологію греческую. Въ этомъ состояло его важнѣйшее заблужденіе: нимфы, фавны, сатиры для насъ умерли, и не могутъ показаться въ поэзіи нашего времени, не разливая ледяного холода. — Такимъ образомъ Теокритъ остается, какъ Гомеръ, тѣмъ свѣтлымъ фаросомъ, къ которому всякій разъ, когда мы заблуждаемся, должно возвратиться.

„До сихъ поръ одни поэты гарманскіе, намъ современные, хорошо поняли Теокрита: Фоссъ, Броннеръ, Гебель произвели идилліи истинно народныя; плѣнительныя картины ихъ переносятъ читателя къ той сладостной жизни въ нѣдрахъ природы, отъ которой нынѣшнее состояніе общества такъ насъ удаляетъ: онѣ вселяютъ даже любовь къ этому роду жизни. Успѣхъ этотъ производятъ не одни дарованія писателей. Санназаро, Геснеръ имѣли также дарованія. Германскіе поэты поняли, что родъ поэзіи идиллической болѣе, нежели всякій другой, требуетъ содержаній народныхъ, отечественныхъ; что не одни пастухи, но всѣ состоянія людей, по роду жизни близкихъ къ природѣ, могутъ быть предметами этой поэзіи. Вотъ главная причина ихъ успѣха“.

Вотъ содержаніе „Сиракузянокъ“ Теокрита: сиракузянки, съ семействами ихъ пріѣхавшія въ Александрію, приходятъ одна къ другой; желая видѣть праздникъ Адониса, идутъ во дворецъ Птолемея Филадельфа, гдѣ жена его, Арсиноя, великолѣпно устроила это празднество. Эта идиллія представляетъ съ одной стороны бытъ простого народа, его повседневную жизнь, семейныя отношенія; съ другой стороны — отношенія простого народа къ высшей субстанціальной народной жизни, заставляя простыхъ женщинъ приходить въ восторгъ и умиленіе отъ высокой, поэтической пѣсни Адонису, пропѣтой знаменитой пѣвицей, дѣвой аргивской. Та и другая сторона, т. е. проза и поэзія простонароднаго быта, видны даже въ заключительной рѣчи Горго, одной изъ сиракузянокъ:

Ахъ, Праксиноя, чудесное пѣнье! Аргивская дѣва
Счастлива даромъ, стократъ она счастлива голосомъ сладкимъ!
Время однако домой: Діоклидъ мой еще не обѣдалъ:
Мужъ у меня онъ презлой, а какъ голоденъ, съ нимъ не встрѣчайся.
Милый Адонисъ, прости! возвратися опять намъ на радость!

Образцами идиллій могутъ служить также переведенныя Жуковскимъ стихотворенія Гебеля и другихъ немѣцкихъ поэтовъ: „Красный Карбункулъ“, „Двѣ были и еще одна“, „Неожиданное свиданіе“, „Норманскій обычай“, „Путешественникъ и Поселянка“ (Гёте), „Овсяный кисель“, „Деревенскій сторожъ“, „Тлѣнность, разговоръ на дорогѣ, ведущей въ Базель, въ виду развалинъ замка Ретлера, вечеромъ“, „Воскресное утро въ деревнѣ“. На русскомъ языкѣ было много оригинальныхъ идиллій, но, слѣдуя пословицѣ: „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ“, мы о нихъ умалчиваемъ. Блестящее исключеніе представляетъ собою превосходная идиллія Гнѣдича „Рыбаки“. Бытъ и самый образъ выраженія дѣйствующихъ лицъ въ ней идеализированы, но не въ смыслѣ мнимо-классической идеализаціи, которая состояла въ ходуляхъ, бѣлилахъ и румянахъ, а тѣмъ, что слишкомъ проникнута, лиризмомъ и вѣетъ духомъ древне-эллинской поэзіи, несмотря на руссизмъ многихъ выраженій. Во всякомъ случаѣ роскошь красокъ, глубокая внутренняя жизнь, счастливая идея и прекрасные стихи дѣлаютъ идиллію Гнѣдича истиннымъ, хотя, къ сожалѣнію, еще неоцѣненнымъ перломъ

нашей литературы. Пушкина „Гусаръ“, „Будрысь и его сыновья“ также суть идилліи.

Къ эпической поэзіи принадлежатъ апологъ и басня, въ которыхъ опоэтизироваются проза жизни и практическая обиходная мудрость житейская. Этотъ родъ поэзіи достигъ высшаго своего развитія только въ двухъ новѣйшихъ литературахъ — французской и русской. Въ первой представитель басни есть Лафонтенъ; наша литература имѣетъ нѣсколько талантливыхъ баснописцевъ, а въ Крыловѣ истинно-геніальнаго творца народныхъ басенъ, въ которыхъ выразилась вся полнота практическаго ума, смысленности, повидимому простодушной, но язвительной насмѣшки русскаго народа.

Къ эпической же поэзіи должна относиться и такъ-называемая дидактическая поэзія, о ней мы еще будемъ говорить.

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Въ эпосѣ субъектъ поглощенъ предметомъ; въ лирикѣ онъ не только переноситъ въ себя предметъ, растворяетъ, проникаетъ его собою, но и изводитъ изъ своей внутренней глубины всѣ тѣ ощущенія, которыя пробудило въ немъ столкновение съ предметомъ. Лирика даетъ слово и образъ нѣмымъ ощущеніямъ, выводитъ ихъ изъ душнаго заточенія тѣсной груди на свѣжій воздухъ художественной жизни, даетъ имъ особенное существованіе. Слѣдовательно содержаніе лирическаго произведенія не есть уже развитіе объективнаго происшествія, но самъ субъектъ и все, что проходитъ черезъ него. Этимъ обуславливается дробность лирики: отдѣльное произведеніе не можетъ обнять цѣлости жизни, ибо субъектъ не можетъ въ одинъ и тотъ же мигъ быть всѣмъ. Отдѣльный человѣкъ въ различные моменты полонъ различнымъ содержаніемъ. Хотя и вся полнота духа доступна ему, но не вдругъ, а въ отдѣльности, въ безчисленномъ множествѣ различныхъ моментовъ. Все общее, все субстанціональное, всякая идея, всякая мысль — основные двигатели міра и жизни, могутъ составить содержаніе лирическаго произведенія, но при условіи однакожъ, чтобъ общее было претворено въ кров-

ное достояніе субъекта, входило въ его ощущеніе, было связан о не съ какой-либо одной его стороной, но со всей цѣлостью его существа. Все, что занимаетъ, волнуетъ, радуется, печалитъ, улаждаетъ, мучитъ, успокаиваетъ, тревожитъ, словомъ, все, что составляетъ содержаніе духовной жизни субъекта, все, что входитъ въ него, возникаетъ въ немъ, — все это приеѣмлетъ лирикой, какъ законное ея достояніе. Предметъ здѣсь не имѣетъ цѣны самъ по себѣ, но все зависитъ отъ того, какое значеніе даетъ ему субъектъ, все зависитъ отъ того вѣянія, того духа, которыми проникается предметъ фантазіей и ощущеніемъ. Что напр. за предметъ — засохшій цвѣтокъ, найденный поэтомъ въ книгѣ? — но онъ внушилъ Пушкину одно изъ лучшихъ, одно изъ благоуханнѣйшихъ, музыкальнѣйшихъ произведеній.

Лирическое произведеніе, выходя изъ моментальнаго ощущенія, не можетъ и не должно быть слишкомъ длинно; иначе оно будетъ и холодно, и натянуто, и вмѣсто наслажденія только утомитъ читателя. Чтобъ пробудить наше чувство и долго поддерживать его въ дѣятельности, — намъ нужно созерцаніе какого-нибудь объективнаго содержанія: иначе, чѣмъ глубже раскроется и чѣмъ пышнѣйшимъ цвѣтомъ развернется чувство, тѣмъ скорѣе и охладѣетъ оно. Вотъ почему опера есть самое длинное музыкальное произведеніе; въ ней музыка привязана къ объективному дѣйствію, и драматизмъ ея, не смотря на господствующій мотивъ, придаетъ ей живое разнообразіе. Та же бы самая опера, но записанная на воображаемое, а не на существующее либретто, показала бы утомительной. Потому же самому и лирическая поэма или драма не имѣетъ опредѣленныхъ границъ для своего объема. Но собственно лирическое произведеніе, плодъ минутнаго вдохновенія, можетъ потрясти все существо наше, наполнить насъ собой на долгое время, — но не иначе, какъ если для его прочтенія нужно не больше нѣсколькихъ минутъ. Плодъ мгновенной настроенности духа поэта, лирическое произведеніе пропадаетъ невозвратно, если не переходитъ на бумагу прежде, нежели духъ поэта не подчинился новой настроенности. И потому ни поэтъ не можетъ написать длинной лирической пьесы, которая, при длиннотѣ своей, отличалась бы един-

ствомъ ощущенія, а слѣдовательно и единствомъ мысли, и потому была бы полна, цѣлостна и индивидуальна; ни воспріемлемость нашего чувства не можетъ быть долго въ дѣятельности и скоро не утомиться, не будучи поддерживаема разнообразіемъ идей и образовъ, возбуждающихъ ее и вмѣстѣ дѣйствующихъ и на умъ. Вотъ почему лирическія произведенія Пушкина всѣ безъ исключенія такъ коротки, въ сравненіи съ лирическими пьесами его предшественниковъ. Длиннота лирическихъ пьесъ обыкновенно происходитъ или оттого, что поэтъ въ одной и той же пьесѣ переходитъ отъ одного ощущенія къ другому, и переходы эти поневолѣ принужденъ связывать риторическими вставками, или отъ ложнаго, анти-поэтическаго и еще болѣе анти-лирическаго направленія—развивать дидактически какія-нибудь отвлеченныя мысли. Полный представитель того и другого недостатка, производящаго длинноту лирическихъ пьесъ, есть риторическій элегистъ Ламартинъ. Хотя тѣ же самые недостатки въ Державинѣ выкупаются иногда яркими проблесками сильнаго таланта, однако такія длинныя оды его, какъ „Ода на взятіе Измаила“, въ цѣломъ невыносимо утомительны; самый „Водопадъ“ его трудно прочесть сразу. Что же касается до ораторскихъ рѣчей въ стихахъ, которыми безсмертный Ломоносовъ плѣнялъ слухъ вѣрныхъ россомъ; до надутыхъ пузырей риторическаго амфаза въ „торжественныхъ одахъ“ Петрова; до водяныхъ разглагольствованій Капниста, въ которыхъ онъ, по правиламъ риторики Кошанскаго, оплакиваетъ свои утраты и „злополучія“; наконецъ, до торжественныхъ и казенныхъ лиропѣній Мерзлякова, читанныхъ имъ на университетскихъ актахъ *): они годятся только для того, чтобъ магнетически погружать душу читателей въ тяжкую скуку и сонную апатію.

Лирическая поэзія возникаетъ на всѣхъ ступеняхъ жизни и сознанія, во всѣ вѣка и эпохи; но цвѣтущее ея состояніе,

*) Здѣсь разумѣются только оды Мерзлякова, а не его переводы изъ древнихъ и русскія пѣсни, большая часть которыхъ превосходна. Натура Мерзлякова была поэтическая, но риторика и піитика прошлаго вѣка часто сбивали ее съ толку. Что же до одъ Ломоносова, то здѣсь разумѣются только торжественныя, въ которыхъ длинноты и риторическій характеръ не выкупаются и блесками поэзіи.

въ противоположность эпосу, бываетъ уже тогда, какъ образуется въ народѣ субъективность съ одной стороны и положительная прозаическая дѣйствительность съ другой. На ступени же непосредственного сознанія, гдѣ такъ роскошно и полно развивается эпосъ, лирическая поэзія еще далека отъ своего высшаго назначенія и, говоря собственно, находится еще внѣ сферы искусства. Это такъ называемая естественная или народная поэзія.

Виды лирической поэзіи зависятъ отъ отношеній субъекта къ общему содержанію, которое онъ беретъ для своего произведенія. Если субъектъ погружается въ элементъ общаго созерцанія и какъ бы теряетъ въ этомъ созерцаніи свою индивидуальность, то являются: гимнъ, дифирамбъ, псалмы, пеаны. Субъективность на этой ступени какъ бы не имѣетъ еще своего собственного голоса, и вся вполне отдается тому высшему, которое осягнуло ее; здѣсь еще мало обособленія, и общее хотя и проникается вдохновеннымъ ощущеніемъ поэта, однако проявляется болѣе или менѣе отвлеченно. Это начало, первый моментъ лирической поэзіи, и потому напримѣръ гимны Каллимаха и Гезіода, дифирамбы Пиндара носятъ на себѣ характеръ эпическій, допускаютъ въ себя повѣствованія и вообще являются въ видѣ лирическихъ поэмъ довольно большого объема. Новѣйшая поэзія мало можетъ представить образцовъ такого рода лирическихъ произведеній. Знаменитый „Гимнъ Радости“ Шиллера слишкомъ проникнутъ сознаніемъ, чтобъ его можно было отнести къ нимъ, хотя по эксцентрической силѣ пламеннаго, бурнаго одушевленія онъ и можетъ назваться и гимномъ, и дифирамбомъ. Содержаніе Пушкина „Торжества Вакха“, его же „Вакхической Пѣсни“ и „Вакханки“ Батюшкова взято изъ древней жизни. „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская Годовщина“ Пушкина хотя и дышатъ бурнымъ, пламеннымъ, дифирамбическимъ вдохновеніемъ, но тоже не могутъ быть названы гимнами или дифирамбами въ строгомъ смыслѣ, потому что въ нихъ слишкомъ замѣтна личность поэта. Образцы произведеній этого рода представляетъ только древность.

Субъективность поэта, сознавъ уже себя, свободно беретъ и объемлетъ собой какой-либо интересующій ея предметъ:

тогда является ода. Предметъ оды и самъ по себѣ можетъ имѣть какой-либо субстанціальный интересъ (различныя сферы жизни, дѣйствительности, сознанія: государство, слава боговъ, героевъ, любовь, дружба и т. п.); въ такомъ случаѣ оды имѣютъ характеръ торжественный. Хотя здѣсь поэтъ и весь отдается своему предмету, но не безъ рефлексіи на свою субъективность; онъ удерживаетъ свое право и не столько развиваетъ самый предметъ, сколько свое, полное этимъ предметомъ, вдохновеніе. Таковы пьесы Пушкина: „Наполеонъ“, „Къ морю“ „Кавказъ“ и „Обвалъ“. Вообще надо замѣтить, что ода—этотъ средній родъ между гимномъ или диэпирамбомъ и пѣснею, тоже мало свойственъ нашему времени; поэтъ нашего времени дѣлаетъ изъ увлекшаго его предмета фантазію, картину (какъ, напримѣръ, Лермонтовъ изъ Кавказа „Дары Терека“); но любимый и задушевный его родъ — пѣсня, значеніе и сущность которой болѣе лирическія и субъективныя. Въ одѣ больше внѣшняго, объективнаго; тогда какъ пѣсня есть чистѣйшій эфиръ субъективности. Вотъ почему у Пушкина такъ мало одъ, въ которыхъ преимущественно проявлялась могучая поэтическая дѣятельность Державина. Многія оды Державина, несмотря на ихъ невыдержанность, на нехудожественную отдѣлку, регулярную форму и большее или меньшее присутствіе риторики, могутъ служить, въ духѣ своего времени, образцами одъ, какъ вида лирической поэзіи. Таковы особенно: „На Смерть Мещерскаго“, „Водопадъ“, „Къ первому сосѣду“, „Осень во время осады Очакова“, „Хариты“, „Рожденіе Красоты“ и проч.

Чистый, непримѣсный элементъ лирики является въ пѣснѣ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, какъ выраженіе чисто-субъективныхъ ощущеній. Все безчисленное многообразие тѣхъ таинственныхъ, невыразимыхъ безъ творческой силъ поэзіи ощущеній, которыя такъ безотчетно, такъ особенно возникаютъ въ темнотѣ нашей внутренности, освобождаются здѣсь отъ своей особенности, т. е. отъ исключительной принадлежности мнѣ, и выпархиваютъ на свѣтъ, окрыленные фантазіей. Наконецъ субъектъ, кромѣ этихъ совершенно личныхъ ощущеній, выражаетъ въ лирическихъ произведеніяхъ болѣе общіе, болѣе сознательные факты своей жизни, разли-

ныя созерцанія, воззрѣнія, сближенія, мысли, весь объективный запасъ свѣдѣній и пр. Сюда, кромѣ собственно пѣсни, относятся сонеты, станцы, канцоны, элегіи, посланія, сатиры и наконецъ всѣ тѣ многоразличныя стихотворенія, которыя трудно даже и назвать особеннымъ именемъ. Всѣ они, вмѣстѣ съ пѣснью, составляютъ исключительную лирику нашего времени. Лучшія, задушевніѣйшія созданія лирической музы Пушкина принадлежатъ къ числу ихъ. Таковы напр. „Уединеніе“, „Недоконченная картина“, „Возрожденіе“, „Погасло дневное свѣтило“, „Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный“, „Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты“, „Ненастный день потухъ“, „Демонъ“, „Желаніе славы“, „Подъ небомъ голубымъ страны своей родной“, „19 октября“, „Зимняя дорога“, „Ангель“, „Поэтъ“, „Воспоминаніе“, „Предчувствіе“, „Цвѣтокъ“, „На холмахъ Грузіи лежитъ ночная тѣнь“, „Когда твои младыя лѣта“, „Зимнее утро“, „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, „Поэту“, „Трудъ“, „Мадонна“, „Зимній вечеръ“, „Даръ напрасный“, „Анчаръ“, „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“, и многія другія. По нашему перечню можно видѣть, что большая ихъ часть безъ названія и означаетъ первымъ стихомъ: это свойство лирическихъ произведеній, содержаніе которыхъ неуловимо для опредѣленія, какъ музыкальное ощущеніе. Какъ образецъ благоуханности, музыкальности, легкой, прозрачной формы, граціи выраженія чувства нѣжнаго, но глубокаго и мужескаго, какъ образецъ сущности лиризма, раствореннаго и насквозь проникнутаго чистѣйшимъ, безпримѣснымъ эиромъ благороднѣйшей субъективности, выписываемъ здѣсь одно изъ посмертныхъ стихотвореній Пушкина.

Для береговъ отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, часъ печальный
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.

Ты говорила: въ день свиданья
 Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
 Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
 Мы вновь, мой другъ, соединимъ,
 Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
 Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
 Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
 Заснула ты послѣднимъ сномъ.
 Твоя краса, твои страданья
 Исчезли въ урнѣ гробовой —
 А съ нимъ и поцѣлуй свиданья...
 Но жду его: онъ за тобой...

Это мелодія сердца, музыка души, непереводимая на чело-
 вѣческій языкъ, и тѣмъ не менѣе заключающая въ себѣ цѣ-
 лую повѣсть, которой завязка на землѣ, а развязка на небѣ...

Въ посланіяхъ и сатирахъ взглядъ поэта на предметы
 преобладаетъ надъ ощущеніемъ. Поэтому стихотворенія этого
 рода могутъ превосходить объемомъ пѣсню и другія собствен-
 но лирическія произведенія. Впрочемъ и въ посланіи, и въ
 сатирѣ поэтъ смотритъ на предметы сквозь призму своего
 чувства, даетъ своимъ созерцаніямъ и воззрѣніямъ живые по-
 этическіе образы; дидактизмъ, какъ обыкновенно понимаютъ
 его, тутъ не можетъ имѣть мѣста. Сатира не должна быть
 осмѣяніемъ пороковъ и слабостей, но порывомъ, энергіей раз-
 драженнаго чувства, громомъ и молніей благороднаго негодо-
 ванія. Въ ея основаніи долженъ лежать глубочайшій юморъ,
 а не веселое и невинное остроуміе. Превосходный образецъ
 посланія представляетъ собою стихотвореніе Пушкина „Къ
 вельможѣ“, въ которомъ поэтъ въ дивно-художественныхъ
 образахъ характеризовалъ русскій XVIII вѣкъ и намекнулъ
 на значеніе XIX. Что до сатиры, то мы не знаемъ на рус-
 скомъ языкѣ лучшихъ образцовъ ей, какъ „Дума“ и „Не
 вѣрь себѣ“ Лермонтова.

Элегія собственно есть пѣсня грустнаго содержанія; но въ
 нашей литературѣ, по преданію отъ Батюшкова, написавшаго
 „Умирающаго Тасса“, возникъ особый родъ исторической
 или эпической элегіи. Поэтъ вводитъ здѣсь даже собы-
 тіе подъ формою воспоминанія, проникнутаго грустью. По-
 этому и объемъ такихъ элегій обширнѣе обыкновенныхъ лири-
 ческихъ произведеній. Таковы: Батюшкова же элегія „На раз-

валинахъ замка въ Швеціи“, Пушкина „Андрей Шенье“; самый „Водопадъ“ Державина можно назвать эпической элегіей. Впрочемъ эпическая элегія можетъ имѣть и не историческое содержаніе, какъ напр. знаменитая элегія Грея „Сельское кладбище“, такъ прекрасно переданная по-русски Жуковскимъ, и элегія Батюшкова „Тѣнь Друга“. Къ лирическимъ произведеніямъ принадлежатъ еще дума, баллада и романсъ. Дума есть тризна историческому событію, или просто пѣсня историческаго содержанія. Дума почти то же, что эпическая элегія; только она требуетъ непременно народности во взглядѣ и выраженіи. Превосходные образцы того и другого имѣемъ мы въ „Пѣснѣ объ Олегѣ Вѣщемъ“ и „Пирѣ Петра Великаго“ Пушкина. Въ балладѣ поэтъ беретъ какое-нибудь фантастическое и народное преданіе или самъ изобрѣтаетъ событіе въ этомъ родѣ. Но въ ней главное не событіе, а ощущеніе, которое оно возбуждаетъ, дума, на которую оно наводитъ читателя. Баллада и романсъ возникли въ средніе вѣка, и потому герои европейскихъ балладъ—рыцари, дамы, монахи; содержаніе—явленія духовъ, таинственныя силы подземнаго міра; сцена—замокъ, монастырь, кладбище, темный лѣсъ, поле битвы. Превосходные переводы Жуковскаго познакомили насъ съ балладами Шиллера, Гёте, Вальтера-Скота и другихъ германскихъ и англійскихъ пѣвцовъ. Жуковский и самъ написалъ нѣсколько превосходныхъ балладъ; лучшія изъ нихъ тѣ, которыхъ содержаніе взято не изъ русской жизни. Особенно прекрасны: „Эолова Арфа“ и „Ахиллъ“. Пушкина—„Женихъ“, „Утопленникъ“ и „Бѣсы“ представляютъ превосходнѣйшіе образцы національныхъ русскихъ балладъ. Романсъ отличается отъ баллады рѣшительнымъ преобладаніемъ лирическаго элемента надъ эпическимъ, а вслѣдствіе этого и гораздо меньшимъ объемомъ. Жуковский познакомилъ насъ своими поэтическими переводами и съ этимъ родомъ лирической поэзіи.

Лиризмъ есть преобладающій элементъ въ германской литературѣ. Лирическая поэзія и музыка составляютъ самый пышный цвѣтъ художественной жизни этой націи. Шиллеръ и Гёте—это цѣлые два міра лирической поэзіи, два великія ея солнца, окруженные множествомъ спутниковъ и звѣздъ

различныхъ величинъ. Богатая литература Англіи и въ лиризмѣ также едва ли уступаетъ какой литературѣ, какъ и превосходитъ всѣ другія литературы въ эпической и драматической поэзіи. Сонеты и лирическія поэмы (какъ наприм. „Венера и Адонисъ“) Шекспира, поэмы и мелкія пьесы Байрона, лирическія поэмы Вальтера-Скотта, произведенія Томаса Мура, Уордсворта, Борнса, Соути Кольриджа, Купера и другихъ составляютъ богатѣйшую сокровищницу лирической поэзіи. Французы почти не имѣютъ лирической поэзіи; по крайней мѣрѣ она не восходила у нихъ дальше народной пѣсни (водевиля); Беранже единственный великій ихъ лирикъ, но его летучія созданія, по народной формѣ своего выраженія, непереводимы ни на какой языкъ. Послѣ его пѣсенъ достойны замѣчанія проникнутыя духомъ пластической древности элегіи Андрея Шенье и ямбы энергическаго Барбье.

Собственно лирическая поэзія, въ смыслѣ выраженія внутренняго субъективнаго чувства при виртуозности формы, началась у насъ съ Пушкина. О его собственныхъ произведеніяхъ здѣсь довольно сказать, что имъ нѣтъ цѣны. Онъ увлекъ ими за собой всю нашу литературу, всѣ возникавшіе таланты, и со времени его появленія элегія-пѣсня сдѣлалась исключительнымъ родомъ лирической поэзіи, только старики и пожилые люди допѣвали еще свои торжественныя оды. Явившіеся съ Пушкинымъ и пошедшіе по данному имъ направленію таланты теперь уже вполне опредѣлились, пишутъ мало или уже и совсѣмъ не пишутъ; тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ отличались замѣчательной силой и обогатили русскую лирическую поэзію прекрасными произведеніями. Но никто, съ перваго же появленія своего, не обнаружилъ такой мощи, такого богатства фантазіи, такой виртуозности въ формѣ своихъ созданій, какъ Лермонтовъ. Нѣкоторые изъ его лирическихъ произведеній могутъ состязаться въ художественномъ достоинствѣ съ пушкинскими. Справедливость требуетъ замѣтить еще, какъ рѣзко выдавшееся явленіе, могучій талантъ Кольцова. Онъ создалъ себѣ особый совершенно оригинальный и неподражаемый родъ поэзіи. Правда, сфера его поэзіи вращается въ заколдованномъ кругу народ-

ности, но онъ расширяетъ этотъ кругъ, внося въ народную и наивную форму своихъ пѣсенъ и думъ болѣе общее содержаніе изъ болѣе высшей сферы сознанія.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Драма представляетъ совершившееся событіе какъ бы совершающимся въ настоящемъ времени, передъ глазами читателя или зрителя. Будучи примиреніемъ эпоса съ лирой, драма не есть отдѣльно ни то, ни другое, но образуютъ собой особенную органическую цѣлость. Съ одной стороны кругъ дѣйствія въ драмѣ не замкнутъ для субъекта, но, напротивъ, изъ него выходитъ и къ нему возвращается. Съ другой стороны присутствіе субъекта въ драмѣ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ лирѣ: онъ уже не есть сосредоточенный въ себѣ внутренній міръ, чувствующій и созерцающій, не есть уже самъ поэтъ, но онъ выходитъ и становится самъ для созерцанія среди объективнаго и реальнаго міра, организуемаго собственной его дѣятельностью; онъ раздѣлился и является живой совокупностью многихъ лицъ, изъ дѣйствія и противодѣйствія которыхъ слагается драма. Вслѣдствіе этого драма не допускаетъ въ себя эпическихъ изображеній мѣстности, происшествій, состояній, лицъ, которыя всѣ сами должны быть передъ нашимъ созерцаніемъ. Требованія самой народности въ драмѣ гораздо слабѣе, чѣмъ въ эпопее: въ „Гамлетѣ“ мы видимъ Европу, и, по духу и натурѣ лицъ, Европу сѣверную, но не Данію, и притомъ Богъ знаетъ въ какую эпоху. Драма не допускаетъ въ себя никакихъ лирическихъ изліяній; лица должны высказывать себя въ дѣйствіи: это уже не ощущенія и созерцанія—это характеры. То, что обыкновенно называется въ драмѣ лирическими мѣстами, есть только энергія раздраженнаго характера, его пафосъ, невольно окриляющій рѣчь особеннымъ полетомъ; или тайная, сокровенная дума дѣйствующаго лица, о которой нужно намъ знать и которую поэтъ заставляетъ его думать вслухъ. Дѣйствіе драмы должно быть сосредоточено на одномъ интересѣ и быть чуждо побочныхъ интересовъ. Въ романѣ иное лицо можетъ имѣть мѣсто не столько по дѣйствительному

участію въ событіи, сколько по оригинальному характеру: въ драмѣ не должно быть ни одного лица, которое не было бы необходимо въ механизмѣ ея хода и развитія. Простота, немногосложность и единство дѣйствія (въ смыслѣ единства основной идеи) должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ условій драмы; въ ней все должно быть направлено къ одной цѣли, къ одному намѣренію. Интересъ драмы долженъ быть сосредоточенъ на главномъ лицѣ, въ судьбѣ котораго выражается ея основная мысль.

Впрочемъ все это относится болѣе къ высшему роду драмы—къ трагедіи. Сущность трагедіи, какъ мы уже выше говорили, заключается въ коллизіи, т. е. въ столкновеніи, ошибкѣ естественнаго влеченія сердца съ нравственнымъ долгомъ или просто съ непреодолимымъ препятствіемъ. Съ идеей трагедіи соединяется идея ужаснаго, мрачнаго событія, роковой развязки. Нѣмцы называютъ трагедію печальнымъ зрѣлищемъ, Trauerspiel, --и трагедія въ самомъ дѣлѣ есть печальное зрѣлище! Если кровь и трупы, кинжалъ и ядъ не суть всегдашніе ея атрибуты, тѣмъ не менѣе ея окончаніе всегда — разрушеніе драгоцѣннѣйшихъ надеждъ сердца, потеря блаженства цѣлой жизни. Отсюда и вытекаетъ ея мрачное величіе, ея исполинская грандіозность: рокъ царитъ въ ней, рокъ составляетъ ея основу и сущность... Что такое коллизія?—безусловное требованіе судьбой жертвы себѣ. Побѣди герой естественное влеченіе сердца своего въ пользу нравственнаго закона—прости, счастье, простите радости и обаянія жизни! онъ—мертвецъ посреди живущихъ; его стихія—грусть глубокой души, его пища—страданіе, ему единственный выходъ--или болѣзненное самоотреченіе, или скорая смерть! Послѣдуй герой трагедіи естественному влеченію своего сердца, онъ — преступникъ въ собственныхъ глазахъ, онъ—жертва собственной совѣсти, ибо его сердце есть почва, въ которую глубоко вросли корни нравственнаго закона — не вырвать ихъ, не разорвавши самаго сердца, не заставивши его истечь кровью. Въ коллизіи законъ бытія напоминаетъ собой повелѣніе Нерона, по которому казнили, какъ преступниковъ, и тѣхъ, кто не плакалъ объ умершей сестрѣ властелина: ибо они не сочувствовали его утратѣ, — и тѣхъ, кто

плакать о ея смерти, ибо она была причислена къ сонму богинь, а слезы по богинѣ могли быть только знакомъ зависти къ ея благополучію... И между тѣмъ не одинъ родъ поэзіи не властвуетъ такъ сильно надъ нашей душой, не увлекаетъ насъ такимъ неотразимымъ обаяніемъ и не доставляетъ намъ такого высокаго наслажденія, какъ трагедія. И въ основѣ этого лежитъ великая истина, высшая разумность. Мы глубоко сострадаемъ падшему въ борьбѣ или погибшему въ побѣдѣ герою; но мы же знаемъ, что безъ этого паденія или той гибели онъ не былъ бы героемъ, не осуществилъ бы своей личностью вѣчныхъ субстанціональных силъ, міровыхъ и непреходящихъ законовъ бытія. Если бы Антигона погребла тѣло Полиника, не зная, что ее ожидаетъ за это неизбѣжная казнь, или безъ всякой опасности подпасть казни, ея дѣйствіе было бы только доброе и похвальное, но обыкновенное и не героическое дѣйствіе. Въ такомъ случаѣ Антигона не возбудила бы къ себѣ всего нашего участія, и еслибъ тотчасъ же умерла какъ-нибудь случайно, мы не пожалѣли бы о ея смерти: вѣдь каждый часъ на земномъ шарѣ умираютъ тысячи людей, такъ если жалѣть обо всѣхъ, некогда будетъ выпить и чашки чаю! Нѣтъ, безвременная насильственная смерть юной и прекрасной Антигоны потому только потрясаетъ все существо наше, что въ ея смерти мы видимъ искупленіе человѣческаго достоинства, торжество общаго и вѣчнаго надъ преходящимъ и частнымъ, подвигъ, созерцаніе котораго возноситъ къ нему наши души, заставляетъ биться высокимъ восторгомъ наше сердце! Судьба избираетъ для рѣшенія великихъ нравственныхъ задачъ благороднѣйшіе сосуды духа, возвышеннѣйшія личности, стоящія во главѣ человѣчества, героевъ, олицетворяющихъ собой субстанціальныя силы, которыми держится нравственный міръ. Имена были также сестра Полинику; доброе и родственное сердце ея тоже страдало при мысли о позорѣ погибшаго брата, но это страданіе не было въ ней сильнѣе страха смерти; Антигонѣ же казалось легче перенести муки лютой казни, нежели позоръ единокровнаго; ей жаль было разстаться съ юной жизнью, столь полной надеждъ очарованія: она горестно прощается съ обольщеніями гименея, сладости котораго судьба не дала ей вку-

силь; но она не просить о помилованіи, о пощаде, она не отвращается ужасающей ее смерти, но спѣшитъ броситься ей въ объятія: слѣдовательно разница между обѣими сестрами не въ чувствахъ, но въ силѣ, энергіи и глубинѣ чувства, вслѣдствіе чего одна изъ нихъ—доброе, но обыкновенное существо, а другая—героиня. Уничтожьте роковую катастрофу въ любой трагедіи—и вы лишите ее всего величія, всего ея значенія, изъ великаго созданія сдѣлаете обыкновенную вещь, которая надъ вами же первымъ утратитъ всю свою обаятельную силу.

Иногда коллизія можетъ состоять въ ложномъ положеніи человѣка, вслѣдствіе несоотвѣтственности его натуры съ мѣстомъ, на которое поставила его судьба. Просимъ читателей вспомнить одного изъ героевъ романа В.-Скотта „Пертской Красавицы“, несчастнаго шефа клана, который при гордой душѣ и сильныхъ страстяхъ своихъ, наканунѣ роковой битвы, долженствующей рѣшить участь его клана, признается своему пестуну въ томъ, что онъ—трусъ... Гамлетъ не трусъ, но его внутренняя, созерцательная натура создана не для бурь жизни, не для борьбы съ порокомъ и наказанія преступленія, а между тѣмъ судьба зоветъ его на этотъ подвигъ... Что ему дѣлать? Избѣгнуть—люди не узнаютъ и не осудятъ; но развѣ есть во вселенной другое мѣсто, кромѣ гроба, куда можно укрыться отъ себя самого?—и бѣдный Гамлетъ дѣйствительно нашелъ свое убѣжище въ могилѣ... Судьба сторожитъ человѣка на всѣхъ путяхъ жизни: за мгновенное увлеченіе безумной страсти юноша платится иногда счастьемъ всей своей жизни, отравляя ее воспоминаніемъ о невинной жертвѣ, которую погубила его любовь... И почему это такъ? потому что въ его душѣ глубоко пустили корни сѣмена нравственнаго закона, тогда какъ ничтожное, подлое существо спокойно наслаждается плодами своего разврата и нагло хвалится числомъ погубленныхъ жертвъ!.. Только человѣкъ высшей природы можетъ быть героемъ или жертвой трагедіи: такъ бываетъ въ самой дѣйствительности!

Случайность, какъ напримѣръ нечаянная смерть лица или другое непредвидѣнное обстоятельство, неимѣющее прямого отношенія къ основной идеѣ произведенія, не можетъ имѣть

мѣста въ трагедіи. Не должно упускать изъ виду, что трагедія есть болѣе искусственное произведеніе, нежели другой родъ поэзіи. Помедли Отелло одной минутой задуть Дездемону или поспѣши отворить двери стучавшейся Эмилиі — все бы объяснилось, и Дездемона была бы спасена, но зато трагедія была бы погублена. Смерть Дездемоны есть слѣдствіе ревности Отелло, а не дѣло случая, и потому поэтъ имѣлъ право сознательно отдалить всѣ самыя естественныя случайности, которыя могли бы служить къ спасенію Дездемоны. Дездемона также могла бы и замѣтить сброшенный съ головы своей мужемъ ея платокъ, послужившій къ ея гибели, какъ она могла и не замѣтить его; но поэтъ имѣлъ полное право воспользоваться этой случайностью, какъ соотвѣтствовавшей его цѣли. Цѣль же его трагедіи была — не предостеречь другихъ отъ ужасныхъ слѣдствій слѣпой ревности, не какъ порока, но какъ явленія жизни. Ревность Отелло имѣла свою причинность, свою необходимость, заключавшіяся въ пламенной натурѣ, воспитаніи и обстоятельствахъ цѣлой его жизни: онъ столько же былъ виноватъ въ ней, сколько былъ и не виноватъ. Вотъ почему этотъ великій духъ этотъ мощный характеръ возбуждаетъ въ насъ не отвращеніе и ненависть къ себѣ, а любовь, удивленіе и состраданіе. Гармонія міровой жизни была нарушена диссонансомъ его преступленія, — и онъ возстановляетъ еѣ добровольной смертью, искупаетъ ею тяжкую вину свою — и мы закрываемъ драму съ примиреннымъ чувствомъ, съ глубокой думой о непостижимомъ таинствѣ жизни, и предъ очарованнымъ взоромъ нашимъ носятъ рука съ рукой двѣ помирившіяся за гробомъ тѣни... Трупы и кровь возмущаютъ наше чувство только тогда, когда мы не видимъ ихъ необходимости, когда авторъ щедро устилаетъ и наводняетъ ими сцену для эффектовъ. Но, слава Богу, отъ частаго употребленія эти эффекты потеряли всю свою силу и теперь производятъ уже смѣхъ, а не ужасъ.

Въ условіяхъ жизни есть что-то несовершенное, роковое. Жизнь слагается изъ толпы и героевъ, и обѣ эти стороны въ вѣчной враждѣ, ибо первая ненавидитъ вторую, а вторая презираетъ первую. Всякое прекрасное явленіе въ жизни должно сдѣлаться жертвой своего достоинства. Едва прочли вы

ночную сцену въ саду между Ромео и Юліей — и уже въ душу вашу закрадывается грустное предчувствіе... „Нѣтъ,— говорите вы, не для земли такая любовь и такая полнота жизни, не между людей жить такимъ существамъ! И за что они будутъ такъ счастливы, когда всѣ другіе и не подозреваютъ возможности такого счастья? Нѣтъ, дорогой цѣной должны они поплатиться за свое блаженство!..“ И въ самомъ дѣлѣ, что губить Ромео и Юлію?—Не злодѣйство, не коварство людей, а развѣ глупость и ничтожество ихъ. Старики Капулеты—просто добрые, но пошлые люди: они не умѣютъ вообразить ничего выше самихъ себя, судятъ о чувствахъ дочери по своимъ собственнымъ, измѣряютъ ея натуру своей натурой—и погубили ее, а потомъ, когда уже было поздно, догадались, простили и даже похвалили... О, горе! горе! горе!..

Насъ возмущаетъ преступленіе Макбета и демонская натура его жены; но если бы спросили перваго, какъ онъ совершилъ свой злодѣйскій поступокъ, онъ вѣрно отвѣтилъ бы: „и самъ не знаю“; а если бы спросить вторую зачѣмъ она такъ нечеловѣчески-ужасно создана, она вѣрно отвѣтила бы, что знаетъ объ этомъ столько же, сколько и вопрошающіе, и что если слѣдовала своей натурѣ, такъ это потому, что не имѣла другой... Вотъ вопросы, которые рѣшаются только за гробомъ, вотъ царство рока, вотъ сфера трагедіи... Ричардъ II возбуждаетъ въ насъ къ себѣ непріязненное чувство своими поступками, унижительными для короля. Но вотъ двоюродный братъ его, Болингброкъ, похищаетъ у него корону—и недостойный король, пока царствовалъ, является великимъ королемъ, когда лишился царства. Онъ входитъ въ сознаніе величія своего сана, святости своего помазанія, законности своихъ правъ,—и мудрыя рѣчи, полныя высокихъ мыслей, бурнымъ потокомъ льются изъ его устъ, а дѣйствія обнаруживаютъ великую душу. Вы уже не просто уважаете его—вы благоговѣете передъ нимъ; вы уже не просто жалѣете о немъ—вы сострадаете ему. Ничтожный въ счастья, великій въ несчастья, онъ—герой въ нашихъ глазахъ. Но для того, чтобъ вызвать наружу всѣ силы своего духа, чтобъ стать героемъ, ему нужно было испить до дна чашу бѣдствія и погибнуть... Какое противорѣчіе и какой богатый пред-

метъ для трагедіи, а слѣдовательно и какой неисчерпаемый источникъ высокаго наслажденія для васъ!

Драматическая поэзія есть высшая ступень развитія поэзіи и вѣнецъ искусства, а трагедія есть высшая ступень и вѣнецъ драматической поэзіи. Поэтому трагедія заключаетъ въ себѣ всю сущность драматической поэзіи, объемлетъ собой всѣ элементы ея, и слѣдовательно въ нее по праву входитъ и элементъ комическій. Поэзія и проза ходятъ обѣ-руку въ жизни человѣческой, а предметъ трагедіи есть жизнь во всей многосложности ея элементовъ. Правда, она сосредоточиваетъ въ себѣ только высшіе, поэтические моменты жизни, но это относится только къ герою или героямъ трагедіи, а не къ остальнымъ лицамъ, между которыми могутъ быть злодѣи, и добродѣтельные, и глупцы, и шуты, такъ какъ вся жизнь человѣческая состоитъ въ стокновеніи и взаимномъ воздѣйствіи другъ на друга героевъ, злодѣевъ, обыкновенныхъ характеровъ, ничтожныхъ людей и глупцовъ. Раздѣленіе трагедіи на историческую и не-историческую не имѣетъ никакой существенной важности: герои той и другой равно представляютъ собой осуществленіе вѣчныхъ, субстанціальныхъ силъ человѣческаго духа. Въ новѣйшемъ христіанскомъ искусствѣ человѣкъ является не отъ общества, а отъ человечества; трагедія же есть вѣнецъ новѣйшаго искусства, а потому король Ричардъ II, мавръ Отелло, аристократическій юноша Ромео, аѣинскій гражданинъ Тимонъ имѣютъ совершенно равное право занимать въ ней первыя мѣста, потому что всѣ они — равно герои. Вотъ почему искаженіе историческихъ лицъ, менѣе допускаемое въ романѣ, есть какъ бы неотъемлемое право трагедіи, вытекающее изъ самой ея сущности. Трагикъ хочетъ представить своего героя въ извѣстномъ историческомъ положеніи: исторія даетъ ему положеніе, и если историческій герой этого положенія не соотвѣтствуетъ идеалу трагика, онъ имѣетъ полное право измѣнить его по своему. Въ трагедіи Шиллера „Донъ Карлосъ“ Филиппъ изображенъ совсѣмъ не такимъ, какимъ представляетъ его намъ исторія, но это нисколько не уменьшаетъ достоинства пьесы, скорѣе увеличиваетъ его. Альфъери въ своей трагедіи изобразилъ истиннаго, историческаго Филиппа II, но его произведеніи

все-таки неизмѣримо ниже Шиллера. Что же до принца Карлоса, -- смѣшно и смотрѣть, какъ на что-то серьезное, на искаженіе его историческаго характера въ трагедіи Шиллера, ибо донъ-Карлосъ слишкомъ незначительное лицо въ исторіи. Многихъ соблазняетъ вольность Гёте, который изъ семидесятилѣтняго Эгмонта, отца многочисленнаго семейства, сдѣлалъ кипящаго юношу, страстно любящаго простую дѣвушку: вольность самая законная!—ибо Гёте хотѣлъ изобразить въ своей трагедіи не Эгмонта, а молодого человѣка, страстнаго къ упоеніямъ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ жертвующаго ею для искупленія счастья родины. Всякое лицо трагедіи принадлежитъ не исторіи, а поэту, хотя бы носило и историческое имя. Глубоко справедливы эти слова Гёте: „Для поэта нѣтъ ни одного лица историческаго; онъ хочетъ изобразить свой нравственный міръ, и для этой цѣли дѣлаетъ нѣкоторымъ историческимъ лицамъ честь, относя ихъ имена къ своимъ созданіямъ“.

Что касается до раздѣленія трагедіи на акты, до ихъ числа — это относится къ внѣшней формѣ драмы вообще. Трагедія можетъ быть написана и прозой, и стихами; но болѣе всего этому соотвѣтствуетъ смѣшеніе того и другого, смотря по сущности содержанія отдѣльныхъ мѣстъ, т.-е. по тому, поэзія или проза жизни въ нихъ выражается.

Драматическая поэзія является у народа уже съ созрѣвшей цивилизаціей, въ эпоху пышнаго цвѣта его историческаго развитія. Такъ было и у грековъ. Знаменитѣйшіе ихъ трагики—Эсхиль, Софокль и Эврипидъ. Мы уже намекнули выше этого на сущность и характеръ греческой драмы, а изложеніемъ содержанія „Антигоны“ дали читателямъ и фактъ для повѣрки нашихъ намековъ. Изъ новѣйшихъ народовъ ни у кого драма не достигла такого полнаго и великаго развитія, какъ у англичанъ. Шекспиръ есть Гомеръ драмы; его драма—высочайшій первообразъ христіанской драмы. Въ драмахъ Шекспира всѣ элементы жизни и поэзіи слиты въ живое единство, необъятное по содержанію, великое по художественной формѣ. Въ нихъ все настоящее человѣчества, все его прошедшее и будущее; онѣ—пышный цвѣтъ и роскошный плодъ развитія искусства у всѣхъ народовъ и во всѣ вѣка. Въ нихъ и пластицизмъ, и рельефность художественной формы, и цѣло-

мудренная непосредственность вдохновенія, и рефлектирующая дума, міръ объективный и міръ субъективный проникли другъ друга и слились въ неразрывномъ единствѣ. Говорить о глубокомъ сердцевѣдѣніи, вѣрности натурѣ и дѣйствительности, безконечности и высоты творческихъ идей этого царя поэтовъ всего міра—значило бы повторять уже много разъ сказанное тысячами людей. Опредѣлять достоинство каждой его драмы—значило бы написать огромную книгу и не высказать сотой доли того, что бы хотѣлось высказать, и не высказать миллионной частицы того, что заключается въ нихъ.

Послѣ англійской первое мѣсто занимаетъ нѣмецкая трагедія. Шиллеръ и Гёте возвели ее на эту степень знаменитости. Впрочемъ нѣмецкая драма имѣетъ совсѣмъ другой характеръ и даже другое значеніе, чѣмъ шекспировская: это большей частью или лирическая, или рефлектирующая драма. Только въ „Гёцъ фонъ-Берлихингенъ“ и „Эгмонтъ“ Гёте, „Вильгельмъ Телъ“ и „Валленштейнъ“ Шиллера замѣтенъ порывъ къ непосредственному творчеству. Значеніе нѣмецкой драмы тѣсно связано съ значеніемъ нѣмецкаго искусства вообще*).

Испанская драма мало извѣстна, хотя и гордится не однимъ славнымъ драматическимъ именемъ, каковы Лопе-де-Вега и Кальдеронъ. Кажется, причина этому — національность ея драмы, еще не возвысившейся до общаго, мірового содержанія. Исторія французской литературы блещетъ многими драматическими именами. Корнель и Расинъ почти два вѣка считались первыми трагиками въ мірѣ, а послѣ нихъ — Кребилльонъ и Вольтеръ. Но теперь ясно, что исторія драматической поэзіи во Франціи относится къ исторіи костюмовъ, модъ и общественныхъ нравовъ добраго стараго времени, но съ исторіей искусства ничего общаго не имѣетъ. Изъ новѣйшихъ писателей въ драмахъ Гюго просвѣчиваютъ иногда блески замѣчательнаго дарованія, но не болѣе.

Наша русская трагедія съ Пушкина началась, съ нимъ и умерла. Его „Борисъ Годуновъ“ есть твореніе, достойное занимать первое мѣсто послѣ шекспировскихъ драмъ. Кромѣ

*) Объ этомъ подробно говорится въ другомъ мѣстѣ этого сочиненія.
Авт.

того Пушкинъ создалъ особый родъ драмы, который къ настоящему относится, какъ повѣсть къ роману; таковы его: „Сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ“. „Сальери и Моцартъ“, „Скупой Рыцарь“, „Русалка“, „Каменный Гость“. По формѣ и объему это не больше, какъ драматическіе очерки, но по содержанію и его развитію это — трагедія, въ полномъ смыслѣ этого слова. По оригинальности и самобытности, онѣ не могутъ быть сравниваемы ни съ какими другими, но по глубокости идей и художественности формы, свидѣтельствующей о непосредственности акта творчества, изъ котораго онѣ вышли, — ихъ достоинство можетъ измѣряться только шекспировскими драмами. Въ наше время великій поэтъ не можетъ быть исключительно эпикомъ, лирикомъ или драматургомъ: въ наше время творческая дѣятельность является въ совокупности всѣхъ сторонъ поэзіи; но великіе художники большей частью начинаютъ съ эпическихъ произведеній, продолжаютъ лирикой, а оканчиваютъ драмой. Такъ было и съ Пушкинымъ: даже въ первыхъ поэмахъ его драматическій элементъ рѣзко проявлялся, и многія мѣста въ нихъ образуютъ собой превосходныя трагическія сцены, особенно въ „Цыганахъ“ и „Полтавѣ“. Послѣднія же произведенія его показываютъ, что онъ рѣшительно обращался къ драмѣ, и что его „драматическіе очерки“ были только пробой пера, очиненнаго для болѣе великихъ созданій: каковы же были бы эти созданія! Но смерть застала его въ то время, какъ его геній совершенно созрѣлъ и возмужалъ для драмы, — и страдальческая тѣнь его унесла съ собой

Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ!

Всѣ другія попытки на драму въ русской литературѣ, отъ Сумарокова до Кукольника включительно, могутъ имѣть право только на упоминаніе въ исторіи литературы, гдѣ о нихъ и говорится въ своемъ мѣстѣ, но не въ эстетикѣ, гдѣ имѣютъ право быть указаны только художественныя произведенія.

Комедія есть послѣдній видъ драматической поэзіи, діаметрально противоположный трагедіи. Содержаніе трагедіи — міръ великихъ нравственныхъ явленій, герои ея — личности, полныя субстанціальными силъ духовной человѣческой при-

роды; содержаніе комедіи — случайности, лишенная разумной необходимости, міръ призраковъ или кажущейся, но не существующей на самомъ дѣлѣ дѣйствительности; герои комедіи — люди, отрѣшившіеся отъ субстанціальныхъ основъ своей духовной натуры. Поэтому, дѣйствіе производимое трагедіей, — потрясающій душу священный ужасъ; дѣйствіе, производимое комедіей, — смѣхъ, то веселый, то сардоническій. Сущность комедіи — противорѣчіе явленій жизни съ сущностью и назначеніемъ жизни. Въ этомъ смыслѣ жизнь является въ комедіи, какъ отрицаніе самой себя. Какъ трагедія сосредоточиваетъ въ тѣсномъ кругѣ своего дѣйствія только высокіе, поэтические моменты въ событіи героя, такъ комедія изображаетъ преимущественно прозу повседневной жизни, ея мелочи и случайности. Трагедія есть поворотный кругъ солнца поэзіи, которое, доходя до нея, становится въ апогеѣ своего теченія, а переходя въ комедію спускается внизъ. У грековъ комедія была смертью поэзіи. Аристофанъ былъ послѣдній поэтъ ихъ, а его комедіи — похоронная пѣсня навсегда утраченной полноты жизни и возникшаго изъ нея прекраснаго искусства Греціи. Но въ новомъ мірѣ, гдѣ все элементы жизни, проникая другъ друга, не мѣшаютъ развитію одинъ другого, комедія не имѣетъ такого печальнаго значенія для искусства: ея элементъ вошелъ или можетъ входить во все роды поэзіи, и она можетъ развиваться вмѣстѣ съ трагедіей, и даже предшествовать ей въ историческомъ развитіи искусства.

Въ основаніи истинно-художественной комедіи лежитъ глубочайшій юморъ. Личности поэта въ ней не видно только по наружности; но его субъективное созерцаніе жизни, какъ *aggrège-repsée*, непосредственно присутствуетъ въ ней, и изъ-за животныхъ, искаженныхъ лицъ, выведенныхъ въ комедіи, мерещатся вамъ другія лица, прекрасныя и человѣческія, и смѣхъ вашъ отзывается не веселостью, а горечью и болѣзненностью... Въ комедіи жизнь для того показывается намъ такою, какъ она есть, чтобъ навести насъ на ясное созерцаніе жизни такъ, какъ она должна быть. Превосходнѣйшій образецъ художественной комедіи представляетъ собою „Ревизоръ“ Гоголя.

Художественная комедія не должна жертвовать предпопо-

женной поэтомъ цѣли объективной истиной своихъ изображеній иначе изъ художественной она сдѣлается дидактической въ томъ смыслѣ, какъ мы ниже этого развиваемъ значеніе этого слова. Но если дидактическая комедія выходитъ не изъ невиннаго желанія поострить, но изъ глубоко-оскорбленнаго пошлостью жизни духа, если ея насмѣшка растворена саркастической жолчью, въ основаніи ея лежитъ глубочайшій юморъ, въ выраженіи дышитъ бурное одушевленіе, словомъ, если она есть выстраданное созданіе, — то стоитъ всякой художественной комедіи. Разумѣется, такая комедія не можетъ быть произведеніемъ не великаго таланта; изображенія ея могутъ отличаться излишней яркостью и густотой красокъ, но не быть преувеличены до неестественности и карикатурности; разумѣется, что характеры дѣйствующихъ лицъ должны быть въ ней созданы, а не выдуманы, и въ изображеніи ихъ видна бѣльшая или меньшая степень художественности. Высочайшій образецъ такой комедіи имѣемъ мы въ „Горѣ отъ Ума“, — этомъ благороднѣйшемъ созданіи гениальнаго человѣка, этомъ бурномъ диопрамбическомъ изліяніи жолчнаго, громового негодованія, при видѣ гнилаго общества ничтожныхъ людей, въ души которыхъ не проникалъ лучъ божьяго свѣта, которые живутъ по обветшалымъ преданіямъ старины, по системѣ пошлыхъ и безнравственныхъ правилъ, которыхъ мелкія цѣли и низкія стремленія направлены только къ призракамъ жизни — чинамъ, деньгамъ, силетнямъ, униженію человѣческаго достоинства, и которыхъ апатическая, сонная жизнь есть смерть всякаго живого чувства, всякой разумной мысли, всякаго благороднаго порыва... „Горе отъ Ума“ имѣетъ великое значеніе и для нашей литературы, и для нашего общества.

Есть еще низшая комедія, которая можетъ возвышаться до художественности созданіемъ оригинальныхъ характеровъ, вѣрнымъ изображеніемъ нравовъ общества, но въ основаніи которой лежитъ не юморъ, а только комическая веселость. По мѣрѣ своего достоинства, такая комедія можетъ относиться и къ искусству, и къ беллетристикѣ, колеблясь между двумя этими сторонами литературы. Въ нашей литературѣ нѣтъ образцовъ такой комедіи. „Недоросль“ и „Бригадиръ“ Фонвизина относятся къ комедіи нравовъ и сатирической въ

обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Истинно-художественная комедія никогда не можетъ устарѣть, вслѣдствіе измѣненія изображенныхъ въ ней нравовъ общества: „Ревизоръ“ и „Горе отъ Ума“ безсмертны.

Есть еще особый видъ драматической поэзіи, занимающій середину между трагедіей и комедіей: это то, что называется собственно драмой. Драма ведетъ начало свое отъ мелодрамы, которая въ прошломъ вѣкѣ дѣлала оппозицію надутой и неественной тогдашней трагедіи, и въ которой жизнь находила себѣ единственное убѣжище отъ мертвящаго псевдоклассицизма, такъ же какъ въ романахъ Радклифъ, Дюкре-дю-Мениля и Августа Лафонтена отъ риторическихъ поэмъ вродѣ „Гонзальва Кордуанскаго“, „Кадма и Гармоніи“ и т. п. Впрочемъ это происхожденіе относится только къ названію „драма“, видового, а не родового имени, и развѣ еще къ новѣйшей драмѣ (какова напр. „Клавиго“ Гёте). Шекспиръ, всегда шедшій своей дорогой, по вѣчнымъ уставамъ творчества, а не по правиламъ нелѣпыхъ піитикъ, написалъ множество произведеній, которыя должны занимать середину между трагедіей и комедіей, и которыя можно назвать эпическими драмами. Въ нихъ есть характеры и положенія трагическія (какъ напр. въ „Венеціанскомъ Купцѣ“); но развязка ихъ почти всегда счастливая, потому что роковая катастрофа не требуется ихъ сущностью. Героемъ драмы должна быть сама жизнь. Но, не смотря на эпическій характеръ драмы, ея форма должна быть въ высшей степени драматической. Драматизмъ состоитъ не въ одномъ разговорѣ, а въ живомъ дѣйствіи разговаривающихъ одного на другого. Если напри-мѣръ двое спорятъ о какомъ-нибудь предметѣ, тутъ нѣтъ не только драмы, но и драматическаго элемента; но когда спорящіеся, желая пріобрѣсть другъ надъ другомъ поверхность, стараются затронуть другъ въ другѣ какія-нибудь стороны характера или задѣть за слабыя струны души, и когда чрезъ это въ спорѣ высказываются ихъ характеры, а конецъ спора становитъ ихъ въ новыя отношенія другъ къ другу,—это уже своего рода драма. Но главное въ драмѣ—отсутствіе длинныхъ рассказовъ и чтобы каждое слово высказы-валось въ дѣйствіи. Драма не должна быть ни простымъ спи-

сываніемъ съ природы, ни сборомъ отдѣльныхъ, хотя бы и прекрасныхъ сценъ, но образовывать собою отдѣльный, замкнутый міръ, гдѣ каждое лицо, стремясь къ собственной цѣли и дѣйствуя только для себя, способствуетъ, само того не зная, общему дѣйствию пьесы. А это можетъ быть только тогда, когда драма возникла и развилась изъ мысли, а не слѣпилась черезъ соображеніе.

Вотъ всѣ роды поэзіи. Ихъ только три, и больше нѣтъ и быть не можетъ. Но въ мѣстностяхъ и литературахъ прошлаго вѣка существовало еще нѣсколько родовъ поэзіи, между которыми особенную важность имѣлъ дидактическій или поучительный. Въ огромныхъ поэмахъ учили земледѣлію, скотоводству, астрономіи, ариѳметикѣ и чуть ли еще не портному мастерству. Этотъ родъ возникъ въ древности по упадкѣ искусства. Обыкновенно, когда поэзія исчезаетъ, ее замѣняетъ стихотворство.

И однакожъ мы признаемъ существованіе дидактической поэзіи, только принимаемъ дидактику не какъ родъ, а какъ характеръ поэзіи и относимъ ее къ эпическому роду. Слово „дидактическій“, по нашему мнѣнію, есть такое же выраженіе свойства и характера, какъ напр. объективный и субъективный.

Образцомъ дидактическихъ поэмъ мы считаемъ не агрономическія поэмы Виргилія, не гораціеву „Ars Poetica“, не „L'Art Poétique“ Буало, не всядняныя поэмы Делиля,—а мірообъемлющія созерцанія исполинской фантазіи и поэтическіе афоризмы Жанъ-Поля Рихтера. Они отличаются отъ произведеній художественной поэзіи тѣмъ, что сознаніе изъ основной идеи можетъ предшествовать въ душѣ художника самому акту творчества, и тѣмъ еще, что мысль въ нихъ есть главное, а форма только какъ средство для ея выраженія. Общаго же съ произведеніями художественной поэзіи они имѣютъ то, что выходятъ изъ живого и пламеннаго вдохновенія, а не мертваго и холоднаго разсудка, берутъ у поэзіи всѣ ея краски, говорятъ душѣ образами, а не отвлеченными идеями. Кому извѣстны „Сонъ“ и „Уничтоженіе“ Жанъ-Поля Рих-

тера, тѣ поймутъ, о чемъ мы говоримъ. Для незнакомыхъ же съ этимъ писателемъ выписываемъ здѣсь двѣ маленькія его пьески:

— „Любишь ли ты меня? — воскликнулъ молодой человѣкъ въ минуту чистѣйшаго восторга любви, въ то мгновеніе, когда души встрѣчаются и отдаются другъ другу. — Молодая дѣвушка взглянула на него и молчала.

— О, если ты меня любишь, — продолжалъ онъ, — заговори!

Но она взглянула на него, не будучи въ состояніи говорить.

— Да, я былъ слишкомъ счастливъ, я надѣялся, что ты меня любишь, все теперь исчезло — надежда и блаженство!

— Возлюбленный, неужели я тебя не люблю! — и она повторила вопросъ.

— О, зачѣмъ такъ поздно произнесла ты эти небесные звуки!

— Я была слишкомъ счастлива, я не могла говорить; только тогда возвращенъ мнѣ былъ даръ слова, когда ты передалъ мнѣ свою скорбь...“

„Старецъ стоялъ подъ окномъ въ полночь на новый годъ и съ горькимъ отчаяніемъ смотрѣлъ на неподвижное, вѣчно-цвѣтущее небо, и оттуда на безмолвную, чистую, обѣленную землю, на которой никому теперь не были столько чужды радость и сонъ, сколько ему, ибо его гробъ стоялъ близъ него; не юношеская зелень, но старческій снѣгъ лежалъ на немъ, и онъ уносилъ съ собой изо всѣхъ богатствъ жизни одни только заблужденія, преступленія и недуги — разоренное тѣло, запустѣвшую душу, грудь, напоенную ядомъ, и возрастъ раскаянія. Прекрасные дни юности мелькали передъ нимъ, какъ привидѣнія, и манили его опять къ тому прелестному утру, когда отецъ въ первый разъ поставилъ его на распутии жизни, вправо ведущимъ по солнечной стѣзѣ добродѣтели, въ дальнюю мирную страну, полную свѣта и жатвы и полную ангеловъ; влево же сводящемъ въ кротовую нору порока, въ черный вертепъ, полный точащагося яда, полный гнѣздящихся змѣй и мрачныхъ, удушающихъ паровъ.

Ахъ! змѣи висѣли у него на груди и капли яда на языкѣ: онъ зналъ теперь, гдѣ онъ былъ!

Безчувственный, съ неизрекаемой скорбью, воскликнулъ онъ къ небу: „Отдай мою юность! о, отецъ мой! поставь меня опять на распутии, дабы я могъ выбрать иначе!“

Но его отецъ и его юность были уже далско. Онъ видѣлъ блудящіе огни, скакавшіе по болотамъ, угасавшіе на кладбищѣ, и говорилъ: „Это буйные дни мои!“ Онъ видѣлъ падавшую съ неба звѣзду сверкавшую въ своемъ паденіи и разсыпавшуюся на землѣ: „Это я!“ сказало сердце его, облитое кровью, и змѣиные зубы раскаянія глубже еще впились въ раны.

Распаленное воображеніе представляло ему лунатиковъ, бѣгающихъ по кровлямъ: вѣтреная мельница угрожала раздробить его размахнутыми крыльями, и запавшее въ опустѣломъ жилищѣ мертвыхъ страшилище принимало на себя мало-по-малу черты его.

Посреди этихъ ужасныхъ судорогъ вдругъ отдалась съ башни музыка на новый годъ, какъ отдаленное церковное пѣніе. Кроткія, тихія движенія пробудились въ немъ.—Онъ провелъ взоры по небосклону вокругъ широкой земли; вспомнилъ о друзьяхъ своей юности, которые, счастливые и лучше его, были теперь наставниками земли, отцами счастливыхъ дѣтей, благословляемыми мужами; вспомнилъ—и воскликнулъ: „О! и я бы могъ, еслибъ захотѣлъ, подремать эту первую ночь такъ же, какъ и вы, съ сухими глазами! —ахъ! я бы могъ быть счастливымъ, любезные родители! когда бы исполнилъ ваши новогоднія желанія и наставленія!“

Въ лихорадочномъ воспоминаніи о дняхъ юности ему показалось, что на кладбищѣ встаетъ страшилище, имѣющее черты его: суевѣріе, мечтающее ночью подъ новый годъ видѣть духовъ будущности, превратило это страшилище въ живого юношу.

Онъ не могъ смотрѣть болѣе;—закрывъ глаза;—потоки горячихъ слезъ брызгали изъ нихъ, растопляя снѣгъ; онъ вздыхалъ—и вздыхалъ тихо, безутѣшно, безчувственно: „Воротись только, воротись опять, юность!“

. *И она опять воротилась*, ибо это былъ только страшный сонъ подъ новый годъ. Онъ былъ еще юноша: только — заблужденія его были не сонъ!—Но онъ благодарилъ Бога, что, будучи юнъ еще, можетъ пока воротиться назадъ съ грязныхъ путей порока и вступить снова на солнечную стезю, ведущую въ богатую страну жатвы.

Воротись съ нимъ, юный читатель! если стоишь на пути лукавомъ! Этотъ ужасный сонъ будетъ нѣкогда твоимъ судьей: и если ты тогда съ сокрушеніемъ звать будешь: „Воротись, прекрасная юность!“—ахъ, она не воротится!“

Русская литература имѣетъ писателя, по духу, формѣ и достоинству своихъ произведеній близкаго къ Жанъ-Полю Рихтеру. Мы говоримъ о князѣ Одоевскомъ, и имѣемъ въ виду такія его произведенія, какъ „Послѣдній Квартетъ Бетховена“, „Operi del cavaliere Giambattista Piranesi“, „Импровизаторъ“, „Пасмѣшка Мертваго“, „Бригадиръ“ и пр. Содержаніе каждой изъ этихъ пьесъ составляетъ феноменъ духа человѣческаго или нравственный вопросъ въ глубочайшемъ значеніи этого слова; въ основѣ ихъ глубокое міросозерпаніе и благородный юморъ, форма дышитъ красками вдохновенной поэзіи, мысль мощно охватываетъ душу читателя и высказывается рѣзко и опредѣленно. Колоритъ этихъ пьесъ — фантастическій, какъ самый приличный произведеніямъ такого рода. Впрочемъ и повѣсть кн. Одоевскаго „Княжна Мими“, хотя ея содержаніе и взято изъ прозы жизни, принадлежитъ также къ тому, что мы называемъ дидактической поэзіей. Ея цѣль

чисто-нравственная; но эта цѣль высказывается въ живыхъ картинахъ, въ увлекательномъ разсказѣ, въ проникнутыхъ чувствомъ и одушевленіемъ мысляхъ, а не въ холодной аллегоріи, не въ моральныхъ сентенціяхъ и ходячихъ истинахъ, которыхъ справедливость всѣ признають, какъ и то, что два, умноженные на два, составляютъ четыре, но которыя всѣмъ надоѣли, никого не убѣждаютъ, какъ и почтенныя истины, что если выйдешь на холодъ съ открытой грудью, то можешь простудиться, а если пойдешь на улицу въ дождь, то непременно вымочишься.

Желая быть для всѣхъ сколько возможно ясными, выпишемъ здѣсь одну пьесу кн. Одоевскаго, какъ фактъ того, что мы называемъ дидактической поэзіей.

„Балъ разгорался часъ-отъ-часу сильнѣе: надъ безчисленными тускнѣющими свѣчами волновался тонкій чадъ и сквозь него трепетали штофныя занавѣсы, мраморныя вазы, золотыя кисти, барельефы, колонны, картины; отъ обнаженной груди красавицъ поднимался знойный воздухъ, и часто когда пары, будто вырвавшіяся изъ рукъ чародѣя въ быстромъ круженіи промелькивали передъ глазами, — васъ, какъ въ безводныхъ степяхъ Аравіи, обдавалъ горячій, удушающій вѣтеръ; часъ-отъ-часу скорѣе развивались душистые локоны; смятая дымка небрежнѣе свертывалась на распаленныя плечи; быстрѣе бился пульсъ, чаще всрѣчались руки, близились вспыхивающія лица; томнѣе дѣлались взоры, слышнѣе смѣхъ и шопотъ; старики поднимались съ мѣстъ своихъ, расправляли безсильные члены, и въ ихъ остолбенѣлыхъ глазахъ мѣшалась горькая зависть съ бѣшенымъ воспоминаніемъ прошедшаго — и все вертѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладострастномъ безуміи ..

На небольшомъ возвышеніи съ визгомъ скользили смычки по натянутымъ струнамъ, трепеталъ могильный голосъ валторнъ и однообразные звуки литавръ отзывались насмѣшливымъ хохотомъ. Сѣдой капельмейстеръ, съ улыбкой на лицѣ, внѣ себя отъ восторга, безпрестанно учащаясь размѣръ и взоромъ, тѣлодвиженіями возбуждалъ утомленныхъ музыкантовъ.

— „Не правда ли?—говорилъ онъ мнѣ отрывисто, не оставляя смычка:—„не правда ли? я говорилъ, что оживлю этотъ балъ — и сдержалъ свое слово. Все дѣло въ музыкѣ, — не умѣютъ составлять ее, она поднимаетъ съ мѣста, — она невольно вводитъ танцующихъ въ упоеніе—въ сочиненіяхъ славныхъ музыкантовъ есть мѣста, которыя производятъ странное дѣйствіе—я славно подобралъ ихъ—въ этомъ все дѣло—вотъ слышите: это вопль донны Анны, когда донъ-Хуанъ насмѣхается надъ нею; вотъ это стонъ умирающаго командора; вотъ минута, когда Оттелло начинаетъ вѣрить своей ревности, вотъ послѣдняя молитва Дездемоны...“

Еще долго канельмейстеръ исчислялъ мнѣ все человѣческія страданія, получившія голосъ въ произведеніяхъ славныхъ музыкантовъ; но я не слушалъ его болѣе,—я замѣтилъ въ музыкѣ что-то странное, обворожительно-ужасное, я замѣтилъ, что къ каждому звуку присоединялся другой звукъ, болѣе пронзительный, отъ котораго холодъ пробѣгалъ по жиламъ и волосы дыбомъ становились на головѣ; прислушиваюсь: то какъ будто крикъ страдающаго младенца, или буйный вопль юноши, или визгъ сиротѣющей матери, или трепещущее стenanіе старца, и все голоса различныхъ терзаній человѣческихъ явились мнѣ, какъ музыкальные тоны, разложенными по степенямъ одной безконечной гаммы, продолжавшейся отъ перваго вопля новорожденнаго до послѣдней мысли умирающаго Байрона: каждый двукъ вырывался изъ раздраженнаго нерва и каждый пафѣвъ былъ судорожнымъ движеніемъ.

Этотъ страстный оркестръ темнымъ облакомъ висѣлъ надъ танцующими,—при каждомъ ударѣ оркестра вырывались изъ облака: и громкая рѣчь негодованія, и прерывающійся лепетъ побѣжденнаго болью; и глухой говоръ отчаянія; и рѣзкая скорбь жениха, разлученнаго съ невѣстой, и раскаяніе измѣны, и крикъ торжествующихъ возмутителей, и таинственная печаль обманутаго лицемѣра, и стонъ страдальца, непризнаннаго своимъ вѣкомъ, и вопль человѣка, въ грязь стоптавшаго сокровищницу души своей, и болѣзненный голосъ изможденнаго долгой жизнью человѣка, и радость мщенія, и трепетаніе злобы, и упоеніе истребителя, и томленіе жажды, и скрежетъ зубовъ, и хрустъ костей, и плачь, и взрыдъ, и хохотъ... и все сливалось въ неистовыя созвучія, которыя громко выговаривали проклятіе природѣ и ропотъ на провидѣніе; при каждомъ ударѣ оркестра выставлялись изъ него: то посинѣлое лицо истерзаннаго пыткой, то смѣющіеся глаза сумасшедшаго, то трясушіеся колѣни убійцы, то замолчавшія уста убитаго тайной грустью; изъ темнаго облака капали на паркетъ кровавыя слезы, — по нимъ скользили атласные башмаки красавицъ — и все попрежнему вертѣлось, прыгало, бѣсновалось въ сладострастномъ холодномъ безуміи...

Долго за разсвѣтъ длился балъ, долго поднятые съ постели житейскими заботами останавливались посмотреть на мелькающія тѣни въ свѣтлыхъ окошкахъ.

Закруженный, усталый, истерзанный его мучительнымъ весельемъ, я выскочилъ на улицу изъ душныхъ комнатъ и впивалъ въ себя свѣжій воздухъ; утренній благовѣстъ терялся въ шумѣ развѣзжающихся экипажей и предо мной были растворенныя двери храма.

Я вошелъ; въ церкви пусто; одна свѣча горѣла предъ иконой, и тихій голосъ священника раздавался подъ сводами: онъ произносилъ завѣтныя слова любви, вѣры, надежды; онъ возвѣщалъ таинство искупленія; онъ говорилъ о Томъ, Кто соединилъ въ Себѣ все страданія человѣка; онъ говорилъ о высокомъ созерцаніи Божества, о мирѣ душевномъ, о милосердіи къ ближнему, о братскомъ соединеніи человѣчества, о забвеніи обидъ, о прошеніи врагамъ, о тщетѣ замысловъ богопротивныхъ, о безпрерывномъ совершенствованіи души человѣка, о смиреніи предъ судьбами Всевышняго; онъ молился объ оглашенныхъ, о предстоящихъ.

Я бросился къ притвору храма, хотѣлъ удержать бѣснующихся страдальцевъ, сорвать съ сладостраснаго ложа ихъ растерзанное сердце, возбудить его отъ холоднаго сна огненной гармоніей любви и вѣры, но уже было поздно! — всѣ проѣхали мимо церкви и никто не слыхалъ словъ священника...

Была еще въ старину такъ называемая описательная поэзія. Цѣлыя огромныя поэмы были посвящаемы описанію извѣстныхъ садовъ, мѣстоположеній, временъ года и проч., такую поэзію приличнѣе было бы назвать статистической. Впрочемъ это вздоръ, который не стоитъ и опроверженія. Поэзія говоритъ не описаніями, а картинами и образами; поэзія не описываетъ и не списываетъ предмета, а создаетъ его.

Была еще эпиграматическая поэзія. Выше мы намекнули на значеніе эпиграммы у древнихъ. Въ наше время это—острота, *bon-mot*, оправленное въ риѹму. Въ прошломъ вѣкѣ эпиграмма занимала почетное мѣсто въ ряду другихъ родовъ поэзіи; иные поэты тогда только и писали, что эпиграммы. Теперь это—или шалость поэта, или его хлопущка по иной фizioноміи. Во всякомъ случаѣ она относится не къ искусству, а къ беллетристикѣ.

ИДЕЯ ИСКУССТВА *).

Искусство есть непосредственное созерцаніе истины или мышленіе въ образахъ.

Въ развитіи этого опредѣленія искусства заключается вся теорія искусства: его сущность, его раздѣленіе на роды, ровно какъ условія и сущность каждаго рода.

Примѣч. Это опредѣленіе еще въ первый разъ произносится на русскомъ языкѣ, и его нельзя найти ни въ одной

*) Это другой отрывокъ изъ отдѣла Эстетики, найденный въ бумагахъ покойнаго, большая часть которыхъ, къ несчастью, была уничтожена имъ самимъ въ 1848 году. Весь написанный карандашемъ и оставленный не конченнымъ, онъ принадлежитъ, судя по всему, къ одному времени съ первымъ.

русской эстетики или такъ-называемой теоріи словесности, — и поэтому, чтобы оно не показалось страннымъ, дикимъ и ложнымъ для тѣхъ, которые слышатъ его въ первый разъ, мы должны войти въ самыя подробныя объясненія всѣхъ представленій, заключающихся въ этомъ совершенно новомъ у насъ опредѣленіи искусства, — хотя бы многое тутъ и не относилось собственно къ искусству, и могло бы для людей, знакомыхъ съ наукой въ ея современномъ состояніи, показаться неважнымъ, лишнимъ, мелочно-подробнымъ.

Первое, что особенно должно, въ нашемъ опредѣленіи искусства, поразить собою, какъ странностью. многихъ изъ читателей, — есть безъ сомнѣнія то, что мы искусство называемъ мышленіемъ, и тѣмъ самымъ соединяемъ между собой два самыя противоположныя, самыя несоединяемыя представленія.

Въ самомъ дѣлѣ, философія всегда враждовала съ поэзіей, — и въ самой Греціи, истинномъ отечествѣ и поэзіи, и философіи, философъ осудилъ поэтовъ на изгнаніе изъ своей идеальной республики, хотя и увѣнчалъ ихъ предварительно лаврами. Общее мнѣніе приписываетъ поэтамъ живую, страстную натуру, которая заставляетъ ихъ увлекаться настоящимъ мгновеніемъ, забывая о прошедшемъ и будущемъ, пріятному жертвовать полезнымъ, ненасытимую ничѣмъ и никогда не удовлетворяемую жажду наслажденія, всегда предпочитаемаго нравственности, легкость, измѣнчивость и непостоянство во вкусахъ и стремленіяхъ, наконецъ — безпокойную фантазію, которая всегда увлекаетъ ихъ отъ дѣйствительнаго къ идеальному и отнимаетъ въ ихъ глазахъ цѣну вѣрному счастью дня для прекрасной и несбыточной мечты. Напротивъ, философамъ общее мнѣніе приписываетъ стремленіе къ мудрости, какъ высшему благу жизни, непонятному для толпы и недостижимому для людей обыкновенныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно почитаетъ ихъ неотъемлемыми качествами — несокрушимую силу воли, постоянства въ стремленіи къ единой и неизмѣнной цѣли, благоразуміе въ поступкахъ, умѣренность въ желаніяхъ, предпочтеніе полезнаго и истиннаго пріятному и обольщающему, умѣніе достигать въ жизни благъ прочныхъ, дѣйствительныхъ и наслаждаться, находя ихъ источникъ въ самихъ себѣ, въ таинственной сокровищницѣ своего безсмертнаго духа, а не въ призрачной

внѣшности и калейдоскопической пестротѣ обманчивыхъ обольщеній земной жизни. И потому общее мнѣніе видитъ въ поэтѣ любимое дитя, счастливаго баловня пристрастной матери-природы, дитя испорченное, шаловливое, капризное, часто злое даже, но тѣмъ больше очаровательное и милое; въ философѣ видитъ оно строгаго служителя вѣчной истины и мудрости, олицетворенную правду въ словахъ, добродѣтель въ поступкахъ. И потому перваго встрѣчаетъ оно съ любовью, и если, оскорбляемое его легкостью, изъясняетъ ему иногда свое негодованіе, то не иначе, какъ съ улыбкой на устахъ; втораго встрѣчаетъ оно съ уваженіемъ, сквозь которое просвѣчиваютъ робость и холодность. Однимъ словомъ, простое, непосредственное, эмпирическое сознаніе видитъ между поэзіей и философіей ту же разницу, какъ и между живой, пламенной, радужной, легкокрылой фантазіей и сухимъ, холоднымъ, кропотливымъ и суровымъ брюзгой-разсудкомъ. Но то же самое общее мнѣніе, которое положило между поэзіей и философіей такую же разницу, какъ бы между огнемъ и водой, жаромъ и холодомъ,—то же самое общее мнѣніе или непосредственное сознаніе указало имъ и одинаковое стремленіе къ единой цѣли—къ небу. Поэзіи приписываетъ оно божественную силу восторгать къ небу духъ человѣческій высокими ощущеніями, возбуждая ихъ въ немъ прекрасными нерукотворенными образами общей жизни; дѣломъ философіи поставляетъ оно роднить духъ человѣческій съ тѣмъ же небомъ и тѣми же высокими ощущеніями, но возбуждая ихъ живымъ сознаніемъ въ мысли законовъ общей жизни.

Мы нарочно привели здѣсь простое, естественное сознаніе толпы: оно всѣмъ доступно и вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ глубокую истину, такъ что наука вполне подтверждаетъ и оправдываетъ его. Дѣйствительно, въ самой сущности искусства и мышленія заключается и ихъ враждебная противоположность, и ихъ тѣсное, единокровное родство другъ съ другомъ, какъ мы уже увидимъ ниже.

Все сущее, все, что есть, все что называемъ мы матеріей и духомъ, природой, жизнью, человѣчествомъ, исторіей, міромъ, вселенной,—все это есть мышленіе, которое само себя мыслить. Все существующее, все это безконечное раз-

нообразіе явленій міровой жизни есть не что иное, какъ формы и факты мышленія; слѣдовательно существуетъ одно мышленіе, и кромѣ мышленія ничто не существуетъ.

Мышленіе есть дѣйствіе, а всякое дѣйствіе необходимо предполагаетъ при себѣ движеніе. Мышленіе состоитъ въ діалектическомъ движеніи или развитіи мысли изъ самой себя. Движеніе или развитіе есть жизнь и сущность мышленія: безъ нихъ не было бы движенія, а была какая-то мертвая, неподвижно-стоячая пребываемость первосущныхъ силъ только что наклонувшейся жизни, безъ всякаго опредѣленія, осуществившаяся въ явѣ картина хаотическаго состоянія души, съ такой ужасающей вѣрностью изображенная поэтомъ:

То было тьма безъ темноты;
То было бездна пустоты
Безъ протяженія и границъ;
То были образы безъ лицъ;
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ промысла, безъ благъ и бѣдъ,
Ни жизнь, ни смерть—какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, мрачный и нѣмой.

Точка отправленія, исходный пунктъ мышленія есть божественная абсолютная идея; движеніе мышленія состоитъ въ развитіи этой идеи изъ самой себя, по законамъ высшей (трансцендентальной) логики или метафизики; развитіе идеи изъ самой себя есть ея прохожденіе черезъ собственные моменты, — какъ мы покажемъ это ниже самымъ примѣромъ.

Развитіе идеи изъ самой себя или изнутри самой себя называется на философскомъ языкѣ имманентнымъ. Отсутствіе всякихъ внѣшнихъ вспомогательныхъ способовъ и толчковъ, которые могъ бы представить опытъ, есть условіе имманентнаго развитія; въ жизненномъ содержаніи самой идеи заключается органическая сила имманентнаго развитія, — такъ живое зерно заключаетъ въ нѣдрахъ своихъ силу своего развитія въ растеніе, — и чѣмъ богаче жизненное содержаніе, въ нѣдрахъ зерна заключенное, тѣмъ могущественнѣйшее расте-

ніе развивается изъ него, и наоборотъ: изъ жолудя и изъ маленькаго орѣшка развиваются величественный дубъ и огромный кедръ, въ облака упирающіеся своими вершинами, и изъ картофелины, которая можетъ-быть въ пятьдесятъ разъ больше жолудя и въ тысячу разъ больше кедроваго орѣха,—огородная былинка, едва ли на нѣсколько вершковъ возвышающаяся надъ землей.

Мышленіе необходимо условливаетъ собой существованіе двухъ противоположныхъ, какъ явленія, сторонъ духа, которыя себѣ находятъ въ немъ свое примиреніе, единство и тождество: это—духъ субъективный (внутренній, мыслящій) и духъ объективный (внѣшній первому, мыслимый, предметъ мышленія). Изъ этого ясно видно, что мышленіе, какъ дѣйствіе, необходимо предполагаетъ два противоположные другъ другу предмета—мыслящій (субъектъ) и мыслимый (объектъ), и что оно невозможно безъ разумнаго существа—человѣка. Послѣ этого насъ вправѣ спросить: какимъ же образомъ весь міръ и сама природа есть не что иное, какъ мышленіе?

Мыслимое съ мыслящимъ однородно, единосущно и тождественно, такъ что первое движеніе первобытной матеріи, стремившейся стать (werden) нашей планетой, и послѣднее разумное слово сознающаго человѣка есть не что иное, какъ одна и та же сущность, только въ въ различныхъ моментахъ своего развитія. Сфера познаваемаго есть почва, изъ которой возникаетъ и образуется сознаніе.

Ничто повидимому такъ не противоположно и не враждебно одно другому, какъ природа и духъ, и въ то же время ничто такъ и не родственно и не единосущно одно съ другимъ, какъ природа и духъ. Духъ есть причина и жизнь всего сущаго; но самъ по себѣ онъ есть только возможность бытія; но не его дѣйствительность; чтобы стать (werden) бытіемъ, дѣйствительнымъ, онъ долженъ былъ явиться тѣмъ, что мы называемъ міромъ, и прежде всего стать природой.

И такъ, природа есть первый моментъ духа, изъ возможности стремящагося стать дѣйствительностью. Но и этотъ первый шагъ его къ бытію дѣйствительному не былъ имъ сдѣланъ вдругъ, но совершался въ послѣдовательномъ рядѣ множества моментовъ, изъ которыхъ каждый ознаменовался

особенной ступеню творенія. Прежде нежели явились творенія, населяющія землю, образовалась сама земля, и образовалась не вдругъ, а постепенно, перейдя черезъ множество превращеній, перетерпѣвъ множество переворотовъ, но такъ, что всякій послѣдующій переворотъ былъ ступеню къ ея совершенству *). Законъ всякаго развитія есть то, что каждый послѣдующій моментъ выше предшествовавшаго. Но вотъ планета наша готова,—и изъ нѣдръ ея возникаютъ милліоны созданій, образующія собой три царства природы. Мы видимъ ихъ въ безпорядкѣ, въ хаотическомъ смѣшеніи: на вершинѣ дерева сидитъ птица, у корня змѣя сторожитъ свою добычу, возлѣ пасется волъ и т. д. Воля человѣка на одномъ небольшомъ пространствѣ соединяетъ самыя разнородныя явленія природы: бѣлаго медвѣдя, жителя полярныхъ льдовъ, со львомъ и тигромъ, жителями знойныхъ странъ тропическихъ; разводитъ въ Европѣ американскія растенія—табакъ и картофель, и въ сѣверныхъ странахъ, съ помощью теплицъ, возвращаетъ роскошные плоды вѣчно-весенняго юга. Но въ этомъ хаотическомъ безпорядкѣ, въ этой пестрой смѣси, въ этомъ безконечномъ разнообразіи теряется и исчезаетъ только утомленный взоръ человѣка: разумъ же его видитъ въ этихъ явленіяхъ строгую послѣдовательность, непреложное единство. Отвлекая отъ этихъ безконечно-разнообразныхъ и безконечно-безчисленныхъ явленій природы ихъ общія свойства, онъ доходитъ до сознанія родовъ и видовъ,—нестройный хаосъ исчезаетъ передъ нимъ, уступая мѣсто совершенному порядку; милліоны случайныхъ явленій превращаются въ единицы необходимыхъ явленій, изъ которыхъ каждое есть навсегда остановившійся въ своемъ полетѣ моментъ воплощенія развивающейся божественной идеи! Какая строгая послѣдовательность! Нигдѣ нѣтъ скачковъ — звенья цѣпляются за звенья и образуютъ единую безконечную цѣпь, въ которой каждое послѣдующее звено лучше предшествовавшаго! Коралловыя деревья соединяютъ минеральное царство съ растительнымъ; полипы — животнорастенія соединяютъ живымъ

*) Новая Голландія и теперь еще представляетъ собою зрѣлище не достигшаго своего развитія материка.

звеномъ растительное царство съ животнымъ, которое открывается мириадами насѣкомыхъ, этихъ какъ бы сорвавшихся съ своихъ стеблей и летающихъ цвѣтовъ, и постепенно переходя до высшихъ организацій, оканчивается оранг-утангомъ, этимъ неудавшимся человѣкомъ! Всему свое мѣсто и время, и каждое послѣдующее явленіе есть какъ бы необходимый результатъ предшествовавшаго: какая строгая логическая послѣдовательность, какое непреложно-правильное мышленіе! Но вотъ является человѣкъ—и царство природы оканчивается, начинается царство духа, но духа, еще порабощеннаго природѣ, хотя уже и порывающагося къ свободѣ чрезъ побѣду надъ нею. Полу-звѣрь и полу-человѣкъ, онъ весь покрытъ волосами, огромный станъ его наклоненъ впередъ, нижняя челюсть высунулась впередъ, голени почти безъ икръ, большой палецъ на ногахъ отстоящій; но его надежда уже не на одну силу, но и на ловкость и соображеніе; руки его вооружены, но не простой палкой, не дубиной, но чѣмъ-то вродѣ каменнаго топора, прикрѣпленнаго къ длинной палкѣ... Въ Австраліи мы видимъ дикарей, раздѣленныхъ на племена: они пожираютъ подобныхъ себѣ,—и фізіологи говорятъ, что причина этого страшнаго заблужденія—ихъ организація, требующая пищи изъ человѣческаго мяса, какъ наилучше претворяющагося въ кровь и въ плоть питающихся имъ. Туземецъ Африки—лѣнивое, звѣрообразное, тупоумное существо, осужденное на вѣчное рабство и работающее изъ подъ палки и смертельныхъ истязаній. Въ Америкѣ только мелкія племена на окружающихъ ее островахъ были подвержены человѣкояденію; на материкѣ же ея были двѣ огромныя монархіи, Перу и Мехика, представительницы высшаго образованія, до какого могли достигнуть дикари высшей противъ другихъ организацій. Какая правильная постепенность; какая строго-непреложная послѣдовательность въ этихъ переходахъ изъ низшаго рода въ высшій изъ низшей организаціи въ высшую, въ этомъ безконечномъ стремленіи духа найти самого себя, какъ самосознающую личность. Принимая новую форму и какъ бы не удовлетворяясь ею, онъ не разрушаетъ ее, но оставляетъ какъ воплощенный и навсегда прикованный къ пространству моментъ своего развитія,—и принимаетъ новую

форму, какъ выраженіе новаго момента своего развитія. Бѣдныя сыны Америки и теперь остались тѣми же, какими застали ихъ европейцы. Переставши бояться огнестрѣльнаго оружія, какъ гласа боговъ раздраженныхъ, даже научившись употреблять его сами, — они все-таки не очеловѣчились съ тѣхъ поръ и дальнѣйшаго развитія человѣческаго существа мы должны искать въ Азіи. Только тутъ кончилось твореніе, природа совершила свой полный кругъ и уступила свое мѣсто новому, чисто духовному развитію — исторіи. Тутъ опять раздѣленіе человѣческаго рода на расы — и племя кавказское является цвѣтомъ человѣчества. Изъ колѣнъ и племенъ образуются народы, изъ семействъ — государства, и каждое государство есть не что иное, какъ моментъ духа, развивающагося въ человѣчествѣ, и даже время явленія каждого соотвѣтствуетъ моменту развивающейся изъ себя абстрактной мысли или философскому мышленію. И для человѣчества тѣ же законы, что и для человѣческой личности: и для него есть эпохи младенчества, юности и возмужалости. Въ своей священной колыбели, въ Азіи, оно — дитя природы, спеленатое ею по рукамъ и по ногамъ, исповѣдуетъ непосредственную вѣру преданія, живетъ религіозными мѣрами до тѣхъ поръ, пока въ Греціи не вышло изъ подъ опеки природы, а темныя религіозныя вѣрованія изъ символовъ не возвысило до поэтическихъ образовъ и не просвѣтило свѣтомъ разумной мысли. Жизнь греческаго народа была цвѣтомъ древней жизни, конкретіей ея элементовъ, богатымъ пиромъ, за которымъ послѣдовалъ упадокъ древняго міра. Младенчество кончилось — наступилъ періодъ религіозный, по преимуществу рыцарскій, поэтическій, полный жизни, движенія, романическихъ подвиговъ, несбыточныхъ предпріятій. Открытіе Америки, изобрѣтеніе пороху и книгопечатанія были внѣшними толчками для перехода человѣчества изъ юношескаго возраста въ эпоху возмужалости, продолжающейся и теперь. Каждый вѣкъ вытекалъ изъ другого и одинъ былъ необходимымъ результатомъ другого.

Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ неозвратно
Вѣка за вѣками;

У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ,
Чѣмъ кончилось дѣло?
Вопроси другого!
Каждый отвѣчаетъ.

Каждое важное событіе въ человѣчествѣ совершается въ свое время, а не прежде и не послѣ. Каждый великій чело-вѣкъ совершаетъ дѣло своего времени, рѣшаетъ современные ему вопросы, выражаетъ своей дѣятельностью духъ того времени, въ которое онъ родился и развился. Въ наше время невозможны ни крестовые походы, ни инквизиція, ни всемірное владычество державнаго священника; въ средніе вѣка невозможны были ни эта личная безопасность, которой пользуется каждый изъ членовъ новѣйшаго гражданского общества, ни это свободное развитіе, возможность котораго представляетъ новѣйшее гражданское общество даже послѣднѣйшему изъ своихъ членовъ, ни эти великія побѣды духа надъ природой, или, лучше сказать, это полное покореніе природы духу, которое выразилось въ паровыхъ машинахъ, почти уничтожившихъ время и пространство. Организациі, подобныя организаціямъ Колумба, Карла V, Франциска I, герцога Альбы, Лютера и пр., возможны и въ наше время, какъ онѣ и всегда были возможны; да только, явившись въ наше время, онѣ совсѣмъ не такъ бы дѣйствовали и не то бы совсѣмъ сдѣлали.

Итакъ, отъ перваго пробужденія довременныхъ силъ и элементовъ жизни, отъ перваго движенія ихъ въ матеріи чрезъ всю лѣствицу развивавшейся въ твореніи природы до вѣнца творенія — чело-вѣка; отъ перваго соединенія людей въ общества, послѣдняго историческаго факта нашего времени — одна цѣпь развитія, нигдѣ не прерывающаяся, единая лѣствица съ земли на небо, на которой нельзя подняться на высшую ступень, не опершись на ту, которая подъ ней! И въ природѣ, и въ исторіи владычествуетъ не слѣпой случай, а строгая, непреложная внутренняя необходимость, по причинѣ которой всѣ явленія связаны другъ съ другомъ родственными узами, въ безпорядкѣ является стройный порядокъ, въ разнообразіи единство, и по причинѣ которой возможна наука. Что же та-

кое эта внутренняя необходимость, дающая смысл и значеніе всѣмъ явленіямъ бытія, и эта строгая послѣдовательность и постепенность, въ которой явленія слѣдуютъ другъ за другомъ, какъ бы выходя другъ изъ друга? — Это мышленіе, само себя мыслящее.

Природа есть какъ бы средство для духа стать дѣйствительностью и увидѣть, и сознать самого себя. Поэтому ея вѣнецъ — человѣкъ, съ которымъ окончилась и на которомъ остановилась ея творческая дѣятельность. Гражданское общество есть средство для развитія человѣческихъ личностей, которыя суть все, и въ которыхъ живетъ и природа, и общество, и исторія, въ которыхъ снова повторяются всѣ процессы міровой жизни, то есть природы и исторіи. Какимъ же образомъ это происходитъ? Чрезъ мышленіе, посредствомъ котораго человѣкъ проводитъ черезъ себя все внѣ его существующее — и природу, и исторію, и наконецъ собственную свою личность, какъ будто бы и она была чуждый и внѣ его находящійся предметъ.

Въ человѣкѣ духъ обрѣлъ самого себя, нашелъ свое полное и непосредственное выраженіе, созналъ въ немъ себя, какъ субъектъ или личность. Человѣкъ есть воплощенный разумъ, существо мыслящее — титулъ, которымъ онъ и отличается отъ всѣхъ другихъ существъ и возвышается какъ царь надъ всѣмъ твореніемъ. Подобно всему въ природѣ существующему, онъ есть мышленіе уже по одному непосредственному существованію, какъ факту; но еще болѣе есть онъ мышленіе по дѣйствию своего разума, въ которомъ повторяется, какъ въ зеркалѣ, все бытіе, весь міръ, со всѣми его явленіями, физическими и умственными. Средоточіе и фокусъ этого мышленія есть его *я*, которое или которому онъ противопоставляетъ и на которое онъ рефлектируетъ (отражаетъ) всякій мыслимый имъ предметъ, не исключая и самого себя. Еще не пріобрѣтши никакихъ идей, онъ уже рождается мыслящимъ, ибо самая природа его непосредственно открываетъ ему тайны бытія, — и всѣ первоначальныя миѣы младенцествующихъ народовъ суть не выдумки, не изобрѣтенія, не вымыслы, а непосредственное откровеніе истины о Богѣ и мірѣ и ихъ отношеніяхъ, — откровенія, которыя своей образностью дѣйствовали на младенческій

умъ не прямо, а чрезъ фантазію передавались сперва чувству. Вотъ религія въ ея философскомъ опредѣленіи: непосредственное представленіе истины.

Во всякомъ младенчествуемъ народѣ замѣчается сильная склонность выражать кругъ своихъ понятій видимымъ чувственнымъ образомъ и, начиная съ символа, доходить до поэтическихъ образовъ. Это второй путь, вторая форма мышленія — искусство, котораго философское опредѣленіе есть непосредственное созерцаніе истины. Мы къ нему скоро возвратимся, такъ какъ оно составляетъ главный предметъ нашей книги.

Наконецъ вполне развитый и созрѣвшій человѣкъ переходитъ въ высшую и послѣднюю сферу мышленія — въ мышленіе чистое, отрѣшенное отъ всего непосредственнаго, все возвышающее до чистаго понятія и опирающееся на само себя.

Очевидно, что все это только три различные пути, три различныя формы одного и того же содержанія, которое есть бытіе. Какъ бы то ни было, только эти три рода мышленія, если можно такъ выразиться, совсѣмъ не то, что мы называли мышленіемъ до человѣка, міромъ природы и исторіи. Дѣйствительно, это не одно и то же, хотя и одно и то же, точно такъ же, какъ человѣкъ-младенецъ и человѣкъ мужъ есть не одно и то же существо, хотя послѣдній все-таки есть не что иное, какъ новая и высшая форма перваго.

Читатели не забыли, что въ нашемъ опредѣленіи искусства мы употребили слово „непосредственный“; вѣроятно также они замѣтили, что и потомъ мы часто его употребляли. Значеніе этого слова такъ важно, оно замѣняетъ собой такъ много словъ, и поэтому частое употребленіе его такъ необходимо, что мы почитаемъ долгомъ сдѣлать отступленіе отъ предмета для его объясненія.

Слово „непосредственный“ и происходящее отъ него „непосредственность“ взято съ нѣмецкаго языка и принадлежитъ новѣйшей философіи. Оно означаетъ и бытіе, и дѣйствіе прямо изъ самого себя выходящее, безъ всякаго посредства. Объяснимъ это примѣромъ. Ежели вы знаете человѣка по его образу мыслей и его образу жизни и характеру дѣйствій,

любите и уважаете его за нихъ, — вы знаете его не непосредственно, потому что онъ открылся нашему разумѣнію не непосредственно, а посредствомъ своего образа мыслей, жизни и дѣйствій. И такимъ вы можете передать его и разумѣнію другого человѣка, никогда его не выдававшего, — и изъ вашихъ словъ этотъ другой можетъ почувствовать къ нему такое же уваженіе и такую же любовь. Но тутъ еще не весь человѣкъ, а только тѣнь, которую онъ отъ себя отбрасываетъ, не самъ человѣкъ, а только его описаніе. Когда вы слышите отъ другого разсказъ о такомъ человѣкѣ, — умъ вашъ занять болѣе или менѣе яснымъ представленіемъ разныхъ хорошихъ и дурныхъ качествъ, но воображеніе ваше пусто, — въ немъ не отражается, какъ въ зеркалѣ, никакого живого образа, который бы говорилъ самъ за себя или подтверждалъ бы то, что вамъ говорятъ о немъ. Что жъ это значитъ? — то, что какъ описаніе примѣтъ человѣка не даетъ яснаго представленія его наружности такъ и изображеніе (отвлеченіе) его хорошихъ или дурныхъ качествъ, какъ бы ни были они замѣчательны, не дастъ живого созерцанія личности человѣка; надо, чтобы онъ самъ за себя говорилъ, внѣ своихъ хорошихъ и дурныхъ качествъ. Есть лица, которыя, будучи и хороши, и дурны, не оставляютъ въ нашей памяти рѣзкаго слѣда и скоро исчезаютъ изъ нея. Есть, напротивъ, другія, которыя повидимому, ничего не имѣя особеннаго, рѣзко хорошаго или рѣзко дурного, съ перваго взгляда всегда остаются въ нашемъ воображеніи. Это особенно поразительно въ отношеніи къ женскимъ лицамъ: часто ослѣпительная красота уступаетъ въ нашемъ созерцаніи мѣсто самому скромному, самому, кажется, обыкновенному лицу. Причина такой разности въ впечатлѣніяхъ, производимыхъ той или другой личностью, безъ сомнѣнія, заключается въ самой этой личности, но тѣмъ не менѣе эта причина не выговариваема словомъ, какъ всякая тайна. Вотъ человѣкъ: смѣло и бойко говоритъ онъ обо всемъ, ловко и искусно даетъ вамъ знать о своихъ высокихъ качествахъ; по его словамъ, онъ живетъ въ одномъ высочайшемъ и прекрасномъ, готовъ отдать за истину свою жизнь; вы слушаете его, видите въ немъ много ума, не отрицаете даже и чувства, его мнѣніе о самомъ себѣ кажется вамъ правдо-

подобнымъ, — и между тѣмъ вы остаетесь къ нему холодны, онъ не возбуждаетъ въ васъ никакого живого интереса. Что это значитъ? Конечно то, что вы бессознательно чувствуете какое-то противорѣчіе между его словами и имъ самимъ. Разсудокъ вашъ одобряетъ его слова, беретъ ихъ какъ данныя для сужденія о немъ, и непосредственное впечатлѣніе, которое онъ производитъ на васъ, возбуждаетъ недовѣрчивость къ его словамъ и отталкиваетъ васъ отъ него. Но вотъ другой человѣкъ: онъ такъ чуждъ всякихъ претензій, такъ простъ, такъ обыкновененъ; онъ говоритъ о томъ же, о чемъ и всѣ говорятъ---о погодѣ, о лошадяхъ, о шампанскомъ, объ устрицахъ, а между тѣмъ вы, видя его въ первый разъ, какъ будто по какому-то капризу своего чувства, на зло вашему разсудку, увѣряетесь, что этотъ человѣкъ не то, чѣмъ кажется, что ему открыты высшія идеальныя области и глубочайшія тайны бытія,—и онъ смѣло и прямо, какъ свою собственность, беретъ вашу любовь и уваженіе, прежде нежели вы успѣете замѣтить это. Здѣсь опять та же причина—сила и власть непосредственнаго впечатлѣнія, которое производитъ на васъ этотъ человѣкъ. Все, что скрывается въ его натурѣ,—все это выражается въ самыхъ его движеніяхъ, жестахъ, голосѣ, лицѣ, игрѣ фیزیоміи, словомъ — въ его непосредственности. Такъ точно иногда вся роскошь образованія, умственнаго, эстетическаго и свѣтскаго, даже при выгодной наружности, не возбуждаетъ въ насъ къ женщинѣ того трепетнаго, музыкальнаго чувства, которое внушаетъ присутствіе женщины, того благоговѣнія, какимъ оно насъ оковываетъ; а простая дѣвушка, лишенная всякаго образованія, но которой натура глубока и богата, однимъ спокойнымъ взглядомъ заставляетъ опускаться дерзко устремленные на нее взоры, какъ будто бы ихъ поразили лучи солнечные. По той же самой причинѣ вы иногда тяготитесь и скучаете самыми острыми словами, самыми умными шутками, не находя въ нихъ ничего забавнаго, кромѣ претензіи быть забавными; и вы же не можете безъ смѣха ни слышать ни одного слова, ни видѣть ни одного движенія иного человѣка, хотя ни въ его словахъ, ни въ его движеніяхъ повидимому нѣтъ ничего смѣшнаго, такъ что, пересказывая о нихъ кому-

нибудь и думая произвести несомнѣнный эффектъ, вы сами находите, къ своему удивленію, что въ нихъ ровно ничего нѣтъ, и что вся ихъ обаятельная сила заключалась въ непосредственности того человѣка.

Эта же самая непосредственность, составляющая такое важное условіе личности всякаго человѣка, является и въ дѣйствіи человѣка. Бываютъ случаи, въ которыхъ наша натура какъ бы дѣйствуетъ за насъ, не ожидая посредничества нашей мысли или нашего сознанія,—и мы какъ бы инстинктивно поступаемъ тамъ, гдѣ повидимому невозможно дѣйствовать безъ сознательнаго соображенія. Такъ напримѣръ, случается, что человѣкъ сильно ушибившись или подвергавшись опасности сильно ушибиться объ какой-нибудь, незамѣченный имъ по разсѣянности, или по сосредоточенности въ себѣ, предметъ,—всякій разъ, какъ проходитъ мимо того мѣста, хотя бы ночью, наклоняется безсознательно. Такое дѣйствіе есть вполнѣ непосредственное. Но гораздо выше и поразительнѣе тѣ непосредственныя дѣйствія человѣческаго духа, въ которыхъ проявляется его высшая жизнь. Какъ бы ни было свято и истинно убѣжденіе человѣка, какъ бы ни были благородны и чисты его намѣренія, но чтобы высказать или привести ихъ въ исполненіе, для этого еще недостаточно ни силы убѣжденія, ни благонамѣренности стремленія: для этого необходимъ тотъ вдохновенный порывъ, въ которомъ сливаются во-едино всѣ силы человѣка, физическая природа его проникаетъ собой духовную его сущность, которая въ свою очередь просвѣтляетъ собой физическую его природу, разумное дѣйствіе становится инстинктивнымъ движеніемъ, и наоборотъ, мысль дѣлается фактомъ, дѣйствіе разумной и свободной человѣческой воли—непосредственнымъ явленіемъ. Исторія представляетъ намъ поразительный примѣръ подобнаго непосредственнаго проявленія силы человѣческаго духа, торжествующаго даже надъ законами природы: сынъ Креза былъ отъ рожденія нѣмъ, но, увидѣвъ, что непріятельскій солдатъ хочетъ по незнанію убить его отца, вдругъ получилъ употребленіе языка и воскликнулъ: „Воинъ, не убивай царя!“ Но и этотъ примѣръ, какъ ни поразителенъ онъ, еще не представляетъ самаго высшаго проявленія

непосредственной разумности: ее можно видѣть во всей безконечности ея великаго значенія только въ тѣхъ свободныхъ и разумныхъ дѣйствіяхъ человѣка, въ которыхъ обнаруживается его высшая духовная природа и стремленіе къ безконечному. Вся исторія человѣчества съ одной стороны есть не что иное, какъ безконечный рядъ картинъ такого рода непосредственно-разумныхъ и разумно-непосредственныхъ дѣйствій, въ которыхъ личное желаніе сливается съ внѣшней для личности необходимостью, воля дѣлается инстинктомъ, порывъ къ дѣйствию — самимъ дѣйствіемъ. Непосредственность дѣйствія не исключаетъ изъ себя ни воли, ни сознанія, — напротивъ, чѣмъ болѣе того и другого участвуетъ въ немъ, тѣмъ оно выше, плодотворнѣе и дѣйствительнѣе; но воля и сознаніе сами по себѣ, какъ отдѣльно взятые элементы духа, никогда не переходятъ въ дѣйствіе и не приносятъ плодовъ въ высшихъ сферахъ дѣйствительности, ибо тутъ они являются силами враждебными непосредственности, въ которой заключается живая производительная сила. Начало и развитіе природы, всѣ явленія исторіи и искусства совершались непосредственно.

Можетъ-быть многимъ изъ нашихъ читателей слово „непосредственный“ покажется совершенно равнозначительнымъ слову „безсознательный“, а „непосредственность“ — „безсознательности“, — и они можетъ-быть упрекнутъ насъ въ суетномъ желаніи изобрѣтать и вводить въ моду новыя и никому неизвѣстныя слова для старыхъ и всѣмъ извѣстныхъ понятій, давно уже выраженныхъ тоже всѣмъ извѣстными словами, и обвинять въ педантской охотѣ вдаваться въ излишнія объясненія и ненужныя отступленія, которыя не поясняютъ, а только затемняютъ дѣло. Если это случится, и если причиной этого не будетъ опрометчивая невнимательность поверхностнаго читателя, — то уже конечно и не справедливость его обвиненія, а развѣ то; что мы неудовлетворительно объяснили этотъ предметъ. Въ непосредственности можетъ быть безсознательность, но не всегда бываетъ, — и оба эти слова отнюдь не одно и то же, и даже не синонимы. Природа напримѣръ произошла непосредственно и вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательно; историческія же явленія, каковы начало языковъ и политическихъ обществъ, произошли непосредственно, но отнюдь не

безсознательно; также точно непосредственность явленія есть основной законъ, непреложное условіе въ искусствѣ, дающее ему высокое значеніе; но безсознательность не только не составляетъ необходимой принадлежности искусства, но враждебна ему и унизительна для него. Слово „непосредственный“ объемлетъ собой и заключаетъ въ себѣ гораздо обширнѣйшее, глубочайшее и высшее понятіе, нежели слово „безсознательный“: это мы ясно докажемъ въ дальнѣйшемъ развитіи идеи искусства.

Условіе непосредственности всякаго явленія есть вдохновенный порывъ; результатъ непосредственности всякаго явленія есть организація. Только вдохновенное можетъ явиться непосредственно, только непосредственно-явившееся можетъ быть органическимъ, только органическое можетъ быть живымъ. Организмъ и механизмъ, или природа и ремесло, — вотъ два міра, враждебно-противоположные другъ другу. Одинъ — свободный, безпрестанно движущійся, измѣняющійся, неуловимый въ переливахъ цвѣтовъ и красокъ, шумный и звучный; другой — оцѣпенѣлый въ мертвенной неподвижности, рабски правильный и безжизненно опредѣленный, съ ложнымъ блескомъ, поддѣльной жизнью, нѣмой и безгласный. Явленія перваго міра, живыя и непосредственно-произрождающіяся, называются еще и вдохновенными или творческими, а явленія втораго міра — предметами механическими или произведеніями рукъ человѣческихъ. Разумѣется, что этого не должно понимать буквально, и первоначальную живоносную причину смѣшивать съ посредствующею: всѣ статуи и всѣ картины дѣлаются руками человѣческими, не смотря на то, есть статуи и картины механическія, не созданныя, а сдѣланныя.

Очевидно, что созданнымъ или творческимъ называется все, что не можетъ быть произведено соображеніемъ, расчетомъ, разсудкомъ и волей человѣка, даже все, что не можетъ назваться и изобрѣтеніемъ; но что непосредственно является изъ небытія въ бытіе или творящей силой природы, или творческой силой духа человѣческаго и что, въ противоположность изобрѣтенію, должно называться откровеніемъ. Организація, составляющая существенное различіе между произведеніями творческими и произведеніями механическими, очевидно

есть результатъ того процесса, посредствомъ котораго она возникаетъ. Противопоставимъ природу ремеслу, чтобы объяснить это примѣромъ. Когда у человѣка, изобрѣтшаго часы, мелькнула въ головѣ первая мысль объ этой машинѣ,—дѣло не было кончено этимъ мгновениемъ: не говоря уже о томъ, что много долженъ былъ думать и соображать прежде, нежели приступилъ къ выполнению своей мысли,—онъ долженъ былъ еще и безпрестанно повѣрять ее опытомъ и въ опытѣ искать дополненія своей мысли. Созидая, онъ снова разрушалъ, слагая — разбиралъ, ибо всегда находилъ, что чего-нибудь да недоставало. Главный духовный дѣятель въ актѣ его изобрѣтенія было соображеніе, расчетъ, вычисленіе вѣроятностей. Осторожно, будто въ потьмахъ, дѣлалъ онъ шагъ за шагомъ, работая головой и считая на пальцахъ. И потому его изобрѣтеніе не могло быть тотчасъ же совершеннымъ, но нужны были вѣковые успѣхи точныхъ наукъ, чтобы оно могло дойти до совершенства. Хочетъ ли ремесло подражать природѣ,—тутъ еще поразительнѣе видно могущество одной и безсиліе другого. Человѣкъ хочетъ сдѣлать цвѣтокъ—розу. Для этого онъ беретъ натуральную, долго и внимательно изучаетъ ее во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ—каждый лепестокъ, складку, переливъ и оттѣнокъ цвѣта, общую форму, и уже послѣ многихъ соображеній и расчетовъ выкраиваетъ и сшиваетъ свой цвѣтокъ изъ тканей, окрашенныхъ подъ цвѣта природы. И въ самомъ дѣлѣ, какъ велико его искусство: за десять шаговъ вы не отличите его искусственной розы отъ натуральной; но подойдите ближе—и вы увидите холодный неподвижный трупъ подлѣ прекраснаго, полного жизни созданія природы,—и ваше чувство оскорбится мертвой поддѣлкой. Съ радостнымъ чувствомъ схватываете вы очаровательный цвѣтокъ—разматриваете и обоняете его. Его листики и лепестки расположены такъ симметрически, такъ пропорціонально, что ихъ правильность можетъ постигаться только нашимъ умомъ, а не повѣряться нашими инструментами, слишкомъ недостаточно для этого правильными, и потомъ каждый изъ нихъ такъ тщательно, съ такой заботливостью, съ такимъ безконечнымъ совершенствомъ отдѣланъ и изукрашенъ до малѣйшихъ подробнос-

тей... Какъ роскошно прекрасенъ его цвѣтокъ, сколько на немъ жилочекъ и оттѣнковъ, какая нѣжная и яркая пиль... о, самъ царь Соломомъ во славѣ своей не одѣвался такъ великолѣпно?... И какое наконецъ упоительное благоуханіе!.. Но до сихъ поръ, пока мы на эту розу смотримъ со-внѣ, любуясь и дивясь ея видомъ, цвѣтомъ и запахомъ, искусственный цвѣтокъ еще можетъ быть сравниваемъ съ нею, по крайней мѣрѣ хоть какъ пародія на нее, доказывающая своего рода силу и могущество человѣческаго ума; но развѣ въ розѣ однимъ этимъ все оканчивается? О, нѣтъ! это только внѣшняя форма, выраженіе внутренняго: эти чудныя краски вышли изнутри растенія, этотъ обаятельный ароматъ есть его бальзамическое дыханіе... Загляните туда, внутрь этого цвѣтка,—и всякое сравненіе съ нимъ искусственной розы уничтожается сама собой, какая нелѣпость, оскорбляющая здравый смыслъ. Тамъ, внутри зеленого стебелька, на которомъ такъ граціозно держится этотъ роскошный цвѣтокъ, тамъ цѣлый новый міръ: тамъ самостоятельная лабораторія жизненности, тамъ по тончайшимъ сосудцамъ дивно-правильной отдѣлки течетъ влага жизни, струится невидимый эфиръ духа... И между тѣмъ природа употребила на этотъ дивный цвѣтокъ и меньше времени, и болѣе простые и дешевые матеріалы, и нисколько труда, соображенія или расчета: пало въ землю небольшое зерно,—и изъ земли вышло растеніе, одѣлось въ листья и украсилось цвѣтами на брачный пиръ весны... Уже въ его зернѣ заключался и корень, и стволъ, и красивые листочки, и пышный ароматическій цвѣтъ, и вся архитектура растенія, со всѣми его формами и пропорціями! Но что же тутъ сдѣлала природа? Чѣмъ же ознаменовала она свое участіе въ созданіи этого цвѣтка? Повторяемъ: ей это ничего не стоило. Спокойно, безъ всякихъ усилій, повторяетъ она теперь однажды навсегда созданныя ею явленія. Но было мгновеніе, когда она страшно работала, въ напряженіи и борьбѣ всѣхъ силъ своихъ... Когда всемогущее: „Да будетъ“ пробудило довременный хаосъ, небытіе воззвало къ бытію, возможность — къ дѣйствительности, идею — къ явленію,—тогда бесплодная божественная мысль, довременно существовавшая, изъ ничего явилась нашей планетой,—и долго вращалась эта плане-

та то въ океанѣ воды, то въ океанѣ огня,—и высокія хребты горъ на мѣстѣ бывшаго дна морскаго, подземные потоки водъ и огней, бездонныя моря, острова и озера, огнедышащіе вулканы свидѣтельствуютъ о ея страшныхъ переворотахъ, прежде чѣмъ она стала тѣмъ, что теперь есть, о ея великой работѣ, которая и теперь еще не окончилась, судя по цѣлому огромному матеріку, еще и доселѣ не совершенно сформировавшемуся (Новая Голландія). Да, это была великая работа; какъ будто съ болями и страданіями порождала природа безконечныя ряды явленія,—и каждое изъ нихъ было могучимъ, мгновеннымъ и нечаяннымъ порывомъ изъ тьмы небытія на свѣтъ жизни. Величественно и прекрасно зданіе вселенной! Какъ правиленъ этотъ голубой куполъ неба, по которому въ такомъ строгомъ порядкѣ, въ такой неизмѣнной правильности и гармоніи восходить и заходить солнце, появляется и скрывается луна съ мириадами звѣздъ! И между тѣмъ не циркулюю обязаны своимъ существованіемъ эти круги и сфѣры, не было начертано на бумагѣ предварительнаго плана, и соображеніе математика не опредѣлило заранѣе этихъ безконечныхъ отношеній между безконечными величинами, тяжестями и пространствами. Нѣтъ конца вселенной, нѣтъ числа небеснымъ тѣламъ, и всѣ они дѣлятся на міры, подчиненныя одинъ другому, и каждое изъ нихъ есть часть цѣлаго, составляющаго какъ бы живое органическое тѣло, и находится во взаимномъ отношеніи и взаимной зависимости отъ всякаго другого,—и все это пространство безъ границъ, вся эта величина безъ измѣренія, все это множество безъ исчисленія, составляющее собою единое и цѣлое, родилось само изъ себя, заключая въ себѣ и свои законы, и свои вѣчныя неизмѣнныя числа и линіи, и весь чертежъ своего тоталитета. Вселенная есть божественная мысль, отъ вѣчности до-временно существовавшая, какъ разумная возможность, и вдругъ ставшая очевидной дѣйствительностью, чрезъ воплощеніе въ форму. Въ полнотѣ ея существованія мы видимъ двѣ повидимому противоположныя, но въ сущности родственныя стороны: духъ и матерію. Духъ есть божественная мысль, источникъ жизни; матерія есть та форма, безъ которой мысль не могла бы проявиться. Очевидно, что оба эти элемента

нуждаются другъ въ другѣ: безъ мысли всякая форма мертва, безъ формы мысль есть только могущее быть, но не сущее. Въ явленіи они составляютъ единое и нераздѣльное, проникая другъ друга и исчезая другъ въ другѣ. Процессъ ихъ слитія во-едино (конкреціи) есть таинство, въ которомъ жизнь какъ бы сокрылась отъ самой себя, не желая и самое себя сдѣлать свидѣтельницей своего величайшаго акта, своего торжественнаго священнодѣйствія. Мы знаемъ необходимость, но только ощущаемъ или созерцаемъ таинство этого процесса. Онъ есть необходимое условіе жизненности явленій, и его результатъ есть организація, результатъ которой есть особность, индивидуальность и личность.

Всѣ явленія природы суть не что иное, какъ частныя и особыя проявленія общаго. Общее есть идея. Что такое идея? По философскому опредѣленію, идея есть конкретное понятіе, котораго форма не есть что-нибудь внѣшнее ему, но форма его развитія, его же собственнаго содержанія. Но какъ мы чужды философскаго изложенія нашего предмета, то и постараемся намекнуть о немъ нашимъ читателямъ, какъ можно менѣе отвлеченно, какъ можно образнѣе. Во второй части „Фауста“ Гёте есть мѣсто, которое можетъ навести насъ на предощущеніе значенія „идеи“ близкое къ истинѣ. Фаустъ, давъ обѣщаніе императору вызвать предъ него Париса и Елену, требуетъ помощи у Мефистофеля, который неохотно указываетъ ему единственное средство для выполненія этого обѣщанія. „Въ неприступной пустотѣ—говоритъ онъ—царствуютъ богини; тамъ нѣтъ пространства, еще менѣе времени: то матери“.—„Матери?—воскликаетъ изумленный Фаустъ,—матери, матери, повторяетъ онъ,—это такъ странно звучитъ...“—„Богини“,—продолжаетъ Мефистофель,—невѣдомая вамъ смертнымъ, и неохотно именуемая нами. Готовъ ли ты? Тебя не остановятъ ни замки, ни запоры; тебя обойметъ пустота. Имѣешь ли ты понятіе о совершенной пустотѣ“? Фаустъ увѣряетъ его въ своей готовности. — „Еслибъ тебѣ надобно было плыть, — продолжаетъ снова Мефистофель,—по безграничному океану, если бы тебѣ надобно было созерцать эту безграничность,—ты бы увидѣлъ тамъ по крайней мѣрѣ стремленіе волны за волной, ты бы увидѣлъ

тамъ нѣчто, ты бы увидѣлъ на зелени усмирившагося моря плескающихся дельфиновъ; передъ тобой ходили бы облака, солнце, мѣсяцъ, звѣзды; но въ пустой, вѣчно пустой дали ты не увидишь ничего, не услышишь ствоего собственнаго шага, ногъ твоей не на что будетъ опереться“. Фаустъ непоколебимъ — „Въ моемъ ничто, — говоритъ онъ, — я надѣюсь найти все (In deinem Nichts hoff ich das All zu finden)“. Мефистофель послѣ этого даетъ Фаусту ключъ. „Ступай за этимъ ключемъ, — говорилъ онъ ему, — онъ доведетъ тебя до матерей“. Слово „матери“ снова заставляетъ Фауста содрогнуться. — „Матерей! — восклицаетъ онъ, — какъ ударъ поражаетъ меня это слово! Что это за слово такое, что я не могу его слышать?“ — „Неужели ты такъ ограниченъ, — отвѣчаетъ ему Мефистофель, — что новое слово смущаетъ тебя?...“ Мефистофель потомъ даетъ ему наставленія, какъ онъ долженъ поступать въ своемъ дивномъ путешествіи, и Фаустъ, ощутивъ въ груди своей новыя силы отъ прикосновенія къ волшебному ключу, топнувъ ногой, погружается въ бездонную глубь. „Любопытно, — говоритъ Мефистофель, оставшись одинъ, — возвратится ли онъ назадъ?“ Но Фаустъ возвратился, и возвратился съ успѣхомъ: онъ вынесъ съ собой, изъ бездонной пустоты, треножникъ, — тотъ треножникъ, который былъ необходимъ для того, чтобы вызвать въ міръ дѣйствительный красота въ лицѣ Париса и Елены *)

Да, странное это слово „матери“: безъ тайнаго содроганія нельзя его выговаривать, какъ будто бы это было одно изъ тѣхъ мистическихъ словъ, отъ которыхъ блѣднѣетъ луна и мертвые шевелятся въ гробахъ своихъ!... Но еще болѣе нужно отваги, чтобы пуститься въ безпредѣльную пустоту и дойти до „матерей“!... Но кто не содрогнется и не отступитъ назадъ и не изнеможетъ въ своемъ страшномъ подвигѣ, тотъ воротится съ волшебнымъ треножникомъ, съ которымъ можно вызывать тѣни давно умершихъ и безплотныя мысли одѣвать въ благо-

*) Все это мѣсто, содержащее въ себѣ указаніе на „Фауста“, есть выписка къ статьѣ Ретшера „О философской критикѣ художественнаго произведенія“, сдѣланная переводчикомъ этой статьи, Катковымъ, и цѣликомъ взятая нами. См. „Московский Наблюдатель“ 1832. Часть XVIII, стр. 187 и 188.

лѣпныя тѣла.... Эти „матери“—тѣ первосушныя, довременныя идеи, которыя воплотившись въ формы, стали мірами и явленіями жизни. Жизнь никого не страшить, но какъ красавица съ огненнымъ взоромъ, розовыми ланитами и манящими поцѣлуй устами, она влечетъ къ себѣ насъ неодолимой обаятельной силой: закрывъ глаза, потерявъ сознание, мы бросаемся въ ея объятія, и мы смотримъ на нее — не насмотримся, любимъ ея—не налюбимся... Но въ насъ сидитъ червякъ, отравляющій полноту наслажденія; этотъ червякъ—жажда знанія. Лишь только онъ зашевелится,—очаровательный образъ красавицы начинаетъ отъ насъ скрываться; червякъ растетъ, превращается въ змѣю, сосущую кровь изъ нашего сердца,—красавица исчезаетъ совсѣмъ, и чтобы возвратить ее, мы должны отвратить нашъ взоръ отъ формъ и красокъ и устремить его на скелеты безъ жизни и красоты. Но скоро мы должны отказаться и отъ этого, и ринуться въ безграничную пустоту, гдѣ нѣтъ жизни, нѣтъ образовъ, нѣтъ звуковъ и красокъ, нѣтъ пространства и времени, гдѣ не на чемъ остановиться взору, не на что опереться ногѣ, гдѣ царствуютъ матери всего сущаго—бестѣлесныя идеи, которыя суть то ничто, изъ которыхъ произошло все, которыя были отъ вѣчности, прежде міра и отъ которыхъ двинулось время и потекли міры своимъ вѣковѣчнымъ путемъ...

Итакъ, идеи суть матери жизни, ея субстанціональная сила и содержаніе, тотъ неизсякаемый резервуаръ, изъ котораго немолчно текутъ волны жизни. Идея по существу своему есть общее, ибо она не принадлежитъ ни извѣстному времени, ни извѣстному пространству; переходя въ явленіе, она дѣлается особнымъ, индивидуальнымъ, личнымъ. Вся лѣстница творенія есть не что иное, какъ обособленіе общаго въ частное, явленіе общаго частнымъ. Изъ общей міровой матеріи вышла наша планета и, получивъ свою единственную и особную форму, въ свою очередь стала общей субстанціей, матеріей которая безпрестанно стремится къ обособленію въ міриадахъ существъ. Безобразныя массы металловъ и камней, не представляя собой никакой опредѣленной формы, тѣмъ не менѣе представляютъ собой особныя явленія, имѣющія свою, хотя и низшую и внѣшнюю, организацію. Нѣкоторыя изъ нихъ даже

организуются въ опредѣленные и правильныя формы призмъ, какъ вырастающихъ изъ какой-то почвы, которая состоитъ изъ одинаковаго съ ними вещества и служить имъ безобразнымъ базисомъ. Организациа растений выше, и вообще они представляютъ собой что-то уже высшее особыности, хотя еще и недостигшее индивидуальности. Въ каждомъ изъ нихъ равно необходимы и корень, и стволъ, и вѣтвь, и листь, но число листовъ ихъ неопредѣленно, и отшибенные не измѣняютъ особыности дерева; что же до вѣтвей, то хотя онѣ...

Общее значеніе слова литература *).

Прежде, нежели приступимъ къ изложенію исторіи русской литературы, опредѣлимъ общее значеніе слова литература, чтобы потомъ можно было яснѣе показать, какимъ образомъ и до какой степени русская литература соотвѣтствуетъ значенію литературы вообще.

Многіе придаютъ совершенно одинаковое значеніе словамъ: „словесность“, „письменность“, „литература“ и потребляютъ ихъ безъ разбору. Другіе, по принципу пуризма, вовсе не хотятъ употреблять иностраннаго слова литература, думая, что его значеніе вполнѣ выражается русскими словами: словесность и письменность. Пуристы хотѣли бы совершенно изгнать изъ употребленія слово „литература“, какъ иностранное и притомъ лишнее въ русскомъ языкѣ. Но ихъ усилія остаются безплодными. Слово существуетъ; стало-быть, оно необходимо, и его не можетъ замѣнить собой никакое другое слово, потому-что въ языкѣ не можетъ существовать двухъ словъ, совершенно равносильныхъ и тождественныхъ въ выраженіи одного и того же понятія. Если „словесностью“ можно замѣнить „литературу“, то книжное и нѣсколько тяжелое слово словесникъ не можетъ замѣнить собой слова литераторъ. Всѣ говорить и пишутъ: „литературный жур-

*) Эта статья, какъ введеніе, должна была составлять первую главу отдѣла „Критической исторіи Русской литературы“.

наль“, „литературная газета“, но никто, подъ опасеніемъ быть или непонятнымъ, или смѣшнымъ, не скажетъ: „словесный журналъ“, „словесная газета“. Равнымъ образомъ можно сказать: „человѣкъ есть словесное (въ смыслѣ одареннаго словомъ) животное“, но нельзя сказать: „человѣкъ есть литературное животное“. Изъ этого видно, что ни „словесность“ не можетъ совершенно замѣнить собой „литературы“, ни „литература“ — „словесности“: оба эти слова равно необходимы, потому-что, не смотря на ихъ родственность, есть рѣзкій отѣнокъ въ сущности выражаемыхъ ими понятій.

Впрочемъ требовать, чтобы три эти слова: „словесность“, „письменность“ и „литература“ никогда не употреблялись одно вмѣсто другого, — значило бы впасть въ педантизмъ, тѣмъ болѣе, что эти слова иногда дѣйствительно сходятся между собой въ значеніи. Но какъ съ другой стороны они часто расходятся въ оттѣнкахъ общаго имъ всѣмъ значенія, то и странно было бы не опредѣлить этой разницы и не воспользоваться ею, какъ средствомъ къ большей опредѣленности и ясности въ понятіяхъ. Во всѣхъ европейскихъ языкахъ употребляется только одно слово — „литература“ для выраженія понятія, выражаемаго по-русски тремя словами — „словесность“, „письменность“ и „литература“; тѣмъ лучше для насъ! Значитъ, въ этомъ отношеніи, нашъ языкъ богаче другихъ. Надобно же пользоваться этимъ богатствомъ.

Письменность и литература прежде всего относится къ словесности, какъ видъ къ роду. Понятіе, выражаемое словесностью, гораздо общѣе, нежели понятія, выражаемыя письменностью и литературой: въ обширномъ смыслѣ словесность заключаетъ въ себѣ и письменность, и литературу, какъ ея же собственныя проявленія. Все, что находитъ свое выраженіе въ словѣ, все это принадлежитъ къ области словесности: и народная поговорка или пословица, и курсъ философіи; и народная сказка или пѣсня, и эпическая поэма или драматическое произведеніе, какъ великаго поэта, такъ и бездарнаго сочинителя; и лѣтопись, и исторія, и ученое сочиненіе, и учебникъ, и лексиконъ, и каталогъ книгъ, и книжка о легчайшемъ способѣ отращивать волосы и истреблять мухъ. Къ области письменности принадлежатъ тѣ словесныя произ-

веденія, которыя народъ, не знавшій еще книгопечатанія, почелъ достойными сохранить отъ забвенія, посредствомъ письменнаго искусства. Подъ литературой разумѣтся или словесность народа, исторически развившаяся и отражающая въ себѣ народное сознаніе, или какая-нибудь отрасль словесности, обнимающая собой извѣстную сторону искусства и науки. Такъ, въ послѣднемъ случаѣ говорится: литература эстетики, литература исторіи, литература математики, медицины, технологии и т. д., разумѣя подъ этимъ собраніе всѣхъ сочиненій, относящихся до того или другого изъ исчисленныхъ предметовъ. Понятіе о литературѣ тѣсно связано съ понятіемъ о книгопечатаніи.

Изъ этого видно, что письменность и литература относятся еще къ словесности и какъ постепенные моменты ея развитія. Другими словами: словесность, письменность и литература суть три главные періода въ исторіи народнаго сознанія, выражающагося въ словѣ. Сознаніе всѣхъ младенцествующихъ народовъ прежде всего выражается въ поэзіи, и потому каждый народъ и каждое племя непремѣнно имѣетъ свою поэзію, на какой-бы низкой ступени цивилизаціи и образованія ни стояли они. Отсюда не исключается ни номады средней Азіи, ни дикари океанскіе. Народъ или племя можетъ не знать искусства писанія, но не можетъ не имѣть поэзіи. Поэзія младенцествующихъ народовъ состоитъ не столько въ поэтическомъ содержаніи и поэтической формѣ, сколько въ поэтическомъ выраженіи. Форма и выраженіе—не всегда одно и то же; первая относится къ расположенію, къ композиціи поэтическаго произведенія; подъ вторымъ должно разумѣть только складъ рѣчи, слогъ, короче—форму слова. И потому у младенцествующихъ народовъ выраженіе всегда поэтическое, хотя содержаніе часто бываетъ нелѣпое, а форма чудовищная. Они поэтически выражаютъ и свою опытную мудрость (поговорки, пословицы, параболы, басни), и прошедшее ихъ жизни (преданіе), и свои космогоническія и религіозныя понятія (мифы, гимны и т. п.). О такомъ народѣ или племени можно сказать, что они имѣютъ словесность,—и въ этомъ смыслѣ нѣтъ на землѣ народа, ни племени, даже дикаго, у которыхъ не было бы словесности. Когда народъ знакомится съ искусствомъ

письменъ, его словесность получаетъ новый характеръ, зависящій отъ духа народа и отъ степени его цивилизаціи и образованности. Такимъ образомъ самые древніе памятники космогонической и миѳической поэзіи грековъ дошли до насъ, сохраненные посредствомъ письма; по преимуществу народъ эстетическаго чувства, греки, познакомившись съ искусствомъ писать, тотчасъ же поспѣшили передать храненію буквы прежде всего поэтическія произведенія ихъ національнаго духа. Другое зрѣлище представляютъ словенскія племена въ отношеніи къ письменности: этимъ искусствомъ они обязаны ревности христіанскихъ проповѣдниковъ, которые видѣли въ немъ вѣрнѣйшее средство распространить между ними евангельское ученіе. А такъ какъ христіанство естественно произвело въ словенскихъ племенахъ духъ безусловнаго отрицанія прежней языческой ихъ національности, и такъ какъ понятіе о писменности въ умѣ этихъ племенъ тѣсно слилось съ понятіемъ о христіанской религіи, то письменность и приняла у нихъ характеръ по преимуществу церковный: славяне считали достойнымъ предавать письменамъ только книги религіознаго и теологическаго содержанія. Къ этому присовокупился еще родъ словесности, бывшій долгое время исключительнымъ достояніемъ монашествующаго духовенства—лѣтописи. Благодѣтельные иноки, въ назидательное поученіе потомству, описывали дѣла мірскія съ тѣмъ взглядомъ на вещи, который невольно сообщало имъ чувство ихъ разъединенія съ міромъ, въ нѣдрахъ тихаго успокоенія кельи. Естественно, что памятники языческой поэзіи были забыты и не ввѣрялись буквѣ. Оттого до насъ не дошло не только никакихъ пѣсенъ языческаго періода Руси, но мы даже не имѣемъ почти никакого понятія о словесной миѳологіи. Немногія имена боговъ и названія праздниковъ и обрядовъ сохранились для насъ только въ обличительныхъ противу остатковъ язычества словахъ ревностныхъ поборниковъ церкви. Если до насъ дошло нѣсколько сказокъ или поэмъ въ сказочномъ родѣ, въ которыхъ имя „Владимира Краснаго Солнышка, ласковаго князя кіевскаго стольнаго“, играетъ значительную роль—это сдѣлалось какъ бы случайно. Сказки эти долго хранились въ народной памяти и до того измѣнялись съ каж-

дымъ вѣкомъ, подновляясь и въ языкѣ, и въ понятіяхъ, что въ то время, когда грамотнымъ людямъ пришла охота положить ихъ на бумагу, онѣ уже совершенно лишились своего первобытнаго вида. А списаны онѣ со словъ народа на бумагу, вѣроятно не раньше XVII столѣтія. „Слово о полку Игоревомъ“, этотъ прекрасный памятникъ уже полуязыческой поэзіи, дошло до насъ въ единственномъ и притомъ искаженномъ спискѣ. Сколько же памятниковъ народной поэзіи погибло совсѣмъ! Этому причиной было, во-первыхъ, высокое понятіе нашихъ предковъ о достоинствѣ письменности: они думали, что письмо назначено только для сохраненія слова Божія и важныхъ дѣлъ государственныхъ, и что значило бы унижать его, записывая выдумки праздныхъ балагуровъ и потѣшниковъ, во-вторыхъ, наши предки, какъ бы чувствуя безсознательно ничтожность и незначительность ихъ народной поэзіи, по инстинкту не дорожили ея памятниками. И они были правы; гибнетъ въ потокѣ времени только то, что лишено крѣпкаго зерна жизни и что слѣдовательно не стоитъ жизни. И потому, не презирая уцѣлѣвшими остатками нашей народной поэзіи, въ то же время не будемъ слишкомъ жалѣть объ утраченныхъ. Такимъ образомъ періодъ нашей словесности до временъ письменности для насъ погибъ невосвратно, а періодъ нашей письменности, совпадая въ своемъ началѣ съ эпохой изобрѣтенія Кирилломъ и Меѳодіемъ словенской азбуки (эпохой, до сихъ поръ еще не опредѣленной съ точностью), совпадаетъ въ своемъ концѣ съ эпохой начала русской литературы, т. е. съ эпохой появленія первыхъ свѣтскихъ русскихъ писателей. Періодъ русской письменности ознаменовался нѣсколькими (весьма немногими) сочиненіями, если не совсѣмъ литературными, то и не подходящими подъ разрядъ ни теологическихъ, ни лѣтописныхъ произведеній словесности.

Литература есть послѣднее и высшее выраженіе мысли народа, проявляющейся въ словѣ. Органическая послѣдовательность въ развитіи—вотъ что составляетъ характеръ литературы, и вотъ чѣмъ отличается литература отъ словесности и письменности. Если произведеніе литературы, носить на

себѣ печать существеннаго достоинства, — оно уже не можетъ быть случайнымъ явленіемъ, которое не было бы нѣкоторымъ образомъ результатомъ предшествовавшихъ ему произведеній или по крайней мѣрѣ не объяснялось бы ими, и которое бы въ свою очередь не порождало бы другихъ литературныхъ явленій или по крайней мѣрѣ не имѣло бы на нихъ прямого или косвеннаго вліянія. Такимъ образомъ не только современная намъ французская, но и современная намъ германская литература не могутъ быть поняты и оцѣнены надлежащимъ образомъ безъ знанія французской литературы XVІІ вѣка, — равно какъ и послѣдняя можетъ быть объяснена только чрезъ изученіе французской литературы вѣка Людовика XIV-го. И мало того, что нужно особенное изученіе вообще литературы среднихъ вѣковъ, чтобы понять французскую литературу XVI и послѣдующихъ столѣтій, надобно еще имѣть понятіе о древней классической литературѣ грековъ и римлянъ, чтобъ владѣть возможностью изучать какую бы то ни было изъ европейскихъ литературъ отъ временъ возрожденія до настоящей минуты. Изъ этого видно, что всякая сфера, въ какой ни развивается духъ человѣческій, состоитъ изъ фактовъ, органически связанныхъ одинъ съ другимъ и послѣдовательно родившихся одинъ изъ другого, и что, кромѣ литературы, того или другого народа, есть еще литература всеобщая, человѣческая, вселенская, у которой есть своя исторія. Предметъ этой исторіи — развитіе человѣческаго сознанія въ сферѣ слова. Литература, которая не можетъ имѣть своей исторіи, т. е. литература, явленія у которой не состоятъ въ живой органической связи между собой, не есть литература, но только словесность или письменность. Правда, и словесность, и письменность могутъ имѣть свою исторію, но какую — вотъ вопросъ! Исторія словесности или письменности есть не что иное, какъ болѣе или менѣе обширный каталогъ произведеній, хранящихся въ памяти народа или въ его письменности, — каталогъ съ необходимыми объясненіями и учеными комментаріями. Но каталогъ можетъ служить только матеріаломъ для исторіи, но самъ исторіей быть не можетъ.

Періодъ литературы у всѣхъ новѣйшихъ народовъ начинается собственно съ эпохи изобрѣтенія книгопечатанія. И потому понятіе о литературѣ у нихъ какъ-то невольно сливается съ понятіемъ о книгопечатаніи. — Дѣйствительно, до изобрѣтенія книгопечатанія словесность Европы носитъ на себѣ характеръ письменности, т. е. разъединенности и случайности. Исключеніе остается почти за одной Италіей, которая считалась уже просвѣщеннѣйшей страной Европы, когда еще сама Франція тонула во мракѣ невѣжества и дикости нравовъ. Поэтому Италія гордилась именами Данта, Петрарки и Боккачіо еще въ XIII и XIV столѣтіяхъ, тогда какъ сама Франція только въ XVI вѣкѣ гордилась довольно ничтожными знаменитостями, вродѣ Ронсара, Ренье, Малерба, и только въ XVII вѣкѣ увидѣла своего перваго великаго поэта—Корнеля; имена Рабле и Монтаня принадлежатъ XV и XVI столѣтію. Правда, еще въ средніе вѣка являлись великіе люди, сильные мыслью и упреждавшіе свое время; такъ Франція еще въ XII вѣкѣ имѣла Абеллара; но люди, подобные ему, бесплодно бросали во мракъ своего времени яркія молніи могучей мысли: они были поняты и оцѣнены черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ ихъ смерти. Наука и мысль до начала XVI вѣка скрывались во мракѣ, какъ чернокнижничество, разбой и контрабанда. Ученыя сочиненія, какъ тайна, передавались въ рукописяхъ отъ одного адепта къ другому. Словомъ, это была письменность, но не литература. Только словесность одной Италіи и въ варварскія времена имѣетъ характеръ литературы; по крайней мѣрѣ въ Италіи поэзія является уже какъ литература, въ то время какъ въ другихъ странахъ Европы поэзія находилась еще на степени словесности и письменности.

Въ области словесности нѣтъ знаменитыхъ именъ, потому что авторъ словесности — всегда народъ. Никто не знаетъ, кто сложилъ его простыя и наивныя пѣсни, въ которыхъ такъ безыскусственно и ярко отразилась внутренняя и внѣшняя жизнь юнаго народа или племени. Въ эпоху младенчества народъ и не заботится объ именахъ своихъ первыхъ поэтовъ, равно какъ и сами поэты не заботятся о сохраненіи ихъ имени въ потомствѣ. Въ эти времена поэзія — не заслуга, а

инстинктивная потребность: человѣку поется — и онъ поетъ, совѣмъ не подозрѣвая, что онъ — поэтъ. И переходитъ пѣсня изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и измѣняется она со временемъ: то укоротятъ ее, то удлиннятъ, то передѣлаютъ, то соединять ее съ другой пѣсней, то сложать другую пѣсню въ дополненіе къ ней: и вотъ изъ пѣсенъ выходятъ поэмы, которыхъ авторомъ можетъ назвать себя только народъ. Послѣ этого понятно, почему письменность, когда она удостоивала своего вниманія поэтическія произведенія, не передавала именъ ихъ творцовъ, и мы не знаемъ имени автора „Нибелунговъ“ и другихъ поэмъ въ этомъ родѣ. Другое дѣло — литература: ея дѣятелемъ является уже не народъ, а отдѣльныя лица, выражающія своей умственной дѣятельностью различныя стороны народнаго духа. Въ литературѣ личность вступаетъ въ полное право свое, и литературныя эпохи всегда означаются именами лицъ. Литература образуетъ собой отдѣльную и самостоятельную область умственной дѣятельности, существованіе и права которой признаются всѣмъ обществомъ. Литература всегда опирается на публичность, получаетъ свое утвержденіе отъ общественнаго мнѣнія. Она существуетъ не при свѣтѣ только уединенной лампы отшельника или гонимаго ученаго, но при свѣтѣ солнца, открыто и явно. Она поддерживается не вниманіемъ только небольшого круга посвященныхъ, составляющимъ родъ тайнаго общества или избранныхъ любителей, но вниманіемъ всего народа, по крайней мѣрѣ въ лицѣ его образованныхъ классовъ. Литература есть достояніе всего общества, которое черезъ нее обратно получаетъ себѣ, въ сознательной и изящной формѣ все то, чему источникомъ было его же собственное непосредственное бытіе. Общество находитъ въ литературѣ свою дѣйствительную жизнь, возведенную въ идеаль, приведенную въ сознаніе. Поэтому въ моменты развитія литературы, обыкновенно называемые литературными эпохами и періодами, отражаются моменты историческаго развитія народа, — и въ такомъ случаѣ литература точно такъ же объясняетъ собой политическую исторію народа, какъ и исторія — литературу. Такъ, исторія Франціи XVIII вѣка вся заключается преимущественно въ ея литературѣ этого времени.

Если мы сказали, что понятіе о книгопечатаніи почти тождественно съ понятіемъ о литературѣ, — это потому, что книгопечатаніе есть великое и могущественное средство къ публичности, безъ которой слово „литература“ есть звукъ безъ смысла, тѣло безъ души. Публичность такъ важна для литературы, что теперь во Франціи вошло въ употребленіе слово пресса (*la presse*—книгопечатаніе), какъ выражающее болѣе общее и обширное понятіе, нежели слово литература. Вся сфера современнаго общественнаго движенія теперь выражается словомъ пресса: это живой пульсъ общества, по біенію котораго вѣрнѣе, нежели по какому-нибудь другому признаку, можно судить о состояніи общества въ отношеніяхъ: политическомъ, административномъ, ученомъ литературномъ, эстетическомъ, нравственномъ, въ отношеніи къ народному духу, богатству, промышленности, ремесламъ, и пр., и пр. Нѣтъ стороны въ обществѣ, которая бы теперь не выражалась прессой, не жила въ ней и ею. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы литература могла быть только у народа, знакомаго съ искусствомъ книгопечатанія; изъ этого слѣдуетъ только, что публичность, въ смыслѣ доступности литературныхъ произведеній вниманію общества, составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій существованія литературы. Книгопечатаніе есть только могущественнѣйшее, но не единственное средство къ публичности. Подъ литературой, въ точномъ и опредѣленномъ значеніи этого слова, должно разумѣть сознаніе народа, исторически выразившееся въ словесныхъ произведеніяхъ его ума и фантазіи, — а такъ какъ сознаніе есть высшее проявленіе жизни народа, то литература необходимо должна быть его общимъ достояніемъ, чѣмъ-то такимъ, что до всѣхъ равно касается, всѣхъ равно интересуется, всѣмъ равно доступно. Словомъ, литература должна быть, въ отношеніи къ народу, вмѣстѣ и сценой, и спектаклемъ, который на ней разыгрывается, а народъ въ отношеніи къ литературѣ, долженъ быть публикой, которая не сводитъ глазъ со сцены, созерцая представляемое на ней зрѣлище. Лучшее для этого средство, повторяемъ, есть книгопечатаніе, — и однакожъ, несмотря на то, древняя греческая литература, со стороны публичности, едва-ли не болѣе подходитъ подъ наше опредѣ-

леніе, нежели любая изъ новѣйшихъ литературъ, не исключая и французской, хотя греки и не знали искусства печатанія. Жизнь грековъ, политическая, государственная, общественная, религіозная, артистическая, ученая, была и безъ книгопечатанія въ высшей степени публична, такъ что книгопечатаніе, столь важное въ новомъ мірѣ, можетъ-быть противорѣчило бы духу и характеру ихъ публичности. Хотя произведенія поэтовъ греческихъ существовали и письменно, тѣмъ не менѣе эллины предпочитали живое изустное слово мертвой буквѣ и лучше любили слушать, нежели читать. Оттого декламація была у нихъ отдѣльнымъ и самостоятельнымъ искусствомъ, которое требовало не только изученія, но и природнаго дарованія. Древніе читали стихи не такъ, какъ читаемъ ихъ мы, но нараспѣвъ; ихъ поэзія тѣсно была соединена съ музыкой, и пѣвучая декламація стиховъ ихъ сопровождалась аккомпаниментомъ на лирѣ. Отъ имени этого инструмента получила свое названіе лирическая поэзія; а отъ пѣвучей декламаціи стиховъ слова пѣть и воспѣвать получили значеніе слова сочинять, творить, что сохранилось, по преданію отъ грековъ, и притомъ не совѣмъ основательно, и въ новѣйшей европейской поэзіи, въ которой весьма обыкновенны выраженія: „пою то-то или того-то“, „я пѣлъ мою любовь, мои страданія“ и т. п. Что греки не читали, а какъ-бы пѣли свои стихи, это имѣло у нихъ глубокое основаніе, ибо происходило не отъ произвола обыкновенія и привычки, а отъ свойственнаго и сроднаго ихъ національному духу созерцанія искусства. У насъ каждый самъ читаетъ для себя стихи и наслаждается ихъ изяществомъ такъ-же полно и при дурномъ чтеніи, какъ и при хорошемъ; для грека хорошо декламировать стихи было то же, что для насъ разыграть музыкальную пьесу. Оттого у насъ хорошее чтеніе стиховъ есть не больше, какъ умѣнье, которое не даетъ ни славы, ни извѣстности; у грековъ хорошая декламація стиховъ была искусствомъ, для котораго требовался своего рода талантъ. Это было одной изъ причинъ, почему греческій театръ такъ же мало имѣлъ общаго съ нашимъ театромъ, какъ и наша драма мало имѣетъ общаго съ греческой. По понятію грековъ, искусство было представленіемъ,

въ грандіозныхъ образахъ, явленій идеальной жизни — родъ религіозно-государственнаго представленія, героемъ котораго была національная жизнь. Поэтому ихъ трагедія могла сосредоточивать свой пафосъ и свою главную идею на полубогахъ, герояхъ *), царяхъ и народѣ (который, въ видѣ хора, изъ-являлъ свое мнѣніе о созерцаемомъ имъ зрѣлищѣ); изъ жизни же своихъ божественныхъ и царственныхъ героевъ трагедія реческая могла брать только идеальные, высокіе моменты. Поэтому актеры играли на котурнѣ и въ маскѣ; въ ихъ рѣчи хотѣли слышать спокойно-возвышенный голосъ, исполненный достоинства и величія; котурнъ, возвышавшій ростъ актеровъ, отходя отъ натуры дѣйствительности, тѣмъ болѣе приближался къ натурѣ идеальности, дѣлая представляемыхъ ими героевъ какъ бы жителями другого высшаго міра, для которыхъ были бы унизительны обыкновенные размѣры человѣческаго роста; маски, увеличавшія собой лица актеровъ и носившія на себѣ общее идеальное выраженіе, также представляли глазамъ зрителей героевъ трагедіи въ особенномъ идеальномъ свѣтѣ. Къ тому же греческій народъ почелъ бы за профанацію увидѣть героя съ знакомомъ ему лицѣ актера. Современность тоже не могла давать содержанія для трагедіи: нужно было, чтобы колоссальные образы героевъ представлялись въ священномъ сумракѣ и таинственной дали вѣковъ и преданія. Изъ всего этого видно, что какъ трагедія, такъ и театръ греческій были чисто искусственны. Здѣсь слово „искусственный“ должно понимать въ смыслѣ „художественнаго“, „артистическаго“, противоположнаго пошлой, повседневной дѣйствительности, презрѣнной прозѣ житейскаго, а не въ смыслѣ противоположнаго натурѣ и естественности, поддѣльнаго и ложнаго, какъ понимаемъ мы слово „искусственный“. Французы XVII и XVIII столѣтій, проникнувшіе отчасти въ таинства греческой буквы, но не проникнувшіе въ таинства греческаго духа, не понявши, что у всякаго вѣка и всякаго народа свои идеи, а слѣдовательно и свои

*) Отчего произошло, по преданію отъ грековъ, слово *герой*, въ смыслѣ главнаго дѣйствующаго лица въ поэмѣ, драмѣ, романѣ, повѣсти, даже комедіи.

соотвѣтственныя имъ, формы, — создали у себя искусство на манеръ древнихъ, тѣмъ болѣе не похожее на него, чѣмъ болѣе рабски было оно копировано съ его непонятыхъ ими формъ и внѣшностей. Французы рѣшились не пускать въ трагедію никого, кромѣ царей и ихъ наперсниковъ, а изъ простого народа допустили только вѣстниковъ; заставивъ ихъ рапортовать надутымъ солгомъ о томъ, что сдѣлалось за кулисами; они забыли, что въ новѣйшемъ обществѣ проза жизни получила полное свое право на поэтическое представленіе, что драма новѣйшей жизни слагалась изъ лицъ всѣхъ сословій.

Этой же страсти грековъ къ живому изустному слову объяснено было своимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ ораторское искусство, кромѣ дара краснорѣчія, требовавшее еще и необыкновеннаго дара декламации. Кому не извѣстно, какихъ чрезвычайныхъ усилій стоило Демосѣену, отъ природы надѣленному огромнымъ даромъ краснорѣчія, выработать изъ себя настоящаго оратора? Но страсть грековъ къ живому изустному слову не ограничивалась только театромъ и ораторскою кафедрой: преданіе говоритъ, что древніе поэты — Гомеръ и Гезіодъ, — особенно первый и притомъ слѣпецъ и старецъ, ходя по Греціи, пѣли свои поэмы царямъ и народамъ. Пиндаръ состязался съ Коринной на олимпійскихъ играхъ. Оклеветанный въ безуміи неблагодарными дѣтьми, старецъ Софоклъ оправдался передъ народомъ, прочтя ему отрывки изъ своего „Эдипа“. Отецъ исторіи, Геродотъ, читалъ передъ народомъ, на олимпійскихъ играхъ, свое повѣствованіе о славной борьбѣ Эллады съ персидскими царями; а юноша Фукидидъ, слушая его, всенародно плакалъ отъ умиленія, въ предчувствіи собственнаго торжества на томъ же поприщѣ.. Самая наука у грековъ была публичнымъ дѣломъ, а не таинственной магіей, какъ въ новѣйшія времена. Сократъ преподавалъ свое живое ученіе на площадяхъ и улицахъ; толпами могли ходить аѳиняне въ сады академіи, чтобы внимать урокамъ высшей мудрости изъ устъ божественнаго Платона... Причиной такого въ высшей степени прекраснаго и человѣческаго зрѣлища единственнаго, какое когда-либо представляла собой народная жизнь, былъ національный духъ древней Эллады — первобытной родины изящной гуманности. Если въ Аѳинахъ не

было равенства состояній и даже равенства просвѣщенія и образованія, зато въ нихъ не было и черни, невѣжественной, грязной, покрытой лохмотьями, помышляющей только о матеріальномъ удовлетвореніи грубыхъ потребностей тѣла, чуждой всякаго чувства человѣческаго достоинства: масса аѣинскаго народонаселенія состояла не изъ черни, а изъ народа. Образованіе грековъ было общественное, а потому и всеобщее, народное, а не исключительное, въ пользу однихъ и невыгоду другихъ сословій. Аѣиняне столь важнымъ считали публичное воспитаніе дѣтей, что когда, при нашествіи Ксеркса, они принуждены были оставить свой городъ, и взрослые сѣли на суда, чтобы сражаться съ непріятелемъ, а дѣти, жены и старцы удалились въ Тризену;—то тризенцы, въ числѣ другихъ знаковъ своего радушія и участія къ бѣдственному положенію аѣинянъ, опредѣлили платить за ихъ дѣтей жалованье учителямъ. Удивительно ли послѣ этого, что Перикль, собираясь говорить передъ аѣинскимъ народомъ, просилъ боговъ, чтобы никакое неприличное предмету или неблагозвучное слово не вырвалось изъ устъ его; удивительно ли, что старая зеленщица аѣинская по выговору могла признать въ ученомъ грекѣ не-аѣинскаго уроженца? Удивительно ли, что аѣиняне были не только народомъ войны и гражданственности, но и народомъ-артистомъ, народомъ-художникомъ, и что массы аѣинскаго народонаселенія могли быть судіями и страстными любителями изящнаго. Когда обвиняемый въ растратѣ общественной казны на зданія Перикль погрозилъ заплатить свои деньги, но зато написать на зданіяхъ свое имя, то народныя толпы закричали единодушно, чтобы онъ не щадилъ казны на зданія. Причиной всего этого была публичность, составлявшая основу гражданственной жизни грековъ. Оттого жизнь ихъ отличается полнотой, многосторонностью и какой-то цѣлостностью, такъ-что религія была у нихъ искусствомъ, искусство—религіей, жречество было тѣсно слито съ администраціей; воинъ во время мира учился мудрости, а мудрецъ во время войны сражался за отечество; художникъ былъ гражданиномъ, а простолюдинъ не могъ жить безъ театра. Не такъ, какъ въ новомъ мірѣ, гдѣ ученый дичится свѣта и боится запаху пороха; военный, какъ до-

стоинствомъ, хвалится безграмотностью и гордится невѣжествомъ, а художникъ поставляетъ себѣ за честь и обязанность жить внѣ современныхъ интересовъ общества и за облаками не видѣть земли, забывъ, что облака не другое что, какъ пустой туманъ, разсѣивающійся отъ лучей солнца! Да и какъ понятно послѣ этого, что греки себя считали людьми, а иностранцевъ считали варварами, и не хотѣли дѣлиться правами даже съ тѣми, у кого отецъ или мать не были чистой, безпримѣсной афинской крови.

Итакъ, литература грековъ, въ полномъ значеніи слова, была выраженіемъ ихъ сознанія, слѣдовательно всей ихъ жизни: религіозной, гражданственной, политической, умственной, нравственной, артистической, семейственной. Исторія греческой литературы тѣсно и неразрывно связана съ ихъ государственной или политической исторіей; тогда какъ исторія литературы новѣйшихъ народовъ есть только исторія одной стороны существованія каждаго изъ нихъ. Это оттого, что какъ въ древнемъ мірѣ всѣ стихіи общественной жизни были тѣсно и неразрывно связаны другъ съ другомъ, и взаимно проникая одна другую, образовывали собой прекрасное и живое единое цѣло, такъ въ новомъ мірѣ всѣ общественныя стихіи дѣйствуютъ разъединенно и каждая самобытно и особно. Это распаденіе, представляющее собой столь печальное и грустное зрѣлище, особенно при сравненіи его съ свѣтлымъ и прекраснымъ міромъ греческой жизни, было однакожъ необходимо для того, чтобы стихіи общественности, развиваясь отдѣльно, тѣмъ полнѣе, глубже и совершеннѣе разработались, а потомъ бы уже снова слились и образовали новое, цѣлое и единое, которое будетъ тѣмъ выше міра греческой жизни, чѣмъ разъединеннѣе было въ новомъ мірѣ развитіе отдѣльныхъ стихій общественности. И начало этого новаго единенія мы видимъ уже и теперь: стѣна національности между народами постепенно падаетъ; дружественно и братски начинаютъ они дѣлиться духовными дарами своего національнаго историческаго развитія и постепенно сливаются въ единое семейство человечества; наука мирится съ жизнью, искусство проникается общественными интересами; ученый принимаетъ участіе въ дѣлахъ общественныхъ и миритъ кабинетную жизнь свою съ

жизнью свѣтскаго салона; воинъ и купецъ не только ищутъ литературнаго образованія, но не чуждаются и интересовъ науки, хода идей. Конечно все это еще только начало, и все это преимущественно относится пока только къ Франціи, этой Элладѣ новаго міра, отечеству всемогущей прессы; но за началомъ всегда слѣдуетъ конецъ, и скоро или еще и не скоро, но придетъ же время, когда въ новомъ человѣчествѣ воскреснетъ древняя Греція, лучше и прекраснѣе, чѣмъ была она: Греція, прошедшая черезъ христіанство, побѣдившая климаты, природу, пространство и время, вполне покорившая духу своему царство матеріи.

Книгопечатаніе есть публичность новѣйшихъ народовъ, фокусъ, сосредоточивающій въ себѣ свѣтлые лучи народнаго сознанія. Но, какъ мы уже сказали выше, у новѣйшихъ народовъ, несмотря на усиливающіеся со дня на день успѣхи книгопечатанія, литература все еще остается только одной изъ многихъ сторонъ сознанія, а не полнымъ его выраженіемъ, какъ въ Греціи. Въ самыхъ образованнѣйшихъ государствахъ Европы книгопечатаніе все еще болѣе или менѣе остается чѣмъ-то вродѣ кабастики, темныя таинства которой открыты только для одной, сравнительно съ массой цѣлаго народонаселенія, весьма малой части: большинство, нигдѣ не лишенное благодѣтельнаго вліянія цивилизаціи, тѣмъ не менѣе вездѣ коснѣетъ въ дикомъ невѣжествѣ, которое сильно заставляеть сомнѣваться въ чрезвычайныхъ будто бы въ настоящее время успѣхахъ человѣчества. Сама литература у новѣйшихъ народовъ раздроблена на множество отраслей, такъ что знакомый съ одной почитаетъ себя вправѣ не знать другихъ. Впрочемъ это нисколько не отрицаетъ существованія литературъ, въ полномъ значеніи этого слова, у новѣйшихъ народовъ: ибо хотя большинство и массы не пользуются у нихъ, какъ это было въ древней Греціи, дарами національнаго духа, котораго они сами источникъ и почва, однако внимательный взоръ легко открываетъ въ литературахъ новѣйшихъ народовъ живое историческое развитіе духа тѣхъ самыхъ массъ, которыя въ своемъ невѣжествѣ и не подозреваютъ существованія литературы выразившей сущность ихъ же собственнаго и нравственнаго существованія. И потому литера-

туры новѣйшихъ народовъ представляютъ собой картину исторически развившагося народнаго духа, гдѣ каждое отдѣльное явленіе вышло изъ предшествовавшаго и произвело въ свою очередь послѣдующее, гдѣ ничего не являлось случайно, особно, но все связано въ единый живой организмъ.

Мы сказали, что литература есть сознаніе народа, исторически выражающееся въ словесныхъ произведеніяхъ его ума и фантазіи. Исторію можетъ имѣть только то, что органически развивается, имѣя точкой отправленія зародышъ, зерно національнаго духа народа (субстанцію), выходя изъ предыдущаго и производя послѣдующее. Развиваться же органически можетъ только то, что въ самомъ себѣ заключаетъ собственное свое содержаніе, подобно зерну, заключающему въ себѣ, какъ возможность, жизнь и форму будущаго растенія, а потому и одаренному жизненностью, которая, при выполненіи необходимыхъ условій—почвы, воздуха, свѣта, важности,—тотчасъ же принимается за отправленіе своихъ функцій, превращая зерно въ стебель, стебель — въ стволъ съ вѣтвями и листьями, съ цвѣтомъ и плодомъ. Вслѣдствіе этого, литературу могутъ имѣть только тѣ народы, въ національномъ развитіи которыхъ выразилось развитіе человѣчества, и которымъ слѣдовательно міродержавныя судьбы предоставили высокую роль представителей человѣчества въ великой драмѣ всемірной исторіи. И потому-то изъ древнихъ народовъ только у грековъ и римлянъ была своя литература, которой высокое значеніе не утратилось до сихъ поръ, но, какъ драгоценное наслѣдіе, перешло къ новымъ народамъ и послужило къ развитію ихъ общественной, ученой и литературной жизни. Причиной этому — богатое содержаніемъ субстанціальное зерно духовной жизни грековъ: въ этомъ зернѣ заключалась плодородная идея, изъ которой развилась вся исторія, а слѣдовательно и литература этого народа. Идея эта была общечеловѣческая въ греческой формѣ, а потому греческая литература, отслуживши грекамъ, не умерла вмѣстѣ съ ними, но перешла въ общее достояніе народовъ, въ лицѣ которыхъ, послѣ грековъ, стало выражаться человѣчество. Литература римлянъ не имѣетъ такого высокаго значенія въ сферѣ искусства, какъ литература греческая; лучшее и величайшее произведеніе рим-

лянъ былъ кодексъ Юстиніана—плодъ историческаго развитія римской жизни. И однакожъ зерно національнаго духа римлянъ, развившееся въ „вѣчный городъ“, оцивилизовавшее весь древній міръ и давшее новое направленіе цивилизаціи новѣйшаго міра, заключаетъ въ себѣ такое великое всемірно-историческое и обще-человѣческое значеніе, что ради его латинская литература, поэтическая и историческая, возросшая, такъ сказать, на могилѣ римской жизни, доселѣ уважается почти наравнѣ съ греческой. И чѣмъ обще-человѣчественнѣе оплодотворяющая жизнь народа субстанціальная идея, чѣмъ болѣе народъ выражаетъ своей жизнью человѣчество и чѣмъ болѣе имѣетъ вліянія на его судьбы,—тѣмъ болѣе литература такого народа подходитъ подъ значеніе литературы вообще, тѣмъ она выше и важнѣе. И наоборотъ, чѣмъ меньше источникъ духовной жизни народа, чѣмъ отдѣльнѣе судьба народа отъ судебъ человѣчества, тѣмъ ограниченнѣе значеніе его литературы, тѣмъ менѣе она — литература. И потому-то гораздо болѣе такихъ народовъ, которыхъ литературы или незначительны, или у которыхъ вовсе нѣтъ литературы, чѣмъ народовъ, которыхъ литературы значительны или которые имѣютъ какую-нибудь литературу.

Говоря о литературѣ, мы преимущественно разумѣмъ изящную литературу—кругъ произведеній поэтическихъ, художественныхъ. Сюда, для полноты слова „литература“, могутъ относиться такія словесныя произведенія, которыя, принадлежа къ сферѣ ученой, какъ исторія, или, имѣя своимъ источникомъ опредѣленную практическую цѣль, какъ ораторскія рѣчи, тѣмъ не менѣе составляютъ свой предметъ живого общаго интереса и требуютъ для своего выраженія болѣе или менѣе художественной формы, а отъ людей, посвящающихъ себя такого рода дѣятельности, болѣе или менѣе художественнаго таланта. Такимъ образомъ творенія Геродота, Фукидита, Тацита, ученые по своему содержанію, въ то же время суть и изящныя произведенія, по искусству ихъ концепціи и изложенія. О рѣчахъ Демосѣена и Цицерона нечего и говорить: хотя краснорѣчіе и не вполне искусство, какъ поэзія, имѣетъ чисто практическую цѣль и опирается на діалектику, а не на творчество, но все же оно—искусство, потому-что тре-

буетъ отъ импровизаціи художественности въ выраженіи, а отъ оратора—таланта и вдохновенія.

Съ этой точки зрѣнія литература и словесность представляются въ новыхъ отношеніяхъ различія между собой. Поэзія, не возвысившаяся на степень искусства, художества, принадлежитъ къ области словесности, а не литературы. Такая поэзія называется народной. Она выражаетъ собой сознаніе народа, еще не вышедшее изъ пеленъ непосредственнаго, безсознательнаго созерцанія. Въ произведеніяхъ народной поэзіи еще нѣтъ мысли, а есть только темное стремленіе къ мысли, ея предощущеніе, предчувствіе. И потому произведенія народной поэзіи не могутъ возвыситься до художественной формы, въ которую можетъ воплощаться развившееся до идеи созерцаніе. Вслѣдствіе этого народная поэзія одного народа мало и не вполне доступна другому: на ней лежитъ печать исключительной особенности. Сфера народной поэзіи не обширна и не многосложна: пословица, поговорка, параболы, басня, пѣсня, сказка, легенда—эти первыя проявленія сознанія младенческихъ обществъ—вотъ все, что заключаетъ въ себѣ поэзія, которую называютъ народной, естественной или непосредственной и которую еще можно назвать поэтической словесностью народа. Если субстанціальное зерно духовной жизни народа попадаетъ на историческую почву и получаетъ возможность развиваться изъ самого себя, — тогда естественная поэзія народа перерождается въ художественную, его словесность—въ литературу, и первая остается преимущественно на долю низшихъ, необразованныхъ классовъ народа, никогда не умирая въ его устахъ, а вторая дѣлается исключительнымъ достояніемъ высшихъ, образованныхъ классовъ народа. Когда наступаетъ періодъ исторической и критической разработки литературы, — естественная или народная поэзія, т. е. словесность становится предметомъ изученія для ученыхъ и литераторовъ, а черезъ нихъ дѣлается извѣстной и читающей публикѣ, и болѣе или менѣе интересуется ея своими наивными произведеніями. Художественная же поэзія только развѣ черезъ театръ бываетъ болѣе или менѣе доступна низшимъ классамъ народа. Если содержаніе жизни народа лишено обще-человѣческаго значенія, такъ что безъ

искусственного и насильственного отрицанія своей національности и своего историческаго развитія, въ пользу цивилизаціи народовъ, представляющихъ въ лицѣ своемъ челоѳчество, онъ не можетъ возвыситься до значенія всемірно-историческаго народа: то изъ естественной поэзіи такого народа не можетъ развиваться художественная, а изъ его словесности литература. Тогда словесность такого народа остается исключительнымъ достояніемъ престо народа, а для образованныхъ классовъ создается подражательная литература, господствующая до тѣхъ поръ, пока чужеземные элементы не проникнуть національныхъ и вслѣдствіе этого не возникнетъ наконецъ литература самобытная. Въ послѣднемъ случаѣ народная поэзія вновь обращаетъ на себя вниманіе образованныхъ классовъ и, по духу реакціи, дѣлается предметомъ подражанія даже со стороны истинныхъ художниковъ; но скоро узнаютъ, что изъ нея немного выжмешь, и отводятъ ей укромное мѣсто въ исторіи отечественнаго слова, отдѣльно и безъ связи съ исторіей собственно литературы. Такъ было, какъ увидимъ ниже, съ народной поэзіей въ Россіи.

Произведенія словесности, непосредственно выходя изъ духа народа, носятъ на себѣ общій отпечатокъ этого духа и въ содержаніи, и въ формѣ: этимъ однимъ и ограничивается ихъ отношенія и связь между собой. Ни одно изъ нихъ не имѣетъ вліянія на другое, ни одно не бываетъ слѣдствіемъ другого; они являются отдѣльно, разрозненно, и для нихъ слѣдовательно нѣтъ исторіи. Память народа хранитъ ихъ также отрывочно, не зная ихъ числа, многія изъ нихъ измѣняя, другія забывая совсѣмъ. Изъ этого общаго правила должна быть исключена только греческая народная поэзія, въ первыхъ проявленіяхъ которой виденъ зародышъ, изъ котораго впоследствии развилась вся греческая литература. Глубокія философскія идеи скрыты въ гимнахъ поэтовъ до-омировскаго времени, и эти гимны приписываются извѣстнымъ именамъ, а не безличному лицу народа. Оттого и самая форма первыхъ проблесковъ возникавшаго народнаго сознанія въ греческой поэзіи не чужда нѣкоторой художественности, хотя въ то же время ихъ содержаніе и исполнено символизма. И потому у грековъ почти не было ни народной поэзіи, ни словесности въ томъ

смыслъ, какъ мы понимаемъ эти слова; но была художественная поэзія и литература. Ихъ литература съ самаго начала ея, теряющагося во мракъ временъ, была національной, а не народной, потому-что въ Греціи народъ никогда не составлялъ особеннаго государства въ государствѣ, никогда не былъ чернью, и творенія Омира и трагиковъ точно такъ же существовали и для него, какъ и для высшихъ сословій. Въ греческой литературѣ нѣтъ рѣзкой черты, которая бы отдѣляла ихъ младенческую, естественную поэзію отъ художественной; напротивъ, въ ней все вытекаетъ одно изъ другого, подобно рѣкѣ, становясь въ своемъ теченіи все шире и шире... Хотя нѣкоторыя изъ новѣйшихъ литературъ тоже связаны съ своей естественной поэзіей и развились изъ нея, однакожъ эта связь въ нихъ далеко не такъ тѣсна, какъ въ греческой. Если пѣсня, романсъ, и баллада—эти чисто-народныя произведенія Европы среднихъ вѣковъ—были началомъ и источникомъ художественной лирической поэзіи въ Европѣ,—то все же между какимъ-нибудь Байрономъ, Гёте и Шиллеромъ едва-ли есть такъ много общаго съ менестрелями, трубадурами, труверами и бардами, какъ много общаго въ гимнахъ, приписываемыхъ Лину, Музею и Орфею съ позднѣйшими гимнами Изіода и Омира, съ „Иліадою“ и трагиками. Если испанская и англійская драмы развились изъ мистерій среднихъ вѣковъ, какъ греческая изъ вакхическихъ праздниковъ, то все же нѣтъ ничего общаго между этими мистеріями и драмами Шекспира, и по крайней мѣрѣ очень немного общаго между этими мистеріями и драмами Лопеца де-Веги и Кальдерона, не говоря уже о французской трагедіи, которая вслѣдствіе ошибочнаго подражанія греческой пошла совершенно другой дорогой.

Письменность служить, хотя и не всегда, естественнымъ переходомъ отъ словесности къ литературѣ; ею иногда какъ бы оканчивается словесность и начинается литература. Письменность оказываетъ великую услугу словеснымъ произведеніямъ народа, освобождая ихъ отъ непосредственной принадлежности лицамъ и избавляя отъ опасности погибнуть навсегда съ лицами, вслѣдствіе разныхъ случайностей. Но эта услуга не полная, потому что рукопись также въ свою оче-

редь подвержена вліянню случайностей: можетъ сгорѣть, потонуть, сгнить, затеряться. „Слово о Полку Игоревѣ“ дошло до насъ въ единственномъ спискѣ, и то искаженномъ мѣстами до безсмыслицы. А кто поручится, что древняя Русь не имѣла и другихъ поэмъ вродѣ „Слова о Полку Игоревомъ“ которыхъ не сохранила для насъ письменность? Сколько погибло памятниковъ древней литературы Греціи и Рима!

У народовъ, не игравшихъ всемірно - исторической роли, письменность мало или почти никакихъ услугъ не оказала поэзіи, какъ мы уже говорили объ этомъ выше. Такъ, до насъ дошли только тѣ изъ русскихъ пѣсенъ, которыя сохранились въ памяти народа, хотя измѣненные временемъ. Но совсѣмъ другую роль играла письменность у народовъ, которые своей жизнью выразили движеніе всемірно историческаго духа. Такъ напримѣръ, когда монархія Александра Македонскаго рушилась, міръ греческой жизни уже отцвѣлъ, и свитокъ рукописи заглушилъ собой живое изустное слово: тогда явилась письменная литература, образовавшая нѣчто цѣлое и единое соединеніемъ въ себѣ произведеній такъ называемой „Александрійской“ или „Неоплатонической школы“. Такъ, въ послѣдствіи творенія отцовъ церкви христіанской всегда образовывали собой, и на Востокѣ, и на Западѣ, отдѣльную литературу, которой развитіе совершилось въ связи и послѣдовательности, и которой исторія тѣсно связана съ исторіей человѣчества въ ту великую эпоху.

Существенное и главное различіе между „словесностью“ и „литературой“ состоитъ въ томъ, что въ „словесности“ преобладающимъ интересомъ является языкъ, какъ матеріаль всякаго словеснаго произведенія; а въ „литературѣ“ самостоятельный интересъ языка исчезаетъ, подчиняясь другому, высшему интересу — содержанію, которое въ литературѣ является преобладающимъ и самостоятельнымъ интересомъ. И потому, если можетъ быть исторія словесности, такъ это въ смыслѣ исторіи развитія языка въ словесныхъ произведеніяхъ народа, безъ отношенія къ ихъ содержанію. А оттого „словесность“ и принимается въ смыслѣ науки, и можно сказать: „учиться словесности“. Въ этомъ отношеніи словесность соприкасается въ своемъ значеніи съ филологіей. Но литера-

турѣ нельзя учиться, а можно только изучать литературу. Словесныя произведенія могутъ разсматриваться со стороны этимологіи, графики, лексикографіи, грамматики, стилистики. Словесныя произведенія народа могутъ раздѣляться по содержанію только внѣшнимъ образомъ, чтобы поэтическіе памятники не смѣшивать съ лѣтописями и памятниками духовной, юридической словесности; но главное и существенное ихъ раздѣленіе бываетъ по эпохамъ, въ которыхъ совершились измѣненія, испытанныя языкомъ въ его развитіи во времени. Когда же словесныя произведенія разсматриваются со стороны ихъ содержанія, мимо интереса языка, тогда они совершенно выходятъ изъ сферы словесности и поступаютъ въ вѣдѣніе той науки, къ которой относится ихъ содержаніе: такъ на примѣръ, произведенія духовнаго содержанія отходятъ тогда къ церковной исторіи, лѣтописи и хроники къ политической исторіи, памятники законодательства, судебныя и т. п. къ исторіи права, и т. д. Вообще словесность не разборчива: она принимаетъ въ себя равно и худое, и хорошее, и посредственное, и превосходное, лишь бы оно выразилось въ словѣ. Литература исключаетъ изъ себя все случайное и признаетъ своими произведеніями только то, въ чемъ положительно или отрицательно выразилось диалектическое движеніе развивающейся во времени идеи. Поэтому къ литературѣ относятся даже и такія произведенія, въ которыхъ видно уклоненіе отъ здраваго вкуса и основныхъ законовъ творчества, если только это уклоненіе было не случайное, но или выразило собой необходимо, вслѣдствіе глубокихъ историческихъ причинъ, родившееся заблужденіе общества или и цѣлаго человѣчества (какъ на примѣръ псевдоклассическая поэзія во Франціи XVII и XVIII вѣковъ и морально-романическая школа въ Англіи XVIII вѣка, школа Фильдинга и Ричардсона), или необходимый переходъ отъ стараго къ новому (какъ на примѣръ неистовыя произведенія новѣйшей романтической школы). Напротивъ того, литература исключаетъ изъ себя даже ознаменованныя большей или меньшей степенью таланта произведенія, если только они, не принадлежа къ высшимъ явленіямъ въ сферѣ искусства, въ то же время не выражаютъ собой духа времени, его господству-

ющей идеи, а потому и лишены всякаго историческаго значенія. Въ область литературы входятъ только родовыя типическія явленія, которыя фактически осуществили собою моменты историческаго развитія. И потому всякая литература имѣетъ свою исторію, тогда какъ словесность можетъ имѣть только библіографію. Задача всякой исторіи состоитъ въ томъ, чтобы подвести многоразличіе частныхъ явленій подъ общее значеніе, открыть въ многоразличіи частныхъ явленій органическую связь, взаимнодѣйствіе и отношенія, и прослѣдить въ послѣдовательности многоразличныхъ явленій развитіе живой идеи, составляющей ихъ душу. Задача библіографіи состоитъ только въ томъ, чтобы описать каждое изъ данныхъ произведеній словесности по его содержанію, формѣ, особенностямъ. Библіографія говоритъ просто: такая-то рукопись или книга заключаетъ въ себѣ то-то и то-то, принадлежитъ она къ такому-то вѣку, писана на пергаментѣ или на бумагѣ уставомъ, столбцами или печатана такимъ-то шрифтомъ, въ какую-то долю листа и т. п. Если библіографія соблюдаетъ какой-нибудь порядокъ, то всегда внѣшній, для удобства употребленія, а не по требованію сущности предмета; она классифицируетъ рукописи и книги какъ классифицируютъ ихъ каталоги и реестры. Поэтому произведенія словесности суть какъ бы тѣни: являющіяся на заклинанія магика; произведенія литературы—живыя, всѣмъ извѣстныя и для всѣхъ равно-доступныя лица, съ опредѣленными именами. Лабораторія словесности—келья монаха, уединеніе мудреца, зала пиршества, темный лѣсъ, зеленая дубрава и широкія поля; оттуда выходили всѣ произведенія ея—хроники, лѣтописи, поученія, легенды, пѣсни, сказки и т. п. Лабораторія литературы—общество съ его интересами, жизнью. Словесность лишена арены: она можетъ интересоваться только любознательныхъ ученыхъ, тружениковъ науки, книжниковъ, литераторовъ, которые одни только и могутъ ею заниматься. Литература имѣетъ опредѣленную арену въ книгѣ, журналѣ, театрѣ, трибунѣ, она сама есть родъ сцены, на которой разыгрывается драма передъ лицомъ многочисленнаго собранія, изъясняющаго рукоплесканіями и кликами свое участіе и восторгъ.

Письменность есть средство равно и для словесности, и для

литературы, сохраняя произведенія первой и выражая собой движеніе послѣдней. Если въ письменности выражается духъ эпохи и она принимаетъ характеръ не только догматическій, но и полемическій, тогда она бываетъ литературой или по крайней мѣрѣ служитъ переходомъ отъ словесности къ литературѣ. Разумѣется, это бываетъ только у народовъ, стоящихъ во главѣ человѣчества и притомъ въ самыя жизненные эпохи своего историческаго существованія. Такъ было, какъ сказали мы выше, въ первые вѣка христіанской церкви, во время расколовъ и соборовъ; такъ было въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ, гдѣ изъ богословской полемики образовались діалектика, логика и метафизика. Но письменность во всякомъ случаѣ представляетъ для развитія литературы слишкомъ тощую почву и ограниченную сферу, и безъ книгопечатанія новѣйшая литература навсегда бы могла остаться слабымъ растеніемъ, поддерживающимся искусственными средствами. Съ другой стороны недолжно забывать, что у народа, лишеннаго духа всемірно-исторической жизни, и книгопечатаніе не родитъ литературы: будутъ книги и, пожалуй, въ огромномъ количествѣ, но литературы все-таки не будетъ.

Выше сказали мы, что „литература есть выраженіе умственнаго существованія (сознанія) народа въ его словесныхъ произведеніяхъ“. Каждый народъ живетъ своей жизнью, а какъ жить не значитъ только родиться, ѣсть, пить и умирать, но и мыслить, знать,—то слѣдовательно каждый народъ живетъ и своимъ сознаніемъ, которое есть не что иное, какъ одна изъ многихъ сторонъ сознающаго себя общечеловѣческаго духа. Особенность сознанія, принадлежащаго одному народу и отличающаго его отъ всѣхъ другихъ народовъ, состоитъ въ его міросозерцаніи, въ томъ инстинктивномъ внутреннемъ взглядѣ на міръ, съ которымъ онъ, такъ сказать, рождается, какъ съ непосредственнымъ и только одному ему присущимъ откровеніемъ истины, и который есть его самодвижительная сила, жизнь и значеніе. Міросозерцаніе народа—это та умственная призма, съ однимъ или нѣсколькими первосущими цвѣтами радуги, сквозь которую онъ созерцаетъ тайну бытія всего сущаго. Народъ есть идеальная личность, у которой, подобно каждому отдѣльному человѣку, своя особен-

ная натура, свой темпераментъ, свой характеръ, словомъ, своя субстанція (слово, котораго значеніе далеко не вполне можетъ быть выражено словомъ сущность). Почему у того или у другого народа именно такая, а не этакая субстанція,—этого такъ же невозможно объяснить, какъ и того, почему одинъ человѣкъ родится съ способностью къ живописи, а не къ музыкѣ, другой—къ математикѣ, а не къ военному искусству, и т. д. Правда, на образованіе субстанціи народа имѣютъ большее или меньшее вліяніе географическія, климатическія и историческія обстоятельства; но тѣмъ не менѣе очевидно, что первая и главная причина субстанціи всякаго народа, какъ и всякаго человѣка, есть фیزیологическая, составляющая непроницаемую тайну непосредственно-творящей природы. Субстанція въ свою очередь есть прямой и непосредственный источникъ міросозерцанія народа. Изъ міросозерцанія народа возникаетъ животворная идея; развитіе этой идеи въ живой практической дѣятельности составляетъ историческую жизнь народа. Движительнымъ развитіемъ этой идеи народъ живетъ; ею онъ и силенъ, и крѣпокъ, и могущъ, такъ что, когда эта идея совершитъ полный кругъ своего развитія, — животворный источникъ народной жизни изсякнетъ, народъ теряетъ свою энергію и начинаетъ существовать только внѣшнимъ образомъ, пока какой-нибудь внѣшній же толчокъ не прекратитъ его призрачнаго существованія. Такъ кончилось существованіе Греціи и Рима, когда первая изжила всю свою религіозно-миѣческую и эстетически-гражданственную жизнь, а второй утратилъ энтузіазмъ республиканкой доблести. Міросозерцаніе, а слѣдовательно и субстанціальная идея народа проявляется въ его религіи, въ его гражданственности, въ его искусствѣ и знаніи. Уловить міросозерцаніе какого бы то ни было народа въ краткое и удовлетворительное опредѣленіе — чрезвычайно трудно: довольно указать на его присутствіе въ многоразличныхъ проявленіяхъ народнаго сознанія. Въ Индіи напр., издревле до нашихъ временъ царствуетъ пантеистическое міросозерцаніе, и Богъ понятъ, какъ вѣчно-производящая и вѣчно-разрушающая сила природы. Для индійца каждое явленіе природы есть оплощеніе Брамъ, и потому для него все въ природѣ выше

человѣка, и онъ набожно хранить жизнь всякаго животнаго, хотя бы то было насѣкомое, и небрежетъ о своей собственной и своихъ ближнихъ. Погружаться въ созерцаніе совершенствъ Брамь, исчезать въ восторженномъ блаженствѣ этого піэтического созерцанія и духомъ, и плотью — цѣль жизни индійца. И потому-то въ Индіи въ такомъ употребленіи добровольно терзать свою плоть физическими муками, бросаться подъ колеса гигантскаго истукана, сожигаться на кострахъ, и т. д. Это міросозерцаніе отразилось въ искусствѣ индійскомъ. Неопредѣленное божество, подавляющее бѣднаго человѣка своимъ всеокрушающимъ величіемъ, не могло выразиться иначе, какъ въ храмахъ колоссальныхъ, подобныхъ горамъ, въ гигантскихъ и уродливыхъ истуканахъ. То же явленіе повторилось и въ литературѣ: „Махабгарата“ и „Рамаяна“, по ихъ внѣшней формѣ, огромны, нестройны, завалены эпизодами; по содержанію, исполнены присутствіемъ божества, производящаго и разрушающаго, и человѣкъ въ нихъ съ безусловнымъ самоотверженіемъ поглощается въ деспотической волѣ этого страшнаго божества, изъ подъ безчисленныхъ образовъ котораго всегда выглядываетъ обоготворенная матерія вселенной. Въ Персіи это пантеистическое божество отрѣшилось отъ всякой образности, изъ царства видимой природы перешло въ царство духовъ (самодѣйствующихъ и первосущныхъ силъ природы) и распалось на двойственное и враждебное себѣ самому понятіе добра и зла. Въ племенахъ семитическихъ божество, отрѣшившись отъ всякой образности, явилось безплотной и отвлеченной идеей всесущности — безличной индивидуальностью. Это міросозерцаніе перешло въ послѣдствіи и въ магометанство. Но, несмотря на свою духовность, оно есть тотъ же индійскій пантеизмъ, только на высшей степени своего развитія. Въ Египтѣ видна борьба природы съ человѣкомъ: египетское ваяніе коснулось и человѣка, но этотъ человѣкъ лишенъ жизни, связанъ и блещетъ только мертвой правильностью чертъ лица. Часто онъ является тамъ неотдѣленнымъ отъ животнаго, и въ сфинксѣ выразилось торжество египетской фантазіи, не могшей ни оторваться отъ животнаго, ни возвыситься до человѣка. Въ Греціи въ лицѣ мнѣическаго Эдипа человѣкъ побѣдилъ сфинкса, разгадавъ его загадку.

смыслъ которой былъ „человѣкъ“, и въ разгадкѣ которой выразилось самосознаніе человѣка: сфинксъ отъ стыда и досады бросился въ море, а человѣкъ остался царемъ на землѣ. И потому если грекъ очеловѣчилъ божество, выражавшееся на Востокѣ только въ животныхъ образахъ, то и обожествилъ человѣка—и это не въ одномъ изяществѣ благородныхъ формъ его тѣла, но и въ духовномъ стремленіи его къ истинному, прекрасному, доблестному, которое, по понятію грека, было божественнымъ, хотя въ немъ и отразилась его же собственная человѣческая сущность. И такъ, по созерцанію эллина, божественное внѣшняго человѣка состояло въ красотѣ, а божественное внутренняго человѣка состояло въ героизмѣ, въ смыслѣ борьбы долга съ рокомъ, — и тамъ, гдѣ побѣда оставалась за человѣкомъ, человѣкъ дѣлался выразителемъ и представителемъ божественнаго, а гдѣ человѣческая личность побѣждалась страстью и эгоизмомъ, тамъ божественное являлось торжествующимъ въ трагической катастрофѣ падшей нравственнo личности. Во всемъ, и въ природѣ, и въ духѣ человѣка, и въ религіи, и въ гражданственности, и въ искусствѣ, грекъ искалъ и находилъ божественное и упивался имъ въ блаженномъ созерцаніи. Цѣль жизни для грека было наслажденіе, заключавшееся въ одномъ божественномъ. И потому у грека самая чувственность была обожествлена чувствомъ красоты и изящества, которыя тѣсно были соединены въ его созерцаніи съ чувствомъ нравственнаго. Жрецъ ли, воинъ ли, администраторъ ли, мудрецъ ли, художникъ ли, есть ли на пиру: грекъ вездѣ священнодѣйствовалъ, вездѣ былъ актеромъ, который беретъ себѣ роль, чтобы, слившись въ страданіемъ и блаженствомъ героя драмы, насладиться и воимъ съ нимъ единствомъ, и своей отъ него особностью въ дно и то же время. Вотъ это-то міросозерцаніе и лежитъ въ основѣ каждаго художественнаго произведенія греческаго. слѣдовательно и въ греческой литературѣ, лежитъ въ ихъ основѣ, какъ мысль затаенная, но тѣмъ не менѣе ясная и интуитивная, какъ національный мотивъ, по которому узнавать музыку того или другого народа во всѣхъ его пѣсняхъ. это-то міросозерцаніе и составляетъ то вѣчное и непреходящее, то божественное греческой литературы, которое и

сдѣлало ее общимъ достояніемъ человѣчества, несмотря на измѣненіе нравовъ и понятій втеченіе тысячелѣтій, которое пережило эмпирическое существованіе грековъ и умереть только съ человѣчествомъ, если человѣчество можетъ умереть. Въ греческомъ міросозерцаніи мы видимъ торжество развитія древняго міра, видимъ въ ней цвѣтомъ то, что въ Индіи было корнемъ, въ Египтѣ — стеблемъ и листьями. По этому самому даже искусство и литература индійцевъ имѣютъ всемірно-историческое значеніе, какъ выраженіе ступени всемірно-историческаго развитія. Египтяне оставили памятники своего интеллектуальнаго существованія преимущественно въ зодчествѣ и ваяніи, въ громадной нескладности и животныхъ типахъ которыхъ выразилось окончательное обожествленіе природы и порываніе къ идеѣ человѣка. И потому египетское искусство тоже имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Но несравненно выше ихъ всемірно-историческое значеніе греческаго искусства и греческой литературы, въ которыхъ все, что въ другихъ древнихъ народахъ проявлялось неопредѣленно, разрозненно, чудовищно, явилось опредѣленно, полно и изящно.

Пантеистическое міросозерцаніе, отправившееся отъ Индіи, черезъ Персію, къ семитическимъ племенамъ и принявшее отвлеченно духовный характеръ, миновало Грецію и перешло въ Европу среднихъ вѣковъ, преображенное христіанствомъ; а въ Азіи преобразовалось въ магометанство. Нѣтъ нужды доказывать, что священная литература евреевъ имѣетъ всемірно-историческое значеніе; но должно сказать, что поэзія восточныхъ народовъ, какъ до исламизма, такъ и во время его владычества, имѣетъ свое всемірно-историческое значеніе въ той мѣрѣ, въ какой выражается въ ней пантеистическое міросозерцаніе. Въ Европѣ новыхъ временъ, по исходѣ среднихъ вѣковъ, гений Востока, развивавшійся мимо Греціи, снова встрѣтился съ древне-европейскимъ міромъ, чрезъ знакомство съ литературами Греціи и Рима.

У римлянъ, какъ у народа по-преимуществу практически-дѣятельнаго, не могло развиться ни самостоятельной поэзіи, ни самобытной литературы: литература ихъ есть подражаніе греческой, и явилась у нихъ при крутомъ поворотѣ римской

жизни къ упадку и гніенію. Латинская литература преимущественно заключается въ рѣчахъ ораторовъ и въ историческихъ твореніяхъ, которыхъ характеръ болѣе риторическій, какъ оно и должно было быть у народа общественнаго, гдѣ краснорѣчіе имѣло характеръ судебный и политическій. Истинная латинская литература, т. е. національная и самобытная латинская литература, заключается въ Тацитѣ и сатирикахъ, изъ которыхъ главнѣйшій—Ювеналь. Эта литература, явившаяся въ эпоху крайняго разложенія стихій общественной жизни римлянъ, имѣетъ высокое значеніе высшаго нравственнаго суда надъ сгнившимъ въ развратѣ обществомъ, что и даетъ ей по-преимуществу всемірно-историческое, а слѣдовательно и никогда не умирающее значеніе. Литература же великаго и цвѣтущаго Рима преимущественно заключается въ его законодательствѣ.

На позорищѣ новаго міра три націи представляютъ въ своемъ лицѣ современное намъ человѣчество—Франція, Германія и Англія. Прежде нихъ вышедшая на поприще всемірно исторической дѣятельности, Италія уже какъ бы умерла въ настоящее время и въ летаргическомъ усыпленіи, съ тоской, тщетно ожидаетъ своего возрожденія для будущаго. Мы говоримъ не о политическомъ, а о нравственномъ, духовномъ существованіи народовъ. Италія, по разрушеніи Рима варварами, никогда не играла сколько-нибудь значительной роли въ политическомъ мірѣ и только хитростью отдѣлывалась отъ многочисленныхъ враговъ, и съ сѣвера, и съ юга безпрестанно наводнявшихъ собой ея прекрасную почву. Германія и теперь не одно государство, не одинъ народъ, а множество государствъ и народовъ, и въ политическомъ мірѣ не Германія, а Пруссія и Австрія играютъ теперь первостепенныя роли. Но предметъ нашего изслѣдованія—не Пруссія, и еще менѣе Австрія, а Германія или, лучше сказать, духъ германскаго племени, его нравственное, а не политическое владычество въ современномъ мірѣ. И вотъ въ этомъ-то отношеніи Италія — страна мертвая въ наше время. А какую блестящую роль играла она еще въ то время, когда вся остальная Европа была погружена во мракъ варварства! Еще тогда въ ней была уже цивилизація — отблескъ наслѣдованной ею классической

цивилизации, утонченность нравовъ, наука и искусство. Въ XIII и XIV столѣтіяхъ, какъ мы уже говорили объ этомъ выше, Италія имѣла уже Данта, Петрарку и Боккачіо; въ XVI — Аріоста и Тасса; но не этимъ только ограничивалось владычество Италіи въ сферѣ искусства: Италія — отечество зодчества, живописи, скульптуры, музыки. Нѣтъ никакой нужды приводить здѣсь имена ея великихъ художниковъ: они такъ извѣстны всѣмъ. Итальянецъ, это — или артистъ, или дилетантъ уже по самой натурѣ своей; онъ родится или артистомъ, или диллетантомъ. Гондольеръ въ Италіи поетъ октавы Тасса, народъ апплодируетъ при появленіи на улицѣ какого-нибудь знаменитаго маэстро. Путешественники всѣхъ странъ не могутъ не удивляться правильной и благородной красотѣ римскаго простонародья, искусству римскаго крестьянина драпироваться своимъ бѣднымъ плащемъ и принимать живописныя позы во всѣхъ его положеніяхъ. Земля священныхъ развалинъ, почва, усыпанная памятниками и обломками древняго искусства, царство благодатной и роскошной природы, вся прелесть, вся наслажденіе, вся восторгъ и вдохновеніе, — поэтическая, живописная и пѣвучая Италія, въ артистическомъ отношеніи, была наслѣдницей древней Греціи. Она царила въ области изящнаго, въ области вкуса. Что было этому причиной, если не субстанція народа? Скажутъ: это направленіе произвели обстоятельства, видъ памятниковъ древняго искусства, непосредственное наслѣдіе древней цивилизации. Но почему же римляне, ограбившіе Грецію произведеніями ея искусства, почему они, не смотря на то, попрежнему остались народомъ безъ эстетическаго вкуса, безъ всякой способности къ творчеству? потому-что всѣ, даже позднѣйшія произведенія древняго рѣзца уже ознаменованныя признаками упадка искусства, были дѣломъ рукъ грековъ, пріѣзжавшихъ или переселявшихся въ Римъ. Чтобы Италія сдѣлалась отчизной искусствъ, римской крови нужно было возродиться черезъ смѣшеніе съ кровью готтовъ и лонгобардовъ...

Другая роль въ человѣчествѣ суждена французамъ, нѣмцамъ и англичанамъ — этимъ тремъ національностямъ, идущимъ теперь во главѣ человѣчества. Германія и Франція представляютъ собой два противоположные полюса, двѣ противо-

ложныя крайнія стороны духа человѣческаго; первая вся—мысль, вся—созерцаніе, вся—знаніе, вся—мышленіе; вторая: вся — страсть, вся -- движеніе, вся — дѣятельность, вся — жизнь. Германія понимаетъ (созерцаетъ) природу и человѣка, словомъ, — дѣйствительность, понимаетъ ее не иначе, какъ предметъ для сознанія, — и отсюда мыслительно-созерцательный, субъективно-идеальный, восторженно-аскетическій, отвлеченно-ученый характеръ ея искусства и науки. Оттого и само искусство ея не что иное, какъ параллель философіи, какъ особенная форма созерцательнаго мышленія, и оттого же и всемірно-историческій характеръ произведеній ея литературы — и науки, и поэзіи. Отсюда же проистекаетъ и яркая противоположность между высокимъ, всемірно-историческимъ значеніемъ нѣмцевъ въ наукѣ и искусствѣ и ихъ пошлостью въ гражданскомъ и семейственномъ быту. Франція, напротивъ, понимаетъ жизнь какъ жизнь, а мысль какъ дѣятельность, какъ развитіе общественности, какъ приложеніе къ обществу всѣхъ успѣховъ науки и искусства. Для нѣмца наука и искусство — сами себѣ цѣль, самостоятельная и священная сфера, которую значило бы профанировать, внося въ нее что-нибудь отъ міра или требуя отъ нея вмѣшательства въ дѣла жизни; для француза наука и искусство — средства для общественнаго развитія, для отрѣшенія личности человѣческой отъ тяготящихъ и унижающихъ ее оковъ преданія и временныхъ (а не вѣчныхъ) общественныхъ отношеній. И вотъ причина, почему литература французская имѣетъ такое огромное вліяніе на всѣ образованные и даже полуобразованные народы міра; вотъ почему даже ея летучія, эфемерныя произведенія пользуются такой всеобщностью, такой повсюдной извѣстностью. Нѣмецъ бьется только изъ того, чтобы понять истину, а поймутъ ли его самого, — объ этомъ онъ мало заботится; онъ пишетъ для тружениковъ истины, готовыхъ добиваться ея въ потѣ лица, для ученыхъ: людей просто, общества онъ и знать не хочетъ. Отсюда туманность, неуклюжесть и часто педантизмъ нѣмецкаго способа писать и выражаться. Французъ, по-преимуществу человѣкъ общительный и общественный, исполненный симпатіи къ людямъ и обществу, прежде всего заботится о томъ, чтобы его поняли всѣ, и скорѣе

рѣшится пожертвовать глубиной мысли, лишь бы только быть понятымъ, нежели заслужить упрекъ въ темнотѣ изложенія, оставаясь глубокомысленнымъ. Оттого нѣмцы изъ самыхъ популярныхъ предметовъ умѣютъ сдѣлать родъ элевзинскихъ таинствъ; а французы изъ самыхъ отвлеченныхъ и сухихъ предметовъ умѣютъ сдѣлать общедоступный и увлекательный предметъ знанія. Положите нѣмца въ тиски,—ему и въ нихъ будетъ хорошо, если онъ пойметъ ихъ механизмъ, и переведетъ ихъ значеніе на языкъ науки; французу всегда тѣсно и на просторѣ, потому-что для него жить — значитъ безпрестанно расширять горизонтъ жизни. Нѣмецъ сознаетъ дѣйствительность; французъ творитъ ее. Нѣмецъ любитъ знаніе о человѣкѣ; французъ любитъ человѣка. Особенность каждаго изъ народовъ рѣзко выражается въ ихъ литературѣ, и эта-то особенность и даетъ литературѣ каждаго изъ нихъ всемірно-историческое значеніе. Примиреніе и взаимное проникновеніе нѣмецкаго и французскаго элементовъ, если оно произойдетъ, какъ и должно ожидать этого, никогда не изгладитъ ни особенности, ни самостоятельности той и другой литературы, но придастъ имъ еще бѣльшее всемірно-историческое значеніе и будетъ истиннымъ торжествомъ для человѣчества.

Гораздо труднѣе характеризовать и опредѣлить всемірно-историческое значеніе англійской націи и ея литературы. Англійская національность доселѣ представляетъ собой зрѣлище самыхъ поразительныхъ противоположностей. Всегда живя и дѣйствуя внѣ человѣчества, погруженная въ свой національный эгоизмъ, Англія тѣмъ не менѣе служитъ человѣчеству, заботясь только о собственныхъ выгодахъ на чужой счетъ. Распространяя свою всемірную торговлю, а для этого распространяя свои завоеванія на всемъ земномъ шарѣ, она по всему лицу его разноситъ сѣмена европейской цивилизаціи. Опередивши всю Европу въ общественныхъ учрежденіяхъ, на совершенно новыхъ основаніяхъ, Англія въ то же время упорно держится феодальныхъ формъ и чтитъ букву закона, потерявшаго смыслъ и давно замѣненнаго другимъ. Политическое и религіозное ханжество англичане считаютъ своей обязанностью, своей добродѣтелью, потому-что она имъ полезна,

какъ опора ихъ *statu quo*. Нигдѣ индивидуальная, личная свобода не доведена до такихъ безграничныхъ размѣровъ, и нигдѣ такъ не сжата, такъ не стѣснена общественная свобода, какъ въ Англіи. Нигдѣ нѣтъ ни такого чудовищнаго богатства, ни такой чудовищной нищеты, какъ въ Англіи. Нигдѣ такъ не прочны общественныя основы, какъ въ Англіи, и нигдѣ, какъ въ ней же, не находятся онѣ въ такой опасности ежеминутно разрушиться, подобно черезчуръ крѣпко натянутымъ струнамъ инструмента, ежеминутно готовымъ лопнуть. Народъ по преимуществу практическій, промышленный, торговый, мануфактурный, словомъ, утилитарный, англичане сильны въ положительныхъ наукахъ, особенно въ ихъ примѣненіи къ практикѣ; философія же и вообще всѣ умозрительныя знанія находятся въ Англіи въ самомъ жалкомъ положеніи. Но плохіе и ничтожные мыслители, англичане обладаютъ такой художественной литературой, которую скорѣе можно поставить выше, нежели ниже, всякой другой европейской литературы. Что же, какая же сторона англійской національности преимущественно отразилась въ англійской литературѣ? Трудно сказать это. Читая Шекспира и Вальтеръ-Скотта, видишь, что такіе поэты могли явиться только въ странѣ, которая развилась подъ вліяніемъ страшныхъ политическихъ бурь, и еще болѣе внутреннихъ, чѣмъ внѣшнихъ, въ странѣ общественной и практической, чуждой всякаго фантастическаго и созерцательнаго направленія, діаметрально-противоположной восторженно-идеальной Германіи, и въ то же время родственной ей по глубинѣ своего духа. Читая Байрона, видишь въ немъ поэта глубоко-лирическаго, глубоко-субъективнаго, и въ его поэзіи энергическое отрицаніе англійской дѣйствительности, и въ то же время въ Байронѣ все-таки нельзя не видѣть англичанина, и притомъ лорда, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и демократа. Страна всеобщаго тартюфства, Англія имѣла историка Гиббона. Сколько противорѣчій! Но изъ этихъ-то противорѣчій и вышелъ тотъ мрачный титаническій юморъ, который составляетъ характеристическую черту англійской литературы, рѣзко отличающую ее отъ всѣхъ другихъ литературъ. Англія—отечество юмора, который теперь болѣе или менѣе привился ко всѣмъ европейскимъ литературамъ и ко-

торый составляет могущественнѣйшее орудіе духа отрицанія, разрушающаго старое и приготовляющаго новое. Англійскій юморъ есть искупленіе національной англійской ограниченности въ настоящемъ и залогъ ея будущаго выхода изъ ограниченности.

Впрочемъ всемірно-историческое значеніе литературы есть только высшая степень ея достоинства, но не есть необходимая принадлежность. Могутъ быть литературы и безъ всемірно-историческаго значенія, но органически развившіяся и имѣющія свою исторію. Только важность подобной литературы гораздо значительнѣе для того народа, которому она принадлежитъ, нежели для другихъ народовъ. Всемірно-историческое значеніе литературы даетъ ей интересъ общій, дѣлаетъ ее извѣстной всѣмъ народамъ; тогда какъ кругъ вліянія и очевидность важности литературы, не имѣющей всемірно историческаго значенія, ограничивается предѣлами выражаемой ею національности. Таковы литературы: шведская, голландская, польская, богемская. Онѣ могутъ блестѣть именами знаменитыхъ талантовъ, но интересны онѣ болѣе или менѣе только именно произведеніями этихъ талантовъ, а не совокупностью всѣхъ своихъ произведеній. Такъ извѣстны въ Европѣ имена Эленшлегера, Тегнера, Мицкевича; сочиненія ихъ даже переводятся на иностранные языки; но зато, кромѣ этихъ писателей, болѣе никто не извѣстенъ за предѣлами своего отечества. Итакъ, по одному знаменитому имени на каждую литературу! А между-тѣмъ въ каждой изъ этихъ литературъ есть много писателей даровитыхъ и замѣчательныхъ; хотя не столько знаменитыхъ, какъ тѣ, которыхъ мы назвали; но вліяніе и значительность этихъ талантовъ важны только у себя дома. Они оказали услуги, можетъ-быть весьма большія, своему языку, своей литературѣ, своему отечеству, но не человѣчеству, и потому ихъ знаетъ и чувствуетъ только ихъ отечество, человѣчество же не хочетъ и не можетъ ихъ знать.

Но чтобы литература и для своего народа была выраженіемъ его сознанія, его интеллектуальной жизни, — необходимо, чтобы она была въ тѣсной связи съ его исторіей и могла служить объясненіемъ ей, необходимо, чтобы она развилась

органически и имѣла свою исторію. Безъ этихъ условій, каково бы ни было количество книгъ на языкѣ того или другого народа, — оно доказываетъ только то, что у этого народа существуетъ книгопечатаніе и процвѣтають типографіи, но совсѣмъ не то, чтобы у него была литература. Больше или меньшее число писателей, даже съ замѣчательными дарованіями, также доказываетъ только то, что у народа есть люди, которые нашли свои причины и побужденія составлять и издавать въ свѣтъ книги; но опять-таки совсѣмъ не то, чтобы у него была литература. Еще менѣе можетъ служить доказательствомъ существованія литературы книжная торговля: она доказываетъ только существованіе въ народѣ болѣе или менѣе значительнаго числа грамотныхъ людей, которымъ надобно же что-нибудь читать, хотя отъ скуки и для разсѣянія, или по незнанію иностранныхъ языковъ, или по особенной симпатіи ко всему родному, отечественному. Подобными чисто-внѣшними доводами нельзя доказать существованія литературы у того или другого народа. Правда, безъ книгъ, безъ писателей и безъ читателей невозможна никакая литература, какъ невозможенъ театръ безъ сцены, безъ репертуара, безъ актеровъ и публики; но только одни книги, писатели и читатели еще не составляютъ собой литературы: ее производитъ духъ народа, выражающійся въ его исторіи, и потому литературу можетъ имѣть народъ, существующій не эмпирически только, но и нравственно, духовно, развивающій своей жизнью какую-нибудь сторону обще-человѣческаго духа, словомъ, — народъ, который существуетъ по праву, необходимо, а не случайно.

Было время, когда мы, русскіе, имѣли огромную литературу, которая не только не уступала ни одной изъ извѣстныхъ литературъ древняго и новаго міра, но и далеко превосходила и каждую изъ нихъ порознь и всѣ вмѣстѣ. Тредьяковскій „полезными своими трудами пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу“. Ломоносовъ былъ „Малербъ нашихъ странъ и Пиндару подобенъ“, кромѣ того

Что въ Римѣ Цицеронъ, и что Вергилій былъ,
То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ.

Сумароковъ „различныхъ родовъ стихотворными и прозаическими сочиненіями приобрѣлъ себѣ великую и безсмертную славу не только отъ россіянъ, но и отъ чужестранныхъ академій и славнѣйшихъ европейскихъ писателей, и хотя первый онъ изъ россіянъ началъ писать трагедію по всѣмъ правиламъ театральнаго искусства, но столько успѣлъ въ оныхъ, что заслужилъ названіе сѣвернаго Расина; его эклоги равняются знающими людьми съ виргиліевыми и поднесъ еще остались неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищемъ россійскаго парнаса; и въ семь родѣ стихотворенія далеко превосходитъ онъ Федра и де-ла-Фонтена, славнѣйшихъ въ семь родѣ“. Петровъ побѣдилъ въ своихъ одахъ Пиндара. Хераскову не нанесутъ вреда зоилы: Владиміръ и Іоаннъ покроютъ его щитомъ и проведутъ въ храмъ безсмертія.

Херасковъ нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани,
Россіи торжество, паденіе Казани.

Державинъ—сѣверный Пиндаръ, Горацій и Анакреонъ, далеко превосшедшій южныхъ—Пиндара, Горація и Анакреона. Богдановичъ въ своей „Душенькѣ“ побѣдилъ Лафонтена. Но мы бы долго не кончили, если бы стали исчислять всѣхъ русскихъ поэтовъ и писателей, которые превзошли и побѣдили поэтовъ и писателей всего міра. Такъ дѣтски тѣшили свое самолюбіе неразвившійся вкусъ и неопытная критика. Подобное направленіе общественнаго мнѣнія въ пользу русской литературы впрочемъ было болѣе полезно, нежели вредно, потому-что это невинное самообольщеніе рождало въ пишущихъ людяхъ охоту къ литературнымъ трудамъ, а въ публикѣ—охоту читать ихъ литературные труды. Въ свое время это самообольщеніе начало проходить, потому-что стали являться вольнодумцы, которые вооружились противъ незаслуженныхъ или преувеличенныхъ авторитетовъ. Въ своемъ мѣстѣ мы покажемъ заслуги этихъ смѣльчаковъ. Но рѣшительная потребность сознанія значенія и важности русской литературы, истинной оцѣнки заслугъ русскихъ писателей обнаружилась не болѣе какъ лѣтъ десять тому назадъ. Вдругъ, къ изумленію однихъ, къ оскорбленію другихъ, раздался смѣло предложенный вопросъ: „есть ли русская литература? существуетъ ли

русская литература?" Разумѣется, тотъ, кто первый предложилъ этотъ вопросъ, тогда же рѣшилъ его отрицательно, невольно увлекшись сомнѣніемъ, которое имъ первымъ было высказано. И хотя отрицательное рѣшеніе этого вопроса было ошибочно, однако оно принесло большую пользу, возбуждивши споры за и противъ и заставивши всѣхъ, не шутя, подумать о томъ, о чемъ они такъ утвердительно говорили по привычкѣ, и безпристрастнѣе разсмотрѣть слишкомъ восторженно признанныя заслуги писателей. Результатомъ этихъ споровъ и изслѣдованій было сознательное признаніе существованія русской литературы, но только въ ея дѣйствительныхъ размѣрахъ, въ ея дѣйствительной важности. Но доселѣ такое признаніе существовало только какъ журнальное мнѣніе, отрывочно и по временамъ высказывавшееся по разнымъ случайнымъ поводамъ и болѣе или менѣе отзывавшееся въ публикѣ; но еще не было предметомъ отдѣльнаго сочиненія, въ которомъ идеи были бы оправданы исторически-критическимъ изложеніемъ фактовъ литературы, а въ фактахъ была бы прослѣжена оживляющая ихъ идея. Вотъ задача, рѣшеніе которой составляетъ содержаніе книги, которая подъ именемъ „Критической исторіи русской литературы“ предлагается теперь благосклонному вниманію читателя.

Несмотря на подражательность и ея неизбѣжный результатъ — риторизмъ русской литературы отъ Ломоносова до Пушкина, несмотря на то, что и отъ Пушкина до настоящей минуты содержаніе русской литературы довольно скудно и большей частью состоитъ изъ идей, возникшихъ и развившихся не на туземной почвѣ; несмотря на то, что сумма произведеній русской литературы, ознаменованныхъ печатью сильнаго самобытнаго таланта и блистающихъ не относительными, а безусловными достоинствами, очень не велика; несмотря на то, что масса читающей русской публики ничтожна въ сравненіи съ массой не читающей публики, что даже эта небольшая читающая публика раздѣляется и подраздѣляется на множество различныхъ и дробныхъ сторонъ, почти ничѣмъ не связанныхъ одна съ другой, и что самая высшая литературная публика у насъ до сихъ поръ состоитъ преимущественно изъ самихъ же литераторовъ, которые въ свою

очередь, несмотря на ихъ малочисленность, тоже раздѣляются на множество почти ничѣмъ не связанныхъ между собою категорій, — несмотря на все это, существованіе русской литературы есть фактъ, неподверженный никакому сомнѣнію. Но дѣйствительность этого факта очевидна только тогда, когда на русскую литературу будутъ смотрѣть какъ на міръ, хотя не большой, но существующій по своимъ собственнымъ законамъ и развивающійся своимъ собственнымъ путемъ. Оттого и могло родиться сомнѣніе въ существованіи русской литературы, что на нее хотѣли смотрѣть, какъ напр. на древне-греческую и латинскую и новѣйшую французскую литературы сравнивали ее съ ними, требовали отъ нея непременно тѣхъ же явленій, какими были ознаменованы эти литературы; и потому нашихъ поэтовъ называли русскими Гомерами, Виргиліями, Пиндарами, Гораціями, Анакреонами, Федрами, Лафонтенами. Расинами, потомъ — Шиллерами, Байронами и т. д. Начало и развитіе русской литературы совершенно особенное, не имѣющее себѣ примѣра ни въ одной литературѣ міра, такъ же, какъ и развитіе русскаго народа. И вотъ здѣсь-то является во всей своей очевидности та истина, что литература есть выраженіе жизни своего народа, и что исторія литературы тѣсно слита съ исторіей народа. Всемирно-историческаго значенія русская литература никогда не имѣла и теперь имѣть не можетъ. Россійская имперія, созданная Петромъ Великимъ, имѣетъ теперь всемірно-историческое значеніе въ политическомъ смыслѣ, занимая почетное мѣсто между первостепенными державами Европы и оказывая могущественное вліяніе на весь политическій міръ. Но Россія, но народъ русскій находятся еще въ одномъ изъ первыхъ моментовъ процесса своего только что начинающагося развитія; они не успѣли еще установиться и опредѣлиться, вырасти до самихъ себя, — и потому не могутъ претендовать на умственное всемірно-историческое значеніе въ современномъ человѣчествѣ. Что Россіи готовится великое будущее, что русское племя носитъ въ себѣ плодотворное зерно субстанціальной жизни, которое нѣкогда должно развиться въ величественное, широколиственное дерево, — такое предположеніе и теперь не чуждо достовѣрности; но въ чемъ будетъ состо-

ять это великое будущее, какое міросозерцаніе разовьется изъ субстанціи русскаго народа, даже въ чемъ именно состоитъ субстанція его духовной природы,—этого теперь опредѣлить нельзя, а фантазировать объ этомъ и бесплодно, и нелѣпо. Русскій народъ въ этомъ отношеніи похожъ на гениальнаго ребенка: его физіономія уже значительна и общается много въ будущемъ, но дѣтскимъ чертамъ его лица еще недостаетъ опредѣлительности, и по нимъ еще нельзя сказать, по какой дорогѣ и какъ именно пойдетъ это гениальное дитя, когда сдѣлается взрослымъ человѣкомъ. И потому намъ должно пока отказаться отъ всякихъ притязаній сравнивать и равнять русскую литературу съ французской, нѣмецкой или англійской;—хотя въ то же время нельзя сказать, чтобы мы вовсе лишены были права сравнивать, равнять (и даже иногда ставить выше) иныя отдѣльныя произведенія нашей литературы тоже съ отдѣльными произведеніями другихъ литературъ, но въ отношеніи чисто-художественномъ, а не философско-историческомъ. Наша литература исполнена большого интереса, но только для насъ, русскихъ, потому что въ ней выразилось наше собственное развитіе, общественное и человѣческое. Другими словами: наша литература имѣетъ для насъ великое значеніе не въ одномъ эстетическомъ, но еще болѣе въ историческомъ значеніи.

Русская литература тѣмъ отличается отъ всѣхъ другихъ литературъ, что она не возникла самобытно и непосредственно изъ почвы народной жизни, но была результатомъ крутой общественной формы, плодомъ искусственной пересадки. И потому она сперва была подражательной и риторической, бѣдной содержаніемъ, скудной жизнью. Если бы она навсегда осталась такой, она была бы не литературой, а книжничествомъ, и не заслуживала бы никакого вниманія. Но въ отношеніи къ нашей литературѣ можетъ быть больше, нежели во всякомъ другомъ отношеніи, и обнаружилась вся плодovitость и жизненность искусственной реформы Петра Великаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить поэта Ломоносова съ поэтомъ Пушкинымъ, сатирика Фонвизина съ юмористическимъ поэтомъ Гоголемъ: какая безконечная разница! Кажется между этими людьми легли цѣлые вѣка, тогда

какъ ихъ едва раздѣляетъ одно столѣтіе! И это развитіе подражательной и риторической школьной и книжной поэзіи въ са-мобытную и художественную, живую и доступную обществу, совершилось постепенно, органически. Державинъ уже болѣе поэтъ, нежели Ломоносовъ; Озеровъ болѣе поэтъ, нежели Су-мароковъ и Княжнинъ; за баснописцами даровитыми, но подражательными—Хемницеромъ и Дмитріевымъ—является геніальный и народный баснописецъ Крыловъ; Карамзинъ, преобразовавъ ломоносовскую прозу, приближаетъ ее къ естественной русской рѣчи и прививаетъ къ русской литературѣ элементы изящнаго французскаго публицизма, а Дмитріевъ роднитъ русскую поэзію съ духомъ и манерой изящной свѣтской поэзіи французовъ, и оба они далеко опережаютъ своихъ предшественниковъ въ легкости языка и даже въ поэтическомъ выраженіи стиха; Жуковский прививаетъ къ русской поэзіи романтическіе элементы германской и англійской поэзіи; Батюшковъ вноситъ въ русскую поэзію элементы пластически-художественнаго созерцанія жизни и ея выраженія, въ духѣ древне-классической поэзіи, — и оба они далеко опережаютъ Карамзина и Дмитріева въ фактурѣ стиха, не говоря уже о поэзіи выраженія. За ними наконецъ является Пушкинъ, поэтъ и художникъ по-преимуществу, окончательно преобразовываетъ языкъ русской поэзіи, возведя его на высочайшую степень художественности, — и съ нимъ первымъ является въ русской литературѣ искусство, какъ искусство, поэзія—какъ художественное творчество. Въ Пушкинѣ вся предшествовавшая ему изящная литература русская; прежде, чѣмъ онъ сталъ самобытнымъ и національнымъ поэтомъ-мастеромъ, онъ былъ поклонникомъ и ученикомъ предшествовавшихъ ему поэтовъ, и все сдѣланное ими усвоилъ въ свою собственность, явивши красоты и достоинства, которыхъ они не являли, и не повторивши ихъ недостатковъ. И потому есть живая, органическая связь между Ломоносовымъ и Пушкинымъ, какъ между причиной и ея слѣдствіемъ. И вотъ эта-то живая органическая послѣдовательность развитія русской литературы и даетъ ей столько же права называться „литературой“ сколько и тѣ яркіе, даже великіе, хотя немногіе таланты, которыми она по справедливости мо-

жать гордиться, и больше всего удостовѣряетъ въ ея существенномъ достоинствѣ въ настоящее время и въ ея способности пріобрѣсти нѣкогда всемірно-историческое значеніе. Прежде русская литература подражала буквѣ иностранной, учась словесному выраженію; послѣ она стала усваивать себѣ элементы различныхъ національностей Европы, и это усвоеніе, долженствующее обогатить и сдѣлать ее многосторонней, еще и теперь продолжается и еще будетъ продолжаться. Къ особннымъ свойствамъ русскаго народа принадлежитъ его способность, проистекающая изъ его положенія въ Европѣ, усваивать себѣ все чуждое, ничѣмъ не увлекаясь, ничему не покоряясь исключительно. Только въ недавнее время началось сближеніе между собой французской и германской національности, но и теперь еще такъ трудно для француза понять нѣмца, а для нѣмца—понять француза. Русскій легко понимаетъ обоихъ ихъ и легко понимаетъ, отчего такъ трудно имъ понять другъ друга; но самъ отъ этого не дѣлается ни французомъ, ни нѣмцемъ. Короче: русскій человѣкъ еще не живетъ, а только запасается средствами на жизнь, беря ихъ вездѣ и всюду, гдѣ ни встрѣтитъ, — и видно, богата должна быть жизнь его въ будущемъ, если для нея ему нуженъ такой огромный запасъ!

Очень понятно, отчего родился у насъ вопросъ: существуетъ ли русская литература? Его произвели съ одной стороны ребячество нашего литературнаго самообольщенія, которое во всякомъ русскомъ писателѣ хотѣло видѣть то Гомера, то Пиндара; съ другой стороны односторонняя точка зрѣнія на русскую литературу. Если смотрѣть только съ художественной точки зрѣнія на нашихъ старыхъ писателей, то не только какіе-нибудь Сумароковъ, Херасковъ и Петровъ, даже Ломоносовъ, мало того, самъ Державинъ лишится почти всего своего значенія и перестанетъ казаться не только великимъ, даже замѣчательнымъ явленіемъ въ области русской поэзіи. Но исключительно эстетическая точка зрѣнія, какъ всякая односторонность, всегда доводитъ до ложныхъ заключеній: и потому, при сужденіи о литературѣ, кромѣ эстетической точки зрѣнія, нужна еще и историческая. И вотъ съ этой послѣдней точки зрѣнія не только Державинъ — и Ломо-

носовъ получаетъ великое значеніе въ русской литературѣ, не только какъ писатель вообще, но и какъ поэтъ. Даже Сумароковъ, Херасковъ и Княжнинъ, которыхъ такъ легко совершенно уничтожить съ эстетической точки зрѣнія, — съ исторической, напротивъ, получаютъ полное оправданіе и являются въ русской литературѣ именами замѣчательными и почтенными. Эти трудолюбивые люди своей дѣятельностью, хотя и ошибочною, размножали на Руси книги, а черезъ книги — читателей, распространяли въ обществѣ охоту и страсть къ благороднымъ умышленнымъ наслажденіямъ литературой и театромъ, — и такимъ образомъ мало-по-малу приготовили для Карамзина возможность образовать въ обществѣ публику для русской литературы. Несмотря на то, что эта публика еще и теперь слишкомъ немногочисленна въ сравненіи съ массою цѣлаго общества и тѣмъ болѣе съ массой всего народа, и что, при ея малочисленности, она поражаетъ взоръ наблюдателя разнообразіемъ, пестротой и противорѣчіемъ своихъ вкусовъ, понятій и требованій, — не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у насъ есть уже и публика, такъ же, какъ есть и литература. Это доказывается тѣмъ, что бездарность, мелочная талантливость и ложная оригинальность пользуются у насъ только мгновеннымъ, хотя иногда и сильнымъ успѣхомъ, тогда какъ истинный талантъ, истинная геніальность скоро опѣниваются, оказываютъ на публику огромное вліяніе и приобретаютъ прочную извѣстность, прочную славу. Пушкинъ при своемъ появленіи былъ встрѣченъ и восторгомъ, и негодованіемъ, но первый скоро одержалъ верхъ, и скоро геніальность Пушкина безусловно была признана всѣмъ обществомъ. „Горе отъ Ума“ Грибоѣдова еще въ рукописи было прочитано всей Россіей. Лермонтовъ при первомъ своемъ появленіи на литературномъ поприщѣ обратилъ на себя изумленные взоры всего общества и, несмотря на свою преждевременную кончину, остался во мнѣніи публики великимъ поэтомъ. Но никто изъ русскихъ писателей не возбуждалъ такого общаго и такого энергическаго негодованія, и никто изъ нихъ съ такимъ блескомъ и торжествомъ не побѣдилъ его, какъ Гоголь. Встрѣченный съ энтузіазмомъ только немногими голосами, во всѣхъ остальныхъ возбудилъ онъ ропотъ оскорбленія и не-

годованія, очень естественный и понятный по духу сочиненій Гоголя и по отношенію ихъ къ обществу; но — удивительное дѣло! — съ равной жадностью былъ онъ читаемъ и перечитываемъ какъ своими почитателями, такъ и своими хулителями. Наконецъ, истина взяла свое, и общественное мнѣніе торжественно признало Гоголя великимъ національнымъ поэтомъ. Такихъ примѣровъ, доказывающихъ, что все истинное, все живое скоро пріобрѣтаетъ симпатію и признаніе русской публики, очень много.

Написать исторію русской литературы — значитъ: показать, какимъ образомъ, какъ слѣдствіе общественной реформы, произведенной Петромъ Великимъ, началась она рабскимъ подражаніемъ иностраннымъ образцамъ, принявши чисто риторическій характеръ; какъ потомъ постепенно стремилась къ освобожденію изъ формальности и риторизма и пріобрѣтенію для себя жизненныхъ элементовъ и самостоятельности; и какъ наконецъ развилась до полной художественности и слѣдалась выраженіемъ жизни своего общества, стала русской. Вмѣстѣ съ этимъ должно показать, что русская литература положила у насъ основаніе публичности и общественнаго мнѣнія, была проводникомъ въ общество всѣхъ человѣческихъ идей и постоянно, не безъ успѣха, боролась съ предрасудками и пороками, завѣщанными намъ невѣжественной, полуазіатской стариной.

Но прежде, нежели приступимъ мы къ изложенію исторіи русской литературы, считаемъ за нужное бросить взглядъ на нашу народную поэзію. Хотя художественная русская литература развилась не изъ народной поэзіи, однако первая при Пушкинѣ встрѣтилась съ послѣдней, и вопросъ о народной русской поэзіи и теперь принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ вопросовъ современной русской литературы, потому что онъ сливается съ вопросомъ о народности въ поэзіи. По разсмотрѣніи произведеній народной русской поэзіи, мы бросимъ бѣглый взглядъ на произведенія древней и старой русской словесности, которыя не принадлежатъ ни къ богословію, ни къ хроникамъ, такъ какъ ни то, ни другое не входитъ въ составъ нашей книги, предметъ которой — исключительно свѣтская изящная (беллетристическая) литература.

Общій взглядъ на народную поэзію и ея значеніе *).

Народность есть альфа и омега эстетики нашего времени, какъ „украшенное подражаніе природѣ“ было основнымъ и главнымъ положеніемъ поэтического кодекса прошлаго вѣка. Высочайшая похвала, какой только можетъ удостоиться поэтъ нашего времени, самый громкій титулъ, какимъ только могутъ теперь почитать его современники или потомки, заключается въ волшебномъ эпитетѣ „народнаго“. Выраженія: „народная поэма“, „народное произведеніе“ часто употребляются теперь вмѣсто словъ: „превосходное, великое, вѣковое произведеніе“. Волшебное слово, таинственный символъ, священный іероглифъ какой-то глубоко-знаменательной, неизмѣримо-обширной идеи, — „народность“ какъ будто замѣнила теперь собой и творчество, и вдохновеніе, и художественность, и классицизмъ, и романтизмъ, заключила въ одной себѣ и эстетику, и критику; сдѣлалась теперь высшимъ критеріумомъ, пробнымъ камнемъ достоинства всякаго поэтического произведенія и прочности всякой поэтической славы. Всѣ требуютъ отъ поэзіи прежде всего народности, а потомъ уже здраваго смысла, но многіе ли отдають себѣ отчетъ въ томъ, что такое эта народность, хотя это слово и кажется всѣмъ столь простымъ и понятнымъ? Но не все то бываетъ въ самомъ дѣлѣ тѣмъ, чѣмъ кажется. По крайней мѣрѣ слово „народность“ такъ же точно требуетъ своего опредѣленія, какъ и всякое другое слово, которое включаетъ въ себѣ какую-нибудь мысль. Слово же „народность“ именно есть одно изъ тѣхъ словъ, которыя потому только и кажутся слишкомъ понятными, что лишены опредѣленнаго и точнаго значенія. По крайней мѣрѣ въ нашей литературѣ не замѣтно особенной опредѣленности въ понятіи о народности въ поэзіи.

Всякая поэзія только тогда истинна, когда она народна,

*) Это позднѣйшая передѣлка начала разбора „Древнихъ руссійскихъ стихотвореній, собр. Киршей Даниловымъ и т. д.“. Этотъ разборъ долженъ былъ составить вторую главу отдѣла „Критической исторіи русской литературы“.

т. е. когда она отражаетъ въ себѣ личность своего народа. Жизнь всего живущаго составляетъ идея: въ чемъ нѣтъ идеи, то не живетъ. Но сущность идеи, внѣ ея чувственнаго проявленія, заключается въ отвлеченной, безразличной всеобщности. И потому идея только тогда есть нѣчто живое и дѣйствительное, когда она переходитъ въ явленіе, а ея всеобщность является особенностью, индивидуальностью и личностью. Такъ, природа есть идея, до сознанія которой человѣкъ дошелъ черезъ созерцаніе безконечно разнообразныхъ явленій видимаго міра. Въ словѣ природа человѣчскій разумъ выразилъ свое понятіе о единствѣ безконечно разнообразныхъ явленій чувственной жизни. Человѣчество есть тоже идея, какъ выраженіе понятія о физическомъ и нравственномъ единствѣ безчисленнаго множества отдѣльныхъ существъ, называемыхъ людьми. Въ своемъ первоначальномъ значеніи природа есть самодѣятельная творящая сила, неисчерпаемая и неистощаемая жизненная субстанція, которая изъ безразличнаго субстанціального пребыванія въ самой собѣ, безпрестанно опредѣляется въ живыя отдѣльныя явленія,—другими словами: безпрестанно обособляется, индивидуализируется и персонифируется. Въ царствѣ ископаемомъ и растительномъ она обособляется, т. е. раскидывается на безконечное множество особнхъ явленій, изъ которыхъ каждое имѣетъ свою особенную форму. Въ царствѣ животномъ особность является еще и индивидуальностью (недѣлимостью). Камень есть предметъ особый, но не индивидуальный: расколите его на тысячи кусковъ, превратите въ пыль,—этимъ вы не лишите его жизни, а только изъ одного камня сдѣлаете множество камней безконечно меньшаго объема. Дерево живетъ высшей жизнью въ сравненіи съ камнемъ; но и оно представляетъ собой только высшее явленіе особности, но еще не представляетъ собой индивидуальности: нельзя ничѣмъ доказать, чтобы ему нужно было именно столько вѣтвей и листьевъ, сколько ихъ есть на немъ, и, обрубивши часть его вѣтвей или сорвавши часть его листьевъ, вы не лишите его этимъ ни его жизни, ни его особности. Дерево есть организмъ, но стоящій на низшей степени; оно увеличивается, какъ и

животное, чрезъ ращеніе изнутри, но это ращеніе изнутри, носить на себѣ характеръ случайности и внѣшности; вѣтвь удлиняется колѣнами, число которыхъ случайно: сломивши одно, вы этимъ ничего не лишаете дерево. Основаніе животнаго царства, кромѣ особы, заключается еще и въ индивидуальности; у животнаго опредѣленное число органовъ и членовъ. Отрѣзавши у собаки ногу, можно ее залѣчить и не допустить умереть, но тогда она изуродована, потому-что у нея отнять членъ, необходимый для полноты ея существованія. Въ человѣкѣ, какъ высшемъ существѣ животнаго царства, повторяется и особность, и индивидуальность, и сверхъ того является личность, какъ „чувственная форма разумаго сознанія“. Человѣкъ потому есть личность, что онъ сознаетъ свое Я, т. е. можетъ самого себя разсматривать и изслѣдовать, какъ будто-бы чуждое ему и внѣ его пребывающее существо. Царство природы раздѣляется на роды и виды; каждое явленіе природы отличается признаками и качествами, не ему самому, а его роду и виду свойственными: и потому каждый дубъ совершенно похожъ на всякій другой дубъ, за исключеніемъ чисто-случайныхъ различій величины; каждый быкъ совершенно похожъ на всякаго другого быка и отличается онъ него не выраженіемъ своей морды или своего рыла, а величиной, цвѣтомъ шерсти и другими чисто случайными, но не существенными признаками. Человѣкъ отъ человѣка существенно отличается лицомъ, фізіономіей, — и какъ ни много людей на земномъ шарѣ, никогда одно и то же лицо не повторяется въ двухъ человѣкахъ. Это различіе лицъ имѣетъ глубокое значеніе: лицо выражаетъ собой личность, а личность есть выраженіе духовной сущности человѣка. Если каждый человѣкъ разнится отъ другого лицомъ, — значитъ, каждый человѣкъ разнится отъ другого и своей духовной личностью; значитъ, каждый человѣкъ есть особенный, въ самомъ себѣ замкнутый міръ. Отсюда различіе темпераментовъ, характеровъ, способностей и наклонностей; отсюда же и свойства каждаго человѣка видѣть и понимать предметы въ своей особенной, ему только свойственной точки зрѣнія. Все, что есть въ каждомъ человѣкѣ, все чѣмъ владѣетъ каждая личность, все это принадлежитъ человѣчеству; но ни одинъ человѣкъ

въ одномъ себѣ не можетъ вмѣстить всего человѣческаго, а получаетъ на свою долю нѣчто отъ обще-человѣческаго, но какъ собственность своей натуры. Какъ въ фортепіано каждая клавиша имѣетъ свой собственный тонъ, но всѣ клавиши, издавая свой звукъ, образуетъ гармонію, — такъ и различіе отдѣльныхъ личностей образуетъ жизнь племенъ и народовъ, а жизнь отдѣльныхъ племенъ и народовъ образуетъ жизнь человѣчества. Будь всѣ люди совершенно одинаковы въ своихъ нравственныхъ средствахъ и ихъ направленіи, — каждый человѣкъ пересталъ бы чувствовать нужду въ другомъ и не было бы между людьми узъ братства. Каждая личность есть опредѣленіе общаго, и въ этомъ ея сила и ея слабость: сила потому, что идея безъ явленія, общее безъ обособленія индивидуальности и личности суть призраки; слабость потому, что всякое опредѣленіе есть ограниченіе, исключеніе изъ всего въ одномъ. Философъ тѣмъ больше философъ чѣмъ менѣе онъ поэтъ, и потому-то самому его больше всего интересуется поэтическая личность. Во всемъ и вездѣ личность одного пополняетъ собой личность другого и въ свою очередь пополняется личностью другого.

Человѣкъ былъ послѣднимъ и высшимъ усиліемъ природы въ ея стремленіи къ самосознанію. Организмъ человѣка явился личностью — орудіемъ разумнаго сознанія, потому что личность имѣетъ *Я*, которое она можетъ противопоставить всему внѣшнему ей міру, всему, что въ отношеніи къ ней составляетъ не-*Я*. Создавши человѣка, природа повершила дѣло своего творчества и перестала быть творящей; приготовивши въ человѣкѣ личность въ возможности, природа представила дальнѣйшее развитіе этой личности уже другой, болѣе высшей, болѣе духовной сферѣ жизни: отселѣ человѣкъ долженъ былъ развиваться черезъ сообщество съ подобными себѣ. И потому испытующій умъ вездѣ находитъ людей, какъ общество, какъ племя, какъ народъ: человѣкъ не помнитъ своего разъединеннаго, до-общественнаго состоянія, какъ не помнитъ своего зарожденія и формированія во чревѣ своей матери, и какъ не помнитъ своего перваго возраста. Племя или народъ есть тоже личность, только идеальная, сознаваемая умомъ реальныхъ личностей, т. е. отдѣльныхъ людей. Какъ разли-

чіе реальныхъ личностей необходимо для того, чтобы онѣ могли сложиться въ общество (въ племя, въ народъ), такъ необходимы племенные и народныя особенности и различія, чтобы племена и народы могли образовать собою другую высшую идеальную личность — человѣчество. Только различныя струны могутъ производить аккордъ, одинаковыя же звучатъ безсмысленно и дисгармонически. Какъ каждый человѣкъ выражаетъ собою преимущественно одну какую-нибудь сторону обще-человѣческой натуры и потому самому нуждается въ другихъ людяхъ, такъ и каждый народъ выражаетъ собою преимущественно одну какую-нибудь сторону всецѣлаго и единого духа человѣческаго, и потому нуждается въ соприкосновеніи съ другими народами, принимаетъ отъ нихъ въ себя то, чего имъ недостаетъ. Каждый народъ отличается отъ всякаго другого типомъ лица, — и потому, за немногими исключеніями, не трудно узнать въ человѣкѣ по его лицу нѣмца, англичанина, француза, итальянца, русскаго. Кромѣ того у людей одной націи есть какое то семейное сходство и въ манерахъ, и въ способѣ смотрѣть на вещи, и въ образѣ дѣйствованія, не говоря уже объ особенности языка — этого живого, чувственного проявленія народной логики. Между людьми есть личности характерныя, самостоятельныя, которыя на все, что ни говорятъ и ни дѣлаютъ онѣ, кладутъ яркую печать свойственной имъ особенности; и есть между людьми личности безхарактерныя, безцвѣтныя, которыя не могутъ сопротивляться никакимъ внѣшнимъ вліяніямъ и, не имѣя въ себѣ ничего особеннаго и рѣзкаго, вѣчно играютъ при другихъ роль нулей. Такая же разница и между народами. Есть народы, которые существуютъ только внѣшнимъ образомъ, благодаря благопріятному для нихъ стеченію внѣшнихъ обстоятельствъ, которые, исчезая съ лица земли, не оставляютъ по себѣ никакихъ памятниковъ своего существованія. Обыкновенно они бываютъ добычей болѣе ихъ сильныхъ народовъ и, смѣшавшись съ своими завоевателями, теряютъ свой языкъ, вѣру и обычаи, не производя никакой перемѣны въ народѣ, который поглотилъ ихъ. Такихъ народовъ было множество, и исторія только упоминаетъ вскользь ихъ имена, для внѣшней связи событій. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ

играли даже значительную, хотя и чисто-внѣшнюю роль въ исторіи: движимые или сліяніемъ какихъ-нибудь внѣшнихъ обстоятельствъ, или какимъ-нибудь сильнымъ человѣкомъ, или оживляемые мгновеннымъ фанатизмомъ, они грозили гибелью цивилизаціи, рабствомъ всему міру,—и... скоро исчезли, какъ призраки, не оставивъ ни какихъ слѣдовъ своего существованія. Таковы были гунны, монголы, явившіеся міру, какъ страшный метеоръ, и, подобно метеору, скоро исчезнувшіе; дольше ихъ существовали турки, благодаря силѣ своего религіознаго фанатизма и разъединенности европейскихъ государствъ,—а теперь мы видимъ только живой трупъ этого нѣкогда страшнаго народа. Есть народы, которымъ жизнь и развитіе даны были только на опредѣленный срокъ и до извѣстной степени, и которые, свершивъ свое назначеніе, остались какъ окаменѣлыми памятниками прошедшаго, живя въ старыхъ, потерявшихъ смыслъ формахъ, безъ движенія, безъ прогресса. Таковы индійцы, китайцы, японцы,—эти можетъ быть старѣйшіе народы въ человѣчествѣ. Однимъ народомъ суждена первостепенная роль въ человѣчествѣ,—и это всемірно-историческіе народы; другимъ суждена просто историческая роль; третьимъ—и это народы ничтожные и случайные—не суждено никакой роли въ исторіи, кромѣ развѣ скоропреходящихъ и оставшихся безъ слѣдствій переворотовъ. Только такой народъ можетъ назваться историческимъ, который при жизни своей имѣлъ большее или меньшее вліяніе на судьбы человѣчества и оставилъ по себѣ неизгладимые слѣды своего существованія. Замѣчено, что замѣчательнѣйшіе въ исторіи народы большей частью составлялись изъ разныхъ племенъ; такъ, Греція образовалась, по преданіямъ, кромѣ основного пелазгійскаго племени, изъ переселенцевъ финикійскихъ, египетскихъ и другихъ. Но всегда въ основѣ такимъ образомъ сформировавшихся народовъ краеугольный камень составляетъ одно какое-нибудь племя. Какъ бываютъ бесплодные браки, такъ бываютъ и бесплодныя соединенія племенъ. Галлія, Испанія и Британія, завоеванныя римлянами, не организовались въ крѣпкіе и самостоятельные народы; но, покоренные тевтонскими племенами, смѣшавшіеся съ ними, они получили глубокое начало политической жизни, продолжающейся и теперь.

Покоренная готами Италія не выродилась; пришли лонгобарды—и отъ готскаго владычества не осталось никакихъ слѣдовъ, а, смѣшавшись съ лонгобардами, остатки древнихъ римлянъ переродились въ совершенно новый народъ, и теперь существующій отдѣльными государствами извѣстными подъ общимъ именемъ итальянскихъ. Въ Англіи туземное племя бриттовъ исчезло въ саксонскомъ и норманскомъ элементѣ; во Франціи галльское начало навсегда осталось преобладающимъ надъ франкскимъ: французы, въ общихъ чертахъ, и теперь еще такъ похожи своимъ національнымъ характеромъ на древнихъ галловъ, описанныхъ Юліемъ Цезаремъ. Изъ этого видно, что непосредственный источникъ сильной, рѣзко проявляющейся національности заключается въ самой крови племени, и что есть племена характерныя и племена безхарактерныя, какъ есть характерные и безхарактерные люди. Теперь, если человѣкъ, личность котораго...

ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ.

Ч. 1 и 2. Спб. 1840.

Ученыя общества, труды которыхъ преимущественно устремлены на языкъ и литературу отечественныя, играютъ нынѣ совсѣмъ не ту роль, какую играли прежде и какая назначалась имъ при ихъ основаніи. Когда литература народа бываетъ дѣломъ книжнымъ, доступнымъ только избранному, слѣдовательно ограниченному числу посвященныхъ въ ея таинства, а не достояніемъ цѣлаго общества (разумѣя подъ этимъ словомъ публику), тогда учено-литературныя общества оказываютъ литературѣ и общественному образованію большія услуги. Обнародывая свои ученые труды по части теоріи языка и словесности вообще, и тѣмъ дѣлая для всѣхъ доступными истинныя понятія о томъ и другомъ, они обнародовали такіе же труды и частныхъ лицъ, которыя безъ того, не имѣя средствъ къ изданію, или оставляли бы ихъ въ своихъ порт-

фёляхъ, или—что еще вѣроятнѣе—никогда не думали бы и заниматься ими. Въ этомъ отношеніи подобныя общества и теперь могутъ приносить въ Россіи большую пользу; ибо хотя у насъ и есть учено-литературные журналы, однако статьи извѣстнаго содержанія не всегда могутъ находить себѣ въ нихъ мѣсто, сколько по исключительности своего предмета и сухости изложенія, столько и потому, что для помѣщенія статьи въ журналѣ всегда нужна какая-нибудь придирка къ современности (à propos). Но учено-литературное общество, издавая труды свои періодически или не періодически, обращаетъ вниманіе только на то, чтобы они относились къ предмету его занятій и не выходили изъ ихъ круга. Повторяемъ: въ этомъ отношеніи были бы и теперь очень полезны даже труды Общества Любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ, нѣкогда очевидно, а теперь (1840 г.) проблематически существующемъ. Но учено-словесныя общества, хлопоча объ утвержденіи и развитіи языка на его истинныхъ основаніяхъ, равно какъ о распространеніи истинныхъ понятій объ изящномъ въ словесныхъ произведеніяхъ, принимаютъ въ сферу своей дѣятельности и въ кругъ своихъ занятій произведенія поэзіи и легкой литературы, чтобы съ теоріей дать и образцы. Это можетъ приносить свою пользу только при началѣ литературы, когда (какъ это было еще недавно въ Россіи) публика, не имѣя потребности въ умственной пищѣ, не можетъ поддерживать своимъ участіемъ словесныхъ произведеній и своимъ вниманіемъ ободрять и вознаграждать ихъ творцовъ. Такъ напримѣръ, Общество Любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ очень хорошо дѣлало во время оно, помѣщая въ своихъ трудахъ повѣсти и стихотворенія, которыя безъ того можетъ быть не могли бы быть изданными. Но теперь, когда произведенія поэзіи и легкой литературы, даже иногда и не ознаменованныя печатью таланта, но лишь способныя занимать и тѣшить праздное любопытство публики, находятъ себѣ обширный кругъ читателей, а ихъ авторы вѣрное вознагражденіе,—теперь въ „трудахъ“ ученыхъ обществъ могутъ помѣщаться только такія произведенія въ этомъ родѣ, которыя, по отсутствію всякой внутренней цѣнности, не могутъ ни быть изданы

отдѣльно, ни быть принятыми въ какое-нибудь періодическое изданіе, и которыя поэтому лучше совсѣмъ не печатать. И въ самомъ дѣлѣ, что за польза покровительствовать посредственности и бездарности за то только, что онѣ рядятся въ мантию педантизма, неуклонно слѣдуя забытымъ и никѣмъ, кромѣ педантовъ и невѣждъ, не признаваемымъ правиламъ?.. Но изданіе трудовъ, касающихся до языка и—если угодно—теоріи изящнаго, и теперь можетъ приносить большую пользу, равно какъ и соединенныя усилія многихъ лицъ, составляющихъ одно ученое общество. Вотъ почему мы не можемъ не преслѣдовать съ живѣйшимъ интересомъ дѣятельности Россійской академіи.

Ужъ одно то придаетъ ей важное значеніе и дѣлаетъ великую честь, что она, по примѣру всѣхъ или большей части подобныхъ ученыхъ обществъ даже въ Европѣ, не играетъ роли упорной защитницы добраго стараго времени и не силится дѣлать оппозицію, болѣе упрямую, чѣмъ твердую, болѣе забавную, чѣмъ дѣйствительную, всякому движенію впередъ, всякому успѣху. Давно ли французская академія, до того покорившаяся духу времени, что приняла въ свои члены не только романтическаго Ламартина, но даже и водевилиста Скриба — давно ли, безсильная совершенно отрѣшиться отъ педантическихъ предубѣжденій умершей старины, отвергла главу поэтовъ своей земли и предпочла Виктору Гюго какого-то господина Флурана, ничѣмъ не доказавшаго, что онъ знаетъ хоть грамотѣ? Не такова наша академія: стоитъ только пересмотрѣть списокъ членовъ ея, чтобы убѣдиться въ томъ, что ни одно истинное дарованіе, соединенное съ ученостью или проявившее себя въ художественной дѣятельности, не миновало чести быть принятымъ въ число ея членовъ, и что ни одна безталанная, хотя бы и преученая, голова никогда не удостоилась этой высокой чести. Б. М. Федоровъ (писатель во всѣхъ родахъ и для всѣхъ половъ и возрастовъ, но преимущественно для дѣтей) и Пушкинъ; М. А. Лобановъ (трагикъ) и Жуковский; В. И. Панаевъ (идиллистъ) и Крыловъ; Муравьевъ (Николай Назарьевичъ и дѣйст. стат. совѣтн.) и Карамзинъ; кн. Шихматовъ (поэтъ), Писаревъ (А. А. поэтъ) и Гнѣдичъ, кн. Вяземскій и другіе; далѣе — Линде

Добровскій, Арсеньевъ, Языковъ— и Прокоповичъ-Антонскій, Постоловъ, Загорскій, Ястребцовъ, Нечаевъ, Соловьевъ, Красовскій и проч., и проч. *Какія имена! сколько подвиговъ и славы, трудовъ и заслугъ русскому языку и русской литературѣ соединяется съ ними!* Тутъ всѣ роды поэзіи и учености, всѣ школы: Пушкинъ, Жуковскій и Б. М. Федоровъ—романтики; Крыловъ, Карамзинъ, Лобановъ и Панаевъ—классики. Но пусть само дѣло говоритъ за себя. Въ первой части „Трудовъ“ Россійская академія имѣла снисхожденіе напомнить публикѣ о своемъ существованіи историческимъ очеркомъ совершенныхъ ею подвиговъ: изложимъ бѣгло содержаніе этого историческаго взгляда на достославное существованіе Россійской академіи. Статья, о которой мы говоримъ и изъ которой заимствуемъ, составлена секретаремъ академіи и называется: „Краткое извѣстіе о Россійской академіи, отъ основанія оной въ 21 день октября 1783 года по 1840 годъ“.

Въ чемъ должна состоять исторія Академіи, какъ и всякаго ученаго общества? Разумѣется, это не должна быть исторія дома, въ смыслѣ зданія, или исторія его канцеляріи, его экономическихъ операцій, ни даже сборъ протоколовъ, заключающихъ въ себѣ описаніе церемоніаловъ принятія въ члены и комплименты членовъ другъ другу: сохрани Богъ! только въ Китаѣ понимаютъ такъ исторію ученыхъ обществъ и академій въ особенности. Нѣтъ, исторія академіи должна состоять въ изображеніи ея дѣйствій въ сферѣ того предмета, который есть причина и цѣль, но отнюдь не средство ея основанія и существованія.

Первоначальная мысль объ основаніи Академіи принадлежитъ, разумѣется, Петру Великому, какъ и первоначальная мысль всего, что посѣяло въ Россіи сѣмена очеловѣченія, облагороженія и одухотворенія. Екатерина Великая выполнила его мысль, какъ выполнила она и многія изъ его мыслей. Великая обращала особенное вниманіе на успѣхи русскаго языка и русской литературы,—и ея-то царственному вниманію обязаны они своимъ теперешнимъ состояніемъ. Безъ публики нѣтъ литературы, а Екатерина была единственной причиной того, что у насъ явилось нѣчто похожее на публику: воля великой императрицы подѣйствовала на ея дворъ, а примѣръ двора—и на полудикое,

невѣжественное общество, которое, хотя и съ досадою, но принудило себя видѣть въ книгахъ нѣчто достойное не презрѣнія, а уваженія, узнавъ, что премудрая монархія очень уважаетъ ихъ. Желая болѣе споспѣшествовать успѣхамъ отечественнаго языка, Екатерина II рѣшилась привести въ исполненіе мысль Петра I, --- и княгинѣ Дашковой, бывшей директоромъ Академіи Наукъ, поручено было начертать планъ ученаго общества, имѣющаго предметомъ своихъ занятій русскій языкъ и русскую словестность. Сентября 30, 1783 года этотъ планъ былъ утвержденъ высочайшимъ на имя княгини Дашковой рескриптомъ, а октября 21 того же года Академія была открыта. Число членовъ было опредѣлено шестьюдесятью, собранія назначены еженедѣльно по одному разу; по окончаніи засѣданія каждому присутствовавшему члену назначенъ жетонъ, что нынѣ дарикъ; отличившихся трудами и пользою членовъ опредѣлено, по большинству голосовъ, награждать, по прошествіи года, въ торжественныхъ собраніяхъ золотой медалью въ 250 рублей.

Первой заботой Академіи было составленіе словаря отечественнаго языка, и какъ бы ни совершенно было это дѣло, но оно было первымъ опытомъ, и потому уже было истиннымъ подвигомъ. Сама великая императрица приняла участіе въ этомъ дѣлѣ, сдѣлавъ собственноручныя замѣчанія къ пополненію словъ, начинающихся съ буквы А, и повелѣвъ: „избѣгать всевозможно чужеземныхъ словъ, а наипаче реченій, замѣняя ихъ словами или древними, или вновь составляемыми“. Этотъ словарь былъ составленъ не азбучнымъ, а словопроизводнымъ порядкомъ, и напечатанъ въ шести томахъ, въ *шесть лѣтъ* (1789—1794). Какъ жаль, что неимовѣрно высокая цѣна дѣлаетъ его совершенно бесполезнымъ! Кому онъ нуженъ?—ужъ конечно не свѣтскимъ людямъ, не любителямъ легкаго чтенія, а ученымъ и литераторамъ. Но спрашивается: много-ли есть ученыхъ и литераторовъ, которые въ состояніи заплатить за Словарь Академіи сто пятьдесятъ рублей ассигнаціями?.. Это обстоятельство наводитъ на заключеніе, что, *кромя самой Академіи, едва ли кто воспользовался ея словаремъ.*

Потомъ Академія немедленно приступила къ составленію словаря по азбучному порядку; но *это дѣло уже совершилось*

въ 17 лѣтъ (1806—1822), хотя и этотъ словарь былъ изданъ также въ шести частяхъ.

Періодъ существованія Академіи отъ 12 ноября 1796 по 29 мая 1801 года ознаменовался увольненіемъ княгини Дашковой отъ предсѣдательства въ обѣихъ Академіяхъ, прекращеніемъ ежегоднаго отпуска для Академіи 6,250 рублей и отдачей ея дома въ вѣдомство министерства удѣловъ и военно-сиротскаго дома; а въ замѣну его предоставленіемъ ей мѣста съ небольшимъ строеніемъ на В. О. у Тучкова моста.

Вопареніе Александра I было и для Академіи, какъ и для всего въ Россіи, восходомъ лучезарнаго живительнаго солнца. Ей возвращена была ежегодная сумма 6,250 рублей, и сверхъ того на изданіе полезныхъ сочиненій и на награды авторамъ и переводчикамъ опредѣлено ежегодно отпускать изъ Кабинета Е. И. В. 3000 рублей; да на построеніе дома было выдано единовременно 25,000 р. Правительство дѣлало для Академіи болѣе, нежели сколько вправѣ была она ожидать отъ него; но что же сдѣлала Академія?—Начиная съ 1805 г., она ежегодно прилашала черезъ вѣдомости къ сочиненію: 1) похвальныхъ словъ: царямъ Іоанну Васильевичу и Алексѣю Михайловичу, великому князю Владиміру Мономаху, Минину и Пожарскому, Румянцеву-Задунайскому и Суворову, Хераскову; 2) разсужденія о началѣ, успѣхахъ и распространеніи словесныхъ наукъ въ Россіи; 3) *ироической пѣсни на побѣду великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго надъ Мамаемъ*. Конечно теперь страннымъ покажется одна мысль о похвальныхъ словахъ, какъ о родѣ сочиненій безъ всякой цѣли и смысла, какъ о реторической шумихѣ и трескотнѣ общихъ истасканныхъ мѣстъ; еще болѣе страннымъ покажется мысль о похвальномъ словѣ Хераскову,—бездарному стихотворцу; и еще страниѣе покажется теперь мысль о возможности управлять чѣмъ бы то ни было вдохновеніемъ, задавая тему—и еще какую!—ироическую пѣснь на побѣду Донскаго надъ Мамаемъ;—но мы не должны забывать, что тогда было время псевдо-классицизма, похвальные слова почитались законнымъ родомъ краснорѣчія, Херасковъ—не только поэтомъ, но и російскимъ Гомеромъ, а поэмы и ироическія пѣсни обыкновенно писались на заказъ, и притомъ на такія темы, которыя

теперь оставлены даже и въ уѣздныхъ училищахъ. Кромѣ этого *насъ можетъ утѣшить еще и то, что не смотря на лестную надежду блестящей награды (золотой медали въ 50 червонцевъ), соискателей не оказалось*, — темы остались безъ выполненія. Только одинъ членъ Академіи, Львовъ, написалъ похвальное слово царю Алексѣю Михайловичу, вовсе неизвѣстное въ нашей литературѣ, за что и получилъ золотую медаль.

Между тѣмъ объявленіе отъ Академіи задачъ подѣйствовало на нѣкоторые частныя лица. Одинъ неизвѣстный прислалъ въ распоряженіе Академіи 500 руб. въ награду тому, кто напишетъ трагедію въ пяти дѣйствіяхъ, которую Академія признаетъ лучшей. Эту премію получилъ Херасковъ (1807) за свою трагедію „Зореида и Ростиславъ“. Но награда не застала этого сочинителя въ живыхъ, а жена его извѣстила Академію, что онъ отказался отъ награды въ пользу того, кто напишетъ лучшую трагедію или комедію, въ стихахъ, въ 5 дѣйствіяхъ. *Явно, что Грибоедовъ не могъ получить этой награды, потому-что его „Горе отъ Ума“ было только въ четырехъ актахъ.* Въ 1831 году вышелъ „Борисъ Годуновъ“ Пушкина; но онъ вовсе не былъ раздѣленъ на акты, да и притомъ написанъ не весь стихами, а съ небольшою примѣсью прозы. Въ 1835 году Лобановъ издалъ очень мало извѣстную въ нашей литературѣ классическую трагедію, и въ стихахъ, и въ 5-ти актахъ, подъ названіемъ „Борисъ Годуновъ“, и получилъ за нее отъ Академіи херасковскіе 500 руб., которые, съ наросшими на нихъ процентами, составили 1,833 руб. 40 к. Вообще должно замѣтить, что *въ раздачѣ наградъ Академія всегда имѣла въ виду поощреніе такихъ сочиненій, которыя не могли имѣть какого-нибудь успѣха у публики или даже быть ей извѣстными.* Другой неизвѣстный предложилъ 100 червонныхъ за похвальное слово генералу Еропкину, которую награду и получилъ бывший членъ Академіи и секретарь ея въ продолженіе почти тридцати-трехъ лѣтъ (съ 1802 по 1835 г.) Соколовъ. Третій неизвѣстный предложилъ медаль въ 30 червонныхъ за сочиненіе разсужденія: „Имѣетъ ли русскій языкъ нужду для обогащенія своего заимствовать, и до какой степени, оборотъ реченій изъ другихъ языковъ, кромѣ своего корня?“ Но Академія не приняла этого предложенія

потому, что русскій языкъ по своему изобилію и свойству не имѣетъ нужды заимствовать оборотовъ и выраженій изъ языковъ чужеземныхъ. *Глубоко-мудрая причина!*

Съ 1805 по 1813 годъ Академія издала семь частей „Сочиненій и Переводовъ россійской Академіи“, въ которыхъ изъ прозическихъ сочиненій примѣчательны нѣкоторыя статьи, относящіяся до русскаго языка и принадлежащія А. С. Шишкову. Въ этотъ же промежутокъ времени Академія сочинила и издала „Грамматику россійскаго языка“, которая была послѣ перепечатываема три раза, въ 1809, 1819 и 1827, а теперь уже совершенно забыта всѣми, кромѣ тѣхъ, которые слишкомъ помнятъ ее, учившись по ней въ дѣтствѣ. „Наука стихотворства“ Рижскаго, „Лѣтопись Тацитова“, перев. Румовскаго, „Демосееново надгробное слово аѳинянамъ, убитымъ при Херонеѣ“ переводъ митрополита Евгенія, „Саллустія о войнѣ Катилины и о войнѣ Югурѣ“, перев. Озерцковскаго, „Разсужденіе о сходствѣ между санскритскимъ и русскимъ языкомъ“, переводъ съ француз. языка Никольскаго, сочиненія Леванды, тоже изданныя Академіей, „Лицей, или курсъ словесности Лагарпа“—суть такія изданія Академіи, которыя она почитала прямо относящимися къ предмету своихъ занятій.—Въ 1802 году Академія увѣнчала золотыми медалями труды слѣдующихъ своихъ членовъ: предсѣдателя своего А. Нартова (какъ за участіе въ составленіи словаря, такъ и за ходатайство у монаршаго престола о благосостояніи Академіи), Д. Трощинскаго (за усердное ходатайство и представительство предъ Государемъ Императоромъ о пользахъ Академіи); въ 1804 г. А. С. Шишкова (за переложеніе на русскій языкъ „Слова о полку Игоревомъ“, съ примѣчаніями и объясненіями).

Съ 1813 года вице-адмиралъ Шишковъ сдѣланъ президентомъ Академіи. Въ 1818 г. утвержденъ Государемъ Императоромъ новый уставъ Академіи, въ которомъ точнѣе и подробнѣе опредѣлился кругъ ея дѣятельности; вмѣсто одной медали для академическихъ наградъ положено имѣть три—въ 100, въ 50 и въ 25 червонныхъ; вмѣстѣ съ уставомъ Императоръ Александръ утвердилъ Академіи и новый штатъ, по которому она получаетъ въ годъ 60,000 руб.; повелѣлъ продолжать

отпускъ изъ своего кабинета 3,000 р. въ годъ и наконецъ пожаловалъ 30,000 р. на заведеніе типографіи. *Боже мой! что было можно сдѣлать съ такими огромными средствами!* И дѣйствительно, сдѣлано было весьма много, а именно:

Изданы были: „Извѣстія Россійской Академіи“ 12 томовъ (1815 — 1828), въ которыхъ все касающееся до русскаго языка, и все, хоть сколько-нибудь примѣчательное, принадлежитъ А. С. Шишкову. Въ нихъ-же помѣщена „Пѣснь сотворившему вся“ князя С. А. Шихматова (впослѣдствіи времени іеромонаха Аникиты). Это стихотвореніе (говоритъ „Краткое извѣстіе о Россійской Академіи“) отличается и хорошимъ своимъ слогомъ, и выспренностью мыслей.— „Повременное изданіе Академіи“ 4 т. (1829—1832). Въ немъ болѣе или менѣе замѣчательны нѣкоторыя статьи самого президента, касающіяся русскаго языка. *Изъ множества стихотвореній, помѣщенныхъ тутъ, ни публикъ, ни намъ рѣшительно ни одно не извѣстно.*— „Краткія Записки“, 3 т. (1834 — 1835). Въ нихъ замѣчательны статьи противъ такъ-называемаго романтизма, впрочемъ не оригинальныя, а переведенныя съ французскаго, и статьи г. президента: „О разности между академикомъ и писателемъ“ и „*Ничто о пересудѣ или разборѣ сочиненій, называемомъ критикой*“ — „Разсужденіе о механическомъ составѣ языковъ и физическихъ началахъ этимологіи“, соч. Бросса, переводъ съ франц. Никольскаго.— „Untersuchungen über die Sprache“.— „Recherches sur les racines des idiomes slavons, comparées avec celles des langues étrangères“, перев. Рейфа изъ соч. А. С. Шишкова.— „Квинтилиана риторическія наставленія“, перев. съ латин. А. Никольскаго.— „Vergleichendes Wörterbuch“.

Академія сверхъ того предположила издать: 1) Сочиненія Ломоносова, касающіяся до словесности. Это предположеніе выполнено въ нынѣшнемъ году. — 2) Сочиненія Богдановича, съ рисунками графа Ѳ. П. Толстого, по изготовленіи которыхъ и будетъ приступлено къ этому изданію. — 3) Избранныя сочиненія Сумарокова. — 4) Басни Хемницера.

Въ 1836 году Академія приступила къ новому изданію русскаго словаря по азбучному порядку. По нынѣшній годъ обработано уже 48,869 словъ.

Такъ какъ въ кругъ занятій Академіи входитъ и отечественная исторія, то Академія сдѣлала по этой части слѣдующее:

Оказала пособіе изъ своихъ суммъ извѣстному художнику графу Ѳ. П. Толстому въ изданіи составленныхъ имъ рисунковъ медалями на достопамятныя событія 1812, 1813 и 1814 годовъ. — Въ 1830 г. отправила Ю. Н. Венелина въ путешествіе по Болгаріи, Валахіи и Молдавіи для отысканія и описанія оставшихся памятниковъ древняго языка этихъ странъ, и преимущественно болгарскаго, историческихъ и церковныхъ; положенія всѣхъ мѣстъ, о которыхъ упоминается въ исторіи, а особливо въ русскихъ лѣтописяхъ. На это путешествіе употреблено 6,000 руб. и плодомъ его было собраніе валахо-болгарскихъ грамотъ и снимковъ съ нихъ и „Болгарская грамматика“, *которая никогда издана не будетъ*. — Въ 1834 г. приступлено къ печатанію пятой части „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ“, изданію которыхъ положилъ начало графъ Н. П. Румянцевъ, но это изданіе оставилось на 4 части, по недостатку денежныхъ средствъ. Положено издать въ переводѣ на русскомъ языкѣ византійцевъ, по послѣднему изданію, сдѣланному въ Боннѣ также всѣхъ западныхъ и сѣверныхъ временниковъ, не исключая даже исландскихъ сагъ. Приглашенные для этого переводчики приступили уже къ дѣлу, и оконченный однимъ изъ нихъ переводъ сочиненій Прокопія разсматривается въ особомъ комитетѣ Академіи.

Для дополненія характеристики духа російской Академіи, необходимо показать ея распоряженія по части наградъ отличившимся въ занятіяхъ „російской словесностью“, или только ревностью къ оной, господъ сочинителей и переводчиковъ.

Золотыми медалями стараго вида (въ 250 р.) Академія наградила: 1) Президента своего, А. С. Шишкова. 2) Князя С. А. Шихматова (въ иночествѣ іеромонаха Аникиту) за разныя его сочиненія и въ особенности за „Пѣснь сотворшему вся“.

Новаго вида: большими во 100 червонныхъ: 1) Ка-рамзина. Медаль поднесена ему въ торжественное собраніе Академіи 1820 г. янв. 8, въ которомъ онъ читалъ нѣкоторыя мѣста изъ IX т. своей исторіи, тогда еще не вышедшаго

въ свѣтъ. — 2) Дмитріева (И. И.). — 3) Крылова. — 4) Жуковскаго.

Средней величины въ 50 червонныхъ: 1) Слѣпушкина, стихотворца-самоучку. — 2) Θ. Θ. Аделунга за ученныя сочиненія на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, касающіяся частью до филологіи, частью до русской исторіи. — 3) Князя П. А. Ширинскаго-Шихматова за „Похвальное слово Императору Александру Благословенному“. — 4) Гросгейриха за переводъ на нѣмецкій языкъ „Сравнительнаго словаря“, составленнаго президентомъ Академіи. — 5) Съ нимъ вмѣстѣ и Рейфа за переводъ на французскій языкъ статьи изъ „Академическихъ Извѣстій“. — 6) Юнгмана, бібліотекаря музеума въ богемской Прагѣ, за заслуги чешской словесности. — 7) Копытаря, хранителя вѣнской императорской бібліотеки (за что — не сказано). 8) Ганку, бібліотекаря пражскаго музеума (за что — тоже не сказано). — 9) Шаффарика (за что — тоже не сказано). — 10) Коллара за стихотвореніе на чешскомъ языкѣ „Slawy dcera“. — 11) Полѣнова за ревностное участіе въ трудахъ академіи, особенно въ приготовленномъ словарѣ.

Малой величины въ 25 червонныхъ: 1) Раковецкаго, ученаго поляка, за переводъ на польскій языкъ „Русской Правды“. — 2) Панаева, за изданіе идиллій. Награда тѣмъ болѣе справедливая, — что оныя идилліи не могли имѣть успѣха въ публикѣ. — 3) Оедора Павловича за труды въ пользу какой-то „словенской словесности“. — 4) Дѣвицу Ярцову, за неизвѣстное публикѣ сочиненіе „Полезное чтеніе для дѣтей“.

Медальми серебряными: 1) Князя Цертелева за нѣкоторыя изданныя имъ о народныхъ пѣсняхъ разсужденія и замѣчанія. — 2) Вука Стефановича за изд. Сербскаго словаря. — 3) Кавалера Филистри за составленіе четырехъ таблицъ, изображающихъ вкратцѣ російскую исторію. — 4) К. Калайдовича за изд. памятниковъ русской словесности XII вѣка. — 5) Г. Н. Полевого за представленный отъ него новый способъ спряженій русскихъ глаголовъ. — 6) М. Суханова, экономическаго крестьянина, за стихотворенія, и сверхъ медали ему же 1,000 руб. деньгами. — 7) Елора Алипанова, тоже крестьянина и тоже за стихотворенія довольно посредственныя. —

8) Дундера, вѣнскаго книгопродавца, за его предпріятіе издавать общій Словенскій книжный лексиконъ.

Сверхъ почести медалями, Академія наградила труды слѣдующихъ сочинителей единовременнымъ денежнымъ даромъ: 1) А. Х. Востокову 500 р. за его стихотворенія и изслѣдованія отечественнаго языка. — 2) Дѣвицѣ А. П. Буниной 1,000 р. за стихотворенія и переводы съ англійскаго языка соч. Блера. — 3) С. Н. Глинкѣ 4,500 р. за многолѣтнія занятія его на поприщѣ отечественной словесности. — 4) Д. И. Языкову 4,000 р. за труды по части словесности, исторіи и древностей русскихъ. — 5) *Четырнадцати-лѣтней дѣвицѣ Шаховой 500 р. за ея опыты въ стихахъ.* Кромѣ того въ 1839 году Академія напечатала ея стихотворенія въ числѣ 800 экз. и предоставила ихъ все въ ея пользу. — 6) Протоіерею Меглицкому 1,100 р. за скорый переводъ на русскій языкъ Словенскихъ древностей Шафарика. — 7) Вуку Стефановичу Караджичъ 1,080 р. въ пособіе на путешествіе по Словенскимъ землямъ для собранія народныхъ пѣсенъ, пословицъ, рукописей и проч. — 8) Гавріилу Покацкому 650 р. за переложеніе стихами Псалтири и Канона Андрея Критскаго. — 9) Кавалеру Филистри 400 р. за сочиненную имъ генеалогическую, хронологическую и синхронистическую таблицу Россійской исторіи. — 10) *М. Е. Лобанову 5,000 р. на изданіе его стихотвореній и двухъ трагедій.* — 11) В. А. Броневскому 1,250 р. на изданіе его „Записокъ морского офицера“. Эти „Записки“ были напечатаны Академіей вторично въ 1837 г. — 12) Купцу Ершову 1,000 р. на изданіе „Исторіи Восточной Римской имперіи“. — 13) Момировичу 1,000 р. на изданіе „Краткой исторіи и географіи Сербіи“. — 14) *А. С. Норову 5,000 р., покупкой у него 200 экз. его Путешествія ко святымъ мѣстамъ.* — 15) *П. П. Свиньину 7,500 р., покупкой у него 250 экз. первой части его „Картины Россіи“.* *Вся употребленная въ этотъ періодъ на этотъ предметъ сумма простирается до 42,000 р.*

Кромѣ этихъ, постановленныхъ уставомъ, наградъ, Академія дѣйствовала къ распространенію словесности еще и тѣмъ, что печатала, по надлежащемъ разсмотрѣніи, разныя сочиненія и переводы на свой счетъ и все напечатанные экземпляры

предоставляла въ пользу сочинителей и переводчиковъ. Такимъ образомъ изданы ею: 1) Собраніе всѣхъ *сочиненій ея президента, въ XVII частяхъ*, и сочиненія и переводы его *племянника*. — 2) Переведенная Н. И. Гнѣдичемъ Омирова „Иліада“. — 3) Писанное на греческомъ языкѣ сочиненіе священника Константина Економоса „О ближайшемъ сродствѣ словено-россійскаго языка съ греческимъ“. — 4) Словарь россійскаго языка, въ 2-хъ ч., составленный Соколовымъ. — 5) *Стихотворенія Н. П. Шатрова, въ 3-хъ частяхъ*. — 6) Россійская грамматика А. Х. Востокова, два раза. — 7) Сочиненіе кн. С. А. Шихматова (въ монаш. Аникита) подъ названіемъ: „Исусъ въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, или ночь у креста“. — 8) *Похвальныя слова кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова въ Бозѣ почившимъ Императору Александру Павловичу и Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ*. — 9) Пѣтическіе опыты дѣвицы Кульманъ. — 10) „Опытъ исторіи словесности“, написанный Глаголевымъ и его же: „Записки русскаго путешественника“. — 11) „Краткій священный словарь“, составленный протоіереемъ А. И. Маловымъ. — 12) Дѣвицы Ишимовой „Исторія Россіи въ разсказахъ для дѣтей“, въ 5 частяхъ. — 13) Ключъ къ „Исторіи Россійскаго Государства“, соч. Карамзина, составленный Строевымъ. — 14) Сочиненія С. В. Руссова: а) „О кожаныхъ деньгахъ“; б) „О мнѣніяхъ касательно Руси“; в) „О Гостомыслѣ“; г) „О происхожденіи Рюрика“; е) „О Новѣгородѣ“, и ф) „Объ Алдейгаборгѣ“. — 15) А. И. Михайловскаго-Данилевскаго „Записки о походѣ 1813 года“. — 16) Б. М. Ѳедорова сочиненіе „Кадетскіе бивуаки“ и переводъ „Симона Нантуанскаго“. — 17) В. М. Перевощикова „О Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ“. — 18) Д. И. Языкова „Книга большему чертежу“. — 19) *Стихотворенія дѣвицы Онисимовой*.

Долговременные неутомимые труды и рвеніе члена и непрѣмннаго секретаря Академіи, П. И. Соколова, она наградила единовременно выдачею ему 13,000 рублей.

Способствуя всякому обще-полезному заведенію, Академія принесла въ даръ библіотекамъ, открытымъ въ разныхъ городахъ, изданныя ею книги на 14,000 рублей, учебнымъ заведеніямъ, состоящимъ подъ вѣдомствомъ Министерства

Народнаго Просвѣщенія, и духовнымъ приобрѣтенныя ею 200 экз. „Путешествія Норова ко святымъ мѣстамъ“ и 1,000 экз. „Книги большему чертежу“ — цѣн. на 10,000 р.; и въ 1839 г. снабдила училища вновь открытаго Варшавскаго учебнаго округа изданными ею книгами — цѣн. на 9,970 р.

Въ память оказанныхъ россійскому слову заслугъ нѣкоторыми членами Академіи она украсила залу своихъ собраний ихъ портретами. *„Хотя покойная дѣвица Бунина и не принадлежала къ числу членовъ, но отличныя ея стихотворныя дарованія дали и ея портрету мѣсто между прочими“*. Въ 1835 году Академія приступила къ изданію литографическихъ портретовъ своихъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ, какъ умершихъ, такъ и здравствующихъ еще. Число налитографированныхъ портретовъ простирается по настоящее время до 54-хъ.

Зала академическихъ собраний украшена мраморными бюстами Ломоносова и Державина; сверхъ того, въ знакъ своей признательности, она положила присоединить къ нимъ еще мраморный же бюстъ своего президента.

Память нѣкоторыхъ изъ усопшихъ членовъ Академіи почтила она сооруженіемъ надгробныхъ имъ памятниковъ или совершенно на свой счетъ, или принявъ участіе въ расходахъ, и именно, въ первомъ случаѣ: 1) Дмитревскому 3,830 руб. и 2) П. И. Соколову 2,000 р.; во второмъ: 1) Державину 5,000 р., 2) Карамзину 5,000 р. и 1,000 р. на исправленіе памятника Ломоносову.

Вообще одобрительныя дѣйствія Россійской Академіи на трудящихся въ пользу русской словесности показываютъ съ одной стороны строжайшій и безпристрастный выборъ, а съ другой — благочестивое стремленіе помогать бѣдности. И потому, если медалями во 100 червонныхъ награждены Дмитріевъ, Карамзинъ, Крыловъ и Жуковскій, но не награжденъ Пушкинъ, такъ это вѣроятно по причинѣ преждевременной его смерти, не говоря уже о томъ, что въ этомъ случаѣ намъ не малымъ можетъ служить утѣшеніемъ, что зато увѣнчана этой наградой „Пѣснь сотворшему вся“ князя Шихматова (въ иночествѣ Аникита). Что же касается до того, что награждены медалями стихотворцы-крестьяне Слѣпушкинъ, Суха-

новъ и Алипановъ и не награжденъ поэтъ-мѣщанинъ Кольцовъ, это вѣроятно потому, что послѣдняго можетъ наградить публика, тогда какъ первые никакъ не могутъ положиться на ея вниманіе. Вѣроятно эта же самая причина обратила вниманіе Академіи и на сочиненія дѣвицъ Буниной, Шаховой, Онисимовой, Покацкаго, Лобанова, Б. М. Ѳедорова и другихъ. Все это дѣлаетъ большую честь великодушію Академіи.

Теперь обратимся къ изданнымъ ею двумъ частямъ своихъ „Трудовъ“.

Въ первой части находится въ высшей степени любопытная историческая статья Полѣнова: „Отправленіе Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ датскія владѣнія“; этотъ фактъ доселѣ былъ государственной тайной. Во второй части помѣщено сочиненіе академика Арсеньева: „Царствованіе Петра II“, которое было издано въ прошломъ году особой книгой. Обѣ части „Трудовъ“ украшены стихотвореніями Лобанова и Ѳедорова. Нынче такихъ стиховъ не пишутъ, потому что такихъ стиховъ никто ужъ не читаетъ, потому-то и должны они были помѣститься въ „Труды“ Академіи, *имѣющей въ виду преимущественно вознагражденіе и одобреніе такихъ произведеній словесности, которыя не могутъ ожидать вознагражденія и одобренія публики.* Особенно хороши стихи Б. М. Ѳедорова, — вотъ нѣсколько изъ нихъ:

Корабль спасенія душъ чистыхъ,
Златымъ вѣнцомъ облечена;
Надъ сѣнію дубравъ тѣнистыхъ
Издалека она видна.
Пріютъ и странника, и сира.
Ущедренъ благостной рукой,
И призываетъ въ пристань мира,
Блистая горней красотой,

и прочая, все въ такомъ же пареніи и такомъ же смыслѣ.

Очень также интересенъ отрывокъ, не то изъ повѣсти, не то изъ романа, разумѣется, исторической или историческаго, подъ титуломъ „Золотая Палата. Картина русскаго двора въ XVI вѣкѣ“ Б. М. Ѳедорова: это рѣшительно одно изъ лучшихъ произведеній этого достойнаго сочинителя и академика.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1841 ГОДУ.

Сокровища родного слова,
Замѣтать важные умы,
Для лепетанія чужого
Пренебрегли безумно мы.
Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
Чужихъ нарѣчій погремушки,
А не читаемъ книгъ своихъ.
Да идѣ жъ онѣ? дайте ихъ!
Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любить мой славянскій духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены; но дорожить
Одними-ль звуками пѣть?
И гдѣ-жъ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли?
Гдѣ повѣряемъ испытанья,
Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
Не въ переводахъ одичалыхъ,
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
Зады твердить и лжетъ за двухъ.
.....
Поэты наши переводятъ
Или молчатъ; одинъ журналъ
Исполненъ приторныхъ похвалъ,
Тотъ брани плоской; всѣ наводятъ
Зѣвоту скуки, чуть не сонъ —
Хорошъ россійскій Геликонъ!

Въ этихъ стихахъ Пушкина заключается самая рѣзкая характеристика русской литературы. Правда, многіе не безъ основанія могутъ принять ихъ скорѣе за эпиграмму на русскую литературу, нежели за характеристику ея, потому что уже поэзія самого Пушкина не подходитъ подъ эту характеристику, а у насъ, кромѣ Пушкина, есть и еще нѣсколько явленій, достойныхъ болѣе или менѣе почетнаго упоминанія даже при его имени. Но если это не характеристика, то и не совсѣмъ эпиграмма. Эпиграмма есть плодъ презрѣнія или

предубѣжденія къ предмету, на который она нападаетъ; а Пушкинъ, котораго поэзія—самый звучный и торжественный органъ русскаго духа и русскаго слова, не могъ презирать той литературы, которой посвятилъ всю жизнь свою. Впрочемъ, для оправданія великаго поэта въ подобномъ презрѣніи, довольно было бы и этихъ чудныхъ стиховъ, въ которыхъ съ такой задушевностью, съ такимъ умиленіемъ высказывается самое родственное, самое кровное чувство любви къ родному слову:

Сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ;
Ихъ любить мой славянской духъ;
Ихъ музыкой сердечны муки
Усыплены...

Между тѣмъ любовь любовью, а истина прежде всего — даже прежде самой любви. Вамъ конечно не разъ случалось слышать отъ другихъ и самимъ предлагать вопросъ: „Что новаго у васъ въ литературѣ?“ или „Нѣтъ ли чего-нибудь прочесть?“ Скажите: какъ вы отвѣчали или какъ вамъ отвѣчали на этотъ вопросъ?... Правда, у насъ выходитъ ежемѣсячно книгъ до тридцати: ими испещряются книгопродавческія объявленія, сужденіями о нихъ наполняются библіографическіе отдѣлы журналовъ; ихъ хвалятъ и бранятъ, о нихъ спорятъ и бранятся; а между тѣмъ все-таки —

Да гдѣ-жъ онѣ? Давайте ихъ!

Какъ хотите, а это презатруднительный вопросъ! Попытаемся однакожь отвѣтить на него, только не прямо и не просто, и не отъ своего лица, а въ формѣ слѣдующаго разговора между двумя лицами — А. и Б.

А. — „Такъ гдѣ жъ онѣ? Давайте ихъ!“

Б. — Извольте. Только ихъ такъ много, что ни мнѣ не перечесть, ни вамъ не унести съ собой. Начнемъ сначала.

А. — Да, если вы вздумаете прочесть мнѣ весь каталогъ Смирдина, то конечно останетесь побѣдителемъ въ нашемъ спорѣ.

Б. — Нѣтъ, я буду говорить только о капитальныхъ явленіяхъ нашей литературы, которыхъ безсмертіе признано зна-

менитѣйшими авторитетами въ дѣлѣ эстетическаго вкуса и подтверждено „общимъ мнѣніемъ“.

А. — Интересно; начинайте же именно съ начала русской литературы.

Б. — Ну, вотъ вамъ „Сатиры Кантемира“...

А. — Покорно благодарю: вѣдь я спрашивалъ васъ о книгахъ, которыя годятся не для одного украшенія библіотекъ, но и для чтенія...

Б. — Какъ! вы не признаете достоинства Кантемировыхъ сатиръ? Вспомните, какой славой пользовались онѣ въ свое время! Вспомните эту поэтическую надпись къ портрету знаменитаго сатирика:

Старинный слогъ его достоинствъ не умалить.
Порокъ! не подходи: сей взоръ тебя ужалитъ!

Вспомните, что такъ основательно высказано Жуковскимъ въ его превосходной статьѣ о „Сатирахъ Кантемира“...

А. — Какъ же, какъ же! читалъ я и ее: статья точно превосходная; но ваша первая попытка занять меня чтеніемъ все-таки не удалась: я уже читалъ Кантемира, а поречитывать—страшусь и подумать, потому что я читаю не изъ одного любопытства, и для удовольствія.

Б. — Вотъ Ломоносовъ—поэтъ, лирикъ, трагикъ, ораторъ, риторъ, ученый мужъ...

А. — И прибавьте—великій характеръ, явленіе, дѣлающее честь человѣческой природѣ и русскому имени; только не поэтъ, не лирикъ, не трагикъ и не ораторъ, потому что риторика—въ чемъ бы она ни была, стихахъ, или въ прозѣ, въ одѣ, или въ похвальному словѣ,—не поэзія и не ораторство, а просто риторика, вещь, высоко чтимая въ школахъ, любезная педантамъ, но скучная и непріятная для людей съ умомъ, душой и вкусомъ...

Б. — Помилуйте!

Онъ нашихъ странъ Малербъ, онъ Пиндару подобенъ!

А. — Не спорю: можетъ быть онъ и Малербъ „нашихъ странъ“, но отъ этого „нашимъ странамъ“ отнюдь не легче, и это нисколько не мѣшаетъ „нашимъ странамъ“ зѣвать отъ

тяжелыхъ, прозаическихъ и риторическихъ стиховъ Ломоносова. Но между имъ и Пиндаромъ—такъ же мало общаго, какъ между олимпійскими играми и нашими иллюминаціями,—или олимпійскими ристаніями и нашими лебедянскими скачками; за это я постою и поспорю. Пиндаръ былъ поэтъ: вотъ уже несходство съ Ломоносовымъ. Поэзія Пиндара выросла изъ почвы эллинскаго духа, изъ нѣдръ эллинской національности; такъ называемая поэзія Ломоносова выросла изъ варварскихъ схоластическихъ риторикъ духовныхъ училищъ XVII вѣка: вотъ и еще несходство...

Б.—Но Ломоносову удивлялся Державинъ, его превозносилъ Мерзляковъ, и нѣтъ ни одного сколько-нибудь извѣстнаго русскаго поэта, критика, литератора, который не видѣлъ бы въ Ломоносовѣ великаго лирика. Въ одной статьѣ „Вѣстника Европы“ сказано: „Ломоносовъ—дивное и великое свѣтило, коего лучезарнымъ сіяніемъ не налюбоваться въ сытость и позднѣйшему потомству“.

А.—Я въ сытость уважаю статью „Вѣстника Европы“, равно какъ и Державина и Мерзлякова; но сужу о поэтахъ по своимъ, а не по чужимъ мнѣніямъ. Впрочемъ, если вамъ нужны авторитеты,—ссылаюсь на мнѣніе Пушкина, который говоритъ, что „въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія“ и что „самъ, будучи первымъ нашимъ университетомъ, онъ былъ въ немъ, какъ и профессоръ поэзіи и элоквенціи, только исправнымъ чиновникомъ, а не поэтомъ, вдохновеннымъ свыше, не ораторомъ, мощно увлекающимъ“. И если вы имѣете право раздѣлять мнѣніе о Ломоносовѣ Державина, Мерзлякова и „Вѣстника Европы“, то почему же мнѣ не имѣть права раздѣлять мнѣніе Пушкина? Неправда ли?

Б.—Конечно; противъ этого не нашлись бы ничего сказать всѣ „ученые мужи“. И такъ, вы не хотите считать сочиненій Ломоносова въ числѣ книгъ для чтенія?

А.—Я этого не говорю о всѣхъ сочиненіяхъ Ломоносова; но уже конечно не буду читать ни его риторики, ни похвальныхъ словъ, ни торжественныхъ одъ, ни трагедій, ни посланій о пользѣ стекла и другихъ предметахъ, полезныхъ для фабрикъ, но не для искусства; да, не буду, тѣмъ болѣе, что я уже читалъ ихъ... Но я всегда посовѣтую всякому

молодому человѣку прочесть ихъ, чтобъ познакомиться съ интереснымъ историческимъ фактомъ литературы и языка русскаго. Что же касается до собственно ученыхъ сочиненій Ломоносова по части физики, химіи, навигаціи, русскаго стихосложенія, — они всегда будутъ имѣть свою историческую важность и цѣну въ глазахъ людей, занимающихся этими предметами, всегда будутъ капитальнымъ достояніемъ исторіи ученой русскаго языка; но публикѣ литературной они всегда будутъ чужды, какъ поэзія и ораторскія рѣчи Ломоносова... Ломоносову воздвигнуть памятникъ, и онъ вполне достоинъ этого; онъ — великій характеръ, примѣчательнѣйшій человѣкъ; юноши съ особеннымъ вниманіемъ и особенной любовью должны изучать его жизнь, носить въ душѣ своей его величавый образъ, но, Бога ради, увольте ихъ отъ поэзіи и краснорѣчія Ломоносова... Прошлаго года, кажется, издана была однимъ „ученымъ“ обществомъ выборка изъ поэтическихъ и ораторскихъ сочиненій Ломоносова, въ двухъ томахъ in quarto, для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, въ образецъ для школьныхъ опытовъ въ стихахъ и прозѣ. Что сказать объ этомъ? Я — человѣкъ простой, не изъ „ученыхъ“; — можетъ оно тамъ такъ и нужно — это не мое дѣло, какъ сказалъ городничій въ „Ревизорѣ“ объ учителѣ уѣзднаго училища; но между публикой и школою такая же разница, какъ и между книгой и дѣйствительностью: что хорошо въ одной, то никуда не годится въ другой...

Б. — Я понимаю, что вы хотите сказать. И такъ, вотъ вамъ десять томовъ „Полнаго Собранія“ всѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника, ордена св. Анны кавалера и Лейпцигскаго Ученаго собранія члена, Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы въ удовольствіе любителей россійской учености Николаемъ Новиковымъ, и пр. Я надѣюсь, что вы къ его стихамъ и прозѣ будете благосклоннѣе, чѣмъ къ стихамъ и прозѣ Ломоносова: поэзія Сумарокова менѣе школьна и болѣе жизненна, чѣмъ поэзія Ломоносова. Сумароковъ писалъ не одиѣ оды и трагедіи, но и сатиры, комедіи, даже комическія статьи, въ которыхъ преслѣдовалъ невѣжество, дикость нра-

вовъ, ябедничество, взяточничество, казнокрадство и прочіе смертныя грѣхи полуазіатской общественности.

А.—И я согласенъ, что онъ принесъ своего рода пользу и сдѣлалъ частицу добра для общества; но не хочу кланяться грязному помелу, которымъ вывели улицу. Помело всегда помело, хотя оно и полезная вещь. Сатиры и комедіи Сумарокова—помело, въ полезности котораго я не сомнѣваюсь, но которому все-таки кланяться не стану. И суздальскія литографіи: „какъ мыши кота погребаютъ“ и „какъ пришелъ Яковъ ерша смякалъ“, тоже принесли свою пользу черному народу: безъ нихъ онъ не имѣлъ бы понятія о вещи, называемой „картиной“; но кто же будетъ говорить о суздальскихъ лубочныхъ литографіяхъ, какъ о произведеніяхъ искусства? Сумароковъ нападалъ на невѣжество—и самъ не больше другихъ зналъ, и бредилъ только своимъ „бѣднымъ рефмичествомъ“, какъ выразился о немъ Ломоносовъ. Сумароковъ преслѣдовалъ дикость нравовъ, жаловался печатно, что въ Москвѣ „во время представленія „Семиры“ грызутъ орѣхи, и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ поссорившихся между собой пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра“, — тотъ самый Сумароковъ избилъ палкой купца, который, видя его въ халатѣ, не сказалъ ему „ваше превосходительство“! Главная причина негодованія Сумарокова на общественное невѣжество состояло въ томъ, что оно мѣшало обществу понимать его пресловутыя трегедіи; а подъячихъ преслѣдовалъ онъ сколько потому, что имѣлъ до нихъ дѣла, столько и для остраго словца. Истинное негодованіе на противорѣчія и пошлость общества есть недугъ глубокой и благородной души, которая стоитъ выше своего общества и носить въ себѣ идеалъ другой, лучшей общественности. Судя по одному поступку Сумарокова съ купцомъ, нельзя думать, чтобъ этотъ пѣта былъ выше своего общества; а въ сочиненіяхъ его незамѣтно и малѣйшихъ слѣдовъ лучшаго идеала общественности. Онъ не страдалъ болѣзнями современнаго ему общества; онъ только досадовалъ и злился, что общество, не понимая его геніальныхъ твореній, не отдавало ему за нимъ должнаго почтенія и вѣрило больше московскому подъячему, чѣмъ господину Вольтеру и

ему, господину Сумарокову... Если хотите видѣть страданія высокой души человѣка, непонимаемаго современностью, — читайте письма Ломоносова къ Шувалову...

Б.—Но Сумароковъ былъ первымъ драматургомъ въ Россіи, и его трагедіямъ даже обожатели Ломоносова, какъ Мерзляковъ, отдають преимущество?

А.—Я съ этимъ не согласенъ. Ломоносовъ и въ ошибкахъ своихъ поучительнѣе и выше этого бездарнаго писаки. Оба они риторы въ своихъ стихахъ; но вѣдь и риторика риторикѣ рознь. Риторика Корнеля, Расина и Вольтера всегда будетъ выше риторики Озерова, а риторика Ломоносова выше риторики Сумарокова. Ломоносовъ вездѣ уменъ, даже и въ риторическихъ стихахъ своихъ. Нѣтъ, по моему мнѣнію, Сумароковъ сдѣлалъ одно истинно важное дѣло, хотя и безъ всякаго особеннаго умысла: его пѣтическая тѣнь возникла предъ критическимъ окомъ С. Н. Глинки и вдохновила его „предъявить“ преинтересную книгу: „Очерки жизни и сочиненія Александра Петровича Сумарокова“, пресловутую книгу, которая, говоря языкомъ ея почтеннаго сочинителя, „огромила россійскій бытъ“... Вотъ за это спасибо Сумарокову: лучшаго онъ ничего не могъ сдѣлать...

Б.—Но что вы скажете о Княжнинѣ? Общее мнѣніе приписываетъ ему усовершенствованіе русскаго театра, рожденнаго Сумароковымъ...

А.—Да, общее мнѣніе всѣхъ „курсовъ и исторій русской литературы“. Княжнинъ не напрасно занимаетъ въ нихъ свое мѣсто; только ему и не должно выходить изъ нихъ, благо онъ пригрѣлъ себѣ тепленькую коморку. Исторія литературы и сама литература — не всегда одно и то же. При возникновеніи литературы, начавшейся подражаніемъ, является множество маленькихъ героевъ, пріобрѣтающихъ себѣ безсмертіе. Грузинцевъ, авторъ пьесы „Петръ Великій“, и Свѣчинъ, сочинитель „Александровъ“, стоятъ Тредьяковскаго; но о нихъ уже забыли — они поздно родились, поздно явились; а Тредьяковскій никогда не будетъ забытъ, потому-что родился во-время. Я не спорю, что Сумароковъ — „отецъ россійскаго театра“, и притомъ достойный отецъ достойнаго сына; но все-таки театръ нашъ не исключительно отъ него долженъ ве-

сти свою родословную: вспомните, что еще въ царствованіе Алексія Михайловича у насъ было нѣчто похожее на придворный театръ, гдѣ разыгрывались мистеріи, вродѣ тѣхъ, которыми начались всѣ европейскіе театры. Что жъ? не прикажете ли и ихъ напечатать для пользы и удовольствія почтеннѣйшей публики? И французы въ исторіи своей литературы упоминають о „мистеріяхъ“, равно какъ и о драмахъ Гарнье и Гарди, предшественниковъ Корнеля; но они не разбирають ихъ, не излагають ихъ содержанія, не разсуждають о ихъ красотахъ или недостаткахъ, не рекомендуютъ ихъ вниманію публики, не включаютъ ихъ въ общій капиталъ своей литературы. Литературныя заслуги бывають внѣшнія и внутреннія: первыя важны для той минуты, въ которую появились; вторыя остаются навсегда. Иначе ничьей жизни не достало бы перечестъ и изучить иную литературу. Такъ и Княжнинъ, лѣпившій свои риторическія трагедіи и комедіи изъ дурно-переведенныхъ имъ лоскутковъ ветхой и дырявой мантіи классической французской Мельпомены, оказалъ своего рода пользу и современному театру, и современной литературѣ. За это ему честь и слава; но требовать, чтобъ его читали и это чтеніе называли „занятіемъ литературой“, — просто нелѣпость. Даже и учащемуся юношеству нѣтъ никакой нужды давать читать такихъ писателей, какъ Сумароковъ и Княжнинъ, если это дѣлается не для предостереженія отъ покушенія или возможности писать такъ же дурно, какъ писали эти піиты. Но это значило бы подражать спартанцамъ, которые, для внушенія своему юношеству отвращенія отъ пьянства, заставляли рабовъ напиваться...

Б.—Вижу, что о Херасковѣ и Петровѣ нечего и говорить съ вами...

А.—Тѣмъ болѣе, что о нихъ и педанты перестали говорить: это тяжба, на-чисто проигранная. Сюда же должно отнести и Богдановича съ его тяжелой и неуклюжей „Душенькой“, которая считалась въ свое время образцомъ легкости и граціозности и возбуждала фуроръ.

Б.—А Хемницеръ, Капнистъ?

А.—Изъ нихъ можно кое-что помѣщать въ хрестоматіяхъ и другихъ подобныхъ сборникахъ, составляемыхъ для руко-

водства при изученіи исторіи русской литературы. Первый написалъ пять-шесть порядочныхъ басенъ, изъ которыхъ „Метафизикъ“ пользуется особенныхъ уваженіемъ и благоговѣніемъ людей, видящихъ въ подобныхъ произведеніяхъ что-то важное и говорящихъ „творецъ „Метафизика“ точно такъ же, какъ другіе говорятъ „творецъ „Макбета“. Капнистъ передѣлалъ довольно удачно, въ духѣ своего времени, одну или двѣ оды Горация; элегіи же его особенно важны для хрестоматій, какъ живое свидѣтельство сантиментальнаго духа русской литературы того времени. О „Ябедѣ“ его довольно сказать, что это произведеніе было благороднымъ порывомъ негодованія противъ одной изъ возмутительнѣйшихъ сторонъ современной ему дѣйствительности, и что за это долго пользовалось оно огромной славой, несмотря на все свое поэтическое и даже литературное ничтожество. Замѣчательно, до чего простиралось незаслуженное удивленіе къ этому посредственному произведенію: Писаревъ, лучшій русскій водевилистъ и вообще человѣкъ замѣчательно даровитый въ сферѣ мелкой житейской литературы, сражался за „Ябеду“ и въ стихахъ, и въ прозѣ; и въ одномъ изъ своихъ лучшихъ произведеній, нападая на одного журналиста, повершилъ свои тяжкія обвиненія слѣдующей наивной выходкой:

Онъ Грибоѣдова хвалилъ—
И разругалъ Капниста!... }

Въ самомъ дѣлѣ, тяжелое обвиненіе! О, доброе старое время!

Б.—Но мы, кажется забѣжали впередъ; воротимтесь. Думаю, вы будете не такъ исключительны и строги въ своемъ сужденіи о Державинѣ.

А.—Съ уваженіемъ отступаю при этомъ знаменитомъ имени, но не для того, чтобъ пасть передъ нимъ во прахъ и безсознательно воскурить оиміамъ громкихъ фразъ и возгласовъ, а для того, чтобъ лучше и полнѣе измѣрить глазами этотъ величавый образъ и строже, и тверже произнести свое сужденіе о немъ—потому именно, что глубоко уважаю его... Державинъ — первое дѣйствительное появленіе русскаго духа въ сферѣ поэзіи, которой до него не было на Руси. Державинъ—это Илья Муромецъ нашей поэзіи. Тотъ тридцать лѣтъ

сидѣлъ сиднемъ, не зная, что онъ богатырь; а этотъ сорокъ лѣтъ безмолствовалъ, не зная, что онъ поэтъ; подобно Ильѣ Муромцу, Державинъ поздно ощутилъ свою силу, а ощутивъ, обнаружилъ ее въ исполинскихъ и безплодныхъ проявленіяхъ... Никого у насъ не хвалили такъ много и такъ безусловно, какъ Державина, и никто доселѣ не понялъ менѣе его Невольно смиряясь предъ исполинскимъ именемъ, всѣ склонялись передъ нимъ, не замѣчая, что это только имя—не больше; поэтъ, а не поэзія... Его всѣ единодушно превозносятъ, всѣ оскорбляются малѣйшимъ сомнѣніемъ въ безукоризненности его поэтической славы, и между тѣмъ никто не читаетъ, и всего менѣе тѣ, которые печатно кричатъ о немъ... По моему мнѣнію, эти люди, такъ безсознательно поступающіе, дѣйствуютъ очень разумно и нисколько не противорѣчатъ самимъ себѣ. Я сравнилъ Державина съ древнимъ русскимъ богатыремъ, Ильей Муромцемъ, и, на основаніи этого сравненія, назвалъ поэзію Державина исполинскими, но безплодными проявленіями поэтической силы: для объясненія своей мысли я долженъ продолжать это сравненіе. Илья Муромецъ одинъ одиначонокъ побиваетъ цѣлую татарскую рать—и чѣмъ же?—не копьемъ, не мечемъ, не палицею тяжкою, а татаринѣмъ, котораго онъ схватилъ за ноги, да и давай имъ помахивать на всѣ четыре стороны, сардонически приговаривая:

А и крѣпокъ татаринъ—не ломится,
А и жиловать, собака,—не изорвется.

Кто не согласится, что подобный подвигъ поражаетъ умъ удивленіемъ? Но и кто же не согласится, что возбуждаемое имъ удивленіе—чувство чисто внѣшнее, холодное, и что оно—только удивленіе, а не тотъ божественный восторгъ, который возбуждается въ духѣ чрезъ разумное проникновеніе въ глубокую сущность предмета? Но здѣсь не во что проникать: здѣсь только сила, лишенная всякаго содержанія, сила какъ сила—больше ничего. Совсѣмъ не такъ дѣйствуютъ на насъ миѳическія сказанія римскаго народа о Гораціяхъ-Коклесахъ, Муціяхъ-Сцеволахъ или рыцарскія легенды о военномъ схимничествѣ за честь креста, гроба и имени Господня, о битвахъ за красоту, о неизмѣнности обѣтамъ, о безумномъ фанати-

ческомъ обожаніи воображаемыхъ идеаловъ, какъ будто дѣйствительныхъ существъ: они возбуждаютъ въ насъ не одно удивленіе, но и любовь, и восторгъ, и сознаніе. Съ любовью преклоняемся мы передъ безконечностью духа человѣческаго, предъ несокрушимой твердостью воли, торжествующей надъ ограниченными условіями немощной плоти; въ нихъ мы обожаемъ божественную способность человѣка уничтожаться, какъ въ жертвенномъ огнѣ на алтарѣ Бога, въ паѳосѣ къ безплотной и безсмертной идеѣ... И это оттого, что онѣ полны общечеловѣческаго содержанія, что мы ощущаемъ, чувствуемъ и провидимъ въ нихъ все, чѣмъ человѣкъ есть человѣкъ... чувственное явленіе незримаго и вѣчнаго духа.. И вотъ этого-то содержанія въ поэзіи Державина такъ же мало, какъ и въ подвигѣ Ильи Муромца. Откуда было взять ему содержаніе для своей поэзіи? Къ намъ долетали неопредѣленные слухи и толки объ ХVІІІ вѣкѣ Франціи, мы даже сами ѣздили знакомиться съ нимъ въ Парижъ... У насъ читали Вольтера и повторяли его остроты; но на Руссо смотрѣли только какъ на чувствительнаго мечтателя; существованія же нѣмца Канта тогда никто и не подозрѣвалъ... Россія была на вѣки оторвана отъ своего прошедшаго, да и притомъ такъ уже свыкла съ реформой, что и не могла ничего найти въ немъ для себя; настоящее ея было невѣрнымъ и косвеннымъ отраженіемъ чужого: откуда же было возникнуть въ ней своеобразному созерцанію жизни, суммѣ тѣхъ общихъ для всѣхъ и cadaго понятій, посредствомъ которыхъ въ обществѣ сливаются воедино всѣ частности и личности, которыя составляютъ цвѣтъ, характеристику, душу общества, и какъ въ зеркалѣ, отражаются въ его поэзіи и литературѣ?.. Ихъ не было, и не могло быть. И вотъ отчего поэзія Державина такъ чужда всякаго содержанія. Что могъ видѣть и слышать онъ въ своемъ дѣтствѣ, у себя дома? чему могъ онъ выучиться въ школѣ? что могъ ему дать опытъ его жизни въ юношествѣ и въ лѣтахъ мужества? Можно ли дивиться, что, въ апогеѣ своей славы, пятидесятилѣтній Державинъ смотрѣлъ на поэзію какъ на отдыхъ и забаву, а на канцелярскія бумаги, какъ на дѣло, считалъ себя не поэтомъ, а чиновникомъ. Повторяю: тутъ нечего было и думать о содержаніи для поэзіи — и поэзіи

Державина, осталась безъ всякаго содержанія. Возьмемъ ли мы его такъ называемыя „анакреонтическія стихотворенія“ — сколько въ нихъ превосходныхъ частныхъ, удачныхъ стиховъ, поэтическихъ образовъ, сколько огня и яркости; но вмѣстѣ съ тѣмъ и какая во всемъ внѣшность: ни малѣйшаго признака, ни слабыхъ слѣдовъ мистики сердца, жизни чувства! Чувство любви онъ вездѣ беретъ въ его отвлеченной общности: оно всегда у него одно и то же, всегда неподвижно, оцѣпенѣло, никогда не переходитъ изъ мотива въ мотивъ, и потому лишено всего внутренняго, — блескитъ, но не грѣетъ... Возьмемъ ли его такъ называемыя философическія оды: онѣ иногда богаты сентенціями, вродѣ описанія признаковъ, долженствующихъ составлять истиннаго вельможу, и всегда бѣдны мыслями, лишены созерцанія. Только одно созерцаніе сообщаетъ нѣкоторымъ его одамъ поэтическій колоритъ: это мысль о преходящности всего, о паденіи героевъ, царствъ и народовъ, смываемыхъ съ лица земли волнами всепоглощающаго океана времени. Да, дума Державина объ этомъ предметѣ иногда грустна и полна величія и поэзіи, и нигдѣ не выразилъ онъ ее съ такой полнотой и силой, какъ въ прекрасной „Одѣ на смерть Мещерскаго“:

Ничто отъ роковыхъ когтей
Никая тварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ — снѣдь червей,
Гробницы злость стихій снѣдаетъ;
Зіяетъ время славу стерть:
Какъ въ море льются быстры воды
Такъ въ вѣчность льются дни и годы;
Глотаешь царства алчна стерть.
Скользимъ мы бездны на краю,
Въ которую стремглавъ свалимся;
Приемлемъ съ жизнью смерть свою,
На то, чтобъ умереть, родимся;
Безъ жалости все смерть разить:
И звѣзды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Тутъ есть поэзія, потому что есть мысль, не изъ головы выскочившая въ одно прекрасное утро, когда хозяинъ этой головы, сидя въ халатѣ, пилъ чай и курилъ трубку, не вы-

шедшая изъ глубоко потрясенной природы, въ страданіи рожденная изъ судорожно сжавшагося сердца... Особенно яркой характеристикой вѣка дышитъ этотъ куплетъ:

Сынъ роскоши, прохлада и нѣтъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ;
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ?—онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—не знаемъ.
Мы только плачемъ и зываемъ:
„О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“

XVIII вѣкъ слишкомъ игралъ жизнью, слишкомъ легко смотрѣлъ на нее; роскошь, прохлады и нѣги были его стихіей: потому удивительно ли, что только смерть человѣка а не причина и слѣдствія ея заставляли призадумываться этихъ вѣтренныхъ, легкомысленныхъ дѣтей XVIII вѣка? На пиру грянулъ громъ—веселые гости смутились; передъ ними бездыханный трупъ „сына роскоши, прохлада и нѣтъ“, слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, человѣка, котораго смерть не должна бы посмѣть коснуться... Но и онъ мертвъ—кто же послѣ этого смѣетъ надѣяться на жизнь? эта мысль леденитъ кровь въ ихъ жилахъ, и изъ груди ихъ, сжатой страшнымъ призракомъ смерти, вырывается болѣзненный вопль: „О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“ Вотъ трагическая сторона XVIII вѣка, который больше всѣхъ золь въ мірѣ боялся смерти,—и Державинъ безсознательно, но превосходно выразилъ эту мысль. Однакожъ она у него не вездѣ одинаково хорошо выражена, всегда вертится около самой себя, не двигаясь впередъ подобно колесцу вентилятора, и оттого утомляетъ читателя однообразнымъ шумомъ своихъ оборотовъ. Кромѣ же этой мысли, я другихъ не знаю у Державина; а согласитесь, что странно представить себѣ поэзію, которая вся вращается на одной, и притомъ лишенной внутренняго движенія мысли... Что же до его торжественныхъ одъ, — и въ нихъ есть смѣлые обороты, яркіе проблески Державинской поэзіи; но онѣ невообразимо длинны, а это очень невыгодное обстоятельство въ лирической и особенно—„торжественной“ поэзіи; при длиннотѣ скука побѣдитъ всякую поэзію; потомъ онѣ преис-

полнены враждебнаго для поэзіи элемента — риторики, натянуты, неестественны, дурно концепированы, а главное — лишены и тѣни какого бы то ни были содержанія. Притомъ же и событія, подавшія поводъ къ сочиненію этихъ одъ, были особенно важны только для своего времени: наше время совершенно къ нимъ холодно, потому что его интересы стали и пошире, и поглубже, и почеловѣчнѣе. Два стихотворенія Пушкина: „Клеветникамъ Россіи“ и „Бородинская Годовщина“ совершенно уничтожаютъ всѣ многочисленныя торжественныя оды Державина.

Сверхъ „Оды на смерть Мещерскаго“ я высоко ставлю еще его „Водопадъ“. Въ этой пьесѣ съ особенной выпуклостью и рѣзкостью проявились всѣ достоинства и недостатки поэзіи Державина. Въ ней особенно замѣтенъ этотъ полетъ, составляющій характеристическую черту Державинской поэзіи; глубокая и торжественная дума лежитъ въ ея основаніи; смѣлость и оригинальность образовъ и картинъ доходитъ въ ней часто до высокаго, въ ней —

Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подземныхъ

.....

Утесы и скалы дремали,
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробѣгали,
Изъ коихъ трепетна, блѣдна,
Проглядывала внизъ луна.

Духъ читателя настроенъ фантастически и ожидаетъ чудесъ —

Внимаетъ завыванье псовъ,
Ревъ вѣтровъ, скрипъ деревъ дебелыхъ,
Стенанье филиновъ и совъ,
И вѣщій гласъ вдали животныхъ,
И тихій шорохъ вокругъ безплотныхъ.
Онъ слышитъ: сокрушилась ель,
Станица врановъ встрепетала,
Кремнистый холмъ далъ страшну щель,
Гора съ богатствами упала;
Грохочетъ эхо по горамъ,
Какъ громъ гремѣщій по громамъ.

Но особенно люблю я „Водопадъ“ за героя, котораго дивная судьба при жизни и дивная смерть среди степи, подъ поход-

нымъ плащомъ, вдохновила Державина. Много величавыхъ образовъ украшаетъ блестящій вѣкъ Екатерины Великой; но Потемкинъ всѣхъ ихъ заслоняетъ въ глазахъ потомства своей колоссальной фигурой. Его и теперь все такъ же не понимаютъ, какъ не понимали тогда: видятъ счастливаго временщика, сына случая, гордаго вельможу, — и не видятъ сына судьбы, великаго человѣка, умомъ завоевавшего свое безмѣрное счастье, а гениемъ доказавшаго свои права на него. Потемкинъ — это одна изъ тѣхъ титанскихъ натуръ, которыхъ душа вѣчно пожирается ничѣмъ неудовлетворяемой жадной дѣятельности, — для которыхъ перестать дѣйствовать — значитъ перестать жить, — которымъ, завоевавъ землю, надо дѣлать высадку на луну или умирать. Колоссальный образъ Потемкина съ ногъ до головы облитъ поэзіей; Державинъ понялъ это, — и „Водопадъ“ самая высокая, самая поэтическая пѣснь его. Однакожъ смѣлая концепція этой пѣсни неудачна въ цѣломъ и блескитъ только частностями; все сочиненіе растянута, лучшія мѣста прерываются риторикой; желаніе сказать какую-нибудь любимую мысль, которая не выходитъ изъ предъидущаго и не вяжется съ послѣдующимъ, привело множество лишнихъ стиховъ только для внѣшней связи; безпрестанно загорающееся огнемъ поэзіи чувство читателя безпрестанно охлаждается водой общихъ риторическихъ мѣстъ; прекрасные стихи смѣняются дурными, счастливые обороты — ничтожными выраженіями, — и въ цѣломъ эта поэма только истомитъ и измучитъ читателя, а не усладитъ его полнымъ, яснымъ восторгомъ...

Я особенно дорожу тѣми одами Державина, въ которыхъ выражена вельможная и барская жизнь на распаху — единственная, хотя и относительно поэтическая жизнь того времени. Поэзія всегда вѣрна исторіи, потому что исторія есть почва поэзіи. Я сказалъ, что вельможество было единственнымъ образованнымъ сословіемъ того времени, — и это не могло не отразиться въ поэзіи Державина, давъ ей хоть и бѣдное, и одностороннее содержаніе. Такія оды его, какъ „къ Первому Сосѣду“, „къ Второму Сосѣду“, „Гостю“ — принадлежатъ къ числу лучшихъ его одъ. Но еще интереснѣе тѣ изъ нихъ, которыя блещутъ картинами русской природы. Его

русская осень гораздо лучше весны, а зима весело блеститъ яркой бѣлизной снѣговъ и пушистаго инея... Сѣдая чародѣйка, она машетъ косматымъ рукавомъ, сыпая снѣгъ, морозъ и иней, претворяя воды въ льды; въ поляхъ воютъ голодные волки; олень уходитъ на мшистыя тундры, медвѣдь ложится въ свое логовище... А румяная осень?—

Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль серебрится по степямъ,
Шумящи красно-желты листья
Разстлались всюду по тропамъ.
Въ опушкѣ заяцъ быстроногій.
Какъ колпикъ, посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловецки раздаются роги,
И выжлять лай и гулъ гремитъ;
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣсть добры щи и пиво пьетъ.

Да, Державинъ сочувствовалъ русской осенней и зимней природѣ, — и это сочувствіе, какъ наслѣдіе, перешло отъ него къ Пушкину. Но что у Пушкина является апофеозомъ, то у Державина есть только элементъ, начало чего-то, зерно, еще не развившееся въ растеніе и цвѣтъ. Великую приносить Державину честь, что онъ въ одѣ, гдѣ говорится объ осадѣ Очакова и Потемкинѣ, дерзнулъ, вопреки всѣмъ понятіямъ того времени о благородной и украшенной природѣ въ искусствѣ, говорить о зайцахъ, о голодныхъ волкахъ, о медвѣдяхъ, о русскомъ мужикѣ и его добрыхъ щахъ и пивѣ, дерзнулъ назвать зиму сѣдой чародѣйкой, которая машетъ косматымъ рукавомъ: это показываетъ, что онъ одаренъ былъ сильными и самостоятельными элементами поэзіи, которымъ однакожъ нельзя было развиваться во что-нибудь опредѣленное и суждено было остаться только элементами, по отсутствію содержанія, еще невыработаннаго общественной жизнью, по неимѣнію литературнаго, поэтическаго разговорнаго и всякаго языка, и по кривымъ понятіямъ объ искусствѣ — не только у насъ, но и въ самой Европѣ, гдѣ XVIII вѣкъ вообще былъ неблагоприятенъ поэзіи. Конечно во всемъ этомъ Державинъ нисколько не виноватъ, я и не виню его: говорю только, что ему можно удивляться, его должно изучать, но что нѣтъ никакой возможности читать его для наслажденія поэзіей, и

что его произведенія, будучи важнымъ фактомъ для эстетики, теперь составляютъ въ сферѣ поэзіи совершенно мертвый капиталъ. Возьмемъ даже его оду „Осень во время осады Очакова“, тѣ самыя прекрасныя картины осени и зимы, о которыхъ я сейчасъ говорилъ. Онѣ преисполнены самыхъ прозаическихъ обмолвокъ или блесокъ „облагороженной и украшенной природы“: послѣ щей и пива у него крестьянинъ, подобно какому-нибудь менестрелю, „поетъ блаженство своихъ дней“; отъ хладнаго дыханія зимы „цѣпенѣтъ взоръ природы, небесный Марсъ оставляетъ громы и ложится отдыхать въ туманы, сельскія Нимфы“ (т. е. деревенскія дѣвки въ лаптяхъ, если не босикомъ) перестаютъ пѣть въ хороводахъ... Я уже не говорю о томъ, что въ этой одѣ нѣтъ ни единства мысли, ни единства ощущенія; что она не составляетъ ничего общаго, переполнена риторикой, богата дурными стихами, неточными выраженіями, на которыхъ безпрестанно спотыкается встревоженное чувство: эта общая и необходимая принадлежность, существенное качество каждаго стихотворенія Державина. И насъ хотятъ заставить читать его для услажденія себя поэзіей!.. Поэзія есть искусство, художество, изящная форма истинныхъ идей и вѣрныхъ (а не фальшивыхъ) ощущеній: поэтому часто одно слово, одно неточное выраженіе портитъ все поэтическое произведеніе, разрушая цѣлость впечатлѣнія. Я въ дѣтствѣ зналъ Державина наизусть, и мнѣ трудно было изъ міра его напряженно-торжественной поэзіи, бѣдной содержаніемъ, лишенной всякой художественности, всякой виртуозности, перейти въ міръ поэзіи Пушкина, столь свѣтлой, ясной, прозрачной, опредѣленной, возвышенно-свободной, безъ напряженности, полной содержанія, и потому вызывающей изъ души читателя всѣ чувства, даже такія, которыхъ возможности онъ и не подозревалъ въ себѣ, заставляющей взглядываться и вдумываться въ природу, въ жизнь и во внутреннее, тайное святилище собственной души,—наконецъ поэзіи столь гармонической и художественной. Для моего дѣтскаго воображенія, поставленнаго Державинской поэзіей на ходули, поэзія Пушкина казалась слишкомъ простой, слишкомъ кроткой и лишенной всякаго полета, всякой возвышенности... Переходъ отъ Державина къ Жуковскому для меня

былъ очень легокъ: я тотчасъ же очаровался этимъ мистическимъ міромъ внутренней, задушевной поэзіи, любилъ ее исключительно; но Державинъ все-таки оставался, въ моемъ понятіи, идеаломъ истиннаго поэта. Только постепенное духовное развитіе въ лонѣ Пушкинской поэзіи могло оторвать меня отъ глубоко вкоренившихся впечатлѣній дѣтства и довести до сознанія тайны, сущности и значенія истинной поэзіи. И эта сила дѣтскихъ впечатлѣній имѣетъ свою причину въ богатствѣ и могуществѣ поэтическихъ элементовъ, какими одаренъ былъ отъ природы Державинъ. Родись этотъ чело-вѣкъ въ благопріятное для поэзіи время, — можетъ-быть, онъ былъ бы великимъ поэтомъ и вѣкамъ завѣщалъ бы свои могучія и полетистыя вдохновенія; но судьба велѣла ему быть первой ступеню рождающейся въ народѣ поэзіи, — и вотъ едва прошло двадцать пять лѣтъ послѣ его смерти, а его ужъ никто не читаетъ, и только безотчетно, на вѣру и по преданіямъ, восторгаются имъ... Повторяю: я поставилъ бы долгомъ и обязанностью всякому юношѣ не только прочесть — даже изучить Державина, какъ великій фактъ въ исторіи русской литературы, языка и эстетическаго образованія общества, но никому не возьмусь совѣтовать читать Державина для эстетическаго наслажденія: я знаю напередъ, что мой совѣтъ пропалъ бы втунѣ послѣ первой прочитанной оды или послѣ первыхъ стиховъ ея. Воля ваша, я также не умѣю представить женщину съ Державинымъ въ рукахъ, какъ Пушкинъ не умѣлъ ее представить себѣ съ „Благонамѣреннымъ“ въ рукахъ. Знаю, что со мной многіе согласятся, но съ насмѣшливой улыбкой, которая будетъ не очень любезна въ отноше-ніи къ дамамъ; но, право, пора бы намъ оставить этотъ мусульманскій взглядъ на женщину, и въ справедливомъ смиреніи сознаться, что наши женщины едва ли не умнѣе нашихъ мужчинъ, хоть эти господа и превосходятъ ихъ въ учености. Кто первый, вопреки школьнымъ предразсудкамъ, живымъ, непосредственнымъ чувствомъ оцѣнилъ поэзію Жуковскаго? — женщины. Пока наши романтики подводили поэзію Пушкина подъ новую теорію и отстаивали ее отъ незаслуживающихъ вниманія педантовъ-классиковъ, — женщины наши уже заучили наизусть стихи Пушкина. Миѣніе, что женщина годна только

рождать и нянчить дѣтей, варить мужу щи и кашу, или плясать и сплетничать, да почитывать легонькіе пустячки, — это истинно киргизъ-кайсацкое мнѣніе! Женщина имѣетъ равныя права и равное участіе съ мужчиной въ дарахъ высшей духовной жизни — и если она во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ ниже его на лѣстницѣ нравственнаго развитія, — этому причиной не ея натура, а злоупотребленіе грубой матеріальной силы мужчины, полуварварское, немного восточное устройство общества и сахарное, аркадское воспитаніе, которое дается женщинѣ.. Но вѣкъ идетъ, идеи движутся, и варварство начинаетъ колебаться: женщина уже сознаетъ свои права человѣческія и блистательными подвигами доказываетъ гордому мужчинѣ, что и она такъ же дочь неба, какъ и онъ сынъ неба... Кому неизвѣстны имена Бетины и Рахели, которыхъ глубокія натуры отъ всякаго прикосновенія къ нимъ жизни издавали изъ себя электрическія искры откровенія гайнъ духа? Кому неизвѣстно имя гениальной Жоржъ Зандъ? Недавно въ Англіи вышла книга миссъ Джемсонъ — „Характеры Шекспировскихъ Женщинъ“, изумившая ученую и философскую Германію силой и глубиной анализа сокровенной души женщины, вѣрнымъ и мощнымъ постиженіемъ величайшаго поэта въ мірѣ, вдохновеннымъ, поэтическимъ и въ то же время полнымъ мысли и опредѣлительности изложеніемъ. Недавно вышла въ Германіи книга „Мифологія грековъ и римлянъ“, — плодъ глубочайшаго изученія древности, книга толь же глубоко философская, сколько и высоко поэтическая: авторъ этой книги — женщина, Тинетта Гомбергъ... насъ еще такъ недавно начали появляться истинно ученые мужчины — слѣдовательно намъ еще рано думать о своихъ Джемсонъ и Гомбергъ; но и наша литература по справедливости гордится многими женскими именами (если она жъ гордится столь многими мужскими), изъ которыхъ особенно замѣчательны: графиня Сара Толстая и неизвѣстная женщина, авторъ многихъ превосходныхъ повѣстей, подписывающаяся Зенеидой Р-вой. Итакъ, если женщины понимаютъ глубоко Шекспира и Гомера, то я, право, не вижу, почему и онѣ не могли понимать Державина... А между тѣмъ онѣ точно его не понимаютъ и никогда не будутъ читать, особенно

видя, что и мужчины давно уже отказались отъ этого удовольствія...

Б. — Я понимаю вашъ взглядъ на Державина, и каковъ онъ бы ни былъ въ самомъ дѣлѣ, но я увѣренъ, что во многомъ не могутъ не согласиться съ вами самые ожесточенные поклонники старины. Но послѣ такого взгляда на Державина, я уже боюсь предложить вамъ Фонвизина.

А. — Напрасно: этому писателю я не только всегда дамъ почетное мѣсто на полкѣ моего небогатаго русскими книгами шкафа, но и не откажусь подчасъ и перелистовать и перечесть его, сколько для историческаго изученія, столько и для удовольствія. Въмѣстѣ съ Державинымъ Фонвизинъ есть полное выраженіе екатерининскаго времени. Смѣшно, когда хотятъ дѣлать изъ него поэта и комика; но, какъ писатель, онъ безцѣненъ. Что бы вы ни читали въ немъ, — комедіи ли его, забавное ли и злое посланіе его къ Шумилову, письма ли изъ-за границы, исповѣдь-ли, вопросы-ли — вездѣ видите умнаго и остраго человѣка, тонкаго наблюдателя, живую исторію своего времени. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые, имѣя значеніе въ своей литературѣ, не совсѣмъ бы утратили его и въ переводѣ на иностранныя языкахъ. Что до его поэзіи, онъ невиненъ въ ней. Въ комедіяхъ его нѣтъ ничего идеальнаго, а слѣдовательно и творческаго: характеры дураковъ въ нихъ — вѣрные и ловкіе списки съ карикатуры тогдашней дѣйствительности; характеры умныхъ и добродѣтельныхъ — риторическія сентенціи, образы безъ лицъ; юморъ его комедій довольно легокъ и мелокъ: онъ ищетъ больше смѣшнаго и карикатурнаго, чѣмъ комическаго и характернаго. Но при всемъ томъ „Недоросль“ и „Бригадиръ“, уже согнанные съ театра, никогда не будутъ изгнаны ни изъ исторіи русской литературы, ни изъ библиотекъ порядочныхъ людей. Не будучи комедіями въ художественномъ значеніи, онѣ — прекрасныя произведенія беллетристической литературы, драгоцѣнныя лѣтописи общественности того времени. „Дворянскіе выборы“ были сколкомъ съ комедій Фонвизина и въ достоинствахъ, и недостаткахъ, но скалывать и изобрѣтать двѣ вещи разныя: притомъ же все хорошо въ свое время, — и честь, и слава уму и таланту

Фонвизина, что онъ угадалъ, что можно и что нужно было въ его время...

Б.—Вотъ мы съ вами и переговорили о цѣломъ періодѣ русской литературы. Конечно надо согласиться, что немного потратимъ времени на прочтеніе всего, что произвелъ этотъ періодъ.

А.—Слѣдующій будетъ несравненно богаче; только необходимо надо строго опредѣлять степень этого богатства, относительную или безусловную цѣнность частныхъ, изъ которыхъ состоитъ его цѣнность. А то—чего добраго!—вообразимъ себя такими богачами, что, положась конечно на большое и уже прожитое богатство, и не увидимъ, какъ придется по міру итти.

Б.—Интересно мнѣ, что вы скажете о Карамзинѣ и Дмитріевѣ, начавшихъ собою второй періодъ нашей литературы. Вѣроятно ихъ еще можно читать и перечитывать?...

А.—Прежде всего надо замѣтить, что Карамзинъ не ровня Дмитріеву. Дмитріевъ написалъ очень небольшую книгу стиховъ, и надо, чтобъ въ стихахъ такой книги было слишкомъ много поэзіи, чтобъ ее читали въ наше время... Но ея не читаютъ уже лѣтъ двадцать, а въ наше время немногіе даже знакомы съ нею, и то не лично, а по слухамъ, по рекомендаціи учителей словесности и по литературнымъ адресъ-календарямъ, извѣстнымъ подъ названіемъ „исторіи русской литературы“... И Дмитріевъ въ самомъ дѣлѣ—примѣчательное лицо въ исторіи русской литературы. Я очень любилъ его въ дѣтствѣ, и отъ души благодаренъ ему за пользу и удовольствіе, которыя принесли мнѣ его стихотворенія въ мои дѣтскіе годы. Впрочемъ басни и сказки Дмитріева и теперь еще могутъ доставлять дѣтямъ пользу и удовольствіе; если же будутъ для нихъ вредны, то развѣ со стороны своей негармонической и непоэтической версификаціи; но его оды и пѣсни теперь не годятся ни для дѣтей, ни для стариковъ—ихъ время давно прошло! А въ свое время онѣ были прекрасны, распространяли въ обществѣ охоту къ чтенію, пріучали публику къ благороднымъ наслажденіямъ ума, доставляли ей возвышенное удовольствіе. Но это все-таки не мѣшало Дмитріеву не быть поэтомъ, не имѣть ни фантазіи, ни чув-

ства: онѣ замѣнялись у него умомъ и ловкостью. Русская версификація въ стихахъ Дмитріева сдѣлала значительный шагъ впередъ: въ свое время они считались чрезвычайно гладкими и гармоническими. Вообще, стихи Дмитріева гораздо лучше стиховъ Карамзина. Дмитріева можно назвать сотрудникомъ и помощникомъ Карамзина въ дѣлѣ преобразованія русскаго языка и русской литературы: что Карамзинъ дѣлалъ въ отношеніи къ прозѣ, то Дмитріевъ дѣлалъ въ отношеніи къ стихотворству. Но проза тогда была важнѣе стиховъ, и потому заслуги Карамзина уничтожаютъ собой заслугу Дмитріева: между ними нѣтъ ни сравненія, ни параллели въ этомъ отношеніи. Карамзинъ первый родилъ въ обществѣ потребность чтенія, размножилъ читателей во всѣхъ классахъ общества, создалъ русскую публику; съ него первого должно полагать начало русской литературы не какъ школьнаго, „ученаго“ занятія, но какъ предмета живого интереса со стороны общества. Правда, этотъ живой интересъ былъ еще довольно апатиченъ, а ограниченное число читателей не могло назваться публикой; но что же и теперь у насъ за публика? а между тѣмъ теперешняя публика и огромна, и образована въ сравненіи съ той публикой; безъ той публики не было бы и теперешней. Поэтому дѣло Карамзина — великій подвигъ, вполне достойный того, чтобъ наше время обезсмертило его монументомъ. Карамзинъ явился преобразователемъ языка и стилистики. Въ обществѣ бродили уже новыя идеи, для выраженія которыхъ не доставало въ русскомъ языкѣ ни словъ, ни оборотовъ. Карамзинъ улегитимировалъ своимъ талантомъ употребленіе вошедшихъ и входившихъ въ русскій языкъ словъ и ввелъ совершенно новыя не только иностранныя, но и русскія слова, какъ напримѣръ „промышленность“. Карамзина обвиняютъ въ растлѣніи чужестранными словами и оборотами, преимущественно галлицизмами, дѣвственности русскаго языка. Но эти люди забываютъ, что тогда не было никакого русскаго языка, и что латино-славянская проза Ломоносова и Хераскова гораздо меньше была русскимъ языкомъ, чѣмъ проза не только Карамзина, но и самыхъ неловкихъ его подражателей, отчаянныхъ галломановъ. Карамзинъ началъ писать языкомъ об-

щества, тѣмъ самымъ, которымъ все говорили; но разумѣется, идеализировавъ его, потому что письменный языкъ — искусственный, какъ бы ни былъ онъ естественъ, простъ, живъ и свободенъ. Карамзинъ явился въ самое время съ своей реформой: тогда все чувствовали ея необходимость, — большинство безсознательно, избранники сознательно: доказательствомъ первого служить общій восторгъ, съ какимъ были приняты первые опыты Карамзина; а доказательствомъ второго можетъ служить Макаровъ, современникъ Карамзина, талантливый литераторъ, въ одно время съ Карамзинымъ и совершенно независимо отъ него писавшій такой же прекрасной прозой. Не смотря на то, что духъ времени былъ за Карамзина, знаменитому реформатору нужна была большая сила характера или большая расчетливость, чтобъ не смущаться толками и воплями литературныхъ старовѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ, потребна была большая рѣшимость, чтобъ изъ міра натянутой эпопеи вродѣ „Кадма и Гармоніи“ ниспуститься въ міръ любви и горестей какой-нибудь „Бѣдной Лизы“, которая не имѣла чести быть даже простой дворянкой. Въ лицѣ Карамзина русская литература въ первый разъ сошла на землю съ ходуль, на которыя поставилъ ее Ломоносовъ. Конечно въ „Бѣдной Лизѣ“ и другихъ чувствительныхъ повѣстяхъ не было ни слѣда, ни признака обще-человѣческихъ интересовъ; но въ нихъ есть интересы просто человѣческіе — интересы сердца и души. Въ повѣстяхъ Карамзина русская публика въ первый разъ увидѣла на русскомъ языкѣ имена любви, дружбы, радости, разлуки, и пр. не какъ пустыя, отвлеченныя понятія и риторическія фигуры, но какъ слова, находящія себѣ отзывъ въ душѣ читателя. Такъ какъ это было было въ первый разъ, все эти чувства, нѣжныя до слабости, умѣренныя до блѣдной безцвѣтности, сладкія до приторности, были приняты за глубокое проникновеніе въ душевную натуру челоѣка. Карамзинъ засталъ XVIII вѣкъ на его исходѣ, и взялъ отъ него только пастушескую сладость чувствъ, мадригальную силу страстей. И хорошо, что это случилось такъ, а не иначе: если бы его сочиненія были выхождениемъ болѣе глубокаго содержанія или хотъ какого-нибудь содержанія — они плодотворно дѣйствовали бы на немно-

гія благодатныя натуры; масса не замѣтила бы ихъ, и Карамзинъ не создалъ бы публики, не приготовилъ бы возможность существованія русской литературы. Чувство и чувствительность — не одно и то же: можно быть чувствительнымъ, не имѣя чувства; но нельзя не быть чувствительнымъ, будучи человѣкомъ съ чувствомъ. Чувствительность ниже чувства, потому что она болѣе зависитъ отъ организаціи, тогда какъ чувство болѣе относится къ духу. Чувствительность раздражительная, нѣжная, слезливая, приторная есть признакъ или слабой и мелкой, или разсѣянной натуры: такая чувствительность очень хорошо выражается словомъ „сентиментальность“. Однакожъ, будучи не совсѣмъ завиднымъ качествомъ, и сентиментальность лучше одеревенѣлаго состоянія въ грубой корѣ животной естественности, — и потому въ массѣ тогдашняго общества прежде всего должно было пробудить сентиментальность, какъ первый выходъ изъ одеревенѣлости. Европейская сентиментальность, составлявшая одну изъ заднихъ сторонъ XVIII вѣка и привитая Карамзинымъ къ русской литературѣ, была смягчающимъ средствомъ для современнаго ему общества мало знакомаго съ грамотой. Многіе нападаютъ на жидкость содержанія въ „Письмахъ Русскаго Путешественника“: я такъ не вижу въ нихъ ровно никакого содержанія, и потому самому уважаю ихъ. Если бы Карамзинъ сдѣлалъ изъ нихъ вѣрную картину нравственнаго состоянія Европы въ то время, а не знакомилъ бы съ однѣми внѣшностями европейской цивилизаціи и дорожными случайностями, — его путешествіе почти ни на кого не подѣйствовало бы. Карамзинъ въ своихъ письмахъ вездѣ обнаруживаетъ симпатію къ реформѣ Петра и антипатію къ длиннородой старинѣ: чувство вѣрное, и мотивы его не довольно глубоки. Для Карамзина европеизмъ состоялъ въ однихъ удобствахъ образованной жизни; болы онъ ничего не предвидѣлъ въ этомъ величайшемъ вопросѣ въ которомъ заключается вся судьба челоѣчества. Но потому-то путешествіе Карамзина и было такъ понятно для публики, такъ восхитило ее и произвело такое сильное и такъ благодѣтельное вліяніе на образъ мыслей тогдашняго общества. Вотъ, по моему мнѣнію, какъ должно смотрѣть на Карамзина. Едва ли кто больше его принесъ пользы русской литерату

(замѣтьте: не поэзіи, не искусству, не наукѣ, — а литературѣ) и едва ли кто менѣе можетъ быть читаемъ въ наше время, какъ онъ. Державина нельзя читать, но — должно изучать: о сочиненіяхъ Карамзина нельзя сказать и этого. Чужды всякаго содержанія, они не могутъ быть переведены ни на какой европейскій языкъ: чтобы нашла бы въ нихъ Европа, изъ чего бы поняла она въ нихъ, что онъ — великій писатель?.. Чужды нашему времени по формѣ, т. е. по самому языку своему, составляющему торжество классной стилистики, — кѣмъ они будутъ читаться въ наше время, если не людьми, для которыхъ „Бѣдная Лиза“ можетъ быть первой прочитанной ими повѣстью? Между тѣмъ безъ Карамзина исторія нашей литературы не имѣетъ смысла; имя его велико, заслуги безсмертны, но творенія его, какъ важныя и необходимыя только для современной ему эпохи, дошедъ до своей апогеи, обвитыя лаврами побѣды, безмолвно и безтревожно покоятся теперь въ своей лучезарной славѣ...

Б. — Но вы говорите только о мелкихъ трудахъ Карамзина; а вѣдь онъ писалъ: „Исторію Государства Россійскаго“...

А. — Не написалъ, а только хотѣлъ написать, но не успѣлъ кончить и предисловія. Государство Россійское началось съ творца его Петра Великаго, до появленія котораго оно было младенецъ, хотя и младенецъ Алкидъ, душившій змѣя въ колыбели; но кто же пишетъ исторію младенца! О младенчествѣ великаго человѣка упоминается, и то мимоходомъ, только въ предисловіи или введеніи въ его исторію. Содержаніе исторіи составляетъ таинственная психія народа, дающая чувствовать свое животворное присутствіе во внѣшнихъ событіяхъ; но событія сами по себѣ еще не составляютъ исторіи, какъ бы красно ни были они рассказаны. Педанты нападали на Карамзина за промахи противъ лѣтописей, за мелочныя ошибки въ фактахъ: нелѣпое обвиненіе! Умъ цѣпенѣетъ передъ огромностью подвига, совершеннаго Карамзинымъ: онъ писалъ исторію, онъ же и разрабатывалъ рѣшительно нетронутые матеріалы для нея. Что было сдѣлано до него по части исторической критики документовъ? — Ничего. Шлецеръ и другіе были заняты преимущественно вопросомъ о происхожденіи Руси, который и теперь еще не рѣшенъ. Даже текстъ Не-

сторa и теперь еще не возстановленъ и не очищенъ: что сдѣлалъ для него Шлецеръ, тѣмъ и теперь еще пробавляются наши „ученые“. Итакъ, Карамзинъ работалъ за десятерыхъ,— и его примѣчанія къ „Исторіи Государства Россійскаго“ едва ли еще не драгоцѣннѣе самаго текста... И при такомъ трудѣ нападать на мелкія фактическія ошибки! Не въ нихъ, а въ идеѣ все дѣло; и вотъ съ этой-то стороны еще никто и не взглянулъ на великое твореніе Карамзина. Правда, нѣкоторые очень основательно упрекали Карамзина, что онъ былъ незнакомъ съ идеями Гизо, Тьерри, Баранта и другихъ, послѣ него явившихся историковъ; но я, право, не вижу никакого отношенія русской исторіи къ исторіи образованія европейскихъ государствъ. У насъ даже написано по этимъ идеямъ начало „Исторіи Русскаго Народа“; но уже самое заглавіе этой исторіи или заглавіе начала этой исторіи показываетъ ея внутреннее достоинство, равно какъ и то, какъ далеко обогнала она въ идеяхъ исторію Карамзина: тамъ государство, которое только готовилось быть, но котораго еще не было, а тутъ народъ, который не сознавалъ еще своего существованія. Изъ баснословнаго періода Руси Карамзинъ сдѣлалъ эпическую поэму въ духѣ XVIII вѣка, и то, чего не достало бы на десять страничекъ, растянулъ на томы. Уставши отъ безплоднаго описанія періода междоусобій и ужасовъ татарщины, онъ думалъ отдохнуть, принимаясь за 6-й томъ. „Отселѣ — говоритъ онъ — исторія наша приѣмлетъ достоинство истинно государственной“; но кому, даже и прежде Карамзина, не только послѣ него, не было извѣстно, что слова „патріархальность“ и „государственность“ не одно и то же? Что же касается до насъ, живущихъ послѣ Карамзина,—мы читали на этотъ счетъ превосходное политическое сочиненіе подъячаго XVII вѣка, Котошихина, и потому уже не можемъ довольствоваться понятіемъ Карамзина о „государственности“. Нечего уже говорить о томъ, что Карамзинъ невѣрно смотрѣлъ на Грознаго и на другія историческія лица. Но если наше время все это можетъ понимать вѣрнѣе Карамзина, этимъ оно обязано все-таки Карамзину же, потому что безъ его исторіи мы не имѣли бы никакихъ данныхъ для сужденій. До сихъ поръ ни одна попытка написать исторію Россіи не только

не помрачила великаго творенія Карамзина, но даже и не заслужила чести быть упоминаемой при немъ... И мы до тѣхъ поръ не будемъ имѣть настоящей исторіи Россіи, пока исторія Карамзина не перестанетъ быть читаемой, а ее еще долго-долго будутъ читать... Что же касается до меня собственно, — я прочелъ уже ее, и даже не одинъ разъ: и потому теперь она не можетъ увеличить моей „библіотеки для чтенія“ (не для справокъ), т. е. того, что я называю литературой и отвѣтомъ на вопросъ: „Да гдѣ жъ онѣ? давай ихъ?“

Б.—Я вамъ упомянулъ бы о Крыловѣ; но вѣдь вы и его читали...

А.—И никогда не перестану читать. Собраніе его басенъ есть капитальная книга русской литературы. Это нашъ единственный баснописецъ: по крайней мѣрѣ другихъ я не знаю, да и знать не хочу, что бы мнѣ ни говорили о Хемницерѣ и Дмитріевѣ... Достоинство басенъ Крылова безусловно и не зависитъ ни отъ времени, ни отъ моды. Число читателей на Руси прогрессивно умножается и будетъ умножаться годъ отъ году, въ безконечность. Мѣсто, которое онъ долженъ занимать между другими нашими поэтами, должно быть опредѣлено вопросомъ: какое мѣсто занимаетъ басня въ кругу прочихъ родовъ поэзіи? Рѣшеніе этого вопроса очень не трудно въ наше время...

Б.—Озеровъ...

А.—Очень примѣчательное лицо въ исторіи русской литературы. Я люблю его особенно за то, что онъ своими трагедіями такъ ясно и опредѣлительно рѣшилъ вопросъ о псевдо-классической драмѣ... Благодаря ему, теперь нечего и спорить объ этомъ предметѣ: не дѣлайте возраженій, а только попросите прочесть или посмотреть на театрѣ „Эдипа въ Афинахъ“, „Фингала“ или „Поликсену“ (о „Донскомъ“ уже никто не будетъ говорить — все равно, какъ о „Хоревѣ“)... Родъ драмы, въ которомъ упражнялся Озеровъ, уже самъ по себѣ есть отрицаніе всякой поэзіи, натянутость, неестественность и скука... Но если трагедіи Озерова будете разсматривать и относительно, — то и тогда увидите въ нихъ конечно большой успѣхъ, но только успѣхъ вкуса и языка, а не поэзіи, не искусства, и притомъ успѣхъ только сравнительно

съ трагедіями Сумарокова и Княжнина. Въ трагедіяхъ Озерова нѣтъ глубокаго чувства, и вообще въ нихъ больше чувствительности, чѣмъ какого-нибудь чувства, а паѳосъ замѣненъ или раздражительностью, или высокопарностью. Озеровъ по преимуществу принадлежитъ къ Карамзинской школѣ: онъ усвоилъ себѣ всѣ ея элементы—и расплывающуюся, слезливую раздражительность чувствительности, и искусственную красоту стилистики. Къ этому должно присовокупить еще риторическую восторженность, занятую имъ у его французскихъ образцовъ. Впрочемъ Карамзинская школа, въ лицѣ Озерова, сдѣлала большой шагъ впередъ: въ чувствительности Озерова больше силы, упругости и жизни; это что то среднее между чувствительностью и чувствомъ, какъ бы переходъ отъ чувствительности къ чувству. Вообще громкая слава и восторгъ современниковъ были справедливой, вполне заслуженной данью дарованіямъ Озерова, и исторія русской литературы всегда дастъ ему почетное мѣсто на своихъ страницахъ, хоть его никто уже и не читаетъ, и не будетъ читать, кромѣ людей, исторически изучающихъ литературу: для нихъ Озеровъ всегда останется интереснымъ явленіемъ.

Б. — Ваше мнѣніе объ Озеровѣ ново и оригинально, — и я думаю...

А. — Напротивъ, мое мнѣніе объ Озеровѣ и не ново, и не оригинально: всѣ такъ думаютъ о немъ, но не всѣ такъ говорятъ. Въ нашей критикѣ, и особенно въ нашихъ учебникахъ, замѣтно владычество общихъ мѣстъ, литературное низкопоклонство живымъ и мертвымъ, лицемѣрство въ сужденіяхъ. Думаютъ и знаютъ одно, — а говорятъ другое. Иной господинъ ни разу не прочелъ, напримѣръ, Ломоносова и помнитъ изъ него развѣ знаменитую строфу: „науки юношей питають“, которую невольно заучилъ въ дѣтствѣ, а начнетъ писать о Ломоносовѣ—такъ и посыплются у него слова: „русскій Пиндаръ, высокое пареніе, торжественность, сила“ и пр., и пр. Такъ повторяются у насъ до сихъ поръ пустыя фразы и о Державинѣ: „потомокъ Багрима, сѣверный бардъ, пѣвецъ Фелицы, алмазы, яхонты, сапфиры“ и т. п. Впрочемъ, если наша публика, вмѣсто критики, часто читаетъ или похвальные слова, или плоскую брань,—въ этомъ отча-

сти она сама виновата: скажите хоть слово противъ „знаменитаго“ писателя, котораго впрочемъ вы сами высоко цѣните, — тотчасъ: „Ахъ, какое неуваженіе! помилуйте; оно, конечно, правда, но какъ это можно, и къ чему это?...“ У насъ ужъ такъ привыкли смотрѣть на критику: коли хвалить, такъ хвали; коли бранить, такъ только держись! Тутъ, поневолѣ, иной разъ припомнишь стихъ Крылова: „Да, спрашивай ты толку у звѣрей“ .. Главная причина этому — дѣтскость образованія: никто не хочетъ мыслить, а всѣ только хотятъ читать. Требуютъ, чтобъ критикъ не опредѣлилъ достоинство писателя, а расхвалилъ или разбранилъ его, и если статья состоитъ не изъ однѣхъ похвалъ, если авторъ не превозносится въ ней безусловно, говорятъ: „разругали“... Многимъ вы никакъ не растолкуете, что отъ противоположности сужденій объ авторѣ авторъ не дѣлается другимъ, все остается тѣмъ же, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ; но что только изъ противоположности сужденій возможенъ выводъ правильнаго и истиннаго сужденія объ авторѣ. Современники смотрятъ на автора такъ — потомуки иначе: это еще не всегда значитъ, чтобъ они противорѣчили другъ другу; но часто значитъ только, что современники видѣли и цѣнили въ авторѣ одну сторону, исключительно удовлетворявшую требованіямъ ихъ времени; а потомуки, преисполненные новыхъ потребностей, сообразно съ духомъ ихъ времени, холодны и равнодушны къ сторонѣ автора, восхищавшей его современниковъ. Но эта холодность, это равнодушіе нисколько не уничтожаютъ заслугъ автора и его историческаго достоинства: его не будутъ читать, но всегда будутъ чествовать его имя, какъ представителя эпохи, какъ лицо историческое. На что-жъ тутъ сердиться и чѣмъ обижаться? Дѣтство и дѣтство — больше ничего! А право, пора бы уже перестать играть въ литературу, пора бы смотрѣть на нее по-серьезнѣе... Конечно тогда многіе „безсмертные“ совсѣмъ умрутъ, великіе сдѣлаются только знаменитыми или замѣчательными, знаменитые — ничтожными: много сокровищъ обратится въ хламъ; но зато истинно прекрасное вступитъ въ свои права, а пересыпанье изъ пустого въ порожнее риторическими фразами и общими мѣстами — занятіе конечно безвредное и невинное, но пустое и пошлое — замѣнится сужде-

ніемъ и мышленіемъ... Но для этого необходима терпимость къ мнѣніямъ, необходимъ просторъ для убѣжденій. Всякій судить, какъ можетъ и какъ умѣетъ; ошибка — не преступленіе, и несправедливое мнѣніе — не обида автору. Дѣло въ томъ, чтобъ мнѣніе было искренно и независимо отъ внѣшнихъ расчетовъ, касалось не лицъ, а только ихъ сочиненій. Грустно подумать, что все, мною теперь сказанное, старо только въ книгахъ, а на дѣлѣ очень и очень ново, такъ что долго еще будетъ повторяться съ разными варьяціями. Правда, у насъ всѣ, и говорящіе, и пишущіе, повторяютъ это, но какъ общія мѣста, неимѣющія никакого отношенія къ дѣлу, — и только коснитесь авторитета умершаго автора — шумъ и толки: „да что! да какъ! да помилуйте!“; а о живомъ и не заикайтесь... Можетъ быть онъ и самъ не увидитъ ничего оскорбительнаго для себя въ нашемъ отзывѣ; но у него есть толпа почитателей, а толпа — всегда толпа: она не говоритъ, а кричитъ, не доказываетъ, а вопіетъ...

Б. — Все это правда; но я думаю, что тутъ надо винить не публику, а критиковъ, которые или не могутъ, или не смѣютъ „свое сужденіе имѣть“ и отдѣлываются повтореніемъ фразъ, уже около ста лѣтъ всѣмъ надоѣдающихъ... Но вѣдь мы съ вами говоримъ, а не пишемъ, такъ почему же вамъ не сказать, а мнѣ не послушать искренняго и — какого бы оно ни было — своего, а не чужого мнѣнія напимѣръ о Жуковскомъ и Батюшковѣ?...

А. — Вы не напрасно соединили эти два имени. Почти въ одно время явились они, какъ двѣ яркія звѣзды, на горизонтѣ нашей литературы, и дружно совершали по немъ свое, полное тихаго свѣта, шествіе, пока горестная судьба не остановила одну изъ нихъ на полу-дорогѣ и не велѣла другой продолжать уже одинокій путь по новымъ и чуждымъ для него пространствамъ, при ослѣпительномъ свѣтѣ вновь взошедшаго солнца... Жуковский и Батюшковъ — оба поэты и оба прозаики: оба они двинули впередъ и версификацію, и прозу русскую. Проза ихъ богаче содержаніемъ прозы Карамзина, а оттого кажется лучше и по формѣ своей, которая въ сущности не болѣе, какъ усовершенствованная стилистика Карамзина, чуждая своеобразнаго, національнаго колорита, и

больше искусственная и щеголеватая, чѣмъ живая и сросшаяся съ своимъ содержаніемъ, какъ на примѣръ проза Пушкина и другихъ даровитыхъ писателей послѣдняго времени. Ученики побѣдили учителя: проза Жуковского и Батюшкова единодушно была признана „образцовой“, и всѣ силились подражать ей... Въ наше время уже никому не придется въ голову потратить столько труда, хлопотъ, времени, искусства и прекрасной прозы на повѣсть вроде „Марьиной Рощи“, или „Предслады и Добрыни“, и если бы кто написалъ ихъ въ наше время, никто бы не сталъ читать... Это оттого, что въ наше время не дорожатъ однимъ языкомъ, а требуютъ „слога“, разумѣя подъ этимъ словомъ живую, органическую соотвѣтственность формы съ содержаніемъ, и наоборотъ, умѣнье выразить мысль тѣмъ словомъ, тѣмъ оборотомъ, какіе требуются сущностью самой мысли, для которой всякое другое слово и другой оборотъ были бы неопредѣленны и неясны. Тогда „стилистика“ годилась не для однихъ этюдовъ, но считалась искусствомъ, а этюды были не исключительнымъ упражненіемъ учениковъ, но и дѣломъ мастеровъ... Это очень естественно: чтобъ выучиться писать, надо сперва овладѣть формой; грамматика всегда предшествуетъ логикѣ. Наша литература была до Пушкина ученицей, особенно въ прозѣ: вотъ причина исключительнаго владычества стилистики, убитой Пушкинымъ и уступившей свое мѣсто „слогу“. Со стороны поэзіи заслуги Жуковского и Батюшкова были несравненно выше и дѣйствительнѣе, чѣмъ со стороны прозы. Но здѣсь оба поэта совершенно расходятся и въ направленіи, и въ сущности, и въ результатахъ своей поэтической дѣятельности: Жуковского нельзя назвать „поэтомъ“ въ смыслѣ свободной, творческой натуры, которая въ разнообразныхъ и роскошныхъ художественныхъ созданіяхъ исчерпываетъ самобытную, ей собственно сродную и принадлежащую сферу міросозерцанія. Оригинальных произведеній Жуковского немного, да и тѣ найдутъ ни въ какое сравненіе съ его же собственными переводами изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Между его оригинальными произведеніями есть небольшія (величина въ лирическихъ произведеніяхъ часто есть признакъ отсутствія поэзіи и присутствія риторики, отсутствія мысли и присутст-

вія разсужденій), проникнутія чувствомъ, плѣняющія мелодіей звуковъ, красивою стиховъ, звучностью и яркостью языка, но чуждыя художественной формы. Самое чувство ихъ однообразно-уныло и нерѣдко походить на чувствительность. Что же касается до его большихъ лирическихъ произведеній, какъ-то: многочисленныхъ посланій, „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“, „Пѣвца на Кремлѣ“, „Пѣсни Барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей“, „Отчета о лунѣ“, „Двѣнадцати снѣгахъ дѣвѣ“, „Вадима“ и пр., — ихъ можно считать образцами изящной риторики и стихотворнаго краснорѣчія... Въ нихъ чувство пробуждается рѣдко — именно, когда поэтъ изъ чуждой ему сферы торжественной поэзіи входитъ въ свой элементъ и сладкими стихами говоритъ о красѣ-дѣвицѣ, тоскующей надъ гробомъ милаго, гдѣ для нея и зелень ярче, и цвѣты ароматнѣе, и небо свѣтлѣе... Еслибъ я достовѣрно зналъ, что „Эолова Арфа“, „Ахиллъ“ и „Теонъ и Эсхинъ“ — не переводы, а оригинальныя произведенія, я сказалъ бы, что у Жуковскаго есть три превосходныя оригинальныя пьесы; но все-таки не назвалъ бы ихъ произведеніями поэта въ томъ значеніи, о которомъ сейчасъ говорилъ, потому что три пьесы каковы бы онѣ ни были, еще не могутъ составить собою значительнаго цикла поэтической дѣятельности. Оригинальныя произведенія Жуковскаго представляютъ собой великій фактъ и въ исторіи нашей литературы и въ исторіи эстетическаго и нравственнаго развитія нашего общества; ихъ вліяніе на литературу и публику было безмѣрно велико и безмѣрно благотѣльно. Въ нихъ, еще въ первый разъ, русскіе стихи явились не только благозвучными и поэтическими по отдѣлкѣ, но и съ содержаніемъ. Они шли изъ сердца и къ сердцу: они говорили не о яркомъ блескѣ иллюминацій, не о громѣ побѣдъ, а о тайнствахъ сердца, о тайнствахъ внутренняго міра души... Они исполнены были тихой грусти, кроткой меланхоліи, — а это элементы, безъ которыхъ нѣтъ поэзіи. Правда, въ стихахъ Жуковскаго то, что бы должно оставаться только элементомъ, было, напротивъ, и альфой, и омегой его поэзіи, но таково было требованіе времени, таковъ былъ ходъ историческаго развитія нашей литературы:

Жуковскій, въ этомъ случаѣ, думая служить искусству, служилъ обществу, развивая его эстетическое и нравственное чувство и приготавливая его къ пріятію истинной поэзіи. Державина тогда превозносили; но стихотворенія его не были настольной книгой у молодого человѣка и не прятались подъ изголовье красавицы. Стихи Карамзина и Дмитріева удовлетворяли не всѣхъ, и ими восхищались только записные любители литературы, а прочіе превозносили ихъ болѣе изъ приличія. Отъ торжественныхъ одъ у публики уже заложило уши, и она сдѣлалась глуха для нихъ. Всѣ ждали чего-то новаго, а между тѣмъ къ воспріятію истинной поэзіи, въ смыслѣ искусства, еще далеко не были готовы. Тогда явился Жуковскій съ своими унылыми и задумчивыми стихотвореніями, которыя всѣ сдѣлали свое дѣло, принесли свою пользу. Кто теперь будетъ читать или, читая, восхищаться такими пьесами, какъ „Надъ прозрачными водами“ или „Мой другъ, хранитель ангелъ мой“? А тогда!... Да, я еще самъ помню, что такое были они для меня, послѣ стиховъ Державина и его подражателей... Здѣсь я долженъ сдѣлать оговорку, чтобъ вы меня не поняли ложно и не приняли моихъ словъ за униженіе Державина въ пользу Жуковскаго. По элементамъ поэзіи и національности Державинъ—колоссъ передъ оригинальными произведеніями Жуковскаго, а между тѣмъ дѣйствіе произведеній Жуковскаго на душу читателя всегда, а въ то время особенно, было сильнѣе, дѣйствительнѣе и благотворнѣе. Причина не въ томъ, что стихи Жуковскаго, какъ стихи, гораздо лучше стиховъ Державина: это преимущество времени, не таланта; нѣтъ, перевѣсъ на сторонѣ стиховъ Жуковскаго заключается въ ихъ содержаніи. Въ самомъ дѣлѣ, одна какая-нибудь картина Вадима, сидящаго съ кievской княжной въ пещерѣ, во время бури, стоитъ тысячи торжественныхъ одъ вредѣ „На взятіе Измаила“... Въ поэзіи Державина нерѣдко просвѣчиваютъ чисто русскіе, чисто національные элементы: одно уже это ставитъ его, какъ поэта, несравненно выше Жуковскаго, я и стараюсь особенно указать вамъ не на безусловное, не на художественное, а болѣе на историческое достоинство оригинальныхъ стихотвореній Жуковскаго, какъ на главную причину важнаго и силь-

наго вліянія даже тѣхъ изъ нихъ, которыя слабы въ поэтическомъ отношеніи и теперь совсѣмъ забыты...

Б.—Но вѣдь вы же сами приписываете нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ наприм. „Эоловой Арфѣ“, „Ахиллу“, „Теону и Эсхилу“, безотносительное поэтическое достоинство?...

А.—И однакожъ все-таки не почитаю ихъ оригинальными пьесами, но отношу къ разряду переводныхъ, точно такъ же, какъ у Пушкина и переводныя пьесы отношу къ оригинальнымъ... Въ этомъ-то и достоинство, и важность, и великая заслуга Жуковского. До него наша поэзія лишена была всякаго содержанія, потому что наша юная, только что зарождавшаяся гражданственность не могла собственной самодѣятельностью національнаго духа выработать какое-либо общечеловѣческое содержаніе для поэзіи: элементы нашей поэзіи мы должны были взять въ Европѣ и передать ихъ на свою почву. Этотъ великій подвигъ совершень Жуковскимъ. Въ его натурѣ есть какая-то родственность съ музами Германіи и Альбіона, — и ему, при такомъ высокомъ талантѣ легко было въ превосходныхъ переводахъ усвоить намъ многія изъ ихъ прекраснѣйшихъ пѣсень. Мы еще въ дѣтствѣ, не имѣя опредѣленнаго понятія о томъ, что переводъ, что оригинальное произведеніе, заучиваемъ ихъ, какъ сочиненія Жуковского. Это сродняетъ насъ съ нѣмецкой и англійской поэзіей, и мы потомъ входимъ въ ихъ святилище уже не какъ профаны, но какъ уже рожденные посвященными... Оттого-то въ Россіи такъ рано сдѣлались возможными и переводы съ этихъ языковъ, и изученіе этихъ литературъ въ ихъ собственныхъ звукахъ; тогда-какъ напримѣръ для французовъ и теперь еще закрыто печатью тайны святилища особенно германской поэзіи. Черезъ это же мы пришли въ состояніе усвоить себѣ германское созерцаніе искусства, германскую критику, германское мышленіе. И все это сдѣлалъ Жуковский одними своими переводами! Онъ ввелъ къ намъ романтизмъ, безъ элементовъ котораго въ наше время невозможна никакая поэзія. Пушкинъ при первомъ своемъ появленіи былъ оглашенъ романтикомъ. Сборники новизны называли его такъ въ похвалу, старовѣры — въ порицаніе; но ни тѣ, ни другіе не подозрѣвали въ Жуковскомъ представителя истин-

наго романтизма. Причина очевидна: романтизмъ полагали въ формѣ, а не въ содержаніи. Правда, романтическое содержаніе не можетъ укладываться въ опредѣленные по самому объему и соразмѣрныя формы древней поэзіи; оно требуетъ простора и часто, такъ сказать, нарушаетъ въ свою пользу права формы. Но не въ этомъ сущность романтизма. Романтизмъ—это міръ внутренняго человѣка, міръ души и сердца, міръ ощущеній и вѣрованій, міръ порываній къ безконечному, міръ таинственныхъ видѣній и созерцаній, міръ небесныхъ идеаловъ... Почва романтизма не исторія, не жизнь дѣйствительная, не природа и не внѣшній міръ, а таинственная лабораторія груди человѣческой, гдѣ незримо начинаются и зрѣютъ всѣ ощущенія и чувства, гдѣ неумолкаемо раздаются вопросы о мірѣ вѣчности, о смерти и безсмертіи, о судьбѣ личнаго человѣка, о таинствахъ любви, блаженства и страданія... Обаятеленъ этотъ фантастическій, запертый въ самомъ себѣ міръ; средніе вѣка жили въ немъ безвыходно; наше время, выступившее изъ него же, не отрѣшилось отъ него, но расширило его новыми элементами и уравнило ихъ; помирило его и съ исторіей, и съ практической дѣятельностью. Горе тому, кто, соблазненный обаяніемъ этого внутренняго міра души, закроетъ глаза на внѣшній міръ и уйдетъ туда, въ глубь себя, чтобъ питаться блаженствомъ страданія, лелѣять и поддерживать пламя, которое должно пожрать его!... Люди съ сильными натурами, погружаясь въ эту пучину внутренняго созерцанія, могутъ дѣлаться мистическими сомнамбулами, вдохновенными безумцами, живыми тѣнями въ чуждомъ и страшномъ для нихъ мірѣ дѣйствительности. Люди не далекіе и не глубокіе дѣлаются піэтистами, мистиками и моралистами; они толкуютъ и понимаютъ себя и все внѣ ихъ находящееся задомъ напередъ и вверхъ ногами. Но горе и тому, кто увлеченный одной внѣшностью, дѣлается и самъ внѣшнимъ человекомъ; нѣтъ ему вѣрнаго убѣжища въ самомъ себѣ отъ бурь жизни; нѣтъ въ немъ ни глубокихъ нравственныхъ началъ, ни вѣрнаго взгляда на дѣйствительность; внутри его и холодно, и сухо, и жестоко; онъ не можетъ любить; онъ гражданинъ, онъ воинъ, онъ купецъ, онъ все, что хотите, но никогда—не „человѣкъ“, и вы никогда ему не ввѣритесь,

не будете его другомъ, не откроете ему никакого внутренняго человѣческаго чувства, боясь опрофанировать это чувство... Итакъ, оба эти міра, внутренній и внѣшній—крайности; равно опасно предаваться одной изъ нихъ исключительно; но оба эти міра равно нуждаются одинъ въ другомъ, и въ возможномъ проникновеніи одного другимъ заключается дѣйствительное совершенство человѣка. Міръ внѣшній встрѣчаетъ насъ при самомъ рожденіи нашемъ и уловляетъ насъ; чтобъ избавиться отъ его ложныхъ и нечистыхъ обаяній, прежде всего нужно развить въ себѣ романтическіе элементы. Пусть они возобладаютъ надъ нашимъ духомъ, возбудятъ въ насъ восторженность и фанатизмъ: въ сильной натурѣ, одаренной тактомъ дѣйствительности, они уравниваются въ свое время съ другой стороной нашего духа, зовущей ихъ въ міръ исторіи и дѣйствительности; что же до натуръ одностороннихъ, исключительныхъ или слабыхъ—имъ вездѣ грозитъ равная опасность—и во внутреннемъ и во внѣшнемъ мірѣ. Итакъ, развитіе романтическихъ элементовъ есть первое условіе нашей чело-вѣчности. И вотъ великая заслуга Жуковского! Трепетъ объемлетъ душу при мысли о томъ, изъ какого ограниченнаго и пустого міра поэзіи въ какой безконечный и полный міръ ввелъ онъ нашу литературу; какимъ содержаніемъ обогатилъ и оплодотворилъ онъ ее посредствомъ своихъ переводовъ!... Трагедіи Озерова —и „Орлеанская Дѣва“ Шиллера; анакреонтическія стихотворенія Державина, чувствительныя пѣсни и романсы Карамзина, Дмитріева, Капниста, Нелединскаго-Мелецкаго —и „Пѣсня Миньйоны“, „Голосъ съ того свѣта“, „Утѣшеніе въ слезахъ“, „Горная дорога“, „Мечты“, „Элизіумъ“, „Элегія на кончину королевы виртембергской“, „Сельское кладбище“, „Три путника“, „Теонъ и Эсхинъ“, „Старый рыцарь“, и проч.; торжественныя оды и такія баллады, какъ „Рыцарь Тогенбургъ“, „Ивиковы журавли“, „Лѣсной царь“, „Кассандра“, „Графъ Габсбургскій“, „Узникъ“, „Эолова арфа“, „Ахиллъ“, „Торжество побѣдителей“, „Жалобы Цереры“, „Кубокъ“, „Замокъ Смальгольмъ“!... А тамъ еще остаются переводы: „Шильонскій Узникъ“, „Пери и Ангелъ“, сельскія стихотворенія. „Ундина“—эта благоуханная, мелодическая и фантастическая повѣсть сердца, это оригинально—переводное

твореніе Жуковскаго, лучше всего поясняетъ, почему его не хотятъ называть переводчикомъ, а смотрятъ на него какъ на самостоятельнаго поэта. Дѣйствительно, Жуковскаго нельзя назвать собственно переводчикомъ: въ выборѣ пьесъ для перевода онъ руководился не однимъ безотчетнымъ влеченіемъ, но какъ-будто началомъ; онъ вездѣ искалъ своего и, находя, переводилъ; всѣ переводы его носятъ на себѣ какой-то общій отпечатокъ, всѣ они образуютъ собой какой-то особенный міръ поэзіи—поэзіи Жуковскаго. Самыя оригинальныя произведенія какъ-будто переводы, а переводы какъ будто оригинальныя произведенія. Онъ не случайно перевелъ „Орлеанскую Дѣву“, а не „Донъ-Карлоса“, не „Валленштейна“, не Вильгельма Телля“: историческая сфера—не его сфера; ему родственнѣе этотъ міръ чудесъ внутренняго духа, ему болѣе по душѣ вдохновенная таинственнымъ дубомъ героиня... Да, велика, неизмѣримо велика заслуга Жуковскаго русской литературѣ, русскому обществу! Это не временная, не относительная заслуга: многіе или, лучше сказать, большая часть его переводовъ будутъ вѣчными памятниками его огромнаго таланта, неувядаемыми цвѣтами русской литературы. Поколѣніе отъ поколѣнія будетъ воспитываться ими на служеніе духу жизни... Я не умѣю ничего лучше представить себѣ его переводовъ: „Торжество побѣдителей“ и „Жалобы Цереры“; еслибъ Жуковскій перевелъ только ихъ—и тогда бы онъ составилъ себѣ имя въ нашей литературѣ. Если между его переводами есть слабыя—причина въ неудачномъ выборѣ, а не въ недостаткѣ таланта. Таковы: „Королева Урака“, „Долина“, отрывки изъ „Камоэнса“ и т. п. Но его неудачныя пьесы, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, однѣ уже сдѣлали свое дѣло, другія еще будутъ его дѣлать: ихъ содержаніе для неразвитаго еще эстетическаго вкуса всегда будетъ замѣнять недостатокъ формы. Объ образцовыхъ переводахъ его я уже все сказалъ, что хотѣлъ сказать; о полномъ же циклѣ его поэзіи заключаю свое сужденіе стихами Пушкина:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Б.—Я, право, не вижу, почему бы ваше сужденіе о Жуковскомъ могло кому-нибудь показаться рѣзкимъ или оскорбительно несправедливымъ... Развѣ потому, что оно нисколько не похоже на то, что толковали о Жуковскомъ наши аристархи, особенно „ученые“... Мнѣ теперь особенно интересно услышать ваше мнѣніе о Батюшковѣ...

А.—Батюшковъ болѣе поэтъ, чѣмъ Жуковский; Батюшковъ былъ одаренъ отъ природы художественными силами. Въ стихѣ его есть упругость и пластика; о гармоніи нечего и говорить: до Пушкина у насъ не было поэта съ стихомъ столь гармоническимъ. Батюшковъ сочувствовалъ древнему міру; въ натурѣ его были элементы эллинскаго духа и между тѣмъ онъ прошелъ почти незамѣченнымъ явленіемъ, тогда какъ Жуковского знала наизусть вся Россія: причина—недостатокъ, если не отсутствіе содержанія въ поэзій Батюшкова. Родиной его музы должна была быть Эллада, а посредникомъ между его музой и геніемъ Эллады—Германія; и между тѣмъ талантъ Батюшкова развился на бесплодной для искусства почвѣ французской литературы XVIII вѣка: онъ не почиталъ для себя униженіемъ переводить и подражать даже какому-нибудь сладенькому Парни. Итальянская поэзія тоже не могла быть ему особенно полезной, и скорѣй была вредна. Одно изъ лучшихъ его произведеній—„Элегія на развалинахъ замка въ Швеціи“—внушено ему дикимъ геніемъ мрачнаго сѣвера; антологическія стихотворенія—эти драгоцѣнные брилльянты въ его поэтическомъ вѣнцѣ, подарены ему геніемъ родной ему Эллады. Все прочее занимаетъ у него середину между скандинавской элегіей и антологическими стихотвореніями, и потому все это какъ-то нерѣзительно, болѣе сверкаетъ превосходными частностями, красотой пластически-художественной формы, но не цѣлымъ, которое, по недостатку содержанія, не могло являться въ художественной замкнутости и оконченности.

Батюшковъ явился въ такое время нашей литературы, когда ни у кого не было и предчувствія о томъ, что такое искусство со стороны формы. Поэтому онъ заботился больше о гладкости и правильности того, что называли тогда „слогомъ“, и мало заботился о виртуозности своего художественнаго рѣзца, такъ что его пластическіе стихи были безсознательнымъ

результатомъ его художнической натуры,—и вотъ почему въ его стихотвореніяхъ такъ много неточныхъ выраженій, прозаическихъ стиховъ, а иногда онъ не чуждъ и растянутости и риторики. Батюшковъ самъ чувствовалъ недостатокъ въ содержаніи для своей поэзіи, и потому переходилъ изъ крайности въ крайность: отъ свѣтлаго, поэтическаго эпикуреизма къ какому-то строгому и прозаическому мистицизму. Поэзія его всегда нерѣшительна, всегда что то хочетъ сказать и какъ-будто не находитъ словъ. Впрочемъ, чтобъ сдѣлать вѣрную и полную оцѣнку Батюшкову, надо много говорить, надо безпрестанно цитировать его стихи. Батюшковъ не принадлежитъ къ числу гениальныхъ творческихъ натуръ; но талантъ его до того великъ, что, не будь его поэзія лишена почти всего содержанія, родился онъ не передъ Пушкинымъ, а послѣ него,—онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательныхъ поэтовъ, котораго имя было бы извѣстно не въ одной Россіи.

Б.—Да что же вы разумѣете подъ словомъ „содержаніе“, которое служить основаніемъ всѣхъ вашихъ сужденій о поэзіи и поэтахъ?

А.—Я не берусь вамъ опредѣлить философски, что такое „содержаніе“ въ жизни, въ исторіи, въ искусствѣ, въ наукѣ; но охарактеризую его вамъ общими признаками и объясню примѣрами, взятыми изъ сферы искусства. Содержаніе въ искусствѣ не всегда то, что можно съ перваго взгляда выговорить и опредѣлить; оно не есть воззрѣніе или опредѣленный взглядъ на жизнь, не начало или система какихъ-либо вѣрованій и убѣжденій, родъ философской школы или политической котеріи; содержаніе есть нѣчто высшее, изъ чего вытекаютъ всѣ вѣрованія, убѣжденія и начала; содержаніе есть міросозерцаніе поэта, его личное ощущеніе собственнаго пребыванія въ лонѣ міра и присутствіе міра во внутреннемъ святилищѣ его духа. Когда вы читаете поэта безъ содержанія, но обладающаго большимъ талантомъ, вы чувствуете, что васъ что-то растревожило, возбудило въ васъ стремленіе къ чему-то, повергло васъ въ какое-то неопредѣленное состояніе, но не удовлетворило, не наполнило ничѣмъ; здѣсь самое наслажденіе—только раздраженіе, а не удовлетвореніе. Напротивъ, когда вы читаете поэтическія произведенія, проникнутыя глубо-

кимъ содержаніемъ, вы чувствуете, что стремитесь къ чему-нибудь опредѣленному, наслаждаетесь чѣмъ -нибудь положительнымъ, что вы пріяли въ себя новую силу, что вашего существованія прибавилось, что вы чѣмъ-то преисполнились. Тогда вы страдаете страданіемъ вашего поэта, блаженствуете его блаженствомъ, потому что въ его страданіи или его блаженствѣ узнаете обще-человѣческую скорбь или радость, душу вѣка, интересъ времени. Вашъ поэтъ покоряетъ васъ, заставляетъ видѣть все въ томъ колоритѣ, въ какомъ самъ все видитъ. Такое вліяніе производятъ на душу читателя великіе поэты, каковы напр. Байронъ, Шиллеръ, Гёте. Ихъ нельзя читать всѣхъ вдругъ, но каждый изъ нихъ поочередно овладѣваетъ цѣлой частью вашей жизни и дѣлаетъ васъ на то время байронистомъ, шиллеристомъ, гёттистомъ. У насъ вообще содержаніе понимаютъ только внѣшнимъ образомъ, какъ „сюжетъ“ сочиненія, не подозревая, что содержаніе есть душа, жизнь и сюжетъ этого сюжета. И потому, если дѣло идетъ особенно о романѣ или повѣсти, то смотрятъ только на полноту происшествій, на сложность завязки и искусство развязки. Съ этой точки зрѣнія „Эвелина де-Вальероль“ Кукольника конечно будетъ романомъ съ содержаніемъ, потому что и въ цѣлый день не перескажешь всѣхъ „приключеній“, обрѣтающихся въ этой сказкѣ; а „Старосвѣтскіе Помѣщики“ Гоголя, гдѣ очень просто рассказано, какъ жилъ старикъ со старушкой, какъ сперва умерла старушка, а потомъ умеръ старикъ съ тоски по ней, и гдѣ нѣтъ ни происшествій, ни завязки, ни развязки, — будетъ повѣстью безъ всякаго содержанія...

Б. — А! теперь я понимаю, отчего вы мало находите содержанія у такихъ изъ нашихъ писателей, которые общимъ мнѣніемъ признаны великими... Кстати, эпоха литературы, на которой мы остановились, была ознаменована союзами знаменитостей, поэтически и литературными триумвиратами.

А. — Которые теперь, за давностью, забыты, такъ что историкамъ нашего времени надо дѣлать новые... И я первый попытаюсь на это, присоединивъ къ именамъ Жуковского и Батюшкова имя Гнѣдича. Этотъ человѣкъ у насъ доселѣ не понятъ и не оцѣненъ, по недостатку въ нашемъ обществѣ ученаго образованія. Переводъ „Иліады“ — эпоха въ нашей

литературѣ, и придетъ время, когда „Иліада“ Гнѣдича будетъ настольной книгой всякаго образованнаго человѣка. Это время недалеко, потому что, благодаря просвѣщенному, истинно европейскому стремленію нынѣшняго Министерства Народнаго Просвѣщенія, поставившаго изученіе древнихъ языковъ непреложнымъ условіемъ гимназическаго и университетскаго курса, — образованность и невѣжество скоро перестанутъ быть синонимами, и истинная ученость сдѣлается основой истинной образованности... Безъ историческаго созерцанія жизни древнихъ нельзя понимать и ихъ искусства; вотъ почему „Иліада“ никогда не можетъ быть доступна толпѣ. Безъ созерцанія греческаго искусства, никакого искусства нельзя понимать, — и потому нечего распространяться о томъ, какъ великъ подвигъ Гнѣдича, какое безконечное вліяніе имѣетъ и будетъ имѣть онъ на русскую литературу. Духъ Гнѣдича былъ родственъ съ геніемъ эллинской поэзіи; самъ собой, вопреки своему развитію и духу времени, онъ прозрѣлъ въ глубокую сущность греческаго искусства. Переводъ „Иліады“, если сравнить съ подлинникомъ, есть не болѣе, какъ

. . . разыгранный „Фрейшицъ“
Перстами робкихъ ученицъ, —

но все же „Фрейшицъ“, а не собственная фантазія, выдаваемая за „Фрейшица“: — а это великое дѣло! Никакое колоссальное твореніе искусства не можетъ быть переведено на другой языкъ такъ, чтобъ, читая переводъ, — вы не имѣли нужды читать подлинникъ; напротивъ, не читавъ творенія въ подлинникѣ, нельзя имѣть точнаго о немъ понятія, какъ бы ни былъ превосходенъ переводъ. Къ „Иліадѣ“ особенно относится эта горькая истина: только греческій языкъ могъ выразить такое греческое содержаніе, и на всѣхъ другихъ языкахъ „Иліада“ — засушенное тропическое растеніе, хоть и сохранившее по возможности и блескъ своихъ красокъ, и ароматическій запахъ. Нашъ Гнѣдичъ умѣлъ схватить въ своемъ переводѣ отраженіе красокъ и аромата подлинника, умѣлъ уловить колоритъ греческаго созерцанія и сдѣлать его фономъ картины своего перевода. Переводъ Гнѣдича — копія съ древней статуи, сдѣланная даровитымъ художникомъ новаго вре-

мени. А это великій подвигъ, безсмертная заслуга! Русскій языкъ одинъ изъ счастливѣйшихъ языковъ, по своей способности передавать произведенія древности. Невѣжды смѣются надъ славянскими словами и оборотами въ переводѣ Гнѣдича; но это именно и составляетъ одно изъ его существеннѣйшихъ достоинствъ. Всякій коренной, самобытный языкъ въ періодъ младенчества народа, въ созерцаніи котораго жизнь еще не распалась на поэзію и прозу, но и самая проза жизни опoэтизирована, — такой языкъ въ своемъ началѣ бываетъ полонъ словъ и оборотовъ, дышущихъ какой то младенческой простотой и высокой поэзіей; современемъ эти слова и обороты замѣняются другими, болѣе прозаическими, а старыя остаются богатымъ сокровищемъ для разумнаго употребленія, и наоборотъ, если ихъ некстати употребляютъ. Такъ у насъ остались древнія поэтическія слова: „ланиты, очи, уста, перси, рамена, храмъ, храмина, прагъ“ и т. п., замѣнившіеся прозаическими словами: „щеки, глаза, губы, груди, плечи, хоромы, порогъ“. Конечно нѣтъ ничего смѣшнѣе, пошлѣе и надутѣе, какъ употребленіе педантами и безвкусными риѣмоторцами старинныхъ словъ тамъ, гдѣ это не требуется сущностью дѣла, напримѣръ въ переводѣ Тассова „Освобожденнаго Іерусалима“ и т. п. По въ переводѣ „Иліады“ эти слова, подъ перомъ вдохновеннаго переводчика, исполненнаго поэтическаго такта, — истинное и безцѣнное сокровище! Замѣните выраженія: „ему покорилась лилейно-раменная Гера Богиня“ и „ослабился Зевсъ-громовержецъ“ выраженіями: „его послушалась жена“; „разсмѣялся Зевсъ“, тогда изъ высокой поэзіи выйдетъ пошлая проза...

Б. — Однако мы уже такъ далеко зашли съ вами, что, кажется, и не доберемся до Пушкина ..

А. — Напротивъ, мы уже добрались до него...

Б. — Какъ? Такъ неужели Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Озеровъ, Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичъ — и всѣ тутъ?

А. — А кто же еще, думали бы вы? Неужели Николаевъ, Бобровъ, Долгорукій, Хвостовъ, Остолоповъ, Подшиваловъ, Никольскій, Глинки, Шаховской, Воейковъ, Измайловъ, Шаликовъ, Пушкинъ (В.), Катенинъ, Пнинъ, Буринскій, Шат-

ровъ, Горчаковъ, Бунина, Крюковскій, Лобановъ (Θ.), Федоровъ (Б. М.), Кокошкинъ, Ильинъ, Ивановъ, и пр.?... Пора бы уже и перестать беспокоить ихъ почтенныя и заслуженныя имена нашимъ журнальнымъ критикамъ и обозрѣвателямъ, какъ оставила въ покоѣ забывшая ихъ публика... Сверхъ того не все, что касается до литературы, входитъ въ исторію литературы: многое поступаетъ въ вѣдомство статистики литературы, которая занимается всѣми книгами и всѣми писателями безъ изъятія, подводя ихъ подъ числа и итоги, иногда очень интересные и поучительные.. Первый опытъ такой статистики русской литературы составилъ Гречъ, подъ названіемъ: „Опытъ Краткой Исторіи Русской Литературы“, впрочемъ довольно плохой даже и для статистики...

Б.— Но нѣкоторые изъ нихъ...

А.— Были люди съ дарованіемъ, хотите вы сказать? Правда; но ихъ дарованія такъ сильны, что не могли не быть замѣчены въ свое время, и такъ слабы, что забылись еще прежде, чѣмъ кончили они свое поприще. Такія дарованія—случайности, а не дѣйствительныя явленія. Дѣйствительно только то, что родится изъ важныхъ причинъ и производитъ важныя слѣдствія. Если изучать всѣ случайности, помнить ихъ и говорить о нихъ—не станетъ вѣку человѣческаго, некогда будетъ заняться чѣмъ-нибудь дѣльнымъ. Сверхъ того написать мимоходомъ, между службой и картами, двѣ-три пѣсни, журнальную статейку, какую-нибудь сказку, которыя бы обратили на автора минутное вниманіе толпы, еще не значитъ быть поэтомъ или даже литераторомъ...

Б.—Итакъ, перейдемъ къ Пушкину.

А.—И поговоримъ о немъ какъ можно меньше, потому что сказать о немъ всего не успѣешь и въ цѣлую жизнь. Пушкинъ принадлежитъ къ вѣчно живущимъ и движущимся явленіямъ, неостанавливающимся на той точкѣ, на которой застала ихъ смерть, но продолжающимъ развиваться въ сознаніи общества. Каждая эпоха произноситъ о нихъ свое сужденіе, и какъ бы ни вѣрно поняла она ихъ, но всегда оставитъ слѣдующей за нею эпохѣ сказать что-нибудь новое и болѣе вѣрное, и ни одна и никогда не выскажетъ всего...

Батюшковъ уже свершилъ свое поприще, несчастно прер-

важно; Жуковскій хотъ еще и далеко не свершилъ своего поприща, но результаты его поэтической дѣятельности уже пустили глубоко свои корни въ почву воспріимчиваго и плодovitаго русскаго духа,—когда ребенокъ Пушкинъ начиналъ знакомиться съ русской литературой. Жадно читалъ онъ все, что засталъ тогда написаннымъ, отъ Ломоносова до Жуковскаго и Батюшкова включительно. И вотъ онъ дѣлается усерднымъ и, надо сказать, часто неловкимъ ученикомъ предшествовавшихъ ему корифеевъ нашей литературы и плохимъ ихъ подражателемъ. Стихъ его не былъ лучше даже стиха его дяди, В. Пушкина; онъ пишетъ посланіе „къ красавицѣ, нюхающей табакъ“, и жалѣетъ въ немъ, зачѣмъ онъ не табакъ... Усердно печатаетъ онъ дѣтскія фантазіи въ „Россійскомъ Музеумѣ“, издававшемся въ 1815 году. Прочтите лицейскія стихотворенія Пушкина—и въ лучшихъ изъ нихъ вы увидите только хорошаго подражателя. Въ первомъ томѣ изданныхъ имъ самимъ стихотвореній вы уже находите ничего дурного, напротивъ, видите много хорошаго, но въ пьесахъ: „Лицинію“, „Пѣвецъ“, „Амуръ и Гименей“, „Ш***ву“, „Торжество Вакха“, „Разлука“, „Дельвигу“, „Жуковскому“, „Русалка“, „Стансы Т***му“, „В***му“, „Война“, „Къ Овидію“, писанныхъ отъ 1815 до 1822, вы еще видите не Пушкина, еще не самостоятельнаго поэта, а только даровитаго ученика достойныхъ учителей. Всѣ исчисленныя мною стихотворенія перемѣшаны съ такими, въ которыхъ Пушкинъ является уже Пушкинымъ, въ которыхъ мы видимъ поэзію, не имѣющую ничего общаго съ прежней, бывшей до Пушкина, — поэзію, явившуюся вдругъ, безъ всякихъ предварительныхъ проявленій, подобно Аѳинѣ-Палладѣ, вдругъ и во всеоружіи родившейся изъ головы Зевса... Въ отдѣлѣ стихотвореній, означенныхъ 1823 годомъ, вы уже не встрѣчаете ничего не-Пушкинскаго, ничего навѣяннаго Пушкину его учителями. Правда, въ поэмахъ его — „Русланъ и Людмила“, „Кавказскій Плѣнникъ“, видно сильное вліяніе, но уже другихъ учителей:—Пушкинъ навсегда расквитался съ русскою литературой и сталъ ея учителемъ... Трудно охарактеризовать общими чертами великость реформы, произведенной Пушкинымъ въ поэзіи, литературѣ, версификаціи и языкѣ русскомъ. Между стихомъ

Пушкина и стихомъ Батюшкова больше разстоянія, чѣмъ между стихомъ Батюшкова и стихомъ Державина. Достоинство Пушкинскаго стиха состоитъ не въ одной легкости—легкость одно изъ второстепенныхъ качествъ его; нѣтъ, достоинство этого стиха заключается въ его художественности, въ этой органической живой соотвѣтственности между содержаніемъ и формой, и наоборотъ. Въ этомъ отношеніи стихъ Пушкина можно сравнить съ красотой человѣческихъ глазъ, оживленныхъ чувствомъ и мыслью: отнимите у нихъ оживляющее ихъ чувство и мысль—они останутся только красивыми, но ужъ не божественно-прекрасными глазами. Теперь многіе пишутъ стихи и гладкіе, и гармоническіе, и легкіе, но Пушкинскій стихъ напомнила намъ только муза Лермонтова... Поэзія Пушкина полна, насквозь проникнута содержаніемъ, какъ граненый хрусталь лучомъ солнечнымъ: у Пушкина нѣтъ ни одного стихотворенія, которое не вышло бы изъ жизни и было написано вслѣдствіе желанія такъ что-нибудь написать, въ чаяніи, что авось-де это будетъ недурно... Это обстоятельство рѣзкой чертой отдѣляетъ Пушкина отъ всѣхъ поэтовъ предшествовавшихъ періодовъ. Художническая добросовѣстность Пушкина была до него безпримѣрнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ: онъ высылалъ изъ міра души своей только выношенные, вызрѣвшія поэтическія фантазіи, которыя сами рвались наружу. Этимъ онъ совершенно избѣжалъ риторики, декламации и общихъ мѣстъ: ихъ слѣды замѣтны только развѣ въ его ученическихъ произведеніяхъ, о которыхъ я говорилъ. Слѣдствіемъ глубоко истиннаго содержанія, всегда скрывающагося въ произведеніяхъ Пушкина, была ихъ строго-художественная форма. Каждое его стихотвореніе есть отдѣльный міръ, замкнутый въ самомъ себѣ, полный собственныхъ силъ, чуждый всякихъ несвойственныхъ ему элементовъ, всего посторонняго и лишняго, свободно движущійся въ своей сферѣ. Какъ вѣрна у Пушкина всякая мысль, всякое чувство, всякое ощущеніе, такъ вѣренъ у него и всякій образъ, каждая фраза, каждое слово. Все на своемъ мѣстѣ, все полно, ничего недоконченнаго, темнаго, неточнаго, неопредѣленнаго. Опредѣленность есть свойство великихъ поэтовъ, и Пушкинъ вполне обладалъ этимъ свойствомъ. Ограниченные люди ста-

вили его поэзіи въ вину, что она все оземляетъ и овеществляетъ, — обвиненіе, которое обнаруживаетъ рѣшительное отсутствіе эстетическаго чувства, самое грубое недоразумѣніе поэзіи! Поэтъ — соперникъ творящей природѣ; подобно ей, онъ стремится безплотныхъ духовъ жизни, рѣющихся въ безпредѣльныхъ пространствахъ, уловить въ прекрасные и полные органически-идеальной жизни образы, воплотить небесное въ земное и земное просвѣтлить небеснымъ... Поэтъ не терпитъ отвлеченныхъ представленій; творя, онъ мыслить образами, а всякій образъ только тогда и прекрасенъ, когда опредѣленъ и вполне доступенъ созерцанію.

Изъ русскаго языка Пушкинъ сдѣлалъ чудо. Справедливо сказалъ Гоголь, что „въ Пушкинѣ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, гибкость и сила нашего языка“. Онъ ввелъ въ употребленіе новыя слова, старымъ далъ новую жизнь; его эпитетъ столько же смѣлъ, оригиналенъ, какъ и рѣзко точенъ, математически опредѣленъ. Многообъемлемость и многосторонность также принадлежатъ къ числу качествъ которыя срослись съ поэзіей Пушкина. Грусть у него смѣняется шуткой, эпиграммой, тяжелая скорбь неожиданно разрѣшается освѣжающимъ душу юморомъ. Его нельзя назвать ни поэтомъ грусти, ни поэтомъ веселья, ни трагикомъ, ни комикомъ исключительно: онъ все... Самое простое ощущеніе звучитъ у него всѣми струнами своими и потому чуждо монотонности; это всегда полный аккордъ... Всего чаще ощущеніе у Пушкина — диссонансъ, разрѣшающійся въ гармонію, и всего рѣже — простая мелодія... Трудно было бы опредѣлить общее направленіе поэзіи Пушкина; но можно сказать утвердительно, что имя романтика навязано на него не совсѣмъ впопадъ, такъ же какъ невпопадъ отнято оно у Жуковскаго. Характеръ чисто романтической поэзіи всегда болѣе или менѣе односторонній и исключительный. Поэзія Пушкина — самый разнообразный міръ, гдѣ примирены самые разнообразные и противорѣчащіе элементы, гдѣ простая и вмѣстѣ роскошная форма спокойно и равновѣсно овладѣла своимъ многосложнымъ содержаніемъ... Наконецъ, Пушкинъ — вполне національный поэтъ, заключившій въ духъ своемъ всѣ національные элементы. Это видно не только изъ тѣхъ произве-

деній, гдѣ чисто русское содержаніе выражалъ онъ въ чисто народной формѣ, и гдѣ не имѣлъ онъ себѣ соперника; но еще болѣе изъ тѣхъ произведеній, которыя ни по содержанію, ни по формѣ, кажется, не могутъ имѣть ничего русскаго. Я не знаю лучшей и опредѣленнѣйшей характеристики національности въ поэзіи, какъ ту, которую сдѣлалъ Гоголь въ этихъ короткихъ словахъ, врѣзавшихся въ моей памяти: „Истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, а въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами своего народа; когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами“. Мнѣ кажется, что кромѣ грусти, какъ основного мотива Пушкинской поэзіи, и бодрого, мощнаго выхода изъ нея не въ какое-нибудь тепленькое утѣшенье, а въ ощущеніе собственной силы какъ самой характеристической черты ея,—национальность ея состоитъ еще во внѣшнемъ спокойствіи, при внутренней подвижности, въ отсутствіи одолѣвающей страстности. У Пушкина диссонансъ и драма всегда внутри, а снаружи все спокойно, какъ будто ничего не случилось, такъ что грубая, невоспріимчивая или неразвитая натура не можетъ тутъ видѣть ни силы, ни борьбы, ни величія... Замѣьте, что герои Пушкина никогда не лишаются себя жизни, по силѣ трагической развязки, но остаются жить... Пушкинъ въ этой чертѣ бываетъ страшно великъ... Не бывало еще на Руси такой колоссальной творческой силы, и такъ національно, такъ русски проявившейся... Ни одинъ поэтъ не имѣлъ на русскую литературу такого многосторонняго, сильнаго и плодотворнаго вліянія. Пушкинъ убилъ на Руси незаконное владычество французскаго псевдо-классицизма, расширилъ источники нашей поэзіи, обратилъ ее къ національнымъ элементамъ жизни, показалъ безчисленные новыя формы, сдружилъ ее впервые съ русской жизнью и русской современностью, обогатилъ идеями, пересоздалъ языкъ до такой степени, что и безграмотные не могли уже не писать хорошими стихами, если хотѣли писать.

Б.—Но что вы скажете о Пушкинѣ въ сравненіи съ европейскими поэтами?

А. — Онъ относится къ нимъ, какъ Россія къ Европѣ, а европейскіе поэты къ нему — какъ Европа къ Россіи. Пушкинъ обладалъ міровой творческой силой; по формѣ онъ — соперникъ всякому поэту въ мірѣ; но по содержанію, разумѣется, не сравнится ни съ однимъ изъ міровыхъ поэтовъ, выразившихъ собой моментъ всемірно-историческаго развитія человѣчества. И это нисколько не идетъ къ униженію великаго генія Пушкина; повторяю, что поэту принадлежитъ форма, а содержаніе — исторіи и дѣйствительности его народа. Россія доселѣ жила внѣшней силой; національное сознаніе пробудилось въ ней не дальше, какъ съ великаго 1812 года... Какому-нибудь Байрону довольно было исторіи своего отечества, чтобъ имѣть готовое содержаніе для своей поэзіи; а Пушкину еще оставалась цѣлая Европа, т. е. цѣлое человѣчество. Слова: папа, католицизмъ, феодализмъ, вассаль, реформація, религіозная война, всемірная торговля, и пр., и пр. — не могли въ слухѣ Пушкина раздаваться такъ же, какъ въ слухѣ Байрона: что для одного былъ предметомъ любознательности, то для другого было личнымъ интересомъ, возбуждавшимъ всѣ его страсти, всѣ чувства... Самое образованіе европейскихъ поэтовъ съ дѣтства питаетъ ихъ „поэтическимъ содержаніемъ“: чего не зналъ Гёте, какой ученостью обладалъ Шиллеръ! Байронъ въ подлинникѣ читалъ греческихъ и латинскихъ писателей! Въ Европѣ все такъ чудно устроено, — одно не мѣшаетъ другому, напр. свѣтъ — наукѣ, а наука — свѣту; у насъ же объ этомъ свѣтъ Пушкинъ говорилъ съ такимъ отчаяніемъ:

И даже глупости смѣшной

Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!...

Но здѣсь не должно упускать изъ виду важнаго обстоятельства: смерть застигла Пушкина въ порѣ полного развитія необъятныхъ силъ его творческаго духа, въ ту самую минуту, когда онъ ужъ начиналъ уходить отъ волнующей юную и пылкую натуру внѣшности и погружаться въ бездонную грубъ своего внутренняго я, когда онъ только что начиналъ писать настоящимъ образомъ...

Б. — Однако нашъ разговоръ грозитъ быть страшно длиннымъ, если вы хотите говорить о поэтахъ пушкинской школы...

А. — Если только поэтому, а не почему-нибудь другому, то онъ будетъ очень коротокъ. Время—великій критикъ: его крылья провѣваютъ всѣ дѣла человѣческія, оставляя на току немного зеренъ и разсѣвая по воздуху много шелухи... У насъ же, надо замѣтить, время особенно быстро летитъ: мы, люди новаго поколѣнія, едва перешедшіе за роковую черту 30-ти лѣтъ, отдѣляющую юность отъ мужества, мы, заучившіе наизусть первые стихи Пушкина, мы, едва успѣвавшіе слѣдовать, такъ сказать, по пятамъ за его быстрымъ поэтическимъ бѣгомъ,—мы давно ужъ оплакали его безвременную кончину, а на школу его смотримъ уже, какъ на „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“, любимъ ее только по отношенію къ собственному нашему развитію, только по воспоминанію о прекрасномъ времени нашей жизни, когда всякій новый журналъ, всякая новая книжка журнала, альманахъ, какой-нибудь сборъ „мечтаній и звуковъ“ были для насъ праздникомъ, тотчасъ врѣзывались въ памяти, возбуждали живые восторги, шумные споры... И, если хотите, понятно, что мы въ то блаженное время давали Пушкину сподвижниковъ и товарищей, строили тріумvirаты и цѣлыя школы; но понятно также и то, что теперь, при имени Пушкина, мы не знаемъ, кого вспомнить, кого назвать...

Б. — Какъ! столько именъ, столько славъ...

А. — Но вѣдь въ то время и Олинъ, авторъ „Корсара“ и многихъ романтическихъ элегій, издатель безчисленнаго множества программъ несостоявшихся журналовъ и газетъ, и М. Дмитріевъ, сочинитель цѣлой книги стиховъ, и Раичъ, авторъ десятка плаксивыхъ стихотвореній, и Трилунный, переводчикъ и подражатель Байрона, и Ѳ. Н. Глинка, изобрѣтатель благоухающей нравственностью поэзіи, и много еще другихъ—все это были имена и славы, да еще какія!...

Б. — Но я разумѣю не ихъ, а Баратынскаго, Козлова, Давыдова (Дениса), Дельвига, Подолинскаго, Языкова. Помните, бывало, говаривали: Пушкинъ, Баратынскій, Языковъ?

А. — Да, т.-е. тріумvirатъ... И точно, названные вами писатели недаромъ считались даровитыми. Въ нихъ выразился

характеръ эпохи, теперь уже миновавшей; они завоевали себѣ мѣсто въ исторіи русской литературы. Я не люблю поэмъ Баратынскаго: въ нихъ больше ума, чѣмъ фантазіи; но между его лирическими произведеніями есть очень замѣчательныя. Мнѣ особенно нравится въ нихъ этотъ характеръ вдумчивости въ жизнь, который свидѣтельствуешь о присутствіи мысли. Элегія Баратынскаго „На смерть Гёте“ — превосходна. Козловъ замѣчателенъ особенно удачными переводами изъ Мура; но переводы его изъ Байрона всѣ слабы. Есть нѣсколько замѣчательныхъ пьесъ и между его собственными. У него много души; жаль только, что чувство его часто походитъ на чувствительность. Поэмы его вообще слабы; изъ нихъ „Чернецъ“ замѣчателенъ по эффекту, который онъ произвелъ на публику и который напомнилъ объ эффектѣ „Бѣдной Лизы“ Карамзина. Элегіи Давыдова часто дышутъ истинной поэзіей, и ихъ всегда можно перечестъ съ удовольствіемъ, несмотря на ихъ однообразность. Вообще въ поэзіи Давыдова есть какая-то достолюбезная оригинальность, свой собственный характеръ. Имя Дельвига мнѣ любезно, какъ друга дѣтства Пушкина. Русскія пѣсни Дельвига очень хороши для фортепьяно и пѣнія въ комнатѣ, гдѣ онѣ удобно могутъ быть приняты за народно-русскія пѣсни. Въ подражаніяхъ Дельвига древнимъ много внѣшней истины, но незамѣтно главнаго — греческаго созерцанія жизни. Подолинскій былъ человѣкъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ: въ его мелкихъ стихотвореніяхъ и въ поэмахъ много чувства и поэтическихъ мѣстъ; но у него никогда не бывало цѣлаго, особенно въ поэмахъ, которыя бѣдны содержаніемъ, слабы по концепціи, блѣдны по выполненію... Стихи Языкова блестятъ всею роскошью внѣшней поэзіи, — и если есть внѣшняя поэзія, то Языковъ — необыкновенно даровитый поэтъ. Онъ много сдѣлалъ для развитія эстетическаго чувства въ обществѣ: его поэзія была самымъ сильнымъ противоядіемъ пошлomu морализму и приторной элегической слезливости. Смѣлыми и рѣзкими словами и оборотами своими Языковъ много способствовалъ расторженію пуританскихъ оковъ, лежавшихъ на языкѣ и фразеологіи. Правда, его новыя слова и фразы почти всегда изысканы, неточны, а нерѣдко и грѣшатъ противъ вкуса; но они всѣмъ понравились,

а потому и сдѣлали свое дѣло... Стихъ Языкова громокъ, звученъ, ярокъ; но въ немъ это—чисто внѣшнія достоинства, безъ всякаго отношенія къ содержанію. Да и что составляетъ содержаніе его поэзіи? или, лучше сказать, есть ли въ ней какое-нибудь содержаніе? Поэзія, полная содержаніемъ, всегда развивается, идетъ впередъ; поэзія, чуждая всякаго содержанія, всегда стоитъ на одномъ мѣстѣ, поетъ одно и то же, однимъ и тѣмъ же голосомъ. Вначалѣ она можетъ возбуждать фуроръ; но когда къ ней привыкнуть, ея уже не читаютъ, а только безусловно хвалятъ... Проходитъ пылъ, остается дымъ и чадъ; поэтъ начинаетъ писать вялые, холодные и вообще плохіе стихи, которыхъ уже никто не почитаетъ стоящими даже порицаній... А мнѣ странно, что вы не упомянули о Хомяковѣ: хотя онъ по таланту и гораздо ниже Языкова, но послѣ Языкова какъ-то невольно вспоминаешь Хомякова. Это не безъ причины: между ними много общаго, именно — внѣшняя красота стиха, независящая отъ смысла пьесы, и однообразіе въ манерѣ и предметахъ пѣснопѣній. Въ самомъ дѣлѣ, Языковъ все пѣлъ студентскіе пиры и студентскую удалъ; Хомяковъ символически поетъ все о чемъ-то высокомъ и прекрасномъ; содержаніе пѣсенъ Языкова неподвижно; содержаніе пѣсенъ Хомякова также неподвижно, потому что это всегда одна и та же отвлеченная мысль, одни и тѣ же громкія слова; оба поэта часто обращаются въ своихъ стихахъ къ Россіи, — и ни у того, ни у другого не сорвалось съ пера ни одного русскаго слова, ни одного русскаго выраженія, на которое отозвалась бы русская душа или въ которомъ отозвалась бы русская душа. Не правда-ли, все это очень сходно? Но между тѣмъ тутъ есть и несходство: Языковъ кончаетъ не такъ, какъ началъ, — онъ утратилъ даже свой бойкій, звонкій и разгульный стихъ; Хомяковъ неизмѣненъ: онъ попрежнему владѣетъ стихомъ своимъ... Причина этой разности та, что для стиховъ Языкова — каковы бы ни были они — нуженъ былъ хоть пылъ молодости, если не вдохновеніе; для стиховъ же Хомякова этого не было нужно...

Б. — Но я не понимаю, что же вы разумѣете подъ школой Пушкина...

А. — Собственно ея и не было. Пушкинъ только развязалъ

руки тогдашней молодежи на гладкій, бойкій стихъ, настроилъ ее на элегическій тонъ, вмѣсто торжественнаго, да ввелъ въ моду поэмы, вмѣсто балладъ; тайна же его поэзіи и по содержанію, и по формѣ для всѣхъ оставалась тайной. Въ его поэзіи всѣ видѣли одну внѣшнюю, поверхностную сторону, а во внутрь ея и не заглядывали...

Б. — Но въ чемъ же великое вліяніе Пушкина на русскую литературу, если школа, имъ созданная, такъ скоро исчезла, не оставивъ по себѣ слѣда?...

А. — Въ томъ именно, что, благодаря Пушкину, мы скоро опѣнили эту школу по достоинству... Вліяніе Пушкина было не на одну минуту; оно окончится только развѣ со смертью русскаго языка. Сверхъ того странно было бы измѣрять достоинство поэта рожденной имъ школой. Мы не знаемъ, да и знать не хотимъ, создалъ-ли какую школу напимѣръ Байронъ: мы хотимъ знать только Байрона и судить о немъ по немъ самомъ, а не по его школѣ, еслибъ она и была. Не Пушкинъ виноватъ, что вмѣстѣ съ нимъ не явилось сильныхъ талантовъ. Притомъ же вліяніе великаго поэта замѣтно на другихъ поэтахъ не въ томъ, что его поэзія отражается въ нихъ, а въ томъ, что она возбуждаетъ въ нихъ собственныя ихъ силы: такъ, солнечный лучъ, озаривъ землю, не сообщаетъ ей своей силы, а только возбуждаетъ заключенную въ ней силу... У кого есть талантъ, и кто способенъ понять поэзію Пушкина, принять въ себя ея содержаніе, — тотъ конечно будетъ писать несравненно лучше, нежели какъ-бы онъ писалъ, не зная Пушкина. А многіе-ли понимаютъ Пушкина?... Повѣрьте мнѣ, надо быть выбрану изъ десяти тысячъ, чтобъ понимать Пушкина! Вѣдь это талантъ своего рода, и талантъ большой! Вотъ напимѣръ Веневитиновъ: хотъ и нельзя указать явнаго вліянія Пушкина на его поэзію, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ Пушкину обязанъ больше, чѣмъ кто-нибудь. Веневитиновъ самъ собой составилъ бы школу, еслибъ судьба не пресѣкла безвременно его прекрасной жизни, обѣщавшей такое богатое развитіе. Въ его стихахъ просвѣчивается дѣйствительно-идеальное, а не мечтательно-идеальное направленіе; въ нихъ видно содержаніе, которое заключало въ себѣ само-дѣятельную силу развитія; но форма его поэтическихъ произ-

веденій, даже самый характеръ ихъ, не обѣщали въ Вене-
тиновъ поэта, — и я увѣренъ, что онъ скоро оставилъ бы
поэзію для философскихъ созерцаній. На этомъ поприщѣ
многого можно было ожидать отъ него. Онъ возбудилъ къ
себѣ сильное участіе, даже энтузіазмъ молодыхъ людей обо-
его пола своими произведеніями и въ стихахъ, и въ прозѣ:
это участіе, этотъ энтузіазмъ были пророческіе... Говоря о
поэтахъ того времени, нельзя не упомянуть о Полежаевѣ,
какъ поучительномъ примѣрѣ необузданной силы безъ содер-
жанія, — таланта безъ образованія, — вдохновенія безъ вкуса.
Эта дикая натура пала жертвой собственной силы, разъ не
такъ направленной, — пала жертвой собственного огня, не
нашедшаго для себя настоящей пищи...

Б. — А Грибоѣдовъ?

А. — Онъ самъ по себѣ; онъ самъ цѣлая школа. Написавъ
нѣсколько посредственныхъ опытовъ въ драматическомъ родѣ
по французской мѣркѣ, онъ вдругъ является съ комедіей,
для которой едва ли гдѣ могъ быть образецъ, не говоря уже
о русской литературѣ. Языкъ, стихъ, слогъ — все оригинально
въ „Горѣ отъ Ума“. Содержаніе этой комедіи взято изъ рус-
ской жизни; паѳосъ ея — негодованіе на дѣйствительность,
запечатлѣнную печатью старины. Вѣрность характеровъ въ
ней часто побѣждается сатирическимъ элементомъ. Полнотѣ
ея художественности помѣшала неопредѣленность идеи, еще
неполнѣ созрѣвшей въ сознаніи автора: справедливо воору-
жаясь противъ безсмысленнаго обезьянства въ подражаніи всему
иностранному, онъ зоветъ общество къ другой крайности —
къ „китайскому незнанью иноземцевъ“. Не понявъ, что пус-
тота и ничтожество изображеннаго имъ общества происходятъ
отъ отсутствія въ немъ всякихъ убѣжденій, всякаго разумна-
го содержанія, онъ слагаетъ всю вину на смѣшные бритые
подбородки, на фраки съ хвостомъ назадъ, съ выемкой впе-
реди, и съ восторгомъ говоритъ о величавой одеждѣ долго-
полой старины... Но это показываетъ только незрѣлость, мо-
лодость таланта Грибоѣдова: „Горе отъ Ума“, несмотря на
все свои недостатки, кипитъ геніальными силами вдохновенія
и творчества. Грибоѣдовъ^{въ} еще не былъ въ состояніи спокойно
владѣть такими исполинскими силами. Если бы онъ успѣлъ

написать другую комедію, она далеко оставила бы за собой „Горе отъ Ума“. Это видно изъ самаго „Горя отъ Ума“: въ немъ такъ много речательствъ за огромное поэтическое развитіе... Какая убійственная сила сарказма, какая ёдкость ироніи, какой пафосъ въ лирическихъ изліяніяхъ раздраженнаго чувства; сколько сторонъ, такъ тонко подмѣченныхъ въ обществѣ; какіе типическіе характеры; какой языкъ, какой стихъ—энергическій, сжатый, молніеносный, чисто русскій! Удивительно ли, что стихи Грибоѣдова обратились въ поговорки и пословицы и разнеслись между образованными людьми по всѣмъ концамъ земли русской! Удивительно ли, что „Горе отъ Ума“ еще въ рукописи было выучено наизусть цѣлой Россіей!.. Грибоѣдовъ наводитъ мнѣ на душу грустную мысль о трагической судьбѣ русскихъ поэтовъ... Батюшковъ въ цвѣтѣ лѣтъ и полнотѣ поэтической дѣятельности... хуже, чѣмъ умеръ; Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ погибли безвременно...

...Иль вся наша
И жизнь не что, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землею?..

Б.—Прерываю ваше поэтическое раздумье прозаическимъ вопросомъ: говоря о поэтахъ до-пушкинской эпохи, вы забыли Мерзлякова, котораго русскія пѣсни впрочемъ принадлежатъ къ позднѣйшему времени.

А —Да много ли его русскихъ пѣсенъ-то? „Среди долины ровныя“—не народная, и даже не простонародная, а развѣ сантиментально-мѣщанская пѣсня. „Чернобровый, черноглазый“ и „Не липочка кудрявая“—прекрасныя и выдержанныя пѣсни; всѣ другія—съ проблесками національности, но и съ „чувствительными“ противъ нея обмолвками. Въ поэзіи Мерзлякова есть чувство, но нѣтъ мысли. Теорія его—французско-классическая; слѣдовательно объ ней можно и не говорить. Переводы его изъ древнихъ не изящны: въ нихъ не вѣетъ жизнью эллинскаго духа. Мерзляковъ смотрѣлъ на древнихъ сквозь Лагарповскія очки. Онъ переводилъ идилліи г-жи Де-зульеръ и ужасными виршами пересказалъ на книжномъ рус-

скомъ языкѣ временъ Хераскова „Освобожденный Іерусалимъ“ Тасса.

Б.—Къ кому же мы теперь перейдемъ отъ Пушкина и Грибоѣдова?

А.—Къ повѣсти и роману. Пресытившись стихами, мы захотѣли прозы; а примѣръ Вальтеръ-Скотта былъ очень соблазнительнень... Марлинскій первый началъ писать русскія повѣсти. Онѣ были для своего времени то же, что повѣсти Карамзина для той эпохи; разница между ними только та, что однѣ романтическія, другія классическія, въ простомъ смыслѣ этихъ словъ. „Юрій Милославскій“ былъ первымъ русскимъ историческимъ романомъ. Онъ явился очень во-время, когда всѣ требовали русскаго и русскаго. Вотъ причина его необыкновеннаго успѣха. Теперь онъ—препріятное и полезное чтеніе для дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ включительно и для простого народа. Жаль, что онъ не изданъ въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ экземпляровъ и не продается копѣекъ по 20 серебромъ; онъ много бы могъ принести пользы. Я не буду исчислять всѣхъ повѣстей и романовъ, всѣхъ нувеллистовъ и романистовъ: это былъ бы бесполезный трудъ и скучный разговоръ. Романистовъ было много, а романовъ мало, и между романистами совершенно забытъ ихъ родоначальникъ—Нарѣжный. Въ 1804 года издалъ онъ отчаянную романтическую трагедію „Димитрій Самозванецъ“, которая была сколкомъ съ „Разбойниковъ“ Шиллера; потомъ печаталъ повѣсти и романы—блѣдные, безцвѣтные, манерные, во вкусѣ Жанлисъ. Въ 1824 г. онъ издалъ „Бурсака“, а въ 1825—„Два Ивана“, романы, запечатлѣнные талантомъ, оригинальностью, комизмомъ, вѣрностью дѣйствительности. Ихъ обвиняли тогда въ грубой простонародности, но главный ихъ недостатокъ состоялъ въ бѣдности внутренняго содержанія. Онъ еще написалъ что-то вродѣ „русскаго Жилблаза“, который былъ почище всѣхъ Выжигиныхъ, хотя и имѣлъ несчастье подать поводъ къ появленію этихъ литературныхъ бродягъ и вырождковъ... Лучшій романистъ Пушкинскаго періода литературы нашей, безъ сомнѣнія,—Лажечниковъ. „Новикъ“ его слишкомъ полонъ, такъ сказать, обремененъ внутреннимъ обиліемъ: видно, что онъ—первое произведеніе автора; но въ

немъ много теплоты, одушевленія, много прекрасныхъ частности. „Ледяной Домъ“ есть лучшее произведеніе Лажечникова по содержанію, по одушевленію, которымъ онъ спокойно проникнуть, по характерамъ лицъ, по превосходнымъ частностямъ и полнотѣ цѣлаго. Въ „Басурманъ“ Лажечниковъ перенесся въ чуждую ему сферу жизни, которая всѣхъ менѣе можетъ дать содержаніе для романа. Несмотря на то, недостаточный въ цѣломъ, „Басурманъ“ не чуждъ превосходныхъ отдѣльныхъ мѣстъ; къ лучшимъ изъ нихъ принадлежатъ тѣ, гдѣ является грозное лицо Іоанна III, дѣда настоящаго Грознаго; также сцена трагической смерти нѣмца лекаря, замученнаго татарами... Жаль, что Лажечниковъ мало пишетъ: онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которыхъ вліяніе особенно сильно на эстетическое и нравственное развитіе современнаго имъ общества. Что касается до повѣсти—она со времени появленія Марлинскаго до Гоголя играла роль ученицы, и только въ отрывкѣ изъ романа Пушкина „Арапъ Петра Великаго“ на минуту явилась мастеромъ, въ смыслѣ нѣмецкаго мастера или итальянскаго маэстро. Съ Гоголя начался русскій романъ и русская повѣсть, какъ съ Пушкина началась истинно-русская поэзія... Гоголь внесъ въ нашу литературу новые элементы, породилъ множество подражателей, навелъ общество на истинное созерцаніе романа, какимъ онъ долженъ быть: съ Гоголя начинается новый періодъ русской литературы, русской поэзіи.

Б.—Воля ваша, а мнѣ кажется, что вы увлекаетесь и видите въ Гоголѣ далеко больше того, что въ немъ есть. Что говорить—талантъ, и талантъ замѣчательный, удивительное искусство вѣрно списывать съ натуры; но—согласитесь сами—вѣдь дѣйствительная и высокая сторона въ искусствѣ есть идеалы, а что за идеальныя лица—какой-нибудь взяточникъ городничій, мѣщанка Пошлепкина, какой нибудь Иванъ Ивановичъ или Иванъ Никифоровичъ?...

А.—Вы очень вѣрно выразили мнѣніе толпы о Гоголѣ, и, по моему мнѣнію, толпа совершенно права съ своей точки зрѣнія...

Б.—Какъ хотите, но я охотно готовъ быть представителемъ толпы въ этомъ случаѣ. Смѣяться и смѣяться, смѣшить и

смѣшить—это, право, совсѣмъ не то, что умилять сердца, возвышать душу...

А.—Совершенная правда. Смѣшить — дѣло весельчаковъ и забавниковъ, а смѣяться—дѣло толпы. Чѣмъ грубѣе и необразованнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе расположенъ смѣяться всякой плоскости, хохотать всякому вздору. Ничего нѣтъ легче, какъ разсмѣшить его. Онъ не понимаетъ, что можно плакать и рыдать, когда сердце хочетъ выскочить изъ груди отъ полноты блаженства и радости, и что можно хохотать до безумія, когда сердце сдавлено тоской или разрывается отчаяніемъ. Ступайте въ русскій театръ, когда тамъ даютъ „Гамлета“,—и вы услышите вверху (а иногда и внизу) самый веселый, самый добродушный смѣхъ, когда Гамлетъ, заколовъ Полонія, на вопросъ матери: „кого ты убилъ?“ отвѣчаетъ „мышь!“... Помните ли вы еще разговоръ Гамлета съ Полоніемъ, съ актерами и съ Офеліей: мнѣ становилось страшно отъ этихъ сценъ ужасной ироніи глубоко оскорбленной и тяжело страдающей души датскаго принца; а другіе если не дремали, то смѣялись... Я хочу сказать этимъ совсѣмъ не то, что Шекспиръ и Гоголь—одно и то-же, или что „Гамлетъ“ Шекспира и „Миргородъ“ Гоголя—одно и то же,—нѣтъ, я говорю только, что смѣхъ смѣху—рознь... Если бы изъ „Тараса Бульбы“ сдѣлать драму,—я увѣренъ, что въ страшной сценѣ казни, когда старый казакъ на вопль сына: „слышишь ли, батьку?“ отвѣчаетъ: „Слышу, сынку!“ многіе отъ души расхохотались бы... И въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно ли иному благовоспитанному, милому и образованному чиновнику, который привыкъ называть отца уже не то, чтобы „тятенькой“, но даже „папенькой“, не смѣшно ли ему слышать это грубое, хохлацкое „батьку“ и „сынку“!.. Надо сказать правду: у насъ вообще смѣяться не умѣютъ и всего менѣе понимаютъ „комическое“. Его обыкновенно полагаютъ въ фарсѣ, въ карикатурѣ, въ преувеличеніи, въ изображеніи низкихъ и пошлыхъ сторонъ жизни. Я говорю это не въ осужденіе нашему обществу. Постигеніе комическаго—вершина эстетическаго образованія. Шиллеръ, великій Шиллеръ признается, что въ первой порѣ своей юности, при началѣ знакомства съ Шекспиромъ, его возмущала эта холодность, безстрастіе, доз-

волявшія Шекспиру шутить въ самыхъ высокихъ, патетическихъ мѣстахъ и разрушать явленіемъ шутовъ впечатлѣнія самыхъ трогательныхъ сценъ въ „Гамлетѣ“, „Лирѣ“, „Макбетѣ“ и т. д., останавливать ощущеніе тамъ, гдѣ оно желало бы безостановочно стремиться впередъ, или хладнокровно отрывать его отъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ бы оно такъ охотно остановилось и успокоилось *). Идеальное трагическое открывается юному чувству непосредственно и сразу; идеальное комическое дается только развитому и образованному чувству человѣка, знающаго жизнь не по однимъ восторженнымъ мечтаніямъ и не по наслышкѣ. На такого человѣка комическое часто производитъ обратное дѣйствіе: возбуждаетъ въ немъ не веселый смѣхъ, а одно скорбное чувство. Онъ улыбается, но въ его улыбкѣ столько меланхоліи...

Комизмъ еще не составляетъ основного элемента всѣхъ сочиненій Гоголя. Онъ разлитъ преимущественно въ „Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки“. Это комизмъ веселый, улыбка юноши, привѣтствующаго прекрасный Божій міръ. Тутъ все свѣтло, все блеститъ радостью и счастьемъ; мрачные духи жизни не смущаютъ тяжелыми предчувствіями юнаго сердца, трепещущаго полнотой жизни. Здѣсь поэтъ какъ бы самъ любитъ созданными имъ оригиналами. Однакожъ эти оригиналы не его выдумка, они смѣшны не по его прихоти; поэтъ строго вѣренъ въ нихъ дѣйствительности. И потому всякое лицо говоритъ и дѣйствуетъ у него въ сферѣ своего быта, своего характера и того обстоятельства, подъ вліяніемъ котораго оно находится. И ни одно изъ нихъ не проговаривается: поэтъ математически вѣренъ дѣйствительности, и часто рисуетъ комическія черты, безъ всякой претензіи смѣшить, но только покоряясь своему инстинкту, своему такту дѣйствительности. Смѣхъ толпы для него бываетъ оскорбителенъ въ такихъ случаяхъ; онъ смѣется тамъ, гдѣ надо удивляться тонкой чертѣ дѣйствительности, вѣрно и зорко подмѣченной, удачно схваченной. Въ повѣстяхъ, помѣщенныхъ въ „Арабескахъ“, Гоголь отъ веселаго комизма переходитъ къ „юмору“, который у него состоитъ въ противопол-

*) См. его „Abhandlung über naive und sentimentalische Richtung“.

ложности созерцанія истинной жизни, въ противоположности идеала жизни—съ дѣйствительностью жизни. И потому его юморъ смѣшить ужъ только простяковъ или дѣтей; люди, заглянувшіе въ глубь жизни, смотрятъ на его картины съ грустнымъ раздумьемъ, съ тяжелой тоской... Изъ за этихъ чудовищныхъ и безобразныхъ лицъ, имъ видятся другіе, благообразные лики; эта грязная дѣйствительность наводитъ ихъ на созерцаніе идеальной дѣйствительности, и то, что есть, яснѣе представляетъ имъ то, что бы должно быть... Въ „Миргородѣ“ этотъ юморъ особенно проникаетъ собою насквозь дивную повѣсть о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ; оканчивая ее, вы отъ души восклицаете съ авторомъ: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ точно, какъ будто выходя изъ дома умалишенныхъ, гдѣ съ горькой улыбкой смотрѣли вы на глупости несчастныхъ больныхъ... Въ этомъ смыслѣ комедія. „Ревизоръ“ Гоголя стодитъ всякой трагедіи. Что же касается до искусства Гоголя вѣрно списывать съ натуры — это изъ тѣхъ безсмысленно-пошлыхъ выраженій, которыя оскорбляютъ своей нелѣпостью здравый смыслъ. Подобная похвала — оскорбленіе. Гоголь творить вѣрно природѣ; списываютъ съ природы не живописцы, а маляры, и ихъ списки—чѣмъ вѣрнѣе, тѣмъ безжизненнѣе для всякаго, кому неизвѣстенъ подлинникъ. Вѣрность натурѣ въ твореніяхъ Гоголя вытекаетъ изъ его великой творческой силы, знаменуетъ въ немъ глубокое проникновеніе въ сущность жизни, вѣрный тактъ, всеобъемлющее чувство дѣйствительности. И это ужъ многіе чувствуютъ, хотя еще и слишкомъ немногіе сознаютъ. Теперь всѣ стараются писать вѣрно натурѣ, всѣ сдѣлались юмористами: таково всегда вліяніе геніальнаго человѣка! Новый Колумбъ, онъ открываетъ неизвѣстную часть міра, и открываетъ ее для удовлетворенія своего безпокойно рвущагося въ безконечность духа; а ловкіе антрепренеры стремятся по слѣдамъ его толпой, въ надеждѣ разбогатѣть чужимъ добромъ!...

Б.—И вотъ мы приблизились къ самому интересному для насъ предмету—къ современной намъ литературѣ. О настоящемъ всегда говорится больше, чѣмъ объ отдаленномъ: ма-

лѣйшія подробности имѣютъ интересъ; самое маленькое дарованіе имѣетъ цѣну...

А.—И однакожъ я всего менѣе намѣренъ распространяться о современной литературѣ, во-первыхъ, для того, чтобъ не наговорить много о пустякахъ, а во-вторыхъ, чтобъ не раздражить гусей... Правда, у насъ и теперь не безъ дарованій, болѣе или менѣе замѣчательныхъ; скажу болѣе: въ нашей грустной эпохѣ много утѣшительнаго. Пора дѣтскихъ очарованій теперь миновалась безъ возврата, и если теперь огромные авторитеты составляются иногда въ одинъ день, зато они часто и пропадаютъ безъ вѣсти на слѣдующій же день. Теперь очень трудно стало прослыть за человѣка съ дарованіемъ: такъ много писано во всѣхъ родахъ, столько было опытовъ и попытокъ, удачныхъ и неудачныхъ во всѣхъ родахъ, что дѣйствительно надо что-нибудь получить отъ природы, чтобъ обратить на себя общее вниманіе... Пушкинъ и Гоголь дали намъ такіе критеріумы для сужденія объ изящномъ, съ которыми трудно отъ чего-нибудь разъехаться... Хорошую сторону современной литературы составляетъ и обращеніе ея къ жизни, къ дѣйствительности: теперь ужъ всякое, даже посредственное, дарованіе силится изображать и описывать не то, что приснится ему во снѣ, а то, что есть или бываетъ въ обществѣ, въ дѣйствительности. Такое направленіе много обѣщаетъ въ будущемъ. Но современная литература много теряетъ отъ того, что у ней нѣтъ головы; даже яркіе таланты поставлены въ какое-то неловкое положеніе: ни одинъ изъ нихъ не можетъ стать первымъ и по необходимости теряется въ числѣ, каково бы оно ни было. Гоголь давно ничего не печатаетъ; Лермонтова уже нѣтъ,—

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней,
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни своей...

А какое пышное развитіе обѣщаль этотъ богатый дарами природы, этотъ мощный и глубокій духъ!... Публика встрѣтила его, какъ представителя новаго періода литературы, хотя и видѣла еще одни опыты его... Предчувствія общества не обманчивы: гласъ Божій—гласъ народа!..

Б. — А вѣдь результатъ нашего разговора рѣшительно въ мою пользу. Вы спрашивали меня съ насмѣшкой: „Да гдѣ жъ онѣ? дайте ихъ!“ — и сами не только насчитали множество именъ знаменитыхъ и великихъ, но и нашли въ нашей литературѣ внутреннюю жизнь, историческое движеніе, гдѣ послѣдующее выходитъ изъ предыдущаго...

А. — Въ самомъ дѣлѣ? Посмотримте-ка, сколько знаменитыхъ и великихъ именъ насчитали мы... Ломоносовъ — какъ великій характеръ (качество, не обогащающее нашей литературы!), какъ авторъ нѣсколькихъ ученыхъ сочиненій, имѣющихъ теперь историческое достоинство; Фонвизинъ, какъ умный писатель, котораго небольшая книга имѣетъ для насъ значеніе „мемуаровъ“, передавшихъ намъ духъ и характеръ русскаго XVIII вѣка; Державинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Озеровъ, какъ лица, имѣющія большее или меньшее значеніе въ исторіи русской литературы, русскаго общественнаго образованія, — авторитеты, съ которыми мы должны знакомиться въ школѣ, и которыхъ ужъ не можемъ читать, вышедши изъ школы въ свѣтъ; — авторы, которыхъ имена для насъ священны, но которыхъ значеніе — наша семейная тайна, неразрѣшимая для иностранцевъ, хотя бы иностранцы и могли прочесть ихъ на своихъ языкахъ... Итакъ, вотъ уже шесть именъ... Далѣе: Крыловъ, гениальный писатель національных басенъ — этой поэзіи здраваго разсудка... Жуковский, внесшій въ нашу литературу и въ нашу жизнь романтическіе элементы и усвоившій намъ нѣсколько превосходныхъ произведеній нѣмецкой и англійской словесности, которые тамъ читаются въ подлинникѣ... Батюшковъ — замѣчательный талантъ, неопредѣленно и блѣдно развившійся по недостатку содержанія; поэзія его поэтому не можетъ быть перенесена на почву чуждаго слова, не подвергаясь опасности завянуть и выдохнуться... Гнѣдичъ, превосходный переводчикъ „Иліады“, — совершитель подвига, важнаго и великаго только для насъ... Пушкинъ и Гоголь, — вотъ поэты, о которыхъ нельзя сказать; „я ужъ читалъ!“, но которыхъ чѣмъ больше читаешь, тѣмъ больше пріобрѣтаешь; вотъ истинное, капитальное сокровище нашей литературы... Если Пушкинъ найдетъ достойныхъ переводчиковъ, то не можетъ не обра-

тить на себя изумленнаго вниманія Европы; но все таки онъ и не можетъ быть тамъ оцѣненъ по достоинству; этому всегда помѣшаетъ объемъ и глубина содержанія его поэзіи, далеко немогущія состязаться съ объемомъ и глубиной содержанія, какими проникнута поэзія великихъ представителей европейскаго искусства... Иностранецъ, коротко ознакомившійся съ Россіей и ея языкомъ, не можетъ не признать въ Пушкинѣ, какъ въ художникѣ, міровой творческой силы, которой нечего бояться чьего бы то ни было соперничества; многія лирическія стихотворенія, выражающія субъективность Пушкина, еще болѣе утверждаютъ его въ этомъ убѣжденіи; но тѣ творенія Пушкина, въ которыхъ онъ выходилъ на историческую почву жизни, и которыхъ величіе и колоссальность необходимо зависитъ отъ содержанія, покажутъ ему, что Пушкинъ, слишкомъ рано родившійся для Россіи, слишкомъ рано и умеръ для нея... Общественные интересы современной Европы развились изъ почвы тысячелѣтняго всемірно-историческаго развитія и могутъ возбуждаться только такимъ поэтическимъ содержаніемъ, которое оплодотворяетъ собою вѣкъ, творить новую исторію, и какимъ проникнуты творенія Шекспира, Байрона, Шиллера и Гёте... Сказанное о Пушкинѣ можно примѣнить и къ Гоголю... Теперь кто же остается?— Грибоѣдовъ, написавшій одну комедію, да Лермонтовъ, написавшій одинъ романъ въ прозѣ, небольшую книжку стихотвореній. Изъ прежней школы—Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ—вотъ и всѣ... Вы говорите, что я нашелъ въ нашей литературѣ даже внутреннюю историческую послѣдовательность: правда, но все это еще не составляетъ литературы въ полномъ смыслѣ слова. Литература есть народное сознаніе, выраженіе внутреннихъ, духовныхъ интересовъ общества, которыми мы пока еще очень небогаты. Нѣсколько человѣкъ еще не составляютъ общества, а нѣсколько идей, пріобрѣтенныхъ знакомствомъ съ Европою, еще менѣе можетъ назваться національнымъ сознаніемъ. Наша публика безъ литературы: потому что въ годъ пять-шесть хорошихъ сочиненій на нѣсколько сотенъ дурныхъ—еще не литература; наша литература безъ публики, потому что наша публика что-то загадочное: одичъ читалъ Пушкина, другой

въ восторгѣ отъ Бенедиктова, а третій былъ безъ ума отъ мистерій Тимоѳеева; одинъ понимаетъ Гоголя, другой еще въ полномъ удовольствіи отъ Марлинскаго, а третій не знаетъ ничего лучше романовъ Зотова и Воскресенскаго... Театральные судьи равно хлопаютъ и „Гамлету“, и водевилямъ Коровкина, и „Парашѣ“ Полевого... И не думайте, чтобъ это были люди разныхъ сферъ и классовъ общества,—нѣтъ, они всѣ перемѣшаны и перетасованы, какъ колода картъ... Историческій ходъ свой наша литература совершила въ самой же себѣ: ея настоящей публикой былъ самъ пишущій классъ, и только самыя великія явленія въ литературѣ находили болѣе или менѣе разумный отзывъ во всей массѣ грамотнаго общества... Но будемъ смотрѣть на литературу просто, какъ на постоянный предметъ занятія публики, слѣдовательно какъ на непрерывный рядъ литературныхъ новостей; что жъ это за литература! Да занимайте вы десять должностей, утопайте въ практической дѣятельности, а на чтеніе посвятите время между обѣдомъ и кофе, — и тогда не на одинъ день останетесь вы безъ чтенія. Въ журналахъ все—переводы, а оригинальнаго развѣ три-четыре порядочныя повѣсти въ годъ, да нѣсколько стихотвореній, да книгъ съ полдюжины, включая сюда и ученые — вотъ и все. Тогда, читая въ журналахъ статьи о процвѣтаніи русской литературы, поневолѣ восклицаете, протяжно зѣвая: „Да гдѣ жъ онѣ?—давайте ихъ!“... Любопытно было бы сдѣлать хоть одинъ перечень литературныхъ явленій за цѣлый годъ...

Но это мы сдѣлаемъ уже сами, тѣмъ болѣе, что это такъ не трудно сдѣлать: Библиографическая Хроника „Отечественныхъ Записокъ“, не пропускающая ни одной новой книги, изданной въ Россіи, даетъ намъ всѣ нужные для такого дѣла матеріалы. Если прерванный нами разговоръ сколько-нибудь заинтересовалъ васъ, читатели, то и наша приписка къ нему не должна миновать вашего вниманія: можетъ-быть въ этомъ годичномъ обзорѣ найдете вы кое-какія поясненія и дополненія къ длинному разговору; по крайней мѣрѣ встрѣтите имен-

на, не упомянутыя тамъ, но извѣстныя давно или недавно и играющія первыя роли въ современной русской литературѣ...

Начнемъ съ журналовъ. Въ журналахъ теперь сосредоточилась наша литература, и оригинальная, и переводная. Въ нихъ помѣщаются теперь повѣсти, которыя недавно издавались особо, частяхъ въ двухъ, въ трехъ и четырехъ; въ нихъ цѣликомъ печатаются романы, которыхъ каждая глава стоитъ иной повѣсти недавняго времени; въ нихъ печатаются драмы, историческія книги, и т. д. Ко всему этому надо прибавить, что наши журналы изъ всѣхъ силъ стремятся къ многосторонности и всеобъемлемости — не во взглядѣ, о которомъ, правду сказать, немногіе изъ нихъ думаютъ, — а въ разнообразіи входящихъ въ ихъ составъ предметовъ: тутъ и политика, и исторія, и философія, и критика, и библіографія, и сельское хозяйство, и изящная словесность — чего хочешь, того просишь. Многіе не видятъ во всемъ этомъ добра и толкуютъ обо всемъ этомъ вкось и вкривь, — а ларчикъ просто открывался! Человѣкъ съ дарованіемъ переводитъ драму Шекспира; напечатать ему свой переводъ не на что, наудачу пуститься нельзя, потому что, каковъ бы ни былъ переводъ, все-таки нельзя надѣяться, чтобъ его разошлось болѣе двухъ десятковъ экземпляровъ, и то развѣ года въ два... Что жъ тутъ остается дѣлать?—Напечатать въ журналѣ. Это и прекрасно: тѣ, которые могутъ судить о Шекспирѣ и оцѣнить переводъ, прочтутъ можетъ быть еще нечитанную ими драму великаго творца; а тѣ, которые никакихъ другихъ драматическихъ красотъ, кромѣ „репертуарныхъ“, не смыслятъ, — тѣ будутъ вознаграждены какой-нибудь большой сказкой, въ той-же книжкѣ журнала напечатанной... Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ прошлаго года было помѣщено цѣлое большое историческое сочиненіе „Альбигойцы“, которое было всѣми прочтено съ жадностью и произвело общій восторгъ; будь же оно издано отдѣльно, его никто бы не прочелъ, о немъ никто бы не узналъ, переводчикъ напрасно потратилъ бы трудъ и время, а издатель деньги... Этихъ примѣровъ слишкомъ достаточно для объясненія, почему журналистика поглотила всю литературу. Это не прихоть, не произволъ, даже не расчетъ со стороны журналистовъ: причина дѣла въ необходи-

мости, въ самой дѣйствительности... Что журналистъ хочетъ обнять своимъ журналомъ всѣ области литературы и науки, удовлетворить всѣмъ потребностямъ общества — отъ стиховъ до статей о свекловичномъ сахарѣ и удобреніи полей разными средствами, — здѣсь тоже очень простая причина: онъ хочетъ, чтобъ его журналъ читала публика... У насъ еще не можетъ быть специальныхъ журналовъ, намъ пожалуйте всего за однѣ и тѣ-же деньги; мы хотимъ не мнѣнія, не руководительнаго начала, не предмета для ученія или размышленія, — мы хотимъ чтенія, какъ средства отъ скуки, потому что однѣ карты да карты, сплетни, да сплетни — оно конечно хорошо, да вѣдь прискучить же... Семейство выписываетъ журналъ, — журналистъ долженъ угодить всѣмъ членамъ этого семейства; отецъ-старикъ читаетъ напимѣръ перечень событій въ отечествѣ и статьи по части сельскаго хозяйства; мать — повѣсти и модныя извѣстія: сынъ — критику и разборы книгъ; дочь — стихи, повѣсти и модныя извѣстія; смѣсь — всѣ. Не угодите одному, останутся недовольны всѣ! За-границей сущность журнала состоитъ въ его мнѣніи, и потому тамъ журналисту нечего бояться соперничества, не къ чему хвататься за множество такихъ предметовъ: у него есть мнѣніе — есть и подписчики, потому что, кто раздѣляетъ его доктрину, тотъ будетъ читать его журналъ; слѣдовательно ему не помѣшаютъ, его не заслоняютъ, не задавятъ другіе журналы, хотя бы у нихъ были десятки тысячъ подписчиковъ. Тамъ гибнетъ только безцвѣтность, безхарактерность, безсиліе и бездарность. Толстота нашихъ журналовъ тоже не расчетъ, а необходимость. И въ городѣ скучно жить — о деревнѣ нечего и говорить: вы получаете книжку журнала столь полновѣсную, что предвидите цѣлую недѣлю чтенія — не счастье ли, не блаженство ли это?.. Иные же слабы глазами или привыкли читать скоро — имъ на цѣлый мѣсяцъ занятіе; шутка ли это?.. Тошнотой содержаніемъ и талантомъ журналы истощаютъ послѣднее свое остроуміе на насмѣшки надъ толстыми журналами, а толстые журналы рѣдко даже замѣчаютъ тощихъ... Все это въ рядкѣ вещей, и все это русская литература!..

Притупая къ журналамъ, начнемъ со старѣйшаго изъ нихъ — а „Сына Отечества“. Онъ кончился нынѣшній годъ

сорокъ третьимъ нумеромъ, вмѣсто пятидесяти-второго... Въ этой 43 книжкѣ особенно примѣчательна статья о первомъ томѣ „Русской Бесѣды“: разсказывается строкахъ въ трехъ содержаніе каждой пьесы, потомъ дѣлается большая выписка изъ пьесы, а изъ всего этого выводится подразумѣваемое слѣдствіе, что пьеса очень хороша... Какой наивный способъ критиковать книги и наполнять журналъ... Странное дѣло! мы всѣми силами старались слѣдить за „Сыномъ Отечества“: получимъ, бывало, отсталую книжку—тотчасъ же читать—и ничего не прочтемъ... Публика въ отношеніи къ „Сыну Отечества“ была за одно съ нами, съ той только разницей, что даже и не разрѣзывала его... А кажется, чего въ немъ нѣтъ—и политика, и сокращенные романы, и экстракты изъ повѣстей, а въ смѣси всегда бездна остроумія—ничто не могло! Съ будущаго года „Сынъ Отечества“ снова возрождается, юнѣтъ... Бѣдный старецъ! найдетъ ли онъ наконецъ для своихъ изсохшихъ, желтѣющихъ костей мертвую и живую воду — не знаемъ; но обыкновенной, прѣсной воды въ немъ много... Не далѣе, какъ передъ началомъ прошлаго года, грозная афиша возвѣстила, что баронъ Брамбеусъ, по врожденному ему великодушію, не помня зла, рѣшается протянуть свою высокородную руку падшему врагу, чтобъ поднять его. И дѣйствительно, баронъ руку-то протянулъ, но врага-то не поднималъ—у старика, видно, отнялись ноги или можетъ-быть у барона ослабли руки?.. Оставимъ же ихъ, пожелавъ имъ добраго здравія и укрѣпленія силъ, и обратимся къ „Библіотекѣ для Чтенія“, которая должна непосредственно слѣдовать за „Сыномъ Отечества“.

„Библіотека для Чтенія“ съ 1839 года какъ будто пошатнулась — начала опаздывать, чего съ ней прежде не бывало; начала печатать статьи объ искусствѣ, которыхъ смыслъ доселѣ остается тайной для публики и здраваго смысла. Въ девяти книжкахъ тянулся романъ Кукольника „Эвелина де Вальероль“; получая слѣдующую книжку, публика забывала, что прочла въ предшествовавшей: это было очень удобно придумано для доставленія публикѣ пріятнаго и занимательнаго чтенія. Въ пятой книжкѣ вдругъ явился экстрактъ изъ романа Тика „Витторія Аккоромбона“, вполне переведеннаго и

напечатаннаго въ третьей и четвертой книжкахъ „Отечественныхъ Записокъ“... Отдѣлы „Литературной Лѣтописи“ и „Смѣси“ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ были — особенно первое — по два, по три листочка, увеличиваясь только въ послѣднихъ книжкахъ стараго и первыхъ книжкахъ новаго года, какъ это воспослѣдовало и теперь. Но умный человѣкъ и на одной страничкѣ найдетъ, что сказать! „Библіотека для Чтенія“... была очень находчива въ этомъ отношеніи... Четвертая книжка ея вдругъ, ни съ того, ни съ сего, пустилась разсуждать о Гомерѣ, гекзаметрѣ, о томъ, какъ должно переводить Гомера... Не довольствуясь разсужденіями, она — такая добрая! — не оставила поучить, — разумѣется тѣхъ, кто захочетъ учиться у ней — самымъ дѣломъ и представила или, какъ выражается С. Н. Глинка, „предъявила“ образчики своихъ трудовъ по части сочиненія настоящихъ, самыхъ лучшихъ гекзаметровъ; но пристушила къ этому очень тонко и ловко: она объявила, что критика — вздоръ, шарлатанство, ибо-де критика есть не что иное, какъ личное мнѣніе, „ничтожная, безпослѣдственная, частная болтовня“... *Avis aux lecteurs!* Что касается до насъ, — мы очень рады этому „извѣстію“: оно объяснило намъ, что такое критика въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Изъ снисхожденія къ требованіямъ педантовъ, вдругъ пускается она въ ученую критику, говоря: „Я объявляю, что напругу всѣ силы, чтобы, елико возможно, быть важнымъ и не смѣяться. Скучайте! Мнѣ до этого дѣла нѣтъ“. И что же! Не возможно лучше и честнѣе сдержать даннаго слова: статья вышла скучная, прескучная... „Библіотека для Чтенія“ пустилась разсуждать объ отношеніи музыки къ гекзаметру и гекзаметра къ музыкѣ, и обнаружила по обоимъ этимъ предметамъ столько природнаго знанія, что, читая статью ея, такъ и приговариваешь къ каждому слову: „Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ; замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился“. Результатомъ всѣхъ этихъ тоническихъ и метрическихъ разглагольствованій на восемнадцати страницахъ былъ знаменитый стихъ: „По берегу Невы Маша ходила бѣлой босой ногой, собирая ягоды, и отморозила себѣ носъ...“ Послѣ этого стиха о „Библіотекѣ для Чтенія“ скорѣе можно

сказать, что она не выдумаетъ пороку, нежели, что она не сочинить стиху.

За диссертацией слѣдуетъ разборъ дрянного опыта перевода „Одиссеи“, а въ разборѣ развитіе слѣдующихъ двухъ великихъ идей: № 1. „Бѣдный Гнѣдичъ убилъ всю жизнь свою на усердное коверканье „Иліады“ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, на составленіе самой уродливой карикатуры ея размѣру, ея гармоніи, цвѣту, фізіономіи, духу и умеръ въ томъ блаженномъ убѣжденіи, что онъ познакомилъ русскихъ съ формой и содержаніемъ чудеснѣйшаго произведенія древности“. № 2. „Древніе подъ простой (*simplicitas*) разумѣли простонародность, и Гомеръ объясняется, какъ кумъ Емельянь у казака Луганскаго“... Въ смѣси XI книжки помѣщены неоспоримыя доказательства, что древніе раскрашивали красками свои статуи, и что классическіе города были -- изящный Китай! Подлинно, мандаринскій взглядъ на искусство...

Впрочемъ можетъ-быть все это и шутка: „Библіотека для Чтенія“ большая охотница шутить, — это всѣмъ извѣстно. Прочтите напр. въ третьей книжкѣ ея похвалы графинѣ Расстопчиной, Зенеидѣ Р... и Кукольнику, и отгадайте, что это — похвала или насмѣшка... Но, говоря о трехъ послѣднихъ частяхъ сочиненій Пушкина, — мы въ этомъ увѣрены — „Библіотека для Чтенія“ не шутитъ: по ея мнѣнію, Пушкинъ — писатель старой школы: онъ употреблялъ сей и оный... Впрочемъ это дѣло личнаго вкуса и личнаго самолюбія, полагающаго войну противъ сихъ и оныхъ великимъ подвигомъ; но въ XII книжкѣ на 55 стр. „Лит. Лѣтописи“, находится превосходный образчикъ учености „Библіотеки для Чтенія“, гдѣ доказывается, что все на свѣтѣ дымъ, въ томъ числѣ и всемірный законъ постепенности... Впрочемъ направленіе и духъ „Библіотеки для Чтенія“ такъ извѣстны всѣмъ и каждому что о нихъ новаго ничего нельзя сказать, кромѣ того развѣ, что одно и то же надоѣдаетъ, мысли безъ содержанія становятся пусты, старыя шутки приторны... Справедливость требуетъ замѣтить, что прошлогодняя „Библіотека для Чтенія“ не чужда и хорошихъ статей, особенно переводныхъ; жаль только, что къ нимъ нельзя имѣть вѣры, не зная, за что ихъ должно принимать — за дѣло или за шутку. Къ числу шутокъ, и довольно

плоскихъ, принадлежитъ статья о Франклинѣ. — Критика въ „Библіотекѣ для Чтенія“ всегда пуста, всегда наполнена ими изъ сухихъ сочиненій, преимущественно подвергающихся ея разсмотрѣнію. Но критика на книгу отца Іакинаоа о Китаѣ представляетъ собой блестящее исключеніе изъ общаго правила этого журнала: статья живая, энергическая, умная, хотя и не чуждая парадоксовъ. Страшный журналъ эта „Библіотека для Чтенія“: о Китаѣ судить по европейски, а о европейскомъ искусствѣ — по китайски! Подлинно, кому на что дать Богъ дарованіе!..

Къ отдѣлу русской и иностранной поэзіи въ „Библіотекѣ для Чтенія“ мы будемъ обращаться ниже, говоря вообще о произведеніяхъ беллетристики въ прошломъ году; а теперь перейдемъ къ другимъ журналамъ.

„Современникъ“ прошлаго года попрежнему былъ вѣренъ своему плану и направленію, и попрежнему былъ богатъ хорошими оригинальными статьями и хорошими переводами произведеній скандинавской поэзіи. Особенно интересна и важна въ немъ неоконченная статья „Нибелунги“. Окончаніе этой превосходной статьи будетъ помѣщено вѣроятно въ „Современникѣ“ нынѣшняго 1842 года.

Въ „Москвитянинѣ“ было нѣсколько превосходныхъ оригинальныхъ статей въ стихахъ и въ прозѣ, которыя намъ особенно пріятно исчислить здѣсь всѣ: „Споръ“, стихотвореніе Лермонтова; „Послѣдніе стихи лорда Байрона“ К. Павловой; „Сцены къ Ревизору“ и „Письмо о первомъ представленіи „Ревизора“ Гоголя; „Обозрѣніе Гегелевой логики“ Рѣдкина; „Нѣсколько словъ о римской исторіи“ Лунина; „О трагическомъ характерѣ исторіи Тацита“ Крюкова; „Нѣсколько словъ о сценическомъ художествѣ“ Крюкова; разборъ „Чтеній о русскомъ языкѣ Греча“ Шевырева. Интересны нѣкоторые матеріалы для исторіи русской литературы, напримѣръ „Знакомство Дмитріева съ Карамзинымъ“ (изъ записокъ Дмитріева) и пр.; нѣкоторые матеріалы для исторіи Россіи, какъ напримѣръ „Послѣдній претендентъ мѣстничества, князь Козловскій“, „Письмо Н. И. Панина о поимкѣ Пугачева“, и пр. Замѣчательныхъ повѣстей, оригинальныхъ и переводныхъ, въ „Москвитянинѣ“ не было.

„Русскій Вѣстникъ“ хотя и новый журналъ, однако новаго ничего не сказалъ и не сдѣлалъ, кромѣ развѣ того, что опаздывалъ выходомъ книжекъ, и, вмѣсто обѣщанныхъ двѣнадцати книжекъ, появился въ прошломъ году только въ числѣ десяти, что конечно для него ново, потому что онъ дѣлаетъ это еще въ первый разъ. Наполнялся же онъ статьями спеціального содержанія, сухими и не журнальными. Пускался „Русскій Вѣстникъ“ и въ философію, — правда, не часто, всего, кажется, только одинъ разъ, но зато съ большимъ успѣхомъ. Любопытные сами могутъ справиться объ этомъ въ курьезной статьѣ. „Европа, Россія и Петръ Великій“; въ особенности рекомендуемъ мѣсто отъ 104 до 107 страницы, гдѣ очень ясно и ново разсуждается о паденіи человѣка, о фетишизмѣ, о философской (?!...) религіи китайцевъ, о буддизмѣ, браминизмѣ, магахъ, египтянахъ, скандинавахъ, кельтахъ, магометанахъ и другихъ предметахъ, не менѣе близкихъ къ Россіи и исторіи Петра Великаго. Эту интересную статью можно раздѣлить на три части: первую занимаетъ философія — взглядъ и нѣчто — двадцать двѣ страницы (95—116); вторая посвящена собственно Россіи и занимаетъ восемь страницъ (125—133); третья посвящена Петру Великому и занимаетъ собой меньше одной страницы (134). Въ своемъ мѣстѣ, мы скажемъ, что было хорошаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ по части изящной словесности; а теперь укажемъ только на ученія и критическія статьи, больше или меньше интересныя; ихъ очень много: оригинальная статья „Завоеваніе Азова въ 1696 году“ Н. Полевого, переводная статья „Любопытныя и новыя извѣстія о Московіи 1689 г.“ (Де ла Невилля); разборъ Н. Полевого первой тетради „Исторіи Петра Великаго“ соч. Ламбина; разборъ „Ластовки“, „Исповѣди доктора Ястребцова“. Этого довольно на десять книгъ — чего же больше!.. Ко всему этому надо прибавить, что въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ не замѣтно ничьего преимущественнаго вліянія, которое могло бы дать этому изданію характеръ, направленіе, образъ мыслей: имена Полевого, Кукольника и Греча украсили только его программу, а не листы; впрочемъ два первые сдѣлали хоть что-нибудь въ качествѣ сотрудниковъ, если не редакторовъ; но третій ничего не сдѣлалъ и въ этомъ качествѣ, ибо одна

или двѣ безцвѣтныя статьи ничего не значатъ въ годовомъ изданіи журнала. Какъ тутъ не вспомнить геніальнаго выраженія одной статьи въ Пушкинскомъ „Современникѣ“ 1836 года объ участіи Греча въ „Библіотекѣ для Чтенія“: „Имя Греча было выставлено только для формы; по крайней мѣрѣ никакого дѣйствія не было замѣтно съ его стороны. Гречъ давно ужъ сдѣлался почетнымъ и необходимымъ редакторомъ всякаго предпринимаемаго періодическаго изданія: такъ обыкновенно почтеннаго пожилого человѣка приглашаютъ въ посаженные отцы на всѣ свадьбы“... („Современникъ“ т. 1, стр. 195.)

За исключеніемъ „Отечественныхъ Записокъ“, хвалить или осуждать которыя—не наше дѣло, вотъ и всѣ наши журналы. Газетъ у насъ еще меньше—всего двѣ, т. е. газетъ, издаваемыхъ не отъ правительства и посвященныхъ преимущественно литературѣ: „Сѣверная Пчела“ и „Литературная Газета“.

„Сѣверная Пчела“ издается и Богъ знаетъ сколько лѣтъ, что-то очень давно: но странное дѣло! — она такъ всегда вѣрна себѣ, такъ неизмѣнчива ни къ лучшему, ни къ худшему, что первый нумеръ перваго года ея существованія и послѣдній нумеръ только что кончившагося вчера 1841 года—такъ похожи одинъ на другой и по содержанію, и по тону, и по взгляду, или по отсутствію всякаго взгляда на предметы, что можно подумать, будто оба эти листка напечатаны въ одинъ и тотъ же день. Поэтому мы безошибочно можемъ привести о ней сужденіе изъ упомянутой выше статьи „О движеніи журнальной литературы“, которую Пушкинъ напечаталъ въ первой книжкѣ своего „Современника“ на 1836 годъ, и съ которой слѣдственно онъ былъ совершенно согласенъ. Вотъ что сказалъ Пушкинъ или его „Современникъ“: „Сѣверная Пчела“ заключала въ себѣ официальные извѣстія, и въ этомъ отношеніи выполняла свое дѣло. Она помѣщала извѣстія политическія, заграничныя и отечественныя новости. Редакторъ, Гречъ, довелъ ее до строгой исправности: она всегда выходила въ положенное время; но въ литературномъ смыслѣ она не имѣла никакого опредѣленнаго тона и не выказала никакой сильной руки, двигавшей ея мнѣнія. Она была какая-то корзина, въ которую сбрасывалъ всякій все, что ему

хотѣлось. Разборы книгъ, всегда почти благосклонные, писались пріятелями, а иногда самими авторами. Въ „Сѣверной Пчелѣ“ пробовали остроту пера разные незнакомые, скрывавшіеся подъ разными буквами, безъ сомнѣнія люди молодые, потому что въ статьяхъ выказывалось довольно удалства. Они нападали развѣ на самаго уже беззащитнаго и круглаго сироту. Насчетъ неопрятныхъ изданій являлись остроумныя колкости, нѣсколько похожія одна на другую. Сущность рецензій состояла въ томъ, чтобы расхвалить книгу и при концѣ сложить съ себя грѣхъ такой оговоркой: „впрочемъ желательнo, чтобы почтенный авторъ исправилъ небольшія погрѣшности относительно языка и слога“, или: „хорошая книга требуетъ хорошаго изданія“, и тому подобное, за что авторъ разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастіе рецензента. Книги часто были разбираемы тѣми же самыми рецензентами, которые писали извѣстія о новыхъ табачныхъ фабрикахъ, открывавшихся въ столицѣ, о помадѣ и пр. Впрочемъ отъ „Сѣверной Пчелы“ больше требовать было нечего: она была всегда исправная ежедневная афиша; ея дѣло было пригласить публику, а судить она предоставляла самой публикѣ“ (стр. — 202—204)... Для полноты вѣрной характеристики „Сѣверной Пчелы“ мы должны прибавить, что ея участіе въ литературѣ болѣе и болѣе принимаетъ характеръ статистическій, особенно въ концѣ стараго и началѣ новаго года: она судитъ исключительно только о числѣ подписчиковъ на журналы, о цѣнахъ журваловъ, о томъ, шибко ли идетъ книга, или залежалась... Что же касается до политическихъ извѣстій—эта самая неинтересная часть „Сѣверной Пчелы“, потому что политическія извѣстія всегда новѣе, свѣжѣе, полнѣе и интереснѣе въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Русскомъ Инвалидѣ“, которые постоянно днемъ или двумя днями раньше „Сѣверной Пчелы“ сообщаютъ политическія новости, такъ что „Сѣверной Пчелѣ“ остается лишь весьма легкій и пріятный трудъ—перепечатывать эти новости въ столбцы свои... Кстати: есть поводъ надѣяться, что въ нынѣшнемъ году „Русскій Инвалидъ“ значительно расширитъ свои предѣлы и дастъ обширное мѣсто статьямъ литературнымъ, фельетону, библиографіи;

самый формат его увеличится можетъ быть въ первую, можетъ-быть во вторую половину года.

„Литературная Газета“ была вѣрна своей литературной политикѣ: объ этомъ знаетъ „Сѣверная Пчела“, т. е. ея ученые издатели и добросовѣстные, даровитые сотрудники. Особенно замѣчательны были въ прошломъ году фельетонные разборы „Литературной Газеты“ оперъ „Аскольдовой Могилы“ и „Тоски по родинѣ“, нѣкоторыя рецензіи и другія газетныя статьи; съ нынѣшняго года „Литературная Газета“ значительно усилить свой интересъ для публики, болѣе держась чисто газетной сѣры; выходя же въ недѣлю только одинъ разъ, не листкомъ, а тетрадю, она, нисколько не теряя въ свѣжести извѣстій, пріобрѣтаетъ возможность представлять своимъ читателямъ довольно большія повѣсти, рассказы, даже водевили и небольшія драмы.

Теперь сдѣлаемъ краткое обозрѣніе всего, сколько-нибудь примѣчательнаго, что появилось въ продолженіе прошлаго года по части изящной литературы, какъ оригинальнаго, такъ и переводнаго, какъ отдѣльно изданнаго, такъ и помѣщеннаго въ періодическихъ изданіяхъ. Разумѣется, здѣсь первое мѣсто занимаютъ три тома посмертныхъ сочиненій Пушкина, между которыми много такихъ, которыя публика прочла въ первый разъ. Въ этихъ же трехъ томахъ помѣщено нѣсколько стихотвореній, пропущенныхъ въ первыхъ восьми томахъ и нѣсколько собранныхъ, по смерти Пушкина, журналами, преимущественно „Отечественными Записками“. Особенной благодарности издатели заслуживаютъ за помѣщеніе лицейскихъ стихотвореній Пушкина: это важный фактъ для русской литературы и исторіи развитія поэтической дѣятельности Пушкина. Иные говорятъ, что не должно было печатать того, чего не хотѣлъ печатать самъ Пушкинъ при жизни своей: — странное мнѣніе! Пушкинъ не могъ и не долженъ былъ печатать всего: не его дѣло было выставять себя гениемъ и великимъ человѣкомъ, котораго каждая строка интересна и важна для современниковъ и потомства; это было дѣло другихъ, когда смерть измѣнила отношенія поэта къ публикѣ и публики къ поэту, а это дѣло выполнили издатели его сочиненій. Небольшое число стихотвореній, не вошедшее въ послѣдніе три

тома, и семь пропущенныхъ прозаическихъ статей издатели хотятъ собрать въ особой книжкѣ и безденежно выдать купившимъ три послѣдніе тома сочиненій Пушкина.— Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ было напечатано девять стихотвореній Лермонтова: „Есть рѣчи“, „Завѣщаніе“, „Оправданіе“, „Родина“, „Послѣднее Новоселье“, „Кинжалъ“, „Плѣнный Рыцарь“, „Парусъ“ и „Желанье“; одно („Споръ“) помѣщено въ „Москвитянинѣ“, два — во второмъ томѣ „Русской Бесѣды“. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ напечатано нѣсколько пьесъ Кольцова, изъ которыхъ „Что ты спишь, мужичокъ“, „Разсчесть съ жизнью“, „Много есть у меня“ и въ особенности „Ночь“ принадлежать къ капитальнымъ произведеніямъ русской поэзіи. Какъ жаль, что стихотворенія Кольцова (разумѣется, строго избранныя) до сихъ поръ не изданы! Поэтическое дарованіе Кольцова признано всѣми безусловно; многіе изъ талантливыхъ нашихъ музыкантовъ кладутъ его пѣсни на музыку; и такъ, его читаютъ и поютъ, его хвалятъ, но немногіе знаютъ степень и важность его дарованія, какъ капитальнаго, а не временнаго, которое занимаетъ современность и умираетъ вмѣстѣ съ лицомъ... Кольцовъ принадлежитъ къ числу такихъ художниковъ, которые не могутъ претендовать на всеобъемлемость и многосторонность выражаемой ихъ творчествомъ жизни, но которые, избравъ себѣ одну сторону жизни, исчерпываютъ ее глубоко и мощно, какъ на примѣръ Орасъ Вернѣ въ изображеніи военныхъ сценъ. Если бы стихотворенія Кольцова были изданы—въ этомъ всѣ убѣдились бы и скоро, и единодушно. Теперь же нѣтъ общаго впечатлѣнія въ пользу его поэзіи, потому что какъ можно требовать, чтобъ каждый помнилъ, гдѣ и когда было помѣщено то или другое стихотвореніе?—Вѣроятно читатели „Отечественныхъ Записокъ“ обратили вниманіе на стихотворенія Огарева, отличающіяся особенной внутренней меланхолической музыкальностью; всѣ эти пьесы почерпнуты изъ столь глубокаго, хотя и тихаго чувства, что часто, не обнаруживая въ себѣ прямой и опредѣленной мысли, онѣ погружаютъ душу именно въ невыразимое ощущеніе того чувства, котораго сами онѣ только какъ бы невольные отзвуки, выброшенные переполнившимся волненіемъ. Прошлый годъ былъ ознамено-

ванъ появленіемъ новаго дарованія, подающаго въ будущемъ большія надежды: мы говоримъ о Майковѣ, котораго стихотворенія являлись, впрочемъ рѣдко означенныя полнымъ именемъ автора, въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Изъ напечатанныхъ въ этомъ журналѣ особенно замѣчательны: „Пустыиникъ“, „Сомнѣніе“ (№ 2); въ „Отечественныхъ Запискахъ“ — „Вакханка“ и „Искусство“ (№№ 10 и 11). Лучшія стихотворенія Майкова—въ антологическомъ родѣ. Въ нихъ столько эллинскаго и пластическаго въ содержаніи и формѣ, столько полноты и жизни, что нельзя въ авторѣ не признать положительно поэтическаго таланта. Конечно не всѣ его стихотворенія равнаго достоинства; есть между ними и не совсѣмъ удачныя, но зато иныя не оставляютъ ничего желать; лучшее изъ нихъ „Сонъ“, напечатанный въ „Одесскомъ Альманахѣ“ на 1840 годъ, и цитованное въ статьѣ „Отечественныхъ Записокъ“ о „Римскихъ Элегіяхъ“ Гёте. Стихотворенія Майкова не-антологическія большей частью отличаются прекрасными стихами и поэтическими частностями, но ихъ содержаніе почти всегда неопредѣленно и отзывается какой-юношеской незрѣлостью. Въ нынѣшнемъ году Майковъ издаетъ свои стихотворенія; мы поговоримъ о нихъ, когда они выйдутъ въ свѣтъ.—Въ прошломъ году вышла первая часть стихотвореній графини Растопчиной, уже извѣстныхъ публикѣ и оцѣненныхъ ею по достоинству. Стихотворенія Козлова напечатаны третьимъ изданіемъ. „Поэтическіе Опыты“ Елизаветы Кульманъ вышли вторымъ изданіемъ. Третье изданіе „Сказаній Русскаго Народа“ и первая часть русскихъ народныхъ сказокъ, изданныхъ Сахаровымъ, дополняютъ собой общій итогъ прошлогодней поэзіи. Изъ капитальныхъ произведеній русской поэзіи появились вторымъ изданіемъ: „Ревизоръ“ (съ новыми сценами и письмомъ автора о первомъ представленіи его комедіи) и „Герой Нашего Времени“. Новаго по части романа и драмы ничего не являлось. Впрочемъ къ романамъ сколько-нибудь замѣчательнымъ принадлежатъ: „Эвелина де-Вальероль“, помѣщенный въ девяти книжкахъ „Библіотеки для Чтенія“, да „Византійскія Легенды“ и вышедшій вторымъ изданіемъ „Аббалдонна“. „Эвелина де-Вальероль“ Кукольника читается легко и весело,

потому-что въ ней много внѣшняго интереса, бездна эффектовъ, толпа лицъ, изъ которыхъ лицо Гаръ-Мона даже похоже на характеръ. Героя въ романѣ нѣтъ ни одного, а героевъ много; виденъ умъ и изученіе, но мало фантазіи. Однимъ словомъ, „Эвелина де-Вальероль“ примѣчательный *tour de force* таланта, который не такъ слабъ, чтобъ ограничиваться бездѣлками, доставляющими фелъетонную извѣстность, и не такъ силенъ, чтобъ создать что-нибудь выходящее за черту посредственности. Сколько ни написалъ Кукольникъ драмъ, и русскихъ, и итальянскихъ, всѣ онѣ не что иное, какъ „этюды“, которые могутъ имѣть свои относительныя достоинства, но которые читать очень скучно. Повѣстями наша литература была гораздо богаче. Лучшая повѣсть прошлаго года безъ всякаго сомнѣнія — „Аптекарьша“, графа В. А. Соллогуба, напечатанная во второмъ томѣ „Русской Бесѣды“. И немудрено: графъ Соллогубъ — писатель съ замѣчательнымъ дарованіемъ, а „Аптекарьша“ рѣшительно выше всего, что онъ написалъ. Давно уже мы не читали по-русски ничего столь прекраснаго по глубоко гуманному содержанию, тонкому чувству такта, по мастерству формы, простирающемуся до какой-то художественной полноты. Это третье прекрасное произведеніе графа Соллогуба, послѣ „Исторіи двухъ калошъ“ и отрывка изъ „Тарантаса“, и мы видимъ особенное доказательство таланта автора въ большей зрѣлости его, которая такъ очевидна въ послѣднемъ его произведеніи. Содержаніе „Аптекарьши“ очень просто, такъ что для людей безъ эстетическаго чувства она можетъ показаться повѣстью, лишенной высокаго содержанія, простымъ рассказомъ о простомъ случаѣ; но въ этомъ-то все и достоинство ея. Прочитавъ повѣсть, вы чувствуете, что внутри ея совершалась трагедія, тогда какъ снаружи все было спокойно. Курляндскій юноша, баронъ Фиренгеймъ, — „природа котораго была благородная, часто возвышенная, но всегда нравственно-аристократическая“, какъ выражается авторъ, — живя въ Дерптѣ, на квартирѣ профессора, заинтересовался слегка его хорошенькой дочкой, которая съ своей стороны грубо полюбила его. Превосходно изображена авторомъ борьба въ душѣ барона между пріятнымъ впечатлѣніемъ которое произво-

дила на него милая дѣвушка, и оскорбительнымъ впечатлѣніемъ, которое производило на него проза окружающей ее дѣйствительности. Это понятно: розовое личико пятнадцати-лѣтней дѣвочки, съ большими темносиними глазами, длинными шелковистыми рѣсницами, дѣтской задумчивой головкой—не совсѣмъ вяжется съ кухонными хлопотами, сальными свѣчами и изношеннымъ салопомъ. Только навсегда уѣзжая изъ Дерпта, баронъ понялъ, какъ любила его бѣдная Шарлотта. Долго не видались они. Баронъ началъ хлопотать о служебной карьерѣ и, говоря словами самого автора, — „Аннѣ съ короной онъ кланялся съ развязной улыбкой, а Андрею Первозванному—съ чувствомъ глубокаго почтенія“... Потомъ онъ встрѣчаетъ ее въ дрянномъ уѣздномъ городишкѣ женой бѣднаго нѣмца-аптекаря, старается соблазнить ее; но ему не удается и, пристыженный благородствомъ аптекаря, безкорыстной любовью его и чистымъ уваженіемъ къ женѣ, уѣзжаетъ изъ городка. Приѣхавъ опять, черезъ годъ времени опять, въ городишко, онъ узнаетъ, что Шарлотта умерла отъ чахотки... Не знаемъ, долго ли онъ грустилъ, или скоро-ли опять утѣшился: знаемъ только, что повѣсть графа Соллогуба оставляетъ въ душѣ глубоко-грустное впечатлѣніе... О разсказѣ нечего и говорить: это само мастерство; характеры всѣ до одного прекрасно очерчены, вѣрно выдержаны. Герой—одно изъ тѣхъ типическихъ и часто встрѣчающихся лицъ, которымъ природа не отказала въ чувствѣ и способности понимать многое, но которыхъ она въ то же время надѣлила большимъ избыткомъ ничтожности и пустоты въ характерѣ. Отецъ Шарлотты—типъ нѣмецкаго гелерта, и какъ хорошъ онъ, когда выкатываетъ студенческой ватагѣ весь скудный свой погребъ и съ сверкающими отъ восторга глазами смотреть на ихъ ученый разгулъ, или когда онъ отъ души восхищается мастерской раной, отъ которой могъ умереть его любимецъ. Но въ повѣсти есть еще лицо, о которомъ мы не говорили: это уѣздный франтъ, въ венгеркѣ съ кистями,—лицо въ высшей степени типическое, мастерски очерченное...

Панаевъ напечаталъ въ прошломъ году двѣ повѣсти: „Онагръ“ („Отеч. Зап.“ № 5) и „Барыня“ (въ первомъ томѣ „Русской

Бесѣды“), принадлежащія къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ прошлогодней литературы. „Барыня“ особенно хороша: въ ней столько характеристическаго, вѣрнаго, ловко и цѣлко схваченнаго. Впрочемъ каждая новая повѣсть Панаева бываетъ лучше предшествовавшей, въ чемъ читатели наши особенно могутъ убѣдиться по „Актеону“. Это добрый знакъ: развитіе и движеніе впередъ есть несомнѣнное доказательство истиннаго дарованія...

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ обратили на себя вниманіе избраннѣйшей части публики двѣ повѣсти А. Н. (псевдонимъ): „Звѣзда“ (№ 3) и „Цвѣтокъ“ (№ 9). Онѣ отличаются особеннымъ, самостоятельнымъ характеромъ и обнаруживаютъ въ авторѣ даръ творчества, который при условіи развитія можетъ обѣщать много въ будущемъ. „Звѣзда“ особенно хороша по какому-то грустному и зловѣщему колориту, разлитому по фону картины. Къ особенностямъ обѣихъ повѣстей принадлежитъ какая-то вкрадчивая, увлекающая вниманіе читателя вѣрность въ малѣйшихъ подробностяхъ изображаемой дѣйствительности и необыкновенное умѣнье завязать цѣлую драму на самыхъ повидимому обыкновенныхъ, всеневныхъ случайностяхъ. Разсказъ столько же простой, сколько увлекающій и поэтической. А. Н. написалъ уже не одну прекрасную повѣсть; въ „Телескопѣ“ 1836 г. были напечатаны его „Катенька Пылаева“ и „Антонина“; въ Московскомъ Наблюдателѣ 1838 и 1839 гг. — „Однѣ сутки изъ жизни холостяка“ и „Флейта“; въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1840 г. — „Недоумѣніе“. Общій недостатокъ почти всѣхъ его повѣстей состоитъ въ томъ, что женскіе характеры изображаются въ нихъ типически, искусно, вѣрно, а мужскіе большей частью — блѣдно и безцвѣтно.

Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ была только одна оригинальная повѣсть, но зато прекрасная: мы говоримъ о „Теофаніи Аббіаджіо“ (№№ 1 и 2), г-жи Ганъ, обыкновенно подписывающейся Зенеидою Р-вою. Ганъ принадлежитъ къ примѣчательнѣйшимъ талантамъ современной литературы. Въ ея повѣстяхъ замѣтенъ недостатокъ такта дѣйствительности, умѣнья схватывать и изображать съ ощутительной точностью самыя обыкновенныя явленія ежедневности. Но этотъ недо-

статокъ вознаграждается внутреннимъ содержаніемъ, присутствіемъ живыхъ, общественныхъ интересовъ, идеальнымъ взглядомъ на достоинство жизни, человѣка и женщины въ особенности, полнотою чувства, электрически сообщающагося душѣ читателя. Поэтому часто въ повѣстяхъ Ганъ и внѣшнее содержаніе, завязка и развязка бываютъ несовѣмъ правдоподобны и естественны, какъ на примѣръ въ повѣсти „Идеаль“, гдѣ женщина, одаренная глубокимъ чувствомъ, увлекается поэтомъ, который оказывается негодяемъ, и потомъ удивляется, какъ можно быть такимъ „небеснымъ“ въ своихъ сочиненіяхъ и „земнымъ“ въ своей жизни: тутъ что-нибудь да не такъ—или героиня повѣсти не довольно имѣла эстетическаго такта, чтобъ не очароваться пустыми фразами, или поэтъ не былъ негодяй. Очевидно, что сюжетъ для Ганъ имѣетъ значеніе опернаго либретто, на которое она потомъ пишетъ музыку своихъ ощущеній и мыслей. И въ самомъ дѣлѣ, эти ощущенія у ней иногда возвышаются до напоса. „Теофанія Аббіаджіо“—лучшая изъ повѣстей Ганъ...

Кукольникъ въ прошломъ году написалъ много повѣстей, о которыхъ нельзя судить вѣрно, не раздѣливъ ихъ на три разряда: на повѣсти, содержаніе которыхъ взято изъ русской жизни временъ Петра Великаго;—на повѣсти, которыхъ содержаніе заимствовано изъ другихъ эпохъ русской жизни, и наконецъ, — на повѣсти, которыхъ содержаніемъ служить жизнь чуждыхъ намъ странъ, особенно Италіи. Первые всѣ очень интересны; вторые—посредственны; третьи—изъ рукъ вонъ плохи... И потому поговоримъ о первыхъ. Это собственно не повѣсти, а рассказы о старинѣ, въ основаніе которыхъ Кукольникъ всегда беретъ какой-нибудь извѣстный историческій анекдотъ. Но надо знать, что онъ умѣетъ сдѣлать изъ этого анекдота, съ какимъ искусствомъ онъ расскажетъ его, свяжетъ частный бытъ съ исторіей, а исторію—съ частнымъ бытомъ; сколько у него тутъ комическаго, а иногда и истинно высокаго, особенно въ тѣхъ сценахъ, гдѣ является у него Петръ Великій; сколько оригинальныхъ характеровъ и какая яркая картина борьбы нововведеній съ старинной дикостью нравовъ! Не думайте, чтобъ Кукольникъ дѣлалъ изъ приверженцевъ старины карикатуры и чудища: нѣтъ, это

иногда вѣрные слуги великаго царя, люди честные и благородные; но не думайте, чтобъ Кукольникъ изображалъ ихъ на манеръ героевъ нашихъ патріотическихъ драмъ, т. е. людьми, которые говорятъ нравственными сентенціями и дѣйствуютъ какъ машины: нѣтъ, это лица дѣйствительныя, исполненныя комизма и въ то же время трогаящія своимъ благородствомъ въ грубыхъ формахъ. Таковъ напримѣръ Иванъ Михайловичъ, олонекій прокуроръ... Жаль, что Кукольникъ не издастъ своихъ рассказовъ отдѣльно: ихъ не мало, и книжка вышла бы преинтересная. Вотъ перечень этихъ рассказовъ: „Новый Годъ“ и „Авдотья Петровна Лихончиха“, „Прокуроръ“, „Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ“, „Иванъ Ивановичъ“—лучшая въ этомъ родѣ повѣсть Кукольника, занимающая собой первый выпускъ „Сказки за сказкою“. Кстати замѣтимъ, что и „Капустинъ“, помѣщенный въ „Утренней Зарѣ“ на нынѣшній годъ, принадлежитъ къ числу такихъ же рассказовъ Кукольника.

Но мы заговорились,—и потому спѣшимъ въ общемъ перечнѣ поименовать другія, заслуживающія большаго или меньшаго вниманія, повѣсти, разсѣяныя въ періодическихъ изданіяхъ. „Еще изъ записокъ одного молодого человѣка“ Искандера („Отеч. Зап.“ № 8); первый отрывокъ изъ этихъ записокъ, полныхъ ума, чувства, оригинальности и остроумія и заинтересовавшихъ общее вниманіе, былъ помѣщенъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1840 года (№ 12); о второмъ можно сказать, что онъ еще лучше перваго; „Куликъ“, повѣсть Гребенки, въ „Утренней Зарѣ“ на 1841 г. и его же „Записки Студента“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (№ 2); „Южный Берегъ Финляндіи“ повѣсть князя Одоевскаго, въ „Утренней Зарѣ“; „Левъ“, рассказъ графа Соллогуба, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (№ 4); „Институтка“, романъ въ письмахъ, С. А. Закревской—новой талантливой писательницы, вышедшей на литературное поприще („Отеч. Зап.“ № 12); „Мичманъ Поцѣлуевъ“ В. И. Даля, во второмъ томѣ „Русской Бесѣды“. — Баронъ Брамбеусъ въ послѣдней книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ вдругъ разразился, послѣ долгаго молчанія, началомъ большой повѣсти „Идеальная Красавица, или Дѣва Чудная“. Въ этомъ началѣ нѣтъ

никакого содержанія, а есть одни разсужденія о томъ, о семь, а чаще ни о чемъ,—разсужденія, мѣстами умныя, но большей частью скучныя, прескучныя...

Отдѣльно вышли уже извѣстныя публикѣ повѣсти графа Соллогуба, подъ названіемъ „На Сонъ Грядущій“,—заглавіе, совершенно несоотвѣтствующее эффекту интереснаго сборника...

Теперь—о переводахъ. Можно сказать утвердительно, что у насъ въ настоящее время больше всего переводятъ Шекспира, хоть и нельзя сказать, чтобъ его больше всего читали. Здѣсь первое мѣсто должно занимать смѣлое и благородное предпріятіе Кетчера—перевести прозой всего Шекспира. Кетчеръ напечаталъ пять пьесъ, другія послѣдуютъ безостановочно. Журналы уже отдали полную справедливость важности предпріятія Кетчера и достоинству его перевода; а возможность продолжать предпріятіе доказываетъ, что на Руси есть люди, которые читаютъ не однѣ сказки и умѣютъ понимать не однѣ „репертуарныя“ пьесы... Въ 7 № „Отечественныхъ Записокъ“ помѣщенъ превосходный переводъ „Двѣнадцатой ночи“ Кронеберга; въ „Пантеонѣ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ Театровъ“—замѣчательный по своему поэтическому достоинству переводъ Каткова „Ромео и Юліи“; въ „Библіотекѣ для Чтенія“ — „Сонъ въ Ивановскую Ночь“, какъ-то странно переведенный; въ „Репертуарѣ Русскаго Театра“—„Коріоланъ“—въ четырехъ (?) дѣйствіяхъ, прозой (№ 4), и „Отелло“, переведенный весьма посредственно и вяло, стихами (№ 9). Лучшіе переводные романы тоже въ журналахъ: „Витторія Аккоромбона“ Лудвига Тика, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (№№ 3 и 4); экстрактъ изъ того же романа въ „Библіотекѣ для Чтенія“ (№ 5); „Оливеръ Твистъ“, романъ Диккенса, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (№№ 9 и 10); „Олленъ Камеронъ“, въ „Библіотекѣ для Чтенія“ (№№ 8, 9 и 10). Этотъ романъ приписывается Вальтеръ-Скотту. Герой его—Карль II, представленный здѣсь совершенно наоборотъ тому, какъ представленъ онъ въ романѣ Вальтеръ-Скотта „Вудстокъ“. Впрочемъ романъ, чей бы онъ ни былъ, читается легко и съ удовольствіемъ. Отдѣльно вышедшіе переводы: напечатанный въ „Отечественныхъ За-

пискахъ“ 1840 года переводъ превосходнаго романа Купера „Путеводитель въ Пустынѣ или Озеро-Море“; прекрасный переводъ съ подлинника, стихами, поэмы Тегнера „Фритіофъ“ Грота, это былъ истинный подарокъ русской литературѣ; переводъ „Клавиго“ драмы Гёте, Струговщикова.

Вотъ вся наша изящная и беллетристическая литература: мы не пропустили ничего сколько-нибудь примѣчательнаго, и забыли только о вещахъ, которыя не стоить того, чтобъ ихъ помнить... Самое утѣшительное и отрадное явленіе послѣдняго времени есть безъ сомнѣнія движеніе въ ученой и учебной литературѣ Россіи. Вотъ перечень всего примѣчательнаго по этой части. „Описаніе Финляндской войны 1808 и 1809 годовъ“ Михайловскаго-Данилевскаго; „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, современное сочиненіе Григорія Котошихина; „Энциклопедія Законовѣдѣнія“ профессора Неволіна; „Основанія Уголовнаго Судопроизводства“ профессора Баршева; „Уральскій хребетъ въ физическо-географическомъ, геогностическомъ и минералогическомъ отношеніяхъ“ профессора Щуровскаго; „Китай, его жители, нравы и проч.“ отца Іакинфа; „Картинная Галлерей“, изданная А. Плюшаромъ; „Путешествіе по Сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому Морю“ и прибавленіе къ этому путешествію фонъ-Врангеля; „О большихъ военныхъ дѣйствіяхъ“ генерала Окунева; „Лекціи статистики“ Рославскаго; „Исторія смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка“ (вторая часть) Бутурлина; „Руководство къ Познанію Средней Исторіи“ Смарагдова; „Древняя Исторія“ профессора Лоренца; первый томъ ученаго альманаха „Юридическія Записки“, издаваемого профессоромъ Рѣдкинымъ.

Всѣхъ книгъ на русскомъ языкѣ, кромѣ періодическихъ изданій, брошюръ и отдѣльно отпечатанныхъ журнальных статей, вышло въ прошломъ году около четырехъ сотъ; изъ нихъ по части изящной литературы, оригинальныхъ и переводныхъ, новыхъ и вновь изданныхъ выше насчитали мы всего шестнадцать; все остальное въ журналахъ; — ученыхъ сочиненій тоже шестнадцать; итого всего тридцать двѣ... Что же такое остальные 368 книгъ? — „Цынь-Кіу-Тонгъ“, романъ Зотова; „Деньги“, комическая поэма; „Разгулье купеческихъ

сынковъ“; „Мечтатель“, романъ Воскресенскаго; „Веселый порошокъ“, Васильева; „Дочь разбойника“; „Сорокъ лѣтъ пьяной жизни“; „Жизнь Вильяма Шекспира“, соч. Славина; „Козель бунтовщикъ“; „Гулянье подъ Новинскимъ“ и проч., и проч. Право, тутъ спросишь невольно: „Да гдѣ-жъ онѣ?—Давайте ихъ!...“

Повѣрьте мнѣ: судьбою несть
Даны намъ тяжкія вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги,
И все, зачѣмъ?—чтобъ вамъ сказать,
Что ихъ не надобно читать!...

Однако-жъ есть и своя утѣшительная сторона въ прозаическомъ и повѣствовательномъ направленіи нашей литературы: значитъ, оно сближается съ обществомъ, съ дѣйствительностью, хочетъ быть сознаніемъ общества, его выраженіемъ. Замѣьте, что теперь безъ хорошихъ оригинальныхъ повѣстей журналъ погибъ въ понятіи публики, которая хочетъ видѣть себя, свою дѣйствительность въ литературѣ, и потому холоднѣе принимаетъ произведенія, въ которыхъ изображается чуждый ей міръ. Стихотворенія теперь читаются меньше, и потому общее вниманіе могутъ обращать на себя только замѣчательные таланты: это тоже добрый знакъ! Вообще много хорошихъ элементовъ, много добрыхъ признаковъ; только все это какъ-то нерѣшительно, безцвѣтно, въ какомъ-то хаосѣ. На аренѣ литературы еще слышны старые голоса, поющіе старыя пѣсни и имѣющіе своихъ слушателей: вмѣстѣ съ новыми голосами они образуютъ довольно нескладный и дикій концертъ. Особенно любопытное зрѣлище представляетъ наша ученая литература: съ одной стороны, нѣкоторые журналы вопіютъ противъ просвѣщенія и Европы, съ другою выходятъ книги Неволіна, Баршева, Рѣдкина, Лоренца...

Мы видимъ, что русская земля богата талантами: какова бы ни была наша литература, но она—огромное вліяніе для какихъ-нибудь ста лѣтъ; въ ней есть имена, озаренныя ореоломъ генія, въ ней есть яркіе таланты; но первыя не стали вровень съ самими собой, а вторые часто, обнаруживъ много

силъ, мало сдѣлали. Съ другой стороны въ публикѣ, безъ которой никогда не можетъ быть истинной, дѣйствительной литературы, — въ публикѣ господствуетъ хаосъ мнѣній, пестрота вкуса, способность обольщаться возгласами спекулянтовъ и ничтожными явленіями. Какая всему этому причина? — Отвѣчать не трудно: съ одной стороны недостатокъ внутреннихъ интересовъ въ обществѣ, съ другой — недостатокъ солиднаго, прочнаго, основаннаго на наукѣ образованія. Посмотрите, что иногда проповѣдуютъ наши журналы: если повѣрить имъ, то нужно только выучиться грамотѣ, чтобъ все понимать и обо всемъ судить, особенно о поэзіи. Удивительно ли послѣ этого, что у насъ всякій судить легко и важно о Шекспирѣ, котораго онъ не читалъ даже въ переводахъ, а видѣлъ только на русской сценѣ, — о Байронѣ, Гёте, Шиллерѣ, даже Гомерѣ. У насъ какъ будто никто и не понимаетъ, что безъ ученія глубокаго и напряженнаго, безъ наукообразнаго развитія эстетическаго чувства нельзя понимать поэзіи; что непосредственное чувство безъ размышленія и вниканія ни къ чему не ведетъ, кромѣ личныхъ предубѣжденій въ пользу или не въ пользу того или другого поэта, того или другого поэтическаго произведенія. Какъ у насъ читаютъ? Взялъ драму Шекспира — прочелъ, зѣвая, десятокъ страницъ, — не нравится, и бросилъ; но это бы еще ничего, а худо то, что вотъ уже готово и мнѣніе вродѣ слѣдующаго: „эта драма плоха, слѣдственно о Шекспирѣ у насъ только кричатъ, а толку-то въ немъ мало“. Конечно нѣтъ ничего легче и даже пріятнѣе, какъ оправдать свою ограниченность, невѣжество и необразованность тѣмъ, что Шекспиръ никуда не годится... У насъ хотятъ читать только глазами, а не умомъ; чтеніе, требующее усилія мыслительной способности, почитается пустымъ, гублящимъ золотое время, занятіемъ. У насъ играютъ въ поэзію, въ литературу и науку, какъ въ мячикъ. У насъ думаютъ, что и философія можетъ быть такимъ же легкимъ и пріятнымъ препровожденіемъ времени, какъ чтеніе газетнаго фельетона: прочелъ и понялъ все, а не понялъ — темно и глупо написано... Богъ судья людямъ, разсѣвающимъ въ обществѣ такіа невѣжественныя понятія!.. Посмотрите, что и какъ у насъ

пишутъ о Гегелѣ люди, неимѣющіе о немъ никакого понятія... Переведутъ глупую, невѣжественную статью какого нибудь презираемаго въ Германіи за свое невѣжество и недобросовѣстность мистика и рѣшатъ, что Гегель — чудовище! А добродушная безграмотность, видя въ восхищеніи, что ей тутъ все по плечу, все понятно, восклицаетъ: „вонъ каковъ этотъ Гегель, а у насъ его прославляютъ!...“ Причитавшіеся къ такимъ мнѣніямъ, прислушавшіеся къ такимъ толкамъ, всякій порядочный человѣкъ позволяетъ себѣ не знать, что пишется въ нашихъ журналахъ и книгахъ, — что дѣлается въ нашей литературѣ...

Вся надежда на будущее. Наука у насъ видимо принимается; публичное образованіе развивается на твердыхъ началахъ, и незамѣтно, невидимо подрастаетъ новая публика, съ просвѣщеннымъ мнѣніемъ, съ образованнымъ вкусомъ, съ разумными требованіями. Что-то тогда будутъ дѣлать многіе наши „заслуженные и опытные литераторы“, когда эта вдругъ выросшая публика скажетъ имъ: „подите прочь съ своими смѣшными притязаніями; я не знаю васъ!“ — „Да мы написали... мы издали... наши сочиненія разошлись... наши книги шли бойко“... — „Да гдѣ-жъ онѣ? — Давайте ихъ!“...

СТИХОТВОРЕНІЯ АПОЛЛОНА МАЙКОВА.

Санктпетербургъ, 1841 г.

Даровита земля русская: почва ея не оскудѣваетъ талантами... Лишь только ожесточенное тяжкими утратами или оскорбленное несбывшимися надеждами сердце ваше готово увлечься порывомъ отчаянія, — какъ вдругъ новое явленіе привлекаетъ къ себѣ ваше вниманіе, возбуждаетъ въ васъ робкую и трепетную надежду... Замѣнить-ли оно то, утрата чего была для васъ утратой какъ-будто части вашего бытія, вашего сердца, вашего счастья — это другой вопросъ, и только будущее можетъ рѣшить его: настоящее можетъ лишь гадать

о томъ на основаніи уже даннаго факта. И такой именно фактъ дастъ намъ изящно напечатанная книга, заглавіе которой стоитъ въ началѣ этой статьи. Отстраняя всѣ гаданія, которыя могутъ быть произвольны или односторонни, и предоставляя времени рѣшеніе вопроса о степени поэтическаго таланта Майкова, — мы скажемъ пока только, что многія изъ его стихотвореній обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣчательное и нѣчто общающее въ будущемъ. Говоря такъ, мы думаемъ, что много сказали въ пользу молодого поэта: можно быть человѣкомъ съ дарованіемъ и не общать развитія; только сильныя дарованія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ даютъ залогъ будущаго развитія... Явленіе подобнаго таланта особенно отрадно теперь, въ эту печальную эпоху литературы, осиротѣлой и покрытой трауромъ, — теперь, когда лишь изрѣдка слышится свѣжій голосъ искренняго чувства, болѣе или менѣе звучный отголосокъ внутренней думы; — теперь, когда въ опустѣвшемъ храмѣ искусства, вмѣсто важныхъ и торжественныхъ жертвоприношеній жрецовъ, видны однѣ гримасы штукмейстеровъ, потѣшающихъ тупую чернь; вмѣсто гимновъ и молитвъ, слышны или непристойные вопли самолюбивой посредственности, или неприличныя клятвы торгашей и спекулянтовъ.

Наша литература, не смотря на свою молодость и незрѣлость, уже свершила нѣсколько фазисовъ развитія, уже дала не одинъ фактъ для опытности ума мыслящаго и наблюдательнаго. Изъ числа ея великихъ дѣйствователей нѣтъ почти ни одного, свободно и до конца развившаго свои творческія силы... Но сколько было у насъ талантовъ, такъ много общавшихъ, и такъ мало выполнившихъ, такъ великими казавшихся еще недавно, и такъ незначительныхъ теперь!... И все то благо, все добро! Благодаря этому обстоятельству, теперь только развѣ низшіе слои публики, полуграмотная чернь, можетъ принимать за поэзію дикія, изысканныя и вычурныя фразы и приходитъ въ неистовый восторгъ отъ тривіальнаго сравненія голубыхъ глазъ съ небомъ, а черныхъ — съ адомъ... Точно также теперь только развѣ необразованная, невоспитанная посредственность рѣшится „призывать вдохновеніе на высь чела, вѣнчаннаго звѣздой“; выдумать

„грудь, которая высоко взметалась безпредметной любовью“, или отпускать другія подобныя стихотворныя вычуры. А прежде—и еще очень недавно, все это могло и даже должно было нравиться всѣмъ, за исключеніемъ только немногихъ избранныхъ поклонниковъ искусства. Честь и слава Марлинскому, Языкову, Хомякову, Шевыреву и Бенедиктову! Они навсегда обратили русскую литературу къ благородной простотѣ и навсегда избавили нашу публику отъ наклонности къ изысканной дичи въ мысляхъ и выраженіи! Ихъ образъ дѣйствованія и усилія для этой цѣли были совершенно обратные и отрицательные; но зато результаты вышли теперь и прямые, и положительные. Въ этомъ случаѣ намъ мало нужды даже до намѣреній и мотивовъ; результатъ все выкупаетъ, хотя бы онъ былъ и совершенно неожиданъ для самихъ дѣйствователей... Здѣсь нельзя не упомянуть съ благодарностью имени Полевого, который стремился къ той же цѣли, и притомъ еще двумя совершенно различными путями: бессознательно—философско-историческими статьями, критиками и повѣстями; и сознательно—превосходными пародіями на стихи нѣкоторыхъ дикихъ поэтовъ, которыя помѣщаль онъ въ своемъ „Новомъ Живописцѣ Общества и Литературы“,—этомъ лучшимъ произведеніи всей его литературной дѣятельности... Да, заслуги этихъ людей, вольныя и невольныя, сознательныя и бессознательныя, поставили, такъ сказать, на ноги нашу юную литературу и нашъ младенчествующій вкусъ. Это произвело важныя и благодѣтельныя слѣдствія. Маленькое дарованіе теперь не попадетъ въ геніи. Посредственность и бездарность можетъ теперь сколько ей угодно пѣть стихами и скрипѣть прозой, не подвергаясь опасности быть замѣченной со стороны публики: она теперь обращаетъ на себя вниманіе только журналовъ, и только въ тѣхъ, которые сродни ей, встрѣчаетъ себѣ похвалы. Чѣмъ труднѣе теперь обратить на себя общее вниманіе, тѣмъ легче истинному таланту быть тотчасъ же замѣченнымъ. Въ прозѣ еще до сихъ поръ и маленькое дарованіе можетъ быть замѣчено; но стихами, которые не то, чтобы худы, да и не то, чтобы очень хороши, ужъ невозможно пріобрѣсти ни малѣйшей извѣстности. Время римованныхъ побрякушекъ прошло невозвратно; ощущеньица

и чувствованія ставятся ни во что: на мѣсто того или другого требуются глубокія чувства и идеи, выраженные въ художественной формѣ, съ приемами или безъ приемъ—все равно. Для успѣха въ поэзіи теперь мало одного таланта — нужно еще и развитіе въ духѣ времени. Поэтъ уже не можетъ жить въ мечтательномъ мірѣ: онъ уже гражданинъ царства современной ему дѣйствительности; все прошедшее должно жить въ немъ. Общество хочетъ въ немъ видѣть уже не потѣшника, но представителя своей духовной жизни; — оракула, дающаго отвѣты на самые мудреные вопросы; — врача, въ самомъ себѣ, прежде другихъ, открывающаго общія боли и скорби и поэтическимъ воспроизведеніемъ исцѣляющаго ихъ...

Если такой взглядъ на важность поэзіи, высокое значеніе поэта не помѣшалъ намъ посвятить цѣлую критическую статью разбора первыхъ опытовъ Майкова, — значитъ, мы много видимъ въ дарованіи новаго поэта. Но это обстоятельство и требуетъ отъ насъ возможно-критической строгости, которую молодой поэтъ долженъ принять только за доказательство нашего уваженія къ его таланту.

Стихотворенія Майкова хоть и расположены безъ всякой системы, безъ всякаго раздѣленія, тѣмъ не менѣе они сами собой раздѣляются, въ глазахъ читателя, на два разряда, неимѣющіе между собой ничего общаго, кромѣ развѣ хорошаго стиха, почти вездѣ составляющаго неотъемлемую принадлежность музы молодого поэта. Къ первому разряду должно отнести стихотворенія въ древнемъ духѣ и антологическомъ родѣ. Это перлъ поэзіи Майкова, торжество таланта его, поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе. Второй разрядъ составляютъ стихотворенія, въ которыхъ авторъ думаетъ быть современнымъ поэтомъ, и которыхъ лучшая сторона — хорошій стихъ. Но объ этомъ послѣ; сперва поговоримъ о стихотвореніяхъ перваго разряда.

Читателямъ „Отечественныхъ Записокъ“ должно быть извѣстно наше понятіе о сущности и важности такъ называемой антологической поэзіи, и потому мы, не желая повторять себя, будемъ говорить только о поэзіи Майкова; тѣхъ же изъ читателей, которые не знаютъ нашего понятія объ антологической поэзіи, попросимъ заглянуть въ статью о „Рим-

скихъ Элегіяхъ“ Гёте. Теорія антологической поэзіи имѣетъ такое близкое отношеніе къ нѣкоторымъ изъ стихотвореній Майкова, что мы въ помянутой статьѣ выписали, какъ превосходнѣйшій образецъ въ антологическомъ родѣ, его дивно-поэтическую, роскошно-художественную пьесу „Сонъ“ (Когда ложится тѣнь прозрачными клубами), не зная, кому она принадлежитъ, и написалъ ли авторъ ея еще что-нибудь. Эта пьеса была напечатана первоначально въ „Одесскомъ Альманахѣ“ на 1840 годъ,—и мы, при разборѣ этого „Альманаха“, еще задолго до статьи о „Римскихъ Элегіяхъ“, выписали въ нашемъ журналѣ это стихотвореніе, скромно подписанное буквой М. И безъ подписи знаменитаго или по крайней мѣрѣ знакомаго имени оно поразило насъ до того, что мы перенесли его на страницы своего журнала при громкой похвалѣ, и потомъ, съ неослабѣвшимъ энтузіазмомъ, припомнили его черезъ четырнадцать мѣсяцевъ.

Это именно одно изъ тѣхъ произведеній искусства, которыхъ кроткая, цѣломудренная, замкнутая въ самой себѣ красота совершенно нѣма и незамѣтна для толпы, и тѣмъ болѣе краснорѣчива, ярко блистательна для посвященныхъ въ таинства изящнаго творчества. Какая мягкая, нѣжная кисть, какой виртуозный рѣзецъ, обличающіе руку твердую и испушенную въ художествѣ! Какое поэтическое содержаніе и какіе пластическіе, благоуханные, граціозные образы! Одного такого стихотворенія вполне достаточно, чтобъ признать въ авторѣ замѣчательное, выходящее за черту обыкновенности, дарованіе. У самого Пушкина это стихотвореніе было бы изъ лучшихъ его антологическихъ пьесъ. Въ немъ искусство является истиннымъ искусствомъ, гдѣ пластическая форма прозрачно дышетъ живой идеей.

Чтобъ опредѣлить значеніе и достоинство антологической поэзіи Майкова, мы должны указать на ея мотивы, найти въ ней художническое profession de foi автора. Въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ мы находимъ все это, ясно и ярко выраженное.

Сомнѣніе.

Пусть говорятъ—поэзія мечта,
Горячки сердца бредъ ничтожный,

Что міръ ся есть міръ пустой и ложный,
 И блѣдный вымысль—красота;
 Пусть нѣтъ для мореходовъ дальнихъ
 Сиренъ опасныхъ, нѣтъ дріадъ
 Въ лѣсахъ густыхъ, въ ручьяхъ кристальныхъ
 Золотовласыхъ нѣтъ наядъ;
 Пусть Зевсъ изъ длани не низводитъ
 Разящей молніи потокъ,
 И на ночь Геліосъ не сходитъ
 Къ Ѳетидѣ въ пурпурный чертогъ:
 Пусть такъ! но въ полдень листьевъ шонотъ
 Такъ полонъ тайны; шумъ ручья
 Такъ сладкозвученъ; моря ропотъ
 Глубокомысленъ; солнце дня
 Съ такой любовью приѣмлетъ
 Пучина моря; лунный ликъ
 Такъ сокровенъ,—что сердце внемлетъ
 Во всемъ таинственный языкъ;
 И ты невольно симъ явленьямъ
 Даруешь жизни красоты,
 И этимъ милымъ возбужденьямъ
 И вѣришь, и не вѣришь ты!

Остановимся на этомъ стихотвореніи и взглянемъ на него прежде, чѣмъ перейдемъ къ другимъ. По содержанію—это превосходная пьеса; но форма не вездѣ соотвѣтствуетъ своему содержанію, и изъ-за поэтическаго, полного жизни и опредѣленности языка мѣстами слышится несвязный лепетъ неповинующійся слову мысли... Стихъ: „Что міръ ся есть міръ пустой и ложный“ — прозаиченъ; и „блѣдный вымысль—красота“ — неопредѣленъ и блѣденъ; выраженіе о Зевсѣ, „низводящимъ изъ длани потокъ разящей молніи“ не вѣрно и въ отношеніи къ языку, и въ отношеніи къ поэзіи; „Лунный ликъ такъ сокровенъ“ ничего не говоритъ ни уму, ни фантазіи читателя, по причинѣ неточности эпитета; „И ты невольно симъ явленьямъ даруешь жизни красоты“ — выражено слабо и неопредѣленно. Послѣдніе два стиха въ пьесѣ прекрасны, но не вполне удовлетворительны по мысли: въ нихъ слишкомъ много сдѣлано уступки, вмѣсто которой читатель самой пьесой настроенъ ожидать, что поэтъ опредѣлитъ и объяснить, почему неодушевленные явленія природы производятъ на него впечатлѣнія живыхъ индивидуальныхъ существъ, и въ яркомъ образѣ, замыкающемъ стихотвореніе, примирить

чисто поэтическое созерцаніе древнихъ съ нашимъ, на опытѣ и наукѣ основаннымъ, и все-таки поэтическимъ созерцаніемъ природы. Но тогда бы эта пьеска была превосходнымъ произведеніемъ искусства: такъ много въ ней взмаху и отважнаго намѣренія, такъ много высказано стихами, которые мы оставили безъ замѣчаній. Но все это мы говоримъ мимоходомъ; главное въ этомъ стихотвореніи для насъ, по намѣренію нашей статьи, есть то, что исходный пунктъ поэзіи Майкова—природа съ ея живыми впечатлѣніями, такъ сильными, таинственными и обаятельными для юной души, еще неизвѣдавшей другой сферы жизни...

О К Т А В А.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У берега сонныхъ водъ, одинъ бродя случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

И с к у с с т в о.

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у побережья шумнаго моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ ихъ,—
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно Зефиръ, зарывъ его воды,
Трости кснется и звукомъ наполнить поморье.

Этихъ двухъ стихотвореній уже никакъ нельзя сравнить съ первымъ; все недосказанное или неопредѣленно высказанное въ немъ явилось въ нихъ такъ полно, такъ опредѣленно; прекрасное содержаніе выразилось въ нихъ въ прекрасныхъ формахъ, отличающихся виртуозностью отдѣлки. Что же до содержанія—оно здѣсь представляетъ собой основное положеніе, основное начало эстетики автора, что природа есть наставница и вдохновительница поэта; что у ней онъ прежде

всего началъ брать уроки въ искусствѣ слагать сладкія пѣсни; что есть соотношеніе, есть родственность между звучащей октавой, гармоническимъ гекзаметромъ — и шептаньемъ тростниковъ, говоромъ дубравъ... Глубоко-жизненное, поэтически-вѣрное начало! Поэзія принадлежитъ къ числу такихъ предметовъ, уразумѣніе которыхъ должно начинаться съ ощущенія, а не съ рефлексіи: послѣдняя должна быть результатомъ перваго, при нормальномъ развитіи. Симпатія къ природѣ есть первый моментъ духа, начинающаго развиваться. Каждый человѣкъ начинаетъ съ того, что непосредственно поражаетъ его умъ формой, краской, звукомъ; а природа полна формъ, красокъ и звуковъ. Поэтъ—существо, которое наиболѣе испытываетъ на себѣ непосредственное вліяніе явленій природы: онъ по преимуществу ея сынъ, ея любимецъ, наперсникъ тайнъ ея. Говоря объ этомъ, нельзя не вспомнить чудныхъ стиховъ Пушкина:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтушій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ;
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивныя шепталъ,
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава:
Въ ней грезы чудныя рождались;
Въ размѣры стройныя стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риемой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихоръ буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчки тихоструйной.

Да, естественно, что поэтъ видитъ поэзію прежде всего въ природѣ, и что природа прежде всего пробуждаетъ поэтическія силы въ юномъ талантѣ. Въ этомъ отношеніи пьесы Майкова „Октава„ и „Искусство“ составляютъ главу эстетики,—и эстетикъ не усомнится перенести ихъ въ свою книгу, для яснѣйшаго подтвержденія доказательства своихъ по-

нѣтъ объ искусствѣ, если только его понятія объ этомъ предметѣ вѣрны. Но природа бываетъ колыбелью поэзіи не только для отдѣльныхъ лицъ: въ лицѣ древнихъ эллиновъ природа была паэсомъ поэзіи цѣлаго человѣчества. И въ этомъ отношеніи муза Майкова родственна, по своему происхожденію, древле-эллинской музѣ: подобно этой музѣ, она изъ природы почерпаетъ свои кроткія, тихія, дѣвственныя и глубокія вдохновенія; подобно ей, въ движеніяхъ и чувствахъ еще младенчески ясной души, еще въ лонѣ природы непосредственно ощущающаго себя сердца, находитъ она неисчерпаемое содержаніе для своихъ благоуханно гармоническихъ и безыскусственно изящныхъ пѣсень. Разумѣется, эта родственность могла бы остаться только въ возможности, еслибъ знакомство съ древними классическими языками не пробудило ее: обстоятельство, много обѣщающее въ будущемъ для развитія прекраснаго дарованія молодого поэта! Еще въ той порѣ возраста, съ которой самъ Пушкинъ только что началъ писать не-лицейскія стихотворенія, и въ которую жизнь едва-ли еще можетъ дать содержаніе какому угодно таланту,—Майковъ изученіемъ изящной древле-классической поэзіи завоевалъ плодоносную почву для своихъ вдохновеній. И зато—посмотрите, сколько эллинскаго и антологическаго въ его стихотвореніяхъ: любое изъ нихъ можно принять за превосходный переводъ съ греческаго; любое изъ нихъ можно перевести съ русскаго на чужой языкъ, какъ греческое, и только бы переводъ былъ изященъ и художественъ, никто не будетъ спорить о греческомъ происхожденіи пьесы... Эллинское созерцаніе составляетъ основной элементъ таланта Майкова: онъ смотритъ на жизнь глазами грека, и — какъ мы увидимъ ниже — иначе и не умѣетъ еще смотрѣть на нее. Если взять въ расчетъ его молодость (а ея въ этомъ случаѣ нельзя не брать въ расчетъ), то мы увидимъ въ этомъ начало съ самаго начала, а не съ середины или конца, увидимъ нормальное, художественное развитіе.

На мысѣ семь дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Менискъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его взлелѣяло море,

Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣистой ивой
Могилу ему ископалъ и, накрывъ ея камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ—
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

Вчитайтесь въ эту пьесу, вчитайтесь въ ея простой, по-
видимому чуждый всякаго убранства, всякой красоты и вся-
каго содержанія языкъ,—вы ощутите душой и безконечную
красоту, и глубокое содержаніе. Кажется тутъ нѣтъ ни на-
чала, ни конца, ни цѣлаго, нѣтъ ни намѣренія, ни цѣли,
ни мысли; но оставьте пьесу и вникните, вдумайтесь въ соб-
ственное ощущеніе, возбужденное въ васъ ею, и вы въ этомъ
ощущеніи уловите цѣлое и уразумѣете намѣреніе, цѣль и
мысль... Если же духу вашему и не чуждо древнее міросо-
зерцаніе,—вы не можете не признать, что или это стихотво-
реніе переведено съ греческаго, или что и человѣкъ нашего
времени въ эллинской эпохѣ своей жизни можетъ становиться
грекомъ, такъ что самый взыскательный аѳинянинъ, совре-
менникъ Алкивіада, не назвалъ бы его объэллинившимся
варваромъ, а призналъ бы своимъ соотечественникомъ, ко-
реннымъ жителемъ Аттики и гражданиномъ города Паллады...
Но муза Майкова не всегда бываетъ тиха и кротка, какъ
въ этой скромной идилліи: нерѣдко блистаетъ и жжетъ она
упоительной роскошью красокъ и образовъ, не переставая
ни на минуту быть спокойной, самообладающей и цѣломуд-
ренной, въ качествѣ благородной эллинской музыки, какъ въ
„Вакханкѣ“. Въ примѣръ такихъ стихотвореній можно при-
нести и —

Доридѣ.

Дорида милая! къ чему уборъ блестящій,
Гирлянды свѣжія, алмазъ, огнемъ горящій,
И ткани пышныя, и поясъ золотой,
Упругій твой корсетъ, сжимающій собой
Такъ жадно, пламенно твои красы младыя,
Твой стройный, гибкій станъ и перси наливныя?...
Нѣтъ, милая! оставь, оставь уловку ты
Насъ разомъ поражать и блескомъ красоты,
И блескомъ пышныхъ ризъ. Явгсь мнѣ не богиней:
Благоговѣніе такъ хладно предъ святыней!

Я не его ищу. Явися дѣвой мнѣ,
 Земною дѣвою. Со мной наединѣ
 Ты косу отрѣши изъ-подъ кольца златого.
 Сорви съ своей груди рукой своей перловой
 Ты розу блѣдную, желанный дай просторъ
 Горящимъ персямъ. Пусть непринужденный взоръ
 Забудетъ всѣ любви приманки!... Другъ мой нѣжный!
 Пусть сердце юное волнуется мятежно,
 Пусть спадаетъ во прахъ и злато, и жемчугъ
 Съ твоихъ роскошныхъ плечъ, съ полупрозрачныхъ рукъ...
 Ахъ, Боже мой! какъ ты мила, какъ милъ и сладокъ
 Одежды и рѣчей волшебный безпорядокъ!

Знаемъ, что лицемѣрнымъ моралистамъ эта пьеса не только не понравится, но и возбудить все негодование ихъ; но потому-то она и прекрасна. Есть люди, которые отрицательно и навыворотъ безошибочны въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ: на что напали съ остервенѣніемъ,—знайте, что это превосходно; что восхвалили они съ неистовствомъ—знайте, что это пошло или мертво. Лицемѣрные моралисты въ высшей степени обладаютъ этой выворотной вѣрностью сужденія... Что же до ихъ строгости—она понятна: Шиллеръ въ одной изъ своихъ ксеній сказалъ, что для этихъ господъ особенно важна власть закона: не будь въ нихъ страха наказанія, они обокрали бы свою невѣсту, обнимая ее... Кто имѣетъ счастье быть не моралистомъ, а человѣкомъ, и понимать все человѣческое,—для тѣхъ стихотвореніе „Доридъ“, при всей шаловливой вольности своего содержанія, будетъ образцомъ дѣвственной граціозности выраженія, подобно лукавой улыбкѣ на невинномъ лицѣ юной красавицы.

Жалѣемъ, что мѣсто и время, а главное—право собственности не позволяютъ намъ написать изъ книги Майкова всѣхъ антологическихъ стихотвореній—особенно „Гезіода“ и „Вакха“, тѣмъ болѣе, что мы не можемъ не выписать еще двухъ пьесъ, довольно большихъ и болѣе, нежели прочія, характеристическихъ. Вотъ образецъ граціозной наивности древней музы:

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
 Роцъ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
 Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ,—и чудный
 Звукъ полился изъ бездушнаго ствола. Внимали
 Вдругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ

Пѣсни тревожить, и вѣтеръ заснулъ между листьесвъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сивльвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ и помчался на огненныхъ коняхъ,
Въ пурпурѣ алой зари, на золотой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки, и ихъ воскресить своей флейтой;
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя...
Горькій безумецъ! ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? *Посмотри: улыбаясь,*
Съ взлядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

Слѣдующее стихотвореніе покажетъ, какъ умѣетъ нашъ поэтъ быть разнообразнымъ, не выходя изъ тона антологической поэзіи:

Дитя мое, ужъ нѣтъ благоденственныхъ дней,
Поры душистыхъ липъ, сирени и лилей;
Не свищутъ соловьи и иволги не слышно...
Ужъ полно! не плести тебѣ гирлянды пышной
И незабудками головки не вѣнчать;
По утренней росѣ авроры не встрѣчать,
И поздно вечеромъ уже не любоваться,
Какъ теплые пары надъ озеромъ клубятся,
И звѣзды смотрятся сквозь нихъ въ его стеклѣ;
Не плющъ и не цвѣты вѣются по скалѣ,
А мохъ въ разсѣлинахъ пушится раннимъ снѣгомъ.
А ты, мой другъ, все та-жъ: рѣзва, мила... Люблю,
Какъ, разгорѣвшись и утомившись бѣгомъ,
Ты, вѣя холодомъ, врываешься въ мою
Глухую хижину, стряхаешь кудри снѣжны,
Хохочешь и меня цѣдуешь звонко, нѣжно!

Здѣсь уже другая картина, другое небо, другой климатъ, но тонъ поэзіи, но созерцаніе, составляющее ея фонъ, все тѣ же, дышущіе сладостью и нѣгой свѣтлаго неба Эллады!...

Однакожъ тотъ не понялъ бы насъ, кто захотѣлъ бы видѣть въ антологическихъ стихотвореніяхъ Майкова полное выраженіе древней поэзіи или полное выраженіе элементовъ жизни древнихъ, классическаго духа. Гармоническое единство съ природой, проникнутое разумностью и изяществомъ, еще далеко не составляетъ исключительнаго элемента древняго міросозерцанія. Жизнь древнихъ выражается не въ одной идилліи или застольной пѣснѣ, но и въ трагедіи, кото-

рая составляла одинъ изъ основныхъ элементовъ ихъ жизни. И если со стороны идилліи и пѣсни жизнь грековъ была наивно-прелестна, очаровательно-граціозна, мила и любезна, то со стороны трагедіи она была благородна, доблестна и возвышенна. Первая сторона жизни заставляеть любить жизнь; вторая сторона — заставляеть уважать ее и гордиться ею. Греки это понимали, — и трагедія была послѣднимъ, самымъ пышнымъ, самымъ благоуханнымъ цвѣтомъ ихъ поэзіи. Трагическій элементъ преобладаетъ уже и въ самой „Иліадѣ“, — этой прародительницѣ всѣхъ трагедій греческихъ, впослѣдствіи явившихся. Что же разумѣлъ грекъ подъ „трагическимъ?“ — Не печальную судьбу человѣка, вслѣдствіе противорѣчащихъ условій жизни или вслѣдствіе случайности. Человѣкъ, попавшійся на встрѣчу дикому звѣрю и растерзанный имъ, не могъ быть героемъ греческой трагедіи. Трагическое грековъ заключалось или въ борьбѣ долга съ влеченіемъ сердца, воли со страстями, или въ борьбѣ разумаго, двигателяго начала съ общественнымъ мнѣніемъ; результатомъ борьбы всегда была гибель героя, которой онъ въ случаѣ побѣды запечатлѣвалъ торжество божественной идеи надъ массами и которой, въ случаѣ паденія героя, божественная истина запечатлѣвала свое торжество надъ ограниченностью человѣческой личности. Въ обоихъ случаяхъ источникъ борьбы былъ внутренній и заключался въ духовной натурѣ героя трагедіи, которымъ могъ быть только великій человѣкъ, созданный дѣйствовать на аренѣ исторіи, предназначенный осуществить собой какое-либо нравственное начало, быть представителемъ какой-либо идеи. Такъ, въ „Антигонѣ“ Софокла героями являются: Антигона, какъ поборница закона родственности, великодушно жертвующая своей жизнью для выполнения того, что она считала своимъ долгомъ, и невыполненіе чего унизило бы ее въ собственныхъ глазахъ и было бы ей горше смерти, — и Креонъ, какъ представитель непреложной власти закона въ гражданскомъ обществѣ. И потому вся трагедія эта есть не что иное, какъ трагическая ошибка двухъ равно разумныхъ и великихъ, но на этотъ разъ враждебныхъ началъ. Люди погибли, подобно воинамъ, храбро сражавшихся за правое дѣло: сердце наше скорбитъ о нихъ

гибели; но, благословляя падшихъ, мы уже не клянемъ судьбы, ибо видимъ въ гибели героевъ не случайность, но добровольное самопожертвованіе. Антигона могла бы легко спастись отъ гибели, оставивъ свое великодушное намѣреніе похоронить убитаго брата; но тогда она не была бы великой женщиной, не была бы героиней, и не было бы трагедіи. Вотъ почему трагедія есть высшій родъ поэзіи; вотъ почему такъ возвышаетъ нашу душу ея окровавленный кинжалъ, ея устланый трупами благороднѣйшихъ жертвъ помостъ... Герой есть высочайшее и благороднѣйшее явленіе духа міровой жизни; его личность апофеоза человѣчества, которое воздвигаетъ ему вѣковѣчные памятники изъ мрамора и мѣди, какъ бы поклоняясь себѣ въ этихъ гигантскихъ образахъ; герой возбуждаетъ все удивленіе, весь восторгъ, всю любовь человѣчества; образъ его поддерживаетъ въ человѣчествѣ возвышенную вѣру въ великое, истинное и доблестное жизни, во мракѣ ежедневности и случайности поддерживаетъ вѣчный свѣтъ разума... Но почему же герой есть герой? что дѣлаетъ человѣка героемъ? — Неизмѣнная возможность трагической гибели, этотъ пафосъ къ идеѣ, простирающійся до веледушной готовности смертью запечатлѣть ея торжество, принести ей въ жертву то, что дается на землѣ только разъ и никогда не возвращается, и чего слѣдовательно нѣтъ драгоцѣннѣе — жизнь, и иногда жизнь во цвѣтѣ, въ порѣ надеждъ, въ виду милаго, ласкающаго призрака счастья... Итакъ, возможность трагическаго заключается въ условіяхъ ограниченности нашей личности, которой бытіе отдѣляется отъ небытія едва замѣтной и слабой нитью, волосомъ, готовымъ порваться отъ дуновенія вѣтра, и порваться неозвратно... Насъ огорчаетъ и ужасаетъ эта невозвратность однажды утраченнаго счастья, однажды полученной жизни, однажды приобрѣтеннаго друга или милой сердца; но уничтожьте эту возможность въ одну минуту потерять данное цѣлой жизнью — и гдѣ же величіе и святость жизни, гдѣ доблесть души, гдѣ истина и правда?... О, безъ трагедіи жизнь была бы водевилемъ, мишурной игрой мелкихъ страстей и страстишекъ, ничтожныхъ интересовъ, грошовыхъ и копѣчныхъ помысловъ... Трагическое, это — Божья гроза, освѣжающая сферу жизни послѣ зноя и удушья

продолжительной засухи... Грекъ понималъ его своей высокой душой — и, умѣя наслаждаться жизнью, умѣлъ и быть достойнымъ ея наслажденій. Безпечно веселиться на пиру и твердо умирать, гдѣ и когда велить судьба,—вотъ что было для грека идеаломъ разумной жизни.

Все великое, земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Трою,
Завтра выпадетъ другимъ...
Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробѣ—мирно спи!
Жизнью пользуйся—живущій!

Въ этихъ стихахъ заключается весь кодексъ нравственности грека.

Шиллеръ особенно глубоко постигнулъ своей великой душой трагическую сторону жизни, въ противности съ свѣтлой ея стороной,—и глубоко, мощно, со всей роскошью пластической художественности, выразилъ свое созерцаніе древней жизни въ дивномъ, великомъ созданіи своемъ — „Торжество Побѣдителей“, такъ прекрасно переданномъ по-русски Жуковскимъ.

Сколькохъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькохъ низкихъ рокъ щадить!..
Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ.
Смертный, вѣчный Дій Фортунѣ
Своей правной предаль насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втунѣ!

Какіе переходы отъ высокихъ созерцаній трагической судьбы всего великаго къ веселому взгляду на жизнь!.. Вспоминая Аякса, убившаго себя въ гнѣвѣ за коварное похищеніе Одисеемъ выигранныхъ имъ доспѣховъ Ахилла, братъ его, Ойлидъ, говорить:

Миръ тебѣ во тѣмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ пожалъ:
Ты своею силой палъ,
Жертвой гибельнаго гнѣва!

Какое величіе, какой паѳосъ въ этой догматикѣ героизма, въ этихъ сихахъ:

О, Ахиллъ! о, мой родитель!
 (Возгласилъ Неоптолемъ)
 Быстрый міра посѣтителъ,
 Жребій лучший взялъ ты въ немъ.
 Жить въ любви племень дѣлами —
 Благо первое земли;
 Будемъ вѣчны именами
 И сокрытые въ пыли!
 Слава дней твоихъ нетлѣнна;
 Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
 Жизнь живущихъ невѣрна,
 Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ:
 (Диомедъ превозгласилъ)
 Слава Гектору во гробъ!
 Онъ краса Пергама былъ;
 Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
 Веледушно пролилъ кровь;
 Побѣдившимъ—честь побѣды!
 Охранявшему—любовь!
 Кто, на судъ являсь кровавый,
 Славно палъ за отчій домъ,
 Тотъ, почтенный и врагомъ,
 Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

Но нисколько не менѣе эллинизма и въ слѣдующей рѣчи Нестора къ Гекубѣ, хоть ея содержаніе повидимому и совершенно противоположно выписаннымъ стихамъ выше:

Несторъ, жизнью убѣленный,
 Нацѣдилъ вина фіаль,
 И Гекубѣ сокрушенной
 Дружелюбно выпить далъ.
 Пей страданій утоленье,
 Добрый Вакховъ даръ вино:
 И веселость, и забвенье
 Проливаетъ въ насъ оно.
 Пей, страдалица! печали
 Услаждаются виномъ:
 Бога жалостные въ немъ
 Подкрѣпленье сердцу дали.
 Вспомни мать Ніобею:
 Что извѣдала она!

Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ не даромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ,—
Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ,—
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

Нельзя спрашивать поэта, зачѣмъ у него есть то, а нѣтъ этого; но долгъ критики замѣтить, что у него есть и чего нѣтъ. Вотъ почему мы распространились здѣсь о сущности и значеніи элемента „трагическаго“ въ древнемъ искусствѣ, и вотъ почему почитаемъ себя въ правѣ замѣтить, что Майковъ и не коснулся этого элемента. Думаемъ, что причина этого заключается не столько въ характерѣ его таланта, сколько въ его молодости, еще переживающей моментъ гармоническаго единства съ природой, въ духѣ древнихъ. Но придетъ время—и можетъ быть въ духѣ поэта совершится движеніе: прекрасная природа не будетъ болѣе заслонять отъ его глазъ явленій высшаго міра—міра нравственнаго, міра судебъ человека, народа и человечества... И мы почли бы себя счастливыми, еслибъ эти строки могли послужить хоть косвенной причиной къ ускоренію этого времени... Майковъ вполне владѣетъ орудіемъ искусства — стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи; а это — великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ! Стихъ въ поэзіи — то же, что слогъ въ прозѣ, а слогъ — это самъ талантъ, и талантъ необыкновенный... Но мѣрка великаго таланта состоитъ не въ одномъ стихѣ, хотя бы и поэтическомъ, и художественномъ; но еще и въ движеніи, въ развитіи содержанія поэзіи, источникъ котораго есть движеніе и развитіе духа самого поэта, а движеніе и развитіе состоитъ въ непрерывномъ отрицаніи низшихъ моментовъ въ пользу высшихъ. Я никогда не назову великимъ поэта, котораго стихотворенія можно печатать по родамъ пьесъ, а не хронологической послѣдовательности. Батюшковъ — поэтъ съ замѣчательнымъ талантомъ; но нѣтъ никакой нужды видѣть подъ его пьесами годъ и число, означающіе время ихъ сочиненія...

Но мы отдалились от своего предмета. Возвращаясь къ нему, должны повторить, что какъ родственъ и присущъ духу нашего поэта элементъ „наивнаго“ и „природнаго“, такъ чуждъ элементъ „трагическаго“ въ древней поэзіи. Разъ Майковъ былъ близокъ къ нему по содержанію, избранному имъ для самой большой своей пьесы; но онъ не коснулся трагическаго, хоть можетъ-быть и думалъ вполне его выразить... Мы говоримъ о его драматической поэмѣ „Олинеъ и Эсѳиръ“ (римскія сцены временъ пятаго вѣка христіанства). Мысль поэмы — контрастъ и взаимныя отношенія умирающаго языческаго и торжествующаго христіанскаго міра. Поэма занимаетъ шестьдесятъ страницъ, которыя въ чтеніи легко могутъ показаться шестьюстами страницами: такъ все неглубоко, блѣдно, слабо, поверхностно и растянута въ этомъ произведеніи! Чѣмъ выше намѣреніе поэта, тѣмъ выше должно быть и исполненіе; но Майковъ явно взялся за дѣло не по вдохновенію, а изъ рефлексіи и къ понравившейся ему мысли придѣлалъ сюжетъ и какіе-то образы безъ лицъ, вмѣсто того чтобъ слѣдовать безотчетному желанію дать жизнь преслѣдующимъ его образамъ, еще не зная, какую мысль выразятъ они... А между тѣмъ сколько элементовъ „трагическаго“ съ обѣихъ сторонъ могло бъ и должно бъ было быть! Римская литература не представляетъ ни одной хорошей трагедіи; но зато римская исторія есть непрерывная трагедія, — зрѣлище, достойное народовъ и человѣчества, неистощимый источникъ для трагическаго вдохновенія. Въ этомъ отношеніи едва ли есть другой народъ, котораго исторія могла бы соперничать съ исторіей римлянъ. Страстное самозабвеніе въ идеѣ государственности, въ идеѣ политическаго величія своего отечества, паѳосъ къ гражданской свободѣ, къ ненарушимости и неприкосновенности правъ сословій и каждого гражданина отдѣльно, гражданская доблесть въ цвѣтушія времена великой республики и гордая, стоическая борьба съ рокомъ, увлекавшимъ къ паденію великую отчизну великихъ гражданъ, и уступчивость судьбѣ вслѣдствіе геніальнаго предвидѣнія будущаго, уступчивость, роковая для начавшихъ и счастливая для менѣе великихъ, но болѣе во-время явившихся — вотъ гдѣ элементы „трагическаго“ въ исторіи Рима, великой отчизны

Кориолановъ, Фабіевъ, Гракховъ, Сципіоновъ, Маріевъ, Лукулловъ, Помпеевъ, Цезарей и Антоніевъ—этихъ колоссальныхъ ликовъ, сіяющихъ блескомъ героическаго величія, нестерпимаго для слабонервныхъ глазъ выродившихся людей нашего времени!.. Правда, поэтъ избралъ эпоху уже выродившагося, умирающаго Рима; но, въ противоположность христіанству, онъ бы долженъ былъ избрать послѣдняго римлянина, который, независимо отъ всего окружающаго его, въ своемъ личномъ характерѣ выразилъ бы—сколько стоицической жизнью и трагической смертью, столько же и тоской по цвѣтущимъ временамъ своего отечества, все субстанціальное, все, чѣмъ великъ былъ республиканскій Римъ. Но Олинъ Майкова только эпикуреецъ и больше ничего; собственно, онъ—образъ безъ лица. Другая сторона поэмы—христіанская, тоже полна трагическаго величія, ибо ея альфа и омега—мученичество и смерть за истину; но и она такъ же слаба и блѣдна у нашего поэта, какъ и языческая. Впрочемъ вся поэма отличается хорошими, звучными, а иногда и поэтическими стихами, какъ напр. пиршественная пѣсня римлянъ-язычниковъ.

Вообще, когда Майковъ выходитъ изъ сферы антологической поэзіи, его талантъ какъ будто слабѣетъ. Доказательствомъ это можетъ служить маленькая поэмка его „Венера Медицейская“, содержаніе которой, какъ можно видѣть изъ самаго ея заглавія, относится къ сферѣ классической поэзіи. Существуетъ преданіе, что знаменитая статуя, извѣстная подъ именемъ Венеры Медицейской, есть изображеніе одной римской императрицы. Поэтъ заставляетъ ее, выходя изъ волны, восхищаться собственной красотой.

И вотъ красавицы надменной
Мечта сбылась: перенесло
Волшебство кисти вдохновенной
На мрамора обломокъ бранный
И это гордое чело,
Внччанное красой Изиды (?),
И стройный станъ, и шелкъ кудрей:
И Римъ нарекъ ее Кипридой!
И Римъ молился передъ ней!

Мысль, какъ видите, мало поэтическая, слишкомъ незрѣлая

и какъ-будто изысканная, не говоря уже объ унижающей достоинство искусства мысли — видѣть простую копію, портретъ въ вдохновенномъ созданіи свободнаго творчества. Самые стихи этой поэмы только красивы и ловки, но не художественны; есть между ними даже оскорбляющіе тонкій эстетическій вкусъ, любящій благородную простоту и точность выраженій, какъ напримѣръ:

На грудь высокую пустите
Змѣистый локоновъ разливъ.

Что такое: „пустить на грудь змѣистый разливъ локоновъ“? Это было бы хорошо развѣ въ стихотвореніи Бенедиктова, но очень дурно въ стихотвореніи Майкова. Или:

Прошли вѣка. Ихъ молоть твердый
Величья храмы раздробилъ.

Что такое: „молоть вѣковъ, раздробляющій храмы величья“? Неужели это поэзія, не риторика?...

Не безъ достоинствъ слѣдующія стихотворенія съ болѣе или менѣе антологическимъ оттѣнкомъ: „Радость“, „Измѣна“, „XXXIII“, „Жизнь“, „Прощаніе съ деревней“, „Заря“, „Горы“, „Мраморный Фавнъ“. Чтò до послѣдняго стихотворенія, — оно было бы лучше, еслибъ не было растянута приставкой и кончилось 25-мъ стихомъ, или — можетъ быть и еще лучше — 13-мъ стихомъ.

Теперь мы переходимъ ко второму разряду стихотвореній Майкова и съ сожалѣніемъ предупреждаемъ нашихъ читателей, что здѣсь намъ больше должно будетъ порицать, чѣмъ хвалить... Въ этихъ стихотвореніяхъ мы желали бъ найти поэта современнаго и по идеямъ, и по формамъ, и по чувствамъ, по симпатіи и антипатіи, по скорбямъ и радостямъ, надеждамъ и желаніямъ, но — увы! — мы не нашли въ нихъ за исключеніемъ слишкомъ немногихъ, даже и просто поэта... Тамъ хорошіе стихи при сбивчивости идеи, а иногда и при пустотѣ содержанія; тутъ неопредѣленность и вычурность выраженія при усилии сказать что-то такое, чего у автора не было ни въ представленіи, ни въ фантазіи; между всѣмъ этимъ иногда удачный стихъ, прекрасный образъ, а все остальное — рито-

рика: вотъ общій характеръ этихъ стихотвореній. Пересмотримъ ихъ.

Въ „Чудномъ Вѣкѣ“ поэтъ поспѣваетъ эпоху Петра Великаго, которая возсіяла —

... въ странѣ загроможденной
Цѣпями горъ; въ странѣ, гдѣ вьется лѣсъ
Средь благи и тундръ; въ той храминѣ священной,
Гдѣ лѣды горятъ какъ въ храминѣ чудесъ...

Не риторика ли это?.. Въ концѣ пьесы авторъ заставляетъ Петра „выливать вѣнецъ на голову Россіи, сардамскимъ маломъ скрѣплять ея оковы и выковывать ей булаву (?) и мечъ“, а „громовымъ топоромъ (?) сбивать оковы съ широкихъ вратъ въ Европу“, забывъ что тогда воротъ (ни широкихъ, ни узкихъ) въ Европу не было, и что въ томъ-то и состоитъ великій подвигъ Петра, что онъ, по выраженію Альгаротти, создалъ Петербургъ, *qui est la fenêtre, par laquelle la Russie regarde en Europe*, а слѣдовательно первый сдѣлалъ и ворота... Стихотвореніе, означенное N. V., превосходно по стихамъ, но мысль — приписать скалѣ глубокое участіе къ страданію человѣка — изыскана... Прекрасны послѣдніе шесть стиховъ стихотворенія „Воспоминаніе“; но ихъ-то едва ли кто и прочтетъ послѣ первыхъ восьми стиховъ и особенно этого начала.

Когда ты въ пучины былого
Окунешься думой.

„Еврейская Пѣснь“ отличается прекрасными, звучными стихами и библейскимъ колоритомъ въ выраженіи. Пьеса „Моисей“ откровенно названа авторомъ „введеніемъ къ ненаписанной поэмѣ“. Она начинается непозитическими стихами.

Во дни кровавые, когда Тевтонъ суровый
Эстонцевъ уловлялъ въ желѣзные оковы.

Затѣмъ слѣдуетъ риторика, изрѣдка прерываемая стихами вродѣ слѣдующихъ:

Колонны гордыя, какъ бы утомлены
На мощныхъ раменахъ держать обломки сводовъ,
Пригнулися къ землѣ...

Обращаемся къ эстетическому чувству и художественному такту автора и спрашиваемъ его: можно ли, не говоримъ — печатать, но читать безъ напряженія и утомленія подобные стихи?—

Все тлѣніе и прахъ!

Здѣсь, за оградой, въ окованныхъ стѣнахъ,
Гуль міра умолкалъ передъ образомъ Распятія.
Гласъ вѣры укрощалъ безумныя проклятія;
Усталые пловцы здѣсь пристань обрѣли
И въ мирной волнѣ, отъ суеты вдали,
Прахъ міра отряхнувъ, какъ саванъ надѣвали
Одежду мертвую и къ небу воспряли...
Но вѣренъ ли онъ былъ, монашескій покровъ?
Всегда ль, въ полуночномъ молчаніи дубровъ,
Въ часы весенніе мечтательныхъ безсонницъ,
Когда, ниспавъ между готическихъ оковницъ,
Лучъ блѣдный мѣсяца ложился на вѣмомъ
Чугунномъ помостѣ блистательнымъ ковромъ,
Всегда ль, о ложѣ сна холодномъ забывая,
Склонившись къ окну отшельница младая,
Смотря на небеса, летѣла въ горній міръ
На лоно вѣчности, въ подоблачный эфиръ,
Гдѣ ангелы поютъ божественныя гимны,
Откуда блѣдную зовутъ гостепріимно?

Каковъ періодъ: не угодно ли прочесть вамъ его, не переводя духа или не скрывъ смысла? И что за неточность въ эпитетахъ? Что такое „окованныя стѣны“, „одежда мертвая“ (авторъ хотѣлъ вѣроятно сказать — „одежда мертвыхъ“, да мѣра стиха не позволила), „вѣренъ ли монашескій обѣтъ“, (кому и чему вѣренъ?)? Что такое „весенніе часы и мечтательныя безсонницы“?...

Теперь обращаемся ко всѣмъ людямъ съ эстетическимъ вкусомъ и художественнымъ тактомъ: можно ли безъ наслажденія и восторга читать послѣдніе, окончательные стихи этой пьесы, столь пламенные и вдохновенные?—

Не правда ль, часто взоръ, какъ небо, голубой,
На небѣ обрѣталъ прекрасный ликъ земной,
И уху робкому мечтались не молитвы,
А цитры тихій звонъ, иль кликъ опасной битвы,
И грудь вздымалася, и грѣшная слеза,
Туманя ясныя красавицы глаза,
По блѣдному лицу жемчужиной блистала,

И юная глава въ волненьи упала
На руки бѣлыя, и прядь златыхъ кудрей
Волною падала по мрамору груди,
И мѣсяцъ осыпалъ ихъ блѣдными лучами
И трепетно игралъ змѣистыми тѣнями?..

Пьеса, означенная № XIV, принадлежитъ не къ числу худшихъ, особенно по окончанію. Въ пьесахъ: „Воробьевы Горы“, „Два Гроба“, „Истинное Благо“, „Мститель“, (скандинавская баллада), и „Кладбище“—мы рѣшительно не знаемъ Майкова, —и подпишите подъ ними: Щетининъ, Крапоткинъ, Гогниевъ, Романовичъ — никто бы не удивился... „Воробьевы Горы“ написаны точно какъ будто Бенедиктовымъ; въ нихъ есть: „кровель море разливное“ (жаль, что не разливанное!), въ нихъ есть стихи: „И до-полюсныя воды у моихъ воспещуть пять“, въ нихъ „крадется пламени змѣя“; но въ нихъ нѣтъ ни мысли, ни поэзіи, ни даже хорошихъ стиховъ. Въ „Двухъ Гробахъ“ собственно нѣтъ ни одного гроба: рѣчь идетъ о носилкахъ Карла XII и о вѣнцѣ Наполеона, будто-бы забытомъ имъ въ Москвѣ. Исполненіе совершенно соотвѣтствуетъ этой изысканной и натянутой мысли, какъ можете судить даже по этимъ двумъ съ половиной стихамъ:

Взманивъ къ себѣ на грудь увѣнчаннаго змія (?),
Въ объятіяхъ его замучила Россія,
И гробомъ стала...

Вы ли это, Майковъ?...

Въ „Двухъ Моряхъ“ воспѣты Средиземное и Мертвое (въ Сиріи) моря: идеи нѣтъ, но стихи не дурны, хотя между ними есть и вотъ какіе: „Въ вѣнцѣ береговъ, на яблокѣ земли“ (?), „По немъ (по морю), воздѣвъ шеломъ сребро-косматый, станица волнъ не ратуетъ во вѣкъ“ (?):—Стихотвореніе „В. А. С.....у“ замѣчательно, по хорошимъ стихамъ, какъ этюдъ. — Въ маленькой поэмѣ „Іафетъ“ много ума, есть недурные стихи, но нисколько нѣтъ поэзіи. Впрочемъ мы, безошибочно высчитавъ, чего нѣтъ въ этомъ „рефлексированномъ“ произведеніи, не все высчитали, что есть въ немъ: въ немъ есть изысканныя выраженія: „міръ, обновленный въ купели моря; Кавказскія Горы — гордыя врата Европы“. — „Молитва Бедуина“ была бы очень хороша,

еслибъ въ ней нѣкоторыя стихи не были такъ тяжелы.— „Горный Ключъ“ принадлежалъ бы къ лучшимъ пьесамъ Майкова, еслибъ въ немъ ручьи не были названы „рѣзвыми нитями земли“. Очень недурна пьеска „Кто онъ?“ — Къ хорошимъ можно причислить еще: „Призывъ“, „Безвѣтріе“, „Мысль поэта“, „Пѣвцы“, „Жизнь“, „Мысль“, „Заря“ и „Е. П. М.“.

Да, много, много превосходнаго, много хорошаго; но есть и такое, что непріятно встрѣтить въ печати и что бываетъ интересно и поучительно развѣ въ полныхъ собраніяхъ твореній великихъ поэтовъ, по смерти ихъ изданныхъ... Явно, что пьесы вродѣ „Воробьевыхъ Горъ“ и „Кладбища“ написаны Майковымъ давно уже, и милы ему можетъ быть потому именно, что были первыми пробными звуками его музыки; но мы судимъ о нихъ, какъ чужіе и посторонніе имъ... Но болѣе всего совѣтуемъ молодому поэту—и да приметъ онъ нашъ совѣтъ съ тѣмъ же радушіемъ и той любовью, съ какими мы даемъ его!—совѣтуемъ беречься изысканности въ идеяхъ и образахъ, совѣтуемъ слѣдовать больше своему непосредственному чувству и художественному такту, чѣмъ вкусу толпы... О, берегитесь этой толпы, молодой поэтъ! Она измѣнчива въ своей благосклонности и постоянно уважаетъ только тѣхъ, кого боится, а боится только тѣхъ, кто не за ней идетъ, а за собой ведетъ ее, не оглядываясь назадъ... Ей ничего не стоитъ низвергнуть истуканъ, ею же самой слѣпленный (обыкновенно изъ весенняго снѣгу—это любимый ея матеріалъ); но она всегда проходитъ съ потушенными глазами и на цыпочкахъ мимо не ею созданнаго кумира... Вспомните, что у насъ есть теперь великіе поэты, которыхъ слава продолжалась не дольше трехъ лѣтъ... по крайней мѣрѣ я слышалъ объ одномъ, который такъ могъ угодить толпѣ мишурнымъ блескомъ и изысканными выраженіями, что она, толпа, въ нѣсколько мѣсяцевъ раскупила первую часть его стихотвореній; но вторая часть ихъ была издана только разъ, третья давно готова... въ рукописи, да дѣло стало за тѣмъ, что никто не берется издать... Странное дѣло! въ антологическихъ стихотвореніяхъ Майкова стихъ—просто Пушкинскій, нѣтъ неточныхъ эпитетовъ, лишннихъ словъ, натяну-

тыхъ или изысканныхъ выраженій, нѣтъ полутона фальшиваго: въ нихъ онъ -- истинный, глубокий и притомъ опытный, искушенный художникъ, въ рукѣ котораго не дрожитъ рѣзецъ и не даетъ произвольныхъ штриховъ; но въ не-антологическихъ стихотвореніяхъ, по крайней мѣрѣ въ большей части ихъ, есть и неточные эпитеты, и неопредѣленность въ идеѣ, и изысканныя фразы, и чуждыя всякаго внутренняго значенія слова...

Однако-жъ и между послѣдними есть, какъ мы уже видѣли, хорошія; мы нарочно ничего не говорили до сихъ поръ о четырехъ пьесахъ не-антологическаго содержанія, но превосходныхъ: указаніемъ на нихъ мы достойно заключимъ статью свою.

Пьесы эти особенно примѣчательны, какъ свидѣтельство духовной подвижности поэта: въ нихъ видно зерно и зародышъ новой для него эпохи творчества, новыхъ созданій въ будущемъ... Такова пьеса LV, которой не выписываемъ, потому что и безъ того много уже выписано; такова эта маленькая пьеска:

Жизнь безъ тревогъ—прекрасный свѣтлый день;
Тревожная—весны младыя грозы,
Тамъ—солнца лучъ и въ зной оливы сѣнь;
А здѣсь и громъ, и молнія и слезы...
О! дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ
И горечь слезъ, и сладость слезъ!

На эту пьеску не нужно комментаріевъ; кто жаждетъ такъ же и горечи, какъ и сладости грезъ, тотъ будетъ — „царства дивнаго всесильный властелинъ“... Но перлы неантологическихъ стихотвореній Майкова это -- „Ангель и Демонъ“ и „Раздумье“. Вотъ первое:

Подъемяютъ споръ за человѣка
Два духа мощные: одинъ—
Эдемской двери властелинъ
И вѣрный стражъ ея отъ вѣка;
Другой—во всемъ величьи зла,
Владыка сумрачнаго міра:
Надъ огненной его порфирой
Горятъ два огненныхъ крыла.
Но торжество кому жъ уступить
Въ пыли рожденный человѣкъ:

Вънецъ ли вѣчныхъ пальмъ онъ купить,
Иль чашу временную нѣтъ?
Господень ангель тихъ и ясенъ:
Его живить смиренья лучъ;
Но пышный (!) демонъ такъ прекрасенъ,
Такъ лучезаренъ и могучъ!

Какая глубокая идея! Но форма—надо сказать правду—не совсѣмъ охватила и выразила это необъятное содержаніе: чего-то не достаетъ, что-то не договорено; эпитетъ „пышный“ не удовлетворителенъ—мы думаемъ, что даже „гордый“ больше бы шелъ къ внутреннему смыслу пьесы. Зато „Раздумье“—верхъ совершенства во всѣхъ отношеніяхъ: въ антологической, роскошно-художественной формѣ оно поражаетъ содержаніемъ изъ другой сферы...

Блаженъ, кто подъ крыломъ своихъ домашнихъ ларь
Ведетъ спокойно вѣкъ! Ему обильный даръ
Прольютъ всѣ боги: дугъ еще заблещетъ, нивы
Церера озлатить; акаціи, оливы
Вѣтвями домъ его обнимутъ; надъ прудомъ
Пирамидальные, стоящіе вѣнцомъ,
Густые тополи взойдутъ и засребрятся
И лозы каждый годъ подъ осень отягчатся
Кистями сочными: ихъ Вакхъ благословить!...
Не грозенъ для него свѣтильникъ эвменидъ,
Безъ страха будетъ ждать онъ ужасовъ Эреба;
А здѣсь рука его на жертвенникѣ неба
Повергнетъ не дрожа плоды, янтарный медъ,
Ихъ розъ гирляндами и миртой обовѣсть...
Но я бы не желалъ сей жизни безъ волненья,
Мнѣ тягостно ея размѣрное теченье.
Я втайнѣ бы страдалъ и жаждалъ бы порой
И бури, и тревогъ, и вольности святой,
Чтобъ духъ мой крѣпнуть могъ въ бореніи мятѣжномъ
И, крылья распутивъ, орломъ широкобѣжнымъ
При общемъ ужасѣ надъ льдами горъ витать,
На бездну упадать и въ небѣ утопать.

Да, позволительно и можно многого надѣяться въ будущемъ отъ духа, способнаго отрывать отъ участи, столь полной обаятельнаго счастья, и питать въ молодой груди желанія, отъ которыхъ не у всѣхъ и не у cadaго не поблѣднѣютъ ланиты отъ ужаса, но запылаютъ яркимъ румянцемъ могучаго рѣшенія, а очи заблещутъ гордымъ сознаніемъ собственной силы и упоеніемъ безконечнаго блаженства.

КУЗЬМА ПЕТРОВИЧЪ МИРОШЕВЪ.

Русская быль временъ Екатерины II.

Сочиненіе М. II. Загоскина. Четыре части. Москва. 1842.

Загоскинъ пишетъ очень мало, но, сравнительно съ другими, онъ у насъ самый плодовитый романистъ. Въ десять лѣтъ слишкомъ—вотъ уже шестой романъ, да въ промежуткахъ повѣстей съ пятокъ; по нашему, по-русски, это много, очень много. Самъ Булгаринъ написалъ всего на-все только пять романовъ и ужъ больше—можно поручиться—не напишетъ ни одного; такъ ему посчастливилось въ этомъ дѣлѣ. Важный фактъ въ исторіи русскаго романа, потому что въ ней Булгаринъ играетъ гораздо бѣольшую и важнѣйшую роль, нежели какъ думаютъ и враги, и почитатели его несравненнаго таланта! Такъ какъ мы принадлежимъ къ числу послѣднихъ, т. е. почитателей, то и почитаемъ долгомъ объяснить значеніе Булгарина въ плачевной исторіи русскаго романа,—тѣмъ болѣе, что безъ этого мы никакъ не въ состояніи сдѣлать настоящей оцѣнки послѣднему роману Загоскина.

Всѣ русскіе романы можно раздѣлить на два разряда. Первый разрядъ ихъ начался „Бурсакомъ“ и „Двумя Иванами“ Нарѣжнаго, а окончился тремя попытками даровитаго И. И. Лажечникова — „Послѣднимъ Новикомъ“, „Ледянымъ Домомъ“ и „Басурманомъ“. Здѣсь не мѣсто сравнивать между собой таланты обоихъ романистовъ; довольно сказать, что это таланты яркіе, замѣчательные, и что ничего общаго, никакой исторической связи между ними нѣтъ. Нарѣжный явился слишкомъ рано, не издавалъ ни журнала ни газеты, гдѣ бы могъ ежедневно хвалить самого себя,—и прошелъ незамѣченнымъ, остался безъ подражателей. Романы Лажечникова были, напротивъ, оцѣнены публикой по достоинству безъ всякихъ на этотъ счетъ стараній съ его стороны или со стороны его друзей, издающихъ газеты и журналы. Романы Ла-

жечникова были фактами эстетического и нравственного образования русскаго общества, и навсегда будут достойны почетнаго упоминовенія въ исторіи русской литературы. Къ этому же разряду надо причислить и „Юрія Милославскаго“ Загоскина; но о немъ рѣчь послѣ.

Второй разрядъ романовъ ведетъ свое начало издалека.

У насъ образовался особый родъ романа, который сперва назывался нравоописательнымъ, нравственно-сатирическимъ, а теперь ужъ никакъ не называется, хотя бы и долженъ былъ называться моральнымъ. Блистательный талантъ Булгарина былъ творцомъ этого рода романовъ; не менѣе блистательный талантъ Загоскина былъ его утвердителемъ и распространителемъ. Зотовъ и Воскресенскій принадлежать къ числу самыхъ счастливыхъ и даровитыхъ подражателей этихъ двухъ сочинителей. Проницательный читатель и безъ насъ угадаетъ имена прочихъ многочисленныхъ романистовъ этой категоріи. Но сверхъ морально-сатирическаго романа есть еще два разряда романовъ, которые, впрочемъ, составляютъ одинъ разрядъ съ нимъ. Мы говоримъ о романѣ восторженномъ, патетическомъ, живописующемъ растрепанные волосы, всклокоченныя чувства и кипящія страсти. Основателемъ этого рода романа былъ даровитый Марлинскій, у котораго есть тоже свои счастливые подражатели. Третій родъ романа—идеально-сентиментальный: его началъ Полевой своими сладенькими повѣстями, онъ же и кончилъ его въ переслащенномъ романѣ своемъ „Аббадонна“;—подражателей у Полевого не имѣется. Всѣ эти три рода романа образуютъ собой одинъ разрядъ. Разсмотримъ его.

До Вальтеръ-Скотта не было истиннаго романа. Великое твореніе Сервантеса „Донъ-Кихоть“ составляло исключеніе изъ общаго правила, а знаменитый „Жилбазъ де-Сантила-на“ француза Лесажа прославленъ не въ мѣру и не по достоинству. Это не больше, какъ довольно недурное произведеніе, которое однако было бы лучше, еслибъ не было такъ растянуто или еслибъ его сократить на половину, т. е. изъ восьми частей сдѣлать только четыре. Романы восемнадцатаго вѣка: Радклиффъ, Дюкре-дю-Мениля, Жанлисъ, Коттенъ, Шписа, Клаурена и другихъ—только до Вальтеръ-Скотта

могли считаться романами: они изображали не общество, не людей, не дѣйствительность, а призраки больного или празднаго воображенія. Знаменитые англійскіе Памелы, Клариссы, Грандиссоны и Ловеласы держались ближе общества и дѣйствительности; но дидактическая цѣль убила въ нихъ поэзію. Вальтеръ-Скоттъ первый показалъ, чѣмъ долженъ быть романъ. До него думали, что „пѣсня—быль, а сказка—ложь“, какъ говоритъ русская поговорка, и что поэтому чѣмъ больше нелѣпицъ въ романѣ, тѣмъ онъ лучше. Желая придать ему какую-нибудь цѣну въ глазахъ людей солидныхъ и разсудительныхъ, навязали ему полезную цѣль—исправлять нравы, осмѣивая порокъ и хваля добродѣтель. Такимъ образомъ роману было приказано быть органомъ ходячихъ моральныхъ истинъ своего времени. Да, своего времени, ибо ходячая мораль такъ же измѣнчива, какъ и курсъ голландскаго червонца: въ прошломъ вѣкѣ мораль предписывала бѣдному и незначительному человѣку имѣть патрона-благодѣтеля, низко ему кланяться, почитать за честь быть допущеннымъ къ его столу или къ его ручкѣ: теперь все это считается униженіемъ человѣческаго достоинства. И такъ, что теперь называется подличаньемъ, тогда называлось умѣньемъ жить; что теперь называется подлостью—тогда называлось скромностью и смиреніемъ; что теперь называется благородствомъ души—тогда называлось гордостью, она же есть смертный грѣхъ... Такимъ образомъ сочинители давали человѣчскія имена и фамиліи своимъ жалкимъ, а нерѣдко и подленькимъ моральнымъ понятіицамъ, выдавая свое резонерство за „нравственность“ да еще „чистѣйшую“, а свою картофельную сантиментальность—за „любовь“. Эти ограниченныя понятіица и сладенькія чувствованіица означались номерами на особыхъ ярлычкахъ, а ярлычки наклеивались на лбахъ безобразныхъ фигуръ, грубо вырѣзанныхъ изъ картонной бумаги: весьма остроумно придуманное удобство для читателя романа!—благодаря ему, читатель уже не могъ запутаться во множествѣ именъ и одинаковыхъ фигуръ, потому что на лбу каждый читалъ: „добродѣтельный № 1“, „злодѣй № 2“ и т. д. Тогда все были или добродѣтельные, или злодѣи; не было необходимыхъ и многочисленныхъ членовъ общества—глуп-

цовъ и безцвѣтныхъ характеровъ, которые ни добры, ни злы, и т. п. Романъ всегда оканчивается благополучно, и зѣвающій читатель оставлялъ книгу не прежде, какъ послѣ расправы, т. е. брака гонимой четы, награды добрымъ и наказанія злымъ. Всѣ говорили одинакимъ языкомъ: о колоритѣ мѣстности, различіи сословій никто и не спрашивалъ.

Мы не безъ умысла распространились о старинномъ романѣ и высказали о немъ читателю истины, нѣсколько уже старыя и давно всѣмъ извѣстныя: намъ это было нужно для того, чтобъ показать, какъ новѣйшій романъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ сочинителей далеко ушелъ отъ романа добраго стараго времени, чѣмъ отъ него разнится и чѣмъ на него похожъ. „Но вѣдь вы обѣщали намъ разобрать новый романъ Загоскина, а говорите о романахъ, которые были за сто и дальше лѣтъ до Загоскина?“—Я о немъ-то и говорю, какъ увидите ниже.

Вальтеръ-Скоттъ не изобрѣлъ, не выдумалъ романа, но открылъ его, точно такъ же, какъ Колумбъ не изобрѣлъ и не выдумалъ Америки, а только открылъ ее. Сервантесъ задолго до Вальтеръ-Скотта написалъ истинный историческій романъ. Правда, онъ явно имѣлъ сатирическую цѣль—осмѣять запоздалое и противное духу времени рыцарствованіе въ мечтахъ и дурныхъ романахъ,—и этой цѣлью великій человѣкъ заплатилъ дань своему вѣку; но творческій художественный элементъ его духа былъ такъ силенъ, что побѣдиль разсудочное направленіе, и Сервантесъ, стремясь къ нравоисправительной цѣли, достигъ совсѣмъ другой цѣли—именно художественной, а черезъ нее и нравоисправительной. Его донъ-Кихоть есть не карикатура, а характеръ, полный истины и чуждый всякаго преувеличенія, не отвлеченный, но живой и дѣйствительный. Идея донъ-Кихота не принадлежитъ времени Сервантеса: она — обще-человѣческая, вѣчная идея, какъ всякая „идея“; донъ-Кихоты были возможны съ тѣхъ поръ, какъ явились человѣческія общества, и будутъ возможны, пока люди не разбѣгутся по лѣсамъ. Донъ-Кихоть — благородный и умный человѣкъ, который весь, со всѣмъ жаромъ энергической души, предался любимой идеѣ: комическая же сторона въ характерѣ донъ-Кихота состоитъ въ про-

тивоположности его любимой идеи съ требованіемъ времени, съ тѣмъ, что она не можетъ быть осуществлена въ дѣйствіи, приложена къ дѣлу. Донъ-Кихоть глубоко понимаетъ требованія истиннаго рыцарства, разсуждаетъ о немъ справедливо и поэтически, а дѣйствуетъ, въ качествѣ рыцаря, нелѣпо и глупо; когда же разсуждаетъ о предметахъ внѣ рыцарства, то является истиннымъ мудрецомъ. И вотъ почему есть что-то грустное и трагическое въ судьбѣ этого комическаго лица, а его сознаніе заблужденій своей жизни на смертномъ одрѣ возбуждаетъ въ душѣ глубокое умиленіе и невольно наводитъ васъ на созерцаніе печальной судьбы человѣчества. Каждый человѣкъ есть немножко донъ-Кихоть; но болѣе всего бываютъ донъ-Кихотами люди съ пламеннымъ воображеніемъ, любящей душою, благороднымъ сердцемъ, даже съ сильной волей и съ умомъ, но безъ разсудка и такта дѣйствительности. Вотъ почему въ нихъ столько комическаго, а комическое ихъ такъ грустно, что возбуждаетъ смѣхъ сквозь слезы; еслибъ это были люди ничтожные — они не были бы даже и слишкомъ смѣшны: истинныхъ донъ-Кихотовъ можно найти только между недюжинными людьми. Но главное: они всегда были, есть и будутъ. Это типъ вѣчный, это единая идея, всегда воплощающаяся въ тысячѣ разныхъ видовъ и формъ, сообразно съ духомъ и характеромъ вѣка, страны, сословія и другими отношеніями, необходимыми и случайными. Такъ и теперь сколько есть донъ-Кихотовъ напр. въ одной литературѣ! Человѣкъ, который искренно убѣжденъ въ томъ, чему уже никто не вѣритъ, и который жертвуетъ трудомъ, достояніемъ, спокойствіемъ и здоровьемъ для убѣжденія другихъ въ своемъ убѣжденіи, — развѣ онъ не донъ-Кихоть? Сколько умнаго, истиннаго въ томъ, что говоритъ онъ, а цѣлое все-таки — ложь, возбуждающая уже не негодованіе, а смѣхъ, вызывающая не возраженія, а насмѣшки.

Итакъ, достоинство Сервантесова романа — въ идеѣ: идея сдѣлала его вѣчнымъ, никогда неумирающимъ и никогда не старѣющимъ поэтическимъ произведеніемъ. Въ идеѣ заключается причина того, что не смотря на испанскія имена, мѣстность, обычаи, частности, — люди всѣхъ націй и всѣхъ вѣковъ читаютъ и будутъ читать „Донъ-Кихота“. Что же ка-

сается до испанскаго колорита и событій, характеровъ и лицъ — этотъ колоритъ свидѣтельствуетъ, что идея „Донъ-Кихота“ — живая, воплотившаяся и обособившаяся, а не отвлечено-общая и отвлеченная идея.

Въ это-то жизненно-органическое сліяніе общаго (идеи) съ особнымъ (вѣкъ, страна, индивидуальныя характеры) составляетъ сущность и достоинство романовъ Вальтеръ-Скотта. Этотъ великій поэтъ былъ человѣкъ, британецъ и баронетъ вдобавокъ: у него были свои личныя понятія и понятница, свои личныя чувства и чувствованница, національныя вражды и ненависти, народныя предрасудки, что все, вмѣстѣ взятое, и сгубило его „Исторію Наполеона“. Но онъ ничего этого не вносилъ въ свою творческую дѣятельность и, входя въ созерцаніе судебъ человѣчества и человѣка, откладывалъ въ сторону свою личность и свое баронетство: онъ хотѣлъ только приковать къ бумагѣ видѣнія и образы, возникавшіе передъ его внутреннимъ окомъ, а судить, резонерствовать о нихъ предоставлялъ другимъ. И хорошо сдѣлалъ: онъ вообще не мастеръ былъ судить; но въ творествѣ былъ великій мастеръ. Потому-то романы его были зеркаломъ дѣйствительности, въ которомъ она походила сама на себя больше, нежели тогда, когда оставалась бы просто дѣйствительностью. Въ его романахъ вы видите и злодѣевъ, но понимаете, почему они — злодѣи, и иногда интересуетесь ихъ судьбой. Большею же частью въ романахъ его вы встрѣчаете мелкихъ плутовъ, отъ которыхъ происходятъ всѣ бѣды въ романахъ, какъ это бываетъ и въ самой жизни. Герои добра и зла очень рѣдки въ жизни; настоящіе хозяева въ ней — люди середины, ни то, ни сѣ. Вальтеръ-Скоттъ былъ натуры глубокой, но спокойной и тихой, пользовался отличнымъ здоровьемъ и не зналъ нищеты и бѣдности. Оттого взглядъ его на жизнь веселъ и ясенъ, а романы большею частью оканчиваются счастливо; но, какъ человѣкъ гениальный, а слѣдовательно и уважающій свято объективную истину изображаемаго имъ міра, онъ написалъ нѣсколько романовъ, которые очень похожи на ужасныя трагедіи, какъ напримѣръ „Ламмермурская Невѣста“, „Сень-Ронанскія воды“, „Айвенго, или Ivanhoe“ (со стороны судьбы Ревекки), „Морской Разбой-

никъ“ (Бренда)... Да, романы Вальтеръ-Скотта потому великія произведенія искусства, что они не прикрашенное и не разсироппленное, а дѣйствительное, хотя и идеальное, изображеніе жизни, какъ она есть. Только жалкіе писаки подбѣливаютъ и поддурманиваютъ жизнь, стараясь скрывать ея темныя стороны и выставляя только утѣшительныя. Но романы этихъ господъ — сочинителей похожи на грошевые пряники, которые услаждаютъ вкусъ одной черни, подонковъ и осадковъ человѣчества. Истина выше всего, и какъ ни закрывайте глаза отъ зла, — зло отъ этого не меньше существуетъ таки. Недавно было въ модѣ нападать на современныхъ французскихъ романистовъ за исключительно мрачный взглядъ ихъ на жизнь; но теперь порядочные люди уже не нападаютъ на нихъ за это, сколько потому, что эти нападки уже старая пѣсня, столько и вслѣдствіе умной, хотя и поздней догадки, что никто не можетъ видѣть вещи иначе, какъ онѣ представляются ему, и что кто не любитъ мрачныхъ картинъ, тотъ не смотри на нихъ, а писать ихъ все-таки не мѣшай. Теперь эти нападки сдѣлались достояніемъ меньшей литературной братіи, — и Боже мой! какія тонкія остроты, какія грозныя анаѣемы бросаетъ она на бѣдную французскую литературу, втайнѣ удивляясь ей и въявь питаюсь убогими крохами съ ея богатаго стола... Смѣшно и жалко?...

Какъ великій гений, Вальтеръ-Скоттъ не могъ не имѣть сильнаго вліянія на свой вѣкъ и даже на людей, съ которыми у него и у которыхъ съ нимъ не было ничего общаго. Всѣ бросились писать историческіе романы, не зная исторіи, будучи чужды всякаго историческаго созерцанія и взгляда на жизнь и думая, въ простотѣ сердца, что романы великаго шотландца оттого такъ удались, что въ нихъ исторія слита съ частнымъ бытомъ, и что имъ стоитъ только перелистовать какой-нибудь томъ исторіи Карамзина, да придумать любовь, разлуку, препятствіе и благополучный бракъ — такъ и они будутъ Вальтеръ-Скоттами — и разбогатѣютъ и прославятся. Нѣкоторымъ въ самомъ дѣлѣ удалось это въ карикатурѣ и миньятюрѣ. Впрочемъ не должно думать, чтобъ таковы были результаты движенія, произведеннаго Вальтеръ-Скоттомъ: они были безконечно важны во всѣхъ отношеніяхъ и для

всѣхъ литературъ, слѣдственно и для нашей. Мы уже упоминали о прекрасныхъ попыткахъ Ложечникова, и могли бы сдѣлать еще важнѣйшія указанія, — но это не относится собственно къ роману. Любопытно бы было взглянуть, какъ подѣйствовалъ Вальтеръ-Скоттъ на большую, по числу, часть своихъ подражателей; но это когда-нибудь, — а теперь обратимся къ романамъ Загоскина и къ другимъ одной съ ними категоріи.

„Юрій Милославскій“ былъ первымъ историческимъ романомъ на русскомъ языкѣ. Историческаго въ немъ было — надо сказать правду — очень мало, если исключить собственные имена, числа и внѣшнія событія. Русскія люди первой половины XVII вѣка у него очень похожи на мужичковъ и бородатыхъ торговцевъ нашего времени. Герой — образъ безъ лица, не человѣкъ и не тѣнь: его ни руками схватить, ни глазами увидѣть; но что всего забавнѣе, этому безтѣлесному существу авторъ навязалъ понятія чувства и деликатность сантиментальныхъ героевъ прошлаго вѣка. Замашка — основать русскій романъ XVII вѣка на любви показываетъ, что авторъ не вникъ въ бытъ старой Руси и увлекался подражаніемъ Вальтеръ-Скотту. Всѣ лица романа — осуществленіе личныхъ понятій автора; всѣ они чувствуютъ его чувствами, понимаютъ его умомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ нравятся въ чтеніи, потому что авторъ умѣлъ придать имъ какой-то призракъ дѣйствительности, и это умѣнье обличало въ немъ прежняго драматическаго писателя. Особенно же нравятся эти лица тѣмъ достопочтеннымъ добродушіемъ, которое умѣлъ придать имъ авторъ. Познакомившись съ такимъ лицомъ на одной страницѣ романа, вы знаете, что онъ будетъ говорить и дѣлать на другой, третьей — и такъ до послѣдней, а все-таки съ удовольствіемъ слѣдите за нимъ. Но герои добра и зла ужасно неудачны: мы говорили уже о самомъ Милославскомъ, а теперь скажемъ, что и таинственный незнакомецъ, открывающійся потомъ Мининымъ, не лучше его; бояринъ Кручина и другъ его сбиваются на мелодраматическихъ злодѣевъ... И однакожъ романъ произвелъ въ публикѣ фуроръ: онъ былъ первая попытка на русскій историческій романъ; сверхъ того въ немъ много теплоты и добродушія, которыя сдѣлали его живымъ и оду-

шевленнымъ; разсказъ легкій, льющійся, увлекательный: ничему не вѣрите, а читаете, словно „Тысячу и Одну Ночь“. Его и теперь можно перелистовать съ удовольствіемъ, какъ вѣроятно вы перелистываете иногда „Робинзона Крузо“, который въ дѣтствѣ доставлялъ вамъ столько чистѣйшаго и упоительнѣйшаго наслажденія. — За „Юріемъ Милославскимъ“ послѣдовалъ другой русскій историческій романъ Загоскина „Рославлевъ“. Онъ былъ повтореніемъ „Юрія Милославскаго“: тѣ-же лица, тѣ-же характеры, тѣ же начала, тѣ же достоинства и недостатки, исключая одной героини, которая сдѣлалась виновата передъ судомъ автора въ томъ, что, какъ женщина, полюбила мужчину, не спрашивая, какой онъ націи. И за это авторъ старался всѣми силами выставить ее въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, а героя тѣмъ паче возвеличить; но какъ этотъ великій мужъ былъ роднымъ братомъ боярина Юрія Милославскаго, то романъ и палъ, не смотря на возгласы пріятелей. Не будемъ и мы тревожить его праха. — „Аскольдова Могила“ была могилой славы автора, какъ историческаго романиста; онъ самъ это увидѣлъ и утѣшился тѣмъ, что изъ плохого романа сдѣлалъ плохое либретто для хорошей оперы. Тогда онъ обратился къ простымъ, не историческимъ романамъ, въ которыхъ талантъ его явно попалъ въ свою настоящую сферу, хоть и повыбился изъ силъ, напрягая ихъ въ чуждой ему сферѣ, куда приманила его подражательность. Подлинно, справедливо сказано:

Гони природу въ дверь—она влетитъ въ окно!..

Оставимъ пока романы Загоскина и обратимся къ историческому обзорѣ романической дѣятельности другого знаменитаго таланта: такъ требуетъ внутренняя связь нашей статьи.

Первымъ романомъ Булгарина былъ знаменитый въ русской литературѣ „Иванъ Выжигинъ“, —это извѣстно всей просвѣщенной Европѣ. Сатира и мораль составляютъ душу этого превосходнаго произведенія; сатира отличается такимъ желчнымъ остроуміемъ, а мораль — такой убѣдительностью, что тотчасъ же по выходѣ „Ивана Выжигина“ въ Россіи уже нельзя было увидѣть ни одного изъ пороковъ и недостатковъ,

осмѣянныхъ Булгаринымъ. И не удивительно: въ сатирѣ ему служилъ образцомъ Сумароковъ, „гонитель злыхъ пороковъ“... Вторымъ романомъ Булгарива былъ „Дмитрій Самозванецъ“, который впрочемъ показалъ, что историческая почва нисколько не родственна таланту Булгарина, столь сильному и поэтическому на моральной почвѣ. Романъ палъ, и только чрезвычайный успѣхъ „Выжигина“ помогъ разойтись единственному изданію „Самозванца“. Въ немъ всѣ недостатки „Юрія Милославскаго“, но не было ни тѣни теплоты и добродушія, составляющихъ неотъемлемое достоинство произведенія Загоскина. Впрочемъ Булгаринъ умѣлъ съ другой стороны сдѣлать свой историческій романъ если не интереснымъ, то заслуживающимъ неспоримое уваженіе: именно съ моральной стороны, съ которой онъ такъ замѣчателенъ. Вотъ что сказалъ о немъ Пушкинъ, прикинувшійся разъ Теофилактомъ Косичкинымъ: „Что можетъ быть нравственнѣе сочиненій Булгарина? Изъ нихъ мы ясно узнаемъ: сколь непохвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игрѣ и т. п. Булгаринъ наказуетъ лица разными затѣйливыми именами: убійца названъ у него Ножовымъ, взяточникъ—Взяткинымъ, дуракъ—Глаздуринымъ, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова—Хлопоухинымъ, Дмитрія Самозванца—Каторжниковымъ, а Марину Мнишекъ — княжной Шмохиной: зато и лица сіи представлены нѣсколько блѣдно“ (см. „Телескопъ“ 1831 года, ч. IV). Третьимъ романическимъ подвигомъ Булгарина былъ „Петръ Ивановичъ Выжигинъ“ — опять историческій романъ, гдѣ Наполеонъ былъ представленъ въ контрастѣ съ Петромъ Ивановичемъ и гдѣ Петръ Ивановичъ совершенно заслонилъ Наполеона — что и доказало неспособность Булгарина живописать историческія личности, особенно такія великія, какъ Наполеонъ. Загоскинъ въ то же время и такъ же неудачно изображалъ Наполеона въ своемъ „Рославлевѣ“: чудное сходство въ направленіи романической дѣятельности обоихъ этихъ писателей!... Тогда Булгаринъ съ горя отъ неудачи впалъ въ новую неудачу — написалъ третій и послѣдній историческій романъ свой — „Мазепу“. Дружба всѣми силами старалась поддержать это произведеніе, но и сама рушилась подъ тяжестью такого под-

зига: читатели можетъ быть вспомнятъ ловкую статью о „Мазепѣ“ въ „Библіотекѣ для Чтенія“. Тогда Булгаринъ написалъ „Записки Чухина“, гдѣ снова, и уже навсегда, вошелъ въ родственную его таланту сферу.

Теперь намъ остается разсмотрѣть, что такое моральный романъ, т. е., какъ онъ пишется и къ чему онъ годенъ. О восторженномъ родѣ романовъ новаго сказать нечего; что же до идеально-сентиментальныхъ, то здѣсь не мѣсто и не время распространяться о нихъ; мы предоставляемъ себѣ воспользоваться этимъ удовольствіемъ при появленіи перваго романа въ такомъ родѣ или—чего лучше!—при выходѣ послѣднихъ двухъ частей „Аббадонны“ Полевого: извѣстно, что первыя четыре части были изданы два раза безъ хвоста, о которомъ мы имѣемъ понятіе по двумъ большимъ отрывкамъ, напечатаннымъ въ „Сынѣ Отечества“ 1840 года. Итакъ, приступаемъ прямо къ разбору „Кузмы Петровича Мирошева“, какъ типическаго представителя цѣлаго рода романовъ, который должно назвать морально-сатирическимъ.

Всѣ главы въ новомъ романѣ Загоскина означены разными затѣйливыми заглавіями, которыя вошли въ моду въ нашей литературѣ съ появленія въ свѣтъ „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. Первая глава „Кузмы Петровича Мирошева“ гласитъ „О томъ, гдѣ и когда случилось то, о чемъ разсказывается въ этой истинной повѣсти“. Начинается она возраженіемъ противъ несправедливо пріобрѣтенной рѣкой Сурой извѣстности въ народѣ (вѣроятно народѣ Пензенской губерніи, гдѣ она только и извѣстна): авторъ справедливо замѣчаетъ, что покрытые сосновыми лѣсами берега Суры очень мрачны, и что Сура течетъ на сѣверъ. Вы ожидаете, читатель, встрѣтить на берегу этой несправедливо прославленной (что неопровержимо доказано Загоскинымъ почти на двухъ страницахъ) рѣки городъ или деревню, гдѣ родился герой или гдѣ началось дѣйствіе романа: ничего не бывало! Сура не имѣетъ никакого отношенія къ роману, точно такъ же, какъ и Гангесъ или Нилъ; на берегу Хопра начался и кончился романъ... Вы можетъ-быть думаете, что авторъ распространился ни съ того, ни съ сего о Сурѣ только для того, чтобъ къ его ро-

ману, тощему содержаніемъ, прибавилось полторы лишнія странички: ошибаетесь, читатель. Нѣтъ, это просто подражаніе русскимъ пѣснямъ: кто не знаетъ, что почти всѣ наши народныя пѣсни начинаются не съ того, съ чего начинаются, а именно съ того, съ чего не начинаются, напримѣръ:

Ужъ не лебедь ходитъ бѣлая
По зеленой травкѣ шолковой,
Ходитъ красна дѣвица душа
Во кручинѣ, въ мысляхъ горестныхъ, и пр.

Или:

Не былинуска въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная головушка,
Безпріютная головушка молодецкая, и пр.

Продолжаю. Хопру посвящено только нѣсколько строкъ; затѣмъ на тринадцать страницахъ слѣдуетъ описаніе деревни, принадлежащей герою романа. Деревня — какъ всѣ русскія деревни — ничего особеннаго! Въ число этихъ тринадцати страницъ должно включить легенду объ источникѣ или родникѣ въ деревнѣ Мирошева. Вотъ ужъ этого не понимаемъ: зачѣмъ сюда зашла эта легенда, если не для забавы читателей? ибо тѣ добрые люди, которые могли бы прійти отъ нея въ умиленіе, за безграмотностью, не прочтутъ романа Загоскина. Изъ второй главы узнаемъ, „Откуда происходитъ родъ Мирошевыхъ, и отчего у прадѣда Кузьмы Петровича было двѣ тысячи душъ, а ему досталось только пятьдесятъ“. Авторъ начинаетъ родъ Мирошевыхъ не съ яицъ Леды, а только лѣтъ за сто съ небольшимъ до царя Θεодора Іоановича; и потому надо прочесть по крайней мѣрѣ три страницы прежде, чѣмъ дойдешь до отца героя романа, Кузьмы Петровича. Отецъ его тянулся изъ всѣхъ силъ имѣть псарню — не меньше, чѣмъ у князя Ромодановскаго, и протянулъ тысячу шестьсотъ душъ, а сыну оставилъ съ небольшимъ чetyреста. Петръ Кузьмичъ женился на модницѣ, которая разорила его въ разоръ и терпѣть не могла своего сына (онъ-то и герой романа) за его кучерское имя, — что и заставило Петра Кузьмича отвезти малолѣтняго Кузьму Петровича въ Петербургъ и отдать въ кадетскій корпусъ. Черезъ пять лѣтъ родители Кузьмы Пе-

тровича умерли, и ему отъ четырехъ сотъ душъ крестьянъ осталось только триста рублей денегъ.

Теперь мы будемъ слѣдовать за романомъ не по главамъ, а постараемся рассказать содержаніе всей книги покороче. У Кузьмы Петровича былъ дядька, Прохоръ Кондратьевичъ— маленькое и не совсѣмъ удачное подражаніе Савельичу въ „Капитанской дочкѣ“. Здѣсь особенно интересно мнѣніе автора о слугахъ такого рода; представляемъ его на судъ читателей.

„Куда дѣвалось это поколѣніе вѣрныхъ слугъ боярскихъ? Оно исчезло вмѣстѣ съ патриархальными нравами нашихъ предковъ. Теперь такая безкорыстная любовь къ чужому ребенку можетъ показаться невѣроятной, а въ старину это бывало сплошь. Обыкновенно *барское дитя* переходило отъ кормилицы къ нянюшкѣ, отъ няни мальчикъ поступалъ подъ надзоръ дядьки, и всѣ эти хожатые: кормилица, нянюшка и дядька сохраняли до самой смерти неизмѣнную привязанность къ ребенку, который впоследствии становился ихъ бариномъ. *Разумѣется*, эта любовь была всегда самая слѣпая и безотчетная; обыкновенно каждая нянюшка и каждый дядька не сомнѣвались, что ихъ дитя и умнѣе, и лучше своихъ братьевъ и сестеръ. Это бы еще ничего: но они также были увѣрены, что оно не могло быть никогда и ни въ чемъ виноватымъ. Отъ этого происходили иногда споры, которые не всегда оканчивались миролюбиво: бывало два братца подерутся между собой, а тамъ—глядишь, и нянюшки таскаютъ другъ друга за волосы“ (ч. I, стр. 52)“.

Получивъ наслѣдство (300 руб.), Мирошевъ былъ выпущенъ изъ корпуса офицеромъ и заказалъ себѣ нѣмцу-портному полную форменную экипировку; а Прохоръ выторговалъ у нѣмца 30 рублей изъ ста, расплакавшись передъ нимъ о бѣдности барина. Затѣмъ Мирошевъ пошелъ въ прусскую кампанію. По увѣренію почтеннаго и даровитаго автора, „всѣ товарищи полюбили его за кроткій нравъ, примѣрное добродушіе и веселый обычай, который однакожъ не помѣшалъ ему быть самымъ разсудительнымъ и степеннымъ прапорщикомъ во всей арміи; служивые говорили о немъ, какъ о самомъ отличномъ и исправномъ фронтовомъ офицерѣ, а вся молодежь называла его дядюшкой. Лицо, какъ видите, идеальное, вполне заслуживающее чести быть героемъ такого прекраснаго романа, какъ „Кузьма Петровичъ Мирошевъ“. Прохоръ тоже попалъ въ большую честь за свою услужливость и честность, а главно—за умѣнье объясняться съ нѣм-

нами. Одинъ русскій офицеръ попросилъ у нѣмца молока, а тотъ подалъ ему колбасу—офицеръ было и по зубамъ нѣмца; но позвали Прохора, и тотъ сталъ на четвереньки, заревѣлъ телянкомъ (?!). Нѣмецъ догадался—и дѣло кончилось миролюбиво. Въ полку былъ поручикъ Фурсиковъ — забіяка въ мирѣ и трусъ на войнѣ. Мирошевъ былъ свидѣтелемъ его трусости (повтореніе слово въ слово исторіи съ княземъ Блѣсткимъ въ „Рославлевѣ“). Когда кончилась война, и Мирошевъ воротился съ полкомъ въ Россію, Фурсиковъ былъ эскадроннымъ командиромъ и такъ распекалъ при всякомъ случаѣ нашего Мирошева, что тотъ подалъ въ отставку и поѣхалъ въ Москву искать своихъ сослуживцевъ—не помогутъ ли они найти ему штатское мѣстечко. Имѣнія съ нимъ было—пара крестьянскихъ лошадей, телѣга, да пять цѣлковыхъ въ карманѣ. Жалѣлъ о немъ болѣе всѣхъ гуляка и рубака, добрый малый, Костоломовъ... Да! я и забылъ сказать, что у Мирошева была родная тетка, старая дѣвица, у которой было 50 душъ крестьянъ и съ которой мать его, а ея сестра, были во враждѣ. На дорогѣ къ Москвѣ Мирошевъ разговорился съ Прохоромъ о томъ, о семъ, и Прохоръ, между прочими умными вещами, которыя онъ такой мастеръ говорить, сказалъ, что не худо бы Кузьмѣ Петровичу имѣть душъ тысячи двѣ крестьянъ. „Э! — отвѣчалъ Мирошевъ: хорошо было-бы, еслибъ хотъ вотъ и этакую деревеньку,—вотъ, что стоитъ на лѣво-то!“ Тутъ баринъ и деньщикъ пустились въ запуски хвалить деревеньку,—и у Мирошева ни съ того, ни съ сего загорѣлось остановиться въ ней кормить лошадей, хотъ они еще и мало отѣхали. Слуга было заспорилъ, но скоро согласился: вѣдь противъ судьбы не пойдешь... Да, судьбы, читатель, судьбы: радостное бѣеніе вашего сердца и тонкая проницательность вашего ума давно уже сказали вамъ, къ чему ведутъ всѣ эти подробности... Путешественники остановились въ крайней избѣ у старосты Парѣна. Прохоръ предлагаетъ барину обѣдъ, но баринъ хочеть гулять. Оно такъ и должно: всѣ истинные герои романовъ любятъ гулять и мечтать, хотъ бы они родились и жили въ такое время, когда по пусту шататься не любили и всякому гуляню предпочитали—поплотнѣ набивши

желудокъ, хорошенько всхрапнуть. Но Мирошевъ былъ изъ грамотныхъ и вѣроятно уже прочелъ „Приключенія Никанора, несчастнаго Дворянина“, — похожденія знаменитаго „Георга, Милорда Англинскаго“ тогда едва-ли еще были изданы. Вотъ Мирошевъ и спрашиваетъ у одного мужичка, можно-ли погулять къ рошѣ. — „Сколько душѣ угодно, не то, что въ рошѣ, да и въ саду“. — „Стало-быть, господъ нѣтъ дома?“ — „Была барыня, да и та умерла“. — (Понимаете?..) — „Такъ и домъ посмотрѣть можно?“ — „Вѣстимо“. Пока ключница пошла за ключами, Мирошевъ глядѣ въ дверь одной комнаты, да и остолбенѣлъ. Тамъ — видите — сидѣла, облокотясь на столъ и читая книжку, прелестная молодая дѣвица съ печальнымъ лицомъ. Описаніе ея красоты пропускаемъ: оно превосходно, но нѣсколько сбивается на общій тонъ чувствительныхъ романовъ. Вдругъ у дѣвицы выступили на тѣлахъ слезы, а у Мирошева облилось сердце кровью. „Боже мой! — подумалъ онъ: — и это небесное созданіе, этотъ ангелъ несчастливъ!“ Краснѣя онъ спросилъ ключницу потомъ объ этой дѣвицѣ и узналъ, что она — „дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей“, сирота, призрѣнная покойной владѣтельницей деревеньки. Яркими красками описала Мирошеву ключница Ѳедосья добродѣтели этой дѣвицы, и какъ она, Ѳедосья, видѣла во снѣ свою умершую дочь и прочее, все такое... Гуляя, Мирошевъ заплакался, — изъ этого ясно видно, что онъ „полюбилъ сильно, глубоко и вѣчно, а не той чувственной любовью, что вспыхнетъ да пройдетъ“. Наплакавшись и нагулявшись, онъ воротился въ деревню — глядѣ, въ ней движеніе: мужики и бабы въ праздничныхъ пѣтьяхъ, и лишь кто увидитъ его, бухъ ему въ ноги... — Что такое? спрашиваетъ изумленный Мирошевъ. — Такъ-съ, ничего-съ! отвѣчаетъ ему таинственнымъ голосомъ Прохоръ. Короче, читатель: помѣщица села Хопровки, недавно умершая, была вышереченная тетка Мирошева, и Кузьмѣ Петровичу не даромъ захотѣлось кормить лошадей въ этой деревенькѣ... Впрочемъ вы давно уже ожидали такого чуда. Но вотъ бѣда: тетенька — то хотѣла отказать имѣніе своей питомицѣ; Кузьма Петровичъ даже нашелъ написанную вчернѣ духовную, которую не успѣли перебѣлить за смертью помѣщицы. Какъ истинный герой ро-

мана, чувствительный и великодушный, онъ почитаетъ себя не вправѣ воспользоваться наслѣдствомъ, не ему отказаннымъ, и, къ величайшему огорченію Прохора, отдаетъ деревню Марьѣ Дмитріевнѣ, которая жила въ людской, въ семействѣ добродѣтельнаго лакея Лаврентія, — а самъ хочетъ уѣхать въ Москву. Героиня наша и не прочь была, да какъ узнала отъ Прохора, что у его барина-то имѣнія всего на все, и съ лошадьми, рублей на 50, — то и не хотѣла уступить герою въ великодушіи, и печатнымъ, т. е. книжнымъ, слогомъ плохихъ романовъ второй четверти текущаго столѣтія начисто отказалась отъ деревни: иду-де, говорить, въ монастырь. Затѣмъ слѣдуетъ въ высшей степени патетическая сцена: Мирошевъ, собравшись съ духомъ, предлагаетъ ей владѣть деревней вмѣстѣ, а то — говорить — я уѣду на край свѣта, и сойду съ ума, и умру съ тоски. Все это очень хорошо, весьма трогательно, только во всемъ этомъ не видно нисколько людей того времени, а слѣдовательно и никакихъ людей. Но передъ вѣнцомъ оба они явились вдругъ людьми того времени: не говоря ужъ о невѣстѣ, самъ женихъ страшно затосковалъ о томъ, что ихъ некому проводить къ вѣнцу, и не будь Федосьи и Прохора, я думаю, что бракъ не состоялся бы, а романъ кончился бы во время... Изъ церкви Мирошевъ, по предложенію новобрачной, пошелъ на могилу тетки; тамъ Марья Дмитріевна посадила кустъ розановъ, который сначала было сталъ расти, а потомъ завялъ, листья облетѣли. Приходятъ, и — о, диво дивное и чудо чудное! — кустъ разросся, раззеленѣлся, разцвѣлъ. „О, матушка, матушка! — вскричала Марья Дмитріевна, упавъ на могилу своей благодѣтельницы: — я понимаю тебя: ты благословляешь дитя свое, ты радуешься его счастью!“ Послѣ этого трогательнаго воззванія по такому чувствительному поводу молодые упали на колѣни на могилѣ. Замѣтивъ эффектъ, произведенный надъ мужемъ своей рѣчью, Марья Дмитріевна проговорила другую — еще лучше, обнявъ своего нѣжнаго супруга: „О, мой другъ! теперь нѣтъ сомнѣнья, мы будемъ счастливы! Она благословляетъ нашъ союзъ. Вчера этотъ кустъ походилъ на мертвый трупъ, а сегодня... Посмотри, какъ пышны эти розы, какъ свѣжа эта зелень! Видишь ли, какъ бле-

стать на листочкахъ эти алмазныя капли росы?.. О, нѣтъ, нѣтъ! Это не роса: это радостныя слезы моей второй матери? "... Милое, доброе созданіе эта Марья Дмитріевна: и говорить, какъ пишетъ или словно по печатному читаетъ; во всякомъ случаѣ говорить, какъ не говорятъ и теперь, и какъ еще менѣе могли говорить въ тѣ времена, когда въ слѣдствіе родительской предосторожности насчетъ нравственности дочерей дѣвушекъ не учили ни читать, ни писать .. Зачѣмъ же она такъ говорить, какъ нигдѣ не говорятъ, кромѣ плохихъ романовъ? Затѣмъ, милосивые государи, чтобъ плѣнить воображеніе, тронуть сердце и убѣдить умъ читателя, какъ это предписывается въ любой риторикѣ... Вы думаете, что тутъ и все? что наши герои зажили благополучно и — и роману конецъ! Какъ бы не такъ! Это еще только первая часть, только вступленіе, за которымъ слѣдуютъ три части, это только присказка, а сказка-то впереди... Доскажемъ же ее какъ-нибудь.

Между первой и второй частью проходитъ 18 лѣтъ. Марья Дмитріевна уже превратилась въ барыню, толстую, плотную и румяную—простонародный идеалъ русской красоты! (Замѣчательно, что у Загоскина въ этомъ романѣ дѣйствующія лица большей частью плотныя, толстыя, а мужчины почти всѣ лысые...). Она ужъ объясняется просто, иногда даже черезъ чуръ просто, какъ всѣ русскія помѣщицы того времени, т. е. 1780 года. Кузьма Петровичъ мало перемѣнился, да и не отчего: въдь онъ это время только ѣлъ, пилъ да спалъ, человѣкъ онъ былъ добрый — мухи не обидитъ, на слугу не осердится; и такъ, не удивительно, что онъ только постарѣлъ немного. У нихъ есть дочь Варинька—вотъ ужъ милованка-то! глаза голубые (счетомъ два), носикъ... ну, да вы и такъ ее знаете наизусть. Авторъ очень жалѣетъ, что принужденъ былъ сравнить ея станъ съ аравійской пальмой, а не съ русской сосной,—и мы вполне раздѣляемъ его горе.

„Пылкое сердце и какая-то, наклонность къ мечтательности составляли отличительную черту ея характера: въ этомъ она вовсе не похожа на своихъ родителей, которые не давали волю (и) своему воображенію (и не мудрено: у нихъ его вовсе не было!), не залетали въ туманную даль, а жили по просту, какъ Богъ велѣлъ, — и вѣрно въ нашъ романтический вѣкъ показались бы людямъ весьма обыкновенными, прозаическими и

даже пошлыми (*вотъ что правда, то правда!*). Бѣдняжки! они не знали, что разгульная и буйная жизнь имѣть свою поэзію (*но неужели же животной жизни противополгается только разгульная и буйная: есть еще разумно-человѣческая, которая выше той и другой*); что жизнь спокойная, не волнуемая страстями, вовсе не жизнь, а прозябаніе; что мы, хотя живемъ на сѣверѣ, а должны смотрѣть на западъ, и такъ же, какъ тамъ, думать объ одномъ только земномъ просвѣщеніи, т. е., что мы можемъ забыть о земной нашей родинѣ; но зато должны передъ наукой благоговѣть, какъ предъ святыней; и художеству поклоняться, какъ божеству“.

А! вотъ что! понимаемъ... Но возьмите немного терпѣнія—то ли еще поймете: для того-то мы и пересказываемъ вамъ содержаніе этого романа. Недалеко отъ Мирошевыхъ деревня Кирсанова, богатаго помѣщика, у котораго есть сынъ. Разумѣется, онъ влюбленъ въ нее, а она начала „обожать“ его. Къ Мирошевымъ ѣздить сосѣди: Вертлюгины, мужъ—дуракъ, а жена—кокетка, модница, сплетница и все, что угодно: авторъ изобразилъ ее со всей ѣдкостью своей неподражаемой ироніи; потомъ бѣдный помѣщикъ, Зарубкинъ, сплетникъ, пьяница, побируха и шутъ. Мы и не упомянули бы о немъ, да съ нимъ былъ анекдотъ, который вѣрно характеризуетъ то прекрасное время, когда люди „передъ наукой не благоговѣли, какъ передъ святыней, и художеству не поклонялись, какъ божеству“. Послушайте разсказъ самого Зарубкина о томъ, что сдѣлалъ съ нимъ Аеонька, шутъ Кирсанова.

„Да, сударь! привязался ко мнѣ, проклятый! Научили что ль его—не знаю. Началъ такіа непригожія рѣчи говорить, всячески меня порочить; я сначала все въ шутку поварачивалъ, да онъ ужъ больно сталъ нахальничать: натянулъ палець, да и шолкъ меня по носу; я его отпахнулъ—а онъ и ну драться. А Иванъ Никифоровичъ, чѣмъ бы дурака-то унять, кричитъ: „Не поддавайся, Аеонька!“ — а тотъ и пуще! Гляжу: акти! дуракъ-то ужъ и до рожи добирается!.. Я и руками, и ногами, кричу: „батюшки, бьеть! батюшки бьеть!“ а его *высокородіе* такъ и умираетъ со смѣху. Да ужъ сынокъ-то его, Владиміръ Ивановичъ, дай Богъ ему здоровья такой добрый! схватилъ Аеоньку за воротъ и оттащилъ прочь; а все этотъ шальной раза два съѣздилъ меня по уху. Что будешь дѣлать!“ (*Часть II, стр. 20—21*).

Да, можно повѣрить, что Зарубкинъ „не благоговѣлъ передъ наукой, какъ передъ святыней и художеству не поклонялся, какъ божеству“: такое самоуниженіе и животное не-

знаніе своего человѣческаго достоинства никогда не соединяется съ благородной любовью къ наукѣ и возвышенной страстью къ искусству. И что идетъ къ Зарубкину, то же можно сказать и о вѣкѣ „Зарубкиныхъ“...

Въ сосѣдствѣ деревни Мирошевыхъ было имѣніе одного богача-графа, который поручивъ его управленію холопа своего, Курочкина, не хотѣлъ и знать о немъ: въ немъ было всего только 400 душъ! Курочкинъ этотъ былъ знаменитый, въ духѣ того времени, законовѣдецъ: чуть кто ему не понравится—тяжбу, да и оттягиваетъ, именемъ графа, сколько захочетъ десятинь земли или лѣсу. У Курочкина былъ сынъ—офицеръ... Я и забылъ сказать, что въ семействѣ Мирошевыхъ есть дѣвушка Дуняша—родъ подруги и горничной Вариньки, дочь того Лавренція, что нѣкогда призрѣлъ было Марью Дмитріевну. Курочкинъ началъ намекать Мирошеву о сватовствѣ, а тотъ, думая, что дѣло идетъ о Дуняшѣ, и радехонекъ; но когда недоразумѣніе разрѣшилось—въ Мирошевѣ проснулась дворянская гордость. Прохоръ чуть не избилъ сваху; Марья Дмитріевна—та, что говорила по печатному на могилѣ,—не уступила въ ревности Прохору: насилию отстоялъ отъ нихъ Мирошевъ бѣдную сваху. Впрочемъ этой свахѣ досталось и отъ автора: онъ такое принялъ горячее участіе въ оскорбленіи Мирошева, что изобразилъ ее хуже чорта и такъ смѣшно, что еслибъ прочелъ Прохоръ, то сказалъ бы: „батюшки свѣты, животики надорвешь—умора да и только“... Такъ же саркастически изображенъ и сынъ Курочкина: самъ Митрофанъ Фонвизина—умница передъ нимъ: Оно такъ и надо; чѣмъ солонѣ севрюжина, тѣмъ вкуснѣе для извѣстнаго разряда гастрономовъ. Между тѣмъ наши голубки вздыхаютъ, воркуютъ, и разъ такъ разворковались, что и кольцами помѣнялись. Владиміръ Ивановичъ Кирсановъ—второе изданіе Кузьмы Петровича, только съ корректурными поправками въ правописаніи; онъ надѣленъ всѣми возможными добродѣтелями, и не имѣетъ только лица и характера, но похожъ на вырѣзанную изъ картузной бумаги фигурку, у которой изъ-подъ головы тотчасъ же начинаются ноги и на лбу ярлычекъ съ номеромъ.—„Я—говоритъ онъ—

противъ воли отпа на тебѣ не женюсь, а любить буду до гроба и умру твоимъ суженымъ“.

„О! какое неизъяснимое блаженство изобразилось въ глазахъ Вариньки! — Моимъ суженымъ! повторила она. — Да чего же еще я могу просить у Бога? Ты станешь вѣчно любить меня — да! вѣчно!.. *Здѣсь* ты будешь женихомъ моимъ, а *тамъ*—Господь назоветъ насъ супругами! Онъ услышитъ мою молитву: твоя невѣста умретъ прежде тебя... О! какъ она будетъ тебя дожидаться!... Владиміръ!—продолжала Варинька, свивая съ пальца золотое колечко, — можетъ быть въ церкви Божіей намъ не удастся никогда обмѣняться кольцами: надѣнь его и дай мнѣ свое. Если ты самъ не снимешь его съ моего пальца, то, будь увѣренъ, я лягу съ нимъ въ могилу...“

— Теперь мы съ тобой обручены!—сказалъ Владиміръ, глядя съ *неизъяснимою любовью* на Вариньку—О, мой ангелъ невинности и доброты!—продолжалъ онъ, *цѣлуя ея руки*, — какая женщина въ мірѣ можетъ равняться съ тобой!... О, повѣрь, мой другъ! еслибъ любовь моя не была такъ же чиста, какъ эти ясныя небеса... еще чище — какъ душа твоя! я не смѣлъ бы тогда прикоснуться къ тебѣ, не смѣлъ бы взять тебя за руку!... Какъ я люблю тебя *здѣсь*, такъ можно будетъ мнѣ любить тебя и *тамъ*, гдѣ нѣтъ ничего земного. Ты правду сказала, Варинька: если не въ здѣшнемъ, такъ въ будущемъ мірѣ Господь благословитъ нашъ союзъ“ (ч. II, стр. 240—241).

Каково?—Попробуйте найти такую сцену любви у Шекспира, Байрона, Вальтеръ-Скотта, Купера, Шиллера, Гете, Руссо, Пушкина: увѣряю васъ, что не найдете, лучше и не трудитесь, не ищите напрасно... Вотъ перо, такъ перо!.. Господи, подумаешь, какіе есть сочинители на свѣтѣ: начнешь читать—такъ невольно плачешь и смѣешься, смѣешься и плачешь....

Эта трогательная сцена любви была подслушана Вертлюгиной, которая нагло навязывалась на Кирсанова и ревновала его къ Варинькѣ. Вслѣдствіе этого старикъ Кирсановъ увезъ своего сына въ Воронежъ, чтобъ насильно женить его тамъ на дочери своего богатаго пріятеля; отъ этого Варинька, на 94 стр. III части, упала въ обморокъ и съ той же минуты, какъ истинная героиня романа, сдѣлалась больна; а Курочкинъ между тѣмъ затѣялъ дѣло, вслѣдствіе котораго Мирошевъ увидѣлъ себя въ необходимости ѣхать въ Москву. Варинька исхудала—узнать нельзя; къ большому несчастью ее чуть не залѣчилъ нѣмецъ лекаръ. Игнатьевна (которую

мы доселѣ знали подѣ именемъ Ѳедосьи) ворожить и колдовать, не смотря на свою набожность.

„Несмотря на это грубое невѣжество, на эту странную смѣсь вѣры съ суевѣріемъ, въ старину едва ли ужъ не тверже вѣрили, и ужъ конечно лучше нашего умѣли любить“.

И спору нѣтъ: въ романѣ Загоскина столько представлено неоспоримыхъ доказательствъ этой истины, что невольно жалѣешь о своемъ отчаянномъ безвѣріи въ гаданія, наговоры, вспрыскиванія и о своей рѣшительной неспособности объясняться въ любви на манеръ Мирошевыхъ и Кирсановыхъ...

Дуняша давно уже играетъ не послѣднюю роль въ романѣ, а ея грудь все еще взмечтывается безпредметной любовью, говоря высокимъ слогомъ. Но не безпокойтесь: такая достойная дѣвица не останется безъ „предмета“; авторъ неуспынно бдитъ за героями и героинями своего романа; онъ любитъ пары, и когда понадобится, у него голубокъ какъ съ неба свалится. На святкахъ Дуняша пошла ворожить въ баню, которая стояла въ полѣ за околицей. Вдругъ звонъ колокольчика—оглянулась; за ней косматое чудовище—ахъ!.. и въ обморокъ. Очнувшись, увидѣла она не чудовище, а его... Онъ сбился съ дороги (въ тотъ вечеръ была страшная метель) и пришелъ на огонекъ... Оказалось, что это русскій лѣкарь изъ Воронежа. Онъ вмигъ вылѣчилъ Вариньку, сказавъ ей наединѣ, разумѣется, что Владиміръ вѣренъ, а въ вящее доказательство вручилъ ей и письмо. Словно рукой сняло болѣзнь—отецъ и мать въ восторгѣ, они увѣрены, что лѣкарство подѣйствовало. Уѣзжая „лѣкарь поглядѣлъ на Дуняшу такъ чудно, что она вся всыхнула“. Понимаете?.. Вотъ вамъ и еще пара голубковъ. Они же и ровня: лѣкарь тоже сынъ крѣпостного человѣка... Надо сознаться, что подѣ чудотворнымъ перомъ Загоскина все такъ хорошо улаживается, что лучше желать нельзя. Онъ повертываетъ законами дѣйствительности подобно тому герою русской сказки, который только скажетъ: „по моему прошенію, по щучьему велѣнію“—и какъ тутъ было...

Мирошевъ отправился съ Прохоромъ въ Москву и на до-

рогѣ (очень кстати) встрѣтился съ Костоломовымъ, который тоже ѣдетъ въ Москву искать себѣ мѣста городничаго въ какомъ-нибудь городишкѣ. Онъ—видите—любилъ несчастно и, по великодушію, рѣшилъ подарить отцу своей возлюбленной любимаго полнопѣгаго борзого кобеля, Буяна, чтобъ тотъ согласился отдать свою дочь за того, кого она любила (ч. III, стр. 863—276). Въ Москвѣ пріатели остановились на подворьѣ и тотчасъ же были свидѣтелями, какъ сыщикъ Ванька Каинъ поймалъ разбойника, обманувъ его прежней пріязнью. Хлопоты Мирошева о дѣлѣ кончились тѣмъ, что подъячій Тетерькинъ, которому онъ по простотѣ своей, несмотря на всѣ предостереженія Прохора, ввѣрилъ—разорилъ его въ конецъ. Нашелся идеально-честный человѣкъ, который взялъ на себя трудъ объяснить простаку, что его стряпчій сидитъ въ тюрьмѣ, откуда пойдетъ на каторгу, а его дѣло едва ли когда кончится. Домой! Но не на чемъ; ѣсть тоже нечего. Одна надежда на Костоломова, а тотъ самъ идетъ къ Мирошеву попросить займы. Узнавъ о положеніи пріателя, Костоломовъ тащитъ его обѣдать къ какому-то графу.

„У нѣкоторыхъ изъ вельможъ, жившихъ въ Москвѣ на покоѣ, почти ежедневно были такъ называемые *открытые столы*. Каждый опрятно одѣтый человѣкъ, хотя бы онъ былъ вовсе незнакомъ хозяину, могъ смѣло приходиться обѣдать за этотъ столъ; его не спрашивали, кто онъ такой. Дождавшись въ столовой хозяина и *отвѣсивъ ему низкій поклонъ*, онъ садился за общую трапезу и кушалъ на здоровье во славу Божию и въ честь гостепріимнаго хозяина, которому и кушанье показалось бы не вкуснымъ, еслибъ за его столомъ сидѣло менѣе ста человѣкъ гостей. Этотъ обычай извѣстенъ намъ по одному преданію. Мы не дошли еще до просвѣщенной расчетливости нашихъ западныхъ сосѣдей, у которыхъ отдѣленный сынъ не придетъ незванный обѣдать къ отцу; но, несмотря на это, съ трудомъ уже вѣримъ, что русское хлѣбосольство могло когда-нибудь существовать въ такомъ обширномъ размѣрѣ,—и вотъ почему я нашелъ необходимымъ предvarить своихъ читателей, что этотъ обычай дѣйствительно существовалъ на Руси, и что были у насъ такіе болре, которые находили удовольствіе угощать однимъ и тѣмъ же столомъ и бѣдныхъ, и богатыхъ, и друзей, и незнакомыхъ; однимъ словомъ, дѣлиться со всеми богатствомъ, которымъ наградила Господь—и проживать свои доходы дома, а не копить деньги для того, чтобъ проматывать ихъ на чужой сторонѣ, ради *приобрѣтенія себѣ* европейскаго имени“ (ч. IV, стр. 122—123).

Теперь мы понимаемъ, въ чемъ дѣло...

Какъ ни допытывался Мирошевъ у Костоломова имени графа—тотъ не хотѣлъ его сказать до обѣда. Сѣли. Мирошеву досталось сидѣть подлѣ какого-то отставного драгунскаго офицера, который очень странно велъ себя и походилъ на помѣшаннаго. Надо замѣтить, что и Мирошевъ служилъ въ драгунахъ и былъ въ отставномъ драгунскомъ мундирѣ. Послѣ обѣда, узнавъ отъ Костоломова, что они обѣдали у того самаго графа, съ которымъ у него процессъ, Мирошевъ, отъ простоты своей, перепугался—и бѣжать, а съ испугу едва могъ проговорить свою фамилію спрашивавшему его о ней дворепкому. На другой день вечеромъ Прохоръ, къ несказанной своей радости, получилъ на имя своего барина одиннадцать серебряныхъ ложекъ. Черезъ нѣсколько часовъ Мирошевъ узналъ, черезъ разговоры незнакомыхъ ему людей въ гостинницѣ, что отставной поручикъ Мирошевъ, обѣдая у графа такого-то, укралъ серебряную ложку, а графъ, когда ему донесли, велѣлъ отдать ему и остальные одиннадцать, говоря, что можетъ быть бѣдный челоѣкъ нуждается—такъ пусть уже у него будетъ цѣлая дюжина... Мирошевъ съ отчаянія о потери честнаго имени наговорилъ короба три великолѣпныхъ фразъ и совсѣмъ бы зарѣзался, если Костоломовъ не напомнилъ ему о женѣ и дочери.

Здѣсь я прерву повѣствованіе (которое впрочемъ скоро кончится), чтобъ замѣтить, какой великій мастеръ Загоскинъ завязать и развязать узелъ романа. Процессъ Мирошева явно долженъ былъ быть проигранъ; Мирошевъ—нищій безъ земли съ 50-ю душами; ему не на что и домой воротиться—бѣда да и только! Чѣмъ кончиться роману? гдѣ быть свадьбѣ и богатству, которыми оканчивается всякій порядочный романъ въ трогательномъ родѣ? Но геній тамъ-то и найдется, гдѣ обыкновенный умъ потеряется: авторъ самымъ естественнымъ образомъ свелъ Мирошева съ графомъ въ ту самую минуту, когда уже самъ читатель видитъ, что безъ участія графа роману не распутаться. Встрѣча съ графомъ была несчастна для Мирошева: она лишила его еще и чести, когда уже онъ былъ лишенъ куска хлѣба,—не безпокойтесь, это не что другое, какъ „игра трудностями“ со стороны артора. Вы ближе къ развязкѣ, чѣмъ думаете. Костоломовъ, идя отъ Мирошева

домой, увидѣлъ, что на какого-то одѣтаго по-нѣмецки чело-
вѣка напали три мужика: Костоломовъ разогналъ ихъ, а въ
томъ, котораго спасъ отъ нихъ, узналъ сыщика Ваньку Каина.
Счастливая встрѣча, не правда ли?...—Отецъ родной, услуга
за услугу: помоги отыскать вора, что, нарядившись въ дра-
гунскій мундиръ, укралъ у графа серебряную ложку! — Из-
воль, сударь! — Стучатся молодцы въ избушку. Отворить имъ
замѣшкались: замѣтно было, что кого-то прятали. Вошли, а
подъ лавкой лежатъ казакинъ, картузь и драгунская шапка.
Гостей встрѣтила баба, торговка всякимъ товаромъ, какой
Богъ пошлетъ. — Нѣтъ ли чего купить, Матренушка? — спро-
силъ Каинъ. — Вынесла разное платьѣ. — Нѣтъ ли серебреца? —
Какъ не быть! — та и тащитъ ларецъ; открыла, а ложка-то
тутъ: вотъ и графскій гербъ на ней... — Гдѣ взяла? — Мѣща-
нинъ продалъ. — Вотъ не этотъ ли, что ходитъ въ этомъ? —
сказалъ Каинъ, вытаскивая изъ-подъ лавки казакинъ, кар-
тузь и саблю. Свистнулъ Каинъ — налетѣла его команда и
скрутили молодца, что былъ за перегородкой... Видите ли,
какъ все счастливо случилось, удалось и уладилось? Видите
ли, что невинность всегда оправдается, а преступленіе всегда
откроется?... Поутру Каинъ представилъ молодца съ ложкой
къ графу. Мирошевъ, извѣщенный Костоломовымъ обо всемъ,
тотчасъ же началъ каяться въ грѣхъ отчаянія... Развязку
не мудрено понять: графъ проситъ у Мирошева извиненія,
увѣряетъ, что процессъ кончился въ его пользу, даетъ ему
денегъ на дорогу и пакетъ, который проситъ его велѣтъ Ку-
рочкину прочесть при себѣ вслухъ. Мирошевъ униженно бла-
годаритъ графа и проситъ его походатайствовать мѣстѣ го-
родничаго въ Новохоперскъ для Костоломова. — Извольте:
намъ эго ни-почемъ — Наконецъ блаженный Мирошевъ упалъ
въ объятія дородной супруги и чувствительной дочери, а
Прохоръ побѣждалъ звать Курочкина. Между тѣмъ, въ от-
сутствіе Мирошева, у Кирсанова съ отцомъ была горячая сцена:
молодецъ такъ расплакался и такъ „трогательно“ говорилъ,
что старикъ махнулъ рукой — „только, говорить, самъ не поѣду
сватать, а письмо напишу“. Мирошевъ вслѣдствіе правилъ,
Богъ знаетъ почему навязанныхъ на него авторомъ, не со-
глашается на этотъ вынужденный и неровный бракъ и го-

ворить женѣ, книжнымъ нашего времени языкомъ, слѣдующую рацею: „Эхъ, Марья Дмитриевна! тѣми ли мы смотримъ на нее (т.-е. на дочь) глазами, какими будетъ смотрѣть Иванъ Никифоровичъ? Она единственное дитя наше, наша радость, наше утѣшеніе; а что она для него? Деревенская барышня, дочь нечиновнаго дворянина, безъ всякаго свѣтскаго образованія, помѣха всѣмъ честолюбивымъ его видамъ, и вдобавокъ ко всему этому — бѣдная дѣвушка, которая, по смерти отца и матери, получить пятьдесятъ душъ!... О, мой другъ!“ и проч. (ч. IV, стр. 258—299).— „Вотъ какъ бы за ней было душъ хоть двѣсти“ — прибавилъ онъ... Тутъ явился Курочкинъ съ поклонами и трепетомъ, чуя бѣду; распечаталъ конвертъ — тамъ купчая на село Воздвиженское, состоящее изъ четырехъ сотъ тридцати семи душъ, со включеніемъ въ ихъ число и Курочкива; купчая на имя Мирошева... О, великодушный графъ!... И какъ все это кстати!... Добродѣтельный Мирошевъ простилъ Курочкина и, несмотря на сопротивленіе Прохора, отпустилъ его на волю даромъ. Тутъ какъ нарочно и старый Кирсановъ раскаялся въ своей гордости и — шастъ на дворъ... Боже мой, какъ все это кстати!... Говорите послѣ этого, что на землѣ нѣтъ счастья!...

Вы думаете — конецъ? нѣтъ еще! Авторъ понялъ, какъ больно читателю будетъ разстаться скоро съ такими прекрасными и нравственными людьми, каковы герои его несравненнаго романа: онъ показываетъ намъ ихъ всѣхъ ровно черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ знаменитаго дня чтенія купчей. Бывшая Варинька Мирошева, а теперь Ворвара Кузьминина Кирсанова, стала женщиной прекрасной, но дородной... Удивительное счастье для героинь романовъ Загоскина — чуть перестанутъ сентиментальничать и выражаться „высокимъ слогомъ“ — тотчасъ и разжирѣютъ: видимая благодать Божія!... Марья Дмитриевна уже очень постарѣла, а Кузьма былъ еще довольно свѣжъ. У дородной Варвары Кузьминины было двѣ дочери и сынъ. Авторъ показываетъ намъ всѣхъ ихъ за чаемъ, подъ липкой: умилительная картина семейственнаго счастья!... Тутъ сидитъ и старикъ Кирсановъ, и Новохоперскій городничій Костоломовъ, и Новохоперскій уѣздный врачъ Логиновъ, супругъ Дуняши. Изъ ихъ разговоровъ

узнаемъ, что Алексѣй Панкратычъ Курочкинъ, сынъ бывшаго приказчика, теперь уѣздный засѣдатель, — тотъ, что было лѣзь въ женихи Варинькѣ — попалъ въ уголовную. Вертлюгина по духовной покойнаго мужа владѣла его имѣніемъ; племянникъ его вступился и доказалъ, что духовная фальшивая, и что Вертлюгина вложила перо въ руку уже умершаго своего сожителя и подписала такимъ образомъ духовную, а дуралей Курочкинъ подписался свидѣтелемъ... Боже мой! какія гнусныя дѣла творились въ тѣ блаженные времена, когда не „благоговѣли передъ наукой, какъ передъ святыней, и не поклонялись искусству, какъ божеству, когда тверже вѣрили и пламеннѣе любили, чѣмъ теперь“! ..

Далѣе изъ разговоровъ собесѣдниковъ узнаемъ, что Прохоръ Кондратьевичъ лежитъ при смерти, и не мудрено: ему уже за девяносто. Вдругъ докладываютъ, что умеръ и велѣлъ барину отдать какой-то ларецъ: въ немъ были образокъ, 10 цѣлковыхъ, двѣ игрушки и истертые дѣтскіе башмачки Мирошева...

Изъ этого длиннаго изложенія содержанія длиннаго романа Загоскина можете видѣть, читатель, какъ легко писать такіе романы для всякаго, кто только захочетъ писать: стоитъ разъ осмѣлиться, а тамъ уже не трудно набить руку. О талантѣ, идеяхъ и тому подобныхъ вещахъ нечего и говорить, когда рѣчь идетъ о такихъ романахъ. Спрашиваемъ прямо и не шутя: неужели сколько-нибудь образованный и начитанный человѣкъ увидитъ въ Мирошевѣ и Кирсановѣ героевъ рома, лица и характеры типичаскіе?... Скажите, чѣмъ они отличаются одинъ отъ другого, и не похожи ли одинъ на другого, какъ двѣ капли воды, взятыя изъ одного и того же пруда?... Умные люди говорятъ, что въ Божіемъ мірѣ нельзя сыскать двухъ листочковъ, совершенно сходныхъ между собой; а тутъ вдругъ два героя въ одномъ романѣ, которыхъ нечѣмъ отличить другъ отъ друга! Образъ мыслей ихъ одинъ и тотъ же, языкъ и фразы — тѣ же, притомъ въ нихъ нѣтъ ничего принадлежащаго къ ихъ времени. Неужели трудно выдумать, за одинъ присѣсть, сто такихъ героевъ, какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга, и въ то же время ни на кого, ни на что,

даже на самихъ себя не похожихъ? И это искусство, литература, романъ... Но далѣе... Но что говорить далѣе? Вѣдь героини такъ же хороши, какъ герои. По крайней мѣрѣ онѣ хоть жирѣютъ съ годами, слѣдовательно, измѣняются хоть физически... А сахарныя сцены любви, пряничныя фразы приторныхъ чувствованій и водяныхъ ощущеній?... И это мы читаемъ въ 1842 году, и это будутъ хвалить пріятельскіе журналы и покупать довѣрчивые покупатели? А что за содержаніе романа? Человѣкъ получилъ чудеснымъ (т. е. несбыточнымъ) образомъ наслѣдство, и таковымъ же образомъ влюбился и женился, за неумѣніемъ и неспособностью сдѣлать что-нибудь болѣе необыкновенное. Этимъ бы слѣдовало кончить; кажется, и самъ авторъ такъ думалъ, но, дописавъ послѣднюю страницу, вѣрно рѣшился продолжать на авось, довѣрившись не фантазіи, а рукѣ и перу... Во второй части являются новые уже герои: зачѣмъ же романъ названъ Кузьмой Петровичемъ Мирошевымъ? И опять—что за содержаніе?—Путаница несбыточно-счастливыхъ событій, страшныя хлопоты судьбы, нарушившей законы дѣйствительности,—и все это для того только, чтобъ оставить за Мирошевымъ его 50 душъ и наклеить носъ Курочкину!.. Даже не для того, чтобъ соединить „законнымъ бракомъ“ два безличныя, но добродѣтельныя существа: ибо старикъ Кирсановъ рѣшился переломить свою гордость и пріѣхать къ Мирошевымъ, ничего не зная объ окончаніи процесса. Слѣдовательно процессъ, наполняющій собой двѣ съ половиной части романа, не имѣетъ никакого отношенія къ судьбѣ „злополучныхъ любовниковъ“. Итакъ, къ чему же все это и зачѣмъ все это? Какой смыслъ, какая цѣль, какое намѣреніе?—И однакожъ въ романѣ есть все это: и смыслъ, и цѣль, и намѣреніе, только плохо выраженные, безталантно выполненныя. Но о нихъ сейчасъ.

Мы видѣли, что всѣ герои и героини романа Загоскина раздѣляются на три разряда: № 1—добродѣтельные, № 2—злодѣи, № 3—лица комическія. Каковы первые—мы уже говорили. Второе—карикатуры, въ которыхъ однакожъ есть призракъ дѣйствительности, какъ напримѣръ въ негодѣй Курочкинѣ. Третьи всѣхъ удачнѣе въ лицѣ Ѳедосьи и Прохора. Это не личности, не характеры, но искусственныя олице-

творенія сословія. Все это, разумѣется, лучше безцвѣтныхъ героевъ. Они по крайней мѣрѣ говорятъ человѣческимъ языкомъ—слѣдствіе вліянія Вальтеръ-Скотта даже на „сочинителей“ романовъ. Этотъ языкъ грубо и неизящно вѣренъ природѣ. Въ Прохорѣ заключена вся мысль романа; на немъ сосредоточено все вдохновеніе, весь пафосъ концепціи; онъ истинный и единый герой романа, Ахиллъ этой вывороченной на изнанку „Иліады“. Авторъ любитъ его, удивляется ему; онъ искренно жалѣетъ, что ужъ нѣтъ болѣе такихъ слугъ. Прохоръ является на первыхъ страницахъ романа и сходитъ съ него—на послѣдней. Въ немъ основная мысль, въ немъ смыслъ, цѣль и намѣреніе романа. Мысль эта—превосходство нравовъ старины передъ современными, разумность того времени, когда „не благоговѣли передъ наукой, какъ передъ святыней, и не поклонялись искусству, какъ божеству“... Странная ненависть къ наукѣ и искусству, удивительная вражда къ просвѣщенію!..

Героиня романа—Федосья. Въ ней мы видимъ неоспоримый документъ (запыленный, заплѣсневѣлый и подгнившій отъ времени), доказывающій, что только во времена суевѣрія „умѣютъ и твердо вѣрить, и горячо любить“. Напрасно даровитый сочинитель не сдѣлалъ изъ Прохора и Федосьи—злополучныхъ любовниковъ, въ концѣ романа преодолевающихъ всѣ препятствія и вступающихъ въ „законный бракъ“. Тогда бы юное поколѣніе нашего времени знало, у кого учиться любить.

Но довольно, читатели! Если мы заняли ваше вниманіе разборомъ „Кузмы Петровича Мирошева“—это потому, что романъ Загоскина если типъ моральныхъ и сатирическихъ русскихъ романовъ нашего времени, глава всѣхъ ихъ. Скоро о подобныхъ явленіяхъ ужъ не будутъ не говорить, ни писать, какъ уже не говорятъ и не пишутъ больше о Выжигиныхъ, и цѣль нашей статьи—ускорить по возможности это вожделѣнное время, которое будетъ свидѣтельствомъ, что наша литература и общественный вкусъ сдѣлали еще шагъ впередъ...

Поэзія Полежаева.

Часы выздоровленія (,) стихотворенія А. Полежаева. М. 1842. Стихотворенія А. Полежаева М. 1832. Кальянъ. Стихотворенія А. Полежаева. М. 1838. Арфа. Стихотворенія А. Полежаева. М. 1838.

И я жилъ, но я жилъ
На погибель свою...
Буйной жизнью убилъ
Я надежду мою...
Не разцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашелъ
Гибель жизни моей.
Духъ унылъ, въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Миръ души погребла
Къ шумной волѣ любовь...
Не воскреснетъ она!...

А. Полежаевъ.

Первая изъ книгъ, заглавіе которыхъ выставлено въ началѣ этой статьи, включаетъ въ себѣ оборышъ стихотвореній талантливаго Полежаева и не заслуживаетъ никакого вниманія. Это явно или спекуляція на имя, или слѣдствіе необдуманнаго дружескаго усердія къ покойному автору. Тѣмъ не менѣе мы рады появленію этой книжки, потому что она даетъ намъ удобный случай поговорить о Полежаевѣ, какъ поэтѣ вообще, и сдѣлать критическую оцѣнку всей его поэтической дѣятельности.

Слава дается людямъ гениемъ и не зависитъ ни отъ какихъ случайныхъ отношеній. Противъ нея безсильны предубѣжденія, зависитъ и злоба. Они даже служатъ ей, стараясь уничтожить ее,—и если имъ удастся иногда помрачить ея лучезарный блескъ, то не болѣе, какъ на минуту, и для того только, чтобъ она явилась еще лучезарнѣе: такъ солнце является въ большемъ блескѣ, когда пройдутъ мимо застилавшія его облака, а они не могутъ же не проходить мимо его! Время всегда на сторонѣ „славы“, и, опираясь на него, она

торжествуетъ даже надъ самымъ временемъ. Но слава дается однимъ геніямъ.—и какъ между геніемъ и обыкновеннымъ человѣкомъ есть множество посредствующихъ ступеней и звеньевъ, называемыхъ „талантами“ и дарованіями, такъ и между „славой“ и „извѣстностью“ есть посредствующія величины славы, называемыя большей или меньшей „извѣстностью“. Вотъ эти-то таланты и дарованія, эти-то извѣстности болѣе или менѣе и испытываютъ на себѣ вліяніе случайныхъ отношеній и временныхъ обстоятельствъ, ничтожныхъ и безсильныхъ для генія и славы. Нельзя провести рѣзкой черты, отдѣляющей геній отъ таланта, ибо есть таланты близкіе къ генію, и вообще подобное разграниченіе окончательно совершается временемъ и вѣками. Въ этомъ вопросѣ для насъ важно только то, что чѣмъ выше, сильнѣе, многостороннѣе, глубже, словомъ, огромнѣе, талантъ—тѣмъ больше его извѣстность приближается къ славѣ, тѣмъ менѣе могутъ вредить ему случайныя отношенія; и наоборотъ: чѣмъ меньше и одностороннѣе талантъ или низшая его степень—дарованіе, тѣмъ больше зависитъ оно не отъ самого себя, а отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, вліяніе которыхъ особенно сильно обнаруживается на него въ самое его возникновеніе и развитіе. Часто случается, что совершенно пустое и ничтожное дарованіе пользуется въ свое время громкой извѣстностью, похожей на славу, а истинный и замѣчательный талантъ проходитъ незамѣченный толпой при жизни, забытый ею по смерти. И когда потокъ времени поглотитъ всѣ случайныя извѣстности и эфемерныя славы, тщетно сталъ бы кто-нибудь воскрешать непризнанную славу вотще промелькнувшаго таланта: его вновь заслоняютъ возникшія извѣстности, его слава, его творенія принадлежатъ исключительно его времени, которое прошло для него и безплодно, и безвозвратно. Потомство согласится, что онъ былъ выше тѣхъ, которые заслоняли его, но и на немъ не захочетъ остановить своего вниманія такъ же, какъ и на нихъ. Впрочемъ нельзя сдѣлать общаго правила изъ такого случая, потому именно, что онъ—случай. Часто бываетъ и наоборотъ: часто пальма первенства достойно дается современниками первому по достоинству; но въ томъ-то и состоитъ зависимость таланта отъ случай-

ности, что онъ также можетъ быть признанъ современниками, какъ и не признанъ ими. Только міровые гении поставлены внѣ закона этой случайности, ибо не могутъ быть ни непризнанными, ни забытыми.

Конечно не стоитъ и хлопотать о талантѣ, который умеръ, не живя, и котораго имени нельзя воззвать къ жизни. Но этому могутъ противорѣчить два обстоятельства. Во-первыхъ, истина и справедливость сами себѣ цѣль; для нихъ иногда можетъ быть важенъ предметъ болѣе по отношенію къ нимъ самимъ, чѣмъ къ себѣ самому. Во-вторыхъ, если дѣло идетъ о такомъ талантѣ, который будучи не признанъ при жизни, не можетъ возвратить должнаго себѣ послѣ своей смерти, не столько по недостатку въ силѣ, сколько по неразвитости, ложному направленію или по причинамъ, скрывавшимся въ самой эпохѣ, въ которую онъ явился; тогда критикъ стоитъ и очень стоитъ заняться имъ, какъ предметомъ замѣчательнымъ и поучительнымъ. Къ такимъ-то талантамъ принадлежатъ Полежаевъ. Теперь много именъ въ нашей литературѣ, пользующихся только прошедшей своей извѣстностью, и на этомъ зыбкомъ основаніи тщетно требующихъ себѣ вниманія равнодушной къ нимъ современности: и однакожъ всѣ они нѣкогда заслоняли собой Полежаева, котораго и теперь не видно изъ-за ихъ поблекшей извѣстности. И какъ имъ было не заслонить его? ихъ стихотворенія печатались въ Петербургѣ, издавались такъ красиво, сами они писали другъ къ другу посланія, участвовали въ пріятельскихъ журналахъ, и нѣкоторыхъ изъ нихъ самъ Пушкинъ печатно величалъ своими сподвижниками... Стихи Полежаева ходили по рукамъ въ театрахъ, журналисты печатали ихъ безъ спросу у автора, который былъ далеко; наконецъ они и издавались или за его отсутствіемъ, или безъ его вѣдома на плохой бумагѣ, неопрятно и грубо, безъ разбора и безъ выбора—хорошее вмѣстѣ съ посредственнымъ, прекрасное съ дурнымъ...

Часто случается встрѣтить въ критикахъ и рецензіяхъ мнѣніе, что такой-то поэтъ могъ бы пріобрѣсти себѣ прочную славу, но погубилъ свое дарованіе, увлекшись звономъ рѣимы, вычурностью въ выраженіяхъ, и т. п. Справедливо-ли такое мнѣніе?—Можетъ быть и справедливо, только крайне одно-

сторонне, по нашему мнѣнію. Почему Шиллеръ великій поэтъ?—Потому что получилъ отъ природы великій геній. А почему Шиллеръ не погубилъ своего великаго генія, почему онъ не увлекся звономъ риѣмы, вычурностью выраженія? Потому что онъ получилъ отъ природы великую душу, которая презирала мелочами и стремилась къ одному истинному, великому и вѣчному. Видите-ли: здѣсь причина прежде всего въ натурѣ поэта, которая, уже по самой сущности своей, не допустила бы его сбиться съ пути. Но, скажутъ намъ, поэзія Шиллера велика не одной силой художническаго генія, не однимъ пламенемъ любви къ человѣчеству и къ истинѣ, но и мірообъемлющимъ, вѣчно-юнымъ и вѣчно-развивающимся содержаніемъ, котораго только возможность лежала въ его натурѣ, но которое усвоено, развито и обогащено было имъ посредствомъ ученія и неослабнаго стремленія за современными интересами. Такъ; но опять-таки начало всего—въ натурѣ поэта, душа котораго вѣчно сгорала жаждой знанія, и сердце котораго вѣчно билось для идеи. Потомъ, здѣсь причина еще и въ духѣ, жизни и развитіи, словомъ, — исторіи народа, среди котораго родился поэтъ, и наконецъ въ историческомъ моментѣ, въ которомъ засталъ поэтъ современное ему человѣчество. Это ужъ не его заслуга—это дѣло судьбы, вѣлѣвшей ему родиться германцемъ, а не китайцемъ. Природа—вездѣ природа, человѣкъ—вездѣ человѣкъ, и въ Китаѣ можетъ родиться поэтъ съ организаціей и духомъ Шиллера, но Шиллеромъ никогда не будетъ, останется китайцемъ: онъ выразитъ своими твореніями бѣдное содержаніе китайской жизни и въ уродливыхъ китайскихъ формахъ; китайцы будутъ имъ восхищаться, но европеецъ не пойметъ его ни въ подлинникѣ, ни въ лучшемъ переводѣ. Таково вліяніе національности на духъ и достоинство твореній поэта: она, эта національность, дѣлаетъ его и великимъ, и ничтожнымъ. Но если бы этотъ предположенный нами китайскій Шиллеръ и выдвинулся изъ своего народа, усвоивъ себѣ европейскую образованность и европейское знаніе, и тогда бы въ своихъ твореніяхъ былъ онъ только любопытнымъ фактомъ феноменологіи духа человѣческаго. а не великимъ явленіемъ въ сферѣ творчества, ибо великій поэтъ можетъ возникнуть только на національ-

ной почвѣ. Содержаніе для поэзіи даетъ поэту жизнь, а не наука: наука только обогащаетъ и развиваетъ это содержаніе. Не изъ книгъ почерпнулъ Шиллеръ свою ненависть къ униженному человѣческому достоинству въ современномъ ему обществѣ: онъ самъ, еще дитятей и юношей, перестрадалъ болѣзнями общества и перенесъ на себѣ тяжкое вліяніе его устарѣлыхъ формъ; наука только познакомила его съ причинами настоящаго, скрывавшимися въ вѣкахъ, уяснила вопросъ и дала сознательное направленіе энергической дѣятельности его могучаго духа. Равнымъ образомъ не наукой постигъ онъ все великое и истинное въ среднихъ вѣкахъ: наука только уяснила ему этотъ вопросъ, а самый вопросъ возбудила въ немъ жизнь, ибо современная ему цивилизація была результатомъ среднихъ вѣковъ, съ ихъ добромъ и зломъ. Болѣе ощутительно вліяніе науки на Шиллера въ его сочувствіи съ древнимъ міромъ; но и тутъ корень этого сочувствія скрывался въ исторіи его отечества, связанной съ исторіей Рима, а чрезъ нее и съ исторіей Греціи. Предполагаемый нами китайскій геній могъ бы усвоить себѣ только извнѣ европейскую образованность и просвѣщеніе: вырастая безъ почвы, она не принесла бы и плодовъ; не понятый соотечественниками, онъ не былъ бы оцѣненъ и европейцами. Другое дѣло, еслибъ, родившись въ Европѣ или перевезенный туда младенцемъ, онъ выросъ и развился въ духѣ и жизни той страны; но тогда бы онъ могъ быть только поэтомъ этой страны, а отнюдь не китайскимъ поэтомъ. Итакъ, два обстоятельства творятъ великихъ поэтовъ — натура и исторія.

Вслѣдствіе этого и величайшій по своей натурѣ и поэтическимъ силамъ поэтъ не можетъ достигнуть въ искусствѣ назначенной ему высоты, если онъ родился среди народа, котораго національность или лишена мірового значенія, или еще не развилась до него; въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть ниже не только равныхъ ему, но и низшей природы и меньшими творческими силами одаренныхъ поэтовъ, которыхъ геній воспитался на почвѣ національности, имѣющей міровое значеніе. При оцѣнкѣ степени достоинства того или другого поэта, нельзя не брать въ соображеніе этого обстоятельства,

если хотите быть справедливыми и многосторонними въ своемъ приговорѣ.

Все сказанное нами относится только къ тѣмъ великимъ поэтамъ, которые столько же принадлежатъ человѣчеству, сколько и своему отечеству, и къ которымъ поэтому такъ идетъ эпитетъ „міровыхъ“. Нельзя не быть великимъ поэтомъ, будучи міровымъ поэтомъ; но можно быть великимъ поэтомъ, не будучи міровымъ поэтомъ: эта разница не въ натурѣ поэта, а въ историческомъ значеніи его отечества. Но гдѣ жизнь, тамъ и поэзія, а слѣдовательно и содержаніе для поэзіи. Только содержаніе можетъ быть истиннымъ мѣриломъ всякаго поэта, — и геніальнаго, и просто даровитаго. Слѣдовательно прежде, чѣмъ говорить: „такой-то поэтъ могъ бы быть великимъ, но погубилъ свое дарованіе“, должно, на основаніи содержанія его поэзіи, показать сперва: дѣйствительно ли его талантъ былъ великъ, а потомъ: столько ли онъ былъ великъ, чтобы опираясь на своей силѣ, не могъ сбиться съ настоящаго пути и утратить свою силу. А то говорятъ: „г. NN общалъ много, но увлекся звономъ риѣмы — и изъ него не вышло ничего!“. Но, милостивые государи! на чемъ же вы основываете, что онъ много общалъ, если такіе пустяки, какъ звонъ риѣмы или вычурность въ выраженіи, могли сбить его съ толку? Не все ли это равно, что сказать: „такой-то господинъ подавалъ блестящія надежды быть великимъ полководцемъ; но, къ сожалѣнію, увлекшись врожденной трусостью, оставилъ военное поприще и рѣшился опредѣлиться въ становые приставы?“ Если бы въ васъ было больше эстетическаго такта, то, увѣряемъ васъ, вы въ первыхъ же произведеніяхъ вашей мнимо-великой будущей надежды увидѣли бы только звонъ риѣмы и поняли бы, что больше звонаря изъ него ничего никогда не выйдетъ! Странно было бы назвать Лермонтова великимъ поэтомъ за двѣ написанныя имъ книжки; но о немъ всѣ говорятъ какъ о великомъ поэтѣ, ибо въ этихъ двухъ книжкахъ онъ далъ залогъ своего будущаго великаго развитія, — и никому, кромѣ людей, которые въ искусствѣ ничего не смыслятъ, — никому не придетъ въ голову сказать, что Лермонтовъ могъ бы современнымъ погубить свой талантъ, увлекшись звономъ риѣмы или

вычурностью фразы. Такие таланты обезсиливаютъ себя не подобными пустяками, а развѣ тѣмъ, что, отрываясь отъ современныхъ интересовъ, предаются созерцательному отчужденію отъ живой дѣйствительности и засыпаютъ въ поэтическомъ аскетизмѣ или живутъ жизнью прошедшаго, холодные къ современному, которое, въ свою очередь, равнодушно къ ихъ запоздалымъ интересамъ.

Какъ бы то ни было, но если и для великихъ талантовъ возможно свое паденіе, тѣмъ болѣе возможно оно для дарованій второстепенныхъ. Но и въ отношеніи къ нимъ мы все-таки разумѣемъ не „риѳменный звонъ“ и не „вычурную фразу“, которыми способны увлекаться только дарованія внѣшнія, лишеныя внутренней самостоятельной силы, чуждыя всякаго содержанія. Гладкій и звучный стихъ, внѣ содержанія, обнаруживаетъ только способность къ формѣ поэтической; въ отношеніи къ истинной поэзіи онъ то же самое, что риторика въ отношеніи къ истинному краснорѣчію. Чтобъ стихъ былъ поэтическій, не только мало гладкости и звучности, но не достаточно и одного чувства: нужна мысль, которая и составляетъ истинное содержаніе всякой поэзіи. Эта мысль даетъ себя чувствовать въ поэзіи, какъ извѣстный взглядъ на извѣстную сторону жизни, какъ начало (principe), которымъ вдохновляются и живутъ творенія поэта. Каждый вѣкъ и каждое время питаетъ свою думу о жизни, стремится къ своимъ цѣлямъ, и источникомъ всѣхъ своихъ побужденій имѣетъ единое начало; и чѣмъ поэтъ выше, тѣмъ болѣе выражается въ немъ эта дума его времени. Всякое истинное содержаніе отличается жизненностью, вслѣдствіе которой оно движется впередъ, развивается, а не стоитъ, оцѣпенѣлое, на одномъ мѣстѣ или, подобно попугаю, не повторяетъ вѣчно одного и того же, и притомъ одними и тѣми же словами. Вотъ почему истинные поэты постепенно, съ теченіемъ времени, становятся глубже и совершеннѣе въ своихъ твореніяхъ; и вотъ почему творенія истинныхъ поэтовъ располагаются умными издателями не по родамъ, а въ хронологическомъ порядкѣ, сообразно съ временемъ появленія на свѣтъ каждаго изъ нихъ. А откуда же возьмется это движеніе, эта постепенность совершенствованія, и если поэтъ барабанить своими

гладкими и звучными стихами вѣчно одно и то же, -- напри-
мѣръ: студенческія попойки, звонъ рюмокъ, хлопанье пробокъ,
дѣву-красоту, у которой перси всегда полны, а сердце пу-
сто? Тутъ можетъ быть услуга только языку и версификаціи,
а отнюдь не поэзии. И не диво, если такой стихотворецъ,
ошибочно провозглашенный поэтомъ, скоро выпишется, вѣсь-
ма надоѣстъ старыми погудками на новый ладъ, или новыми
погудками на старый ладъ, утратить даже свой бойкій, звон-
кій и гладкій стихъ и, мертвый для всякихъ современныхъ,
живыхъ интересовъ, по привычкѣ будетъ отъ времени до вре-
мени плохими стихами воспѣвать, въ пріятельскихъ журналахъ,
то рейнвейнъ, который нѣжитъ, такъ - сказать, глубокомы-
сленно, то малагу, которую пьютъ, когда уже ничего другого
желудокъ не выносить?... Важное дѣло — знать намъ, какое
вино пьетъ господинъ стихотворецъ... Послѣ такой фамилляр-
ности съ доброй публикой, ему остается только увѣдомлять
ее, разумѣется, въ стихахъ, въ какомъ погребѣ беретъ онъ
свое вино. Оно бы и лучше: тогда стихи его имѣли бы цѣну
и достоинство хоть преісъ-курантовъ, и потому хоть на что-
нибудьгодились бы... И послѣ этого еще говорятъ, что онъ
много общалъ, но жаль-де, что, увлекшись звономъ риѣмы,
погубилъ свой талантъ!... Да въ риѣменномъ-то звонѣ и за-
ключался весь его талантъ, почтенные господа-аристархи!...

Но не лучше его и тѣ риѣмоторцы, у которыхъ, кажется,
что ни слово, то мысль, а какъ взглядишься — такъ что ни
слово, то риторическая завитушка или дикое сближеніе несбли-
жаемыхъ предметовъ. Одинъ изъ такихъ господъ, пожалуй,
такъ опишетъ вамъ дружбу: „у меня, скажетъ онъ, — есть
въ сердцѣ рана: она вѣчно истекаетъ кровью; ее нанесъ мнѣ
другъ нѣжной рукой, и сквозь ту рану онъ смотритъ въ мое
сердце“, и тому подобное. Другой, пожалуй, пропищитъ:
„что въ морѣ купаться, то-де читать Данта; его стихи упруги
и полны, какъ моря упругія волны“. Третій чудакъ, пожалуй,
соблазнясь этимъ образцовымъ примѣромъ, затынетъ: „что
макароны ѣсть съ пармезаномъ — то Петрарку читать; стихи
его гладко скользятъ въ душу, какъ эти обмасленные, круглыя
и длинныя бѣлыя нити скользятъ въ горло“. Четвертый по-
совѣтуетъ юношамъ не „призывать вдохновенія на высь чела.

вѣнчаннаго звѣздой“, или станетъ воспѣвать грудь, которая „высоко взметалась безпредметной любовью“; любовь, которая „гнѣздится въ ущельяхъ сердецъ“; дѣву, которой станъ „поэтъ вносилъ въ вихрь круженія на огненной ладони“; струи времени, „возрастившія мохъ забвенія на развалинахъ любви“; гибкій станъ, въ которомъ „поэтъ утопляетъ горящую „ладонь“; искру души, которая „прихотливо подлетѣла къ парѣ черненькихъ глазъ и умильно посмотрѣла въ окна своей храмины“; дѣву, которая, „сидя на жеребцѣ, гордится усѣстомъ“, — и тому подобную дикую галиматью, которую иногда и на самомъ дѣлѣ выдаютъ намъ за полную мыслей поэзію, и которую основательная критика должна преслѣдовать огнемъ и мечомъ, какъ преступленіе противъ здраваго смысла, языка, литературы и искусства... Нѣтъ, не такова поэзія, полная мысли: она проста, естественна, неизыскана, какъ творенія природы, выразившія собой мысль Творца... О такихъ риемачахъ, если только бываютъ на свѣтѣ такіе риемачи, нельзя говорить: „они много обѣщали, а мало сдѣлали“; но должно говорить: „они ничего не обѣщали хорошаго и много написали вздорнаго“.

Есть поэты, въ которыхъ нельзя не признать ни чувства, ни вдохновенія, ни поэтической формы, но о которыхъ, по первымъ же ихъ произведеніямъ, можно безошибочно сказать, что они не далеко пойдутъ и скоро выпишутся. Это тѣ одностороннія дарованія, которыя пробуждаются отъ какой-нибудь случайности — несчастія, утраты, и, открывъ въ душѣ своей затаенный родникъ грустной поэзіи, скоро исчерпываютъ его весь, настроивъ свою лиру на одинъ тонъ; а потомъ, когда неглубокій родникъ истощится и пересохнетъ, уже по привычкѣ къ риемамъ продолжаютъ вяло и бездушно выговаривать то, что нѣкогда пѣлось у нихъ по крайней мѣрѣ искренно и тепло... Потомъ, это тѣ эфемерныя души, которыя бываютъ юны только во время юности; переживъ юность, онѣ тотчасъ же отцвѣтаютъ и скоро мирятся съ прозой жизни. И слава имъ, если они, изъ поэтовъ сдѣлавшись агрономами, чиновниками, спекулянтами, совсѣмъ забываютъ свою лиру для счетовъ, аршина или дѣловыхъ бумагъ; и позоръ имъ, если они вздумаютъ обманывать и себя, и другихъ риемованной сту-

котней безчувственныхъ чувствъ и безсмысленныхъ мыслей!... Юность дается человѣку только разъ въ жизни, и въ юности каждый изъ насъ доступнѣе, чѣмъ въ другомъ возрастѣ, всему высокому и прекрасному. Благо тому, кто сохранить юность до старости, не давъ душѣ своей остыть, ожесточиться, окаменѣть

Въ мертвящемъ упоеніи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,
Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холоповъ добровольныхъ,
Среди всеневныхъ, модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, маленькихъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разсчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семь омутъ, гдѣ съ вами я
Кушаюсь, милые друзья.

Да, возможное совершенство cadaго человѣка то, къ чему долженъ и можетъ стремиться каждый человѣкъ, состоитъ именно въ томъ, чтобъ, и доживши до сѣдыхъ волосъ, даже у края могилы не пережить своей юности... Но — увы! — сколь немногіе достигаютъ этого, и сколь многіе старѣются, когда еще не миновалась и юность ихъ! Эта разниа происходитъ при многихъ причинахъ, прежде всего отъ разницы въ натурахъ, съ которыми родятся люди. Это же и главная причина, отчего одинъ поэтъ всю жизнь сохраняетъ свое вдохновеніе, а другой теряетъ его послѣ десятка хорошихъ впрочемъ стихотвореній. И напрасно о такихъ поэтахъ говорятъ: „какъ много обѣщалъ онъ и какъ мало выполнилъ!“ О такихъ, напротивъ, чаще можно говорить: „онъ обѣщалъ еще меньше, нежели сколько выполнилъ“... „Но, говорятъ, если бы онъ писалъ такъ, а не этакъ, воспѣвалъ то, а не это — онъ сохранилъ бы свой талантъ“. Нѣтъ, милостивые государи, тому нѣтъ спасенія, кто въ самомъ себѣ, въ слабости своей природы носитъ своего врага... „Но если бы онъ

слушался критики?“ — Поэтовъ творить природа и жизнь, а не критика, и для нихъ поучительнѣе критика на чужія сочиненія, чѣмъ на ихъ собственные... „Однакожь отъ чего же нибудь онъ сбился же?“—Для такихъ талантовъ на каждомъ шагу жизни стоятъ силки, и отъ чего бы то ни было, но имъ надо сбиться... Въ отношеніи къ нимъ даже не интересно и изслѣдовать причины паденія.

Гораздо поучительнѣе паденіе такихъ поэтовъ, которые не такъ сильны, чтобъ не бояться паденія, и не такъ слабы, чтобы выдохнуться незамѣтно и испариться въ болотной атмосферѣ житейской повседневности; но которые или достигаютъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, той степени развитія, что ихъ творенія дѣлаются капитальнымъ, хотя и второстепеннымъ сокровищемъ отечественной литературы, или, при неблагопріятствѣ судьбы, пролетаютъ по пути жизни блудящей кометой, являя своей жизнью и своими произведеніями зрѣлище печальное и поучительное. Таковъ былъ талантъ Полежаева...

Стихотворенія Полежаева начали являться въ печати съ 1826 года, но они были знакомы Москвѣ еще прежде, равно какъ и имя ихъ автора. Извѣстность Полежаева была двоякая, и въ обоихъ случаяхъ печальная: поэзія его тѣсно связана съ его жизнью, а жизнь его представляла грустное зрѣлище сильной натуры, побѣжденной дикой необузданностью страстей, которая, совративъ его талантъ съ истиннаго направленія, не дала ему ни развиться, ни созрѣть. И потому къ своей поэтической извѣстности, не для всѣхъ основательной, онъ присовокупилъ другую извѣстность, которая была проклятіемъ всей его жизни, причинной ранней утраты таланта и преждевременной смерти... Это была жизнь буйнаго безумія, способнаго возбудить къ себѣ и ужасъ, и состраданіе: Полежаевъ не былъ жертвой судьбы и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели. Полежаева ужъ нѣтъ, и потому о немъ можно говорить прямо и открыто: подобная откровенность никого не оскорбитъ, но многимъ будетъ поучительна. Онъ былъ явленіемъ общественнымъ, историческимъ, — и, говоря о немъ, мы говоримъ не о частномъ человѣкѣ. Къ тому же въ нашемъ сужденіи о Полежаевѣ

мы будемъ основываться не на какихъ-нибудь постороннихъ и сомнительныхъ свидѣтельствахъ, а на его собственныхъ поэтическихъ признаніяхъ: ибо всѣ лучшія его произведенія суть не иное что, какъ поэтическая исповѣдь его безумной, страдальческой жизни. Мы пишемъ не для того, чтобъ осуждать, а для того, чтобъ поучать и поучаться изъ такого разительнаго примѣра: могила мирить все, и надъ нею должны раздаваться не проклятія и осужденія, а слова примиренія и благословенія.

Слишкомъ рано понявъ безотчетнымъ чувствомъ, что толпа жила и держалась правилами, которыхъ смысла сама не понимала, но къ которымъ равнодушно привыкла, Полежаевъ, подобно многимъ людямъ, того времени, не подумалъ, что онъ могъ и долженъ былъ уволить себя только отъ понятій и нравственности толпы, а не отъ всякихъ понятій и всякой нравственности. Освобожденіе отъ предразсудковъ онъ счелъ освобожденіемъ отъ всякой разумности, и началъ обожать эту буйную свободу. Свобода была его любимымъ словомъ, его любимой речью, — и только въ минуты душевной муки понималъ онъ, что то была не свобода, а своеволие, и что наиболѣе свободный человѣкъ есть въ то же время и наиболѣе подчиненный человѣкъ. Избытокъ силъ пламенной натуры заставилъ его обожать другого, еще болѣе страшнаго идола — чувственность. Для человѣка необходимъ періодъ идеальныхъ, восторженныхъ стремленій: перешедъ черезъ него, онъ можетъ отрѣшиться отъ всего мечтательнаго и фантастическаго, но уже не можетъ остаться животнымъ даже въ своихъ чувственныхъ увлеченіяхъ, которыя у него будутъ смягчены и облагорожены чувствомъ красоты и примутъ характеръ эстетическій. И Полежаевъ пережилъ этотъ періодъ идеальнаго чувства, но уже слишкомъ не въ-время, какъ мы увидимъ. Сначала онъ, который не имѣлъ права сказать о себѣ, что не зналъ мятежнаго волненія страстей, — онъ имѣлъ право сказать:

Какъ минутный
Прахъ въ эфирѣ,
Безпріютный
Странникъ въ мірѣ
Одинокъ,
Какъ челнокъ,

Узь любви
Я не зналъ.
Жаждой крови
Не сгоралъ!

Онъ имѣлъ право, не клевета на самого себя для краснаго словца, сказать красавицѣ, не сводившей съ него задумчивыхъ очей и припадавшей къ нему на грудь въ порывахъ забвенія:

Ты ничего въ меня вдохнуть
Не можешь, кромѣ сожалѣнья!
Меня не въ силахъ воскресить
Твои горячія лобзанья,
Я не могу тебя любить,
Не для меня очарованья!
.....
Я рано сорвалъ жизни цвѣтъ;
.....
И прежнихъ чувствъ, и прежнихъ лѣтъ
Не возвратитъ ничто земное!
Еще мнѣ милы—красота
И дѣвы пламенные взоры;
Но сердце мучитъ пустота,
А совѣсть—мрачные укоры!
Люби другого: быть твоимъ
Я не могу, о, другъ мой милый!..
Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!

И потому не удивительно, если не во-время и не въ пору явившееся мгновеніе было для поэта не вѣстникомъ радости и блаженства, а вѣстникомъ гибели всѣхъ надеждъ на радость и блаженство, и исторгнуло у его вдохновенія не гимнъ торжества, а вотъ эту страшную, похоронную пѣснь самому себѣ:

О грустно мнѣ! Вся жизнь моя—гроза!
Наскучилъ я обителью земною!
Зачѣмъ же вы горите предо мною,
Какъ райскіе лучи предъ сатаной,
Вы—черные, волшебные глаза!
Увы! давно печаленъ, равнодушенъ,
Я привыкалъ къ лихой моей судьбѣ:
Неистовый, безжалостный къ себѣ,
Презрѣлъ ее въ отчаянной борьбѣ,
И гордо былъ несчастію послушенъ!
Старинный рабъ мучительныхъ страстей,
Я испыталъ ихъ бремя роковое—

И буйный духъ, и сердце огневое
 Давно смирилъ въ обманчивомъ покоѣ,
 Какъ лютый врагъ покоя и людей!
 Въ моей тоскѣ, въ неволѣ безотрадной,
 Я не страдалъ, какъ робкая жена;
 Меня несла противная волна,
 Несла на смерть — и гибель не страшна
 Казалась мнѣ въ пучинѣ безпощадной.
 И мракъ небесъ, и громъ, и черный валъ,
 Любилъ встрѣчать я думою суровой,
 И свисту бурь, подъ молніей багровой,
 Внимать, какъ мужъ, отважный и готовый
 Испить до дна губительный фіалъ...
 И погружаясь въ преступныя сомнѣнья
 о цѣли бытія,
 Я трепеталъ, чтобъ истина меня,
 Какъ яркій лучъ, внезапно осѣня,
 Не извлекла изъ тьмы ожесточенья.
 Мнѣ страшенъ былъ великій переходъ,
 Отъ дерзкихъ думъ до свѣта провидѣнья;
 Я избѣгалъ невиннаго творенья,
 Которое бъ могло, изъ сожалѣнья,
 Моей душѣ дать выпрєнный полетъ —
 И вдругъ оно, какъ ангелъ благодатный...
 О, нѣтъ! — какъ духъ карающій и злой,
 Свѣтлѣе дня явилось предо мной,
 Съ улыбкой розъ, пылающихъ весной,
 На муравѣ долины ароматной!...
 Явилось... все исчезло для меня:
 Я позабылъ, въ мучительной невзгодѣ,
 Мою любовь и ненависть къ природѣ,
 Безумный пылъ къ утраченной свободѣ,
 И все, чѣмъ жилъ, дышалъ доселѣ я...
 Въ ея очахъ, алмазныхъ и привѣтныхъ,
 Увидѣлъ я съ невольнымъ торжествомъ
 Земной эдемъ!... Какъ-будто существомъ
 Другихъ міровъ — какъ-будто божествомъ
 Исполненъ былъ въ мечтаніяхъ завѣтныхъ.
 И дѣва-рай, и дѣва-красота
 Лила мнѣ въ грудь невыразимымъ взоромъ
 Невинную любовь, съ таинственнымъ укоромъ,
 И пѣла въ ней душа небеснымъ хоромъ:
 „Люби меня! — И въ очи, и въ уста
 Лобзай меня, пѣвецъ осиротѣлый,
 Какъ мотылекъ лилею по утру!
 Люби меня, какъ милую сестру,
 И снова я и къ небу, и къ добру
 Направлю твой разсудокъ омертвѣлый!“...

И что же? Совершилось ли возрожденіе—этотъ великій актъ любви? и святая власть женственнаго существа побѣдила ли ожесточенную мужскую твердость?—Нѣтъ! поэтъ не воскресъ, а только пошевелился въ гробѣ своего отчаянія: солнечный лучъ поздно упалъ на поблекшій цвѣтъ его души... Остальная половина этого стихотворенія или, лучше сказать, этой поэтической исповѣди отличается той хаотической неопредѣленностью, въ какую погрузило душу поэта его полувозрожденіе: и какъ ничего положительнаго не могло выйти изъ новаго состоянія души поэта, такъ ничего не вышло и изъ стихотворенія, въ которомъ онъ силился его выразить. Эта неопредѣленность отразилась и на стихахъ: стихъ, доселѣ поэтической, даже крѣпкій и сжатый, становится прозаическимъ, вялымъ и растянутымъ и только мѣстами сверкаетъ прежнимъ огнемъ, какъ угасающій вулканъ; цѣлые куплеты ничего не заключаютъ въ себѣ, кромѣ словъ, въ которыхъ видно одно тщетное усиліе что-то сказать. Можно догадываться изъ этихъ стиховъ, что душа поэта пережила его тѣло и, живой трупъ, онъ умиралъ медленной смертью, томимый уже безплодными желаніями... Страшное состояніе! И какъ же понятны послѣ этого стихи Полежаева:

Ахъ, какъ ужасно быть живымъ,
Полуразрушась надъ могилой!...

Эти „черные глаза“ очевидно были важнымъ, хотя ужъ и безвременнымъ фактомъ въ жизни Полежаева; скорбному воспоминанію о нихъ посвящена еще цѣлая, и притомъ прекрасная пѣса — „Грусть“.

Но это только мгновеніе въ жизни поэта; другая любовь неотступно жила съ нимъ и погубила его—это та, о которой онъ самъ сказалъ:

Въ сердцѣ кровь
Отъ тоски замерла,
Миръ души погребла
Къ шумной волѣ любовь!
Не воскреснетъ она!

Эта-то любовь, извлекшая столько грязныхъ пѣсень, извлекала иногда и поэтическіе звуки изъ души поэта, какъ въ

прекрасной пѣснѣ его — „Цыганка“. Но апофеозу идола, спалившаго цвѣтъ жизни поэта, представляетъ его пьеса „Гаремъ“. Въ этомъ диопирамбѣ выражено объясненіе ранней гибели его таланта... Онъ извѣстенъ былъ подѣ названіемъ „Ренегата“ и, по множеству мѣстъ, цинически безстыдныхъ и безумно вдохновенныхъ, не могъ быть напечатанъ вполне. Азія — колыбель младенческаго человѣчества и, какъ элементъ, не могла не войти и въ жизнь возмужавшаго и одухотворившагося европейца, но какъ элементъ — не больше; исключительное же ея обожаніе — смерть души и тѣла, позоръ и гибель при жизни и за могилой... Полежаевъ жилъ въ Азіи, а Европа только на мгновеніе шевелила его душой, удивительно ли, что онъ!

Не расцвѣлъ и отцвѣлъ !
Въ утрѣ пасмурныхъ дней;
Что любилъ, въ томъ нашель
Гибель жизни своей?

Отличительный характеръ поэзіи Полежаева — необыкновенная сила чувства. Явившись въ другое время, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, при наукѣ и нравственномъ развитіи, талантъ Полежаева принесъ бы богатые плоды, оставилъ бы послѣ себя замѣчательныя произведенія и занялъ бы видное мѣсто въ исторіи русской литературы. Мысль для поэзіи то же, что масло для лампы: съ нимъ она горитъ пламенемъ ровнымъ и чистымъ, безъ него вспыхиваетъ по временамъ, издаетъ искры, дымится чадомъ и постепенно гаснетъ. Мысль всегда движется, идетъ впередъ, развивается. И потому творенія замѣчательныхъ поэтовъ (не говоря ужъ о великихъ) постепенно становятся глубже содержаніемъ, совершеннѣе формой. Полежаевъ остановился на одномъ чувствѣ, которое всегда безотчетно и всегда заперто въ самомъ себѣ, всегда вертится около самого себя, не двигаясь впередъ, всегда монотонно, всегда выражается въ однообразныхъ формахъ.

Въ пьесѣ „Ночь на Кубани“ вопль отчаянія смягченъ какой-то грустью и совпадаетъ съ единственно-возможной надеждой на прощеніе отъ подобнаго себѣ несчастливца, собственнымъ опытомъ познававшего, что такое несчастье:

Лишь онъ одинъ постигнуть можетъ,
Лишь онъ одинъ пойметъ того,
Чье сердце червь могильный гложетъ!
Какъ пальма въ зеркалѣ ручья,
Какъ тѣнь налетная въ лазури,
Въ немъ отразится послѣ буря
Душа унылая моя!

Единственно, что Полежаевъ въ свѣтлую минуту душевнаго умиленія обрѣлъ столько еще тихаго и глубокаго вдохновенія, чтобы такъ прекрасно выразить одно изъ величайшихъ преданій Евангелія въ пьесѣ „Грѣшница“. Можетъ быть послѣ этого намъ будетъ легче и поучительнѣе внимать страшнымъ признаніямъ поэта... Тяжесть паденія его была бы не вполнѣ обнята нами безъ двухъ пьесъ его — „Живой мертвецъ“ и „Цѣпи“. „Вечерняя заря“, одна изъ лучшихъ пьесъ Полежаева, есть та же погребальная пѣсня всей жизни поэта; но въ ней отчаяніе растворено тихой грустью, которая особенно поразительна при сжатости и могучей энергіи выраженія — обыкновенныхъ качествъ его поэзіи. Но Полежаевъ зналъ не одну муку паденія: онъ зналъ также и торжество возстанія, хотя и мгновеннаго; съ энергической и мощной лиры его слетали не одни диссонансы, проклятія и вопли, но и гармонія благословеній... Такъ въ пьесѣ:

Я погибалъ;
Мой злобный геній
Торжествовалъ!

Въ другое время сорвались съ его лиры звуки торжества и возстанія, но уже слишкомъ поздняго, и уже не столь сильные и громкіе: посмотрите, какая нескладица въ большой половинѣ пьесы „Раскаяніе“, какъ хорошіе стихи мѣшаются въ ней съ плохими до бессмыслицы и какъ торжественно окончаніе ея; оно можетъ служить образцомъ того, что называется въ эстетикѣ „высокимъ“..

Полежаевъ никогда бы не былъ однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которыхъ главное достоинство — пластическая художественность и виртуозность формъ; которыхъ значеніе бываетъ такъ велико въ сферѣ собственно искусства и такъ не велико въ сферѣ общей, объемлющей собой не одно искусство,

но и всю область духа; въ которыхъ такая бездна поэзіи и такъ мало современныхъ вопросовъ, такъ мало общихъ интересовъ... Талантъ Полежаева могъ бы сдѣлаться безсмертнымъ, еслибы воспитался на плодородной почвѣ историческаго міросозерцанія. Въ его поэзіи мало содержанія; но изъ нея же видно, что она, по своему духу, должна была бы развиваться преимущественно въ поэзію содержанія. Отселѣ эта крѣпость и мощь стиха, сжатость и рѣзкость выраженія. Но къ этому не достаетъ отдѣлки, точности въ словахъ и выраженіяхъ; причиной этого было сколько то, что онъ небрежно занимался поэзіей и никогда не отдѣлывалъ окончательно своихъ стихотвореній, замѣняя неточныя выраженія опредѣленными, слабыя стихи—сильными, растянутыя мѣста - сжатыми; столько и то, что, оставшись при одномъ непосредственномъ чувствѣ, онъ не развилъ и не возвысилъ его наукой и размышленіемъ до вкуса. Другой важный недостатокъ его поэзіи, тѣсно связанный съ первымъ, состоитъ въ неумѣнн овладѣть собственной мыслью и выразить ее полно и цѣлостно, не примѣшивая къ ней ничего посторонняго и лишняго. Причина этого опять въ неразвитости и происходящей изъ нея неясности и неопредѣленности созерцанія. Поучительнымъ для молодыхъ поэтовъ примѣромъ подобной невыдержанности могутъ служить двѣ прекрасныя, но испорченныя пьесы Полежаева, въ совершенно различныхъ родахъ. Первая называется „Море“, а вторая — „Баю-баюшки-баю“. Какая грубая смѣсь прекраснаго съ низкимъ и безобразнымъ, граціознаго съ безвкуснымъ! Окончаніе послѣдней пьесы, въ которомъ заключена вся мысль ея, стоило, чтобъ для нея выписать всю пьесу. Истинное эстетическое чувство и истинный критическій тактъ состоятъ не въ томъ, чтобъ, замѣтивъ несовершенство или дурныя мѣста въ произведеніи, отбросить его отъ себя съ презрѣніемъ, но чтобъ не пропустить немногаго хорошаго и во многомъ дурномъ оцѣнить его и насладиться имъ. Впрочемъ съ лиры Полежаева сорвалось нѣсколько произведеній, безукоризненно прекрасныхъ. Такова его дивная „Пѣснь плѣннаго Ирокезца“ — этотъ высокій образецъ благородной силы въ чувствѣ и выраженіи, такова его прекрасная по мысли, хотя и не безусловно непогрѣшительная по выраженію, пьеса „Божій Судъ“;

таковъ его переводъ пьесы Байрона „Вальтасаръ“, который нѣкогда былъ неправо присвоенъ себѣ однимъ стихотворцемъ и напечатанъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“, — что и произвело большіе споры между этимъ журналомъ и „Галатеей“, гдѣ спорная пьеса была получена изъ настоящаго источника. — Есть у Полежаева нѣсколько пьесъ въ народномъ тонѣ; тонъ ихъ не вездѣ выдержанъ, но онѣ вообще показываютъ въ нашемъ поэтѣ большую способность къ произведеніямъ этого рода. Таковы: „У меня-ль молодца“, „Окно“, „Долго-ль будетъ вамъ безъ умолку идти“, „Тамъ на небѣ высоко“ и „Узникъ“. Последняя особенно невыдержана и, несмотря на то, особенно прекрасна. Доказательствомъ же, что въ натурѣ Полежаева лежало много человѣческихъ элементовъ, можетъ служить его стихотвореніе на погребеніе дѣвушки. |

Полежаевъ свободно владѣлъ и языкомъ и стихомъ: изысканность въ выраженіяхъ происходила у него отъ небрежности въ трудѣ и отъ недостатка въ развитіи. Онъ часто какъ-будто игралъ стихами, выбирая трудные по короткости стиховъ размѣры, гдѣ одна рима могла бы стать непреодолимымъ препятствіемъ. Можно ли выказать больше одушевленія, чувства, и въ такихъ прекрасныхъ стихахъ, какъ въ пьесѣ „Пѣснь погибающаго пловца“, писанной двухстопными хореями съ римами. „Вальтасаръ“ можетъ служить доказательствомъ необыкновенной способности Полежаева переводить стихами. Только ему надо было переводить что-нибудь, гармонировавшее съ его духомъ, и преимущественно лирическія произведенія, по причинѣ субъективной настроенности его натуры. Но неразвитость его была причиной неудачнаго выбора пьесъ для перевода. Полежаевъ съ жадностью переводилъ водяныя „медитаціи“ Ламартина, которая всего вѣрнѣе можно назвать „риторическими разглагольствованіями“. Онъ перевелъ ихъ съ полдюжину, и притомъ самыхъ длинныхъ. Переводы его прекрасны, и если чрезвычайно скучны, то это ужъ вина Ламартина, а не Полежаева.

Мы выше сказали, что натура Полежаева была чисто субъективная. Поэтому настоящимъ его призваніемъ была лирическая поэзія, и всѣ попытки его на поэмы были весьма неудачны. Поэма его „Коріоланъ“ отличается риторическимъ

характеромъ; звучныхъ стиховъ въ ней много, но поэтическихъ весьма мало. Этому причиной и неразвитость его: онъ не понималъ ни духа римскаго народа, ни историческаго значенія избраннаго имъ героя. И потому содержаніе его „Коріолана“—общія риторическія мѣста. То же можно сказать, не боясь ошибиться, и о другой его поэмѣ—„Видѣніе Брута“. Даже и лирическія его произведенія, отличающіяся длиннотою, относятся къ такимъ же неудачнымъ попыткамъ, какъ напримѣръ пьеса „Кременчугское кладбище“. Впрочемъ длинныя лирическія произведенія и у какого угодно поэта рѣдко бываютъ хорошими произведеніями. Полежаевъ много писалъ въ сатирическомъ родѣ—и это самыя неудачныя, самыя жалкія его попытки. Таковы „Иманъ Козель“, „День въ Москвѣ“, „Кредиторы“, „Чудакъ“, „Авторъ и читатель“ и разныя мелочи. Всѣ онѣ отзываются дурнымъ тономъ харчевень и простонародныхъ ресторацій, и могутъ восхищать своимъ остроуміемъ развѣ ту почтенную публику, которая съ господскими шубами въ рукахъ присутствуетъ въ корридорахъ театровъ и въ прихожихъ домовъ. Это происходило не отъ недостатка у поэта въ природномъ остроуміи, а отъ того круга общества, въ которомъ онъ погубилъ свой талантъ, свое счастье и свою жизнь. Пьеска „Тарки“ показываетъ, что онъ не чуждъ былъ юмористической веселости, но что ему не доставало лишь тонкаго эстетическаго такта приличія.

Нельзя не пожелать, чтобы люди, имѣющіе право на собственность сочиненій Полежаева и такъ дурно издающіе ихъ,—издали бы ихъ опрятно, на хорошей бумагѣ, безъ искаженія стиховъ, безъ грамматическихъ ошибокъ, безъ опечатокъ, а главное—съ разборомъ и съ толкомъ, исключивъ нелѣпыя сатирическія пьесы, о которыхъ мы говорили, и плоскія эпиграммы („Картина“, „Напрасное подозрѣніе“), надутыя и пустозвонныя торжественныя оды („Въ память благотвореній“, „Геній“) и всѣ слабыя изъ мелкихъ лирическихъ пьесъ. Безъ этого хлама книжка выйдетъ небольшая, зато прекрасная по содержанію и необходимая для каждаго любителя отечественной литературы. Можно, если угодно, включить въ нее и „Оскара Альбескаго“, и всѣ переводы изъ Ламартина и

Делавиня, для почитателей этихъ поэтовъ и для образца способности Полежаева къ переводамъ; но въ такомъ случаѣ всѣхъ ихъ должно соединить въ одномъ отдѣлѣ, въ концѣ книги, не мѣшая съ мелкими пьесами. Можно включить въ нее и эпическіе опыты — „Кориолана“ и „Видѣніе Брута“, какъ фактъ ложнаго развитія сильнаго дарованія; но опять съ условіемъ, чтобы они были помѣщены въ особомъ отдѣлѣ. Вотъ перечень мелкихъ пьесъ, которыя могутъ войти въ дѣльное изданіе сочиненій Полежаева: „Посвященіе другу его А. П. Л—му“: „Морни и тѣнь Кормала“ (изъ „Оссіана“); „Вальтасаръ“; „Море“; „Водопадъ“; „Живой Мертвецъ“; „Ожесточенный“; „Провидѣніе“; „Цѣпи“; „Погребеніе“; „Вечерняя Заря“; „Пѣснь плѣннаго Ирокезца“; „Пѣснь погибающаго пловца“; „Любовь“; „Звѣзда“; „Зачѣмъ задумчивыхъ очей“; „У меня ль молодца“; „Тамъ на небѣ высоко“; „Пышно льется свѣтлый Терекъ“; „Черкесскій романъ“; „Ночь на Кубани“; „Черная Коса“; „Мертвая голова“; „Гаремъ“; „Табакъ“; „Тарки“; „Цыганка“; „Раскаяніе“; „Лунный свѣтъ“ (Изъ В. Гюго); „Ахалукъ“; „Признаніе“; „Окно“; „Отрывокъ изъ Посланія къ А. П. Л—му“; „Черные глаза“; „Божій Судъ“; „Негодование“; „Грѣшница“; „Грусть“; „Долго ль будетъ вамъ безъ умолку идти“; „Прощаніе“; „Узникъ“; „Баю-баюшки-баю“. Сверхъ того, въ одномъ московскомъ журналѣ, чуть-ли не въ „Галатеѣ“ 1830 года, былъ напечатанъ замѣчательный по своему поэтическому достоинству отрывокъ изъ какого то большого стихотворенія Полежаева; мы не помнимъ его названія, но помнимъ стихи, которыми онъ начинается:

. И я въ тюрьмѣ...
 Передо мной едва горитъ
 Фитиль въ разбитомъ черепкѣ,
 Съ ружьемъ въ ослабленной рукѣ
 У двери дремлетъ часовая...

Вотъ все, что можетъ и должно войти въ порядочное изданіе стихотвореній Полежаева...

Отличительную черту характера и особенности поэзіи Полежаева составляетъ необыкновенная сила чувства, свидѣ-

тельствующая о необыкновенной силѣ его натуры и духа, и необыкновенная сила сжатаго выраженія, свидѣтельствующая о необыкновенной силѣ его таланта. Правда, одна сила еще не все составляетъ: важны подвиги, въ которыхъ бы она проявилась; Раппо одаренъ чрезвычайной силой, но играть чугунными шарами, какъ мячиками, еще не значитъ быть героемъ. Такъ; но вѣдь все же не Раппо ходитъ смотрѣть на людей и дивиться имъ, а толпы людей ходятъ смотрѣть на него и дивиться ему. И въ сферѣ своихъ подвиговъ не вышли онъ тѣхъ людей, которые почитаютъ себя силачами и, кряхтя подъ тяжестью не по силамъ, надрываясь отъ натуги, думаютъ удивлять людей силой!.. Мы не видимъ въ Полежаевѣ великаго поэта, котораго творенія должны перейти въ потомство; мы безпрестанно высказывали, что онъ погубилъ себя и свой талантъ избыткомъ силы, неуправляемой браздами разума; но въ то же время мы хотѣли показать, что Полежаевъ и въ паденіи замѣчательнѣе тысячи людей, которые никогда не спотыкались и не падали, выше многихъ поэтовъ, которые превознесены ослѣпленіемъ толпы, и что его паденіе и поэзія глубоко поучительны; мы хотѣли показать, что источникъ всякой поэзіи есть жизнь, что судьба всякаго могучаго таланта — быть представителемъ извѣстнаго момента общественнаго развитія, и что наконецъ могутъ падать только сильные, замѣчательные таланты... При другихъ условіяхъ поэзія Полежаева могла бы развиваться, расцвѣсть пышнымъ цвѣтомъ и дать плодъ сторицей: возможность этого видна и въ томъ, что имъ написано при ложномъ его направленіи, при неестественномъ развитіи. Мы необинуясь скажемъ, что изъ всѣхъ поэтовъ, явившихся въ первое время послѣ Пушкина, исключая геніальнаго Грибоѣдова, который образуетъ въ нашей литературѣ особую школу, — несравненно выше всѣхъ другихъ и достойнѣе вниманія и памяти — Полежаевъ и Веневитиновъ... Къ буйной и страдающей музѣ Полежаева можно примѣнить эти стихи Пушкина:

И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣтилъ.

Комета — явленіе безобразное, если хотите, но ея страшная красота для каждого интересиѣ мгновеннаго блеска падучей звѣзды, случайно возникающей и безъ слѣда исчезающей на горизонтѣ ночного неба.

РѢЧЬ О КРИТИКѢ.

Произнесенная въ собраніи С.-Петербургскаго Университета, 25 го марта 1842 года, экстра-ординарнымъ профессоромъ А. Никитенко. Спб. 1842.

I.

Духъ анализа и изслѣдованія—духъ нашего времени. Теперь все подлежитъ критикѢ, даже сама критика. Наше время ничего не принимаетъ безусловно, не вѣритъ авторитетамъ, отвергаетъ преданіе; но оно дѣйствуетъ такъ не въ смыслѣ и въ духъ прошедшаго вѣка, который, почти до конца своего умѣлъ только разрушать, не умѣя созидать; напротивъ, наше время алчетъ убѣжденій, томится голодомъ истины. Оно готово принять всякую живую мысль, преклониться передъ всякимъ живымъ явленіемъ; но оно не спѣшитъ имъ на встрѣчу, а спокойно ожидаетъ ихъ къ себѣ безъ страсти и увлеченія. Боясь разочарованія, оно боится и очаровываться наскоро. Какъ-будто враждебно смотритъ нашъ, закаленный въ буряхъ ученій и событій, вѣкъ на все новое, которое претендуетъ замѣнить ему неудовлетворяющее его старое; но эта враждебность есть въ сущности только благоразумная осторожность, плодъ тяжелыхъ опытовъ. Нашъ вѣкъ и восхищается какъ будто холодно; но эта холодность у него не въ сердцѣ, а только въ манерѣ; она—признакъ не старости, а возмужалости. Скажемъ болѣе: эта холодность есть сосредоточенность внутренняго восторга, плодъ самообладанія, умѣющаго видѣть всему настоящее мѣсто и настоящія границы, равно презирающаго и искусственную, на живую нитку смѣтанную золотую середину—этого идола посредственности,

и фанатическое увлеченіе крайностями, этой болѣзни одностороннихъ умовъ. И это покажется намъ очень естественнымъ, когда вспомнимъ, что послѣдняя половина прошедшаго и еще некончившаяся половина настоящаго вѣка могутъ многіе изъ своихъ дней назвать вѣками: такъ много впродолженіи ихъ было испытано и пережито человѣчествомъ. Юноша на все бросается горячо и опрометчиво: ему ничего не стоитъ пасть на колѣни, воздѣть руки горѣ и обоготворить то, къ чему черезъ минуту онъ будетъ или холоденъ, или враждебенъ. Мужъ, искушенный опытомъ, не скоро поддается увлеченію: онъ сперва хочетъ изслѣдовать и повѣрить, онъ начинаетъ съ сомнѣнія; если что выдержать его строгое, холдное изслѣдованіе, то уже не на-мигъ овладѣетъ его любовью и уваженіемъ. Возмужалый человѣкъ доволенъ чувствомъ и не хлопочетъ, чтобъ это чувство замѣчали другіе; онъ дорожитъ имъ для него самого, и скорѣе постарается скрыть его, чѣмъ обнаружить. Юноша все лжбитъ для восторга, и восторгъ давить и рветъ грудь ему, если онъ не сообщить его другимъ. На нашъ вѣкъ много нападокъ, и весьма справедливыхъ. Дѣйствительно, это вѣкъ какой-то перѣшимости, разъединенія, индивидуальности, вѣкъ личныхъ страстей и личныхъ интересовъ (даже умственныхъ), вѣкъ перехода, вѣкъ, котораго одна нога уже переступила за порогъ невѣдомаго будущаго, а другая осталась на сторонѣ отжившаго прошедшаго, и который оборачивается то назадъ, то впередъ, не зная куда двинуться. Все это правда; но въ то-же время правда и то, что этотъ вѣкъ уже такъ опытенъ, такъ уменъ, такъ много помнить и знаетъ, что не можетъ рѣшиться играть роль паладина среднихъ вѣковъ, жить мечтами и ломать копыя за невѣдомую красоту или, подобно Донъ-Кихоту, увѣрить себя въ несравненной красотѣ какой-нибудь безобразной Дульцинеи, за неимѣніемъ въ наличности красоты, дѣйствительно существующей.

Да, прошли безвозвратно блаженные времена той фантастической эпохи человѣчества, когда чувство и фантазія давали ему отвѣты на всѣ его вопросы, и когда отвлеченная идеальность составляла блаженство его жизни. Міръ возмужалъ: ему нуженъ не пестрый палейдоскопъ воображенія, а

микроскопъ и телескопъ разума, сближающій его съ отдаленнымъ, дѣлающій для него видимымъ невидимое. Дѣйствительность—вотъ лозунгъ и послѣднее слово современнаго міра! Дѣйствительность въ фактахъ, въ знаніи, въ убѣжденіяхъ чувства, въ заключеніяхъ ума,—во всемъ и вездѣ дѣйствительность есть первое и послѣднее слово нашего вѣка. Онъ знаетъ, что лучше на картѣ Африки оставить пустое мѣсто, чѣмъ заставить вытекать Нигеръ изъ облаковъ или изъ радуги. И сколько отважныхъ путешественниковъ жертвуютъ жизнью изъ географическаго факта, лишь бы доказать его дѣйствительность! Для нашего вѣка открыть песчаную пустыню, дѣйствительно существующую, болѣе важное пріобрѣтеніе, чѣмъ вѣрить существованію Эльдорадо, котораго не видали ничьи смертныя очи. Онъ знаетъ, что въ песчаной степи, дѣйствительно существующей, болѣе видно всемогущество Творца и величіе природы, чѣмъ во всѣхъ Эльдорадо, существующихъ только въ праздномъ воображеніи мечтателей. Нашему вѣку не нужно шутовскихъ бубенчиковъ, пріятныхъ заблужденій, ребяческихъ погремушекъ, отрадныхъ, утѣшительныхъ лжей. Если бы ложь предстала передъ нимъ въ видѣ юной и прекрасной женщины и съ улыбкой манила его въ свои роскошныя объятія, а истина—въ видѣ страшнаго остова смерти, летящаго на гигантскомъ конѣ съ косою въ рукахъ—онъ отвергся бы, съ презрѣніемъ и ненавистью, отъ обольстительнаго призрака, и бросился бы въ мертвящія объятія остова... Ему лучше ощутить себя въ дѣйствительныхъ объятіяхъ страшной смерти духа, чѣмъ схватить въ свои руки призракъ, долженствующій исчезнуть при первомъ къ нему прикосновеніи... И это совсѣмъ не скептицизмъ: это, напротивъ, обожествленіе истины, которая можетъ быть страшна только для ограниченности индивидуальнаго человека, а сама въ себѣ есть вѣчная красота и вѣчное блаженство. Скептицизмъ отчаявается въ истинѣ и не ищетъ ея; нашъ вѣкъ—весь вопросъ, весь стремленіе, весь исканіе и тоска по истинѣ... Онъ не боится, что его обманетъ истина, но боится лжи, которую человѣческая ограниченность часто принимаетъ за истину.

И однакожъ человекъ всегда стремился къ познанію исти-

ны, слѣдовательно всегда мыслилъ, изслѣдовалъ, повѣрялъ. Такъ; но его изслѣдованіе не было свободно: оно всегда находилось подъ вліяніемъ его непосредственного созерцанія или зависѣло отъ авторитета чувства и заранѣе принятыхъ началъ. Если же когда-нибудь изслѣдованіе освобождалось отъ авторитета и преданія, то враждебно разрушало полноту непосредственной жизни, не замѣняя ея полнотой новой жизни. Такъ въ Греціи сначала всѣ явленія дѣйствительности, фантастически представлявшіяся людямъ, и объясняемы были фантастически же. Умъ явно находился подъ преобладающимъ вліяніемъ фантазіи и чувства. И эта фантастическая дѣйствительность не выдержала разлагающей философіи Сократа: она пошатнулась, рухнула и погребла философа подъ своими развалинами. Въ фантастическіе средніе вѣка философія была чѣмъ-то вродѣ кабалистики, химія — алхиміей, астрономія — астрологіей, исторія — романомъ, географія — волшебной сказкой. Въ XVI и XVII вѣкахъ умъ началъ вступать въ права свои, постепенно завоевывая у чувства и фантазіи принадлежавшія ему области. Въ XVIII вѣкѣ онъ одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду, нанесъ имъ послѣдній ударъ. Но эта побѣда и показала ему, что одинъ и самъ по себѣ онъ долженъ страшиться собственной силы, которая увлекала бы его къ исключительности и односторонности. И потому въ XIX вѣкѣ разумъ обнаружилъ стремленіе къ примиренію съ чувствомъ и фантазіей; онъ призналъ ихъ права, но какъ подчиненныхъ ему союзниковъ, которые должны дѣйствовать подъ его преобладающимъ вліяніемъ. И теперь разумъ во всемъ ищетъ самого себя и только то признаетъ дѣйствительнымъ, въ чемъ и находитъ самого себя. Этимъ наше время рѣзко отличалось отъ всѣхъ прежнихъ историческихъ эпохъ. Разумъ все покорилъ себѣ, надъ всѣмъ воспребладалъ: для него уже ничто не есть болѣе само себѣ цѣль, но все должно отъ него получать утвержденіе своей самостоятельности и дѣйствительности. Сомнѣніе и скептицизмъ уже болѣе не враги ему, приводящіе его въ отчаяніе на пути сознанія истины, но его орудія средства, помогающія ему въ сознаніи истины.

Мы сказали, что разумъ тогда только признаетъ извѣст-

ную истину, ученіе или явленіе дѣйствительными, когда находитъ въ нихъ себя, какъ содержаніе въ формѣ. Для этого ему только одинъ путь и одно средство—разъединеніе идеи отъ формы, разложеніе элементовъ, образующихъ собой данную истину или данное явленіе. И это дѣйствіе разума отнюдь не отвратительный анатомическій процессъ, разрушающій прекрасное явленіе для того, чтобъ опредѣлить его значеніе. Разумъ разрушаетъ явленіе для того, чтобы оживить его для себя въ новой красотѣ и новой жизни, если онъ найдетъ себя въ немъ. Отъ процесса разлагающаго разума умираютъ только такіа явленія, въ которыхъ разумъ не находитъ ничего своего и объявляетъ ихъ только эмпирически существующими, но не дѣйствительными. Этотъ процессъ и называется „критикой“. Многіе подъ критикой разумѣютъ или оужденіе разсматриваемаго явленія, или отдѣленіе въ немъ хорошаго отъ худого: — самое пошлое понятіе о критикѣ! Нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основаніи личнаго произвола, непосредственнаго чувства или индивидуальнаго убѣжденія: судъ принадлежитъ разуму, а не лицамъ, и лица должны судить во имя обще-человѣческаго разума, а не во имя своей особы. Выраженія: „мнѣ нравится, мнѣ не нравится“ могутъ имѣть свой вѣсъ, когда дѣло идетъ о кушаньѣ, винахъ, рыскахъ, гончихъ собакахъ и т. п.; тутъ могутъ быть даже свои авторитеты. Но когда дѣло идетъ о вліяніяхъ исторіи, науки, искусства, нравственности, — тамъ всякое я, которое судитъ самовольно и бездоказательно, основываясь только на своемъ чувствѣ мнѣнія, напоминаетъ собой несчастнаго въ домѣ умалишенныхъ, который съ бу-мажной короной на головѣ величаво и благоуспѣшно правитъ своимъ воображаемымъ народомъ, казнить и милуетъ, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, благо никто ему не мѣшаетъ въ этомъ невинномъ занятіи. Критиковать — значитъ искать и открывать въ частномъ явленіи общіе законы разума, по которымъ и чрезъ которые оно могло быть, и опредѣлять степень живого, органическаго соотношенія частнаго явленія съ его идеаломъ. А такъ какъ бываютъ явленія, вполне выражающія общее въ частномъ, идеаль—въ конечномъ, и бываютъ явленія, только въ извѣстной степени вы-

ражающія это единство частнаго съ общимъ, и бываютъ явленія, только претендующія на это единство въ самомъ же дѣлѣ совершенно чуждыя его; слѣдовательно и критика не только безусловно хулить или только похваливаетъ и по-браниваетъ, но иногда ограничивается одной похвалой. У насъ, на Руси, особенно критика получила въ глазахъ массы превратное понятіе: критиковать—для многихъ значитъ ругать, а критика одно и то же съ ругательной статьей. Мало того: критикой называютъ и сатиру, и пасквиль, а въ провинціи, въ среднихъ кругахъ общества, критикой называютъ пересуды, сплетни и злоязычіе. Понимать такимъ образомъ критику все равно, что правосудіе смѣшивать только съ обвиненіемъ и карой, забывая объ оправданіи. Равнымъ образомъ критика не ограничивается однимъ искусствомъ, хотя ея имя и употребляется больше только въ отношеніи къ искусству. Критика происходитъ отъ греческаго слова, означающаго „судить“; слѣдовательно, въ обширномъ значеніи, критика есть то же, что „сужденіе“. Поэтому есть критика не только для произведеній искусства и литературы, но и критика предметовъ наукъ, исторіи, нравственности, и пр. Лютеръ на-примѣръ былъ критикомъ папизма, какъ Боссюэтъ былъ критикомъ исторіи, а Вольтеръ — критикомъ феодальной Европы.

Критика всегда соотвѣтственна тѣмъ явленіямъ, о которыхъ судить: поэтому она есть сознаніе дѣйствительности. Такъ на-примѣръ, что такое Буало, Баттё, Лагарпъ? Отчетливое сознаніе того, что непосредственно (какъ явленіе, какъ дѣйствительность) выразилось въ произведеніяхъ Корнеля, Расина, Мольера, Лафонтена. Здѣсь не искусство создало критику, и не критика создала искусство; но то и другое вышло изъ одного общаго духа времени, То и другое — равно сознаніе эпохи; но критика есть сознаніе философское, а искусство — сознаніе непосредственное. Содержаніе того и другого—одно и то же; разница только въ формѣ. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается важность критики, особенно для нашего времени, которое по преимуществу мыслящее и судящее, слѣдовательно критикующее время. Въ критикѣ нашего времени болѣе, чѣмъ въ чемъ-нибудь другомъ, выразился духъ времени. Что такое само искусство нашего вре-

мени? — Сужденіе, анализъ общества, слѣдовательно критика. Мыслительный элементъ теперь слился даже съ художественнымъ, — и для нашего времени мертво художественное произведеніе, если оно изображаетъ жизнь для того только, чтобъ изображать жизнь, безъ всякаго могучаго субъективнаго побужденія, имѣющаго свое начало въ преобладающей думѣ эпохи, если оно не есть вопль страданія или дионисіево восторга, если оно не есть вопросъ или отвѣтъ на вопросъ. Удивляться ли послѣ этого, что критика есть самовластная царица современнаго умственнаго міра? Теперь вопросъ о томъ, что скажутъ о великомъ произведеніи, не менѣе важенъ самаго великаго произведенія. Что бы и какъ бы ни сказали о немъ, — повѣрьте, это прочтется прежде всего, возбудить страсти, умы, толки. Иначе и быть не можетъ: намъ мало наслаждаться — мы хотимъ знать; безъ знанія для насъ нѣтъ наслажденія. Тотъ обманулъ бы, кто сказалъ бы, что такое то произведеніе наполнило его восторгомъ, если онъ не отдалъ себѣ отчета въ этомъ наслажденіи не изслѣдовалъ его причинъ. Восторгъ отъ непонятаго произведенія искусства — мучительный восторгъ. Это теперь выражается не только въ отдѣльных лицахъ, но и въ массахъ.

Въ Россіи пока еще существуетъ только критика искусства и литературы. Это обстоятельство придаетъ ей еще большій интересъ и большую важность. Литературныя мнѣнія разносятся у насъ скоро и быстро, и каждое находитъ себѣ послѣдователей. Можно сказать безъ преувеличенія, что пока еще только въ искусствѣ и литературѣ, а слѣдовательно въ эстетической и литературной критикѣ, выражается интеллектуально, сознание нашего общества. Поэтому нисколько не должно казаться страннымъ, что почтенный профессоръ официально избранный быть органомъ годичнаго торжества ученаго заведенія, избралъ предметомъ своей рѣчи критику. Нельзя было избрать лучшаго предмета, вопроса болѣе современнаго и болѣе близкаго къ жизни. И нѣтъ пріятнѣе зрѣлища, какъ то, что у насъ наука сближается съ жизнью и обществомъ, перестаетъ быть чѣмъ-то вродѣ элевзинскихъ таинствъ, отправляемыхъ вдобавокъ на латинскомъ языкѣ, понятномъ лишь оратору да еще десяти человѣкамъ изъ нѣсколь-

кихъ сотъ, присутствующихъ на торжественномъ собраніи. Не менѣе пріятно и то, когда органами ученаго сословія и ученаго общества бываютъ люди, умѣющіе соединить интересъ предмета и основательность, глубину взглядовъ съ живымъ, краснорѣчивымъ изложеніемъ. Этимъ умѣньемъ вполне обладаетъ авторъ рѣчи, подавшей намъ поводъ къ этой статьѣ. Рѣчи Никитенко, какъ и все, что ни выходитъ изъ-подъ его пера, полны мыслей и отличаются особенной красотой выраженія. Каждый имѣетъ свое убѣжденіе, и потому не каждый безусловно согласится съ Никитенко во всемъ, что составляетъ основаніе или частности его идей; но каждый, даже и не соглашаясь съ ними вполне, прочтетъ ихъ съ тѣмъ вниманіемъ и уваженіемъ, которыя могутъ возбуждаться только мыслями, вызывающими на размышленіе, поражающими умъ. Парадоксъ или явная ложь не могутъ возбудить критическаго спора (ибо критика есть сужденіе, сравненіе явленія съ его идеаломъ), но могутъ возбудить опроверженіе; критическіе споры могутъ возбуждаться только мыслями. Опровергаютъ то, что считаютъ ложью; спорять о томъ, что обѣ стороны, несмотря на ихъ противорѣчіе, уважаютъ. Опровергающій мнѣніе считаетъ себя безусловно правымъ; спорящій старается быть правымъ, но почитаетъ побѣду столько же возможной и для противной стороны, какъ и для самого себя. Судъ побѣды предоставляется обществу и времени.

У насъ такъ мало является по части критики (сужденія) достойнаго даже опроверженій, не только спора, что мы вдвойнѣ обрадовались рѣчи Никитенко: какъ прекрасному произведенію мысли и краснорѣчія, которое обратило бы на себя вниманіе во всякой литературѣ, — и какъ случаю поговорить о дѣлѣ. Сверхъ того предметъ рѣчи профессора такъ близокъ нашему сердцу, что для насъ поговорить о немъ, по такому достойному поводу, — истинное наслажденіе.

Съ первыхъ же строкъ „Рѣчи“ поражаютъ читателя и блескъ ея изложенія, и ея живые мотивы, такъ сказать, животрепещущіе интересомъ современности. Ораторъ разсматриваетъ критику только въ отношеніи къ искусству и опредѣляетъ ее „судомъ разума надъ творчествомъ“.

„Но (говорить онъ) какъ же разумъ осмѣливается присвоить себѣ право суда и приговора надъ августѣйшей, первоначальной властью міра, совершительницей жизни и судьбы ея? Что значать блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событій? То, что родить только тѣни, дерзаетъ ли состязаться съ силой, воздвигающей вещи?... И какъ заглянуть въ нѣдра волкана или въ лицо солнцу, чтобъ спросить у нихъ: „Зачѣмъ эти непріязненные тревоги вѣществъ, обуздываемыхъ закономъ тяготѣнія, зачѣмъ это сіяніе?“ или сказать имъ: „вотъ этому быть бы такъ, а тому иначе“. Суетны слова тамъ, гдѣ нѣтъ имъ другого отзыва, кромѣ жизни или смерти.

„И точно, есть творчество неподвластное суду и приговору разума человѣческаго: это творчество природы. У нея нѣтъ разнорѣчащаго смысла въ требованіи и рѣшеніи; нѣтъ ни теорій, ни идеаловъ недостижимыхъ; что есть, то и должно быть, и должно быть такъ, какъ есть. Каждая степень развита, каждый моментъ въ явленіяхъ природы содержитъ въ себѣ безъ недостатка все свое, все имъ подобающее; ничѣмъ другимъ и ничѣмъ большимъ они уже не могутъ быть. Цвѣтокъ раскинулся во всемъ блескѣ роскошной красоты или неожиданно поникъ юношескимъ вѣнцомъ своимъ предъ хладнымъ дыханіемъ сѣвера — законъ природы одинаково и окончательно выполненъ, тамъ въ законномъ развитіи отдѣльнаго организма, здѣсь въ законныхъ послѣдствіяхъ превозмогающей силы—и нѣтъ другого приговора событію, какъ: „оно свершилось“.

Съ этимъ нельзя вполнѣ согласиться, и вотъ на какомъ основаніи: духъ или разумъ, произведшій природу, выше природы, слѣдовательно можетъ судить ее. Сужденіе не всегда состоитъ въ томъ, чтобы произнести приговоръ судимому предмету, рѣшивъ: „вотъ этому быть бы такъ, а тому иначе“, но часто состоитъ въ оправданіи предмета такъ, какъ онъ есть, въ признаніи, что онъ хорошъ только такъ, какъ есть, и другимъ быть не можетъ. „Что значать блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія предъ яркимъ и звучнымъ могуществомъ событій? То, что родить только тѣни, дерзаетъ состязаться съ силой, воздвигающей вещи?...“ Такъ говоритъ ораторъ, но сама природа — что же она такое, если не самыя эти блѣдныя, безкровныя и безплотныя понятія, воплотившіяся въ живые образы,—изъ міра возможности и идеаловъ перешедшія въ міръ дѣйствительности?.. Понятія родятъ не тѣни — тѣни родятъ только ложь; весь міръ, вся жизнь есть явленный образъ этихъ понятій. И какъ же разуму не дерзать состязаться съ силой, имъ же самимъ рожденной? Какъ духу уступать первенство имъ живущей и имъ дышащей матеріи?

Еслибъ разумъ, судя о природѣ, т. е. приводя для себя въ сознаніе его же собственные законы, ею выраженные, сталъ доходить до заключеній, что вотъ это не такъ, а то могло-бъ быть иначе,—онъ этимъ пришелъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собой, отрекся бы отъ самого себя и изрекъ бы страшный приговоръ надъ самимъ собой. Природа есть нѣчто мертвое, несуществующее само для себя: только духъ человѣческій знаетъ, что она есть, что она полна жизни и красоты, что въ ней скрыта глубокая мудрость; только духъ человѣческій знаетъ все это и блаженствуетъ въ своемъ знаніи. Зеркало отражаетъ въ себѣ стоящіе противъ него предметы, но не видитъ ихъ, и для него все равно отражать ихъ, или нѣтъ; важность и неважность такого вопроса существуетъ только для человѣка. Умри на землѣ человѣчество — и земли больше не будетъ, хотя бы она и осталась такой или еще и лучшей, чѣмъ была при человѣчествѣ: ея не будетъ, потому что некому будетъ знать, что она есть. Даже нельзя безусловно думать, чтобъ духъ, или разумъ только видѣлъ себя въ природѣ, а не дѣйствовалъ на нее. Разумъ не скажетъ: зачѣмъ листья растений зелены? имъ слѣдовало-бъ быть голубыми; зачѣмъ дубъ высокъ, а розанъ низокъ? и т. п. Онъ знаетъ, что такъ должно быть, что дѣйствующія силы природы неизмѣнны; онъ не претендуетъ измѣнять ихъ; но, сообразуясь съ ними и дѣйствуя черезъ нихъ же, онъ измѣняетъ климаты, осушаетъ болоты и тундры, утучняетъ песчаные степи и на тѣ и другія призываетъ богатство и роскошь растительной природы, велитъ течь водѣ тамъ, гдѣ ея не было, и каналами соединяетъ разъединенныя природой моря, озера и рѣки; цвѣтокъ, взлелѣянный имъ, лучше, красивѣе и благоуханнѣе цвѣтка дико-растущаго; вода и вѣтеръ покорно работаютъ на его машинахъ, мелютъ и пилятъ; пары съ быстротой молніи несутъ его по сушѣ и по морю; обезоруженные громы минуютъ его жилища и зданія; онъ побѣдилъ и время, и пространство; онъ — царь природы, повелѣвающий ею въ неизмѣнномъ и предвѣчномъ духѣ собственныхъ законовъ. Совсѣмъ иное видѣть ораторъ въ искусствѣ, чѣмъ въ природѣ. Съ этимъ опять нельзя безусловно согласиться. Впрочемъ дѣло можетъ быть понятно и такъ, и иначе, смотря по тому, съ какой стороны

на него взглянешь. Дѣйствительно, каждое произведеніе природы, на какой бы ступени ея ни стояло оно, совершенно въ отношеніи къ самому себѣ, тогда какъ произведенія искусства, часто самыя совершеннѣйшія, заключаютъ въ себѣ какую-то примѣсь временнаго и случайнаго, что теряетъ свое достоинство въ глазахъ потомства. Но это означаетъ скорѣе превосходство, чѣмъ низшую степень искусства въ отношеніи къ природѣ: это значитъ, что искусство, развивается свободно, а природа неподвижно заключена въ математическіе законы своего существованія. Свободное можетъ ошибаться, несвободное никогда не ошибается; и потому животныя чужды заблужденій, ошибокъ и пороковъ, которымъ подверженъ человѣкъ. Притомъ же преходящее въ созданіяхъ искусства есть ошибка не творящаго духа художника, а времени, въ которое онъ дѣйствовалъ. То, что мы отвергаемъ въ такихъ произведеніяхъ, отвергаемъ не какъ ошибку искусства, но какъ утратившее свою силу начало, бывшее нѣкогда истиннымъ; слѣдовательно отвергаемъ форму не за форму, а за ея содержаніе. Сознательное творчество не можетъ не быть выше безсознательнаго. И если въ природѣ явилась мудрость Божія, то развѣ не она же является и въ дѣйствіяхъ разумной воли человѣка, и развѣ человѣкъ творитъ великое отъ себя и собой, а не Богомъ и черезъ Бога?.. Только въ неразумныхъ дѣйствіяхъ своей воли личность человѣческая является самостоятельной и отпавшей отъ божественнаго источника, въ которомъ ея жизнь и сила; но тогда-то она и является ничтожной, случайной, безсильной и униженной.

„Творчество человѣческое есть только непрерывно повторяемое покушеніе осуществить безконечную идею изящества — идею полноты и совершенства жизни“, говоритъ ораторъ. Опре- дѣленіе справедливое, но, смѣемъ думать, не совсѣмъ полное и удовлетворительное. Во-первыхъ, идеи „полноты и совершенства жизни“ не должны быть смѣшиваемы съ идеей „изящества“ и „красоты“, особенно если эта „полнота и совершенство жизни“ не опредѣлены ничѣмъ, даже эпитетомъ. Во-вторыхъ, изящество и красота еще не все въ искусствѣ. Мы сами были нѣкогда жаркими послѣдователями идеи красоты,

какъ не только одинаго и самостоятельнаго элемента, но и единой цѣли искусства. Съ этого всегда начинается процессъ постиженія искусства, и красота для красоты, самоцѣльность искусства, бываетъ всегда первымъ моментомъ этого процесса. Миновать этотъ моментъ — значитъ никогда не понять искусства. Остаться при этомъ моментѣ — значитъ односторонне понять искусство. Все живое движется и развивается; понятіе объ искусствѣ не алгебраическая формула, всегда мертво-неподвижная. Заклучая въ себѣ много сторонъ, оно требуетъ развитія во времени каждой изъ нихъ прежде, чѣмъ дастся въ своей полнотѣ и цѣлостности. Подвинуться впередъ въ сознаніи, отъ низшей его ступени перейти къ высшей, не значитъ измѣнить своимъ убѣжденіямъ. Убѣжденіе должно быть дорого потому только, что оно истинно, а совсѣмъ не потому, что оно наше. Какъ скоро убѣжденіе человѣка перестало быть въ его разумѣніи истиннымъ, онъ уже не долженъ называть его своимъ: иначе онъ принесетъ истину въ жертву пустому, ничтожному самолюбію и будетъ называть „своимъ“ ложь. Людей послѣдняго разряда довольно на бѣломъ свѣтѣ; они заставляютъ себя насильно вѣрить тому, чему вѣрили прежде свободно и чему теперь уже имъ не вѣрится. Они думаютъ унизиться, отказавшись отъ одного убѣжденія въ пользу другого, забывая, что это другое есть истина выше человѣка. Другое дѣло переходить отъ убѣжденія къ убѣжденію вслѣдствіе внѣшнихъ расчетовъ, эгоистическихъ побужденій: это низко и подло...

Что красота есть необходимое условіе искусства, что безъ красоты нѣтъ и не можетъ быть искусства—это аксіома. Но съ одной красотой искусство еще не далеко уйдетъ, особенно въ наше время. Красота есть необходимое условіе всякаго чувственнаго проявленія идеи. Это мы видимъ въ природѣ, въ которой все прекрасно, исключая только тѣ уродливыя явленія, которыя сама природа оставила недоконченными и спрятала ихъ во мракъ земли и воды (моллюски, черви, инфузоріи, и т. д.). Но намъ мало красоты эмпирической дѣйствительности: люблюсь ею, мы все-таки требуемъ другой красоты и отказываемъ въ названіи искусства самому точному копированію природы, самой удачной поддѣлкѣ подъ ея

произведенія. Мы называемъ это ремесломъ. Какая же та красота, которой жаждетъ нашъ духъ, неудовлетворяющійся красотою природы, и которой мы требуемъ отъ искусства? Красота міра идеальнаго, міра безплотнаго, міра разума, гдѣ отъ вѣка заключены всѣ прототипы живыхъ образовъ, откуда исходить все реально-существенное. Слѣдовательно красота есть дочь разума, какъ Афродита — дочь Зевеса. Но у грековъ, несмотря на это подчиненіе красоты разуму, красота болѣе, чѣмъ у какого-нибудь другого народа, имѣла самостоятельное, абсолютное значеніе. Они все созерцали подъ преобладающимъ вліяніемъ красоты, и у нихъ было искусство, по преимуществу имѣвшее цѣлью красоту—ваяніе. Впрочемъ и сами греки отдѣляли красоту отъ другихъ сторонъ бытія и обожествили ее только въ идеальномъ образѣ Афродиты. Красота Зевеса есть красота царственнаго величія міродержавнаго разума; красота другихъ боговъ также выражаетъ и еще какую-нибудь идею, кромѣ красоты. Что же касается до ихъ поэзіи, въ ея прекрасныхъ образахъ выражалось цѣлое содержаніе эллинской жизни, куда входила и религія, и нравственность, и наука, и мудрость, и исторія, и политика, и общественность. Красота безусловная, абсолютная, красота какъ красота, выражалась только въ Афродитѣ, которую вполне могло выражать только ваяніе. Слѣдовательно даже и о греческомъ искусствѣ нельзя сказать безусловно, чтобъ цѣлью его было одно воплощеніе изящества. Содержаніе каждой греческой трагедіи есть нравственный вопросъ, эстетически рѣшаемый.

Христіанство нанесло рѣшительный ударъ безусловному обожанію красоты, какъ красоты. Красота мадонны есть красота нравственнаго міра, красота дѣвственной чистоты и материнской любви; ее могла выразить только живопись, но ужь никакимъ образомъ не могла выразить бѣдная скульптура. Конечно, какое нравственное выраженіе ни придайте дурному лицу, оно отъ этого все-таки не будетъ прекраснымъ лицомъ, и потому красота греческая вошла и въ новое искусство, но уже какъ элементъ, подчиненный другому высшему началу, слѣдовательно она стала уже скорѣе средствомъ, чѣмъ цѣлью искусства. Только здѣсь слово „средство“ не

должно понимать, какъ что-то внѣшнее искусству, но какъ единую, ему присущую форму проявленія, безъ которой искусство невозможно. Съ другой стороны, искусство безъ разумнаго содержанія, имѣющаго историческій смыслъ, какъ выраженіе современнаго сознанія, можетъ удовлетворять развѣ только записныхъ любителей художественности по старому преданію. Нашъ вѣкъ особенно враждебенъ такому направленію искусства. Онъ рѣшительно отрицаетъ искусство для искусства, красоту для красоты. И тотъ бы жестоко обманулся, кто думалъ бы видѣть въ представителяхъ новѣйшаго искусства какую-то отдѣльную касту артистовъ, основавшихъ себѣ свой собственный фантастическій міръ среди современной имъ дѣйствительности. Вальтеръ-Скоттъ своими романами рѣшилъ задачу связи исторической жизни съ частной. Онъ — живописецъ среднихъ вѣковъ, равно какъ и всѣхъ эпохъ, которыя онъ изображалъ; онъ вводитъ насъ въ тайники ихъ семейной, домашней жизни. Онъ столько же романистъ и поэтъ, сколько и историкъ. Поэтому неудивительно, что историческій критикъ, Гизо, ненаписавшій не только ни одного романа — даже ни одной повѣсти, съ признательностью ученика называетъ Вальтеръ-Скотта своимъ учителемъ. Дать историческое направленіе искусству XIX вѣка — значило геніально угадать тайну современной жизни. Байронъ, Шиллеръ и Гете — это философы и критики въ поэтической формѣ. О нихъ всего менѣе можно сказать, что они поэты, и больше ничего. Правда, Гете вслѣдствіе своей уже слишкомъ нѣмецкой натуры и аскетическаго образа воззрѣнія на міръ, Гете еще могъ бы подходить подъ идеалъ поэта, который поетъ, какъ птица, для себя: не требуя ничего вниманія (лишь печатаетъ свои пѣснопѣнія для людей); но и онъ не могъ не заплатить дани духу времени: его „Вертеръ“ есть не что иное, какъ вопль эпохи; въ его „Фаустѣ“ заключены всѣ нравственные вопросы, какіе только могутъ возникнуть въ груди внутренняго человѣка нашего времени; его „Прометей“ дышитъ преобладающимъ духомъ вѣка; многіе изъ его мелкихъ лирическихъ пьесъ суть не что иное, какъ выраженіе философскихъ идей. Изъ великихъ поэтовъ современности, Куперъ болѣе другихъ держится въ чисто-художественной

сферѣ, потому только, что гражданственность его юнаго отечества еще не выработала изъ себя элементовъ для современной поэзіи. Впрочемъ, какъ живой человѣкъ, а не птица, поющая для себя, Куперъ взялъ возможно полную дань съ жизни Сѣверо-Американскихъ Штатовъ: содержаніе „Шпіона“ составляетъ борьба его отечества за независимость; въ „Американскихъ Пуританахъ“, въ „Эвъ Эффингемъ“ и другихъ романахъ онъ касается разныхъ сторонъ невыформировавшейся гражданственности страны будущаго.

Духъ нашего времени таковъ, что величайшая творческая сила можетъ только изумить на время, если она ограничится „птичьимъ пѣніемъ“, создастъ себѣ свой міръ, неимѣющій ничего общаго съ исторической и философической дѣйствительностью современности, если она вообразить, что земля недостойна ея, что ея мѣсто на облакахъ, что мірскія страданія и надежды не должны смущать ея таинственныхъ ясно-видѣній и поэтическихъ созерцаній. Произведенія такой творческой силы, какъ бы ни громадна была она, не войдутъ въ жизнь, не возбудятъ восторга и сочувствія ни въ современникахъ, ни въ потомствѣ. Возьмемъ, для подтвержденія этой истины, современную французскую литературу. Викторъ Гюго, Бальзакъ, Дюма, Жаненъ, Сю, де-Виньи — конечно не громадныя таланты, особенно пятеро послѣднихъ; но все же это люди замѣчательно-даровитые. И что же? — они не успѣли еще и состарѣться, какъ ихъ слава, занимавшая всю читающую Европу, умерла уже. Первый еще пользуется старинной славой, не прибавляя къ ея увядающимъ лаврамъ ни одного свѣжаго лепестка; а другіе стали во Франціи то же самое, что у насъ теперь иные нравоописательные и нравственно-сатирическіе сочинители: — горе-богатыри, модели для карикатуръ, мишень для насмѣшекъ критики. Отчего же эти французскіе литераторы такъ скоро выписались? — Оттого, что съ однимъ естественнымъ талантомъ недалеко уйдешь: талантъ имѣетъ нужду въ разумномъ содержаніи, какъ огонь въ маслѣ, для того чтобъ не погаснуть. А эти люди или сами не знали, что пѣли и изъ чего хлопотали, за отсутствіемъ всякихъ живыхъ интересовъ, или съ добродушной искренностью — результатомъ безсознательности и мелкихъ ихъ на-

туръ—выдавали пороки современнаго общества за добродѣтели, заблужденія—за мудрость, и гордились тѣмъ, что это прекрасное общество нашло въ нихъ достойныхъ выразителей. Послѣ нихъ явились другіе даровитые люди — Сульо, Бернаръ и пр. Но что же?—читая повѣсть, написанную тѣмъ или другимъ изъ этихъ новыхъ геніевъ, вы удивляетесь необыкновенному таланту разсказа, мастерской рисовкѣ характеровъ, живости изложенія; читаете ее съ наслажденіемъ и—забываете завтра же, какъ кушанье, о которомъ помнить только тогда, когда ѣдятъ его. Отчего это?—Оттого, что у этихъ людей нѣтъ ни взгляда на жизнь, ни кровныхъ убѣжденій, составляющихъ вѣрованіе души и сердца, ни доктрины, ни началъ; оттого, что они пишутъ для того только, чтобъ писать, какъ птицы поютъ для того, чтобъ только пѣть. Въ нихъ нѣтъ ни любви, ни ненависти, ни сочувствія, ни вражды къ обществу, съ которымъ они связаны только внѣшними узами, а не духовнымъ родствомъ, основаннымъ на паосѣ къ идеѣ вѣка и общества. Общество въ свою очередь смотритъ на нихъ, какъ на своихъ потѣшниковъ и забавниковъ, не любя, не ненавидя, не уважая и не презирая ихъ; оно кричитъ о нихъ, пока они для него новы, и тотчасъ же забываетъ, какъ скоро они наскучатъ ему и какъ скоро явятся другіе потѣшники и забавники съ новыми выдумками и фокусъ-покусами. Не такое зрѣлище представляетъ собой геніальная женщина, извѣстная подъ именемъ Жоржъ-Занда. Это, безспорно, первая поэтическая слава современнаго міра. Каковы бы ни были ея начала, съ ними можно не соглашаться, ихъ можно не раздѣлять, ихъ можно находить ложными; но ея самой нельзя не уважать, какъ человѣка, для котораго убѣжденіе есть вѣрованіе души и сердца. Оттого многія изъ ея произведеній глубоко западаютъ въ душу и никогда не изглаживаются изъ ума и памяти. Оттого талантъ ея не слабѣетъ ни въ силѣ, ни въ дѣятельности, но крѣпнетъ и растетъ. И—что еще болѣе доказываетъ истину нашего убѣжденія — всѣ такіе таланты замѣчательны еще и какъ характеры нравственные, энергическіе, которыхъ жизнь такъ же безукоризненна, какъ глубоки и свѣтлы ихъ созданія, трепещущія симпатіей къ человѣчеству, любовью

къ истинѣ. И это очень естественно: только птица поетъ оттого, что ей поется, не сочувствуя ни горю, ни радости своего птичьяго племени... И какъ горько думать, что и между людьми, при рожденіи помазанными свыше елеемъ вдохновенія, есть „птицы“: они счастливы, если имъ поется; они выше человѣчества, выше своихъ страждующихъ братьевъ, тщетно обращающихъ къ нимъ полныя мольбы и ожиданія очи; они живутъ въ себѣ, они въ душѣ своей умѣютъ находить радости и утѣшенія, и этотъ опоэтизированный эгоизмъ называютъ жизнью въ непреходящемъ и вѣчномъ, чуждомъ мелкой современности... Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что искусство подчинено, какъ и все живое и абсолютное, процессу историческаго развитія, и что искусство нашего времени есть выраженіе, осуществленіе въ изящныхъ образахъ современнаго сознанія, современной думы о значеніи и цѣли жизни, о путяхъ человѣчества, о вѣчныхъ истинахъ бытія ..

Переходя собственно къ критикѣ, какъ къ главному предмету рѣчи, краснорѣчивый ораторъ дѣлитъ критику на три разряда: на личную, аналитическую и философскую или по преимуществу художественную.

Намъ кажется, что личная критика, судя по тому значенію, какое ей даетъ авторъ, есть не родъ и не видъ, а злоупотребленіе критики. Личную критику можно раздѣлить на два рода—искреннюю и пристрастную. Первая иногда заслуживаетъ вниманія. Она принадлежитъ тѣмъ критикамъ, которые, не зная ни о современномъ состояніи теоріи изящнаго, ни объ отношеніи искусства къ обществу, все выводятъ изъ себя, опираясь на собственные воззрѣнія и собственномъ, непосредственномъ чувствѣ и вкусѣ. Это критика добродушнаго невѣжества, которое думаетъ, что съ него начался міръ, и что прежде него ничего не было. Если такой критикъ человѣкъ съ природнымъ, хотя и неразвитымъ умомъ, съ чувствомъ и душой, — въ его критикахъ могутъ встрѣчаться проблески здравыхъ мыслей, горячаго чувства, но смѣшанные со множествомъ парадоксовъ, давно отжившихъ основаній, давно забытыхъ заблужденій (ибо человѣкъ, все выводящій изъ себя, не можетъ сказать и новаго заблужденія); все у него неопредѣленно и сбивчиво. Такіе критики иногда встрѣ-

чаются между плодовитымъ и мелкимъ народомъ фельетонистовъ; они возбуждаютъ искреннее сожалѣніе къ своимъ парализированнымъ чрезъ невѣдѣніе дарованіямъ. Если же критикъ, основывающійся на личныхъ убѣжденіяхъ, при невѣжествѣ своемъ, еще и человѣкъ ограниченный,—то берите его скорѣе въ фельетонисты газеты, гдѣ великіе писатели судятся со стороны грамматики и опечатокъ, и, ради всего святого, упражняйте ихъ больше въ объявленіяхъ о табачныхъ и кондитерскихъ лавочкахъ, о ножовщикахъ и водоочистительныхъ машинахъ. Это литературная тля, о которой не стоитъ и говорить... Разсуждая о личной критикѣ, ораторъ разумѣетъ исключительно лично-пристрастную критику, которую онъ характеризуетъ сильно, энергически, живописно, но слишкомъ общими чертами,—чему причиной, разумѣется, оффиціальнѣйшій характеръ торжества, подавшаго поводъ въ рѣчи, который не долженъ былъ допустить ничего такого, что могло бы послужить поводомъ къ намеку или примѣненію. Если рыцарей добродушной, искренней личной критики, отличающейся вдругъ и невѣжествомъ, и ограниченностью, мы назвали тлею, то витязей пристрастно-личной критики можно назвать саранчой литературной. Здѣсь чѣмъ умнѣе такой критикъ, тѣмъ вреднѣе онъ для вкуса неустановившагося общества: его литературному безстыдству и наглости нѣтъ никакихъ преградъ, и онъ безнаказанно можетъ издѣваться надъ публикой, увѣряя ее, что умъ „надуваетъ“ человѣчество; что добродѣтель есть полезный предразсудокъ; что Сократъ былъ тонкій плутъ, „надувшій“ грековъ своимъ мнимымъ демономъ; прославляя имъ посредственность и нагой ложью унижая истинные таланты, или говоря о своихъ талантахъ и своихъ добродѣтеляхъ, о невѣжествѣ, злобѣ и глупости своихъ враговъ и т. п. Впрочемъ такимъ критикамъ и такой критикъ, вѣрно, будетъ не по сердцу многія строки въ энергической филиппикѣ Никитенко.

Теперь, безъ сомнѣнія, интересно будетъ для читателя узнать, какъ понимаетъ ораторъ истинную критику, которую онъ дѣлитъ на аналитическую и философскую, или по преимуществу художественную.

„Не такова, мм. гг., истинная критика, органъ блюстительнаго разума, приводящаго въ гармонію человѣческое свободное творчество со всеобщимъ и необходимымъ порядкомъ вещей, представительница вѣчныхъ законовъ искусства, мысль, произносящая судъ торжественный и всенародный надъ дѣломъ, предвозвѣстница приговора потомства, драгоцѣнная награда дарованія, кара неліцепріятная бездарности, стражъ народнаго вкуса. Принявъ на себя характеръ аналитическій, она изслѣдуетъ стихи, изъ которыхъ слагается красота въ готовыхъ произведеніяхъ таланта, и условія ея развитія. Она разсматриваетъ писателя со стороны его генія, направленія, взгляда на вещи; рисуетъ картину общества, отношеніе къ нему писателя, степень принимаемаго имъ участія въ движеніяхъ современной мысли и жизни. Обращаясь къ самому произведенію, аналитическая критика разсматриваетъ его содержаніе, разлагаетъ образы на ихъ элементы, обнажаетъ пружины, которыми авторъ дѣйствуетъ для достиженія своей цѣли, и изъясняетъ, какъ зрѣла, чѣмъ питалась основная, заветная мысль его созданія, что принадлежитъ въ ней его свободному художническому воззрѣнію на вещи и что принадлежитъ набѣгу случайныхъ обстоятельствъ, волновавшихъ его душу. Мудрая аналитическая критика знаетъ, какія изъ этихъ понятій могутъ осуществиться только въ разсматриваніи произведеній, сдѣлавшихся уже достояніемъ исторіи, и какія должно прилагать къ искусству современному. Здѣсь вы читаете, такъ сказать, отчетъ самой природы о томъ, какъ она поступаетъ въ важнѣйшей части своей экономіи—въ творествѣ умышленномъ...

„Аналитическая критика однакожъ не удовлетворяетъ еще цѣли искусства. Мы знаемъ, какъ образовалось твореніе, но не знаемъ что такое самое твореніе. „Вы, возразятъ мнѣ, видите его предъ собой раскрытымъ со всѣхъ сторонъ, объясненнымъ — чего жъ болѣе?“—Такъ! Но у каждаго изящнаго произведенія, кромѣ отношеній къ художнику, эпохѣ, народу и проч., есть еще одно отношеніе, очень важное—это отношеніе къ идеѣ красоты. Вѣдь оно для нея и существуетъ; всѣ творческія операціи, которыя аналитической критикой такъ хорошо намъ раскрыты, именно для нея и предприняты. Прекрасно ли и почему прекрасно то, что произвело искусство? Этихъ вопросовъ она не рѣшитъ.

„Всѣ начинанія человѣческаго творчества подлежатъ двумъ законамъ: закону частныхъ соотношеній съ вещами и закону идей. То, чему назначено занять мѣсто между первыми, войти въ дружескій союзъ съ ними, участвовать въ исторіи, то должно и дѣйствовать въ духѣ ихъ судьбы и потребностей. Но высокое дѣло разума и воли не было бы разумнымъ и свободнымъ, если бы оно не соединялось также узами съ тѣмъ, что выше вещей—съ основнымъ ихъ началомъ, съ родовой своей идеей. И отъ кого же, какъ не отъ нея дѣло получаетъ опредѣленный характеръ, неизгладимую фizioномію? Одно становится заслугой въ наукѣ, потому что его направляетъ идея истины, другое пріобрѣтаетъ значеніе въ искусствѣ, потому что его оживотворила идея красоты. Критика, руководимая идеей истины по пути анализа, возвышается наконецъ къ идеѣ изящнаго и становится вполне художественной... Крити-

ка—наперсница искусства, посвященная въ глубочайшія его тайны; въ то же время она органъ общества, которымъ оно принимаетъ прекрасные дары искусства и несетъ ихъ къ своему сердцу. Высоко и дослославно ея назначеніе! Двѣ могущественнѣйшія силы — искусство и духъ общественный, — опираются на ея мудрость и правоту: одно ввѣряетъ ей драгоцѣннѣйшее свое достояніе—славу, другой—честь и достоинство своихъ чувствованій“.

Нельзя не согласиться въ сущности со всѣмъ этимъ. Дѣйствительно, критика аналитическая, какъ называетъ ее ораторъ, или историческая, какъ называютъ ее во Франціи и Германіи, необходима. Миновать ее, особенно теперь, когда вѣкъ принялъ рѣшительно историческое направленіе, значило бы убить искусство или, еще скорѣе, опошлить критику. Каждое произведеніе искусства непременно должно разсматриваться въ отношеніи къ эпохѣ, къ исторической современности и въ отношеніяхъ художника къ обществу; разсмотрѣніе его жизни, характера и т. п.: также могутъ служить часто къ уясненію его созданія. Съ другой стороны, невозможно упускать изъ виду и собственно эстетическихъ требованій искусства. Скажемъ болѣе: опредѣленіе степени эстетическаго достоинства произведенія должно быть первымъ дѣломъ критики. Когда произведеніе не выдержитъ эстетическаго разбора, оно уже не стоитъ исторической критики; ибо, если произведеніе искусства чуждо животрепещущаго историческаго содержанія, если въ немъ искусство было само себѣ цѣлью, — оно все еще можетъ имѣть хотя одностороннее, относительное достоинство; но если, при живыхъ современныхъ интересахъ, оно не ознаменовано печатью творчества и свободного вдохновенія, то ни въ какомъ отношеніи не можетъ имѣть никакой цѣнности, и самая жизненность его интересовъ, будучи выражена насильственно въ чуждой имъ формѣ, будетъ бессмысленна и нелѣпа. Изъ этого прямо выходитъ, что не для чего и раздѣлять критику на разные роды, а лучше, признавъ одну критику, отдать въ ея завѣдываніе всѣ элементы и стороны, изъ которыхъ слагается дѣйствительность, выражающаяся въ искусствѣ. Критика историческая безъ эстетической и наоборотъ, эстетическая безъ исторической, будетъ односторонняя, а слѣдовательно и ложна. Критика должна быть одна, и разносторонность взглядовъ должна выходить у

нея изъ одного общаго источника изъ одной системы, изъ одного созерцанія искусства. Это и будетъ критикой нашего времени, въ которомъ многосложность элементовъ ведетъ не къ дробности и къ частности, какъ прежде, а къ единству и общности. Что же касается до слова „аналитическій“, — оно происходитъ отъ слова „анализъ“, означающаго разборъ, разложене, которые составляютъ свойство всякой критики, какая бы ни была она, историческая или художественная.

Насъ спросятъ: какимъ образомъ въ одной и той же критикѣ могутъ органически слиться два различныя воззрѣнія, историческое и художественное? или: какъ можно требовать отъ поэта, чтобы онъ въ одно и то же время свободно слѣдовалъ своему вдохновенію и служилъ духу современности, не смѣя выйти изъ ея заколдованнаго круга? Этотъ вопросъ весьма легко рѣшить и теоретически, и исторически. Каждый человѣкъ, а слѣдовательно и поэтъ, испытываетъ на себѣ неизбѣжное вліяніе времени и мѣстности. Съ молокомъ матери всасываетъ онъ въ себя тѣ начала, ту сумму понятій, которой живетъ окружающее его общество. Отъ этого онъ дѣлается французомъ, нѣмцемъ, русскимъ и т. д.; отъ этого онъ, родившись напримѣръ въ XII вѣкѣ, благочестиво убѣжденъ, что самое святое дѣло — жечь на кострахъ людей, думающихъ такъ, какъ не всѣ думаютъ, а родившись въ XIX вѣкѣ, онъ религіозно убѣжденъ, что никого не должно жечь и рѣзать, что дѣло общества не мститъ наказаніемъ за проступокъ, а исправить наказаніемъ преступника, чрезъ что удовлетворится и оскорбленное общество, и выполнится святой законъ христіанской любви и христіанскаго братства. Но человѣчество не вдругъ же перескочило отъ XII вѣка къ XIX-му: оно должно было прожить цѣлые шесть вѣковъ, въ продолженіе которыхъ развивалось въ своихъ моментахъ его понятіе объ истинномъ, и въ каждомъ изъ этихъ шести вѣковъ это понятіе принимало особенную форму. Вотъ эту-то форму философія и называетъ моментомъ развитія общечеловѣческой истины; а этотъ-то моментъ и долженъ быть пульсомъ созданій поэта, ихъ преобладающей страстью (паѳосомъ), ихъ главнымъ мотивомъ, основнымъ аккордомъ ихъ гармоніи. Нельзя жить въ прошедшемъ и прошедшимъ, закрывъ глаза

на настоящее: въ этомъ было бы что-то неестественное, ложное и мертвое. Отчего европейскіе живописцы среднихъ вѣковъ писали все мадоннъ да святыхъ?—Оттого, что религіозность христіанская была преобладающимъ элементомъ жизни Европы того времени. Послѣ Лютера всѣ попытки къ возстановленію религіозной живописи въ Европѣ были бы тщетны. „Но, — скажутъ намъ: — если нельзя выйти изъ своего времени, то не можетъ быть и поэтовъ не въ духѣ своего времени, а слѣдовательно нечего и вооружаться противъ того, чего быть не можетъ“. — Нѣтъ, отвѣчаемъ мы: это не только можетъ быть, но и есть, особенно въ наше время. Причина такого явленія—въ обществахъ, которыхъ понятія діаметрально противоположны ихъ дѣйствительности, которыя учатъ въ школахъ дѣтей своихъ такой нравственности, за которую надъ ними же теперь смѣются, когда тѣ выйдутъ изъ школы. Это есть состояніе безрелигіозности, распадѣнія, разъединенія, индивидуальности и -- ея необходимаго слѣдствія — эгоизма: къ несчастью, слишкомъ рѣзкія черты нашего вѣка! При такомъ состояніи обществъ, живущихъ старыми преданіями, которымъ болѣе не вѣрятъ, и которыя противоположны новымъ истинамъ, открытымъ наукой, выработавшимся изъ историческихъ движеній,—при такомъ состояніи обществъ иногда самыя даровитыя личности чувствуютъ себя отдѣленными отъ общества, одинокими, и тѣ изъ нихъ, которыя послабѣе характеромъ, добродушно дѣлаются жрецами и проповѣдниками эгоизма и всѣхъ пороковъ общества, думая, что такъ, видно, должно быть, что иначе быть не можетъ, что не нами-де началось, не нами и кончится; другія, — и это, увѣ! часто лучшія, — убѣгаютъ все внутрь себя, съ отчаяніемъ махнувъ рукой на эту оскорбляющую чувство и разумъ дѣйствительность. Но это средство къ спасенію ложное и эгоистическое: когда на улицѣ пожаръ, должно бѣжать не отъ него, а къ нему, чтобъ вмѣстѣ съ другими искать средствъ и трудиться братски для потушенія его. Но многіе, напротивъ, изъ этого эгоистическаго и малодушнаго чувства сдѣлали себѣ начало, доктрину, правило жизни, наконецъ догматъ высокой мудрости. Они имъ горды, они съ презрѣніемъ смотрятъ на міръ, который, извольте видѣть, не стоитъ ихъ страданій и ихъ радостей; за-

сѣвъ въ разубранномъ теремѣ своего фантастическаго замка и смотря изъ него сквозь расцвѣченныя стекла, они поютъ себѣ какъ птицы... Боже мой! человѣкъ дѣлается птицей! Какое истинно-овидіевское превращеніе! Къ этому еще присоединилась обаятельная сила нѣмецкихъ воззрѣній на искусство, въ которыхъ дѣйствительно много глубокости, истины и свѣта, но въ которыхъ также много и нѣмецкаго, филистерскаго, аскетическаго, анти-общественнаго. Что же изъ этого должно было выйти?—Гибель талантовъ, которые, при другомъ направленіи, оставили бы по себѣ въ обществѣ яркіе слѣды своего существованія, могли бы развиваться, идти впередъ, мужать въ силахъ. Отсюда происходитъ это размноженіе микроскопическихъ геніевъ, маленькихъ великихъ людей, которые дѣйствительно обнаруживаютъ много таланта и силы, но пошумятъ, пошумятъ, да и замолкнутъ, скончавшись вма-лѣ еще прежде своей смерти, часто во цвѣтѣ лѣтъ, въ настоящей порѣ силы и дѣятельности. Свобода творчества легко согласуется съ служеніемъ современности: для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазію; для этого нужно только быть гражданиномъ, сыномъ своего общества и своей эпохи, усвоить себѣ его интересы, слить свои стремленія съ его стремленіями; для этого нужна симпатія, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отдѣляетъ убѣжденіе отъ дѣла, сочиненія отъ жизни. Что вошло, глубоко запало въ душу, то само собой проявится во внѣ. Когда человѣкъ сильно потрясенъ страстью, исключительно занятъ одной мыслью,—все, о чемъ онъ думаетъ днемъ, повторяется у него въ снахъ. Пусть же творчество будетъ прекраснымъ сномъ, въ роскошныхъ видѣніяхъ своихъ повторяющимъ святыя думы и благородныя симпатіи художника! Въ наше время талантъ, въ чемъ бы ни проявлялся—въ практической ли общественной дѣятельности, или въ наукѣ и искусствѣ, долженъ быть добродѣтелью или гибнуть въ себѣ самомъ и черезъ себя самого. Человѣчество дошло наконецъ до такихъ убѣжденій, которыхъ нечистые люди, уже изъ собственныхъ видовъ, чтобъ не осудить себя, не рѣшатся произнести и выговорить. Они знаютъ, что общество имъ не

повѣрило бы, ибо въ нихъ самихъ увидѣло бы лучшее опроверженіе ихъ идей...

Высказавъ наше воззрѣніе на искусство и критику и разсмотрѣвъ „Рѣчь“, подавшую поводъ къ этой статьѣ,—сдѣлаемъ историческое обзорѣніе русской критики отъ начала ея до нашего времени.

II.

Обзорѣть историческій ходъ и развитіе русской критики—значитъ обзорѣть, въ общихъ чертахъ, исторію русской литературы, ибо, какъ мы уже сказали въ первой статьѣ, содержаніе критики, какъ сужденіе, есть то же самое, что и содержаніе литературы, какъ судимаго; вся разница въ формѣ. Художникъ и литераторъ выражаютъ свое понятіе объ искусствѣ и литературѣ непосредственно, самими твореніями своими; критикъ выражаетъ свое понятіе объ искусствѣ и литературѣ чрезъ посредство мысли, сознательно. Въ этомъ случаѣ искусство и литература идутъ объ руку съ критикой и оказываютъ взаимное дѣйствіе другъ на друга. Если новый геній открываетъ міру новую сферу въ искусствѣ и оставляетъ за собою господствующую критику, нанося ей тѣмъ смертельный ударъ; то, въ свою очередь, и движеніе мысли, совершающееся въ критикѣ, приготовляетъ новое искусство, опереживая и убивая старое. Такое явленіе было въ Германіи, гдѣ литературный переворотъ совершился не чрезъ великаго поэта, а чрезъ умнаго, энергическаго критика—Лессинга. Такъ называемая романтическая школа или юная литература Франціи водрузила свои побѣдоносныя знамена на завоеванной ею у псевдоклассицизма почвѣ едва ли не болѣе при помощи критики, чѣмъ собственными усиліями. Жаненъ, нѣкогда столь даровитый, а теперь столь пустой фельетонный крикунъ, горячо сражался противъ мертвой литературы имперіи еще прежде, чѣмъ написалъ свой романъ „Мертвыи осель и гильйотинированная женщина“. И этотъ союзъ искусства съ критикой со дня на день становится тѣснѣе и неразрывнѣе. Оттого теперь искусство становится мышленіемъ въ образахъ, а критика—искусствомъ.

Русская литература была не плодомъ развитія національнаго духа, а плодомъ реформы. Хотя Петръ Великій ничего не писалъ и не издавалъ, подобно Екатеринѣ II, но тѣмъ не менѣе онъ такъ же творецъ русской литературы, какъ и творецъ русской цивилизаціи, русскаго просвѣщенія, русскаго величія и славы—словомъ, творецъ новой Россіи. Написать исторію русской литературы, не сказавъ ни слова о Петрѣ Великомъ,—это все равно, что написать о происхожденіи міра, не сказавъ ни слова о Творцѣ міра. Русь до Петра кипѣла дикими и нестройными силами: его всемогущее „да будетъ!“ водворило порядокъ и гармонію въ этомъ хаосѣ, дало боровшимся въ немъ элементамъ опредѣленную форму и указало имъ цѣль. Уже болѣе вѣка прошло послѣ смерти Великаго; но Русь все еще движется отъ него, слѣдовательно и чрезъ него. Русь уже давно не та; Петръ не узналъ бы ея, еслибъ могъ взглянуть на нее изъ своего гроба. Русь уже не та, но и не другая. Такъ широколиственный дубъ совсѣмъ не то, что жолудь, изъ котораго онъ вышелъ; но онъ все же дубъ, а не береза и не другое дерево; все же онъ вышелъ изъ жолудя и безъ жолудя не могъ бы быть.

Реформа Петра вообще была искусственная, ибо совершилась не въ сферѣ русской жизни и не ея собственными средствами, а постороннимъ посредствомъ чуждой ей жизни. Однакожъ это можетъ не нравиться только раскольникамъ и старовѣрамъ; въ глазахъ же людей, умѣющихъ проникать въ глубь явленій, это-то самое и свидѣтельствуетъ о колоссальности генія творца новой Россіи. Правда, можно много остраго и забавнаго наговорить напримѣръ о русскихъ мужикахъ, вдругъ, экспромптомъ, превращенныхъ въ подобіе цесарскихъ и прусскихъ солдатъ, съ выбритыми бородами, съ пучками на затылкахъ, въ смѣшныхъ мундирахъ XVII вѣка,—объ этихъ солдатахъ, которые съ трудомъ заучивали на память нѣмецкую военную терминологію, мудреные нѣмецкіе чины и званія; сверхъ того нарвская битва могла служить прекраснымъ фактомъ противъ преобразованій, но зато битва подъ Лѣснымъ заставляеть разумниковъ призадуматься, смѣшаться, прикусить язычокъ, какъ выразительно говорится по-русски; а полтавская битва лучше всякихъ доказательствъ, теоретическихъ и философскихъ, доказываетъ, что у генія своя логика, свой здравый

смыслъ, свое ясновидѣніе дѣйствительности, которыя чѣмъ менѣе подходятъ подѣ сужденія толпы, тѣмъ истиннѣе и дѣйствительнѣе. Реформа повидимому чисто внѣшняя, повидимому состоящая только въ формахъ, могла казаться странной не только для русскихъ, бывшихъ ея жертвой, но и для тогдашней Европы; теорія и практика, умозрѣніе и опытъ—все повидимому было противъ нея. Несчастное нарвское дѣло походило на порывъ урагана, сдувшій со стола карточный домикъ; оно всѣхъ убѣдило въ невозможности улучшеній,— всѣхъ, кромѣ самого реформатора. Но подѣ Лѣснымъ обстоятельства перемѣняются и для непріятеля настаетъ прологъ трагедіи, а при Полтавѣ разыгралась и самая трагедія.

Такимъ же точно образомъ много умнаго и остроумнаго можно наговорить о новыхъ гражданскихъ литераторахъ, которымъ нечего было выражать собой; о заведенныхъ имъ типографіяхъ, которымъ нечего было печатать; о высшихъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, когда еще негдѣ было учиться грамотѣ; о проектѣ Академіи Наукъ, когда еще не было приходскихъ и уѣздныхъ училищъ; словомъ, обо всемъ этомъ неестественномъ развитіи сверху внизъ, не снизу вверхъ, съ крыши къ фундаменту, не съ фундамента къ крышѣ. А между тѣмъ это-то и положило прочное основаніе русскому просвѣщенію, ибо прежде всего дало учителей безъ которыхъ ученики не могутъ учиться. Каково бы ни было наше просвѣщеніе, на какой бы ступени не стояло оно и теперь, но надо быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть, что оно все развивается, все идетъ впередъ. Иначе, какъ бы могли у насъ являться и полководцы, и моряки, и инженеры, и врачи, и математики? Давно ли было время, когда безъ иностранцевъ мы не въ состояніи были сдѣлать шагу? А теперь мы нуждаемся въ Европѣ, но уже не въ иностранцахъ; намъ надо слѣдить за успѣхами въ Европѣ наукъ, искусствъ и промышленности, но не выписывать оттуда людей для заведенія того и другого и третьяго, какъ было прежде. Если же мы и теперь иногда нуждаемся въ иностранцахъ и приглашаемъ ихъ къ себѣ, то такіе случаи уже кажутся теперь исключеніями изъ общаго правила.

Не менѣе дѣльнаго, умнаго и остраго можно наговорить

(да и было уже довольно наговорено) о русской литературѣ, возникшей не изъ потребностей общества, а изъ слѣпого подражанія иностраннымъ литературамъ. И чего бы въ самомъ дѣлѣ можно было ожидать отъ этого сколка, списка, отъ этой копіи съ чужихъ образцовъ, отъ этого мертвого, бездушнаго, слѣпого подражанія и передразниванія чужихъ мыслей и чужихъ формъ? А между тѣмъ мы гордимся именами (конечно еще немногими) національныхъ и самостоятельныхъ поэтовъ — Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова... А между тѣмъ наша литература имѣла на общество великое и благотѣльное вліяніе, какъ живой источникъ гуманическаго, человѣческаго образованія.

Странное дѣло! какъ же такія живыя слѣдствія могли выйти изъ такой мертвой, чисто внѣшней, отвлеченно-формальной реформы? Здѣсь въ томъ-то и дѣло, что только близорукіе, ограниченные люди, да развѣ еще раскольники и старовѣры, поборники ложно-понимаемой народности и дикаго невѣжества могутъ видѣть въ реформѣ Петра одно внѣшнее и формальное. Люди мыслящіе, способные проникать взоромъ своего разума въ сокровенную глубь вещей, очень хорошо видятъ, что Петръ старался не объ одномъ внѣшнемъ европеизмѣ, что онъ былъ столько же духовнымъ, сколько и матеріальнымъ реформаторомъ. Его великій, зиждительный духъ былъ источникомъ его преобразовательной дѣятельности, — онъ началъ реформу прежде всего съ себя самого. Неумолимый къ другимъ, онъ былъ еще безпощаднѣе къ самому себѣ. Поставивъ идею правосудія выше личнаго произвола, онъ готовъ былъ бы самого себя отдать подъ уголовный судъ, еслибъ могъ умышленно поступить неправо въ дѣлѣ государственной правды. Поставивъ идею государства выше личнаго значенія, онъ бодро и неуклонно прошелъ длинную и тяжкую лѣствицу чиноначалія, былъ солдатомъ, юнгой, и съ такой страстью подчинялся повиновенію, съ какой въ его возрастъ предаются обаянію властвованія. Счастью Россіи, ея будущности принесъ онъ въ жертву своего сына, говоря, что лучше чужой да достойный, чѣмъ свой недостойный... Онъ искушалъ своихъ сановниковъ, прося у нихъ себѣ мѣсто, слѣдовавшее достойнѣй-

шему его по службѣ, и сказалъ, что благо имъ, отказавшемъ ему въ просьбѣ... Говоря о Петрѣ, многіе видятъ въ немъ больше реформатора и забываютъ колоссально-нравственный и религіозный духъ, котораго вся жизнь была страстнымъ служеніемъ идеѣ. А паюсъ къ идеѣ есть живой источникъ, изъ котораго не могутъ не вытекать живые результаты. Если Петръ былъ только необыкновенно умный человѣкъ, только политическій, а не религіозно-нравственный дѣйствователь, его реформа не имѣла бы такихъ великихъ слѣдствій. Глубокое религіозно-нравственное начало, составлявшее основу его духа, въ соединеніи съ исполинской геніальностью, — вотъ что оплодотворило и оживило реформу Петра, дало ей силу, прочность и жизненность... Но объ этомъ можно было бы написать цѣлую книгу; здѣсь мы говоримъ только вскользь, какъ о предметѣ, который имѣетъ отношеніе къ главной мысли нашей статьи и не составляетъ ея прямого содержанія. Обращаемся къ русской литературѣ, чтобъ отъ нея перейти къ русской критикѣ.

Русская литература началась такъ-же, какъ и русская цивилизація — подражаніемъ, слѣпымъ усвоеніемъ формъ. Подобно цивилизаціи, ея движеніе и развитіе состояли въ стремленіи къ самобытности и національности, и каждый успѣхъ ея былъ шагомъ къ этой цѣли. Русская поэзія сперва проблеснула въ басняхъ Крылова, которыхъ форма была заимствованная и подражательная, но въ которыхъ, несмотря на то, русскій языкъ и русскій практическій умъ нашли средство развернуться широко, свободно и непринужденно. Но басня есть только родъ поэзіи, и притомъ созданный XVIII вѣкомъ, а не самая поэзія. Русская поэзія началась собственно съ Пушкина. Утверждая это, мы нисколько не думаемъ унижать блестящіе таланты, предшествовавшіе нашему поэтическому Протею. Безъ нихъ не было бы и его, или по крайней мѣрѣ онъ былъ бы далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ. Каждый изъ этихъ талантовъ былъ для нашей литературы шагомъ впередъ; и неполнота ихъ успѣха заключалась не въ слабости дарованія, а въ незрѣлости общества, еще не могошаго выработать никакого содержанія для самобытной поэзіи. Пушкинъ былъ первый русскій поэтъ въ смыслѣ художника.

Природная поэтическая сила Державина выше поэтической силы напрімѣръ Батюшкова; но, какъ художникъ, Батюшковъ несравненно выше Державина. Державинъ, этотъ богатырь русской поэзіи, былъ связанъ духомъ своего времени, которое понимала поэзію не иначе, какъ торжественной одой на какой бы то ни было случай—на побѣду или просто на иллюминацію, и которое было увѣрено, что поэзія „сладостна и пріятна, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“. Оно требовало отъ поэзіи высокопарности—и больше ничего; оно исключало изъ нея это внутреннее, субъективное начало, которое впоследствии господствовало въ русской поэзіи подъ неопредѣленнымъ именемъ элегическаго тона и безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи. Душа Державина была поэтическая и уже по этому самому не чуждая этого внутренняго, субъективнаго, душевнаго и сердечнаго начала; и оно у него часто проторгалось, но какъ бы противъ его воли, ибо, по духу своего времени, онъ не давалъ ему воли и простора, стараясь постоянно держаться въ напряженной торжественности. Прибавьте къ этому, что въ его время языкъ русскій былъ крайне необработанъ, вращался въ тяжелыхъ славяно-латинскихъ формахъ, въ которыя заковалъ его Ломоносовъ; о гармоніи и пластикѣ, словомъ, виртуозности стиха никто тогда не имѣлъ и малѣйшаго понятія; усѣченія прилагательныхъ, коверканіе словъ, какофонія рѣченій были узаконены самой пѣтикой того времени подъ именемъ „пѣтическихъ вольностей“. И вотъ почему Державинъ, будучи столь великимъ явленіемъ въ исторіи русской поэзіи и литературы, мертвъ для современнаго общества; поэзія же его стала теперь предметомъ изученія записныхъ литераторовъ, а не предметовъ наслажденія для общества, которое какъ бы едва знаетъ о Державинѣ, и то изъ пѣтикъ, по которымъ когда-то училось въ лѣта своего дѣтства. Есть люди, которые, даже не читая Державина, почитаютъ такой взглядъ на него оскорбленіемъ его имени и чести русской литературы. Но неужели и въ самомъ дѣлѣ значить унижать Державина, говоря, что его огромный талантъ явился въ неблагоприятное для развитія время? Не думаемъ! И неужели можно унижить великаго человека, поставивъ его въ историческую зависимость отъ

времени, отъ которой не освобождался ни одинъ геній съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ? Едва ли!.. Державинъ — великій талантъ для всякаго времени; но великій поэтъ онъ — только для своего времени; а для нашего — едва ли онъ какой-нибудь поэтъ, потому что для насъ мертвы и идеальные мотивы, и самая форма его поэзіи. Это уже не наша вина, да и не его конечно. И мы не винимъ его, а только судимъ о немъ; пусть же судятъ и насъ, а не дѣлаютъ безъ вины виноватыми. — Жуковскій внесъ въ русскую поэзію именно тотъ самый элементъ, котораго недоставало поэзіи Державина: мечтательная грусть, унылая мелодія, задушевность и сердечность, фантастическая настроенность духа, безвыходно погруженного въ самомъ себѣ, — вотъ преобладающій характеръ поэзіи Жуковского, составляющій и ея непобѣдимую прелесть, и ея недостатокъ, какъ всякой неполноты и всякой односторонности. Жуковскій діаметрально противоположенъ Державину, — и хотя содержаніе и тонъ поэзіи Жуковского суть экзотическія растенія въ отношеніи къ русской поэзіи, переселенцы съ чужой почвы, изъ-подъ чуждаго неба, однако, вопреки толкамъ и крикамъ поборниковъ народности въ поэзіи, Жуковскій — поэтъ не одной своей эпохи: его стихотворенія всегда будутъ находить отзывъ въ юныхъ поколѣніяхъ приготовляющихся къ жизни и еще только мечтающихъ о жизни, но незнающихъ ея. Не можемъ сказать, способствовало ли какое-нибудь внѣшнее обстоятельство къ обращенію юнаго Жуковского, еще ученика въ Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, къ нѣмецкой и англійской поэзіи; но во всякомъ случаѣ духъ времени былъ главной причиной этого обращенія. Псевдо-классическая поэзія Франціи XVII и XVIII вѣковъ уже не могла безусловно нравиться юному поколѣнію XIX вѣка, и оно должно было искать другихъ источниковъ эстетическаго наслажденія. Нѣмецкая литература тогда уже дѣлалась извѣстной самой Франціи; въ Россіи она могла плѣнять только немногихъ юношей, знакомыхъ съ ея языкомъ. Не знаемъ, къ сожалѣнію, когда написана Державинымъ его передѣлка одной Шиллеровой пьесы (вѣроятно съ французскаго перевода или подражанія), названная имъ „Арфой“; не знаемъ также и времени передѣлки

извѣстной пьесы Гёте Дмитріевымъ (тоже, должно быть, съ французскаго перевода или подражанія), названной имъ „Размышленіемъ по случаю грома“,—знакъ, что темные слухи о Шиллерѣ и Гёте доходили еще и до патріарховъ нашей поэзіи, и что въ лицѣ Жуковскаго, съ малолѣтства знакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ, наша литература сдѣлала естественный шагъ впередъ, обратившись къ новому и болѣе жизненному источнику питанія—къ нѣмецкой поэзіи. Что же касается до англійской литературы, съ нею наша была знакома еще до Жуковскаго; самъ Карамзинъ писалъ о ней въ своемъ путешествіи, даже перевелъ монологъ Лира во время бури и отрывокъ изъ „Оссіана“; но о Шекспирѣ, несмотря на то, знали черезъ французовъ, какъ о варварѣ, и почетными именами англійской литературы считались Попъ, Адиссонъ, Драйденъ, Томсонъ, Грей, Юнгъ, Мильтонъ, Фильдингъ, Ричардсонъ, Стернъ. Жуковскій первый перевелъ своимъ крѣпкимъ и звучнымъ стихомъ нѣсколько (впрочемъ очень мало) англійскихъ балладъ и написалъ въ ихъ духъ свою „Эолову арфу“, чѣмъ вѣрно передалъ романтическій характеръ англійской поэзіи. Когда уже англійская поэзія сдѣлалась знакома русской публикѣ и черезъ журнальные толки и прозаическіе переводы,—Жуковскій далъ бóльшую прочность и дѣйствительность этому знакомству своими переводами изъ Вальтеръ-Скотта, Байрона, Мура, Соути и пр. Это оригинальное (уже по одному тому, что новое) направленіе, эта обаятельная сила и богатство содержанія, заимствованныя Жуковскимъ у его нѣмецкихъ и англійскихъ образцовъ, поставили его на высокую чреду между русскими поэтами, какъ самобытнаго поэта, а не переводчика. Прибавьте къ этому неизмѣримое пространство, раздѣляющее языкъ и стихъ Жуковскаго отъ языка и стиха Державина. Причина этого явленія заключается не въ одной силѣ превосходнаго таланта пѣвца Минваны, но и въ историческомъ развитіи русской литературы: между Державинымъ и Жуковскимъ стоятъ Карамзинъ и Дмитріевъ, которымъ такъ много обязанъ русскій языкъ и русская версификація. Батюшковъ внесъ въ русскую поэзію совершенно новый для нея элементъ: античную художественность, которой, кромѣ его, были чужды всѣ наши поэты—до Пушкина.

Душа Батюшкова была по преимуществу артистическая. Онъ сочувствовалъ древнимъ, превосходно перевелъ нѣсколько антологическихъ пьесъ, любилъ образовательныя искусства, съ страстью писалъ о живописи. Преобладающій пафосъ его поэзіи — артистическая жажда наслажденія прекраснымъ, идеальный эпикуреизмъ: но эта жажда часто растворяется у него кроткой меланхоліей, легкой и свѣтлой грустью. И потому мечтательность у него замѣняется задумчивостью, фантазмъ — радужными образами фантазіи; читая его, вы чувствуете себя на почвѣ дѣйствительности и въ сферѣ дѣйствительности. Кажется, какъ-будто въ граціозныхъ созданіяхъ Батюшкова русская поэзія хотѣла явить первый результатъ своего развитія примиреніемъ дѣйствительнаго, но односторонняго направленія Державина съ односторонне-мечтательнымъ направленіемъ Жуковского. Этотъ результатъ не былъ удовлетворителенъ, потому ли, что талантъ Батюшкова не былъ для этого довольно могучъ, глубокъ и многостороненъ, или потому, что онъ слишкомъ увлекался вліяніемъ французской литературы XVIII вѣка и больше любилъ и зналъ итальянскую, чѣмъ нѣмецкую и англійскую словесность, хорошо былъ знакомъ съ латинской и, кажется, не зналъ греческой поэзіи. По той или другой причинѣ или по обѣимъ вмѣстѣ, но въ Батюшковѣ есть что-то неполное, недоконченное; идеи его не глубоки, содержаніе его поэзіи вообще бѣдно; самый языкъ обилуетъ усѣченіями и вольностями, а художественность часто борется съ риторикой. Батюшкову дѣйствительно не доставало гениальности, чтобъ освободиться изъ-подъ вліянія своей эпохи. Несчастная болѣзнь парализировала его талантъ и дѣятельность именно передъ тѣмъ временемъ, когда на небосклонѣ русской поэзіи возшло ея великое свѣтило, которое не могло бы не имѣть на него сильнаго и благотѣльнаго вліянія... Мы говоримъ о Пушкинѣ, поэзія котораго была довершеніемъ всѣхъ усилій, достиженіемъ всѣхъ стремленій, плодомъ и результатомъ всего искусственнаго развитія русской поэзіи. Да, Пушкинъ -- первый, даже и по времени, поэтъ русскій: ибо все, что въ предшествовавшихъ ему поэтахъ было или отдѣльными силами, или односторонними элементами, или только усиліемъ, или стремленіемъ, — въ немъ явилось

какъ разрѣшенная загадка, какъ уже обрѣтенное слово, какъ исполненіе, какъ единство, полнота и цѣлость разнообразнаго и многосторонняго. Въ Державинѣ часто проблескиваетъ русская натура, русская душа: Пушкинъ вездѣ и во всемъ національно-русскій поэтъ. Пареніе, возвышенность, сила, — все, что у Державина вспыхиваетъ по временамъ, часто заливаемое тотчасъ же прѣсной водой риторики, у Пушкина горитъ свѣтлымъ, чистымъ и ровнымъ пламенемъ безъ треска, дыма и чада. Грусть составляетъ одинъ изъ основныхъ звуковъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, и потому она придаетъ ей задушевность, сердечность, мягкость, влажность (если можно такъ выразиться, говоря о противоположномъ сухости качествѣ), а не преобладаетъ надъ ней: это грусть души великой, знающей свою силу; въ ней нѣтъ ничего общаго съ уныніемъ — болѣзнію слабыхъ душъ. Кроме того, въ грусти Пушкина такъ много русскаго, того самаго, что такъ сильно овладѣваетъ душой въ протяжной и разгульной русской пѣснѣ. И такъ какъ эта грусть составляетъ только одинъ звукъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, а не цѣлый аккордъ, — то поэзія Пушкина и чужда всякой монотонности, всякой односторонности. Фантастическое иногда является и въ поэзіи Пушкина, но оно у него естественно, такъ какъ бываетъ въ самой дѣйствительности: вспомните сонъ Татьяны, балладу „Женихъ“. Что же касается до фантазма, его нѣтъ и признаковъ въ поэзіи Пушкина: душа Пушкина была такъ крѣпка и здорова, что не могла подчиниться этому болѣзненному направленію. А между тѣмъ хотя и трудно показать слѣды вліянія Жуковского на Пушкина (ибо почва и сфера поэзіи послѣдняго слишкомъ дѣйствительны и чужды всего отвлеченнаго и неопредѣленнаго), однакожъ нельзя отрицать, чтобъ Жуковский не имѣлъ вліянія на Пушкина, когда онъ самъ называетъ его „наставникомъ, пѣстуномъ и хранителемъ своей вѣтренной музы“. Не менѣе, если еще не болѣе, любилъ Пушкинъ сладостные стихи Батюшкова: вліяніе этой любви ярко замѣтно на первыхъ произведеніяхъ Пушкина. И не могло быть иначе: Пушкинъ былъ по преимуществу артистическая натура; слѣдовательно Батюшковъ былъ ему родственнѣе всѣхъ другихъ русскихъ поэтовъ. Но что такое стихъ Батюшкова, пластика и виртуозность его поэзіи передъ сти-

хомъ, пластикой и виртуозностью поэзіи Пушкина! Какъ поэзія Батюшкова, поэзія Пушкина вся основана на дѣйствительности; но какая же безконечная разница въ объемѣ, глубокости и значеніи той и другой поэзіи! Ужъ нечего и говорить о томъ, что поэзія Батюшкова чужда національности, тогда какъ поэзія Пушкина по преимуществу русская. Все, что прежніе поэты имѣли каждый порознь, все это Пушкинъ имѣлъ одинъ, имѣя еще много и своего, чего ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ; всѣмъ, что обладало прежними поэтами,—всѣмъ этимъ спокойно владѣлъ Пушкинъ. Вотъ почему мы отъ него ведемъ русскую поэзію и называемъ его первымъ русскимъ поэтомъ. Это совсѣмъ не значитъ, чтобъ до него не было поэтовъ, и притомъ еще достойныхъ вниманія, уваженія, любви, извѣстности и славы; но значитъ только, что въ нихъ выразились постепенныя усилія русской поэзіи, начиная отъ Кантемира и Ломоносова,—изъ искусственной и подражательной сдѣлаться естественной и самобытной, стремленіе изъ книжной сдѣлаться живой, общественной, сблизиться съ жизнью и обществомъ; а въ Пушкинѣ выразились торжество и побѣда этихъ усилій и стремленій. Пушкинъ—художникъ въ полномъ значеніи этого слова; это его преобладающее значеніе, его высочайшее достоинство и можетъ быть его недостатокъ, вслѣдствіе котораго онъ чѣмъ болѣе становился художникомъ, тѣмъ болѣе отклонялся отъ современной жизни и ея интересовъ и принималъ аскетическое направленіе, наконецъ охолодившее къ нему общество, которое дотолѣ безусловно обожало его. Кажется, въ этой натурѣ не было капли прозаической крови, но все былъ чистый огонь поэзіи. Къ чему ни прикасался онъ — всему давалъ поэтическіе образы, полные жизни и очарованія, всему, даже самымъ уже по существу своему прозаическимъ предметамъ. Его стихъ—это скульптура, живопись и музыка вмѣстѣ. Къ нему безусловно можно приложить его же собственные стихи объ Овидіи:

Имѣлъ онъ пѣсень дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный...

Никто такъ не былъ связанъ исторически съ преданіями русской литературы, какъ Пушкинъ. Онъ изучилъ старин-

ныхъ писателей, которыхъ теперь никто не читаетъ; онъ бралъ эпиграфы изъ Хераскова и Княжнина. Изъ лицейскихъ его стихотвореній (за напечатаніе которыхъ нельзя довольно возблагодарить издателей трехъ послѣднихъ томовъ его сочиненій) видно, что онъ былъ ученикъ не только Державина, Дмитріева, Жуковского и Батюшкова, но и дяди своего В. Пушкина, — и первые дѣтскіе опыты его являютъ въ немъ стихотворца первыхъ годовъ текущаго столѣтія, хотя онъ родился только въ послѣдній годъ прошлаго. Особенно любопытны и поучительны тѣ изъ его лицейскихъ пьесъ, которыя онъ потомъ передѣлалъ: какое искусство иногда однимъ словомъ, однимъ эпитетомъ передѣлать стихъ такъ, что его не узнаешь! Какой тонкій художественный тактъ въ знаніи того, что можно оставить безъ перемѣны, что надо переправить и изъ чего нельзя ничего сдѣлать! Удивительно ли, что этотъ человѣкъ какъ-будто перестроилъ вновь и языкъ и версификацію, съ такимъ успѣхомъ уже перестроенные Карамзинымъ и Дмитріевымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ! Стихъ Пушкина—это вѣковѣчный образецъ, неумирающій типъ русскаго стиха: не было и не будетъ лучшаго. Искусство какъ искусство, поэзія какъ поэзія на Руси—это дѣло Пушкина. Безъ него не было бы у насъ поэзіи; и это потому, что онъ былъ слишкомъ поэтъ, слишкомъ художникъ, можетъ быть въ ущербъ своей великости въ другихъ значеніяхъ. И вотъ почему — повторяемъ — отъ него ведемъ мы русскую поэзію и называемъ его первымъ, даже по времени, русскимъ поэтомъ ..

Такъ думаемъ мы о развитіи русской поэзіи и русской литературы: ея исторія по нашему мнѣнію, есть исторія ея усилій отъ искусственности и подражательности перейти къ естественности и самобытности, изъ книжной сдѣлаться живой и общественной. Это продолжается и теперь, но уже въ другой сферѣ—въ сферѣ „возведенія въ перлъ созданія прозы жизни“. И скоро наступитъ время, когда совсѣмъ рѣшится эта задача и кончится эта работа. Уже и теперь замѣтно новое требованіе отъ искусства, — требованіе разумнаго содержанія, которое соотвѣтствовало бы историческому духу современности. И уже явился было на Руси новый великій поэтъ, въ первыхъ, еще юныхъ и незрѣлыхъ произведеніяхъ кото-

раго проглядывали полнота и богатство глубокаго содержанія, при художественности формъ, достойной преемника Пушкина; но преждевременная смерть внезапно рушила надежды, которымъ не было конца и мѣры...

Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ:
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

Таковъ въ особенности, прибавимъ мы, удѣлъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ талантовъ...

Повторяемъ: такъ думаемъ мы о развитіи русской поэзіи и литературы, и такъ многіе могутъ теперь думать объ этомъ предметѣ. Въ этомъ случаѣ мы дали нашимъ читателямъ фактъ объ одной сторонѣ современной русской критики. Дай Богъ, чтобъ это была сторона свѣтлая! Что же до темной, — ея грустной картиной мы заключимъ нашу статью... Теперь же перескажемъ, какъ думали современники о фазисахъ русской литературы, которые мы слегка означили. Это будетъ исторіей русской критики.

Исторія русской критики та же, что и исторія русской поэзіи и литературы: постепенное стремленіе изъ эха господствующихъ въ Европѣ мнѣній перейти въ самобытный взглядъ на искусство. Поэтому русская критика также носитъ въ себѣ элементы всевозможныхъ чужихъ національностей, какъ и русская поэзія. Прежде, а отчасти и теперь, это съ одной стороны можно ставить ей въ недостатокъ; но со временемъ изъ этого недостатка выйдутъ великія слѣдствія. Мы уже и теперь не можемъ удовлетворяться ни одной изъ европейскихъ критикъ, замѣчая въ каждой изъ нихъ какую-то односторонность и исключительность. И мы уже имѣемъ нѣкоторое право думать, что въ нашей сольются и примирятся всѣ эти односторонности въ многостороннее, органическое (а не пошрое эклектическое) единство. Можетъ быть и назначеніе нашего отечества, нашей великой Руси состоитъ въ томъ, чтобъ слить въ себѣ всѣ элементы всемірно-историческаго развитія, доселѣ исключительно являвшагося только въ западной Европѣ. На этомъ условіи, на общаніи этой великой будущности наша скромная роль учениковъ, подражателей и перенимателей не должна казаться ни слишкомъ смиренной, ни слишкомъ неза-

видной... На томъ же основаніи не будемъ отчаяваться и за нашу критику, видя, что она часто бросается изъ крайности въ крайность и является то чопорнымъ аббатомъ XVIII вѣка, то нѣмецкимъ буршемъ съ длинными растрепанными волосами на плечахъ, съ трубкою во рту и дубиной въ рукѣ, то неистовой вакханкой юной французской литературы съ восторженной рѣчью, блуждающими взорами, бѣшенными движеніями; не будемъ отчаяваться, видя ее въ разноцвѣтной мантии, сшитой изъ разныхъ лоскутковъ... Лучше порадуемся, что въ ней есть жизнь и движеніе, что она кипитъ и пѣнится... Дайте время, она отстоится... Пока не установилось еще искусство, критика не можетъ быть готова: нашей въ особенности много еще нужно фактовъ, много опытности, чтобъ возмужать, окрѣпнуть и получить собственную оригинальную фizioномію...

Сначала у насъ самовластно царила критика французская. Украшенное подражаніе природѣ: вотъ начало, прежде всего усвоенное отъ французовъ XVIII вѣка нашей критикой; отъ себя прибавила она къ нему своего собственнаго — искаженный языкъ, тяжелый и шероховатый стихъ и „піитическія вольности“. Все это дѣлалось во имя господина Буало, который весьма бы удивился, еслибъ могъ узнать, какъ у насъ проказили во имя его. Впрочемъ и у насъ были люди, болѣе или менѣе понявшіе глубоко французскую теорію искусства, какова бы она ни была. Изъ нихъ всѣхъ примѣчательнѣе Мерзляковъ; но о немъ мы еще будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь начнемъ сначала.

Первый свѣтскій поэтъ на Руси былъ Кантемиръ — сатирикъ. Какъ литература искусственная и подражательная, русская литература не могла начаться съ другого какого-либо рода поэзіи, кромѣ сатиры. Причина этого сверхъ того заключалась и въ историческомъ положеніи русскаго общества. Борьба внѣшняго, формально принимаемаго европеизма съ роднымъ, вѣками взлелѣяннымъ азіатскимъ варварствомъ не могла не вызвать сатиры. Вслѣдствіе этого сатирическое направленіе Кантемира не было ни случайно, ни вредно, но было необходимо и чрезвычайно полезно. Оттого оно и укоренилось въ нашей литературѣ. Отсюда же можно объяснить, почему

Сумароковъ въ массѣ общества имѣлъ гораздо большій успѣхъ, чѣмъ Ломоносовъ—человѣкъ неизмѣримо высшій Сумарокова. Направленіе перваго было болѣе ученое и книжное, а второго — болѣе жизненное и общественное. Сумароковъ, желая быть „россійскимъ господиномъ Вольтеромъ“, писалъ во всѣхъ родахъ; онъ же былъ и первымъ русскимъ критикомъ, ибо первый, такъ или сякъ, выражалъ печатно свои понятія объ искусствѣ и литературѣ. Это онъ сдѣлалъ въ предисловіи къ своему „Димитрію Самозванцу“ и въ отдѣльныхъ журнальныхъ статьяхъ, ибо Сумароковъ былъ и журналистомъ—издавалъ „Грудолубивую Пчелу“... О чемъ не писало, т. е. о чемъ не высказывало своего мнѣнія живое, раздражительное, безпокойное самолюбіе этого человѣка! Перелистывать, отъ нечего дѣлать, его прозаическія статьи—истинное наслажденіе: столько въ нихъ добродушнаго, наивнаго, вѣющаго духомъ того давно прошедшаго для насъ времени, давно умершаго общества! Прозаическія статьи Сумарокова столь же интересны и забавны, сколько скучны и тяжелы его вздорныя трагедіи. Самую интересную сторону литературной дѣятельности Сумарокова составляетъ ея полемическое направленіе, источникомъ котораго былъ его раздражительно-самолюбивый характеръ, все относившій къ себѣ и все выводившій изъ себя. Это самое и заставляло его хвататься за все. Онъ рѣшительно почиталъ себя „россійскимъ господиномъ Вольтеромъ“, и кромѣ себя и господина Вольтера никого не хотѣлъ знать, ничьего не признавалъ авторитета. Онъ писалъ къ нему о разныхъ литературныхъ предметахъ и, получая лестные отвѣты со стороны фернейскаго оракула XVIII вѣка, еще болѣе увѣрялся въ своемъ геніи и своей всеобъемлемости.

Годы и здравый смыслъ давно уже произнесли свой судъ надъ поэтическими произведеніями Сумарокова: ихъ теперь невозможно читать, несмотря на то, что современники ими восхищались. Однакожъ никакъ нельзя презирать и судомъ современниковъ, обязанныхъ сочиненіямъ Сумарокова своей грамотностью и--что особенно важно--своей склонностью къ благородному наслажденію чтеніемъ и театромъ. Слѣдовательно поэтическія сочиненія Сумарокова, и не будучи читаемы,

должны остаться навсегда фактомъ исторіи русской литературы и образованія русскаго общества. Что же касается до собственно литературныхъ статей Сумарокова, онѣ чрезвычайно интересны и для нашего времени, какъ живой отголосокъ давно прошедшей для насъ эпохи, одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ русскаго общества. Сумароковъ обо всемъ судилъ, обо всемъ высказывалъ свое мнѣніе, которое было мнѣніемъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей того времени. Плохой поэтъ, но порядочный по своему времени стихотворецъ, характеръ мелкій, завистливый, хвастливый, задорный и раздражительный, — Сумароковъ все-таки былъ человѣкъ умный и притомъ высокообразованный въ духъ того времени. И потому въ его прозаическихъ статьяхъ много фактовъ о состояніи общества и духъ его эпохи. Въ нихъ онъ является критикомъ въ многостороннемъ значеніи этого слова, какъ судья не только искусства и литературы, но и мнѣній и нравовъ современнаго ему общества. Поэтому, говоря о русской критикѣ, мы никакъ не могли обойти перваго (по времени) ея представителя—Сумарокова. Мы должны взглянуть, хотя мимоходомъ, на тѣ изъ его сочиненій, гдѣ онъ является критикомъ и полемическимъ мыслителемъ. И мы увѣрены, что послѣ нашихъ указаній многіе захотятъ покороче познакомиться съ прозаическими сочиненіями Сумарокова и пожалѣютъ, что они изданы Новиковымъ безъ толку, безъ плана, съ страшными опечатками и искаженіями смысла, безъ примѣчаній, и что теперь некому издать всѣхъ сочиненій Сумарокова какъ слѣдуетъ, а главное—съ необходимыми поясненіями и примѣчаніями. Вообще надо замѣтить, что компактные дешевыя изданія старинныхъ русскихъ писателей, игравшихъ въ глазахъ своихъ современниковъ болѣе или менѣе важную роль, были бы очень полезны для литераторовъ, которымъ необходимо знать основательно исторію отечественной литературы и родного языка. Въ царствованіе Екатерины было много пишущаго народа, и однако немногіе пользовались огромной извѣстностью,—знакъ, что въ нихъ было нѣчто, соотвѣтствовавшее ихъ эпохѣ и удовлетворявшее ея требованіямъ. Пусть вкусъ эпохи бываетъ иногда ложенъ, но эпоха всегда важнѣе человѣка, и самая заблужденія ея всегда представляютъ любопытный и

поучительный фактъ для мыслителя. Смѣшно и жалко видѣть безплодныя усилія старичковъ прошлаго вѣка возстановить славу корифеевъ ихъ юности на-счетъ славы новыхъ талантовъ; смѣшно и жалко видѣть, какъ они силятся соблазнить новое поколѣніе умершей поэзіей прошедшаго; но въ то же время можно уважать имена тружениковъ, которые своими сочиненіями, каковы бы они ни были, размножали въ обществѣ число грамотныхъ людей, возбуждали въ немъ любовь къ благороднымъ наслажденіямъ и способствовали къ произведенію того, что называется „публикой“ и безъ чего невозможна никакая литература. Такимъ образомъ желательно было бы видѣть изданіе въ одинаковомъ форматѣ, компактное и дешевое не только Ломоносова (старинныя и неопрятныя, притомъ и не совсѣмъ полныя изданія котораго составляютъ теперь библіографическую рѣдкость) или Державина (Смирдинское изданіе котораго такъ неудачно и такъ бесполезно, ибо въ немъ пьесы расположены по родамъ, а не по времени ихъ явленія), или Фонвизина (который изданъ Салаевымъ довольно толковито, но безъ переводовъ этого писателя), или Озерова (котораго всѣ изданія уже устарѣли); но и Кантемира, и Тредьяковскаго, Поповскаго, Сумарокова, Хераскова, Муравьева, Петрова, Богдановича, Княжнина, Кострова, Плавильщикова, Ильина, Иванова, Макарова и другихъ; еще желательнѣе, чтобъ все это было издано съ примѣчаніями и поясненіями, какъ издають своихъ старинныхъ писателей французы.

Мы обратимъ вниманіе только на тѣ статьи Сумарокова, въ которыхъ видны понятія того времени объ искусствѣ, или которыя при полемическомъ тонѣ характеризуютъ общество его времени. Первое мѣсто между такими статьями Сумарокова должно занимать его предисловіе къ „Димитрію Самозванцу“. Тонъ этого предисловія самый полемическій и устремленъ противъ такъ называвшейся у насъ встарину „слезной комедіи“, что называлась въ Европѣ мелодрамой. Извѣстно, что мелодрамы были въ страшномъ гоненіи въ XVIII вѣкѣ, и тогдашніе судьи и теоретика искусства столько же не терпѣли ихъ, сколько любила ихъ та часть публики, которая цѣнила литературныя произведенія по мѣрѣ доставляемаго ими на-

слажденія, а не по піитикѣ Буало. Сумароковъ въ свою очередь не могъ не ненавидѣть ихъ, и одна изъ нихъ „Евгенія“, переведенная какимъ-то московскимъ чиновникомъ, имѣла значительный успѣхъ на сценѣ, что еще болѣе возстановило противъ нея ревниваго ко всякому чужому успѣху Сумарокова. Въ его филиппикѣ противъ этой драмы высказывается и понятіе объ искусствѣ знатоковъ того времени, и нравы общества, и характеръ самого Сумарокова. Похваставшись письмомъ Вольтера, Сумароковъ оканчиваетъ свою филиппику слѣдующимъ разсмотрѣніемъ содержанія „Евгеніи“:

„Содержаніе сей слезной комедіи есть слѣдующее. Молодой, худо воспитанный и нечистосердечный графъ внѣ Лондона распалился красотой дочери нѣкоего небогатаго дворянина и велѣлъ своему слугѣ себя съ ней обвинять: она обрюхатѣла, а онъ возвратился въ Лондонъ, и помолвивъ жениться на какой-то знатной дѣвицѣ, собирается на это сочетаніе; первая его супруга пріѣхала въ его домъ: свѣдала, что сожитель ея съ другой бракомъ сочетается: бѣгаетъ, растрепавъ волосы: она плачетъ, отецъ сердится: въ домѣ иной плачетъ, иной хохочетъ: наконецъ сожитель ея, сей повѣса и обманщикъ, достойный вистѣлицы за поруганіе религіи и дворянской дочери, которую онъ плутовски обманулъ, обманываетъ другую невѣсту, знатную дѣвицу: входитъ изъ бездѣльства въ бездѣльство: отказываетъ невѣстѣ и, вдругъ перемѣнивъ свою систему, опять женится вторично на первой своей женѣ; но кто за такова гнуснаго человѣка поручится, что онъ на завтра еще на комъ-нибудь не женится, ежели правительство и духовенство его не истребятъ. Сей мерзкой повѣса не слабости и заблужденію подверженъ, но безсовѣстности и злодѣянію“.

Изъ самаго этого изложенія видно, что пьеса „Евгенія“ самая моральная: повѣса раскаявается и бракомъ заглаживаетъ свой проступокъ; но нашъ критикъ никакъ не хочетъ простить ему рукоплесканій московской публики и упорствуетъ видѣть въ немъ злодѣя.

Онъ даже ругнулъ порядкомъ и актрису за то, что она слишкомъ хорошо играла роль Евгеніи. Такіе критики не рѣдкость и въ наше время...

Выраженія: „Неужели Москва больше повѣритъ подъячему, нежели Вольтеру и мнѣ?“ и „А ежели ни Вольтеру, ни мнѣ кто въ этомъ повѣритъ не захочетъ“ и пр. показываютъ достаточно, какъ думалъ Сумароковъ о самомъ себѣ. Въ выходкахъ его самолюбія есть какая-то наивность и достолю-

безность: это не столько наглое самохвальство, сколько теплая вѣра въ свою великость. Въ этомъ отношеніи особенно забавна его статья „Отвѣтъ на критику“, которая начинается такъ: „Не надлежало бы мнѣ отвѣтствовать на сочиненную противъ меня г. Т. критику; ибо я въ ней кромѣ брани ничего не нашелъ; однако надо его потѣшить и что-нибудь на то написать, чтобъ онъ не подумалъ, что я его такъ много уничтожаю, что ужъ и отвѣчать не хочу“. Вотъ нѣсколько возраженій Сумарокова на эту критику, хорошо характеризующихъ вообще критику того времени:

„Не дивлюсь, говоритъ онъ (авторъ критики), что поступка нашего автора безмѣрно сходствуетъ съ цвѣтомъ его волосовъ, съ движеніемъ очей, съ обращеніемъ языка и съ біеніемъ сердца“. О какомъ онъ говоритъ біеніи сердца, того я не понимаю, въ прочемъ сія новомодная критика очень преславна!

„Не думаетъ ли онъ,—говоритъ онъ обо мнѣ, чего онъ самъ стоитъ, и что и каковъ тотъ, противъ котораго онъ какъ съ цѣпи спустилъ своевольную въ лихости свою музу?“—Думаю...

„И хотя оды свойство, говоритъ онъ, по мнѣнію автору, что она

Взлетаетъ къ небесамъ, свергается во адъ,

И мчась въ быстротѣ во всѣ края вселенны,

Врата и путь вездѣ имѣетъ отворенны. (*Вторая*

изъ двухъ моихъ епистолъ).

Однако де сіе не значитъ, чтобъ ей соваться во всѣ стороны, какъ угорѣлой кошкѣ“. Я какъ угорѣлая кошка не суюсь, а подлому изъясненію, какъ *портлой кошкѣ*, кромѣ его сочиненій ни въ какой критикѣ мѣста не нахожу.

Говоритъ онъ о мнѣ моими стихами:

Нѣтъ тайны никакой безумственно писать,

Искусство, чтобъ свой слогъ неправно предлагать,

Чтобъ мнѣніе творца воображалось ясно,

И рѣчи бы текли свободно и согласно. (*Изъ второй*

изъ двухъ моихъ епистолъ).

Я не знаю, къ кому сіи стихи, ко мнѣ или къ нему, больше приличествуютъ. Пѣсенка:

Поютъ птички

Со синички,

Хвостомъ машутъ и лисички.

Плюнь на суку

Морску скуку,

Держись черней и знай штуку,

кажется мнѣ не лутче моихъ сочиненій..”

Изъ послѣдняго возраженія ясно видно, что г. Т., написавшій на Сумарокова такую грозную критику, есть не кто иной, какъ профессоръ элоквенціи, а паче всего хитростей піитическихъ, безсмертный Василій Кирилловичъ Тредіаковскій.

„Этотъ, эта, это, вмѣсто сей, сія, сіе, почитаю я за вольность, что въ одѣ положить нельзя, а въ трагедіяхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полагать можно, ибо они слова не чужестранныя и непростонародныя: да я жъ кладу (употребляю) ихъ очень рѣдко.

Братіевъ, вмѣсто *братій*, есть вольность же, такъ же *смѣствовѣвъ*, и прочее: а *братіевъ* есть и весьма вольность малая; ибо хотя *братій* и правильныя, нежели *братіевъ*; однако вмѣсто *братіевъ* сокращенно *братъ-евъ* еще употребительныя, нежели *братій*: зпю, зпю *братъ-евъ* я здѣсь въ *угодность его положилъ многу*. А я употребленію съ такимъ же слѣдующимъ раченіемъ, какъ и правиламъ: правильныя слова дѣлають чистоту, а употребительныя слова изъ склада грубость выгоняють, напримѣръ: Я люблю сего, а ты любишь друга—есть правильно, но грубо. Я люблю этова, а ты другава.—Отъ употребленія и изгнанія трехъ слоговъ *го* и *чаго* слышится пріятнее. Вотъ для чего я это дѣлаю, а не отъ незнанія какъ гнѣваясь на меня г. Т. говорить изволить.

Кладеть въ порокъ, что я пишу *опять* за *наки*; но прилично ли положить въ ротъ дѣвицѣ семнадцати лѣтъ, когда она въ крайней съ любовникомъ разговариваетъ страсти, между нѣжныхъ словъ *наки*, а *опять* слово совершенно употребительное, и ежели не писать *опять* за *наки*, такъ и *который, которая, которое*, надобно отставить и вмѣсто того употреблять къ превеликому себѣ посмѣшеству неупотребительныя нынѣ слова *иже, яже, еже*, которыя хорошо слышатся въ церковныхъ нашихъ книгахъ, и очень будутъ дурны не только въ любовныхъ, но и въ геройскихъ разговорахъ.“

Особенно замѣчательны въ этой антикритикѣ Сумарокова слѣдующія слова объ авторѣ критики, т. е. Тредіаковскомъ: „Меня онъ пуще всѣхъ не любитъ за нѣкоторые въ одной моей епистолѣ стихи и за комедію, которые онъ беретъ на свой счетъ. Пускай его беретъ, а я въ томъ, что не къ нему это сдѣлано, клясться причины не имѣю. Я то писалъ такъ, какъ вездѣ писать позволено, хотя бъ то и о немъ было; однако я не говорю, что то о немъ писалъ, можетъ-быть о немъ, а можетъ быть и не о немъ“. Здѣсь дѣло идетъ о комедіи „Тресотиніусъ“, въ которой подъ именемъ педанта Тресотиніуса дѣйствительно выведенъ Тредіаковскій и въ которой, какъ во всѣхъ комедіяхъ Сумарокова, нѣтъ ни нравовъ времени, ни характеровъ, ни комизма, ни остроумія, ни правдоподобія, ни

здравѣго смысла. Естественнѣо, что Тредіаковскій особенно напалъ на комедію, въ которой увидѣлъ пасквиль на себя.

„Жестоко злобясь и браня меня, говоритъ онъ, что *Тресотиніуса* мой изъ Гольберга. Какимъ же образомъ подъ именемъ Тресотиніуса находитъ онъ себя, ежели сія комедія взята изъ Гольберга; или онъ думаетъ, что у нихъ такой же русской незнающій педантъ былъ, какой подъ именемъ Тресотиніуса у меня представленъ. А капитанъ Брамарбасъ по характеру своему взять изъ Терентьева „Евнуха“, который комикъ не только греческихъ комиковъ былъ подражателемъ, но почти переводчикомъ. Чтожъ имя Брамарбаса взято изъ Гольберга, и въ томъ онъ ошибается; ибо Гольберговъ офицеръ въ нѣмецкомъ переводѣ симъ названъ именемъ, а въ дацкомъ подливникъ онъ не Брамарбасомъ называется.

Хоревъ, говоритъ онъ, взять весь изъ Корнелія, Расина и Вольтера, а наипаче изъ Расиновой „Федры“. Это неправда; а то есть въ ней подражанія, а стиховъ пять-шесть есть и переводныхъ, что я и укрывать не имѣлъ намѣренія; для того, что то ни мало не стыдно. Самъ Расинъ, сей великій стихотворецъ и преславный трагикъ въ летучія свои трагедіи взялъ подражаніемъ и переводомъ изъ Еврипида въ *Ифигенію*... стиховъ, въ *Федру*... стиховъ, чего ему никто не поставитъ въ слабость, да и ставить невозможно.

„Гамлетъ“ мой, говоритъ онъ, не знаю отъ кого услышавъ, переведенъ съ французской прозы Аглинской Шекспировой Трагедіи, въ чемъ онъ очень ошибся. Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи третьяго дѣйствія и Клавдіева на колѣни паданія, на Шекспирову трагедію едва едва походить.“

Кромѣ языка и тона, тутъ и весь кодексъ искусства и литературы того времени: взять цѣликомъ идею, сюжетъ чужого сочиненія, перевести цѣлыя мѣста изъ него, — это не считалось похищеніемъ и не умаляло цѣны произведенія. И такъ дѣлалось не у однихъ у насъ: французы нещадно обворовывали грековъ, римлянъ, англичанъ и испанцевъ, а изъ этого воровства не думали дѣлать тайны. Поэзія была сборомъ общихъ мѣстъ; ей можно было и учиться, и выучиваться; собственно талантъ, какъ даръ природы, составляло стихотворство, а не поэзія. Чтобъ писать стихи, особенно съ римами, нужно, если не талантъ, то способности по крайней мѣрѣ; чтобъ выдумать сюжетъ поэмы или драмы, нужно было только знать въ подлинникъ или переводѣ произведенія иностранныхъ поэтовъ: бери цѣликомъ и копируй — это значило „сочинять“. Даже подражать рабски отечественнымъ писате-

лямъ значило быть поэтомъ наравнѣ съ тѣми, которые въ состояніи были сами изобрѣтать. И въ смыслѣ поэзіи, какъ сбора общихъ мѣстъ, Сумароковъ былъ совсѣмъ не плохой поэтъ для своего времени, на которое поэтому онъ и не могъ не имѣть сильнаго вліянія. Онъ зналъ хорошо французскій и нѣмецкій языки, былъ хорошо воспитанъ и образованъ въ духѣ своего времени; и будь у него немного побольше вкуса, немного поменьше самолюбія, да владѣй онъ русскимъ языкомъ хоть такъ хорошо, какъ владѣлъ имъ Ломоносовъ, — то, при своемъ жизненномъ и общественномъ направленіи, онъ рѣшительно затмилъ бы всѣхъ писателей своего времени и былъ бы въ отношеніи къ этому времени дѣйствительно необыкновеннымъ и достойнымъ серьезнаго изученія явленіемъ. Въ статьѣ Сумарокова „О пребываніи въ Москвѣ Монбрана“ есть пренаивно выраженное мнѣніе о „заимствованіяхъ“. Кто этотъ Монбранъ — не знаемъ; дѣло только въ томъ, что онъ, какъ образованный французъ, хорошо былъ принятъ въ лучшихъ московскихъ домахъ и скоро обратилъ на себя общее вниманіе своей болтовней о томъ, что въ Россіи нельзя достать хорошаго бургонскаго вина, что честныхъ людей нѣтъ и быть не можетъ на свѣтѣ. Но больше всего взбѣсилъ онъ Сумарокова разговорами „о бездѣльствахъ Вольтера и маркиза Даржинса и о невѣжествѣ послѣдняго“.

„А разговаривалъ онъ больше всѣхъ со мною (говорить Сумароковъ), думая искоренить мое къ Вольтеру и къ Даржинсу почтеніе. А не сбивъ меня съ своей дороги, солгалъ на меня, будто я говорилъ, что Вольтеръ окрадываетъ стихотворцевъ, чего онъ отъ меня никогда не слыжалъ. А подражаніе ни которому стихотворцу безславія не приноситъ. Я и самъ изъ сочиненій Вольтера, Расина и Корнелія не таясь заимствовалъ, что изъ одной моей трагедіи, которая на французской переведена языкъ, всѣмъ довольно видно, а говорилъ я только то, что одна изъ новыхъ Вольтера трагедій съ одной моей трагедіей очень сходна. Изъ сего не слѣдуетъ, что я возвышалъ себя и поносилъ Вольтера, котораго трагедіи по достоинству ихъ похвалу себѣ у всей Европы заслужили.“

„Мнѣніе о сновидѣніи о французскихъ трагедіяхъ“ есть настоящая критическая статья, кажется, писанная, по догадкѣ Новикова, къ Вольтеру. Форма критики затѣйлива въ духѣ того времени, какъ то показываетъ и ея заглавіе къ ней:

„Разныя обстоятельства отвратили меня вѣчно отъ театра. Легче было мнѣ разстаться съ Талією, нежели съ прелюбезною мою Мельпоменою;

но я нынѣ и о ней рѣдко думаю: не для того, что она мнѣ противна, но что она мила: а о той любовницѣ, которая мила, паче жизни, по разлученіи вспоминати мучительно. Но кто отъ мучительнаго сновидѣнія спастися можетъ? Востревожилъ меня сонъ, и извлекъ изъ очей моихъ, во время своего продолженія, слезы. Былъ я сновидѣніемъ на театральныхъ представленіяхъ парижскихъ, и видѣлъ нѣкоторыя трагедіи такъ живо, какъ на яву“.

Затѣмъ Сумароковъ начинаетъ съ „Цинны“ Корнеля, излагая, какія онъ, во время представленія, имѣлъ чувствія и разсужденія. Потомъ слѣдуютъ замѣтки, что такой-то де стихъ „преславенъ“, а такой-то „скареденъ“, что такой-то монологъ хорошъ, только дологъ, такое-то мѣсто „преизящно“, а такое-то „гнусно и подло“. Сумароковъ, какъ русскій человѣкъ, сильно выражался! Но почему онъ одно находитъ хорошимъ, а другое дурнымъ,—этого въ наше время никто не пойметъ: такъ переменчивы времена! Хваля особенно четыре стиха изъ „Федры“ Расина, нашъ критикъ восклицаетъ: „Едино сіе явленіе соплело бы вѣчныя Расину лавры, еслибъ онъ и ничего болѣе не писалъ!“ Разбирая Вольтерова „Брута“, критикъ говоритъ. „Первое явленіе прекрасно. Во второмъ явленіи сіи стихи вкусъ вашъ назначали (слѣдуетъ выписка семи стиховъ). Брутъ перервалъ Аратову рѣчь по Вольтерски. Все явленіе достойно Вольтера и Музъ самихъ. Сіе явленіе не одну забаву приносить и не одни цвѣты, но пользу и плоды. Франція, Европа и Парижъ должны много Вольтеру за нововведенный вкусъ, и къ удовольствію сердца и разума нашего. Остатокъ дѣйствія весь хорошъ. Первое явленіе второго дѣйствія вы отъ жара любовнаго нѣсколько отдерживаете, родъ искусства авторскаго, дабы любопытство зрителей умножено, и сердце послѣ сильно поражено было“. Далѣе онъ нашелъ такія красоты въ „Брутѣ“, что говоритъ: „Восхищеніе и пораженіе симъ явленіемъ моего сердца препятствуетъ устамъ моимъ изобразити чувствіе души моей, и жертвовати похвалою французскому Софоклу, Расинову, Метастазіеву и можетъ-быть и моему совмѣстнику, которому я еще больше долженъ, нежели Расину». Мнѣніе о „Заирѣ“ Вольтера такъ добродушно оригинально или можетъ-быть такъ ловко и хитро выражено, что его нельзя не выписать вполнѣ:

„Первое явленіе прекрасно, вкуса шегольскова. Второе прекрасно. Остатокъ дѣйствія хорошъ. Второго дѣйствія первое явленіе хорошо, а паче многократно христіанамъ. Второе явленіе хорошо. Третіе явленіе писано весьма хорошо и христіанамъ крайне жалостно. Не плакали во время явленія одни только невѣжи и деисты: одни по причинѣ, а другіе по другой, хотя послѣдніе были и тронуты свиданіемъ и разительными обстоятельствами отца и дочери. Сія трагедія весьма хороша, но я по нещастію окруженъ былъ беззаконниками, которые во все время кощунствовали, и ради того вступающія въ очи мои слезы не вытекали на лицо мое. Видно, что сію сочиняя драму, авторъ о томъ имѣлъ попеченіе, дабы христіанскій законъ утвердить въ сердцахъ нашихъ, и отвлечи беззаконниковъ, сихъ заблужденныхъ людей, отъ естественнаго богопочитанія, которые не пріемлютъ Священнаго Писанія. И ежели сія драма съ прямымъ успѣхомъ передъ деистами представлена будетъ, такъ и драма „Магометъ“ въ Константинополѣ понравится. Брутъ когда-нибудь можетъ войти больше въ моду въ Парижъ; ибо изъ монархіи республики дѣлаются. А „Заира“ никогда изъ моды не выдетъ; христіанскій законъ не исчезнетъ никогда, по словамъ вочеловѣчившагося Бога. Вы здѣлали великое по общему христіанскому мнѣнію дѣло, проповѣдывая и утверждая христіанство; хотя и думаютъ безбожники, что вы сею прекрасною трагедіею отвлекаете людей отъ истиннаго богопочитанія и уже зараженныхъ людей еще заражаете. Ежели бы вы были деистъ, такъ бы я въ вѣчномъ остался невѣденіи, ради чего вы сію трагедію сочинили. А зная, что вы христіанинъ, вѣдаю и то, что вы ее сочинили, умножая нашу по христіанству вѣрность“.

Послѣ одного стиха въ „Альзирѣ“ критикъ нашъ былъ восторженъ, а восторженный партеръ всплескалъ громко и троекратно. Въ IV актѣ, сочиненномъ самой Мельпоменой, критику не понравилось то, что Альзира, въ предыдущихъ дѣйствіяхъ „ругавшаяся европейскому о чести разсудку“, тутъ говорить о томъ въ другомъ совѣмъ духѣ. „Я хвалю васъ безстрастно, такъ безстрастно говорю, что мнѣ это крайне не нравится; а рѣчи и Альзиры, и Замора божественны“. Критика заключается разборомъ „Меропы“, и послѣднія строки его могутъ служить и *resumé*, и характеристикой всей критики:

„Нечего отличати: все прекрасно въ сей трагедіи, по сіе время: придемъ къ четвертому явленію третьяго дѣйствія: Музы его писали. Чего оно достойно, я чувствую, но словами изобразить не могу. Остатокъ дѣйствія прекрасенъ. Четвертое дѣйствіе все весьма прекрасно. Второе явленіе несравненно. Четвертое явленіе пятаго дѣйствія несравненно, и все дѣйствіе прекрасно. Альзира, Цинна и Аталія кажется мнѣ должны уступить первенство Меропѣ и Федрѣ. Сіи двѣ трагедіи будутъ вѣчною

честью своимъ авторамъ и Мельпоменѣ, и вѣчною славою Франціи, Европѣ и всему роду человѣческому.“

Точно подписи учителя на тетрадкахъ школьниковъ: не дурно, порядочно, изрядно, хорошо, очень хорошо, отлично хорошо, прекрасно, превосходно!.. Но это-то и называлось тогда критикой, и, право, Сумароковъ ни чѣмъ не хуже многихъ знаменитыхъ критиковъ въ Европѣ того времени...

„Переводъ съ французскаго языка изъ чужестраннаго журнала мѣсяца апрѣля 1775 года, стран. 114 и слѣд. напечатаннаго въ Парижѣ. „Синавъ и Труворъ“ Россійская трагедія сочиненная, стихами господиномъ Сумароковымъ“ — есть не что иное, какъ разборъ „Синава и Трувора“, напечатанный въ Парижскомъ журналѣ, переведенный самимъ же Сумароковымъ и можетъ быть имъ же и написанный.

Критики Сумарокова на Ломоносова составляютъ самую забавную сторону авторства Сумарокова. Замѣтивъ въ одѣ погрѣшность (не всегда истинную), Сумароковъ иногда очень ясно даетъ знать, что онъ такихъ погрѣшностей избѣгать старается, напримѣръ: „Межъ льдистыми горами!“ межъ льдистыми дѣлаетъ выговору великую трудность, что (чего) я весьма обѣгать стараюсь“. Замѣчаніе его на два первые стиха одной оды Ломоносова можетъ дать понятіе о цѣлой критикѣ:

„Возлюбленная тишина,
Блаженство сель, градовъ ограда.

Градовъ ограда сказать не можно. Можно молвить селенія ограда, а не ограда града; градъ отъ того и имя свое имѣетъ, что онъ огражденъ! Я не знаю сверхъ того, что за ограда града тишина. Я думаю, что ограда града войско и оружіе, а не тишина. Городъ имѣетъ въ родителномъ падежѣ множественнаго числа городовъ, а градъ градовъ а не градовъ; для того, что въ именительномъ падежѣ множественнаго числа городъ имѣетъ званіе городѣ, а градъ-грады, а не градѣ и не грады“.

Все это отчасти и справедливо; но самъ Сумароковъ въ своихъ стихахъ даетъ еще болѣе чудовищные факты подобнаго терзанія и коверканія языка и смысла.

Особенно оригинальна статья Сумарокова „Разсмотрѣніе одъ Ломоносова“. Въ ней нѣтъ никакихъ разсужденій, даже никакого приступа: все дѣло въ ней рѣшается цифрами, такимъ образомъ: „Строфы прекраснѣйшія: (слѣдуютъ римскія

цифры для означенія одъ и обыкновенныя цифры для означенія строфъ); строфы прекрасныя: (цифры); строфы весьма хорошія: (цифры); строфы хорошія: (цифры); строфы изрядныя: (цифры); строфы, по моему мнѣнію, требующія большоу исправленія: (цифры); строфы, о которыхъ я ничего не говорю: (цифры)“.

Но этимъ не оканчивается смѣшное въ соперничествѣ Сумарокова съ Ломоносовымъ: есть у Сумарокова отдѣльная статья подъ названіемъ „нѣкоторыя строфы“; она вся состоитъ изъ 12-ти строфъ, изъ которыхъ, попеременно, надъ одной стоитъ „его“, а надъ другой — „моя“. Слѣдующее же предисловіе объясняетъ эту странную загадку:

„Мнѣ уже прискучилось слышати всегдашнія о Ломоносовѣ и о себѣ (т. е. обо мнѣ) разсужденія. Слово громкая ода къ чести автора служить не можетъ; да сіе же объясненіе значитъ галиматію, а не великолѣпіе. Мнѣ приписываютъ нѣжность и сіе изъясненіе трагическому автору чести не приноситъ. Можетъ ли лирическій авторъ составить честь имени своему грому! и можетъ ли представленный въ драмѣ Геркулесъ быти нѣжною Сильвіею и Амариллою, воздыхающими у Тасса и Гваринія! Во стихахъ Ломоносова многое для почерпанія лирическимъ авторамъ сыщется: а я имъ совѣтую взирати на его лирическія красоты и отдѣляти хорошее отъ худова. Ломоносовъ со мною нѣсколько лѣтъ имѣлъ хорошее знакомство и ежедневное обхожденіе, и нерѣдко слыхалъ я отъ него, что онъ самъ часто гнушался, что нѣкоторые его громкимъ называли. Ево достоинство въ одахъ не громкость. А что жъ? объ етомъ долго говорить, и я прилагаю здѣсь предисловіе, и нѣкоторыя къ чести ево строфы, для сравненія съ моими, а не толкованія! О преимуществѣхъ себѣ я публику не прошу; ибо похвалы выпрошенныя гадки; а есть-ли и Ломоносову дастся и въ одахъ преимущество, я объ етомъ тужить не стану: желалъ бы я только того, чтобы разборъ и похвалы были основательны. Въ прочемъ я свои строфы распоряжалъ, какъ распоряжали Мальгербъ и Руссо (Жанъ Батистъ) и всѣ нынѣшніе лирики; а Ломоносовъ етово не наблюдалъ; ибо наблюденіе сево, какъ чистота языка, гармонія стопосложенія, изобиліи рифмы, разношеніе негласныхъ литеръ, не привыкшимъ писателямъ толикаго стоять затрудненія, коликую приносятъ они сладость. Наконецъ: во надгробной надписи Ломоносова изображено, что онъ учитель поэзіи и краснорѣчія, а онъ викого не училъ и никого не выучилъ; ибо Ломоносова честь не въ риторикѣ его состоитъ, но въ одахъ. Потомки и ево и мои стихи увидятъ и судить насъ будутъ, или паче письма наши; но потомки могутъ или должны будутъ подумать, что и я по сей ему надгробной надписи былъ ево ученикъ; а я стихи писалъ еще когда Ломоносова и имени не слышала публика. Онъ же въ Германіи писати началъ, а я въ Россіи, не имѣя отъ него не только наставленія, но ниже зная его по слуху. Ломоносовъ меня

нѣсколькими лѣтами былъ по старѣе, но изъ того не слѣдуетъ сіе, что я ево ученикъ, о чемъ я, не трогая ни мало чести сего стихотворца, предувѣдомляю потомковъ, которые и Ломоносова и меня не скоро увидятъ: а особливо ради того, что и языкъ нашъ и поэзія наша исчезаютъ: а зараза піитичества весь російскій Парнасъ невѣжественно охватила: а я истребленія оному предвидѣти не могу, жалѣя, что прекрасный нашъ языкъ гибнетъ. А что впротчемъ до Ломоносова надлежитъ, такъ я, похваляя ево, думаю только о живности его духа, виднаго во строфахъ его. *Великій былъ бы онъ мужъ во стихотворствѣ, ежели бы онъ могъ вычищать оды свои, а во протчія поэзіи не вдавался.*“

Вотъ какъ! Сумароковъ не любилъ шутить тамъ, гдѣ чья-нибудь слава могла бросать тѣнь на его славу. Въ длинной статьѣ своей „О правописаніи“ онъ безпрестанно придирается къ Ломоносову съ профессорскимъ тономъ какого-то неоспоримаго преимущества передъ нимъ. Нападая на употребленіе буквы *е* вмѣсто *і*, достоенъ вмѣсто достоинъ, бывшей, вмѣсто бывшій, Сумароковъ не безъ основательности замѣчаетъ, что „сіе нововведенное правило не имѣетъ основанія ни на свойствѣ языка, ни на древнихъ книгахъ, ни на употребленіи, а единственно на произволеніи Ломоносова и на почтеніи къ нему его послѣдователей, или паче сказать на семь правилъ, что Ломоносовъ былъ академикъ; такъ полагаютъ основаніе на академіи, хотя онъ не составлялъ академіи, но былъ ея членъ; и ни академія, ни Россія того не утвердила, да и утверждати того академіи не можно: ибо она въ наукахъ, а не въ словесныхъ наукахъ упражняется“. Далѣе Сумароковъ жалуется, что Ломоносовъ ввелъ въ нѣкоторыхъ словахъ провинціальное произношеніе, какъ напимѣръ лѣтѣ, вмѣсто лѣта; градовъ, вмѣсто грядовъ, и что „многіе, не размышляя, таковыя его ошибки приняли украшеніемъ піитическимъ и употребляютъ оныя къ безобразію нашего языка, что Ломоносову яко провинціальному уроженцу простиительно, какъ рожденному еще и не въ городѣ, а отъ поселянъ; но протчимъ, которые рождены не въ провинціяхъ и не отъ поселянъ, сіе извинено быть не можетъ“. — „Но (прибавляетъ онъ) дабы не подумали, что я о происхожденіи Ломоносова въ ругательство ему вспоминаю; такъ насъ не благородство, но Музы на Парнасъ возводятъ, ибо благородство есть послѣднее качество нашева достоинства, и тѣ только много о немъ думаютъ, ко-

которые другаго достоинства не имѣютъ“. — Изъ отвѣта Ломоносова Сумарокову о причинѣ замѣненія буквы *ѳ* буквой *ф* видно, что Ломоносовъ не находилъ нужнымъ вступать съ нимъ въ серьезныя объясненія: „Эта-де литера стоитъ подпершися, слѣдовательно бодрѣ“. — „Отвѣтъ издѣвочень, но не важенъ“, замѣчаетъ Сумароковъ. Говоря о томъ, что въ предлогѣ *при*, употребляемомъ слитно съ глаголами, должно сохранять букву *и*, не перемѣняя ее на *і*, Сумароковъ прибавляетъ: „Ломоносовъ годъ цѣлый мнѣ въ семъ противурѣчилъ, и признавъся по разысканію точныя обстоятельности, мое мнѣніе съ великимъ утверждалъ жаромъ, но не успѣлъ письменно со мной въ ономъ согласиться, или по частнымъ со мною не до краснорѣчія и не до языка касающимся распрямъ, не хотѣлъ согласиться до времени: какъ онъ покритиковаль у меня, не знаю за что, нарѣчіе днесъ, и не нашедъ другаго къ тому реченія, зачалъ употреблять вмѣсто нынѣ, нынѣ, но нынѣ не знаменуеть той краткой точности, а нынѣ не можно вмѣсто нынѣ писать; ибо *н* претворяти въ *ь* писатели вольности не имѣютъ, хотя они и стихотворцы, ибо и имъ дозволяется нѣчто, а не все, да и то что рѣчимало не обезображиваетъ. Да и на что нынѣ; ибо нынѣ ево тоже изображаетъ, какъ и нынѣ: а краткость одного слога не стоитъ труда искуснаго риѣмотворца“. — Дѣйствительно, Ломоносова нынѣ, вмѣсто нынѣ, такъ же нелѣпо, какъ и Сумарокова *мя* и *тя*, вмѣсто меня и тебя. Вообще, говоря о другихъ, Сумароковъ нерѣдко бываетъ и основателемъ и справедливъ: такъ на примѣръ, жалуясь на постепенную порчу языка, онъ приводитъ разительные примѣры этой порчи, какъ-то употребленіе „февраль“ вмѣсто „февраль“, „пролубъ“ вмѣсто „прорубъ“. Но зато видитъ иногда гибель тамъ, гдѣ нѣтъ даже и опасности, и часто противорѣчитъ самому себѣ; такъ на примѣръ, съ одной стороны требуя, чтобы, для сохраненія коренного происхожденія словъ, писать *приятный* вмѣсто *приятный*, съ другой стороны не хочетъ, чтобъ предлогъ *возъ*, соединяясь съ глаголами, сохранялъ коренную свою букву *з*, и вооружается противъ этого со всѣмъ комизмомъ своей запальчивости. „Но бывало ли отъ начала міра въ какомъ-нибудь народѣ такое въ писаніи скарество, каково мы нынѣ

дожили! Востокъ, источникъ, превозходительство! Конечно паденіе нашего языка скоро будетъ, когда такая нелѣпица могла быть воспріята!“

Замѣчательно, какъ фактъ того времени, что Сумароковъ за искаженіе русскаго языка жалуется на малороссіянъ, и не только писателей, но и на пѣвчихъ, которые, вмѣсто „во вѣки вѣковъ“, писали и пѣли „во вики виговъ“, вмѣсто „Тебѣ Господи“, — „Теби Господы“, и т. п. „Не подумаетъ ли кто (прибавляетъ Сумароковъ), что я вооружаюсь противъ ученыхъ Малороссіянъ; нѣтъ: дай Боже, чтобъ не только мы, но хотя наши потомки изъ Малороссіи другаго Теофана имѣли! Есть нѣчто во краснорѣчїи худова, но сколько напротивъ того и славы его имени, и славы нашихъ временъ!“

Замѣчательна выходка Сумарокова противъ перевода Тредіаковскаго Ролленевой исторїи: „Вотъ (говоритъ онъ) ожидаемая польза отъ умноженія сочиненій и переводовъ, которыми насъ невѣжи обогащаютъ! Вредно ободряли вралей похвалами, чтобъ они больше втали; ибо де не писавъ худо, нельзя писать и хорошо; но враки должно ли издавать на свѣтъ? Древняя исторїя неопѣннаго Роллина, въ переводѣ нашемъ, подаетъ читателю, не знающему чужихъ языковъ, нѣкоторое ему познаніе, къ малому просвѣщенію, безъ другихъ знаній, и ко прогнанію скуки; а языкъ нашъ какъ морская заражаетъ язва“.

Вообще эта статья такъ и дышетъ своей современностью и личностью Сумарокова: въ ней онъ и его время какъ бы олицетворились и лично бесѣдуютъ съ нами. Кому тутъ не достанется, кто не задѣвается! И писатели, и женщины, и подъячіе!... „Женщины наши (говоритъ критикъ) по большей части никакова правописанія не соблюдаютъ, и пишутъ какъ ни попало, напримѣръ: матушка мая галубушка пажалуй атпишика мне душа мая гдѣ ты купила вчерашнай градитуръ, а иногда и гарнитулъ“. — Противъ безграмотности подъячихъ, по длиннотѣ филиппики, и выписать нельзя: когда Сумароковъ заговаривалъ объ этомъ „крапивномъ зельи“, объ этомъ „хамовомъ поколѣнїи“ (какъ онъ называлъ подъячихъ), его сатирическое негодованіе всегда лилось рѣкой, затоплявшей берега свои.

Статья „О стопосложеніи“ изобилуетъ комически смѣшными выходками Сумарокова противъ Ломоносова.

Статья „О истребленіи чужихъ словъ изъ русскаго языка“ можетъ быть отнесена къ любопытнѣйшимъ фактамъ исторіи русской литературы: она доказываетъ, что вторженіе въ нашъ языкъ французскихъ словъ и оборотовъ отнюдь не было слѣдствіемъ реформы Карамзина, ибо еще до него было въ самомъ сильномъ разливѣ. Сумароковъ смѣется надъ словами: „фрукты, сервизъ, антишамбера, камера, сюртукъ, супъ, гувернантка, аманта, дама, валетъ, атутъ (козырь), роа (король), мокероваться, эложъ (похвала), принцъ, бурса, тоалетъ, пансивъ (задумчивъ), корреспонденція, кухмистръ, томъ, эдиція, жени (т. е. геній; подъ жени Сумароковъ понималъ остроуміе), бонсанъ (здравый смыслъ; Сумароковъ переводитъ разсужденіе), эдюкація, манификъ, деликатно, пассія“. Однакожь если многія изъ этихъ словъ вывелись изъ употребленія, зато многія и остались; геній языка умнѣе писателей и знаетъ, что принять и что исключить. Вѣроятно были употребительны и такія фразы, если Сумароковъ надъ ними смѣется: „Я въ дикстракціи и дезеспере; аманта моя сдѣлала мнѣ инфиделите; а я а ку сюръ противъ риваля моего буду реванжироваться“.

Какъ о чертѣ смѣшного и добродушно-наглаго самохвальства Сумарокова, нельзя не упомянуть о его вызовѣ проѣздить заграницей два года и потомъ описать свое путешествіе. „Каково мое перо, (говоритъ онъ), о томъ и по худымъ переводамъ всѣ ученѣйшіе въ Европѣ знаютъ и ту мнѣ похвалу соплетаютъ, которая превосходитъ желаніе авторовъ и тѣхъ народовъ, въ которыхъ науки созрѣли и утвердились. И что я Россіи сдѣлалъ честь моими сочиненіями, въ томъ я всѣхъ ученѣйшихъ людей во всей Европѣ свидѣтелями имѣю“. За два года и четыре мѣсяца онъ просилъ у правительства, кромѣ своего жалованья, 12,000 рублей, „которые деньги по изданіи моего путешествія возвратятся въ казну съ излишкомъ; ибо 6,000 экземпляровъ, продаваясь по три рубля, 18,000 рублей, а потомъ она во всегдашнее время продаваться будетъ, и такъ казнѣ убытка не будетъ“. — „Еслибъ такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа; не

дорого бы стало Россіи, ежели бы она и 300,000 на это безвозвратно употребила. Я прошу о семъ не для себя, но для пользы моего отечества, а мой собственный прибытокъ изъ того только одна честь имени моему“.

Эклоги Сумарокова таковы, что ихъ теперъ странно видѣть въ печати. Всѣ онѣ оканчиваются одинаково, вродѣ этого:

О, лютый Періандръ!... невинность исчезаетъ:
Вручаюсь тебѣ... Пастухъ на все дерзаетъ.
Не спорить Туллія, гоня упрямство прочь,
И въ изступленіи препровождать ночь,
Въ веселіи пробывъ со пастухомъ безъ спора,
Доколѣ не взойшла на паствѣ къ нимъ аврора...

И, несмотря на это, Сумароковъ и не думалъ быть соблазнительнымъ или неприличнымъ; а, напротивъ, онъ хлопоталъ о нравственности, и былъ увѣренъ, что эклога такой ужъ родъ поэзіи, который, по сущности своей, требовалъ такихъ сюжетовъ и съ такими развязками. Онъ посвящаетъ свои эклоги „прекрасному россійскаго народа женскому полу“, и въ этомъ посвященіи такъ излагаетъ теорію эклоги, какъ рода поэзіи:

„Я вамъ, прекрасныя, сей мой трудъ посвящаю: а ежели кому изъ васъ подумается, что мои эклоги наполнены излишно любовію, такъ должно знати, что недостаточная (не полная) любовь не была бы матеріею поэзіи: сверхъ того должно и то вообразити, что въ дни златаго вѣка не было ни бракосочетанія, ни обрядовъ, къ оному принадлежащихъ: едина нѣжность только препровождается жаромъ и вѣрностью была основаніемъ любовнаго блаженства. Говорятъ о воровствѣ, о убійствѣ, о грабежѣ; о ябедничествѣ беззазорно во всякихъ бесѣдахъ; неужели такіе разговоры благородныя рѣчей любовныхъ? А особливо когда не о скотской и не о постоянной говорится любви. Въ еклогѣхъ моихъ возвѣщается нѣжность и вѣрность, а не злопристойное сластолюбіе, и нѣтъ таковыхъ рѣчей, кои бы слуху были противны. Презрѣнна любви, имущая едино сластолюбіе во основаніи: презрѣнны любовники, устремляющіеся обманывать слабыхъ женщинъ; подвержены нѣкоторому поношенію и женщины, въ обманъ давшіяся; презрѣнно неблагородное сластолюбіе; но любовныя нѣжность и вѣрность отъ начала міра были почтенны и до скончанія міра почтены будутъ. Любовь источникъ и основаніе всякаго дыханія: а вдобавокъ сему источникъ и основаніе поэзіи; такъ можно ли сочиняти эклоги, естли пійтъ ужаснетъ глупыхъ предвареній и невкусныхъ кривотолкованій? А вы, прекрасныя, помните только то, что неблагопристойная любовь и непостоянство стыдны, несносны, вредны и пагубны, а не любовь, и что любовію наполненныя эклоги и

основанныя на нѣжности, подпертой честностію и вѣрностію, читательницамъ соблазна, точною чертою, принести не могутъ; хотя и нѣтъ никакова блага, изъ котораго бы не могло быти злоупотребленія. Что почтеннае правосудіа; но koliko изъ него происходитъ ябедъ и крючкотвореній, а слѣдовательно утѣсеній и гибели роду человѣческому? И что почтеннае, еклоги ли составлять, наполненныя любовнымъ жаромъ и пишемая хорошимъ складомъ, или тяжebныя ябедниковъ письма, наполненныя плутовствомъ и складомъ писанныя скареднымъ?“

Оставьте въ сторонѣ старинный языкъ и вникните въ мысль этого предисловія: она была мыслью вѣка. Дезульеры, Геснеры и Флоріаны писали свои эклоги и идилліи именно по этой теоріи. Они изображали дѣйствительность, которой никогда и нигдѣ не бывало. Они воображали, что точно былъ золотой вѣкъ невинности, не понимая того, что состояніе невинности есть то же, что состояніе животности, какъ то доказываютъ всѣ дикія племена Африки, Америки и Австраліи. Этимъ-то мнимо - невиннымъ людямъ придавали они сладенькія чувствованія своего времени, и были вполне увѣрены, что изображаютъ пасторальную жизнь, и что ихъ Дафнисы, Меналки, Титиры, Коридоны, Аглаи, Хлои, Амарилы и Галатеи суть лица живыя и невинныя, тогда какъ это просто общія риторическія мѣста, какъ и вся поэзія (а не литература въ обширномъ смыслѣ) XVIII вѣка. У Сумарокова вполне достало ума и способности понять это искусство общихъ мѣстъ и воспользоваться имъ для своего времени.

Истинный критикъ своего времени, Сумароковъ судить обо всемъ -- о добродѣтели, о философіи, о грамматикѣ, о поэзіи, о стѣснительной системѣ запретительной торговли, о большихъ бесѣдахъ, чтеніи романовъ, и проч., и проч. Часто у него попадаются мысли хотя не глубокія, но здравыя и тѣмъ болѣе полезныя для общества его времени. Можно написать цѣлую статью о его войнѣ противъ подъячихъ: Боже мой, гдѣ и какъ ни пятналъ, ни позорилъ ихъ этотъ неутомимый боецъ! Говоря о подъячихъ, Сумароковъ становится и желченъ, и остеръ, и вдохновененъ! Ненависть къ этому гнусному отродью (говоря его выраженіемъ) была живой струной его души; и кто же не согласится, что источникъ этой ненависти былъ благороденъ, а ея проявленіе не могло не принести пользы обществу: дидактическое направленіе въ поэзіи

самобытной есть признакъ антипоэтическаго характера народа; но въ поэзіи подражательной, бывшей плодомъ реформы, нововведеніемъ, какова была въ своемъ началѣ поэзія русская, дидактическое направленіе есть признакъ жизненности, соціальности, и полезно какъ для общества, такъ и для самаго искусства: ибо общество потому только и принялось за нее, что увидѣло въ ней поученіе, дѣйствительно полезное для него. Когда дидактическая поэзія истощила все свое содержаніе и не могла идти далѣе, противъ нея явилась реакція, заговорили о поэзіи, какъ о творчествѣ, какъ о цѣли самой себѣ, а между тѣмъ привычка къ чтенію, къ занятію поэзіей, благодаря ея дидактическому направленію, была уже сдѣлана. Послѣ этого не трудно было отвергнуть дидактическую поэзію, какъ ложную и враждебную истинному искусству. Но это, какъ мы покажемъ въ слѣдующей статьѣ, сдѣлалось не вдругъ, а постепенно. Сперва позволили поэзіи воспѣвать геройскіе подвиги и побѣды, не увольняя ея отъ обязанности поучать; потомъ стали позволять ей между прочимъ быть выразительницей прихотей фантазіи и, наконецъ, ради граціи и обаятельности формъ, воспѣвать и шалости чувства, и пѣнистое вино, и веселыя пирушки, и сладостную лѣнь. Ужъ послѣ этого провозгласили, къ крайнему соблазну литературныхъ старовѣровъ, что искусство есть само себѣ цѣль, что поэзія виѣ себя цѣли не имѣетъ и не должна имѣть. Такъ какъ въ этой мысли заключается значительная часть истины, и такъ какъ, не перейдя черезъ нее, нельзя было понять идеи искусства, какъ особой и самостоятельной сферы сознанія, то эта мысль и овладѣла свѣжими умами до того, что ее довели до односторонности и исключительности, а слѣдовательно и до нелѣпости. Теперь критикѣ предстоитъ новая задача — примирить свободу творчества съ служеніемъ историческому духу времени, служеніемъ истинѣ.

Итакъ, дидактическое направленіе Сумарокова было полезно для современнаго ему общества. Въ этомъ отношеніи его эпистолы и сатиры имѣютъ свою относительную цѣнность. Несмотря на грубый языкъ, цинизмъ выраженій, для многихъ было весьма полезно и поучительно въ тотъ зараженный спѣсью барства вѣкъ читать напимѣръ такіе стихи:

Сію сатиру вамъ, дворяня, приношу,
Ко членамъ первымъ я отечества пишу.
Дворяня безъ меня свой долгъ довольно знаютъ,
Но многіе одно дворянство воспоминаютъ,
Не помня, что отъ бабъ рожденнымъ и отъ дамъ
Безъ исключенія всѣмъ праотецъ Адамъ.
На то ль дворяня мы, чтобъ люди работали,
А мы бы ихъ труды по знатности глотали?
Какое барина различье съ мужикомъ?
И тотъ, и тотъ земли одушевленный комъ.
И если не ясный умъ барскій мужикова,
Такъ и различія не вижу никакова.
Мужикъ и пьетъ и ѣстъ, родился и умретъ,
Господскій такъ же сынъ, хотя и слаще жретъ,
И благородіе свое не рѣдко славить,
Что цѣлый полкъ людей на карту онъ поставитъ.
Ахъ, должно ли людьми скотинѣ обладать?
Не жалко ль? можетъ быкъ людей быку продать?

Въ числѣ эпистолъ мы находимъ и слѣдующія: „Любовь съ отечеству есть ли первая добродѣтель“, „Къ неправеднымъ судіямъ“, „О русскомъ языкѣ“, „О стихотворствѣ“ (передѣлка „L'Art Poétique“ Буало) и „Наставленіе хотящимъ быти писателями“. Во всемъ этомъ виденъ или критикъ искусства и литературы, или критикъ нравовъ. Въ томъ и другомъ Сумароковъ особенно примѣчателенъ, какъ представитель своего времени. Не изучивъ его, нельзя понимать и его эпохи. Еслибъ кто вздумалъ написать историческій романъ или историческую повѣсть изъ тѣхъ временъ,—изученіе Сумарокова дало бы ему богатые факты объ обществѣ того времени; а что такое историческій романъ, какъ не исторія общества въ извѣстную эпоху? Да; предметъ исторіи — человѣчество или народъ; предметъ историческаго романа—общество. Постепенность развитія идеи въ обществѣ представляетъ собой картину въ высшей степени интересную. На само искусство нельзя смотрѣть только въ сферѣ самаго искусства, безъ отношенія къ жизни: такой взглядъ можетъ быть иногда вѣренъ, но онъ всегда одностороненъ, особенно въ отношеніи къ искусству въ Россіи. Повторяемъ: наша поэзія, наша литература—плодъ реформы Петра Великаго, какъ наша цивилизація. Начавшись формами безъ жизни, онѣ постепенно стремились къ жизни и самобытности и

достигли наконецъ того и другого чрезъ историческій процессъ. Сумароковъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ фактовъ этого процесса, — что и заставило насъ говорить о немъ подробнѣе.

III.

Статья наша о „Критикѣ“ должна оставить принятый ею историческій путь и снова возвратиться къ настоящему, характеристикой котораго и закончится она. Мы и не хотѣли давать ей характеръ историческій; иначе должны были бы написать много статей прежде, нежели добрались бы до настоящаго періода русской литературы. Въ предыдущей статьѣ мы желали только намекнуть на то, какъ, по нашему мнѣнію, должно было бы слѣдить русскую критику въ ея историческомъ развитіи, — заранѣе отказываясь написать полную ея исторію въ этомъ отдѣлѣ нашего журнала. Доселѣ еще не только не было никакой попытки начертать исторію русской литературы со стороны ея вліянія на мнѣніе общества, т. е. со стороны критики, въ обширномъ значеніи этого слова, но даже не было и попытокъ сдѣлать хоть какія-нибудь указанія на матеріалы, необходимые для подобнаго труда. А между тѣмъ этотъ трудъ только слегка можетъ казаться легкимъ, въ сущности же онъ весьма сложенъ, кропотливъ и тяжелъ. Нужно не только перечестъ вполнѣ нѣкоторыхъ писателей, но и рыться въ старыхъ и новыхъ журналахъ. При томъ же мы задали бы себѣ слишкомъ обширный вопросъ, еслибъ взяли критику въ ея общемъ значеніи. Для насъ важны не только тѣ русскіе писатели, которые посвящали свои труды или теоріи изящнаго, или собственно — критикѣ изящныхъ произведеній, или отрывочно, тамъ и сямъ, въ своихъ твореніяхъ выговаривали свои понятія объ изящномъ и о критикѣ; но и тѣ писатели, которые своими нравственными мнѣніями выражали духъ времени или давали ему новое направление. Въ этомъ отношеніи какъ важенъ для насъ напри- мѣръ Фонвизинъ съ его „Недорослемъ“ и „Бригадиромъ“, въ которыхъ въ лицѣ глупцовъ и чудаковъ высказано понятіе того времени объ отрицательной сторонѣ современнаго общества, а въ лицѣ резонеровъ и добродѣтельныхъ людей

высказанъ, такъ сказать, идеаль, къ которому должно было стремиться общество, высказаны начала, на основаніи которыхъ мыслили и дѣйствовали лучшіе люди той эпохи! А исповѣдь Фонвизина, его мелкія сатирическія статьи, его вопросы, и проч.? Оцѣнка всего этого была бы полной оцѣнкой всего Фонвизина, который замѣчателенъ совсѣмъ не какъ поэтъ (ибо поэтомъ онъ не былъ), а какъ умный, мыслящій человѣкъ своего времени, даровитый писатель съ критическимъ направлениемъ. „Словарь Россійскихъ Писателей“ Новикова — богатый фактъ собственно-литературной критики того времени: его тоже нельзя миновать въ историческомъ обзорѣ русской критики. Тутъ же долженъ занять свое мѣсто и Макаровъ — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей и критиковъ того времени. Съ именемъ Карамзина соединяется понятіе о цѣломъ періодѣ русской литературы, стало-быть, отъ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія до двадцатыхъ настоящаго. Тридцать пять лѣтъ такой блестящей литературной дѣятельности и около сорока лѣтъ такого сильнаго вліянія на русскую литературу, а черезъ нее и на русское общество! И вліяніе не только литературное, но, и, можно сказать, всѣческое! Все это должно вновь перечитать, пересмотрѣть, а на все это нужно время и время. Критическая дѣятельность Мерзлякова, князя Вяземскаго, Каченовскаго и другихъ, характеристика многихъ журналовъ, изъ которыхъ иныхъ теперь и имена не извѣстны публикѣ, — также должны войти въ этотъ обзоръ и слѣдственно также должны быть пересмотрѣны. Война карамзинистовъ съ шишковистами; прологъ къ войнѣ романтизма съ классицизмомъ, заключающій въ себѣ пренія, возбужденныя нѣмецкими, англійскими балладами Жуковскаго; далѣе война поборниковъ классицизма и вмѣстѣ народности съ поборниками классицизма чисто подражательнаго и чуждаго всякой народности (въ этой войнѣ замѣчательны имена Катенина, Жандра и отчасти Грибоѣдова); наконецъ, война классицизма и романтизма — сколько для всего этого нужно пересмотрѣть книгъ, особенно журналовъ! Появленіе каждаго генія бываетъ чѣмъ то нарушающимъ обыкновенный порядокъ вещей, съ непривычки кажется чѣмъ-то незаконнымъ и возбуждаетъ вражду и оппозицію со стороны людей, проникну-

нутыхъ духомъ господствующаго порядка вещей. Въ пользу генія возстаетъ юное поколѣніе, и завязывается битва, концомъ которой всегда бываетъ торжество генія. И вотъ окончена битва, — и видъ дѣла измѣняется: геній признанъ величайшимъ и непогрѣшительнымъ авторитетомъ; противъ него враждуютъ развѣ только хриплые голоса немногихъ уцѣлѣвшихъ развалинъ стараго времени. Но время идетъ, новыя идеи вторгаются, и такъ какъ не было и никогда не будетъ генія, который бы все сказалъ, все рѣшилъ, на все далъ отвѣтъ, исчерпалъ бы всѣ стороны бытія, такъ что уничтожилъ бы возможность явленія другихъ геніевъ, а слѣдственно и возможность дальнѣйшаго развитія народа или человѣчества: то и геній, послѣ столькихъ усилій и битвъ сдѣлавшійся властителемъ думъ своего времени, является наконецъ представителемъ уже минувшей эпохи, не удовлетворяющимъ новаго времени. Противъ него воздвигается оппозиція, часто несправедливая и ослѣпленная въ своей крайности; за него стоитъ все, что не двинулось послѣ него впередъ — и опять битва! Но проходятъ годы, новое беретъ свое, мирно царитъ надъ настоящимъ и воздастъ должное прошедшему. Все это было и въ русской литературѣ, хотя она и существуетъ еще только сто лѣтъ, если началомъ ея взять 1739 годъ, когда Ломоносовъ написалъ первую свою оду „На взятіе Хотина“ (сатиры Кантемира были въ первый разъ изданы въ 1762 году). Такъ литературная дѣятельность Карамзина, явившаяся оппозиціей схоластическому направленію русской литературы, данному Ломоносовымъ, возстановила противъ себя славянофиловъ и пуристовъ русскаго языка. Время и разумъ рѣшили дѣло въ пользу реформы Карамзина, и Карамзинъ сдѣлался патріархомъ русской литературы; подъ страхомъ анафемы и отлученія отъ литературнаго православія, не позволялось усомниться ни въ одной строкѣ, ни въ одной буквѣ его сочиненій. Но оппозиція шишковистовъ была ничто въ сравненіи съ той, которая ожидала Карамзина уже по смерти его. Такъ называемый романтизмъ развязалъ умы, вывелъ ихъ изъ узкой и избитой колеи преданія, авторитета и общихъ риторическихъ мѣстъ, изъ которыхъ прежде сплетались вѣнки славы прославленнымъ писателямъ; новыя идеи втор-

гались отовсюду; литературные и умственные перевороты въ Европѣ, начавшей, по низверженіи Наполеона, новую жизнь, отозвались и въ нашей литературѣ. Тогда-то возстали противъ Карамзина... Но прошло и это время: теперь всѣ понимаютъ, что не Карамзинъ виноватъ, если его поклонники приписали ему больше, чѣмъ онъ сдѣлалъ, видѣли въ немъ что-то большее, нежели то, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, что вопросъ не въ томъ, чего не сдѣлалъ Карамзинъ, а въ томъ, что онъ сдѣлалъ, и что не его была вина, если онъ рано родился и образовался подъ вліяніемъ литературныхъ идей прошлаго вѣка; теперь у Карамзина нѣтъ ни ослѣпленныхъ друзей, ни ожесточенныхъ враговъ—теперь для него настало потомство, безпристрастное, спокойное, уважающее славное имя, цѣнящее его заслуги, давшее ему почетное мѣсто въ исторіи литературы и общественности. Явился Пушкинъ,—и встрѣча, сдѣланная ему, была уже совсѣмъ не то, что встрѣча Карамзину: восторгъ и негодованіе, любовь и ненависть были тутъ значительно глубже и сильнѣе. Одни только что не клялись именемъ Пушкина; другіе, слыша его, только что не зажимали съ благочестивымъ ужасомъ ушей своихъ. Битвы были ожесточенныя и упорныя, а вопросъ еще и теперь не рѣшенъ! Уже нѣсколько поколѣній произнесли судъ свой надъ Пушкинымъ, а потомство для Пушкина все еще не настало... Элементы нашей эпохи такъ многосложны и спутаны, вопросы такъ глубоко жизненны, что много надо пережить, перечувствовать и перемыслить, чтобы рѣшать ихъ: это дѣло времени и жизни—безъ нихъ люди ничего не сдѣлаютъ. Еще не рѣшился вопросъ о Пушкинѣ, и уже сколько новыхъ вопросовъ возникло, и возникло не изъ книгъ, какъ они возникали прежде, а изъ живыхъ явленій!.. И развѣ эти непрерывные толки и споры въ обществѣ о „Мертвыхъ Душахъ“, эти восторженные похвалы и ожесточенныя брани въ журналахъ, возбуждаемая новымъ твореніемъ Гоголя,—развѣ это не живое явленіе, и развѣ это не вопросъ, столько же литературный, сколько и общественный?.. Мало того: развѣ весь этотъ шумъ и всѣ эти крики — не результатъ столкновенія старыхъ началъ съ новыми; развѣ они — не битва двухъ эпохъ?.. Все, что является и успѣваетъ съ перваго разу,

встрѣчаемое и провожаемое безусловной похвалой, все это не можетъ быть важнымъ и великимъ фактомъ: важно и велико только то, что раздѣляетъ мнѣнія и голоса людей, что мучаетъ и растетъ въ борьбѣ, что утверждается живой побѣдой надъ живымъ сопротивленіемъ. Полагать причиной этого сопротивленія одну зависть къ успѣху и къ генію—значило бы слишкомъ ограниченно смотрѣть на дѣло: то сшибка духовъ времени, то борьба старыхъ началъ съ новыми! Человѣкъ только до извѣстнаго возраста своей жизни обладаетъ способностью умственного движенія впередъ; разъ утвердившись въ извѣстномъ образѣ мыслей, по достиженіи извѣстнаго возраста онъ дѣлается слѣпъ и глухъ для всякой новой истины и видитъ въ ней ложь и несчастье. Только сильные духомъ могутъ отрывать отъ ученій, въ которыхъ возросли и укрѣпились; но и для нихъ это движеніе сопряжено бываетъ съ тяжелымъ трудомъ, съ потрясеніемъ всего нравственнаго существованія ихъ. Цѣлое общество видѣло высочайшій идеалъ поэзіи въ трагедіяхъ Корнеля и Расина, съ малолѣтства заучивало наизусть стихи ихъ, восторгъ свой къ этимъ поэтамъ довело до обожанія, уваженіе—до піэтического благоговѣнія, — и вдругъ этому-то обществу говорятъ, что ихъ поэты—не поэты, а только изящные риторы, что въ образцовыхъ ихъ трагедіяхъ нѣтъ ни характеровъ, ни образовъ, ни людей, ни игры страстей и чувствъ, ни глубокихъ идей, словомъ, никакой дѣйствительности, и что наконецъ идеалъ великаго драматурга осуществился въ Шекспирѣ, котораго оно, это общество, привыкло считать пьянымъ дикаремъ, вдохновеннымъ невѣждой!... Повѣрить на слово общество не могло, понять—еще менѣе; слѣдовательно оставалось сознаться, что или оно всю жизнь свою обманывалась, или что оно не въ силахъ понять то, въ чемъ его увѣряютъ. Но это выше природы человѣческой; большей части людей легче понять непонятное ему, чѣмъ сознаться въ своей неспособности понимать. Однакожъ между молодыми людьми, которыхъ духъ новой жизни засталъ еще свѣжими, свободными и способными къ его принятію, являются смѣлые поборники новыхъ идей. И вотъ завязывается борьба; время идетъ, старые ратники выбываютъ изъ рядовъ, молодые прибываютъ, и лѣвая сто-

рона является правой, а въ центрѣ остается двусмысленная изгарь двухъ мнѣній, люди полумѣръ, люди ни то, ни се... И потомъ опять такая же исторія, -- и изъ этихъ то исторій составляется исторія развитія человѣчества, народовъ и обществъ.

Такую задачу въ отношеніи къ русской литературѣ со стороны критики мы хотѣли было предположить себѣ, начавъ писать статью о критикѣ; но такая статья могла бы слишкомъ далеко завлечь насъ. Однакожъ мы рѣшились приготовить на этотъ предметъ особую статью и перенести ее изъ отдѣла критики въ отдѣлъ наукъ. Тутъ будетъ цѣлая исторія русской литературы, обзорѣнная съ новой ея стороны, на которую еще никто не обращалъ вниманія — со стороны развитія литературныхъ, нравственныхъ и общественныхъ началъ. Статья эта будетъ помѣщена въ одной изъ первыхъ книжекъ „Отечественныхъ Записокъ“ на 1843 годъ. Мы не будемъ въ ней повторять уже сказаннаго въ статьяхъ о „Критикѣ“, и начнемъ прямо съ того, что непосредственно должно слѣдовать за Сумароковымъ, взглядомъ на котораго мы кончили нашу вторую статью о критикѣ. Теперь же возвратимся на предметъ болѣе близкій къ содержанію рѣчи Никитенко, подавшей поводъ къ этимъ тремъ статьямъ. Въ первой статьѣ мы говорили, что такое критика вообще и чѣмъ она должна быть въ наше время. Здѣсь поговоримъ о томъ, какова бываетъ иногда критика. Не знаемъ, увидятъ ли читатели въ нашихъ словахъ характеристику современной русской критики; но во всякомъ случаѣ мы никого не назовемъ, ни на кого не укажемъ: пусть дѣло говоритъ само за себя, пусть другіе ищутъ въ нашихъ словахъ, кому кого угодно, а мы будемъ говорить вообще, ни къ кому не относя, ни къ кому не примѣняя... Предметомъ нашихъ разсужденій будетъ уклоненіе критики отъ идеала критики...

Читатели „Отечественныхъ Записокъ“ не могли не замѣтить, что критика этого журнала рѣзко отличается отъ критики всѣхъ другихъ журналовъ. — своими началами, и своимъ характеромъ, и даже самымъ языкомъ. Враги „Отечественныхъ Записокъ“ ставили и ставятъ имъ это въ величайшій недостатокъ; другіе же находятъ это большимъ достоинствомъ. Намъ

скажутъ: никто въ собственномъ дѣлѣ судьей быть не можетъ, и только публика имѣетъ право приговора въ пользу достоинства критики журнала... Согласны; но развѣ мы хвалимъ собственную критику? — Отнюдь нѣтъ; мы только говоримъ, что она—особенная критика въ современной русской литературѣ, что она не имѣетъ ничего общаго съ критикой другихъ современныхъ журналовъ. А это также можно почесть порицаніемъ, какъ и похвалой. Гдѣ жъ тутъ самохвальство? Тутъ только фактъ, въ вѣрности котораго согласны и друзья, и враги наши.

Критика можетъ раздѣляться на разные роды, по ея отношеніямъ къ самой себѣ; но не то теперь въ виду у насъ. По отношенію же критики къ лицамъ, занимающимся ею, прежде всего должно раздѣлить ее на критику искреннюю, добросовѣстную, критику по убѣжденію, по началу, и на критику по расчету, критику торговую. Последняя всегда ложна, потому что еслибъ она иногда и находила для себя выгоднымъ обмолвиться истиной, — эта истина все-таки не относилась бы къ высокимъ предметамъ человѣческаго сознанія, а ограничивалась бы только, и то не всегда, умнымъ взглядомъ на нѣкоторыя стороны практическихъ предметовъ, въ то же время парализуя себя всякими неправдами, всякой ложью и всяческими противорѣчіями. Въ злохудожную душу не внидетъ премудрость! Что касается до критики искренней, критики по убѣжденію, — ее не всегда можно принимать за одно съ критикой истинной: убѣжденіе и истина — не одно и то же: это два отдѣльные и самобытные начала, которые могутъ быть сильны только во взаимномъ проникновеніи, но которые часто являются каждое самимъ по себѣ, и потому каждое безсильнымъ и бесплоднымъ. Хотя въ наше время примѣры религіознаго фанатизма и рѣдки, однако и въ наше время могутъ существовать люди, которые отъ души убѣждены, что аутодафэ—вещь необходимая для спасенія душъ. Такое убѣжденіе можетъ быть и сильно, и глубоко, и безкорыстно; но тѣмъ не менѣе оно ложно. Притомъ же въ дѣлѣ убѣжденій должно обращать вниманіе на источникъ убѣжденія. Иногда случается такъ: какой-нибудь господинъ найдетъ и безопаснымъ, и выгоднымъ для себя поддерживать извѣстную мысль, которая

притомъ ни для кого не новость. И вотъ онъ начинаетъ съ того, что выдаетъ эту мысль за великое открытіе, за неслышанную новость; подводитъ подъ нее всѣ факты, и которые нейдутъ подъ нее, — онъ ихъ гнетъ, колотитъ, уродуетъ; вырабатываетъ себѣ странный и дикій языкъ, вопить о своемъ безкорыстіи, патріотизмѣ, о своей пламенной любви къ народности. Надъ нимъ начинаютъ смѣяться, доказываютъ ему, что мысль его и не нова, и односторонняя, что гораздо прежде его было много охотниковъ выѣзжать на ней; что языкъ его, вмѣсто народности, отзывается цинизмомъ, тономъ извозчиковъ и замашками Кутейкина (дѣйствующее лицо въ „Недоросль“ Фонвизина); что патріотизмъ его пока еще одно хвастовство, ибо патріотизмъ, чей бы то ни былъ, доказывается не словами, а дѣлами, что титуло патріота дается гражданину народомъ и исторіей, а не самозванствомъ; что народность его — не таинственная психія народной жизни, а грязь съ торговой площади... Все это, разумѣется, раздражаетъ господина сочинителя; самолюбіе его оскорбляется, желаніе оправдаться возбуждаетъ въ немъ потребность самому убѣдиться въ собственныхъ убѣжденіяхъ. Эту потребность, возбужденную жадой вещественныхъ выгодъ и оскорбленнымъ самолюбіемъ, онъ принимаетъ въ себѣ за убѣжденіе и оканчиваетъ тѣмъ, что дѣйствительно дѣлается фанатическимъ послѣдователемъ наудачу и по расчету избраннаго ученія, и на немъ оправдывается французская пословица: *à force de forger on devient forgeron*. И вотъ онъ глубже и глубже тонетъ въ тинѣ своихъ дикихъ убѣжденій; неудача раздражаетъ его энергію, энергія его переходитъ въ фанатизмъ; — и горе было бы людямъ, еслибъ онъ имѣлъ возможность проявлять свое убѣжденіе не однимъ гусинымъ перомъ... Но перо его не страшно; сначала оно можетъ озадачить толпу, которая всегда отступаетъ передъ силой какой бы то ни было силой убѣжденія или фанатизма — все равно. Но это не надолго: толпа не всегда чутка на ложь и истину съ перваго раза; когда же пройдетъ ея первое изумленіе, она, иногда молча и безсознательно, рѣшитъ дѣло лучше всякаго ученаго и философа. Дѣло тутъ въ томъ, что надъ обществомъ имѣютъ прочную власть только идеи, а не слова; свойство же и существенное

отличіе идеи отъ всего, что не есть идея, состоитъ въ томъ, что она движется, идетъ впередъ, — словомъ, развивается; а нашъ „патріотъ“ твердитъ все одно и то же, одними и тѣми же словами; высказавшись весь въ первой статьѣ своей, окъ въ тысячѣ слѣдующихъ за ней только повторяетъ собственные зады свои... Сверхъ того, не имѣя никакого внутренняго созерцанія, изъ котораго выходила бы его система, ничего не зная основательно, не опираясь на современную науку, лишенный всякаго инстинкта истины и всякаго такта выраженія, — онъ впадаетъ въ нелѣпости, до которыхъ впрочемъ доходитъ послѣдовательно, логически, ибо онѣ лежатъ въ самомъ основаніи его нелѣпаго ученія. Онъ утверждаетъ напримѣръ, что образованность высшихъ и среднихъ классовъ общества — мишура, что національная мудрость хранится въ черни, что дѣти даже людей высшаго общества должны учиться отечественному языку въ избахъ мужиковъ, у ростовскихъ огородниковъ и рыбныхъ торговыхъ... Съ публикой онъ объясняется языкомъ гостиннодворскихъ сидѣльцевъ, почитая это и оригинальнымъ, и национальнымъ... Онъ набираетъ себѣ извѣстное число прозелитовъ — бездарныхъ людей, которые, за рѣшительной неспособностью выдумать что-нибудь свое, готовы повѣрить на-слово всякому, у кого горло широко, и которыхъ между тѣмъ мучитъ демонъ кропанья стиховъ и прозы. Сюда же присоединяются старые писаки, которые и въ свое время только смѣшили публику своимъ авторствомъ, своими мадригалами, трагедіями, романами, дѣтскими нравоучительными книжонками и азбуками. „Патріотъ“ радъ ихъ даровымъ статьямъ, ихъ бездарному досужеству, ихъ готовности вторить его голосу: онъ одобряетъ ихъ, хвалитъ, ссылается на ихъ дикія и неслыханныя имена въ статьяхъ своихъ: какъ такой-то (имя рекъ) сказалъ, этакой-то выразился, см стр. такую-то... Бѣдняки, рыцари печальнаго образа, радѣхоньки, что имъ есть куда сбрасывать все, чѣмъ удастся имъ разрѣшиться, — пишутъ съ плеча статью за статьей, хвалятъ старину и другъ друга, бранятъ все новое и даровитое, геній называютъ злодѣйствомъ, талантъ — развратомъ, а выбранныя изъ дѣтскихъ прописей сентенціи — чистѣйшей нравственностью. Тутъ являются свои геніи, свои таланты по преимуществу, обыкновенно

человѣкъ пятокъ: эти всегда впереди, остальные за ними... Но, увы! ничто не поможетъ нашему „критику“: надъ его журналомъ и его статьями уже не смѣются даже, вовсе забывъ о ихъ существованіи... „Критикъ“ прибѣгаетъ къ послѣднему средству: прежде онъ только и дѣлалъ, что стрѣлялъ холостыми зарядами по журналу, котораго мнѣнія и успѣхъ въ публикѣ не давали ему спокойно заснуть и изъ котораго онъ сдѣлалъ себѣ какую-то мишень, не догадываясь въ своей слѣпотѣ и ограниченности, что онъ этимъ еще болѣе возвышаетъ чужой журналъ; теперь онъ самъ пишетъ огромныя письма къ самому себѣ (разумѣется, подъ вымышленнымъ именемъ), разбираетъ въ нихъ собственный журналъ и собственные статьи, удивляется собственному краснорѣчію, глупости своихъ идей, благоговѣтъ передъ своимъ геніемъ, своей ученостью и торжествуетъ мнимыя побѣды надъ враждебными журналами и враждебными мнѣніями... Но, увы! — и это не помогаетъ: письма остаются не разрѣзанными и не прочитанными, а о самомъ журналѣ пропадаетъ и слухъ... Туда ему и дорога!...

Есть еще одного рода убѣжденіе, сходное съ тѣмъ, которое мы описали, но разнящееся отъ него какой-то наивной добросовѣстностью: это убѣжденіе посредственности, убѣжденіе въ томъ, что она—талантъ, и что ей только по зависти не отдають должной справедливости. Чтобъ доказать міру несправедливость враговъ своихъ, наивная посредственность рѣшается иногда — издавать журналъ. Это особенно часто бываетъ въ Германіи, гдѣ такъ много филистеровъ и такъ много пишущихъ гофратовъ. Въ одной нѣмецкой газетѣ мы недавно прочли объ одномъ изъ такихъ господъ слѣдующее. Добрякъ принялся издавать журналъ „Меня, говорилъ онъ своимъ знакомымъ, ругали — теперь я буду ругать“. А его совѣмъ и не ругали; просто о немъ молчали — это-то было ему всего досаднѣе. Правда, когда-то было кой-гдѣ замѣчено, что его поэмы и романы плохи; но какъ вся эта дрянь была имъ написана давно, то о немъ уже и забыли. Впрочемъ онъ вкусилъ и сладость печатной похвалы: филистерскіе журналы объявили его пріятнымъ и моральнымъ писателемъ и особенно остались довольны его слогомъ, дѣйствительно столь же глад-

кимъ, сколь и безсмысленнымъ; только одинъ изъ рьяныхъ молодыхъ критиковъ, съ юношеской опрометчивостью, напалъ и на филистерскіе журналы, и на сочинителя. Съ тѣхъ поръ столько прошло времени, что рьяный крикунъ забылъ и сочинителя-гофрата, и многія изъ собственныхъ журнальныхъ статей. Каково же было его удивленіе, когда въ новомъ журналѣ онъ увидѣлъ выписки изъ своихъ старыхъ статей, выписки съ разными примѣчаніями которыя еще были сдобрены солидными остротами! Онъ прочелъ и выписки изъ своихъ статей, и остроумныя противъ нихъ выходки—и добродушно посмѣялся надъ тѣми и другими... А издатель неугомонно продолжалъ ратовать противъ всего талантливаго, хваля посредственность и самого себя, пока не уговорилъ своего журнала (ибо самъ былъ едва ли не единственнымъ своимъ подписчикомъ и читателемъ)... Въ Германіи такое явленіе—не диковинка, а потому надъ нимъ даже и не смѣялись; оно прошло само собой, подобно мыльному пузырю, лопнувшему на воздухѣ. Но можно поручиться, что этимъ не кончатся затѣи добряка; самолюбіе посредственныхъ писакъ неугомонно: лопнулъ свой журналъ, а чужіе не примутъ его статей,—тогда остаются брошюры. Итакъ—до могилы! А все отъ наивнаго убѣжденія въ своемъ талантѣ и въ зависти къ нему враговъ...

Вообще объ ограниченныхъ людяхъ съ убѣжденіями можно составить цѣлую книгу, которая была бы интереснымъ психологическимъ сочиненіемъ. Главное различіе между даровитыми и умными людьми съ убѣжденіями и между посредственностями съ убѣжденіями состоитъ въ томъ, что убѣжденія первыхъ выходятъ изъ истины, а убѣжденія вторыхъ—изъ мелкаго и раздражительнаго самолюбія. Человѣкъ съ умомъ всегда подверженъ сомнѣніямъ, которыя часто охлаждають и ослабляютъ жаръ и энергію его убѣжденій; люди посредственные свято вѣруютъ во всякій вздоръ, потому только, что этотъ вздоръ вышелъ изъ ихъ головы. Чудаки эти часто не подозреваютъ, что и вздоръ-то, поддерживаемый ими, не ихъ, а навѣянъ на нихъ другими, которые имѣютъ свои виды на вздоръ извѣстнаго рода и на добродушное усердіе простаковъ, готовыхъ отъ души ратовать за чужое

мнѣніе, за которое ловко умѣли заставить ихъ уцѣпиться, какъ будто за ихъ собственное. Такъ иной патріотъ, нажившій въ тихомолку разными „патріотическими“ средствами „индѣекъ малую толику“, приберетъ себѣ журнальнаго работника, да изъ за его дюжого въ работѣ плеча обдѣлываетъ поменьшку свои дѣлишки, взявъ на себя только трудъ говорить отъ времени до времени, что онъ готовъ умереть за свое родное, и что онъ съ головы до ногъ — „патріотъ“. А простакъ работаетъ, какъ волъ, изъ одного безкорыстнаго стремленія обобщить свои идеи о томъ, что гдѣ много просвѣщенія, тамъ все гніетъ, и что нравы праотцевъ лучше всякой заморской мудрости. Однакожь этотъ простакъ бываетъ иногда не очень добръ и часто обнаруживаетъ придирчивую взыскательность, — это съ нимъ случается всякій разъ, когда задѣнутъ его авторское самолюбіе или его педантическій догматизмъ. Во всемъ остальномъ это добрейшій человекъ; похвалите его, согласитесь съ нимъ въ его мнѣніяхъ, — онъ произведетъ васъ въ геніи. Это ему такъ легко, ибо у него нѣтъ никакихъ началъ: его мыслью управляютъ слова, а не мысли словами. Слова же его — это образецъ пухлага безсмыслія, изысканныхъ фразъ. Если онъ давно пишетъ (особенно, если еще чему-нибудь учился, знаетъ языки и много читалъ), онъ набиваетъ руку и пріобрѣтаетъ способность много и скоро писать обо всемъ, и притомъ такъ, что въ его писаніи есть какая-то оригинальность, какой то блескъ выраженія. Но это оригинальность искусственная, это блескъ фольги. Прочтете — и не помните, что и о чемъ вы прочли. Особенно поражаетъ васъ въ его слогѣ искусство перефразированія: одна и та же мысль, и притомъ простая и пустая, какъ напр. то, что деревянные столы дѣлаются изъ дерева, одна и та же мысль тянется у него длинной вереницей предложеній, періодовъ, троповъ, фигуръ; онъ переворачиваетъ ее съ боку на бокъ, плодитъ ее на цѣлыхъ страницахъ и пересыпаетъ многоточіями. Все у него такъ кудряво, во всемъ такое изобиліе эпитетовъ, амплификацій, что неопытный читатель дивится этой живописности, этой рельефности, этимъ разноцвѣтнымъ и блестящимъ переливамъ слога, — и его очарованіе только тогда исчезнетъ, когда онъ задастъ себѣ вопросъ о содержаніи бойко и затѣй-

ливо написанной статьи: ибо вмѣсто всякаго содержанія онъ замѣчаетъ, къ удивленію своему, только одно пухлое самолюбіе и однѣ пухлыя слова и фразы. Это особенно часто является на Западѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Западъ началъ гнить; у насъ, на Руси, гдѣ еще писательство не обратилось въ привычку, такія явленія пока еще едва ли возможны.

Вообще убѣжденія людей посредственныхъ, невѣжественныхъ и ограниченныхъ представляютъ собой картину столько же смѣшную, сколько и жалкую. Они почти всегда оканчиваютъ рѣшительнымъ неуспѣхомъ и совершеннымъ отчаяніемъ. Не такое зрѣлище представляютъ собой люди ловкіе, но безъ всякихъ убѣжденій, критики не по призванію, а по нуждѣ или по расчету. Этимъ большей частью хорошо везетъ, особенно, если они умѣютъ во время остановиться, кстати замолчать. Но здѣсь-то они обыкновенно и попадаютъ въ сѣти своего чернаго демона. Привычка управлять мнѣніемъ довѣряющей имъ части публики такъ вкореняется въ нихъ, что дѣлается равносильной страстью жадѣ пріобрѣтенія. Это ихъ заставляетъ всю жизнь повторять одно и то же, т. е. кричать о своихъ заслугахъ, о своей народности, о зависти, невѣжествѣ, злобѣ и безталантности своихъ враговъ, о своей готовности умереть за истину (на бумагѣ), о томъ, что кто не писалъ самъ романа, тотъ не имѣетъ права судить о чужихъ романахъ... Какъ это не надоѣстъ имъ самимъ! Тактика ихъ очень проста и (до поры до времени) очень вѣрна; они льстятъ публикѣ, величая ее „почтеннѣйшей и милостивой государыней“ (въ харчевняхъ такая галантерейность обращенія, говорятъ, въ большомъ ходу), и главное — хвалятъ себя безъ стыда и совѣсти. Одну и ту же книгу они и разбранятъ, и расхвалятъ, и потомъ опять разбранятъ и расхвалятъ, смотря по тому, что найдутъ въ книгѣ... Если ихъ уличатъ въ противорѣчій, они ссылаются или на сотрудника, котораго, будто-бы, не считаютъ себя вправѣ стѣснять въ убѣжденіяхъ, или говорятъ, что ихъ листокъ даетъ мѣсто всѣмъ мнѣніямъ, не отвѣчая ни за одно. При томъ же они очень хорошо знаютъ, что журнальные листы живутъ одинъ день и завтра забываются: такъ гдѣ же публикѣ помнить всѣ

противорѣчія и всѣ продѣлки его издателей! До убѣжденій, до началъ имъ нѣтъ дѣла: они знаютъ—будетъ день, будетъ и хлѣбъ. И потому у нихъ что день, то новыя убѣжденія. Въ одномъ только вѣрны они себѣ — во враждѣ ко всякому успѣху, въ которомъ они не участники—и къ матеріальному, и къ умственному. Талантовъ они не любятъ по инстинкту, ибо сами богаты только звонкими ходячими талантами. Все это опять обыкновенное явленіе на Западѣ, гдѣ ежедневная журналистика сосредоточила въ себѣ всѣ интересы современной жизни. Тамъ даже бываютъ такіе газетёры, которые, прочтя въ другомъ журналѣ что-нибудь о литературныхъ плутняхъ, сейчасъ же пишутъ возраженія и нападаютъ на дурной обычай употреблять личности. Успѣхъ книги они обыкновенно измѣряютъ ея расходомъ; нападая на другой журналъ, всегда считаютъ по пальцамъ его подписчиковъ. Если имъ нѣкогда удалось поддѣть публику какими-нибудь шарлатанскими сочиненіями, то они такъ и колютъ глаза людямъ, которые ничего не издали отдѣльно, лишая ихъ за это права писать въ журналахъ. Имъ нужды нѣтъ, что ихъ книги давно уже забыты: они тѣмъ громче кричатъ о своихъ заслугахъ, зная, что не всякій читатель захочетъ справляться насчетъ достоинства ихъ писаній. Но какъ же, спросятъ насъ, они такъ долго могутъ держаться? Очень просто: люди сметливые, они во время затѣяли изданіе, въ которомъ была нужда; прежде, чѣмъ публика ихъ разгадала, изданіе ихъ получило ходъ, а соперниковъ не являлось, потому что за границей основаніе новаго изданія очень трудно, въ денежномъ отношеніи.

Это промышленники мелкіе. Ихъ критика — фельетонная, мелочная; она состоитъ больше въ объявленіи о новыхъ книгахъ съ приличными возгласами. Но бываютъ промышленники *en grand*, промышленники оптовые. Этимъ для успѣха нужна не одна ловкость и изворотливость, но и умъ и способности, если не талантъ. Мелкая изворотливость имъ нужна только для зазыва публики въ ихъ олимпійскій циркъ съ великолѣпными представленіями на лошадахъ и съ фейерверками; но тутъ имъ можетъ помочь какая-нибудь пріятельская газета, которая закричитъ: „кто не подпишется, тотъ не любитъ отечественной литературы“. Но вотъ великое дѣло совершено

съ успѣхомъ; тысячи подписчиковъ жаждутъ читать новый журналъ — неслыханное чудо, невиданное диво въ мірѣ журналистики. Любопытно знать, какъ и чѣмъ оправдаетъ новый журналъ возбужденныя имъ безмѣрныя ожиданія въ публикѣ, какъ и чѣмъ упрочить онъ свое существованіе на будущее время. Разумѣется, критикой, которая есть душа всякаго журнала. Въ чемъ же будетъ состоять направленіе новой критики, какой будетъ ея отличительный характеръ?— Нашъ журналистъ человѣкъ умный: онъ знаетъ, что надо блеснуть новизной, надо быть оригинальнымъ, надо озадачить. И вотъ онъ полагаетъ въ основу своей критики скептицизмъ и насмѣшку. На что же устремлены его скептицизмъ и насмѣшка?— На все, о чемъ ни говоритъ онъ, на все, чѣмъ не великъ міръ науки, мысли, искусства. Онъ понимаетъ, что скептицизмъ— самая лучшая удочка для уловленія толпы. Простодушная, она обыкновенно удивляется тому, кто, много зная (т. е. обо многомъ говоря съ увѣренностью), ничему не вѣрить и все считаетъ за вздоръ. Насмѣшка ее забавляетъ, не давая ей труда мыслить и вникать въ сущность дѣла. Толпа притомъ самолюбива; она низко кланяется гению, таланту, всякому роду нравственного превосходства; но отъ этихъ поклоновъ втайнѣ страждетъ ея самолюбіе; ей непріятно думать, что надъ ней такъ высоко стоятъ нѣсколько выскочекъ, что эти выскочки высшей натуры, что они— аристократы человѣчества, а она, бѣдная толпа, представляетъ собой простой народъ, *plebs*. Надо подслужиться ей, надо польстить ея тайной думѣ, которой она не смѣетъ высказать, надо говорить ей, что все хорошо только издали, что славны бубны за горами, что все великое велико только условно. И вотъ— въ новомъ журналѣ является біографія за біографіей, но совсѣмъ не вродѣ Плутарховыхъ „жизнеописаній великихъ мужей“. Простодушный и возвышенный грекъ видѣлъ въ своихъ великихъ мужахъ проявленіе на землѣ божественнаго начала, торжество и славу человѣческаго духа, красу и утѣшеніе человѣчества. Онъ не скрывалъ отъ читателя темныхъ сторонъ своихъ героевъ, ибо зналъ, что безъ этихъ сторонъ они были бы не людьми, а призраками; онъ отыскивалъ силу въ слабости, разумъ— въ ограниченности, добродѣтель— въ борьбѣ со стра-

стями, — такъ какъ все это является въ самой дѣйствительности и какъ слѣдственно иначе являться не можетъ. Нашъ біографъ отправился отъ противоположной точки воззрѣнія: онъ отыскивалъ эгоизмъ въ самопожертвованіи, заблужденіе — въ истинѣ, глупость и тщеславіе — въ добродѣтели. Великіе люди у него явились и завистниками, и интриганамъ, и пролазами, и эгоистамъ, и невѣждамъ, и негодяямъ; онъ искусно умѣлъ отгнать ихъ этими качествами такъ, что изъ-за этихъ качествъ не видно стало великихъ людей. Когда же сами факты слишкомъ противорѣчили его уже черезчуръ субъективнымъ воззрѣніямъ на великое въ мірѣ, онъ — смѣло ломалъ дѣйствительность фактовъ, выворачивалъ ихъ наизнанку или, опираясь на свою мнимую ученость, выдумывалъ небывалые факты или отрицалъ дѣйствительность извѣстныхъ и доказанныхъ, ссылаясь на какія-нибудь небывалыя новыя сочиненія. И вотъ толпа обрадовалась, что ей все по плечу, что она нисколько не хуже, нисколько не ниже своихъ бывшихъ идоловъ, которые велики, только благодаря прихоти ваятелей, давшихъ имъ колоссальныя размѣры. Славный журналъ! толпа читаетъ и не нахвалится!.. Но не одинъ этимъ ее тѣшатъ. Ей доказываютъ, что наука — вздоръ, изобрѣтеніе педантовъ, что разумъ, которымъ гордится человѣчество, есть не что иное, какъ обманщикъ человѣчества, который водитъ его за носъ; что система выдумана школярами, чтобъ затемнить истину, что можно все знать, ничему не учась и только читая журналъ, въ которомъ проповѣдуются такія удобоприложимыя къ жизни начала; что философы — шарлатаны, что самъ Сократъ былъ тонкій плутъ, морочившій аѳинянъ своимъ демономъ, и пр. „Эге, ге! — говорила толпа, лукаво посвистывая, — такъ вотъ оно какъ! ай-да молодецъ! славно, ну!“ Но толпа не можетъ жить безъ геніевъ: отсутствіе геніевъ такъ же оскорбляетъ ея самолюбіе, какъ и ихъ превосходство передъ ней. Ловкій критикъ-скептикъ понимаетъ это. И вотъ онъ дѣлаетъ своихъ геніевъ, выдавая патенты на геніальность своимъ клеветамъ, разной посредственности. Эту ему и легко, и весело: онъ ихъ и жалуется, и разжальчиваетъ по своей волѣ; а они его трепещутъ, пишутъ по его заказамъ, работаютъ съ плеча, — и романамъ, повѣстямъ, драмамъ конца

нѣтъ... Толпѣ любви эти гении, съ которыми она можетъ обходиться за панибрата, которые велики, знамениты, славны и въ то же время скромны и никого не могутъ оскорбить своимъ превосходствомъ; которые сочиняютъ славно, а назваться не смѣютъ, вѣдая, что съ ними церемониться не будутъ, какъ съ тѣми деревянными божками, которымъ буряты кланяются и приносятъ жертвы во время ведра, и которыхъ они же нещадно сѣкутъ во время ненастья. Все истинно великое, истинно даровитое критикъ хвалитъ только по отношеніямъ, когда отъ этого есть польза его журналу; но и тутъ онъ хвалитъ такъ двусмысленно, что не разберешь, шутитъ онъ или говоритъ серьезно, бранитъ или хвалитъ. Тѣ же таланты, которые гордо презираютъ и его бранью, и его лестью, онъ неослабно преслѣдуетъ и намеками, и явной бранью. Ему это такъ легко, онъ такъ смѣлъ и рѣшителенъ... Разбирая книгу, онъ выдастъ собственное сочиненіе за выписку изъ разбираемой книги и скажетъ: „смотрите, какъ глупо!“ Онъ же къ этому мастеръ смѣшить толпу,—а кто хохочетъ, тотъ побѣжденъ; тому некогда ни подумать, ни навести справки. Все это для критика-скептика очень хорошо: журналъ его цвѣтетъ, имя его пользуется извѣстностью, благосостояніе утверждено. Но высшая точка успѣха часто бываетъ опасна; кому нельзя идти выше, тотъ часто летитъ внизъ... Толпа—предатель, толпа не умираетъ, какъ человѣкъ; ея выбылые ряды безпрестанно замѣняются новыми, свѣжими лицами, которыя требуютъ новаго и находятъ пошлымъ повтореніе стараго. Нашъ же журналистъ-скептикъ поневолѣ долженъ ограничиться повтореніемъ одного и того же, ибо только одна истина неистощима въ своемъ развитіи и, пребывая самой собой, одной и той же, всегда является въ своемъ развитіи новой и оригинальной. И благо скептическому критику, если онъ съумѣетъ остановиться во время, и будетъ забыть, не напоминая о себѣ! изъ всѣхъ родовъ забвенія самый унижительный для человѣка тотъ, когда онъ еще твердитъ о себѣ, а о немъ уже забыли. Не помогутъ тогда ему никакіе фокусы-покусы, и его журналъ падетъ, какъ ни вспрыскивай его мертвой и живой водой позднихъ преобразованій и улучшеній, какъ ни призывай себѣ на помощь и на поддержку неопытныхъ спекулянтовъ...

Скептицизмъ — слово великое и слово пошлѣе, смотря по тому, какъ его понимаютъ. Скептицизмъ никогда не бываетъ самъ себѣ цѣль, и не въ немъ удовлетвореніе стремленій и порываній духа, жаждущаго знанія! Глупцы и люди ограниченные всему вѣрятъ, потому что не могутъ ничего изслѣдовать. Люди глубокиѣ — скептики по натурѣ; но скептицизмъ такихъ людей есть признакъ души, жаждущей знанія, а не холоднаго отрицанія. Чѣмъ больше любить человѣкъ истину, тѣмъ внимательнѣе ее изслѣдуетъ, тѣмъ осторожнѣе ее принимаетъ. Онъ вѣритъ въ достоинство истины, вѣритъ въ непреложность ея существованія: но онъ не вѣритъ на слово людямъ, занимавшимся изслѣдованіемъ истины, ибо знаетъ, что человѣкъ и истина — не одно и то же; но онъ не вѣритъ безусловно и самому себѣ, ибо знаетъ, что его, какъ человека, можетъ обманывать и привычка, и непосредственность, и чувство, и его собственный умъ. Скептицизмъ такихъ людей не отрицаетъ истины, а отрицаетъ только то, что можетъ быть примѣшано людьми къ истинѣ ложнаго и ограниченаго. Во времена переходныя, во времена гніенія и разложенія устарѣвшихъ стихій общества, когда для людей бываетъ одно прошедшее, уже отжившее свою жизнь, и еще не наставшее будущее, а настоящаго нѣтъ, — въ такія времена скептицизмъ овладѣваетъ всѣми умами, дѣлается болѣзнью эпохи. Истинный скептицизмъ заставляетъ страдать, ибо скептицизмъ есть неудовлетворяемое стремленіе къ истинѣ, и слѣдовательно — болѣзнь, какъ голодъ и жажда, не нормальное состояніе, средство, а не цѣль. Только умы мелкіе, души ничтожныя щеголяютъ скептицизмомъ, какъ моднымъ платьемъ, хвалятся имъ, какъ заслугой. Только маленькіе великіе люди, фокусники и потѣшники праздноѣ толпы, только они сомнѣваются во всемъ легко и весело, забавляясь, а не страдая... И что за заслуга — надъ всѣмъ смѣяться и все бранить — и науку, и разумъ, и искусство? Это значитъ не быть умнымъ и великимъ.

Обращаясь отъ этихъ общихъ понятій снова къ русской критикѣ, мы вмѣстѣ съ краснорѣчивымъ профессоромъ, подавшимъ намъ своей прекрасной рѣчью поводъ ко всѣмъ этимъ разсужденіямъ, желаемъ ей, т. е. русской критикѣ „больше любви къ искусству и больше уваженія къ самой себѣ!“

НИЧТО О НИЧЕМЪ.

ИЛИ ОТЧЕТЪ ИЗДАТЕЛЮ „ТЕЛЕСКОПА“ ЗА ПОСЛѢДНЕЕ ПОЛУГОДИЕ (1835)
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Вы обязали меня сдѣлать легкій и короткій обзоръ хода нашей литературы во время вашего пребыванія за-границей и привели меня тѣмъ въ крайнее затрудненіе. Развѣ вамъ не извѣстно, что „ничто не ново подъ луной“? Какихъ же хотите вы новостей отъ русской литературы, и въ такой короткій періодъ ея существованія? „Тѣмъ лучше для васъ, тѣмъ меньше вамъ труда“, скажете вы. Нѣтъ, вы не правы: отъ этого мнѣ не только не легче, но предстоитъ истинно геркулесовскій подвигъ: я долженъ написать статью, а изъ чего я вамъ напишу ее, о чемъ буду повѣствовать вамъ въ ней? О ничемъ?... Итакъ, надо сдѣлать чтонибудь изъ ничего? — Помните ли вы, какъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ писателей, изъ первостатейныхъ геніевъ, угомонилъ на смерть свою литературную славу тѣмъ, что вздумалъ писать о ничемъ и весь вылился въ ничто?.. Конечно я не пользуюсь литературной славой и слѣдовательно не подвергаюсь опасности посадить ее на мель рокового ничто; но у меня другой страхъ, и очень основательный. Если я не пользуюсь ни тѣнью той лучезарной славы, которой сіялъ нѣкогда помѣнутый великій писатель, то вмѣстѣ не имѣю и искры его генія, который нашелся, хотя и въ конечной гибели своей репутаціи, высказаться въ ничемъ на нѣсколькихъ страницахъ. Притомъ же, хотя я въ отсутствіе ваше, волей или неволей, игралъ роль сторожа на нашемъ Парнасѣ, окликаая всѣхъ проходящихъ и отдавая имъ, своей аллебардой, честь по ихъ званію и достоинству, хотя неумоимо и неусыпно стоялъ на своемъ посту, — однакожъ многое ускользнуло отъ моей бдительности. Бывало, нахлынетъ цѣлая толпа — и тутъ

некогда было разспрашивать каждого порознь; стукнешь аллебардой по всѣмъ и пропустишь. А теперь неужели мнѣ надо дѣлать поголовную переключку, бѣгать по всѣмъ закоулкамъ и собирать народъ православный? Нѣтъ, отрекаюсь отъ этого труда: и такъ было много хлопотъ и можетъ-быть много шуму изъ пустяковъ! Да и притомъ возможно ли это дѣло? Много ли изъ тѣхъ, которые промчались мимо моей сторожки, остались теперь въ живыхъ?.. Итакъ, я скажу вамъ только развѣ о тѣхъ лицахъ, которыя особенно врѣзались въ моей памяти, буду повѣствовать только о тѣхъ событіяхъ и случаяхъ, которые особенно поражали мое вниманіе. Мой обзоръ будетъ отрывчатъ, беспорядоченъ и несвязенъ, какъ всякій рассказъ наскоро о предметѣ многосложномъ, разнообразномъ и ничтожномъ.

Итакъ, я обозрѣваю, становлюсь обозрѣвателемъ! — Обозрѣвать, обозрѣватель — вы помните, какъ громко звенѣли нѣкогда эти два словца въ нашей литературѣ? Кто не обозрѣвалъ тогда? Гдѣ не было обозрѣній? Какой журналъ, какой альманахъ не имѣлъ своего штатнаго обозрѣвателя? И это была должность не трудная, легкая, казенная; за нее брался всякій, не запасаясь дорогимъ лорнетомъ учености, даже иногда вовсе безъ очковъ грамматики и здраваго смысла!

Отчего-же теперь такъ мало пишется обозрѣній? Куда дѣвались всѣ эти обозрѣватели? Я прошу у васъ позволенія заняться предварительно разрѣшеніемъ этого любопытнаго вопроса, хотя по крайней мѣрѣ для того, чтобъ наполнить мою статью объясненіемъ причинъ, почему она не можетъ быть нѣчто.

Обозрѣнія всякаго рода бываютъ результатомъ или сознанія силы, или сомнѣнія въ ней. Кто часто пересчитываетъ свои деньги, повѣряетъ счеты и подводитъ итоги, тотъ или богатѣетъ день ото дня, или бѣднѣетъ; само собою разумѣется, что въ первомъ случаѣ онъ хочетъ удостовѣриться въ улучшеніи своего состоянія и опредѣлить степень этого улучшенія, а во второмъ случаѣ хочетъ измѣрить глубину своего паденія, хочетъ взглянуть въ бездну, отверзтую передъ нимъ, какъ бы съ намѣреніемъ приучить себя заранѣе къ ея ужасному виду, или какъ будто находя жестокое наслажденіе въ сознаніи

своего бѣдственнаго положенія, веселясь собственнымъ своимъ отчаяніемъ. У насъ была уже литература, былъ Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ, Державинъ, Фонвизинъ, Хемницеръ, Богдановичъ, Капнистъ; потомъ Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Озеровъ, Мерзляковъ и наконецъ Батюшковъ и Жуковский; всѣ эти люди пользовались почти равнымъ участкомъ славы, всѣми ими восхищались почти въ равной степени, по крайней мѣрѣ всѣ они слыли равно за художниковъ и за гениевъ (или, по тогдашнему, за образцовыхъ писателей). Критиковать тогда значило хвалить, восхищаться, дѣлать возгласы и, много-много, если указывать на нѣкоторые неудачные стихи въ дѣломъ сочиненіи или на нѣкоторыя слабыя мѣста, съ совѣтомъ поэту, какъ ихъ починить. Понятія о творчествѣ тогда были готовыя, взятыя на прокатъ у французовъ; критики не было, потому что критика болѣе или менѣе есть сестра сомнѣнію, а тогда царствовало полное убѣжденіе въ богатствѣ нашей литературы, какъ по количеству, такъ и по качеству; литературныхъ обозрѣній тогда тоже не было и не могло быть, потому что въ обозрѣніе всегда входитъ критика, а вмѣсто нихъ иногда случались по временамъ, и то рѣдко, реэстры писателей и ихъ писаній, перемѣшанные съ извѣстнымъ числомъ хвастливыхъ восклицаній. Мерзляковъ вздумалъ было напасть на авторитетъ Хераскова и, взявши ложныя основанія, высказалъ много умнаго и дѣльнаго; но какъ его критицизмъ былъ явнымъ анахронизмомъ, то и не принесъ никакихъ плодовъ. Но вдругъ все перемѣнилось: явился Пушкинъ, и вмѣстѣ съ нимъ такъ называемый романтизмъ. Въ чемъ состоялъ этотъ романтизмъ? Въ отношеніи къ Пушкину этотъ романтизмъ состоялъ въ томъ, что изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ Пушкина одного было можно назвать поэтомъ-художникомъ и не ошибиться; что онъ, вмѣсто того, чтобы писать громкія и торжественныя событія, обыкновенно или теряющія свою прелесть для потомства, или представляющіяся ему въ другомъ свѣтѣ, сталъ говорить намъ о чувствахъ общихъ, человѣческихъ, всѣмъ болѣе или менѣе доступныхъ, всѣми болѣе или менѣе испытанныхъ; что онъ напалъ на истинный путь и, будучи рождень поэтомъ, свободно слѣдовалъ своему вдохновенію. Да!

воля ваша, а я крѣпко убѣжденъ, что народъ или общество — самый лучший, самый непогрѣшительный критикъ. Я однажды высказалъ или, лучше сказать, повторилъ чужую мысль, что Державина спасло его невѣжество: отрекаюсь торжественно отъ этой мысли, какъ совершенно ложной. Державинъ не былъ ученъ, но находился подъ вліяніемъ современной ему учености, раздѣлялъ вѣрованія и мнѣнія своего времени объ условіяхъ творчества и, на зло своему генію, всю жизнь свою шелъ по ложному пути. По этому тѣ изъ его созданій, которыя противорѣчили современной ему эстетикѣ, отличаются истинной поэзіей. Возьмите на примѣръ „Водопадъ“: похоже-ли это на оду, диѳирамбъ, кантату? Это просто элегія, которая, по своей формѣ и своему духу, только тѣмъ отличается отъ элегій даже самыхъ крошечныхъ нашихъ поэтиковъ, что запечатлѣна геніемъ Державина. И зато какъ прекрасна и глубока эта элегія! — Но возьмите его торжественныя оды: что это такое? Посмотрите, какъ онъ въ нихъ никогда не могъ поддержать до конца своего напряженного восторга, какъ онъ въ концѣ каждой изъ нихъ падалъ и, начавши высоко и громко, оканчивалъ ровно ничѣмъ! И кто станетъ теперь читать эти торжественныя оды?... Измаилъ, Прага, Римникъ, Кагулъ — всѣ эти имена напоминаютъ о дѣйствіяхъ великихъ; но то ли они, эти великія дѣйствія, для насъ, чѣмъ были для современниковъ? Мы, юноши нынѣшняго вѣка, мы, бывши младенцами, слышали отъ матерей нашихъ не объ Измаилѣ, не о Кагулѣ, не о Римникѣ, а объ двѣнадцатомъ годѣ, о бородинской битвѣ, о сожженіи Москвы, о взятіи Парижа. Эти событія и ближе къ намъ по времени, и поважнѣе прежнихъ въ своей сущности; да и они слабѣютъ уже въ нашемъ воображеніи, заглушаемыя громами араратскими, забалканскими, варшавскими. Но поэзія всѣхъ этихъ великихъ происшествій сама по себѣ такъ необъятна, что ее трудно уловить, увѣковѣчить въ звукахъ. Сверхъ того мы уже увѣрились теперь, что фактъ или событіе сами по себѣ ничего не значатъ: важна идея, выражаемая ими. Итакъ, что-же значатъ всѣ эти торжественныя оды, какой интересъ могутъ имѣть для потомства всѣ эти громогласныя описанія? Скажутъ: это питаетъ народную гордость, даетъ наслажденіе святому чувству любви къ оте-

честву; русскіе брали непреодолимая твердыни и всему свѣту доказали свою храбрость; это подвиги, которые поэзія должна передавать потомству. Очень хорошо, но вѣдь храбрость есть неотъемлемое свойство русскихъ; но вѣдь они доказывали ее всегда и вездѣ, какъ только былъ случай; но вѣдь ничтожная же горсть русскихъ удержала за Россіей Грузію и уничтожила всѣ попытки персидской арміи; но вѣдь ничтожная же горсть русскихъ отбила Арменію и защищала ее противъ Персіи и Турціи?... Эти подвиги у насъ такъ часты, такъ обыкновенны; они составляютъ ежедневную жизнь народа русскаго... Да, Державинъ шелъ путемъ слишкомъ тѣснымъ: онъ льстилъ современности, нападалъ на интересы частныя, современные, и рѣдко прибѣгалъ къ интересамъ общимъ, никогда не старѣющимъ, никогда не измѣняющимся --- къ интересамъ души и сердца человѣческаго! И въ этомъ виновата ученость вѣка, которой онъ былъ непричастенъ, но подъ вліяніемъ которой онъ всегда находился. Не зная по-латыни, онъ подражалъ Горацию, потому что тогда всѣ подражали Горацию; не постигнувъ духа и возвышенной простоты псалмовъ Давида, онъ перелагалъ ихъ съ прозы на громкіе, напыщенные стихи, потому что всѣ наши поэты, начиная съ Ломоносова, дѣлали это, не говоря уже о французахъ. Гораций воздвигнулъ себѣ „памятникъ“, Державинъ — тоже; но что у перваго было вѣроятно вдохновеніемъ, то у втораго было подражаніемъ. Обратимся назадъ. Итакъ, романтизмъ въ отношеніи къ Пушкину состоялъ въ томъ, что онъ искалъ поэзіи не въ современныхъ и переходящихъ интересахъ, а въ вѣчномъ, неизмѣняемомъ интересѣ души человѣческой. Въ отношеніи къ другимъ поэтамъ, вышедшимъ вслѣдъ за Пушкинымъ, романтизмъ состоялъ въ томъ, что ода была рѣшительно замѣнена элегіей, высокопарность — уныlostью, жесткій, ухабистый и неуклюжій стихъ — гармоническимъ, плавнымъ, гладкимъ. Въ отношеніи къ цѣлой литературѣ романтизмъ состоялъ въ томъ, что было отвергнуто, какъ нелѣпость, драматическое тріединство, хотя не было написано ни одной хорошей драмы. Итакъ, вотъ весь нашъ романтизмъ! Тогда явилось множество поэтовъ (стихотворцевъ и прозаиковъ), стали писать въ такихъ родахъ, о которыхъ въ русской землѣ дотолѣ было вѣдомъ не видать,

слухомъ не слышать. Тогда то наши критики пустились въ обзорѣнія: они увидѣли, что у насъ есть писатели и въ классическомъ, и романтическомъ родѣ, и захотѣли повѣрить свое родное богатство, подвести его итоги. Это была эпоха очарованія, упоенія, гордости: новость была принята за достоинство, и эти поэты, которыхъ мы теперь забыли и имена, и творенія, казались чѣмъ-то необыкновеннымъ и великимъ. И это было очень естественно: новость направленія и духа сочиненій всегда бываетъ камнемъ преткновенія для критики.

Итакъ, очень ясно, что раннее очарованіе, непрочныя надежды родили гордость и самоувѣренность въ нашихъ критикахъ; а гордость и самоувѣренность породили множество обзорѣній. Только одинъ Пушкинъ былъ предметомъ, достойнымъ и обзорѣній, и критикъ, и споровъ, а между тѣмъ все шло заурядъ въ обзорѣнія. И разумѣется, эти обзорѣнія были важны, горды и веселы, какъ молодыя надежды, какъ неопытная юность, гордящаяся силами, еще не удостовѣрясь въ нихъ. Новость за новостью, поэма за поэмой, романъ за романомъ, повѣсть за повѣстью, альманахъ за альманахомъ, журналъ за журналомъ, а элегіи и отрывки безъ числа, безъ мѣры, и все это возбуждало участіе, восторгъ, удивленіе, потому что все это было ново. Слѣдовательно, обзорѣвателю было что обзорѣвать, было о чемъ потолковать. Одна голая и сухая перечень годовыхъ явленій литературнаго міра могла составить статейку; а разведенная фразами, разжиженная чувствованьями, одобренная теоріями и идеями, эта перечень превращалась въ большую статью. И эту статью читали наперерывъ и съ гордостью повторяли находившіеся въ ней итоги и возгласы. Между тѣмъ начиналась уже и критика. Такъ какъ романтизмъ привелъ за собой эмансипацію, то естественнымъ образомъ начало закрадываться сомнѣніе насчетъ достоинства писателей прежней школы. Нападая на классицизмъ, стали нападать и на классиковъ, не подозревая, что, съ немногими исключеніями, выигрышъ состоялъ только въ Пушкинѣ, а что все остальное была та же старина, только на новый ладъ. Но пока управлялись со стариками, и новички успѣли состарѣться и наскучить. Разумѣется, это совершилось не вдругъ, а постепенно. Тогда обзорѣнія начали терять

свой кредитъ, и вмѣсто ихъ начала усиливаться основательная критика.

Итакъ, теперь—что теперь обозрѣвать? Новаго ужъ нѣтъ ничего, все старо. У меня страстная охота писать, и я, во что бы то ни стало, хочу написать романъ—но что же? Я во всемъ предупрежденъ! Хочу писать романъ историческій—старо; перерываю всѣ эпохи русской исторіи—старо; хочу писать романъ нравоописательный и нравственно-сатирический—но и это старо и пошло; хочу писать романъ географическій, статистическій, топографическій—опять старо; вздумалъ было однажды нравственно-фантастическій—но и тутъ какой-то злодѣй предупредилъ меня; хочу писать подземный, представить людей маленькихъ, съ мизинецъ, и потомъ большихъ, съ коломенскую версту, — куда! этимъ еще восемнадцатый вѣкъ воспользовался, а я ничего не хочу имѣть общаго съ восемнадцатымъ вѣкомъ; но вотъ вдругъ блеснула свѣтлая мысль: хочу вывести людей допотопныхъ и потомъ людей ходящихъ, мыслящихъ и говорящихъ вверхъ ногами—и тутъ предупредила меня игривая фантазія барона Брамбеуса. Ну, повѣрите ли, почтенный издатель „Телескопа“, куда я ни бросался, какъ ни ломалъ свою бѣдную голову, а кончилъ тѣмъ, что пришелъ въ отчаяніе, и рѣшился не писать ничего по части поэзіи. Но наши писатели не такъ робки и можетъ-быть не такъ горды и самолюбивы въ этомъ отношеніи, какъ я: они, знай свое—тормошатъ старину и слушать не хотятъ ни публики, ни рецензентовъ. Честь и слава ихъ храбрости, но каково публикѣ-то отъ этой храбрости? Но публикѣ по дѣломъ: кто ее заставляетъ пробавляться истертой стариной?—А каково рецензентамъ-то?—Но и имъ по дѣломъ: кто ихъ заставляетъ писать рецензіи и горячиться изъ пустяковъ?—А каково обозрѣвателямъ-то—что имъ остается обозрѣвать?—А кто ихъ заставляетъ обозрѣвать, когда нечего обозрѣвать?—Они и не обозрѣваютъ!.. И слава Богу!..

И послѣ этого вы, милостивый государь, требуете отъ меня — чего-же? — обозрѣнія!.. Но, видно, дѣлать нечего — и я, въ угожденіе вамъ, посвящаюсь въ обозрѣватели!..

Увы! миновалось то золотое, прекрасное время, когда наши краснорѣчивые обозрѣватели, въ сердечной простотѣ, съ теп-

лой вѣрой, съ полнымъ убѣжденіемъ, что они дѣлають дѣло, а не порють вздоръ, начинали свои обзрѣнія взглядами на состояніе земного шара, когда на немъ не было людей, или съ яицъ Леды, или съ потопа, или по крайней мѣрѣ съ Греціи и Рима, чтобы прошедшимъ объяснить настоящее. Обозрѣвателю нашихъ дней не для чего залетать такъ далеко: онъ долженъ начать съ предмета, самаго близкаго къ сердцу всѣхъ и каждого, самаго необходимаго въ жизни — съ кармана... Да! въ карманѣ долженъ видѣть онъ таинственный рычагъ юной литературной дѣятельности, которая промышляетъ и оптомъ, и по мелочи; въ немъ долженъ искать онъ рѣшенія на всѣ мудренныя загадки современной русской литературы. Увы! миновалъ золотой вѣкъ нашей литературы, наступилъ желѣзный, а

... Въ сей вѣкъ желѣзный,
Безъ денегъ, слава—ничего!

Что дѣлать! покоримся судьбѣ—видно, такъ должно быть, а чему быть, тому не миновать! Теперь всѣ пустились въ литературу, всѣ сдѣлались поэтами, романистами и повѣствователями. Классическій періодъ нашей литературы былъ не умнѣе, но какъ-то благороднѣе нынѣшняго; тогда пускались въ литературу изъ славы, изъ извѣстности и только люди, по крайней мѣрѣ знавшіе грамматику, знакомые съ литературнымъ тактомъ своего времени, не чуждые здраваго смысла; теперь же романтизмъ освободилъ насъ и отъ грамматики, и отъ приличія, и отъ здраваго смысла. Тогда литература была удѣломъ какого-то привилегированнаго класса; теперь же пишутъ и сапожники, и пирожники, и подъячіе, и лакеи, и сидѣльцы овощныхъ и мучныхъ лавокъ, словомъ, — всѣ, кто только умѣетъ чертить на бумагѣ каракульки. Откуда набралась эта сволочь? Отчего она такъ расхрабрилась? Гдѣ рычагъ этой внезапной и живой литературной дѣятельности? Я уже сказалъ, что его надо искать въ карманѣ... Знаете ли что, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ! я душевно люблю православный русскій народъ и почитаю за честь и славу быть ничтожной песчинкой въ его массѣ; но моя любовь сознательная, а не слѣпая. Можетъ-быть вслѣдствіе очень по-

нятнаго чувства я не вижу пороковъ русскаго народа, но это нисколько не мѣшаетъ мнѣ видѣть его странности, и я не почитаю за грѣхъ пошутить, подъ веселый часъ, добродушно и незлобиво, надъ его странностями, какъ всякій порядочный человѣкъ не почитаетъ для себя за униженіе посмѣяться иногда надъ собственными своими недостатками. Знаете ли вы, въ чемъ состоитъ главная странность вообще русскаго человѣка? Въ какомъ-то своеобразномъ взглядѣ на вещи и упорной оригинальности. Его упрекаютъ въ подражательности и безхарактерности; я самъ, грѣшный, вслѣдъ за другими взводилъ эту небылицу (въ чемъ и каюсь); но этотъ упрекъ неоснователенъ: русскому человѣку вредить совсѣмъ не подражательность, а, напротивъ, излишняя оригинальность. Пробѣгите въ умѣ вашемъ всю его исторію — и доказательство явится передъ глазами. Вотъ они... Но постойте: чтобъ яснѣе выразить мою мысль, я долженъ прибавить, что русскій человѣкъ съ чрезвычайной оригинальностью и самобытностью соединяетъ удивительную недовѣрчивость къ самому себѣ и вслѣдствіе этого страхъ какъ любить перенимать чужое, но, перенимая, кладетъ типъ своего генія на свои заимствованія. Такъ, еще въ давніе вѣка прослышалъ русскій человѣкъ, что за моремъ хороша вѣра и пошелъ за нею за море. Въ этомъ случаѣ онъ по счастью не ошибся; но какъ поступилъ онъ съ истинной, божественной вѣрой? Перенесъ ея священныя имена на свои языческіе предразсудки: Св. Власію поручилъ должность бога Волоса, Перуновы громы и молніи отдалъ Ильѣ-пророку, и т. д. Итакъ, вы видите, перемѣнились слова и названія, а идеи остались все тѣ же! Потомъ явился на Руси царь умный и великій, который захотѣлъ русскаго человѣка умытъ, причесать, обрить, отучить отъ лѣни и невѣжества: взвылъ русскій человѣкъ гласомъ велимъ и замахалъ руками и ногами; но у царя была воля желѣзная, рука крѣпкая, и потому русскій человѣкъ, волей или неволей, а засѣлъ за азбуку, началъ учиться и шить, и кроить, и строить, и рубить. И въ самомъ дѣлѣ, русскій человѣкъ сталъ походить съ виду какъ будто на человѣка: и умытъ, и причесанъ, и одѣтъ по формѣ, и знаетъ грамоту, и кланяется съ пришаркиваніемъ и даже подходитъ къ ручкѣ дамъ. Все это хо-

рошо, да вотъ что худо: кланяясь съ пришаркиваніемъ, онъ, говорятъ, расшибалъ носъ до крови, а подходя къ ручкамъ прелестныхъ дамъ, наступалъ на ихъ ножки, цѣпляясь за свою шпагу, не умѣя справляться съ трехуголкой; выучивъ нуизустъ правила, начертанныя на зеркалѣ рукой великаго царя, онъ не забылъ, не разучился спрягать глаголь *братъ* подѣ всеми видами, во всѣ времена, по всѣмъ лицамъ безъ изъятія, по всѣмъ числамъ безъ исключенія; надѣвши мундиръ, онъ смотрѣлъ на него не какъ на форму идеи, а какъ на форму парада, и не хотѣлъ слушать, когда мудрое правительство толковало ему, что правосудіе не средство къ жизни, что присутственное мѣсто не лавка, гдѣ отпускаютъ и права, и совѣсть оптомъ и по-мелочи, что судья не воръ и разбойникъ, а защитникъ отъ воровъ и разбойниковъ. Потомъ былъ на Руси другой царь умный и добрый; видя, что добро не можетъ пустить далеко корня тамъ, гдѣ нѣтъ науки, онъ подтвердилъ русскому человѣку учиться, а за ученье обѣщалъ ему большой чинъ и знатное мѣсто, думая, что приманка выгоды всего сильнѣе; но что жъ вышло?.. Правда, русскій человѣкъ смысленъ и понятливъ; коли захочетъ, такъ и самого нѣмца заткнетъ за поясъ... И точно, русскій принялся учиться, но только, получивъ чинъ и мѣсто, бросалъ тотчасъ книги и принимался за карты—оно и лучше!.. Итакъ, не ясно ли послѣ этого, что русскій человѣкъ самобытенъ и оригиналенъ, что онъ никогда не подражалъ, а только бралъ изъ-за-границы формы, оставляя тамъ идеи, и одѣвалъ въ эти формы свои собственныя идеи, завѣщанныя ему предками? Конечно къ этимъ доморощеннымъ идеямъ не совсѣмъ шелъ заморскій нарядъ, но къ чему нельзя привыкнуть, къ чему нельзя приглядѣться?..

Обратимся къ литературѣ. Съ ней русскій человѣкъ поступилъ точно такъ же, какъ и со всѣмъ тѣмъ, о чемъ я уже говорилъ. Какъ все прочее, она у него—цвѣтокъ пересаженный и, надо сказать, какъ все хорошее, не имъ самимъ, а правительствомъ. Литература наша началась при Елисаветѣ, а получила нѣкоторую осядлость при Екатеринѣ II. Намъ извѣстно, что въ царствованіе этой великой жены наша литература находилась, подобно почти всѣмъ европейскимъ

литературамъ, подѣ вліяніемъ французской. Французская литература была тогда полнымъ выраженіемъ XVIII вѣка, а что такое XVIII вѣкъ — объ этомъ всякій знаетъ. Мы скажемъ только, что XVIII вѣкъ былъ малый веселый и разгульный, любилъ мягко поспать, сладко поѣсть, пьяно попить и ни о чемъ не тужить. Веселиться — была его цѣль, и всѣ средства почиталъ онъ позволенными къ достиженію этой цѣли. Всѣмъ извѣстна мудрая русская пословица: „богатый на деньги, а голъ на выдумки“. Поэты и вообще литераторы были тогда люди бѣдные и неважные, но это не помѣшало имъ веселиться наравнѣ съ людьми богатыми и веселыми: они надѣли на себя ливреи людей богатыхъ и важныхъ и за ихъ столами, въ восторгѣ радости, запѣли пѣсни дивныя, живыя. Кого жъ они воспѣвали? Героевъ тогда не было; греческая литература была плохо понимаема, но хорошо была понята литература латинская — и стали воспѣвать меценатовъ! Да какъ было и не воспѣвать ихъ? Люди были они богатые, поэтовъ кормили сладко, хотя иногда и употребляли ихъ вмѣсто плевалъницъ, но что жъ за бѣда — вѣдь утереться не трудно. Этого было довольно для русскаго чело-вѣка: онъ такъ хорошо на этотъ разъ сошелся съ фран-цузомъ, что взялъ идею и форму и слѣдовательно, еще въ первый разъ, явился совершеннымъ подражателемъ. Тогда-то пошли наши оды съ любимымъ словечкомъ: „о ты“, и пр. Но въ мірѣ все оканчивается, кончился и XVIII вѣкъ, кон-чился вездѣ, а у насъ еще здравствовалъ, и только въ одной литературѣ сталъ измѣняться. Въ этомъ отношеніи мы дол-жны съ благодарностью произносить имя Жуковского, позна-комившаго насъ съ германской литературой и передаващаго намъ нѣсколько благоуханныхъ цвѣтовъ ея. Были дарованія, но иныя изъ нихъ шли не своей дорогой, сбиваемыя XVIII вѣкомъ, и остались только въ литературныхъ обзорѣніяхъ, а не въ памяти народа; другія, по своей незначительности, успѣли добиться только эфемерной славы. Идея искусства и потребность искусства проявились только въ началѣ третьяго десятилѣтія настоящаго вѣка; но кромѣ Пушкина и Грибо-ѣдова не было поэтовъ; зато, какъ я уже и говорилъ выше, было много обзорѣній.

Какое же слѣдствіе изъ всего этого? А вотъ какое: сначала наша литература родилась вслѣдствіе мысли правительства и симпатіи характера русскаго народа къ господствовавшему тогда характеру французовъ; потомъ она сдѣлалась подражательницей вдругъ нѣсколькихъ литературъ; теперь... теперь... Но позвольте мнѣ послѣ вывести полный и удовлетворительный результатъ. Я такъ уже усталъ, а впереди предстоитъ большой трудъ: трудно обозрѣть цвѣтущую долину, но еще труднѣе—безплодную аравійскую степь.

II.

Начинаю мое обозрѣніе съ журналовъ, потому что, какъ ни мало у насъ теперь журналовъ, но все больше, чѣмъ книгъ. Разумѣется, на тѣ и другія я смотрю какъ обозрѣватель, которому нужны матеріалы для обозрѣнія и для котораго важно только то, о чемъ онъ что-нибудь можетъ сказать; каковы бы ни были наши журналы, о нихъ все-таки можно сказать много и за, и противъ; но книгъ, стоящихъ вниманія въ какомъ бы то ни было отношеніи, вышло безъ васъ не болѣе двухъ или трехъ. Здѣсь я опять долженъ употребить оговорку: такъ какъ моему разсмотрѣнію подлежатъ книги только по части художественной и притомъ оригинальныя, то и не удивительно, что я нахожу такъ мало книгъ, вышедшихъ въ послѣднее полугодіе прошлаго года. Итакъ, обращаясь къ журналамъ и приступаю къ дѣлу.

Но съ какихъ журналовъ должно мнѣ начать? Съ московскихъ или петербургскихъ? И потомъ съ какого именно?—Начинаю, по старшинству и важности, съ „Библіотеки для Чтенія“, а за нею брошу взглядъ на прочіе петербургскіе журналы. У меня есть причина, и причина очень достаточная для этого предпочтенія въ пользу „Библіотеки для Чтенія“: журналъ, владѣющій большимъ противъ своихъ собратій числомъ подписчиковъ и въ продолженіе не одного уже года поддерживаемый постояннымъ вниманіемъ публики, такой журналъ, говорю я, можетъ быть не лучшій, но, безъ сомнѣнія, долженъ быть важнѣйшій; потому что все, пользуется авторитетомъ, заслуженнымъ или не заслуженнымъ, все, что имѣ-

еть на публику большое вліяніе, хорошее или вредное, все то важно и достойно вниманія и прилежнаго изслѣдованія, а „Библиотека для Чтенія“ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ есть первый и важнѣйшій въ Россіи журналъ, и слѣдовательно обозрѣватель съ него долженъ начинать свой разборъ. О прочихъ петербургскихъ журналахъ я буду говорить тотчасъ послѣ „Библиотеки“, и прежде московскихъ изданій, не для соблюденія порядка, а тоже вслѣдствіе основательной и важной причины: всѣ петербургскіе журналы, какъ я покажу это ниже, имѣютъ въ своемъ направленіи, духѣ и правилахъ много общаго съ „Библиотекой“, хотя въ то же время они суть не болѣе какъ жалкія пародіи на этотъ соблазнительный для нихъ образецъ: тѣ же цѣли, тѣ же замашки, тѣ же усилія, хотя и не та ловкость, не то умѣнье, не та сила, не то исполненіе!—Да, не даромъ петербургская книжная производительность не въ ладу съ московской: каждая изъ нихъ, несмотря на видимое разногласіе съ самой собой, имѣетъ общій характеръ, одно направленіе, одно основаніе, и, вслѣдствіе совершенной противоположности другъ съ другомъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, обѣ онѣ должны находиться одна къ другой въ естественной непріязни, какъ теперь прямодушный турокъ къ хитрому персіянину, какъ нѣкогда тяжелый англичанинъ къ легкому французу. И я постараюсь показать, сколько возможно, отличительныя черты, отличающія ихъ одну отъ другой и поставляющія ихъ въ непріязненное отношеніе одну къ другой.

„Библиотека для Чтенія“ начинаетъ уже третій годъ своего существованія, и, что очень важно, она нисколько не измѣняется ни въ объемѣ, ни въ достоинствѣ своихъ книжекъ, ни въ въ духѣ и характерѣ своего направленія; она всегда вѣрна себѣ, всегда согласна съ собой, словомъ, идетъ шагомъ ровнымъ, поступью твердой, всегда по одной дорогѣ, всегда къ одной цѣли; не обнаруживаетъ ни усталости, ни страха, ни непостоянства. Все это чрезвычайно важно для журнала, все это составляетъ необходимое условіе существованія журнала и его постояннаго кредита у публики: въ то же время это показываетъ, что „Библиотекой“ дирижируетъ одинъ человѣкъ, умный, ловкій, смѣтливый, дѣятельный,—

качества, составляющія необходимое условіе журналиста; ученость здѣсь не мѣшаетъ, но не составляетъ необходимаго условія журналиста, для котораго въ этомъ отношеніи гораздо необходимѣе универсальность образованія, хотя бы и поверхностнаго, многосторонность познаній, хотя бы и верхоглядныхъ, энциклопедизмъ, хотя бы и мелкій. О „Библіотекѣ“ писали и пишутъ, на нее нападали и нападаютъ сперва враги, а наконецъ и друзья, поклявшіеся ей въ вѣрности до гроба, пожертвовавшіе ей собственными выгодами, разумѣется, въ чаяніи большихъ отъ союза съ сильнымъ и богатымъ собратомъ; а „Библіотека“ все-таки здравствуетъ, смѣется (большей частью молча) надъ нападками своихъ противниковъ! Въ чемъ же заключается причина ея неимовѣрнаго успѣха, ея неслыханнаго кредита у публики? Если бы я сталъ утверждать, что „Библіотека“—журналъ плохой, ничтожный, это значило бы смѣяться надъ здравымъ смысломъ читателей и надъ самимъ собой; факты говорятъ лучше доказательствъ, и первенство и важность „Библіотеки“ такъ ясны и неоспоримы, что противъ нихъ нечего сказать. Гораздо лучше показать причины ея могущества, ея авторитета. На „Библіотеку“, на Брамбеуса и на Тю-тюджи-оглу (что все почти тождественно) было много нападковъ, часто безсильныхъ, иногда сильныхъ, было много атакъ, часто невѣрныхъ, иногда впопадъ, но всегда бесполезныхъ. Не знаю, правъ я или нѣтъ, но мнѣ кажется, что я нашелъ причину этого успѣха, столь противорѣчащаго здравому смыслу, и такъ прочнаго, этой силы, такъ носящей въ самой себѣ зародышъ смерти, и такъ постоянной, такъ не слабѣющей. Не выдаю моего открытія за новостъ, потому что оно можетъ принадлежать многимъ; не выдаю моего открытія и за орудіе, долженствующее быть смертельнымъ для разсматриваемаго мной журнала, потому что—истина не слишкомъ сильное орудіе тамъ, гдѣ еще нѣтъ литературнаго общественнаго мнѣнія. „Библіотека“ есть журналъ провинціальный: вотъ причина его силы. Разсмотримъ это. Но я долженъ взять нѣсколько повыше, долженъ упомянуть о ея началѣ, ея зарожденіи на свѣтъ. Всякому извѣстно, что этотъ журналъ основанъ книгопродавцемъ, который пріобрѣлъ у публики большую довѣренность, и пріобрѣ-

рѣлъ по справедливости, по заслугѣ; всякому извѣстно, что этотъ книгопродавецъ ведетъ торговлю большую и слѣдовательно въ состояніи дѣлать большіе обороты и пускаться въ важныя предпріятія; это обстоятельство ручалось за исправный выходъ книжекъ, за ихъ типографическое достоинство, за хорошую и честно выполняемую плату сотрудникамъ журнала. Правда, это обстоятельство, съ одной стороны благоприятствуя зарождавшемуся предпріятію, съ другой—могло и повредить ему, потому что публика знала, что владѣлецъ журнала не могъ быть ни его издателемъ, ни его редакторомъ, ни даже его сотрудникомъ, что потому онъ долженъ былъ поручать изданіе своего журнала разнымъ лицамъ, одному послѣ другого, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ чего должно было разногласіе въ мнѣніяхъ, противорѣчіе въ духѣ и направленіи изданія; притомъ публикѣ были извѣстны въ числѣ редакторовъ имена Греча и Булгарина, издателей очень посредственныхъ журналовъ и авторовъ очень плохихъ романовъ, и она лишь въ послѣдствіи могла увидѣть, что Гречъ и Булгаринъ были и остались только вкладчиками своихъ статейъ и корректорами „Библіотеки“, что Тю-тунджи-оглу не имѣлъ ничего общаго съ ними въ своей ловкости, умѣ, остроуміи, что самый языкъ и правописаніе всѣхъ статей, особенно послѣднее, принадлежали ему же, а не имъ; но нашей публикѣ до этого не было нужды; ей обѣщаны были толстыя книги и участіе почти всѣхъ знаменитостей—этого для нея было достаточно. Итакъ, одно уже то обстоятельство, что новый журналъ былъ собственностью богатаго и честнаго книгопродавца, была одной изъ сильнѣйшихъ причинъ его успѣха. Потомъ — это участіе почти всѣхъ знаменитостей нашего письменнаго міра, эти имена, выставленныя въ программѣ и на оберткахъ „Библіотеки“, какъ залогъ того, что вся литературная дѣятельность должна сосредоточиться въ одномъ изданіи, чего никогда не бывало, о чемъ самая мысль всегда казалась несбыточной, — такая приманка для нашей довѣрчивой публики!.. Правда, нѣкоторые изъ авторовъ, имена котовыхъ двѣнадцать разъ въ годъ повторялись на оберткахъ журнала, не подарили его ни одной статьей; правда, нѣкоторыя изъ знаменитостей сошли съ обертки, къ нема-

лomu вреду репутаціи журнала; правда, и половина оставшихся именъ, при второмъ годѣ, совсѣмъ исчезла съ обертки; правда, большая часть этихъ знаменитостей была совсѣмъ не знаменита, и между этими знаменитостями многія были сдѣланы на скорую руку, ради предстоящей потребности, многія незнаменитости были произведены въ знаменитости, произведены самимъ этимъ журналомъ, ради предстоящей нужды; но нашей публикѣ не было до того нужды: она попрежнему встрѣчала постоянно нѣкоторыя имена или въ самомъ дѣлѣ любимыя ею, или къ которымъ она приглядѣлась, что для нея все равно, и, довѣрчивая, невзыскательная, питала теплую вѣру ко всему, что выдавали ей за талантъ и геній сами эти же таланты и геніи. Дѣло было сдѣлано, а русскій человѣкъ вообще сговорчивъ и въ литературныхъ дѣлахъ за неустойкой не гонится, если вы исполнили хоть часть условій—такъ мало избалованъ онъ полными устоями. Присоедините къ этому его уваженіе къ авторитетамъ, къ громкимъ именамъ, его довѣрчивость ко всему, что другими или самимъ собою провозглашается за дарованіе. Итакъ, вотъ вторая и очень важная причина успѣха „Библіотеки“ при самомъ ея началѣ. Теперь слѣдуетъ третья, не менѣе важная: кто не помнитъ хвастливаго и, можно сказать, безстыдно-самохвальнаго объявленія объ изданіи „Библіотеки?“ кто не помнитъ возгласовъ „Сѣверной Пчелы“, которая прожужжала всѣмъ уши, что, кто не подпишется на „Библіотеку“, тотъ не патриотъ, тотъ не любитъ отечества, не желаетъ ему добра, что тотъ ренегатъ, измѣнникъ?—И что же?—Это хвастливое объявленіе, эти вопли, эти возгласы во всякомъ другомъ обществѣ были бы почтены по крайней мѣрѣ за неприличные, возбудили бы подозрѣніе, недовѣрчивость и убили бы предпріятіе въ самомъ его зародышѣ; но у насъ это-то чуть ли и не есть вѣрнѣйшее средство успѣха. Я часто замѣчалъ за самимъ собою, что когда мнѣ случалось ходить для покупокъ въ городъ, и когда слухъ мой оглушался, и мое человѣческое достоинство оскорблялось невѣжливой и грубой политикой нашей національной коммерціи, громко и неистово превозносящей свои товары и нагло и почти насильно затаскивающей покупателя въ свою лавку, то я замѣчалъ, что чуть ли не

всегда попадалъ я въ самую горластую, въ самую наглядную лавку: что дѣлать — человекъ русскій! — Проклинаешь это азіатское самохвальство, эту предательскую вѣжливость, сбивающуюся на униженіе, эту безстыдную наглость, и къ ней-то именно и попадешь, какъ рыбка на удочку — на Руси такъ изстари ведется!.. И такъ, вотъ три причины, сдѣлавшія „Библиотеку“ сильной, когда еще „Библиотеки“ не было и на свѣтѣ!

Теперь посмотримъ, какими средствами умѣла она поддерживать себя во мнѣніи публики или, лучше сказать, какими средствами умѣла сдѣлать себя необходимой для публики и, всѣми осуждаемая, всѣми ненавидимая, сдѣлать всѣхъ своими подписчиками? Я сказалъ, что тайна постоянного успѣха „Библиотеки“ заключается въ томъ, что этотъ журналъ есть по преимуществу журналъ провинціальный, и въ этомъ отношеніи невозможно не удивляться той ловкости, тому умѣнью, тому искусству, съ какими онъ приноравливается и поддѣлывается къ провинціи. Я не говорю уже о постоянномъ, всегда правильномъ выходѣ книжекъ, одномъ изъ главнѣйшихъ достоинствъ журнала; остановлюсь на числѣ книжекъ и продолжительности срока ихъ выхода. Я думалъ прежде, что это должно обратиться во вредъ журналу; теперь вижу въ этомъ тонкій и вѣрный расчетъ. Представьте себѣ семейство степного помѣщика, — семейство читающее все, что ему попадется, съ обложки до обложки; еще не успѣло оно дочитатьъ до послѣдней обложки, еще не успѣло перечестъ, гдѣ принимается подписка, и оглавленіе статей, составляющихъ содержаніе нумера, а ужъ къ нему летитъ другая книжка, такая же болтливая, словоохотливая, говорящая вдругъ однимъ и нѣсколькими языками. И въ самомъ дѣлѣ, какое разнообразіе! — Дочка читаетъ стихи Ершова, Гогіева, Струговщикова и повѣсти Загоскина, Ушакова, Панаева, Калашникова и Масальскаго; сынокъ, какъ членъ новаго поколѣнія, читаетъ стихи Тимофеева и повѣсти барона Брамбеуса; батюшка читаетъ статьи о двухпольной и трехпольной системахъ, о разныхъ способахъ удобренія земли, а матушка о новомъ способѣ лечить чахотку и красить нитки; а тамъ еще остается для желающихъ критика, литературная лѣтопись, изъ которыхъ можно черпать

горстями и пригоршнями готовыя (и часто умныя и острыя, хотя рѣдко справедливыя и добросовѣстныя) сужденія о современной литературѣ; остается пестрая, разнообразная смѣсь; остаются статьи ученыя и новости иностранныхъ литературъ. Не правда ли, что такой журналъ — кладъ для провинціи?

Но постойте, это еще не все: разнообразіе не мѣшаетъ и столичному журналу и не можетъ служить исключительнымъ признакомъ провинціального. Бросимъ взглядъ на каждое отдѣленіе „Библіотеки“, особенно и по порядку. Стихотворенія занимаютъ въ ней особое и большее отдѣленіе: подъ многими изъ нихъ стоятъ громкія имена, каковы: Пушкина, Жуковскаго, подъ большей частью стоятъ имена знаменитостей, выдуманныхъ и сочиненныхъ наскоро самой „Библіотекой“; но нѣтъ нужды: тутъ все идетъ за знаменитость; до достоинства стиховъ тоже мало нужды: имена, подъ ними подписанныя, ручаются за ихъ достоинство, а въ провинціяхъ этого ручательства слишкомъ достаточно. То же самое, въ отношеніи именъ, должно сказать и о русскихъ повѣстяхъ; иностранныя подписаны именами, которыя для провинцій непременно должны казаться громкими, хотя бы и не были громки на самомъ дѣлѣ: подписаны именами журналовъ громкихъ и извѣстныхъ во всемъ мірѣ. То же должно сказать и о прочихъ отдѣленіяхъ „Библіотеки“. Теперь скажите, не большая ли это выгода для провинціи?—Вамъ извѣстно, какъ много и въ столицахъ людей, которыхъ вы привели бы въ крайнее замѣшательство, прочтя имъ стихотвореніе, скрывши имя его автора и требуя отъ нихъ мнѣнія, не высказывая своего; какъ много и въ столицахъ людей, которые не смѣютъ ни восхититься статьей, ни сердиться на нее, не заглянувъ на ея подпись. Очень естественно, что такихъ людей въ провинціяхъ еще больше, что люди съ самостоятельнымъ мнѣніемъ попадаютъ туда случайно и составляютъ тамъ самое рѣдкое исключеніе. Между тѣмъ провинціалы, какъ и столичные жители, хотятъ не только читать, но и судить о прочитанномъ, хотятъ отличаться вкусомъ, блистать образованностью, удивлять своими сужденіями, и они дѣлаютъ это, дѣлаютъ очень легко, безъ всякаго опасенія компрометтировать свой вкусъ, свою разборчивость, потому что имена, под-

писанныя подъ стихотвореніями и статьяи „Библіотеки“, из-бавляютъ ихъ отъ всякаго опасенія посадить на мель свой критицизмъ и обнаружить свое безвкусіе, свою необразованность и невѣжество въ дѣлѣ изящнаго. А это не штука!— Въ самомъ дѣлѣ, кто не признаетъ проблесковъ генія въ самыхъ сказкахъ Пушкина, потому только, что подъ ними стоитъ это магическое имя „Пушкинъ“? То же и въ отношеніи къ Жуковскому. А чѣмъ ниже Пушкина и Жуковскаго Тимоѣевъ и Ершовъ? Ихъ хвалятъ „Библіотека“, лучший русскій журналъ, и принимаетъ въ себя ихъ проиведенія.---Можетъ ли быть посредственна или нехороша повѣсть Загоскина? Вѣдь Загоскинъ—авторъ „Милославскаго“ и „Рославлева“, а въ провинціи никому не можетъ придти въ голову, что эти романы, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, теперь уже не то, чѣмъ были, или по крайней мѣрѣ, чѣмъ казались нѣкогда. Можетъ ли быть не превосходна повѣсть Ушакова, автора „Киргизъ-Кайсака“, „Кота Бурмосѣка“, бывшаго сотрудника „Московскаго Телеграфа“, сочинителя длинныхъ, скучныхъ и ругательныхъ статей о театрѣ? Провинція и подозрѣвать не можетъ, чтобъ знаменитый Ушаковъ теперь былъ уволенъ изъ знаменитыхъ въ чистую.—Кто усомнится въ достоинствѣ повѣстей Панаева, Калашникова, Масальскаго?—Да, въ этомъ смыслѣ „Библіотека“—журналъ провинціальный!

III.

Теперь я буду слѣдить за „Библіотекой“ шагъ за шагомъ; я обнаружу всю ея политику, изъясню подробнѣе причины ея могущества. Я не буду пускаться о „Библіотекѣ“ въ излишнія разсужденія, буду представлять одни факты, а тамъ пусть понимаютъ ихъ, какъ угодно. До сихъ поръ я сдѣлалъ только предисловіе, опредѣливъ точку зрѣнія, съ которой гляжу на „Библіотеку“; теперь покажу, что я вижу въ ней. Прошу васъ не забыть, что основная мысль моя о „Библіотекѣ“, состоитъ въ томъ, что этотъ журналъ провинціальный; что онъ издается для провинціи и силенъ одной провинціей. Итакъ, приступаю къ подробнѣйшему объясненію признаковъ ея привилегированнаго провинціализма. Я не почитаю за нужное слишкомъ рас-

пространяться о стихотворномъ отдѣлѣ „Библіотеки“. Пора стиховъ миновала въ нашей литературѣ: наступила пора смиренной прозы. Хорошихъ стиховъ теперь не достанешь ни за какія деньги, и потому „Библіотека“ не виновата, что помѣщаетъ дурные стихи; но она виновата въ томъ, что выдаетъ ихъ за хорошіе. Это съ ея стороны расчетъ, — расчетъ, въ который входитъ преимущественно провинція. Итакъ, о стихахъ нечего много говорить; но можно побольше поговорить о прозаическомъ отдѣленіи русской словесности.

Разумѣется, это отдѣленіе состоитъ преимущественно изъ повѣстей и можетъ назваться по преимуществу провинціальнымъ. Пересматриваю „Библіотеку“, и чьи имена встрѣчаю въ отдѣлѣ повѣстей русской фабрики? — Во-первыхъ, Загоскина, Ушакова; въ „Библіотекѣ“ это знаменитости первой величины, авторитеты, лучезарнымъ свѣтомъ которыхъ она озаряется съ особеннымъ удовольствіемъ, съ особенной хвастливостью; потомъ повѣсти Степанова, Маркова и многихъ другихъ, именъ которыхъ я не могу упомянуть по причинѣ ихъ множества: эти знаменитости недавнія, авторитеты юные. Чтобы яснѣе развить мою мысль, я долженъ разсмотрѣть попристальнѣе нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей. Въ такомъ случаѣ мнѣ надо бѣ было начать съ Загоскиной, какъ первой знаменитости „Библіотеки“, въ которой онъ помѣстилъ двѣ повѣсти: „Вечера на Хопрѣ“ и „Три жениха, провинціальныя очерки“; но первой я совсѣмъ не читалъ, а о второй упомянулъ слегка при отзывѣ о „Недовольныхъ“ и, мнѣ кажется, довольно удачно уловилъ ея характеристику, что, разумѣется, очень не трудно было сдѣлать. Итакъ, не желая повторять одно и то же, замѣчу только, что Загоскинъ очень удачно назвалъ свою повѣсть „провинціальными очерками“: этимъ названіемъ онъ написалъ на нее самую лучшую критику а priori, а помѣщеніемъ ея въ „Библіотекѣ“ сдѣлалъ на нее самую лучшую критику а posteriori!.. Обращаюсь къ Ушакову.

Вамъ, почтеннѣйшій Николай Ивановичъ, извѣстенъ гибкій, и универсальный талантъ Ушакова; вы, вѣрно, еще не забыли, что онъ писалъ нѣкогда предлинныя, преисполненныя славянскаго остроумія и прескучныя статьи о театрѣ; вы помните также, что онъ, Ушаковъ, писалъ презлыя, хотя ужъ

и черезчуръ холодныя, сатирическія аллегоріи, и въ этомъ родѣ явился основателемъ и главой важной, хотя и безлюдной школы: я разумѣю „Кота Бурмосѣка“; потомъ знаете, что онъ написалъ очень порядочный романъ „Киргизъ-Кайсакъ“. Да, все это, должно быть, вамъ давно извѣстно, но вотъ чего вы навѣрное не знаете: Ушаковъ не удовольствовался пріобрѣтенной славой въ этихъ трехъ родахъ, пошелъ далѣе, какъ и слѣдуетъ всякому сильному дарованію. Сперва онъ сдѣлалъ попытку воскресить на Руси духъ покойнаго Августа Лафонтена, и написалъ повѣсть „Марихенъ“, но этотъ опытъ не удался: „Марихенъ“ не только не разбудила Августа Лафонтена, но и сама заснула съ нимъ сномъ непробуднымъ. Эта неудача не лишила однако бодрости Ушакова; какъ просвѣщенный и опытный литераторъ, онъ понялъ, что нельзя идти противъ духа времени, и бросился въ другую сторону, въ которой вполне сознавалъ свое направленіе и свое назначеніе: онъ рѣшился сдѣлаться народнымъ. Разсказавши намъ довольно увлекательно о страданіяхъ юной аристократки, разсказавъ о страданіяхъ Киргизъ-Кайсака, плебея по рожденію, но аристократа по мысли и чувству, онъ теперь бросился совершенно въ противоположную сторону и принялся за плебеевъ, плебеевъ по рожденію, плебеевъ по уму, чувству и образованности. Уже не балы, а вечеринки рисуетъ теперь намъ его чудотворная кисть, и само собой разумѣется, что отъ этихъ вечеринокъ слухъ нашъ поражается не звуками кадрилей и мазурокъ, зрѣніе---не блестящими люстрами и кенкетами, обоняніе не благовонными парфюмами, а побранками и плоскими шутками, чадомъ салныхъ свѣчей и запахомъ водки, ерофеича, разнаго сорта наливокъ, а иногда и простой сивухи, сельдей, икры паюсной и зернистой, луку зеленого и рѣпчатого, жареной печенки, и пр., и пр.; вмѣсто князей, кавалеристовъ, дамъ, теперь онъ выводитъ и скромныхъ отставныхъ пѣхотинцевъ, и купцовъ третьей гильдіи, и мѣщанъ всѣхъ разрядовъ, словомъ,—все, что носитъ бороду, одѣвается въ зипунъ или длиннополый сюртукъ съ высокимъ лифомъ, въ тѣлогрѣйку или даже въ поняву, а голову повязываетъ бумажнымъ или парчевымъ платкомъ. Короче сказать: почтеннѣйшій Ушаковъ сдѣлался

теперь прозаическимъ Измайловымъ. Переходъ удивительный, метаморфоза чудесная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень понятная: Ушаковъ покорился духу времени и увлекся народностью.

Народность въ литературѣ!.. Позвольте мнѣ, почтенный издатель „Телескопа“, сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе отъ матеріи и оставить на минутку-другую Ушакова. Я хочу сказать или, скорѣе, повторить уже сказанное мною когда-то о народности; этотъ предметъ занимаетъ теперь всѣхъ, вы сами пишете объ немъ, и потому я считаю теперь кстати подать свой голосъ. Что такое народность въ литературѣ? Отраженіе индивидуальности, характерности народа, выраженіе духа внутренней и внѣшней его жизни, со всѣми ея типическими оттѣнками, красками и родимыми пятнами — не такъ ли?—Если такъ, то, мнѣ кажется, нѣтъ нужды постав-
лять такой народности въ обязанность истинному таланту, истинному поэту; она сама собою непременно должна про-
являться въ творческомъ созданіи. Вы признаете большее или меньшее вліяніе индивидуальности поэта на его произведенія, какъ бы они разнообразны ни были! Вы не станете отрицать, что чѣмъ дарованіе поэта сильнѣе, тѣмъ оно оригинальнѣе! Итакъ, если личность поэта должна отражаться въ его твореніяхъ, то можетъ ли не отражаться въ нихъ его народ-
ность? Развѣ всякій поэтъ, прежде чѣмъ онъ человѣкъ, не есть русскій, французъ или нѣмецъ? Возьмемъ поэта русска-
го: онъ родился въ странѣ, гдѣ небо сѣро, снѣга глубоки, морозы трескучи, вьюги страшны, лѣто знойно, земля обиль-
на и плодородна: развѣ все это не должно положить на него особеннаго характеристическаго клейма? Онъ въ младенчест-
вѣ слушалъ сказки о могучихъ богатыряхъ, о храбрыхъ ви-
тязяхъ, о прекрасныхъ царевнахъ и княжнахъ, о злыхъ кол-
дунахъ, о страшныхъ домовыхъ; онъ съ малолѣтства прі-
училъ свой слухъ къ жалобному, протяжному пѣнію родныхъ
пѣсень; онъ читалъ исторію своей родины, которая не похо-
жа на исторію никакой другой страны въ мірѣ; онъ провелъ
лѣта своей юности среди общества, которое не похоже ни на
какое другое общество; онъ принадлежитъ къ народу, кото-
рый еще не живетъ полной жизнью, но у котораго настоящее
уже интересно, какъ шагъ, какъ переходъ къ прекрасному

будущему, у котораго это будущее еще въ зародышѣ, еще въ зернѣ, но уже такъ богато надеждами!.. Потомъ, если онъ поэтъ, поэтъ истинный, то не долженъ ли сочувствовать своему отечеству, раздѣлять его надежды, болѣть его болѣзнями, радоваться его радостями?.. Кто не согласится съ этимъ, кто будетъ противорѣчить этому?—Итакъ, спрашиваю: можетъ ли русскій поэтъ не быть русскимъ поэтомъ, русскимъ не по одному рожденію, а по духу, по складу ума, по формѣ чувства, какъ бы ни глубоко былъ онъ проникнутъ европеизмомъ? Да, почтеннѣйшій издатель, если поэтъ владѣетъ истиннымъ талантомъ; онъ не можетъ не быть народнымъ, лишь бы только творилъ изъ души, а не мудрилъ умомъ, не бралъ работой?.. Возьмите Крылова: оставляя покуда въ сторонѣ вопросъ о баснѣ, какъ художественномъ произведеніи, и смотря на него самого даже не какъ на поэта, а какъ на краснобая, не видите ли вы въ немъ чистѣйшей народности, безъ всякой примѣси тривіальности; не доказывается ли его народность и живымъ сочувствіемъ къ нему народа русскаго, и его непереводимостью ни на какой языкъ въ мірѣ?—Теперь возьмемъ другую сторону, совершенно противоположную этой, возьмемъ „Онѣгина“, лучшее произведеніе Пушкина: развѣ эта Татьяна, Ольга, этотъ Ленскій, эти старики Ларины, эти провинціальныя фигуры, Буяновы, Пѣтушковы, Зарѣцкіе, самый Онѣгинъ—развѣ они, будучи лицами типическими, человѣческими и слѣдовательно всемірными, не принадлежатъ исключительно къ русскому міру, не взяты изъ русской жизни; развѣ, перемѣнивъ ихъ имена на Адольфовъ, Генріеттъ, Эрнестовъ, Амалій, вы не уничтожите ихъ смысла, ихъ значенія?—Но, скажутъ можетъ-быть иные, это доказываетъ только, что поэтъ, зная хорошо свое общество, вѣрно описалъ его, а не то, чтобы онъ былъ народенъ, потому что онъ такъ-же бы вѣрно могъ описать и нѣмецкое общество; слѣдовательно народность состоитъ во взглядѣ на вещи и формахъ проявленія чувствъ и мыслей!—Такъ, милостивые государи, вы почти правы, но вотъ въ чемъ дѣло: могъ ли бы поэтъ вѣрно описать свое общество, еслибъ онъ не симпатизировалъ ему, еслибъ не былъ участникомъ его жизни, повѣреннымъ его тайнъ? Если жъ онъ такъ

вѣрно могъ изобразить какой-нибудь эпизодъ изъ европейской жизни, это значитъ только, что мы, русскіе, также причастны и европейской жизни, какъ своей собственной. Что жъ касается до народности собственно поэта, то вамъ стоитъ только попристальнѣе взглядѣться въ „Онѣгина“, чтобы въ мысляхъ и чувствахъ самого автора увидѣть всѣ элементы народности, чтобы признать, что только русскій поэтъ, и притомъ въ извѣстный моментъ русской жизни, могъ такъ мыслить и чувствовать и такъ выражать свои мысли и чувства! Наконецъ возьмемъ еще третью сторону, совершенно не похожую на обѣ первыя, возьмемъ сочиненія Гоголя. Въ нихъ поэтизируется по большей части жизнь собственно народа, жизнь массы, и автору очень естественно было бы впасть въ простонародность, но онъ остался только народнымъ, и въ томъ же самомъ смыслѣ, въ которомъ народенъ Пушкинъ. Отчего жъ это? Оттого, что Гоголь поэтъ, что онъ владѣетъ высокимъ и могучимъ талантомъ; оттого, что въ его описаніи какой-нибудь глупой ссоры двухъ идіотовъ, или пошлой жизни двухъ простаковъ я вижу взглядъ на жизнь, взглядъ грустно-шутливый; я воображаю, сколько въ мірѣ людей, которыхъ жизнь, проходитъ въ мелочахъ эгоизма, въ ѣдѣ, питьѣ и спаньѣ, и которые думаютъ, что они живутъ и дѣлаютъ должное; воображаю и мнѣ становится грустно... Самыя такъ-называемыя сальности и плоскости, которыя у всякаго другого были бы неминуемо отвратительны, въ повѣстяхъ Гоголя отличаются какой-то граціей, смягчаются какой-то наивностью; встрѣчая самыя рѣзкія изъ нихъ, вы прощаете ихъ автору, какъ прощаете гримасу прекрасной и любимой женщинѣ! Что же слѣдуетъ изъ всего этого? А то, что у кого есть талантъ, кто поэтъ истинный, тотъ не можетъ не быть народнымъ!

Но у кого нѣтъ таланта, и кто захочетъ быть народнымъ, тотъ всегда будетъ простонароднымъ и тривіальнымъ; тотъ можетъ быть вѣрно спишетъ всю отвратительность низшихъ слоевъ народа, кабака, площади, избы, словомъ, — черни, но никогда не уловитъ жизни народа, не постигнетъ его поэзіи. Самымъ лучшимъ и самымъ живымъ доказательствомъ этой истины можетъ служить Ушаковъ. Онъ народенъ въ пошло-

понимаемомъ смыслѣ этого слова, но избавь насъ Богъ отъ такой народности—она и такъ ужъ надоѣла намъ! Оставляя въ покоѣ народность твореній Ушакова, я покажу здѣсь только ихъ провинціальность и слѣдовательно ихъ важность для „Библіотеки для Чтенія“. Очень жалѣю, что у меня нѣтъ теперь подъ рукой той книжки „Библіотеки“, гдѣ помѣщена повѣсть Ушакова „Сельцо Дятлово“. То-то славная, то-то чудная повѣсть! Вотъ ужъ истинно народная и совершенно провинціальная! Въ ней описывается прежалостная исторія, а провинція такъ любитъ жалостныя исторіи; развязка ея счастливая, а провинція еще больше любить счастливыя развязки. Если я только не совѣмъ забылъ, то дѣло, изволите видѣть, вотъ въ чемъ: одинъ помѣщикъ взялъ къ себѣ на воспитаніе двухъ сиротокъ, мальчика и дѣвочку; едва дѣвочка успѣла сдѣлаться дѣвушкой, какъ злодѣй лишилъ ея невинности. Она отъ него, кажется, скрылась и пропала изъ глазъ его лѣтъ на десять. Что же? Онъ, кажется, опять пошелъ служить и, мучимый совѣстью, искалъ свою жертву, чтобъ какъ-нибудь загладить свое преступленіе. Наконецъ, будучи уже майоромъ, узналъ ее въ толстой богатой вдовѣ-купчихѣ, женился на ней, началъ пить вмѣстѣ ерофеичъ, браниться съ ней по военному, а она съ нимъ покупчески; иногда доходило и до драки: онъ, какъ водится, справлялся съ своей дражайшей половиной кулаками и пинками, а она, какъ водится, отдѣлывалась отъ атакъ своего сожителя когтями и ухватами; проспавшись, они мирились, и такимъ образомъ въ мирѣ и любви прожили до глубокой старости. Братъ ея былъ отданъ въ полкъ, и старый майоръ писалъ къ нему поучительныя посланія, исполненныя нравственности овощныхъ лавочекъ, отличавшіяся канцелярско-мѣщанскимъ слогомъ. Все это у Ушакова ужасъ какъ мило и занимательно и поучительно для всѣхъ вообще читателей, для провинціальныхъ въ особенности. Потомъ, въ седьмой книжкѣ „Библіотеки“, уже за прошлый годъ, безъ васъ, помѣщена другая повѣсть Ушакова: „Піюша“; эта повѣсть названа почтеннымъ авторомъ карикатурой, и названа такъ не безосновательно. Ею-то займусь я здѣсь въ особенности, потому что она для васъ должна быть новостью.

Быль-жилъ въ Москвѣ Тихонъ Михеевичъ, сынъ небольшого чиновника, который оставилъ своему сыну душъ съ полсотни, плодъ взяточничества. Хотя почтенный Ушаковъ и не скрываетъ отъ своихъ читателей, что батюшка героя его повѣсти былъ воръ, однако замѣчаетъ, что онъ „пользовался расположеніемъ и одобреніемъ своихъ покровителей, дружбой своихъ товарищей и уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его“. Послѣ чего почтеннѣйшій Ушаковъ съ удивительной наивностью прибавляетъ: „этотъ капиталецъ стоитъ нѣсколько ревизскихъ душъ!“ Нечего сказать — хорошъ капиталецъ, хороша логика!... Тихонъ Михеевичъ до сорока пяти лѣтъ волочился за дѣвушками, но шутницы всегда измѣняли ему, и онъ послѣ каждой измѣны со вздохомъ восклицалъ: „ахъ, измѣнницы!“ Когда жъ ему минуло сорокъ пять лѣтъ, онъ не шутя задумалъ жениться на кубической или, какъ замѣчаетъ остроумный авторъ, эллипсоидической дурищѣ, Липашѣ. Не смотря на то, что Тихонъ Михеевичъ не зналъ „французскаго языка и теорій изящнаго, онъ зналъ хорошо дѣла, любилъ чтеніе, въ особенности былъ страстенъ къ стихамъ, говорилъ хорошо, судилъ здраво и мастерски писалъ дѣловыя бумаги“. Мы должны прибавить еще, что онъ не только былъ мастеръ на дѣловыя бумаги и любилъ стихи, но и самъ былъ въ душѣ глубокий поэтъ, чему доказательствомъ можетъ служить слѣдующее четверостишіе его работы, сдѣланное имъ для своей глупой и уродливой невѣсты.

Кривошеина прелестна!
Лзя ль тебя мнѣ не любить?
Безъ тебя въ груди мнѣ тѣсно;
Не могу тебя забыть.

Несмотря на то, что Тихонъ Михеевичъ былъ чрезвычайно смѣшонъ и уродливой наружности, длиненъ до нельзя ростомъ, „онъ былъ человѣкъ умный, добрый и честный“. Не правда ли, что такой герой для провинціальной повѣсти лучше всякаго Ахилла и Джяура? Не правда ли также, что для столицы онъ рѣшительно не годится? — О! „Библіотека“ знаетъ, какія нужны для провинціи повѣсти, а Ушаковъ знаетъ, какія нужны для „Библіотеки“ повѣсти.

Тихонъ Михеевичъ женился, и вышла прекрасная пара: жена была мала ростомъ и толстая, зато мужъ былъ длиненъ и худощавъ; оба были глупы, какъ нельзя больше, и мужъ съ большимъ резономъ могъ бы пропѣть этотъ куплетъ изъ одной старинной пѣсни:

Оекла, ты карикатура,
Гурь—нетесаный чурбакъ;
Ты невинна, что ты дура,
Я невиненъ, что дуракъ!

Женясь, наши дурачки такъ разнѣжились, что жена мужа стала называть Тишей, а мужъ жену—Піюшей, и вотъ отчего повѣсть получила названіе „Піюши“; это же слово произведено отъ Олимпіады, а не отъ пьяницы (Піюша уже впоследствии сдѣлалась пьяницей, когда, къ немалому удовольствію своего сожителя, пристрастилась къ пиву). Какъ любилъ Тихонъ Михеевичъ свою дражайшую половину, Боже мой, какъ онъ любилъ ее! Она была его утѣхой, радостью, игрушкой; она бросалась со всего размаха на его тощія ноги, прыгала ему на шею, скакала по комнатѣ, такъ что дребежжали окна. Но земное счастье не прочно; рано или поздно, а долженъ же быть ему конецъ, и онъ насталъ, этотъ роковой конецъ, счастьемъ нѣжнаго мужа. И что лишило блаженства добраго Тихона Михеевича: болѣзнь или смерть жены, чума или холера? О, нѣтъ, все не то! вѣкъ будете думать, а все не придумаете; только чудотворная фантазія Ушакова могла изобрѣсти такую ужасную и непредвидѣнную катастрофу супружескаго счастья. Слушайте и дивитесь, — какъ изобрѣтательна, какъ смѣла бываетъ провинціальная фантазія...

Однажды, когда Тихонъ Михеевичъ сидѣлъ въ туфляхъ, во фланелевой фуфайкѣ и любовался, какъ прыгала его ненаглядная Піюша, а она, говоритъ авторъ, „прыгала такъ увѣсисто, что каждымъ ея прыжкомъ можно было вколотить сваю на вершокъ“, ему вдругъ пришла въ голову охота за-пищать:

— „Піюша! Піюшечка моя! Піюсеночекъ!
„Ну, что?“—„Дай мнѣ табачку понюхать, моя милочка!“—„Вишь какой! лѣнь самому встать!“—„Изъ твоихъ пальчишекъ мнѣ пріятнѣе, мой котеночекъ!“—„Хорошо, хорошо!“ и Піюша сунула ему табакъ въ носъ.—

Какъ пріятно! какъ вкусно! говорилъ Тиша, протягивая губы къ толстымъ пальцамъ Піюши.—Любишь ли ты меня?—„Люблю“.—А вотъ сейчасъ узнаю. . .! А . . . а . . . а . . . а . . . чихъ! . . . правда! правда!—„Ну, такъ не люблю!—Не любишь? . . . Нѣтъ, не правда. Не чихается! — „Понюхай еще!“ и Піюша забила ему такую щепоть, что Тиша, еще не донюхавши, расчихался.—„Ха, ха, ха! Вотъ видишь?“—По . . . постой . . . а . . . чихъ! . . . а . . . пос . . . той! . . . Вотъ . . . а . . . чихъ! . . . Вотъ тебя!—„Я убѣгу!“—А я поймаю!

И Тихонъ Михеевичъ, расширивъ руки и ноги въ сажень, началъ передвигаться направо и налѣво, ловя Піюшу, которая такъ прыгала, что стѣны дрожали.

— Поймалъ, поймалъ? . . . Постой же, подь арестъ тебя, подь караулъ!

(Онъ усадилъ ее въ небольшія кресла, или табуретъ, стоявшій въ углу). Сиди тутъ! Смирно! . . . Пока я не позову. Смирно!

И, скорчившись, онъ началъ пятиться до самой двери, приговаривая: „сидѣть! сидѣть!“—Тутъ онъ, все вскорчившись, приподнялъ обѣ ладони противъ лица и началъ манить пальцами, крича: цыпъ, цыпъ, сюда, сюда!“ На этотъ крикъ Піюша вскочила и побѣжала.—Ахъ!—„Что случилось?“

Случилась бѣда, и какая бѣда! Вотъ здѣсь-то надо видѣть всю широту, всю размашистость кисти Ушакова, и удивляться ей! Дѣло вотъ въ чемъ: вамъ ужъ извѣстно, что Тиша посадилъ свою Піюшу въ табуретъ, который былъ съ ручками, какъ кресла, и такъ какъ содержащее было ограничениѣе содержамаго, то, когда Піюша побѣжала къ мужу, содержащее какъ будто обхватило содержимое и приросло къ нему. Какая картина! Дорого бы я далъ, чтобъ увидѣть ее въ натурѣ! О, Ушаковъ обладаетъ изобрѣтательнымъ гениемъ! Не всякому бы пришла въ голову такая чудная идея!—Піюша разсердилась и назвала своего мужа „толстолапымъ медвѣдемъ“. Въ дверяхъ раздался хохотъ, излетавшій изъ горла молодого человѣка съ усами, отвратительно нахальнаго вида. Это былъ Виссаріонъ Кривошеинъ, двоюродный братъ Піюши. Чудное лицо этотъ Виссаріонъ Кривошеинъ, или попросту Висяша! Онъ злодѣй — что передъ нимъ Францъ Мооръ! въ ученики не годится. Да, фантазія Шиллера должна замерзнуть передъ фантазіей Ушакова! Вы не можете представить, какъ я радъ, что русскій поэтъ побѣдилъ нѣмецкаго. А вѣдь знаете ли что? одна и та же причина произвела Франца Моора и Висяшу Кривошеина — ненависть къ пороку! Висяша

былъ благодѣтельствованъ отцомъ Піюши, который его, сироту, выучилъ „французскому языку и другимъ наукамъ и отдалъ въ университетъ“. Висяша не учился, пилъ и буянилъ въ трактирахъ, за что и былъ исключенъ изъ университета, но нисколько не унылъ отъ этого, а только называлъ съ презрѣніемъ своихъ наставниковъ „отсталыми“. Потомъ онъ поступилъ въ военную службу, кое-какъ дослужился до офицерскаго чина, послѣ чего былъ выгнанъ и изъ военной службы за свое нахальство и дерзость. Потомъ обаялъ своими дерзкими сужденіями одного помѣщика, который, возымѣвъ высокое понятіе о его достоинствахъ, поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей; но такъ какъ Висяша сдѣлалъ ихъ негодяями, то и былъ выгнанъ изъ дому. Эта исторія повторилась съ нимъ и въ другомъ домѣ. Не правда ли, что Висяша мерзкій, негодный человѣкъ? Впрочемъ неудивительно, что онъ былъ такимъ: „Висяша судилъ и рядилъ о Фихте и о Гегелѣ, и былъ такъ убѣжденъ въ тождествѣ міровъ идеальнаго и реальнаго, что смѣло называлъ презрѣнными невѣждами тѣхъ, которые не понимали знаменитаго тождества. Въ особенности плѣнился Висяша Шеллинговымъ. „Я“. „Теперь дѣло, кажется, очень ясно: можетъ ли быть не буяномъ, не пьяницей и не нахаломъ человѣкъ, который читаетъ Фихте, Гегеля и Шеллинга, разсуждаетъ объ идентитетѣ и о Я?“

Почтеннѣйшіе, за что такая ненависть къ философіи? Или хорошъ виноградъ, да зеленъ — набьешь оскомину? Перестаньте подрывать у дуба корни, поднимите ваши глазки вверхъ, если только вы можете поднимать ихъ вверхъ, и узнайте, что на этомъ-то дубѣ растутъ ваши жолуди...

Обратится къ Висяшѣ. Ему нечего было ѣсть, онъ вспомнилъ, что его кузина вышла замужъ за достаточнаго человѣка, и отправился къ ней. Онъ былъ принятъ Тишей радушно, Піюшей тоже, и, въ благодарность, началъ толковать Тишѣ, что онъ живетъ для того только, чтобъ жить, и пр., а Піюшу сталъ вразумлять, что ея мужъ — дуракъ. Потомъ сманилъ Піюшу и увезъ это сокровище отъ его обожателя. Тиша съ горя умеръ, и пр., и пр. Что жъ за идею хотѣлъ выразить Ушаковъ своимъ Висяшею? А вотъ какую:

„Мой Висяша существо не выдуманное и не заимствованное изъ карикатуры Гюи-де-Кари. Нѣтъ, онъ существуетъ и духомъ, и плотью, но существуетъ не въ одномъ лицѣ, а въ тысячѣ, въ сотняхъ тысячъ лицъ. Геніемъ парить онъ надъ просвѣщенной Европой и силится доказать, что онъ не болѣе и не менѣе, какъ духъ времени, представитель успѣховъ разума новѣйшаго и лучшаго поколѣнія“.

Но что жъ тутъ худого? Если такъ, то, право, Висяша славный малый, и мы не понимаемъ ненависти къ нему почтеннаго Ушакова. Но, постойте, я сейчасъ найду ключъ къ разрѣшенію этого недоразумѣнія.

„Висяша теперь всѣмъ недоволенъ, даже и тѣмъ, что солнце свѣтитъ. Такъ, почтенный читатель, когда вы въ театрѣ, сидя въ креслахъ, съ удовольствіемъ смотрите на пьесу и на игру актеровъ и слышите, что позади васъ кто-то ропшетъ, презрительно насмѣхается и говоритъ вполголоса, по-русски: „что за мерзость!“ по-французски: „quelle horreur!“ вы, не оглядываясь, знайте, что за вами сидитъ Висяша. Когда вы читаете хорошую книгу и, наслаждаясь ею въ душѣ, говорите спасибо автору, и вдругъ вамъ приносятъ журналъ, въ которомъ та же книга оцѣнена ниже поношенныхъ лаптей, повѣрьте, что эта оцѣнка сдѣлана Висяшею“.

А, такъ вотъ что! Вотъ въ чемъ вся бѣда-то! Понимаемъ!... Ушаковъ теперь ужъ не критикъ, не рецензентъ; это ремесло не далось ему, и онъ оставилъ его; онъ теперь писатель, онъ ужъ не судья, а подсудимый! Конечно чего бояться хорошему автору? Какъ бы ни была злонамѣренна критика, но она никогда не уронитъ хорошаго сочиненія, особенно художественнаго. Вѣдь и на Байрона напали съ ожесточеніемъ, вѣдь и Гёте преслѣдовали запальчиво, а все-таки Байронъ остался Байрономъ, а Гёте—Гёте. За что жъ это ожесточеніе противъ рецензентовъ? Не есть ли это сознаніе своей посредственности, ропотъ авторитета, чувствующаго свое паденіе?... Къ тому же давно ли почтенный Ушаковъ былъ такимъ грознымъ, такимъ неумолимымъ гонителемъ бѣднаго нашего театра? Давно ли онъ былъ такимъ неутомимымъ рыцаремъ противъ классиковъ и осыпалъ ихъ, бѣдныхъ, съ ногъ до головы картечью своихъ тяжело-словенскихъ остротъ, за неимѣніемъ чисто русскихъ?... Что жъ это такое? Или сознаніе несправедливости своихъ прежнихъ мнѣній?... Нѣтъ! не то означаетъ это отступничество отъ самого себя, это воз-

вращеніе къ классицизму, это покровительство посредственности; тутъ есть двѣ другія причины; первая: Ушаковъ увидѣлъ, что онъ въ излишней запальчивости колотилъ своихъ; вторая: онъ хотѣлъ написать повѣсть для „Библіотеки“ и слѣдовательно для провинціи, и тутъ и тамъ онъ вѣроятно успѣлъ. Итакъ, поздравляемъ!...

Есть еще въ „Библіотекѣ“ курьезная повѣсть „Бѣда, если бѣ не медвѣдь“; съ этой я познакомлю васъ какъ можно короче. Прапорщикъ Рамирскій влюбился въ княгиню Золотопольскую, прекрасную и молодую вдову. Будучи семнадцати лѣтъ, прелестная Марія вышла за семидесятилѣтняго скареда. Мужъ ея вскорѣ заболѣлъ, а она передъ его смертью уѣхала въ Италію. Въ ея отсутствіе вкралась въ довѣренность издыхающаго скелета капитанша Дарья Климовна Горщъ. и вслѣдствіе ея плутней князь сдѣлалъ такое завѣщаніе, что если княгиня выйдетъ замужъ по выбору капитанши, то наслѣдуетъ милліонъ двѣсти тысячъ; въ противномъ же случаѣ, должна удовольствоваться только стами тысячами, а остальные пойдутъ къ законнымъ наслѣдникамъ. Капитанша имѣла очень важную причину способствовать такому распоряженію со стороны стараго сластолюбца: у ней былъ племянникъ вродѣ Митрофанушки, и за него-то прочила она княгиню. Эта, разумѣется, отказалась, взяла свои сто тысячъ, и очень скоро ихъ промотала. Между тѣмъ ея любезный Рамирскій возвратился изъ польской компаніи уже поручикомъ, увѣщенный орденами, и началъ наступательно требовать руки княгини. Княгиня рѣшилась застрѣлиться, а передъ смертью задать пиръ на славу. Надобно сказать, что у капитанши былъ задушевный другъ, маіоръ Фролъ Силычъ Торопенко, который питалъ удивительную симпатію къ скотамъ и любилъ ихъ выкармливать; такъ выкормилъ онъ медвѣженка и тайкомъ отъ капитанши держалъ его въ домѣ. Капитанша, напившись шампанскаго до несостоянія держаться на своихъ капитанскихъ ногахъ и намазавъ себѣ щеки мастикой своего изобрѣтенія, растворенной въ меду, легла въ комнатѣ, смежной съ комнатою маіора. Вдругъ раздался крикъ: „Спасите! спасите!... умираю!“—Въ комнату ввалила толпа, а съ нею и Рамирскій—и что жъ представилось изумленнымъ глазамъ зрителей?

„Одна изъ любопытнѣйшихъ сценъ частной жизни. Медвѣдь, привлеченный медовымъ запахомъ мастики, изволилъ облапить Дарью Климовну и прехладнокровно облизывать ея тучныя ланиты“.

Какова сцена?... И для кого она?... Ужъ конечно не для столицы, а для провинціи!—Но посмотримъ, чѣмъ кончилось дѣло.

Рамирскій бросился въ комнату княгини, которой онъ отдалъ на сохраненіе свои пистолеты. Вбѣгаетъ, что жъ? Княгиня лежитъ на полу, распростертая передъ образомъ, а подлѣ ней, на полу, пистолетъ со взведеннымъ куркомъ. Ужасъ, да и только! Женщина, которая, первая, изъ своего пола, хочетъ попробовать застрѣлиться!—Очевидно, что и этотъ эффектъ совершенно въ провинціальномъ духѣ, потому что и провинціальное воображеніе тоже находитъ неизъяснимую, таинственную прелесть въ ужасномъ (ужасномъ въ его вкусѣ).

А потомъ что? Разумѣется, Рамирскій заставилъ капитаншу дать слово, что она не будетъ противорѣчить княгинѣ въ выборѣ жениха, и застрѣлилъ медвѣдя. Ужасъ, какъ мило и затѣйливо! Въ этой же повѣсти авторъ, описывая петергофскій праздникъ перваго іюля и замѣчая, что въ этотъ день въ Петергофѣ заняты даже щели, говоритъ:

„Я хотѣлъ однажды описать, что дѣлается въ этихъ щеляхъ, но мнѣ сказали, что все уже описано Поль-де-Кокомъ.“

Жаль, право жаль! А это бы очень пригодилося для „Библиотеки“ и слѣдовательно для провинцій.

Читали-ль вы еще остроумную повѣсть Тимоѣева „Утрехтскія происшествія“? Очень занимательная повѣсть: въ провинціяхъ, я думаю, всѣ безъ ума отъ ней. Въ ней описанъ бунтъ женщинъ противъ мужчинъ, которыхъ онѣ, при помощи какой-то волшебницы, сировали подъ землю. Но что жъ вышло? Женщины скоро восчувствовали необходимость мужчинъ и поняли ихъ значеніе; перессорились между собой изъ лоскутковъ, раздѣлились на двѣ партіи; дѣло дошло до генеральнаго сраженія, обѣ враждующія стороны явились на мѣсто битвы съ оружіемъ въ рукахъ, но бросили это оружіе и вцѣпились другъ другу въ волосы и принялись въ потасовку. Здѣсь авторъ весьма основательно удивляется силѣ при-

роды. Дѣло кончилось тѣмъ, что мужчины были возвращены. Какая злая и умная насмѣшка надъ сен-симонистами и надъ госпожой Дюдеванъ!...

Приведу еще примѣръ, который, какъ самый сильный, я съ умысломъ берегъ къ концу, чтобъ оправдать пословицу: „конецъ вѣнчаетъ дѣло“. Есть въ „Библіотекѣ“ повѣсть Шидловскаго: „Уѣздная Казначейша“. Въ этой повѣсти между прочимъ повѣствуется, какъ толпа гулявшихъ вечеромъ по городу дамъ и кавалеровъ шла мимо казначесва огорода, плетень котораго во многихъ мѣстахъ обвалился, шла въ то время, когда въ огородѣ, въ густой и высокой крапивѣ, казначейша объяснялась въ любви какому-то мелкому уѣздному чиновнику, и какъ любопытная исправница, смекнувъ дѣломъ, поползла на четверенькахъ, чтобъ поближе рассмотреть неясно представлявшійся вечеромъ предметъ, и какъ собесѣдникъ казначейши, влѣпилъ исправницѣ въ лобъ полъно...

Но я чувствую, что зашелъ далеко, что слишкомъ глубоко разрылъ эту кучу перепрѣлаго и фосфорического навоза, что моимъ читателямъ можетъ сдѣлаться дурно; но я не виноватъ въ этомъ, я не выдумываю, а только представляю экстракты изъ тѣхъ изящныхъ произведеній, которыми лучший русскій журналъ потчуетъ нашу публику...

IV.

Перехожу къ отдѣленію „Иностранной Литературы“ въ „Библіотекѣ“. Это почти то же, что отдѣленіе „Русской Литературы“. Всѣ иностранныя повѣсти, подобно русскимъ, отъ первой строки до послѣдней проникнуты провинціализмомъ. Все, что составляетъ послѣдніе ряды французской литературы, все, что составляетъ балластъ французскихъ, иногда и англійскихъ журналовъ, что чуждо всякой изящности, что отзывается пустотой, посредственностью, мелочностью и что отзывается провинціальнымъ остроуміемъ, провинціальной забавностью, все это переводится въ „Библіотекѣ“. Тщетно стали бы вы искать въ этихъ повѣстяхъ анализа души и сердца человѣческаго, идей вѣка, взгляда на жизнь, глубокаго чувства, роскошной фантазіи; тщетно стали бы вы искать

между этими повѣстями такой, которая бы заставила васъ или воскликнуть въ порывѣ восторга: „прекрасна жизнь!“ или воскликнуть въ тоскѣ: „скучно жить на свѣтѣ!“ Скорѣй вы воскликнете, прочтя нѣсколько переводныхъ повѣстей „Библіотеки»: „скучно читать повѣсти въ „Библіотекѣ“, очень скучно!..“ Такъ какъ я общался ничего не говорить безъ доказательства, все подкрѣплять фактами, то приведу примѣра два, какъ ни скучно и ни тяжело для меня это. Въ одной на примѣръ повѣсти описывается, какъ одинъ чужакъ купилъ себѣ домъ, которымъ не могъ нарадоваться. Въ самомъ дѣлѣ, домъ былъ настоящее чудо, да вотъ бѣда, что онъ стоялъ на какомъ-то перекрестномъ пунктѣ, котораго нельзя было миновать, куда бы вы ни ѣхали изъ тѣхъ мѣстъ, куда вамъ надо ѣздить, и влѣдствіе этого къ чужаку стали заѣзжать въ гости и его, и женина родня и оставались у него по недѣлѣ и больше, чѣмъ, разумѣется, и разоряли его и надоѣдали ему безмѣрно, такъ что онъ принужденъ былъ бросить свой домъ. Чудная, прелюбопытная и препоучительная повѣсть! Въ другой описывается, какъ одинъ французъ, начитавшись въ „путешествіяхъ“ о прекрасныхъ чугунныхъ дорогахъ, о прекрасныхъ паровыхъ дилижансахъ, объ отличныхъ трактирахъ въ Англіи, рѣшился посмотрѣть все это собственными глазами, и что жъ?... Въмѣсто прекрасныхъ чугунныхъ дорогъ, онъ нашелъ мерзкую, тряскую, изрытую рытвинами дорогу; вмѣсто превосходныхъ паровыхъ дилижансовъ, онъ принужденъ былъ ѣхать въ одной повозкѣ, въ которой избилъ себѣ голову и намялъ бока, на тощихъ клячахъ, которыя, ступивши два шага впередъ, отступали шагъ назадъ; вмѣсто отличныхъ трактировъ, онъ провелъ часовъ шесть въ вонючей крестьянской лачугѣ, гдѣ чуть было не умеръ съ голоду. Вотъ и все тутъ. Какое же слѣдствіе долженъ вывести провинціальный читатель изъ этой повѣсти? А то, что чугунные дороги Англіи существуютъ только въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, и что „славны бубны за горами“! — Вообще надо замѣтить, что эта поговорка принята „Библіотекой“ за тезисъ, который она и развиваетъ самымъ ловкимъ образомъ. Провинція этому сочувствуетъ, это ободряетъ, и неудивительно: человѣкъ безграмотный съ особеннымъ

удовольствіемъ слушаетъ брань на грамотность, потому что эта грамотность есть его позоръ и безславіе. Лѣстить толпѣ всего выгоднѣе, это игра навѣрняка. Кажется, „Библиотека“ очень хорошо поняла эту истину. И зато, мнѣ извѣстно изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что „Библиотека“ проникла даже въ такія мѣста, куда едва проникали доселѣ азбуки и календари. Итакъ, честь и слава ея ловкости, ея дѣятельности!..

За отдѣломъ русской и иностранной словесности слѣдуетъ въ „Библиотекѣ“ ученый отдѣлъ, подѣ рубрикой „Науки и Художества“. Этотъ отдѣлъ самый лучшій; въ немъ встрѣчаются иногда статьи, истинно заслуживающія вниманія, истинно прекрасныя и любопытныя. Разумѣется, лучшія изъ этихъ статей по большей части переводныя; но случаются иногда хорошія изъ оригинальныхъ. Такъ напр., мы прочли нѣсколько занимательныхъ и мастерски написанныхъ отрывковъ изъ „Записокъ Дениса Васильевича Давыдова“; прочли статью, кажется, подѣ названіемъ „Воспоминанія Сиріи“, — статью интересную, живую, проникнутую чувствомъ. Говорятъ, что сочинитель ея есть не кто иной, какъ редакторъ „Библиотеки“: мнѣ до этого нѣтъ дѣла; чья бы ни была статья, она прекрасна, этого для меня довольно. Итакъ, отдѣлъ „Наукъ и Художествъ“ есть лучшій въ „Библиотекѣ“, но онъ имѣетъ одинъ недостатокъ, и очень важный: къ этому отдѣлу нельзя имѣть полного довѣрія, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ переводнымъ статьямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если читателямъ этого журнала извѣстно, что онъ не только поправляетъ и передѣлываетъ Балъзака, но даже укорачиваетъ выпусками оригинальныя статьи, какъ-то было сдѣлано имъ съ статьей Шевырева „Сикстъ V“, то кто жъ имъ поручится, что, читая статью иностраннаго ученаго, они получаютъ понятіе о взглядѣ на извѣстный предметъ этого ученаго, а не какого-нибудь неизвѣстнаго (или, пожалуй, и извѣстнаго) рыцаря, который изъ-за знаменитаго имени выставляетъ имъ свою незнаменитую личность?.. Это предположеніе тѣмъ основательнѣе, что всѣ статьи „Библиотеки“ ученныя и не ученныя (исключая немногихъ оригинальныхъ), отличаются какимъ-то общимъ характеромъ и во взглядѣ, и

изложеніи, а этотъ общій характеръ отличается какимъ-то провинціальнымъ брамбеизмомъ. Такая манера намъ кажется очень недобросовѣстной. Возьму для примѣра повѣсть Бальзака „Дѣдъ Горіо“. — Для кого переводятся въ журналахъ иностранныя повѣсти? Для людей, или не знающихъ иностранныхъ языковъ, или знающихъ, но не имѣющихъ средствъ пользоваться иностранными книгами. Теперь, для чего эти люди читаютъ иностранныя повѣсти? Я думаю, не для одной забавы, даже и не для одного эстетическаго наслажденія, но и для образованія себя, чтобъ имѣть понятіе, что пишетъ тотъ или другой иностранный писатель и какъ пишетъ. Какое же понятіе получаетъ онъ о Бальзакѣ, прочтя его повѣсть въ „Библіотекѣ“? — Но „Библіотекѣ“ до этого нѣтъ дѣла: она себѣ на умѣ, она смѣло придѣлываетъ къ „Старику Горіо“ пошло-счастливое окончаніе, дѣлая Растиньяка милліонеромъ; она знаетъ, что провинція любитъ счастливыя окончанія въ романахъ и повѣстяхъ. Напротивъ, если она встрѣчаетъ въ иностранной статьѣ какую-нибудь плоскость во вкусѣ провинціи, то не выпуститъ ея; нѣтъ! она скорѣй свою прибавитъ. Такъ, въ шестой книжкѣ этого журнала, въ отдѣлѣ „Иностранной Словесности“ есть статья очень забавная и занимательная — „Амброзіанскія Ночи“. Въ ней двое пріятелей, Скотоводъ и Нортъ, разговариваютъ о безсмертіи души, а потомъ переходятъ къ переселенію душъ, и Скотоводъ сказалъ, что прежде, чѣмъ сдѣлался скотоводомъ, онъ былъ львомъ, и очень мило началъ рассказывать исторію своей львиной жизни.

„Нортъ. Скажи, пожалуйста, правда-ли, что левъ предпочитаетъ человѣче мясо всякому другому и, отвѣдавъ его однажды, обыкновенно дѣлается антропофагомъ?“

Скотоводъ. Онъ можетъ дѣлаться и можетъ не дѣлаться антропофагомъ, потому что я не знаю, что такое антропофагъ. Что касается до предпочтенія, оказываемаго имъ человѣческому мясу, то это много зависитъ отъ его качества и доброты. Я на примѣръ никогда не могъ безъ принужденія съѣсть старой бабы, какъ бы она жирна ни была, не говоря уже о старикахъ. *A la longue*, предпочиталъ я серну даже самой молоденькой и мягкой дѣвушкѣ. Дѣвчатица хороша въ двѣ, въ три недѣли разъ, а всякій день надоѣстъ до смерти“.

Спрашивается: для кого, какъ не для провинціи, переведена или, что вѣроятнѣе, придѣлана послѣдняя фраза?..

Но я началъ говорить объ ученомъ отдѣлѣ „Библіотеки“; возвращаюсь къ нему, чтобы сказать слова два объ одной изъ его статей: „Способности и мнѣнія новѣйшихъ путешественниковъ по Востоку“. Это статья оригинальная, мы даже знаемъ, кому она принадлежитъ, хотя подъ ней и не стоитъ никакого имени. Странно заглавіе этой статьи, но еще страннѣе ея содержаніе, и если бы я не попалъ на счастливую идею основанія, цѣли, усилій и успѣховъ „Библіотеки“, выражаемыхъ однимъ словомъ „провинція“,-- то былъ бы принужденъ возложить на свои уста перстъ молчанія и сознаться, что умъ мой сталъ коротокъ или, другими словами, сѣлъ на пятки. Но Аллахъ керимъ! теперь я догадался, такъ ничему не дивлюсь и все понимаю. Знаете ли вы, Николай Ивановичъ, какая главная, основная мысль этой статьи?.. А вотъ такая: всѣ путешественники по Востоку врутъ и порютъ дичь, не понимая въ особенности Турціи, и именно не догадываясь, что Турція въ тысячу разъ цивилизованнѣе и образованнѣе Европы, что она пользуется не искусственной, фальшивой цивилизаціей, а истинной, основанной на нравственномъ достоинствѣ всѣхъ индивидуумовъ, составляющихъ эту имперію... Мысль по истинѣ смѣлая и совершенно новая!.. Знаете ли, что было сдѣлала со мной эта статья? Меня уже одинъ разъ и такъ обвиняли въ ренегатствѣ, какъ вамъ извѣстно, и обвиняли напрасно; но когда я прочелъ эту статью, то—дивитесь—чуть было въ самомъ дѣлѣ не сдѣлался ренегатомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и чуть было не укатилъ въ благословенную Турцію... Правда, мнѣ хорошо, очень хорошо и въ своемъ отечествѣ; правда, живя въ немъ, я каждый вечеръ засыпаю спокойно, въ полной увѣренности, что встану поутру живъ, что если могу умереть ночью, то по волѣ Божьей, а не по прихоти или злобѣ людской; правда, я всегда смѣло хожу по улицамъ, не боясь, что меня кто-нибудь хватить кинжаломъ въ бокъ, да и былъ таковъ, или что начальникъ города велитъ посадить меня на колъ для своего удовольствія, или отдуть по пятамъ для наставленія на путь истинный; правда, я всегда увѣренъ, что если буду вести себя какъ слѣдуетъ благородному человѣку и не буду мѣшаться не въ свои дѣла, то никогда не узнаю даже, что такое заключеніе,

тюрьма. Да! все это я знаю и во всемъ этомъ сердечно увѣренъ; но страна, гдѣ люди всѣ справедливы въ высшемъ значеніи этого слова, гдѣ они не дѣлаютъ зла не потому, чтобы боялись наказанія, а потому, что ненавидятъ зло... спрашиваю васъ, у кого же не родится сильнаго, непреодолимаго желанія взглянуть на эту страну хоть однимъ глазкомъ?.. А у меня, каюсь въ грѣхѣ, родилось даже преступное желаніе водвориться тамъ на вѣки... Сказать правду, мнѣ приходило на мысль во-первыхъ сажаніе на колъ, потомъ палочное щекотаніе по пятамъ, далѣе прибиваніе гвоздемъ за ухо къ дереву, съ размалевкою лица медомъ, для накормленія насѣкомыхъ,—наконецъ погруженіе женщинъ въ мѣшкахъ на дно морей и океановъ... Но что жъ, подумалъ я, можетъ быть мы, европейцы, принимаемъ въ этомъ случаѣ слова за вещи, забывая, что восточные жители, обладающіе пламеннымъ воображеніемъ, любятъ выражаться иносказательно, что сажать на колъ у нихъ означаетъ можетъ быть возносить человѣка на верхъ почестей и славы; бить по пятамъ—посвящать въ кавалеры какого-нибудь ордена; что прибиваніе гвоздемъ за ухо значитъ симпатическій способъ леченія отъ какой-нибудь болѣзни, напр. отъ водянки или полнокрвія; что бросить женщину на дно моря, завязанную въ мѣшкѣ, значитъ завязать женщину въ мѣшокъ любви и бросить на дно сердца, или что-нибудь подобное... По счастью я вѣрю и вѣрилъ всегда, что какъ всякій народъ въ частности, такъ и человѣчество вообще могутъ быть одолжены своимъ нравственнымъ совершенствомъ только благодѣтельному вліянію христіанской вѣры, единой истинной вѣры на землѣ, а не чувственному и грубому магометанству. Эта увѣренность удержала меня, и только ей обязаны вы, что не лишились своего дѣятельнаго сотрудника, а отечество — вѣрнаго сына; безъ нея я носилъ бы теперь чалму, и можетъ быть имѣлъ бы случай на опытѣ перевести на прозаическій языкъ поэтическія выраженія жителей Востока. Впрочемъ надо вамъ сказать, что соблазнъ такъ силенъ, что я долго еще колебался; оставилъ же совершенно свое намѣреніе не прежде, какъ напалъ на счастливую мысль, что „Библіотека“—журналъ провинціальныи, и что она часто съ умысломъ отпускаетъ про-

винціальныя *bons-mots*, къ числу которыхъ принадлежитъ и статья „Способности и мнѣнія путешественниковъ по Востоку“.

За отдѣломъ „Наукъ и Художествъ“ слѣдуетъ отдѣлъ „Промышленности и Сельскаго Хозяйства“; о немъ я умалчиваю, какъ о предметѣ для меня не интересномъ и совершенно мнѣ незнакомомъ. Слѣдующіе за нимъ отдѣлы, „Критика“ и „Литературная Лѣтопись“, вызываютъ меня—и я спѣшу къ нимъ.

„Критика“ есть самый жалкій, самый плохой отдѣлъ, а „Литературная Лѣтопись“ — одинъ изъ немногихъ отдѣловъ, которыми „Библіотека“ по справедливости можетъ гордиться. Странное противорѣчіе!.. Какъ хотите, однакожь такъ въ самомъ дѣлѣ, и это опять не совсѣмъ удивительно: есть люди, у которыхъ ума хватаетъ на статью въ нѣсколько страницъ, но есть также люди, у которыхъ ума хватаетъ только на нѣсколько строкъ. Причина этому заключается въ раздѣлѣ труда, на который природа обращаетъ вниманія гораздо больше, чѣмъ политическая экономія. Притомъ же иному талантъ, иному два...

Я не хочу нападать на явное отсутствіе добросовѣстности и благонамѣренности въ критическомъ отдѣлѣ „Библіотеки“, не хочу указывать на безпрестанныя противорѣчія, на какое-то хвастовство умѣньемъ смѣяться надъ всѣмъ, надъ приличіемъ и истиной: обо всемъ этомъ много говорили другіе и мнѣ почти ничего не оставили сказать. Скажу только, что недобросовѣстность критики „Библіотеки“ заключается въ какой-то непонятной и высшей причинѣ, кромѣ обыкновенныхъ и пошлыхъ журнальныхъ отношеній. Тю-Тюнджи-Оглу ненавидитъ всякій родъ истинной славы, гонитъ съ ожесточеніемъ все, чтò ознаменовано талантомъ, и оказываетъ всевозможное покровительство посредственности и бездарности: Булгаринъ и Гречъ у него — писатели превосходные, таланты первостепенные, а Гоголь есть русскій Польде-Кокъ и конечно нейдетъ ни въ какое сравненіе съ этими геніями. Но это все ужъ старо и довольно пошло и скучно для повторенія: приведу примѣръ поновѣе и посвѣжѣе. Выходитъ новый романъ Лажечникова, произведеніе конечно не геніальное, не великое, не безсмертное, но ознаменованное печатью истиннаго дарованія, но дышащее живой, неподдѣль-

ной теплотой, кипящее благородным жаромъ, словомъ, — плодъ искренней, задушевной и образованной мысли, и въ то же почти время выходитъ какое-то бездарное произведение, подъ именемъ „Записокъ Горянова“. Что же? Критикъ „Библіотеки“ берется разсматривать въ одной статьѣ оба эти произведенія, отпускаетъ нѣсколько плоскихъ остротъ на счетъ перваго и превозноситъ до небесъ послѣднее!.. Конечно это шутка, и для забавника очень удачная, потому что умные тотчасъ догадаются, что онъ „изволить потѣшаться“, и не придутъ въ сомнѣніе на счетъ его ума и вкуса, а глупые подивятся его уму и вкусу и повѣрятъ ему на-слово: въ томъ и другомъ случаѣ расчетъ вѣрный и шутка хоть куда! — Все такъ, но можетъ ли и долженъ ли человѣкъ, для котораго истина что-нибудь значить, который имѣетъ уваженіе къ своему человѣческому достоинству, можетъ ли и долженъ ли онъ такъ шутить?.. Нѣтъ, воля ваша, а тутъ что-нибудь да не то! Этотъ таинственный Тю-Тюнджи-Оглу — кто онъ?.. Ужъ не турокъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ? Ужъ не для того ли онъ усвоилъ себѣ европейскую образованность и знаніе нашего языка и нашихъ обычаевъ, чтобы отомстить намъ за униженіе своего отечества, сбивая съ прямого пути образованія наши провинціи, смѣясь такъ злодѣйски и надъ правдой, и надъ ними самими?.. Чего добраго — съ нами крестная сила!.. Но не одной недобросовѣстностью удивляетъ отдѣлъ „Критики“ въ „Библіотекѣ“: онъ сверхъ того носитъ на себѣ отпечатокъ какой-то посредственности, какой-то скудости, негибкости и нерастяжимости ума, котораго не становится даже на нѣсколько страницъ. Но нашъ критикъ умѣетъ этому помочь: на двѣ строки своего сочиненія онъ выписываетъ двѣ, три, четыре страницы изъ разбираемой книги, и этимъ часто избавляетъ себя отъ большихъ затрудненій. Да и въ самомъ дѣлѣ, что бы онъ сталъ писать, онъ, для котораго не существуетъ никакихъ теорій, никакихъ системъ, никакихъ законовъ и условій изящнаго? Намъ скажутъ, что всего этого не существуетъ и для знаменитаго Жюль-Жанена, который, несмотря на то, говоритъ обо всемъ, даже о томъ, о чемъ не имѣетъ никакого понятія; намъ скажутъ, что остаются еще личныя впечатлѣнія, и что критикъ можетъ ихъ излагать.

Все это такъ, да вѣдь личныя впечатлѣнія, получаемыя образованнымъ человѣкомъ отъ какого-нибудь произведенія, непременно должны быть согласны съ той или съ другой теоріей, системой или по крайней мѣрѣ съ тѣмъ или другимъ закономъ изящнаго, потому что, даже оставляя въ сторонѣ теоріи и системы, теперь извѣстны многіе законы, выведенные изъ самой сущности творчества; притомъ можно ли говорить хорошо о прекрасныхъ впечатлѣніяхъ отъ такой книги, которая нагнала на васъ скуку?.. Нѣтъ, очень понятно, отчего критики Тю-Тюнджи-Оглу такъ тощи, сухи и скудны даже источниками изобрѣтенія, даже общими мѣстами. Онъ написалъ только двѣ критики, которыя могутъ служить образцомъ журнальной политики и ловкости. Первая — на „Черную Женщину“ Греча гдѣ критикъ очень ловко и знаменательно изложилъ теорію анатоміи, фізіологіи, электричества и магнетизма человѣческаго тѣла и, не сказавъ ничего о романѣ, сказалъ только, что онъ говоритъ о всякой книгѣ, которую хочетъ пустить въ ходъ, — что онъ ни на одномъ языкѣ земного шара не читалъ такого прекраснаго произведенія. И что жъ было слѣдствіемъ этой критики? Разумѣется, провинція, думая найти въ романѣ Греча всѣ чудеса, которыхъ она не понимаетъ и о которыхъ такъ хорошо говорилъ критикъ, раскупила „Черную Женщину“. Оно и прекрасно: критикъ и себя показалъ, и пріятеля одолжилъ! — Вторая — на романъ Булгарина „Мазепу“, гдѣ критикъ какъ будто нападаетъ на автора за духъ новѣйшаго литературнаго неистовства, а между тѣмъ изложеніемъ содержанія и выписками изъ романа показываетъ, что разбираемое имъ сочиненіе написано въ совершенно неистовомъ духѣ, такъ соблазнительномъ для провинціи. Слѣдствіе критики было опять то же самое! — Позвольте, виновать, я еще забылъ третью — на „Роксолану“ Кукольника; эта критика не только умно и основательно написана, но даже и добросовѣстна. Странно только, что критикъ, уничтожая въ прахъ эту драму, осыпаетъ ея автора съ головы до ногъ комплиментами, которые напоминаютъ стихъ изъ „Горя отъ Ума“:

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ.

Слѣдствія этой критики были совѣмъ другія, нежели двухъ прежнихъ: Кукольникъ нашелся принужденнымъ защищать и хвалить самъ себя въ „Сѣверной Пчелѣ“.

Итакъ за цѣлые два года въ „Библіотекѣ“ была только одна критика, и умная, и безпристрастная вмѣстѣ, критика на „Роксолану“, да двѣ критики недобросовѣстныхъ, но очень ловкія: на „Черную Женщину“ и „Мазепу“. Всѣ прочія, исключая недобросовѣстности, чрезвычайно неловки, неудачны, холодны, водяны и состоятъ большей частью изъ выписокъ изъ разбираемыхъ сочиненій. Конечно это самый легкій способъ писать въ самое короткое время самыя большія критики, и, сказать правду, критикъ „Библіотеки“ въ высочайшей степени владѣетъ этимъ искусствомъ!

Теперь слѣдуетъ „Литературная Лѣтопись“. Какъ плохъ въ „Библіотекѣ“ отдѣлъ критики, такъ хороша ея „Литературная Лѣтопись“. Въ этомъ отдѣлѣ рецензентъ хотя также угождаетъ провинціи, но имѣетъ въ виду и столицу. О добросовѣстности и безпристрастїи „Литературной Лѣтописи“ много говоритъ нечего; находить въ ней что-нибудь удивительное и чрезвычайное было бы странно; но ей нельзя отказать въ одномъ, очень важномъ, достоинствѣ: въ ловкости, умѣнїи, знанїи литературной манеры, въ шутливости и часто остроумїи. Въ „Сынѣ Отечества“ утверждаютъ, что передъ авторомъ „Литературной Лѣтописи“ ни гроша не стоитъ ни Менцель, уступающій ему въ обширности и глубокости свѣдѣній, ни Жюль-Жаненъ, который славится остроумїемъ и не имѣетъ сотої доли насмѣшливости критика „Библіотеки для Чтенія“. Я не шучу: эти слова, право, напечатаны въ „Сынѣ Отечества“. Но я этому не дивлюсь, не дивитесь и вы: я знаю, кто написалъ эти строки. Въ мірѣ физическомъ есть существа столь маленькія, что для нихъ все горы да утесы; вы помните басню Крылова, въ которой крыса извѣщаетъ свою куму, что врагъ ихъ, кошка, попала въ когти льву; но кума не повѣрила, говоря, что сильнѣе кошки звѣря нѣтъ?.. Итакъ, дѣло не о томъ. Чтò касается до учености, ею нынче трудновато обморочить: всѣ знаютъ, откуда она почерпается и какими средствами составляется. Напишите намъ книгу съ систематическимъ изложенїемъ предмета съ новой точки зрѣнїя, и

тогда мы взвѣсимъ вашу ученость и поклонимся ей; а на три страницы у кого не станетъ учености и ума? Что-жъ касается до удивительнаго остроумія критика „Библіотеки“, то мы все-таки не видимъ, почему Жюль-Жаненъ долженъ сократиться въ нуль передъ его остроуміемъ. Тайна остроумія рецензента „Библіотеки“, значительности и занимательности „Литературной Лѣтописи“ заключается больше въ современности способа выраженія и знаніи литературнаго такта, нежели въ истинномъ остроуміи. Чтобъ дѣло было яснѣе, укажу на „Сѣверную Пчелу“, этотъ неистощимый рудникъ тупоумныхъ рецензій. Выходитъ трагедія Лобанова, и „Пчела“ начинаетъ жужжать: „Злополучный Борисъ! Развѣ мало тебѣ, что при жизни терпѣлъ ты отъ козней бояръ, отъ преслѣдованій враждебной тебѣ судьбы, отъ злыхъ навѣтовъ и отъ Гришки? Тебѣ и за гробомъ нѣтъ спокойствія! Начиная съ Нарѣжнаго и кончая М. Г. Лобановымъ, всякій поднимаетъ тебя изъ могилы, бѣдный старецъ; выводитъ на позорище, заставляетъ говорить такія вещи, которыхъ тебѣ никогда и въ голову не приходило. Бѣдный Борисъ!“—Бѣдная „Пчела“! скажемъ мы отъ себя... Выходитъ казарменный романъ, и она пускается въ предлинное и прескучное поученіе о томъ, что книги должны издаваться опрятно, потому что ихъ читаютъ дамы Въ рецензіяхъ „Библіотеки“ нельзя найти такихъ пошлостей, такихъ беззубыхъ остротъ, такой тупоумной шутливости, такихъ истертихъ, истасканныхъ общихъ мѣстъ. „Библіотека“ смѣется не всегда остроумно, но всегда умно или по крайней мѣрѣ—глупо никогда. Жаль только, что ея рецензентъ иногда покупаетъ свое остроуміе незаконными средствами. Мы, право, не понимаемъ, что хорошаго или забавнаго въ томъ, что онъ смѣшиваетъ глупаго автора или пошлаго издателя чужихъ сочиненій съ содержателемъ типографіи, въ которой напечатана дурная книга. Такъ напримѣръ, онъ укорялъ Степанова, нашего почтеннаго типографщика, шестой годъ служащаго своими неутомимыми станками „Телескопу“ и „Молвѣ“, будто онъ, Степановъ, вмѣстѣ съ Гурьяновымъ подалъ лакеямъ дурной примѣръ присвоенія чужой собственности и пропѣлъ піаниссимо неблагопріобрѣтенныя пьесы изданнаго послѣднимъ сборника... Стыжусь вчужѣ, напоминая о такомъ жалкомъ

поступкѣ рецензента; какъ онъ, при всемъ своемъ умѣ и всей своей смѣтливости, не понялъ, что клевета не есть остроуміе, и что въ этомъ отношеніи его рецензія пропѣта препіаниссимо?.. Не понимаемъ также, что за странная замашка у рецензента „Библіотеки“, выписывая отрывокъ изъ разбираемой имъ книги, вставлятъ въ выписку пошлости своего изобрѣтенія и приписывать ихъ автору разбираемаго имъ сочиненія, какъ онъ сдѣлалъ это на примѣръ съ Кони, при разборѣ его водевиля „Иванъ Савельичъ“. — Повторяемъ опять, неужели клевета есть остроуміе? Если остроуміе, то ужъ, безъ сомнѣнія, провинціальное, а не столичное!

„Смѣсь“ составляетъ послѣдній отдѣлъ „Библіотеки“, одинъ изъ лучшихъ, изъ самыхъ занимательныхъ и самыхъ полныхъ. Тутъ вы найдете все: и брань на французскую литературу, и остроты надъ французскими водевилями, — остроты, цѣликомъ взятые изъ французскихъ же журналовъ, и ученые извѣстія, и пр., и пр. Я думаю, что такой отдѣлъ необходимъ для всякаго журнала, какъ десертъ для стола. Конечно, чтобы хорошо составлять подобную смѣсь, нужно быть только „великимъ человѣкомъ на малые дѣла“; но журналъ—странная вещь, и если для него нужны люди, способные на что-нибудь прекрасное и даже великое, то не менѣе ихъ нужны и великіе люди на малые дѣла. Редакторъ „Библіотеки“ хорошо понялъ это, и новый Протей преображается по своей волѣ и въ повѣствователя, и въ ученаго, и въ критика, и въ рецензента, и въ составителя „Смѣси“; жаль только, что во всемъ этомъ онъ сохраняетъ одинъ тонъ, одну манеру, одинъ духъ, употребляетъ однѣ замашки...

Довольно — я у берега! Пора оставить „Библіотеку для Чтенія“, оставить во всѣхъ отношеніяхъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Но какое же слѣдствіе выведу я изъ всего сказаннаго мною объ этомъ журналѣ? Слѣдствіе у меня должно сойтись съ приступомъ: „Библіотека“ есть журналъ провинціальныи, и въ этомъ заключается тайна ея могущества, ея силы, ея кредита у публики. Выкинь она стихотворный отдѣлъ, выкинь повѣсти Загоскина, Ушакова, Тимооеева, Брамбеуса, Булгарина, Масальскаго, Маркова, Степанова и другихъ, замѣни ихъ повѣстями Марлинскаго, Одоевскаго, Пав-

лова, Полевого, Гоголя; переводы повѣсти лучшихъ писателей современной Европы; перемѣни свой циническій тонъ; введи критику строгую, безпристрастную, основательную—и трехъ четвертей подписчиковъ у ней какъ не бывало!.. Впрочемъ нельзя не дивиться вѣрному разсчету, съ которымъ она основана, неизмѣняемости и постоянству ея направленія, вѣрности самой себѣ, аккуратности въ изданіи и, надо сказать правду, хорошему языку, особливо въ переводныхъ статьяхъ, въ чемъ ей должны уступить всѣ наши журналы; наконецъ, ея дѣятельности, проворству, а болѣе всего — ея безсмѣнному и настоящему редактору.

Теперь мнѣ должно говорить о „Сынѣ Отечества“, но я ничего не могу о немъ сказать, потому что не только не читалъ, даже не видалъ его, какъ ни старался объ этомъ. „Сынъ Отечества“ у насъ въ Москвѣ считается какимъ-то призракомъ-невидимкой, о существованіи котораго всѣ знаютъ, но котораго никто не видитъ. „Сынъ Отечества“ самъ замѣтилъ, самъ созналъ эту странность и сомнительность своего существованія, и вздумалъ нынѣшній годъ возродиться, т. е. перемѣнить цвѣтъ своей обложки и блеснуть критикой—да, критикой!.. Этой диковинки я кое-какъ добился. И что жъ? Въ самомъ дѣлѣ, возрожденный журналъ размахнулся со всего плеча критической статейкой, въ которой началъ похваляться—чѣмъ бы вы думали?—безпристрастіемъ!.. Какова же эта критика, спросите вы? Отвѣчаю вамъ: ее написалъ ВВВ., авторъ очень плохихъ повѣстей, жалкій перелагатель Бальзака на русско-мѣщанскіе нравы, рецензентъ „Сѣверной Пчелы“ и наконецъ отставной сотрудникъ „Библіотеки“, какъ увѣряетъ въ этомъ публику сама „Библіотека“... Итакъ довольно о критикѣ возрожденнаго „Сына Отечества“: есть вещи, которыя стоитъ только назвать по имени, чтобы дать о нихъ настоящее понятіе!.. Перехожу къ „Пчелѣ“.

Вамъ извѣстно, что „Пчела“ жужжитъ уже давно, что она любитъ и ужалить, въ чемъ ей, разумѣется, никогда не удастся, потому что жало ея тупо. Вамъ извѣстно также, что этотъ журналъ есть двойчатка: одну половину его составляютъ политическія извѣстія, а другую — разныя разности. Бѣда большая пришла бы этимъ разнымъ разностямъ, если бы

отъ нихъ отнять политическія извѣстія. Вы, почтенный Николай Ивановичъ, не читаете „Пчелы“ (ея и многіе давно ужъ не читаютъ), но вы нѣкогда ее читали: она все та же, надъ ней тяготѣтъ все тотъ же уровень золотой посредственности, попрежнему она судить и рядить обо всемъ, бранить и хвалить одну и ту же книгу, отчего, разумѣется, для книги ни лучше, ни хуже; словомъ, „Пчела“—журналъ ежедневный, нуждается въ оригиналѣ, и готова помѣстить брань на все, кромѣ самой себя. Я не буду слишкомъ распространяться о „Пчелѣ“, я укажу только на одну ея характеристическую черту. Авторъ критическаго размаха возрожденнаго „Сына Отечества“ ужасно расхваливаетъ „Пчелу“ и находитъ въ ней одинъ только порокъ. „Пчела“, говоритъ онъ, вообще отличается безпристрастіемъ (?!), и ее можно только укорить въ излишней добротѣ: она печатаетъ слишкомъ много похвалъ! Впрочемъ хотите-ли имѣть талисманъ, чтобъ узнавать, какая статья принята по доброй волѣ и какая статья подсунута ей насильными просьбами? Это очень просто: подъ статьями послѣдняго рода всегда пишется роковое слово: „сообщено“. Что это такое? Насмѣшка надъ публикой, ругательство надъ здравымъ смысломъ? Какъ? Стало-быть, журналистъ имѣетъ право расхвалить дурную книгу и разбранить хорошую, если поставить подъ своей статьей словечко „сообщено“?.. Стало быть, онъ имѣетъ право принять въ свой журналъ чужое и притомъ нелѣпое мнѣніе о той или другой книгѣ, не читавши этой книги, или думая о ней иначе, и правъ, когда поставить подъ глупой рецензіей „сообщено“?.. Послѣ этого можно-ли даже упоминать о „Пчелѣ“?..

А знаете ли вы о войнѣ, которую „Пчела“ ведетъ противъ „Библіотеки“? Вотъ потѣха-то! Ну, такъ и рвется, что есть мочи! Бѣдная! мнѣ жаль ее! Какимъ тупымъ оружіемъ сражается она съ мощнымъ врагомъ, который не удостоиваетъ ее даже взгляда; какъ неловко, неуклюже нападаетъ на него она, которая недавно, очень недавно, такъ низко кланялась ему, такъ усердно прославляла его!

Враги!—давно ли другъ отъ друга
Ихъ жажда *злата* отвела?..

Въ одномъ изъ нумеровъ „возрожденнаго“ старца помѣщена критическая статейка нѣкоего Павла Крутенева, автора очень плоской книжонки, на барона Брамбеуса: прочтите ее, когда вамъ будетъ слишкомъ грустно. Можетъ-быть вы заплачете, только не отъ горя, а отъ смѣху...

Теперь бы мнѣ слѣдовало говорить еще объ одномъ литературномъ петербургскомъ журналѣ, да я его и въ глаза не видалъ. Вы догадаетесь, что я говорю о „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Инвалиду“, которыя справедливѣе бы было назвать „Инвалидными Повтореніями Литературы“. Скорѣе можно открыть въ Москвѣ допотопную мамонтову кость, чѣмъ найти этотъ журналъ. И между тѣмъ „Московскія Вѣдомости“ и „Пчела“ увѣдомляли о его изданіи на нынѣшній годъ: стало-быть онъ существуетъ. Говорятъ, что почтенный издатель этого журнала-невидимки очень сильно ратуетъ противъ „Библиотеки для Чтенія“ и нашего журнала: можетъ-быть! да почему жъ бы и не такъ? Почтенный старецъ самъ пишетъ, самъ и читаетъ, слѣдовательно никому зла не дѣлаетъ, слѣдовательно его бранныя выходки суть не что иное, какъ невинная забава на старости лѣтъ. Итакъ, въ часъ добрый! — пусть продолжаетъ тѣшиться!

И вотъ всѣ литературные петербургскіе журналы! Несмотря на разность ихъ направленія и неравенство въ силахъ, всѣ они стремятся къ одной цѣли къ мирному и единодушному преуспѣянію въ наградѣ за труды и хлопоты, и потому всѣ они очень не любятъ безпокойныхъ крикуновъ, мѣшающихъ ихъ мирнымъ и любовнымъ сдѣлкамъ между собой и съ публикой. Они стараются жить въ ладу другъ съ другомъ, и если у нихъ бываютъ между собой размолвки, то всегда не изъ пустяковъ какихъ-нибудь, не изъ вздорныхъ мнѣній объ изящномъ, о безпристрастіи, добросовѣстности и другихъ подобныхъ бездѣлкахъ, но всегда изъ чего-нибудь важнаго, существеннаго и необходимаго въ жизни. Одни изъ нихъ (такъ какъ ихъ немного, то и не считаю за нужное называть по именамъ) плывутъ на всѣхъ парусахъ, дѣлаютъ обороты большіе, оптовые; другіе, не столь сильные, изворачиваются и такъ, и сакъ, и иногда въ мутной водѣ вынимаютъ ловы довольно счастливые. Если жъ мелкіе извороты имъ не уда-

ются, если кредитъ ихъ у публики падаетъ, то они прибѣгаютъ къ возрожденію или къ перерожденію, смотря по обстоятельствамъ. Если у нихъ нѣтъ чего другого, зато они могутъ похвалиться постоянствомъ, дѣятельностью, устойчивой въ условіяхъ, разумѣется внѣшнихъ, касающихся до выхода нумеровъ, качества бумаги, цвѣта обложки и тому подобнаго. Однимъ словомъ, одни оптомъ, другіе по мелочи—но, какъ бы ни было, всѣ болѣе или менѣе успѣваютъ въ своихъ намѣреніяхъ.

Совсѣмъ другое зрѣлище представляютъ московскіе журналы настоящаго времени. Въ нихъ можно замѣтить и мысль, и какіе-то порывы благородные и чуждые внѣшнихъ расчетовъ, большое усердіе къ своему дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда неудачу, неуспѣхъ, какую-то медленность и вслѣдствіе этого неустойку во внѣшнихъ условіяхъ программы; словомъ, московскіе журналы — люди добрые и честные, но какіе-то злополучные, какъ будто бы подъ несчастной звѣздой рожденные и съ самаго начала своего существованія осужденные на бѣдствія. Всмотритесь въ нихъ пристальнѣе; что это такое? Идутъ, кажется, къ цѣли опредѣленной, видимой, а все не доходятъ до нея, а все сбиваются съ пути, ворочаются назадъ, начинаютъ свое путешествіе снова, а все ни шагу впередъ!.. Всегда постоянные въ цѣли, они никогда не постоянны въ средствахъ, противорѣчатъ сами себѣ, не вѣрны своей идеѣ, хотя и никогда не измѣняютъ ей. А злые-то петербургскіе собратія тому и рады: видя неудачи, смѣются; слыша себѣ громкіе и справедливые укоры, выставляютъ въ отвѣтъ числа своихъ подписчиковъ. Странное дѣло! То ли были московскіе журналы назадъ тому не больше какъ два года? Что тогда были передъ ними петербургскіе журналы? Притча во языцѣхъ, предметъ посмѣянія! -- А теперь, кажется, произошелъ размѣнъ въ роляхъ... Грустно, и однакожъ справедливо!..

Но къ чему я пою такую жалобную прелюдію? Не будетъ ли эта прелюдія длиннѣе самой пѣсни, эта присказка длиннѣе самой сказки? Гдѣ они, эти московскіе журналы, о которыхъ я собираюсь говорить? Много ли ихъ?.. Передо мною носится,

какъ бы на крылахъ бури, множество призраковъ, но все это тѣни бойцовъ умершихъ... А живые... о, грустно!

О какихъ московскихъ журналахъ буду я говорить?... Много ли ихъ? Мнѣ бы слѣдовало начать съ „Телескопа“ и „Молвы“, подражая петербургскимъ журналамъ. Тамъ на этотъ счетъ не слишкомъ застѣнчивы и скромны. „Библіотека для Чтенія“ давно ужъ объявила, что такой журналъ, какъ она, „былъ настоящей потребностью публики“. Если бы писавшій эти строки прибавилъ „провинціальной“, то мы ни мало не подивились бы его откровенности, которой онъ самъ дивится. „Пчела“ безъ зазрѣнія совѣсти объявила, что она между газетами то же, что „Библіотека“ между журналами, что ея рецензіи прекрасны и всѣ статьи превосходны. Соблазнительный примѣръ откровенности! Но, говоритъ пословица, „что городъ, то норовъ, что село, то обычай“: въ Петербургѣ изстари заведено, между журналами и литераторами, хвалить себя самихъ, если другіе не хвалятъ, въ Москвѣ же, напротивъ, это всегда почиталось неприличнымъ и смѣшнымъ. И потому я, слѣдуя московскому обычаю, умалчиваю о „Телескопѣ“ и „Молвѣ“. Вы сами, почтеннѣйшій издатель, вслѣдствіе вашего отсутствія, имѣете полное право быть судьей этихъ журналовъ, какъ они издавались безъ васъ. Я поручусь только за добросовѣстность и усердіе свое; объ исполненіи судите сами. Поспѣшу къ „Московскому Наблюдателю“.

Петербургскіе журналы увѣряютъ, что „Наблюдатель“ основанъ съ цѣлью уронить „Библіотеку“, и видятъ въ этомъ большую злонамѣренность. Мы этому не вѣримъ, во-первыхъ потому, что уронить „Библіотеку“ трудно: книга большая, толстая, жирная, какъ увѣряла насъ сама „Библіотека“, а какъ жиръ и сало тождественны, то и сальная, прибавимъ мы отъ себя; во-вторыхъ, мы скорѣе можемъ предположить, что „Наблюдатель“ основанъ съ цѣлью сдѣлать реакцію дурному и вредному вліянію „Библіотеки“ на нашу публику, и въ этомъ мы не только не видимъ ничего худого или предосудительнаго, но видимъ много хорошаго и благороднаго. По объявленію „Наблюдателя“ было замѣтно, что это будетъ журналъ дѣятельный, настойчивый, упорный, журналъ съ мнѣніемъ, направленіемъ, характеромъ. Имена участниковъ въ

изданіи утверждали насъ въ этой вѣрѣ. Мы ждали „Наблюдателя“ съ нетерпѣніемъ, какъ торжества Москвы надъ Петербургомъ, какъ побѣды честной литературной дѣятельности надъ литературной промышленностью. Въ самомъ дѣлѣ, журналъ новый, юный, съ свѣжими, неистощенными силами, съ прекрасными именами, съ хорошей репутаціей еще до своего рожденія — чего мы не были вправѣ надѣяться отъ него?.. Правда, искушенные холоднымъ опытомъ, обманутые не разъ въ самыхъ лучшихъ своихъ надеждахъ, утратившіе вѣру въ авторитеты, мы иногда задумывались грустно, улыбались недовѣрчиво; но неужели же „Библіотека“, литературная промышленность и посредственность должны торжествовать, неужели же голосъ правды уже безсиленъ, уже заглушенъ кликами: „къ намъ, къ намъ, у насъ лучше“? восклицали мы и ласково, съ улыбкою посматривали на объявленіе о новомъ журналѣ. Наконецъ онъ появился: вышла книжка — Петербургъ привсталъ; вышла другая — Петербургъ пріосанился и улыбнулся; вышла третья, четвертая — Петербургъ захохоталъ, смотря на пронесшуюся мимо его бурю; Москва пріуныла — и наши надежды разлетѣлись въ прахъ!.. Да, господа, прекрасно очарованіе, мила вѣра въ достоинство всего, что хочется видѣть хорошимъ, но и холодный скептицизмъ имѣетъ свою добрую сторону: если съ нимъ слишкомъ мучаетъ васъ зѣвота, зато съ нимъ не попадешь въ дурачки, а быть въ дурачкахъ всего хуже! .

Прежде нежели мы объяснимъ, почему „Наблюдатель“, обладая всѣми средствами, необходимыми для журнала, насколько не оправдалъ надеждъ, которыя подавалъ о себѣ, мы должны сказать, что онъ въ самомъ дѣлѣ былъ предпріятіемъ честнымъ, добросовѣстнымъ, благонамѣреннымъ, что редакція его употребляла и употребляетъ всѣ средства сдѣлать его лучшимъ, что она не щадитъ для этого ни издержекъ, ни труда. Роскошное, великолѣпное изданіе, полнота книжекъ, мелкій шрифтъ статей доказываютъ это. Со стороны своей благонамѣренности „Наблюдатель“ не измѣнилъ своей программѣ; но благонамѣренность и талантъ или умѣнье, къ несчастью, не одно и то же!..

Журналъ долженъ имѣть прежде всего фізіономію, характеръ;

альманажная безличность для него всегда хуже. Физиономія и характеръ журнала состоятъ въ его направленіи, его мнѣніи, его господствующемъ ученіи, котораго онъ долженъ быть органомъ. У насъ въ Россіи могутъ быть только два рода журналовъ—ученые и литературные; говоря: могутъ быть, я хочу сказать—могутъ приносить пользу. Журналы собственно ученые у насъ не могутъ имѣть слишкомъ обширнаго круга дѣйствія; наше общество еще слишкомъ молодо для нихъ. Собственно литературные журналы составляютъ настоящую потребность нашей публики; журналы учено-литературные, искусно дирижируемые, могутъ приносить большую пользу. Теперь, какія мнѣнія, какое ученіе должны господствовать въ нашихъ журналахъ, быть главнымъ ихъ элементомъ? Отвѣчаемъ, не задумываясь: литературныя, до искусства, до изящнаго относящіяся. Да, это главное! Вы хотите издавать журналъ съ тѣмъ, чтобы дѣлать пользу своему отечеству, такъ узнайте жъ прежде всего его главныя, настоящія, текущія потребности. У насъ еще мало читателей; въ нашемъ отечествѣ, составляющемъ особенную, шестую часть свѣта, состоящемъ изъ шестидесяти милліоновъ жителей, журналъ, имѣющій пять тысячъ подписчиковъ, есть рѣдкость неслыханная, диво дивное. Итакъ, старайтесь умножить читателей: это первая и священнѣйшая ваша обязанность. Не пренебрегайте для этого никакими средствами, кромѣ предосудительныхъ, наклоняйтесь до своихъ читателей, если они слишкомъ малы ростомъ, пережевывайте имъ пищу, если они слишкомъ слабы, узнайте ихъ привычки, ихъ слабости и, соображаясь съ ними, дѣйствуйте на нихъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не отдать справедливости „Библіотекѣ“: она надѣлала много читателей; жаль только, что безъ нужды слишкомъ низко наклоняется, такъ низко, что въ рядахъ своихъ читателей не видитъ никого ужъ ниже себя; крайности во всемъ дурны; умѣйте наклонить и заставьте думать, что вы наклоняетесь, хоть вы стоите и прямо. Потомъ вторая ваша обязанность, развивая и распространяя вкусъ къ чтенію, развивать вмѣстѣ и чувство изящнаго. Это чувство есть условіе чело-вѣческаго достоинства: только при немъ возможенъ умъ, только съ нимъ ученый возвышается до міровыхъ идей, по-

нимаеть природу и явленія въ ихъ общности; только съ нимъ гражданинъ можетъ нести въ жертву отечеству и свои личныя надежды, и свои частныя выгоды; только съ нимъ человѣкъ можетъ сдѣлать изъ жизни подвигъ и не сгибаться подъ его тяжестью. Безъ него, безъ этого чувства, нѣтъ генія, нѣтъ таланта, нѣтъ ума—остается одинъ пошлый „здравый смыслъ“, необходимый для домашняго обихода жизни, для мелкихъ расчетовъ эгоизма. Кто откликается на одну плясовую музыку, откликается не сердцемъ, а ногами; чью грудь не томить, чью душу не волнуетъ музыка; кто видитъ въ картинѣ только галантерейную вещь, годную для украшенія комнаты, и дивится въ ней одной отдѣлкѣ; кто не любилъ стиховъ смолodu, кто видитъ въ драмѣ только театральную пьесу, а въ романѣ сказку, годную для занятія отъ скуки—тотъ не человѣкъ, хотя бы онъ умѣлъ болтать о Россини, о „Робертѣ-Дьяволѣ“, чугунныхъ дорогахъ и паровыхъ машинахъ. Эстетическое чувство есть основа добра, основа нравственности. Пусть процвѣтаетъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ гражданское благоденствіе, пусть цивилизація дошла до послѣдней степени, пусть тюрьмы тамъ пусты, трибуналы празды: но если тамъ, какъ увѣряютъ насъ, нѣтъ искусства, нѣтъ любви къ изящному, я презираю это благоденствіе, я не уважаю этой цивилизаціи, я не вѣрю этой нравственности, потому что это благоденствіе искусственно, эта цивилизація безплодна, эта нравственность подозрительна. Гдѣ нѣтъ владычества искусства, тамъ люди не добродѣтельны, а только благоразумны, не нравственны, а только осторожны; они не борются со зломъ, а избѣгаютъ его, избѣгаютъ его не по ненависти ко злу, а изъ разсчета. Цивилизація тогда только имѣетъ цѣну, когда помогаетъ просвѣщенію, а слѣдовательно и добру—единственной цѣли бытія человѣка, жизни народовъ, существованія человѣчества. Погодите, и у насъ будутъ чугунныя дороги и, пожалуй, воздушныя почты, и у насъ фабрики и мануфактуры дойдутъ до совершенства, народное богатство усилится; но будетъ ли у насъ религіозное чувство, будетъ ли нравственность—вотъ вопросъ. Будемъ плотниками, будемъ слесарями, будемъ фабрикантами, но будемъ ли людьми—вотъ вопросъ!

Чувство изящнаго развивается въ челоѣкѣ самимъ изящнымъ, слѣдовательно журналъ долженъ представлять своимъ читателямъ образцы изящнаго; потомъ, чувство изящнаго развивается и образуется анализомъ и теоріей изящнаго, слѣдовательно журналъ долженъ представлять критику. Тамъ, гдѣ есть уже охота къ искусству, но гдѣ еще зыбки и шатки понятія о немъ, тамъ журналъ есть руководитель общества. Критика должна составлять душу, жизнь журнала, должна быть постояннымъ его отдѣломъ, длинной, не прерывающейся и не оканчивающейся статьей. И это тѣмъ важнѣе, что она для всѣхъ приманчива, всѣми читается жадно, всѣми почитается украшеніемъ и душой журнала. Первая ошибка „Наблюдателя“ состоитъ въ томъ, что онъ не созналъ важности критики, что онъ какъ бы изрѣдка и неохотно принимается за нее. Онъ выключилъ изъ себя библіографію, эту низшую, практическую критику, столь необходимую, столь важную, столь полезную и для публики, и для журнала. Для публики здѣсь та польза, что, питая довѣренность къ журналу, она избавляется и отъ чтенія, и отъ покупки дурныхъ книгъ и въ то же время, руководимая журналомъ, обращаетъ вниманіе на хорошія; потомъ, развѣ по поводу плохого сочиненія нельзя высказать какой-нибудь дѣльной мысли, развѣ къ разбору вздорной книги нельзя привязать какого-нибудь важнаго сужденія? Для журнала библіографія есть столько же душа и жизнь, сколько и критика. „Библіотека“ очень хорошо поняла эту истину, и зато браните ее, какъ угодно, а у ней всегда будетъ много читателей. Теперь сдѣлаю нѣсколько общихъ замѣчаній о „Наблюдателѣ“, а потомъ перейду къ его критикѣ.

„Наблюдатель“ есть журналъ энциклопедическій: и вотъ еще одинъ изъ главныхъ его недостатковъ, одна изъ причинъ, мѣшающихъ его успѣху. Мы не говоримъ уже о томъ, что энциклопедизмъ бесполезенъ, вреденъ, что онъ теперь, къ нашему несчастью, овладѣлъ нами и кружитъ наши головы; мы не говоримъ, что энциклопедизмъ есть не универсальность, а скорѣе односторонняя поверхность; мы спрашиваемъ только, сообразенъ ли планъ и границы „Наблюдателя“ съ энциклопедизмомъ? „Библіотека“ имѣетъ полное право

быть энциклопедическимъ журналомъ: въ книгѣ изъ двадцати слишкомъ листовъ можно поговорить о многомъ. Но и „Библиотека“ раздѣлена на извѣстное число отдѣловъ, и въ каждой книгѣ ея вы видите одно и то же расположеніе, одни и тѣ же отдѣлы и въ одинаковомъ числѣ; и потому, если вы не занимаетесь напримѣръ сельскимъ хозяйствомъ, то можете его отдѣлъ оставлять неразрѣзаннымъ — для васъ и такъ много останется чего почитать. Въ „Наблюдателѣ“, напротивъ, такой энциклопедизмъ невозможенъ. Положимъ, статья Давыдова „О свекловичносахарномъ производствѣ“ есть статья превосходная, европейская, да она имѣетъ интересъ частный, она тяжела для такого журнала, какъ „Наблюдатель“, ея мѣсто въ „Земледѣльческомъ Журналѣ“ или что всего лучше, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, у которыхъ, говоря, около десяти тысячъ подписчиковъ. Притомъ мы не видимъ полного энциклопедизма въ „Наблюдателѣ“: его поприще ограничивается очень немногими и опредѣленными предметами: литературой, исторіей, сельскимъ хозяйствомъ и политической экономіей. Напротивъ, намъ кажется что его энциклопедизмъ состоитъ въ какомъ-то отсутствіи общности, порядка, характера. Это альманахъ, это тетради, гдѣ сшиваются и дурныя, и посредственныя, и хорошія, и отличныя статьи. Только періодическій выходъ его книжекъ дѣлаетъ его журналомъ. Конечно въ немъ бываютъ статьи превосходныя, но эти статьи не составляютъ регулярнаго войска, это настоящая милиція, которая идетъ неровнымъ шагомъ, нападаетъ недружно, невпопадъ, нестройно и, сильная своимъ многочисленіемъ, своей храбростью, вездѣ проигрываетъ сраженія, вездѣ отступаетъ. Поэтому я не буду пересчитывать статей „Наблюдателя“ и отдавать о каждой изъ нихъ отчеты. „Наблюдатель“ особенно щеголяетъ стихотвореніями, но въ этомъ онъ не далеко ушелъ отъ „Библиотеки“. Кромѣ того, что въ немъ было не болѣе двухъ или трехъ порядочныхъ стихотвореній, въ немъ есть множество такихъ, которыя рѣшительно не дѣлаютъ чести его вкусу, какъ напримѣръ „Своя Семья“, уродливая и грязная карикатура на поэзію. Собственно изъ изящныхъ произведеній замѣчательны: „Иванъ Барабашъ“ Срезневскаго, „Маскарадъ“ Павлова и

„Себастьянъ Бахъ“ Безгласнаго, а изъ теоретическихъ: „Взглядъ на направленіе исторіи“ Ястребцова. О переводныхъ умалчиваю: между ними есть и очень хорошія, и очень посредственные. Обращаюсь къ критикѣ.

Критика въ „Наблюдателѣ“ такъ странна, такъ удивительна, что стоитъ особеннаго, подробнаго разсмотрѣнія, для котораго я теперь не имѣю времени, да и у васъ не достанетъ мѣста. Надобно сказать, что это критика характерная, вѣрна сама собой, добросовѣстная и убѣжденная, если можно такъ выразиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ не достигающая своей цѣли, не приносящая пользы, не понимаемая публикой. Причина этому заключается въ томъ, что она не современна, что она отзывается классицизмомъ, не имѣетъ никакого основнаго начала, никакого центра, изъ котораго бы выходила, что она наконецъ похожа на аббата Баттѣ во фракѣ XIX вѣка. Знаю, что я сказалъ слишкомъ много, что подобныя вещи или вовсе не говорятся, или говорятся съ доказательствомъ: я представляю ихъ въ особенной статьѣ „О критикѣ“ „Московского Наблюдателя“. Пусть, какъ хотятъ, судятъ о моемъ поступкѣ, но я твердо убѣжденъ, что можно уважать чужія мнѣнія и быть съ ними несогласнымъ, что уваженіе уваженіемъ, приличіе приличіемъ, а правда правдой, что комплименты и мадригалы хороши въ гостиной, на паркетѣ, а не въ журналѣ, гдѣ всего важнѣе честное, независимое, чуждое личностей, но и твердое, стойкое мнѣніе.

Этимъ пока оканчиваю мои замѣчанія о литературныхъ журналахъ. Что жъ касается до книгъ, относящихся къ изящной словесности, то въ Петербургѣ, въ ваше отсутствіе, не вышло ни одной достойной вниманія; въ Москвѣ вышелъ „Ледяной Домъ“, новый романъ И. И. Лажечникова. Этотъ романъ былъ истиннымъ подаркомъ русской публикѣ, прекрасной, лучезарной звѣздой на пустынномъ небосклонѣ нашей литературы. Но я не буду говорить о немъ: онъ стоитъ подробнаго разсмотрѣнія; и такъ какъ *meux tard, que jamais*, то въ „Телескопѣ“, безъ сомнѣнія, будетъ помѣщенъ полный отчетъ объ этомъ примѣчательномъ произведеніи. Не мало надѣлало шуму появленіе „Стихотвореній Бенедиктова“: одни увидѣли въ нихъ зарю новой поэтической жизни въ нашей

литературѣ, другіе не признають въ нихъ даже таланта версификаціи; середины между этими двумя крайностями нѣтъ; публика такъ же раздѣлена, какъ и журналы, въ отношеніи къ Бенедиктову. Вамъ извѣстно объ немъ мое мнѣніе: можетъ-быть оно несправедливо, но оно было плодомъ убѣжденія, чуждаго всякой личности. Какъ бы то ни было, но я рѣшился не говорить болѣе объ этомъ предметѣ: пусть рѣшитъ этотъ вопросъ время, лучший рѣшитель такихъ вопросовъ. Къ числу пріятныхъ явленій нашей бѣдной литературы принадлежать „Стихотворенія Кольцова“, которыя вамъ также извѣстны. Но Кольцову не такъ посчастливилось, какъ Бенедиктову.

И вотъ я кончилъ... А слѣдствіе?... Къ чему его вывести, когда оно и такъ ясно? Факты иногда говорятъ краснорѣчивѣе разсужденій. Литература есть народное самосознаніе, и тамъ, гдѣ нѣтъ этого самосознанія, тамъ литература есть или скороспѣлый плодъ, или средство къ жизни, ремесло извѣстнаго класса людей. Если и въ такой литературѣ есть прекрасныя и изящныя созданія, то они суть исключительныя, а не положительныя явленія, а для исключеній нѣтъ правила...

О КРИТИКѢ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЯХЪ

„МОСКОВСКАГО НАБЛЮДАТЕЛЯ“.

Что такое критика? Простая оцѣнка художественнаго произведенія, приложеніе теоріи къ практикѣ или усиліе создать теорію изъ данныхъ фактовъ. Иногда то и другое, чаще все вмѣстѣ. Потомъ, чѣмъ критика должна быть? Частнымъ выраженіемъ мнѣнія того или другого лица, принимающаго на себя обязанность судьи изящнаго, или выраженіемъ господствующаго мнѣнія эпохи въ лицѣ ея представителей, которое есть результатъ прежде бывшихъ мнѣній, прежде бывшихъ опытовъ и наблюденій? Безъ сомнѣнія, она имѣетъ право быть тѣмъ и другимъ, но въ первомъ случаѣ она должна быть

шагомъ впередъ, открытіемъ новаго, расширеніемъ предѣловъ знанія или даже совершеннымъ его измѣненіемъ, должна быть дѣломъ генія; во второмъ случаѣ она меньше рискуетъ, но зато можетъ быть увѣреннѣе въ самомъ себѣ, можетъ быть всегда истинной въ отношеніи къ своему времени. Итакъ, критика перваго рода есть исключеніе изъ общаго правила, явленіе великое и рѣдкое; критика второго рода есть усиліе уяснить и распространить господствующія понятія своего времени объ изящномъ. Въ наше время, когда основные законы творчества уже найдены, это есть единственная цѣль критики. Уяснить эти законы теоретически, подтверждать ихъ истину практически, вотъ ея назначеніе. Теорія есть систематическое и гармоническое единство законовъ изящнаго; но она имѣетъ ту невыгоду, что заключается въ извѣстномъ моментѣ времени, а критика безпрестанно движется, идетъ впередъ, собираетъ для науки новые матеріалы, новыя данныя. Это есть движущаяся эстетика, которая вѣрна однимъ началамъ, но которая ведетъ насъ къ нимъ разными путями и съ разныхъ сторонъ, и въ этомъ-то заключается ея прогрессъ. Вотъ почему критика такъ важна, такъ всеобща; вотъ почему она завладѣла общимъ вниманіемъ и приобрѣла такой авторитетъ, такое могущество. Дарованіе критика есть дарованіе рѣдкое и потому высоко цѣнимое; если мало людей, надѣленныхъ отъ природы большимъ или меньшимъ участкомъ эстетическаго чувства, способныхъ принимать впечатлѣнія изящнаго, то какъ же должно быть мало людей, обладающихъ въ высшей степени этимъ эстетическимъ чувствомъ и этой пріемлемостью впечатлѣній изящнаго!.. Ошибаются тѣ люди, которые почитаютъ ремесло критика легкимъ и болѣе или менѣе всякому доступнымъ: талантъ критика рѣдокъ, путь его скользокъ и опасенъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны сколько условій сходится въ этомъ талантѣ: и глубокое чувство, и пламенная любовь къ искусству, и строгое, многостороннее изученіе, и объективность ума, которая есть источникъ безпристрастія, способность не поддаваться увлеченію; съ другой стороны, какова высокость принимаемой имъ на себя обязанности! На ошибки подсудимаго

смотреть какъ на что-то обыкновенное; ошибка судьи называется двойнымъ посмѣяніемъ.

Предметъ критики есть приложеніе теоріи къ практикѣ. Всякое критическое разсмотрѣніе, имѣющее своимъ предметомъ не прямо изящное, а что-нибудь имѣющее къ нему отношеніе, есть не критика, а полемика, какъ бы оно ни было скромно, вѣжливо, тихо и безжизненно. Статья о мнѣніяхъ какого-нибудь журнала объ изящномъ есть критика; статья о самомъ журналѣ есть полемика или простое сужденіе. Статья о сочиненіяхъ истиннаго поэта, въ которой доказывается, почему онъ есть истинный поэтъ, или статья о сочиненіяхъ поэта-самозванца, въ которой доказывается, почему онъ есть поэтъ-замозванецъ, такая статья есть критика; статья о произведеніи человѣка, котораго никто не думалъ почитать поэтомъ и котораго сочиненія не идутъ подъ повѣрку теоріи, есть полемика. Подъ словомъ „полемика“, я разумѣю здѣсь не брань, не споры, а все, что называется рецензіей и простымъ выраженіемъ мнѣнія о какомъ-нибудь литературномъ предметѣ. Цѣль критики высокая—повѣрка фактовъ умозрѣніемъ, и наоборотъ, цѣль полемики низшая — защита здраваго смысла. Критика опирается на умозрѣніи, полемика — на здоровомъ смыслѣ. Я почелъ необходимымъ сдѣлать это раздѣленіе: у насъ всякая статья, въ которой судится о какомъ-нибудь литературномъ предметѣ, называется критикой.

Всякое дѣло должно быть сообразно съ обстоятельствами, въ ладу съ отношеніями. Такъ и критика. Мы сказали, что она такое; теперь мы должны сказать, чѣмъ она должна у насъ быть въ Россіи. Въ Германіи, странѣ критики, критика идеальна, умозрительна, во Франціи критика положительная, историческая. Какова же должна быть критика въ Россіи?.. Но можетъ ли быть у насъ даже кака-нибудь критика, когда у насъ нѣтъ литературы? Шевыревъ однажды коснулся этого вопроса и рѣшилъ, что у насъ критика должна, какъ у нѣмцевъ, предшествовать литературѣ. Мнѣніе можетъ быть не вѣрное, но остроумное! не хочу разсматривать его; скажу только, что, по моему мнѣнію, нашей литературѣ должна предшествовать нѣкоторая образованность вкуса или, другими словами, у насъ сперва должны явиться читатели, dilet-

tanti, а потомъ уже и литература. Нѣмцы сдѣлались критиками вслѣдствіе своего характера, своего умозрительнаго направленія, слѣдовательно у нихъ критика родилась сама; у насъ она есть усиліе или подражаніе, такъ же какъ и литература. Я не знаю политической экономіи, и потому не могу рѣшить: продуктъ ли рождаетъ потребителей, или потребители рожаютъ продуктъ; по крайней мѣрѣ у насъ сперва должны явиться требователи на литературу, а потомъ уже и литература. А то — смѣшное дѣло! — хотятъ, чтобы у насъ были поэты, когда еще ихъ некому читать. Цвѣтущее состояніе нашей книжной торговли не только не опровергаетъ этого положенія, но еще подтверждаетъ его: тамъ, гдѣ съ равной жадностью читается и хорошее, и дурное, гдѣ равный успѣхъ имѣютъ и „пѣсенники“ Гурьянова, и стихотворенія Пушкина, тамъ видна охота къ чтенію, но не потребность литературы. Когда наша читающая публика сдѣлается многочисленна, взыскательна и разборчива, тогда явится и литература.

Изъ этого ясно видно назначеніе критики въ Россіи. У насъ принесетъ пользу критика высшая, трансцендентальная: она необходима; но она у насъ должна являться многорѣчивой, говорливой, повторяющей саму себя, толковитой. Ея цѣлью долженъ быть не столько успѣхъ науки, сколько успѣхъ образованности. Наша критика должна быть гувернеромъ общества и на простомъ языкѣ говорить высокія истины. Въ своихъ началахъ она должна быть нѣмецкой, въ своемъ способѣ изложенія — французской. Нѣмецкая теорія и французскій способъ изложенія — вотъ единственный способъ сдѣлать ее и глубокой, и общедоступной. Нѣмцы обладаютъ умозрѣніемъ, но не мастера посвящать профановъ въ свои таинства, ихъ можетъ понять ихъ же каста — ученые: французы зыбки и мелки въ умозрѣніи, но мастера мирить знаніе съ жизнью, обобщать идеи. Подражать же исключительно нѣмцамъ пока бесполезно, французамъ — вредно, потому что, съ одной стороны, идея всегда должна быть зерномъ ученія, но не должна пугать своей глубиной, должна быть доступна; съ другой стороны, практическія начала безъ основной идеи — пустой орѣхъ, котораго не стоитъ труда грызть. Во всякомъ случаѣ, не надо

забывать, что русскій умъ любить просторъ, ясность, опредѣленность, чистое умозрѣніе его не отуманить, но отвратить отъ себя; фактизмъ можетъ сдѣлать его мелкимъ, поверхностнымъ.

У насъ любятъ критику—объ этомъ нѣтъ спора. Книжка журнала всегда разогнута на критикѣ, первая разрѣзанная статья въ журналѣ есть критика; какъ бы ни былъ дурень журналъ, въ какомъ бы ни былъ упадкѣ, но если въ немъ случится хоть одна замѣчательная критическая статья, она будетъ прочтена, заключающая ее книжка вынется изъ-подъ спуда и увидитъ свѣтъ Божій; критикѣ больше всего бываетъ обязанъ журналъ своей силой. Безъ критики журналъ есть образъ безъ лица, анатомическій препаратъ, а не живое органическое существо. Почему же такъ? Тутъ скрывается много причинъ—и оскорбленное самолюбіе, и личныя отношенія но болѣе всего жажда образованности. Теперь очень ясно, чѣмъ должна быть въ Россіи критика, какая ея цѣль и какимъ путемъ должна она идти къ своей цѣли. Равнымъ образомъ теперь ясно видно, какъ важна у насъ критика, какъ благотвѣтельно вліяніе хорошей критики и какъ вредно — дурной.

Окончивъ эти предварительныя объясненія, которыя я почиталъ необходимыми, приступаю къ своему дѣлу.

Я не безъ намѣренія сказалъ о различіи критики отъ полемики, не безъ намѣренія далъ своей статьѣ заглавіе не просто „о критикѣ „Московского Наблюдателя“, но „о критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ „Московского Наблюдателя“: если бы я сталъ говорить только о его критикѣ, то мнѣ было бы не о чемъ говорить, потому что собственно критическихъ статей въ „Наблюдателѣ“ было не больше двухъ или трехъ, остальные всѣ полемическія въ томъ смыслѣ, какой я даю полемикѣ.

Я буду разсматривать всѣ статьи по порядку, буду слѣдить всѣ мнѣнія шагъ за шагомъ.

Шевыревъ есть исключительный и привилегированный критикъ „Московского Наблюдателя“: его статьи составляютъ лучшее украшеніе и даютъ нѣкоторую жизнь и движеніе этому журналу, который такъ бѣденъ жизнью и движеніемъ. Поэтому на его статьи я долженъ обратить особенное вниманіе.

Шевыревъ—литераторъ дѣятельный, добросовѣстный, оригинальный во мнѣніяхъ и слогѣ, литераторъ съ дарованіемъ и авторитетомъ: тѣмъ большаго вниманія заслуживаютъ его критическія мнѣнія, а всякое вниманіе, будетъ ли оно поддержкой или реакціей, есть признакъ уваженія. Опровергать можно только то, что имѣетъ вліяніе на публику, а имѣть это вліяніе можетъ только талантъ. Вотъ что заставило меня взяться за перо, вотъ съ какимъ чувствомъ и вслѣдствіе какой причины приступаю я къ разбору мнѣній Шевырева.

Шевыревъ дебютировалъ въ „Наблюдателѣ“ статьей „Словесность и Торговля“. Это была статья не критическая, а полемическая. Шевыревъ изъясняетъ въ ней сожалѣніе, что наша литература превратилась въ промышленность, что она „подружилась съ книгопродавцемъ, продала ему себя за деньги и поклялась въ вѣчной вѣрности“. Это выраженіе есть остроумная и чрезвычайно вѣрная характеристика современной нашей литературы. Вообще вся статья отличается какимъ-то грустнымъ чувствомъ негодованія и колкимъ остроуміемъ въ выраженіи. Въ ней много справедливаго, глубоко истиннаго и поразительнаго вѣрнаго; но выводъ ея рѣшительно ложенъ. Авторъ доказалъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ доказать, какъ увидимъ ниже. Послѣдуемъ за нимъ въ его статьѣ:

„ . . . Нашъ писатель то, что можно сказать однимъ словомъ, выражаетъ предложеніемъ, а предложеніе, достаточное для мысли, вытягиваетъ въ длинный предлинный періодъ, періодъ—въ убористую страницу, страницу—въ огромный листъ печатный... Его слогъ, какъ проволока, можетъ до безконечности вытягиваться.—Но въ чемъ тайна всего этого?—Въ томъ, что цѣна печатнаго листа есть 200 или 300 рублей; что каждый эпитетъ въ статьѣ его цѣнится можетъ быть въ гривну, каждое предложеніе есть рубль; каждый періодъ, смотря по длинѣ, есть синяя или красная ассигнація!..“

Все это очень остроумно и вѣрно; но сдѣлаемъ еще нѣсколько выписокъ.

„И такъ, болтливость нашего слога, безконечные плеоназмы, необдѣланные періоды, ряды синонимовъ, существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ на выборъ, всѣ эти свойства скорописи, одолеваящей нашу литературу, имѣютъ начало свое въ томъ, что нынѣ слова—деньги, и слогъ чѣмъ грустнѣе, тѣмъ выгоднѣе. Отъ такого слога растетъ статья, толстѣютъ листки книги, вздувается самая книга, какъ калачъ у пекаря, наблюдающаго выгоды припеки.“

На журналы я смотрю, какъ на капиталистовъ. „Библіотека для Чтенія“ имѣтъ для меня пять тысячъ душъ подписчиковъ. „Сѣверная Пчела“ можетъ быть — вдвое. Замѣчательно, что эти журналы еще въ томъ сходятся съ богачами, что любятъ хвастаться всенародно своимъ богатствомъ. И эти души подписчиковъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ твои оброчныя: за ними никогда нѣтъ недоимки; онѣ платятъ впередъ и всегда чистыми деньгами, и всегда на ассигнаціи. Вотъ ѣдетъ литераторъ въ новыхъ саняхъ: ты думаешь, это—сани. Нѣтъ, это статья „Библіотеки для Чтенія“, получившая видъ саней, покрытыхъ медвѣжьей полостью, съ богатыми серебряными когтями. Вся эта бронза, этотъ коверъ, этотъ лакъ чистый и опрятный — все это листы этой дорого заплаченной статьи, принявшіе разные виды саннаго издѣлія. Литераторъ хочетъ дать обѣдъ и жалуется, что у него нѣтъ денегъ. Ему говорятъ: „да напиши повѣсть и пошли въ „Библіотеку“, вотъ и обѣдъ“.

Вызови на страшный судъ того писателя, котораго первый романъ, внушенный вдохновеніемъ честнымъ и приготовленный долгимъ трудомъ, завоевалъ вниманіе публики! Спроси совѣсть его о второмъ, о третьемъ, о четвертомъ его романѣ! Вслѣдствіе чего они явились? Не насильно-ли выпросилъ онъ ихъ у непокорнаго вдохновенія, у невнимательной исторіи? Не торопился ли онъ всѣмъ напряженіемъ силъ своихъ противъ условій Музы, чтобъ только воспользоваться свѣжестью перваго успѣха? Его насильственное второе, болѣе насильственное третье и четвертое вдохновеніе не было ли плодомъ того безотчетнаго, но сладкаго чувства, что романъ теперь самая вѣрная спекуляція?“

Повторяю, въ этихъ выпискахъ заключается самое вѣрное изображеніе современной литературы. Но что же этимъ хотѣлъ сказать почтенный критикъ? Не противорѣчить-ли онъ самому себѣ? Теперь наши литераторы въ чести, живутъ своимъ ремесломъ, а не посторонними и чуждыми ихъ призванію трудами: это прекрасно, это должно радовать. Теперь талантъ есть богатое наслѣдство, онъ уже не ропщетъ на несправедливость судьбы, онъ уже не завидуетъ праву знатнаго происхожденія, доставляющаго всѣ выгоды, всѣ блага жизни: это утѣшительно, это отрадно!.. Но полно, правда ли, что „наша литература даетъ обѣды, живетъ въ чертогахъ, ходитъ по коврамъ, ѣздитъ въ каретахъ, въ лаковыхъ саняхъ, кутается въ медвѣжью шубу, въ бекешъ съ бобровымъ воротникомъ, возвышаетъ голосъ на аукціонахъ Опекунскаго Совѣта, покупаетъ имѣнія?..“ Нѣтъ ли въ этихъ словахъ преувеличенія, гипербола? Не слишкомъ ли далеко увлекся авторъ въ своемъ благородномъ негодованіи? Или не смѣшиваетъ ли онъ вещей, ложно принимая одну за другую?

Правда, намъ извѣстны два или три романиста, которые обезпечили на всю жизнь свое состояніе своими первыми романами, но это было еще до основанія „Библіотеки“: за что жъ взводить на нее небывалыя вины, когда у ней бывалыхъ много? „Иванъ Выжигинъ“ явился въ то время, когда еще наша литература не была торговлей, когда она была во всемъ пвѣту своемъ. Вслѣдъ за „Иваномъ Выжигинымъ“ появились „Юрій Милославскій“, „Дмитрій Самозванецъ“, „Рославлевъ“, „Послѣдній Новикъ“, а „Библіотека“ явилась уже послѣ всѣхъ нихъ. Повѣстями и журнальными статьями, даже при усиленной дѣятельности, можно только жить кое-какъ, но объ обезпеченіи своего состоянія нельзя и думать. Спрашиваю Шевырева: изъ участвующихъ въ „Библіотекѣ“ помѣстилъ ли хоть кто-нибудь болѣе двухъ или трехъ статей въ годъ?... А на три статьи, какъ бы онѣ дороги ни были, право, не наживешь чертоговъ, не заведешь кареты, много-много развѣ купишь сани, да безъ лошадей на нихъ далеко не уѣдешь... Гдѣ жъ логика, гдѣ справедливость? Странное дѣло, какъ сильно овладѣла Шевыревымъ ложная мысль, что въ нашъ вѣкъ поэты и литераторы превратились въ какихъ-то Великихъ Моголовъ!... Но объ этомъ будетъ ниже, когда дойдетъ до его статьи о „Чаттертонѣ“. Нѣтъ, критикъ, будемъ радоваться отъ искренняго сердца и тому, что теперь талантъ и трудолюбіе даютъ (хотя и не всѣмъ) честный кусокъ хлѣба.. И въ этомъ отношеніи „Библіотека для Чтенія“ заслуживаетъ благодарность, а не упрекъ. Но вы видите въ этомъ вредъ для успѣховъ литературы, вы говорите, что наши вторые романы бываютъ какъ-то хуже первыхъ, третьи—хуже вторыхъ, что наши повѣсти водяны, періоды длинны, обременены безъ нужды эпитетами, глаголами, дополненіями: все это правда, во всемъ этомъ я согласенъ съ вами, да вы ошибаетесь въ причинѣ этого явленія. Вспомните, что каждый стихъ Пушкина обходился книгопродавцамъ въ красненькую, если не больше, а вѣдь стихи Пушкина отъ этого нисколько не были хуже; вспомните, что за „Пиковую даму и „Княжну Мими“ „Библіотека“ заплатила, ассигнаціями, а вы сами хвалите эти повѣсти. Вотъ вамъ самый простой и самый

убѣдительный фактъ. Онъ доказываетъ, что истинный талантъ не убиваютъ деньги, что

Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать!

Конечно вѣрная пожива отъ литературныхъ трудовъ умножаетъ число непризванныхъ литераторовъ, наводняетъ литературу потопомъ дурныхъ сочиненій; но это зло необходимое. Литература, какъ и общество, имѣетъ своихъ плебеевъ, свою чернь, а чернь вездѣ бываетъ и невѣжественна, и нагла, и безстыдна. Обращаемся опять къ Пушкину; ему платили дорого, очень дорого, но посмотрите на его литературное поприще: его „Кавказскій Плѣнникъ“ былъ хорошъ, но „Бахчисарайскій Фонтанъ“ лучше, но „Цыгане“ еще лучше, а тамъ еще остаются „Евгеній Онѣгинъ“, „Борисъ Годуновъ“, „Полтава“: что жъ вы говорите намъ о вторыхъ и третьихъ романахъ?... Эти вторые и третьи романы были хуже первыхъ оттого, что успѣхъ первыхъ то былъ основанъ не на талантѣ, не на истинномъ достоинствѣ, а на разныхъ постороннихъ обстоятельствахъ; одинъ гладко и грамотно писалъ, другой блеснулъ новостью рода, третій какъ-то нечаянно обмолвился: вотъ вамъ и вся тайна, вся загадка; она не мудрена и надъ ней не для чего ломать головы. Вы очень вѣрно изобразили состояніе современной литературы, но вы не вѣрно объяснили причины этого состоянія, у насъ нѣтъ литераторовъ, а деньгами нельзя надѣлать литераторовъ: вотъ что вы доказали, хотя и думали доказать совсѣмъ другое. Вы сами были вкладчикомъ „Библиотеки“, вы сами украсили ее статей, такъ неужели ваша статья должна быть хуже оттого, что вы получили за нее деньги?... Повѣрьте, что если бы теперь нельзя было ни копѣйки добиться литературными трудами, наша литература отъ этого не была бы ни на волосъ лучше.

Въ этой же статьѣ Шевыревъ взводитъ странное обвиненіе на нашихъ писателей, говоря, что „наши пишущіе спекуляторы (въ подражаніе Европѣ) дарятъ насъ по большей части въ родѣ разочарованномъ или ужасномъ“. Полно, правда ли это? Мнѣ такъ кажется, наши романы съ этой стороны не заслуживаютъ ни малѣйшаго упрека.

По поводу этой мысли Шевыревъ объясняетъ причину разочарованнаго и отчаяннаго характера европейскихъ романовъ, говоря, что она заключается въ вѣковой опытности и разочарованіи человѣчества. Это такъ, но тутъ есть и другія причины: вліяніе Байрона, стремленіе къ истинѣ, покорность модѣ, желаніе вѣрнаго успѣха и въ славѣ, и въ деньгахъ, и пр. Вѣдь не всякій романъ, не всякая повѣсть есть поэзія, есть творчество: а если романъ или повѣсть есть не работа, а плодъ вдохновенія, то изображенная въ нихъ жизнь непременно должна быть или ужасна, или крайне смѣшна...

Отъ этой полемической статьи перехожу къ двумъ собственнo критическимъ статьямъ Шевырева. Первая изъ этихъ статей есть разборъ „Князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго“, драмы Кукольника, вторая—„Трехъ повѣстей“ Павлова. Въ этихъ статьяхъ Шевыревъ является критикомъ, дѣлаетъ насъ участникомъ своихъ критическихъ вѣрованій и даетъ намъ средство оцѣнить свой критическій талантъ. Эти двѣ статьи, еще при самомъ своемъ появленіи, удивили насъ до крайности, показались намъ неразрѣшимыми загадками; теперь мы имъ еще больше удивляемся, еще больше ихъ не понимаетъ. Критика на драму Кукольника, и критика большая, въ двухъ книжкахъ журнала!... Мнѣ кажется, что такая критика себѣ дороже... Но что намъ до этого: всякій воленъ тратить свое добро, на что хочетъ; посмотримъ лучше, какъ исполнилъ свое дѣло Шевыревъ.

Онъ начинаетъ краткимъ изложеніемъ хода событій эпохи, изъ которой почерпнуто содержаніе драмы Кукольника и мимоходомъ изъявляетъ сожалѣніе, что Карамзинъ не могъ окончить этой картины.

„Какъ часто, дочитывая послѣднюю страницу XII тома, которая такъ чудно рисуетъ русскій хаосъ междоусобствій, при послѣднихъ словахъ „Орѣшекъ не сдавался“, вмѣстѣ съ картиной эпохи я воображалъ картину самого историка. Представьте себѣ его въ двадцатипятилѣтнихъ креслахъ (?), свидѣтелей его труда неустоимаго; одинъ (??), чуждый помощи (???), сильной рукой приподымаетъ онъ тяжелую завѣсу минувшаго, сшитую изъ ветхихъ хартій, и устремляетъ на великую эпоху Россіи глубокомысленныя очи, а другой рукой пишетъ съ нея живую картину, возвращая минувшее настоящему... и внезапно хладная коса смертная касается неустоимой руки писателя на самомъ широкомъ его разбѣгѣ... перо выпало изъ перстевъ, вслѣдъ затѣмъ свинцовая завѣса

закрѣла отъ насъ „Исторію Россіи“,—свинцовая, потому что послѣ могучей руки Карамзина никто до сихъ поръ не осмѣлился достойно (?) поднять ее, хотя и были нѣкоторыя усилія... Славныя кресла Карамзина до сихъ поръ еще праздны, къ стыду нашей литературы!“

Не правда ли, что эти строки очень странны? Мы не хотимъ упрекать Шевырева въ излишнемъ пристрастіи къ Карамзину; послѣ того какъ насъ призывали молиться на могилѣ незабвеннаго мужа и шептать его святое имя, насъ трудно удивить чѣмъ-нибудь въ этомъ отношеніи. Конечно Шевыревъ, какъ по своимъ лѣтамъ, такъ и по своему образованію, не долженъ былъ бы принадлежать къ литературнымъ старовѣрамъ; но это другой вопросъ, который самъ собою рѣшится подробнымъ разсмотрѣніемъ всѣхъ критическихъ и литературныхъ мнѣній Шевырева... Покуда насъ удивляетъ только неловкость комплимента, сдѣланнаго Шевыревымъ памяти Карамзина. Хвалить вообще не такъ легко, какъ думаютъ, тутъ надо большое умѣнье, чтобъ иные насмѣшники не сказали:

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!

Во первыхъ: что за двадцатипятилѣтнія кресла? Развѣ они принадлежатъ къ преданіямъ нашей литературы, развѣ о нихъ всѣ знаютъ? Развѣ это точно фактъ, что Карамзинъ двадцать пять лѣтъ сидѣлъ въ однихъ креслахъ? Если же это просто риторическая фигура, то довольно забавная...— „Одинъ“—да развѣ исторію пишутъ вдвоемъ? „Чуждый помощи“—это неправда: Карамзину помогали труды многихъ изыскателей. „Сильной рукой приподымаетъ онъ тяжелую завѣсу минувшаго, сшитую изъ ветхихъ хартій, и устремляетъ на великую эпоху Россіи глубокомысленныя очи, а другой рукой пишетъ съ нея живую картину“... Помилуйте: да зачѣмъ же онъ подымалъ эту завѣсу? Что онъ за нея видѣлъ? Вѣдь эта завѣса была сшита изъ лѣтописей, такъ, стало-быть, онъ на ней, а не за ней долженъ былъ видѣть минувшее. И притомъ, что за странная фантазія представить Карамзина въ такомъ неловкомъ и принужденномъ положеніи: одной рукой держится за тяжелый занавѣсъ, а другой пишетъ! Пускай эти руки были могучія, а все трудно... Воля

ваша, а здѣсь не выдержана метафора, и потому страждетъ здравый смыслъ. Да впрочемъ излишне пылкое воображеніе всегда было врагомъ здраваго смысла... Что же такое значить „осмѣлиться достойно поднять руку“ для написанія исторіи—этого мы рѣшительно не понимаемъ.

Но этотъ неловкій комплиментъ составляетъ въ статьѣ Шевырева родъ небольшого, хотя и эмфатическаго отступленія; обращаюсь къ главному предмету.

Кончивъ изложеніе или очеркъ событій эпохи, избранной драматикомъ, Шевыревъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе, выражающее его основное понятіе о творчествѣ:

„Кажется, исторія сама чертитъ путь драматіку, сама даетъ главныя событія и характеры, сама располагаетъ дѣйствія“.

Что это такое? Не обманываютъ ли меня глаза?.. Какъ? такъ сама исторія даетъ художнику планъ драматическаго созданія, а ему, художнику, остается только „не исказить ея, быть вѣрнымъ ей, отгадывать кой-что утаенное временемъ и лѣтописью“?... Полно, не ошибся ли я? Перечитываю—такъ, точно такъ!... Какъ? такъ, стало быть, я пишу историческую драму, онъ пишетъ, вы пишете, они пишутъ—и всѣ мы, какъ ни много насъ, напишемъ поповолѣ одно и то же? Гдѣ же свобода художника? Что же его вдохновеніе, его творчество?... Признаюсь, чудный рецептъ писать драмы! Удивляюсь, какъ послѣ этой статьи Шевырева не явилось нѣсколько дюжинъ историческихъ драмъ!... Только избѣгая длинныхъ выписокъ, не выписываю этого даннаго рецепта слишкомъ въ двѣ страницы мелкой печати, гдѣ критикъ по пальцамъ высчитываетъ, что и что долженъ выставить въ своей драмѣ поэтъ, который бы избралъ для своей драмы эту эпоху. Жаль, что Шевыревъ не показалъ намъ того закона творчества, на которомъ онъ основалъ право исторіи и свое собственное чертить путь фантазіи художника; жаль, что этотъ интересный законъ эстетики остается доселѣ тайной!.. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, всѣ пункты эстетическаго уложенія, на которомъ опираются мнѣнія Шевырева, доселѣ остаются для публики тайной. Мы, съ своей стороны, всегда думали, что поэтъ не можетъ и не долженъ быть рабомъ исторіи, такъ же какъ

онъ не можетъ и не долженъ быть рабомъ дѣйствительной жизни, потому что въ томъ и другомъ случаѣ онъ былъ бы списчикомъ, копистомъ, а не творцомъ. Поздравляемъ поэта, если герой его романа или драмы совершенно сходенъ съ героемъ исторіи, котораго онъ выводитъ въ своемъ созданіи; но это можетъ быть только въ такомъ случаѣ, когда поэтъ угадаетъ историческое лицо, когда его фантазія свободно сойдется съ дѣйствительностью. Разумѣется, что это будетъ случай, а не расчетъ, удача, а не намѣреніе. Поэтъ читаетъ хроники, исторію, повѣряетъ, соображаетъ, сдружается съ избранной эпохой, съ избранными лицами; изученіе для него необходимо, но не это изученіе составляетъ актъ творчества: поэтъ ищетъ историческое лицо, зоветъ его къ себѣ и не видитъ его, пока оно само не придетъ къ нему, незванное и неожиданное, въ свѣтлую минуту поэтического откровенія, можетъ быть, тогда, какъ онъ уже бросалъ и хроники, и исторіи... То же и съ планомъ, ходомъ и всей композиціей созданія. Ему нужны только нѣкоторыя мгновенія изъ жизни героя, ему нужны только нѣкоторыя черты эпохи; онъ въ правѣ дѣлать пропуски, неважныя анахронизмы, вправѣ нарушать фактическую вѣрность исторіи, потому что ему нужна идеальная вѣрность. Возьмите трехъ, четырехъ превосходныхъ историковъ той или другой эпохи, того или другого историческаго лица: эта эпоха, это лицо у каждаго изъ нихъ при всемъ сходствѣ будетъ отличаться особенными противорѣчащими оттѣнками. Значитъ, и въ исторіи есть свое творчество, значитъ, и историкъ создаетъ себѣ идеаль. Хроники однѣ, а идеалы, составленные по нимъ, различны. Иногда же художникъ (особенно, когда его талантъ субъективенъ) имѣетъ полное право нарушить исторію въ исторической драмѣ, взявъ исторію только рамою для своей идеи. Филиппъ и Донъ-Карлосъ Шиллера нисколько не похожи на Филиппа и Донъ-Карлоса исторіи: но, невѣрные исторической истинѣ, они въ высочайшей степени вѣрны вѣчной истинѣ человѣческой души, человѣческаго сердца, вѣрны истинѣ поэтической, потому что не выдуманы, не придуманы, а родились сами!... А какъ? — этого не сказалъ бы вамъ и самъ поэтъ, если бы вы его спросили, и отослалъ бы можетъ

быть васъ съ вашимъ вопросомъ къ Шлегелю, къ Сольеру, къ Шеллингу...

Второй части этой критики не буду разбирать подробно. Въ ней критикъ доказываетъ не то, чтобы поэтъ погрѣшилъ противъ творчества, а то, что онъ не пошелъ по пути, начерченному самой исторіей. Потомъ исчисляетъ его промахи противъ здраваго смысла, а именно, что у него героемъ драмы является Ляпуновъ, а Скопинъ-Шуйскій играетъ самую жалкую и ничтожную роль, что отравленіе Скопина на пиру есть тупоумное злодѣйство, и пр. Разумѣется, все это не касается законовъ изящнаго, потому что драма совсѣмъ не изящна; разумѣется, легко выставить всѣ ея ошибки, потому что когда умъ творитъ безъ участія чувства и фантазіи, то всегда дѣлаетъ нелѣпости и промахи противъ здраваго смысла. Перехожу ко второй критической статьѣ Шевырева.

Эта статья еще удивительнѣе. Въ ней Шевыревъ разсуждаетъ о разныхъ предметахъ и между прочимъ о какой-то „свѣтской“ повѣсти, и называетъ повѣсти Павлова „свѣтскими“. Что это такое—„свѣтская“ повѣсть? Не понимаемъ; въ нашей эстетикѣ не упоминается о „свѣтскихъ“ повѣстяхъ. Да развѣ есть повѣсти мужицкія, мѣщанскія, подъяческія? А почему-жъ бы имъ и не быть, если есть повѣсти „свѣтскія“?.. Ну, пусть ихъ будутъ — посмотримъ, что дальше. Сначала критикъ говоритъ, что у насъ рѣдко появляются хорошія повѣсти: это мы знаемъ. Потомъ, что повѣсть есть вывѣска современной литературы: и объ этомъ мы тоже слышали. Причину этого критикъ находитъ въ томъ, что „у всякаго есть своя жизнь, свой анекдотъ, свой разсказъ, однимъ словомъ, у всякаго своя повѣсть“. Но вѣдь, скажемъ мы, и прежде было то же, отчего-жъ прежде повѣстей не писали? Потомъ критикъ говоритъ, что „съ тѣхъ поръ, какъ стало такъ легко быть авторомъ“, появилось много дурныхъ повѣстей и романовъ: истина неоспоримая! „Повѣсть тѣмъ болѣе доступна для всѣхъ и cadaго, что ея форма есть та же проза, которою всѣ говорятъ“; признаемся—мы съ этимъ не совсѣмъ согласны. Потомъ критикъ говоритъ, что „жизнь есть какое-то складное бюро, со множествомъ ящичковъ, между которыми есть одинъ глубокій тайный ящикъ съ пру-

жиною“, что въ этомъ ящикѣ лежитъ женское сердце, что авторъ „Трехъ Повѣстей“ слегка коснулся этого ящика, и что есть надежда, что когда-нибудь онъ и совсѣмъ откроетъ его. Послѣ этой прекрасной и поэтической аллегоріи въ восточномъ вкусѣ критикъ говоритъ намъ, что авторъ вынулъ изъ ящика записку, смыслъ которой состоитъ въ томъ, что человѣкъ вездѣ достоинъ вниманія, что сильныя страсти и рѣзкіе характеры встрѣчаются и въ убогихъ хижинахъ крестьянъ. „Въ этихъ словахъ, говоритъ критикъ, заключается теорія автора и тайна современной повѣсти“. Для кого же эта тайна есть тайна, объ этомъ критикъ умалчиваетъ. Потомъ критикъ говоритъ, что есть люди, которые „ищутъ повѣстей за тридевять земель, на горахъ Кавказа, въ степяхъ Африки, въ жизни великихъ людей, въ своей фантазіи (?). Нѣтъ, продолжаетъ онъ, найдите повѣсть здѣсь, около себя“. Мы не понимаемъ, почему поэтъ долженъ ограничить себя только окружающею его жизнью, почему онъ не можетъ искать ее на Кавказѣ, въ Африкѣ и въ жизни великихъ людей и болѣе всего въ своей фантазіи. Намъ, напротивъ, кажется, что онъ именно только въ своей фантазіи долженъ искать повѣсти: жизнь у всѣхъ подъ руками, всѣ ее видятъ, многіе даже наблюдаютъ и понимаютъ, но воспроизводить могутъ только тѣ, у которыхъ есть фантазія. Потомъ говоритъ, что въ „свѣтской“ повѣсти Павлова „Ятаганъ“ все просто, неизысканно, безъ внезапностей, что въ ней характеровъ немного, но что эти характеры глубоки, что повѣствователь долженъ быть психологомъ: со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться.

Теперь слѣдуетъ у него упрекъ автору за женщину, противъ которой онъ, будто бы, погрѣшилъ въ своей повѣсти „Аукціонъ“. Онъ называетъ ее „неизгладимымъ проступкомъ предъ лицомъ женскаго пола и непозволительнымъ злоупотребленіемъ таланта писателя“. Признаемся откровенно: мы и такъ уже нашли много непонятнаго и удивительнаго во мнѣніяхъ Шевырева, но это мнѣніе даже пугаетъ насъ: мы боимся, что оно непонятно намъ вслѣдствіе своей глубины и ограниченности нашей мыслительной способности. Онъ даже нападаетъ въ этомъ отношеніи на „Ятаганъ“, въ кото-

ромъ княжна кокетничаетъ съ соперникомъ своего избранника не изъ какой другой цѣли, какъ изъ любви къ этому невинному занятію... „Эта княжна, говоритъ онъ, лукаво помнить о какихъ-то ядовитыхъ бездѣлкахъ общества, о каретѣ, въ которой нельзя ѣздить ея солдату“... Пусть думаетъ критикъ, какъ угодно ему, но мы понимаемъ это иначе: намъ кажется, что здѣсь то именно авторъ „Трехъ Повѣстей“ показалъ самымъ блистательнымъ образомъ свое знаніе и свѣта, и человѣческаго сердца, въ этой чертѣ мы признаемъ высокую художественность. Мы желаемъ не меньше всякаго, чтобы люди были хороши, но хотимъ, чтобы ихъ показывали такими, каковы они есть, истина и разочарованіе терзаютъ насъ не меньше всякаго, но мы ищемъ ея, этой истины, но мы находимъ въ ея терзаніяхъ радость, наслажденіе своего рода и насъ удивляетъ и смѣшитъ аркадская вѣра въ совершенство міра этого...

„Нѣтъ, не такова женщина у насъ въ Россіи! Она едва ли не лучше мужчины, она его образованнѣе; потому ли, что образованіе женское не такъ сложно, какъ мужское; потому ли, что ей больше досуга предаваться свободнымъ занятіямъ ума, чѣмъ мужчинѣ, рано увлекаемому службой...“

Часъ отъ часу не легче!.. Женщина едва ли не образованнѣе мужчины, потому что „женское образованіе не такъ сложно, какъ мужское“?.. Но вѣдь образованіе нашихъ крестьянокъ еще малосложнѣе, такъ слѣдуетъ ли изъ этого чтобы наши крестьянки въ полосатыхъ понёвахъ были идеаломъ женщинъ? И неужели высочайшее совершенство образованія состоитъ въ несложности образованія?.. Женщина у насъ едва ли не образованнѣе мужчины, потому что „ей болѣе досуга предаваться свободнымъ занятіямъ ума, чѣмъ мужчинѣ“... Но бѣлорумянымъ, чернозубымъ и тучнымъ сожительницамъ нашихъ брадатыхъ торговцевъ еще болѣе времени предаваться свободнымъ занятіямъ ума!.. И онѣ точно предаются „свободнымъ“ занятіямъ!.. Воля ваша, а здѣсь нѣтъ логики! — Но послушаемъ еще критика.

„Если когда мужчина въ Россіи будетъ достоинъ своего назначенія, это будетъ даръ женщины, плодъ ея заботливости о немъ. Посмотрите, какъ она посвятила у насъ себя воспитанію дѣтей, какъ она отказы-

вается отъ веселій свѣта, какъ она сама себѣ создаетъ свободный гивней, какъ любить дѣтскую и жить въ ней своими мыслями и чувствами!“

Честъ и хвала Шевыреву! Онъ нашелъ наконецъ эту утопію, эту землю обѣтованную, гдѣ женщина презираетъ мелочами суетности и самолюбія, гдѣ она велика исполненіемъ своихъ священнѣйшихъ обязанностей, въ скромномъ уголкѣ семейной жизни, отмежеванномъ ей природой, гдѣ она жена и мать, а не свѣтская женщина, не *femme savante*, не поэтъ!.. Поздравляемъ его съ находкой!.. Мы бы сказали объ этомъ болѣе, но такъ какъ это не относится ни къ критикѣ, ни къ литературѣ, то заключаемъ наше замѣчаніе стихомъ Грибоѣдова:

Блаженъ, кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ!

Слѣдующая за этимъ мысль поражаетъ своей вѣрностью и глубиной, и намъ очень пріятно ее выписывать, хотя она тоже не относится ни къ критикѣ, ни къ литературѣ.

„Изобразите мнѣ, повѣствователь, ту женщину, о которой вы сами говорите, что она оторвется отъ великолѣпной жизни, отъ родныхъ, и пойдетъ за вами въ Сибирь, на край свѣта, гдѣ только можетъ умереть за васъ... Изобразите мнѣ женщину еще выше этой, потому что къ высокимъ жертвованіямъ мы часто бываемъ способны, но не бываемъ способны къ жертвованіямъ ежедневнымъ, обыкновеннымъ, не сопряженнымъ ни съ какимъ говоромъ славы, чуждымъ всякаго подозрѣнія въ тщеславіи, въ притязаніи на публичное мнѣніе; изобразите мнѣ во время пышнаго бала, который и пылаетъ, и гремитъ, и блещетъ, и ждетъ женщины... изобразите мнѣ ее во время такого бала въ своей дѣтской, у колыбели, съ младенцемъ у ея груди въ ту очаровательную полночь, когда все о ней думаетъ, все полно ею...“

Да, это истинная женщина, и мы увѣрены, что всѣ наши повѣствователи будутъ изображать ее, когда она сдѣлается не фениксомъ, не исключительнымъ, подобно генію, но обыкновеннымъ явленіемъ. До того же блаженнаго времени совѣтъ Шевырева останется безплоднымъ.

Потомъ критикъ хвалитъ слогъ автора „Трехъ Повѣстей“; его слогъ въ самомъ дѣлѣ—цвѣтокъ, благоухающій и прекрасный; мы вполнѣ согласны въ этомъ съ критикомъ, но намъ кажется страннымъ, что онъ называетъ его періодъ

округленнымъ, его фразу—обгоченной: по нашему мнѣнію, эта похвала хуже брани. „Новый повѣствователь, говоритъ онъ еще, романистъ въ классическихъ формахъ. Его фраза—фраза Шатобріана по щегольству и отдѣлкѣ, но украшенная простотою“. Если это такъ, то, по нашему мнѣнію, это опять-таки не похвала, а порицаніе: мы уважаемъ благородство въ литературѣ, но не терпимъ паркетности, высоко цѣнимъ изящество, но ненавидимъ щегольство.

Вообще критикъ во своей статьѣ довольно ясно высказалъ и прямо, и околичностями, и общими мѣстами, что повѣсти Павлова прекрасны; но что такое онѣ въ нашей литературѣ, какой ихъ особенный характеръ—объ этомъ онъ умолчалъ, и потому мы имѣемъ право и эту его статью отнести къ роду статей полемическихъ.

Теперь слѣдуетъ статья о „Миргородѣ“ Гоголя. Почтенный критикъ со всей добросовѣстностью отдаетъ справедливость таланту Гоголя; но намъ кажется, что онъ невѣрно его понялъ. Онъ находитъ въ немъ только стихію смѣшного, стихію комизма. Мы думаемъ иначе. Смѣшное выражается многоразлично, многохарактерно, такъ сказать. Въ этомъ отношеніи оно похоже на остроуміе: есть остроуміе пустое, ничтожное, мелочное, умѣющее найти сходство между Расиномъ и деревомъ, производя то и другое отъ „корня“,—остроуміе, играющее словами, опирающееся на „какъ бы не такъ“ и тому подобномъ,—остроуміе, глотающее иголки ума, которыми можетъ и само подавиться, какъ мы уже и видѣли примѣры этому въ нашей литературѣ, потомъ есть остроуміе, происходящее отъ умѣнья видѣть вещи въ настоящемъ видѣ, схватывать ихъ характеристическія черты, выказывать ихъ смѣшныя стороны. Остроуміе перваго рода есть удѣлъ великихъ людей на малыя дѣла; остроуміе второго рода или дается природой, или пріобрѣтается горькими опытами жизни, или вслѣдствіе грустнаго взгляда на жизнь: оно смѣшитъ, но въ этомъ смѣхѣ много горечи и горести. Остроуміе перваго рода есть каламбуръ, шарада, тріолетъ, мадригалъ, буриме; остроуміе второго рода есть сарказмъ, желчь, ядъ, другими словами: оно есть отрицательный силлогизмъ, который не доказываетъ и не опровергаетъ вещи, но уничтожаетъ ее тѣмъ,

что слишком вѣрно характеризуетъ ее, слишкомъ рѣзко выказываетъ ея безобразіе или удачнымъ сравненіемъ, или удачнымъ опредѣленіемъ, или просто вѣрнымъ представленіемъ ея такъ, какъ она есть. Смѣшное или комическое такъ же точно раздѣляется: оно или водевиль, или „Горе отъ Ума“. Мы думаемъ, что смѣшное и остроумное перваго рода принадлежитъ барону Брамбеусу, повѣсти котораго не лишены литературнаго достоинства, хотя и лишены всякой художественности, какъ и повѣсти всѣхъ рассказчиковъ-балагуровъ; а смѣшное Гоголя относится ко второй категоріи комизма. Мы опираемся въ этомъ случаѣ на то, что его повѣсти смѣшны, когда вы ихъ читаете, и печальны, когда вы ихъ прочтете. Онъ представляетъ вещи не карикатурно, а истинно: въ его „Вечерахъ на Хуторѣ“, въ повѣстяхъ: „Невскій Проспектъ“, „Портретъ“, „Тарасъ Бульба“, смѣшное перемѣшано съ серьезнымъ, грустнымъ, прекраснымъ и высокимъ. Комизмъ отнюдь не есть господствующая и перевѣшивающая стихія его таланта. Его талантъ состоитъ въ удивительной вѣрности изображенія жизни въ ея неуловимо-разнообразныхъ проявленіяхъ. Этого-то и не хотѣлъ понять Шевыревъ: онъ видитъ въ созданіяхъ Гоголя одинъ комизмъ, одно смѣшное, и высказалъ нѣсколько мыслей вообще о смѣшномъ. Эти мысли кажутся намъ очень невѣрными, и мы сейчасъ же повѣримъ ихъ. Мы прежде сдѣлаемъ замѣчаніе объ одномъ чрезвычайно странномъ его мнѣніи. Хваля цѣлое и подробности „Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ“, онъ говорить:

„Мнѣ не нравится тутъ одна только мысль, убійственная мысль о привычкѣ, которая какъ будто разрушаетъ нравственное впечатлѣніе цѣлой картины. Я бы вымаралъ эти строки.“

Мы никакъ не можемъ понять этого страха, этой робости передъ истиной! Критикъ не доказываетъ ни однимъ словомъ ложности этой мысли, напротивъ, какъ будто признаетъ ея справедливость, и въ же время негодуетъ на нее!.. Странно!.. Что касается до насъ, мы уже пережили этотъ аркадскій періодъ человѣческаго возраста, когда глаза страшатся свѣта истины, а потѣшаются ложными цвѣтами мыльных пузырей!..

„Смѣшное есть безсмыслица безвредная... Человѣкъ шелъ по улицѣ и упалъ... Вы смѣтаете его неловкости, потому что неловкость есть въ своемъ родѣ безсмыслица; но если вы замѣтили, что онъ вывихнулъ ногу и стонаетъ... тутъ вамъ не до смѣху... Чувство состраданія изгоняетъ чувство смѣха... Такъ точно въ страстяхъ и порокахъ: они смѣшны до тѣхъ поръ, пока безвредны... Ревнивецъ смѣшонъ въ Арнольдѣ Мольера и ужасенъ въ Отелло... Сумасшедшій смѣшонъ до тѣхъ поръ, пока не опасенъ себѣ и другимъ... Безвредная безсмыслица—вотъ стихія комическаго, вотъ истинно смѣшное.“

Шевыревъ довольно пространно и отчетливо развиваетъ намъ свою теорію комизма: въ ней много справедливыхъ и дѣльных замѣтокъ, но основаніе рѣшительно ложно. Что такое „безвредная безсмыслица“?—ничего больше какъ безсмыслица! Давно уже рѣшено, что основаніе смѣшного есть несообразность, противорѣчіе идеи съ формой или формы съ идеей. Это доказываетъ примѣръ, приведенный самимъ Шевыревымъ. Человѣкъ шелъ и упалъ—это смѣшно безъ сомнѣнія. Но отчего? оттого, что идущій человѣкъ долженъ идти, а не лежать: слѣдовательно въ случайности его паденія заключается противорѣчіе и съ его цѣлью, и съ положеніемъ человѣка идущаго. Вы встрѣчаете на улицѣ мужика, который идя ѣстъ калачъ—вамъ не смѣшно, потому что эта походная трапеза не противорѣчитъ идеѣ мужика; но если бы вы встрѣтили на улицѣ съ калачемъ въ рукахъ человѣка свѣтскаго, человѣка *comme il faut*, вы расхохотались бы. потому что принятое и утвержденное условіями нашей общественности понятіе о свѣтскомъ человѣкѣ противорѣчитъ идеѣ походной трапезы среди улицы.

О замѣчаніи Шевырева касательно фантастической повѣсти Гоголя „Вій“ я имѣлъ случай говорить. Это замѣчаніе очень справедливо и основательно.

Статья о „Миргородѣ“ есть лучшая изъ статей Шевырева, помѣщенныхъ въ „Наблюдателѣ“, и болѣе другихъ можетъ назваться критикой: въ ней онъ по крайней мѣрѣ разсуждаетъ о смѣшномъ и фантастическомъ—предметахъ, прямо относящихся къ искусству; но мнѣніе его вообще о характерѣ повѣстей Гоголя и о смѣшномъ кажется намъ невѣрнымъ.

Теперь слѣдуетъ пятая статья Шевырева „О критикѣ вообще и у насъ въ Россіи“. Въ началѣ этой статьи Шевы-

ревъ какъ бы мимоходомъ дѣлаетъ замѣчаніе на счетъ чьего-то мнѣнія, что „у насъ нѣтъ еще словесности, а есть уже критика“, и потомъ задаетъ себѣ вопросъ: „можетъ ли существовать критика тамъ, гдѣ нѣтъ еще словесности?“ На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ утвердительно, ссылаясь на нѣмецкую литературу, въ которой „Лессингъ, Винкельманъ и Гердеръ предшествовали Шиллеру и Гёте, и Жанъ-Полю“. Вслѣдствіе этого онъ думаетъ, что и у насъ можетъ быть то же самое. И еще въ началѣ этой статьи сказалъ мое мнѣніе на счетъ этой мысли. Потомъ онъ переходитъ къ важности критики у насъ въ Россіи и говоритъ, что „словесность наша до тѣхъ поръ не достигнетъ высокихъ созданій національнаго вкуса, а будетъ ограничиваться отрывками и мелкими произведеніями, пока не водворится у насъ критика національная, воспитанная своею наукой и основанная на глубокомъ изученіи исторіи словесности“. Мы съ этимъ не согласны: мы думаемъ, что у насъ тогда будетъ литература, когда явится вдругъ нѣсколько талантовъ. Пушкинъ, Грибоѣдовъ и Гоголь явились, не дожидаясь критики. Слѣдующая за этимъ мысль кажется намъ еще удивительнѣе. Шевыревъ сначала говоритъ, что наука и преданіе враждебны другъ другу, первая—какъ нововводительница, безпрестанно движущаяся впередъ, вторая—какъ цѣпь, мѣшающая ходу человѣчества: мысль можетъ-быть не новая, но глубоко вѣрная! Потомъ онъ говоритъ, что есть еще борьба искусства съ наукой и преданіемъ и что въ этой борьбѣ заключается жизнь искусства.

„Словесность производящая силится нарушить всѣ законы и уничтожить совершенно науку и преданіе. Наука хочетъ умертвить всякую живую силу въ своемъ строгомъ законѣ и подчинить ее урокамъ опыта, правиламъ, ею постановленнымъ. Если бы въ этой борьбѣ которая-нибудь изъ силъ восторжествовала, что весьма возможно, то равновѣсіе и гармонія литературнаго міра были бы совершенно нарушены. При исключительномъ торжествѣ науки уничтожилась бы вся новая жизнь въ мірѣ творящаго слова и на мѣсто ея воцарилось бы мертвое и холодное подражаніе. Восторжествуй сила производящая: безначаліе, хаосъ, уничтоженіе всѣхъ законовъ красоты могло бы быть слѣдствіемъ такого торжества въ литературномъ мірѣ. И откуда бы могло послѣдовать возрожденіе жизни словеснаго міра и восстановленіе осиленаго начала, если бы кромѣ этихъ двухъ враждующихъ силъ не присутствовала третья,

которая занимает средину между той и другой силой и является примирителемъ, равно наблюдающимъ права каждой изъ нихъ?—Вотъ мѣсто, которое, по моему мнѣнію, должна занимать критика въ литературѣ... Однимъ словомъ, согласить законъ и жизнь, не нарушать первого и не попустить убійства второй—вотъ дѣло истинной критики! Торжествуетъ исключительно наука: освободить искусство; буйствуетъ искусство—возстановить на него науку—вотъ ея назначеніе“.

Вотъ понятіе Шевырева о критикѣ. Но мы съ нимъ не согласны, оно намъ кажется ложнымъ, потому что выведено изъ ложнаго начала. Между искусствомъ и наукой точно есть борьба, да только эта борьба есть не жизнь, а смерть искусства. Вдохновенію не нужна наука, оно ученіе науки, оно никогда не ошибается. Основной законъ творчества, что оно сообразно съ цѣлью безъ цѣли, безсознательно съ сознаниемъ, опровергаетъ всѣ теоріи и системы кромѣ той, которая основана на немъ, выведенная изъ законовъ человѣческаго духа и вѣковыхъ опытовъ надъ произведеніями искусства. Слѣдовательно не наука создала искусство, а искусство создало особенную науку—теорію изящнаго; слѣдовательно искусство только тогда истинно и изящно, когда вѣрно себѣ, а не наукѣ, а если наукѣ, то имъ же самимъ созданной. Правда, наука всегда силилась покорить искусство, но какое было слѣдствіе этого? Смерть искусства, какъ то доказываетъ классическая французская литература. Но когда искусство было свободно отъ науки, оно было полно жизни, истины, красоты эстетической: достаточно указать на одного Шекспира, чтобы сдѣлать это положеніе неопровержимымъ. Я, право, не знаю, какое вліяніе теорія, система, пѣтика, наука (назовите это какъ угодно) имѣла вліяніе на Байрона, Вальтеръ-Скотта, Купера, Гёте, Шиллера?.. Шевыревъ указываетъ на новѣйшую французскую литературу, какъ на плачевный примѣръ буйства искусства, освободившагося отъ науки: но, во-первыхъ, я никакъ не могу понять, въ чемъ состоитъ это буйство; во-вторыхъ, точно ли новѣйшія произведенія французской литературы суть плоды искусства, творчества; не покорены ли были они болѣе или менѣе духу моды, подражанія, разсчета особеннаго рода системы, что для искусства не менѣе губительно науки? Критика не есть посредникъ и примиритель между искусствомъ и наукой: она есть при-

ложеніе теоріи къ практикѣ, есть та же наука, созданная искусствомъ, а не создающая искусство. Ея вліяніе простирается не на искусство, а на вкусъ публики; она не для генія, творца, который всегда вѣренъ ей, не думая и не стараясь быть ей вѣрнымъ, а для направленія общественнаго вкуса, который можетъ измѣнять ей, сбиваемый съ толку ложно-изящнымъ или ложными системами.

Остальная и бѣльшая часть этой статьи состоитъ изъ обличеній критика „Библіотеки для Чтенія“. Эти обличенія во всевозможныхъ неправдахъ, противорѣчіяхъ самому себѣ, наивномъ шарлатанствѣ, явной и откровенной недобросовѣстности, умысленныхъ нелѣпостяхъ дышатъ благороднымъ негодованіемъ, неподдѣльнымъ жаромъ, остротой въ выраженіи, рѣзкостью и силой слога. Все это прекрасно, но знаете ли что? Мнѣ наконецъ и только сейчасъ, сію минуту пришла въ голову чудная мысль, что не должно и не изъ чего нападать на барона Брамбеуса и Тю-Тюнджи-Оглу: кто-то изъ нихъ недавно объявилъ, что „Москва не шутитъ, а ругается“, и я вывелъ изъ этого объявленія дѣльное слѣдствіе, что какъ почтенный баронъ, такъ и татарскій критикъ „не ругаются, а шутятъ“ или, лучше сказать, „изволятъ потѣшаться“. Теперь это уже ни для кого не тайна, и тѣхъ, для которыхъ оба вышереченные мужа еще опасны своимъ вреднымъ вліаніемъ, тѣхъ уже нѣтъ средствъ спасти. Постойте, виновать! Эврика! Эврика! Есть средство, есть, я нашелъ его, честь и слава мнѣ! Для этого надобно, чтобъ нашелся въ Москвѣ человекъ со всѣми средствами для изданія журнала, съ вещественнымъ и невещественнымъ капиталомъ, т. е. деньгами, вкусомъ, познаніями, талантомъ публициста, свѣтлостью мысли и огнемъ слова, дѣятельный, весь преданный журналу, потому что журналъ такъ же, какъ искусство и наука, требуетъ всего человека безъ раздѣла, безъ измѣнъ себѣ; надобно, чтобы этотъ человекъ умѣлъ возбудить общее участіе къ своему журналу, завоевать въ свою пользу общественное мнѣніе, надѣлать себѣ тысячи читателей... Тогда „Библіотека для Чтенія“—поминай, какъ звали, а куда... дѣлать нечего...

Нечего и говорить, какъ основателенъ и справедливъ урокъ

Шевырева критику „Библиотеки для Чтенія“, что онъ судить о литературныхъ произведеніяхъ по личнымъ впечатлѣніямъ и отвергаетъ возможность положительныхъ законовъ искусства; но намъ страннымъ кажется то, что основанія изящнаго, которыми руководствуется самъ Шевыревъ, остаются для насъ доселѣ тайной. Мы разсмотрѣли уже пять статей его и только въ одной нашли нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ о комическомъ или смѣшномъ и фантастическомъ. Мы нисколько не сомнѣваемся въ добросовѣстности Шевырева, мы увѣрены въ его вкусѣ намъ бы хотѣлось знать его литературное ученіе въ приложеніи къ разбираемымъ имъ книгамъ...

Послѣ статьи Шевырева „О критикѣ вообще и у насъ въ Россіи“ слѣдуетъ разборъ одного изъ безчисленныхъ сочиненій или, лучше сказать, одной изъ безчисленныхъ статей Аретина современной французской критики, знаменитаго Жюль-Жанена: „Romans, Contes et Nouvelles littéraires; Histoire de la Poésie chez tous les peuples“. Я не читалъ и даже не видалъ этой книги; можетъ-быть и не буду читать, не предвидя отъ нея особенной пользы, какъ отъ компиляціи, въ чемъ самъ авторъ очень наивно признается. Онъ написалъ ее для дѣтей и потому ли, или почему другому взялся знакомить своихъ читателей даже съ восточными литературами, которыхъ не знаетъ, рѣшась на это именно потому, что и „другіе объ этомъ не больше его знаютъ“. Причина очень достаточная, оправданіе очень резонное, по крайней мѣрѣ для Жанена! Что же касается до насъ, то мы думаемъ, что здѣсь Жаненъ, какъ говорится, превзошелъ самого себя въ этомъ миломъ невѣжествѣ, которымъ онъ гордится, какъ достоинствомъ, какъ заслугой: честь и слава ему! Итакъ, я не буду повѣрять мнѣній Шевырева касательно Жаненовой книги: они очень справедливы; не буду защищать ея отъ ожесточенныхъ нападковъ нашего критика: онѣ очень дѣльны, хотя немного и утрированы, потому что Жанена оправдываетъ нѣсколько его откровенность, и потому что отъ автора не должно требовать больше того, что онъ самъ обѣщаетъ. Если можно его обвинять, и обвинять сильно, какъ обвиняетъ Шевыревъ, такъ это за то, что онъ взялся не за свое дѣло, но и на это онъ можетъ отвѣчать:

почему жъ никто не сдѣлалъ ничего въ этомъ родѣ лучше меня? а я выполнилъ, какъ умѣлъ, то, что обѣщалъ. Короче сказать, касательно мнѣнія о самой книгѣ мы почти согласны съ Шевыревымъ и прикладываемъ руку къ его приговору, даже и не читавши этого опальнаго произведенія литературнаго повѣсы Жанена. Но мы рѣшительно несогласны съ Шевыревымъ насчетъ его мнѣнія о самомъ Жаненѣ; его взглядъ на этого писателя былъ бы очень справедливъ, если бы не отзывался какимъ-то безотчетнымъ и безусловнымъ предубѣжденіемъ противъ всей современной французской литературы, — предубѣжденіемъ, которое очень понятно въ татарскомъ критикѣ „Библіотеки для Чтенія“, отводящемъ глаза православному русскому народу отъ своихъ проказъ, но которое совсѣмъ непонятно въ Шевыревѣ, не имѣющемъ никакой нужды придерживаться такого образа мыслей. Дѣло вотъ въ чемъ: Шевыревъ говоритъ, что весь Жаненъ заключается въ газетномъ фельетонѣ, что вся сила, все могущество его таланта заключается въ слогѣ, имъ самимъ созданномъ и никому другому недоступномъ, не исключая даже Брамбеуса и Тю-Тюнджи-Оглу, которые, силясь подражать ему, только карикатурно передразниваютъ его. Да, это очень справедливо: журнальная проза составляетъ главную стихію Жаненова таланта, — главную, но не исключительную, какъ мы думаемъ. Жаненъ не ученый, не критикъ, а просто литераторъ, въ высочайшей степени обладающій талантомъ говорить на бумагѣ, — литераторъ, каждая статья котораго есть бесѣда (conversation) умнаго, образованнаго и остраго человѣка, разговоръ бѣглый, живой, перелетный, какъ бабочка, трескучій, какъ догорающій огонекъ камина, дробящій предметъ, какъ граненый хрусталь; присовокупите къ этому неподражаемую легкость и болтливость языка, легкомысленность въ сужденіи, неистощимую, огненную дѣятельность, всегдашнюю готовность говорить о чемъ угодно, даже и о томъ, чего не знаетъ, но въ томъ и другомъ случаѣ говорить умно, остро, увлекательно, граціозно, мило, хотя часто и неосновательно, вздорно, безстыдно: и вотъ вамъ причина народности Жанена. Ито Беранже въ поэзіи, то Жаненъ въ журнальной литературѣ. Мы этимъ не думаемъ равнять великаго и истиннаго

поэта современной Франціи съ журнальнымъ болтуномъ: мы только хотимъ сказать, что тотъ и другой суть выраженіе своего народа и потому его исключительные любимцы. Но Жаненъ, какъ французъ по преимуществу, имѣетъ и другія качества, свойственныя одному ему и больше никому; онъ мило безстыденъ, простодушно наглъ, гордо невѣжественъ, простительно безсовѣстенъ, кокетливо продаженъ и непостояненъ во мнѣніяхъ. Эта умышленная и сознательная невѣрность самому себѣ, эта измѣнчивость во мнѣніяхъ была бы возмугительно-отвратительна въ англичанинѣ, особливо въ нѣмцѣ; но въ Жаненѣ, какъ во французѣ, она простительна, мила даже, какъ кокетство въ прекрасной женщинѣ. Онъ лжетъ, хочетъ васъ обмануть, вы это замѣчаете — и только смѣетесь, а не оскорбляетесь, не возмущаетесь. Жаненъ имѣетъ на это исключительную привилегію, и этой-то привилегіи не хотѣлъ замѣтить Шевыревъ. Онъ съ ожесточеніемъ нападаетъ на легкомысліе, съ какимъ Жаненъ за все хватается, на недобросовѣстность, съ какой все выполняетъ, и на какое-то хвастовство съ недобросовѣстностью и невѣжествомъ; но онъ не хотѣлъ уяснить себѣ идеи, выражаемой словомъ „Жаненъ“, не хотѣлъ увидѣть, что Жаненъ есть родъ журнальнаго паяца, который тѣшитъ публику и между тѣмъ безнаказанно даетъ щелчки тому и другому, пускаетъ въ оборотъ и дѣльную мысль, и умышленный софизмъ, и все это часто изъ одного невиннаго желанія попаясничать, потѣшиться. Но пусть будетъ такъ: мы не хотимъ спорить насчетъ этого съ Шевыревымъ, но насъ крайне изумило его мнѣніе, что Жаненъ будто бы „плохой романистъ“... Плохой романистъ!.. Помилуйте: вѣдь это слишкомъ много значить, вѣдь это что-то чрезвычайно смѣшное, чрезвычайно жалкое, вѣдь плохой романистъ, какъ и плохой поэтъ, есть посмѣшище, притча во языцѣхъ, рыцарь печальнаго образа въ полномъ смыслѣ этого слова. Неужели такимъ считается во Франціи авторъ „Барнава?..“ У всякаго свой вкусъ, и мы не хотимъ переувѣрять Шевырева насчетъ истиннаго достоинства романовъ Жанена, но мы осмѣливаемся имѣть и свой вкусъ и почитать романы Жанена хорошими, а не плохими; равнымъ образомъ смѣемъ увѣрить нашихъ читателей, что и

во Франціи, какъ и во всей Европѣ, не всѣ думаютъ о романахъ Жанена согласно съ Шевыревымъ. Что касается до насъ лично, мы имѣемъ вообще о французской литературѣ, а слѣдовательно и о романахъ Жанена, понятіе современное, всѣми признанное, для всѣхъ общее и ни для кого не новое. Мы думаемъ, что французской литературѣ не достаетъ чистаго, свободнаго творчества, вслѣдствіе зависимости отъ политики, общественности и вообще національнаго характера французовъ, что ей вредятъ скорописность, духъ не столько вѣка, сколько дня, обаяніе суетности и тщеславія, жажда успѣха во что бы то ни стало. Все это можно приложить и къ романамъ, и повѣстямъ Жанена и вслѣдствіе всего этого можно найти въ нихъ важные недостатки; но невозможно не признать въ нихъ слѣдовъ яркаго и сильнаго таланта. Жаженъ-романистъ и повѣствователь, точь-въ-точь какъ всѣ модные французскіе романисты и повѣствователи, и мы только безусловнымъ предубѣжденіемъ Шевырева противъ всей французской литературы можемъ объяснить его немилость къ Жанену и слишкомъ смѣлый эпитетъ, придаваемый имъ ему, какъ романисту. Поэтому мы почли за долгъ заступиться за Жанена, какъ за романиста, сколько изъ любви къ истинѣ, столько и потому, что для нашей публики слишкомъ достаточно возгласовъ „Библіотеки для Чтенія“ противъ французской словесности: зачѣмъ же отбивать у этого журнала насущный хлѣбъ и помогать ему въ цѣли, которой онъ и безъ всякой чужой помощи вѣроятно успѣшно достигаетъ?.. Прибавимъ къ этому еще, что окончаніе статьи Шевырева привело насъ въ ужасъ: въ самомъ дѣлѣ, кто не почтетъ слѣдующихъ словъ какъ бы взятыхъ на выдержку изъ „Библіотеки для Чтенія“:

„Вотъ какъ составляются инныя книги во Франціи! Вотъ чѣмъ угощаютъ французское юношество! Вотъ какъ извѣстный литераторъ наряжается добровольно въ доскуты чужихъ трудовъ и самъ передъ своей публикой добровольно сознается въ этомъ!.. Что за нравственность въ той литературѣ, гдѣ безчинная хищность имѣетъ еще смѣлость быть мило откровенной!...“

Мы слишкомъ далеки отъ того, чтобъ подозрѣвать Шевырева въ симпатіи съ барономъ Брамбеусомъ насчетъ французской литературы, но мы не можемъ понять, какъ можно

по одному примѣру и по одному литератору дѣлать такое невыгодное заключеніе о цѣлой литературѣ и произносить ей такой грозный приговоръ!.. И что худого, что авторъ, издавая компиляцію, самъ предувѣдомляетъ читателя, что это компиляція?.. Что касается до чужихъ лоскутьевъ, то въ нихъ и у насъ любятъ рядиться, только не любятъ въ этомъ сознаваться: а это развѣ лучше?.. Право, слишкомъ уже притворны эти безотчетные, ни на чемъ не основанные возгласы о безнравственности литературы цѣлаго народа, литературы, которая имѣетъ Шатобріановъ и Ламартиновъ, и мы очень бы желали, чтобъ наши нравоучители растолковали намъ, въ чемъ именно состоитъ эта безнравственность, или поукротили бы свое негодованіе!.. Эти возгласы, какія бы причины не производили ихъ, тѣмъ досаднѣе, что простодушная неосновательность во мнѣніяхъ часто можетъ имѣть одни слѣдствія съ хитрой неблагонамѣренностью, и что влѣдствіе того иной добросовѣстный литераторъ можетъ попасть въ одну категорию съ витязями „Библіотеки для Чтенія“...

Теперь мнѣ слѣдуетъ разсмотрѣть седьмую статью Шевырева, которая можетъ назваться и критической, и полемической, и филологической, и художественной: разумѣю переводъ седьмой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“. Да, я смотрю на этотъ переводъ не иначе, какъ на журнальную статью, въ которой есть немного критики, очень много полемики, а больше всего шуму и грому. Дѣло въ томъ, что этотъ переводъ снабженъ чѣмъ-то вродѣ предисловія, въ которомъ Шевыревъ не шутя грозитъ произнести ужасную реформу въ нашемъ стихосложеніи, изгнать наши бойкіе ямбы, наши звучные металлическіе хореи, наши гармоническіе дактили, амфибрахіи, анапесты и замѣнить ихъ — чѣмъ бы вы думали? — тоническимъ ритмомъ нашихъ народныхъ пѣсень, этимъ ритмомъ, столь роднымъ нашему языку, столь естественнымъ и музыкальнымъ?.. Нѣтъ! — итальянской октавой!.. Статейка начинается жалобой на какого-то журналиста, который не хотѣлъ помѣстить въ одномъ номерѣ своего журнала перевода седьмой пѣсни „Освобожденнаго Іерусалима“, а помѣстилъ его въ видѣ отрывковъ въ нѣсколькихъ номерахъ, чѣмъ повредилъ его доброму впечатлѣнію на публику. „Переводчикъ,

говорить Шевыревъ, тогда отсутствовалъ, а отсутствовавшіе всегда виноваты, по известной пословицѣ“. Сначала этотъ упрекъ, какъ ни касался основательнымъ, удивилъ меня немного своей горечью, но когда я прочелъ октавы, то вполне раздѣлилъ благородное негодованіе Шевырева на злого журналиста и хотѣлъ сгоряча написать на него презлую статью. Въ самомъ дѣлѣ, „перекроить въ отрывки экономическимъ разсчетомъ журнала“ такой опытъ, которымъ затѣвалась такая важная реформа и который весь состоялъ изъ такихъ звучныхъ, гармоническихъ октавъ, какъ слѣдующія:

Кружить шаги широкими кругами,
Стѣснивъ доспѣхъ, мечомъ махая праздно;
Межъ тѣмъ Танкредъ, хотя и утомленъ путями,
Идетъ и напираетъ безотвязно.
И всякій шагъ, соперника стопами
Уступленный, пріемлетъ неотказно,
И все къ нему тѣснится сгоряча,
Въ глаза сверкая молніей меча.

.....
Потомъ кружить отселѣ и оттолѣ,
И вновь кружить оттолѣ и отселѣ,
И всякій разъ, вскипая болѣе и болѣ,
Разить врага тяжелѣ и тяжелѣ.
Все, что есть силъ въ горящей гнѣвомъ волѣ,
Въ искусствѣ опытномъ и ветхомъ тѣлѣ,
Все ко вреду черкеса соединяетъ,
И счастье и небо заклинаятъ.

О! только бы узнать мнѣ имя этого варвара журналиста, а то не уйти ему отъ меня!... Но пока послѣдуемъ за Шевыревымъ въ его объясненіяхъ затѣваемой имъ реформы.

Онъ говоритъ, что тогда его опытъ явился въ неблагопріятное время, потому что „слухъ нашъ лелѣлся какой-то нѣгой однообразныхъ звуковъ, мысль спокойно дремала подъ эту мелодію и языкъ превращалъ слова въ одни звуки“ (?), а въ октавахъ его „нарушались всѣ условныя правила нашей просодіи, объявлялся совершенный разводъ мужскимъ и женскимъ приемамъ, хорей впутывался въ ямбъ, двѣ гласныя принимались за одинъ слогъ“.

Понятно теперь для васъ, въ чемъ состоитъ реформа Шевырева?.. Думаю, что очень понятно. Но нужна ли она и

возможна ли она?.. Какъ ни непріятно и ни скучно заниматься разбирательствомъ такихъ вопросовъ, но я обрекъ себя на это и долженъ выполнить начатое, во что бы то ни стало.

Для чего намъ октавы? Для того же, для чего намъ были нужны эпическія поэмы, оды, а теперь романы; для того же, для чего намъ нужны были героическіе гекзаметры, да еще съ спондеями,—и элегическіе пентаметры. У всѣхъ народовъ были эпическія поэмы—стало-быть, и намъ нужно было имѣть ихъ, да еще не одну, а дюжину; во всѣхъ европейскихъ литературахъ лиризмъ проявлялся въ формѣ надутыхъ одъ — стало-быть, и нашимъ лирикамъ надо было надуваться; у грековъ и римлянъ поэмы писаны были гекзаметрами, а элегіи—гекзаметрами и пентаметрами попеременно—стало-быть, и намъ надо было гекзаметровъ и пентаметровъ, во что бы то ни стало, а такъ какъ ихъ не было въ языкѣ, то, ради предстоящей потребности, сработали кое-какъ свои, замѣнивъ спондей хореемъ; теперь у итальянцевъ есть октавы — какъ же не быть имъ у насъ? . Вы скажете, что ихъ октавы родились отъ духа и просодіи ихъ языка, что онѣ родились сами, а не изобрѣтены, что русскій языкъ не итальянскій, что два слога за одинъ принимать можно только въ пѣніи, а не въ чтеніи, для котораго преимущественно пишутся стихи, и Богъ знаетъ чего вы еще не скажете!.. Я самъ думалъ доселѣ, что размѣръ не есть дѣло условное, что наши ямбы и хорей — не чистые ямбы и хорей, что они близки къ тонизму нашего народнаго ритма и потому такъ подружились съ нашей поэзіей; а дактили, амфибрахii и анапесты совершенно согласны съ духомъ нашего языка, потому что въ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются цѣлые стихи дактилическіе, амфибрахическіе и анапестическіе. Равнымъ образомъ я всегда думалъ, что гекзаметръ есть метръ искусственный, и потому тяжелый, утомительный для чтенія и никогда не могущій привиться къ нашему стихосложенію. Какъ же хотѣть заставить насъ писать октавами, которыя должно читать какъ прозу, въ которыхъ нѣтъ сочетанія, гдѣ объявляется совершенный разводъ мужескимъ и женскимъ риѣмамъ?... Впрочемъ я еще думалъ и то, что размѣръ не составляетъ сущности искусства, въ которомъ главное дѣло творчество, изящество, красота; что поэтъ

имѣть право писать и ямбами, и хорейми, дактилями, и амфибрахиями, и анапестами, и гекзаметрами, и пентаметрами, и даже октавами, лишь бы только онъ хорошо писалъ. Но Шевыревъ рѣшительно разувѣрилъ меня во всѣхъ моихъ теплыхъ вѣрованіяхъ насчетъ русскаго стихосложенія неопровержимыми доказательствами. Съ моей стороны осталось было одно только возраженіе противъ него: я думалъ, что когда нововведеніе въ духъ языка, то должно имѣть успѣхъ, а Шевыревъ не нашелъ ни одного послѣдователя; но и это возраженіе уничтожается само собою: мы узнаемъ, что

„давно мы не слышимъ бывалыхъ стиховъ. Если и слышимъ, то изрѣдка. Читаемъ все прозу и прозу. Можетъ быть это безмолвіе, господствующее въ мірѣ нашей поэзіи, эта чудная тишина, эта пустыня пророчить какой-нибудь переворотъ въ нашемъ стихотворномъ языкѣ, въ формахъ нашей просодіи. Благодаря этой тишинѣ, слухъ отвыкнетъ отъ прежней монотоніи, нервы его окрѣпнутъ, вылечатся отъ разслабленія—и онъ будетъ способенъ выносить звуки и сильнѣе и тверже. Теперь едва ли не совершается у насъ время перехода, ознаменованное бездѣйствіемъ почти всѣхъ нашихъ поэтовъ, которые, въ послѣднее время, вода слегка привычными пальцами по струнамъ, дремали, дремали, и теперь заснули на своихъ лирахъ, и спятъ до новаго пробужденія!“

И такъ, спокойной ночи, пріятнаго сна гг. поэтамъ!.. Пока они проснутся отъ скрипа октавъ г. нововводителя, мы рѣшимъ и безъ нихъ, почему эти октавы не произвели никакихъ слѣдствій: потому что явились немного рано, во время перехода, а не по его окончаніи. Нашъ слухъ только окрѣпаетъ, но еще не окрѣпъ; новыя октавы немного дерутъ его. Но погодите, скоро онъ прислушается къ этому, особливо, когда молодое поколѣніе, внявъ голосу г. реформатора, придетъ къ нему на помощь. Подвигъ великій, интересъ всеобщій, вопросъ міровой! Дѣло идетъ о судьбѣ искусства въ Россіи, которое непременно погибнетъ безъ октавъ: такъ молодому ли поколѣнію оставаться празднымъ, когда его дѣятельности предстоитъ такое обширное поле!..

Не хотите ли знать, какъ пришла Шевыреву эта прекрасная мысль? Послушаемъ его самого:

„Съ послѣдними звуками нашей монотонной музыки въ ушахъ я уѣхалъ въ Италію... Долго я не слыхалъ русскихъ стиховъ, которые памятны мнѣ были только своимъ однозвучіемъ(?!!)... Вздлушивался въ сильную

гармонію Данта и Тасса... Обратился къ нашимъ первымъ мастерамъ—нашелъ въ нихъ силу... устыдился изнѣженности, слабости и скудости нашего современнаго языка русскаго... Всѣ свои чувства и мысли объ этомъ я выразилъ тогда въ моемъ посланіи къ А. С. Пушкину, какъ представителю нашей поэзіи. Я предчувствовалъ необходимость переворота въ нашемъ стихотворномъ языкѣ; мнѣ думалось, что сильныя, огромныя произведенія музы не могутъ у насъ явиться въ такихъ тѣсныхъ, скудныхъ формахъ языка; что намъ нуженъ большой просторъ для новыхъ подвиговъ. Безъ этого переворота ни создать свое великое, ни переводить творенія чужія мнѣ казалось и кажется до сихъ поръ невозможнымъ (???). Но я догадывался также, что для такого переворота надо всѣмъ замолчать на нѣсколько времени, надо отучить слухъ публики отъ дурной привычки... Такъ теперь и дѣлается. Поэты молчать. Первая половина моего предчувствія сбылась: авось сбудется и другая“.

Пока сбудется вторая половина предчувствія Шевырева, подивимся, какъ много новыхъ истинъ заключается въ немногихъ его строкахъ, выписанныхъ нами! Мы думали, что на примѣръ стихи Пушкина памятны всякому образованному русскому своимъ высокимъ художественнымъ достоинствомъ, а не однимъ своимъ однозвучіемъ: теперь ясно, что мы ошибались! Потомъ мы думали, что „сильныя, огромныя произведенія музы“ могутъ являться такъ же хорошо и въ „тѣсныхъ и скудныхъ формахъ языка“, какъ въ широкихъ и богатыхъ, основываясь на примѣрѣ Шекспира и Байрона, которые заковывали свои исполинскія созданія въ бѣдныя и однообразныя метры англійскаго стихосложенія и которые, право, не ниже хоть на примѣръ господина Виргилія, отца немного тощей мысли „Энеиды“, хотя писанной богатымъ, роскошнымъ гекзаметромъ: и это наше мнѣніе оказалось ложнымъ. Наконецъ „намъ надо всѣмъ замолчать на нѣсколько времени (вотъ въ этомъ-то мы вполне согласны съ Шевыревымъ!), надо отучить слухъ публики отъ дурной привычки... Такъ теперь и дѣлается... Поэты молчать“. А! такъ вотъ почему они молчатъ?... Они ожидали реформы, а не по неимѣнію голоса?... Боже мой, какъ много новаго можно иногда сказать въ немногихъ словахъ!...

„Я самъ знаю недостатки моей копіи. Стихи мои слишкомъ рѣзки, часто жестки и даже грубы“.

Мы съ этимъ совѣмъ несогласны; но не ходимъ опровер-

гать скромнаго переводчика, потому что приведенныя нами въ примѣръ двѣ октавы его могутъ служить самымъ убѣдительнымъ опроверженіемъ этихъ словъ... Но довольно объ октавахъ!...

Теперь слѣдуетъ разборъ Шевырева стихотвореній Бенедиктова... Этотъ разборъ замѣчателенъ: онъ доставилъ новому стихотворцу большую извѣстность по крайней мѣрѣ въ Москвѣ. И неудивительно: этотъ разборъ есть истинный диѳирамбъ, истинное изліяніе восторженнаго чувства: это доказываетъ и непомѣрное обиліе точекъ послѣ каждаго періода, и необыкновенная цвѣтистость языка... Тѣмъ строжайшему разбору долженъ бы подвергнуться этотъ разборъ; но, съ одной стороны, у кого достанетъ духа холодной прозой разсудка опровергать пламенную поэзію чувства, плодомъ котораго былъ этотъ вдохновенный разборъ? съ другой же стороны, я твердо рѣшился ничего больше не говорить о стихотвореніяхъ Бенедиктова, тѣмъ болѣе, что моя рѣшительность сдѣлалась еще тверже, когда я прочелъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“ новое стихотвореніе этого поэта „Кудри“, гдѣ онъ говоритъ, какъ пріятно „наматывать на палецъ кудри и припекать ихъ поцѣлуями“: что можно сказать противъ такой поэзіи?

Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ о стихотвореніяхъ Бенедиктова, взглянемъ на статью Шевырева, взглянемъ хладнокровно и даже холодно: мы не остудимъ этимъ ея теплоты. Сначала критикъ радуется звукамъ новой лиры, внезапно раздавшейся среди всеобщаго затишья нашихъ лиръ. И такъ, еще старые поэты спятъ (да продлитъ Господь ихъ сонъ!), они еще не проснулись, а ужъ явился новый поэтъ, съ чѣмъ же? съ октавой?... О, нѣтъ! съ прежними монотонными ямбами, хорейми, амфибрахіями — но зато „съ глубокой мыслью на челѣ, съ чувствомъ нравственнаго цѣломудрія и даже съ нѣкоторымъ опытомъ жизни“. Такъ, стало быть, и безъ октавъ можно еще быть глубокимъ въ мысляхъ и слѣдовательно глубокимъ въ чувствахъ?... Потомъ критикъ спрашиваетъ себя, что ему дѣлать отъ такой внезапной радости: „поздравить ли русскую публику съ великимъ поэтомъ, или сохранить строгую неподвижность, какъ будто недоступную никакому насилію впечатлѣнія, сказать только: „хорошо, но посмотримъ!“ и

тѣмъ взять на себя „душегубство неразвившагося таланта?..“ Критикъ не долго думалъ и, разумѣется, рѣшилъ на первое, а мы пока остановимся на „душегубствѣ“.

Есть странное мнѣніе, что строгій и рѣзкій приговоръ можетъ убить неразвившееся дарованіе. Правда ли это? Положимъ, если и можетъ—тогда что жъ за бѣда такая?... Къ чему эти поэты, которыхъ заставляетъ замолчать первая выходка критики, какъ раскричавшагося ребенка лоза няньки?— Истиннаго и сильнаго таланта не убьетъ суровость критики, такъ какъ незначительнаго не подыметъ ея привѣтъ. Поэтомъ можетъ назваться только тотъ, кто не можетъ не писать, кто не въ силахъ удерживать вѣчно пламенныхъ порывовъ своей фантазіи. Вспомните, какъ встрѣченъ былъ Байронъ; вспомните, какъ встрѣченъ былъ нашъ Пушкинъ: что жъ — испугался ли тотъ и другой? Первый отвѣчалъ желчной сатирой и „Чайльдъ-Гарольдомъ“; второй тоже продолжалъ идти впередъ и, какъ будто тѣшась надъ своими аристархами, припечаталъ ихъ поученія ко второму изданію „Руслана и Людмилы“. Въ истинномъ поэтѣ предполагается глубокая вѣра въ свое призваніе; притомъ же, если критика несправедлива, она встрѣчаетъ сильную оппозицію въ публикѣ.

Въ западной Европѣ еще можетъ имѣть смыслъ это мнѣніе, у насъ же рѣшительно никакого; тамъ, если освистано первое произведеніе неразвившагося таланта, этотъ талантъ можетъ умереть съ голоду, прежде нежели напишетъ второе произведеніе, которое должно поднять его во мнѣніи публики; у насъ, слава Богу, никто съ голоду не умираетъ, и вопросъ о жизни и смерти не рѣшается изданіемъ книжки стихотвореній.

Нѣтъ, не нужно намъ поэтовъ, которыхъ талантъ можетъ убить первая строгая или несправедливая критика; у насъ и такъ ихъ много; если критика заставитъ хоть одного изъ нихъ благоразумно замолчать, то сдѣлаетъ очень доброе дѣло...

„Послѣ могучаго первоначальнаго періода созданія языка, расцвѣлъ въ нашей поэзіи періодъ формъ самыхъ изящныхъ, самыхъ утонченныхъ... Это былъ періодъ картинъ, роскошныхъ описаній, гармоніи чудесной, живой, хотя однообразной, вѣги, иногда глубины чувства, растворенной

тоской о прошлом... Однимъ словомъ, это была эпоха изящнаго матеріализма въ нашей поэзіи... Слухъ нашъ дрожалъ отъ какой-то роскоши раздражительныхъ звуковъ... упивался, или скользилъ по нимъ, иногда не вслушивался въ нихъ... Воображеніе наслаждалось картинami, но болѣе чувственными... Иногда только внутреннее чувство, чувство сердечное, и особливо чувство грусти неземной вѣяло чѣмъ-то духовнымъ въ поэзіи... Но матеріализмъ торжествовалъ... Формы убивали духъ...”

Вотъ приступъ Шевырева къ похвальному слову Бенедиктову. Послѣ этого приступа онъ говорить:

„Есть другая сторона въ поэзіи, другой міръ—міръ мысли, міръ идеи поэтической, которая скрыта глубоко. Въ нѣкоторыхъ современныхъ поэтахъ проявлялось стремленіе къ мысли, но было частью слѣдствіемъ не столько поэтическаго, сколько философическаго направленія, привитаго къ намъ изъ Германіи... Для формъ мы уже сдѣлали много, для мысли—еще мало, почти ничего. Періодъ формъ, періодъ матеріальный, языческій, однимъ словомъ, періодъ стиховъ и пластицизма уже кончился въ нашей литературѣ сладковучной сказкой; пора наступить другому періоду, духовному, періоду мысли.

Нужно ли говорить, кто у Шевырева является главой этого ожиданнаго періода мысли въ исторіи нашей литературы?... Довольно, остановимся на этомъ.

И такъ, первый русскій поэтъ, созданія котораго проникнуты мыслью, есть Бенедиктовъ!.. Поздравляемъ Шевырева съ открытіемъ, а публику — съ приобрѣтеніемъ!... У насъ шутить не любятъ; какъ примутся хвалить, такъ какъ разъ въ боги запишутъ и храмъ соорудятъ. Но пусть такъ—похвала отъ убѣжденія не бѣда; но вѣдь убѣжденіе-то должно же быть согласно съ здравымъ смысломъ? Но, отдавая должное Бенедиктову, Шевыревъ долженъ же былъ, по своему жъ убѣжденію, не обижать заслуженныхъ корифеевъ нашей литературы?.. Такъ Бенедиктовъ выше Пушкина, Жуковскаго, Грибоѣдова, не говоря уже о Козловѣ, Подолинскомъ, Веневитиновѣ, Ѳ. Глинкѣ и другихъ?.. Когда у насъ былъ этотъ „періодъ картинъ, роскошныхъ описаній“, эта „эпоха изящнаго матеріализма“?.. Кто ея представители?.. — Языковъ и Хомяковъ, изъ которыхъ первый есть неоспоримо поэтъ, поэтъ истинный, но поэтъ именно картинъ, роскошныхъ описаній, поэтъ изящнаго матеріализма; второй же блистательный поэтъ выраженія, и только выраженія, поддѣлывающійся подъ мысль,

но сильный однимъ только выраженіемъ!.. Если такъ, то мы совершенно согласны съ Шевыревымъ; но вѣдь Языковъ и Хомяковъ не суть представители всей нашей поэзіи, но вѣдь они стоятъ и не въ первомъ ряду нашихъ поэтовъ, которыхъ впрочемъ такъ немного, но вѣдь остаются еще Пушкинъ, Жуковский, Грибоѣдовъ, впереди которыхъ нѣтъ никого, и за которыми стоятъ еще и другія дарованія, кромѣ Языкова и Хомякова. Пушкинъ можетъ принадлежать къ періоду „изящнаго матеріализма“ только „Русланомъ и Людмилою“. Развѣ въ черкешенкѣ его „Кавказскаго Плѣнника“ нѣтъ идеи, нѣтъ мысли? Развѣ его Зарема, Марія, Гирей, его Алеко, Земфира, словомъ, вся поэма „Цыгане“, не суть произведенія мысли глубокой, могучей, поэтической? А Марія, Мазепа, Кочубей „Полтавы“—въ нихъ тоже нѣтъ мысли? А „Годуновъ“—неужели въ немъ меньше мысли, чѣмъ въ стихотворныхъ побрякушкахъ Бенедиктова? А „Онѣгинъ“, этотъ живой, движущійся міръ лицъ, мыслей, чувствъ?... Теперь о Жуковскомъ. Конечно многія его пьесы, какъ-то: „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“, „Пѣвецъ на Кремлѣ“, „Пѣснь Барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей“, большая часть посланій, нѣкоторые переводы, какъ наприм. „Пиршество Александра“ изъ Драйдена, большая часть балладъ—конечно все это не поэзія въ собственномъ смыслѣ, все это не больше, какъ прекрасные стихи, которые все-таки въ миллионъ разъ лучше стиховъ Бенедиктова; но за Жуковскимъ остаются еще его элегіи, романсы, пѣсни, переводныя и оригинальныя, его „Ахиллъ“ и „Эолова Арфа“, его переводъ „Іоанны д'Аркъ“: развѣ во всемъ этомъ нѣтъ мысли, нѣтъ идеи, развѣ все это относится къ періоду „изящнаго матеріализма, періоду формъ, поглощавшихъ идеи“?.. Странно!.. „Горе отъ Ума“ тоже прекрасно одними формами и лишено мысли, идеи... Не понимаемъ!.. И такъ, даже самъ Пушкинъ ниже Бенедиктова?.. Поздравляемъ!.. Вотъ вамъ заслуга, вотъ вамъ слава ваша, поэты!

Вотъ ваши строгіе цѣнители и судьи!

Да впрочемъ, что жъ тутъ непріятнаго для поэтовъ? Они могутъ отвѣчать намъ стихомъ изъ той же комедіи:

А судьи—кто?

Повторяю, убѣжденіе прекрасно, но оно должно быть основано по крайней мѣрѣ хоть на здоровомъ смыслѣ, если не на чувствѣ, не на умѣ, иначе это убѣжденіе будетъ хуже неспособности имѣть какое-либо убѣжденіе. Въ этомъ случаѣ мы говоримъ смѣло и твердо: мы опираемся на публику, на всѣхъ образованныхъ людей на здравый смыслъ, на умъ, на чувство.

Другое дѣло—достоинство стихотвореній Бенедиктова: оно еще можетъ быть до нѣкоторой степени и для нѣкоторыхъ людей спорнымъ вопросомъ; но такія гиперболическія похвалы—воля ваша — онѣ похожи на оду какого-нибудь Гафиза или Саади персидскому шаху...

Но этимъ не все кончилось: вотъ еще мысль Шевырева, которая удивляетъ своей странностью по крайней мѣрѣ насъ:

„Я съ полнымъ убѣжденіемъ вѣрю въ то, что только два способа могутъ содѣйствовать къ искупленію падшей поэзіи: во-первыхъ, мысль; во вторыхъ, глубокое своенародное изученіе древнихъ и новыхъ произведеній народовъ“.

Нѣтъ, эти два способа сами по себѣ ничего не значать; они могутъ имѣть смыслъ только при третьемъ способѣ: при появленіи на поприщѣ литературы истинныхъ и великихъ поэтовъ, которыхъ нельзя сдѣлать никакими способами.

Послѣ этого Шевыревъ говоритъ, что первая отличительная черта стихотвореній Бенедиктова есть мысль и въ доказательство выписываетъ плохенькое стихотвореніице „Цвѣтокъ“ и знаменитый „Утесъ“. Второй отличительной чертой стихотвореній Бенедиктова онъ полагаетъ „могучее нравственное чувство добра, слитое съ чувствомъ цѣломудрія*). „Потомъ слѣдуютъ комплименты и выписки пьесъ.

Теперь дохожу до статьи Шевырева о драмѣ Альфреда де-Виньи „Чаттертонъ“. Критикъ разсматриваетъ ее съ двухъ сторонъ: сперва въ отношеніи къ ея идеѣ, потомъ въ отно-

*) Это чувство цѣломудрія особенно выразилось въ его пьесѣ „Навѣдника“, которой мы не выписываемъ, хотя бы что было теперь и кстати, потому что имѣемъ свои понятія о чувствѣ цѣломудрія и боимся оскорбить въ нашихъ читателяхъ это чувство.

шеніи ея художественнаго исполненія. Мы особенно займемся первой частью его статьи, которая и полнѣе, и подробнѣе, и гораздо важнѣе въ томъ смыслѣ, что въ ней съ горячимъ убѣжденіемъ выдается за непреложную истину ужасный парадоксъ. Во второй части статьи сказано очень мало и сказано то, что можно сказать объ этой драмѣ, даже и не читавши ея, но зная характеръ и господствующую идею въ твореніяхъ де-Виньи и соображаясь съ сужденіями французскихъ критиковъ. Шевыревъ отдаетъ справедливость автору за его умѣренность въ ужасахъ, на которые такъ неумѣренна вообще вся современная французская литература, за простоту и естественность въ ходѣ его пьесы, чуждой всѣхъ натяжекъ, подставокъ и театральныхъ эффектовъ искусственной музы Виктора Гюго. Шевыревъ говоритъ, что отличительный характеръ нынѣшней французской литературы состоитъ въ ея зависимости отъ всѣхъ европейскихъ литературъ, такъ какъ прежде отличительный характеръ всѣхъ европейскихъ литературъ состоялъ въ зависимости отъ французской; но въ то же время Шевыревъ признается, что французы, беря чужое, любятъ переиначивать его по своему, или, какъ онъ говоритъ, преувеличивать (*exagérer*), что и поэтому отличительный характеръ ихъ произведеній состоитъ въ преувеличеніи (*exagération*). По его мнѣнію, поэзія Виктора Гюго есть „вогнутое зеркало, гдѣ исказилась поэзія Шекспира, Гёте и Байрона, гдѣ романтизмъ (?) британо-германскій взбилъ хохоль до потолка, вытянулъ лицо, всталъ на дыбы и совершенно обезобразилъ свое естественное, выразительное лицо“, и что поэтому она есть „клевета не только на романтизмъ (?), но и на природу человѣческую“. Это совершенная правда по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ драмамъ Гюго, которыя суть истинная клевета на природу человѣческую и на творчество; но въ подражаніи ли, въ зависимости ли отъ Шекспира, Гёте и Байрона заключается причина этого?.. Намъ кажется, что эта причина гораздо ближе, что она въ господствѣ идеи, которая не связана съ формой, какъ душа съ тѣломъ, но для которой форма прибирается по прихоти автора, у котораго идея всегда одна, всегда готовая, всегда отрѣшенная отъ всякаго образнаго представленія, никогда не проходящая чрезъ чув-

ство; слѣдовательно чисто философская задача ума, рѣшаемая логически, и у котораго форма составляется послѣ идеи, вырабатывается отдѣльно отъ нея, составляетъ для нея не живое и органическое тѣло, съ уничтоженіемъ котораго уничтожается и идея, а одежду, которую можно надѣть и опять снять, и перекроить, и перешить, и въ которой главное дѣло въ томъ, чтобы она была впору, сидѣла плотно, безъ складокъ и морщинъ. Въ Гюго нельзя отрицать поэтическаго элемента, но онъ совсѣмъ не драматикъ, онъ идетъ по пути ложному, выбранному вслѣдствіе системы, а не безотчетнаго стремленія. И это очень понятно: онъ явился въ эпоху умственного переворота, въ годину реформы въ понятіяхъ объ изящномъ, и потому часто творилъ не для творчества, а для оправданія своихъ понятій объ искусствѣ; словомъ, Гюго есть жертва этого нелѣпаго романтизма, подъ которымъ разумѣли эмансипацію отъ ложныхъ законовъ, забывъ, что онъ долженъ былъ состоять въ согласіи съ вѣчными законами творящаго духа. Странное дѣло! объ этомъ романтизмѣ толковали и спорили и въ Германіи, и въ Англіи, но онъ тамъ не сдѣлалъ никакого вреда, вѣроятно потому, что его тамъ понимали настоящимъ образомъ. Обратимся къ Альфреду де Виньи. У него есть тоже идея, и идея постоянная, но эта идея у него въ сердцѣ, а не въ головѣ, и потому не вредитъ его творчеству. Какъ всякій поэтъ съ истиннымъ дарованіемъ, онъ простъ, неизысканъ, естественъ, добросовѣстенъ, и потому болѣе поэтъ, нежели Гюго. Что же касается вообще до всей французской литературы, то намъ кажется, что, несмотря на всю свою народность, она не народна, что всѣ ея корифеи какъ будто не въ своей тарелкѣ, и потому, при всей блистательности своихъ талантовъ, не могутъ создать ничего вѣчнаго, безсмертнаго.

Французъ весь въ своей жизни, у него поэзія не можетъ отдѣляться отъ жизни, и потому его родъ не драма, не комедія, не романъ, а водевиль, пѣсня, куплетъ и развѣ еще повѣсть. Беранже есть царь французской поэзіи, самое торжественное и свободное ея проявленіе; въ его пѣсни и шутка, и острота, и любовь, и вино, и политика, и между всѣмъ этимъ какъ бы внезапно и неожиданно сверкнетъ какая-ни-

будь человѣческая мысль, промелькнетъ глубокое или восторженное чувство, и все это проникнуто веселостью отъ души, какимъ-то забвеніемъ самого себя въ одной минутѣ, какой-то застольной беззаботливостью, пиршественною безпечностью. У него политика—поэзія, а поэзія—политика; у него жизнь—поэзія, а поэзія—жизнь. И вотъ поэзія француза: другой для него не существуетъ. Онъ мастеръ еще рассказывать, какъ справедливо замѣтилъ Шевыревъ; но его не станетъ на долгій рассказъ, его рассказъ — мимолетный эпизодъ, черта изъ жизни, и не романъ, а повѣсть — его законный родъ. И посмотрите какъ эта повѣсть удалась ему, какъ она властвуетъ надъ его досугомъ, его мыслью. Но это опять-таки повѣсть французская, синтетическая картина внѣшней жизни, а не аналитическая исторія души, сосредоточенной въ самой себѣ, какъ у нѣмцевъ, и притомъ не въ фантастическихъ попыткахъ, не въ психическихъ опытахъ, которые всегда неудачны, а въ представленіи внѣшней, общественной жизни. Герой нѣмца сидитъ на бѣдномъ чердакѣ и, мученикъ мысли, то выпытываетъ изъ своей головы теорію звука, тайну его вліянія на душу, то, мученикъ своего разстроеннаго воображенія, представляетъ себя жертвою какого-то враждебнаго духа, то создаетъ себѣ идеалъ женщины и, воспламененный имъ, возвышается до геніальной дѣятельности въ искусствѣ, и потомъ, нашедши осуществленіе этого идеала не въ ангелѣ, не въ пери, а въ смертной женщинѣ, сдѣлавшись ея обладателемъ, начинаетъ ненавидѣть ее, своихъ дѣтей, самого себя и оканчиваетъ все это сумасшествіемъ: вспомните „Кремонскую скрипку“, „Песочнаго человѣка“, „Живописца“ Гофмана. У француза герой представляется иногда на чердакѣ или въ какомъ-нибудь мѣщанскомъ пансіонѣ матушки Вокеръ, но съ этого чердака душа его стремится не на небо, не въ преисподнюю, не въ міръ волшебства и фантазіи, жаждетъ не внутренней жизни, не любви сосредоточенной, затворнической, внѣ жизни, не тѣснаго міра вдвоемъ, томится не мыслью, не идеей, а рвется на балъ, на паркетъ, гдѣ море огня, гдѣ блескъ и радость, громъ музыки и танцы, гдѣ герцогини и маркизы, жаждетъ эффектовъ, хочетъ блистать, удивлять, желаетъ любви, но открытой, но могущей доставить ему торжество, возбудить

въ немъ зависть... Да—пусть будетъ все такъ, какъ должно быть—тогда все будетъ хорошо и прекрасно. Не хлопчите о воплощеніи идей: если вы поэтъ — въ вашихъ созданіяхъ будетъ идея, даже безъ вашего вѣдома; не старайтесь быть народными: слѣдуйте свободно своему вдохновенію—и будете народны, сами не зная какъ; не заботьтесь о нравственности, но творите, а не дѣлайте— и будете нравственны, даже на зло самимъ себѣ, даже усиливаясь быть безнравственными!..

Альфредомъ де-Виньи овладѣла мысль о бѣдственномъ положеніи поэта въ обществѣ, о его враждебномъ отношеніи къ обществу, которому онъ служить, и которое въ награду за то допускаетъ его умереть съ голоду. Эту идею онъ выразилъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи „Стелло“. Мы еще не успѣли изгладить грустныхъ впечатлѣній, произведенныхъ на насъ судьбою Чаттертона, какъ его творецъ даритъ насъ опять тѣмъ же Чаттертономъ, но только въ новой формѣ, уже въ драмѣ, а не въ повѣсти. Въ мысли Альфреда де-Виньи много истины. Но не такой показалась она Шевыреву, и онъ напалъ на нее стремительно, опровергаетъ ее съ какимъ-то ожесточеніемъ, какъ явную нелѣпость, какъ клевету на общество. Разсмотримъ этотъ вопросъ.

Не имѣя подъ рукой драмы де-Виньи, мы принуждены воспользоваться нѣсколькими строками перевода Шевырева изъ предисловія автора.

„Развѣ вы не слышите звуковъ уединенныхъ пистолетовъ? Ихъ удары краснорѣчивѣе, чѣмъ мой слабый голосъ. Не слышите ли вы, какъ эти отчаянные юноши просятъ насущнаго хлѣба, и никто не платитъ имъ за работу? Какъ! Ужели націи до такой степени лишены избытка? Ужели отъ дворцовъ и милліоновъ, нами расточаемыхъ, не остается у насъ ни чердака, ни хлѣба для тѣхъ, которые безпрестанно покушаются насильно идеализировать ихъ націи? когда перестанемъ мы отвѣчать имъ: „despeare and die“ (отчаивайся и умирай)? Дѣло законодателя излечить эту рану, самую живую, самую глубокую рану на тѣлѣ вашего общества, и проч.“.

Первая половина мысли Альфреда де-Виньи очень вѣрна, вторая очень ложна. Поэтъ природой поставленъ во враждебныя отношенія съ обществомъ; общество предполагаетъ нѣчто положительное, матеріальное, а царство поэта не отъ міра сего. Теперь, возможно ли примирить поэта съ жизнью,

не поссоривъ его съ поэзіей? Поэтъ погибаетъ часто жертвой общества, и общество въ этомъ нисколько не виновато... Объяснимся.

Является поэтъ съ истиннымъ талантомъ. Кто судья его таланта?—Общество. Теперь, можетъ ли оно судить всегда безошибочно и безпристрастно? По общество имѣетъ своихъ представителей; слѣдовательно, на нихъ лежитъ отвѣтственность за гибель поэта! Хорошо; но развѣ эти представители также не могутъ ошибаться на счетъ его достоинства, особливо, когда онъ не приобрѣлъ еще никакого авторитета? Какъ назначать они ему пенсію, если онъ еще не показалъ своего таланта во всей его силѣ? А когда онъ покажетъ его, ему уже не нужно пенсіи: его творенія расходятся. Неужели общество должно кормить всякаго, кто только назоветъ себя поэтомъ? Въ такомъ случаѣ, оно само умерло бы съ голоду. И всегда ли общество является гонителемъ и врагомъ поэта? Оно изгнало Тасса, но не за поэзію а за любовь, на которую не почитало его вправѣ; оно изгнало Данта, но не за поэзію, а за участіе въ политическихъ дѣлахъ; оно низко оцѣнило Мильтона, зато какъ лелѣяло Расина и Мольера! Если Милтонъ точно великій поэтъ, то общество потому не оцѣнило его, что по своему образованію было не въ силахъ этого сдѣлать. Чѣмъ же оно виновато въ отношеніи къ поэту?—Ничѣмъ. И между тѣмъ поэтъ все-таки умираетъ, умираетъ и будетъ умирать съ голоду среди его, среди этого общества, столь благосклоннаго къ нему, столь лелѣющаго его. Въ чемъ же причина этого противорѣчія?..

Альфредъ де-Виньи показываетъ Чаттертона, питающагося почти подаяніемъ, выпивающаго стклянку съ ядомъ;—Жильбера, при смерти проклинающаго своего отца и мать за то, что они выучили его грамотѣ и тѣмъ оторвали отъ плуга и обратили къ перу; Шенье—на гильотинѣ; ссылается на пистолетные выстрѣлы, на вопль: „хлѣба! хлѣба!“

Шевыревъ говоритъ, что все это преувеличено даже въ отношеніи къ прежнимъ временамъ и совершенно ложно въ отношеніи къ настоящему времени; что нынѣ поэтъ—богачъ, весь въ золотѣ, окруженный мраморомъ и бронзой, не только всѣми удобствами цивилизаціи, но и всѣми ея прихотями, и,

въ доказательство своего мнѣнія, съ торжествомъ указываетъ на Вальтеръ-Скотта, Гёте, Байрона, даже на самого де-Виньи, который, по его мнѣнію, клевететь на общество, заступается за бѣднаго собрата въ кабинетѣ, украшенномъ всей роскошью парижской промышленности, лежа на бархатной подушкѣ, и когда кончилъ свою повѣсть о бѣдствіяхъ Чаттертона, весьма сытно и вкусно поужиналъ въ полномъ удовольствіи отъ своего труда.

Вальтеръ-Скоттъ, Гёте и Байронъ!... Да, это примѣры блистательные, но къ несчастью не доказательные. Вальтеръ-Скоттъ точно было разбогатѣлъ, и разбогатѣлъ своими литературными трудами; но зато на долго ли? Онъ умеръ почти банкротомъ. Богатство Гёте зависѣло не столько отъ его литературной дѣятельности, сколько отъ особеннаго стеченія обстоятельствъ: не всякому, какъ Гёте, удастся выхлопотать у всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ привилегію противъ контр-факцій и такимъ образомъ сдѣлаться монополистомъ своихъ произведеній; а безъ этой мѣры нѣмецкій литераторъ не разбогатѣетъ. Что касается до Байрона — о немъ и говорить нечего; Байронъ былъ лордъ Британіи!.. Шевыревъ продолжаетъ:

„Развѣ вы не помните процесса Виктора Гюго съ его книгопродавцемъ,—процесса, который кончился не къ славы перваго поэта Франціи?.. Де-Ламартину вѣроятно съ большимъ барышемъ окупилась всѣ издержки его путешествія на востокъ?.. Давно ли Дюма, нищимъ пришедшій въ Парижъ, давалъ балы для своихъ друзей и парижскихъ красавицъ?... Какой изъ современныхъ поэтовъ Франціи не ведетъ обширныхъ счетовъ съ Евгеніемъ Рандюэлемъ? Какой изъ нихъ не ѣздитъ въ каретахъ, не живетъ въ комнатахъ бронзовыхъ, зеркальныхъ и бархатныхъ?..“.

Все это прекрасно, но все это, къ несчастью, мечты, а не дѣйствительность! Всѣ литературныя знаменитости современной Франціи живутъ въ довольствѣ, но не въ богатствѣ, живутъ какъ порядочные bourgeois и занимаютъ квартиры удобныя и просторныя, хорошо и со вкусомъ меблированныя, но простыя и обыкновенныя, а не дворцы; нѣкоторые можетъ быть имѣютъ и свои кареты, но большая часть катается въ наемныхъ; золото же, мраморъ и бархатъ они видятъ и часто, но только не у себя дома. Это можно сказать смѣло. Чтобъ

жить такъ роскошно, какъ описываетъ Шевыревъ, надо получать полмилліона ежегоднаго дохода; а кто изъ нихъ получитъ и пятую долю этой суммы? Нѣтъ, что не говорите, а огромный домъ въ Сен-Жерменскомъ предмѣстьѣ и родовое имѣніе, дающее въ годъ сто или двѣсти тысячъ ливровъ, вѣрнѣе и надежнѣе всякаго таланта, всякаго генія, какъ бы тотъ или другой великъ не былъ. Тамъ только получай и пользуйся, ни о чемъ не думая и не унижая своего человѣческаго достоинства житейскими хлопотами желудка ради; здѣсь непрерывный трудъ и работа, часто уклоненіе отъ своего назначенія, иногда потеря души, для удовлетворенія бѣдной человѣческой природы, требованій прихотей и общежитія. Чтобы увидѣть во всей ясности всю неосновательность мнѣнія Шевырева, стоитъ только указать на поѣздку Дюма въ Швейцарію, которую онъ приводитъ, какъ доказательство несмѣтнаго богатства, стяжаннаго талантомъ: намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что мѣсто въ дилижансѣ отъ Парижа до Базеля стоитъ шестьдесятъ франковъ, и что потомъ шести сотъ франковъ слишкомъ достаточно, чтобы объѣздить всю Швейцарію; а Дюма ходилъ пѣшкомъ, что еще дешевле. Гдѣ жъ логика?..

Правда, въ нашъ вѣкъ поэтъ не есть пасынокъ общества, напротивъ, онъ его любимое, балованное дитя; толпа уже не косится на него съ презрѣніемъ или лаемъ, но съ почтеніемъ разступается предъ нимъ и даетъ дорогу, даже не понимая, что онъ такое. Даже и у насъ, на святой Руси, сильный, богатый баринъ почитаетъ за честь знакомство съ извѣстнымъ поэтомъ, читаетъ его стихи, прислушивается къ говору сужденій, чтобы умѣть сказать при случаѣ слова два о его стихахъ, словомъ, смотритъ на поэта, не только какъ не на бесполезную, но даже какъ на очень полезную мебель для украшенія своей гостиной на нѣсколько часовъ. И у насъ, говорю я, богатый и знатный баричъ, привилегированный гражданинъ модныхъ залъ, бьется изо всѣхъ силъ, низко кланяется журналисту, чтобы тотъ помѣстилъ въ своихъ листкахъ его стишки и далъ ему право назваться поэтомъ. По крайней мѣрѣ подобныя явленія теперь не рѣдки. Но вотъ въ чемъ бѣда-то: общество иногда озолотитъ какого-нибудь

Бальзака и допустить умереть съ голоду какого-нибудь Шиллера, надѣнетъ вѣнецъ на голову какого-нибудь Больвера и равнодушно пройдетъ мимо какого-нибудь Байрона. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что оно уважаетъ идею поэта; но всегда ли оно безошибочно въ выборѣ своихъ кумировъ?.. Истинное чувство не для всѣхъ доступно, глубокая мысль не для всѣхъ понятна; яркость красокъ, мастерская обработка формъ скорѣе бросаются въ глаза толпѣ, составляющей общество, и сильнѣе раздражаютъ ея зрительный нервъ; потому что въ этой толпѣ больше найдется людей со вкусомъ—этимъ плодомъ образованности и навыка, нежели съ чувствомъ—этимъ даромъ природы. Это можно приложить не къ одному искусству. Если вы съ жаромъ и убѣжденіемъ излагаете ваше задушевное мнѣніе, съ тѣмъ, чтобы приобрѣсть этимъ извѣстность, обратить на себя общее вниманіе, а не изъ чистой, безкорыстной любви къ истинѣ—то не хлопчите лучше: васъ никогда не замѣтятъ, вы всегда останетесь въ заднихъ рядахъ, васъ оцѣнятъ только немногіе, только избранные, а эти немногіе, эти избранные не составляютъ общества, которое даритъ славой и авторитетомъ. Да! не хлопчите, или переимѣните свой образъ дѣйствованія: замѣните основательную мысль звонкой фразой, теплое чувство—громкой декламаціей, благородную простоту выраженія—цвѣтистой вычурностью, паркетной манерностью, изъ горячаго проповѣдника мысли сдѣлаетесь ловкимъ литераторомъ, который обо всемъ умѣетъ найтись сказать и прилично, и умно, и красно: тогда толпа ваша—властвуйте надъ ней! Эта мысль очень вѣрна: самъ Шевыревъ утверждаетъ ее, сказавши, что общество развращаетъ поэта, что, въ замѣнъ своихъ милостей, своихъ даровъ, оно отнимаетъ у него независимость въ образѣ дѣйствованія, заставляетъ его поддѣлываться подъ свой характеръ, дѣлаетъ его своимъ льстецомъ. Да! нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что поэтъ и общество стоятъ во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, что они—естественные враги между собой. Съ одной стороны общество его душитъ прежде, чѣмъ узнаетъ о его достоинствахъ; съ другой стороны оно развращаетъ его своей благосклонностью. Конечно у насъ есть и защита противъ него; въ первомъ случаѣ

какое-нибудь счастливое обстоятельство, дающее ему средство придти, увидѣть и побѣдить; во второмъ случаѣ геній или по крайней мѣрѣ слишкомъ большой талантъ, слишкомъ вѣрный инстинктъ творчества. Да! генія не убиваетъ обаяніе выгоды; оно убиваетъ Бальзаковъ, Жаненовъ, Дюма, но не Байроновъ, не Гёте, не Вальтеръ-Скоттовъ. Эти геніи могутъ быть даже людьми низкими, душами продажными—и все-таки золото безсильно надъ ихъ вдохновеніемъ. Чѣмъ платилъ Гёте своимъ высокимъ ласкателямъ? Двустисшіями на балы, глухими гекзаметрами, а не „Вертеромъ“, не „Вильгельмомъ Мейстеромъ“, не „Фаустомъ“. На чемъ сбили Вальтеръ-Скотта экономическіе разсчеты и выкладки? На исторіи, а не на романѣ...

Странно и непонятно, какъ Шевыревъ не хотѣлъ видѣть, что въ наше время истинный талантъ и даже геній можетъ точно умереть съ голоду, обезсиленный отчаянной борьбой съ внѣшней жизнью, непризнанный, поруганный!.. Неужели онъ не читалъ или забылъ прекрасную статью „Литературное сотрудничество“, помѣщенную въ четвертой книжкѣ того журнала, въ которомъ онъ принимаетъ такое дѣятельное участіе? Если бы выписка не пришлась въ три или четыре страницы, мы представили бы изъ этой статьи такой сильный и ужасный фактъ, передъ которымъ должна пасть всякая теорія, всякое мнѣніе объ этомъ предметѣ *). Авторъ этой статьи—французъ; онъ писалъ по собственному опыту, писалъ съ неподдѣльнымъ жаромъ и убѣжденіемъ. Онъ представлялъ юношу, котораго природа назначила быть поэтомъ, а отецъ велѣлъ ему быть медикомъ. Юноша сначала принуждаетъ себя, но природа беретъ свое, и онъ рѣшительно бросаетъ ненавистную науку. „Ты хочешь быть независимымъ ни отъ кого въ своихъ занятіяхъ, пишетъ къ нему отецъ, будь же независимъ ни отъ кого и въ своемъ содержаніи“. Молодой человѣкъ въ отчаяніи: внѣшняя жизнь опутываетъ его своими сѣтями, нищета и голодъ раздѣляютъ его высокій чердакъ, садятся съ нимъ за его шаткій столъ, ложатся съ нимъ на его жесткомъ ложѣ. У него нѣтъ денегъ, но есть талантъ, а слѣдовательно и надежда: его голова горитъ, грудь тѣснится, и онъ торо-

*) „М. Н.“ 1835, кн. 4, стр. 714—722.

пится излить на бумагу тяготящее ихъ бремя, онъ работаетъ день и ночь. Драма готова; она можетъ быть отличается всеми недостатками перваго опыта, всей уродливостью, происходящей отъ несосредоточенности силъ, но она пламенна, жива, геніальна. Онъ несетъ ее къ директору театра, но директоръ поручаетъ ее на разсмотрѣніе чиновнику театральнаго правленія, который, по недосугамъ, отдаетъ ее своей женѣ. Наконецъ пьеса одобряется; но она, какъ произведеніе молодого человѣка, должна быть поправлена театральнымъ поправщикомъ, а этотъ поправщикъ имѣетъ похвальное обыкновеніе оставлять развѣ третью часть труда автора, а двѣ приклеиваетъ свои. Молодой человѣкъ въ негодованіи беретъ назадъ свою драму и уходитъ домой. Еще прежде того написалъ онъ прекрасный романъ: принесъ его къ книгопродавцу, который, какъ человѣкъ благовоспитанный, принялъ его очень ласково и предложилъ ему триста франковъ, замѣтя однако, что въ условіи будетъ сказано: „двѣ тысячи“, чтобъ не оскорбить самолюбіе автора. Какъ отъ книгопродавца, такъ и отъ директора театра молодой человѣкъ уходитъ со своею рукописью домой, а дома его ждетъ хозяинъ съ требованіемъ платы за квартиру, трактирщикъ со счетомъ, лавочникъ съ другимъ; за ними рисуется изображеніе голодной смерти и смотритъ на него, какъ на вѣрную добычу, а изъ-за этого скелета выглядываетъ, какъ примиритель и посредникъ, неясная мысль о самоубійствѣ... Юноша гордъ, какъ все люди съ сознаніемъ таланта, благороденъ, какъ все пылкія души, міръ для него отвратителенъ, люди гадки, жизнь гнусна; и вотъ раздается „уединенный выстрѣлъ пистолета“, и вотъ умираетъ поэтъ среди общества, котораго онъ назначенъ былъ составлять славу, среди избытка роскоши и успѣховъ цивилизаціи, среди шумнаго говора славы и изобилія, лелѣющихъ такое множество его собратій по ремеслу, которые можетъ быть все ниже его своимъ талантомъ. И это еще во Франціи; что же въ Англіи, гдѣ кусокъ насущнаго хлѣба такъ дорогъ, гдѣ борьба съ внѣшней жизнью такъ ужасна, требуетъ такихъ великихъ силъ, гдѣ люди такъ холодны, такіе эгоисты, такъ погружены въ себя и въ свои расчеты? Вѣдь не у всехъ же поэтовъ отцы богаты или достаточны, не у всехъ поэтовъ

отцы не иочитають поэзіи пустымъ дѣломъ и не насилуютъ воли своихъ дѣтей, да иные поэты и не имѣють вовсе отцовъ, а бѣдный вездѣ виновать... О! много, много должно раздаваться „уединенныхъ выстрѣловъ пистолета“!.. Альфредъ де-Виньи конечно правъ!..

Эта исторія очень естественна и сбыточна, эта катастрофа очень возможна и неудивительна... Но Огюсть Люше, авторъ статьи, на которую я ссылаюсь, представляетъ эту катастрофу иначе, описываетъ самоубійство другого рода, болѣе ужасное и позорное, чѣмъ то, возможность котораго представилъ я отъ себя. У него молодой человѣкъ принимается за сотрудничество, входитъ во всѣ литературныя сдѣлки и подряды, дѣлаетъ свой талантъ средствомъ, искусство—ремесломъ, лишается перваго, теряетъ способность понимать второе, и съ гордостью повторяетъ: „Моихъ актовъ играно до ста, а такого-то только семьдесятъ восемь, несмотря на то, что онъ прежде меня сталъ заниматься этимъ дѣломъ!..“ Такое нравственное самоубійство не гибельнѣе ли физическаго?.. О! Альфредъ де-Виньи очень правъ!

Назвавъ идею Альфреда де-Виньи ложною, Шевыревъ говоритъ, что ея неосновательность повредила и художественному исполненію драмы: скажите, Бога ради, можетъ ли это быть?.. Ложность основной идеи можетъ повести къ ложнымъ выводамъ въ какомъ-нибудь логическомъ изслѣдованіи, что напр. и сдѣлалось съ Шевыревымъ въ его статьѣ о драмѣ де-Виньи; но въ художественномъ произведеніи идея всегда истинна, если вышла изъ души. Да и какое дѣло поэту, вѣрна или нѣтъ его идея? Развѣ онъ философъ, изслѣдователь! Шекспиръ въ своемъ „Отелло“ выразилъ идею ревности, показалъ намъ ревность, не рѣшая, хорошее или дурное это чувство. Возьмите любую застольную пѣсню Беранже, въ которой онъ, подѣ вдохновеніемъ веселости, въ прекрасныхъ, гармоническихъ стихахъ, не шутя, увѣряетъ васъ, что, кромѣ вина и любви, все на свѣтѣ вздоръ, которымъ глупо заниматься: мысль, само собою разумѣется, ложная, но пѣсня отъ того нисколько не хуже. Поэтъ весь зависитъ отъ минуты, которая навѣваетъ на него вдохновеніе; Шиллеръ былъ душа пламенно-вѣрующая, а посмотрите, какое безотрадное,

ужасное отчаяніе проглядываетъ въ каждомъ стихѣ его дивнаго „Resignation“... Если бы идея Альфреда де-Виньи была и ложная, его драма отъ того не могла быть хуже, потому что его идея ложная для васъ, для меня и для кого угодно, но не для него, который убѣжденъ въ ней и умомъ, и чувствомъ, и потому мнѣ кажется очень неумѣстнымъ насмѣшливое предположеніе Шевырева, что „его сіятельство графъ Альфредъ де-Виньи, въ ту семнадцатую ночь, когда убилъ своего героя полу-голодной смертію, весьма сытно и вкусно поужиналъ, въ полномъ удовольствіи отъ своего труда“. Да! эта шутка мнѣ кажется тѣмъ болѣе неумѣстной, что де-Виньи — поэтъ съ истиннымъ талантомъ, поэтъ добросовѣстный, и что самъ Шевыревъ отдастъ похвалу его драмѣ: а можетъ ли быть хорошо художественное произведеніе, когда оно не страдано, не вычувствовано, а хладнокровно придумано головой, отъ нечего дѣлать? Гдѣ жъ логика?

Теперь остается поговорить еще о двухъ статьяхъ Шевырева: въ одной заключается его отчетъ публикѣ о спектакляхъ Каратыгиныхъ въ ихъ послѣдній пріѣздъ въ Москву прошлаго года; другая содержитъ въ себѣ то, чего я тщетно ищу доселѣ, — объясненіе направленія, вѣрованія, литературнаго ученія, душевной идеи „Московского Наблюдателя“; эта драгоценная для меня находка содержится въ первомъ номерѣ этого журнала за нынѣшій годъ, и ее я разсмотрю послѣ всѣхъ, ей заключу мою статью и изъ ней выведу результатъ моихъ изслѣдованій касательно критики и литературныхъ мнѣній „Московского Наблюдателя“.

Шевыревъ отдастъ отчетъ въ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на него пріѣздомъ четы Каратыгиныхъ: этотъ отчетъ, разумѣется, очень благопріятенъ для петербургскихъ артистовъ. И немудрено: это артисты высшаго тона, и „Наблюдателю“ невозможно не симпатизировать съ ними и не превознести ихъ до седьмого неба. Въ самомъ дѣлѣ, какая грація въ манерахъ, какая живопись въ позахъ, какая торжественная декламация! Все это такъ вѣрно напоминаетъ золотыя времена классицизма, немного напыщеннаго, немного на ходулькахъ, но зато благороднаго, бонтоннаго, аристократическаго, съ гладкимъ и выглаженнымъ стихомъ, съ пѣвучей

дикціей, съ менуэтной выстункой! Правду сказать, въ нихъ только и превосходно, что эта виѣшняя сторона искусства, которая конечно важна въ артистѣ, но отнюдь не составляетъ его сущности, успѣхъ въ которой достигается изученіемъ, навыкомъ, рутиной, вкусомъ... Пойдите — „вкусъ!“ — остановимся на „вкусѣ“: давно я добирался до этого слова и до смерти радъ, что наконецъ добрался до него. Часто случается намъ читать и слышать выраженія: этотъ поэтъ отличается „вкусомъ“, у этого человѣка есть „вкусъ“. Такія выраженія меня выводятъ изъ терпѣнія; я ненавижу слово „вкусъ“, когда оно прилагается не къ столу, не къ галантерейнымъ вещамъ, не къ покрою платья, не къ водевилямъ и балетамъ, а къ произведеніямъ искусства. Это слово есть собственность, принадлежность XVIII вѣка, когда слово „искусство“ было равносильно слову „savoir-faire“, когда „творить“ значило „отдѣлывать, выглаживать“. Нашъ вѣкъ замѣнилъ слово „вкусъ“ словомъ „чувство“. Объяснимъ это примѣромъ. Вотъ картина, произведеніе великаго художника! Стоитъ передъ нею человѣкъ со вкусомъ: посмотрите, какъ умно и вѣрно судить онъ о ея перспективѣ, о ея отдѣлкѣ въ цѣломъ и частяхъ, о расположеніи группъ, о соотношеніи частей съ цѣлымъ, о колоритѣ; посмотрите, какъ быстро замѣтилъ онъ, что рука у этой фигуры не на своемъ мѣстѣ и длиннѣе, чѣмъ должна быть, что вотъ здѣсь слишкомъ густа тѣнь, а здѣсь не достааетъ свѣта. Его судъ вѣренъ, но холоденъ, какъ судъ о паштетѣ или бургонскомъ. И что дало ему возможность судить такъ о картинѣ? Свѣтская образованность, привычка видѣть много хорошихъ картинъ и слышать сужденія о нихъ знатоковъ, навыкъ, рутина, словомъ — вкусъ! Теперь на эту же картину смотритъ человѣкъ съ чувствомъ, хоть и не знатокъ: онъ безмолвно, благоговѣнно смотритъ на нее, теряясь, утопая въ своемъ восторженномъ созерцаніи, и не можетъ отдать себѣ отчета, что его плѣняетъ въ ней; но зато какъ восторгъ его полонъ, чистъ, святъ, божественъ! Человѣкъ со вкусомъ станетъ восхищаться каждой бездѣлкой, бросающейся въ глаза тонкостью своей отдѣлки и удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ виѣшной стороны искусства, но пройдетъ безъ вниманія мимо произведенія ге-

ніального, если оно не причесано и не прихолоено по условнымъ правиламъ приличія. Человѣкъ съ чувствомъ не ошибается въ достоинствѣ художественнаго произведенія: онъ холоденъ къ такому, отъ котораго всѣ въ восторгѣ, онъ обвиняетъ себя въ невѣжествѣ, почитаетъ себя неправымъ и, на зло самому себѣ, не можетъ найти въ немъ той красоты, которая такъ бросается всѣмъ въ глаза; но зато онъ въ восхищеніи отъ такого произведенія, къ которому всѣ равнодушны, и здѣсь опять можетъ обвинить себя въ невѣжествѣ, въ „безвкуси“, но, на зло самому себѣ, не можетъ перемѣнить своего мнѣнія. Я здѣсь представляю человѣка съ чувствомъ безъ образованія, безъ данныхъ для сужденія, безъ способности критицизма. И между художниками есть свои „люди со вкусомъ“, одолженные своимъ талантомъ, своимъ усѣхами одному вкусу, словомъ, созданные вкусомъ — этимъ плодомъ образованности, просвѣщенія ума, но не чувствомъ — этимъ даромъ одной природы, который образованностью, просвѣщеніемъ и умомъ возвышается, но не дается ими. Да простятъ нашей смѣлости: къ такимъ художникамъ причисляемъ мы Каратыгина и Каратыгину. Они удачно усвоили себѣ внѣшнюю сторону искусства, они вѣрнымъ глазомъ измѣрили сцену, хорошо разочли эффе́кты; они въ высочайшей степени овладѣли искусствомъ блѣднѣть, краснѣть, падать въ обморокъ, возвышать и понижать голосъ, дѣйствовать жестами, играть слѣпыхъ, больныхъ — но не больше. А развѣ это не талантъ? развѣ такіе люди не рѣдки? скажутъ намъ. А развѣ вкусъ тоже не талантъ? Развѣ люди со вкусомъ также не рѣдки? отвѣчаемъ мы.

Мнѣніе Шевырева о Каратыгиныхъ давно уже всѣмъ извѣстно: еще три года назадъ тому бился онъ за нихъ, съ поднятымъ забраломъ, какъ прилично благородному рыцарю, съ соперникомъ безъ герба и девиза, съ забраломъ опущеннымъ, но съ рукой тяжелой, съ ударами мѣткими. Шевыревъ сошелъ съ турнира прежде своего соперника, но не побѣжденный имъ, а только раздосадованный его упрямымъ инкогнито. Кто изъ нихъ правъ, кто ошибается, не беремся рѣшить, но признаемся, что невольно симпатизируемъ съ таинственнымъ рыцаремъ, а потому ли, что таинственность всегда возбуждаетъ къ себѣ

участіе, или потому, что наѣзники безъ щита и герба, не вписанные въ герольдію, къ намъ какъ-то ближе. Какъ бы то ни было, только во второй пріѣздъ Шевыревъ не сталъ сражаться, хотя неизвѣстный его соперникъ и опять вызывалъ его на бой. На этотъ разъ онъ безъ боя превознесъ своихъ любимыхъ артистовъ до седьмого неба и выразилъ свое къ нимъ удивленіе множествомъ точекъ послѣ каждого періода и каждой фразы, какъ онъ всегда дѣлаеть, когда хочетъ выразить къ чему-нибудь свое удивленіе.

Въ этой статьѣ брошено кстати нѣсколько мыслей о „Ермакѣ“, драмѣ Хомякова. Шевыревъ сперва говоритъ, что эта драма есть подражаніе „Разбойникамъ“ Шиллера, потомъ, что это не драма, но что въ ней виденъ зародышъ драмы, наконецъ, что „изъ ея лиризма выдвигаются (?) три могучія чувства, на которыхъ задуманъ колоссальный (??) и фантастическій (???) образъ Ермака“. Все это такъ справедливо, глубокомысленно и вѣрно, что противъ этого невозможно ничего возразить. Да, именно здѣсь поневолѣ умолкаетъ всякая неблагонамѣренность критики и прекращаетъ нехотя навѣты... По крайней мѣрѣ критика была бы слишкомъ зла, слишкомъ неблагонамѣренна, если бы вздумала пользоваться такими для себя находками. И такъ—довольно; покажемъ, что мы умѣемъ и помолчать тамъ, гдѣ бы много могли поговорить.

Изъ критическихъ статей „Московского Наблюдателя“, не принадлежащихъ Шевыреву, нѣкоторыя очень примѣчательны; назовемъ ихъ: „Музыкальная Лѣтопись“ Мельгунова, въ которой онъ отдаетъ отчетъ за всѣ примѣчательныя явленія нашего музыкальнаго міра въ началѣ прошлаго года, есть одна изъ такихъ статей, въ какихъ именно пуждаются наши журналы и какими они такъ бѣдны; она написана ловко, умно, живо, съ знаніемъ дѣла. „Брамбеусъ и Юная Словесность“, статья Н. П-щ-на, содержитъ въ себѣ обвиненія Брамбеуса въ похищеніи идей и вымысловъ изъ французской литературы, которую онъ такъ не жалуеть. Тамъ, гдѣ авторъ статьи говоритъ вообще о продѣлкахъ почтеннаго барона, тамъ онъ и остеръ, и увлекателенъ, но гдѣ онъ сравниваетъ статьи Брамбеуса съ ихъ оригиналами, тамъ становится скученъ и утомителенъ. Вообще эта статья не произвела большого впе-

чатлѣнія на публику. Причина этому заключается вѣроятно въ томъ, что публика давно уже знала о похвальной привычкѣ барона ловко и безъ спросу пользоваться чужой собственностью, давно уже понимала, что онъ не пишетъ, а изволить „потѣшаться“: слѣдовательно усилія критики казались ей напрасными и были ею приняты холодно. Но особенно примѣчательны двѣ статьи, подписанныя буквой „— о —“: одна — разборъ извѣстной оперы „Аскольдова Могила“, другая — новой комедіи Загоскина „Недовольные“. Поговоримъ объ этихъ статьяхъ.

Въ первой статьѣ „Аскольдова Могила“ разбирается не какъ музыкальное произведеніе, а какъ драма. Авторъ статьи въ нѣсколькихъ строкахъ передаетъ мнѣніе публики, отголосокъ большинства голосовъ о новой музыкѣ Верстовскаго; отъ себя же онъ говоритъ о другихъ, имѣющихъ отношеніе къ пьесѣ предметахъ. Вообще у него нѣтъ вѣрныхъ и глубокихъ идей объ оперѣ, выведенныхъ логически изъ идей искусства вообще. Сначала онъ утверждаетъ, что опера непременно должна имѣть смыслъ независимо отъ музыки, вопреки мнѣнію тѣхъ, которые позволяютъ ей обходиться безъ смысла, ссылаясь на примѣръ итальянцевъ. Это вопросъ — и вопросъ важный; но авторъ статьи ничѣмъ не рѣшаетъ его, а если и рѣшаетъ, то очень неудовлетворительно, однимъ намекомъ. Если мы не ошибаемся, намъ кажется, что, по его мнѣнію, опера должна быть фантастическимъ созданіемъ. Если онъ имѣлъ точно эту мысль, то она достойна вниманія и гораздо большаго и удовлетворительнѣйшаго развитія: на нее можно бы написать огромную статью, если не книгу. Если опера должна быть фантастическимъ созданіемъ, то безъ сомнѣнія она должна имѣть смыслъ, такъ же, какъ его имѣютъ самыя ювидимому безсмысленныя повѣсти Гофмана. Мы думаемъ только, что для этого гармоническаго единства двухъ искусствъ — поэзіи и музыки — нужна въ художникѣ и двойственность генія; но возможна ли она, какъ явленіе положительное, а не исключеніе, и, въ послѣднемъ случаѣ, состоитъ ли она въ равновѣсіи генія въ обоихъ этихъ искусствахъ?.. Потомъ авторъ говоритъ, что содержаніе оперы должно браться изъ народныхъ преданій, чтобъ имѣть силу очарованія, что „Аскольдова

Могила“ грѣшитъ противъ того правила, что времена Свято-слава далеки отъ насъ, какъ времена Навуходоносора, и такъ же непонятны намъ. Все это высказано весьма увлекательно и искусно. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе содержанія оперы. И все! *).

Статья о „Недовольныхъ“ написана съ той же ловкостью, съ тѣмъ же искусствомъ, съ той же увлекательностью, какъ

*) Замѣчательна въ этой статьѣ выходка автора противъ русскаго кулака. Здѣсь я обращаюсь къ вамъ, почтенный издатель „Телескопа“, и вамъ подаю аппеляцію на васъ самихъ. Вы недавно сдѣлали возраженіе противъ этой выходки, которое мнѣ кажется не совсѣмъ справедливымъ. Во-первыхъ, вы несправедливо обвиняете „Московского Наблюдателя“ въ ожесточеніи противъ Загоскина: онъ совершенно одного мнѣнія съ вами насчетъ этого писателя. Въ „Молвѣ“ когда-то сказано было, что авторъ „Юрія Милославскаго“ есть слава и гордость Россіи; „Наблюдатель“ не говоритъ этого и, вѣрно, никогда не скажетъ, но онъ признаетъ „Юрія Милославскаго“ первымъ русскимъ историческимъ романомъ (разумѣется, не по старшинству, происхожденія, а по достоинству; въ первомъ смыслѣ „Выжигинъ“ его старѣе), а первое во всемъ есть неоспоримо слава и гордость народа. Потомъ—о русскомъ кулакѣ: я противъ него. Конечно прежде надо условиться въ значеніи этого слова, а потомъ уже спорить. Вы смотрите на кулака, какъ на орудіе силы, совершенно тождественное съ шпагою, штыкомъ и пулей. Оно такъ, но все-таки между этими орудіями силы есть существенная разность: кулакъ, равно какъ и дубина, есть орудіе дикаго, орудіе невѣжды, орудіе человѣка грубаго въ своей жизни, грубаго въ своихъ понятіяхъ, кулакъ требуетъ одной животной силы, одного животнаго остревѣнія и больше ничего. Шпага, штыкъ и пуля суть орудія человѣка образованнаго; они предполагаютъ искусство, ученіе, методу, слѣдовательно, зависимость отъ идеи. Звѣрь сражается когтемъ и зубомъ, естественными его орудіями; кулакъ есть тоже естественное орудіе звѣря-человѣка; человѣкъ общественный сражается орудіемъ, которое создаетъ себѣ самъ, но котораго не имѣетъ отъ природы. Если жъ бываютъ безславные удары стилетомъ изъ-за угла, если были безчестные удары негодной шпажонки восемнадцатаго вѣка — это ничего не доказываетъ: бываютъ безчестные удары и кулакомъ изъ-за угла, съ темную ночь, въ глухомъ переулкѣ. А притомъ, и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ—говоря словами автора критики—зачѣмъ лѣстить этому классу народа, который, несмотря на великаго преобразователя Россіи, до сихъ поръ еще гордо поглаживаетъ за угломъ свою бороду, за угломъ радъ похвастать своими кулаками? Кулаки не помогли подъ Нарвой, и не кулаки, а обученное войско смыло подъ Полтавой пятно стыда кровью своего прежняго побѣдителя! Не кулакамъ обязаны мы, что знаемъ теперь, звонокъ-ли чугуна на Аустерлицкомъ мосту, когда казачій конь бьетъ о него подковой, красива ли Сена, когда отражаются въ ней русскіе штыки“.

и объ „Аскольдовой Могилѣ“. По и въ ней искусство также въ сторонѣ: много дѣльнаго высказано à propos, но самое дѣло, то-есть искусство, не тронута.

Изъ прочихъ статей примѣчательна: „Историческіе и Филологическіе Труды Русскихъ Оріенталистовъ“ Григорьева. Это, какъ показываетъ самый титулъ статьи, есть сборникъ утѣшительныхъ извѣстій объ успѣхахъ въ Россіи оріентализма. Потомъ „Народныя Спѣванки или Свѣтскія пѣсни Словаковъ въ Венгріи“ І. Бодянского, котораго Руссовъ недавно причислялъ къ мифамъ, вродѣ Гомера. Эта статья написана съ талантомъ, знаніемъ и любовью, заключаетъ въ себѣ много дѣльныхъ и чрезвычайно любопытныхъ фактовъ касательно своего предмета. Намъ не понравились въ ней только двѣ вещи: употребленіе извѣстныхъ учено-юридическихъ словечекъ и одно выраженіе, вмѣстѣ и скромное, и хвастливое. Вотъ оно:

„Мы еще такъ молоды въ этомъ случаѣ, такъ недовѣрчивы къ себѣ, хоть можетъ быть и сѣумѣли бы кой-что сказать наперекоръ другимъ, что лучше позаимствуемся отъипуду (?), представимъ чужое, но, по насъ, дѣльнѣе чего не успѣли сами добыть, нежели, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ, пускать пыль въ глаза православнымъ“.

Воля ваша, господа, а по нашему такая скромность хуже хвастовства. Къ чему эти оговорки? Если знаете — говорите смѣло, не знаете — молчите. А то вы такъ-то невольно напоминаете русскаго человѣка съ бородкой, который, почесывая у себя въ затылкѣ, съ лукаво-простодушнымъ видомъ говорить: „гдѣ-ста намъ? мы дураки; вотъ ваша милость — другое дѣло“...

Статья „Взглядъ на Системы Философіи XIX вѣка во Франціи“ еще не кончена. До сихъ поръ она можетъ обратить на себя вниманіе двумя, тремя идеями, совершенно современными, показывающими, что авторъ ея понимаетъ истины, еще для многихъ у насъ недоступныя. Проникнутый или еще проникаемый духомъ новой философіи, онъ вѣрно судитъ (тамъ гдѣ судитъ, а въ этой статьѣ сужденій немного) о попыткахъ французовъ примириться съ религіей. Онъ говоритъ, что Франціи не достаетъ знанія, совѣтуетъ ей болѣе ознакомиться съ Германіей, указываетъ на послѣдователей Гегеля, развившихъ

его религіозныя идеи. „Понять или умереть“ — вотъ законъ нашего вѣка, говоритъ онъ. Падобно однакожъ замѣтить, что до сихъ поръ въ этой статьѣ больше ссылокъ, нежели мыслей, что авторъ какъ-то не смѣлъ въ своихъ приговорахъ, что, не одобряя эклектизма, онъ все-таки слишкомъ снисходителенъ къ нему, что наконецъ языкъ его чрезвычайно тяжелъ. Но, несмотря на все это, нѣсколько немудреныхъ, но вѣрныхъ идей заставляютъ насъ возложить на автора благія надежды: явная потребность и совершенный недостатокъ философическаго знанія въ Россіи должны поощрить его къ трудамъ болѣе серьезнымъ. Правда, занятіе философіей, болѣе нежели какой-нибудь другой наукой, требуетъ того, что называютъ „самозабвеніемъ“, но зато она больше, нежели какая-нибудь другая наука, даетъ на это средствъ: сладко забыться въ чистой идеѣ, посвятить себя на служеніе ей и воспитать другихъ для этого служенія. Немногіе одобряютъ эту жизнь для „отвлеченностей“, но авторъ знаетъ, что такое „конкретное“. Настоящее понятіе о „конкретномъ смирить порывы житейской суетности и убѣтъ умствованія пошлаго „здраваго смысла“, для котораго конкретное — навозъ и картофель. Но повторяемъ: отъ человѣка, который выходитъ у насъ съ какимъ-нибудь намекомъ на свои философскія познанія, мы вправѣ требовать большаго, требовать труда для насъ, если еще не наступилъ часъ автору труда для себя. Поэтому мы считаемъ эту статью эпизодомъ занятій автора, плодомъ досуга, которому онъ самъ, вѣрно, не придаетъ большаго значенія. Что жъ касается до „Наблюдателя“ — очевидно, эта статья въ немъ случайная и не должна имѣть мѣста въ сужденіи о немъ самомъ.

Вотъ все, что показалось намъ примѣчательнымъ въ какомъ бы то ни было отношеніи, по части чисто литературной критики „Московского Наблюдателя“ въ прошломъ году. Можетъ быть мы что-нибудь и пропустили, это ужъ не наша вина. Есть вещи, о которыхъ даже грѣшно говорить вслухъ; и потому мы умалчиваемъ напримѣръ о статьѣ „Не Выдержки, а почти Выдержки изъ Большихъ Записокъ о прошлыхъ временахъ“ какого-то Авенира Народнаго; только позволяемъ себѣ замѣтить, что эта статья вѣроятно взята „Наблюдате-

лемъ“ изъ „Покоющагося Трудолюбца“ или „Парнаскаго Щепетильника“, а можетъ-быть и изъ другого какого-нибудь допотопнаго журнала: въ наше время трудно найти человѣка, который могъ бы написать такую статью, и еще труднѣе—журналъ, который бы ее принялъ въ себя: И такъ, оставляемъ пропущенное или недосмотрѣнное и обращаемся къ послѣдней статьѣ Шевырева, которая должна объяснить намъ идею „Наблюдателя“ и цѣль его литературныхъ усилій.

Эта статья называется „Перечень Наблюдателя“ и украшаетъ собой первый номеръ этого журнала за нынѣшній годъ. Шевыревъ начинаетъ ее признаніемъ, что читатели журнала настойчиво требуютъ библіографіи, и оправдывается въ причинѣ невниманія къ ихъ требованію. Для этого онъ очень остроумно дѣлитъ этихъ читателей на три класса. Къ первому у него относятся тѣ, которые „съ невиннымъ чистосердечіемъ ввѣряютъ себя совѣсти журналиста“ и требуютъ его мнѣнія о книгѣ для рѣшенія простаго вопроса, купить ее, или нѣтъ? Ко второму—люди лѣнивые, которые книгъ не читаютъ, а судить о нихъ хотятъ, Къ третьему—„люди движеныя, люди безпокойные, которымъ не сидится на мѣстѣ“, которые „не любятъ, чтобы на улицахъ было всегда смирно, чтобъ долго не случалось пожаровъ“.

Читателей перваго разряда „Наблюдатель“ не хотѣлъ удовлетворять потому, что онъ совершенно чуждъ всякихъ карманныхъ отношеній, и что оставаться въ накладѣ при покупкѣ книги есть достойное наказаніе для невѣжества. Мнѣніе очень благородное! Но мы имѣемъ на этотъ счетъ свое, которое, если не такъ благородно, зато заключаетъ въ себѣ побольше здраваго смысла. Мы думаемъ, что литературный спекулянтъ, наказывающій невѣжество контрибуціей за дурныя книги, ничѣмъ не честнѣе молодцовъ, которые наказываютъ разсѣянность зѣвакъ, лишая ихъ кошелька или часовъ; долженъ ли же журналистъ своимъ молчаніемъ способствовать успѣхамъ литературныхъ спекулянтовъ?.. Нѣтъ. По нашему простому, плебейскому мнѣнію, журналистъ долженъ поставить себѣ за священнѣйшую обязанность—неусыпно преслѣдовать надувателей невѣжества, препятствовать успѣхамъ мелкой литературной промышленности, столь гибельной для распространенія

вкуса и охоты къ чтенію. Онъ не долженъ забывать, что книги, особенно догматическія, пишутся для невѣждъ, что дурная книга сообщаетъ превратныя понятія и дѣлаетъ невѣжду еще невѣжественнѣе. Представьте себѣ степного провинціала, который сроду ничего не читывалъ, кромѣ календаря и писемъ отъ своей родни и знакомыхъ, но который долженъ покупать книги для своихъ дѣтей, которыя хотятъ все читать; кто будетъ его руководителемъ въ выборѣ книгъ: газетныя объявленія или собственное соображеніе? А вѣдь эти дѣти принадлежатъ къ молодымъ поколѣніямъ, которыя должны нѣкогда явиться честными и способными дѣятелями на служеніи отечеству; а вѣдь направленіе ихъ дѣятельности зависитъ отъ книгъ, по которымъ они учатся или которыя они читаютъ! Неужели же и эти поколѣнія, юныя и жаждущія образованія, должны наказываться за невѣжество своихъ отцовъ?.. Нѣтъ, милостивые государи, люди просвѣщенные и образованные не столько нуждаются въ нашихъ совѣтахъ, сколько невѣжды; допускать спекулянтовъ издѣваться надъ невѣжествомъ—значить способствовать его усиленію, значить отвращать его отъ свѣта знанія, отъ блеска образованности. Мы глубоко убѣждены, что библіографія есть одинъ изъ важнѣйшихъ, необходимѣйшихъ и полезнѣйшихъ отдѣловъ благонамѣреннаго журнала, и что смѣяться надъ добродушной довѣрчивостью читателей къ своему журналу—значить не имѣть къ себѣ уваженія. Если другіе журналы дѣйствуютъ недобросовѣстно, неблагонамѣренно, это не даетъ вамъ права самимъ ничего не дѣлать; это, напротивъ, должно васъ обязать къ усиленной дѣятельности. Читателей второго разряда „Наблюдатель“ не хочетъ удовлетворять потому, что его „сотрудники не намѣрены никому навязывать своихъ мнѣній“. Вотъ прекрасно! да кто жъ васъ просилъ навязывать публикѣ свой журналъ, въ которомъ такъ много вашихъ же мнѣній?.. Читателей третьяго разряда „Наблюдатель“ не хочетъ удовлетворять потому, что „его критика никогда не угождала ихъ безпокойной страсти къ зрѣлищамъ всякаго рода“. Помилуйте—какъ никогда! А статьи противъ „Библіотеки для Чтенія“, противъ барона Брамбеуса? Если на нихъ не сбѣгались какъ на пожаръ, такъ это потому, что ихъ огонь горѣлъ слишкомъ

тускло, давалъ больше дыму, чѣмъ полымя, а не потому, чтобы они были писаны умѣренно и скромно. Воля ваша, а это тактика „Библіотеки“, которая каждый мѣсяцъ бранить полемику, упрекаетъ за нее другіе журналы и въ то же время сама ругается очень неблагопристойно... Нѣтъ, этихъ причинъ намъ недостаточно — мы нашли другую: библіографія дѣло очень хлопотное, съ нею каждый день наживаешь по врагу, который готовъ вредить вамъ и клеветой, и всѣми средствами: благоразумное же молчаніе избавляетъ отъ этихъ непріятностей; и вотъ причина, почему „Наблюдатель“ не хочетъ отдавать публикѣ отчета въ новыхъ книгахъ. Оно и лучше!.. Но всего забавнѣе послѣ этихъ объявленій слѣдующія строки:

„Несмотря на это, должно говорить подробно почти обо всѣхъ произведеніяхъ литературы нашей, потому что этого требуютъ. Всякая книга есть для публики вопросъ, на который сжидаютъ отвѣта въ журналѣ. Публика не любитъ оставаться въ недоумѣніи: она не любитъ умолчаній или недомолвокъ. Дѣло журнала—угождать иногда ея слабостямъ“.

Вотъ въ этомъ мы согласны съ авторомъ статьи; но чему же должно вѣрить въ его словахъ: первому или послѣднему? не умѣемъ отвѣчать на этотъ мудреный вопросъ. Видно, у всякаго своя логика, видно, дважды-два иногда бываетъ три, а иногда и четыре!.. Вслѣдствіе этой прекрасной логики Шевыревъ обѣщается давать публикѣ отчетъ въ нѣкоторыхъ книгахъ и начинаетъ съ „Князя Скопина-Шуйскаго“, — романа, написаннаго дамой.

Отчетъ въ этомъ произведеніи начинается сожалѣніемъ Шевырева о томъ, что наши дамы принимаютъ мало участія въ литературныхъ трудахъ, что наша словесность есть общество слишкомъ исключительно мужское, отчего „обхождение и разговоръ въ сословіи литераторовъ отзывается до нестерпимаго (?) трубкой и пуншемъ“. Въ самомъ дѣлѣ, это очень жаль, но, къ счастью, бѣду еще можно поправить: Шевыревъ нашелъ для этого вѣрное средство. „Появленіе многихъ дамъ въ сословіи писателей, говоритъ онъ, могло бы имѣть, какъ я думаю, полезное вліяніе на общежитіе и нравы нашей литературы“. Можетъ быть это справедливо, только мы не понимаемъ, что такое „общежитіе и нравы литературы?“ Притомъ, развѣ литература гостиная, развѣ она

не цвѣтъ цѣлой цивилизаціи народа, не результатъ историческаго развитія всей его жизни?.. Развѣ въ литературѣ требуется что-нибудь другое, кромѣ изящества, учености, достоинства, и развѣ эти качества зависятъ не отъ таланта и гения, а отъ любезности писателей?.. Развѣ тамъ, гдѣ женщины-писательницы толпами являются въ литературѣ, нѣтъ пошлыхъ и дикихъ поэтовъ, нѣтъ невѣжливыхъ и криводушныхъ журналистовъ?.. Но я вижу, что моимъ „развѣ“ конца не будетъ... А! вотъ въ чемъ дѣло! Изъ нашей литературы хотятъ устроить бальную залу и уже зазываютъ въ нее дамъ; изъ нашихъ литераторовъ хотятъ сдѣлать свѣтскихъ людей въ модныхъ фракахъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, энергію хотятъ замѣнить вѣжливостью, чувство — приличіемъ, мысль — модной фразой, изящество — щеголеватостью, критику — комплиментами, короче — къ намъ снова зовутъ восемнадцатый вѣкъ, этотъ золотой вѣкъ свѣтской (profane) литературы, этотъ вѣкъ Лагарповъ и Баттѣ, когда въ трагедію допускались не люди, а выше, чѣмъ люди, когда въ нее могъ попасть только полубогъ, или герой, или по крайней мѣрѣ герцогъ и баронъ, что конечно не меньше; когда лицо трагедіи должно было говорить не иначе, какъ принявши важную осанку, выступивъ ногой, вытянувъ руку, и непременно высокимъ паркетнымъ слогомъ. А! такъ вотъ почему намъ съ нѣкотораго времени такъ часто толкуютъ о какихъ-то „свѣтскихъ“ повѣстяхъ и „свѣтскихъ“ романахъ!.. Такъ вотъ гдѣ скрывалась задушевная идея, которую съ такимъ жаромъ развиваетъ „Наблюдатель“! Признаюсь, есть изъ чего и хлопотать! Но посмотримъ, что дальше.

Дальше слѣдуетъ вторичное воззваніе къ дамамъ, вторичное приглашеніе дамъ взяться за перо и приняться за „свѣтскій романъ“. Итакъ—place aux dames!..

„Я думалъ бы скорѣе, что романъ „свѣтскій“ будетъ областью женщины. Современное общество — это ея царство, ея жизнь; здѣсь уточенный взглядъ ея и вѣрное чувство могли-бы уловить такія краски и оттѣнки на картинѣ общества, которые навсегда останутся недоступны для насильственныхъ пріемовъ писателя-мужчины. У женщинъ есть этотъ особенный органъ „свѣтскаго“ осязанія, передъ которымъ туны чувства мужскія. Такимъ романомъ, я думаю, женщина могла бы имѣть благотворное вліяніе и на наше общество“.

Убѣдились ли вы этими неопровержимыми доводами? — Я убѣдился, и теперь отъ души взываю: „place aux dames!“ Но я иду еще дальше, я не могу остановиться на одной литературѣ, потому что въ такомъ случаѣ вліяніе женщинъ на наше общество все-таки будетъ слишкомъ односторонно и слабо. Если наше общество должно быть обязано своимъ образованіемъ не ученымъ и литераторамъ, не таланту, не гению, не наукѣ, не тяжкому труду избранниковъ, а женщинамъ,—то было бы слишкомъ несправедливо такъ ограничивать поприще ихъ дѣятельности: для такой высокой цѣли нужна первая эмансипація женщины. Полумѣры никуда не годятся, съ золотой серединой не далеко уйдешь. И такъ, я составилъ свой собственный проектъ касательно улучшенія нашего общества: онъ прекрасенъ, но первоначальная идея его все-таки принадлежитъ не мнѣ, а Шевыреву, слѣдовательно, — ему честь и слава, а мнѣ хоть спасибо. Вотъ въ чемъ состоитъ мой проектъ. Наши дамы начнутъ писать „свѣтскіе“ романы, но онѣ не должны и не могутъ остановиться на этомъ: таково свойство человѣческаго генія, онъ идетъ все впередъ. И такъ, дамы примутся со временемъ и за историческій романъ; но чтобы писать историческіе романы, надо знать исторію, а исторія—наука; и такъ, вотъ шагъ въ область науки! Но наука одна,—науки суть не что иное, какъ искусственныя ея подраздѣленія; науки смежны, соприкосновенны другъ къ другу; исторіи нельзя знать безъ археологій, хронологій, географій, географія не понятна безъ математики, математическая географія такъ близка къ астрономіи, физическая къ естествознанію. И такъ почему бы дамамъ нашимъ не пуститься и въ науку, тѣмъ болѣе, что этотъ переходъ естествененъ, что отъ „свѣтскаго“ романа до философіи нѣтъ скачка?.. Особенно имъ слѣдовало бы заняться математикой: какія благотворныя слѣдствія повлекло бы это за собою! Математики всѣ люди угрюмые, нелюбезные и часто очень грубые! Что, если бы дамы стали съ каедръ преподавать всѣ знанія человѣческія! О, съ какой бы жадностью слушали ихъ студенты, какъ бы смягчился университетскіе нравы, какіе успѣхи оказало бы просвѣщеніе въ Россіи! Итакъ, гг. профессоры всѣхъ четырехъ факультетовъ, не исключая

и медицинскаго, будьте догадливы и вѣжливы — *place aux dames!*.. Но науки соприкасаются съ жизнью, и практика въ преподаваніи иногда замѣняетъ теорію—такова наука правъ: почему жъ бы дамамъ не заняться судопроизводствомъ не въ однихъ тѣсныхъ предѣлахъ аудиторіи, но и въ судилищахъ? почему бы имъ не быть сенаторами, предсѣдателями, совѣтниками?.. Какое бы благотворное вліяніе оказалось тогда надъ нашимъ обществомъ! Кончилось бы взяточничество, по крайней мѣрѣ деньгами, ябеда превратилась бы въ сплетни, съ просителями обращались бы вѣжливо, съ подсудимыми—кротко... А почему жъ бы дамамъ не заняться и военной службой, которая больше всѣхъ нуждается въ умягченіи нравовъ и урокахъ общежитія?.. Здѣсь ужъ я и не въ силахъ вычислить всѣхъ благотворныхъ вліяній на общество: какое войско не одержитъ побѣды, когда имъ будетъ командовать прекрасная дама въ образѣ Беллоны? какая война не будетъ человѣколюбива, кротка, когда будетъ вестись дамами? какіе солдаты не сдѣлаются вѣжливыми, деликатными и ловкими, повинувшись такимъ милымъ начальникамъ?.. Конечно можетъ быть отъ этого пострадаетъ дисциплина, поразстроится порядокъ, потому что начальство иногда будетъ манкировать своей должностію, занятое балами, парядами, а иногда и скованное такими обстоятельствами, въ которыхъ виновата одна природа, и именно природа дамская, но вѣдь и мужчины подвергаются болѣзнямъ, и на природу нѣтъ апелляцій...

Я, право, не шучу. Литературные сен-симонисты намъ говорятъ, что женщина имѣетъ право писать, потому что она—человѣкъ, что она обладаетъ тѣми же способностями, какъ и мужчина; политическіе сен-симонисты опираются на томъ же, доказывая, что женщина должна и имѣетъ право заниматься общественными должностями. Такъ какъ я согласенъ съ первыми, то ужъ естественно не могу не согласиться со вторыми. Въ противномъ случаѣ, я показалъ бы, что во мнѣ нѣтъ логической послѣдовательности, здраваго смысла, а я имѣю большія претензіи на здравый смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, если эмансипація, то ужъ полная, а то не изъ чего хлопотать. Итакъ, гг. поэты, литераторы, профессоры, судьи, генералы! будьте догадливы, будьте вѣжливы: *place aux dames!*..

Послѣ этой глубокой и прекрасной мысли Шевыревъ очень занимательно изслѣдываетъ важный вопросъ о томъ: можетъ ли дама успѣть въ историческомъ романѣ, кромѣ „свѣтскаго“?—по его теоріи выходитъ, что не можетъ; но опытъ разувѣрилъ его въ этомъ. Въ извѣстномъ романѣ г-жи Коттенъ „Матильда или Крестовые походы“, въ этомъ романѣ, который уже мѣсяца два читаетъ мой камердинеръ и не можетъ нахвалиться, критикъ не видитъ большого историческаго достоинства, потому что въ немъ „чувство и воображеніе господствуютъ надъ исторіей“; онъ не могъ иначе оцѣнить этого геніальнаго произведенія и по другой еще причинѣ; но послушаемъ его самого.

„У меня же была еще въ свѣжей памяти эта чудная „Елена“ миссъ Эджевортъ, это созданіе нѣжное, идеаль британской женщины. Я помню, какъ, читая этотъ романъ, я, казалось, жилъ въ лучшемъ обществѣ, гдѣ и мысли, и чувства становились благороднѣе, гдѣ узнавалъ я силу каждаго слова въ общежитіи и научался его взвѣшивать. Прочитавъ „Елену“, я какъ-то почувствовалъ себя лучше, во мнѣ прибыло какой-то нравственной силы для того, чтобы дѣйствовать въ обществѣ (*какомъ? ужъ, вѣрно, въ свѣтскомъ*). Вотъ слѣдствіе „свѣтскаго“ романа, написаннаго перомъ „геніальной“ женщины. (*Въ самомъ дѣлѣ, удивительное слѣдствіе!*). Такимъ романомъ воспитывается общество (*какое?—свѣтское?*), и литература (*какая?—свѣтская?*) сильно подвигаетъ его нравственный успѣхъ.“

Шевыревъ говоритъ все это не шутя; и я поговорю насчетъ этого безъ шутокъ. Я не встаю противъ того, что онъ еще не забылъ „Матильды“ г-жи Коттенъ, давно уже перешедшей изъ гостиной въ переднюю и дѣвичью: есть что-то умиленное въ защитѣ слабаго, что-то рыцарское въ покровительствѣ тому, что всѣми признано за нелѣпость; но миссъ Эджевортъ не требуетъ особенной защиты: ея романы извѣстны всей Европѣ и превозносятся до небесъ барономъ Брамбеусомъ. Я не отрицаю, что представители дѣвичьей и передней могутъ становиться благороднѣе и возвышеннѣе въ своихъ чувствахъ и мысляхъ не только отъ „Матильды“ или „Елены“, но и отъ Курганова „Письмовника“ и романовъ Александра Аноимовича Орлова; но я, собственно я, а не кто-нибудь другой, могу возвышаться душой только отъ художественныхъ, а не „свѣтскихъ“ романовъ. Художественный и „свѣтскій“ не суть

слова одпозначація, такъ же, какъ дворянинъ и благородный человѣкъ. Художественность доступна для людей всѣхъ сословій, всѣхъ состояній, если у нихъ есть умъ и чувство; „свѣтскость“ есть принадлежность касты. Художественность есть творчество, а творчество изображаетъ человѣка съ его страстями, его порывами къ добру и злу, его радостями и страданіями; „свѣтскость“ же уничтожаетъ страсти, порывы, радости и горести, она подводитъ все это подъ уровень посредственности, равнодушія, ничтожности и скуки. Я этимъ совѣмъ не думаю доказывать, чтобы между людьми высшаго общества не было людей съ душой и сердцемъ, людей съ талантомъ и доблестью: подобная мысль въ наше время была бы жалкимъ и смѣшнымъ анахронизмомъ. Я говорю не о „свѣтскихъ“ людяхъ въ частности, а о „свѣтскомъ“ обществѣ вообще, гдѣ умолкаетъ умъ, боясь оскорбить своимъ превосходствомъ глупость, гдѣ притаивается чувство, боясь оскорбить приличіе, гдѣ самый геній спѣшитъ принять на себя видъ посредственности и ничтожества, чтобы не показаться смѣшнымъ и страннымъ. „Свѣтскость“ еще сходится съ образованностью, которая стоитъ въ знаніи всего попомнюжку, но никогда она не сойдется съ наукой и творчествомъ: то и другое необходимо должно изсушиться и обмелѣть, жертвуя своимъ временемъ на выполненіе ея ничтожныхъ условій, дыша несвойственной ему атмосферой. Аристократія таланта не есть аристократія общества: Шекспиръ не на паркетѣ пріобрѣлъ свой мірообъемлющій взглядъ на человѣческую природу. Шиллеръ не на паркетѣ нашелъ небо и рай своихъ божественныхъ видѣній, которыя онъ передалъ намъ подъ человѣческими именами Амалій, Луизъ, Текль, Карловъ, Фердинандовъ, Позъ, Максовъ, Теллей. Романъ долженъ быть изображеніемъ человѣческой жизни, а не паркетныхъ сплетней, и только идея человѣческой жизни, а отнюдь не идея паркетныхъ сплетней, можетъ возвысить и облагородить человѣческую душу. Романъ миссъ Эджвортъ „Елена“ есть не что иное, какъ пошлая рама для выраженія пошлой мысли, что „дѣвушка не должна лгать и въ шутку“, есть пятитомный и убійственно-скучный сборъ ничтожныхъ нравоученій гостиной. Говорятъ, что главное достоинство этого романа

состоитъ въ вѣрномъ изображеніи всѣхъ тонкостей, всѣхъ оттѣнковъ высшаго англійскаго общества, недоступныхъ для непосвященныхъ въ таинства гостинныхъ. Если это такъ, то тѣмъ хуже для романа. Я человѣкъ не свѣтскій, слѣдовательно не могу понять свѣтской стороны романа, но я всегда могу понять его человѣческую и его художественную сторону. Въ какихъ бы формахъ ни проявлялась человѣческая жизнь, она понятна всегда и для всѣхъ, потому что переходяща форма, но вѣчна идея эстетическаго творчества. Прометей Эсхила, прикованный къ горѣ, терзаемый коршуномъ и съ горделивымъ презрѣніемъ отвѣчающій на упрёки Зевеса, есть форма чисто греческая, но идея непоколебимой человѣческой воли и энергіи души, гордой и въ страданіи, которая, выражается въ этой формѣ, понятна и теперь: въ Прометѣѣ я вижу человѣка, въ коршунѣ—страданіе, въ отвѣтахъ Зевесу—мощь духа, силу воли, твердость характера. Какое мнѣ дѣло, что у индійцевъ въ дѣла человѣческія вмѣшиваются боги и духи; это мнѣ нисколько не мѣшаетъ понимать „Сакунталу“: оставляю въ сторонѣ все индійское и вижу одно человѣческое, а это человѣческое равно и одинаково и у индійцевъ, и у русскихъ, и у нѣмцевъ. Почему жъ я не понимаю „свѣтскаго“ въ романѣ миссъ Эджевортъ?—Потому что въ немъ нѣтъ ничего человѣческаго, слѣдовательно—ничего и художественнаго. Читая этотъ романъ, я невольно твержу стихи поэта:

И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

А я могу повѣрить этому поэту: онъ знаетъ свѣтъ не по слуху. Еще хорошо бы, если бы миссъ Эджевортъ представила мнѣ свѣтъ такъ, какъ онъ есть, въ сходствѣ съ этимъ изображеніемъ, которое сдѣлано человѣкомъ, тоже знающимъ свѣтъ не по слуху:

„Между толпами бродятъ разныя лица, подъ веселый напѣвъ контрданса сливаются и развиваются тысячи интригъ и сѣтей; толпы подбострастныхъ аэролитовъ вертятся вокругъ однодневной кометы; предатель униженно кланяется своей жертвѣ; здѣсь послышалось незначущее слово, привязанное къ глубокому долготѣнному плану; здѣсь улыб-

ка презрѣнія скатилась съ великолѣпнаго лица и оледенила какой-то умоляющій взоръ; здѣсь тихо ползуть темные грѣхи, и торжественная подлость гордо носить на себѣ печать отверженія“.

Вотъ поэтическая сторона большого свѣта, которую я очень люблю въ художественномъ представленіи; миссъ Эджевортъ уловила только одну ничтожность и скуку большого свѣта, и потому просимъ не взыскать, ея романъ намъ кажется и пошлымъ, и безталаннымъ, и ничтожнымъ, ничѣмъ не выше дѣялхъ романовъ госпожъ Коттентъ и Жанлисъ. Мы не вѣримъ, чтобъ были такія души, которыя бы могли возвышаться отъ „Елены“ миссъ Эджевортъ или отъ романовъ дѣвицы Маріи Извѣковой.

Переходя къ „Востолѣ“, Шевыревъ удивляется, какъ могутъ быть такіе люди, которые сомнѣваются: Пушкина ли это поэма, или нѣтъ. А что жъ тугъ удивительнаго, если смѣемъ спросить? На поэмѣ стоитъ имя Пушкина: для меня этого довольно, чтобъ имѣть право приписать ему эту поэмѣ. Вы говорите, что Пушкинъ не въ состояніи написать такого дурнаго произведенія, — а почему же такъ? Вѣдь онъ написалъ же „Анжело“ и нѣсколько другихъ плохихъ сказокъ? Да и какихъ чудесъ на свѣтѣ не бываетъ? Погсдите, можетъ быть Пушкинъ подарить насъ еще и октавами изъ Тасса? Шевыревъ негодуетъ на „Библіотеку“ за то, что она „завлекательно объявила, что Пушкинъ воскресъ въ этой поэмѣ (какъ будто бы кто-нибудь сомнѣвался въ жизни его таланта)“ — а кто жъ, смѣемъ спросить, не сомнѣвался въ этомъ?.. Развѣ только одинъ „Московскій Наблюдатель“, и то потому, что Пушкинъ принадлежалъ къ числу его сотрудниковъ? Равнымъ образомъ мы не видимъ ничего предосудительнаго и въ томъ, что „Библіотека“ стала укорять Пушкина въ томъ, что онъ издалъ такое произведеніе: если позволительно упрекать книгопродавцевъ за изданіе дурныхъ книжонокъ, то почему же поэтъ долженъ быть свободенъ отъ этого упрека?..

„Издать дурную поэмѣ—въ волѣ всякаго, кто имѣетъ лишніа деньги. Отчего же отнимать это право и у Пушкина? Читатель, понимающій толкъ въ поэмахъ, развернувъ книгу, угадаетъ, что поэма не Пушкина, и не купитъ ея. Тотъ же, который не отгадаетъ, пусть купитъ: невѣжеству только и наказанія, что остаться въ накладѣ“.

Хороша мораль — нечего сказать! Можетъ быть въ свѣтѣ надувать кого бы то ни было, хотя бы и невѣжество, почитается нравственнымъ? Мы этого не знаемъ; мы — люди простые, не свѣтскіе, и обманъ почитаемъ во всякомъ случаѣ дѣломъ предосудительнымъ. Притомъ же вспомните о провинціалахъ, между которыми есть и невѣжды, но которые не имѣютъ возможности развернуть книги, не выписавши ея сперва и не заплативши за нее впередъ деньги; для нихъ достаточно имени великаго и перваго поэта русскаго, чтобъ не имѣть никакого подозрѣнія въ обманѣ.

Потомъ Шевыревъ говоритъ о „Пѣсняхъ“ Тимоѣева и высказываетъ обиняками, что онѣ не имѣютъ никакого достоинства и не стоятъ вниманія. Это очень справедливо, но насъ удивляютъ слѣдующія строки:

„Мы готовы думать, что эти пѣсни принадлежать не тому же автору, котораго имя встрѣчали мы подъ нѣкоторыми пріятными статьями въ прозѣ...“

Что, что такое? Это — „свѣтскій“ комплиментъ! Тимоѣевъ такой же прозаикъ, какъ и поэтъ, но онъ недавно помѣстилъ въ „Наблюдателѣ“ статейку своей работы „Любовь Поэта“. А! понимаемъ!..

Отъ Тимоѣева Шевыревъ переходитъ къ книгѣ Сильвіо Пеллико „О Должностяхъ Человѣка“, переведенной въ Одессѣ Хрусталевымъ. Читателямъ „Телескопа“ извѣстно наше мнѣніе объ этой книгѣ. Сильвіо Пеллико много страдалъ, и страдалъ съ этимъ рѣдкимъ терпѣніемъ, которое свойственно только или слишкомъ сильнымъ, или слишкомъ слабымъ душамъ. Не беремъя рѣшить, къ которой изъ этихъ двухъ категорій относится Сильвіо Пеллико, однако думаемъ, что душа сильная могла бы вынести изъ своего заключенія что-нибудь посильнѣе и поглубже дѣтскихъ разсужденій о томъ, что дважды-два — четыре. Конечно эти старыя истины онъ предлагаетъ своимъ добродушнымъ читателямъ и почитателямъ съ искреннимъ убѣжденіемъ, отъ чистаго сердца, но отъ этого его книга ничуть не лучше. Шевыревъ говоритъ, что Сильвіо Пеллико имѣлъ право говорить общія мѣста и преподавать сухіе, произвольно-догматическіе уроки послѣ столькихъ

страданій и послѣ своей книги „Prigioni“; не споримъ, у всякаго свой взглядъ на вещи, а по нашему, общія мѣста— всегда общія мѣста, къмъ бы они ни были сказаны, честнымъ человѣкомъ, или негодяемъ. Затѣмъ Шевыревъ приводитъ нѣсколько страницъ изъ книги Пеллико: эти выписки всего лучше могутъ оправдать наше мнѣніе объ этой книгѣ.

Статья заключается разборомъ „Записокъ Титулярнаго Совѣтника Чухина“ Булгарина. Въ этомъ разборѣ Шевыревъ очень мило и храбро нападаетъ на Булгарина за его невѣжливость къ дамамъ. Какъ счастливы наши дамы! Сколько у нихъ ревностныхъ защитниковъ и почитателей! За нихъ сражаются, имъ служатъ и въ журналахъ, и въ вѣдомостяхъ!.. Дѣло вотъ въ чемъ: Булгаринъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего предисловія, „что женщины нѣжныѣ, сострадательныѣ, великодушныѣ мужчинъ“, а четырьмя страницами выше такимъ образомъ объясняетъ, почему литературный умъ не можетъ ужиться съ обществомъ: „А дамы... о дамахъ я ничего не смѣю говорить. Place aux dames!—Вѣдь умныхъ любятъ только умные люди, слѣдовательно литературному уму и тѣсно, и душно въ свѣтскихъ обществахъ“. Что бы, кажется, дурного въ этой мысли? По нашему сужденію, эта мысль аксіома и безъ сомнѣнія лучше всего романа Булгарина. Но не такъ смотритъ на это дѣло Шевыревъ; послушайте, что онъ говоритъ:

„Какое комплиментъ и свѣтскому обществу, и въ особенности дамамъ, которыя составляютъ лучшую часть его? Послѣ этого вѣрьте автору, когда онъ превозноситъ женщинъ... Мы не знаемъ, когда изъ-подъ его пера капаетъ правда, но здѣсь видимъ что-то вродѣ чернильнаго пятна или неучтивости.“

Послѣ этого, разумѣется, роману Булгарина достается порядкомъ. Намъ самимъ этотъ романъ кажется очень плохимъ и плоскимъ произведеніемъ, только по другой причинѣ: вслѣдствіе отсутствія таланта въ авторѣ, а не вслѣдствіе его неуваженія къ прекрасному полу. Мы тоже очень уважаемъ прекрасный полъ, но защищать его не намѣрены, потому что и въ одномъ князѣ Шаликовѣ онъ имѣетъ очень сильнаго защитника; что же говорить о другихъ...

Слава Богу! наконецъ-то я добрался до идеи „Наблюда-

теля"! Онъ хлопочетъ не о распространеніи современныхъ понятій объ изящномъ; теорія изящнаго не входитъ въ него, искусство у него въ сторонѣ; онъ старается о распространеніи свѣткости въ литературѣ, о введеніи литературнаго приличія, литературнаго общежитія; онъ хочетъ во что бы то ни стало одѣть нашу литературу въ модный фракъ и бѣлыя перчатки, ввести ее въ гостиную и подчинить зависимости отъ дамъ; цѣль истинно похвальная: кто не поревнуетъ ей! По крайней мѣрѣ теперь мы знаемъ, о чемъ хлопочетъ „Наблюдатель“, какая его идея; по крайней мѣрѣ мы теперь знаемъ, что онъ имѣетъ значеніе и смыслъ: а я только этого и добивался, и только чрезъ первый номеръ его на нынѣшній годъ добился этого. Упреди я моею статьей послѣднюю статью Шевырева — и идея „Наблюдателя“ осталась бы для всѣхъ тайной. Пріятно думать, что теперь наши журналы издаются если не съ мыслью, то со смысломъ опредѣленнымъ и яснымъ. Хорошо ли, дурно ли (не смѣю и не имѣю права судить объ этомъ) — „Телескопъ“ и „Молва“ хлопочутъ объ искусствѣ и литературѣ въ чисто литературномъ смыслѣ, безъ постороннихъ цѣлей. „Московскій Наблюдатель“ проповѣдуетъ свѣтскость и элегантность въ литературѣ, смотритъ на искусство и литературу съ свѣтской точки зрѣнія. „Библіотека для Чтенія“ развиваетъ ту мысль, что умозрительныя знанія и все, проникнутое идеей, не только бесполезно, но и вредно, что нѣмецкая философія — бредъ, что только положительныя, фактическія знанія еще годятся на что-нибудь, что ничему не должно учиться, что для того, чтобы все знать, довольно выписывать „Библіотеку для Чтенія“ и „Энциклопедическій Словарь“. „Сѣверная Пчела“ и „Сынъ Отечества“ одни чужды всякой мысли и даже всякаго смысла; но и у нихъ есть цѣль, опредѣленная и постоянная. это — подписчики...

Мнѣ бы слѣдовало еще поговорить о переводныхъ критическихъ статьяхъ „Московского Наблюдателя“, но это совсѣмъ бесполезно, потому что онѣ нисколько не гармонируютъ съ цѣлью этого журнала. Тамъ, въ западной Европѣ, свѣтскость не новость, рыцарство, даже и литературное, давно уже сдѣлалось пошлостью. Но у насъ — другое дѣло;

мы еще недавно надѣли бѣлыя перчатки, и потому ходимъ поднявши руки вверхъ, чтобъ всѣ ихъ видѣли; мы еще недавно перемѣнили охабень на фракъ, и потому безпрестанно охорашиваемся и оглядываемъ себя со всѣхъ сторонъ; мы еще недавно перестали бить нашихъ женъ и пляску въ прпсядку перемѣнили на танцы, и потому кричимъ громко: „place aux dames!“, какъ бы похваляясь своей вѣжливостью, и танцуемъ французскую кадрили съ такой важностью, какъ будто городъ беремъ... Это явленіе понятное и необходимое, но, кажется, уже и у насъ пора бы ему сдѣлаться анахронизмомъ... Говоря безъ шутокъ, оно и есть анахронизмъ, смѣшной и жалкій...

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о странномъ и опасномъ положеніи человѣка, который у насъ судить о чемъ бы то ни было, и судить не въ пользу судимаго. „Скажи правду—потеряй дружбу“—мудрая пословица. У насъ особенно всѣ авторитеты щекотливы и притязательны, точь въ точь мелкіе уѣздные чиновники. У насъ еще важность авторитета опредѣляется не заслугой, а выслугой, не достоинствомъ, а лѣтами. Кто началъ свое литературное поприще съ двадцатыхъ годовъ и началъ его надутыми стишками, продолжалъ журнальными статьями—тотъ уже авторитетъ, тотъ уже смотритъ на человѣка, осмѣливагося сказать ему правду, какъ на буяна, приставаго къ нему на улицѣ... Но всего горестнѣе, что у насъ еще не могутъ понять того, что можно уважать человѣка, любить его, даже быть съ нимъ въ знакомствѣ, въ родствѣ—и преслѣдовать постоянно его образъ мыслей ученый и литературный; всего досаднѣе, что у насъ не умѣютъ еще отдѣлять человѣка отъ его мысли, не могутъ повѣрить, чтобы можно было терять свое время, убивать здоровье и наживать себѣ враговъ изъ привязанности къ какому-нибудь задушевному мнѣнію, изъ любви къ какой-нибудь отвлеченной, а не житейской мысли. Но какая нужда до этого? Развѣ должно прибѣгать къ божбѣ для увѣренія въ чистотѣ и безкорыстіи своихъ дѣйствій? Развѣ за благородный порывъ должно требовать награды отъ общественнаго мнѣнія? Развѣ мысль не есть высокая и прекрасная награда тому, кто служить ей?... О нѣтъ! пусть тол-

кують ваши дѣйствія, кому какъ угодно; пусть не хотятъ понять ихъ источника и цѣли, но если мысль и убѣжденіе доступны вамъ — идите впередъ, и да не совратятъ васъ съ пути ни расчеты эгоизма, ни отношенія личныя и житейскія, ни боязнь непріязни людской, ни обольщенія ихъ коварной дружбы, стремящейся взамѣнъ своихъ ничтожныхъ даровъ, лишитъ васъ лучшаго вашего сокровища — независимости мнѣнія и чистой любви къ истинѣ!..

Очерки русской литературы. Соч. Н. Полевого. Спб. 1839. Двѣ части.

Полевой — не поэтъ и не ученый, но писатель и литераторъ, и притомъ замѣчательный въ полномъ значеніи этого слова. Слишкомъ двадцать лѣтъ дѣйствовалъ онъ на литературномъ поприщѣ, и участіе его въ литературѣ было чувствуемо, видимо и даже богато результатами, которые имѣютъ видъ бѣльшей или меньшей заслуги. Теперь поприще его почти кончено: онъ самъ говоритъ это въ предисловіи къ своимъ „Очеркамъ“. Продолжая дѣйствовать вновь и часто новымъ и особеннымъ противъ прежняго образомъ, онъ однако отсталъ отъ новаго поколѣнія. Слѣдовательно для него настало время суда и оцѣнки, словомъ, — сознанія.

Ничего нѣтъ труднѣе, какъ судить о произведеніяхъ писателя, разбросанныхъ по журналамъ или появившихся въ разъединенныхъ изданіяхъ, по-штучно: только полное собраніе ихъ даетъ возможность обозрѣть дѣятельность писателя въ ея общности и совокупности и произнести ей сужденіе, подѣ влияніемъ полнаго и цѣлостнаго впечатлѣнія. Самъ Полевой понималъ это, — и, сознавая конецъ своего поприща, предпринялъ изданіе своихъ критическихъ статей, разсѣянныхъ по „Телеграфу“, „Библіотекѣ для Чтенія“ и „Сыну Отечества“. Его предупредительность въ этомъ отношеніи такъ велика, что онъ даже озаботился познакомить публику съ своей частной жизнью, произнести себѣ полную оцѣнку. „Въ романѣ, въ драмѣ, въ исторіи, критикѣ я всегда былъ одинъ и тотъ же (говоритъ онъ въ предисловіи). Мечтатель въ повѣсти, безпристрастный изслѣдователь въ исторіи, иногда строгій

критикъ чужого произведенія, я ошибался и думалъ можетъ-быть невѣрно, но никогда не измѣнялъ добру, и никогда не подымалась рука моя сорвать вѣнокъ съ заслугъ, никогда голосъ мой не возвышался противъ дарованія истиннаго“. Всеми этому мы охотно вѣримъ—и какъ не вѣрить, когда насъ увѣряетъ въ этомъ самъ Полевой, который себя знаетъ лучше другихъ?—Но мы въ то же время думаемъ, что судъ о насъ принадлежитъ другимъ, а не намъ самимъ, и что подобныя увѣренія очень похожи на оправданія въ винѣ, въ которой насъ никто не уличалъ. Особенно интересны и умилительны увѣренія Полевого въ чистотѣ его души и незлобii сердца,—въ томъ, что ему всегда были чужды низкія чувства, каковы зависть, противорѣчіе съ своимъ убѣжденіемъ; что это подтверждаютъ втайнѣ самые враги его; что многіе изъ бывшихъ его врагами, узнавъ его покороче, крѣпко жали ему руку и дѣлались его искренними друзьями, и пр., и пр. И этому всему мы охотно вѣримъ—изъ вѣжливости, но все это пріятнѣе было бы намъ услышать о Полевомъ отъ кого-нибудь другого, чѣмъ отъ него самого. Не говоря о томъ, что судъ о самомъ себѣ не всегда бываетъ чуждъ пристрастія,—законы приличія запрещаютъ занимать публичное вниманіе своей особой, а тѣмъ болѣе похвалами ей... Въ одномъ мѣстѣ предисловія откровенность Полевого дошла до того, что онъ признался ей по секрету, что, простивъ всѣмъ своимъ врагамъ, никакъ не могъ простить *четверыхъ*... Что сказать обо всемъ этомъ? Гёте безъ зазрѣнія совѣсти говорилъ о себѣ, какъ о геніи, — и всѣ вѣрили ему, слушали его съ благоговѣніемъ. Та же исторія была и съ Суворовымъ... Позвольте, позвольте!.. Вспоминаемъ. . Въ VI № „Сына Отечества“ за прошедшій годъ было напечатано умилительное и дружеское посланіе Полевого къ Булгарину, въ которомъ Полевой говоритъ о себѣ между прочимъ слѣдующее: „Великій Гёте говорилъ, помнится, Эккерману, что надобно дѣлать, что можно, и никогда не рассчитывать на великое и огромное, ибо великое и огромное явится само-собою, если только Богъ далъ намъ для него способность. Великій Суворовъ отвѣчалъ кому-то, кто спрашивалъ (его?), какъ онъ могъ одержать столько побѣдъ и сдѣлаться столь великимъ полководцемъ: „Помилуй

Богъ, просто: я всегда воображалъ себѣ, что я прапорщикъ и несу голову за первый крестикъ; другіе осторожны, помилуй Богъ—ретирады, деплояды—а оттого они хорошіе полководцы, а я великій полководецъ!“ Я всегда былъ увѣренъ въ истинѣ словъ Гёте и Суворова, и потому бросался страху прямо въ глаза, увѣренный, что если Богъ далъ мнѣ средства на великое, великое явится само-собою“. Не забудьте, что Полевой, упоминая о Гёте и Суворовѣ, говоритъ о своихъ драматическихъ пьесахъ... Что-жъ тутъ удивительнаго?—Сознаніе собственнаго величія свойственно всякому великому человѣку... Это еще довольно скромно, а—вотъ былъ на святой Руси человѣкъ, который печатно сказалъ о себѣ: „я знаю Русь, и Русь меня знаетъ“. Кто бы, вы думали, былъ этотъ великій человѣкъ?.. Конечно Петръ Великій, который мощной рукой вдвинулъ Россію во всемірную исторію, указалъ ей въ будущемъ всемірное и первое мѣсто, и тѣмъ измѣнилъ грядущія судьбы цѣлаго міра, цѣлаго человѣчества?.. Или Суворовъ, этотъ чудо-богатырь, выигравшій столько же побѣдъ, сколько давшій сраженій, опора и рушитель царствъ, онъ, котораго видѣвшіе еще живы, и который сталъ ужъ какимъ-то мифомъ, какимъ-то героемъ фантастической поэмы?.. Или можетъ быть Пушкинъ, въ художественныхъ созданіяхъ котораго бьется пульсъ русской жизни, и котораго поэтический геній, еще въ его колыбели, крылатая молва народнаго сознанія нарекла великимъ и національнымъ?.. Нѣтъ, не они сказали о себѣ эту громкую фразу, а все онъ же, все господинъ же Полевой... Повторяемъ, тутъ нѣтъ ничего страннаго—тутъ одно только сознаніе своего величія... Намъ можетъ-быть возразятъ, что когда подобное сознаніе выговариваетъ геній, то выговариваетъ его какъ „власть имѣющій“, и потому его сознаніе не только не оскорбляетъ чувства другихъ, но еще возвышаетъ его; но что, когда въ отвѣтъ ему раздаются смѣхъ и свистки, оно означаетъ неумѣстное самохваленіе; что не всякій — великій человѣкъ, кто только показывается публикѣ съ небритой бородой и въ халатѣ на распашку, и говоритъ съ ней запросто, какъ свой со своимъ, и что геніемъ себя признавалъ не одинъ Гёте, но и Александръ Петровичъ Сумароковъ...

Чтобы не заходить далеко, мы не будемъ отвѣчать на это возраженіе, а приступимъ къ дѣлу...

Въ числѣ причинъ, побудившихъ Полевого издать собраніе написанныхъ имъ журнальныхъ статей, было еще и желаніе — оправдаться передъ публикой въ тѣхъ изъ этихъ статей, которыя были напечатаны въ „Библіотекѣ для Чтенія“, и которыя были до того измѣнены произволомъ редактора этого журнала, что Полевой не можетъ признать ихъ своими. Редакторъ „Библіотеки“ своевольно поправлялъ статьи Полевого, урѣзывалъ ихъ, дѣлалъ свои приставки и вставки, которыя состояли въ брани на Гоголя и потѣхахъ надъ всѣмъ, что не нравилось редактору. Тяжело и грустно говорить о дѣлахъ будто бы литературныхъ, а между тѣмъ принадлежащихъ вовсе не къ литературѣ, а къ другому вѣдомству!

Во всякомъ случаѣ „Очерки Русской Литературы“ Полевого — книга въ высшей степени интересная, достойная полного вниманія и стоящая оцѣнки важной и безпристрастной. Полевой можетъ называться представителемъ мнѣній объ искусствѣ и наукѣ цѣлаго періода нашей литературы. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на свое время, произвелъ переворотъ въ мертвой журналистикѣ того времени, оживилъ литературу, далъ быстрое теченіе обмѣну мнѣній, сбавилъ цѣны со многихъ авторитетовъ, не совсѣмъ по праву стоявшихъ слишкомъ высоко, уничтожилъ множество знаменитостей по преданію и на кредитъ. Его дѣятельность была многосторонняя и неистощима; какъ понималъ, онъ передавалъ русской публикѣ все новое въ Европѣ; ни одно примѣчательное явленіе не ускользнуло отъ его недремлющаго вниманія. Что же онъ въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоятъ его заслуги, до какой степени простирается важность сдѣланнаго имъ, какіе были результаты его дѣятельности, гдѣ его начало и предѣлы, какое мѣсто долженъ онъ занимать въ нашей литературѣ? — вотъ вопросы, которые мы задали себѣ для рѣшенія при библіографическомъ отчетѣ о книгѣ Полевого. Постараемся рѣшить ихъ безпристрастно — *sine ira et studio*, какъ говорятъ записные ученые.

Лучшія и примѣчательнѣйшія изъ критическихъ статей Полевого суть — о Державинѣ, Жуковскомъ и Пушкинѣ, представителей русской поэзіи. На эти три статьи можно смо-

трѣть какъ на сводъ мнѣній и понятій ихъ автора объ изящномъ и русской поэзіи. Въ нихъ онъ высказался весь; это его литературное и критическое *profession de foi*, въ которомъ онъ вдругъ и разомъ сказалъ все, о чемъ говорилъ каждая двѣ недѣли на пестрыхъ страницахъ своего журнала въ продолженіе слишкомъ семи лѣтъ. Статья о Державинѣ — лучшая, о Жуковскомъ — изъ лучшихъ: ихъ и теперь можно читать съ услажденіемъ и пользой. Онѣ отличаются если не всегда глубокимъ, то часто вѣрнымъ и, по тогдашнему, новымъ взглядомъ, множествомъ замѣчаній тонкихъ и дѣльныхъ, изложеніемъ мастерскимъ, увлекающимъ, одушевленнымъ. Никто до Полевого не судилъ лучше о Державинѣ и Жуковскомъ, никто до него не былъ ближе къ истинѣ при оцѣнкѣ этихъ двухъ великихъ представителей русской поэзіи. Особенно въ Державинѣ подмѣтилъ онъ много сторонъ, которыхъ въ немъ никто прежде не подмѣчалъ, указалъ въ немъ на многое, на что прежде никто не смотрѣлъ, и прошелъ основательнымъ молчаніемъ многое, на что дотолѣ все указывали (по привычкѣ и преданію), какъ на самыя могущественныя проявленія великаго генія Державина. Но со всеѣмъ тѣмъ вполнѣ ли вѣренъ его взглядъ на Державина и Жуковскаго, опредѣлили ли онъ положительно ихъ цѣну, мѣру ихъ заслуги, указалъ ли ихъ настоящее мѣсто въ исторіи русскаго творчества?.. Нѣтъ, далеко нѣтъ! Все, что ни сказалъ онъ о нихъ истиннаго, вѣрнаго, — все это понято имъ было его непосредственнымъ чувствомъ и передано какъ непосредственное чувство: мысль осталась для него недоступной, и потому все, что ни говорить онъ, должно принимать на вѣру, увлекаясь живостью и силой изложенія. Слѣдовательно все его опредѣленія — не больше, какъ личныя мнѣнія человѣка, основанныя на личномъ его чувствѣ, а не опредѣленія, основанныя на самомъ предметѣ изслѣдованія чрезъ постиженіе и развитіе выраженной ими мысли. Поэтому, замѣчая и вѣрно схватывая одну сторону, онъ пропускаетъ безъ вниманія другую, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой и, слишкомъ много приписывая Державину, не отдаетъ должной справедливости Жуковскому. По этому же самому вы безпрестанно встрѣчаете у него ложныя опредѣленія, вслѣдствіе предубѣжденій, которыя за-

ключаются не въ личныхъ отношеніяхъ, но въ убѣжденіяхъ и мнѣніи эпохи. Такъ напр., онъ очень вѣрно подмѣтилъ въ Державинѣ сторону *народности*, которой до него не подозрѣвали въ этомъ поэтѣ. Это заслуга, и заслуга важная! Но сколько упущено имъ изъ вида другихъ сторонъ въ Державинѣ и другихъ вопросовъ о немъ! Онъ говоритъ, что вся жизнь Державина была борьба между непонимавшимъ себя поэтомъ и мнимо-дѣловымъ человѣкомъ. Прекрасно! но вѣдь это еще только фактъ: какая же мысль скрывается въ этомъ фактѣ? Если бы эта борьба не отражалась въ произведеніяхъ Державина—она была бы явленіемъ эпохи, въ которую онъ жилъ и въ которую не понимали ни поэта, ни человѣка, а только чиновника; но какъ эта борьба повредила его призванію и отразилась въ его твореніяхъ (совсѣмъ не въ пользу ихъ),—не значитъ ли это, что Державинъ не имѣлъ самостоятельнаго и сильнаго генія творчества, который разрываетъ всѣ стѣнительныя узы временныхъ понятій?.. Отчего языкъ Державина такъ недалеко ушелъ отъ языка Ломоносова? Отчего у Державина риторика составляетъ такой основной и не обходимый элементъ поэзіи, что у него нѣтъ ни одной вполнѣ выдержанной пьесы, но каждая представляетъ какую-то смѣсь алмазовъ поэзіи съ стразами риторики?.. Намъ скажутъ: „тогдашнія понятія объ искусствѣ, піитика Буало, Баттё“ и пр. Милостивые государи, да развѣ во время Шекспира понятія объ искусствѣ были лучше, чѣмъ во время Державина? развѣ тогда также не было непремѣнныхъ требованій толпы отъ поэта? И что же?—только люди, неспособные проникнуть въ организацію художественнаго произведенія и понять значеніе философской мысли, могутъ говорить, что Шекспиръ, изъ угожденія вкусу времени, испортилъ хотя одно изъ своихъ созданій ненужной вставкой или выкинулъ изъ него необходимое въ цѣломъ. Геній всегда остается вѣренъ законамъ разума, нисколько не думая и не стараясь имъ слѣдовать. Онъ не слѣдуетъ ничѣмъ и никакимъ правиламъ, но даетъ ихъ своими созданіями. Геній всегда начинается собою новую эпоху, являясь съ твореніями въ столь новыхъ формахъ, что никто и не подозрѣвалъ ихъ возможности,—и онъ дѣлаетъ это смѣло, не справляясь съ мнѣніемъ

вѣка и толпы. Не для сравненія, а для примѣра, укажемъ на два явленія нашей литературы. Теперь многіе пишутъ и романы, и повѣсти въ такъ называемомъ комическомъ родѣ; изъ множества пишущихъ въ немъ есть даже люди съ большимъ дарованіемъ: ихъ всѣхъ, даровитыхъ и бездарныхъ, называютъ подражателями Гоголя, до котораго дѣйствительно никто не писалъ у насъ и даже никто не подозрѣвалъ и возможности такого рода поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите: „Вечера на хуторѣ“ и „Миргородъ“—и укажите въ европейской или въ русской литературѣ хоть что-нибудь похожее на эти „первые опыты молодого человѣка“, хоть что-нибудь, что бы могло натолкнуть его на мысль писать такъ. Не есть ли это, напротивъ совершенно новый, небывалый міръ искусства?.. Что въ русской литературѣ могло бы предсказать появленіе „Руслана и Людмилы“ и „Кавказскаго Плѣнника“?—Да и самъ Жуковскій, насчетъ котораго критикъ такъ возвышаетъ Державина,—не началъ ли онъ писать языкомъ такимъ правильнымъ и чистымъ, стихами такими мелодическими и плавными, которыхъ возможность до него никому не могла и во снѣ пригрезиться? Не ринулся ли онъ отважно и смѣло въ такой міръ дѣйствительности, о которомъ если и знали, и говорили, то какъ о мірѣ искаженномъ и нелѣпомъ—въ мірѣ нѣмецкой и англійской поэзіи? Не былъ ли онъ для своихъ современниковъ истиннымъ Колумбомъ?.. А Державина еще могъ предрекать Ломоносовъ, потому что если Державина нѣтъ въ Ломоносовѣ, то весь Ломоносовъ въ Державинѣ... Почему критикъ не обратилъ всего своего вниманія на то, что народнаго Державина теперь никто не читаетъ, кромѣ записныхъ литераторовъ? Почему такъ странно было бы увидѣть женщину, читающую Державина? А вѣдь истинно глубокая жинщина можетъ читать и понимать Шекспира!.. Не правда ли, что это вопросъ—и очень важный?.. Мы думаемъ, что Державинъ былъ великій и могучій талантъ, но отнюдь не міровой геній, какимъ называетъ его Полевой. Въ созданіяхъ Державина вы безпрестанно встрѣчаете могучіе проблески великаго таланта, дивно-роскошныя красоты поэзіи,—но все это порывы, вспышки, переѣшанные съ риѣмованной прозой и риторикой; цѣлаго, которое одно дѣлаетъ произве-

деніе художественнымъ, никогда нѣтъ. Да и какъ ему быть, когда Державинъ лирическія произведенія — эти мгновенные плоды горячаго чувства — писалъ по планамъ, заранѣе составленнымъ и обдуманнѣмъ?.. И что мірового сказалъ Державинъ? Развѣ мысль о тлѣнности всего въ мірѣ, — мысль, которая особенно вдохновляла его, какъ человѣка XVIII вѣка, и еще русскаго XVIII вѣка?.. Державинъ — одно изъ самыхъ могучихъ проявленій русскаго духа, чудо-богатырь русской поэзіи; изучать его и отрадно, и необходимо — и его изучаютъ тѣ, для которыхъ искусство и исторія искусства есть предметъ изученія. Все, что ни говоритъ о немъ Полевой, не есть сужденіе, а только факты для сужденій, факты богатые, дѣлающіе честь критику, но еще ожидающіе сужденія. Критикъ какъ-бы чувствовалъ недоступность для себя мысли, на самой себѣ основывающейся и изъ себя развивающейся, и потому безпрестанно мѣшалъ поэту съ человѣкомъ, стараясь одного объяснить другимъ, и отъ возрѣній отправлялся къ жизни Державина, требуя отъ нея помощи... Вотъ его слова о Державинѣ, вродѣ заключительнаго вывода изъ критики: „онъ всюду могущъ, богатъ, звученъ, самобытенъ, великъ и въ самомъ паденіи, поучителенъ въ самыхъ ошибкахъ, необходимъ историку, изучающему Россію XVIII вѣка, — поэту, соревнующему славу его, — юношѣ, который тревожится вдохновеніемъ, ужасается прозы нашей жизни и пустоты нашей поэзіи, — старцу, который живетъ воспоминаніями“. Неужели это оцѣнка, опредѣленіе поэта, а не риторическія фразы? Неужели это мысль, а не наборъ словъ?

Еще менѣе удовлетворительна статья о Жуковскомъ. Вообще критикъ не благоволитъ къ Жуковскому, но потому, что этотъ поэтъ не соотвѣтствуетъ его личнымъ убѣжденіямъ объ искусствѣ, а не по какому-либо чувству личности, ибо тонъ всей статьи самый благородный, а во многихъ мѣстахъ видна горячая любовь къ поэту, которой критикъ какъ-бы невольно, вопреки своимъ возрѣніямъ, увлекается. И какъ не любить горячо этого поэта, котораго каждый изъ насъ съ благодарностью признаетъ своимъ воспитателемъ, развившемъ въ его душѣ, всѣ благородныя сѣмена высшей жизни, все святое и завѣтное бытія? Это безпрерывное стрем-

леніе куда то, это томительное порываніе въ какую-то туманную даль, за которой тускло мерцаетъ заря лучшей жизни; эта вѣчная грусть по какомъ-то недостижимомъ идеалѣ блаженства, тоскливое воспоминаніе о миломъ „прежде“, въ которомъ жизнь была такъ прекрасна, такъ полна надеждъ и удовлетворенія; это всегдашнее недовольство настоящимъ, которое богато только утратами и страданіемъ; эта благородная покорность волѣ Провидѣнія; эта гордая и твердая вѣра въ вѣчность любви и жизни—непреодоляемость того, что выражается въ преходящихъ явленіяхъ міра; это грустное наслажденіе роскошью прекрасной природы, это всегдашнее прощаніе съ обаятельными радостями земного и перенесеніе всѣхъ упованій по ту сторону жизни, туда, гдѣ совершеніе всѣхъ обѣтованій души и мистическихъ предчувствій полного любви и страданія сердца, гдѣ вѣчная весна, неувядающіе цвѣты радости, гдѣ нѣтъ разлуки съ милымъ:—что это такое, какъ не первое пробужденіе духа, сознавшего себя духомъ? И въ какихъ дивныхъ образахъ, прозрачно сотканныхъ изъ волнующихся тумановъ, вечерняго сумрака и алой зари, въ какихъ мелодическихъ звукахъ,—похожихъ то на звуки золотой арфы, пробуждаемые дуновеніемъ зефира, то на ропотъ гремучаго ручья,—передалъ намъ ихъ нашъ унылый пѣвецъ?.. Есть въ жизни человѣка моментъ, когда онъ вырывается изъ объятій матери-природы, отвергается ея упоительныхъ наслажденій—и душа его груститъ, безъ всякой причины къ горю, сердце сжимается страданіемъ, безъ всякой внѣшней причины,—и сладка ему грусть его, и любить онъ свое страданіе, и лелѣетъ его, и жаль ему разстаться съ нимъ... Юному человѣку скучно и тѣсно на землѣ, и крыльевъ бы, крыльевъ ему—онъ полетѣлъ бы за ея таинственный занавѣсъ, облетѣлъ бы всѣ эти лучезарныя звѣзды, такъ привѣтливо, такъ родственно манящія его къ себѣ своимъ алмазнымъ блескомъ!.. Можетъ быть тамъ онъ увидѣлся бы съ какой-нибудь родной ему душой, съ милымъ сердцу, утраченнымъ на землѣ... Что же такое эта кроткая грусть, что же такое это сладкое страданіе? что же такое эта унылая мечта о тихомъ снѣ въ хладныхъ нѣдрахъ земли,—когда же? въ порѣ кипящей надеждами и силами юности, въ

порѣ веселія и наслажденія? что же такое это недовольство земель, это томительное, безконечное стремленіе въ ту сторону, которой нѣтъ имени, нѣтъ предѣловъ? Это пробужденіе юнаго духа, переставшаго быть тѣломъ; это порывъ къ безконечному, это стремленіе къ тому, что скрывается за дѣйствительностью?.. Но развѣ оно, это таинственное и с к о м о е, развѣ оно не въ дѣйствительности, если скрывается внутри ея же явленій? зачѣмъ же эта ссора съ дѣйствительностью, это добровольное отрываніе себя отъ полноты ея прекрасныхъ и полныхъ жизни явленій?.. Увы! горе тому, кто не перешелъ черезъ эту добровольную ссору, кто не испыталъ этой тихой грусти, не извѣдалъ этого сладкаго страданія и не зналъ этого тоскливаго, страстнаго порыванія туда, туда, выше и дальше отъ земли!.. Горе тому, кому не мила была мысль о смерти, кто не любилъ для того, чтобы только любить, чья любовь къ женщинѣ не была только грустью, только молитвой, робкая, стыдливая, дѣвственная, безмолвная, чуждая всякаго желанія, смущающаяся отъ встрѣчи съ милымъ взоромъ, отъ тихаго пожатія руки! Да, горе ему: онъ никогда не будетъ человѣкомъ, онъ никогда не узнаетъ дѣйствительности, какъ откровенія таинства жизни, какъ ощущенія безконечнаго блаженства: его дѣйствительность будетъ грубая, матеріальная, практическая, полезная, понятная какъ $2 \times 2 = 4$, сухая, и пошлая, какъ эта аксіома!... Дѣйствительность не постигается вдругъ и вполнѣ: она открываетъ сначала только свои стороны, какъ крайности и противоположности, — и юный человѣкъ сперва отвлекаетъ отъ нея ея же собственные стороны, переживаетъ полной жизнью въ ихъ отвлеченныхъ крайностяхъ, а потомъ уже, въ порѣ мужества, мощными объятіями созрѣвшаго разума охватываетъ ее во всей ея слитной полнотѣ и единствѣ. И въ жизни человѣчества былъ такой же моментъ, который длился двѣнадцать столѣтій: — мы говоримъ о среднихъ вѣкахъ, о романтической юности человѣческаго рода, когда запасался онъ романтическими элементами на будущую богатую жизнь. Жизнь есть великое таинство, начиная отъ рожденія и смерти человѣка, отъ сферы его чувствъ и понятія до явленій природы, до развитія изъ зерна малѣйшей былинки. Для юна-

го человѣка вся природа жива, всѣ ея явленія олицетворены и то благосклонны, то враждебны ему, и онъ то любитъ, то страшится ихъ. Съ ними слиты для него и таинственныя силы, управляющія его судьбами. Онъ олицетворяетъ и природу, и собственныя страсти, и чувства, онъ олицетворяетъ и самыя случайности своей жизни, — и милая, прекрасная дѣвушка, найденное дитя, воспитанное среди дикой природы, въ отчужденіи отъ міра и людей, является ему Ундиной, сердитый потокъ — ея дядей Струемъ... Отсюда выходитъ все фантастическое царство таинственныхъ силъ, мрачныхъ привидѣній и выходцевъ изъ гроба, которыхъ такъ любитъ муза Жуковскаго, часто мѣняющая свѣтлые и прозрачные образы на мрачные и страшные, тихіе, мелодическіе звуки тоскующей любви — на скрипъ флюгера на башнѣ замка, на полуночное завываніе совы, свистъ вѣтра и борьбу стихій, предрекающую недоброе... Фантастическое есть тоже одинъ изъ романтическихъ элементовъ духа, который долженъ быть развитъ въ человѣкѣ, чтобъ онъ былъ человѣкомъ. — Все это или почти все это находитъ Полевой отличительнымъ характеромъ поэзіи Жуковскаго, и все это восхищаетъ его въ ней; но все это у него только фактъ, мысль котораго непонятна для него. И потому онъ не можетъ простить Жуковскому отсутствія народности... Забавное обвиненіе!... Жуковскій не народный поэтъ, и немногія попытки его на народность были неудачны — правда; но это совѣмъ не недостатокъ, а скорѣе честь и слава его. Онъ призванъ былъ на другое великое дѣло: осуществить, черезъ поэзію, въ своемъ отечествѣ необходимый моментъ въ развитіи духа, — моментъ, выраженный въ жизни Европы средними вѣками, одухотворить отечественную поэзію и литературу романтическими элементами. Жуковскій по преимуществу романтикъ, такъ какъ Державинъ по преимуществу классикъ, во внутреннемъ значеніи этихъ словъ. Какъ сѣверное сіяніе, роскошны и великолѣпны картины природы у Державина, но такъ же и внѣшніи, и холодны, какъ сѣверное сіяніе. Жуковскій вводитъ васъ во внутреннее святилище природы, дѣлаетъ для васъ слышимымъ бѣненіе ея сердца, ощутительнымъ теплое ея дыханіе... Въ изображеніяхъ природы у Державина вы не услышите прозябанія дольней лозы; Жу-

ковскій вводитъ васъ въ сокровенную лабораторію силъ природы,—и у него природа говоритъ съ вами дружнымъ языкомъ, повѣряетъ вамъ свои тайны, дѣлитъ съ вами горе и радость, утѣшаетъ васъ... Жуковскій выразилъ собой столько же необходимый, сколько и великій моментъ въ развитіи духа цѣлаго народа,—и онъ навсегда останется воспитателемъ юныхъ душъ, полныхъ стремленія ко всему благому, прекрасному, возвышенному, ко всему святому и завѣтному жизни, ко всему таинственному, духовному и небесному земного бытія. Недаромъ Пушкинъ называлъ Жуковского своимъ учителемъ въ поэзіи, наперсникомъ, пѣстуномъ и хранителемъ своей вѣтреной музыки: безъ Жуковского Пушкинъ былъ бы невозможенъ и не былъ бы понятъ. Въ Жуковскомъ, какъ и въ Державинѣ, нѣтъ Пушкина, но весь Жуковскій, какъ и весь Державинъ, въ Пушкинѣ, и первый едва ли не важнѣе былъ для его духовнаго образованія. О Жуковскомъ говорятъ, что у него мало своего, но почти все переводное: ошибочное мнѣніе!—Жуковскій поэтъ, а не переводчикъ: онъ возсоздастъ, а не переводитъ, онъ беретъ у нѣмцевъ и англичанъ только свое, оставляя въ подлинникахъ неприкосновеннымъ ихъ собственное, и потому его такъ называемые переводы очень несовершенны, какъ переводы, но превосходны, какъ его собственные созданія. Почему же онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ заимствуетъ у нѣмцевъ и англичанъ?—Потому, отвѣчаемъ, что тамъ, а не у насъ дома, были средніе вѣка человѣчества, и ихъ, а не наша и не другая какая, поэзія возникла изъ романтическаго искусства. Полевой ставитъ Жуковскому въ вину, что въ его переводахъ изъ Шиллера, изъ Байрона и Гёте одинъ и тотъ же колоритъ. мы видимъ въ этомъ только, что Жуковскій вездѣ былъ вѣренъ самому собѣ, своей великой идеѣ, своему великому призванію, и ставимъ ему это въ великую заслугу. Отъ всѣхъ поэтовъ онъ отвлекалъ свое или на ихъ темы разыгрывалъ собственные мелодіи, бралъ у нихъ содержаніе и, переводя его черезъ свой духъ, претворялъ въ свою собственность. Полевой ставитъ Жуковскому въ вину, что онъ не понимаетъ Гамлета, почитая это великое произведеніе чудовищнымъ и уродливымъ. Опять фактъ, необъясненный мыслью! Жуковскій не

понимасть Гамлета и не долженъ—не по недостатку чувства изящнаго, не по недостатку образованія, а по особенному свойству и направленію своего духа: любя Шекспира, онъ отказался бы отъ среднихъ вѣковъ, отъ романтизма, слѣдовательно отказался бы отъ самого себя. Кто изъ кипящихъ юношей въ романтическую пору своей жизни, въ эпоху гордыхъ и высокихъ идеаловъ не предпочтетъ Шиллера Шекспиру, не поставитъ Шиллера высоко надъ Шекспиромъ? Мало этого: кто изъ юношей не увидитъ въ Шиллерѣ величайшаго художника, и кто изъ нихъ что-нибудь увидитъ въ Шекспирѣ? Почему это? Потому что Шиллеръ поэтъ романтический по преимуществу, слѣд. поэтъ юности; а что для Германіи Шиллеръ, то для Россіи Жуковскій. И какъ самъ Шиллеръ понималъ Шекспира, если рѣшился перевести его „Макбета“ съ нѣкоторыми перемѣнами. Шекспиръ—поэтъ новаго времени, новаго искусства—поэтъ не идеаловъ, а дѣйствительности, и потому его понимаетъ только духъ многосторонній, и не юноши, а мужи. Есть люди, которые на всю жизнь остаются дѣтьми, и есть люди, которые на всю жизнь остаются юношами, не въ пошломъ, а въ высокомъ значеніи этихъ словъ: Гомеръ въ своей Иліадѣ—младенецъ; нашъ Крыловъ въ своихъ басняхъ младенецъ; Шиллеръ умеръ юношей, хотя по лѣтамъ и давно уже былъ мужъ; Жуковскій и въ глубокой старости останется тѣмъ же юношей, какъ явился на поприщѣ литературы. Жуковскій одностороненъ—это правда, но онъ одностороненъ не въ ограниченномъ, а въ глубокомъ и обширномъ значеніи этого слова, какъ были односторонни всѣ великіе художники среднихъ вѣковъ и какъ односторонни новѣйшіе поэты—Шиллеръ, Жанъ-Поль Рихтеръ, Байронъ, которыхъ величіе заключается въ ихъ односторонности, какъ величіе Шекспира и Гёте заключается въ ихъ всеобъемлющей многосторонности. Когда единая и отвлеченная сторона духа есть выраженіе необходимаго момента въ жизни человѣка и человѣчества, —она велика и безконечна: односторонній Жуковскій явился органомъ великаго момента духа—романтизма и идеализма въ искусствѣ и въ жизни.

Итакъ, Полевой нашелъ въ поэзіи Жуковского недовольство земнымъ, стремленіе къ небесному, юношескую мечта-

тельность, идеальную любовь и пр., и пр., что и другіе, больше или меньше, лучше или хуже, находили въ ней; но онъ не сказалъ, что такое это найденное имъ, и оно осталось для него искомымъ. Такъ какъ объясненія найденнаго и расхваленнаго имъ въ поэзіи Жуковскаго онъ искалъ не въ философской мысли, а въ-своихъ личныхъ мнѣніяхъ,—то это найденное и расхваленное и явилось чѣмъ-то случайнымъ, и слѣдовательно бессмысленнымъ. Удивительно ли послѣ этого, что поэзія Жуковскаго стала у Полевого кругомъ виновата за то именно, чѣмъ онъ въ ней восхищается, слѣдовательно безъ вины виновата?.. Это ли критика? это ли оцѣнка поэта? Задача истинной критики—отыскать въ созданіяхъ поэта общее, а не частное; человѣческое, а не людское; вѣчное, а не временное; необходимое, а не случайное,—и опредѣлить, на основаніи общаго, т. е. идеи, цѣну, достоинство, мѣсто и важность поэта. А то-ли сдѣлалъ Полевой, такъ много наговоривъ о Жуковскомъ?..

Статью о Державинѣ называли мы лучшей, о Жуковскомъ—одной изъ лучшихъ; но о статьѣ о Пушкинѣ рѣшительно не знаемъ, что и сказать. Въ первой если не видно единой идеи, изъ себя развивающейся, зато видна общность взгляда, производящая въ читателѣ общность впечатлѣнія; во второй можно догадаться, о чемъ и почему именно такъ говоритъ критикъ, и въ ея изложеніи много увлекательности и жизни; но въ третьей ничего не поймете и не встрѣтите ни одного живого мѣста, ни одного сильнаго выраженія. Это какой-то хаосъ крутящихся понятій, которыя сталкиваются другъ съ другомъ и дерутся, и сквозь нихъ промелькиваютъ такіе іероглифы, которыхъ объясненія должно искать въ журнальныхъ ошибкахъ того времени. Критикъ ни въ чемъ не отдаетъ отчета, судить по Шемакински, хотя и началъ, по своему обыкновенію, съ вѣчнаго классицизма и романтизма, о которыхъ толки обратились у него въ общія мѣста и сдѣлались такъ же скучны и истерты, какъ и вѣчныя выраженія покойнаго „Московского Телеграфа“: идти въ рядъ съ вѣкомъ и отстать отъ вѣка. Чего не найдете вы въ этой статьѣ! И о XIX вѣкѣ, такъ хорошо знакомомъ критику, и о Байронѣ, и о Викторѣ Гюго! Въ ней даже прочтете вы удивительно

глубокій, необыкновенно удовлетворительный, хотя и очень краткій и мимоходомъ набросанный разборъ одного изъ величайшихъ созданий Шекспира—„Короля Ричарда II“. И потому мы не будемъ распутывать этой путаницы словъ и фразъ, написанныхъ явно въ безпокойномъ духѣ,—а ограничимся выставкой на видъ только нѣсколькихъ перловъ, съ бѣглыми на нихъ замѣтками. Во-первыхъ, мы узнаемъ изъ этой глубоко-философской статьи, что Пушкинъ есть представитель XIX вѣка русской поэзіи, но именно русской—и не болѣе, но что Пушкинъ—поэтъ, обладающій дарованіемъ обширнымъ, душой глубоко-раздражительной, восторженной, даромъ слова удивительнымъ; что карамзинизмъ повредилъ даже совершеннѣйшему изъ его созданий—„Борису Годунову“; что первая глава „Онѣгина“ пестра, безъ тѣней, насмѣшлива, почти лишена поэзіи, вторая—впадаетъ въ мелкую сатиру, въ шестой поэтъ снова впадаетъ въ прежній тонъ насмѣшки, эпиграмму, и то же слѣдуетъ въ седьмой; но что поединокъ Ленского съ Онѣгинымъ выкупаютъ все; что руссизмъ „Руслана и Людмилы“ была та несчастная, щеголеватая народность, Флоріановскій манеръ, по которому Карамзинъ написалъ „Илью Муромца“, „Наталью боярскую дочь“ и „Мароу Посадницу“, Нарѣжный—„Славянскіе вечера“, а Жуковский обрусилъ „Ленору“, „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“ и сочинилъ свою „Марьяну рощу“; что его „Кавказскій Плѣнникъ“ блѣденъ и ничтоженъ, „Бахчисарайскій Фонтанъ“ и „Цыганы“ нерѣшительны, „Евгеній Онѣгинъ“ легокъ. Полевой совѣтуетъ Пушкину (статья была написана въ 1833 году) выкинуть изъ собранія своихъ сочиненій „Дорожныя жалобы“ и „Къ Вельможѣ“, какъ пьесы, недостойныя его... Какъ жаль, что Пушкинъ не послушался господина Полевого и не отрекся отъ „Дорожныхъ жалобъ“—этой пьесы, проникнутой грустной ироніей, этой геніальной шуткой,—и отъ „Вельможи“, произведенія, въ которомъ такой мощной и широкой кистью, съ такой полнотой, глубиной и вѣрностью изобразилъ нашъ поэтъ характеръ, духъ и поэзію, словомъ, творчески воспроизвелъ идею русскаго XVIII вѣка, полного славы и величія, пировъ и роскоши, сомнѣній ума и жажды наслажденій!... Да, вообще Пушкину много повредило то, что онъ не слушался со-

вѣтовъ и наставленій Полеваго... Нѣтъ силъ выписывать его мнѣнія о мелкихъ стихотвореніяхъ Пушкина: не знаешь — смѣяться или сердиться! Повѣрите ли, въ „Андрѣя Шенье“ и „Наполеонѣ“ Полевой видитъ лучшія лирическія созданія Пушкина и ставитъ ихъ несравненно выше „Подражаній древнимъ“, „Подражаній Корану“ и такихъ пьесъ, какъ „Предчувствіе“, „Кавказъ“, „Трудъ“, „Узникъ“, „Анчаръ“ и даже „Бѣсы“!.. Что сказать объ этомъ? Видите-ли, въ чемъ дѣло: когда Полевой началъ читать, Державинъ былъ уже весь изданъ, и его могучіе звуки первые поразили впечатлѣніями поэзіи душу нашего критика, и статья Полевого о Державинѣ — лучшая его статья; Жуковского онъ уже изучалъ, потому что, для пониманія его, долженъ былъ сдѣлать себѣ усиліе, отрѣшиться отъ многихъ уже врѣзавшихся въ него одностороннихъ убѣжденій, — и онъ оцѣнилъ его уже менѣе въ попадъ; но Пушкинъ явился уже совсѣмъ не во-время: онъ опоздалъ для Полевого, или Полевой уже опоздалъ для него, — и потому, пока Пушкинъ былъ еще только авторомъ „Руслана и Людмилы“ и „Кавказскаго Плѣнника“, пока еще онъ написалъ только „Андрея Шенье“, „Къ Овидію“, „Къ Ч — у“, „Наполеона“, Полевой удивлялся ему, провозглашалъ его „сѣвернымъ Байрономъ, представителемъ современнаго человѣчества“; а когда гений Пушкина началъ мужать и возмужалъ, Полевой поспѣшилъ взять назадъ свои критическіе приговоры. Пока „Онѣгинъ“ былъ еще недоконченной повѣстью, слѣдственно не имѣлъ полноты и цѣлости, а основная идея его была еще тайной, — Полевой не скупился на похвалы; когда же „Онѣгинъ“ явился полнымъ, оконченнымъ, замкнутымъ въ себѣ художественнымъ созданіемъ, въ дивныхъ образахъ выразившимъ глубокую идею, — Полевой такъ оцѣнилъ его: „Вотъ послѣдняя глава, конецъ „Онѣгина“! Чѣмъ кончилась эта исторія, сказка или романъ — спросятъ читатели. Чѣмъ?.. Да чѣмъ обыкновенно кончится все въ мірѣ? И Богъ знаетъ! Иной живетъ лѣтъ восемьдесятъ, а жизни его было всего лѣтъ тридцать. Такъ и „Евгеній Онѣгинъ“: его не убили, и самъ онъ еще здравствовалъ, когда поэтъ задернулъ занавѣсъ на судьбу своего героя“. За этой замысловатой и насмѣшливой оговоркой слѣдуетъ выписка нѣсколькихъ строкъ съ приличной по-

хвалой имъ!.. А не угодно ли полюбоваться, какъ оцѣнилъ Полевой третью часть мелкихъ сочиненій Пушкина, которая вышла въ 1832 году, и которая столько же выше первыхъ двухъ, сколько возмужавшій геній выше еще невозмужавшаго? Слушайте—и дивитесь:

„Теперь спросимъ у самихъ себя: того-ли Пушкина видимъ мы въ третьей части его стихотвореній, того-ли поэта, котораго полюбила публика наша и которымъ восхищалась она, читая первыя двѣ части его стиховъ? Повторяемъ, что въ *наружной одеждѣ* онъ все тотъ же: *сладкозвученъ, плынителевъ, шрифтъ*; но это не творецъ посланія „Къ Ч—ву“, „Андрея Шенье“, „Наполеона“, „Къ морю“, и пр. и пр., Направленіе его, *взглядъ*, самое одушевленіе—совершенно измѣнились. Это не прежній задумчивый и грозный, сильный и пламенный выразитель думъ и мечтаній своихъ ровесниковъ; это *нарядный, блестящій и умный свѣтскій человекъ, обладающій необыкновеннымъ даромъ стихотворенія*. („Телеграфъ“. 1832, LXIII, стр. 570)“.

Очень-съ хорошо! Это говорится о той третьей части, въ которой помѣщены: „Кавказъ“, „Обвалъ“, „Монастырь на Казбекѣ“, „Делибашъ“, „На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла“, „Не плѣняйся бранной славой“, „Донъ“, „Олеговъ Щитъ“, „Поѣдемъ, я готовъ“, „Когда твои младыя лѣта“, „Я васъ любилъ“, „Зима“, „Что дѣлать намъ въ деревнѣ“, „Зимнее утро“, „Дорожныя жалобы“, „Калмычкѣ“, „Что въ имени тебѣ моемъ“, „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“, „Въ часы забавъ, иль празднои скуки“, „Къ вельможѣ“, „Поэту“, „Отвѣтъ анониму“, „Пью за здравіе Мери“, „Пиръ во время чумы“, „Бѣсы“, „Труды“, „Моцартъ и Сальери“, „Цыганы“, „Мадонна“, „Эхо“, „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская Годовщина“, „Узникъ“, „Зимній вечеръ“, „Даръ напрасный“, „Анчаръ“, „Подъѣзжая подъ Ижору“, „Примѣты“ и наконецъ „Собраніе насѣкомыхъ“—стихотвореніе, которое особенно не нравится тонкому и чуткому вкусу нашего критика, но очень примѣчательное и важное, если подумаешь, какіе есть на свѣтѣ критики!..

Мы передали публикѣ фактъ о критикѣ Полевого; судить и доказывать не будемъ: есть факты, которые сами за себя громко говорятъ. И что же? — Мы очень далеки отъ того, чтобы подозрѣвать Полевого въ пристрастіи къ Пушкину: есть большая разниа между ошибкой вслѣдствіе личной враждеб-

ности и ошибкой вслѣдствіе простодушнаго невѣдѣнія или бѣдности эстетическаго вкуса.

Статья о Пушкинѣ въ изданныхъ нынѣ „Очеркахъ“ есть разборъ „Бориса Годунова“. Какъ же оцѣнилъ Полевой это великое созданіе Пушкина?—А вотъ посмотрите: „Прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ Карамзинскаго Годунова: этимъ словомъ рѣшена участь драмы Пушкина. Ему не пособятъ уже ни его великое дарованіе, ни сила языка, какой онъ обладаетъ“. Теперь ясно и понятно ли, что это за оцѣнка?.. Вотъ, если бы Пушкинъ изобразилъ намъ Годунова съ голоса знаменитой, но недоконченной „Исторіи Русскаго народа“ — тогда его „Борисъ Годуновъ“ былъ бы хоть куда и даже удостоился бы очень лестныхъ похвалъ со стороны „Московского Телеграфа“... Вообще Полевой очень не благоволитъ къ Карамзину. Ему даже не нравится слогъ „Исторіи Россійскаго Государства“ — эта дивная рѣзба на мѣди и мраморѣ, которой не сгложетъ ни время, ни зависть, и подобную которой можно видѣть только въ историческомъ опытѣ Пушкина: „Исторія Пугачевского Бунта“. Уже только похвалить Карамзина — значитъ попасть подъ опалу Полевого. За что такое неблаговоленіе? — За то, что Карамзинъ своими идеями принадлежалъ къ тому времени, въ которое родился и воспитался, а не къ тому, въ которое умеръ; забавное обвиненіе! Не знаемъ, потому ли, что мы не доросли до „высшихъ взглядовъ“ Полевого, или потому, что переросли ихъ, но только мы видимъ въ Карамзинѣ писателя, оказавшаго великія и безсмертныя услуги своему отечеству,—писателя, который выразилъ духъ своего времени, но не заднимъ числомъ, а показавъ его своимъ современникамъ какъ новое для нихъ время; а въ Полевомъ видимъ дѣятельнаго писателя, обладаемаго больше тревогой, чѣмъ вдохновеніемъ, за все бравшагося и ничего некончившаго, разрушившаго многія старыя предубѣжденія и не сказавшаго ничего новаго, оказавшаго большія заслуги отрицательно и никакихъ положительно, наконецъ критика, который, думая идти наравнѣ съ вѣкомъ, шель только наравнѣ съ толпой: толпа хвалила Пушкина—и онъ хвалилъ его; толпа охладѣла къ Пушкину—и онъ охладѣлъ къ нему; смерть Пушкина по-

разила общее вниманіе — и Полевой явился въ „Библіотекѣ для Чтенія“ съ статьей о Пушкинѣ, въ которой много наговорилъ общихъ риторическихъ мѣстъ о поэтѣ и человѣкѣ, а ровно ничего не сказалъ о Пушкинѣ...

Да, Полевой опоздалъ для Пушкина: удивительно ли, что Гоголь для него — темна вода въ облацѣхъ?... Всему свое время и своя чреда, — и счастливъ тотъ, кто, во-время начавъ, умѣлъ и во-время кончить!...

Пропускаемъ статьи, неотносящіяся къ искусству, и укажемъ на послѣднюю въ I-й части „Очерковъ“ — разборъ „Двумужницы“ кн. Шаховского. Кто помнитъ этотъ разборъ, тотъ знаетъ, что Полевой судилъ заслуженнаго нашего драматурга за „Двумужницу“, какъ за уголовное преступленіе противъ искусства, что онъ даже передразнилъ его, тутъ же написавъ злую пародію на его пьесу. Конечно пьеса кн. Шаховского — произведеніе не художественное, не превосходное, но и не безъ достоинствъ, а главное — она рѣшительно выше всѣхъ опытовъ Полевого въ драматической поэзіи, начиная отъ его Дюсисовской передѣлки Шекспирова „Гамлета“ и оригинальной трагедіи „Уголино“ до „Ужаснаго Незнакомца“, не имѣвашаго никакого успѣха на сценѣ. Какъ помирить это противорѣчіе?... Мы жалѣемъ, что Полевой за критикой „Двумужницы“ не помѣстилъ тотчасъ своего письма къ Булгарину („Сынъ Отечества“, 1839, № IV), въ которомъ онъ высказалъ свои понятія о драматической поэзіи и о своихъ трудахъ по этой части. Не знаемъ, какъ сообразить и согласить взглядъ его на произведеніе князя Шаховского и на его собственные созданія въ драматическомъ родѣ!... Взглянемъ на это письмо, чтобы поправить упущеніе Полевого, не напечатаннаго его рядомъ съ критикой „Двумужницы“. Это тѣмъ болѣе необходимо для насъ, что можетъ быть окончательной оцѣнкой Полевого, какъ критика, и окончательнымъ разборомъ его критическихъ основаній.

Поводомъ къ этому письму Полевого къ Булгарину былъ разборъ какого-то драматическаго отрывка Полевого, написанный Булгаринымъ, который между прочимъ очень дѣльно, основательно и безпристрастно опредѣляетъ литературную дѣятельность Полевого слѣдующимъ образомъ:

„Почтенный Н. А. Полевой пишетъ, какъ говорятъ, полосами. О чемъ рѣчь въ публикѣ, за то принимается почтенный Н. А. Полевой. Была эпоха журналовъ—Н. А. издавалъ журналъ; была мода на Шеллингову философію и политическую экономію—онъ писалъ о философіи и политической экономіи. Настала мода на романы—онъ сталъ писать романы. Альманахи ввели въ моду оригинальныя повѣсти—Н. А. Полевой сталъ писать повѣсти. Заговорили объ исторіи—вотъ есть и исторія; наконецъ вкусъ высшаго сословія и публики явно обратился къ театру, и Н. А. Полевой пишетъ трагедіи, драмы, драматическія представленія, драматическія были и водевили. Пишетъ онъ такъ много, что мы не можемъ постигнуть, когда онъ выбираетъ время, чтобы читать и учиться: Н. А. Полевой человѣкъ умный и *удивительно смысленный*. Онъ не можетъ написать ничего рѣшительно дурного, а между тѣмъ написалъ онъ много хорошаго. Что онъ ни напишетъ, во всемъ пробивается то талантъ, то смѣтливость, то ловкое подражаніе, и все *приноровлено къ понятіямъ большинства*“.

Эта безпристрастная и вѣрная оцѣнка, съ которой мы вполне согласны, какъ-будто бы она была произнесена самими нами, заключается такъ:

„Невозможно быть безпристрастнѣ насъ къ Н. А. Полевому, и, *не взирая на прошедшее*, мы всегда отдаемъ справедливость его таланту, уму, трудолюбію, а болѣе всего *его смѣтливости, въ которой онъ не имѣетъ равнаго въ нашей литературѣ*.“

Не будемъ разбирать всѣхъ возраженій Полевого, написанныхъ въ отвѣтъ на это безпристрастное и вѣрное мнѣніе о немъ Булгарина, но обратимъ вниманіе только на два, въ которыхъ самымъ рѣзкимъ образомъ выразились понятія Полевого о наукѣ и искусствѣ. Полевой, доказывая, что онъ шелъ не за другими, а впереди другихъ, такъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ философіи и политической экономіи: „Я усердно споспѣшествовалъ той и другой наукѣ, ознакомившись съ ними при самомъ началѣ моего литературнаго поприща, и не только не отвергаюсь ихъ теперь, но увѣренъ, что для прочнаго образованія, какого угодно, обѣ науки должны быть положены краеугольнымъ камнемъ въ основаніи: одна—какъ зерно всѣхъ идей человѣческихъ, другая—какъ важнѣйшее дополненіе исторіи, какъ необходимое знаніе въ практической жизни, которымъ разрѣшаются важнѣйшіе вопросы общественные“. Какая поверхностность и сколько сбивчивости, противорѣчій и ложности въ этихъ немногихъ стро-

кахъ! Когда и чѣмъ споспѣшествовалъ Полевой успѣхамъ философіи? и какъ онъ могъ споспѣшествовать ей, не зная ея, но повторяя о ней фразы, взятые на выдержку изъ французскихъ журналовъ! Онъ говоритъ, что ознакомился съ ней при самомъ началѣ своего литературнаго поприща: это, вѣрно, передъ изданіемъ „Московского Телеграфа!“ Вотъ что значитъ заблаговременно запастись нужнымъ матеріаломъ! По мы этому рѣшительно не вѣримъ; потому что философіей нельзя заниматься только въ извѣстное время и къ извѣстному сроку; должно посвятить ей всю жизнь свою или совсѣмъ за нее не браться; философію можно изучать, но нельзя ее выучить, ибо философія есть не только зерно, какъ говоритъ Полевой, но развитіе идей, какъ разумно-необходимой возможности всего сущаго, ставшаго явленіемъ въ природѣ и въ исторіи; сознаніе той сферы сверхъ—чувственного и сверхъ—опытнаго, гдѣ бытіе равно небытію, возможность равна явленію... Кто началъ изучать философію, тотъ никогда не остановится въ этомъ изученіи: иначе никогда не сниметъ съ дѣйствительности таинственного покрывала Изида. Поэтому ничего нѣтъ забавнѣе тѣхъ господъ, которые, вмѣсто: „я изучилъ Шеллинга“, говорятъ: „я прочелъ Шеллинга“, или которые говорятъ: „я знаю философію и могу говорить о ней, потому что тогда-то учился ей“. Первые изъ этихъ господъ, т.-е. тѣ, которые не изучаютъ, а перелистываютъ Шеллинга, похожи на дѣтей, для которыхъ сѣсть верхомъ на палочку и скакать на лошади — все равно, и которыя, сѣвъ верхомъ на палочку, легко могутъ увѣрить себя, что они стремяглавъ несутся на рыномъ конѣ. Вторые изъ этихъ господъ похожи на какого-нибудь Кутейкина, который, вспомнивъ оное блаженное время, когда онъ, убоясь бездны премурости, возвратился вспять, говоритъ съ полнымъ убѣжденіемъ: „я твердо выучилъ философію—инда и теперь помню“. Потомъ, скажите, Бога ради, какимъ образомъ политическая экономія стала объ-руку съ философіей -- наукой наукъ,—какъ равное ей знаніе? Если политическая экономія есть наука, а не опытное знаніе, то она должна только основываться на философіи, занимая свое мѣсто въ энциклопедіи философіи, но отнюдь не тягаться въ равенствѣ съ ней.

Кто листъ противопоставляетъ дереву, окошко или печную трубу—зданію, особенно, если это дерево—кедръ и это зданіе—храмъ?... А что такое значитъ фраза Полевого, что „политическая экономія есть важнѣйшее дополненіе исторіи?“ Теорія развитія народнаго богатства, безъ сомнѣнія, должна занимать и интересовать историка, какъ одна изъ многихъ сторонъ его предмета, но чтобы политическая экономія была какимъ-то дополненіемъ исторіи—это такъ непонятно, что, для уразумѣнія подобной загадки надо перелистовать Шеллинга и выучить философію... Изъ этого можно видѣть, что Полевой не только глубоко знаетъ философію и политическую экономію, но и дѣйствительно много споспѣшествовалъ ихъ успѣхамъ въ нашемъ отечествѣ...

Теперь бросимъ взглядъ на понятіе Полевого о драматической поэзи.

„Въ то же грустное время жизни, когда я сочинялъ „Аббадонну“, Шекспиръ, *старый другъ мой, соблазнилъ меня* переводить „Гамлета“ и привести притомъ въ исполненіе мысль мою о сценической передачѣ его твореній. Публика лучше журналистовъ и теоретиковъ поняла дѣло, и это рѣшило меня на драматическій опытъ еще, а потомъ на другой и на третій опытъ.“

Эти немногія строки многимъ радуютъ душу читателя—и тѣмъ, что Шекспиръ другъ Полевому, и тѣмъ, что Полевой хочетъ передать на русскій языкъ всѣ произведенія своего друга; но гдѣ же доказательства того, что публика поняла дѣло? неужели въ томъ, что она вызвала переводчика, какъ она вызываетъ всѣхъ передѣльвателей французскихъ водевилей? или въ томъ, что, восхищенная игрой Мочалова и Каратыгина, часто смотрѣла на нихъ въ роли Гамлета, несмотря на искаженный и облизанный переводъ, крайне-дурную постановку и выполненіе пьесы?.. Потомъ, какое отношеніе имѣютъ къ переводу драмы Шекспира и собственныя театральныя издѣлія Полевого? Неужели и то, и другое—драматическій опытъ? Какъ? „Гамлетъ“ Шекспира—и „Уголино“ и „Ужасный Незнакомецъ“ Полевого—драматическіе опыты?.. Какъ?.. Но... Извините, мы и забыли, что Полевой съ Шекспиромъ за-просто—свои люди, сочтутся сами; а наше дѣло—сторона...

„Не буду пересказывать здѣсь исторію *драмы* и *сцены* и думаю, вы согласитесь безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, что нашъ вѣкъ не сыскалъ еще современной ему драмы...“

Каково предложеніе? Согласиться, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, что нашъ вѣкъ не сыскалъ еще современной драмы и перебивается чужой? Не все ли это равно, что попросить кого-нибудь согласиться, что дважды два—пять, а не четыре?.. Въ XIX вѣкѣ знаменитѣйшія драмы — Шиллера и Гёте. Дѣло ясно: если эти драмы художественны, то зачѣмъ же ему, нашему вѣку, мимо драмъ, которыя у него есть, искать драмъ, которыхъ у него нѣтъ? Отъ добра добра не ищутъ, говоритъ мудрая русская поговорка. Если же драмы Шиллера и Гёте не художественны, а другихъ художественныхъ не является,—значитъ, ихъ нѣтъ, а „на нѣтъ и суда нѣтъ“, говоритъ другая мудрая русская поговорка. Не смѣшно ли искать того, чего нѣтъ?..

„... а русская словесность и сцена еще менѣе сыскала ее. Какая должна быть *современная* драма? Какая должна быть драма у каждаго народа? И даже должна-ли быть отдѣльная драма русская, французская, нѣмецкая?“

Что за глубокіе вопросы! на днѣ ихъ и свѣта не видно!.. Русская сцена нашла современную драму-комедію отчасти въ „Горе отъ ума“ Грибоѣдова и выполнѣ въ „Ревизорѣ“ Гоголя. Конечно это еще одна сторона сцены, и этого еще немного; но вопросъ не въ количествѣ, а въ сущности, въ перво-образѣ предмета. Русская же словесность нашла свою современную драму отчасти въ „Горе отъ ума“ Грибоѣдова и выполнѣ въ „Борисѣ Годуновѣ“, въ „Сальери и Моцартѣ“, „Скупомъ Рыцарѣ“, въ „Русалкѣ“, въ „Каменномъ Гостѣ“ Пушкина и въ „Ревизорѣ“ Гоголя. „Какая должна быть современная драма?“ спрашиваетъ Полевой: вотъ предостолобезный вопросъ! Право, подобные вопросы напоминаютъ нѣжныхъ супруговъ, которые до слезъ спорятъ—одинъ, что у нихъ родится сынъ, а другая, что у нихъ родится дочь... Такія вещи не выводятся а priori, и стремленіе выводить ихъ, равно какъ и историческіе факты въ будущемъ,—не философія, а философическое пересыпаніе изъ пустого въ порож-

нее. У отца есть сынъ—и онъ можетъ сказать, каковы наружность и характеръ его сына; но если этотъ сынъ его ожидается, то и всѣ вопросы о его наружности и характерѣ будутъ походить на вопросъ: „какова должна быть русская драма?“. Если поименованныя нами драматическія произведенія Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя Полевой почитаетъ художественными, то онъ уже долженъ знать, какова должна быть русская драма; если же онъ не признаетъ ихъ художественными, то всѣ его усилія рѣшить этотъ вопросъ будутъ походить на усилія челоѣка, который желаетъ разгадать, что будетъ находиться черезъ пять тысячъ лѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ его домъ. Въ мышленіи немаловажная задача опредѣлить—что можетъ и что не можетъ быть мыслимо. Что же касается до вопроса, должна ли быть отдѣльная драма, русская, французская, нѣмецкая,—мы можемъ утвердительно отвѣчать Полевому на этотъ важный и глубокій вопросъ: должна, непременно должна... еще разъ, тысячу, миллионъ разъ—должна, но должна съ условіемъ, чтобы прежде, нежели быть русской, французской или нѣмецкой драмой,—быть художественной драмой. Послѣднее условіе гораздо важнѣе перваго: если соблюдено это послѣднее, то первое, безъ всякихъ условій и хлопотъ со стороны поэта, исполняется само собой. Если „Борисъ Годуновъ“ Пушкина не художественная драма, то она и не русская, и никакая драма; а если художественная, то необходимо и русская, потому что написана русскимъ поэтомъ, на русскомъ языкѣ, да и самое содержаніе ея взято изъ русской исторіи.

„Я увѣренъ, что современная намъ драма не осуществлена ни французскими классиками и романтиками, ни германской драмой Гёте, Шиллера, Вернера, Грильпарцера, Мюльнера, и что Шекспиръ *цѣликомъ* такъ же не современная наша драма, какъ *цѣликомъ* Кальдеронъ, Софокль и Корнель. Далѣе идетъ другой рядъ вопросовъ о соглашеніи *нашей драмы*, сообразной нравамъ, понятіямъ, образованію, съ идеей *современной драмы вообще*. Наконецъ, третій рядъ вопросовъ о примиреніи *сцены съ драмой или теоріи съ практикой*.“

Превосходно! Во первыхъ, что за чудное смѣшеніе именъ: Гёте и Шекспиръ перемѣшаны съ Грильпарцерами, Вернерами и Мюльнерами; Кальдеронъ и Софокль—съ Корнелемъ;

о французскихъ классикахъ и романтикахъ говорится вмѣстѣ съ Гёте, Шекспиромъ и Софокломъ! Далѣе, каковы понятія объ органической цѣлости и художественной замкнутости изящныхъ произведеній: Шекспиръ и Софокль *цѣликомъ* не годятся, а ихъ надо облизывать и уродывать или по крайней мѣрѣ передѣлывать, какъ напр. передѣланъ „Гамлетъ“ Дюсисомъ и Сумароковымъ, Висковатовымъ и Полевымъ!.. Второго и третьяго рода вопросовъ мы совершенно не понимаемъ, какъ будто бы они были изложены на китайскомъ языкѣ. „Все это вопросы важные, и можетъ-быть, да и кажется навѣрное, мы умремъ, не рѣшивши ихъ“ — заключаетъ Полевой. Жаль, очень жаль! А вопросы дѣйствительно важные — право-съ! Бога ради, рѣшайте ихъ поскорѣе, г. Полевой! Вѣдь вы ихъ сочинили, вы ихъ и рѣшайте, а наше дѣло — сторона.

И Полевой рѣшаетъ:

„Но что же намъ дѣлать: сложить руки и сидѣть? Нѣтъ, надобно начать рѣшеніе, положить отъ себя нѣсколько данныхъ, къ которымъ потомъ приложить еще. Начать рѣшеніе должно *думая теоретически и дѣлая практически*..“

Видите-ли: ларчикъ просто открывался! У насъ нѣтъ драмы, такъ сдѣлаемъ драму, вмѣсто того чтобы сидѣть сложа руки. Положимъ, что теперь зима и на дворѣ свирѣпствуютъ морозы, а намъ нужно, чтобы у насъ цвѣли розы. Но розы въ это время не цвѣтутъ; что-жъ! еще не большое горе: вмѣсто того чтобы сидѣть сложа руки, мы пошлемъ въ магазинъ, гдѣ дѣлаютъ изъ тканей какіе угодно цвѣты и розы; вотъ мы и съ розами, да еще съ такими, которыя никогда не увядаютъ, а развѣ только рвутся и пачкаются. Каковы понятія о творящей силѣ природы! нѣтъ ароматическооой красавицы, пышной царицы садовъ — сдѣлаемъ ее изъ тряпокъ!.. Каковы понятія о творящей силѣ художественнаго духа: у насъ нѣтъ драмъ Шекспира, — такъ есть драмы друга его, Полевого!...

„Примемъ за опыты: одна теорія недостаточна нигдѣ — въ этомъ я увѣренъ, а одной практики также мало. Думать о драмѣ и сценѣ имѣлъ я время, принимаясь за ихъ практику на *сороковомъ* году отъ рожденія, изучивъ предварительно исторію ихъ у всѣхъ народовъ.“

Ну, господа, давайте, примемся всѣ за работу, а чтобы она шла успѣшнѣе раздѣлимся на двѣ половины: одна будетъ дѣлать теорію лучшаго сорта... другая—самыя отличнѣйшія драмы, то есть практику-съ. Хорошо; но вотъ условіе *sine qua non*: кто нѣ имѣлъ счастья дожить до полныхъ сорока лѣтъ, того мы не примемъ въ члены нашей драматической фабрики. Пусть это будетъ напоминать злую сатирическую статейку Полевого „Общество беззубыхъ Литераторовъ“; но что до этого! Конечно оно будетъ немножко смѣшно, но зато очень полезно: у насъ будетъ теорія и практика... Не пугайтесь также необходимости предварительнаго изученія драмы у всѣхъ народовъ: дѣло не такъ, страшно, какъ кажется. Можетъ быть вы слишкомъ добросовѣстны, и вамъ кажется недостаточнымъ всей жизни для свершенія подобнаго подвига: увѣряю васъ, что это излишняя робость. Научитесь изъ примѣра Полевого, что подобный подвигъ можно совершить между другими гораздо важнѣйшими дѣлами, какъ-то: изученіемъ философіи Шеллинга, политической экономіи, изученіемъ всѣхъ литературъ въ мірѣ, изданіемъ журнала, сочиненіемъ разныхъ исторій въ нѣсколькихъ томахъ, сочиненіемъ нѣсколькихъ романовъ, множества повѣстей, безчисленнаго множества журнальныхъ статей. Для этого даже не нужно ни глубокаго эстетическаго чувства, ни глубокихъ познаній, ни даже какихъ-нибудь понятій объ искусствѣ: гораздо нужнѣе всего этого отвага и самоувѣренность...

„И все, что до сихъ поръ отдано мною на сцену, я не считаю ни чѣмъ другимъ, какъ только *добровольными* опытами, игрой *va banque* на мою литературную извѣстность. Не мнѣ судить себя, но, признаюсь, не могу не порадоваться нѣкоторымъ успѣхамъ моихъ опытовъ, хотя приписываю ихъ снисхожденію публики только за *искренность* трудовъ моихъ, которую она вполне оцѣняетъ и которая можетъ многое замѣнить въ писателѣ (умѣренность и аккуратность!). Опыты мои были разнообразны: въ „Уголино“ мнѣ *хотѣлось испытать на сценѣ* идею судьбы, ожививъ ее религіознымъ духомъ; въ „Дѣдушкѣ Русскаго Флота“—очеркъ исторической картины и русское народное чувство; въ „Иголкинѣ“—простое изображеніе фанатическаго чувства любви къ отечеству, безъ всякихъ декорацій сценическихъ; въ „Смерти или Чести“—нѣмецкую *Trauerspiel* и предѣлъ перехода изъ повѣсти въ драму (??!!); въ „Русскомъ Человѣкѣ“—сцену, сведенную на самыя простыя событія и чувства ежедневныя, въ которыхъ многіе не находятъ предмета для художника. Такъ, въ одномъ изъ новыхъ приготовляемыхъ мною для сцены

опытовъ моихъ, подъ названіемъ „Ода Премудрой Царевнѣ Фелицѣ“, мнѣ хотѣлось бы показать *поэтическую сторону прозаической жизни Державина*; въ другомъ—„Еленѣ Глинской“ испытать быть русской старины въ идеалѣ художника (?); въ третьемъ—„Стрѣшневѣ“—простое изображеніе русскаго быта и опытъ на сценѣ языка нашихъ предковъ; въ „Эспаньолетто“ *попытаюсь на сценѣ на изображеніе итальянскихъ страстей*; въ „Прасковѣ Ляпуновой“ *опять (?) коснуться простого изображенія любви дѣтской, которая провела простую дѣвушку изъ снѣговъ Сибири къ Царскому престолу, для испрошенія милости виновному отцу ея.*“

Читаешь—и глазамъ не вѣришь! Точь въ точь, какъ будто читаешь сводъ предисловій Виктора Гюго къ его драмамъ: тутъ я хотѣлъ высказать такую мысль; здѣсь я задалъ себѣ для разрѣшенія такую-то задачу; тамъ хотѣлъ доказать неоспоримость такого-то положенія, — какъ будто поэзія все равно, что математика! какъ будто поэтъ можетъ повелѣвать своимъ вдохновеніемъ!.. Только предисловія Виктора Гюго изложены покрасивѣе въ отношеніи къ языку, если и отличаются такой же мыслительностью... Жаль только, что при этой вѣрной оказіи Полевой не повторилъ, что онъ предпринялъ столько полезныхъ трудовъ изъ глубокаго убѣжденія, что драмы Шиллера и Гёте, ни самаго Шекспира цѣликомъ не годятся для нашего времени, и изъ великодушнаго желанія помочь вѣку въ его горѣ...

И вотъ вамъ сводъ литературныхъ убѣжденій Полевого и его понятія объ его искусствѣ... Удивительно ли, что онъ такъ вѣрно оцѣнилъ Пушкина и такъ хорошо понималъ Гоголя?.. Больше мы ничего не скажемъ и не будемъ выводить заключенія изъ нашей рецензіи, которая, противъ нашей воли, и безъ того вышла слишкомъ длинна. Пусть по тому, что сказали мы, судятъ о томъ, что хотѣли мы сказать; а кому этого мало, то—до слѣдующихъ двухъ томовъ „Очерковъ“ еще будетъ о чемъ поговорить и что сказать, а сказанное пусть приметъ только за предисловіе.

Басни Ивана Крылова. *Въ восьми книгахъ. Сороковая тысяча. Спб. 1840.*

Баснѣ особенно посчастливилось на святой Руси. Отецъ русской литературы, самъ Ломоносовъ, низошелъ съ своего лирико-эпико-драматическаго котурна (прозаически называемаго теперь ходулями), чтобы написать басенку „Волкъ въ пастушьей одеждѣ“. Плодовитая и досужая бездарность Сумарокова наводнила современную ему литературу уродливыми „притчами“. Наконецъ явился талантливый Хемницеръ и написалъ своего превосходнаго „Метафизика“, который и донынѣ, и всегда будетъ превосходенъ, какъ ловко написанная эпиграмма; но мы не знаемъ, можно ли одной эпиграммою, хотя бы и отличной, составить себѣ безсмертіе. Кромѣ „Метафизика“, Хемницеръ написалъ еще басни двѣ или три, отличающіяся хорошимъ, по тогдашнему, языкомъ и какой-то наивной игривостью ума; потомъ сочинилъ еще басни двѣ или три, примѣчательныя тѣми же достоинствами, но уже съ грѣхомъ пополамъ; потомъ еще десятка два или три басенъ, въ которыхъ, кромѣ дурнаго языка и отсутствія таланта, ничего не имѣется. Недавно Хемницеръ какъ-то попалъ въ моду; его стали издавать въ Москвѣ и Петербургѣ. Разумѣется, порядочныхъ изданій было по одному въ обѣихъ столицахъ, и потомъ вышло еще нѣсколько площадныхъ, на оберточной бумагѣ, съ лубочными картинками, изъ типографій Кузнецова и Кирилова. Не помнимъ, къ которому изъ нихъ, впрочемъ кажется къ обоимъ, старые и почтенные литераторы приписали по предисловію, гдѣ изложили кстати біографію Хемницера и вообще разсуждали о немъ съ приличной важностью, словно о какомъ-нибудь Гомерѣ или Шекспирѣ. То же самое учинилъ другой кто-то въ одномъ отставшемъ и мнѣніями, и книжками журналѣ, помѣстивъ цѣлую статью о Хемницерѣ, которую, для пущей важности, назвалъ „критикою“. Что дѣлать? у всякаго свой герой: Гомеръ пѣлъ героя Ахиллеса, а Virgilій—ханжу Энея. Но какъ бы то ни было, а Хемницеръ все-таки удержится въ исторіи нашей литературы, и дѣти никогда не перестанутъ смѣяться отъ его „Метафизика“. Ужъ

за одно то большая ему честь, что съ него началась русская басня. Басни Дмитріева—искусственные цвѣты въ нашей литературѣ. Эти растенія явно пересажены съ родной почвы на чужую и взрощены въ теплицѣ. Въ нихъ блистаетъ салонный умъ XVIII вѣка; въ нихъ языкъ нашъ едѣлалъ значительный шагъ впередъ. Конечно мы ужъ не можемъ восхищаться баснями Дмитріева и даже никогда не чувствуемъ охоты перечестъ ихъ; но съ ними связаны самыя сладостныя воспоминанія о золотой порѣ нашего дѣтства, и наши дѣти, пока будутъ дѣтьми, не перестанутъ ими восхищаться. Нѣкоторые забавники и теперь еще сказки Дмитріева ставятъ выше „Онѣгина“ Пушкина, и мы увѣрены, что многіе старики отъ души соглашались съ этими забавниками. *Suum cuique!*.. Однакожъ басня все-таки многимъ обязана Дмитріеву. — Потомъ писали басни В. Л. Пушкинъ, В. Измайловъ, и нѣкоторые изъ ихъ басенъ не уступаютъ въ достоинствѣ баснямъ Дмитріева. Но выше ихъ обоихъ Александръ Измайловъ, который заслуживаетъ особенное вниманіе по своей оригинальности. Тогда какъ первые подражали Хемницеру и Дмитріеву, онъ создалъ себѣ особый родъ басенъ, герои которыхъ: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофеичъ, сивуха, пиво, паюсная икра, лукъ, соленая севрюжина; мѣсто дѣйствія — изба, кабакъ и харчевня. Хотя многія изъ его басенъ возмущаютъ эстетическое чувство своей тривіальностью, зато нѣкоторыя отличаются истиннымъ талантомъ и плѣняютъ какой-то мужиковатой оригинальностью. Таковы напримѣръ: „Священникъ и крестьянинъ“, „Пьянюшкинъ, отставной квартальный“ и пр. Но лучшее его произведеніе, доставившее ему особенную славу, есть „Павлушка мѣдныйлобъ“. Графъ Хвостовъ и Маздорфъ написали множество басенъ и съ равнымъ успѣхомъ. Послѣдній печаталъ свои басни въ „Вѣстникѣ Европы“, а особо не издалъ. Много можно бы начестъ и еще баснописцевъ, но мы забыли ихъ имена, а справляться некогда, да и не нужно: и безъ того видно, что басня была нѣкогда любимымъ родомъ поэзіи и процвѣтала на Руси преимущественно передъ всѣми родами поэзіи.

Но истиннымъ своимъ торжествомъ на святой Руси басня

обязана Крылову. Онъ одинъ у насъ истинный и великій баснописецъ: всѣ другіе, даже самые талантливые, относятся къ нему, какъ беллетристы къ художнику. Кстати: можетъ-быть многіе спросятъ насъ, что мы понимаемъ подъ словомъ „беллетристика?“ Здѣсь не мѣсто объяснять это, и мы поневолѣ должны отложить объясненія по этому предмету до другого времени, а пока замѣтимъ только, что беллетристика относится къ искусству, какъ статуйки для украшенія каминовъ, столовъ, этажерокъ и оконъ, бюстики Шиллера, Гёте, Пушкина, Вольтера, Жанъ-Жака Руссо, Франклина, Тальйони, Фанни Эльслеръ и проч. относятся къ Аполлону Бельведерскому, Венерѣ Медичейской и другимъ памятникамъ древняго рѣзца, — и какъ эстампы относятся къ оригинальнымъ картинамъ великихъ мастеровъ.

Басня есть поэзія разсудка. Она требуетъ не глубокаго вдохновенія, которое производится внезапнымъ проникновеніемъ въ таинство абсолютной мысли; она требуетъ того одушевленія, которое такъ свойственно людямъ съ тихой и спокойной натурой, съ безпечнымъ и въ то же время наблюдательнымъ характеромъ и которое бываетъ плодомъ природной веселости духа. Содержаніе басни составляетъ житейская, обиходная мудрость, уроки повседневной опытности въ сферѣ семейнаго и общественнаго быта. Иногда басня прямо высказываетъ свою цѣль, но не холоднымъ резонёрствомъ, не бездушными моральными сентенціями, а игривымъ оборотомъ, который обращается въ пословицу, поговорку. Басня не есть аллегорія и не должна быть ею, если она хорошая, поэтическая басня; но она должна быть маленькой повѣстью, драмой, съ лицами и характерами, поэтически очеркнутыми. Самыя олицетворенія въ баснѣ должны быть живыми, поэтическими образами. Такъ, у Крылова всякое животное имѣетъ свой индивидуальный характеръ, — и проказница мартышка, участвуетъ ли она въ квартетѣ, ворочаетъ ли изъ трудолюбія чурбанъ, или примѣриваетъ очки, чтобы умѣть читать книги; и лисица, у него вездѣ хитрая, уклончивая, безсовѣстная и больше похожая на человѣка, чѣмъ на лисицу „съ пушкомъ на рыльцѣ“; и косолапый мишка вездѣ — добродушно-честный, неповоротливо-сильный, левъ — грозно-могучій, величественно-

страшный. Столкновеніе этихъ существъ у Крылова всегда образуетъ маленькую драму, гдѣ каждое лицо существуетъ само по себѣ и само для себя, а всѣ вмѣстѣ образуетъ собой одно общее и цѣлое. Это еще съ большей характерностью, болѣе типически и художественно совершается въ тѣхъ басняхъ, гдѣ героями—толстый откупщикъ, который не знаетъ, куда ему дѣваться отъ скуки съ своими деньгами, и бѣдный, но довольный своей участью сапожникъ; поваръ-резонёръ; недоученый философъ, оставшійся безъ огурцовъ отъ излишней учености; мужики-политики и пр. Тутъ уже настоящая комедія! А между тѣмъ во всемъ явное преобладаніе разсудка и практическаго ума, котораго поэзія въ томъ и состоитъ, чтобы разсыпаться лучами остроумія, сверкать фейерверочнымъ огнемъ шутки и насмѣшки. И, разумѣется, во всемъ этомъ есть своя поэзія, какъ и во всякомъ непосредственномъ, образномъ передаваніи какой-бы то ни было истины, хотя бы и практической. Самыя поговорки и пословицы народные въ этомъ смыслѣ суть поэзія или, лучше сказать,—начало, первый исходный пунктъ поэзіи; а басня въ отношеніи къ поговоркамъ и пословицамъ есть высшій родъ, высшая поэзія или поэзія народныхъ поговорокъ и пословицъ, дошедшая до крайняго своего развитія, дальше котораго она идти не можетъ.

Во времена псевдо-классицизма басню почитали однимъ изъ важнѣйшихъ родовъ поэзіи, и Лафонтена ставили ничуть не ниже Гомера. Изъ басенъ брали въ риторикахъ и пиитикахъ образцы низкаго, средняго и высокаго слога,—брали вѣроятно потому, что тогда вѣрили существованію низкаго, средняго и высокаго слога. Теперь другое время. Однакожь и теперь никто не сомнѣвается, что басня есть поэтическое произведеніе, а баснописецъ—поэтъ, который мѣстами даже можетъ, такъ сказать, выходить изъ ограниченнаго характера басни и впадать въ высшую поэзію, смотря по предметамъ своихъ изображеній. Такъ напримѣръ, сколько идиллической поэзіи въ описаніи пѣсни соловья или въ описаніи бури, которымъ такъ поэтически замыкается басня „Дубъ и Трость“, и которое наши классики съ такой гордостью выставляли въ образецъ высокаго слога. Въ басняхъ Крылова можно найти

еще и лучшіе примѣры поэтической силы и образности въ выраженіяхъ.

Но басни Крылова, кромѣ поэзіи, имѣютъ еще другое достоинство, которое вмѣстѣ съ первымъ заставляетъ забыть, что онѣ—басни, и дѣлаетъ его великимъ русскимъ поэтомъ: мы говоримъ о народности его басенъ. Онѣ вполне исчерпали въ нихъ и вполне выразилъ ими цѣлую сторону русскаго національнаго духа: въ его басняхъ, какъ въ чистомъ, полированномъ зеркалѣ, отражается русскій практическій умъ, съ его кажущейся неповоротливостью, но и съ острыми зубами, которые больно кусаются; съ его смѣтливостью, остротой и добродушно-саркастической насмѣшливостью; съ его природной вѣрностью взгляда на предметы и способностью коротко, ясно и вмѣстѣ кудряво выражаться. Въ нихъ вся житейская мудрость, плодъ практической опытности, и своей собственной, и завѣщанной отцами изъ рода въ родъ. И все это выражено въ такихъ оригинально-русскихъ, непередаваемыхъ ни на какой языкъ въ мірѣ образахъ и оборотахъ, все это представляетъ собой такое неисчерпаемое богатство идіомовъ, руссизмовъ, составляющихъ народную фізіономію языка, его оригинальныя средства и самобытное, самородное богатство, — что самъ Пушкинъ не полонъ безъ Крылова въ этомъ отношеніи. О естественности, простотѣ и разговорной легкости его языка нечего и говорить. Языкъ басенъ Крылова есть прототипъ языка „Горя отъ ума“ Грибоѣдова, — и можно думать, что еслибы Крыловъ явился въ наше время, онъ былъ бы творцомъ русской комедіи и по количеству не меньше, а по качеству больше Скриба обогатилъ бы литературу превосходными произведеніями вродѣ легкой комедіи. Хотя онѣ и брали содержаніе нѣкоторыхъ своихъ басенъ изъ Лафонтена, но переводчикомъ его назвать нельзя: его исключительно русская натура все перерабатывала въ русскія формы и все проводила черезъ русскій духъ. Честь, слава и гордость нашей литературы, онѣ имѣетъ право сказать: „Я знаю Русь и Русь меня знаетъ“, хотя никогда не говорилъ и не говоритъ этого. Въ его духѣ выразилась сторона духа цѣлаго народа; въ его жизни выразилась сторона жизни миллионовъ. И вотъ почему еще при жизни его выходитъ сороковая тысяча экземпляровъ

его басенъ, и вотъ за что со временемъ каждое изъ многочисленныхъ изданій его басенъ будетъ состоять изъ десятковъ тысячъ экземпляровъ. Вотъ и причина, почему всѣ другіе баснописцы, вначалѣ пользовавшіеся не меньшей извѣстностью, теперь забыты, а нѣкоторые даже пережили свою славу. Слава же Крылова все будетъ расти и пышнѣе расцвѣтаетъ до тѣхъ поръ, пока не умолкнетъ звучный и богатый языкъ въ устахъ великаго и могучаго народа русскаго. Нѣтъ нужды говорить о великой важности басенъ Крылова для воспитанія дѣтей; дѣти безсознательно и непосредственно напиваются изъ нихъ русскимъ духомъ, овладѣваютъ русскимъ языкомъ и обогащаются прекрасными впечатлѣніями почти единственно доступной для нихъ поэзіи. Но Крыловъ-поэтъ не для однихъ дѣтей: съ книгой его басенъ невольно забудется и взрослый и снова перечтетъ ужъ читанное имъ тысячу разъ.

Теперь объ изданіи сороковой тысячи. Оно опрятно и украшено портретомъ автора, виньеткой, прекрасно сдѣланными, и двадцатью-четырьмя превосходными политипажами. Можетъ-быть многимъ странно покажется, что изъ трехъ-сотъ-семи басенъ только къ двадцати-четыремъ приложены политипажи. Эти картинки взяты съ великолѣпнаго парижскаго изданія: оттого и лица на нихъ, и костюмы явно иностранные, а на нѣкоторыхъ замѣтите вы французскія надписи, которыя издатель не догадался стереть. Разумѣется, что политипажи приложены только къ тѣмъ баснямъ, которыхъ содержаніе или взято изъ басенъ Лафонтена, или сходно съ ними; но какъ-то дико видѣть при русскихъ, при Крыловскихъ басняхъ эти нѣмецкія лица и костюмы. А политипажи при басняхъ Лафонтена превосходны; не говоря уже о чудесной работѣ, какая прекрасная мысль—одѣть животныхъ въ платья и сдѣлать въ нихъ что-то среднее между мордой животнаго и лицомъ человѣческимъ. Вотъ хоть этотъ толстый господинъ въ сюртукѣ, съ бычьей фізіономіей и рогами, который такъ гордо смотритъ на низенькаго франта во фракѣ съ лягушечьей мордой, брюхомъ и тоненькими ножками; франтъ закинувъ голову, надувается, чтобы сравняться въ ростѣ и въ дородности съ толстымъ господиномъ-быкомъ! Въ изобрѣтеніяхъ такого рода французскій геній торжествуетъ: никто лучше француза не

сочинить карикатуры, виньетки, гротеска какого-нибудь; никто лучше француза не придастъ этой бездѣлкѣ столько ума, граціи, жизни. У насъ есть и свои художники съ дарованіемъ—и при этомъ мы невольно вспомнили объ очеркахъ Сапожникова къ извѣстному изданію басенъ Крылова in-quarto: сколько въ этихъ очеркахъ таланта, оригинальности, жизни! какой русскій колоритъ въ каждой чертѣ! И что же?—Нашимъ художникамъ пока еще нечего дѣлать: во-первыхъ, у насъ нѣтъ хорошихъ гравировщиковъ, и мы по необходимости посылаемъ въ Лондонъ собственные рисунки, а во-вторыхъ, наша публика мало читаетъ русскія книги и еще меньше покупаетъ ихъ. Къ этому присоединяется излишняя довѣрчивость ко всему иностранному, излишняя недоовѣрчивость ко всему русскому—и, надо сказать, то и другое не всегда бываетъ безъ основанія. У насъ вообще никто еще не приучился хорошо дѣлать и при средствахъ. Напримѣръ, какія огромныя средства даны были для изданія Пушкина, и что же? Пушкинъ дурно напечатанъ, на оберточной бумагѣ, съ страшными опечатками, съ выпускомъ важныхъ пьесъ (напримѣръ „Демона“, „Къ Мороею“), съ ложнымъ размѣщеніемъ по родамъ; пущенъ по неимовѣрно-высокой и нисколько не соотвѣтственной съ безобразіемъ изданія цѣнѣ, и притомъ безъ цѣлой трети сочиненій Пушкина, за которыя надо платить новыя деньги, и которыхъ, Богъ знаетъ, когда дождется наша публика! Вотъ и еще новый, и притомъ самый свѣжій примѣръ сказаннаго нами—сороковая тысяча басенъ Крылова: бумага хорошая, печать тоже; портретъ автора, виньетка, полиטיפажи, хотъ и чужіе, но цѣна умѣренная (5 р. асс.): видно, что у издателя были средства, и онъ не щадилъ ихъ; но что за безвкусіе!—поля узенькія, шрифтъ черезчуръ крупенъ; и что за аккуратность!—просмотрите басню „Скупой“, и вы прочтете въ концѣ 256 страницы слѣдующіе четыре стиха:

Такъ на прощанье, въ знакъ пріязни,
Мои сокровища принять не откажись!

Такъ на прощанье, въ знакъ пріязни,
Мои сокровища принять не откажись?

Два стиха повторены! Боже мой! кому поручаютъ издатели смотрѣніе за своими изданіями!..

Собрание стихотворений Ивана Козлова. *Третье издание. Спб. 1840. Две части.*

Странное зрѣлище представляетъ собой наша литература. Не годами, а цѣлыми вѣками, и не чертой, а цѣлымъ океаномъ пространства отдѣлены мы, люди новѣйшаго поколѣнія, отъ интересовъ, понятій, чувствъ, самыхъ формъ, которыя на примѣръ видимъ—не говоримъ въ сочиненіяхъ Державина, нѣтъ—въ сочиненіяхъ самого Карамзина, а между тѣмъ Карамзинъ умеръ въ 1826 году, слѣдовательно назадъ тому какихъ-нибудь 14 лѣтъ, и едва-ли прошло 50 лѣтъ, какъ Карамзинъ началъ сближать съ Европой и преобразовывать нашу литературу, нашъ языкъ, словомъ, созидать литературу и публику!.. Двадцатые годы текущаго вѣка ознаменовались сильнымъ движеніемъ въ нашей литературѣ: явился Пушкинъ съ дружиной молодыхъ замѣчательныхъ талантовъ,—и вотъ мы, вскормленные и взлелѣянные ихъ звуками, не прошли можетъ быть еще и половины дороги своей жизни, а ужъ нѣтъ и Пушкина, нѣтъ и многихъ изъ его сподвижниковъ! И такъ, мы дѣтми встрѣтили новый и самый цвѣтущій періодъ нашей литературы и юношами проводили его до могилы... А сколько утратъ понесла наша литература въ лицѣ ея представителей, похищенныхъ смертью, большей частью безвременной! Четвертое десятилѣтіе текущаго вѣка было особенно трудной годиною для нашей литературы: Мерзляковъ, Гнѣдичъ, Дельвигъ, Пушкинъ, Полежаевъ, Марлинскій, Дмитріевъ, Давыдовъ умерли въ продолженіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ. За исключеніемъ Дмитріева, умершаго въ полнотѣ лѣтъ, вполне совершившаго свое призваніе, другіе умерли, еще не сдѣлавъ всего, чего можно было ожидать отъ ихъ дарованій, какъ напр. Мерзляковъ и Гнѣдичъ; Марлинскій умеръ рано для своихъ многочисленныхъ почитателей, но въ самую пору, чтобъ не видѣть паденія свой славы; остальные слишкомъ рано умерли и для себя, и для публики... И между ними—онъ, который одинъ могъ составить эпоху во всякой литературѣ; — онъ, еще только вполне со-

зрѣвшій для великихъ созданій, хотя уже и много создавшій великаго и безсмертнаго... Увы!

Сколькохъ добрыхъ жизнь поблекла!
Сколько низкихъ рокъ щадить!..
Нѣтъ Великаго Патрокла:
Живъ презрительный Терситъ.

Миръ тебѣ во тьмѣ Эреба!
Жизнь твою не врагъ пожалъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва!

Слава дней твоихъ нетлѣнныхъ;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

Козловъ былъ послѣдней жертвой смертоноснаго для нашей литературы десятилѣтія. Но его смерть не могла быть для насъ поразительна: онъ уже сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, и выпилъ до дна всю чашу страданія: смерть была для него успокоеніемъ. Нашъ долгъ теперь — оцѣнить его подвигъ, указать мѣсто, которое должно занимать его имя на страницахъ исторіи русской литературы.

Слава Козлова была создана его „Чернецомъ“. Нѣсколько лѣтъ эта поэма ходила въ рукописи по всей Россіи прежде, чѣмъ была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слезъ съ прекрасныхъ глазъ; ее знали наизусть и мужчины. „Чернецъ“ возбуждалъ въ публикѣ не меньшій интересъ, какъ и первыя поэмы Пушкина, съ той разницею, что его совершенно понимали: онъ былъ въ уровень со всѣми натурами, всѣми чувствами и понятіями, былъ по плечу всякому образованію. Это второй примѣръ въ нашей литературѣ послѣ „Бѣдной Лизы“ Карамзина. „Чернецъ“ былъ для двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія тѣмъ же самымъ, чѣмъ была „Бѣдная Лиза“ для пятидесятихъ годовъ прошедшаго и первыхъ нынѣшняго вѣка. Каждое изъ этихъ произведеній прибавило много единицъ къ суммѣ читающей публики и пробудило не одну душу, дремавшую въ прозѣ положительной жизни. Блестящій успѣхъ при самомъ появленіи и ихъ скорый кснецъ — совершенно одинаковы: ибо, повторяемъ, оба

эти произведенія совершенно одного рода и одинаковаго достоинства: вся разница во времени ихъ явленія, и въ этомъ отношеніи „Чернецъ“, разумѣется, гораздо выше. Содержаніе „Чернеца“ напоминаетъ собой содержаніе Байрона „Джяура“: есть общее между ними и въ самомъ изложеніи. Но это сходство чисто внѣшнее: „Джяуръ“ не отражается въ „Чернецѣ“ даже и какъ солнце въ малой каплѣ воды, хотя „Чернецъ“ и есть явное подраженіе „Джяуру“. Причина этого заключается сколько въ степени талантовъ обоихъ пѣвцовъ, столько и въ разности ихъ духовныхъ натуръ. „Чернецъ“ полонъ чувства, насквозь проникнутъ чувствомъ—и вотъ причина его огромнаго, хотя и мгновеннаго успѣха. Но это чувство только тепло, не глубоко, не сильно, не всеобъемлюще. Страданія чернеца возбуждаютъ въ насъ состраданіе къ нему, и его терпѣніе привлекаетъ къ нему наше расположеніе, но не больше. Покорность волѣ Провидѣнія (resignation) — великое явленіе въ сферѣ духа; но есть безконечная разница между самоотреченіемъ голубя, по натурѣ своей неспособнаго къ отчаянію, и между самоотреченіемъ льва, по натурѣ своей способнаго пасть жертвой собственныхъ силъ: самоотреченіе перваго только неизбѣжное слѣдствіе несчастья, но самоотреченіе второго—великая побѣда, свѣтлое торжество духа надъ страстями, разумности надъ чувственностью. Вотъ почему даже лютое отчаяніе, если оно является въ формѣ несокрушимой силы духа, горделиво и презрительно несущей свое несчастье,—въ тысячу разъ сильнѣе и обаятельнѣе дѣйствуетъ на нашу душу, чѣмъ безсильное смиреніе, тихо льющее сладкія слезы примиренія. Примиреніе — самый торжественный актъ духа, но только тогда, когда онъ совершенно свободенъ и совершается собственной силой человѣка. Глубокъ и великъ тотъ, въ комъ лежитъ возможность не одного примиренія, но и вѣчнаго разрыва съ общимъ, возможность несокрушимой гордыни и самаго паденія духа, оскорбленнаго противорѣчіемъ жизни.

Тѣмъ не менѣе страданія чернеца, высказанныя прекрасными стихами, дышащими теплотой чувства, плѣнили публику и возложили миртовый вѣнокъ на голову слѣпца-поэта. Собственное положеніе автора еще болѣе возвысило цѣну этого

произведенія. Онъ самъ особенно любилъ его передъ всѣми своими созданіями, какъ это видно изъ его поэтической исповѣди, предшествующей поэмѣ:

О, сколько разъ я плакалъ надъ струнами,
Когда я пѣлъ страданья чернеца,
И скорбь души, обманутой мечтами,
И пылъ страстей, волнующихъ сердца!
Моя душа сжилась съ его душою:
Я съ нимъ бродилъ во тьмѣ чужихъ лѣсовъ,
Съ его родныхъ днѣпровскихъ береговъ
Мнѣ вѣяло знакомою тоскою.
Быть можетъ мнѣ-такъ сладко не мечтать!
Быть можетъ мнѣ такъ стройно не пѣвать!

И въ самомъ дѣлѣ, двѣ другія поэмы Козлова: „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая“ и „Безумная“ уже далеко не то, что „Чернецъ“. Въ нихъ, особенно въ первой, есть прекрасныя поэтическія мѣста, но въ нихъ нѣтъ никакого содержанія, почему онѣ растянуты и скучны въ цѣломъ. Въ „Безумной“ даже нѣтъ никакой истины: героиня — нѣмка въ овчинномъ тулупѣ, а не русская деревенская дѣвка. Кромѣ того обѣ эти поэмы, несмотря на разность содержанія ихъ, суть не что иное, какъ повтореніе „Чернеца“; слова другія, но мотивъ тотъ же, — а одно и то же утомляетъ вниманіе, перестаетъ возбуждать участіе. Вотъ почему двѣ послѣднія поэмы не имѣли никакого успѣха, тогда какъ успѣхъ „Чернеца“ былъ чрезвычайный. Какъ цѣлое, эта поэма уже нѣма для нашего времени; но многія частности и теперь еще прочтутся съ наслажденіемъ.

Первая часть этого третьяго изданія сочиненій Козлова заключаетъ въ себѣ три его поэмы, о которыхъ мы сейчасъ говорили: извѣстное его посланіе „Къ другу В. А. Ж.“, интересное, какъ поэтическая исповѣдь слѣпца поэта; балладу „Венгерскій Лѣсъ“, Байронову „Абидосскую Невѣсту“, „Крымскіе Сонеты Адама Мицкевича“ и „Сельскій Субботній Вечеръ въ Шотландіи“. Что до баллады — кромѣ хорошихъ стиховъ, она не имѣетъ никакого значенія, ибо принадлежитъ къ тому ложному роду поэзіи, который изобрѣтаетъ небывалую дѣйствительность, выдумываетъ Веледъ, Извѣдовъ, Остановъ, Свѣжановъ, никогда не существовавшихъ, и изъ славянскаго

міра создаетъ нѣмецкую фантастическую балладу. Переводъ „Абидосской Невѣсты“ — весьма замѣчательная попытка; но сжатости, энергіи, молніеносныхъ очерковъ оригинала въ немъ нѣтъ и тѣни. Также замѣчателенъ и переводъ „Крымскихъ Сонетовъ“ Мицкевича; но отношеніе его къ оригиналу точно такое-же, какъ и перевода „Абидосской Невѣсты“ къ ея подлиннику. Одно уже то, что иногда 16-ю, 18-ю и 20-ю стихами переводитъ Козловъ 14 стиховъ Мицкевича, показываетъ, что борьба была неравная. — „Сельскій Субботній Вечеръ въ Шотландіи“ есть не переводъ изъ Борнса, а вольное подражаніе этому поэту. Жаль! потому что эту превосходную пьесу Козловъ могъ-бы перевести превосходно; а какъ подражаніе — она представляетъ собой что-то странное. Не понимаемъ, къ чему послѣ прекраснаго обращенія шотландскаго поэта къ своей родинѣ переводчикъ (въ XIX строфѣ) вдругъ обратился къ Россіи. Положимъ, что его обращеніе полно патріотическаго жара; но умѣстно-ли оно -- вотъ вопросъ! Не смѣшно-ли было бы, еслибъ въ переводѣ „Иліады“ Гнѣдичъ послѣ Гомеровскаго обращенія къ музѣ вдругъ обратился отъ себя съ воззваніемъ напимѣръ къ Хераскову? А жизнь шотландская, представляемая Борнсомъ въ его прекрасной идиліи, столько-же похожа на жизнь нашихъ мужиковъ, бабъ, ребятъ, парней и дѣвокъ, сколько муза Калліопа на Хераскова.

Съ большимъ удовольствіемъ обращаемся ко второй части стихотвореній Козлова. Она вся состоитъ изъ мелкихъ лирическихъ пьесъ и изъ отрывочныхъ переводовъ; но въ нихъ-то поэтическій талантъ Козлова и является съ своей истинной стороны и въ болѣе блестящемъ видѣ. Конечно не всѣ лирическія стихотворенія Козлова равно хороши: на половину наберется посредственныхъ, есть и совершенно неудачныя; даже большая часть лучшихъ — переводы, а не оригинальныя произведенія; наконецъ и изъ самыхъ лучшихъ многія не выдержаны въ цѣломъ и отличаются только поэтическими частностями; но тѣмъ не менѣе самобытность замѣчательнаго таланта Козлова не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Его нельзя отнести къ числу художниковъ: онъ — поэтъ въ душѣ, и его талантъ былъ выраженіемъ его души. Поэтому талантъ

его тѣсно былъ связанъ съ его жизнью. Лучшимъ доказательствомъ этому служить то, что безъ потери зрѣнія Козловъ прожилъ бы весь вѣкъ, не подозрѣвая въ себѣ поэта. Ужасное несчастіе заставило его познакомиться съ самимъ собой, заглянуть въ таинственное святилище души своей и открыть тамъ самородный ключъ поэтическаго вдохновенія. Несчастіе дало ему и содержаніе, и форму, и колоритъ для пѣсенъ, почему всѣ его произведенія однообразны, всѣ на одинъ тонъ. Тайнство страданія, покорность волѣ Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое уныніе, кроткая грусть — вотъ обычное содержаніе и колоритъ его вдохновеній. Присовокупите къ этому прекрасный, мелодическій стихъ — и муза Козлова охарактеризована вполне, такъ что больше о немъ нечего сказать. Впрочемъ его музѣ не чужды и звуки радости, и роскошныя картины жизни, наслаждающейся самой собой.

Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отраженъ волной огнистой
Блескъ прозрачныхъ облаковъ,
И восходитъ царь душистый
Отъ зеленыхъ береговъ.
Сводъ лазурный, томный ропотъ
Чуть дробимыя волны,
Померанцевъ, миртовъ шопотъ
И любовный свѣтъ луны,
Упоенья аромата
И цвѣтовъ, и свѣжихъ травъ,
И вдали напѣвъ Торквата
Гармоническихъ октавъ.
Все вливаетъ тайно радость,
Чувствамъ снится дивный міръ;
Сердце бьется; мчится младость
На любви весенній пиръ.
По водамъ скользятъ гондолы;
Искры брызжутъ подъ весломъ;
Звуки нѣжной баркаролы
Вѣютъ легкимъ вѣтеркомъ.

...
Но густѣ тѣнь ночная;
И красота цвѣтущихъ рой,

Въ пѣгѣ страстной утопая,
Покидаетъ пиръ ночной.
Стихли пышныя забавы;
Все спокойно на рѣкѣ;
Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалекѣ.

Какая роскошная фантазія! Какіе гармоническіе стихи! что за чудный колоритъ — полупрозрачный, фантастическій! И какъ прекрасно сливается эта выписанная нами часть стихотворенія съ другой унылой и грустной, и какое поэтическое цѣлое составляютъ онѣ обѣ!...

Многіе удивлялись въ Козловѣ вѣрности его картинъ природы, яркости ихъ красокъ, — ничего нѣтъ удивительнаго: воспоминаніе прошедшаго сильнѣе въ насъ при лишеніи настоящаго; чего страстно желаемъ мы, то живо и представляемъ себѣ, а чего сильнѣе желаетъ слѣпецъ, какъ не созерцанія картинъ и формъ жизни?

.....
Италія, Торкватова земля,
Ты не была, не будешь мною зрима,
Но какъ ты мной, прекрасная, любима!
Мнѣ видятся полуденныя розы,
Душистые, лимонныя лѣса,
Зеленый миртъ и виноградныя лозы,
И синія, какъ яхонтъ, небеса.
Я вижу ихъ, и тихо льются слезы...
Италія, мила твоя краса,
Какъ первое любви молодой мечтанье,
Какъ чистое младенчества дыханье.
Съ высотъ летятъ сіяющія воды,
Жемчужныя—надъ безднами горятъ;
Таинственныхъ видѣній хороводы,
Прозрачныя—вкругъ горъ твоихъ кипятъ;
Твои моря, не зная непогоды,
Зеленыя—струятся и шумятъ;
Воздушный пиръ—твой вечеръ благодатный
Съ прохладою и нѣгой ароматной.
Луна взошла, а небосклонъ пылаетъ
Послѣднею багряною зарей;
Высокій сводъ безоблачно сіяетъ,
Весь радужной подернуть пеленой,
И яркій лучъ, сверкая, разсыпаетъ
Блескъ розовый надъ сонною волной,
Но гаснетъ онъ подъ ризою ночною;
Заливъ горитъ, осеребренъ луною.

Прекрасновы сказана Козловымъ тайна этихъ видѣній незрящими очами:

Такъ узникъ въ мрачной тишинѣ
Мечтаетъ о красахъ природы,
О солнцѣ яркомъ, о лунѣ,
О томъ, что видѣлъ въ дни свободы.
Уснетъ ли онъ—въ его очахъ
Лѣса, поля, рѣка въ цвѣтахъ,
И пробудясь вздыхаетъ онъ,
Благословляя свѣтлый сонъ.

Козловъ—поэтъ чувства, точно такъ же, какъ Барынский — поэтъ мысли (т. е. поэтического раздумья, а не разсудочнаго резонёрства). Поэтому не ищите у Козлова художественныхъ созданий, глубокихъ и мірообъемлющихъ созерцаній; ищите въ немъ одного чувства, — и вы найдете въ его двухъ книжкахъ много прекраснаго, едва ли не на половину съ посредственнымъ. Отъ этого всѣ переводы его отличаются однимъ колоритомъ—тѣмъ же самымъ, какъ и его оригинальныя произведенія. Укажемъ здѣсь на лучшія изъ тѣхъ и изъ другихъ: „На погребеніе англійскаго генерала сэра Джона Мура“, „Венеціанская ночь“, „Плачь Ярославны“, „Къ Италіи“, „Португальская Пѣсня“, „Къ Радости“, „Добрая Ночь“, „На отъѣздъ“, „Обвороженіе“, „Къ Тирзѣ“, „Романсъ“ (Есть тихая роща у быстрыхъ ключей), „Еврейская Мелодія“, „Вечерній Звонъ“, „Къ Полевой Маргариткѣ“, „Къ тѣни Демона“, „Изъ Байронова „Донъ Жуана“ (О, люблю намъ), „Новые Стансы“, „Романсъ Демона“, „Насъ Семеро“, „Подражаніе сонету Мицкевича“ (Увы! несчастливъ тотъ), „Стансы“ (Настала тѣнь), „Стансы“ (Подражаніе Петраркѣ), „Къ Ней“, „Ночь“ (элегія), „Молитва“ (послѣдняя предсмертная пьеса Козлова) и нѣсколько пьесъ, переведенныхъ изъ Андрея Шенье.

Кстати о переводахъ: „Добрая ночь“, «Обвороженіе» и нѣкоторые другіе напоминаютъ своимъ достоинствомъ образцовые переводы Жуковскаго и показываютъ, что онъ могъ усваивать русской литературѣ драгоцѣннѣйшіе перлы иностранныхъ литературъ.

Не понимаемъ, почему Козловъ никогда не включалъ въ собраніе своихъ сочиненій своей поэмы „Байронъ“, посвя-

щенной Пушкину и напечатанной въ „Новостяхъ Литературы“, издававшихся покойнымъ Воейковымъ, 1824 (книжка десятая, стр. 85). Эта поэма есть апофеоза всей жизни Байрона; въ цѣломъ она не выдержана, но отличается поэтическими частностями.

Это стихотвореніе не помѣщено и въ новомъ, посмертномъ, изданіи сочиненій Козлова. Не понимаемъ также, почему ни въ общемъ оглавленіи пьесъ, ни при заглавіи каждой пьесы отдѣльно не выставлено, откуда она переведена или заимствована. Кажется, стихотвореніе: „Къ Морю“, которымъ начинается вторая часть, переведено Козловымъ изъ Байрона; но вотъ странность: первый куплетъ этой пьесы есть не что иное, какъ извѣстная элегія Батюшкова. Сличите сами.

Вотъ элегіи Батюшкова:

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ,
Есть радость на приморскомъ брегѣ
И есть гармонія въ семъ говорѣ вадовъ,
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ.
Я ближняго люблю—но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то, чѣмъ былъ, какъ былъ моложе,
И то, чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ;
Тобою въ чувствахъ оживаю;
Ихъ выразить душа не знаетъ стройныхъ словъ,
И какъ молчать объ нихъ, не знаю.

А вотъ первая строфа стихотворенія „Къ Морю“.

Отрада есть во тѣмъ лѣсовъ дремучихъ,
Восторгъ живетъ на дикихъ берегахъ,
Гармонія слышна въ волнахъ кипучихъ,
И съ моремъ есть бесѣда на скалахъ.
Мнѣ ближній милъ, но тамъ въ моихъ мечтахъ
Что я теперь, что былъ—позабываю,
Природу я душою обнимаю,
Она милѣй; постичь стремлюся я
Все то, чему нѣтъ словъ, но что таить нельзя.

Не одно ли это и то же?...

На сонъ грядущій. *Отрывки изъ вседневной жизни.*
Соч. графа В. А. Соллогуба. Спб. 1841.

Какъ отраднo посреди различнаго хлама, описаніемъ и взвѣшиваніемъ котораго поневолѣ должна заниматься наша Библіографическая Хроника, встрѣтитъ книгу, непринадлежащую ни къ журнальнымъ, ни къ книгопродавческимъ спекуляціямъ,—книгу, которой авторъ не собиралъ денегъ на подписку за 18 неизданныхъ томовъ, не объявлялъ своихъ претензій на званіе дворецкаго въ русской литературѣ, не писалъ похвалъ самому себѣ на татарско-бѣлорусскомъ нарѣчій, — но въ которой находите просто умъ, талантъ и изящество!

Душа отдыхаетъ при взглядѣ на одну наружную форму этой книги: здѣсь вы встрѣтите имена людей, всѣми уважаемыхъ; вы видите себя въ кругу хорошаго общества; вы увѣрены, что ничто не оскорбитъ чувства приличія, что не встрѣтите дальновидныхъ расчетовъ на легковѣріе публики, ни горячаго заступничества за товарищей; вы спокойны,—эту книгу можно читать безъ перчатокъ.

Начавъ читать ее, вы увлекаетесь занимательностью содержанія, живостью красокъ, изяществомъ разсказа. Вы замѣчаете въ этомъ ряду повѣстей не вялое, безжизненное повтореніе одного и того же, которымъ промышляютъ писаки, по обстоятельствамъ сдѣлавшіеся сочинителями романовъ, трагедій, исторій, чего угодно, только было бы не въ убытокъ,—нѣтъ, вы видите въ этой книгѣ то, что всегда почитается признакомъ истиннаго дарованія,—видите, что каждая повѣсть молодого писателя новый шагъ впередъ, и что съ каждымъ шагомъ его дарованіе мужааетъ и укрѣпляется.

Первая повѣсть „Три Жениха“ отличается въ особенности живымъ изображеніемъ провинціального быта. Содержаніе ея не запутано; нѣсколько смѣшныхъ портретовъ счастливо очерчено; вы дочитываете до конца и жалѣете, зачѣмъ въ такой тѣсной рамѣ сжата эта картина.—Вторая повѣсть представляетъ картину нѣмецкаго городка и разгульный студенческій бытъ. Таже наблюдательность, тѣ же небрежные, но счастливые очерки; однако здѣсь уже не одна смѣшная сторона

жизни, здѣсь мимоходомъ прорывается и глубокое чувство. — „Сережа“ переноситъ васъ въ кругъ свѣтскаго общества. Здѣсь почти одно дѣйствующее лицо, петербургскій молодой человекъ, который не знаетъ, куда дѣвать свое время и сердце; но въ изобрѣтеніи этого характера болѣе глубины, нежели съ перваго взгляда кажется по шутливому, небрежному тону, которымъ написана повѣсть; характеръ этотъ былъ бы достоинъ болѣе подробнаго развитія; въ немъ схвачены на лету основныя черты фізіономіи молодыхъ людей новаго поколѣнія, которые—уже не Онѣгинъ, не графъ Пустинъ... Графъ Соллогубъ первый перенесъ въ литературный міръ эту новую породу романическихъ характеровъ и, какъ ботанистъ, открывшій новое растеніе, можетъ смѣло построить при имени „Сережи“: *mihi*. Неожиданность развязки этой повѣсти показываетъ въ авторѣ уже большую опытность въ расположеніи частей разсказа.

Приступаемъ къ другимъ повѣстямъ, которыя относятся, какъ кажется, ко второму періоду литературной жизни автора. Всѣмъ памятно впечатлѣніе, произведенное на читателей „Исторіей двухъ Калашъ“, когда эта повѣсть въ первый разъ была напечатана въ 1-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1839 года. По вашему мнѣнію, она принадлежитъ къ лучшимъ повѣстямъ, когда либо написаннымъ на русскомъ языкѣ. Естественность и вмѣстѣ оригинальность завязки, искусно протянутая нить разсказа, все болѣе и болѣе раздражающая любопытство читателя, вѣрность въ изобрѣтеніи и изображеніи характеровъ, наконецъ изящество слога, все это вмѣстѣ оправдываетъ наше мнѣніе. Въ „Исторіи двухъ Калашъ“ уже не замѣтно прежней небрежности; но болѣе тщательная обработка подробностей нисколько не повредила живости и естественности слога. Здѣсь нѣтъ ни одного лишняго характера, ни одного не нужнаго для повѣсти описанія. Сапожныхъ дѣлъ мастеръ Іоаннъ - Петеръ - Августъ - Марія Мюллеръ, надворный совѣтникъ Ѳедоренко, органистъ Шульцъ, княгиня, покровительница музыканта, даже настройщикъ,— всѣ эти лица изображены мастерски, каждое имѣетъ только тѣ мысли, которыя оно можетъ имѣть, каждое говоритъ тѣмъ языкомъ, которымъ должно говорить. Эта тайна извѣстна

немногимъ изъ нашихъ романистовъ и драматистовъ. Въ большей части произведеній этихъ господъ, которые вытягиваются нелитературными журналами въ длину и ширину, можно перемѣшать рѣчи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, вынимать любую на угадъ—и выйдетъ одно и то же.

Въ „Исторіи двухъ Калошъ“ замѣчательно искусство, съ которымъ авторъ умѣлъ говорить о предметѣ не совсѣмъ, такъ сказать, литературномъ, какова калоша,—говорить съ непринужденностью: съ приличной шуткой. Можно поручиться, что такой предметъ былъ бы камнемъ преткновенія для „калоши“, какъ говоритъ графъ Соллогубъ, „сардонической, наблюдающей всѣ нравы безъ исключенія, даже нравы тѣхъ гостинныхъ, куда ея не пускаютъ“. Кстати замѣтимъ, что критикъ „Сѣверной Пчелы“ очень серьезно доказывалъ, что непременно надобно писать калоши, а не калоши. Поздравляемъ съ находкой! Еслибъ эти господа ограничивались только такого рода замѣчаніями и наблюденіями, мы не такъ горевали бы объ участи нашей журналистики; но не будемъ мѣшать похожденіямъ этихъ господъ по русской азбукѣ: можетъ быть они когда-нибудь въ ней чему и научатся; пождемъ, потерпимъ...

„Большой Свѣтъ, повѣсть въ двухъ танцахъ“, хотя менѣе предыдущей оригинальна по своей завязкѣ, но весьма занимательна по тщательной, окончательной обдѣлкѣ характера. Впрочемъ характеръ Сафьева, замѣчательный и новый по изобрѣтенію, намъ кажется, слишкомъ преувеличенъ. Его постоянное мщеніе графинѣ, мы думаемъ, продолжается слишкомъ долго. Сверхъ того напрасно скрыта отъ читателя другая половина этого характера: любопытно было бы изобразить, что мыслить и чувствуетъ этотъ загадочный человѣкъ, когда онъ не играетъ комедіи. Его поступки измѣняютъ той промышленной и эгоистической маскѣ которую онъ на себя надѣваетъ; любопытно было бы знать, какимъ образомъ эта маска, носимая съ такимъ постоянствомъ, дѣйствуетъ на внутреннее состояніе его души; любопытно было бы знать печали и страданія, которыя испытываетъ человѣкъ, обречшій себя на такое душевное одиночество, который старается себя убѣдить, что онъ не вѣритъ сочувствію съ другими людьми,

не вѣрить собственной возвышенности духа. Характеру Сафьева тѣсно въ повѣсти: онъ можетъ быть предметомъ весьма занимательнаго и большого романа. Мы весьма желали бы, чтобъ авторъ „Большого Свѣта“ подарилъ насъ такимъ произведеніемъ: въ немъ удобно и кстати могутъ быть изслѣдованы всѣ стихіи нашего вѣка, этого чуднаго боренія вольтеровской насмѣшки и англійскаго матеріализма, съ идеальными, возвышенными порывами поэтовъ и мыслителей.

Но да не примутъ читатели нашей искренней похвалы за пристрастіе къ сотруднику; напротивъ, мы будемъ строги къ молодому автору... Оставляемъ въ сторонѣ опечатки на поживу людей, которые безъ того не имѣли бы насущнаго хлѣба (имъ будетъ чѣмъ поживиться, ибо на эти опечатки не поскупился корректоръ до такой степени, что на 408 страницѣ, вмѣсто слова, которое вѣроятно должно быть: *два противника*, напечатано: *два избранные*, отъ чего фраза потеряла смыслъ); но замѣтимъ опечатки другого рода, въ которыхъ виноватъ уже не корректоръ. Напримѣръ стр. 64: „часто сходилъ я съ людьми съ душой благородной, съ свѣтлымъ умомъ“; въ этой фразѣ странная двусмысленность, которой можно было избѣжать, употребивъ прекрасный, лишь русскому языку свойственный оборотъ: „души благородной, ума свѣтлаго“, какъ напримѣръ „мужъ совѣта“ у Пушкина. На стр. 89 слово *поминала* употреблено вмѣсто „помнила“ или „вспомнила“. На стр. 103 употреблены два глагола въ разныхъ временахъ: „подпирала — устремились“. На стр. 354 вмѣсто: „по мнѣнію свѣта“, точнѣе, по смыслу фразы, было бы сказать: „въ мнѣніи свѣта“. На стр. 368: „такъ, какъ говорилъ я, прошло два года“, не хорошо! На стр. 375: „опять заблужденіе одно отъ него отлетѣло“ — неправильная разстановка словъ: впрочемъ можетъ быть здѣсь и опечатка... Мы могли бы набрать съ десятокъ такихъ обмолвокъ; правда, онѣ бездѣлица, но зачѣмъ при такомъ умѣнни владѣть языкомъ, при такой естественной гибкости слога, зачѣмъ, повторяемъ, даря публику прекраснымъ подаркомъ, не уничтожить этихъ небрежностей и давать поводъ незваннымъ гостямъ въ нашей литературѣ цѣпляться за эти небрежности и питать ими свое корректурное тщеславіе, которое этимъ

господамъ замѣняетъ всѣ возможные таланты и свѣдѣнія?... Мы увѣрены что авторъ отдѣляется отъ этихъ небрежностей при второмъ изданіи своей книги, въ необходимости котораго невозможно сомнѣваться.

Объемъ библиографической статьи не позволяетъ намъ ни рассказать содержанія повѣстей, ни обратить вниманіе на многія и многія страницы, блестящія неподдѣльнымъ, непри-
нужденнымъ остроуміемъ, къ которому не пріучили насъ наши романисты, — на другія страницы, отличающіяся истиннымъ высокимъ краснорѣчіемъ, — на цѣлыя сцены, одушевленные глубокимъ чувствомъ и вѣрной наблюдательностью. Прочтите напимѣръ сцену бала (193 по 200 стр.); сцену концерта (213 по 217); сцену похоронъ княгини (242 по 248); сцену въ церкви (157 по 161), или послѣднія главы „Большого Свѣта“ (стр. 410 по 428). Прочтите небольшое письмо любовника, этотъ камень преткновения для обыкновенныхъ романистовъ (стр. 224). Это письмо въ нѣсколько строкъ, но оно требовало больше таланта и знанія человѣческаго сердца, нежели составленіе цѣлой повѣсти. Хотите ли сцену въ другомъ родѣ (стр. 372 и 373):

„Всѣхъ болѣе надобѣ ему маленькій фантикъ съ мужицкой прической, съ цѣпочкой, съ лорнетомъ, который не давалъ ему покоя.

— А! bonjour, очень радъ васъ здѣсь встрѣить. Мы въ театрѣ очень часто видимся. Кто вамъ больше нравится: Allan или Taglioni? Вообразите, я видѣлъ пятнадцать разъ сряду „Гитану“. Я всегда во французскомъ театрѣ. Что дѣлать?... Люблю Allan; насъ въ театрѣ нѣсколько человѣкъ всегда вмѣстѣ. — Петруша, Ваня .. Вы знаете Петрушу, графа Петра В., и Ваню, князя Ивана? Славные ребята! Я съ ними неразлученъ. Обѣдаемъ каждый день почти вмѣстѣ у Кулона или у Legrand. Какъ по вашему, кто лучше, Legrand или Coulon? Хорошъ Legrand! Дорогъ, нечего сказать, а мастеръ своего дѣла! — Вы много ѣздите въ свѣтъ, слышалъ я. — Скажите, пожалуйста, етъ въ каню авекъ ле Чуфыринъ э ле Курмицынъ? — „Нѣтъ!“ — Жалко! Очень у нихъ весело! Ужъ не такіе вечера, — продолжалъ онъ, наклонясь на ухо Леонина и улыбаясь лукаво, — ужъ не такіе вечера, какъ здѣсь; почище, гораздо почище. Въ комнатахъ освѣщено прекрасно, а за ужиномъ не подають чортъ знаетъ что. Курмицыны долго были за-границей и живутъ совершенно на иностранный генге. Славные вечера! Я очень хорошъ въ домѣ. Хотите, я васъ представлю? Я съ ними очень дружень...”

Не правда ли, что вы встрѣчали этого фантика? непременно встрѣчали! Онъ живой передъ вами. Увѣряемъ автора,

что его господинъ „етъ ву каню“ войдетъ въ пословицу и останется вѣчнымъ... какъ бишь это называется, типомъ что ли? — въ исторіи нашихъ нравовъ.

Не желая предупреждать любопытства читателей, мы написали здѣсь небольшія отдѣльныя строки; но повѣсти графа Соллогуба производятъ наибольшее впечатлѣніе въ своей цѣлости, а остроумная его наблюдательность усыпала ихъ такими неожиданными и тонкими подробностями, которыя непереносимы въ критику. Нельзя не подивиться, какъ хорошо извѣстны молодому писателю всѣ классы нашего общества: и большой свѣтъ, и быть поселянъ, и средній классъ, и жизнь нѣмцевъ, и студенческій бытъ, и провинціальные обычаи, — и, что всего важнѣе, всѣ рассказы его согрѣты теплымъ чувствомъ любви и проникнуты благородствомъ мыслей; здѣсь тайна того сочувствія съ читателями, котораго никогда не постигнуть люди, думающіе, что можно писать безъ вдохновенія, даже безъ убѣжденія, и что въ искусствѣ, какъ въ ремеслѣ: стоитъ только набить руку, чтобъ попасть въ литераторы.

Оканчивая статью, мы не можемъ не принести жертвы промышленному духу нашего времени. Вспоминая хорошія повѣсти, у насъ существующія, мы нашли, что русская литература нашего времени не совсѣмъ бѣдна ими, — и потому думаемъ, что тотъ затѣялъ бы хорошее дѣло, кто собралъ бы въ одну книгу всѣ повѣсти, донинѣ изданныя особо или разсѣянные по журналамъ: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, князя Одоевскаго, графа Соллогуба, Даля, Павлова, псевдонима А. Н., Панаева, Гребенки и другихъ. Такое собраніе необходимо имѣло бы успѣхъ въ Россіи и послужило бы пособіемъ для иностранцевъ, которые, съ недавняго времени такъ прилежно занимаются русской литературой и которые будучи обмануты пышными объявленіями литературныхъ спекулянтовъ, принимаютъ за переводы издѣлій, нисколько не достойныхъ этой чести и только поселяющихъ весьма странное мнѣніе о нашей литературѣ на чужой сторонѣ, гдѣ не могутъ быть извѣстны всѣ домашнія сдѣлки нашихъ чернильныхъ витязей.

Фритіофъ, скандинавскій богатырь. Поэма Тегнера
въ русскомъ (?) переводѣ Я. Грота. Гельсингфорсъ 1841.

Мы виноваты передъ скандинавскимъ рыцаремъ, которому съ чего-то вздумалось назваться „богатыремъ“: еще въ прошлой книжкѣ слѣдовало бы намъ отдать о немъ отчетъ публикѣ; но срочность журнальной работы часто отвлекаетъ отъ хорошей книги, именно потому, что она хороша и требуетъ отзыва болѣе обдуманнаго, и обращаетъ перо рецензента къ кучѣ вздоровъ, отъ которыхъ можно скоро отдѣлаться, только слегка заглянувъ въ нихъ. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ обращаемся теперь къ „Фритіофу“.

„Фритіофъ“ — поэма шведскаго поэта Тегнера, созданная имъ изъ народныхъ сказокъ и преданій, слѣдовательно по преимуществу произведеніе народное, которое должно быть мало доступно и мало интересно для всякой другой публики, кромѣ шведской. Но „Фритіофъ“, несмотря на свою народность, общедоступенъ, понятенъ и въ высшей степени интересенъ для всякой публики и на всякомъ языкѣ, если переданъ хоть такъ хорошо, какъ передалъ его на русскій языкъ Гротъ. Причина этому—обще-человѣческое содержаніе и самый характеръ скандинавской народности. Чтобъ эта мысль была для всѣхъ ясна, мы должны въ краткомъ очеркѣ изложить содержаніе „Фритіофа“.

Фритіофъ, сынъ Торстена Витингсона, бонда (владѣльца земли, вассала) и брата по оружію кснунга (вождя, государя) Бела, воспитывается у Гильдинга, стараго бонда, вмѣстѣ съ Ингеборгой, дочерью конунга Бела. Оба они любятъ друга друга съ самой нѣжной юности.

Стоить ли День на небосводѣ—
Сей златовласый царь земли—
И жизнь кипитъ въ обычномъ ходѣ,
Другъ другомъ заняты они.
Стоить ли Ночь на небосводѣ—
Мать темновласая земли—
И все молчитъ при звѣздномъ ходѣ,
Другъ другомъ заняты они.
—„Земля! цвѣтами молодыми
Свое чело ты убрала;

Отдай мнѣ лучшіе, чтобъ ими
Я увѣнчать его могла.“

—„Ты, Море, перлами обило
Свой влажный, сумрачный чертогъ:
Отдай мнѣ лучшіе, чтобъ милой
Я ожерелье сдѣлать могъ.“

—„Златое Солнце, міра око,
Звѣзда съ Одинова чела!
Будь ты моимъ,—твой кругъ широкой
Ему бъ на шить я отдала!“

—„О Мѣсяцъ, Мѣсяцъ серебристый,
Свѣча Одиновыхъ палатъ!
Будь ты моимъ,—твой обликъ чистый
Я бъ милой отдалъ на нарядъ.“

Гильдингъ говоритъ сыну, что Ингеборга ему неровня, и что потому онъ долженъ забыть свою любовь, Фритіофъ отвѣчаетъ.

Нѣтъ, вольный мужъ не уступаетъ;
Ему весь міръ въ наслѣдье данъ:
Судьба неровное равняетъ;
Вѣнцомъ надежды я вѣнчанъ.
Знатна могущества порода:
Живъ Торъ среди своихъ палатъ;
Онъ хочетъ доблести—не рода;
Товарищъ мечъ—вѣрнѣйшій сватъ.
Я бъ за невѣсту, не блѣднѣя,
И противъ бога грома сталъ.
Цвѣти, цвѣти, моя лилея,
А кто разрознитъ насъ—пропалъ!

Конунгъ Белъ созываетъ дѣтей.

Къ закату—началъ конунгъ—мой день пришелъ;
Мнѣ медъ уже не вкусенъ, мнѣ шлемъ тяжелъ.
Во взорахъ мракъ скрываетъ юдоль земную,
Валгалла ярче блещетъ; то смерть я чую.

Белъ, по обычаю скандинавскому, запрещающему героямъ умирать естественной смертью на постели, вмѣстѣ съ другомъ и сподвижникомъ своимъ, Торстеномъ Викингсономъ, рѣшается умереть отъ меча. Его завѣщаніе дѣтямъ дышитъ исполинскимъ величіемъ скандинавской поэзіи и міѳологіи. По смерти конунга Бела владѣніе его наслѣдуютъ сыновья его, Гелгъ и Гальфданъ; Фритіофъ одинъ наслѣдуетъ владѣнія своего отца.

На три мили въ три стороны земли его простирались,
 Доли, холмы и горы; четвертой касалось море.
 Холмы увѣнчаны были березовымъ лѣсомъ; на скатахъ
 Стлались ячмень золотой и рожь въ вышину человѣка.
 Тамъ зеркалами лежали озера межъ горъ и межъ рощей,
 Гдѣ круторогіе лоси гуляли царственнымъ шагомъ
 И изъ несчетныхъ токовъ студеною черпали воду.
 Въ долахъ обширныхъ паслись на злакѣ стада, и лоснилась
 Шерсть у нихъ и ждали сосцы вождѣнныхъ сосудовъ.

Фритіофъ сватается за Ингеборгу. Его объясненіе съ Ингеборгой—верхъ поэзіи. Гелгъ, братъ Ингеборги, съ презрѣніемъ отказываетъ Фритіофу въ рукѣ сестры своей. Рингъ, престарѣлый владѣтель Нордландіи (Норвегіи), хочетъ жениться на Ингеборгѣ:

Она молода еще: знаю, что ей
 Угоднѣе были бы розы;
 А я ужъ отцвѣлъ: надъ главою моею
 Межъ рѣдкихъ кудрей
 Ужъ снѣгъ разсыпаютъ морозы.
 Но ежели можетъ она полюбить
 Меня, старика съ сѣдиною,
 И матерью сирымъ готова служить:
 То тронъ раздѣлить
 Угрюмая Осень желаетъ съ Весною.

Гелгъ отказываетъ Рингу, и Рингъ идетъ на него войной. Братья просятъ помощи Фритіофа — онъ отказываетъ. Ингеборга заключена въ храмъ Бальдера; Фритіофъ тайно видится съ нею тамъ. Невозможно дать понятія о полнотѣ лиризма, о возвышенной прелести поэзіи, съ которыми изображены эти свиданія. Пѣснь VIII поэмы, содержащая въ себѣ прощаніе Фритіофа съ Ингеборгой—торжество поэзіи. Гелгъ, узнавъ о тайныхъ свиданіяхъ, народнымъ судомъ изгоняетъ Фритіофа изъ отечества. Фритіофъ, объявляя это Ингеборгѣ, преклоняетъ ее бѣжать съ нимъ. Она отвергаетъ его предложеніе и говоритъ ему:

Мой другъ, будь мудръ! уступимъ грознымъ Норнамъ:
 Все отдадимъ, но честь свою спасемъ;
 Мы счастья уже спасти не можемъ,
 Должны разстаться.

Фритіофъ. Почему жъ должны?
Не потому ль, что ты безсонной ночью
Разстроена?

Ингеборга. Нѣтъ, потому что должно
Намъ сохранить достоинство свое.

Фритіофъ. Вамъ, женщинамъ, достоинство дается
Лишь нашей любовью.

Ингеборга. Не прочна
И самая любовь безъ уваженія.

Фритіофъ. Упрямствомъ трудно заслужить его.

Ингеборга. Любить свой долгъ—похвальное упрямство.

Фритіофъ. Вчера былъ долгъ въ ладу съ любовью нашей.

Ингеборга. И нынче, но бѣжать онъ запрещаетъ.

Фритіофъ. Необходимость намъ велитъ бѣжать.

Ингеборга. Лишь благородное необходимо.

Фритіофъ. Ужъ солнце высоко, проходитъ время.

Ингеборга. Увы! оно шло ужъ не возвратно.

Фритіофъ. И такъ, рѣшенія ты не перемѣнишь?

Подумай...

Ингеборга. Все обдуманно давно.

Фритіофъ. Прости же, Гелгова сестра, прости!

Наконецъ эта твердость героическаго рѣшенія Ингеборги уступаетъ мѣсто нѣжному изліянію любящаго женственнаго сердца,—накипѣвшее чувство изливается тихимъ, но быстрымъ потокомъ страдающей любви. Фритіофъ говоритъ ей: „ты побѣдила!“, оставляетъ ей на память золотое запястье и уходитъ. Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ IX — „Плачь Ингеборги“, полный невыразимой поэзіи.

Фритіофъ не совсѣмъ изгнанъ изъ отчизны, но на него только возложенъ подвигъ — взять дань съ ярла Ангантира, владѣтеля Оркадскихъ острововъ, который всегда платилъ дань Белу, но по смерти его пересталъ. Коварный Гелгъ вызываетъ изъ моря злыхъ духовъ—море волнуется, но Фритіофъ восклицаетъ:

Весело мнѣ, братья,
Съ бурей бороться,
Бурѣ и норману
На морѣ житье.

Ингеборгѣ стыдно бѣ
Стало, еслибъ въ пристань
Полетѣлъ отъ вѣтра
Вѣрный ей орелъ.

Онъ побѣждаетъ чудищъ и бурю, пристаётъ къ берегу и переноситъ на него своихъ товарищей, выбившихся изъ силъ. У Ангантира пиръ. Одинъ изъ его воиновъ, берсеркъ, бьется

съ Фритіофомъ; выбивъ у берсерка мечъ, Фритіофъ бросаетъ свой, желая сражаться равнымъ оружіемъ. Они сплетаются руками — и Фритіофъ наступилъ колѣномъ на грудь врага, говоря, что еслибъ съ нимъ былъ мечъ, онъ закололъ бы его. „Возьми свой мечъ, — отвѣчаетъ ему берсеркъ: — а я буду лежать и ждать“. Пораженный такой доблестью врага, Фритіофъ мирится съ нимъ. Слѣдуетъ описаніе пира у Ангантира. Ангантиръ, изъ уваженія къ Фритіофу, обѣщаетъ платить дань, велитъ своей прекрасной дочери потчивать гостя виномъ и приглашаетъ его прогостить у нихъ до лѣта. Наконецъ Фритіофъ возвращается на родину и узнаетъ, что Ингеборга — жена Ринга, который добылъ ее огнемъ и мечомъ... Между прочимъ старый Гильдингъ рассказываетъ Фритіофу, что Гелгъ, увидѣвъ на рукѣ сестры своей его запястье, снялъ и надѣлъ на кумиръ бога Бальдера. Фритіофъ преисполняется дикимъ негодованіемъ и сжигаетъ храмъ бога Бальдера. Фритіофъ — снова изгнанникъ и мчится на югъ по волнамъ моря... Пѣснь XV заключаетъ въ себѣ морской уставъ *викинговъ* (такъ назывались младшіе сыновья конунговъ, долженствовавшіе орудіемъ снискивать себѣ счастье); въ этомъ уставѣ — символъ вѣры и политическій кодексъ нормана:

Ни шатровъ на судахъ, ни ночлега въ домахъ: супостатъ за дверью
ми стережетъ;
Спать на ратномъ щитѣ, мечъ булатный въ рукѣ, а шатромъ —
голубой небосводъ.
Какъ у Фрея, лишь въ локоть будь мечъ у тебя; малъ у Тора
громащаго млатъ;
Есть отвага въ груди — ко врагу подойди, — и не будетъ коротокъ
булатъ.
Какъ разыграетъ гроза, подыми паруса: подъ грозою душъ ве-
селѣй.
Пусть гремитъ, пусть реветъ: трусь — кто парусъ советъ: чѣмъ
быть трусомъ, погибни скорѣй.
Чти на сушѣ миръ дѣвъ, на судахъ нѣтъ имъ мѣсть: будь то Фрея,
бѣги отъ красы.
Ямки розовыхъ щекъ всѣхъ обманчивѣй рвовъ, и какъ сѣти —
шелковы власы:
Самъ Одинъ пьетъ вино, и похмѣлье не зло: лишь храни надъ
собою ты власть.
Надъ землею упавъ, ты подынешся здравъ; здѣсь же къ Ранѣ
страшися упасть.

Ты купца, на пути повстрѣчавъ, защити, но возьми съ него долж-
ную дань.
Ты владыка морей; онъ же прибыли рабъ; благороднѣйшій промы-
сель—брань.
Ты по жребью добро на помостѣ дѣли, и на жребій не жалуйся
свой;
Самъ же конунгъ морской не вступаетъ въ дѣлежъ: онъ доволенъ
и честью одной.
Но вотъ викингъ плыветъ: нападай и рубись; подъ щитами потѣ-
ха бойцамъ.
Кто отстанетъ на шагъ, тотъ не нашъ: вотъ законъ, поступаай,
какъ ты вѣдаешь самъ.
Побѣдивъ, укротись: кто о мирѣ просилъ, тотъ не врагъ уже болѣ
тебѣ.
Дочь Валгаллы мольба; ты дрожащей внимай; тотъ презрѣнъ, кто
откажетъ мольбѣ.
Рана—прибыль твоя: на груди, на челѣ—то прямая украса му-
жамъ;
Ты чрезъ сутки, не прожде, ее повяжи, если хочешь собратомъ
быть намъ.

Наконецъ Фритіофъ рѣшается ѣхать къ Рингу—но не вра-
гомъ, а мирнымъ гостемъ, чтобъ проститься съ Ингеборгой.
У Ринга былъ пиръ, когда вошелъ въ чертогъ человекъ,
покрытый съ темени до ногъ медвѣжьей шкурой, и который,
какъ ни изгибался надъ нищенской клюкой, но все былъ выше
всѣхъ другихъ. Онъ сѣлъ у дверей; одинъ изъ придворныхъ
вздумалъ надъ нимъ посмѣяться, и пришлецъ могучей рукой
поставилъ его вверхъ ногами. Конунгъ, довольный его смѣ-
лымъ отвѣтомъ, просить сбросить личину—врага веселія:
тогда явился глазамъ всѣхъ богато одѣтый юноша. Рингъ
воскликаетъ: „хоть и страшенъ Фритіофъ, но одержу надъ
нимъ верхъ, при помощи Фрей, Тора и Одина“. Отвѣтъ Фри-
тіофа—громъ и молнія. Онъ называетъ себя другомъ дѣтства
Фритіофа и клянется быть его защитникомъ.

Тогда съ улыбкой конунгъ сказалъ: „Твой смѣлъ языкъ;
Но рѣчь вольна въ чертогахъ у сѣверныхъ владыкъ;
Жена, попотчуй гостя вкуснѣйшимъ ты виномъ;
Надѣюсь, съ незнакомцемъ мы зиму проведемъ.“
Весна. Рингъ собрался на охоту.
Вотъ сама царица лова! Бѣдный Фритіофъ, не гляди!
Какъ звѣзда, она сіяетъ на богатой лошади—
Это Фрея, это Рота, но еще прекраснѣй ихъ;
На главѣ уборъ пурпурный съ вязкой перьевъ голубыхъ.

Не гляди на свѣтлы очи, не смотри на блескъ кудрей!
 Дальше! стань ея такъ строень, перси такъ полны у ней!
 Не любуйся на лилей и на розы этихъ щекъ,
 Не лови ты звуковъ сладкихъ, будто вешній вѣтерокъ!

Фритіофа мучить грустное раздумье; онъ уже раскаявается, что увидѣлъ Ингеборгу. Между тѣмъ вмѣстѣ съ Рингомъ онъ отстаетъ отъ охотниковъ, и усталый Рингъ хочетъ отдохнуть; Фритіофъ стелетъ на травѣ плащъ, и Рингъ преклоняется головой къ его колѣнамъ. Демонъ искушенія, въ видѣ черной птицы, преклоняетъ Фритіофа убить спящаго Ринга; пѣсня бѣлой птицы прогоняетъ искушеніе — Фритіофъ далеко отъ себя бросаетъ мечъ свой. Тогда Рингъ признается ему, что его сонъ былъ притворный; онъ зналъ, что его гость не кто иной, какъ „ужасъ народовъ и боговъ“ — Фритіофъ.

Сѣдъ я, видишь; скоро подъ курганомъ буду я;
 Ты тогда возьми и край мой, и жену: она—твоя.
 Будь дотолѣ нашимъ гостемъ: я—второй тебѣ отецъ;
 Безъ меча ты—мой защитникъ; нашей давней прѣ конецъ.

Фритіофъ отъ всего отказывается и хочетъ ѣхать въ море, на борьбу съ бурями, на битвы, которыя однѣ могутъ заглушить мученія его совѣсти за сожженіе храма Бальдера и утишить волненіе его страсти. Это сама поэзія, — мрачная, гордая, могучая поэзія сѣвера.

Рингъ умираетъ, и народъ, избирая Фритіофа опекуномъ его сына и правителемъ страны, требуетъ, чтобъ онъ женился на Ингеборгѣ; но Фритіофъ возвращается на родину, воздвигаетъ новый, великолѣпный храмъ Бальдеру, узнаетъ о смерти Гелга и, подходя къ Гальфдану для примиренія—

„Въ сей распрѣ—съ кротостью сказалъ онъ—будетъ тотъ
 Великодушнѣй, кто сперва предложитъ миръ.“
 Тутъ Гальфданъ, покраснѣвъ, совлекъ съ руки своей
 Желѣзную перчатку, и опять сплелись
 Давно разрозненные длани: какъ скала,
 Надежно, крѣпко было рукожатъе то!
 Старикъ тогда сложилъ проклятіе съ главы
 Изгнанника,—того, кто „Волкомъ Храма“ слылъ.
 И тотъ же мигъ явилась Ингеборга къ нимъ,
 Въ нарядѣ брачномъ, въ горностаевомъ плащѣ,
 И двѣ шли за ней, какъ звѣзды за луной.

Въ слезахъ она въ объятъ Гальфдана спѣшить,
А онъ, растроганный, прекрасную сестру
Склоняетъ къ Фритіофу на грудь. И вотъ она
Предъ жертвенникомъ руку предаетъ тому,
Кого отъ сердца любить, кто ей съ дѣтства милъ.

Вотъ содержаніе поэмы лауреата Швеціи. Какіе элементы жизни, и какъ было такому даровитому поэту не создать изъ нихъ такой превосходной поэмы! Великодушное героичество, неукротимая, рьяная любовь, стремленіе къ славѣ и великимъ дѣламъ, ненасытимая жажда мести за оскорбленную честь и достоинство — и готовность прощать; бурное, гордое вольнолюбіе — и благоговѣйное уваженіе къ законамъ нравственности и истины; любовь къ женщинѣ могучая, безпредѣльная, страстная и вмѣстѣ кроткая, нѣжная, покорная, дѣвственная, чистая: — вотъ они, эти романтическіе элементы, это зерно будущаго рыцарства! А между тѣмъ нравы дики, воинственность отзывается звѣрствомъ, право сильнаго торжествуетъ, кровь льется безпрестанно! Да, народная поэзія такого племени доступна всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ: изъ нея смѣло могутъ черпать поэты новѣйшаго времени и изъ ея элементовъ созидать произведенія міровыя и вѣчныя. Все дѣло въ идеѣ; чѣмъ общѣе идея, тѣмъ родственнѣе духу человѣческому форма, выразившая ее. А какая же идея общѣе, человѣчнѣе, родственнѣе всѣмъ вѣкамъ и народамъ, какъ не идея мужества, доблести, правды, любви, и всего, чѣмъ гордится человѣчество, въ чемъ люди сознаютъ свое братство, свое единокровное родство въ Богѣ?..

Не зная подлинника, не можемъ утвердительно судить о достоинствѣ поэмы Тегнѣра; можемъ сказать только, что чѣмъ болѣе нравился намъ переводъ Грота, тѣмъ несравненно выше представлялся нашей фантазіи подлинникъ... Какіе грандіозные образы, какая сила, энергія въ чувствѣ, какая свѣжесть красокъ, какой дивно поэтическій колоритъ! Это совершенно новый, оригинальный міръ, полный безконечности, величавый и сумрачный, какъ даль океана, какъ вѣчно суровое небо сѣвера, опирающееся на исполинскія сосны... Отъ всей души благодаримъ Грота за его прекрасный подарокъ русской публикѣ...

Что касается до достоинства перевода, — нельзя не отдать

полной справедливости таланту Грота, какъ переводчика. Онъ умѣлъ сохранить колоритъ скандинавской поэзіи подлинника, и потому въ его переводѣ есть жизнь, — а это уже великая заслуга въ дѣлѣ такого рода! Жаль только, что между прекрасными стихами у него нерѣдко попадаются стихи прозаическіе, неточность въ выраженіи, а оттого и темнота. Можетъ быть это происходило и отъ желанія быть какъ можно вѣрнѣе смыслу подлинника: въ такомъ случаѣ мы самые недостатки готовы принять за достоинство, тѣмъ болѣе, что со временемъ Гроту легко будетъ исправить ихъ. Впрочемъ нѣкоторыя пѣсни переведены прекрасно, особенно XIX-я. Намъ очень нравится, что Гротъ каждую пѣсню переводилъ размѣромъ подлинника. Такъ какъ форма всегда соотвѣтствуетъ идеѣ, то размѣръ отнюдь не есть случайное дѣло, и измѣнить его въ переводѣ—значить поступить произвольно. Можетъ быть такой переводъ будетъ и выше самаго подлинника, но тогда онъ—уже передѣлка, а не переводъ...

Герой Нашего Времени. Соч. М. Лермонтова. Изданіе второе. Спб. 1841. Двѣ части.

Давно ли привѣтствовали мы первое изданіе „Героя Нашего Времени“ большой критической статьей и, полные гордыхъ, величавыхъ и сладостныхъ надеждъ, со всѣмъ жаромъ убѣжденія, основаннаго на сознаніи, указывали русской публикѣ на Лермонтова, какъ на великаго поэта въ будущемъ, смотрѣли на него, какъ на преемника Пушкина въ настоящемъ!.. И вотъ проходитъ не болѣе года, — мы встрѣчаемъ новое изданіе „Героя Нашего Времени“ горькими слезами о невозвратимой утратѣ, которую понесла осиротѣлая русская литература въ лицѣ Лермонтова!.. Несмотря на общее, единодушное вниманіе, съ какимъ приняты были его первые опыты, несмотря на какое-то безусловное ожиданіе отъ него чего-то великаго,—наши восторженные похвалы и радостные привѣты новому свѣтилѣ поэзіи для многихъ благоразумныхъ людей казались преувеличенными. Слава ихъ благоразумію,

такъ много теперь выигравшему, и горе намъ, такъ много утратившимъ!.. Въ сознаниі великой, невознаградимой утраты, въ полнотѣ ѣдкаго, грустнаго чувства, отравляющаго сердце, мы готовы великодушно увеличить торжество осторожнаго въ своихъ приговорахъ сомнѣнія, и охотно сознаться, что, говоря такъ много о Лермонтовѣ, мы видѣли болѣе будущаго, нежели настоящаго Лермонтова,—видѣли Алкида, въ колыбели удушающаго змѣй зависти, но еще не Алкида, сражающаго ужасной палицей лернейскую гидру... Да, все написанное Лермонтовымъ еще недостаточно для упроченія колоссальной славы, и болѣе значительно какъ предвѣстіе будущаго, а не какъ что-нибудь положительно и безотносительно великое, хотя и само по себѣ все это составляетъ важный и примѣчательный фактъ, рѣшительно выходящій изъ круга обыкновеннаго. Первые лирическія пьесы „Русланъ и Людмила“ и „Кавказскій Плѣнникъ“ еще не могли составить славы Пушкина, какъ великаго мірового поэта; но въ нихъ уже видѣлся будущій создатель „Цыганъ“, „Онѣгина“, „Бориса Годунова“, „Моцарта и Сальери“, „Скупого Рыцаря“, „Русалки“, „Каменнаго Гостя“ и другихъ великихъ поэмъ... Толпа судить и дѣлаетъ свои приговоры заднимъ числомъ; она говоритъ, когда уже не боится проговориться. Толпа идетъ ощупью и о твердости встрѣченнаго ею предмета судить по силѣ толчка, съ которымъ наткнулась на него. Оставляя за толпой право видѣть вещи не иначе, какъ оборачиваясь назадъ, не будемъ отнимать права у людей заглядывать впередъ и — по настоящему предсказывать о будущемъ... Всякому свое: толпѣ кричать, людямъ мыслить... Пусть же кричитъ она, а мы снова повторимъ: новая великая утрата осиротила бѣдную русскую литературу!..

Самыя первыя произведенія Лермонтова были ознаменованы печатію какой-то особенности; они не походили ни на что являвшееся до Пушкина и послѣ Пушкина. Трудно было выразить словомъ, что въ нихъ было особеннаго, отличавшаго ихъ даже отъ явленій, которыя носили на себѣ отблескъ истиннаго и замѣчательнаго таланта. Тутъ было все — и самобытная, живая мысль, одушевлявшая обаятельно прекрасную форму, какъ теплая кровь одушевляетъ молодой орга-

низмъ и яркимъ, свѣжимъ румянцемъ проступаетъ на лани-
тахъ юной красоты; тутъ была и какая-то мощь, горделиво
владѣвшая собой и свободно подчинявшая идеѣ своиравные
порывы свои; тутъ была и эта оригинальность, которая, въ
простотѣ и естественности, открываетъ собой новые, дотолѣ
невиданные міры, и которая есть достояніе однихъ геніевъ;
тутъ было много чего-то столь индивидуальнаго, столь тѣсно
соединеннаго съ личностью творца, — много такого, что мы
не можемъ иначе охарактеризовать, какъ назвавши „Лермон-
товскимъ элементомъ“... Какой избытокъ силы, какое разно-
образіе идей и образовъ, чувствъ и картинъ! Какое сильное
сліяніе энергіи и граціи, глубины и легкости, возвышенности
и простоты! Читая всякую строку, вышедшую изъ подъ пера
Лермонтова, будто слушаешь музыкальные аккорды и въ то
же время слѣдишь взоромъ за потрясенными струнами, съ
которыхъ сорваны они рукой невидимой... Тутъ, кажется,
соприсутствуешь духомъ таинству мысли, рождающейся изъ
ощущенія, какъ рождается бабочка изъ некрасивой личинки...
Тутъ нѣтъ лишняго слова, не только лишней страницы;
все на мѣстѣ, все необходимо, потому что все перечув-
ствовано прежде, чѣмъ сказано, все видѣно прежде, чѣмъ
положено на картину... Нѣтъ ложныхъ чувствъ, ошибо-
чныхъ образовъ, натянутого восторга: все свободно, безъ
усилія, то бурнымъ потокомъ, то свѣтлымъ ручьемъ, изли-
лось на бумагу... Быстрота и разнообразіе ощущеній поко-
рены единству мысли; волненіе и борьба противоположныхъ
элементовъ послушно сливаются въ одну гармонію, какъ
разнообразіе музыкальныхъ инструментовъ въ оркестрѣ, по-
слухныхъ волшебному жезлу капельмейстера... Но главное—
все это блещетъ своими, незаимствованными красками, все
дышетъ самобытной и творческой мыслью, все образуетъ
новый, дотолѣ невиданный міръ... Только дикіе невѣжды,
черствые педанты, которые за буквой не видятъ мысли
и случайную внѣшность всегда принимаютъ за внутреннее
сходство, только эти честные и добрые витязи букварей и
фоліантовъ могли бы находить въ самобытныхъ вдохновеніяхъ
Лермонтова подражанія не только Пушкину или Жуковскому,
но и Бенедиктову и Якубовичу.

Повторяемъ: небольшая книжка стихотвореній Лермонтова конечно не есть колоссальный монументъ поэтической славы; но она есть живое, говорящее прорицаніе великой поэтической славы. Это еще не симфонія, а только пробные аккорды, но аккорды, взятые рукой юнаго Бетховена... Просвѣщенный иностранецъ, знакомый съ русскимъ языкомъ, прочитавъ стихотворенія Лермонтова, не увидѣлъ бы въ ихъ малочисленности богатства русской литературы, но изумился бы силѣ русской фантазіи, даровитости русской натуры... Нѣкоторыя изъ нихъ законно могли бы явиться въ свѣтъ съ подписью имени Пушкина и другихъ величайшихъ мастеровъ поэзіи... „Герой Нашего Времени“ обнаружилъ въ Лермонтовѣ такого же великаго поэта въ прозѣ, какъ и въ стихахъ. Этотъ романъ былъ книгой, вполне оправдывавшей свое названіе. Въ ней авторъ является рѣшителемъ важныхъ современныхъ вопросовъ. Его Печоринъ—какъ современное лицо—Онѣгинъ нашего времени. Обыкновенные наши поэты жалуются—можетъ быть и не безъ основанія—на скудость поэтическихъ элементовъ въ жизни русскаго общества, но Лермонтовъ въ своемъ „Героѣ“ умѣлъ и изъ этой бесплодной почвы извлечь богатую поэтическую жатву. Не составляя цѣлаго, въ строгомъ художественномъ смыслѣ, почти всѣ эпизоды его романа образуютъ собою очаровательные поэтическія мѣры. „Бѣла“ и „Тамань“ въ особенности могутъ считаться одними изъ драгоцѣннѣйшихъ жемчужинъ русской поэзіи, а въ нихъ еще остается сколько дивныхъ подробностей и картинъ, въ которыхъ съ такой отчетливостью обрисовано типическое лицо Максима Максимовича! „Княжна Мери“ менѣе удовлетворяетъ въ смыслѣ объективной художественности. Рѣшая слишкомъ близкіе сердцу своему вопросы, авторъ не совсѣмъ успѣлъ освободиться отъ нихъ и такъ-сказать, нерѣдко въ нихъ путался; но это даетъ повѣсти новый интересъ и новую прелесть, какъ самый животрепещущій вопросъ современности, для удовлетворительнаго рѣшенія котораго нуженъ былъ великій переломъ въ жизни автора... Но, увы! этой жизни суждено было проблеснуть блестящимъ метеоромъ, оставить послѣ себя длинную струю свѣта и благоуханія и—исчезнуть во всей красѣ своей...

Прекрасное погибло въ пышномъ пвѣтѣ...
 Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!
 Губителемъ неслышнымъ и незримымъ,
 Во всѣхъ путяхъ бѣда насъ сторожить,
 Пріюта нѣтъ главамъ, равно грозимымъ;
 Гдѣ не была, тамъ будетъ и сразить.
 Вотще дерзать въ борьбу съ необходимымъ:
 Житейскаго никто не побѣдитъ.
 Гнетомы всѣ единой грозной силой,
 Намъ всѣмъ сказать о здѣшнемъ счастьѣ: „было!“

Какъ всѣ великіе таланты, Лермонтовъ въ высшей степени обладалъ тѣмъ, что называется „слогомъ“. Слогъ отнюдь не есть простое умѣнье писать грамматически правильно, гладко и складно, — умѣнье которое часто дается безталантности. Подъ „слогомъ“ мы разумѣемъ непосредственное, данное природой умѣнье писателя употреблять слова въ ихъ настоящемъ значеніи, выражаясь сжато, высказывать много, быть краткимъ въ многословіи и плодовитымъ въ краткости, тѣсно сливать идею съ формой и на все налагать оригинальную, самобытную печать своей личности, своего духа. Предисловіе Лермонтова ко второму изданію „Героя Нашего Времени“ можетъ служить лучшимъ примѣромъ того, что значитъ „имѣть слогъ“. Какая точность и опредѣленность въ каждомъ словѣ; какъ на мѣстѣ и какъ незамѣнимо другимъ каждое слово! Какая сжатость, краткость и вмѣстѣ съ тѣмъ многозначительность! Читая строки, читаешь и между строками; понимая ясно все сказанное авторомъ, понимаешь еще и то, чего онъ не хотѣлъ говорить, опасаясь быть многорѣчивымъ. Какъ образны и оригинальны его фразы; каждая изъ нихъ годится быть эпиграфомъ къ большому сочиненію. Конечно это „слогъ“, или мы не знаемъ, что такое „слогъ“...

Немного стихотвореній осталось послѣ Лермонтова. Найдется пьесъ десятокъ первыхъ его опытовъ, кромѣ большой его поэмы — „Демонъ“; пьесъ пять новыхъ, которыя подарилъ онъ редактору „Отечественныхъ Записокъ“ передъ отъѣздомъ своимъ на Кавказъ... Наслѣдіе не огромное, но драгоцѣнное! „Отечественныя записки“ почтутъ священнымъ долгомъ скоро подѣлиться ими съ своими читателями. Лермонтовъ немного написалъ — безконечно меньше того, сколько позволялъ ему

его громадный талантъ. Безпечный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣннй бытія, самый родъ жизни—отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начала устраиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ спокойнѣе сталъ вглядываться въ глубь жизни. Уже затѣвалъ онъ въ умѣ, утомленномъ [су-
етой жизни, созданія зрѣлыя; онъ самъ говорилъ намъ, что замыслилъ написать романтическую трилогію, три романа изъ трехъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣка Екатерины II, Александра I, и настоящаго времени), имѣющіе между собой связь и нѣкоторое единство, по примѣру Куперовской тетралогіи, начинающейся „Послѣднимъ изъ Могиканъ“, продол-
жающейся „Путеводителемъ въ Пустынѣ“ и „Піонерами“ и оканчивающейся „Степями“... какъ вдругъ—

Младой цѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!
Потухъ огонь на алтарѣ!

Нельзя безъ печальнаго содроганія сердца читать этихъ строкъ, которыми оканчивается, въ 63 № „Одесскаго Вѣстника“, статья Андреевскаго „Пятигорскъ“: „15 іюля, около 5-ти часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ: въ это самое время между горами Машукой и Бештау скончался лѣчившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ. Съ сокрушеніемъ смотрѣлъ я на привезенное сюда бездыханное тѣло поэта“...

Друзья мои вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ—
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И вы завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной.

Вы, сны поэзіи святой?
 Быть можетъ, онъ для блага міра
 Иль хотъ для славы былъ рождень;
 Его умолкнувшая лира
 Гремучій, непрерывный звонъ
 Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
 Быть-можетъ, на ступеняхъ свѣта
 Ждала высокая ступень.
 Его страдальческая тѣнь,
 Быть можетъ, унесла съ собою
 Святую тайну, и для насъ
 Погибъ животворящій гласъ,
 И за могильною чертою
 Къ ней не домчится гласъ временъ—
 Благословенія племень!

Стихотворенія графини Е. Растопчиной. Часть I.
Спб. 1841.

Съ 1835 года, если не ошибаемся, почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться стихотворенія, отмѣчаемая таинственной подписью *Гр-ня Е. Р-на*. Само собой разумѣется, что причина подобнаго способа давать о себѣ знать заключалась въ нежеланіи автора быть извѣстнымъ подъ собственнымъ своимъ именемъ — по скромности ли то было, или по не слишкомъ высокому понятію о литературной аренѣ, или по какимъ-нибудь другимъ уваженіямъ. Но поэтическое „инкогнито“ не долго оставалось тайной, и всѣ читатели выговаривали таинственныя буквы опредѣленными и ясными словами: *графиня Е. Растопчина*. Истинный талантъ какъ-то не уживается съ „инкогнито“; къ тому же люди странныя созданія (подлинно — *порожденія крокодиловы!*): иногда они потому именно не знаютъ вашего имени, что вы поторопились сказать его, и добиваются знать и узнаютъ потому только, что вы его скрываете или дѣлаете видъ, что скрываете... Повторяемъ, главная причина того, что литературное инкогнито графини Растопчиной скоро было разгадано, — заключалось въ поэтической прелести и высокомъ талантѣ, которыми запечатлѣны ея прекрасныя стихотворенія. Намъ тѣмъ легче

отдать въ нихъ отчетъ публикѣ, что всѣ они извѣстны каждому образованному и неутомимому читателю русскихъ періодическихъ изданій. Поэтому мы почитаемъ себя вправѣ не прибѣгать къ выпискамъ и чаще ограничиваться только указаніемъ на ту или другую пьесу, для подтвержденія нашего мнѣнія. Постараемся высказать это мнѣніе прямо и откровенно, чуждаясь и безусловнаго удивленія, и преступнаго равнодушія.

Отличительныя черты музы графини Растопчиной—наклонность къ разсужденіямъ и свѣтскость: это муза разсуждающая и свѣтская. Перечтите пьесы: „Страдальцу“, „Полузнакомой“, „Равнодушной“, „Зачѣмъ? отвѣтъ на Что“, „Отринутому поэту“, „На Дону“, „На памятникъ Сусанину“ и нѣкоторыя другія, — во всѣхъ ихъ встрѣтите вы множество вопросовъ, вродѣ слѣдующихъ: „зачѣмъ? уже ль? ты ль это? тебя ль?“ и т. п. „Зачѣмъ“ особенно часто повторяется въ стихотвореніяхъ графини Растопчиной. Даже тѣ пьесы, въ которыхъ нѣтъ прямого вопрошенія, большей частью не иное что, какъ разсужденія въ прекрасныхъ, а иногда и поэтическихъ стихахъ. Несмотря на все уваженіе къ таланту графини Растопчиной, нельзя не замѣтить, что разсужденіе охлаждаетъ даже мужескую и мужественную поэзію и придаетъ ей какой-то однообразный, прозаическій колоритъ. Правда, этого нельзя безусловно отнести къ прекраснымъ медитаціямъ разсматриваемаго нами автора; но все-таки нельзя не сказать, что стихотворенія выиграли бы гораздо больше въ поэзіи, еслибъ захотѣли оставаться поэтическими откровеніями міра женственной души, мелодіями мистики женственнаго сердца: тогда они были бы и любопытнѣе для остальной половины человѣческаго рода, Богъ знаетъ почему присвоившей себѣ право суда и награды. Сохрани насъ Богъ отъ вандальской мысли ограничить поэтическую дѣятельность женщины только той сферой, которая оставлена ей варварствомъ мужчины, однакожь мы думаемъ, что, вступая въ сферы, насильственно присвоенныя себѣ мужчиной, женщинѣ должно имѣть и мужскія силы при женской граціи, подобно гениальной Дюдеванъ...

Исключительное служеніе „богу салоновъ“ также не со-
вѣмъ выгодно. Наши салоны—слишкомъ сухая и безплодная

почва для поэзіи. Правда, они даже и зимой дышатъ ароматомъ или, какъ говоритъ муза графини Растопчиной, „сыплютъ ароматъ“, но этотъ ароматъ искусственный, возросшій на почвѣ оранжерейной, а не на раздольи плодотворной земли, улыбающейся ясному небу. Балъ, составляющій источникъ вдохновеній нашего автора, конечно образуетъ собой обаятельный міръ даже и у насъ, — не только тамъ, гдѣ царитъ образецъ, съ котораго онъ довольно точно скопированъ; но балъ у насъ — заморское растеніе, много пострадавшее при перевозкѣ, помятое, вялое, блѣдное. Поэзія — женщина: она не любитъ показываться каждый день въ одномъ уборѣ; напротивъ, ей нравится каждый часъ являться новой; всегда быть разнообразной — это жизнь ея: а всѣ балы наши такъ похожи одинъ на другой, что поэзія не пошлетъ туда даже и своей ассистентки, не только сама не пойдетъ. Между тѣмъ поэзія графини Растопчиной, такъ сказать, прикована къ балу: даже встрѣча и знакомство съ Пушкинымъ, какъ совершившіяся на балѣ, суть собственно описаніе бала, которое болѣе бы шло къ письму или статьѣ въ прозѣ, чѣмъ съ приемами.

Муза графини Растопчиной не чужда поэтическихъ вдохновеній, дышащихъ не однимъ умомъ, но и глубокимъ чувствомъ. Правда, это чувство ни въ одномъ стихотвореніи не выказалось полно, но сверкаетъ болѣе въ отрывкахъ и частностяхъ, зато эти отрывки и частности ознаменованы печатью истинной поэзіи. Сколько напимѣръ души въ стихахъ:

Но вы, разрозненные рокомъ,
Любимцы блеклые мои,
На лоно матери - земли
Вы принесенные оброкомъ
Съ родимыхъ вѣтвей и вершинъ,
Какъ много думъ и откровеній,
Какъ много горестныхъ видѣній
И занимательныхъ *судьбинъ* (?)
Я вижу въ низкой вашей долѣ!..
Немного будущности въ васъ,
Но все на жизненной юдоли
Переживете вы не разъ
И рано скошенную младость,
И сонъ любви и красоту,
И сердца пламеннаго радость,
И вдохновенную мечту.

Еще болѣе глубокимъ чувствомъ запечатлѣно стихотвореніе „Послѣдній Цвѣтокъ“; это, по нашему мнѣнію, лучшее стихотвореніе въ книжкѣ.

Даже и въ разсуждающихъ стихотвореніяхъ графини Растопчиной встрѣчаются мѣста, озаменованные думой и чувствомъ, — и мы поступили бы неучтиво противъ ея музы, если бы не выписали этихъ стиховъ изъ пьесы „Равнодушной“:

Мой другъ... мнѣ жаль тебя!.. ты молода, прекрасна,
Съ душой чувствительной ты дышишь для любви,
Тебѣ ль, во цвѣтѣ лѣтъ, ошибкою ужасной
Безжалостно, на вѣкъ, убить права свои,
Проститься съ счастьемъ... погибнуть для земли?..
Нѣтъ... вѣрь, Богъ милости, Богъ пламенныхъ моленій,
Не принявъ робкаго отвѣта твоего!
Вѣрь, жертва слезъ твоихъ, постовъ и тревоженій
Противна благодти вселюбящей Его!..
Не Онъ ли создалъ насъ, чтобъ съ кротостью, съ терпѣньемъ
Посланье Ангеловъ въ быту земномъ свершить?..
Не Онъ ли намъ велѣлъ быть міру утѣшенъемъ,
Мужчинѣ гордому путь трудный облегчить,
И отъ житейскихъ смутъ въ немъ сердце охранить?
Не Онъ ли одарилъ насъ пламенной душою,
Намъ сердце, чувство далъ, явилъ въ насъ благодать,
И въ умъ нашъ даръ вложилъ, какъ вѣрой и мольбою
Отступниковъ ума съ святыней примирять?..
Такъ!.. мы посредницы межъ Божествомъ и свѣтомъ,
Намъ цѣль—творить добро, намъ весело *любить*,
И женщина, любовь отвергнувши обѣтомъ,
Не вправѣ болѣе сестрою нашей быть!
Ей темный монастырь! Ей жребій заклеименный!..
Ей гробъ... но съ думами, съ тревогою, съ тоской!..
И горе, горе ей, коль образъ чародѣйный,
Подъ чернымъ клобукомъ сдруженъ съ ея мечтой,
Подъ черной мантией волнуетъ умъ молодой!..

Да, такія думы и чувства доказываютъ, что талантъ графини Растопчиной могъ бы найти болѣе обширную и болѣе достойную себя сферу, чѣмъ салонъ, и что стихи, подобные слѣдующимъ, выражаютъ только мнѣніе, кажется, несправедливое въ отношеніи къ высокому назначенію женщины вообще:

А я, я женщина во всемъ значеніи слова,
Всѣмъ женскимъ склонностямъ покорна я вполне;
Я только женщина... гордиться тѣмъ готова...
Я балъ люблю!.. отлайте балы мнѣ!..

Оглавленіе второго тома.

І. КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

	Стр.
Герой нашего времени.	1
Стихотворенія М. Лермонтова.	96
Русская литература въ 1840 году.	168
Дѣяніе Петра Великаго. Голикова. — Исторія Петра Великаго. Бергмана. — О Россіи въ царствованіи Алексѣя Михайловича. Косихина	216
Сто русскихъ литераторовъ.	276
Римскія элегіи Гете.	312
Русская народная поэзія.	347
Раздѣленіе поэзіи на роды и виды	560
Идея искусства.	635
Общее значеніе слова литература.	657
Общій взглядъ на народную поэзію и ея значеніе. .	700
Труды Императорской Россійской Академіи.	706
Русская литература въ 1841 году.	721
Стихотворенія Аполлона Майкова.	805
Кузьма Петровичъ Мирошевъ.	831
Поэзія Полежаева.	859
Рѣчь о критикѣ А. Никитенко	881
Ничто о ничемъ или отчетъ издателю Телескопа за послѣднее полугодіе (1835) русской литературы . .	956
О критикѣ и литературныхъ мнѣніяхъ „Московского наблюдателя“.	1011

II. БИБЛЮГРАФІЯ.

	Стр.
Очерки русской литературы	1082
Басни Ивана Крылова.	1109
Собраніе стихотвореній Ивана Козлова	1116
На сонъ грядущій.	1125
Фритіофъ, скандинавскій богатырь.	1131
Герой нашего времени,	1139
Стихотворенія графини Е. Растопчиной	1145

LR

B9936s

556359

Byelinsky, Vissarion Grigor'evich
Сочинения.

т.2

[Transliterated: Sochineniya.]

University of Toronto Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

